LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
891.705
RUS
1902
no. 5-6

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUN 26 1985

BUILDING USE ONLY

JUN 26 1985

AUG 14 1991

JUL 31 1991

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/russkaiamysl1902unse_1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ТЕМНЫЙ БЛЕСКЪ. Романъ.—**В. Я. Свѣтлова.** *Окончаніе* . 1

II. БРАТИШКА. Романъ изъ семейной жизни. **Густава Гейерстама.**—Переводъ со шведскаго **А. и П. Ганзенъ** 50

III. ПИСАТЕЛЬ.—**Ольги Лысогорской** 104

IV. СПРУТЪ. Калифорнскій романъ. **Франка Норриса.** Перев. съ англ.—**А. Г.** *Продолженіе.* 127

V. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. П. ОГАРЕВА. Изъ старыхъ тетрадей. . 170

VI. СВАТОВСТВО. Разсказъ.—**А. И. Новикова** 177

VII. ЗАДАЧИ ГИГІЕНЫ ВЪ СЕЛЬСКОЙ РОССІИ.—**М. Я. Капустина.** 1

VIII. ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНГЛІИ. (Boutmy: Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle. Paris, 1901).—**С. А. Котляревскаго.** 28

IX. УПАДОКЪ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ.—**И. В. Аничкова** 50

X. УСЛОВІЯ ВВЕДЕНІЯ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**Н. Бычкова.** 74

XI. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. II. **Вальдекъ Руссо.**—**Х. Г. Инсарова.** 103

XII. ЖИЗНЬ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГЮГО. **Гуго фонъ-Гофмансталя.**—**А. Ч.**. 126

XIII. НЕСЧАСТІЕ КАВКАЗА.—**Ивановича (И. И. Свѣдѣнцова).** . 138

XIV. ФАБРИКА И ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧІЙ.—**Алексѣя Смирнова.** . 152

XV. КОМЕДІИ Н. В. ГОГОЛЯ И ИХЪ ИСПОЛНИТЕЛИ НА СЦЕНѢ МАЛАГО ТЕАТРА ВЪ МОСКВѢ.—**В. М. Михайловскаго.** . . 168

XVI. СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—**Веталиса** 179

XVII. ОБЪ УПАДКѢ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕГО НУЖДАХЪ.—**А. В. Еропкина** 181

Продолжается подписка на 1902 годъ

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 25 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

С каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной, кв. № 9.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ,

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„НОВАЯ БИБЛІОТЕКА".

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой *Индо-Китая* и рисунками въ текстѣ. 115 стр. **Ц. 25 к.** Допущено въ безпл. народн. библ. и читальни, въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. заведен. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. **Ц. 20 коп.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 170 стр. **Ц. 30 к.**

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой. 178 стр.* **Ц. 35 к.** Допущ. въ безпл. нар. библ. и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. **Ц. 20 к.**

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. **Ц. 20 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблицей діаграммъ въ краскахъ. **Ц. 15 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учит. сельскія библ. низш. учеб. зав.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. **Ц. 10 к.**

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. **Ц. 20 к.** Допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Народ. Просв.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Круппа*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. **Ц. 15 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки.—Въ мастерской. *И. А. Данилина.*—Преступники. *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. **Ц. 40 к.**

Разсказы. *Петра Розеггера.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. **Ц. 15 к.**

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой.* 135 стр. **Ц. 25 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. **Башка.** (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. **Ц. 10 к.**

А. И. Эртель. **Офицерша.—Подъ шумъ вьюги.** 77 стр. **Ц. 15 к.**

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячкова.* 91+IV стр. **Ц. 16 к.**

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Съ рисунками. 200 стр. **Ц. 50 к.**

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія журнала „Русская Мысль“.

ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗІИ.

Игнація Матушевскаго.

Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы.

Переводъ со 2-го изданія **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 рубль.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи.

Профессора М. С. Корелина.

Выпускъ I.

ЕГИПЕТСКІЕ БОГИ,

ИХЪ ХРАМЫ И ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Съ 28 рисунками въ текстѣ.

2-е изданіе.

Печатано безъ перемѣнъ съ изданія, одобреннаго для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Цѣна 30 коп.

Контора журнала «Русская Мысль» *(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной)* **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . .	„	біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шевякова		
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 68-й полутомъ (**Углеродъ—Усиліе**).

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 10 вып. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной).

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1902.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ТЕМНЫЙ БЛЕСКЪ. Романъ.—**В. Я. Свѣтлова.** *Окончаніе* .	1
II. БРАТИШКА. Романъ изъ семейной жизни. **Густава Гейерстама.**—Переводъ со шведскаго **А. и П. Ганзенъ**	50
III. ПИСАТЕЛЬ.—**Ольги Лысогорской**	104
IV. СПРУТЪ. Калифорнскій романъ. **Франка Норриса.** Перев. съ англ.—**А. Г.** *Продолженіе*	174
V. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. П. ОГАРЕВА. Изъ старыхъ тетрадей. .	170
VI. СВАТОВСТВО. Разсказъ.—**А. И. Новикова**	177
VII. ЗАДАЧИ ГИГІЕНЫ ВЪ СЕЛЬСКОЙ РОССІИ.—**М. Я. Капустина.**	1
VIII. ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНГЛІИ. (Boutmy: Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle. Paris, 1901).—**С. А. Котляревскаго**	28
IX. УПАДОКЪ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ.—**И. В. Аничкова**	50
X. УСЛОВІЯ ВВЕДЕНІЯ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**Н. Бычкова.**	74
XI. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. II. **Вальдекъ Руссо.**—**Х. Г. Инсарова.**	103
XII. ЖИЗНЬ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГЮГО. **Гуго фонъ-Гофманстала.**—**А. Ч.**	126
XIII. НЕСЧАСТІЕ КАВКАЗА.—**Ивановича. (И. И. Свѣдѣнцова).** .	138
XIV. ФАБРИКА И ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧІЙ.—**Алексѣя Смирнова** . .	152
XV. КОМЕДІИ Н. В. ГОГОЛЯ И ИХЪ ИСПОЛНИТЕЛИ НА СЦЕНѢ МАЛАГО ТЕАТРА ВЪ МОСКВѢ.—**В. М. Михайловскаго.** . .	162

Стр.

XVI. СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—**Веталиса** 179

XVII. ОБЪ УПАДКѢ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕГО НУЖДАХЪ.—**А. В. Еропкина** 185

XVIII. КЪ ВОПРОСУ О ЧЕРНОМОРСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ—**В. А. Гольцева.** 202

XIX. О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. П. ОГАРЕВА.—**Е. С. Некрасовой.** 205

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Распространеніе фабричной инспекціи на Кутаисскую и Черноморскую губ.—Проекты министра финансовъ: 1) Объ отвѣтственности предпринимателей, 2) объ обезпеченіи рабочихъ врачебной помощью, 3) о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ.—Новый органъ горнопромышленниковъ и устройство ими центральнаго агентства.—Кустарный съѣздъ въ Петербургѣ.—Убійство министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина и назначеніе на его мѣсто В. К. фонъ-Плеве.—Увольненіе П. С. Ванновскаго и назначеніе управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія д. с. с. Зенгера.—Занятія особаго совѣщанія о ссудахъ сельско-хозяйственной промышленности.—О ходѣ продовольственной кампаніи.—Изъ жизни провинціи.—† А. М. Лазаревскій 216

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 253

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги**: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Критика.—Политическая экономія, статистика.—Юридическія книги.—Изданія для народа.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1902 г.** 135

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

ТЕМНЫЙ БЛЕСКЪ *).

Романъ.

XII.

— День суда наступилъ! — сказалъ себѣ Путшинъ и кисло улыбнулся.

Собственно говоря, дѣло Сонникова началось уже нѣсколько дней, и Путшинъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ; онъ слушалъ разсѣянно, молча, не принимая никакого участія въ допросѣ свидѣтелей, между тѣмъ какъ прокуроръ постоянно вмѣшивался въ этотъ допросъ и отмѣчалъ что-то у себя на листкѣ.

Нѣсколько разъ Путшинъ поймалъ на себѣ удивленный и любопытный взоръ прокурора; съ неменьшимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него и предсѣдатель, когда, повидимому, наступалъ несомнѣнный и настоящій поводъ для вмѣшательства въ допросъ защиты.

Но онъ упорно молчалъ.

Бородинъ, присутствовавшій на засѣданіяхъ въ качествѣ секретаря Путшина, не могъ придти въ себя отъ изумленія, и желаніе его перейти въ помощники къ другому адвокату, сопернику Путшина, не только окрѣпло въ этихъ засѣданіяхъ суда, но окончательно превратилось въ твердое и неизмѣнное рѣшеніе.

Во время одного изъ перерывовъ Бородинъ, ставшій въ послѣднее время очень смѣлымъ со своимъ патрономъ, сказалъ ему:

— Владиміръ Андреевичъ, былъ прекрасный случай вмѣшаться въ допросъ свидѣтеля Ползикова и получить отличную карту для защиты. Вы упустили этотъ случай.

— Благодарю за напоминаніе и совѣтъ и въ свою очередь даю вамъ совѣтъ, господинъ Бородинъ: не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Онъ круто повернулъ къ нему спину и отошелъ.

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1902 г.

Онъ подходилъ къ группамъ юристовъ, чиновниковъ и видѣлъ смущеніе на ихъ лицахъ. Всѣ замолкали при его приближеніи; очевидно, говорили о немъ и о его странномъ поведеніи на судѣ.

Было много уголовныхъ дамъ. Стоя вблизи одной группы, Путшинъ имѣлъ удовольствіе выслушать о себѣ такой разговоръ:

— Такъ вотъ ваша знаменитость, Путшинъ? — говорила одна дама другой.

— А что? Онъ вамъ не нравится?

— Во-первыхъ, онъ уже не молодъ и лицо его мало интересно...

— Ахъ, что вы!

— Оно сонное. Онъ точно спитъ или мечтаетъ о чемъ-то. Даже врядъ ли слышитъ, что говорятъ въ судѣ.

— Можетъ быть, это его новая манера. Дождитесь рѣчи.

— Дождусь... но онъ такой молчальникъ. Всѣ говорятъ, вмѣшиваются, а онъ—ни слова.

— Говорю вамъ, это его новая манера...

«Все вретъ! — подумалъ Путшинъ, отходя отъ нихъ. — Какая тамъ манера! Просто, я, кажется, нездоровъ».

Онъ хотѣлъ подтянуться, взять себя въ руки, подбодрить себя.

Но это ему не удавалось.

Все время чувствовалъ онъ на себѣ полный мольбы и укора взглядъ Сонникова и разъ, очнувшись отъ своего подавленнаго состоянія, посмотрѣлъ на него успокоительно. Онъ увидѣлъ, что несчастный повѣрилъ ему и расцвѣлъ надеждой.

«Это безсовѣстно,—говорилъ себѣ Путшинъ,—надо же, наконецъ, добросовѣстно исполнить то, за что взялся. Хотя бы только добросовѣстно, если ужъ не талантливо».

И онъ сталъ слушать.

Представился поводъ вступиться, и онъ всталъ, попросивъ слова. Это уже было на третій день процесса, послѣ двухъ дней его упорнаго молчанія.

Всѣ взоры съ жадностью и любопытствомъ направились на него.

Предсѣдатель сочувственно далъ ему разрѣшеніе. Прокуроръ высоко поднялъ брови, какъ бы желая выразить:

«А, наконецъ-то, и ты догадался заговорить!»

И вооружился карандашомъ.

Путшинъ всталъ. Голова его кружилась. Во рту было сухо, и когда онъ обратился къ свидѣтелю, онъ самъ не узналъ своего глухого голоса.

Спросилъ онъ нѣчто незначительное, мелкое, ненужное, и всѣмъ

стало очевидно, что онъ сдѣлалъ это для формы, точно насмѣхаясь надъ судьями, публикой и прокуратурой.

Всѣ переглянулись въ изумленіи, и Путшинъ сѣлъ.

«Я очень волнуюсь,—сказалъ онъ себѣ,—такъ нельзя. Вѣдь это мое генеральное сраженіе, моя послѣдняя ставка. Если я проиграю ее—для меня все кончено. Но завтра, во время рѣчи, поправлюсь.

И вотъ онъ всталъ въ это пасмурное утро и вдругъ почувствовалъ, что вся энергія оставила его за ночь. Какъ будто Зернова увезла ее съ собой за границу.

Онъ мрачно подошелъ къ окну.

Не то дождь, не то снѣгъ валилъ мокрыми хлопьями съ темно-сѣраго неба. Путшину вспомнился паровозъ, напустившій ѣдкаго дыма подъ стеклянный навѣсъ вокзала, когда вчера уѣзжала Зернова.

И ему показалось, что весь Петербургъ покрытъ этимъ стекляннымъ навѣсомъ, и какой-нибудь колоссальный, гигантскій паровозъ напустилъ въ эти улицы своего ѣдкаго желтаго дыма.

Было темно, грязно и мрачно на этихъ пустынныхъ, безлюдныхъ улицахъ, и Путшину вспомнился вечеръ, когда онъ отправлялся на ужинъ въ честь бенефиціанта. Вспомнились ему рѣчи, звуки музыки, его ухаживаніе за Красовой, съ которой онъ давно уже не видался.

Въ послѣдній разъ, что онъ видѣлся съ нею, она смотрѣла на него странно, какъ будто въ ея взорѣ стоялъ нѣмой вопросъ:

«Что съ тобой?»

Онъ говорилъ съ ней вяло, неохотно, и въ концѣ-концовъ она обидѣлась его пренебрежительнымъ, безразличнымъ тономъ.

Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ ея.

Да, тогда, на ужинѣ и началось все это. Началось сближеніе Зерновой съ Дерюгинымъ, а въ немъ началось то, что продолжалось и сегодня, тотъ душевный надломъ, который дѣлается все больше и глубже.

Онъ отошелъ отъ окна и сталъ одѣваться.

Пришелъ Павелъ и робкимъ голосомъ доложилъ, что явился обойщикъ.

— Нашелъ время!—раздраженно вскрикнулъ Путшинъ.—Дай ему водки.

— Онъ отказывается отъ водки и требуетъ денегъ.

— Убирайтесь вы всѣ къ чорту!—дико закричалъ Путшинъ.—Надоѣли!

Павелъ исчезъ.

Путшинъ вдругъ почувствовалъ слабость, усталость, вялость, охлажденіе ко всему.

Онъ подошелъ къ столу, досталъ листы бумаги, на которыхъ была набросана его предполагаемая рѣчь, но потомъ безнадежно махнулъ рукой.

«Какая чепуха!» подумалъ онъ.

Ему захотѣлось отказаться отъ этой защиты. Но развѣ теперь это мыслимо? Всѣ ждутъ этой рѣчи: стенографистки и репортеры воспроизведутъ завтра ее въ газетахъ, и вся грамотная Россія будетъ знать эту рѣчь.

Найдетъ ли онъ въ себѣ достаточно подъема, достаточно нравственныхъ силъ, чтобы воодушевиться въ послѣднюю минуту и съимпровизировать что-нибудь сильное, яркое, блестящее?

Кто знаетъ! Но въ адвокатской практикѣ и это вѣдь бываетъ.

И вдругъ, онъ забылъ и Сонникова, и весь этотъ процессъ, и все связанное съ этимъ процессомъ. Одна Зернова занимала теперь его мысли и даже не она сама, а всякія мелочи ея путешествія. Гдѣ она теперь? Подъѣзжаетъ къ границѣ? Спитъ ли, думаетъ ли о немъ?

— Да что, въ самомъ дѣлѣ, люблю я ее, что ли?—проговорилъ онъ, досадливо морщась и какъ бы прислушиваясь къ своему внутреннему чувству.

И отвѣтъ получился ясный: онъ не любилъ ея больше, и при настойчивомъ воспоминаніи о ней ничто не говорило въ его сердцѣ словами любви.

— «Нытикъ»!—вспомнилъ онъ слово Зерновой, какъ-то въ разговорѣ брошенное ему, когда онъ жаловался ей на невзгоды жизни.— Да, можетъ быть, она и права. Нытикъ, неврастеникъ, кислятина, что-нибудь въ этомъ родѣ...

Онъ сталъ думать о Розенъ.

Нравится ли она ему? Или, по крайней мѣрѣ, можетъ ли понравиться впослѣдствіи?

— Нѣтъ!—услышалъ онъ отвѣтъ въ глубинѣ своей души и до того ясно, что онъ точно прозвучалъ въ его ушахъ.

Ну, такъ, можетъ быть, Красова?...

Но и относительно Красовой сердце его молчало.

И онъ съ очевидной ясностью почувствовалъ, что то, что называется любовью, влюбленностью, увлеченіемъ, все это окончательно испарилось изъ его души. «Какъ газъ изъ бутылки содовой воды!» вспомнились ему слова Арнольда. И еще вспомнилось изреченіе: «если соль потеряетъ свою силу, чѣмъ она осолится?»

Онъ усмѣхнулся.

— Да,—прошепталъ онъ,—если душа потеряетъ способность любить... Душа—что цвѣтокъ. Она быстро вянетъ у людей нашей эпохи.

И моя завяла. Если я выиграю процессъ... Какой вздоръ!—подсказало ему что-то.—Ну, все равно! Если выиграю, ликвидирую свои дѣла и уѣду за границу на годъ, на два. Покончу съ долгами, распродамъ обстановку, передамъ квартиру. А тамъ, видно будетъ. Можетъ быть, я просто переутомился и не все еще потеряно... Свобода отъ дѣлъ, климатъ и покой сдѣлаютъ свое дѣло... А если я проиграю? Навѣрное!—услышалъ онъ внутренній голосъ.—Что же тогда? А Розенъ? Ну, женюсь на ней и все кончено. По крайней мѣрѣ, не дешево продамъ свою свободу! А то и такъ проживу. Все распродамъ. Средствъ хватитъ на скромную жизнь.

На этомъ онъ успокоился и сталъ быстро одѣваться.

Было время.

Успокоеніе однако длилось не долго.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ мрачному зданію окружнаго суда, прежнее волненіе, прежнее нервное настроеніе овладѣвало имъ.

И онъ вошелъ въ темные коридоры суда съ лицомъ, на которомъ ясно читались слѣды душевной тревоги.

Было очень темно въ коридорахъ, и онъ не узналъ своихъ знакомыхъ.

Нужно было идти въ залъ засѣданія.

Сѣвъ на свое мѣсто и разложивъ портфель и бумаги, онъ старался успокоиться и осмотрѣться.

Робко, точно съ испугомъ, оглядѣлъ онъ публику, наполнявшую небольшой залъ.

— Ну, да, конечно!—прошепталъ онъ, замѣтивъ Лили въ темномъ туалетѣ, а рядомъ съ ней Львовскаго.—Пришли меня послушать!... Ахъ, чтобъ ихъ...

Онъ продолжалъ обзоръ залы.

Почти у самой стѣны онъ замѣтилъ Шипова.

— Этого еще недоставало!—злобно проворчалъ онъ.

И чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше открывалъ знакомыхъ. Вонъ Гамовъ, среди репортеровъ, вонъ Арнольдъ... этотъ-то шутъ, что пришелъ сюда дѣлать? Ахъ, даже Дерюгинъ... Ну, тотъ, очевидно, получилъ предписаніе отъ Зерновой присутствовать въ послѣдній день на процессѣ, чтобы привезти ей подробный отчетъ. Женское любопытство! Нѣтъ ли ужъ и Красовой? Но нѣтъ, ея не было.

Ему приходилось, при встрѣчѣ съ знакомыми лицами улыбаться, но онъ чувствовалъ, что улыбка его выходила блѣдной и натянутой.

Ему показалось, что всѣ эти «друзья» собрались сюда, чтобы присутствовать при печальной картинѣ его гибели, его позора.

«Имъ будетъ весело!—злобно подумалъ онъ.—Потому что въ сущности ничего вѣдь нѣтъ занимательнѣе, какъ присутствовать при трагическихъ исторіяхъ. Наша публика любитъ трагедіи и не одобряетъ фарсовъ, потому что у нея жестокость въ душѣ... отъ татарскаго ига! Но, можетъ быть, они сочтутъ мою трагедію за фарсъ? Можетъ быть, они будутъ правы!...»

Потомъ онъ опять сталъ думать о томъ, что эта его послѣдняя битва съ жизнью или, лучше сказать, съ тѣмъ, что называется успѣхомъ въ жизни. «Или со щитомъ или на щитѣ!» Ни публика, ни газеты, ни товарищи не простятъ ему пораженія и даже, можетъ быть, Лили... Неужели и Лили? Но что же тогда дѣлать?—спрашивалъ онъ себя въ сотый разъ.

Меньше всего онъ думалъ въ это время о Сонниковѣ и о его дѣлахъ.

Дѣло Сонникова являлось для него только трапеціей, на которой онъ долженъ показать головоломный фокусъ и заслужить восторженные апплодисменты жестокой публики, любящей такія зрѣлища, или сорваться, чтобы остаться на всю жизнь искалѣченнымъ.

Въ сущности, публика и въ томъ и въ другомъ случаѣ останется въ выигрышѣ, потому что и то и другое зрѣлище доставитъ ей не малое удовольствіе.

На этомъ онъ успокоился, взялъ себя въ руки, сосредоточился и сталъ внимательно слушать рѣчь прокурора, которая уже давно началась.

Дѣло Сонникова заключалось въ томъ, что его обвиняли въ поджогѣ. У него была грандіозная фабрика, съ многочисленнымъ контингентомъ рабочихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ катастрофой была произведена переоцѣнка имущества, и все предпріятіе было застраховано въ трехъ обществахъ за колоссальную сумму. И вотъ какъ только были получены страховые полисы и все окончательно оформлено, фабрика сгорѣла до тла. Тысячи людей остались безъ заработка, и страховыя общества возбудили уголовное дѣло о поджогѣ съ цѣлью получить страховую премію.

Сонниковъ на первомъ допросѣ растерялся и сталъ доказывать свое alibi, которое однако не подтвердилось, и слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, которому поручено было разслѣдованіе этого печальнаго происшествія, сдѣлалъ распоряженіе о заключеніи подъ стражу обвиняемаго.

Какъ всегда бываетъ, накопилась масса уликъ противъ Сонникова и масса данныхъ за него. Свидѣтели, которыхъ было невѣроятное количество, показывали и за него, и противъ него. Понятно, что

тамъ, гдѣ столько народа, у Сонникова очутилось гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей; неудачная ссылка на alibi въ минуту растерянности уже страшно повредила ему въ самомъ началѣ.

Но странно было то, что публика и пресса, точно какимъ-то инстинктомъ, чутьемъ, угадали его невиновность, и общественное мнѣніе сразу сложилось за него, а пресса поддержала это мнѣніе.

И какъ всегда, началось два теченія и возгорѣлась невидимая, глухая борьба между общественнымъ мнѣніемъ и судомъ. Въ концѣ же уголовнаго дѣла предстоялъ громадный гражданскій искъ.

Дѣло это было выгодно защитнику какъ съ нравственной, такъ и съ матеріальной стороны, и оно попало къ Путшину.

Прокуроръ говорилъ долго и одушевленно. Онъ досконально изучилъ дѣло и съ обычной своей виртуозностью разбивалъ благопріятныя показанія свидѣтелей и поддерживалъ показанія неблагопріятныя Сонникову. Онъ обладалъ умѣніемъ говорить краснорѣчиво, сдержанно, неотразимо. На первый взглядъ, казалось, что его рѣчь проста, несложна, естественна. Все въ ней было ко времени и къ мѣсту. Ничего лишняго, ничего преувеличеннаго; но это только такъ казалось. Въ сущности же это было очень сложное, очень мудро возведенное зданіе, которое поколебать было не легко. Оно было построено на діалектическихъ тонкостяхъ, на всевозможныхъ юридическихъ ухищреніяхъ, почти недоступныхъ пониманію публики.

Но это хорошо понималъ Путшинъ.

Рѣчь прокурора кончилась.

Путшинъ всталъ.

Голосъ, которымъ онъ началъ свою рѣчь и къ которому онъ самъ тревожно прислушался, показался ему глухимъ, нервнымъ, точно это не онъ говорилъ, а кто-то другой, за него.

Но, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, онъ чувствовалъ, какъ одушевленіе, увлеченіе разгорается въ немъ и какъ голосъ его становится все яснѣе, все звонче, все убѣжденнѣе.

Въ одномъ мѣстѣ рѣчи раздались сдержанные аплодисменты. Ему даже показалось чутьемъ, что они шли изъ угла Розенъ.

Предсѣдатель строгимъ голосомъ сдѣлалъ внушеніе публикѣ и угрозу, при повтореніи, очистить залъ.

Но Путшина это подбодрило.

Ему предстояло говорить долго и много.

Одну минуту ему показалось, что онъ уже вполнѣ владѣетъ собой, присяжными и залой. Весь планъ рѣчи вдругъ сразу сложился въ его головѣ, и онъ повѣрилъ въ побѣду.

Во время паузы, которую онъ сдѣлалъ для усиленія впечатлѣнія, взоръ его, которымъ онъ обвелъ залу, случайно упалъ на Шипова.

Шиповъ встрѣтился съ нимъ взглядомъ и тотчасъ же нагнулся къ сидѣвшей съ нимъ женщинѣ.

Путшинъ не замѣтилъ ея раньше.

Но теперь взоръ его послѣдовалъ за движеніемъ Шипова, и онъ остановился на этой женщинѣ.

Онъ сразу узналъ ее.

Это была Варвара Тархова.

Неизвѣстно почему, это присутствіе Тарховой рядомъ съ Шиповымъ вдругъ взбѣсило его.

«Эта-то къ чему сюда притащилась?» — подумалъ онъ. — «Идіотъ Шиповъ!... Они издѣваются надо мной, эти добродѣтельныя души».

Все это продолжалось мгновеніе. Но и этого мгновенія было достаточно, чтобы Путшинъ вдругъ потерялъ самообладаніе, воодушевленіе, вкусъ къ защитѣ.

Ему показалось профанаціей говорить передъ Тарховой.

И онъ почувствовалъ, что гибнетъ. Гибнетъ безповоротно, окончательно. И чѣмъ дальше, тѣмъ несомнѣннѣе становится для него, что его крупная и рѣшительная ставка проигрывается.

Планъ улетучился изъ его головы. Онъ не находилъ ни подходящихъ фразъ, ни удачныхъ выраженій, ни убѣдительныхъ доказательствъ. Все время чувствовалъ онъ на своей спинѣ этотъ тревожный и любопытный взглядъ Тарховой, который точно жегъ его.

Вяло, уныло и безцвѣтно тянулась его рѣчь, которую онъ нарочно удлинялъ, чтобы имѣть право сказать, что онъ добросовѣстно исполнилъ свои обязанности. Онъ чуть не усыпилъ присяжныхъ, судъ и публику. Онъ понималъ, что дѣлаетъ ужасныя вещи; онъ чувствовалъ, какъ общее настроеніе мѣняется и какъ всѣ эти люди ускользаютъ изъ его рукъ. Теперь уже ничѣмъ не поправишь этого впечатлѣнія. Предсѣдатель остановилъ его и предложилъ вернуться къ дѣлу по существу. Онъ отвѣтилъ предсѣдателю корректно по формѣ, дерзко по тону. Равнодушіе и скука присутствующихъ смѣнилась озлобленіемъ. Путшинъ сказалъ еще нѣсколько словъ, и вдругъ все это ему такъ надоѣло и опротивѣло, что онъ тутъ же все кончилъ, сказавъ банальнѣйшую заключительную фразу.

И сѣлъ.

Для всѣхъ стало ясно, что дѣло проиграно.

Прокуроръ просилъ разрѣшенія возразить защитнику и поговорилъ съ четверть часа; ему ничего не стоило еще болѣе обезцѣнить рѣчь Путшина.

На предложеніе предсѣдателя защитѣ сказать что-либо въ отвѣтъ прокурору, Путшинъ отказался.

Предсѣдатель сказалъ рѣчь присяжнымъ и они удалились для совѣщанія.

— Что вы сдѣлали!—дерзко сказалъ Бородинъ Путшину.—Вы погубили и своего кліента и себя. Надо было возражать прокурору.

Путшинъ заскрежеталъ зубами.

— Убирайтесь вы къ чорту!—проворчалъ онъ.

Сонниковъ былъ признанъ виновнымъ по всѣмъ вопроснымъ пунктамъ.

XIII.

Впечатлѣніе отъ исхода этого процесса было громадное.

На другой день о немъ только и говорили въ гостиныхъ, на улицахъ и въ газетахъ. Жестоко доставалось суду и присяжнымъ за эту судебную ошибку, но больше всѣхъ, конечно, Путшину. Защиту его называли бездарной или недобросовѣстной. Все это было укрыто такими круглыми, удобными фразами, что прямо придраться не было возможности, но понять эти нападки иначе было бы трудно.

Путшинъ сидѣлъ одиноко въ своемъ кабинетѣ и читалъ газеты.

Онъ былъ нервно разстроенъ, раздраженъ, почти боленъ. Въ приложеніи къ одной уличной газеткѣ онъ былъ изображенъ въ видѣ негоднаго, сломаннаго фонографа и была сдѣлана подъ рисункомъ подпись: «цѣна сему фонографу, за его негодностью, грошъ». Это было грубо и неостроумно, но почему-то этотъ рисунокъ и подпись болѣе всего оскорбили его.

Лицо Путшина пожелтѣло, глаза ввалились, и онъ судорожно комкалъ одну газету за другой, отбрасывая ихъ отъ себя.

— Кончено,—говорилъ онъ,—послѣ дождя этихъ оскорбленій и насмѣшекъ все и навсегда для меня кончено! И хуже всего то, что всѣ они совершенно правы...

Онъ хотѣлъ писать опроверженіе, возраженіе, оправданіе, онъ самъ не зналъ что...

Присѣвъ къ столу, онъ началъ писать, но у него выходило нѣчто до такой степени дикое, что онъ самъ себѣ удивлялся.

— Да ужъ не схожу ли я, дѣйствительно, съ ума?—прошепталъ онъ.

Его одиночество нарушилъ Бородинъ.

Путшинъ встрѣтилъ его ласково.

— Ну что?—смущенно спросилъ онъ своего помощника.

Бородинъ въ послѣднее время совершенно пересталъ заискивать въ немъ и держался съ нимъ не только какъ равный съ равнымъ, но даже съ оттѣнкомъ какого-то превосходства.

— Да... могу сказать,—неопредѣленно отвѣтилъ онъ.—Хуже быть невозможно... Фіаско, полное фіаско... Я бы, на вашемъ мѣстѣ, уѣхалъ на время за границу.

— Вы думаете?

— Совѣтую. Но я не о томъ пришелъ поговорить съ вами.

— А о чемъ же?

— Я долженъ вамъ сказать, Владиміръ Андреевичъ, что я рѣшилъ продолжать свой стажъ...

— А, вы хотите уйти отъ меня?

— Да...

— Что жъ, это ваше дѣло. Держать васъ я не могу, да признаться и не имѣю желанія.

— Вы не обижаетесь...

— Съ чего вы взяли? Я самъ ухожу изъ адвокатуры.

— Вы?—удивился Бородинъ.—Что же вы будете дѣлать? Пойдете въ прокуратуру?

— Не знаю еще. Но во всякомъ случаѣ я ухожу.

«Больше тебѣ и дѣлать-то ничего не остается»,—подумалъ Бородинъ и сказалъ громко:

— Можетъ быть, это напрасно... Мало ли извѣстныхъ, даже знаменитыхъ адвокатовъ проигрывали дѣла?

— Плохое утѣшеніе. Дѣло не въ проигрышѣ. Не важно проиграть, а важно сколько и какъ проиграть. Я проигралъ не дѣло, а карьеру, и проигралъ глупо.

Бородинъ помолчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, желаю вамъ успѣховъ на новомъ пути.

— И вамъ того же.

— Что же касается того... той... того долга, который состоитъ за мной...

— О, пожалуйста, не безпокойтесь...

— Я вамъ его отдамъ, когда у меня прибавится самостоятельной практики, прошу васъ вѣрить...

— Пожалуйста, пожалуйста...

Они простились холодно, сухо и разстались, какъ совершенно чужіе другъ другу люди.

— Вотъ она настоящая-то крыса съ потонувшаго корабля!— проговорилъ Путшинъ, посмотрѣвъ вслѣдъ уходившему изъ кабинета

Бородину.—Теперь моя пѣсенка спѣта... Нужно ожидать дальнѣйшихъ послѣдствій.

Дальнѣйшія послѣдствія явились въ лицѣ жены Сонникова, которая чуть не силой ворвалась къ нему въ кабинетъ, хотя никого принимать было не велѣно.

— Что вы сдѣлали съ моимъ мужемъ? — истерично закричала она.—Что вы сдѣлали? За что погубили его? За что, за что, за что?

— Успокойтесь, пожалуйста.

— Никогда не успокоюсь! Это—безчестно, это—гнусно, это—подло! Да, подло, подло, подло... Если вы не хотѣли защищать его, надо было сказать раньше, отказаться... Нашлись бы другіе...

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь. Но прошу васъ выслушать... Никакой адвокатъ въ мірѣ не можетъ же ручаться за исходъ защиты. Защита кончилась неудачей, но для вашего мужа не все потеряно. Можно найти адвоката, а адвокатъ найдетъ, конечно, поводы къ кассаціи... Есть еще надежда...

— Вы думаете?—уже мягче спросила она.

— Несомнѣнно. Конечно, было бы для всѣхъ отраднѣе, если бы дѣло кончилось тутъ же благополучно. Но что же дѣлать! Я теряю гораздо больше его. Я теряю все: практику, карьеру, средства къ жизни. Если эта тяжелая кара удовлетворяетъ васъ, тѣмъ лучше. Больше я васъ ничѣмъ утѣшить не могу. И право, оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ. Мнѣ нуженъ отдыхъ. Я усталъ.

Она внимательно взглянула на него, и видъ его поразилъ ее.

— Да вы, кажется, дѣйствительно больны!—вскрикнула она.—Но отчего же тогда вы не отказались отъ веденія дѣла раньше суда?

— Ахъ, оставьте, оставьте меня!—крикнулъ онъ съ такой силой и гнѣвомъ въ голосѣ, что она поспѣшила удалиться.

Въ первые дни послѣ несчастнаго исхода процесса на него посыпались требованія кредиторовъ.

Никто не хотѣлъ больше ждать, потому что не на что было надѣяться. Обойщикъ не хотѣлъ больше пить водки, а всѣ остальные сдѣлались требовательны и дерзки и стали грозить судомъ.

И Путшинъ чувствовалъ, какъ все вокругъ него рушится, трескается, падаетъ. Точно онъ идетъ въ весеннюю ростепель по тонкому льду, который ломается подъ его ногами. Того и гляди разверзнется пропасть и поглотитъ его. Хоть бы скорѣе это случилось!

Дни проходили уныло, въ полномъ одиночествѣ, вечера были длинные и скучные. Путшинъ чувствовалъ, какъ вокругъ него образуется пустыня, какъ всѣ покидаютъ его, и онъ остается одинъ среди огромнаго города.

Надо быстро что-нибудь придумать, чтобы выбраться изъ этого невыносимаго положенія. Но что?

Шиповъ приходилъ два раза, но Павелъ не принялъ его, памятуя строгій наказъ барина: никого не допускать къ нему эти дни. Ему ужъ и такъ досталось за Сонникову.

И онъ каждый разъ говорилъ Шипову: «Баринъ ушедши».

Однажды вечеромъ, послѣ того, какъ Путшинъ прочелъ статью Гамова въ уличной газеткѣ, на него напалъ такой страхъ, что онъ не находилъ себѣ мѣста. Гамовъ написалъ какую-то глупую сказку, яко бы съ индійскаго, въ которой выставилъ Путшина въ самомъ нелѣпомъ видѣ. Все это было написано такъ прозрачно, такъ безцеремонно, дерзко до глупости и глупо до смѣшного, что Путшинъ въ безсиліи сталъ ломать себѣ руки.

— Боже мой, что дѣлать, что дѣлать?—чуть не вскрикнулъ онъ.

И вдругъ мысль о Розенъ мелькнула ему.

— Господи,—радостно, полной грудью вздохнулъ онъ,—а Лили?

Онъ совершенно забылъ о ней, какъ будто ея не существовало на свѣтѣ во всѣ эти тяжелые дни.

И точно лучъ свѣта запалъ въ его душу, когда онъ, наконецъ, вспомнилъ о ней.

— Лили! Да вѣдь вотъ исходъ, вотъ убѣжище. Ахъ, если бы!... Если это удастся — я спасенъ! И кажется, даже полюблю ее за это спасеніе. Мнѣ не нужно ея денегъ, ея связей... ничего, ничего мнѣ не нужно. Мнѣ нужно, чтобы около меня былъ близкій человѣкъ, который бы не гнушался мною, съ которымъ бы я могъ отвести душу...

И быстро совладѣвъ съ болѣзненнымъ настроеніемъ, съ унынiемъ, онъ собрался къ ней.

Хандра, тоска, отчаянье,—все это спадало съ него, точно куски истлѣвшаго тяжелаго савана, окутывавшаго его до сихъ поръ.

Онъ одѣлся, подошелъ къ окну, заглянулъ на улицу.

Небо было чистое и на немъ сіяли звѣзды. И улица показалась ему веселѣе, уютнѣе, и ему не было теперь страшно выйти на нее, какъ всѣ эти дни, когда на дворѣ продолжалась хмурая погода, когда небо было затянуто тучами, изъ которыхъ моросилъ дождь точно мелкія, дрянныя, безсильныя слезы.

— Вы уходите?—съ удивленіемъ спросилъ Павелъ.

— Да, ухожу. Ты можешь не ждать меня. У меня ключъ.

Подъѣзжая къ дому Лили, онъ почувствовалъ біеніе сердца.

«Послѣдняя карта, — подумалъ онъ, — будетъ ли она дана или бита?»

И вдругъ, какая-то необъяснимая увѣренность овладѣла имъ, по-

селилась въ немъ, и онъ повеселѣлъ. Вѣроятно, это чувство веселья овладѣваетъ каждымъ игрокомъ передъ тѣмъ, какъ поставить на карту остатки своего состоянія.

Въ гостиной онъ увидѣлъ тетку Лили, которая, свернувшись въ креслѣ, мирно спала подъ лампой на столѣ. Около нея лежали очки и раскрытая французская книга.

Путшинъ ходилъ по мягкому ковру, въ ожиданіи отвѣта, примутъ ли его, и чувствовалъ, какъ ноги его подкашиваются. Что-то ужъ очень долго не появляется лакей. Тетка не просыпалась, и онъ не хотѣлъ будить ее.

Подойдя къ столику, онъ осторожно перегнулъ книгу и прочелъ заглавіе:

«Au fond du gouffre».

Дрожь пробѣжала по немъ и руки его задрожали, когда онъ клалъ книгу на столъ.

Въ дверяхъ появился лакей.

— Барышня чувствуютъ себя не совсѣмъ здоровой, но просятъ подождать, если не на долго и по дѣлу.

Путшинъ поблѣднѣлъ.

— Неужели она не могла сказать это мнѣ лично, а нашла нужнымъ передавать черезъ лакея?—мысленно сказалъ онъ себѣ.

Ему захотѣлось повернуться, ничего не отвѣтивъ, и уйти. Но потомъ, рѣшительнымъ шагомъ, употребивъ большое усиліе воли, онъ направился къ будуару.

— Надо выпить чашу до дна, разъ пошелъ на это. И потомъ, что мнѣ терять? Лишнее униженіе... ахъ, я такъ ужъ привыкъ къ этому!

Онъ вошелъ въ будуаръ.

Лили не была больна, это тотчасъ было видно по ея цвѣтущей фигурѣ, очень изящно одѣтой, и по ея оживленнымъ глазамъ.

Но во взорѣ ея онъ тотчасъ замѣтилъ холодность, даже суровость и чуть-чуть насмѣшку.

— Здравствуйте,—сказала она, протягивая ему руку, которую онъ не зналъ—поцѣловать или только пожать.

Онъ прикоснулся къ этой длинной, тонкой рукѣ, которая тотчасъ же ускользнула отъ него.

— Мнѣ сегодня нездоровится,—томно проговорила она,—садитесь. А вы какъ? Здоровы? Мы давно не видѣлись съ вами.

Онъ рѣшился приступить прямо къ дѣлу и обойти всякіе изворотъ.

— О, да, очень давно. По крайней мѣрѣ, мнѣ это время пока-

залось безконечнымъ. Мы не видѣлись съ самаго дня процесса Сонникова.

Она взглянула на него испытующимъ взглядомъ и повела плечомъ, ничего не отвѣтивъ.

— Да, съ самаго того дня,—продолжалъ Путшинъ, въ которомъ начинало закипать недоброе чувство.—Вы явились тогда въ засѣданіе, какъ являются на арену всѣ любители жестокихъ забавъ, чтобы полюбоваться гибелью тореадора...

Она высоко подняла брови.

— Это вы—тореадоръ?—спросила она насмѣшливо.—А я что? Влюбленная андалузка, что ли?

Онъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — сухо сказала она, — я поѣхала въ судъ, какъ ѣздятъ туда всякія уголовныя дамы, чтобы присутствовать на интересномъ процессѣ. Это самое естественное объясненіе и совершенно не къ чему тревожить Испанію. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, боя быковъ, а вы не тореадоръ, а только присяжный повѣренный. Мы живемъ на сѣверѣ, а не на югѣ. Но скажите, вы пришли, чтобы упрекнуть меня, что я была на этомъ процессѣ?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Такъ у васъ еще что-нибудь есть?

Это уже было почти дерзостью.

— Да у меня еще что-нибудь есть,—отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

— А именно?

— О томъ слѣдуютъ пункты: во-первыхъ, я вспомнилъ наши недавніе теоретическіе разговоры о бракѣ...

Она наморщила лобъ и отвела отъ него глаза.

— Во-вторыхъ, мнѣ стало скучно, и я хотѣлъ повидаться съ вами.

— Это все? Или есть еще въ-третьихъ?

— Есть и въ-третьихъ. Я хотѣлъ спросить васъ... но это лишнее. Иногда мимика говоритъ больше, чѣмъ слова.

— А!—вскрикнула она.—Nous voilà donc au chapitre du ballet.

Она точно обрадовалась возможности перевести разговоръ на балетъ и сдѣлать диверсію.

— Теперь постъ, балета нѣтъ, и вы скучаете, такъ какъ многія танцовщицы разъѣхались. Вамъ захотѣлось видѣть меня; mercі, это очень любезно. Неужели я имѣю что-нибудь общее съ танцовщицами, что способна замѣнить вамъ ихъ общество, котораго вамъ очевидно недостаетъ? А я-то и не знала, что я такая прелестная мимистка... Новый талантъ! Ну, слава Богу, хоть какой-нибудь нашелся. А то

такъ тяжело быть безталаннымъ или разочароваться въ свой талантливости въ наше время, когда всѣ такъ талантливы.

— Да, это очень тяжело. Даже гораздо тяжелѣе, чѣмъ разочароваться въ женщинѣ.

— Вы говорите про mademoiselle Зернову? — прищурившись, спросила она.

— Я говорю теоретически, не называя именъ.

Они помолчали.

Злость, обида, разочарованіе овладѣвали Путшинымъ. Все было ясно. Лили никогда не будетъ его женой. О чемъ говорить? О чемъ спрашивать? О чемъ хлопотать?

Ему неудержимо захотѣлось услышать что-нибудь категорическое изъ ея устъ, чтобы не оставить и признаковъ сомнѣнія въ душѣ, чтобы не давать впослѣдствіи ни малѣйшаго повода упрекнуть себя, что не все было сдѣлано, не все испробовано.

Онъ собрался съ силами и сказалъ:

— Я пришелъ вовсе не для того, чтобы говорить о мимикѣ и балетѣ, Лидія Михайловна. У меня есть нѣчто гораздо болѣе важное. Съ балетомъ я покончилъ, какъ и съ адвокатурой, въ которой для того, чтобы имѣть успѣхъ, нужно тоже продѣлывать извѣстныя pas и варіаціи съ виртуозностью и техническимъ совершенствомъ; только тогда можно разсчитывать на успѣхъ у публики и рецензентовъ. Я усталъ, мнѣ все это надоѣло... Я жажду покоя, отдыха, правильной семейной жизни...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, и въ будуаръ безъ доклада вошелъ Львовскій.

Кровь бросилась въ голову Путшину. Его держатъ въ гостиной десять минутъ, прежде чѣмъ впустить сюда, а Львовскій, очевидно, пріобрѣлъ въ этомъ домѣ всѣ права интимности и входитъ безъ доклада.

— Bonjour, mademoiselle,—сказалъ Львовскій, цѣлуя протянутую ему руку какимъ-то долгимъ впивающимся поцѣлуемъ, и повернувшись къ Путшину, высоко поднявъ брови, оглядѣлъ его.— Ah, c'est vous. Здравствуйте...

— Отчего вы подняли ваши брови?—вдругъ, не владѣя собой, вскочивъ со стула, крикнулъ Путшинъ.—Вы никогда не знали меня? Вы видите меня въ первый разъ?

— Pardon,—нагло взглянувъ на него, отвѣтилъ Львовскій,—я вижу васъ не въ первый разъ и видѣлъ даже въ очень знаменательныя минуты вашей жизни, напримѣръ, на судѣ, во время рѣчи въ защиту de ce pauvre Сонниковъ. Что же касается положенія моихъ

бровей, то вѣдь и мнѣ, напримѣръ, не нравится звукъ вашего голоса, но я не спрашиваю васъ—отчего онъ у васъ такой? Я даже не спрашиваю васъ о гораздо болѣе интересныхъ вещахъ, о которыхъ спросить меня разбираетъ любопытство.

— Напримѣръ?—тѣмъ же вызывающимъ тономъ сказалъ Путшинъ.

— Напримѣръ? Напримѣръ, почему вы съ такимъ блескомъ провалили дѣло вашего кліента?

— Господа!—взмолилась Лили.

Но было поздно.

Совершенно не владѣя собою, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, которое судорожно подергивалось, съ сильно бьющимся сердцемъ, блѣдный какъ полотно, Путшинъ близко подошелъ къ Львовскому, такъ что тотъ отшатнулся отъ него.

Розенъ слабо вскрикнула, но адвокатъ взглядомъ успокоилъ ее и проговорилъ:

— О, не волнуйтесь, пожалуйста...

И, обратившись къ Львовскому, прибавилъ:

— Ваше любопытство я готовъ удовлетворить, но такъ какъ я не желаю объяснять вамъ лично то, чего вы никакъ не поймете, сколько бы я ни говорилъ, то я буду ждать завтра вашихъ посредниковъ или же поставлю васъ въ извѣстность о своихъ. Они объяснятся за насъ. Имѣю честь кланяться.

Онъ сухо поклонился Розенъ и скользнулъ взглядомъ по Львовскому.

— Tiens, est-ce une reparation que vous me demandez là?—растерянно проговорилъ Львовскій.

Но Путшинъ ему ничего не отвѣтилъ.

— Дуэль,—разсуждалъ онъ самъ съ собой, сидя въ экипажѣ.—Глупая, мальчишеская выходка, совершенно не идущая ни къ моему положенію, ни къ моимъ годамъ... Однако и дуэль лучше этого не выносимаго, гнетущаго положенія, полнаго бездѣйствія и неопредѣленности. И я бы съ наслажденіемъ пробилъ толстую шкуру этого нахала.

— Un duel... il ne manquait que ça! — говорила Львовскому Розенъ.

— Ma chère Lili,—нѣжно цѣлуя ея руку, отвѣтилъ Львовскій,—вы знаете, ради счастія обладать этой ручкой я готовъ пожертвовать своей жизнью. А я вѣдь знаю, что это изъ-за васъ. Двѣ гончихъ по одному слѣду... такъ, кажется, говорится по-русски?

— Господи, какія у васъ сравненія!—несмотря на всю взволнованность, замѣтила она.

— Изъ области народовѣдѣнія, что ли...—отшучивался онъ.

XIV.

Дуэль между Путшинымъ и Львовскимъ произошла черезъ два дня, за городомъ, куда поѣхали на тройкахъ, въ сопровожденіи секундантовъ и врача.

Путшинъ пережилъ два очень тяжелыхъ дня передъ этимъ событіемъ; сначала онъ очень волновался, но чѣмъ ближе подходило время къ дуэли, тѣмъ онъ становился спокойнѣе и спокойнѣе; утромъ же, въ самый день событія, онъ самъ удивился до чего былъ спокоенъ, какъ будто все замерло въ немъ и даже самое сердце перестало биться.

Въ эти два дня онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, пригласилъ Шипова и долго толковалъ съ нимъ, прося его быть секундантомъ вмѣстѣ съ Бородинымъ, который сначала испугался и отказался, но потомъ, сообразивъ, что всякая такая исторія «позируетъ» человѣка, согласился. У Львовскаго секундантами были Арнольдъ и Гамовъ.

Шиповъ, наканунѣ дуэли, когда уже выяснилось, что всѣ попытки къ примиренію не приведутъ ни къ чему, оставался цѣлый день у Путшина и даже выразилъ твердое намѣреніе ночевать у него. Въ этомъ намѣреніи поколебать его было невозможно.

Надоѣлъ онъ Путшину смертельно за этотъ день. Онъ сидѣлъ противъ него, смотрѣлъ на него добрыми, телячьими глазами, почти ничего не говорилъ, а только тяжко, какъ-то трехъэтажно вздыхалъ. Вся прежняя дикость и суровость испарилась изъ него.

Изрѣдка онъ прекращалъ свои вздохи, чтобы сказать какую-нибудь глубокую сентенцію.

— Зачѣмъ ты его вызвалъ?—спрашивалъ онъ Путшина, чуть не десятый разъ, между двумя сентенціями.—Ну, я понимаю, ты огорченъ, что подъ вліяніемъ неудачи невѣста твоя...

— Невѣста!—фыркнулъ Путшинъ.

— ...Къ тебѣ охладѣла. Подъ вліяніемъ гнѣва, обиды за неудачный исходъ процесса, холодности Розенъ и прочее... ты наговорилъ дерзостей Львовскому. Но развѣ нельзя было извиниться? Я плохой секундантъ и ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю... Можетъ быть, можно было бы уговорить, я не знаю... И если, чего Боже сохрани, случится что-нибудь, я себѣ вѣкъ не прощу. Можетъ быть, еще не поздно? Хочешь я самъ съѣзжу къ нему?

— Ты еще долго будешь причитать здѣсь?

— А что?

— Надоѣлъ ужасно...

И вдругъ «подъ вліяніемъ», какъ выражался Шиповъ, какого-то душевнаго порыва, Путшинъ всталъ съ своего мѣста, пересѣлъ на диванъ рядомъ съ Шиповымъ, положилъ свою руку на его руку и сказалъ:

— Слушай, старый дружище. Выслушай меня внимательно.

— Я слушаю,—съ чувствомъ сказалъ тотъ.

— О, нѣтъ, пожалуйста, безъ этого сокрушеннаго вида и всякихъ сантиментальностей. Я врагъ всего этого. Такъ слушай же. Я нисколько не тревожусь исходомъ этой дурацкой дуэли. Понимаешь? Каковъ бы онъ ни былъ. Умирать, конечно, страшно, то-есть страшно переходить эту границу между Вѣдомымъ и Невѣдомымъ. Но когда перейдешь ее—какое счастіе!

— Въ чемъ же счастіе, Владиміръ?

— Счастіе въ томъ, чтобы не жить. Понимаешь ты это?

— Не понимаю.

— Не жить, не чувствовать этой жизни... Не видѣть этихъ гнусныхъ улицъ, этихъ дурацкихъ сигарныхъ ящиковъ, которые называются домами въ Петербургѣ, не видѣть этихъ глупыхъ физіономій Арнольдовъ, и Гамовыхъ, и Львовскихъ, и Варяжскихъ, и Дерюгинныхъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ... Не быть принуждаемымъ говорить съ ними, не знать всѣхъ этихъ кліентовъ, прокуроровъ, дѣлъ и прочее. Не быть озабоченнымъ долгами; не имѣть любимой женщины, которая не любитъ и которую не любишь; не имѣть друзей, которые даютъ совѣты и читаютъ нотаціи, призывая къ добру, какъ будто они знаютъ, что такое добро и что зло... Понимаешь, не жить, не жить!... Вотъ настоящее счастіе! Не имѣть обязанностей, не чувствовать долга, не пользоваться правами... Я не знаю, поймешь ли ты это? Поймешь ли, что жизнь—грубый фарсъ и хорошо еще, если фарсъ. А то, чаще это трагедія. И если бы ты зналъ, какъ мнѣ надоѣло все это! Если бы еще героическая трагедія съ высокими доблестями, съ подвигами, слава которыхъ перейдетъ на страницы исторіи... И это, конечно, мало заманчиво, потому что, что за дѣло какому-нибудь Сцеволѣ, что гимназисты знаютъ его имя, когда и костей-то этого Сцеволы уже не существуетъ?... Но вѣдь та жизнь, которою мы живемъ—это мѣщанская трагедія, слезливая, жалкая, будничная... Пошлость была когда-нибудь ручейкомъ, а теперь разлилась по міру какъ океанъ... Это второй всемірный потопъ. Пошлость выступила изъ береговъ и потопила землю. И нѣтъ больше Арарата, на которомъ можно

было бы остановить свой ковчегъ. Не жить, не чувствовать, не видѣть...

— Но если бы всѣ такъ разсуждали...

— Ахъ, да какое мнѣ дѣло, ради Бога, до всѣхъ? Успокойся, всѣ не будутъ такъ разсуждать. И міръ пошляковъ и мѣщанскихъ душъ будетъ плодиться, размножаться и населять землю. И чѣмъ больше она будетъ стоять, тѣмъ больше будетъ пошлости, тѣмъ мельче будутъ становиться люди и ихъ дѣла. Это неизбѣжно, да и какъ можетъ быть иначе, когда въ этомъ «весь законъ и пророки»... Но, прости, я увлекся. Я просто хотѣлъ сказать, что я не дорожу жизнью. Ты съ этимъ, конечно, не согласенъ.

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Я это знаю. И даже знаю почему: жить надо, чтобы приносить пользу другъ другу, чтобы служить обществу, чтобы помогать ближнему, чтобы утѣшать слабыхъ и обездоленныхъ, ну и такъ далѣе... Поддерживать слабыхъ... для чего? Чтобы обезсиливать породу людей? Чтобы развести больныхъ и безсильныхъ? Потому что отъ слабыхъ людей рождаются слабѣйшіе. Отъ слабѣйшихъ—идіоты и неврастеники. Весь міръ будетъ полонъ идіотами, эпилептиками и больными. Таковъ идеалъ вашего альтруистическаго ученія. Я не понимаю его. По моему, надо поддерживать сильныхъ, потому что сила родитъ силу; потому что отъ сильнаго происходитъ сильнѣйшій, отъ сильнѣйшаго—титаны.

— А самъ желаешь себѣ смерти.

— Ну да! Это непонятно тебѣ?

— Совершенно.

— Да, я желаю себѣ смерти, потому что я чувствую, что не могу быть титаномъ, что я слабъ, ничтоженъ, безсиленъ и безволенъ. Жить среди титановъ пріятнѣе, чѣмъ среди мѣщанскихъ идіотовъ: Но на мнѣ тяготѣетъ наслѣдіе многихъ ослабѣвшихъ поколѣній и культура многихъ вѣковъ этой проповѣди смиренія, которая разслабила человѣческій духъ. Это все философія, другъ мой. Суть же въ томъ, что мнѣ надоѣло жить и что я не вижу цѣли жизни.

— Но позволь...

— Знаю, знаю. Общественное благо, польза народа—словомъ давнишній репертуаръ нашей морали, тенденція всѣхъ нашихъ литературныхъ и художественныхъ произведеній. У человѣка разбита жизнь, истерзано въ клочья сердце, искалѣчено личное счастіе... Ему хочется смерти, забвенія, покоя, небытія, потому что ему нѣтъ другого исхода. Но «идейный другъ» драмы, въ качествѣ панацеи,—вѣчно одной и той же подъ разными соусами,—зоветъ его туда, гдѣ

человѣческія страданія. «Иди въ жизнь!» «Иди туда, гдѣ живетъ людское горе!» «Тамъ ты найдешь утѣшеніе!» Да на кой чортъ я пойду туда? И что за добродѣтельная нелѣпость? Я самъ голоденъ, понимаешь *самъ*, а меня посылаютъ туда, гдѣ видъ другихъ такихъ же голодающихъ людей можетъ будто бы излѣчить меня!... Я самъ несчастенъ и душа моя ноетъ отъ боли: иди туда, гдѣ люди страдаютъ. Да что мнѣ легче, что вокругъ меня страдаютъ люди, если я самъ страдаю? Но ты съ своей узкой, добродѣтельной душой не поймешь этого. Одному страдать легче, чѣмъ съ тысячами. И когда разбито личное счастіе...

— Владиміръ,—строго остановилъ его Шиповъ, схвативъ его за руку,—личное счастіе не все еще въ жизни.

— Неужели?—насмѣшливо спросилъ Путшинъ.

— Увѣряю тебя. Личное счастіе хорошая и удобная вещь, и слава Богу кто имъ запасся. Но это—дорожный несессеръ, доставляющій большія удобства въ пути. Однако безъ него можно и обойтись.

Путшинъ засмѣялся.

— Дорожный несессеръ!—возразилъ онъ.—Прекрасно. Но если у меня нѣтъ въ дорогѣ несессера, если у меня нѣтъ подушки, если у меня нѣтъ дивана или я его долженъ уступать почему-то другимъ, чтобы они лежали на немъ врастяжку, а я не могу ни усѣсться, ни преклонить свою голову, ни вытянуть своихъ ногъ, и чувствовать во время пути усталость, боль въ поясницѣ и разбитость, на кой чортъ я поѣду путешествовать?... Но, прошу тебя, прекратимъ разговоръ. Онъ можетъ затянуться до утра, и если бы онъ тянулся цѣлый годъ, онъ ни къ чему бы не привелъ. Суть въ томъ, что каждому нужно солнце въ жизни. Если ты не сумѣлъ создать своего солнца, ты недостоинъ жизни,—вспомнились Путшину слова Лили и онъ повторилъ ихъ,—я не сумѣлъ создать себѣ такового. Вотъ и все. Да и, наконецъ, о чемъ мы толкуемъ? Я вѣдь не знаю—буду ли я убитъ? И если я останусь живъ—смѣшны всѣ наши теперешніе разговоры. Да смѣшонъ и я, что такъ расфилософствовался съ тобой. И, пожалуйста, не смотри на меня такими добрыми, телячьими глазами. Тебѣ гораздо болѣе шло, когда ты былъ грубъ и рѣзокъ. Займись лучше дѣлами. Если я переселюсь въ тѣ страны, откуда, къ счастію, никто сюда не возвращается, то ты займешься ликвидаціей моихъ дѣлъ. Здѣсь вотъ мое завѣщаніе, довѣренности и прочее...

Они проговорили долго, почти до полуночи, не возвращаясь болѣе къ философскимъ темамъ.

Шиповъ настоялъ на томъ, что останется ночевать, и Путшинъ, пожавъ плечами, согласился съ этими настояніями.

На прощаніе Шиповъ всетаки не удержался, чтобы не сказать адвокату:

— Я не вѣрю въ печальный конецъ... но если бы... дать знать Татьянѣ Николаевнѣ?

— Къ чему?... А впрочемъ, если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе... Можешь даже привести поплакать надъ моей «безвременной могилой»,—вѣдь ты навѣрное такъ будешь выражаться...— добродѣтельную Варвару Тархову.

— Владиміръ!—укоризненно остановилъ его Шиповъ.

Путшинъ пожалъ плечами, простился и ушелъ спать.

Около полудня Путшина привезли въ каретѣ домой, бережно вынесли изъ нея и положили въ кровать.

Рана, по заявленію врача, была очень серьезна: пуля засѣла глубоко, около позвоночнаго столба, кровотеченіе было сильное, и врачъ очень подозрѣвалъ, что задѣтъ какой-нибудь важный внутренній органъ.

— А результатъ какой можетъ быть? — спросилъ у врача убитымъ голосомъ Шиповъ.

— Всякій. Организмъ завидный, можетъ быть и выкарабкается. Однако, ни за что ручаться не могу. Нужно приставить кого-нибудь къ больному измѣрять температуру... Впрочемъ, я пришлю фельдшера. Передъ вечеромъ заѣду, я хотѣлъ бы консиліумъ. Очень возможно, что придется дѣлать операцію. Вы родственникъ?

— Нѣтъ, я старый товарищъ Путшина.

— Такъ... Побудьте у него до пріѣзда фельдшера.

— Я не отойду отъ него.

Врачъ уѣхалъ.

Путшинъ лежалъ на своей кровати, почти не приходя въ сознаніе. Лицо его было желто какъ воскъ и какъ будто прозрачно. Глаза закрыты. Изрѣдка подымалъ онъ вѣки, и мутные зрачки его устремлялись вдаль, но Шипову казалось, что они не фиксируютъ предметовъ.

Иногда Путшинъ тихо стоналъ, иногда метался въ кровати, и тогда Шиповъ осторожно обнималъ его и сдерживалъ его рѣзкія движенія.

Павелъ, не ожидавшій ничего подобнаго, сначала растерялся, когда привезли барина, потомъ заплакалъ, потому что очень давно служилъ у него, и, наконецъ, взялъ себя въ руки и успокоился.

Ему приходилось бѣгать въ аптеку, по разнымъ порученіямъ и безпрестанно отворять двери, такъ какъ вѣсть о тяжкой болѣзни

Путшина быстро облетѣла городъ, и начались визиты съ неизбѣжными вопросами и соболѣзнованіями.

Наконецъ, Павелъ догадался сдѣлать распоряженіе, чтобы никого не впускать, и швейцаръ всѣмъ предлагалъ оставлять карточки.

Уже по городу ходили разныя версіи объ этомъ происшествіи. Большинство говорило о самоубійствѣ, вслѣдствіе неудачнаго исхода процесса; другіе увѣряли, что адвокатъ застрѣлился вслѣдствіе «измѣны» Зерновой; третьи удостовѣряли, что онъ стрѣлялся изъ-за долговъ; четвертые были убѣждены, что это случилось изъ-за безнадежной любви адвоката къ Розенъ, которая предпочла ему Львовскаго. И только немногіе знали и настоящее происшествіе и истинную подкладку его.

Положеніе Путшина было тяжелое.

Къ тремъ часамъ прибылъ фельдшеръ, сдѣлалъ все необходимое, измѣрилъ температуру и посовѣтовалъ Шипову отдохнуть.

Но Шиповъ не могъ отдыхать, потому что былъ очень взволнованъ и ему безконечно жаль было своего друга.

Однако онъ уступилъ настояніямъ фельдшера и ушелъ въ кабинетъ, гдѣ прилегъ на диванъ.

Спать онъ не могъ, и постоянно вскакивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, шелъ къ дверямъ спальни и прислушивался у нея къ тому, что тамъ происходило.

Иногда онъ пріотворялъ двери и шепотомъ спрашивалъ у фельдшера:

— Ну что?

Тотъ молча махалъ ему рукой.

Шиповъ возвращался въ кабинетъ.

Здѣсь пришла ему мысль сообщить о печальномъ происшествіи Зерновой, и онъ написалъ ей телеграмму:

«Монте-Карло. Театръ Казино. Зерновой. Владиміръ тяжело раненъ на дуэли Львовскимъ. Положеніе серьезное. Шиповъ».

Но когда онъ вздумалъ перевести телеграмму по-французски, оказалось, что онъ не въ силахъ былъ ничего сдѣлать, потому что отъ волненія окончательно забылъ даже тѣ крупицы французскаго языка, которыя зналъ.

Онъ не могъ оставаться въ бездѣятельности и чувствовалъ себя отвратительно, сидя на диванѣ сложивъ руки.

Тогда онъ опять подсѣлъ къ столу и рѣшилъ просто-напросто написать Зерновой письмо.

— Все равно, она всегда достаточно рано узнаетъ объ этомъ...

Около четырехъ часовъ дня температура больного повысилась, и онъ сталъ бредить.

Шиповъ отправился къ нему въ комнату.

Путшинъ лежалъ теперь съ открытыми глазами, смотрѣлъ на своего друга, но не узнавалъ его. Изъ его запекшихся устъ вырывались безсвязныя фразы, отдѣльныя слова:

— Ну, хорошо... конечно, хорошо,—говорилъ онъ.—Что же изъ этого? Это—кто?... Мрачно и холодно. Мрачно и холодно. Черви и змѣи... а чешуя? Блестящая, вороненая, стальная...

Около пяти часовъ явился врачъ въ сопровожденіи двухъ хирурговъ. Шипову было больно видѣть, какъ они раскрыли его, изслѣдовали, щупали.

Наконецъ, они перешли въ кабинетъ и здѣсь заговорили, закуривъ папиросы. Шиповъ тщетно старался понять ихъ рѣчь, которую они пересыпали латинскими словами и спеціальными терминами. Они говорили долго, и, повидимому, пришли къ единогласному рѣшенію.

Тогда Шиповъ рѣшился спросить ихъ, въ чемъ дѣло.

— Дѣло очень серьезно, какъ я и говорилъ вамъ,—сказалъ первый врачъ.—Нужно опасаться осложненій въ видѣ, напримѣръ, воспаленія брюшины.

— А исходъ?

— Исходъ можетъ быть всякій.

— Что же нужно дѣлать, докторъ?

— Нужно дѣлать операцію. Мы всѣ сходимся на этомъ. Операція необходима. Сейчасъ ее дѣлать нельзя. Авось температура упадетъ, и тогда дня черезъ два, самое большее, необходимо приступить къ оперированію.

— Тогда вы надѣетесь спасти его?

Врачъ широко разставилъ руки.

— Векселя выдать не могу,—сказалъ онъ,—и голову не отдамъ на отсѣче ніе.Но все можетъ быть. Все.

Онъ еще посовѣщался съ коллегами.

— Вотъ что,—сказалъ онъ.—Здѣсь операцію дѣлать неудобно. Здѣсь нѣтъ необходимыхъ принадлежностей, а перевозить ихъ сюда очень хлопотливо. Кромѣ того, въ частной квартирѣ, даже въ такой хорошей—онъ оглядѣлъ кабинетъ,—невозможно добиться идеальныхъ асептическихъ условій. Поэтому будетъ самое лучшее, если мы перевеземъ его, при первой возможности, въ хирургическую лѣчебницу. Кстати здѣсь это очень близко и сдѣлать это удобно. Можно будетъ даже перенести. Я пришлю вамъ своевременно нашихъ молодцовъ. Они перенесутъ его, какъ перышко.

Шиповъ спросилъ подробности про лѣчебницу и узналъ, что это та самая, въ которой служитъ Тархова. О ней-то онъ совершенно забылъ это время.

И вдругъ въ него вселилась увѣренность въ счастливомъ исходѣ болѣзни своего друга.

— Варвара Сергѣевна будетъ ухаживать за нимъ...—сказалъ онъ себѣ.—Лучшаго ухода невозможно и придумать.

— Вы согласны?—спросилъ его врачъ.—Такъ какъ, повидимому, вы самый близкій человѣкъ къ больному.

— О, да, согласенъ. Конечно, ему будетъ тамъ гораздо лучше.

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Я сейчасъ съѣзжу узнать, есть ли свободная комната, и во всякомъ случаѣ устрою это дѣло. Да!—прибавилъ онъ, улыбнувшись,—это не французская дуэль съ традиціоннымъ припѣвомъ въ газетахъ: «Deux balles échangées sans résultat».

И въ его голосѣ и тонѣ Шипову почувствовалось какъ бы удовлетвореніе національнаго самолюбія.

Врачи уѣхали.

Шиповъ усѣлся около кровати больного, который продолжалъ бредить.

Въ его несвязныхъ словахъ Шиповъ улавливалъ мысли о судѣ, о дѣлѣ Сонникова, о балетѣ, о Красовой. Раза два онъ упомянулъ имя Арнольда и ни разу имени Зерновой.

Ночью было совсѣмъ плохо, и одну минуту Шипову показалось, что его другъ кончается. Даже невозмутимый фельдшеръ какъ будто испугался и растерялся.

Но къ утру температура Путшина спала, и онъ пришелъ въ сознаніе и даже улыбнулся своему другу.

Онъ пробовалъ говорить, но Шиповъ и фельдшеръ запретили ему это. Шиповъ сказалъ ему, что его надо перевезти въ лѣчебницу, и утѣшилъ, что доктора надѣются на его полное выздоровленіе.

— Тѣмъ хуже...—прошепталъ больной.

— Владиміръ!—укоризненно сказалъ Шиповъ.

Тотъ слабо улыбнулся и закрылъ глаза.

Черезъ два дня явилось двое служителей и перенесли Путшина въ лѣчебницу.

Шиповъ оставилъ квартиру больного на попеченіе Павла и обѣщался навѣщать его. Онъ оставилъ ему и немного денегъ на расходы, а кредиторамъ адвоката велѣлъ объявить, что впредь до выздоровленія больного имъ не о чемъ безпокоиться.

— И скажите имъ, во всякомъ случаѣ, каковъ бы результатъ ни былъ, они ничего не потеряютъ.

XV.

Тоскливое, мрачное утро. За окнами чуть брезжитъ свѣтъ. Низко надъ садомъ съ оголенными отъ листвы деревьями, ползутъ сплошныя сѣрыя тучи, точно съ ободранными краями: вотъ-вотъ пойдетъ дождь.

На дворѣ ранняя весна, блѣдная, безъ красокъ, и холодная, безъ тепла и солнца, точно больная, какъ всѣ эти больные въ лѣчебницѣ, которые еще спятъ въ это унылое весеннее утро.

Спитъ и городъ съ его сырыми, намокшими улицами, еще не просохшими отъ ночного дождя; на улицахъ пусто.

Спитъ и Путшинъ въ своей отдѣльной комнатѣ, выходящей двумя широкими и высокими окнами въ пустынный садъ лѣчебницы.

Вотъ уже седьмая недѣля пошла, какъ онъ здѣсь. Операцію ему сдѣлали удачно; пулю вынули, внутренніе органы не были повреждены и зараженія крови, котораго одно время опасались, не произошло. Воспаленіе брюшины предупредили.

Но несмотря на протекшій довольно большой срокъ, его все еще не выпускаютъ, все еще держатъ въ лѣчебницѣ, какъ больного, да онъ и, дѣйствительно, боленъ, и даже, кажется, больше духомъ, чѣмъ тѣломъ.

И онъ твердо знаетъ теперь, что никакіе врачи, никакіе самые лучшіе и усовершенствованные хирургическіе инструменты не могутъ оперировать его души и залѣчить его душевныя раны.

Онъ и самъ не знаетъ, въ чемъ именно заключается болѣзнь его души. Если бы онъ могъ поставить себѣ діагнозъ, вѣроятно, нашлось бы и средство лѣченія.

Въ долгіе дни и свѣтлые весенніе вечера, которые онъ проводилъ въ полномъ одиночествѣ въ этой высокой комнатѣ лѣчебницы, онъ много разъ пробовалъ опредѣлить свою болѣзнь, но ничего путнаго не выходило. Усталое тѣло побѣждало его усталый умъ и сонъ въ первое время часто прерывалъ его думы въ самомъ началѣ.

Но и потомъ, когда тѣло окрѣпло, душѣ его не сдѣлалось легче.

Онъ теперь уже вставалъ и ходилъ по своей комнатѣ, опираясь на палку. Уныло глядѣли на него эти высокія стѣны, выкрашенныя въ свѣтло-голубую краску, эти кисейныя занавѣски на окнахъ, этотъ навощенный полъ и эта удивительная, почти идеальная чистота всего, до чего онъ касался.

Медленно, гулко, бѣшенымъ боемъ, пробили стѣнные часы, и

Путшинъ проснулся. Было еще темно, но утро уже начиналось. За оградой сада, на улицѣ, мигали еще фонари; далеко надъ домами плыли сѣрыя тучи. И Путшинъ думалъ о тѣхъ далекихъ и счастливыхъ странахъ, гдѣ высоко надъ голубымъ небомъ сіяетъ золотое солнце, гдѣ растетъ яркая зелень и гдѣ люди не такъ испуганы жизнью, какъ въ этомъ сыромъ и холодномъ городѣ, въ которомъ самой естественной погодой считается ненастье.

Въ послѣднее время Путшинъ все чаще и чаще задумывался объ этихъ далекихъ странахъ, и ему рисовался въ воображеніи домикъ, съ терассой, заросшей ползучими растеніями и глициніями, гдѣ онъ могъ работать; домикъ на какой-нибудь скалѣ, вдали отъ городовъ, съ видомъ на безпредѣльное море. Онъ могъ бы тамъ прожить долго, можетъ быть, всегда; могъ бы мечтать и писать, могъ бы и ничего не дѣлать, но, главное, могъ бы не видѣть людей и почувствовать себя одинокимъ.

Одиночество! Вотъ, кажется, единственное лѣкарство, которое могло бы его исцѣлить, и вся болѣзнь его заключалась въ боязни людей, общества и жизни, то-есть того, что было принято называть этимъ именемъ.

Въ послѣднее время ему приходилось часто видѣться только съ Тарховой, да съ Шиповымъ, который его навѣщалъ время отъ времени.

Но, въ началѣ, какъ только дозволили свиданіе съ посѣтителями, ему пришлось видѣться со всѣми, съ кѣмъ онъ былъ когда-то близокъ и къ кому теперь сталъ такъ далекъ.

Шиповъ очень опасался свиданія своего друга съ Зерновой, вернувшейся изъ-за границы къ началу весенняго сезона. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній и Путшинъ какъ бы слегка волновался.

Но когда къ нему вошла Зернова, свѣжая и точно помолодѣвшая, въ модномъ узкомъ платьѣ, въ шляпкѣ, купленной за границей, чрезвычайно вычурнаго, но изящнаго фасона, онъ даже улыбнулся и посмѣялся въ душѣ надъ своимъ страхомъ.

«Вотъ эта женщина была мнѣ близка когда-то»,—подумалъ онъ и не повѣрилъ себѣ.

Зернова вошла съ приличнымъ случаю сдержаннымъ и угнетеннымъ видомъ, но вскорѣ развеселилась и стала оживленно болтать.

— Милый,—говорила она,—какъ я испугалась, когда получила письмо... письмо... вотъ и забыла фамилію, однимъ словомъ, письмо твоего пріятеля.

— Ахъ, онъ всетаки писалъ?—спросилъ Путшинъ.

— Какъ же, писалъ и очень подробно.

— Къ чему это? Только разстраивать.

— Нѣтъ, отчего же? Я бы обидѣлась, если бы мнѣ не дали знать. Правда, я не могла пріѣхать, потому что связана была контрактомъ и должна была танцовать чуть не каждый день.

И затѣмъ начался оживленный разсказъ объ ея успѣхахъ. Она танцовала фурлану и всѣ итальянцы «съ ума посходили». Цвѣтовъ... ее чуть не забросали цвѣтами.

— А эта брошка? Видишь? Это подарокъ князя. А какъ газеты хвалили!...

Онъ слушалъ этотъ фейерверкъ, который продолжался довольно долго и въ концѣ котораго она всетаки догадалась спросить его: какъ онъ себя чувствуетъ?

— Превосходно, только докторъ не велитъ еще много говорить и утомляться.

Она поняла намекъ и, поболтавъ еще минутъ пять, простилась, пообѣщавъ прислать Дерюгина.

Какъ все теперь было просто и ясно между Путшинымъ и Зерновой! И какъ было хорошо. И онъ, и она, и Дерюгинъ остались друзьями. И все это оттого, что они дали другъ другу полную свободу.

Приходилъ и Дерюгинъ. И съ нимъ Путшинъ потолковалъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. И ему далъ намекъ, чтобы тотъ приходилъ какъ можно рѣже.

И оба этотъ намекъ поняли и больше уже не являлись. Разъ только пришла еще Зернова, но онъ выслалъ сказать, что спитъ, и она уѣхала.

Какъ хорошо! Ни упрековъ, ни укоровъ, ни взаимныхъ обвиненій... Такъ всегда должны поступать умные люди.

Пріѣзжала и Лили съ Львовскимъ. Лили привезла конфетъ и цвѣтовъ. Конфетъ онъ не могъ ѣсть, а запахъ цвѣтовъ кружилъ ему голову и раздражалъ его не меньше ея крѣпкихъ, излюбленныхъ духовъ, которыми она душилась.

Лили держала себя просто и дружески, совершенно какъ Зернова. Не позволила себѣ никакого намека о прошломъ, а о будущемъ сказала какъ-то къ мѣсту и ко времени, но вскользь, что выходитъ замужъ за Львовскаго; и это ничуть не обидѣло Путшина, и даже было ему пріятно.

Львовскій привезъ ему отличнаго коньяку съ разрѣшенія врача и нѣсколько французскихъ романовъ.

Онъ протянулъ ему руку, дружески пожалъ ее и сказалъ:

— Кто старое помянетъ—тому глаза долой, какъ говорится по-русски...

И тотчасъ же сталъ разсказывать содержаніе одного изъ романовъ, а также сообщилъ о смерти одного извѣстнаго французскаго писателя, скончавшагося на-дняхъ въ Парижѣ.

И къ нему Путшинъ почувствовалъ расположеніе и благодарность за то, что тотъ всадилъ въ него пулю, изъ-за которой онъ могъ пролежать здѣсь полтора мѣсяца и отучиться отъ жизни въ обществѣ, которая казалась ему теперь тяжелой неизбѣжностью, хотя онъ этого подчасъ и не сознавалъ.

Была раза два Красова.

Красова сообщила ему, что ей, наконецъ, дали танцовать весной небольшой балетикъ. Она была счастлива. Никого и ничего не любила она въ жизни такъ, какъ свое искусство и свободу сердца, необходимую для того, кто хочетъ быть истиннымъ художникомъ. Она сказала все это иначе, но смыслъ ея словъ былъ именно таковъ, и Путшинъ понялъ ее и понялъ, что въ ея душѣ было что-то родственное его душѣ: это жажда свободы отъ всякихъ личныхъ обязанностей, отъ того плѣна, который налагаютъ на человѣка сердечныя увлеченія.

Варяжскій только завезъ карточку, какъ и Гамовъ. Бородинъ не былъ ни разу. Но Путшинъ слышалъ о немъ; онъ поступилъ къ знаменитому адвокату въ помощники и, повидимому, былъ очень доволенъ своимъ новымъ положеніемъ.

Заѣзжалъ Арнольдъ и послѣ нѣсколькихъ сочувственныхъ возгласовъ, разсказалъ о томъ, какіе теперь носятъ жилеты, а также два новыхъ анекдота. Анекдоты были довольно глупы, но Путшинъ посмѣялся имъ.

Словомъ, о немъ всѣ вспомнили и онъ вспоминалъ о всѣхъ тѣхъ, среди которыхъ когда-то жилъ, жизнью которыхъ, казалось, интересовался и съ которыми былъ связанъ тысячью невидимыхъ, но крѣпкихъ нитей.

И вотъ, теперь, они всѣ далеко отъ него, очень далеко. И ничего общаго у него теперь съ ними нѣтъ. И никого онъ не любитъ, никого не ненавидитъ и ничего, ничего ему не нужно... Полная свобода! Ему казалось, что онъ среди безпредѣльнаго океана, на собственной ладьѣ, которою управляетъ самъ. Хочетъ, пристанетъ къ берегу, хочетъ, плыветъ, куда глаза глядятъ, ни съ чѣмъ не справляясь, ни у кого не спрашиваясь, кромѣ своего желанія и своей воли.

Онъ встрѣтился и съ сестрой Тарховой совершенно просто, дружески, именно какъ съ сестрой.

Она ухаживала за нимъ образцово. Исполняла обязанности се-

стры и сидѣлки, и онъ не чувствовалъ при ней никакого стѣсненія, никакого смущенія.

Хуже всего ему было съ Шиповымъ, который былъ все такъ же добродѣтеленъ и скученъ. Онъ все время говорилъ умныя вещи, окончательно утративъ свой грубый тонъ.

Когда же онъ убѣдился, что отношенія между Путшинымъ и Тарховой удивительно мягкія и дружественныя, то сталъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, дѣлать странные намеки.

— Владиміръ,—сказалъ онъ однажды,—я вижу, что ты очень хорошо относишься къ Варварѣ Сергѣевнѣ.

— Какъ и она ко мнѣ.

— Именно. Что ты чувствуешь къ ней?

— Я?—удивился Путшинъ.—Ничего, кромѣ благодарности за ея уходъ и дружбу.

— И это все?

— Все.

— Странно... Я думалъ нѣчто больше. Воспоминаніе о прошломъ ничего не говоритъ тебѣ?

— Очень многое.

— А!... Что же именно? Не говоритъ ли это воспоминаніе о томъ, *чего* ты лишился, разойдясь тогда съ нею и какъ хорошо могла бы устроиться твоя жизнь, если бы ты не расходился?

Путшинъ засмѣялся.

— Ты чему? Не моимъ же словамъ, надѣюсь?

— Не надѣйся. Потому что, именно, имъ.

— Что же въ нихъ смѣшного?

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, въ нихъ все смѣшно.

— Неужели?

— Правда. Все. Умный ты человѣкъ, повидимому, и образованный, но вся бѣда въ томъ, что ты педагогъ въ душѣ, и по призванію, и по профессіи. А всѣ педагоги удивительно не знаютъ людей и жизни и заѣдены теоріями.

— Благодарю.

— Не сердись, но это такъ. Вѣдь ты хочешь сказать, что теперь, когда я свободенъ, ничѣмъ не связанъ, и она тоже совершенно свободна, мнѣ слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы загладить прошлое... и жениться на ней, что ли!

— Да, въ этомъ родѣ.

— Въ этомъ родѣ ничего не можетъ быть, а можетъ быть одно: жениться. Ну, теперь я спрошу тебя—для чего? Во-первыхъ, я ее не люблю и она меня не любитъ... въ томъ смыслѣ, какъ это необходи-

мо, чтобы жениться. Во-вторыхъ, неужели ты не понимаешь, что ея счастіе, какъ и мое, заключается именно въ томъ, чтобы оставаться свободными? То, что случилось много лѣтъ тому назадъ... было величайшимъ счастіемъ для насъ обоихъ. Она нашла свою прямую дорогу, свое призваніе. Я испробовалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и потерялъ вкусъ къ ней.

— Но, позволь...

— Знаю. У тебя теорія нравственно-педагогическая. Во-первыхъ, нужно искупить зло, якобы сдѣланное мною ей, во-вторыхъ, «не добро быть человѣку едину». Вздоръ! Спроси ее самъ, захочетъ ли она выйти за меня замужъ?

Въ это время вошла Тархова.

— Знаете, Варвара Сергѣевна,—сказалъ ей Шиповъ,—Владиміръ собирается сдѣлать вамъ предложеніе.

— Какого рода?

— Выйти за него замужъ.

Она усмѣхнулась и отвѣтила почти словами Путшина.

— Вотъ вздоръ! Для чего? Развѣ я разстанусь съ своимъ призваніемъ ради того, чтобы выйти замужъ? Вы смѣетесь, конечно...

— Хотя бы за него?

— Почему «хотя бы»? За него менѣе, чѣмъ за кого-либо. Я вамъ давно говорила, что смотрю на все это совершенно иначе. У меня нѣтъ къ нему ни обиды, ни злобы. Я рада, что, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ нашла путь къ своему призванію. Не всякій можетъ похвастаться этимъ и многіе ищутъ этого пути чуть не въ теченіе всей своей жизни.

— Вотъ видишь!—сказалъ торжествующе Путшинъ.

— Странные люди!—пожалъ плечами Шиповъ.

— Нѣтъ, ты странный человѣкъ!—вспыхнулъ Путшинъ,—ты странный, потому что во всемъ видишь долгъ, обязанности, нравственныя формальности. Бракъ для тебя какое-то святое слово, что̀ бы онъ ни покрывалъ собою: взаимное ли равнодушіе, охлажденную дружбу, несоотвѣтствіе характеровъ, все равно... Но, увѣряю тебя, скучный ты педагогъ, что счастіе не въ долгѣ и не въ обязанностяхъ...

— А въ чемъ же?—съ отчаяніемъ воскликнулъ Шиповъ.

— Въ призваніи. Ты не художникъ и не поймешь этого. Мы тоже съ Варварой Сергѣевной не художники, но мы не педанты, а живые люди. Удовлетвореніе своему свободному призванію, влеченію, въ этомъ—все. Она уже нашла свой путь, а я найду свой.

Шиповъ вопросительно поглядѣлъ на своего товарища, но ничего не сказалъ ему въ отвѣтъ.

Однако, онъ не успокаивался на этомъ, и мысль о возможности брака между Путшинымъ и Тарховой засѣла коломъ въ его мозгу и гвоздила его, какъ у всѣхъ упрямыхъ, прямолинейныхъ и негибкихъ натуръ.

Только онъ пробовалъ подойти къ этому вопросу съ какой-нибудь другой стороны и часто заводилъ разговоръ на тему о «сестрахъ вообще».

— Ты никогда не думалъ о сестрахъ... такъ вообще?—спрашивалъ онъ.—Какія онѣ труженицы! Сколько потрачено ими здѣсь здоровья, силъ, лучшихъ, молодыхъ годовъ жизни, на благо страдающему человѣчеству. Сколько подвиговъ! Въ этой обители людского страданія и горя отдаютъ онѣ на пользу ближняго всѣ свои молодыя силы... Онѣ тоже живутъ, но живутъ не для себя, какъ всѣ мы грѣшные, не своею жизнью, а для другихъ, чужою жизнью. Сколько людей онѣ возвратили жизни, цѣною своихъ героическихъ усилій! А сами все принесли въ жертву—и молодость, и личное счастіе, и часто красоту, которая нынче цѣнится, кажется, больше всего на свѣтѣ. Развѣ это не подвигъ и онѣ не подвижницы?...

Путшинъ улыбался.

— Это подвигъ и онѣ подвижницы, если онѣ дѣлаютъ это изъ принципа, по убѣжденію, противъ своихъ природныхъ наклонностей и влеченій. И ты былъ бы отличнымъ адвокатомъ этихъ подвижницъ, если бы кому-нибудь пришла въ голову мысль предать ихъ осужденію. Но, увы! Такая мысль никому не приходитъ въ голову и ничто ихъ не осуждаетъ. А потому слова твои—втунѣ. Но если онѣ дѣлаютъ все это по влеченію, по призванію, то ихъ работа, ихъ дѣло, перестаетъ быть подвигомъ и героизмомъ, а становится для нихъ удовольствіемъ, даже наслажденіемъ. И тогда не остается никакихъ мотивовъ для удивленія и экстазовъ.

— Ты—человѣкъ сухой сердцемъ.

— Ничуть, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты это понимаешь. Но я не вижу причины для умиленій надъ человѣкомъ, который дѣлаетъ дѣло, любимое имъ, нравящееся ему. Это все сантиментальности прежнихъ годовъ. Здѣсь вѣдь не монастырь, и сестры не даютъ ни вѣчныхъ, ни временныхъ обѣтовъ. Хотятъ работаютъ, не хотятъ—могутъ уйти. Если не уходятъ, значитъ имъ нравится ихъ дѣло. Воля твоя, я не могу же жалѣть человѣка за то, что онъ дѣлаетъ нравящееся ему дѣло. Это было бы глупо! Но и ты говоришь вѣдь все это такъ, чтобы сдѣлать переходъ къ сестрѣ Тарховой.

— Такъ что же? И сестра Тархова...

— Вотъ видишь! Знаешь, что? Я начинаю думать, что ты самъ неравнодушенъ къ нашей пріятельницѣ...

Шиповъ густо покраснѣлъ.

— И очень жалѣю, что ты женатъ... Ты бы навѣрное женился на Тарховой, если бы она вышла за тебя.

Шиповъ вскипѣлъ.

— Ты невозможный человѣкъ и говоришь глупости!—рѣзко сказалъ онъ.

Но Путшину хотѣлось его позлить и онъ продолжалъ:

— Я увѣренъ, что въ душѣ... ну такъ, иногда, ночью, когда никто не видитъ выраженія твоего лица, ты подумываешь о томъ, чтобы операція не удалась твоей женѣ... и ты сдѣлался бы вдовцомъ!

— Владиміръ!

— Я же не говорю, что желаю этого. Дай ей Богъ долгихъ лѣтъ жизни... Но я тебя увѣряю, ты бы тогда женился на Тарховой. Есть мысли, которыя на вашемъ робкомъ языкѣ добродѣтельныхъ людей считаются «преступленіями въ зачатіи». Это одна изъ такихъ мыслей, изрѣдка тревожащихъ тебя. Но вы всѣ вѣками привыкли къ оковамъ, къ ограниченіямъ и стѣсненіямъ своихъ мыслей, своего духа, вы всѣ, и въ особенности такъ называемые либералы.

— Владиміръ, ты говоришь ужасныя, непозволительныя, безчеловѣчныя слова... Я не далъ тебѣ ни малѣйшаго повода думать такъ, и ты меня глубоко обижаешь.

Вошелъ докторъ.

Онъ поздоровался съ пріятелями, осмотрѣлъ подробно Путшина и сказалъ ему:

— Дня черезъ три я васъ отпущу отсюда. Вы совсѣмъ молодцомъ! Слабость... ну, да это скоро пройдетъ. Больше ѣсть и спать... А когда окрѣпнете, соберитесь-ка отсюда куда-нибудь на югъ, въ хорошій климатъ. Это вѣдь можно?

— Можно.

— Ну, и слава Богу.

И торопливо пожавъ руку больному, онъ вышелъ для осмотра другихъ.

— Ну, не сердись,—сказалъ Путшинъ, протянувъ руку Шипову.—Останемся друзьями. Когда я выйду отсюда, заходи, пожалуйста, ко мнѣ немедленно, ты мнѣ поможешь разобраться въ дѣлахъ... Все у меня дома, должно быть, страшно запущено. А вѣдь это твое призваніе устраивать чужія дѣла.

XVI.

Путшину все показалось ужасно страннымъ въ его квартирѣ, когда онъ вернулся туда.

Сторы на окнахъ были спущены, вездѣ царилъ порядокъ, но пахло чѣмъ-то нежилымъ, какою-то выморочностью, точно въ домѣ былъ недавно покойникъ.

Павелъ встрѣтилъ своего барина съ мрачнымъ видомъ. Насколько могъ, онъ держалъ домъ въ порядкѣ. Повара отпустилъ, потому что готовить ему было нечего, а платить ему жалованье за ничего недѣланіе считалъ лишнимъ. Изъ одной комнаты вся мебель, ковры и всякія мелочи были вынесены. Павелъ объяснилъ, что онъ на свой рискъ заложилъ все это, чтобы разсчитаться съ мелкими долгами по квартирѣ и въ особенности съ обойщикомъ, который жить ему не давалъ.

Все равно, обойщикъ грозилъ подать въ судъ и тогда явился бы приставъ и описалъ обстановку. Лучше было предупредить это.

Путшинъ одобрилъ всѣ распоряженія Павла, но ему сдѣлалось грустно при видѣ комнаты, точно опустѣвшей послѣ пожара. Это былъ будуаръ Зерновой и теперь самый духъ ея исчезъ изъ квартиры.

Путшинъ прошелъ въ кабинетъ и присѣлъ къ столу; все оставалось на немъ попрежнему, было нѣсколько писемъ, лежала куча газетъ, скопившихся здѣсь за время его отсутствія. Лѣниво принялся онъ читать корреспонденцію, въ которой до сихъ поръ не попадалось ему ничего интереснаго.

Павелъ давно поднялъ сторы, и въ кабинетѣ стало свѣтло. Но тѣмъ унылѣе, тѣмъ запущеннѣе показался онъ Путшину.

И еще показалось ему, что онъ изъ больницы попалъ въ тюрьму, гдѣ воспоминанія о нехорошемъ прошломъ окружали его, и онъ не былъ въ состояніи отъ нихъ отдѣлаться.

Павелъ позвалъ его завтракать, приготовивъ ему этотъ завтракъ самодѣльнымъ способомъ. Путшинъ не чувствовалъ аппетита и вскорѣ, покончивъ съ несложнымъ столомъ, опять перешелъ въ кабинетъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Унылая сѣрая тьма петербургскаго дня давно прошла и начиналась холодная, но все же весна. Блѣдно-молочное небо съ бѣловатыми облачками глядѣло на него привѣтливо. Улицы были очищены отъ грязи и снѣгу и извозчичьи экипажи дребезжали своими колесами по острымъ камнямъ мостовой.

На прохожихъ не было больше тяжелыхъ шубъ, высокихъ калошъ и мѣховыхъ шапокъ; толпа казалась подвижнѣе и наряднѣе.

Путшина потянуло вонъ изъ этой тюрьмы, изъ этого непривѣтнаго города; онъ чувствовалъ себя здоровымъ, бодрымъ и окрѣпшимъ, и ему хотѣлось поскорѣе ликвидировать всѣ свои дѣла и уѣхать туда, гдѣ ничто не напоминало бы ему о прошлыхъ дняхъ его жизни и карьеры.

Стоя у окна, онъ дѣлалъ мысленно подсчеты. За уплатой всѣхъ долговъ и за продажей заложеннаго имѣнія, у него останется порядочный капиталъ, на который онъ можетъ существовать безбѣдно. Никакихъ роскошей, никакихъ широкихъ фантазій средства его не допустятъ, но жить будетъ можно, не нуждаясь и ни въ чемъ существенномъ себѣ не отказывая.

«Въ свое удовольствіе,—подумалъ онъ,—ни съ кѣмъ не конкурируя, ни за кѣмъ не гоняясь, не тратя деньги на то, что даже не доставляетъ удовольствія, а дѣлается ради того, чтобы не отставать отъ другихъ».

На минуту его взялъ страхъ: ужъ не мѣщанскій ли добродѣтельный духъ начинаетъ его одолѣвать? Но онъ улыбнулся, успокоенный: нѣтъ, это не то. Это—духъ свободы, духъ сознанія, что онъ можетъ ни отъ кого не зависѣть, не плясать по чужой дудкѣ, свободно выражать свои мнѣнія и поступать по собственному побужденію и желанію.

Передъ вечеромъ пришелъ Шиповъ.

Они вмѣстѣ пообѣдали, такъ же просто и такъ же невкусно, какъ онъ утромъ позавтракалъ, и потомъ усѣлись въ кабинетѣ, чтобы заняться дѣлами.

За окнами догоралъ закатъ; красныя полосы ложились по небу и молочно-голубое небо, отъ присутствія ихъ, становилось блѣднѣе и сѣрѣе, и въ воздухѣ разливался, точно изъ невидимаго огромнаго сосуда, тотъ мутновато-бѣлесоватый свѣтъ, которымъ отличаются весеннія сумерки Сѣвера.

Путшинъ изложилъ Шипову свои соображенія.

— Вотъ что, мой другъ,—сказалъ онъ ему,—я завтра же пошлю за оцѣнщикомъ и заложу всю обстановку; это дастъ мнѣ довольно крупную сумму; я тебѣ оставлю подробный списокъ мелкихъ долговъ со всѣми оправдательными документами; ты ихъ уплатишь; на остальныя я уѣду, предварительно сдѣлавъ полную довѣренность на твое имя. Не торопясь, не спѣша, ты продашь возможно выгоднѣе мое имѣніе—вотъ здѣсь описи, планы, купчая и все необходимое; ты получишь разницу, потому что продашь съ переводомъ долга на покупателя. Конечно, всѣ расходы, до самыхъ мельчайшихъ, ты удержишь, а очистившуюся сумму переведешь по адре-

су, который я тебѣ вышлю. Но предварительно выкупишь обстановку и продашь ее съ аукціона. Отсюда тоже очистится не мало: вещи у меня все очень цѣнныя. Это потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но, прошу тебя, не затягивай дѣла; конечно, это жертва съ твоей стороны заниматься такими скучными и притомъ чужими дѣлами; но ты—мой старый другъ, а на что же существуютъ друзья какъ не на то, чтобы взваливать на нихъ непріятныя вещи... И куда-жъ бы годилась твоя добродѣтель, если бы ты не взялся выручить ближняго?

— Не язви,—спокойно сказалъ въ отвѣтъ Шиповъ,—я все это сдѣлаю добросовѣстно и какъ умѣю, какъ будто я это дѣлаю для себя. Можешь быть спокоенъ. Но мнѣ необходимо знать нѣкоторыя подробности и всякія мелочи.

Они погрузились въ детальное разсмотрѣніе бумагъ, счетовъ, документовъ и плановъ; опредѣлили минимумъ и максимумъ цифръ, и все это заняло около двухъ часовъ времени.

Павелъ подалъ чай.

Путшинъ посвятилъ и его вкратцѣ въ свои планы, благодарилъ его за службу, обѣщалъ выдать ему годовой окладъ жалованья и тутъ же записалъ цифру на спискѣ, который готовилъ Шипову.

Павелъ огорчился, но поблагодарилъ и ушелъ. Потомъ вернулся и сказалъ:

— Значитъ, мнѣ искать мѣсто?

— Да, другъ мой. Впрочемъ, ты можешь жить здѣсь еще мѣсяца два-три, пока Петръ Ивановичъ не кончитъ всѣхъ дѣлъ.

— Мнѣ уже предлагали мѣсто,—сказалъ Павелъ,—да я отказался.

— Да? Кто же?

— Господинъ Бородинъ заѣзжали.

— Бородинъ? Мой помощникъ?

— Они-съ. Дѣла у нихъ пошли хорошо, сказывали они, и сняли, будто бы, хорошую квартиру. А лакей требуется къ нимъ для представительства, что ли. Только я къ нимъ не пойду.

— Отчего же?—улыбнулся Путшинъ.

— Обидно-съ. Были они помощникомъ и, къ слову сказать, даже у меня иногда заискивали, а теперь я къ нимъ пойду служить? Такіе господа, которые сами были нуждавшись, намъ не годятся. Мы съ ними не ладимъ. Простите, что я такъ говорю, а только это вѣрно-съ.

— Ну, какъ знаешь...

Павелъ ушелъ окончательно.

— Ай да Бородинъ! Быстро шагаетъ! — задумчиво проговорилъ Путшинъ.

— Оставимъ Бородина,—сказалъ Шиповъ.—Этотъ молодой человѣкъ знаетъ, чего хочетъ и добьется того, чего хочетъ. У него выдумка и характеръ. Но поговоримъ о тебѣ, Владиміръ.

— Поговоримъ. Мы вѣдь и такъ все время говорили.

— Да, о дѣлахъ. А я хочу поговорить о тебѣ самомъ

— А! Ну, что жъ, говори.

— Знаешь ли ты, чего ты хочешь?

— Почти.

— Чего же именно?

— Свободы.

Шиповъ поморгалъ глазами, подумалъ и спросилъ:

— Свободы? Не понимаю. Развѣ ты былъ не свободенъ? Я давно уже думаю о тебѣ, и ты мнѣ представляешься загадкой. Передъ этимъ происшествіемъ... помнишь... ну, передъ глупой дуэлью, ты говорилъ, что не хочешь жить... что жизнь опротивѣла тебѣ... Теперь ты, повидимому, уже не думаешь о смерти.

Путшинъ засмѣялся.

— Я—загадка? Скажешь тоже! Если я и загадка, то во всякомъ случаѣ очень несложная, вродѣ тѣхъ, которыя печатаются, для заполненія, на послѣдней страницѣ Гамовской газеты. Отгадываютъ ихъ сотни, а, можетъ быть, и больше, и во всякомъ случаѣ печатаются лишь первыя десять фамилій отгадчиковъ, прославшихъ вѣрныя рѣшенія—это все «Коля и Люба», «Вѣра изъ Коломны» и тому подобное. Вѣроятно, гимназисты и гимназистки или приказчики. Неужели ты хуже ихъ,—не можешь разгадать столь несложнаго ребуса?

Шиповъ пожалъ плечами.

Путшинъ продолжалъ:

— Да, милый, ты правъ, мнѣ не хотѣлось жить. Но теперь я вижу, что добровольно уходить изъ жизни глупо. Это, значитъ, очищать вакансію, когда тебя никто не гонитъ. Видѣлъ ты, какъ перевозятъ куръ? Набиты онѣ битокъ-биткомъ, и каждая старается найти себѣ мѣсто, толкается, дерется, давитъ другихъ. Ей хочется на свободу. Но взмахнетъ она крыльями кверху — рѣшетка, кинется вбокъ—опять рѣшетка, и куда бы она ни подалась, всюду рѣшетка. Это — жизнь. Рѣшетчатый коробъ — жизнь со всѣмъ ея строемъ, правами, обязанностями, предразсудками, добродѣтелями и привычками, а куры—люди, тщетно выбивающіеся изъ своего короба. Бьются они до тѣхъ поръ, пока ихъ не привезутъ къ мѣсту и всѣхъ не перерѣжутъ. У нихъ утѣшеніе, что они до фатальнаго дня живутъ

въ обществѣ себѣ подобныхъ куръ. Можетъ быть, опѣ потому и не могутъ вырваться на волю, что ихъ много? Движеніе къ свободѣ одной парализуется всѣми другими. Будь курица въ коробѣ одна, можетъ быть, она пробралась бы въ отверстіе между прутами; она помяла бы себѣ бока, но пробралась бы; можетъ быть, она клювомъ, черезъ долгое время, исщепила бы прутъ и вырвалась. Но антуражъ мѣшаетъ этому; интересы другихъ выбивающихся куръ образуютъ несокрушимую стѣну вокругъ нея, и она, въ концѣ концевъ, должна выбиться изъ силъ и подставить горло ножу какой-нибудь нелѣпой кухарки. Вотъ тебѣ аллегорія жизни въ обществѣ.

Шиповъ развелъ руками.

— И вотъ такой жизни ты не хочешь?

— Нѣтъ, о, нѣтъ! И если бы мнѣ предстояло такъ жить, я предпочелъ бы скорѣе умереть.

— Но какъ же можно жить иначе?

— Во время моей болѣзни мнѣ мелькнула такая перспектива.

— Да что ты?

— Увѣряю тебя. Видишь ли, чтобы не выходить изъ царства пернатыхъ: куры и галки живутъ обществами, но только орлы одиноко вьютъ гнѣзда на неприступныхъ скалахъ. Это сказалъ великій нѣмецкій философъ. Я не хочу быть ни галкой, ни мокрой курицей. Я хочу быть орломъ. Хочу быть одинокимъ. Хочу жить на неприступной скалѣ.

— Это символъ?

— Конечно, Господи!

— Не всѣмъ дана эта возможность. Орелъ силенъ, и чтобы взлетѣть на неприступную скалу нужны сильныя крылья.

— Я и хочу быть сильнымъ.

— Одного хотѣнья для этого мало.

— А знаешь, что необходимо, чтобы быть сильнымъ?

— Именно?

— Одиночество. Силенъ тотъ, кто одинокъ. Это опять-таки глубокая философская истина, не мною сказанная. Но одинокъ во всѣхъ смыслахъ.

— Но общественность... — началъ было Шиповъ, и Путшинъ быстро перебилъ его, не давъ ему досказать:

— Въ проповѣди общественности, мірского начала, артели, русская литература упражняется уже чуть не сто лѣтъ. Но вся эта общественность — красивое слово. Есть ему синонимъ, менѣе красивый—стадность. Я не могу быть однимъ изъ стада.

— Тогда будь пастыремъ, заботящимся о стадѣ. Это, конечно, лучше.

— Зачѣмъ? Для чего? Я не хочу быть ни пастыремъ, ни однимъ изъ стада. Я хочу быть сильнымъ и одинокимъ...

Онъ помолчалъ, задумавшись, какъ бы провѣряя еще разъ выраженную словами мысль.

Потомъ онъ заговорилъ:

— Петръ Ивановичъ, ты самъ отлично знаешь всю мою жизнь,— жизнь, которою живутъ сотни тысячъ людей. Я жилъ, какъ всѣ, стремился, какъ всѣ, выбиться изъ обычныхъ рамокъ жизни. Я любилъ, потому что было время, когда я дѣйствительно любилъ; но и въ самые, казалось, патетическіе моменты этой любви я не чувствовалъ полнаго аккорда счастія; въ немъ недоставало какихъ-то музыкальныхъ инструментовъ или, можетъ быть, эти инструменты не давали всѣхъ требуемыхъ нотъ для аккорда, не знаю. Знаю то, что любовь къ Варварѣ связывала меня по рукамъ и ногамъ и чуть было не погубила меня. Но я вò-время нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы развязаться съ ней.

— Это твой самый дурной поступокъ въ жизни.

Путшинъ усмѣхнулся.

— Ты выражаешься еще мягко изъ снисходительности ко мнѣ. Но это дурной поступокъ въ вашемъ узко-добродѣтельномъ смыслѣ, съ точки зрѣнія мѣщанской морали. По моему, это былъ хорошій и смѣлый поступокъ, освободившій насъ обоихъ отъ тяжелыхъ путъ и вязей.

— Но ты вѣдь любилъ Зернову?

— О, да. И даже теперь не чувствую къ ней ненависти или злобы.

— И эта любовь тебя тоже связывала?

— О, конечно. Мы съ Тарховой другъ друга не понимали, несмотря на нашу молодость, одинаковое положеніе и почти одинаковыя рѣчи. Мы были люди слишкомъ разныхъ натуръ и темпераментовъ и взглядовъ, и мыслей... Тяжко жить съ женщиной, которая тебя не понимаетъ...

— Съ этимъ я согласенъ, но я тебя спрашиваю не о Тарховой..

— Знаю. И перехожу. Но еще болѣе тяжко, невыносимо жить съ женщиной, которая тебя понимаетъ и видитъ насквозь. Невыносимая скука окутываетъ съ ногъ до головы такую пару. Женщина понимаетъ тебя, когда ты говоришь, съ полусловъ и даже когда ты ничего не говоришь, по одному твоему молчанію. Съ первой—безконечные споры, распри, безплодные разговоры, потому что стараешься

убѣдить ее, привлечь на свою сторону, доказать ей свою мысль; со второй — вѣчное молчаніе. Ей не о чемъ говорить. Ты раскрылъ ротъ, и она уже впередъ знаетъ, что ты скажешь. И обратно. Это не аккордъ, не гамма, а вѣчная пауза. Это невыносимо. Такова была въ сущности моя жизнь съ Зерновой. Мы замѣчательно одинаково мыслили...

— И часто ссорились!

— Ну да. Надо же намъ было придумывать какіе-нибудь поводы, какія-нибудь мелочи, чтобы ссориться! Иначе мы умерли бы съ тоски въ нашемъ тихомъ болотѣ, и зеленая плѣсень того, что на вашемъ языкѣ называется «мирной семейной жизнью», затянула бы наши головы. Мы захлебнулись бы отъ благополучія. Но благополучіе безъ мѣры такъ же невыносимо, какъ и безмѣрное неблагополучіе. Мы разошлись. Это былъ самый умный поступокъ съ обѣихъ сторонъ. Мы дали другъ другу свободу и вернули другъ другу силы. Доказательствомъ, до чего мы мыслили одинаково, служитъ тебѣ нашъ разрывъ, по взаимному, почти безмолвному, соглашенію, послѣ десяти минутъ разговора, въ которомъ мы поняли другъ друга съ первыхъ произнесенныхъ словъ. И хочешь знать суть всего этого? Зернова такая же, по натурѣ, одинокая, сильная женщина, какъ я. У нея тѣ же, можетъ быть, смутные пока идеалы. Она изъ тѣхъ, которыя не могутъ жить въ стаяхъ и чувствуютъ себя хорошо только на недоступныхъ вершинахъ. Она никогда не будетъ жить съ Дерюгинымъ въ одной квартирѣ и тщательно будетъ заботиться о томъ, чтобы ея связь съ нимъ не превратилась ни въ collage, ни въ faux-ménage, ни даже въ настоящій семейный, брачный кисель. Если она не сдѣлаетъ этого—она погибла; если удержится—будетъ чувствовать себя счастливой въ своемъ внутреннемъ, самостоятельномъ одиночествѣ. Ну, вотъ тебѣ и все относительно любви.

— Но ты стремился еще къ извѣстности и славѣ.

— Ахъ, объ этомъ не стоитъ и говорить. Давно сказано: слава—дымъ! Это даже превратилось въ пошлость, до того это вѣрно. Я шелъ къ славѣ; одинъ неудачный ходъ,—дѣло Сонникова,— и все разлетѣлось прахомъ. И что такое слава? Это удивленіе стада передъ баранomъ, который сдѣлалъ необыкновенный и неожиданный прыжокъ. Баранъ какъ будто взобрался на гору, и всѣ дивятся на него. Но вотъ, онъ закачался, потерялъ равновѣсіе, пробывъ одно мгновеніе на вершинѣ, и «загремѣлъ», по выраженію Павла, внизъ. Нѣтъ, это только мелкія натуры мечтаютъ о славѣ. И слава не даетъ свободы, а, напротивъ, накладываетъ тѣ же цѣпи на человѣка. Онъ обязанъ под-

держать ее и сдѣлать все, чтобы только не опозориться и не «загремѣть» внизъ...

— А деньги?

— Что деньги?

— Ты очень любилъ деньги...

— Гм... какъ сказать! Очень, не очень... но любилъ. Однако, деньги—лучшее изъ всѣхъ благъ, когда ихъ имѣешь въ мѣру. Онѣ даютъ извѣстную самостоятельность, а самостоятельность—свободу. Когда онѣ средства—ихъ можно любить. Когда онѣ превращаются въ цѣль—ихъ надо ненавидѣть. Человѣкъ превращается въ ихъ раба, а онѣ въ его господина. Онѣ какъ и любовь, вяжутъ. Я ихъ накопилъ порядочно; но онѣ вдругъ показались мнѣ цѣлью, и я сталъ стремиться сдѣлать ихъ какъ можно больше. И чѣмъ больше я ихъ имѣлъ, тѣмъ шире разрастались мои потребности. И чѣмъ шире разрастались потребности, тѣмъ меньше становилось денегъ. Въ концѣ концовъ—петля. Я чуть окончательно не запутался. Нѣтъ, жить, чтобы зарабатывать деньги—это значитъ превратиться въ илота...

— Итакъ, любовь, слава, деньги, все это никуда негодная цѣнность? Прекрасно...—возразилъ Шиповъ,—объ этомъ можно долго и много говорить, а можно съ разными оговорками и согласиться. Но ты забылъ одну несомнѣнную вещь, приносящую истинное счастіе человѣку...

— Держу пари,—прервалъ его Путшинъ,—что это будетъ великій идеалъ всѣхъ васъ добродѣтельныхъ людей: «Трудъ» и непремѣнно съ большой буквы.

— Ты выигралъ пари.

Путшинъ засмѣялся.

— Ну, само собой,—сказалъ онъ.

Шиповъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ:

— Да, трудъ—это одно, дѣйствительно цѣнное въ жизни. Трудъ упорный, тяжелый, безпрерывный. Потому что это лучшая гарантія отъ искушеній, потому что это пища сильнаго духа, а вѣдь ты претендуешь именно на сильный духъ. Потому что, когда ты чувствуешь пресыщеніе жизнью, отвращеніе къ самому себѣ, единственное лѣкарство—это трудъ или та работа, которую онъ доставляетъ... Наконецъ, трудъ есть самое дѣйствительное изъ всѣхъ анестезирующихъ средствъ для обезболиванія души.

— Аминь! Панацея всѣхъ золъ найдена! Но, милый, во-первыхъ, къ анестезирующимъ средствамъ быстро привыкаетъ организмъ. А, во-вторыхъ, ты забылъ главное. Трудъ, дѣйствительно, цѣнность жизни, и можетъ быть даже цѣнная. Но вся цѣнность его заключает-

ся въ немъ самомъ. Я хочу сказать, что трудъ an und für sich—нелѣпость, потому что человѣкъ отъ природы вовсе не склоненъ къ нему. Трудъ какъ обязанность—скученъ и тошенъ, и ведетъ къ душевному безсилію. Трудъ какъ добываніе средствъ къ жизни—каторга. Трудъ любимый, трудъ свободный какъ птица, трудъ, за которымъ не чувствуется принципа, долга, денегъ—вотъ это единственно цѣнный видъ труда. Трудъ, какъ и вдохновеніе, хорошъ и цѣненъ, когда его не насилуешь и имъ не злоупотребляешь... Но теперь и ты можешь сказать мнѣ аминь!

XVII.

— Все хорошо, — помолчавъ, началъ опять Путшинъ, — что рождается отъ свободы, и все дурно, что опутано цѣпями какого бы то ни было рабства. Свободный же духъ, не стѣсненный условностями, не стѣсненный накопленнымъ вѣками и воспитанный поколѣніями рабствомъ, рождаетъ свободныя дѣла... Я хочу попробовать жить свободно, возвыситься надъ тѣмъ, что называется жизнью въ обществѣ. Я буду жить одинъ, не связанный ни любовью, ни заботами объ эфемерномъ успѣхѣ. Я буду слушаться только своего голоса, своего духа. Буду писать свою книгу, если она дѣйствительно займетъ меня; буду писать когда хочется и главное *какъ* хочется. Надоѣстъ—брошу.

— Ну, а если полюбишь?—прервалъ его Шиповъ.

— Такъ что-жъ? Буду любить тоже свободно, безъ обязательствъ и безъ накладыванія другъ на друга цѣпей. Но я не думаю, чтобы полюбилъ. Любовь, страсть хороша въ юности; въ зрѣломъ возрастѣ страсть — недугъ, въ старости — тяжелое несчастіе. Влюбленность—бутонъ роскошнаго цвѣтка; любовь—распустившійся цвѣтокъ, привычка—плодъ и часто горькій. Постараюсь стать выше того, что называется любовью. Я нахожусь во второмъ періодѣ и не хочу наживать себѣ недуга.

Путшинъ всталъ и подошелъ къ окну.

За окномъ уже угасала заря, теперь темно-багроваго, почти вишневаго цвѣта. На золотомъ куполѣ церкви, виднѣвшейся вдали, догоралъ послѣдній ея лучъ. Круглый куполъ блестѣлъ темно-красной кровавой искрой.

— Взгляни, — обернулся къ Шипову Путшинъ и указалъ на золотой куполъ церкви,—взгляни, какимъ темнымъ блескомъ блеститъ онъ!

— Да...—сказалъ, подойдя къ окну, Шиповъ.

— Это символъ жизни. Она тоже горитъ темнымъ блескомъ,—

проговорилъ Путшинъ,—блескомъ далекаго и свободнаго солнца. Люди, съ ихъ выдуманными, туманными, сумеречными идеалами сгустили сумерки надъ жизнью, которая блеститъ отраженнымъ свѣтомъ. Я хочу настоящаго, своего солнца и постараюсь найти его.

— А если не найдешь?

— Я буду недостоинъ жизни. Тогда отыщется средство.

— Какое?—испуганно спросилъ Шиповъ.

— Средство перейти отъ этой сумеречной жизни къ новой, гдѣ нѣтъ любви, гдѣ никто не заботится о славѣ, о долгѣ, объ обязанностяхъ, о традиціяхъ и гдѣ горитъ свободное солнце небытія, а можетъ быть невѣдомой намъ жизни духа... Прости, я заговорилъ, какъ философская книга, и чувствую, что ты меня не понимаешь. Мой идеалъ и самому мнѣ нѣсколько смутенъ въ подробностяхъ, но не въ цѣломъ, и многое мнѣ еще не ясно. Но я буду работать надъ уясненіемъ его.

Сумерки стали окончательно за окномъ и начали постепенно надвигать на городъ ночныя тѣни.

Путшинъ отошелъ отъ окна и повернулъ въ стѣнѣ кнопку—въ комнатѣ стало ярко, какъ днемъ.

— Ну, прощай, мнѣ пора,—сказалъ Шиповъ.—Завтра жену перевозятъ въ лѣчебницу. Послѣ завтра профессоръ обѣщалъ сдѣлать ей операцію.

— Что говоритъ профессоръ?

— Что положеніе ея опасно... даже очень опасно, что она никогда не выздоровѣетъ окончательно, если операція и удастся. Страшно подумать...

Путшинъ зорко взглянулъ Шипову прямо въ глаза. Шиповъ потупилъ свой взоръ подъ этимъ острымъ взглядомъ, и Путшинъ прочелъ его тайную, «преступную» мысль.

Онъ пожалъ своему другу руку и тихо проговорилъ:

— Будь твердъ.

И въ этихъ простыхъ словахъ Шипову почудилось особенное значеніе, которое его испугало.

Не глядя на Путшина, онъ ушелъ.

На другое утро Путшинъ читалъ газеты, и въ рубрикѣ свѣтской хроники ему случайно мелькнуло имя Розенъ.

Онъ заинтересовался и сталъ читать вплотную.

«Въ церкви департамента удѣловъ состоялась вчера свѣтская свадьба. Г-жа Л. И. Розенъ вышла замужъ за г. Львовскаго; на невѣстѣ было великолѣпное бѣлое платье, отдѣланное дорогими круже-

вами, заказанное Пакэну въ Парижѣ. Среди приглашенныхъ назовемъ au hasard: г. Варяжскаго, г. присяжнаго повѣреннаго Бородина, генерала Дерюгина, княгиню Рязанову, баронессу Гроссъ и др. Всѣмъ присутствовавшимъ были розданы изящныя бонбоньерки съ инціалами новобрачныхъ, дамамъ—букеты цвѣтовъ. Поздравленіе молодыхъ состоялось въ церкви; новобрачные уѣзжаютъ за границу только черезъ нѣсколько дней».

Ничто не шевельнулось въ душѣ Путшина, когда онъ прочелъ это извѣстіе. Онъ только усмѣхнулся и ему стало скучно.

Вечеромъ было закрытіе весенняго сезона, и онъ отправился въ балетъ, не зная, какъ развлечь себя, какъ убить время.

Его вдругъ потянуло въ театръ, въ ту атмосферу, которой онъ такъ долго дышалъ, среди которой такъ долго жилъ. Не потому, что ему недоставало прежняго воздуха, а потому, что ему вдругъ неудержимо захотѣлось увидѣть прежнія лица, прежнюю обстановку и провѣрить то впечатлѣніе, которое они произведутъ на него.

Будетъ ли ему хотя немного жаль разстаться со всѣмъ этимъ? Шевельнется ли въ его душѣ хотя искра сожалѣнія о прошломъ? Или же, напротивъ, полное равнодушіе укрѣпитъ его въ рѣшеніи навсегда разстаться со всѣмъ этимъ.

Онъ отправился въ театръ.

Залъ былъ достаточно полонъ, но, конечно, не такъ набитъ, какъ зимой. Однако, войдя въ залъ, Путшинъ тотчасъ же увидѣлъ, что всѣ habitués налицо и сидятъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ, какъ сидѣли всегда. И ему показалось, что никакого перерыва въ его жизни не было и что онъ былъ здѣсь только вчера.

Ему сдѣлалось жутко.

Въ ложѣ, по обыкновенію, сидѣлъ Дерюгинъ и, увидя Путшина, сдѣлалъ ему привѣтъ ручкой. Заслышавъ его шаги, повернулся на своемъ креслѣ Варяжскій и кивнулъ ему, улыбнувшись. И Гамовъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, такой же гладко бритый, съ усами кверху, расчесанными на концахъ въ метелки, и такой же надуто-глупый, какъ всегда. Бородинъ, во фракѣ съ маленькимъ значкомъ присяжнаго повѣреннаго въ петлицѣ, съ какой-то особенной прической, которой прежде не видалъ у него Путшинъ, сидѣлъ во второмъ ряду и оглядывалъ публику съ такимъ видомъ, какъ будто выманивалъ у нея вниманія. «Обратите, молъ, вниманіе, какая будущая знаменитость сидитъ между вами. Но вы, идіоты, этого, пока еще, не чувствуете».

Въ одной изъ ложъ перваго яруса сидѣла Лили съ мужемъ. На ней былъ прелестный весенній туалетъ цвѣта bleu saxe, скромный, простой, но дорогой и изящный, какъ все, что она надѣвала. Реверы

ея лифа были отдѣланы настоящими брюссельскими кружевами крупнаго рисунка. Львовскій былъ элегантно одѣтъ, но показался Путшину осунувшимся, уставшимъ и вялымъ. Лили какъ будто еще больше похудѣла и стала еще болѣе походить на «червяка въ корсетѣ».

При этомъ, пришедшемъ ему на память, сравненіи, онъ улыбнулся и поклонился въ ложу, такъ какъ Лили пристально смотрѣла на него въ бинокль. Она отвѣтила ему сдержанно, видимо не предполагая, что онъ вновь станетъ являться въ обществѣ послѣ своей «исторіи». Она нагнулась къ мужу, шепнула ему что-то, и тотъ закивалъ Путшину радостно и привѣтливо головой. Но Лили тотчасъ же сдѣлала ему какое-то замѣчаніе и улыбка немедленно сползла съ губъ Львовскаго. Онъ строго взглянулъ на Путшина и отвернулся.

— Уже—рабъ!—пробормоталъ Путшинъ, садясь на мѣсто.

Спектакль былъ составленъ изъ отрывковъ, и въ немъ были заняты всѣ артисты.

Въ антрактѣ Путшинъ вышелъ въ коридоръ и ему попался навстрѣчу Бородинъ.

Бородинъ поспѣшилъ сдѣлать видъ, что не видитъ своего бывшаго патрона, и быстро повернувшись на каблукахъ, попытался исчезнуть. Однако Путшинъ нагналъ его и безцеремонно взялъ подъ руку. Его душила злоба и ему захотѣлось проучить молодого адвоката за его наглость.

— Здравствуйте, Алексѣй... Алексѣй Ивановичъ! — сказалъ онъ.—Неужели я такъ измѣнился, что вы не узнали меня?

— А! Это вы... здравствуйте... Ну, что, какъ?

— Да вотъ такъ, не умеръ, какъ видите... Слыхалъ и читалъ про ваши успѣхи... Поздравляю.

— Благодарю васъ.

— Вы быстро пошли... И прическа у васъ новая и даже значекъ. Развѣ отсюда прямо на защиту?

Бородинъ смущенно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злобно взглянулъ на него.

— Вы все такой же насмѣшникъ,—кисло сказалъ онъ, выдергивая свою руку изъ-подъ руки Путшина.—Значокъ свидѣльствуетъ о моемъ званіи, и я не вижу причины стыдиться этого званія.

— Напротивъ, имъ слѣдуетъ гордиться. Нынче всякая лавочка, даже торгующая дешевымъ товаромъ, старается сдѣлать блестящую вывѣску.

Бородинъ вышелъ изъ себя.

— Извините,—дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказалъ онъ,—извините, Владиміръ Андреевичъ, но если вы остановили меня, чтобы говорить мнѣ дерзости, то мнѣ, право, некогда.

— Можетъ быть, вы вызовете меня на дуэль?—равнодушнымъ голосомъ спросилъ Путшинъ.

Бородинъ немедленно смягчился.

— Вотъ идея!—сказалъ онъ.—А что? Вамъ такъ понравилось драться на дуэли? Тогда лучше ужъ обратиться въ бретера, а не быть адвокатомъ.

— Мерси за совѣтъ. Вы всегда отличались щедростью въ этомъ отношеніи. Бретеромъ быть не собираюсь, а изъ адвокатскаго сословія выхожу.

— А, неужели?

— Да... можете радоваться.

— Мнѣ-то чему же радоваться?

— Однимъ конкурентомъ меньше всетаки.

— Это все, что вы хотѣли сказать мнѣ?

— Нѣтъ, мнѣ просто хотѣлось повидаться съ вами.

Приливъ какой-то непонятной, мальчишеской злобы, снова овладѣлъ Путшинымъ, и онъ твердо рѣшилъ сказать Бородину непріятность.

— Да, у меня есть къ вамъ дѣло. И даже два. Павелъ не пойдетъ служить къ вамъ.

— Да?—протянулъ Бородинъ, взглянувъ на Путшина, какъ бы желая догадаться, что еще кроется подъ этимъ сообщеніемъ.—Очень жаль, но... почему?

— Соображенія его столь тонкаго свойства, что я стѣсняюсь ихъ передать вамъ. Онъ говоритъ, впрочемъ...

— Благодарю васъ, мнѣ это нимало не интересно. А другое дѣло? Впрочемъ, если оно такъ же интересно...

— Другое дѣло поинтереснѣе. Скажите, когда вы думаете отдать мнѣ вашъ долгъ?

Бородинъ сдѣлался вишневымъ.

— Если хотите, завтра же.

— Тамъ за вами около двухъ тысячъ.

— Знаю, извините, у меня нѣтъ съ собой этой суммы. Я вамъ пришлю завтра.

— Хорошо. Только я вамъ долженъ сказать, что на будущей недѣлѣ уѣзжаю.

— Куда?—встрепенулся Бородинъ.

— За границу.

— Надолго?

— Навсегда.

Бородинъ облегченно вздохнулъ.

— Я вижу, это доставляетъ вамъ огромное удовольствіе.

Бородинъ ничего не отвѣтилъ, но самымъ рѣшительнымъ образомъ простился съ нимъ и исчезъ среди публики.

Встрѣтился Путшинъ и съ другими своими знакомыми и всѣ говорили съ нимъ наружно вѣжливо. Однако онъ чувствовалъ, что всѣ холодны къ нему, какъ къ человѣку, переставшему принадлежать къ ихъ кружку.

И Путшинымъ овладѣвало все то же мальчишеское настроеніе наговорить всѣмъ какъ можно больше дерзостей и непріятныхъ вещей.

Одну минуту въ немъ зародилась нелѣпая мысль пойти въ ложу къ Лили, но онъ удержался отъ этого искушенія, потому что его задержалъ Гамовъ.

— А, здравствуйте,—закричалъ онъ Путшину съ своей обычной безцеремонностью, преградивъ ему дорогу.—Выздоровѣли?

— Нѣтъ, умеръ,—отвѣтилъ, улыбаясь, Путшинъ.

Гамовъ не смутился.

— Что-жъ, и живой человѣкъ можетъ быть мертвымъ.

— Это глубоко. Вы давно стали философомъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ съ вами видѣться.

— Нѣтъ, вы положительно становитесь остроумны. Вамъ не прибавятъ за это за строчку?

— Не думаю. Я подожду, когда вы будете защищать какого-нибудь преступника. Тогда, вѣроятно, представится случай изощрить еще больше свое остроуміе.

— А!... вы, кромѣ того, сдѣлались еще и злы. Какъ пріятно долго не видѣться съ людьми! Потомъ ихъ видишь совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ.

Но Гамовъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ этого непріятнаго собесѣдника.

И Путшинъ, не дожидаясь конца спектакля, собрался уходить. Все теперь ему было чуждо въ театрѣ, и одна мысль—поскорѣе уѣхать, гвоздила его.

При выходѣ онъ встрѣтилъ Арнольда, который его узналъ и попрежнему съ нимъ радушно поздоровался.

— Что такъ рано?—спросилъ онъ Путшина.

— А вы отчего такъ поздно?

— Я вернулся съ острововъ въ пятомъ часу утра и спалъ.

— Все попрежнему.

— Да, отчего же... Какой я анекдотъ знаю... хотите разскажу? Вѣдь теперь антрактъ?

— Уже кончился.

— Ну, въ другой разъ.

— Смотрите, не забудьте...

Они разошлись.

Путшинъ пошелъ домой пѣшкомъ.

Онъ теперь радовался, что не повидался ни съ Зерновой, ни съ Красовой, ни съ Лили. Что новаго могъ узнать отъ нихъ и о нихъ? Зернова, вѣроятно, счастлива, живя самостоятельно и на свободѣ; Красова еще счастливѣе, потому что вся отдалась своему любимому дѣлу; счастлива и Лили, снявъ съ себя званіе старой дѣвы и получивъ въ свое управленіе Львовскаго; и Варяжскій, и Сулаева, и Арнольдъ, и Бородинъ—всѣ счастливы по-своему и всѣ думаютъ, что живутъ полной жизнью. Всѣ на своихъ мѣстахъ въ жизни и въ балетѣ и всѣ довольны своими мѣстами, привыкнувъ къ нимъ и развѣ только мечтая о передвиженіи въ первые ряды, поближе къ рампѣ жизни.

Одинъ онъ ушелъ изъ этого театра жизни, создавъ себѣ какой-то туманный идеалъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше владѣлъ имъ этотъ идеалъ и выяснялись ему кое-какія детали и оттѣнки.

Ему вспомнились балеты, въ которыхъ за густыми облаками, скрывающими сцену, начинаетъ вдругъ медленно выясняться слѣдующая картина, въ смутныхъ абрисахъ, въ неопредѣленномъ освѣщеніи, но уже обѣщающая зрителю быть красивой и интересной, когда подымается облачная занавѣсь и сцена освѣтится яркимъ электрическимъ свѣтомъ.

Онъ вѣрилъ, что и для него наступитъ этотъ моментъ; пройдетъ длинный антрактъ, разсѣются облака, и его идеалъ, со всѣми подробностями, заблеститъ при свѣтѣ солнца, настоящаго, свободнаго солнца на роскошномъ фонѣ новой жизни.

И тотчасъ же, придя домой, онъ началъ укладываться, обдумывая всѣ детали предстоящаго путешествія.

Два дня прошли въ хлопотахъ о паспортѣ, въ покупкахъ необходимыхъ вещей, въ приведеніи въ порядокъ дѣлъ и дѣлишекъ. И затѣмъ, еще черезъ два дня, онъ уѣдетъ.

Всѣ эти четыре дня онъ провелъ въ полномъ одиночествѣ и чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ на людяхъ. Опытъ его удался: его не влекло больше ни въ театръ, ни къ людямъ.

Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, какъ путникъ, прошедшій длинный и тяжелый путь. Ему не хотѣлось ни говорить, ни даже думать. Ему хотѣлось покоя и отдыха.

Время шло незамѣтно. Онъ и самъ не зналъ, какъ и куда оно

уходило. Но быстро шелъ день, наступали сумерки весенняго дня, а затѣмъ бѣлыя, прозрачныя ночи.

Вечеромъ, на четвертый день послѣ посѣщенія театра, раздался звонокъ, и вошелъ въ кабинетъ Шиповъ.

Путшинъ не узналъ его.

Шиповъ былъ блѣденъ; глаза его были точно обведены кругами, а вѣки красны... Губы его дрожали.

— Что?... началъ было Путшинъ.

Шиповъ точно рухнулъ въ кресло.

— Умерла...—прошепталъ онъ.

Путшинъ не нашелся ничего сказать ему въ отвѣтъ.

Онъ сѣлъ на диванъ и издали молча сталъ наблюдать своего пріятеля. Глубокая грусть, очевидно, владѣла Шиповымъ, но Путшинъ, въ глубинѣ души своей, повторялъ свою мысль: «Пустое... утѣшится! Теперь, подъ вліяніемъ удара, имѣя передъ глазами картину смерти, быть можетъ, даже трагической, подъ ножомъ хирурга, онъ ни о чемъ больше не можетъ думать. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, душевную рану затянетъ, и онъ женится на Тарховой... и погубитъ ее. Время—величайшій цѣлитель. Онъ созданъ для добродѣтельной семейной жизни и предназначенъ судьбою быть вѣчнымъ мужемъ и отцомъ семейства. Теленокъ не можетъ летать по воздуху, а орелъ ходить по землѣ, опустивъ голову. Suum cuique!»

Шиповъ отрывочно, медленно, путая и возвращаясь къ тому же безконечное число разъ, сталъ глухимъ голосомъ разсказывать о своемъ несчастіи.

Путшинъ не слушалъ его.

XVIII.

На вокзалѣ было много публики.

Весна была ранняя, необыкновенно теплая; холода прошли разомъ, внезапно, и солнце съ большимъ прилежаніемъ отогрѣвало промерзшую за зиму землю.

И промерзшіе петербургскіе обыватели, изъ раннихъ, поспѣшили, при первой возможности, покинуть столицу.

Путшинъ сидѣлъ въ отдѣленіи спальнаго вагона перваго класса и, опустивъ стекло, смотрѣлъ на дебаркадеръ, переполненный окружающими. Онъ холодно и равнодушно осматривалъ всю эту толпу, увѣренный заранѣе, что никого не встрѣтитъ.

Ему вспомнился день отъѣзда Зерновой. Сколько людей провожало ее! Но у него нѣтъ теперь ни близкихъ, ни друзей.

Выморочность какая-то! — улыбнулся онъ, но ему отъ этого стало ни тепло, ни холодно.

«Я самъ этого хотѣлъ и добился того, чего хотѣлъ,—думалъ онъ.—Никому я не нуженъ и мнѣ не нуженъ никто. Пустыня, которой я такъ жаждалъ, уже надвигается на меня. Я—одинъ! Одиночество среди людей—такое счастье, о которомъ рѣдко кто догадывается, потому что всѣ воспитываются въ стадныхъ инстинктахъ. Пустыня располагаетъ къ созерцательности и укрѣпляетъ духъ. А бодрый духъ даетъ силу».

Путшинъ уѣзжалъ въ день похоронъ Шиповой и былъ поэтому твердо увѣренъ, что и Шиповъ не придетъ.

Поѣздъ тронулся.

Путшинъ сталъ устраиваться въ купэ съ наслажденіемъ. Онъ размѣстилъ свои вещи въ сѣткѣ и положилъ дорожный несессеръ на столикъ.

И вдругъ ему вспомнилась мысль Шипова о дорожномъ несессерѣ: «Личное счастье значительно облегчаетъ жизнь, но это не все. Оно—несессеръ въ дорогѣ, безъ котораго можно однако и обойтись».

Онъ задумался.

Есть ли у него этотъ несессеръ? Это зависитъ отъ того, что̀ называть личнымъ счастьемъ? Если какая-нибудь сердечная любовишка или тепленькая дружба къ человѣку, то такого несессера у него нѣтъ. Но если счастье заключается въ свободѣ духа, то, кажется, онъ успѣлъ купить себѣ такой несессеръ и заплатилъ за него недешево. Вся суть въ томъ, не ошибся ли онъ, при выборѣ, въ матеріалѣ и работѣ и долго ли прослужитъ ему эта новая вещица?...

Онъ развелъ руками, и этотъ полувопросъ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе.

Путшинъ выглянулъ въ окно. Дымъ паровоза низко стлался по землѣ, и тянувшіеся вдоль полотна огороды и кладбища казались далеко отодвинутой декораціей. Вокзалъ съ стекляннымъ навѣсомъ давно исчезъ за поворотомъ, въ облакахъ ѣдкаго дыма, и этотъ же дымъ застилалъ перспективу того, что было впереди и къ чему уносилъ его курьерскій поѣздъ.

В. Свѣтловъ.

БРАТИШКА *).

Романъ изъ семейной жизни. **Густава Гейерстама.**

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Малютка Свенъ росъ и скоро сталъ общимъ любимцемъ. У него были длинные золотистые волосы. Въ память о «дѣвчуркѣ», которая такъ никогда и не увидала свѣта, мать подвивала эти волосы, и они длинными золотыми локонами обрамляли маленькое личико съ нѣжной прозрачной кожей и прелестными ангельскими глазами. Ни у какого другого ребенка я не видалъ такихъ глубокихъ, большихъ глазъ, съ такимъ, не по лѣтамъ, задумчивымъ выраженіемъ. И ни у какого ребенка не видалъ я такой ласковой, довѣрчивой ручонки. Онъ такъ смѣло вкладывалъ ее въ руку взрослаго, точно всегда былъ увѣренъ, что она всюду найдетъ радушный пріемъ. Онъ еще не имѣлъ понятія ни о чемъ дурномъ.

Старшіе братья обожали «братишку». Трудно было представить себѣ болѣе красивую картину, нежели какую представлялъ старшій братъ (который вообще старался быть мужчиной и неохотно обнаруживалъ свои чувства), катая «братишку» въ колясочкѣ, причемъ то и дѣло оглядывался, желая увѣриться, что «братишка» не вывалился, и полюбоваться его веселымъ личикомъ. Если что можно было сравнить съ этой прелестной картиной, такъ развѣ лишь картину, которую представлялъ въ подобномъ же случаѣ средній братъ. Свант тоже доставляло чрезвычайное удовольствіе играть роль защитника и командира «братишки», такъ какъ по отношенію къ Олафу онъ самъ игралъ противоположную роль покровительствуемаго и обязан

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1902 г.

наго повиновеніемъ. А малютка Свенъ былъ такъ малъ въ сравненіи со старшими братьями, за которыми съ восхищеніемъ слѣдовалъ повсюду, что всегда былъ и оставался для нихъ только «братишкой».

Радость ребенка всегда выражалась такимъ шумнымъ ликованіемъ, что весь домъ сбѣгался къ нему, когда что-нибудь вызывало въ немъ взрывъ этого ликованія и заставляло его звонкій голосокъ и серебристый смѣхъ раздаваться по всему дому. Всѣ сбѣгались полюбоваться, какъ блестятъ эти голубые глазки, а крохотныя ручонки машутъ отъ восторга въ воздухѣ, какъ сіяетъ это дѣтское личико, при одномъ взглядѣ на которое словно солнечный лучъ озарялъ любое сердце.

Ахъ, если бы я собрался написать эту повѣсть о «братишкѣ» раньше, если бы я могъ листокъ за листкомъ выложить ее передъ *нею*, знавшей малѣйшую подробность его коротенькой жизненной исторіи, куда лучше меня, лучше кого бы то ни было! Она помнила каждое отдѣльное его словечко, каждую черточку изъ его жизни; она жила его жизнью, ея жизнь сливалась съ его въ одно цѣлое. Она продолжала жить съ нимъ и въ немъ, и тогда, когда его свѣтлые глазки перестали свѣтить намъ, и, наконецъ, сама послѣдовала за нимъ туда, куда никто другой изъ насъ не можетъ уйти, пока не придетъ его время. Она бы вдохнула свое чувство, свою душу въ мое описаніе, и я былъ бы увѣренъ, что онъ, «братишка», дѣйствительно живетъ въ моемъ разсказѣ такимъ, какимъ онъ жилъ среди насъ, и эта увѣренность придала бы мнѣ силу и вдохновеніе для этого труда.

Малютка Свенъ жилъ для своей матери, жилъ съ нею и у нея. Его дѣтская была въ комнатѣ матери, и все утро, пока отца не было дома, а старшіе братья учились, онъ сидѣлъ на полу у ногъ матери и слушалъ сказки. Мать знала столько сказокъ! Но Свенъ любилъ больше всего сказку про «Красную шапочку», съѣденную гадкимъ волкомъ, когда она несла гостинецъ бабушкѣ. Судьба «Красной шапочки» глубоко потрясала его каждый разъ. Гадкій волкъ и пугалъ его и еще больше возмущалъ. Онъ собирался, когда вырастетъ большой, добраться до этого злого животнаго—застрѣлить его изъ ружья, непремѣнно!

Кромѣ сказокъ, мать съ сыномъ развлекались разными играми. Они играли, что вотъ Свенъ уѣхалъ далеко-далеко, а мама сидитъ одна и ждетъ его; затѣмъ Свенъ вдругъ возвращался, и тогда подымалось такое бурное ликованіе, что матери приходилось откладывать свою работу въ сторону, брать мальчугашку на колѣни и покрывать поцѣлуями. И много, много придумывали они разныхъ игръ.

Малютку Свена звали въ домѣ многими именами. Его звали и

«братишкой», и «Ненни»,—это имя онъ самъ себѣ придумалъ,—и «пышкой», и «бутузикомъ», и «золотымъ мальчикомъ», какъ кому приходило въ голову. И онъ откликался на всѣ эти имена, гордился ими и могъ перечесть ихъ всѣ по пальцамъ. Съ другими дѣтьми онъ мало игралъ; они скоро надоѣдали ему, и онъ возвращался обратно къ матери, словно ничего не могло быть естественнѣе. При этомъ ему и горя было мало, что онъ такимъ образомъ разстраивалъ игру, къ досадѣ другихъ дѣтей. Стоило ему увидать мать, онъ сейчасъ бросалъ всѣхъ и все, бралъ ее за руку и шелъ за нею, куда она шла. Это была любовь, переходившая всѣ границы и никогда не остывавшая. А предметъ этой любви былъ слишкомъ счастливъ ею, чтобы хоть сколько-нибудь ею тяготиться.

У малютки Свена съ матерью были свои маленькія тайны, и когда «братишкѣ» нужно было что-то такое шепнуть мамѣ на ушко, даже папа не смѣлъ прислушиваться. А если онъ, чтобы подразнить ребенка, дѣлалъ видъ, что вслушивается, Свенъ сейчасъ же кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, нельзя! Мама, скажи, что ему нельзя!

И мать защищала свое сокровище, отстраняя папу руками, пока Свенъ не изливалъ ей на ухо всего, что было у него на душѣ.

Покончивъ, онъ торжествовалъ:

— Видишь, ты всетаки не услыхалъ!

И онъ уходилъ за руку съ мамой, смѣясь надъ папой. Это онъ въ свою очередь дразнилъ отца, что ужасно его забавляло.

Я еще могу вызвать ихъ обоихъ передъ своимъ умственнымъ взглядомъ, какъ живыхъ... Вотъ они рука объ руку прогуливаются по длинной садовой дорожкѣ, начинающейся отъ кустовъ сирени. Зима, деревья обнажены. Малютка Свенъ въ своей мѣховой шубкѣ, перешитой изъ старой маминой; ему сдѣлали эту шубку потому, что онъ былъ такой нѣжный, слабенькій ребенокъ, и онъ ужасно гордился своей шубкой. Гуляя, они безъ умолку болтаютъ. Въ сущности, трудно было рѣшить, у кого изъ нихъ двухъ было больше на душѣ такого, что ему непремѣнно требовалось повѣрить другому.

Мнѣ хочется присоединиться къ нимъ, и я иду въ садъ, но «братишка» ревнивъ, и такъ откровенно надуваетъ губки, что мать принуждена сдѣлать ему выговоръ по поводу такого отношенія къ главѣ семейства и поставить на видъ, какой папа вообще добрый, хорошій. Свенъ неохотно соглашается съ этимъ и, во время дальнѣйшей прогулки—втроемъ, украдкой перемигивается съ матерью, дѣлаетъ ей разныя таинственныя гримаски, которыхъ отецъ не имѣетъ права замѣчать.

У ребенка была положительно потребность постоянно чувство-

вать, что ихъ съ матерью соединяетъ какая-то таинственная связь; онъ былъ счастливъ сознаніемъ, что они съ матерью отгорожены отъ всего остального міра какъ бы стѣной взаимнаго пониманія и любви, и не терпѣлъ, чтобы кто-либо осмѣливался вторгаться къ нимъ, проникать за эту стѣну.

Зато Свенъ всегда съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія отца изъ города, прячась за дверью, чтобы «хорошенько напугать папу». Прятался онъ туда еще за-долго до прихода отца, но время отъ времени предпринималъ изъ своего убѣжища вылазки, бѣгалъ къ матери и спрашивалъ ее:

— Ты думаешь, папа, правда, очень испугается? Страсть?

Само собой, мать была увѣрена въ этомъ. И, конечно, Свенъ заранѣе приходилъ въ восторгъ при мысли, какъ папа испугается. Но когда отецъ, наконецъ, возвращался и обтиралъ ноги въ прихожей, Свенъ тихонько выходилъ изъ своего убѣжища и шелъ отцу навстрѣчу, такой скромный, тихій, и не думая пугать его. Онъ только стоялъ себѣ и улыбался, словно увѣренный въ томъ, что отецъ не можетъ, увидавъ его, не обрадоваться. Потомъ медленно-медленно шелъ навстрѣчу, словно ему хотѣлось непремѣнно убѣдиться въ нетерпѣливомъ желаніи отца скорѣе схватить его на руки. И тогда уже онъ бросался отцу на шею и позволялъ нести себя къ мамѣ въ сопровожденіи радостно лающаго и подпрыгивающаго бульдога, котораго Сванте въ свое время прозвалъ «Пуделемъ».

Какъ живо вспоминается мнѣ взглядъ моей жены, какимъ она смотрѣла на эту ежедневно повторявшуюся семейную сцену!...

— Зналъ бы ты, какъ много мы днемъ говоримъ о тебѣ,—сообщала она мужу, когда Свенъ, наконецъ, позволялъ отцу спустить себя на полъ и давалъ матери поздороваться съ отцомъ.

II.

Съ самаго ранняго возраста, когда Свенъ только что началъ ползать на четверенькахъ, у нихъ съ «Пуделемъ» завязалась самая нѣжная дружба, и ребенокъ могъ продѣлывать съ собакой все, что угодно. Таскать за уши, за коротко-обрубленный хвостъ, садиться верхомъ и заставлять принимать самыя неудобныя положенія. «Пудель» никогда не проявлялъ сколько-нибудь серьезнаго нетерпѣнія или неудовольствія; самое большее, если онъ принималъ видъ вопросительнаго раздумья, какъ бы недоумѣвая, почему все это должно было стрястись именно надъ нимъ? Обыкновенно же онъ только кротко и смиренно перебирался на другое мѣсто и располагался тамъ въ на-

деждѣ, что его другъ и мучитель самъ угомонится и оставитъ его въ покоѣ.

Но едва Свенъ выбѣгалъ на дворъ, «Пудель» немедленно слѣдовалъ за нимъ. Собака стояла и пофыркивала своей короткой, словно разсѣченной мордой, созерцая, какъ Свенъ медленно, серьезно черпалъ песокъ маленькой жестяной коробочкой или предавался болѣе рискованному удовольствію, расплескивая воду изъ бочки. «Пудель» не отставалъ отъ ребенка ни на шагъ и, если къ нимъ приближался какой-нибудь посторонній звѣрь или человѣкъ, собака слѣдила за всѣми его движеніями съ зоркой подозрительностью, готовая заступиться за ребенка во всякую минуту.

Вообще у Свена съ «Пуделемъ» были свои особые пути, и сколько разъ они повергали весь домъ въ страхъ и безпокойство, забираясь Богъ вѣсть куда. Когда же всѣ въ домѣ приходили въ полное отчаяніе, считая ихъ обоихъ погибшими на вѣкъ, они внезапно появлялись, какъ со дна моря, очень изумленные всей катавасіей, которую сами устроили.

Грѣшно было бы сказать, что Свенъ былъ непослушнымъ ребенкомъ. Но въ этомъ отношеніи съ нимъ не легко было сладить. Сколько разъ мать обѣщала ему розги, если онъ еще хоть разъ уйдетъ такъ безъ спросу, и сколько разъ вслѣдъ же за тѣмъ сама признавалась мнѣ, что не простила бы никому, если бы кто осмѣлился хоть пальцемъ тронуть малютку. А Свенъ при первомъ удобномъ случаѣ опять забывалъ и наставленія, и выговоры, и угрозы, и ужасно удивлялся всякій разъ бурной радости матери, опять сжимавшей его въ своихъ объятіяхъ, послѣ того, какъ уже считала его навѣки погибшимъ. Ему, повидимому, просто непонятно было, какъ это они съ матерью могли быть столь различнаго мнѣнія о чемъ бы то ни было.

— Да вѣдь это же не страшно было, — недоумѣвалъ Свенъ.— Вѣдь «Пудель» со мной былъ!

Мать не желала умалять достоинствъ «Пуделя», но пыталась всетаки доказать Свену, что «Пудель» вѣдь не человѣкъ и приводила всяческіе доводы противъ такихъ прогулокъ, какія только ей могли придти въ голову. Малютка Свенъ, обвивая ея шею руками, обѣщалъ никогда больше не огорчать маму, уходя безъ спросу, куда глаза глядятъ. Но стоило ему опять очутиться одному на дворѣ въ чудный весенній день, когда все кругомъ таяло, и вездѣ бѣжали маленькіе веселые ручейки, ребенокъ забывалъ все на свѣтѣ, кромѣ того, что онъ рѣзвый, веселый мальчугашка, котораго такъ и манитъ въ лѣсъ, далеко-далеко...

Кто знаетъ, какія мысли занимали его дорогой, и замѣчалъ ли

онъ вообще, что идетъ запрещенными путями? Онъ шелъ себѣ, болтая самъ съ собой, а за нимъ бѣжалъ «Пудель», и когда они незамѣтно добирались до изгороди, то часто оказывалось, что калитка стоитъ настежь. Какъ было тогда не выглянуть за калитку, не поглядѣть на Божій свѣтъ, манившій тамъ, за изгородью? Выглянувъ же туда, Свенъ открывалъ, что по ту сторону канавы, черезъ дорогу, растутъ крупные желтые одуванчики, и кидался къ нимъ со всѣхъ ногъ. А, добравшись до нихъ, онъ былъ почти что уже въ лѣсу, какъ же было не заглянуть въ самый лѣсъ? Высокія сосны съ мощными вѣтвями вздымались надъ его головой, и онъ брелъ между ихъ стволами по мху, испещренному солнечными зайчиками, прислушиваясь къ весеннему щебетанію птичекъ. Между камнями пробѣгала полевая мышка, и Свенъ пускался догонять ее. Такъ онъ заходилъ все дальше и дальше. Тутъ блестѣла лужица, а посреди нея росла верба съ отливавшими золотомъ вѣтвями. До нихъ онъ не могъ добраться, не замочивъ ногъ и не испачкавшись, но какъ было не постоять около, бросая въ воду камешки, слушая, какъ они булькаютъ, и глядя, какъ расплываются по водѣ круги все шире и шире? За этимъ же занятіемъ можно было простоять порядочное время. Щечки его разгорались, глазки блестѣли отъ восторга. Жажда новыхъ приключеній росла въ его груди, и онъ доходилъ до самой луговины, гдѣ лежалъ лѣтній королевскій дворецъ. Выйдя на дорогу, Свенъ начиналъ опять прыгать; прыгая, миновалъ всю высокую рѣшетку и вотъ онъ былъ опять почти дома. Тогда имъ овладѣвалъ новый приливъ радости—онъ узнавалъ дорогу. «Пудель» весело махалъ обрубкомъ хвоста и звалъ домой. Затѣмъ вдругъ ему становилось скучно по матери, и онъ вспоминалъ о желтыхъ цвѣтахъ, которые держалъ въ рукахъ, а, пожалуй, и о запрещеніи уходить изъ дому надолго. Но Свенъ никогда не могъ знать—долго ли, коротко ли былъ въ отсутствіи. Два часа или полчасика, для него было все едино.

Всѣ эти размышленія замедляли его шаги, но вотъ, онъ уже на лужайкѣ и собирается опять пуститься вприпрыжку, чтобы поскорѣе увидать мать, попасть къ ней на колѣни, быть осыпаннымъ поцѣлуями и разсказать ей, какъ ему было весело, какъ вдругъ слышитъ зовущіе его голоса отца, матери, Олафа, Сванте, обѣихъ служанокъ и еще чьи-то, какъ ему кажется. Они кричатъ наперебой, слышатся то тутъ, то тамъ, и Свенъ никакъ не можетъ разобрать, гдѣ именно. Онъ хочетъ повернуть въ одну сторону, крикъ слышится за его спиной, онъ готовъ повернуться туда, но кто-то уже подхватываетъ его на руки, летитъ съ нимъ во весь опоръ и, прежде чѣмъ онъ успѣваетъ опомниться, вноситъ въ домъ и сдаетъ въ объятія

матери, которая такъ крѣпко прижимаетъ его къ своей груди, что онъ готовъ задохнуться.

Малютка Свенъ зналъ, конечно, что ему нѣтъ нужды бояться матери, но тутъ всетаки мужество измѣняло ему, онъ вспоминалъ ея слова насчетъ розогъ, а, увидавъ отца, и вовсе падалъ духомъ. Отецъ смотрѣлъ такъ сердито и говорилъ суровымъ тономъ:

— Теперь придется, кажется, послать за розгами, Свенъ; мама вѣдь обѣщала тебѣ.

«Братишка» не зналъ, какъ быть, и прибѣгалъ въ своей бѣдѣ къ заступничеству цвѣтовъ, протягивая ихъ матери.

Но ему не нужно было никакихъ заступниковъ. Мать такъ надрожалась за него и теперь была такъ счастлива, держа его опять въ своихъ объятіяхъ, что охотно поддавалась его ласкамъ, плача и смѣясь вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ, она брала отъ него цвѣты, составляла красивый букетъ, ставила его въ зелененькую вазочку и заставляла Свена любоваться, какъ они красиво блестятъ на солнышкѣ. Ну, и отецъ, конечно, оставлялъ всякую мысль о наказаніи и, чувствуя себя тутъ лишнимъ, уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Оставшись наединѣ съ малюткой, мать брала его опять на колѣни и разсказывала ему, словно сказку, какъ она безпокоилась о немъ, какъ ей было жутко, какъ она думала, что ея «Ненни» сломалъ себѣ ножку и лежитъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, одинъ-одинешенекъ, что они такъ и не найдутъ его, и онъ успѣетъ умереть, или что онъ упалъ въ воду и они найдутъ лишь его тѣло, а тогда ни папа, ни мама, ни братья никогда въ жизни не утѣшились бы. Все это малютка Свенъ слушалъ, а понималъ только то, что мама любила его больше и сама была лучше, добрѣе всѣхъ на свѣтѣ. Потомъ она заставляла его разсказывать обо всемъ, что онъ видѣлъ, или дѣлалъ, какъ ему было весело и куда онъ забрелъ. И онъ разсказывалъ ей и о маленькой мышкѣ, и о птичкахъ, и о лужицѣ, и о бросаніи камешковъ въ воду. Въ концѣ концовъ, они столковывались между собою какъ нельзя лучше, и были безконечно счастливы, что опять обрѣли другъ друга. А, наговорившись до-сыта, мать подводила Свена къ этажеркѣ, гдѣ стояло много прелестныхъ вещицъ, и разрѣшала ему поиграть ими— то-то бывала радость! Разрѣшеніе это давалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, вродѣ описаннаго.

Между прочимъ, на этажеркѣ стоялъ бѣленькій фарфоровый пуделекъ съ кисточкой на хвостѣ и туфелькой во рту. Онъ былъ страсть какой старый и собственно не принадлежалъ матери; отецъ унаслѣдовалъ его отъ своей матери, а та получила его въ подарокъ отъ крестной, когда ей самой было всего два года. Лучше этого фарфоро-

ваго пуделька не могло быть ничего въ свѣтѣ, по мнѣнію Свена. И вотъ, мать однажды, въ приливѣ радости по поводу благополучнаго возвращенія Свена, сняла собачку съ этажерки и дала своему крошкѣ вмѣсто розги. Но онъ не осмѣлился взять ее въ руки—пусть лучше стоитъ, гдѣ стояла.

— А то,—резонно разсудилъ ребенокъ,—я, пожалуй, уроню и разобью ее, и папа разсердится.

Свенъ, однако, не забывалъ, что собачка — его собственность и любилъ разсказывать объ этомъ гостямъ.

— Мама подарила ее мнѣ, когда я разъ убѣжалъ въ лѣсъ и потомъ опять пришелъ домой. Мама такъ обрадовалась, что я вернулся.

И мать защищала свой методъ воспитанія противъ всякой критики однимъ способомъ: подымала мальчугана повыше, чтобы всякій могъ хорошенько взглянуть на него. Боже ее благослови! Она была права.

III.

Еще годъ прошелъ совсѣмъ незамѣтно. Но затѣмъ жена моя начала прихварывать серьезно, и мы, безъ всякихъ разговоровъ между собой, оба пришли къ тому выводу, что дѣло опять клонится къ операціи. Жена моя уже разъ побывала подъ ножомъ хирурга, и симптомы болѣзни, обнаружившіеся теперь, были для насъ уже старыми знакомыми. Итакъ, мы не были поражены, когда докторъ объявилъ намъ однажды то, что мы сами уже предугадывали: лишь немедленная операція могла сохранить мнѣ жену, а дѣтямъ нашимъ—мать.

Тѣмъ не менѣе весь этотъ день мы бродили по дому, какъ будто надъ нами разразился громовой ударъ, прозвучалъ смертный приговоръ; я видѣлъ ясно, что Эльза ходитъ и про себя прощается со всѣмъ окружающимъ. И въ первый разъ мнѣ стало ясно, какъ много таила она въ глубинѣ своей души отъ меня, какъ и отъ всѣхъ другихъ, какъ свыклась уже съ мыслью о смерти и какъ увѣренность въ томъ, что она умретъ молодою, подтачивала ея жизненныя силы. Она стала блѣдной и щеки ея впали. Руки стали восковыми, и на всемъ существѣ лежалъ отпечатокъ постоянной тревоги и страха.

И вотъ, тутъ она въ первый разъ стала просить меня дать ей умереть. Въ первый разъ заговорила о всемъ томъ, что таила въ душѣ, что я такъ настойчиво выпытывалъ изъ нея и чего она до сихъ поръ касалась лишь обинякомъ, полунамеками.

— Съ самой ранней юности,—говорила она мнѣ,—задолго до нашего знакомства съ тобой, мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ,

что я не жилица на бѣломъ свѣтѣ, не проживу долго. Потомъ я встрѣтила тебя и забыла все это. Ты далъ мнѣ такое безпредѣльное счастіе, Георгъ, ты далъ мнѣ куда больше счастія, чѣмъ я могла дать тебѣ. Ты далъ мнѣ трехъ моихъ мальчиковъ, двухъ большихъ и малютку Свена. А чѣмъ я могу быть для нихъ и для тебя, для васъ всѣхъ? Я такая больная и никогда мнѣ не быть вполнѣ здоровой. Ты забудь про меня, Георгъ! Ахъ, я знаю, ты будешь горевать обо мнѣ, потому что любишь меня, даромъ что я всегда была такая хворая и отъ меня никому не было пользы. Но все-таки ты позабудь меня. И найди себѣ другую, которая будетъ заботиться о тебѣ и нашихъ дѣтяхъ.

И она снова упрашивала меня дать ей умереть, дать ей прожить съ миромъ послѣднія нѣсколько недѣль. Ей только не хотѣлось умереть на операціонномъ столѣ. Самая же смерть ее не страшила. Она давно примирилась съ мыслью о ней, но ей хотѣлось сперва подготовить дѣтей къ тому, что должно было случиться, и потому она готова была еще пожить и пострадать.

Все это свалилось на меня такъ неожиданно, что я не могъ даже собраться съ мыслями, не то что отвѣтить женѣ. Я смутно чувствовалъ, что мнѣ въ данномъ случаѣ предстояло бы вступить въ борьбу съ тѣмъ, что было внѣ, выше силъ человѣческихъ. И меня охватывала боязнь, какъ всегда, когда я замѣчалъ, что дѣло идетъ о сокровенномъ и неприкосновенномъ достояніи человѣческой личности. Если есть что на свѣтѣ, относительно чего судьей и владыкой можетъ быть лишь самъ человѣкъ и никто другой, кромѣ него, такъ это несомнѣнно выборъ между тѣмъ, чтобы склониться передъ вѣрной смертью или же предпринять борьбу съ нею въ надеждѣ побѣдить. Жена моя въ данную минуту казалась мнѣ такой близкой и въ то же время далекой. Ея мольба дать ей умереть была такъ трогательна и такъ искренна, что у меня нехватало духа просить ее вернуться къ жизни ради меня. Она вѣдь уже разъ навсегда взглянула на дѣло такъ, а не иначе. И я съ удивленіемъ понялъ, что она можетъ разстаться со всѣмъ, что было ей дорого, можетъ потому, что была подготовлена къ этому. Въ то же время я съ силой отчаянія чувствовалъ, что самъ лично не могу, не могу лишиться ея!...

И въ своемъ отчаяніи я схватился за единственный, пришедшій мнѣ въ голову, доводъ:

— А Свенъ? Неужели ты можешь покинуть малютку Свена?

Она вся затрепетала, какъ въ ожиданіи смертнаго удара, и отчаянно заломила руки:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не могу!...

Затѣмъ она, шатаясь, направилась въ спальню, прося меня дать ей побыть одной. Я слышалъ, какъ она заперла за собой двери, и остался сидѣть на мѣстѣ. Мнѣ казалось, что наша совмѣстная жизнь съ женою была уже кончена. Она готова была покинуть насъ. И я понималъ, что, если она этого не сдѣлаетъ, то не ради меня, а ради малютки. Ее привязывалъ къ жизни только этотъ маленькій ангелъ съ золотыми кудрями и удивительными голубыми, не дѣтскими глазами. Я понималъ все это, но это не оскорбляло меня. Мнѣ казалось такъ естественно, что одинъ я не въ состояніи былъ бы удержать ее. Я склонилъ голову и заплакалъ, заплакалъ въ первый разъ надъ самимъ собою и своей собственной жизнью. Я не ждалъ уже ничего, не вѣрилъ ни во что иное, кромѣ того, что теперь дни потекутъ спокойно и невозмутимо, приближая насъ къ тому часу, который долженъ наступить. А тамъ, наконецъ, смерть разорветъ связь, которою я жилъ до сихъ поръ.

Сколько времени просидѣлъ я такъ, не знаю. Знаю только, что начало смеркаться, и я вдругъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя; жена моя стояла передо мной на колѣняхъ, прислонясь головой къ моему плечу. Вошла она такъ тихо, что я не замѣтилъ ея.

— Я хочу жить ради тебя, Георгъ, ради малютки Свена и нашихъ большихъ мальчиковъ,—сказала она.

Голосъ ея звучалъ такъ ровно, спокойно и въ то же время былъ проникнутъ такимъ глубокимъ чувствомъ, какъ будто все другое, кромѣ одной любви, замерло, умолкло въ ней. Я понялъ, что ея рѣшеніе безповоротно, что она снова вернулась къ намъ, принадлежала намъ, или хотѣла принадлежать намъ. Волна горячей признательности къ ней, къ жизни, хлынула на меня, и мы долго, долго не могли оторваться другъ отъ друга. Наконецъ, мы встали, и она пошла изъ комнаты въ комнату, зажигая вездѣ огни, какъ для праздника.

Потомъ она позвала дѣтей. Они явились молчаливые, удивленные, но намъ не пришлось объяснять имъ что-либо. Они понимали, въ чемъ дѣло—каждый по-своему. И разговаривали объ этомъ между собою такъ же, какъ мы, взрослые. Теперь они знали, что жизнь матери въ опасности, но что она рѣшится на все, чтобы остаться жить для нихъ.

Малютка Свенъ вскарабкался къ матери на колѣни, крѣпко прильнулъ къ ней и заставилъ насъ всѣхъ разсмѣяться сквозь слезы, сказавъ:

— Мама не смѣетъ умирать отъ своего бутузика!

«Бутузикъ» тоже было его домашнимъ ласкательнымъ именемъ, и онъ самъ часто употреблялъ его, не подозрѣвая, что оно звучитъ

комично. Теперь его наивныя слова прозвучали какъ бы пророчествомъ, успокоившимъ насъ.

Но когда дѣти ушли спать, мы съ Эльзой, обнявшись, прошлись во всему дому. И я видѣлъ опять, что она прощается со всѣмъ, но уже иначе, нежели нѣсколько часовъ тому назадъ. На другой день ей предстояло отправиться въ больницу.

Выйдя изъ спальни рано утромъ, я нашелъ Олафа сидящимъ въ большомъ креслѣ какъ разъ напротивъ дверей спальни.

— Ты тутъ давно сидишь?—спросилъ я въ удивленіи.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Онъ сидѣлъ тутъ, думая о своей матери и о томъ, какъ вдругъ серьезно повернулась жизнь. И мнѣ въ первый разъ бросилось въ глаза, что онъ уже большой. Я и пожалъ ему руку, какъ взрослому. Лицо десятилѣтняго мужчины передернулось, и онъ не смогъ ничего сказать.

Когда же мы съ Эльзой сидѣли въ экипажѣ, Олафъ опять былъ полнымъ господиномъ надъ своими чувствами. Онъ вскочилъ на подножку экипажа со стороны матери, погладилъ ее по щекѣ и проговорилъ ободряющимъ тономъ, точно ребенку:

— Ты не бойся, мама, все обойдется хорошо.

Сванте тоже поднялся попрощаться, подняли и малютку Свена, который болталъ безъ умолку. Въ эту минуту Эльза не знала, кого изъ нихъ она любитъ больше. Но дорогой мы невольно все возвращались къ нашему старшему мальчику, который въ первый разъ чувствовалъ и велъ себя мужчиной.

IV.

Ангелъ смерти прошелъ на этотъ разъ мимо нашихъ дверей. Но крылья его прошелестѣли такъ близко отъ насъ, что событія этихъ дней наложили прочный отпечатокъ на всю нашу жизнь, пожалуй, въ сущности даже неизгладимый.

Однако, счастіе всетаки еще разъ вновь воцарилось въ нашемъ домѣ, но счастіе болѣе тихое, умѣренное, серьезное. Еще разъ вернулась къ намъ она, озарявшая, какъ сіяніемъ, нашу будничную жизнь.

Мальчики радостно привѣтствовали насъ, когда мы вернулись. Малютка Свенъ немедленно вскарабкался на колѣни къ матери и крѣпко прижался къ ней съ самымъ счастливымъ и вмѣстѣ плутовскимъ видомъ.

— Видишь, тебѣ и не дали умереть, уйти отъ своего бутузика!

Сказалъ онъ это такимъ торжествующимъ тономъ, словно была его заслуга, что все обошлось благополучно. Я и сказалъ въ шутку:

— Подумаешь, это ты вылѣчилъ маму!

Но Эльза серьезно возразила:

— Такъ оно и есть.

И я снова подмѣтилъ на ея лицѣ выраженіе, которое прежде казалось мнѣ такимъ чужимъ, непонятнымъ, но которое теперь я начиналъ уяснять себѣ.

Она бережно взяла малютку на руки, и двѣ свѣтлыя слезинки скатились по ея щекамъ. Затѣмъ она протянула мнѣ руку и проговорила:

— Я такъ рада, что опять дома.

Я не могъ отвѣтить. Я только смотрѣлъ на группу передо мной, и думалъ, что вотъ опять обладаю тѣмъ счастіемъ, на которое едва смѣлъ надѣяться двѣ-три недѣли тому назадъ. И все же въ сердце мое какъ будто вонзалось жало, заползало какое-то глухое предчувствіе безнадежнаго одиночества.

V.

Весна, наступившая затѣмъ, оставила въ моей памяти впечатлѣніе какого-то моря цвѣтовъ, наводнявшихъ всѣ уголки нашего жилища. Гіациты мало-по-малу перемѣшивались съ анемонами, сначала только съ синенькими, а затѣмъ и съ бѣленькими; затѣмъ появились примулы и фіалки; еще позже, когда лѣтній вѣтерокъ надувалъ спущенныя маркизы,—благоухающая сирень.

Убирали домъ цвѣтами мать съ малюткой Свеномъ. Трудно было сказать, кто изъ нихъ двоихъ больше любилъ цвѣты. Я такъ и вижу ихъ, какъ они, раскраснѣвшіеся, въ оживленной бесѣдѣ, идутъ по двору рядышкомъ съ полными руками цвѣтовъ, направляясь къ открытой верандѣ. У Эльзы волосы были черные, какъ смоль, у Свена, какъ растопленное золото, но глаза у обоихъ были одинаковые—голубые, глубокіе. Представляя наружностью своеобразный контрастъ, они въ то же время походили другъ на друга больше, чѣмъ вообще бываютъ похожи мать съ ребенкомъ. Они подходили другъ къ другу, словно такъ и были созданы одинъ для другого, созданы, чтобы вѣчно идти рядышкомъ, всегда съ цвѣтами въ рукахъ, до самаго гроба рука объ руку, глядя другъ другу въ глаза. Кто бы ни увидалъ ихъ вмѣстѣ, у всѣхъ лицо озарялось улыбкой. Я часто подмѣчалъ это и чувствовалъ какъ-то, что мое собственное душевное богатство прибывало отъ этого.

Въ эту пору я жилъ такою полною и богатою жизнью, какъ никогда прежде. Я позабылъ все, что наполняло мою душу дурными предчувствіями, не думалъ о будущемъ, — съ меня было довольно настоящаго. Мнѣ представлялось даже, что мы пережили ту тяжелую, печальную полосу именно для того, чтобы затѣмъ наслаждаться тѣмъ болѣе полнымъ, безмятежнымъ счастіемъ. Я былъ благодаренъ за каждый пережитой день, былъ счастливъ, что могу забыть прошлое горе и чувствовалъ себя такъ, какъ будто мы съ каждымъ днемъ несемся навстрѣчу новому счастію, выше, богаче, чѣмъ вообще выпадающее на долю человѣческую.

Мнѣ кажется, что и жена моя, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время раздѣляла это чувство. Она-то и разливала вокругъ себя это счастіе. Она дѣйствительно вернулась къ жизни, чувствовала себя свѣжей, сильной, и жила, дышала полной грудью подъ большими старыми деревьями, среди моря цвѣтовъ. Всѣ мы были около нея, и ничто не нарушало ея душевнаго покоя.

Мы гуляли съ нею вечерами по длинной аллеѣ, гдѣ никогда никто не попадался намъ навстрѣчу и гдѣ мы поэтому охотнѣе всего гуляли. Кругомъ цвѣла сирень, наполняя ароматомъ весь воздухъ. По блѣдному свѣтлому іюньскому небу плылъ полумѣсяцъ, не свѣтившій, а какъ-то лишь мерцавшій въ этой безконечной синевѣ, облегавшей мощнымъ сводомъ открытую пустынную равнину. Нѣсколько мелкихъ звѣздочекъ робко боролись съ этимъ страннымъ бѣлымъ дневнымъ освѣщеніемъ лѣтней ночи.

Теперь, вспоминая то время и все, что было потомъ, я дивлюсь нашей силѣ, нашей душевной упругости. Мы чувствовали себя тогда, переживъ весь тотъ ужасъ, такъ, какъ будто только какое-то легкое облако на минуту заволокло наше небо, да и растаяло; мы ходили себѣ веселые, счастливые; въ разговорахъ нашихъ не звучало ни единой нотки озабоченности, грусти, тяжелаго раздумья. Все то дурное, что было съ нами, какъ будто лежало навсегда похороненнымъ въ прошломъ. Въ то же время счастіе наше не было беззаботнымъ счастіемъ юности со слѣпою довѣрчивостью къ жизни, вѣрою въ самихъ себя. Это было нѣчто побольше. Тихая, спокойная гармонія, воцаряющаяся во взаимныхъ отношеніяхъ людей, много перестрадавшихъ, многое поборовшихъ. Счастіе, котораго ничто не одолѣетъ, не разрушитъ, не поколеблетъ, потому что оно выросло изъ глубины души двухъ человѣческихъ существъ, связуя ихъ въ одно цѣлое. Мы знали въ то время, что не желаемъ, не жаждемъ ничего вновь, что у насъ уже все есть. Это былъ именно такой періодъ жизни, когда каждый изъ двухъ супруговъ, живущихъ подобной жизнью, ищетъ временами

уединенія за тѣмъ лишь, чтобы другой не видѣлъ, какъ онъ плачетъ отъ счастія, безпредѣльнаго счастія. Никакія постороннія, своевольныя мысли, никакія фантазіи, никакія желанія не могутъ нарушить такого необъяснимаго состоянія, изъ котораго растетъ и черпаетъ пищу сама сила жизни. Все, что воспѣваютъ пѣсни, сказки и преданія, живетъ тогда въ сердцахъ супруговъ своей полной стремительной жизнью, которой не передать ни одному поэтическому произведенію; и я вѣрю, что только такіе часы, одни они и могутъ освятить совмѣстную жизнь мужчины и женщины.

Такъ во всякомъ случаѣ чувствовали мы въ тѣ теплыя лѣтнія ночи, на прогулкахъ, которыя всегда заканчивались у одной и той же цѣли: у кроватокъ нашихъ спящихъ дѣтей. Мы мало разговаривали о томъ, что наполняло нашу душу, но однажды вечеромъ жена моя сказала:

— Сколько лѣтъ мы женаты?

— Отчего ты спрашиваешь? Ты никогда не забываешь чиселъ.

— Да, но неужели правда, что мы женаты болѣе десяти лѣтъ? Неужели мы уже такіе старые?

— На тебя это наводитъ грусть?—сказалъ я, улыбаясь.

Она взяла мою руку и крѣпко прижалась ко мнѣ.

— Одно время я ужасно боялась состариться. И теперь еще боюсь. Но я не понимаю, какъ эти люди говорятъ, что бываешь всего счастливѣе и крѣпче всего любишь именно въ юности. Должно быть, эти люди и не способны вовсе любить.

Я попытался возразить ей, но она прервала меня и стала говорить объ этихъ другихъ людяхъ. О друзьяхъ, которыхъ мы любили, о знакомыхъ, съ которыми часто видѣлись. Она считала, что они не могли быть счастливыми. Она разсуждала о томъ, что они иногда дѣлали, что говорили, а больше всего останавливалась на томъ, о чемъ они не говорили, и заключила весь этотъ разговоръ такъ:

— Я думаю, что люди въ наше время разучились любить. Ихъ другое занимаетъ, имъ некогда.

Признаюсь, я былъ пораженъ словами моей жены. Несмотря на то, что она была женщиной, она очень рѣдко заводила разговоры или пересуды о другихъ, когда мы бывали съ нею одни. И я теперь попытался взять людей подъ свою защиту и заставилъ таки Эльзу признать нѣкоторыхъ исключеніями. Но затѣмъ она опять начала, слѣдуя за ходомъ собственныхъ мыслей:

— Почему же мы съ тобой счастливѣе всѣхъ другихъ людей?

Она сказала это вполнѣ серьезно, какъ бы упоминая лишь о всѣми признанномъ фактѣ, и продолжала:

— По моему, всѣ другіе несчастны, какъ сравнишь ихъ жизнь съ нашею.

Я улыбнулся ея горячности, отъ которой, однако, у меня самого стало тепло на сердцѣ.

— А зачѣмъ тебѣ сравнивать?

— Потому что тогда я особенно сильно чувствую свое счастіе.

Тутъ она остановилась передо мною, заглянула мнѣ въ глаза и добавила:

— Дай мнѣ высказать это теперь, а то я, пожалуй, такъ никогда и не выскажу. Мнѣ такъ забавно вспоминать о первой порѣ нашего брака. Тогда мнѣ казалось, что я люблю тебя и что я счастлива. Это потому было, что я ровно ничего не знала и не понимала. Теперь я знаю, что значитъ любить и быть счастливой, и хочу поблагодарить тебя за это.

И прежде чѣмъ я успѣлъ помѣшать ей, она взяла мою лѣвую руку и поцѣловала, а когда я попытался отнять руку, она удержала ее и еще разъ поцѣловала ее въ палецъ, на которомъ блестѣло обручальное кольцо.

Во всемъ существѣ ея и въ словахъ чувствовалась такая сила, что я почти былъ ошеломленъ, и только молча обнялъ ее и поцѣловалъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ поцѣловалъ ее въ первый разъ невѣстою. И я чувствовалъ, какъ и она, что бо̀льшаго счастія, нежели наше съ нею, не бываетъ на землѣ.

VI.

У малютки-Свена появился товарищъ игръ, что, разумѣется, составило большое событіе въ его жизни. До тѣхъ поръ онъ игралъ лишь со своими старшими братьями, этотъ же товарищъ былъ нѣсколькими мѣсяцами моложе его самого и, вдобавокъ, дѣвочка. Немудрено, что Свенъ былъ и заинтересованъ и очарованъ такой новинкой; было теперь о чемъ болтать съ мамой.

Малютка Марта недавно поселилась со своими родителями по сосѣдству съ нами, и сначала она и Свенъ дичились и присматривались другъ къ другу издали. Марта была тоже удивительная милашка—свѣженькія, румяныя щечки, ясные, голубые глазки и длинные вьющіеся волосы, почти какъ у Свена. Скоро, однако, она осмѣлѣла, прямехонько подошла къ Свену и усѣлась около, любопытно поглядывая на его игру.

Свенъ привыкъ играть самъ съ собой, и у него была одна игра, очень забавлявшая его, но въ сущности до крайности простая, неза-

тѣйливая. Состояла она въ томъ, что мальчуганъ усаживался на травку и съ глубочайшимъ интересомъ созерцалъ все происходившее около него въ этой травѣ. Вотъ ползутъ муравьи, таща соломинку; вотъ бабочка сѣла на краешекъ цвѣтка и балансируетъ крылышками, вотъ снялась и полетѣла, поблескивая бѣлыми крылышками на солнцѣ; вотъ какой-то жучокъ упалъ на спинку и надо его скорѣе перевернуть, чтобы онъ могъ бѣжать дальше; вотъ двѣ крохотныя птички сѣменятъ ножками между кочекъ, ища корму и не смущаясь присутствіемъ мальчугана. Любилъ онъ тоже при этомъ рвать стебельки травы, росшей вокругъ, и медленно, задумчиво закладывать одну былинку за другой между пальцами, пока не набиралась полная горсть; тогда онъ бросалъ всю траву и начиналъ снова. Самъ Свенъ называлъ эту игру «сидѣть на травкѣ». И прибѣгая затѣмъ къ матери, разсказывалъ ей длинныя исторіи обо всѣхъ сдѣланныхъ имъ открытіяхъ.

Малютка Марта долго сидѣла возлѣ Свена, наблюдая за его игрой, и, наконецъ, рѣшилась спросить его, что онъ дѣлаетъ.

— Ты развѣ не понимаешь? Сижу на травкѣ.

И онъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія.

Нѣтъ, Мартѣ этого не понять было. Но разъ Свенъ могъ такъ подолгу предаваться этой игрѣ, вѣрно, она была очень занимательна, и вотъ дѣвчурка придвинулась поближе и тоже приняла участіе въ игрѣ. Они стали вдвоемъ рвать травку и глядѣть на букашекъ и такъ сблизились, что домой пошли уже рука объ руку, словно имъ и не слѣдовало больше разлучаться.

Прошло дня два, и Свенъ, сидя съ матерью, разсказывалъ ей уже только о Мартѣ; не о травкѣ, птичкахъ, цвѣтахъ, бабочкахъ, какъ бывало, а все объ одной Мартѣ: что она сказала, да что сдѣлала, да какъ имъ было весело вмѣстѣ.

Разъ мать и спросила его:

— Такъ тебѣ очень нравится Марта?

Малютка вытянулъ губки и пресерьезно заявилъ:

— Ты развѣ не знаешь, что она моя невѣста?

И мать отвѣтила вполнѣ серьезно:

— Ты же мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Да, такъ тебѣ всетаки надо знать,—разсудилъ Свенъ.—Мы съ ней поженимся.

— Когда же?—спросила мать.

— Конечно, когда вырастемъ большіе.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, что у него есть невѣста, на которой онъ потомъ женится. И дѣйствительно, красивѣе парочки труд-

но было представить себѣ. Нельзя было не залюбоваться на нихъ, когда они шли, держась за ручки, и солнышко играло въ ихъ золотыхъ кудряшкахъ, или когда Свенъ впрягался въ колясочку и возилъ Марту по двору, то и дѣло оборачиваясь назадъ, чтобы взглянуть на свою подружку.

Иногда они, впрочемъ, ссорились, и тогда Свенъ приходилъ къ матери въ самомъ мрачномъ настроеніи и объявлялъ, что Марта гадкая.

Мать же возражала:

— Но, вѣдь, ты женишься на ней, такъ вамъ надо помириться.

— Не хочу я жениться на ней,—рѣшительно объявлялъ Свенъ.

Но, разумѣется, ссора не длилась долго, они такъ или иначе заключали между собою миръ, цѣловались, и имъ становилось еще веселѣе прежняго.

Само собою, что мать ухаживала за невѣстой Свена по меньшей мѣрѣ такъ же нѣжно, какъ онъ самъ. Когда она шла гулять и хотѣла взять Свена съ собою, а Свенъ со своей стороны не въ состояніи былъ покинуть Марту (это было первое испытаніе въ его кратковременномъ существованіи), конфликтъ разрѣшался тѣмъ, что мать брала жениха съ невѣстой обоихъ за руки и вела гулять, становясь, такимъ образомъ, въ одно и то же время ихъ товарищемъ игръ и повѣренной. Боюсь даже, что она вела съ ними своеобразныя бесѣды о любви и бракѣ, такъ какъ она больше кого-либо была введена въ кругъ ихъ интересовъ и понимала ихъ языкъ. Пожалуй, увлеченная силой своей фантазіи, она уже начинала чувствовать себя настоящей свекровью!

И надо сказать, относиться къ любви Свена съ комической стороны оказывалось не совсѣмъ безопаснымъ. Олафъ, конечно, съ самаго начала отнесся къ дружбѣ «братишки» съ дѣвочкой презрительно и пытался выяснить ему, что мальчику, «настоящему мальчику», не подобаетъ водиться съ дѣвчонками. А Сванте, у котораго въ этомъ отношеніи совѣсть была не такъ чиста, дразнилъ «братишку» тѣмъ, что онъ еще слишкомъ малъ, чтобы обзаводиться невѣстой.

Свенъ въ такой бѣдѣ прибѣгъ къ матери, какъ къ высшему авторитету, и она вынесла резолюцію, что ему не надо обращать вниманія на слова братьевъ. Разъ онъ любитъ Марту, то рѣшительно все равно, маленькій онъ, или большой, и нечего надъ нимъ смѣяться.

Свенъ рѣшилъ, что братья получили должное, и съ тѣхъ поръ ихъ шутки и поддразниванія уже не смущали его счастія.

Самъ онъ такъ серьезно относился къ своей любви, что не могъ даже представить себѣ, чтобы вообще возможно было шутить такими

вещами, и потому не дѣлалъ никакой тайны изъ своей любви. Если кто изъ старшихъ спрашивалъ его, правда ли, что у него есть невѣста, онъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, отвѣчалъ: да, и тотчасъ же подбѣгалъ къ ней и начиналъ играть съ нею, словно желая крикнуть всему свѣту: развѣ она недостаточно мила и хороша для настоящей невѣсты?

Да, Свенъ велъ себя такъ, что у всякаго пропадала охота поднимать его на смѣхъ. Даже братья скоро оставили его съ Мартой въ покоѣ.

Но разъ Олафу вздумалось объявить «братишкѣ», что у него волосы, какъ у дѣвочки. Это Свенъ не разъ уже слышалъ, но не смущался этимъ. Теперь же старшій братъ прибавилъ:

— Тебѣ это не идетъ, разъ ты женихъ.

Это «братишка» уже принялъ къ сердцу и принялся приставать къ матери:

— Я хочу, чтобы у меня волосы были, какъ у другихъ мальчиковъ.

Какъ она ни противилась, ни упрашивала его не обращать вниманія на то, что говорятъ другіе мальчики, все было напрасно. Не помогли даже ея просьбы пожалѣть свои кудряшки ради нея,—она ихъ такъ любила. Свенъ оставался непоколебимъ въ своемъ желаніи остричься.

— Не хочу быть похожъ на дѣвочку!—упорно твердилъ онъ.

А мать ужасалась одной мысли, что кто-нибудь наложитъ руку на эти кудряшки.

— Я не могу себѣ представить моего бутузика безъ кудрей,— говорила она.

Она взяла его на руки, ласкала и шептала на ушко, упрашивая пожалѣть милыя кудряшки, но малютка не поддавался.

Онъ тоже упрашивалъ и такъ убѣдительно, что подъ конецъ сломилъ сопротивленіе матери.

Сіяющій отъ восторга явился онъ къ братьямъ въ своей красной лѣтней шапочкѣ и въ бѣломъ пальто и громогласно оповѣстилъ:

— Ѣдемъ въ городъ стричься!

Восторгъ его былъ такъ великъ, что, усѣвшись въ вагонъ, онъ вдругъ заговорилъ съ совершенно чужимъ старымъ господиномъ, котораго никогда въ глаза не видалъ раньше, и принялся разсказывать ему, что вотъ ѣдетъ въ городъ остричь свои кудри.

Старикъ на минуту оторвался отъ газеты, бросилъ на мальчугана разсѣянный, равнодушный взглядъ и опять продолжалъ свое чте-

ніе. Свенъ подумалъ, что старикъ не разслышалъ и повторилъ ради большей вѣрности:

— Мнѣ остригутъ волосы, чтобы я не смотрѣлъ дѣвочкой.

Но старикъ забарикадировался газетой и пробормоталъ что-то, заставившее мать шикнуть своему любимчику.

Послѣ этого Свенъ всю дорогу просидѣлъ молча, въ задумчивости. При этомъ у него былъ такой жалкій видъ, что мать взяла его на колѣни и принялась ласкать, а на стараго господина совсѣмъ разсердилась. Какъ это онъ не понималъ, что ребенокъ былъ огорченъ тѣмъ, что не всѣмъ людямъ на свѣтѣ есть дѣло до того—весело такому мальчугашкѣ или нѣтъ. Свенъ дулся до самаго конца пути и только, когда они уже были на улицѣ, сказалъ шепотомъ, словно боясь, что его услышатъ:

— Тотъ господинъ, вѣрно, не добрый.

— Но вѣдь онъ тебя совсѣмъ не знаетъ, Свенъ,—сказала мать.

— Онъ все равно могъ бы быть добрѣе,—стоялъ на своемъ Свенъ.

— Дѣти не должны заговаривать съ чужими,—поучала мать.

— Я думалъ, онъ радъ будетъ, когда узнаетъ, что я больше не буду похожъ на дѣвочку.

«Бѣдняжка,—подумала мать. И снова душа ея исполнилась горечи при мысли обо всѣхъ этихъ кислыхъ господахъ, разрушающихъ радости малыхъ сихъ. — Бѣдняжка! Каково-то тебѣ придется въ жизни».

И чтобы хорошенько утѣшить и развеселить ребенка, она сказала:

— Да, сердитый, злой старикъ!

— Противный, мама!

И Свенъ опять засіялъ, какъ солнышко, огорченія его какъ не бывало; онъ былъ счастливъ увѣренностью, что лишь противные, злые люди могутъ быть такими непривѣтливыми, какъ этотъ старикъ въ вагонѣ.

Свена остригли, а затѣмъ мама свела его въ кондитерскую и угостила пирожными. Онъ кушалъ и радовался, увѣренный, что всѣ эти люди вокругъ замѣчаютъ и раздѣляютъ его восторгъ по поводу того, что его въ первый разъ остригли, какъ мальчика.

По возвращеніи домой, онъ тотчасъ же выпустилъ руку матери и помчался во всю прыть поразить отца.

Добѣжавъ до письменнаго стола, мальчуганъ остановился, какъ вкопанный, и снялъ шапочку. Онъ совсѣмъ забылъ, что нельзя мѣшать папѣ, когда тотъ сидитъ за работой. И вотъ, онъ стоялъ тихо, какъ мышенокъ, въ напряженномъ ожиданіи, что скажетъ отецъ;

только глаза горѣли и расширялись, росли отъ страстнаго нетерпѣнія.

Отецъ, едва взглянувъ на эти глаза, догадался, что случилось что-нибудь необыкновенное. Онъ глядѣлъ, глядѣлъ и, наконецъ, его озарила догадка. Пришлось посадить малютку къ себѣ на колѣни, полюбоваться и опять опустить на полъ, сказавъ:

— Вотъ теперь ты у насъ настоящій мальчикъ!

Получивъ такой лестный аттестатъ, Свенъ радостно понесся показаться старшимъ братьямъ и привести въ восхищеніе малютку Марту.

VII.

Лѣто, начатое нами въ такой счастливой обстановкѣ, мы собирались однако продолжать въ иномъ мѣстѣ, на западномъ берегу, у моря. Меня давно тянуло туда съ непонятной, неописуемой силой.

Не могу дать яснаго отчета, какъ возникло, откуда взялось во мнѣ это влеченіе. Быть можетъ, причиной было то, что я провелъ тамъ, на западномъ берегу, одно лѣто въ раннемъ дѣтствѣ. Кто знаетъ, какое значеніе эти раннія, хотя бы и случайныя, дѣтскія впечатлѣнія имѣютъ для нашей душевной жизни и основного матеріала чувствъ, который впослѣдствіи пріобрѣтаетъ рѣшающую силу въ нашей жизни?

Мнѣ самому кажется страннымъ, что воспоминанія, оставленныя этими нѣсколькими недѣлями, сохранились въ такой силѣ и свѣжести въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ. Мнѣ тогда было всего шесть лѣтъ, а воспоминанія этой поры дѣтства обыкновенно успѣваютъ къ зрѣлому возрасту поблѣднѣть и сгладиться, если только не относятся къ родному дому, гдѣ человѣкъ провелъ свои дѣтскіе годы. Но я вотъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ все видѣлъ передъ собою море точно такимъ, какимъ видѣлъ его тогда шести лѣтъ отъ роду. Я видѣлъ вздымающіяся къ небесамъ мощныя, гигантскія волны такихъ размѣровъ, какіе только можетъ нарисовать себѣ дѣтская фантазія. Видѣлъ водоросли, медузъ и морскихъ звѣздъ, всю богатую жизнь на днѣ морскомъ, въ мелководныхъ бухтахъ и вдоль подножія сѣрыхъ скалъ. Видѣлъ и голыя, лишенныя растительности скалы и шхеры, выступающія изъ волнъ, разбивающихся и пѣнящихся у ихъ ногъ. Живо было во мнѣ воспоминаніе и объ ужасной бурѣ, вздымавшей и гнавшей песокъ мнѣ прямо въ лицо.

Странно просто, какъ долго можно носить въ душѣ такія воспоминанія, а еще болѣе странно, что они могутъ имѣть такую власть

надъ душой. Они наполняютъ душу страстною тоскою, вродѣ тоски молодой дѣвушки, мечтающей о рыцарѣ, который вотъ-вотъ явится въ одинъ прекрасный день, прильнетъ къ ея устамъ и начнетъ нашептывать ей сладкія слова и обѣты. Чувства, возбуждаемыя этими воспоминаніями, сродни и тѣмъ чувствамъ, которыя испытываютъ юноши въ ту пору, когда кровь въ нихъ кипитъ и играетъ, а душа поетъ и ликуетъ, какъ бы въ предчувствіи грядущей побѣды. А больше всего чувства эти, пожалуй, сродни безмолвной, твердой вѣрѣ въ будущее зрѣлаго мужчины, которому, вопреки годамъ, дано прожить жизнь въ несокрушимой юности.

Эти старыя воспоминанія притаились въ глубинѣ моей души, словно манящая тоска по родинѣ, и понадобились десятки лѣтъ, пока я, наконецъ, могъ вслушаться въ этотъ внутренній голосъ и послѣдовать его призыву.

Но вотъ, когда я черезъ много лѣтъ, наконецъ, добился возможности провести лѣто на морскомъ берегу, жена моя чуть было не разрушила всю мою радость. Она никогда не видала, не знавала западнаго берега, и я зналъ, что вообще вся эта поѣздка ей не по душѣ, и что она покоряется моему желанію только потому, что знаетъ, какъ больно было бы мнѣ, если бы я услыхалъ отъ нея по этому поводу хоть малѣйшее возраженіе. Зналъ же я, что ей такъ не хочется туда, вотъ почему. Разъ у нея вырвалось:

— Не могу себѣ представить, какъ это можно прожить лѣто, не видя вокругъ ни единаго деревца!

Въ этихъ словахъ вылилось все ея нерасположеніе къ этой поѣздкѣ, нерасположеніе настолько глубокое, что она сама боялась, что не совладаетъ съ нимъ. Я это тотчасъ понялъ, а она, замѣтивъ, что я понялъ, употребила всѣ усилія, чтобы заставить меня позабыть сказанное ею. Но слова ея не выходили у меня изъ головы, и мнѣ почти не по себѣ становилось, когда я думалъ о моемъ желанномъ соленомъ морѣ.

Весь этотъ вопросъ не былъ для меня ни пустячнымъ, не смѣшнымъ, какимъ онъ, пожалуй, можетъ казаться многимъ. Полной радости не можетъ быть, разъ гармонія сердецъ нарушена малѣйшимъ диссонансомъ. Для меня же не могло быть худшаго диссонанса, нежели сознаніе, что жена моя не раздѣляетъ моей радости. Я не привыкъ чувствовать себя одинокимъ ни въ радости, ни въ горѣ, и меня безконечно удручало мое духовное одиночество въ этой моей страстной тоскѣ по морю и въ стремленіи къ нему.

Я хотѣлъ, чтобы моя мечта стала дѣйствительностью, и готовъ былъ бороться за осуществленіе этой мечты съ такой же горячностью

съ какою когда-то, полагая, что теряю любовь моей жены, боролся, чтобы вернуть ее. День и ночь раздумывалъ я, какъ и чѣмъ можно предотвратить опасность, которая, какъ я со страхомъ предвидѣлъ, могла испортить мнѣ столь страстно ожидаемое лѣто. Наконецъ, мнѣ показалось, что я нашелъ средство. Я предложилъ женѣ предпринять поѣздку моремъ вдоль всего берега Швеціи. Этимъ я надѣялся побѣдить ее. Я чувствовалъ, что между нами идетъ тихая борьба и что не мнѣ слѣдуетъ быть побѣжденнымъ. Я хотѣлъ заставить жену полюбить море, и мнѣ казалось, что я избралъ для этого наилучшій способъ, какой только можно придумать. Я разсуждалъ такъ: путь лежитъ сначала Стокгольмскими шхерами, а дальше направляется вдоль всего нашего чуднаго восточнаго берега; понемногу, незамѣтно для самой себя, жена моя и перейдетъ отъ улыбающейся природы восточнаго берега къ скудной природѣ западнаго, и безсознательно поддастся очарованію этой величавой пустыни, превосходящей красотой все остальное въ природѣ.

Тѣмъ не менѣе, я не могу собственно утверждать, чтобы во время пути надежды мои на желаемый результатъ поѣздки получили какое-нибудь существенное подкрѣпленіе. Жена моя, какъ всегда, наслаждалась чудной прогулкой на пароходѣ, но я не замѣчалъ, чтобы эта поѣздка сообщила ея мыслямъ какое-нибудь опредѣленное, желанное мнѣ направленіе. Все это было для нея не болѣе, какъ продолжительная морская прогулка на пароходѣ, высшее ея удовольствіе—и только.

Я же все время находился въ самомъ напряженномъ состояніи, и мужество мое начало падать, когда мы миновали Гётерборгъ и я завидѣлъ волны, съ пѣною разбивающіяся о мой желанный западный берегъ съ его голыми скалами и шхерами.

Тѣмъ временемъ поднялся штормъ, который само собой въ данный моментъ былъ совсѣмъ некстати, не только потому, что затруднялъ наше плаваніе, особенно послѣдній конецъ пути, когда намъ предстояло добираться до конечной нашей цѣли въ открытой лодкѣ, но главнымъ образомъ потому, что штормъ на западномъ берегу въ общемъ отнюдь не можетъ благопріятствовать измѣненію отношенія человѣка къ морю и бурѣ, разъ отношеніе это было рѣшительнымъ нерасположеніемъ.

Мы усѣлись въ лоцманскую лодку и поплыли. Я глазъ не сводилъ съ жены. Лодка ныряла въ волнахъ, и брызги ихъ то и дѣло обдавали всю палубу.

Но сколько я ни всматривался въ лицо Эльзы, я не могъ прочесть на немъ никакого отвѣта на мой нѣмой вопросъ. Она сидѣла съ самымъ непроницаемымъ видомъ, не сводя глазъ съ черной воды. Вну-

три меня кричали сотни голосовъ, которые всѣ какъ будто сливались въ одну судорожную потребность проникнуть въ ея душу, узнать ея мысли.

Понемногу, однако, тревога моя стала утихать, и я, не взирая на всѣ сомнѣнія и нервную боязнь, самъ отдался очарованію вновь представшей моимъ глазамъ природы западнаго берега. Мною овладѣло чувство, близкое къ благоговѣнію, передъ которымъ и стушевались всѣ остальныя ощущенія.

Лодка, ныряя, подвигалась по волнамъ, и передъ нами всплывали очертанія продолговатаго острова, фономъ которому служили бѣгущія облака. Чѣмъ болѣе приближались мы къ острову, тѣмъ ярче разгоралось въ моей душѣ радостное сознаніе, что вотъ, наконецъ, десятки лѣтъ жившая во мнѣ страстная мечта становится дѣйствительностью.

Мы вышли на пристань, и я жадно обнялъ взглядомъ все вокругъ—мостки, лодки, маленькіе домики всѣхъ цвѣтовъ, прилѣпившіеся по склону голой скалы. Въ бухтѣ качались лодки, а на скалѣ свалены были груды вялившейся рыбы. На мысѣ стояла толпа мужчинъ въ непромокаемыхъ одѣяніяхъ и сапогахъ, въ «зюдвесткахъ» на головахъ; они медленно, обдуманно складывали въ кучу крупную рыбу, подобной которой я раньше не видывалъ.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ мнѣ прямо въ лицо, а кругомъ стоялъ грохотъ прибоя, гонимаго бурей. Скалы, синѣя и чернѣя, обступали бухту грозной толпой; вѣтеръ далеко гналъ облака, рвавшіяся въ клочья, обнажая тамъ и сямъ глубокую синеву неба. Дойдя же до нашего маленькаго, бѣленькаго домика, лежавшаго на краю западнаго мыса, далеко отъ толпы и другого человѣческаго жилья, я, наконецъ, увидалъ открытое море.

Долго стоялъ я и смотрѣлъ на него. Наконецъ-то я добрался до него! Когда же я вошелъ въ наши комнатки, я увидалъ, что тотъ же видъ открывался мнѣ изъ моихъ собственныхъ оконъ, съ тою лишь разницей, что отсюда море казалось какъ-то еще ближе. Снова застылъ я на мѣстѣ, забывая обо всемъ другомъ на свѣтѣ, не сознавая даже, что творилось во мнѣ самомъ. И вдругъ взоръ мой упалъ на жену. Она стояла у окна, одна, и глядѣла на море. Въ ту же минуту мнѣ въ голову ударило все, что занимало меня въ теченіе послѣдняго времени—напряженная тревога, сомнѣнія, соображенія, хитрые расчеты, борьба, имѣвшая цѣлью заставить мою жену чувствовать одинаково со мной, — и все, что я позабылъ, ступивъ ногой на этотъ скалистый островокъ. Вотъ мы уже здѣсь, а я все еще не знаю, расходимся мы съ нею мыслями, готовимся къ духовной борьбѣ или, напротивъ, мысли и чувства наши готовы слиться?...

Но Эльза обернулась ко мнѣ, и я увидѣлъ, что глаза ея полны слезъ. Она протянула мнѣ руку, я сжалъ ее, и мы такъ и остались стоять, глядя на море. Волны хлестали о камни подъ нашими окнами, и, куда ни кинь взглядъ, вставали лишь бѣлые гребни, бороздившіе черную поверхность, да маленькія шхеры, о которыя они ударялись. Цѣлые каскады брызгъ взлетали въ воздухъ, вытолкнутые тяжестью самого моря, налегавшаго всей силой съ запада. Это была картина возмущенія, исполненнаго спокойной силы, великаго бунта, отзывавшагося ликованіемъ жизни.

И передъ лицомъ этой величайшей смуты природы моя собственная душевная смута улеглась. Держа въ своей рукѣ руку Эльзы, я чувствовалъ, что мы оба стремились къ морю и теперь достигли его разными путями. Мы не говорили ни слова, но стояли такъ долго, и вся наша внутренняя тревога стихла. Засыпая, мы еще слышали грохотъ моря, а когда онъ смолкъ, мы проснулись, разбуженные наставшей тишиной.

Море передъ нашими окнами лежало тихое, величавое, убаюкиваемое длинными разбѣгающимися бурунами.

VIII.

Эту картинку я занесъ въ свою записную книжку уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще не зная тогда, что нѣкогда мнѣ придется вступить съ Эльзой въ другую, болѣе серьезную борьбу, по окончаніи которой я останусь одинъ, хотя и не одинокій, сломленный, но не отчаявшійся.

Мы съ Эльзой сидимъ на самой скалѣ передъ нашимъ бѣлымъ домикомъ, любуясь закатомъ. Каждый день любуемся мы этой картиной, являющейся каждый разъ новою. Между нами сидитъ малютка Свенъ, босоногій, загорѣлый. Дѣло къ вечеру, становится свѣжѣе, и онъ спряталъ босыя ножонки подъ платье матери. Онъ выпросился посидѣть, пока солнце еще видно, и удивленными глазами слѣдитъ за угасаніемъ яркаго сіянія, медленно опускающагося въ тихо колышащіяся волны. Вотъ солнце и скрылось, а онъ все сидитъ, подперевъ подбородокъ ручонкой, видно, не въ силахъ высказать того, что у него на сердцѣ, высказать что̀ у него нехватаетъ словъ. Придя, наконецъ, въ себя и понявъ, что ему пора спать, онъ виснетъ у меня на шеѣ, прося, чтобы я отнесъ его.

Съ моей легкой ношей на рукахъ я тихо спускаюсь внизъ и тамъ оборачиваюсь, отыскивая темный силуэтъ моей жены. Вонъ она сидитъ въ той же позѣ, какъ сейчасъ Свенъ, вперивъ глаза въ ту точку, гдѣ только что погасъ послѣдній отблескъ вечерняго сіянія...

IX.

Никогда еще малютку Свена такъ не ласкали, не баловали, не носили на рукахъ, не обожали всѣ и каждый, какъ въ это лѣто. Лоцмана таскали его на рукахъ по скаламъ и холмамъ, вырѣзывали ему лодочки изъ дерева. Женщины, завидѣвъ его, останавливались и улыбались ему. Молодыя матери забывали собственныхъ малышей, увлекаясь имъ, и увѣряли, что такого ребенка еще не видывали. Дѣвочки-подростки играли и возились съ нимъ даже безъ всякихъ просьбъ съ его стороны. Свенъ постоянно купался въ лучахъ солнца, окрѣпъ на морскомъ воздухѣ и загорѣлъ такъ, какъ никогда прежде.

Словомъ, онъ былъ центромъ всѣхъ нашихъ помысловъ и общимъ солнышкомъ въ теченіе этого единственнаго лѣта, проведеннаго нами на западномъ берегу.

Но замѣчательно, что онъ въ это лѣто все возвращался въ разговорахъ къ одному предмету, который недавно заинтересовалъ его. У него была эта особенность—постоянно говорить о томъ, что занимало его въ данное время, и онъ дѣлалъ это гораздо непринужденнѣе и естественнѣе, нежели вообще дѣти, нисколько не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производятъ его рѣчи на взрослыхъ. Вообще же дѣти скорѣе скрываютъ свои мысли и лишь съ большой осторожностью высказываются передъ взрослыми, боясь ихъ иронической улыбки, которая парализуетъ дѣтскія мыслишки, боясь ея даже, если иронія ея добродушна. Особенно такъ бываетъ съ болѣе чувствительными, наивными, откровенными дѣтьми или вообще непохожими на другихъ дѣтей.

Малютка Свенъ съ самаго того момента, какъ впервые открылъ глазки, никогда не встрѣчалъ иного отношенія къ себѣ, нежели теплое, сердечное пониманіе дѣтской души, его внутренняго міра; постоянно слѣдила за нимъ пара глазъ, радовавшихся каждому его движенію, понимавшихъ и ободрявшихъ каждое движеніе его дѣтской души ярче, лучше, нежели онъ самъ когда-либо могъ это сдѣлать. Такое воспитаніе вполнѣ подходило къ его любящей преданной натурѣ, какъ и онъ самъ подходилъ къ той, которая день за днемъ давала ему больше, чѣмъ тогда, когда дала ему жизнь. Поэтому Свенъ и не задумывался прямо, безъ всякихъ стѣсненій говорить обо всемъ, что только приходило ему въ голову, что забавляло или удивляло его.

Быть можетъ, также въ немъ жило смутное предчувствіе, что онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, но онъ не могъ, не умѣлъ высказать этого смутнаго чувства. Быть можетъ, это-то чувство тѣмъ крѣпче и связывало его съ той, которая сама долго таила то же чувство въ

глубинѣ души? Кто знаетъ, кто можетъ отвѣтить на это? Безмолвіе витаетъ надъ цвѣтущими могилами обоихъ.

Но вотъ фактъ: однажды Свенъ обратилъ вниманіе на картинку, висѣвшую въ спальнѣ матери, и долго-долго смотрѣлъ на нее, не отрываясь, затѣмъ снялъ со стѣны и опять долго созерцалъ, въ полномъ молчаніи, словно встрѣтилъ что-то такое новое, надъ чѣмъ всталъ втупикъ его умишка.

Картина была не въ нынѣшнемъ вкусѣ и невысокаго художественнаго достоинства; сюжетомъ для нея послужило старинное сказаніе о смерти, и самая картина носила названіе: «Шествіе смерти». Смерть шествуетъ по большой пустынной равнинѣ, закутанная съ ногъ до головы въ бѣлое покрывало, открывающее лишь оскаленный черепъ, а за нею тянется длинное шествіе молодыхъ и старыхъ, и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей вперемежку. Самому шествію не видно конца, оно теряется въ туманной дали. Въ рукахъ у смерти колокольчикъ, который, видимо, только что прозвонилъ. У края дороги сидитъ дряхлая старуха, умоляюще протягивая руки къ смерти, которая, однако, проходитъ мимо, даже не глядя на нее, а какъ разъ за смертью стоитъ юная парочка влюбленныхъ; колоколъ смерти, видно, прозвонилъ для этого юноши, и отчаянно уцѣпившіяся за него руки невѣсты не въ силахъ будутъ удержать его. Шествіе смерти продолжаетъ свой путь, и, когда пустое мѣсто въ немъ, оставленное для юноши, поровняется съ парочкой, юноша вынужденъ будетъ занять это мѣсто, и никакая страсть, никакая любовь не вернетъ его назадъ. Тамъ же, куда шествіе, повидимому, направляется, брезжитъ, словно утренняя заря.

Такова была эта картина, которую Эльза взяла съ собой на берегъ моря въ числѣ прочихъ картинъ и фотографій, чтобы украсить ими стѣны новаго лѣтняго жилища. Насмотрѣвшись, ребенокъ спросилъ у матери:

— Что это?

И мать разсказала ему исторію о безсердечной смерти, которая проходитъ и вырываетъ изъ рядовъ живыхъ юныя существа, оставляя безъ вниманія старыхъ, которые молятъ ее взять ихъ съ собою. Выслушавъ разсказъ, Свенъ повѣсилъ картину опять на мѣсто.

Но на другое утро онъ снова снялъ ее, опять долго глядѣлъ на нее большими, серьезными глазами, затѣмъ попросилъ мать разсказать ему еще разъ ту же исторію и, наконецъ, спросилъ:

— Какъ ты думаешь, мама, молодой женихъ очень огорченъ, что долженъ умереть?

— Я думаю,—отвѣтила мать,—но невѣста огорчена еще больше.

— А, можетъ быть, онъ зато станетъ ангеломъ съ крылышками за плечами?—продолжалъ Свенъ.

— Навѣрно,—подтвердила мать.

Но Свенъ вздохнулъ, словно это его мало удовлетворяло.

— Зачѣмъ же старухѣ нельзя пойти за смертью, если ей такъ хочется?

— Этого никто не знаетъ, Свенъ,—отвѣтила мать.— Одинъ Богъ.

— А Онъ знаетъ?

— Да, Онъ знаетъ.

Затѣмъ Свенъ опять убѣжалъ играть на солнышкѣ, между скалъ. Но съ тѣхъ поръ этотъ разсказъ о смерти сталъ его любимой сказкой, и онъ почти каждое утро, когда мать причесывалась, снималъ диковинную картинку со стѣны и просилъ мать разсказать про смерть.

Къ этому надо прибавить, что Свену еще зимой случилось быть въ одно воскресное утро въ театрѣ, гдѣ давали «Петьку-счастливца» Стриндберга. Свенъ не очень много понялъ изъ пьесы, но очень веселился по своему и своимъ весельемъ даже заразилъ всѣхъ окружающихъ.

Наступилъ моментъ, когда Петькѣ-Счастливцу является смерть, и Свенъ разомъ стихъ. Никто изъ насъ взрослыхъ не подумалъ объ этой сценѣ или о томъ, что она можетъ вообще произвести на ребенка особенное впечатлѣніе. Для него же съ момента появленія смерти все остальное въ пьесѣ перестало существовать. И, когда его потомъ спрашивали, что онъ видѣлъ въ театрѣ, онъ всегда отвѣчалъ одно:

— Я видѣлъ смерть. Длинный, огромный костякъ съ косой въ рукахъ. И она разговаривала.

Такъ вотъ къ этому-то впечатлѣнію, вынесенному изъ театра, прибавилось теперь впечатлѣніе отъ картины. Единственное, съ чѣмъ ребенокъ не могъ хорошенько примириться, было то обстоятельство, что въ театрѣ онъ видѣлъ смерть съ косой въ рукахъ, а на картинѣ она была изображена съ колокольчикомъ. Если же не считать этой маленькой дисгармоніи—смерть, видѣнная на сценѣ, смерть на картинѣ и разсказъ матери сливались для него какъ бы въ одно гармоничное цѣлое.

И Свенъ разговаривалъ объ этомъ и утромъ и вечеромъ; всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, разсказывалъ о смерти, которая явилась къ Петькѣ-Счастливцу и хотѣла взять его съ собой, да оставила потому, что онъ такъ мило просилъ ее пожалѣть его. Разсказывая, ре-

бенокъ весь дрожалъ при воспоминаніи о видѣнномъ; право, кажется, если бы сама смерть явилась ему во всемъ своемъ грозномъ обликѣ, впечатлѣніе и тогда не могло бы быть сильнѣе.

Друзья же его здѣсь въ шхерахъ очень дивились тому, что маленькій ребенокъ говоритъ о подобныхъ вещахъ. Они никогда не смѣялись надъ нимъ; его разсказы только укрѣпляли ихъ представленіе о немъ, какъ о какомъ-то особенномъ, нѣжномъ, хрупкомъ существѣ, которое они съ радостью брали на руки и переносили черезъ кручи и скалы.

Столь мрачныя представленія и разсказы, однако, не возмущали обычнаго счастливаго теченія жизни Свена. Онъ такъ сжился съ ними, что они попросту какъ бы слѣдовали за нимъ сами, словно тѣнь за яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. И онъ создалъ себѣ свой особый міръ, тутъ въ шхерахъ. Когда прибой былъ очень силенъ и буря выла, онъ стоялъ у окна и, не отрываясь, глядѣлъ на пѣнящіяся волны, стоялъ часами, не въ состояніи оторваться отъ этой картины. Когда же небо было голубое и дулъ легкій, ласкающій вѣтерокъ, онъ бродилъ одинъ по берегу, ловилъ въ водѣ медузъ и морскихъ звѣздъ и игралъ въ рыбачьихъ лодкахъ.

Больше же всего онъ любилъ бывать на сторожевомъ пунктѣ лоцмановъ, на скалѣ, гдѣ и мать охотно сиживала съ работой въ рукахъ; тутъ онъ заставлялъ ее разсказывать ему все, что она только знала о морѣ. Онъ былъ безконечно счастливъ, когда привыкъ босикомъ лазить по скаламъ и, засучивъ штанишки, прыгалъ или осторожно перебирался на цыпочкахъ съ камня на камень съ граціей маленькой принцессы. Но когда дѣло доходило до дальнихъ прогулокъ, онъ просился на руки. И такъ какъ ему никогда нельзя было ни въ чемъ отказать, то всегда находился охотникъ, бравшій его на руки или на плечи. Оттуда онъ гордо озирался вокругъ и смѣялся, счастливый сознаніемъ своей власти и общей любви къ себѣ.

Разъ, оставшись одинъ съ матерью, отецъ сказалъ, что говорилъ не разъ:

— Свенъ сталъ теперь такой свѣженькій, здоровенькій, какъ никогда, зачѣмъ же онъ все говоритъ о смерти?

А мать отвѣтила:

— Не я навожу его на эти разговоры. Его мысли свободны, летятъ куда хотятъ... Взгляни-ка!

И она указала на берегъ. Тамъ сидѣлъ Свенъ, одинъ-одинешенекъ, съ самымъ счастливымъ, веселымъ видомъ. Въ рукѣ у него былъ шнурокъ, прикрѣпленный къ деревяшкѣ, имѣвшей сходство съ

лодкой. Вотъ онъ подвелъ лодочку къ берегу, нагрузилъ ее камешками и снова столкнулъ въ воду.

— Слышишь?—сказала мнѣ Эльза.

И чтобы лучше слышать, мы тихонько двинулись къ ребенку, стараясь, чтобы онъ не замѣтилъ насъ.

Онъ продолжалъ сидѣть смирно, тихонько водя лодочку взадъ и впередъ по водѣ, и слабымъ, чистымъ, словно звонъ серебрянаго колокольчика, голоскомъ пѣлъ матросскую пѣсенку, которую перенялъ у здѣшнихъ ребятишекъ:

«Пѣлъ тра-ля-ля, пѣлъ тра-ля-ля
И въ морѣ могилу нашелъ!»

Вдругъ, онъ увидѣлъ насъ и умолкъ, замахалъ на насъ рукой и сказалъ, что не хочетъ пѣть при папѣ.

X.

Я замѣчаю, что описываю почти исключительно наше лѣтнее житье-бытье. Оно и вполнѣ понятно: мы жили и сильнѣе чувствовали, что живемъ, именно лѣтомъ. Въ остальное время года мы жили или въ самой столицѣ, или въ ближайшихъ окрестностяхъ, откуда могли попасть въ городъ когда угодно. И тогда съ нами бывало то же, что со всѣми другими: столичная жизнь подхватывала насъ и кружила въ своемъ водоворотѣ, значительно ограничивая время, которое мы могли бы при иныхъ условіяхъ проводить въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, чувствуя себя однимъ цѣлымъ. Зимой приходилось сказать «прости» нашимъ долгимъ задушевнымъ бесѣдамъ съ глазу на глазъ съ женою, «прости» веселому времяпровожденію съ дѣтьми. Даже на Рождествѣ—или, пожалуй, именно на Рождествѣ меньше всего,—не удавалось избавиться отъ обычныхъ сутолоки и шума, которые такъ утомляютъ и разстраиваютъ столичныхъ жителей. Поэтому мы всегда ждали лѣта, какъ своего освободителя, и едва оно наступало, и мы покидали столицу, намъ казалось, что для насъ наступаетъ новая, особенная, *наша собственная* жизнь.

Теперь я разскажу о нашемъ послѣднемъ лѣтѣ, когда мы въ послѣдній разъ жили такою полной жизнью, чувствовали, что въ самомъ дѣлѣ живемъ. Это лѣто вышло въ концѣ концовъ совсѣмъ инымъ, нежели мы ожидали и надѣялись.

На этотъ разъ мы выбрали совсѣмъ противоположное прошлогоднему мѣстожительство. Это было сдѣлано ради того, чтобы вознаградить Эльзу за все то, чего она была лишена въ прошлые разы, осо-

бенно въ предыдущее лѣто, которое мы провели на западномъ берегу. Какъ море само по себѣ ни захватило ее своей мощной красой, она всетаки продолжала питать нерасположеніе къ этой мощной стихіи, которая желаетъ царить въ одинокомъ величіи, не допуская по близости ни высокихъ деревьевъ, ни зеленыхъ, цвѣтущихъ холмовъ. Въ глубинѣ души Эльза всегда тосковала по тѣнистымъ рощамъ и роскошнымъ пестрымъ коврамъ цвѣтовъ. Побѣда, одержанная мною въ борьбѣ съ ея нелюбовью къ морю, была, такимъ образомъ, всетаки неполною. И вотъ, мы съ женой уговорились, что впредь у каждаго изъ насъ будетъ своя очередь выбирать мѣсто лѣтняго пребыванія. Кромѣ того, это лѣто мы хотѣли провести въ обществѣ друзей, воскресить то время, когда мы видѣли наше молодое счастіе отраженнымъ въ сердцахъ вѣрныхъ друзей, считавшихъ нашъ домъ какъ бы своимъ собственнымъ.

Ради пущаго контраста съ предыдущимъ лѣтомъ, мы выбрали на этотъ разъ островъ Лидингъ, гдѣ наняли верхній этажъ полуразрушившагося барскаго дома въ усадьбѣ. Тутъ была масса большихъ комнатъ, покрившіяся окна, потрескавшіеся обои, большія террасы—одна длинная узкая, выходившая на дворъ, и другая поменьше, съ которой открывался видъ въ садъ съ заглохшими дорожками и дико разросшимися ягодными кустами, и дальше, надъ вершинами деревьевъ, на бухту, обрамленную пышною зеленью и похожую на тихое внутреннее озеро въ сердцѣ богатой, плодородной Средней Швеціи. Террасы были всѣ обвиты дикимъ виноградомъ, а одна сторона террасы, выходившей на море, была густо оплетена каприфоліемъ. Все въ общемъ имѣло видъ живописной руины, готовой обрасти мхомъ и распасться прахомъ, чтобы вновь стать частью природы. Сидишь, бывало, на второй террасѣ, глядя вдаль на вершины деревьевъ и тихую, мирную бухту, и невольно начинаешь думать о томъ времени, когда все, созданное здѣсь руками человѣческими, разрушится, исчезнетъ съ лица земли, когда новые люди начнутъ рыться въ этой землѣ и найдутъ остатки, говорящіе о томъ, что здѣсь нѣкогда давало пищу давно забытымъ радостямъ и горестямъ людей, или пріютъ ихъ давно истлѣвшимъ костямъ. Такія думы невольно закрадывались въ душу каждаго, кто сидѣлъ тутъ, отдаваясь настроенію, навѣваемому этимъ тихимъ мѣстечкомъ, цвѣтущая пора котораго давно миновала, и будили въ душѣ легкую грусть, лишенную однако всякой горечи. Вмѣстѣ съ тѣмъ васъ охватывало и такое ощущеніе, что высшаго счастія на землѣ и быть не можетъ, какъ жить вотъ тутъ, въ мирѣ и тишинѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ все здѣсь начнетъ разрушаться, зарастать сорной травой, а тогда—потихоньку заснуть, разсыпаться

прахомъ вмѣстѣ съ этимъ дряхлымъ строеніемъ, старыми деревьями, слиться съ этой истощенной землей, которая теперь, кажется, изъ послѣднихъ силъ питала пышную зелень.

Какъ густо росла здѣсь сирень! Акація золотымъ дождемъ повисла надъ безпорядочными купами и куртинами, гдѣ піоны клонили къ землѣ свои отяжелѣвшія головы, а кусты розъ просто дрались между собой за глотокъ воздуха! Здѣсь было все, что Эльза любила въ природѣ. Тутъ была налицо эта умирающая полнота жизни, близкое къ истощенію плодородіе, столь гармонировавшія съ ея душевною жизнью. Здѣсь жена моя съ первой же минуты почувствовала себя какъ дома. И здѣсь мы забыли, что она снова уже ощущала симптомы своей старой болѣзни, забыли о всѣхъ глубокихъ ранахъ, нанесенныхъ намъ жизнью и людьми, забыли, что и мы сами и защищались и давали сдачи, забыли всѣ зимнія тяготы и столичную сутолоку.

Какъ разъ напротивъ насъ, по ту сторону бухты, поселились наши друзья, и между нашей и ихъ пристанью то и дѣло шныряла лодка, поддерживавшая сообщеніе между нами.

Меня однако вся окружающая обстановка давила и даже какъ будто мѣшала мнѣ работать. Она наводила на меня настроеніе, совершенно непохожее на все, что я испытывалъ раньше. Съ теченіемъ времени, впрочемъ, я обжился, и работа наладилась. Геній вдохновенія являлъ себя съ небывалой силой, и никто не мѣшалъ мнѣ отдаваться его власти. Одинъ малютка Свенъ.

Его одного мы никакъ не могли пріучить, что нельзя тревожить папу, когда онъ пишетъ. Онъ тихонько отворялъ двери въ кабинетъ, словно желая показать, что отлично понимаетъ, почему нужно соблюдать полную тишину въ домѣ, а когда я взглядывалъ на него, онъ прикладывалъ палецъ къ губамъ и шикалъ съ такой самоувѣренной и вмѣстѣ невинной рожицей, что я волей-неволей откладывалъ перо. Если же, напротивъ, я не поднималъ головы отъ работы, онъ тихонько приближался къ самому столу и становился рядомъ со мной. Тутъ онъ способенъ былъ простоять долго, терпѣливо дожидаясь, пока я обращу на него вниманіе. И только, если я черезчуръ ужъ долго выдерживалъ характеръ, дѣлая видъ, что рѣшительно не замѣчаю его присутствія, онъ уходилъ такъ же тихо, на цыпочкахъ, какъ пришелъ. Случалось это, впрочемъ, не часто. Стоило мнѣ чуточку повернуть голову, его большіе голубые глаза тотчасъ ловили мой взглядъ, и я сдавался.

— Ну, что тебѣ, Ненни?—спрашивалъ я.

Я чувствовалъ, что при этомъ мнѣ слѣдовало бы сохранить строгій видъ, но я зналъ, что это мнѣ не удавалось.

У него всегда оказывался въ рукахъ какой-нибудь цвѣтокъ, камешекъ или другая подобная рѣдкость, которую онъ хотѣлъ показать мнѣ. И я откладывалъ работу и предоставлялъ себя въ распоряженіе ребенка, сколько ему хотѣлось. И какъ я радъ этому теперь!

XI.

Тутъ малютка Свенъ также распѣвалъ свои пѣсенки, какъ и зимой, и, вѣроятно, ради него-то Эльза на этотъ разъ и захватила съ собой изъ города піанино.

Само собой, что какъ только мать замѣтила, что у Свена есть голосокъ, она стала развивать его музыкальныя способности и гордилась его пѣніемъ, какъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ или говорилъ. Она запаслась сборниками дѣтскихъ пѣсенокъ и учила ребенка пѣть ихъ. Текстъ онъ заучивалъ со словъ матери, такъ какъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы умѣть читать; ему шелъ всего шестой годъ. Слухъ у него былъ вѣрный, и онъ рѣдко бралъ фальшивую нотку, а если ужъ такой грѣхъ случался, очень огорчался и сейчасъ же начиналъ сызнова.

Свенъ не стѣснялся теперь пѣть и при другихъ. Всякій, кто желалъ, могъ присутствовать при его пѣніи. Маленькій пѣвецъ пѣлъ, улыбался, а глаза его такъ и сіяли.

И чего ему было бояться, разъ онъ самъ такъ любилъ пѣть и зналъ, что поетъ премило? Это сказала мать, а разъ ей нравилось его пѣніе, такъ и всѣмъ должно было нравиться.

Была въ богатомъ репертуарѣ Свена одна пѣсенка, которую онъ пѣлъ особенно мило. Вотъ она:

Бэ, бэ! Бѣленькій барашекъ,
Есть у тебя шерстка?
Бэ, бэ! Милое дитя,
Хватитъ у меня
Папѣ на сюртукъ,
Маменькѣ на платье,
Да и на штанишки
Милому «братишкѣ»!

Конецъ этой пѣсни былъ самымъ блестящимъ нумеромъ Свена. Приближаясь къ послѣднимъ словамъ, онъ все ускорялъ темпъ и слова: «милому братишкѣ» съ шикомъ раздавались куда раньше соотвѣтствовавшаго имъ аккомпанемента фортепіано. Происходило это оттого, что Свенъ относилъ конецъ пѣсни всецѣло къ себѣ, а начало читалъ лишь вступленіемъ къ этому имѣвшему такое значеніе кон-

цу. И почему бы эта пѣсенка была сложена не про него и не для него одного? *Онъ* вѣдь пѣлъ ее и такъ искренно тѣшился ею!

Пѣсенки этой никто и не смѣлъ пѣть, кромѣ него одного, да и умѣлъ ее пѣть одинъ онъ, «братишка», онъ, жившій «братишкой» и умершій «братишкой», онъ, не успѣвшій стать ничѣмъ инымъ, онъ, который навсегда останется жить въ нашей памяти подъ этимъ именемъ...

Окна въ гостиной раскрыты, ароматъ сирени льется въ нихъ вмѣстѣ съ вечернимъ воздухомъ; солнце готово закатиться, и на стѣнѣ надъ раскрытымъ фортепіано дрожатъ послѣдніе лучи. За фортепіано сидитъ Эльза въ бѣломъ лѣтнемъ платьѣ, а мы всѣ обступили малютку Свена, который поетъ:

Папѣ на сюртукъ,
Маменькѣ на платье,
Да и на штанишки
Милому «братишкѣ»!

Завтра Ивановъ день, и Свенъ сіяетъ. Мать разрѣшила ему сегодня не ложиться спать, пока онъ самъ не захочетъ. А онъ, разумѣется, никогда не захочетъ. За руку съ матерью идетъ онъ въ сопровожденіи всѣхъ насъ въ садъ и гуляетъ до тѣхъ поръ, пока глаза его закрываются сами собою. Его берутъ и несутъ въ постель уже соннаго и не сознающаго своего несчастія, что ему не удалось побыть на ногахъ подольше.

Вотъ онъ и спитъ со своимъ дружкомъ въ рукахъ, маленькой деревянной собачкой, обтянутой курчавой, какъ у барашка, шерстью и съ черными бусинками вмѣсто глазъ. Свенъ окрестилъ ее «Волчкомъ». Волчокъ смирный товарищъ во снѣ, ничѣмъ не мѣшаетъ.

Въ вѣтвяхъ деревьевъ слышится первое слабое щебетаніе птичекъ, предвѣщающее, что скоро забрезжитъ утренняя заря.

XII.

Не думаю, чтобы Свенъ когда-нибудь раньше жилъ болѣе неразрывною, единою жизнью съ матерью, какъ именно въ это лѣто. Или, быть можетъ, я раньше не имѣлъ случая такъ близко наблюдать ее, какъ теперь. Послѣднее же, пожалуй, объяснялось тѣмъ, что въ это лѣто мы впервые лишены были общества нашего старшаго мальчика. Олафъ былъ посланъ гостить на сѣверъ, подышать воздухомъ сосенъ и поучиться жить въ чужихъ людяхъ. Вслѣдствіе этого, оставшіеся члены семьи сплотились какъ-то еще тѣснѣе. Во всякомъ случаѣ, въ

теченіе этого лѣта я невольно пріучился смотрѣть на Свена тѣми же глазами, какъ мать. И никогда раньше такъ не бросалось мнѣ въ глаза то, что онъ былъ совершенно не похожъ на всѣхъ другихъ дѣтей, какихъ только я видѣлъ, хотя вообще-то и былъ во всемъ чистѣйшимъ ребенкомъ.

Разъ утромъ, помню, я былъ очень пораженъ, заставъ его сидящимъ въ полномъ одиночествѣ на зеленомъ пригоркѣ съ букетомъ изъ синихъ колокольчиковъ и ранункуловъ въ рукахъ. Я спросилъ, не хочетъ ли онъ пойти со мной погулять въ паркъ. Обыкновенно онъ съ восторгомъ ухватывался за такое предложеніе, такъ что я очень удивился, услыхавъ его рѣшительное «нѣтъ».

— Не хочешь идти гулять съ папой, Свенъ?

Я былъ почти обиженъ, полагая, что онъ просто капризничаетъ.

Свенъ только отрицательно покачалъ головой и не тронулся съ мѣста.

— Но почему же?

— Я жду маму,—твердо заявилъ «братишка».

— Да, вѣдь, ты знаешь, она такъ рано не выходитъ. Мама не совсѣмъ здорова, и ей надо спать подольше утромъ, разъ она плохо спитъ ночью.

Такъ оно и было, и, если это обстоятельство не мѣшало намъ наслаждаться полнымъ счастіемъ и всѣми лѣтними удовольствіями, то потому лишь, что съ теченіемъ времени мы уже свыклись съ тѣмъ, что болѣзненные припадки возобновлялись у нея черезъ извѣстные промежутки; это стало казаться намъ какъ бы въ порядкѣ вещей.

Мои доводы, однако, не произвели на ребенка должнаго впечатлѣнія, и онъ упорно продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, повторяя:

— Сегодня она выйдетъ, я знаю.

Я улыбнулся его увѣренной рожицѣ и пошелъ себѣ. Свенъ, однако, не выходилъ у меня изъ головы; я думалъ о немъ и о его столь необычной для ребенка его лѣтъ всепоглощающей страстной привязанности, которая была въ состояніи заставить его сидѣть все утро смирно на одномъ мѣстѣ съ какимъ-то букетикомъ въ рукахъ, чтобы только привѣтствовать мать въ ту же минуту, какъ она выйдетъ.

Отойдя на нѣкоторое разстояніе, я вдругъ сбернулся, и увидалъ, какъ мелькнули между кустами жасмина бѣлая шляпа и пестрое лѣтнее платье жены. Въ ту же минуту раздался радостный крикъ Свена.

Я, улыбаясь, повернулъ назадъ и увидалъ, какъ мальчикъ въ бурномъ порывѣ восторга повисъ у матери на шеѣ. Я окликнулъ

ихъ, но «братишка» не выпустилъ своей дорогой добычи. Онъ крѣпко держался своей позиціи, къ которой всегда стремился, и еще издали крикнулъ мнѣ, полуупрекая меня за мои сомнѣнія, полуторжествуя свою правоту:

— Видишь, вотъ она и вышла! Я зналъ! зналъ!

— Ты, вѣрно, прокрадывался въ комнаты и подглядывалъ за мамой,—сказалъ я шутя.

Но Свенъ съ неописаннымъ презрѣніемъ къ такому простому и разумному способу узнавать о скоромъ выходѣ мамы возразилъ:

— И не думалъ. Вѣдь я же не дѣлалъ этого, мама?

И мать тотчасъ же утѣшила его подтвержденіемъ, что онъ и не думалъ подглядывать. Мнѣ же она сказала:

— Ты представить себѣ не можешь, какъ часто случается подобное. Онъ какъ будто чувствуетъ меня въ воздухѣ прежде, чѣмъ я появлюсь. Ребенку этого не выдумать.

XIII.

Въ сущности Свенъ въ это лѣто не былъ уже похожъ на себя. Безъ всякой видимой причины онъ вдругъ начиналъ жаловаться на усталость, и тогда ему уже ничего не хотѣлось дѣлать, какъ только лежать на травкѣ, положивъ голову на колѣни матери. Или же онъ подходилъ къ отцу и просилъ поносить его. Отецъ бралъ его на плечи и носилъ по лугамъ и лѣсамъ. Тогда глаза ребенка сіяли самой нѣжной благодарностью, а маленькія бѣленькія ручонки обвивались вокругъ шеи отца любовнѣе, чѣмъ когда-либо.

Но онъ жаловался на головную боль, и ему давали антипиринъ; а то вдругъ не хотѣлъ вставать по утрамъ, ссылаясь на усталость. Но такъ какъ собственно никакой болѣзни налицо не было, то отецъ подымалъ его съ постели и говорилъ, что ему надо одѣться и поскорѣй выйти на воздухъ. Свенъ покорялся и принимался натягивать на себя, какъ умѣлъ, скучные чулки. Но едва отецъ выходилъ изъ спальни, онъ пробирался къ постели матери и просилъ ее пустить его полежать съ ней.

Разумѣется, она не могла устоять противъ такой просьбы. И никогда Свенъ не чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ въ эти минуты. Онъ лежалъ, положивъ голову на руку матери, съ открытыми глазами, не двигаясь, пока силы не начинали прибывать въ немъ опять. Тогда онъ вставалъ, но сначала вперялъ въ мать свои удивительные глаза и просилъ:

— Только ты не говори папѣ.

— Почему же?

— Онъ разсердится.

Все это казалось матери такъ странно, что она уже по этому одному готова была обѣщать мальчику, что угодно. И Свенъ уходилъ веселый, спокойный и отъ сознанія, что мама не выдастъ его, и отъ сознанія, что онъ съ мамой были заодно.

Но чуть только мать собиралась куда-нибудь поѣхать или хоть просто прогуляться безъ него, онъ приходилъ въ отчаяніе. Его горе не знало границъ, онъ плакалъ такъ горько, что духу нехватало бранить его, и оставалось только уговаривать его и стараться чѣмъ-нибудь утѣшить. Это страстное горе просто хватало за душу, такъ что нельзя было не обратить на него вниманія, или сейчасъ же забыть о немъ.

Однажды мнѣ удалось уговорить Эльзу предпринять со мной прогулку въ городъ, пообѣдать тамъ въ компаніи друзей и затѣмъ отправиться куда-нибудь «провѣриться», какъ говорится. Я настоялъ на этомъ главнымъ образомъ потому, что, по моему, Эльзѣ надо было немножко развлечься, отдохнуть отъ общества Свена.

Намъ и удалось на этотъ разъ стряхнуть съ себя впечатлѣніе, оставленное слезами ребенка, и мы провели въ городѣ очень пріятный день, какъ всегда, когда бывали тамъ по доброй волѣ, а не по обязанности. Но въ самый разгаръ нашего благодушія, Эльза вдругъ шепотомъ задала мнѣ вопросъ, очень ли я буду огорченъ, если она уѣдетъ домой съ ближайшимъ пароходомъ. Намъ съ ней теперь такъ рѣдко удавалось погулять однимъ, повеселиться на свободѣ, что заявленіе ея пришлось мнѣ совсѣмъ не по вкусу. Я сталъ убѣждать ее, что никто не ждетъ насъ дома такъ рано. Мы сами же сказали, чтобы насъ не ждали раньше, какъ съ послѣднимъ пароходомъ. Словомъ, я перебралъ всѣ доводы, какіе только приходили мнѣ въ голову, и, наконецъ, прибѣгъ къ самому послѣднему аргументу:

— И Свенъ все равно будетъ уже спать, когда ты пріѣдешь.

— Да я не потому,—отвѣтила она.—Меня просто тянетъ домой.

И она такъ умоляюще глядѣла на меня, что, разумѣется, кончилось тѣмъ, что она уѣхала.

А Свенъ послѣ обѣда гулялъ себѣ, игралъ, какъ всегда; когда же дѣло стало клониться къ вечеру, къ обычному времени его отхода ко сну, онъ взялъ да пропалъ. Дѣвушки, служанки наши, были не изъ такихъ, которыя близко принимаютъ къ сердцу подобныя вещи, и, поискавъ, покликавъ ребенка по двору и по саду,—махнули рукой,—дескать, самъ придетъ, когда стемнѣетъ. Благо, господъ нечего ждать раньше полуночи.

Свенъ же отправился на пароходную пристань, гдѣ и усѣлся одинъ-одинешенекъ поджидать маму. Онъ не зналъ въ точности, когда приходитъ пароходъ и потому сидѣть ему пришлось долго. Но онъ сидѣлъ терпѣливо, смирно.

Мать разглядѣла еще издалека эту маленькую, съежившуюся фигурку въ зеленой шапочкѣ, свѣтлѣвшей на сѣромъ фонѣ сумерекъ. И на душѣ у нея стало такъ странно, точно она ожидала этого заранѣе. Разумѣется, она уже глазъ не сводила съ этой крохотной фигурки, сидѣвшей на скамейкѣ, опустивъ головку на грудь, словно въ глубокой задумчивости.

Когда же пароходъ присталъ, и мать сошла на пристань, Свенъ стоялъ въ толпѣ, съ такимъ напряженнымъ ожиданіемъ на лицѣ и въ жадно ищущихъ глазахъ, словно вся жизнь его висѣла на волоскѣ. Мать, наконецъ, пробралась къ нему, и трудно рѣшить, кто изъ нихъ двоихъ былъ въ эту минуту счастливѣе: онъ ли тѣмъ, что ждалъ не напрасно, она ли тѣмъ, что ребенокъ встрѣтилъ ее.

— Но какъ же тебѣ вздумалось придти сюда, ждать меня, Свенъ?—спросила мать.—Я, вѣдь, хотѣла пріѣхать только поздно ночью.

— Я же зналъ, что ты пріѣдешь!—отвѣтилъ Свенъ съ выраженіемъ живѣйшаго удивленія на лицѣ и въ голосѣ, недоумѣвая, какъ это мама не понимаетъ такой простой вещи.—Я зналъ, что ты пріѣдешь и пошелъ встрѣчать тебя.

Мать спросила еще, долго ли онъ сидѣлъ на пристани, и онъ сказалъ:

— Да, долго; я раньше пошелъ, а то Ганна поймала бы меня и положила спать.

Мать ничего на это не отвѣтила. Ей въ голову не могло прійти начать теперь упрекать его за то, что онъ въ сущности былъ непослушенъ. Его наивная любовь, бывшая виной всего, защищала его отъ всякихъ упрековъ, и Свенъ самъ отлично зналъ это. Онъ покосился на мать и съ улыбкой продолжалъ:

— Я надулъ Ганну. Спрятался въ кусты, она меня и не нашла.

— Неужели?—сказала мать.

И вотъ, они явились домой вмѣстѣ, счастливые, какъ два единомышленника, которымъ повезло въ ихъ затѣѣ.

Мать, разумѣется, сама на этотъ разъ раздѣла и уложила своего любимца. Она вообще часто это дѣлала, хотя ему и шелъ уже шестой годъ, и въ торжественныхъ случаяхъ его величали «большимъ» мальчикомъ.

А какъ медленно шло у нихъ всегда раздѣванье! Какъ нѣжно,

осторожно снимала она съ него платье, какъ бережно обмывала его хрупкое тѣльце и личико, какъ мягко обтирала. Когда же, наконецъ, онъ облекался въ длинную ночную рубашонку, начиналось настоящее удовольствіе: она брала его къ себѣ на колѣни и разсказывала ему о томъ времени, когда онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ маленькимъ, и она сама кормила его. Затѣмъ, она укладывала его въ постель и приказывала читать молитву, но онъ пускался на тысячи выдумокъ, чтобы отдалить время ея ухода отъ него.

На этотъ разъ, когда молитва, наконецъ, была прочитана, онъ обвилъ руками шею матери и шепнулъ:

— Какъ хорошо, когда ты раздѣваешь меня. Ты никогда не дѣлаешь мнѣ больно.

Эльза наклонилась къ нему пониже и шепнула въ свою очередь:

— Я буду всегда укладывать тебя сама. Никому больше не дамъ. До тѣхъ поръ, пока ты самъ будешь одинъ справляться.

Да, она щедро была вознаграждена за то, что оставила веселое общество раньше срока. Когда я вернулся домой съ послѣднимъ пароходомъ, она еще не спала и разсказала мнѣ все.

Послѣ веселаго дня, проведеннаго съ добрыми друзьями, этотъ примѣръ нѣжной, глубокой привязанности и впечатлительности ребенка произвелъ на меня еще большее впечатлѣніе, чѣмъ произвелъ бы, пожалуй, при другихъ обстоятельствахъ.

— Знаешь,—сказалъ я,—одинъ взрослый почтенный человѣкъ однажды выразился почти такъ же, какъ нашъ малютка Свенъ, разсказывая мнѣ, въ чемъ прежде всего сказалась для него смерть его матери. Осиротѣлъ онъ въ такомъ же возрастѣ—лѣтъ пяти-шести. Вечеромъ, въ день смерти матери онъ, по его словамъ, въ первый разъ испыталъ прикосновеніе грубыхъ рукъ.

Я остановился у постели Свена и долго глядѣлъ на него. Виски его показались мнѣ впалыми, но спалъ онъ крѣпко, спокойно. Я нагнулся и поцѣловалъ его въ лобъ.

Мы съ женой пытались было перевести разговоръ на другое, но мысли мои были такъ полны ребенкомъ, что я какъ-то не могъ заняться ничѣмъ другимъ.

— Тебѣ никогда не приходило въ голову вотъ чего,—началъ я.— Олафа я могу себѣ представить взрослымъ, зрѣлымъ человѣкомъ, Сванте тоже. Хотя они и очень не похожи другъ на друга, я всетаки отлично могу себѣ представить ихъ обоихъ взрослыми. Но малютку Свена? Можешь ты представить себѣ его взрослымъ? Что ты думаешь сдѣлать изъ него? Куда ты думаешь, онъ годится, для какой иной жизни, нежели съ нами, въ нашемъ кругу?

Жена моя улыбнулась какою-то скорбкою улыбкой, образовавшей тончайшія морщинки вокругъ ея рта, и сказала:

— Я часто объ этомъ думаю. И вотъ, быть можетъ, почему я и люблю его больше всего на свѣтѣ. Больше, чѣмъ двухъ старшихъ мальчиковъ, больше, чѣмъ тебя. Я часто раздумываю объ этомъ и знаю, что если бы умеръ одинъ изъ большихъ нашихъ мальчиковъ, я бы никогда не перестала горевать о немъ, но, я думаю, перенесла бы это горе ради васъ, оставшихся въ живыхъ. Если бы умеръ ты... нѣтъ, я даже боюсь и думать объ этомъ. Но я твердо знаю, что если бы умеръ Свенъ, я тоже не могла бы остаться жить. Я сколько разъ собиралась сказать тебѣ это. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты зналъ это.

Она протянула мнѣ руку, а глаза ея заглядывали въ мои, словно она просила у меня прощенія за то, что считала себя способной остаться жить безъ меня.

Когда мы погасили огонь, я долго еще лежалъ безъ сна, перебирая въ памяти ея слова, и заснулъ, стараясь увѣрить себя, что мнѣ никогда не доведется узнать, правду ли она сказала.

XIV.

Свенъ заболѣлъ и слегъ. Намъ было сказано, что случай довольно серьезный, но такъ какъ температура была невысокая, то мы и не тревожились особенно. Я продолжалъ работать, а жена сидѣла у постели ребенка, держа его ручонку въ своей, и разсказывала ему сказки, когда онъ въ состояніи былъ слушать.

Докторъ сразу объявилъ, что болѣзнь, вѣроятно, затянется, но подавалъ полную надежду на выздоровленіе. Поэтому я, давно собираясь предпринять небольшую поѣздку, и рѣшилъ предпринять ее какъ разъ теперь, въ надеждѣ, что къ моему возвращенію худшее уже минуетъ. И вотъ, я три недѣли провелъ съ добрыми друзьями, болѣе или менѣе спокойно наслаждаясь, какъ общеніемъ съ ними, такъ и красотами новой природы. Но на возвратномъ пути въ Стокгольмъ меня охватилъ какой-то непреодолимый страхъ. Передъ моимъ выѣздомъ въ столицу, я переговорилъ по телефону съ Эльзой. Ея голосъ дрожалъ отъ радости. Свену было лучше. Онъ сидѣлъ въ кроваткѣ, смѣясь и болтая, кушалъ и просилъ маму передать поклонъ «папѣ-отцу». Это было ласкательное имя, которое онъ давалъ мнѣ, когда бывалъ особенно веселъ и счастливъ. Итакъ, все складывалось къ лучшему, и тѣмъ не менѣе меня, какъ сказано, всю дорогу до Стокгольма томилъ безотчетный страхъ.

Въ Стокгольмъ я прибылъ въ десять часовъ вечера, когда по

слѣдній пароходъ въ наши края только что успѣлъ отойти. Поэтому я прямо направился въ отель, гдѣ всегда останавливался. Вечеръ былъ темный, ненастный; сѣялъ мелкій дождь. Я быстро вошелъ въ вестибюль, охваченный тѣмъ непріятнымъ, жуткимъ чувствомъ отчужденности, одиночества, которое всегда давитъ меня, когда я принужденъ бываю посѣщать Стокгольмъ лѣтомъ и знаю, что буду тутъ одинокъ; но не успѣлъ я спросить себѣ номеръ, ко мнѣ подошелъ швейцаръ и попросилъ меня къ телефону,—меня уже вызывали изъ дому.

Я далъ звонокъ и услыхалъ, что докторъ только что выѣхалъ къ намъ и что я долженъ немедленно взять экипажъ и спѣшить домой.

Этотъ непредвидѣнный страшный ударъ положительно ошеломилъ меня, и все, что я дѣлалъ потомъ, дѣлалъ, несмотря на лихорадочное напряженіе, совершенно машинально. Я заказалъ экипажъ, затѣмъ велѣлъ дать себѣ поѣсть. Свенъ умираетъ,—разсуждалъ я,—я уже не застану его въ живыхъ, и мнѣ нельзя пріѣхать голоднымъ, усталымъ. Мнѣ придется бодрствовать и утѣшать Эльзу. Все это проносилось въ моемъ мозгу, когда я сидѣлъ въ ожиданіи экипажа. И я словно со стороны смотрѣлъ на самого себя, какъ накладываю на тарелку мясо, какъ рѣжу его на кусочки и пытаюсь проглотить. А одна мысль гвоздемъ засѣла у меня въ головѣ, покрывая все остальное: «Экипажа все нѣтъ, Боже милосердный! Экипажа нѣтъ, а тамъ лежитъ и умираетъ мой мальчикъ, и я не могу попасть къ нему!»

Я расплатился и вышелъ въ вестибюль, гдѣ и принялся ходить взадъ и впередъ, не въ состояніи ясно продумать до конца ни одной мысли.

— Мой ребенокъ умираетъ,—сказалъ я швейцару.—Вотъ отчего я въ такомъ волненіи.

И я попытался улыбнуться, желая дать ему понять, что самъ сознаю нелѣпость своего поведенія. Но я чувствовалъ, что вмѣсто улыбки вышла гримаса. Отвѣта отъ швейцара мнѣ тоже не нужно было, и я продолжалъ шагать съ часами въ рукахъ, словно думая этимъ ускорить ходъ времени. Когда же экипажъ, наконецъ, подъѣхалъ, я былъ увѣренъ, что тамъ все уже кончено. И я не понималъ, зачѣмъ сяду въ экипажъ, или зачѣмъ поѣду въ этотъ проливной дождь, но попрежнему совершенно машинально сказалъ кучеру:

— Поѣзжайте, что есть духу. Мой сынокъ умираетъ. Вы не останетесь въ накладѣ.

Кучеръ этотъ много разъ возилъ насъ.

— Неужто тотъ самый славненькій мальчугашка, такой красавчикъ?—спросилъ онъ.

Эти простыя слова вернули меня къ дѣйствительности, и въ груди у меня разлилось теплое чувство признательности этому человѣку.

— Да,—отвѣтилъ я,—онъ самый.

И я сѣлъ въ экипажъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто нашелъ родную сочувствующую душу, человѣка, который понимаетъ, въ чемъ дѣло, и постарается помочь мнѣ. Мы ѣхали по городу, а я тихонько разговаривалъ самъ съ собой и плакалъ отъ горя и отъ радости вмѣстѣ. Онъ такой славный, такой прелестный, что даже человѣкъ, видѣвшій его только мелькомъ, когда онъ садился въ экипажъ, запомнилъ его и жалѣетъ о немъ, и вдругъ онъ умретъ? Умретъ онъ, когда милліоны другихъ дѣтей живутъ! Почему именно *мой* ребенокъ долженъ умереть?...

Никогда еще не случалось мнѣ мчаться быстрѣе и никогда дорога не казалась мнѣ длиннѣе. Я видѣлъ, какъ изъ-подъ копытъ лошадей сверкали искры, слышалъ, что дождь все усиливается, видѣлъ, какъ мракъ вокругъ все сгущается, и продолжалъ бормотать безсвязныя слова, самъ не сознавая, какъ они срываются у меня съ языка. Я какъ будто несся въ этомъ мракѣ навстрѣчу чему-то страшному, неизбѣжному, и молилъ только объ отсрочкѣ, о томъ, чтобы онъ былъ еще живъ, когда я пріѣду, чтобы я еще разъ могъ почувствовать, какъ обовьются вокругъ моей шеи его ручонки, еще разъ услыхать его голосокъ...

Мы неслись, неслись съ бѣшеной быстротой. Экипажъ швыряло изъ стороны въ сторону, но мнѣ ни на минуту не приходило въ голову, что у насъ можетъ что-нибудь сломаться, или что мы опрокинемся. Что за чудесный человѣкъ былъ этотъ кучеръ, думавшій о моемъ мальчикѣ, который былъ такъ милъ и хорошъ, что не могъ, не долженъ былъ умереть!

— Es ist ein Vater mit seinem Kind! Es ist ein Vater mit seinem Kind!—вдругъ сказалъ я громко себѣ самому и безсознательно продолжалъ повторять эти слова до тѣхъ поръ, пока рыданіе не сдавило мнѣ горло. Чтобы не задохнуться, я высунулся изъ окна кареты и сталъ вглядываться въ окружающій ландшафтъ, гдѣ зналъ каждый поворотъ дороги, каждый уголокъ. По каменистому грунту я замѣтилъ, что мы уже завернули на боковую дорогу, ведшую прямо къ нашему домику.

Всѣ мои чувства и нервы были напряжены до крайнихъ предѣловъ. Я не могъ уже сидѣть на мѣстѣ и продолжалъ ѣхать, высунувшись изъ окна и вглядываясь во мракъ. Вотъ я различилъ силу-

этъ экипажа на нашемъ дворѣ. Докторъ здѣсь! Докторъ здѣсь! Затѣмъ я услыхалъ съ веранды голосъ моей жены:

— Ѣдетъ! Слава Богу! Онъ пріѣхалъ!

Черезъ нѣсколько минутъ я уже взбѣгалъ по лѣстницѣ и входилъ въ комнату.

Я стоялъ на порогѣ спальни, и мое душевное волненіе было такъ велико, что я не понималъ ничего изъ того, что видѣлъ передъ собою. Я только смутно чувствовалъ, что тамъ былъ докторъ, и что жена крѣпко обнимаетъ меня. Наконецъ, я разобралъ, что она радуется, счастлива, и что мнѣ тоже слѣдуетъ радоваться. Мнѣ разсказывали что-то такое о внезапномъ упадкѣ силъ, обморокѣ, который уже прошелъ и который, докторъ надѣялся, ничего особеннаго не означаетъ. Но я не могъ ничего отвѣтить на это, ни собраться съ мыслями. Счастье явилось такъ неожиданно, что не могло вызвать меня изъ того состоянія отупѣнія, въ которомъ я находился. Машинально снялъ я съ себя перчатки, пальто и стоялъ, какъ человѣкъ, который вошелъ изъ мрака въ залитую свѣтомъ комнату, и еще не можетъ освоиться съ этимъ переходомъ.

— Ты развѣ не войдешь къ нему? Не взглянешь на него?—спрашивала жена.—Онъ не спитъ.

И въ голосѣ ея звучалъ почти упрекъ, какъ будто она не понимала, что со мной.

— Да, да,—сказалъ я, попрежнему не отдавая себѣ отчета въ происходившемъ, шагнулъ въ комнату и подошелъ къ Свену, который лежалъ на моей постели и глядѣлъ на меня.

— Ты узнаешь папу, Ненни?

— Да,—удивленно отвѣтилъ ребенокъ.

Онъ не понималъ, почему это у большихъ такой разстроенный, испуганный видъ. Когда же онъ протянулъ ручонку, чтобы приласкать меня, я замѣтилъ, какъ онъ исхудалъ.

И, только наклонившись къ нему, я понялъ, что это дѣйствительно правда, что онъ живъ, живъ! Я прикрылъ его ручонкой свои глаза и почувствовалъ, какъ тяжесть, давившая мою грудь, спала, а съ глазъ моихъ слетѣла пелена.

XV.

Какое странное потянулось затѣмъ время. Полное поперемѣнно надеждъ, безпокойства, отчаянія. Докторъ уже предсказалъ продолжительную болѣзнь; мы приготовились къ этому и пытались терпѣливо нести ее.

Въ теченіе двухъ послѣдовавшихъ долгихъ недѣль съ болѣзнью Свена свыклись, какъ свыкаются со всякой продолжительной болѣзнью, свившей себѣ гнѣздо въ домѣ. И я продолжалъ писать по утрамъ свою книгу. А жена цѣлый день переходила отъ постели Свена къ моему письменному столу; когда мальчикъ бодрствовалъ, она неотлучно сидѣла возлѣ него, такъ какъ онъ въ ея присутствіи былъ спокойнѣе, а когда онъ засыпалъ, тихонько уходила, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и поговорить со мной, сообщить мнѣ о добрыхъ симптомахъ, которые то и дѣло открывалъ ея бдительный взоръ.

Сванте не слыхать было; онъ былъ предоставленъ самому себѣ и часто отправлялся на лодкѣ на ту сторону бухты къ своимъ друзьямъ-дѣвочкамъ, которымъ разсказывалъ о болѣзни «братишки» и о томъ, какъ тихо, грустно стало у насъ въ домѣ.

Наконецъ, пришлось взять сидѣлку, чтобы Эльза могла отдыхать хоть ночью. Сначала она очень противилась этому. Она ревновала ребенка къ посторонней женщинѣ, которая будетъ ходить за нимъ. И только, когда силы уже начали измѣнять ей, она со слезами подчинилась этой необходимости.

Черезъ нѣсколько часовъ по водвореніи новой сидѣлки, жена, однако, явилась ко мнѣ сіяющая и разсказала, что Свену сидѣлка очень понравилась, и, онъ сказалъ ей:

— Хорошо, ухаживай за мной, ты славная.

Затѣмъ онъ закрылъ глаза и продолжалъ лежать, какъ всегда, тихо, кротко, съ мѣшкомъ, набитымъ льдомъ, на головкѣ, которая все не переставала болѣть, и сложивъ исхудалыя ручонки поверхъ одѣяла.

Однажды на дворѣ вдругъ раздались звуки шарманки. Свенъ въ этотъ день какъ разъ чувствовалъ себя бодрѣе, кушалъ съ аппетитомъ, и мы спросили его, не хочетъ ли онъ, чтобы мы вынесли его на веранду посмотрѣть обезьянку.

Въ былое время Свенъ, едва заслышавъ шарманку, самъ влеталъ, весь запыхавшись, къ папѣ съ просьбой, позволить шарманщику поиграть у насъ и дать ему денегъ. Для мальчика не существовало бо́льшаго удовольствія, какъ давать. И выбѣгалъ онъ на дворъ съ полученными грошами такой сіяющій, словно отлично понималъ, что̀ значитъ для бѣднаго шарманщика каждая лишняя копейка. А черномазыя физіономіи такъ и сверкали черными, какъ уголь, глазами и бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами, невольно улыбаясь въ отвѣтъ этимъ сіяющимъ радостью голубымъ глазамъ.

Теперь же онъ, слабый, исхудалый, повисъ на рукахъ у отца,

завернутый въ одѣяло. Отецъ вынесъ его на веранду, откуда онъ могъ видѣть залитой солнцемъ дворъ и слушать музыку.

Какимъ усталымъ, безучастнымъ и вмѣстѣ удивленнымъ взглядомъ глядѣлъ теперь малютка Свенъ на деревья, на дворъ, на собравшихся тамъ дѣтей, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ. Онъ какъ будто самъ дивился тому, что все это такъ мало интересуетъ его теперь. Увидавъ же обезьянку, прыжки которой прежде несказанно забавляли его, онъ только шевельнулъ губами, словно пытаясь улыбнуться.

Маленькій звѣрекъ прыгалъ и лазилъ по шарманкѣ, звенѣлъ цѣпью и строилъ ужаснѣйшія гримасы, пробуя раскусить орѣхъ. Но Свену было не подъ силу смотрѣть на все это. Лицо его становилось все серьезнѣе и серьезнѣе, и онъ все тяжелѣе повисалъ на рукахъ отца. Онъ какъ будто долго былъ въ отсутствіи, долго лишь издали смотрѣлъ на все, что есть на землѣ веселаго и прекраснаго, соскучился обо всемъ этомъ, но, когда вернулся—почувствовалъ, что все это уже не для него. Онъ положилъ головку на плечо отца и попросилъ, чтобы его унесли назадъ въ постель.

Мать наклонилась поправить ему подушки и спросила:

— Ну, развѣ тебѣ не забавно было посмотрѣть, Ненни?

— Да, только я еще не могу смотрѣть, у меня нѣтъ силы. Но скоро я опять поправлюсь.

Мать стала гладить его по головкѣ, а другою рукою незамѣтно для ребенка схватила мою и судорожно сжала ее.

XVI.

Прошло нѣсколько времени, и вотъ, я сидѣлъ ночью одинъ въ своей комнатѣ, думая о томъ, что принесетъ завтрашнее утро, когда врачи должны были рѣшить—жить или умереть малюткѣ Свену. Нашъ домашній врачъ хотѣлъ привезти съ собой спеціалиста, не рѣшаясь дольше полагаться на одну свою опытность. Я сидѣлъ одинъ передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа и лежала моя рукопись, въ которой нехватало лишь заключительной главы.

Я простился съ Эльзой и сказалъ ей, что сяду работать.

— Ты можешь работать сегодня!—сказала она съ оттѣнкомъ горечи, словно находя, что я не умѣю чувствовать, какъ она.

Но тотчасъ же и раскаялась, припала головой къ моему плечу и проговорила:

— Счастливъ ты, если можешь.

Я сидѣлъ одинъ, весь дрожа отъ внутренняго волненія, столь сложнаго и ужаснаго, что я едва ли смогу описать его. Вопреки все-

му, я надѣялся, что мой ребенокъ останется живъ. Я даже прямо вѣрилъ, что это будетъ такъ. Одновременно съ тѣмъ я чувствовалъ, что долженъ писать—теперь или никогда. И я держалъ, такъ сказать, въ умѣ каждое слово, которое мнѣ оставалось занести на эти лежавшіе передо мною чистые листы бумаги. Необходимость понуждала меня, и я сталъ писать, исписывалъ страницу за страницей и откладывалъ листъ за листомъ на стопу готовыхъ уже листовъ. Словно какой-то невидимый духъ нашептывалъ мнѣ въ ухо слово за словомъ. И я принужденъ былъ слушаться этого голоса, повиноваться ему слѣпо, и писалъ, писалъ съ такой лихорадочной быстротой, какъ если бы дѣло шло о жизни и смерти.

«Завтра, завтра!—раздавалось въ моемъ мозгу.—Кто знаетъ, что будетъ завтра? Быть можетъ, твой сынъ умретъ. И тогда ты не въ состояніи будешь писать, а отъ тебя будутъ требовать денегъ, денегъ и денегъ. Ты могъ бы переработать свою книгу, могъ бы написать ее лучше, но ты такъ и не кончишь ея, если твой ребенокъ умретъ».

Эти мысли подгоняли меня словно удары кнута. Вотъ уже утренняя заря забрезжилась на горизонтѣ, и ея розовый свѣтъ, проникая сквозь занавѣску, смѣшался съ блѣдно-желтымъ свѣтомъ лампы, падавшимъ мнѣ на бумагу. А я все писалъ, писалъ. «Денегъ! Денегъ! Отъ тебя потребуютъ денегъ, если твой ребенокъ умретъ. Тебѣ понадобятся деньги, деньги, чтобы попытаться спасти твою жену!»

Среди же всего этого вихря мыслей, подгонявшихъ мое рвеніе, я слышалъ еще какъ будто чей-то знакомый голосъ, безъ умолку твердившій: «Es ist ein Vater mit seinem Kind! Es ist ein Vater mit seinem Kind!» Гдѣ я слышалъ его раньше? Гдѣ я слышалъ его? Когда испытывалъ ту же лихорадочную спѣшку?... Въ ушахъ моихъ смутно раздавался свистъ бича, рѣзкій стукъ желѣзныхъ копытъ о камни, передъ глазами сверкали сыпавшіяся изъ-подъ этихъ копытъ искры, въ пылающее лицо вѣялъ холодный ночной вѣтеръ... Я писалъ, писалъ... и вспомнилъ, какъ мчался въ каретѣ въ ту ночь, когда думалъ, что не застану своего ребенка въ живыхъ.

Теперь я уже меньше думалъ о ребенкѣ. Я думалъ о ней, о той, которой я долженъ былъ отдаться всецѣло, чтобы она могла остаться со мной въ случаѣ, если бы это невѣроятное, это невообразимое совершилось—если бы малютка Свенъ умеръ. Я писалъ, писалъ, какъ, вѣрно, никогда еще не писалъ ни одинъ человѣкъ ради денегъ, и написалъ, я знаю, лучшія страницы, когда-либо вылившіяся изъ-подъ моего пера. Каждый разъ, какъ силы готовы были покинуть меня, я пилъ, и пилъ много, чтобы поддержать въ себѣ бодрость духа.

Солнце уже давно встало, когда я дописалъ послѣднія строки. Я положилъ перо, обезсиленный, словно оглушенный.

Собравъ всѣ исписанные листы и заперевъ ихъ въ ящикъ, я прокрался по комнатамъ къ дверямъ спальни и приложился къ нимъ ухомъ. Жена тотчасъ вышла ко мнѣ. Я, едва держась на ногахъ, сказалъ ей только:

— Я кончилъ.

Она улыбнулась мнѣ и голосомъ, дрожавшимъ отъ наплыва счастія, сказала:

— Онъ спитъ такъ крѣпко, спокойно. Не можетъ быть, чтобы это было такъ опасно.

Я опять ушелъ къ себѣ и скоро затѣмъ уснулъ мертвымъ сномъ.

XVII.

Еще до истеченія слѣдующаго дня мы твердо знали, что нѣтъ никакой надежды и что малютка Свенъ умретъ. Эта увѣренность пришибла насъ, до сихъ поръ мы все еще надѣялись. Мы стояли всѣ въ прихожей—оба врача, молчаливые, серьезные, жена моя, не отрывавшая взгляда отъ ихъ лицъ, словно все еще думая, что они не все сказали, и я. Я смотрѣлъ то на нее, то на нихъ и, обнявъ жену за талію, пытался привлечь ее къ себѣ. Я видѣлъ, какъ дрожали отъ волненія мускулы на выразительномъ лицѣ нашего друга доктора. Профессоръ говорилъ медленно и тихо, какъ бы съ усиліемъ. Я чувствовалъ лишь одно: неизбѣжное надвигается на насъ, и мнѣ надо собрать всѣ свои силы, чтобы сумѣть перенести это. И вдругъ, жена моя, стиснувъ мою руку такъ, что я почувствовалъ всю силу ея горя, освободилась отъ моихъ объятій, заломила руки такъ, что пальцы ея въ буквальномъ смыслѣ слова захрустѣли, и воскликнула:

— Скажите, что надежда есть! Скажите!

Оба доктора отвернулись отъ ея взгляда, она же выпрямилась и сказала:

— Онъ не умретъ. Я докажу вамъ, что онъ останется живъ.

Она ушла отъ насъ и исчезла за дверями спальни, а мы безмолвно глядѣли ей вслѣдъ. Мы всѣ понимали, какъ глубоко она, несмотря на свои слова, сознавала, что всякая возможность спасенія исчезла; мы понимали, что именно потому она и выкрикнула свое обѣщаніе вырвать ребенка изъ рукъ смерти вопреки всему.

Мы наскоро простились, и я пошелъ къ женѣ, самъ не зная, что сказать ей, только чтобы быть около нея, быть, пожалуй, свидѣтелемъ именно того, чего я больше всего боялся.

Я не нашелъ Эльзы въ спальнѣ. Она оказалась въ моемъ кабинетѣ. Она сидѣла на диванѣ, какъ-то вся согнувшись и подперевъ щеку рукой, съ окаменѣвшимъ лицомъ, съ сухими, потухшими глазами, устремленными въ вѣчный, безконечный мракъ. Объ этомъ говорили ея глаза, лицо, даже руки. Я попытался заговорить съ ней, окликнулъ ее по имени, но она не отвѣчала. Пришлось оставить ее одну съ ея горемъ. Со страхомъ ожидалъ я, какія слова, какія жалобы вырвутся изъ ея устъ, когда отчаяніе, наконецъ, прорвется наружу.

Долго, долго не прерывалась эта могильная тишина, гнетущая душу. Когда же, наконецъ, Эльза очнулась, горе ея вылилось не въ жалобахъ. Она только протянула мнѣ руку, притянула къ себѣ на диванъ, прильнула ко мнѣ, и глухое, долгое рыданіе одновременно вырвалось и изъ ея и изъ моей груди.

— Какъ мнѣ жаль тебя!—шепнула она мнѣ затѣмъ.—Какъ мнѣ жаль тебя.

— Меня?

Я вырвался отъ нея и взглянулъ на ея лицо. Въ ея голосѣ слышалось что-то такое, что наполняло мою душу смутнымъ предчувствіемъ, котораго я не осмѣливался даже схватить мыслью.

Она сложила руки и почти крикнула:

— Не станешь же ты просить меня жить послѣ этого, жить безъ малютки Свена? Я не могу! Не могу!

Она сама высказала то, что смутно представилось мнѣ, и я стоялъ, какъ потерянный, не въ состояніи вымолвить слова.

— Присядь ко мнѣ,—сказала она.—Я не буду горячиться. Буду говорить спокойно. Я больше не волнуюсь. Чувствую только, какъ все рушится. Меня ужъ нѣтъ здѣсь и теперь, хотя ты и не понимаешь этого, потому что такъ мало знаешь меня, и потому что я могла объяснить тебѣ такъ мало. Но зачѣмъ мнѣ было говорить это тебѣ прежде, нежели это стало необходимымъ? Я хотѣла жить для тебя, Георгъ, жить съ тобой, потому что любила тебя больше всего въ жизни. Я уже не молода теперь. Я старше, чѣмъ ты когда-либо можешь стать. Но ты никогда не зналъ этого, не хотѣлъ видѣть этого; и я, видя тебя счастливымъ, не хотѣла мѣшать тебѣ. Но насколько помню себя, я всегда знала, что я не похожа на другихъ людей. Я всегда чувствовала желаніе умереть. Можешь ли ты понять, что я говорю, Георгъ? Я и сама едва понимаю. Даже тогда, когда я была всего счастливѣе, вполнѣ наслаждалась жизнью съ тобой и дѣтьми, наслаждалась всѣмъ прекраснымъ въ жизни, я знала, что въ одинъ прекрасный день должна буду проститься со всѣмъ, и ничто не удержитъ

меня. Я знала, что могу хотѣть или не хотѣть, желать или не желать, но должна уйти туда, въ этотъ безпредѣльный мракъ, которому я принадлежу. Я чувствовала, что что-то такое заставитъ меня, скажетъ, что я должна. Помнишь ты, Георгъ, ту зиму, когда жизнь складывалась для насъ съ тобой такъ тяжело, мрачно? Тогда я попыталась написать тебѣ, объяснить, что такое со мной. Говорить съ тобой объ этомъ я не могла. Но и написать не смогла. И я, помню, удивлялась, что ты потомъ не разспрашивалъ меня больше, не добивался толку. Удивлялась, хотя сама же просила тебя не разспрашивать. Иногда мнѣ даже хотѣлось, чтобы ты спросилъ. Но главное, радовалась, что ты не спрашивалъ. Какъ я страдала въ то время, Георгъ! Ты приходилъ, бралъ меня за руку, садился рядомъ, но я не испытывала счастія, какъ бывало. Я день деньской думала о томъ, какъ я умру, уйду отъ тебя. И я хотѣла сама лишить себя жизни, Георгъ. Можешь ты понять, что я, вполнѣ счастливая женщина, хотѣла сама наложить на себя руки? Ты былъ такъ добръ ко мнѣ, ласковъ и веселъ, и я чувствовала себя просто вѣроломной женой, мнѣ казалось, что я обманываю тебя. А знаешь ты, почему я хотѣла умереть, уйти отъ тебя? Я знала навѣрное, что это все равно случится, и потому хотѣла лучше умереть, пока ты еще молодъ, силенъ, и можешь скорѣе забыть меня и быть счастливымъ съ другой.

Она помолчала съ минуту. Глаза ея были полны слезъ. Потомъ она продолжала словно другимъ голосомъ:

— Тутъ родился Свенъ, и все какъ будто перемѣнилось. Помнишь, я тебѣ говорила это тогда? Помнишь? Я думала тогда, что Богъ послалъ его, чтобы покрѣпче привязать меня къ жизни, чтобы я могла сдѣлать тебя такимъ счастливымъ, какъ мнѣ того хотѣлось. И я каждый вечеръ молила Бога дать мнѣ силъ на это. Я была такъ увѣрена, что Богъ услышалъ меня, и объ этомъ-то всегда и говорила съ малюткой Свеномъ, когда мы бывали съ нимъ одни, и никто насъ не слышалъ. А теперь... онъ уходитъ отъ меня, Георгъ. Теперь я знаю, что все то, о чемъ ты не зналъ до сихъ поръ, снова вернется, и я теперь прошу тебя только, чтобы ты простилъ мнѣ то горе, которое я уже причинила тебѣ и еще причиню. Но не проси меня остаться жить. Куда уходитъ малютка Свенъ, туда и я уйду.

Она стояла передо мной и показалась мнѣ въ эту минуту какъ-то выше, величественнѣе, нежели вообще бываютъ люди. Я же былъ такъ неподготовленъ къ тому, что она сейчасъ высказала, что слова ея произвели на меня впечатлѣніе разсказа о какомъ-то страшномъ снѣ, кошмарѣ, котораго я не въ состояніи былъ связать съ дѣйствительностью. Но я чувствовалъ также, что въ эту минуту, причиняя мнѣ

величайшее горе, она засвидѣтельствовала также свою безграничную любовь ко мнѣ. И я могъ только протянуть къ ней руки, чтобы хоть не лишиться этой любви въ то же самое мгновеніе, какъ она стала моей всецѣло.

— Я не перенесу этого!—почти крикнулъ я.—Не могу я потерять и тебя и его! Не думай, что я смогу!

Она опять неслышно встала и выпрямилась передо мной, словно Ніобея, простирающая руки, защищая своихъ дѣтей, которыхъ убійственныя стрѣлы поражали въ ея материнскихъ объятіяхъ.

— Дай мнѣ взять съ собой Свена. Онъ все равно умретъ. Я унесу его на берегъ вечеромъ, когда всѣ уснутъ... Борьба будетъ не долга... И все будетъ покончено... И я, по крайней мѣрѣ, не буду мучить тебя больше.

Я заступилъ ей дорогу и судорожнымъ усиліемъ посадилъ ее на мѣсто.

— Постой! Погоди! Ты сама не знаешь, что говоришь!

Но она продолжала:

— Ты помѣшаешь мнѣ только себѣ и мнѣ на горе. Не обвиняй же меня потомъ, когда несчастіе разразится.

Она вся извивалась въ припадкѣ горя, билась въ моихъ крѣпкихъ объятіяхъ и, наконецъ, лишилась чувствъ. Я положилъ ее на диванъ, и все происшедшее показалось мнѣ какимъ-то бредомъ. Я долго стоялъ и смотрѣлъ на нее, пока дыханіе ея опять не стало глубокимъ и ровнымъ, и я не убѣдился, что она спитъ. Тогда я поправилъ подъ ея головой подушку и покрылъ ее одѣяломъ.

Самъ же я, шатаясь, побрелъ въ ту комнату, гдѣ лежалъ малютка Свенъ. Его правый глазъ впалъ и закрылся, а лѣвый былъ такъ странно расширенъ и блестящъ. Я наклонился къ ребенку, взялъ его ручонку и прижалъ къ своимъ губамъ, думая про себя:

«Мое дорогое дитя! Мы съ тобой оба безсильны помочь другъ другу»!

XVIII.

Мы перенесли кроватку Свена въ большую комнату, примыкавшую къ верандѣ, чтобы ребенокъ могъ черезъ открытую дверь слышать пѣніе птичекъ и дышать свѣжимъ воздухомъ. Тутъ онъ и лежалъ въ своей бѣленькой кроваткѣ. Говорить онъ уже не говорилъ, а только вскидывалъ взглядомъ, прося поцѣлуя, или тихонько перебиралъ исхудалыми ручонками, и тогда мы наклонялись къ нему, понимая, что онъ хочетъ приласкать насъ, погладить.

Сванте ходилъ на цыпочкахъ, весь охваченный странной мыслью, что «братишка» умираетъ. Онъ цѣлыми часами тихонько простаивалъ у кроватки больного, глядя на него и время отъ времени наклоняясь поцѣловать его въ щечку. Когда Эльза проснулась послѣ той бурной сцены и бросилась въ комнату больного, Сванте встрѣтилъ ее на порогѣ и крѣпко обвилъ руками ея шею.

Никогда не забуду я взгляда отчаянія, который она бросила на мальчика, беря его за голову обѣими руками.

— Ты телеграфировалъ Олафу?—спросила она меня.

Я кивнулъ въ отвѣтъ, и она опять наклонилась къ Сванте и прижала его голову къ своей груди. Какое-то внезапное побужденіе заставило меня выйти изъ комнаты, чтобы оставить мать одну съ ея дѣтьми—однимъ здоровымъ, крѣпкимъ, другимъ умирающимъ. Идя къ дверямъ, я успѣлъ увидать, что Эльза подвела Сванте къ кроваткѣ «братишки», сама сѣла у одного края кроватки, а мальчика посадила у другого. Затѣмъ она наклонилась къ больному, не выпуская руки Сванте изъ своей, и я видѣлъ, какъ она ласкала и гладила руки обоихъ сыновей, не дѣлая между ними разницы.

Когда же Сванте вышелъ изъ комнаты, я вошелъ и занялъ его мѣсто. Эльза протянула мнѣ руку черезъ кроватку умирающаго ребенка и сказала:

— На счастіе или несчастіе, не знаю, но я останусь съ тобой. Мнѣ кажется, что это угодно Богу.

И черезъ минуту добавила:

— И Свенъ хочетъ этого. Я говорила съ нимъ.

Не въ силахъ отвѣтить, я только наклонился и поцѣловалъ ея руку. Въ эту минуту дѣйствительно мы оба не знали, что̀ могло быть къ счастію и что̀ къ несчастью для насъ.

XIX.

Послѣдующіе дни мнѣ трудно отдѣлить въ памяти одинъ отъ другого. Я даже не помню, сколько ихъ прошло. Ночь превратилась въ день, день въ ночь, и вся наша жизнь вертѣлась вокругъ одного единственнаго пункта—комнаты, гдѣ лежалъ нашъ дорогой мальчикъ, борясь со смертью, и куда врывался ароматъ цвѣтущихъ каприфолій, обвивавшихъ веранду.

Въ этой комнатѣ мы съ Эльзой прожили всѣ эти дни одной общей жизнью, крѣпко держась другъ за друга. Здѣсь мы съ ней сидѣли, спали, ѣли и бодрствовали—все вмѣстѣ. Все, что мы пережили, передумали, слилось здѣсь въ одну изсушающую скорбь. Здѣсь

умерла для насъ послѣдняя надежда, и жена отставила въ сторону склянку съ мускусомъ. Она, хотѣвшая умереть вмѣстѣ съ ребенкомъ, сама убрала прочь послѣднее возбуждающее средство, чтобы потомъ не упрекать себя за то, что нарушила покой послѣднихъ часовъ ребенка изъ эгоистичнаго желанія подольше упиваться его блестящимъ ласковымъ взоромъ.

Правый глазокъ малютки Свена потухъ, закрылся, какъ будто половина его милой головки уже умерла. Но когда лѣвое вѣко приподымалось, изъ-подъ него сверкалъ такой ясный, блестящій взоръ, такой глубокій и серьезный, какъ будто онъ уже проникалъ въ другой міръ, куда ни отецъ, ни мать не могли слѣдовать за ребенкомъ. Да, мы не могли проникнуть туда своимъ взоромъ, пока съ нашихъ глазъ не спадетъ послѣдняя пелена, и мы не послѣдуемъ за нимъ туда, на тотъ путь, гдѣ раздается колоколъ смерти и куда каждый, заслышавшій этотъ звонъ, долженъ слѣдовать, хотя бы его привязывали къ жизни тысячи узъ.

Здѣсь мы сидѣли днемъ, когда на небѣ сіяло солнце и когда лилъ дождь, и ночью, когда ночникъ бросалъ свой дрожащій мигающій свѣтъ на бѣленькую кроватку. А самъ малютка Свенъ, къ которому были прикованы всѣ наши взгляды, о которомъ шли всѣ наши тихіе разговоры, и которому мы желали теперь одного—скорѣйшаго освобожденія отъ всѣхъ страданій—онъ лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ такой же тихій, терпѣливый, покорный, любящій, какимъ былъ всю жизнь. Когда мать наклонялась къ нему, онъ тотчасъ шевелилъ усталыми губками, желая поцѣловать ее.

— И папа тутъ, Ненни,—говорила она.—Приласкай папу.

Тогда онъ обращалъ ко мнѣ свой расширенный, усталый, одинокій глазъ и, какъ во снѣ, прикасался узенькою, слабою ручонкою къ моей щекѣ.

Такъ же сидѣли мы съ Эльзой и послѣднюю ночь; никогда не могли быть двое существъ ближе другъ къ другу, чѣмъ мы тогда съ женой. Мы держались за руки, протянувъ ихъ надъ кроваткой ребенка, и крѣпко сжимали ихъ другъ другу каждый разъ, какъ ребенокъ вскидывалъ взоръ на насъ. Мы словно боялись, какъ бы одинъ изъ насъ не упустилъ малѣйшее изъ его послѣднихъ движеній, указывавшихъ, что онъ живъ еще. «Ты видѣла? Ты видѣлъ?» безпрестанно шептали мы другъ другу.

Медленно ползли ночные часы, въ теченіе которыхъ мы жадно запасались послѣдними воспоминаніями, которыя скоро должны были остаться единственнымъ нашимъ достояніемъ. Наконецъ, надъ бухтой

заалѣла заря, золотя верхушки деревьевъ въ старомъ саду передъ нашими окнами.

Словно желая дать свободный выходъ душѣ малютки, чтобы она могла спокойно улетѣть туда, куда мы не могли за нею слѣдовать, мы раскрыли дверь на веранду, и въ комнату хлынулъ свѣжій утренній воздухъ. Ночью шелъ дождь; по небу еще клочьями ползли облака, сквозь которыя прорывалось солнце; надъ бухтой клубился туманъ. Солнце поднималось все выше и выше; зачирикали, запѣли птички. Красота пробуждающейся природы захватила насъ, и намъ пришлось сдѣлать надъ собой немалое усиліе, чтобы не нарушить покоя дремавшаго малютки.

— Видишь,—шептала Эльза,—видишь. Какъ прекрасна природа въ часъ его смерти!

Но ангелъ смерти все еще медлилъ. Дитя продолжало дышать ровно, насъ стала одолѣвать усталость. Я почти силой заставилъ Эльзу прилечь на диванѣ рядомъ съ постелью ребенка. Тутъ она и заснула, положивъ руку подъ подушку Свена. Я остался сидѣть одинъ, глядя, какъ солнце подымалось все выше, и прислушиваясь къ тяжелому дыханію обоихъ спавшихъ. Понемногу смятеніе въ душѣ моей улеглось, и въ ней осталось одно желаніе, одна мольба о концѣ всѣхъ этихъ мученій.

Жена проснулась и заняла мое мѣсто, а я ея—и заснулъ, положивъ руку на то самое мѣсто, гдѣ только что покоилась ея рука.

Проспалъ я часа два. Солнце стояло уже совсѣмъ высоко, когда я проснулся отъ прикосновенія женина руки.

— Проснись, Георгъ! Свенъ отходитъ.

Я не могъ оставаться въ комнатѣ. Я вышелъ въ садъ и, желая доставить послѣднюю радость моему мальчику, такъ любившему цвѣты, сорвалъ самый прелестный розовый бутонъ, какой только могъ найти, и положилъ его на подушку ребенка съ той стороны, гдѣ находился глазъ, которымъ онъ еще видѣлъ. Больше я сдѣлать не могъ и опять ушелъ изъ комнаты на веранду. Оттуда я слышалъ, какъ Сванте вошелъ и сѣлъ у постели «братишки». Но я не обернулся. Я продолжалъ шагать по верандѣ изъ угла въ уголъ, съ напряженнымъ страхомъ прислушиваясь къ долгимъ, хриплымъ вздохамъ, ужасному, громкому клокотанью, словно исходившему изъ груди взрослаго мужчины. Эти звуки рѣзали меня, какъ ножами. Затѣмъ я услыхалъ словно стонъ или вздохъ жены и взглянулъ на кровать ребенка. Свенъ открылъ лѣвый глазъ, увидѣлъ розу, протянулъ ручонку, взялъ цвѣтокъ, какъ будто хотѣлъ полюбоваться имъ на прощанье, и опять уронилъ на подушку.

И вдругъ съ ребенкомъ сдѣлались судороги, ужасныя, продолжительныя судороги. Началось съ головы, которую свело на сторону, и пошло дальше, захватывая всѣ органы тѣла, которые послѣ того деревенѣли, синѣли. Эльза потупилась, не въ силахъ смотрѣть на это зрѣлище. Когда же припадокъ прекратился, она тихо заплакала и снова протянула мнѣ руку черезъ постель умирающаго.

Такъ мы и сидѣли, пока—дыханіе прервалось... возобновилось... затянулось, шумно засвистѣло... и оборвалось!... Все стихло. Наступила тишина смерти. Съ плачемъ склонились мы надъ кроваткой, какъ бы провожая тихо вылетавшую изъ тѣла душу.

Я до послѣдней минуты держалъ малютку за одну руку, Эльза за другую, а въ этотъ мигъ мы оба разомъ выпустили эти холодныя ручки.

Эльза вышла изъ комнаты, чтобы успокоиться и отдохнуть, я же остался въ комнатѣ одинъ, съ ужасомъ чувствуя, какъ все вокругъ стало безмолвно, страшно безмолвно, мертво.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Олафъ. Онъ вернулся изъ перваго своего путешествія въ свѣтъ прямо къ смертному ложу «братишки». Старшій братъ плакалъ тихо, какъ мужчина, а когда выходилъ изъ комнаты, Сванте съ глубоко серьезнымъ выраженіемъ лица поднялъ кверху и показалъ ему свой палецъ: на пальцѣ была царапинка, сдѣланная ногтемъ «братишки» передъ самой его смертью. Эта мѣтка оставалась нѣсколько дней и, когда изгладилась, Сванте очень жалѣлъ о ней.

XX.

Посреди комнаты, на томъ же мѣстѣ, гдѣ недавно стояла кроватка съ живымъ еще малюткой, стоитъ желтенькій гробикъ. Вся комната убрана розами. Почти и не видно ничего, кромѣ розъ. И вотъ въ дверь входитъ одинокая женщина.

На рукахъ у нея мертвый ребенокъ. Она никому не даетъ прикоснуться къ своему любимцу, сама укладываетъ его въ гробикъ и въ ручку мальчику даетъ лохматаго игрушечнаго пуделя, съ которымъ ребенокъ такъ часто укладывался спать прежде, когда былъ здоровъ и веселъ, когда никто еще не помышлялъ о его смерти. «Волчокъ» слѣдуетъ за своимъ господиномъ въ могилу. Онъ спокойный товарищъ, не мѣшаетъ во снѣ!

Уложивъ ребенка, мать заботливо осматриваетъ, хорошо ли онъ лежитъ, поправляетъ его подушку... Такъ дѣлала она, когда онъ, бывало, кончалъ вечернюю молитву, и она подходила къ кроваткѣ

проститься съ нимъ на ночь. Теперь она смотритъ на него такъ, какъ будто сердце у нея разрывается на части, и цѣлуетъ его въ холодныя губки, прощаясь съ нимъ навсегда.

Затѣмъ она уходитъ, и я остаюсь одинъ, держа въ рукахъ крышку отъ гробика. Я обѣщалъ Эльзѣ, что самъ своими руками закрою гробъ и завинчу крышку. И вотъ, я завинчиваю, завинчиваю, и этотъ свистящій, сверлящій звукъ похожъ на скрежетъ зубовный. Это какъ будто я самъ скрежещу зубами отъ боли въ сердцѣ. Когда же дѣло сдѣлано, я болѣе не чувствую боли. Напряженіе послѣднихъ дней словно выжгло изъ моей души всякую способность воспринимать событія и явленія вообще. Я озираюсь и вижу вокругъ все цвѣты, цвѣты...

Я выхожу на веранду, и тутъ меня охватываетъ ароматъ каприфолій, струящійся мнѣ навстрѣчу изъ мрака. Тотъ же ароматъ вдыхалъ я недавно, чувствуя, какъ впивались въ мою руку пальцы малютки въ предсмертной агоніи. Все во мнѣ разбито, умерло. Я думаю о ней, о той, что вышла сейчасъ изъ комнаты, и обо всемъ томъ, что должно теперь наступить. Я чувствую, что послѣ у меня уже не будетъ времени погоревать, оплакать моего ненагляднаго мальчика съ ангельскими глазами такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы. И я—пока одинъ—опускаюсь на колѣни возлѣ его гробика, самъ не зная, передъ кѣмъ склоняю колѣни или кому долженъ молиться...

XXI.

На кладбищѣ появилась новая маленькая могилка. Это настоящій садикъ, съ живой изгородью изъ буксбаума, съ кустами розъ и маленькимъ холмикомъ посрединѣ, обложеннымъ свѣжимъ дерномъ. На самой вершинѣ холмика словно разостланъ коверъ изъ анютиныхъ глазокъ. Одинокая липа осѣняетъ вѣтвями эту могилку. На всемъ кладбищѣ нѣтъ другой такой.

На пестромъ коврѣ цвѣтовъ выдѣляется бѣлая каменная плитка съ надписью всего изъ трехъ словъ: «Нашъ малютка Свенъ».

Тутъ уснуло навѣки наше счастіе, бывшее когда-то больше, ярче счастія всѣхъ другихъ людей. Тутъ, подъ этимъ холмикомъ легла и душа моей жены, скованная волшебными цѣпями, и никакая любовь земная не могла вернуть ее обратно на землю.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСАТЕЛЬ.

I.

Вѣрочка закрыла книгу и откинулась на спинку стула... Вотъ ужъ полгода, какъ она читаетъ «по программѣ», и за это время точно новый міръ открылся передъ нею. Точно она сама уже не прежняя Вѣрочка «сорви-голова», а совсѣмъ новая, серьезная, взрослая.

Правда, другіе этого не замѣчаютъ. Дядя Коля все также неуважительно зоветъ ее котенкомъ, ежедневно преподноситъ ей шоколадъ mignon, а иногда позволяетъ себѣ совсѣмъ уже неумѣстныя шутки. Какъ и пять, шесть лѣтъ тому назадъ, онъ и теперь часто схватываетъ Вѣру обѣими руками за голову, стараясь приподнять отъ полу, чтобы «показать Москву». Прежде Вѣра очень любила, когда дядя Коля такъ дурачился, теперь это ее оскорбляетъ; она сердится, старается высвободиться, но дядя Коля дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ ея недовольныхъ минъ, и нисколько не думаетъ измѣнять своего «покровительственно-снисходительнаго» отношенія. Экономка Аѳанасьевна также не признаетъ въ Вѣрочкѣ взрослой, зоветъ ее до сихъ поръ дѣткой, потихоньку отъ барыни сливаетъ ей по утрамъ въ чашку самыя вкусныя, румяныя пѣночки со сливокъ и подаетъ къ чаю скадкую булку. Мама видитъ, что съ Вѣрой происходитъ какая-то перемѣна, приписываетъ ее переутомленію и по вечерамъ съ гостями критикуетъ гимназическія программы въ частности и постановку женскаго образованія вообще.

Лѣтомъ Вѣру повезутъ на морскія купанья, она будетъ пить желѣзныя воды, заниматься гимнастикой. Тогда всю эту нервозность какъ рукой сниметъ, и она попрежнему станетъ веселымъ, милымъ ребенкомъ. По крайней мѣрѣ, мама и докторъ увѣрены въ этомъ.

Только одинъ гимназистъ Володя, двоюродный братъ и единственный другъ Вѣрочки, знаетъ, что «ребенкомъ» она уже никогда больше не будетъ, что весь переворотъ произошелъ въ ней оттого, что въ

ней просыпается «интеллигентка», что она «сознательно стала относиться къ окружающимъ условіямъ и мысль у нея начала работать критически». И Володя всѣми силами старался вести Вѣрочкину мысль «въ извѣстномъ направленіи». Съ замираніемъ сердца, подъ страхомъ быть навсегда изгнаннымъ изъ дома Милютиныхъ, онъ доставляетъ Вѣрѣ «запрещенныя» книжки, слѣдитъ за ея чтеніемъ и ведетъ его по программѣ, выработанной ихъ гимназическимъ кружкомъ саморазвитія. Теперь онъ держитъ Вѣру пока на идейной беллетристикѣ и публицистикѣ и лишь съ будущаго года начнетъ знакомить ее съ главнѣйшими экономическими принципами.

Вѣра оказывается удивительно способною и воспріимчивою ученицею. Она съ такимъ жаромъ усваиваетъ «новое ученіе» и такъ смѣло проводитъ его въ жизнь, что Володю даже нѣсколько смущаетъ ея горячность. На прошлой недѣлѣ, напримѣръ, случился такой инцидентъ въ гимназіи. Вѣра не послушалась и нагрубила классной дамѣ. Та требовала, чтобы она извинилась и обѣщалась въ будущемъ вести себя приличнѣе. Вѣра наотрѣзъ отказалась и заявила, что ея убѣжденія не позволяютъ ей слѣдовать гимназическимъ порядкамъ. Володя одновременно и ликовалъ въ душѣ, и преклонялся передъ геройствомъ Вѣры, и струхнулъ-таки порядкомъ,—вѣдь за такой поступокъ она рисковала быть выключенной изъ гимназіи. Поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ прочесть ей небольшую нотацію за неблагоразуміе.

Вѣра вспыхнула.

— Что-жъ, мнѣ нужно было, по-твоему, просить извиненія? Сложить ручки, опустить глазки и быть demoiselle bien élevée?... Oui, madame, non, madame... Да, да?... отвѣчай, Володька... ты что же молчишь, ты этого хочешь?

— Ну, вотъ, пошла... пошла... Никогда съ тобой серьезно разговаривать нельзя, такая ужъ ваша бабья манера: разъ, два, три—и нелѣпое обобщеніе готово. Я просто хочу сказать, что безъ компромиссовъ въ жизни нельзя. Пойми, что вступать въ теоретическіе споры съ твоей идіоткой классной дамой—это абсурдъ. Что-жъ ты этой высохшей муміи хочешь доказать, что ея принципы—гниль, ветошь, что отжившія традиціи несовмѣстимы съ теперешними жизненными требованіями. Но это наивно, Вѣра.

Володя почувствовалъ подъ собой твердую почву и началъ засыпать Вѣру учеными фразами.

Вѣрѣ всегда до слезъ бываетъ обидно, что въ «принципіальныхъ» спорахъ она оказывается побѣжденной. Не умѣетъ она говорить да еще такими мудреными словами. Она всегда больше чувствуетъ, гдѣ

правда, но Володя не признаетъ ея логики чувства, поэтому Вѣра и не любитъ съ нимъ спорить.

Зато книги, эти «новыя» книги, которыя ей носитъ Володя,—ея лучшія друзья, ея единственная отрада. Когда она читаетъ, она испытываетъ какое-то до сихъ поръ неизвѣданное, захватывающее чувство. Точно сердце расширяется, расширяется, какая-то горячая волна подступаетъ къ нему; эта новая волна любви къ людямъ, къ человѣчеству, ко всему доброму, честному, хорошему охватываетъ все существо Вѣрочки. Она чувствуетъ, какъ въ нее вливается много, много силы. «О, нѣтъ, она уже не дѣвочка больше, она все видитъ, все понимаетъ, только высказать не умѣетъ. Нѣтъ, дядя Коля, Вѣрочка не глупый котенокъ, она больше не желаетъ быть ни птичками, ни кошечками, ни куколками. Какъ это никто не хочетъ понять, до чего оскорбительны эти прозвища»!

Вѣрочка, когда много читаетъ, всегда нервничаетъ. Вотъ и сейчасъ она уже закусила губу, чтобы не расплакаться, и напряженно уставилась въ одну точку. Когда она такъ смотритъ, Володя смѣется надъ ней и говоритъ, что у нея не глаза, а гвоздики.

«Господи, что у меня дѣлается въ груди,—думаетъ Вѣра,—отчего тамъ такъ тоскливо и больно? Хочется что-то сдѣлать хорошее, хорошее; хочется вотъ такъ протянуть руки, обнять всѣхъ, весь міръ обнять и приголубить... А я не могу, ничего не могу сдѣлать, должна вотъ сидѣть и долбить поганаго Иловайскаго, а завтра должна неимовѣрныя глупости m-elle Moulin выслушивать. Ахъ, какъ это все скучно и глупо, глупо. Не хочу я больше ходить въ гимназію, сдѣлаю такъ, чтобы меня выключили... Вотъ что буду учить, вотъ что читать»!...

Вѣрочка въ экстазѣ прижимаетъ къ груди пожелтѣлыя страницы Добролюбова, а крупныя слезы одна за другой капаютъ на книгу.

«Милый другъ, я умираю, отъ того, что былъ я честенъ, но зато родному краю вѣрно буду я извѣстенъ». Да, чудный, хорошій, идеальный человѣка, и мнѣ ты извѣстенъ, и какъ они мнѣ ни ставь тройки за поведеніе, а всетаки буду читать, что хочу, буду, буду...

Въ столовой Наташа накрываетъ на столъ и гремитъ чашками. Папа проснулся, шлепаетъ туфлями и насвистываетъ персидскій маршъ. Значитъ, въ хорошемъ настроеніи. Да, впрочемъ, у нихъ дома никто плохого настроенія не знаетъ; всѣ здоровы, веселы, такъ у нихъ уютно, чисто, свѣтло... Мама сидитъ за Григгомъ. Рояль у нихъ хорошая, дорогая; мама такъ славно, съ чувствомъ играетъ. Звуки мягкіе, нѣжные льются, льются плавно и тихо, и слегка щемятъ за сердце.

Вотъ кончила, закрыла крышку, идетъ въ столовую.

— Вѣ-ру-ня, дѣвочка, иди чай пить,—слышится ея ласкающій бархатный голосъ.

Въ столовой уже всѣ по мѣстамъ. Пріѣхалъ земскій врачъ Сергѣй Ивановичъ и ведетъ съ дядей Колей безконечные споры о хлѣбныхъ цѣнахъ. Вѣрочка съ напряженіемъ слушаетъ, какъ взрослые ведутъ ученые разговоры и досадуетъ на себя, что плохо понимаетъ. Она никакъ не можетъ согласиться съ доводами дяди Коли, что, чѣмъ хлѣбъ дороже, тѣмъ мужику лучше живется. Это что-то невѣроятное; очевидно, она совсѣмъ не понимаетъ, что̀ хочетъ сказать дядя Коля. Папа держитъ руку Сергѣя Ивановича, и Вѣра мысленно присоединяется къ нимъ.

— Нѣтъ, вы спросите у народа,—кричитъ Сергѣй Ивановичъ,—что онъ вамъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ. У васъ все книжки, теоріи, а я вотъ, батюшка, какъ живу въ деревнѣ, такъ вижу, какъ мужика подводитъ отъ дорогого хлѣба.

Да, Вѣрочка съ этимъ согласна. Она только не рѣшается высказаться и привести въ примѣръ дочь Аѳанасьевны, у которой съ голоду дѣти мрутъ, оттого, что нынѣшнюю зиму хлѣбъ дорогъ.

Въ передней раздается звонокъ. Вѣрочка вздыхаетъ, приходится уходить, а такъ интересно дождаться конца, когда дядя Коля будетъ посрамленъ. Она идетъ въ дѣтскую. Пришелъ репетиторъ по математикѣ. Вѣрочка немножко хромаетъ въ этомъ предметѣ и никакъ не можетъ примириться съ квадратными уравненіями. Прежде ее глубоко огорчала такая безтолковость, но съ тѣхъ поръ, какъ она узнала, что даже великіе писатели далеко не всѣ были математиками, она нѣсколько успокоилась и сняла съ себя позорное клеймо «идіотки», которое сама же и наложила на себя въ порывѣ самобичеванія.

Вотъ и все кончено! И задачи рѣшены, и Иловайскій преодоленъ, и переводъ переписанъ. Теперь Вѣра свободна и имѣетъ полное право подумать и помечтать. А она любитъ помечтать. У нея есть одна задушевная, но почти неисполнимая мечта. Ей страшно хочется познакомиться съ какимъ-нибудь писателемъ. Но, Боже мой, развѣ это мыслимое дѣло здѣсь, въ захолустьѣ, развѣ къ нимъ кто-либо пріѣдетъ. А вѣдь писатели, должно быть, совсѣмъ необыкновенные, особенные люди. Если они пишутъ такія дивныя вещи, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается и чище, и умнѣе, и благороднѣе, то каковы же сами они, что̀ у нихъ за душа? Какъ бы она счастлива была послушать ихъ живую рѣчь. Отчего она родилась противной, слабой дѣвчонкой; будь она мужчиной, непремѣнно пошла бы къ Толстому,—къ нему, говорятъ, многіе ходятъ. Открыла бы ему все, все, что у нея

на душѣ дѣлается, всѣ свои сомнѣнія и всѣ вопросы высказала бы. А у нея такъ много этихъ вопросовъ, и съ каждымъ днемъ все новые и новые.

Вотъ и теперь она не знаетъ, какъ ей поступить. Скоро Рождество. Вѣра поѣдетъ съ мамой въ подвалы и будетъ раздавать бѣднымъ деньги, хлѣбъ, разныя кофточки, платочки. Прежде она очень любила это дѣлать и всегда на свои собственныя деньги покупала что-нибудь для бѣдныхъ. И вдругъ ей пришло въ голову, что все это никуда не годится, что все это не то, не настоящее. Ну, что же, что ихъ подвальные будутъ сегодня сыты и одѣты, но вѣдь это только сегодня? А завтра, а послѣ завтра? Да, вѣдь, есть еще много, много подвальныхъ, къ которымъ никто не поѣдетъ и ничего не дастъ. А потомъ это, вѣдь, только милостыня, а она прочла у Шелгунова, что милостыней зла не уничтожишь.

Но какъ же быть? Въ чемъ же настоящее дѣло, настоящее добро, какъ сдѣлать, чтобы всѣ были довольны и счастливы?

Этотъ вопросъ былъ однимъ изъ «проклятыхъ» вопросовъ, который мучилъ Вѣру и за разрѣшеніемъ котораго она хотѣла обратиться къ какому-нибудь писателю.

Мама никогда не позволяетъ Вѣрочкѣ волноваться на ночь. А Вѣрочка, когда думаетъ, всегда волнуется и не можетъ спать. Вотъ и сегодня она пятый разъ перевертывается съ боку-на-бокъ, перевертываетъ подушку и никакъ не можетъ сомкнуть глазъ.

Но мама ничего этого не знаетъ. Она расчесываетъ свои густые шесковистые волосы передъ зеркаломъ и съ удовольствіемъ разсматриваетъ себя.

Удивительно она сохранилась,—ей скоро тридцать пять минетъ, а она еще такая цвѣтущая, розовая!

II.

Утромъ Вѣрочка встала кислая, съ головной болью. Ее сердило хихиканье Наташи, подававшей умываться, раздражалъ жирный мопсикъ Мальчикъ, затѣявшій возню съ ея туфлей. А тутъ еще эта гимназія. Не хочется ей идти сегодня въ гимназію, не можетъ она больше туда ходить. Ахъ, всѣ эти madam'ы, Петры Ивановичи, Иваны Григорьевичи, съ ихъ двойками, пятерками, нотаціями,—все это такое ненужное, не настоящее. Вѣра больше ихъ органически не переваритъ. Иногда за классомъ такая злость охватитъ, сожметъ что-то горло, и хочется крикнуть громко, громко, крикнуть и убѣжать куда-нибудь подальше.

Вошла мама въ бѣломъ капотѣ, такая пышная, веселая. Она взяла головку дѣвочки за подбородокъ, внимательно посмотрѣла въ глаза и поцѣловала.

— Скорѣй, Вѣра, сейчасъ 9, опоздаешь.

— Мама, я не пойду сегодня въ классъ.

— Отчего? Ты больна? Покажи-ка языкъ, дай пульсъ... Жару, какъ будто, нѣтъ.

Мама съ безпокойствомъ взглянула на дочь. Вѣра не знала сама, больна она или здорова. Такъ было что-то тоскливо, не по-себѣ, хотѣлось забраться съ ногами на диванъ и почитать что-нибудь хорошее, такое хорошее, чтобы въ самую глубь души проникало.

— Мамочка, я здорова, а всетаки позволь остаться, я не могу, мнѣ гимназія опротивѣла.

— Вѣра, Вѣра, стыдись, что за малодушіе. Подбери себя, нельзя такъ распускаться. Откуда у тебя явилась эта лѣнь? Невозможно сидѣть сложа руки. Смотри, папа работаетъ, я работаю, дядя Коля съ утра до ночи занятъ; у тебя теперь только одна гимназія, это еще не Богъ знаетъ сколько дѣла; если ты въ 15 лѣтъ такъ киснешь, что̀ уже изъ тебя дальше выйдетъ? Нельзя, дѣтка, надо быть молодцомъ!

Она хотѣла своей выхоленной бѣлой рукой погладить по щекѣ Вѣру; та увернулась и сердито уставилась въ окно.

Евгенія Матвѣевна грустно вздохнула.

— Вѣра, Вѣра, какая ты стала? Что у тебя за отношенія ко мнѣ? Ты думаешь, я не понимаю, что постоянно сидѣть за книгами скучно, что тебѣ хочется подвигаться, порѣзвиться. Но что же дѣлать? Вѣдь мы съ тобой не въ силахъ измѣнить гимназической программы. Подожди, послѣ Рождества я постараюсь убѣдить папу, что тебѣ необходимо заниматься гимнастикой, тогда ты живо поправишься. Подойди сюда, Вѣрокъ, поцѣлуй маму, не огорчай ее.

А Вѣра все не отрываетъ глазъ отъ окна и до боли кусаетъ нижнюю губу.

Что же дѣлать, не можетъ она больше ласкаться къ мамѣ; ай, какая она злая, скверная, какъ ее самое мучитъ это, но зачѣмъ же мама не понимаетъ ея, не хочетъ понять... да и какъ высказать ей все, что дѣлается тамъ, внутри? Гимнастика? Развѣ ей гимнастика нужна? А что же, ахъ, она сама не знаетъ что̀... только что-то давитъ, мучитъ...

— Ой, не могу я такъ жить, не могу, не могу!—худенькіе пальчики хрустнули. А вотъ и назойливыя слезы... одна, другая, капъ-капъ, капъ... текутъ по блѣднымъ щечкамъ, сердце начинаетъ ко-

лотиться такъ быстро, быстро, точно хочетъ выскочить изъ груди. Ой, какое неугомонное, какое горячее это дѣтское сердце!

Мама не выноситъ подобнаго нервничанія, этого распусканія, она занималась немножко педагогикой и знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ самое лучшее средство—хорошій окрикъ.

— Вѣра,—говоритъ она строгимъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій,—сію минуту пей чай и отправляйся. Безъ разговоровъ, чтобъ я твоихъ слезъ не видала.

У мамы сильный характеръ, и она увѣрена, что дѣйствуетъ на дочь гипнотизирующимъ образомъ.

Вѣра хмуритъ брови. Какая-то жалкая, безпомощная гримаса искажаетъ нервное личико.

«Боже мой, зачѣмъ мнѣ только 15 лѣтъ, когда же я буду большая, самостоятельная», проносится у нея въ головѣ.

«Непремѣнно надо ей дѣлать холодныя обтиранія, — думаетъ Евгенія Матвѣевна.—Да и потомъ у нея нѣтъ совсѣмъ никакихъ развлеченій. Въ сущности она страшно много сидитъ за книгами, надо на праздникахъ повеселить ее».

Да, воспитаніе великое дѣло, но Евгенія Матвѣевна съ честью выполняетъ его. Она глазъ не спускаетъ со своей Вѣрочки и всѣ мѣры употребитъ, чтобы излѣчить ее отъ этого нервничанія. Ея дочь должна быть такой же бодрой, здоровой, какъ и мать.

Вѣра вышла на улицу. Учащійся людъ толпами спѣшилъ въ свои «alma mater». Два гимназистика первоклассника, съ плутовскими рожицами, путаясь въ своихъ длинныхъ, новыхъ шинеляхъ, сшитыхъ «на ростъ», летятъ за какою-то шершавой собачонкой.

— Мишка, пузырь, скорѣй ее... скорѣй вотъ... вотъ на арканъ! А-а-и-и-хъ... го-го-го!...

Ранцы раскачиваются во всѣ стороны, щеки трясутся отъ смѣха, мальчуганы такъ и заливаются, а у Вѣры снова закипаетъ на сердцѣ злоба.

«Скверные мальчишки, зачѣмъ они собаку мучатъ!... Этого толстаго, со вздернутымъ носомъ, самого бы на арканъ!»

— Оставьте, дряни!—и Вѣра, забывъ свой дѣвичій стыдъ, свои 15 лѣтъ, замахивается кулаками на сорванцовъ.

Тѣ удивленно вскидываютъ на нее глазами.

— Тебѣ-то что? Какая мадама выискалась стлогая,—картавитъ младшій,—чисто, подумаешь, надзиратель Петлъ Иванычъ.

— Она въ обществѣ покровительства животныхъ состоитъ!—острitъ другой.

Собирается толпа.

— Мадмазель, хотите я вамъ старую кошку принесу на прокормленіе,—визжитъ какой-то гимназистикъ надъ самымъ ухомъ Вѣры.

— А дохлыхъ воронъ въ пансіонъ принимаете?

— Колѣлую клысу ей въ носъ, она ей похолоны устлоитъ.... Ха-ха-ха-ха!...

— Бацъ, ловко, прямо въ цѣль!

И огромный комъ снѣга, налетѣвшій откуда-то сзади, сбилъ Вѣрину шапочку.

— Убирайтесь вонъ, оставьте меня сейчасъ. Я пожалуюсь на васъ!—кричитъ она отъ злобы и обиды, готовая собственноручно исколотить сейчасъ всю эту толпу отвратительныхъ мальчишекъ.

— Ага, жаловаться! Задира этакая, сама впуталась, а теперь жаловаться!

— Ябеда... Мы вотъ те!...

— Бу-у-умм...—гулко пронесся въ воздухѣ первый ударъ на соборной колокольнѣ.

— Господа, обѣдня, девять часовъ, опоздали!... Лупи, ребята, скорѣй въ гимназію, всѣ нынче безъ обѣда, ей-Богу, безъ обѣда!

И шумная ватага съ визгомъ и крикомъ летитъ впередъ по направленію къ бѣлому зданію гимназіи.

Вѣрѣ стыдно. Такъ стыдно и обидно, что хоть сквозь землю сейчасъ провалиться. Она съ ума сошла! Она, Вѣра, читающая Добролюбова, Писарева, считающая себя взрослой и вдругъ съ мальчишками первоклассниками подралась на улицѣ! Вѣдь это... это ужасъ что такое! Когда же, наконецъ, она научится владѣть собой, надо же сознательнѣе относиться къ своимъ поступкамъ.

Нѣтъ, изъ нея никогда не выработается критически-мыслящей личности!..

III.

Самое любимое время Вѣрочки—это послѣ обѣда, когда въ домѣ все успокаивается. Папа отдыхаетъ, мама занимается у себя въ комнатѣ. Значитъ, можно читать и думать, сколько душѣ угодно, никто не помѣшаетъ. Она забралась съ ногами на диванъ и раскрыла Надсона. Читать было темно, строчки сливались, но это ничего, Вѣра его почти наизусть знаетъ. У нея сегодня такъ грустно, такъ горько на сердцѣ. По исторіи получила тройку съ минусомъ. Мама за обѣдомъ хмурилась и поджимала губы—признакъ сильнѣйшаго недовольства. Папа назвалъ ее пустой лѣнтяйкой; дядя Коля трагически развелъ руками и съ паѳосомъ произнесъ: «Увы, Вѣра Николаевна, вы не

оправдали всеобщихъ надеждъ, ну, посудите сами, какая же изъ васъ выйдетъ гражданка, коли вы не въ состояніи проникнуться должнымъ благоговѣніемъ и, такъ сказать, влить въ себя, превратить въ свою кровь и плоть страницы нашего почтеннаго историка».

Дядя Коля славный и добрый, но онъ почему-то всегда смѣется надъ ней. Ни разу въ жизни онъ не поговорилъ съ ней по-человѣчески, серьезно, а все съ шуточками, съ остротами. Никто, никто не понимаетъ ея.

Въ такія минуты Вѣра всегда прибѣгаетъ къ книгамъ.

Да развѣ обыкновенные смертные могутъ такъ понять человѣческую душу, развѣ они сумѣютъ такъ откликнуться...

«Если душно тебѣ,
Если нѣтъ у тебя
Въ этомъ мірѣ борьбы и наживы,
Никого, кто бы могъ отозваться любя
На сомнѣнья твои и порывы,
Если въ сердцѣ твоемъ оскорбленъ идеалъ,
Идеалъ человѣка и свѣта,
Если честно скорбишь ты и честно усталъ,
Отдохни надъ страницей поэта...»

И Вѣра мало-по-малу отдыхаетъ. Чувство успокоенія, примиренія наполняетъ душу. Она открываетъ первую страницу и долго, долго смотритъ на молодое лицо поэта, полное мысли, любви и скорби.

«Въ стройныхъ звукахъ своихъ вдохновенныхъ рѣчей,
Чуткій къ каждому слову мученья,
Онъ разскажетъ тебѣ о печали твоей,
Но разскажетъ, какъ братъ, безъ глумленья.
Онъ подниметъ угасшую вѣру въ тебѣ,
Онъ разгонитъ сомнѣнья и муку,
И протянетъ тебѣ въ непосильной борьбѣ
Безкорыстную, братскую руку.»

И Вѣрѣ чудится, что откуда-то дѣйствительно протягивается крѣпкая рука, поднимаетъ ее, слабую дѣвочку, ставитъ на какую-то высоту, и съ этой высоты открываетея Вѣрѣ весь міръ со всѣми его страданіями, радостями и горестями.

Снова пытливые глаза-гвоздики смотрятъ болѣзненно-напряженно въ даль. Вотъ, вотъ, сейчасъ... еще мгновенье—и все непонятное сдѣлается такимъ простымъ, яснымъ. Вѣра будетъ уже знать, какъ надо жить, въ чемъ настоящее дѣло, какъ надо бороться со зломъ.

Дверь тихонько отворилась, показалась голова Аѳанасьевны.

— Ты тутъ?... А я думала къ мадамъ на музыку пошла. Чего въ темнотѣ сидишь, лампу бы засвѣтить время. Наташка-то чего смотритъ? А я тебѣ вотъ что скажу-то...

Аѳанасьевна присѣла на край стула, намѣреваясь, очевидно, затянуть долгій разговоръ, отдохнуть отъ суеты суетъ и душу отвести со своей любимицей.

Вѣрочка слегка нахмурилась и нетерпѣливо закачала ногой. Прозаическая Аѳанасьевна, отъ которой всегда пахло мукой и масломъ, совсѣмъ не гармонировала сейчасъ съ ея приподнятымъ настроеніемъ. И Вѣра едва сдерживалась, чтобы не прогнать старухи. «Но нельзя же такъ, сейчасъ только твердила: «Умѣй отозваться душой...» а сама вонъ что. Бѣдная Аѳанасьевна, и какая она, Вѣрка, злая».

Стемнѣло. Часы въ столовой пробили пять. На улицѣ зажгли фонари; милліоны радужныхъ искорокъ заиграли на замерзшихъ окнахъ и свѣтлое, дрожащее пятно отъ фонаря легло на полъ.

Аѳанасьевна, вздыхая, повѣствовала, что вотъ скоро праздники, вездѣ веселье, а у нихъ въ Дмитровщинѣ весь народъ крикомъ-кричитъ. Хлѣбъ весь переѣли, болѣзнь пошла, отъ животовъ такъ и катаются. Денегъ—ни Боже мой. Спасибо папаша и мамаша Вѣрочкины помогаютъ, а то бы куда ты... ложись въ гробъ всѣ подъ рядъ, и разставайся душа съ тѣломъ.

Съ болью въ сердцѣ слушаетъ Вѣра ея слова, и не знаетъ, какъ быть. Голодаютъ... болѣютъ, а у нихъ такая роскошь, столько прислуги, конфеты, фрукты. Конечно, папа и мама даютъ, но развѣ этого достаточно? Какъ помочь всѣмъ, какъ сдѣлать, чтобы не было на свѣтѣ бѣдныхъ и несчастныхъ. Когда же будетъ она большая, умная, знающая?!...

Аѳанасьевна, кряхтя и звеня ключами, уходитъ выдавать провизію на ужинъ, а Вѣра уносится мечтою въ далекое будущее.

Вотъ Петербургъ, курсы, кружки... споры... всѣ такіе молодые, горячіе... учатся, много, много учатся. Какъ хорошо, какъ свѣтло тамъ, въ Петербургѣ, не то что у нихъ здѣсь, попасть бы въ какой-нибудь литературный кружокъ. А потомъ, можетъ быть, и самой бы писательницей сдѣлаться...

Вѣрочка даже испугалась такой дерзкой мысли. Нѣтъ, нѣтъ, куда ей такой слабой, ничтожной быть писательницей; нѣтъ, Вѣрѣ вится другая картина.

Холодная, зимняя ночь. Поле, широкое, далекое поле. Цѣлая снѣжная пустыня. Куда ни взглянешь, снѣжные бугры, точно воины на горѣ. И по этимъ волнамъ, колыхаясь, ныряетъ дорожная кибитка.

Колокольчикъ динь, динь... динь, динь... Ямщикъ такой смѣшной, сморщенный: «ого-мо-лю-лю»,—покрикиваетъ онъ на лошадь, и лошадь тоже сморщенная, точно старушка сѣдая. Иней запушилъ все—и ямщика, и кибитку, и лошадь. Полозья скрипятъ, морозъ пощипываетъ щеки. Сверху смотритъ ясная, спокойная луна съ радужнымъ кольцомъ вокругъ. Кругомъ свѣтло, все блеститъ, искрится, и на душѣ свѣтло, свѣжо, ясно.

Вѣра ѣдетъ въ деревню учить и лѣчить. Она теперь уже совсѣмъ другая—взрослая, сильная своими знаніями, полная вѣры въ себя.

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ...»—

напѣваетъ про себя Вѣра, а однообразное треньканье колокольчика служитъ ей аккомпанементомъ.

— Вѣра!

Дѣвочка вздрогнула и широко раскрыла глаза.

— Ой, Володька, испугалъ до смерти, ну, можно ли такъ.

— Брось нервы, Вѣрка, собери все свое мужество и приготовься выслушать невѣроятное извѣстіе.

— Что такое? Ради Бога, не пугай.

— Да ты не волнуйся, будь хладнокровнѣй,—убѣждалъ ее Володя, самъ страшно волнуясь и размахивая руками.—Понимаешь, случилась такая удивительная вещь, какая тебѣ и во снѣ-то никогда не снилась.

— Да въ чемъ же дѣло? дѣло-то въ чемъ? Разсказывай скорѣе.

— Да сказано тебѣ—прежде всего не нервничай, Вѣрка; баба ты этакая, кисляйка, дѣла съ тобой нельзя имѣть, выслушай сначала.

— Говори что̀, а то я разозлюсь.

— Ну, Мокшеевъ пріѣхалъ, вотъ что!!!

— Мокшеевъ? Какой Мокшеевъ?—не поняла сразу Вѣра.

— Чудачка... Писатель Мокшеевъ, тотъ самый, который въ толстыхъ журналахъ пишетъ.

«Мокшеевъ Н... «Митюшкинъ праздникъ», «Сонъ и дѣйствительность», «На задворкахъ»,—замелькало въ головѣ у Вѣры».

— Откуда, какимъ образомъ? Кто тебѣ сказалъ, Володя?

— Изъ вѣрныхъ источниковъ знаю. У него тутъ, оказывается, тетка или племянница какая-то, однимъ словомъ, родственница. Ну, вотъ онъ и пріѣхалъ на праздники.

Вѣрѣ кажется, что она не вынесетъ такого извѣстія. Сердце сейчасъ, сію минуту разорвется. Мокшеевъ—этотъ отзывчивый, чуткій, правдивый писатель—у нихъ въ N.

Да это невѣроятно, быть не можетъ, прямо чудо!

Володя бѣгаетъ изъ угла въ уголъ и цѣпляется своими длинными ногами за стулья.

Время отъ времени онъ вскидываетъ на Вѣрочку блестящіе глаза и прерывающимся голосомъ произноситъ:

— Нѣтъ, ты только пойми, сообрази, N—скъ и Мокшеевъ—каково сопоставленіе?

А Вѣрочка только молча, сочувственно киваетъ головой.

— Да что-жъ ты молчишь, Вѣра, что-жъ ты такъ безучастно относишься? Удивительно.

— Я?! Ты, Володя, съ ума сошелъ? Какъ ты смѣешь такъ говорить? Я просто ничего вымолвить не могу...

— Слушай, надо познакомиться... Во что бы то ни стало, надо.

— Какъ же это сдѣлать?

— Погоди... устрою... А, Вѣра, каковъ намъ сюрпризъ къ празднику?

— А если онъ не захочетъ съ нами знакомиться? Что мы для него,—дѣти?

Володя на минутку задумался.

— Н-н-не думаю,—отвѣтилъ онъ нерѣшительно.—Вѣдь, собственно говоря, какое здѣсь общество? Всѣ эти Боярскіе, Любвинскіе, Сапожковы,—такъ называемая наша интеллигенція, это не что иное, какъ разсадникъ сплетенъ, развѣ его потянетъ въ ихъ общество? А къ намъ онъ, вѣроятно, отнесется симпатично, какъ къ «подающимъ надежды». Володя улыбнулся.

— Тяжело ему будетъ здѣсь послѣ Петербурга,—замѣтила Вѣра,—онъ, по всей вѣроятности, и представленія не имѣетъ, что за трущоба нашъ N—скъ.

— А какъ ты думаешь, Вѣра, онъ, навѣрное, постарается оживить общество, внести что-нибудь свѣжее, идейное? Рефератъ, можетъ быть, прочтетъ, а, Вѣра? Если бы рефератъ прочелъ, я бы подговорилъ нашихъ ему адресъ преподнести. Конечно, въ гимназіи узнаютъ, здорово влетитъ, да наплевать... Мы такую демонстрацію закатимъ начальству... Нѣтъ, ей-Богу, протестъ необходимъ, надо будить общество, а то мы тоже «интеллигенты», «интеллигенты...» какой чортъ мы интеллигенты, когда мы эту свою интеллигентность-то проявляемъ?

— Володя, а какъ ты думаешь, какое у него лицо?

— То-есть?

— Ну, какова наружность, какимъ ты его себѣ представляешь?

— Вѣра! вотъ что значитъ женщина! Можно ли такой нелѣпый

вопросъ задавать. Поразительная мелочность... Ай-ай-ай, какъ въ тебѣ еще много этого бабьяго духа сидитъ... Лицо?—лицо, какъ лицо. Обыкновенное лицо идейнаго человѣка. Умное, можетъ быть, нѣсколько суровое, по всей вѣроятности много передумалъ, пережилъ.

— А я такъ совсѣмъ инымъ его себѣ представляю. Знаешь, особенно глаза... Глаза, должно быть, чудные, грустные, лучистые. Лицо печальное, дышитъ честностью, любовью. Волосы темные, назадъ зачесаны. И отъ всего отъ него удивительной чистотой вѣетъ.

— У-ди-ви-тель-ная сантиментальность, подумаешь.

— Зачѣмъ же сантиментальность? Развѣ лицо Гаршина, напримѣръ, сантиментальное, а онъ мнѣ вродѣ Гаршина представляется... Володя, а вдругъ мы не познакомимся? Я тогда напишу ему письмо... а?

— Ерунда,—конечно, познакомимся. Надо только намѣтить вопросы, о которыхъ хотѣлось бы поговорить. Чортъ возьми, надо бы предварительное собраньице изъ своихъ устроить, а то такъ прямо, неподготовленнымъ-то говорить трудно. Ты, Вѣра, тоже приходи на собраніе.

— Нельзя,—вздохнула Вѣра,—мама не пуститъ.

— Ахъ, да плюнь ты, Бога ради, на всѣ эти патріархальности. Долго ли ты будешь на помочахъ ходить? Нѣтъ, Вѣра, какъ хочешь, а ты поразительно непослѣдовательное существо. То изъ-за пустяковъ скандалы съ классными дамами затѣваешь, а тутъ, когда дѣло серьезное, важное дѣло, она за мамашину юбку держится. Такъ нельзя, Вѣра.

Володя съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Теперь, можетъ быть, единственный случай, когда мы можемъ выяснить многіе вопросы. Надо пользоваться, ковать желѣзо, пока горячо.

Онъ снова громадными шагами забѣгалъ изъ угла въ уголъ, а планы относительно Мокшеева одинъ за другимъ роились у него въ головѣ.

Рѣшено было отправить къ писателю депутацію изъ гимназистовъ, съ просьбой прочесть рефератъ, затѣмъ подъ Новый годъ устроить идейную вечеринку, пригласить на нее Мокшеева и преподнести ему адресъ.

Володя такъ увлекся своими планами, что даже забылъ, гдѣ онъ въ данный моментъ находится. Онъ уже видѣлъ себя на гимназическомъ собраніи, возбужденно намѣчалъ содержаніе адреса и нервно набрасывалъ въ записную книжку вопросы, о которыхъ хотѣлъ поговорить съ Мокшеевымъ. А Вѣра молча слѣдила за нимъ блестящи-

ми глазами. Неожиданное извѣстіе ошеломило ее, и она вся какъ-то притихла. Въ душѣ у нея все ликовало и въ то же время было жутко—непремѣнно она сробѣетъ, не произнесетъ ни слова, и такъ и останется со своими неразрѣшенными сомнѣніями.

IV.

Евгенія Матвѣевна улыбнулась и подала записку мужу:

— А вѣдь это обѣщаетъ быть интереснымъ. Jour fixe съ петербургской знаменитостью. Ты поѣдешь, Николай?

— М-м-м, отчего же...—промычалъ мужъ, надо поѣхать посмотрѣть, какіе бываютъ на свѣтѣ писатели.

У Вѣры захватило дыханіе. Мокшеевъ у Боярскихъ! А мы-то съ Володей вчера голову ломали, гдѣ его увидѣть... Непремѣнно и намъ надо попасть на этотъ вечеръ... Если не возьмутъ—все пропало... Гдѣ же тогда познакомиться? А тутъ такъ удобно и поговорить, и все... Вѣроятно, онъ не танцуетъ.

— Боярскіе умѣютъ къ себѣ всякую новинку залучить. Въ прошломъ году этотъ концертъ съ Мателини, въ нынѣшнемъ—Мокшеевъ; прямо талантъ устраивать jour fix'ы.

Въ голосѣ Евгеніи Матвѣевны прозвучала завистливая нотка.

Николай Александровичъ засмѣялся.

— Хэ-хэ-хэ, будетъ талантъ, когда двѣ невѣсты на рукахъ. Вѣдь въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ тоже перепроизводство дѣвицъ.

— Такъ не съ Мокшеевымъ же они думаютъ породниться, это было бы смѣшно.

— Ну, съ Мокшеевымъ,—какъ ни назойливы, а до этого, я думаю, не дойдутъ... Нѣтъ, но всетаки не забудь, что Мокшеевъ человѣкъ съ именемъ, столичный гость, въ обществѣ вращается... Такъ вотъ, какъ это по Гоголю-то, не забудьте молъ сказать, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. А тутъ тоже, будьте столь любезны, окажите въ Петербургѣ протекцію Лидіи Алексѣевнѣ Боярской... Да, матушка, будешь талантливымъ... Мы вотъ, какъ Вѣрѣ шестнадцать лѣтъ,—сейчасъ выставку картинъ въ домѣ... разъ... званый вечеръ съ итальянцами... два... ученый диспутъ какой-нибудь устроимъ... три... Кого бы это пригласить-то?... Эдиссона изъ Америки выпишемъ, ей-Богу, выпишемъ... Вѣруська, а ты какъ думаешь?... Хэ-хэ-хэ... И онъ лукаво подмигнулъ въ сторону дочери, потянувшись къ ней, чтобы похлопать ее по плечу.

Вѣра негодовала.

«Ни къ чему серьезнаго отношенія нѣтъ. О такомъ человѣкѣ,

какъ Мокшеевъ, говорятъ съ усмѣшкой. О, съ какимъ бы удовольствіемъ она наговорила-бъ сейчасъ дерзостей отцу, матери, убѣжала бы къ Мокшееву, упросила бы его не быть у этихъ пошлыхъ Боярскихъ, съ презрѣніемъ отвернуться отъ этого «beau mond'a», бросить ихъ всѣхъ, уйти, уйти. Вѣра скажетъ ему, кому онъ здѣсь нуженъ, кто хочетъ его слушать, учиться у него, кто каждый взглядъ его, каждое его слово оцѣнитъ на вѣсъ золота».

— Д-да,—протянула Евгенія Михайловна, мечтательно смотря куда-то вдаль, во всякомъ случаѣ интересно. Ты, Nicolas, достань мнѣ что-нибудь изъ его сочиненій... Онъ, если не ошибаюсь, беллетристъ или публицистъ... что-то вродѣ этого... кажется, довольно живо пишетъ.

— Что-жъ, поѣдемъ, поѣдемъ,—сказалъ Николай Александровичъ, закурилъ папиросу и, насвистывая Персидскій маршъ, отправился къ себѣ въ кабинетъ.

Вѣра набралась храбрости.

— Мама, милая, исполни, пожалуйста, мою большую, большую просьбу... страшно большую.

— Опять что-нибудь насчетъ гимназіи.

— Нѣтъ, мамочка, честное слово тебѣ даю, если исполнишь, я съ Новаго года въ гимназіи первой ученицей сдѣлаюсь, изъ поведенія все время пятерки будутъ... только исполни, мамочка...

Вѣрочка совсѣмъ по-ребячьи, просительно сложила руки и сдѣлала такое комичное лицо, что мать расхохоталась.

— Да въ чемъ дѣло?

— Ты поѣдешь къ Боярскимъ на вечеринку, возьми меня съ собой.

— Нѣтъ ужъ, Вѣра, часъ отъ часу не легче, придумаетъ же такую штуку—возьми я ее на вечеръ для взрослыхъ. Конечно, я такой глупости не сдѣлаю.

— Почему же глупость, мама? Я ужъ не маленькая, мнѣ пятнадцать лѣтъ, въ эти годы на настоящіе балы выѣзжаютъ, а тутъ только вечеринка. Голубушка, доставь мнѣ удовольствіе, возьми.

Евгенія Матвѣевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... И потрудись прекратить этотъ разговоръ, я словъ на вѣтеръ не теряю, сказала и—кончено.

У Вѣры даже губы побѣлѣли отъ этихъ словъ. Съ минуту темные глаза дѣвочки пристально, точно хотѣли пронзить насквозь, остановились на матери.

— А-а, не возьмешь, такъ гдѣ же твоя любовь ко мнѣ, когда ты ни одной моей просьбы. не хочешь исполнить, что бы я ни попроси-

ла—одинъ отвѣтъ: нельзя, невозможно... Я тебя всегда слушалась, а теперь не могу... не хочу больше... Не любишь ты меня... не понимаешь... Мнѣ нужно быть у Боярскихъ, необходимо. Если ты не возьмешь меня добровольно, хуже будетъ... Я пріѣду безъ позволенія, не выгонишь же ты меня, не сдѣлаешь скандала... Я... я...

Она сама не понимала, что̀ говорила. Въ душѣ у нея все бушевало, обида, отчаяніе рвались наружу.

Подъ конецъ рыданія заглушили ея слова, она убѣжала къ себѣ, въ дѣтскую, заткнула пальцами уши и, уткнувшись головой въ подушку, пролежала такъ цѣлый день, не откликаясь ни на чьи увѣщеванія, не выходя ни къ чаю, ни къ ужину.

Евгенія Матвѣевна опѣшила—такого сюрприза она не ожидала. Что дѣлается съ ея Вѣрой? Откуда подобная экзальтація?... Этотъ переходный возрастъ—опасное время. Всегда самоувѣренная, Евгенія Матвѣевна на этотъ разъ не знала, какъ поступить... Нужно бы выдержать характеръ, и ни за что не брать Вѣры, но вдругъ дѣвочка на самомъ дѣлѣ выкинетъ какую-нибудь эксцентричность.

Вечеромъ состоялся семейный совѣтъ. Папа и дядя Коля оказались на сторонѣ Вѣры и находили вполнѣ естественнымъ, что ей хочется попрыгать и поплясать. Евгенія Матвѣевна, скрѣпя сердце, сдалась и не знала лишь, какъ бы потактичнѣе объявить Вѣрѣ о своемъ согласіи, чтобъ не уронить ея материнскаго авторитета.

V.

— Барышня, да постойте вы, Христа ради, хоть минуточку спокойно,— убѣдительно упрашивала Вѣрочку Наташа, оправляя ей платье,—чтой-то, ей-Богу,—на балъ ѣдутъ, а одѣть себя, какъ слѣдуетъ, не дадутъ... Погодите, дайте поясъ приколю... Ну, умчалась...

Наташа безнадежно развела руками и покачала неодобрительно головой вслѣдъ убѣгающей Вѣрочкѣ.

А Вѣрочкѣ казалось, что онѣ непремѣнно опоздаютъ, и она не могла стоять спокойно, пока Наташа прикалывала ей разные ненужные бантики и галстучки.

— Мама, да поскорѣй! — кричала она черезъ запертую дверь Евгеніи Матвѣевнѣ.—Я пойду, скажу, чтобъ Семенъ подавалъ.

Но мама была еще не готова, и Вѣрочка то ежеминутно посматривала на часы, то нервно прижималась горячимъ лбомъ къ замерзшему окну и смотрѣла, что дѣлается на улицѣ, то машинально перебирала ноты на этажеркѣ. Думать она не могла... Она все, рѣшительно все перепутала и перезабыла, о чемъ сегодня цѣлое утро твердилъ

ей Володя. Нужно было предупредить о депутаціи, потомъ сказать что-то о квартирѣ, гдѣ соберутся гимназисты, попросить просмотрѣть списокъ книгъ, потомъ о Боклѣ... или нѣтъ... не о Боклѣ... а что-то о свободѣ воли, потомъ собственные вопросы...

Наконецъ, Евгенія Матвѣевна, величественная и нарядная, выплыла изъ своей комнаты, окинула Вѣрочку опытнымъ взглядомъ, поправила ей кое-гдѣ складки на платьѣ и сказала, что можно подавать.

И вотъ Вѣрочка сидитъ уже съ мамой въ саняхъ, и онѣ, наконецъ, ѣдутъ. Вечеръ сегодня какой-то необыкновенно хорошій, праздничный. Воздухъ морозный, свѣжій, и луна свѣтитъ такъ ярко, весело, и брилліантовыя снѣжинки искрятся какъ-то особенно красиво, а маленькія саночки мчатся быстро, такъ быстро, что голова слегка кружится и дыханіе захватываетъ. И Вѣра не знаетъ, отчего это у нея кружится голова, отчего захватываетъ дыханіе—отъ быстрой ли ѣзды, отъ свѣжаго ли морознаго воздуха, или оттого, что сейчасъ совершится что-то большое, хорошее, важное.

Въ залѣ у Боярскихъ свѣтло, пестро и шумно. У Вѣры гулъ стоитъ въ ушахъ, рябитъ въ глазахъ отъ всей этой массы свѣчей, лампъ, цвѣтовъ, кружевъ; мелькаетъ много, много лицъ знакомыхъ и незнакомыхъ, все сливается въ одинъ пестрый хаосъ, и Вѣра не можетъ дать себѣ отчета, гдѣ она, что съ нею.

Къ нимъ подходитъ Юлія Аркадьевна Боярская, улыбается мамѣ, жметъ ей руки, потомъ улыбается Вѣрѣ, что-то ей говоритъ, а Вѣра застѣнчиво присѣдаетъ и не знаетъ, какъ ей держаться и куда дѣвать свои руки... Потомъ ихъ посадили въ гостиной на диванъ, и Вѣра начала понемногу приходить въ себя и осматриваться. Передъ ней вихремъ промчались подъ ручку двѣ сестры Любвинскихъ въ пышныхъ розовыхъ юбкахъ, и кругомъ распространился легкій, нѣжный ароматъ какихъ-то модныхъ духовъ. Затѣмъ Вѣрочка увидѣла бѣлоподкладочника Жоржика Воротынскаго, котораго они съ Володей ненавидѣли всѣми силами души. Жоржикъ, въ новенькомъ студенческомъ мундирѣ, сшитомъ на гусарскій покрой, ходилъ, выпятивъ грудь колесомъ, и важно пощипывалъ еле пробивающіеся усики. Вѣрочка отвернулась, и передъ ея глазами очутился старый предводитель дворянства, съ крутыми глазами, похожій на огромнаго филина... Предводитель держалъ одной рукой дядю Колю за пуговицу и что-то ему доказывалъ, а другой—жестикулировалъ въ воздухѣ, растопыривъ пальцы.

Затѣмъ заиграла музыка, и въ залѣ закружились бѣлыя, розовыя и голубыя юбки, замелькали быстро, быстро и Жоржики, и Любвинскія, и господа во фракахъ, въ черныхъ сюртукахъ, въ студенче-

скихъ и военныхъ мундирахъ. А Вѣра перебѣгаетъ глазами съ одной фигуры на другую, напряженно ищетъ идейное лицо съ вдумчивыми грустными глазами, похожее на Гаршина и на Надсона и такъ ясно рисующееся въ ея воображеніи. Но такого лица она нигдѣ не находитъ, а вмѣсто него мелькаетъ передъ ней самодовольная физіономія поручика Ильинскаго, и прыгаетъ фигурка какой-то худенькой, некрасивой дѣвицы.

— «Его» нѣтъ, очевидно онъ еще не пріѣхалъ,—проносится въ головѣ у Вѣры,—а быть можетъ и совсѣмъ не пріѣдетъ? Конечно, не пріѣдетъ,—что онъ будетъ дѣлать среди этихъ самодовольныхъ буржуевъ, какъ зоветъ ихъ Володя...

И Вѣрѣ даже хочется, чтобъ онъ не пріѣзжалъ, она такъ растерялась, такъ смутилась въ этой непривычной обстановкѣ, что не будетъ въ состояніи произнести ни слова. Она уже не ищетъ больше Мокшеева, машинально провожаетъ глазами танцующія пары и машинально слѣдитъ за обрывками разговоровъ.

— Тра-та-та, тра-та-та,—напѣваетъ какой-то молоденькій офицерикъ мотивъ только что окончившейся польки, а Симочка Львова съ увлеченіемъ разсказываетъ своей подругѣ, что кто-то въ кого-то влюбленъ и хочетъ отъ любви застрѣлиться.

У окна въ гостиной устроена причудливая бесѣдка изъ зелени, а въ ней, какъ птичка въ уютномъ гнѣздышкѣ, пріютилась Лидочка Боярская. Она вертитъ своей хорошенькой головкой съ пышными завитками и стрѣляетъ цыганскими глазками въ какого-то моднаго, незнакомаго Вѣрѣ, господина. Господинъ играетъ Лидочкинымъ вѣеромъ, улыбается такъ противно, противно и хочетъ непремѣнно утащить у нея цвѣтокъ изъ букета. Лидочка прячетъ цвѣтокъ за спиной, оттопыриваетъ губки и дѣлаетъ подзадоривающую, плутовскую улыбку; господинъ наклоняется и, закрываясь вѣеромъ, говоритъ что-то такое, отъ чего Лидочка хохочетъ и прикалываетъ ему цвѣтокъ въ петличку.

Вѣрочка смотритъ на нихъ, и ей дѣлается непріятно и скучно... Она чувствуетъ себя такой одинокой, маленькой, затерянной въ этомъ чужомъ ей, шумномъ обществѣ. Ей хочется поскорѣе убѣжать отъ всѣхъ этихъ разряженныхъ, надушенныхъ гостей и спрятаться у себя въ дѣтской у Аѳанасьевны на колѣняхъ, какъ пряталась она еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, когда къ нимъ пріѣзжали незнакомые дяди и тети.

А несимпатичный, франтоватый господинъ встаетъ, расшаркивается передъ Лидой своими длинными ногами, въ модныхъ туфляхъ съ бантиками, и приглашаетъ ее на кадриль.

— A vos places, mesdames, à vos places, messieurs,—кричитъ во весь голосъ красный, потный дирижеръ и мечется изъ угла въ уголъ, съ такимъ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ, какъ будто дѣлаетъ не вѣсть какое важное дѣло.

Кругомъ засуетились, загремѣли стульями, и Вѣрочка вдругъ осталась одна въ своемъ уголку на диванѣ.

М-me Боярская замѣтила ея растерянное, скучающее лицо и, какъ хозяйка дома, сочла нужнымъ найти ей кавалера.

— Леша,—обратилась она къ толстому реалисту, съ любопытствомъ слушавшему разговоръ двухъ офицеровъ,—иди, займи Вѣру Милютину, она одна и не танцуетъ.

Лешѣ хочется дослушать до конца офицерскій анекдотъ, онъ недовольно гримасничаетъ и отмахивается отъ матери рукой.

— Слышишь, Леша, иди же, пригласи ее, сейчасъ кадриль начинается.

— Не пойду я танцовать съ этой воображалкой,—сердито фыркаетъ Леша, — курсистку изъ себя корчитъ и важничаетъ, неизвѣстно чего.

— Иди, иди, увалень,—тянетъ его за рукавъ мать,—пора пріучаться быть кавалеромъ, барышенъ занимать.

— А если у меня даже vis-à-vis нѣтъ,—еще разъ пробуетъ отдѣлаться Леша, но мать неумолима, и онъ, вздыхая, оставляетъ офицеровъ и неуклюже шагаетъ къ Вѣрочкѣ.

Въ антрактахъ между фигурами Леша исподлобья поглядываетъ на Вѣру и находитъ ее необыкновенно суровой и неприступной.

«Какой смѣшной и неинтеллигентный этотъ Леша», — думаетъ въ свою очередь Вѣрочка, и они оба скучаютъ и не знаютъ, о чемъ имъ говорить другъ съ другомъ.

«Господи, что бы это такое ей сказать»,—мучительно придумываетъ Леша, когда молчаніе становится ужъ очень тягостнымъ. Ударить лицомъ въ грязь передъ своей дамой ему не хочется, и онъ начинаетъ сочинять какой-нибудь умный разговоръ.

— А вы Дарвина читали?—вдругъ совершенно неожиданно выпаливаетъ онъ.

— Нѣтъ, не читала.

— А я читалъ,—съ гордостью произноситъ Леша и побѣдоносно взглядываетъ на Вѣрочку.

«Все вретъ»,—думаетъ та и презрительно улыбается. Она знаетъ, что Леша глупъ, какъ пробка, и ровно ничего не читаетъ, а если и читаетъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не Дарвина.

— А съ писателемъ вы знакомы? — продолжаетъ занимать ее Леша.

— Гдѣ писатель? Пріѣхалъ?—вспыхиваетъ Вѣрочка и даже привскакиваетъ со стула.

— Давно пріѣхалъ! Вонъ смотрите, вторая пара налѣво, съ нашей Лидой танцуетъ.

Вѣрочка напряженно вытягиваетъ голову, торопливо ищетъ глазами эту пару налѣво и съ негодованіемъ отворачивается.

— Какъ вамъ не стыдно выдумывать! Это не писатель!

Съ Лидой танцуетъ тотъ самый господинъ, что сидѣлъ съ нею у окна. Онъ въ тактъ музыки покачиваетъ головой, и Вѣрѣ виденъ его проборъ отъ самаго затылка и тонкая стрѣлка усовъ.

— Съ чего вы взяли, что я выдумываю, — обижается Леша.— Конечно, это самый писатель и есть, Мокшеевъ изъ Петербурга, что я не знаю, что ли!... Онъ у насъ уже третій разъ, а завтра съ нами на хуторъ на охоту поѣдетъ.

— Писатель!... Это и есть самый писатель!...

И Вѣрочкѣ кажется, что вся зала кружится быстро-быстро у нея подъ ногами, кружится полъ, свѣчи, лампы, барышни, кавалеры, писатель... и всѣ они вмѣстѣ падаютъ въ какую-то пропасть.

— Rrremerciez vos dames! — громкимъ голосомъ кричитъ дирижеръ.

Леша облегченно вздыхаетъ и расшаркивается передъ своей дамой, а Вѣра смотритъ на него недоумѣвающими глазами и не можетъ произнести ни слова.

Она не знаетъ, правду ли сказалъ сейчасъ Леша или просто подшутилъ, и ей хочется, пусть бы это была злая шутка, все же лучше, нежели удостовѣриться, что этотъ противный франтъ въ туфляхъ дѣйствительно писатель.

А около моднаго господина собралась толпа, и Вѣрѣ видно, какъ его тянутъ нарасхватъ въ разныя стороны: то Алексѣй Александровичъ Боярскій, толстый и красный, протискивается въ середину и жестомъ руки приглашаетъ его въ столовую закусить, то граціозно подплываетъ Юлія Аркадьевна и плутовски грозится выхоленнымъ пальчикомъ. А дѣвицы щебечутъ, щебечутъ, щебечутъ... Господинъ любезно улыбается, раскланивается на всѣ стороны, желая понравиться окружающимъ, и на всей его выхоленной фигурѣ написано довольство жизнью и своей великолѣпной особой.

Вѣра стоитъ съ удивленно скорбнымъ лицомъ и, недоумѣвая, наблюдаетъ за этой сценой.

Подходитъ дядя Коля.

— Mon Dieu, Вѣрочка, что съ тобой? Физіономія въ постномъ маслѣ и весь видъ, какъ будто послѣ неудачнаго экзамена. Но вѣдь это не пі-и-чно, какъ говоритъ кузина Зина.

— Дядя Коля,—спрашиваетъ Вѣра дрожащимъ отъ волненія голомъ,—а кто это тамъ, такой модный съ цвѣткомъ въ петличкѣ?

— Ага, и ты замѣтила, — улыбается дядя Коля. — Это, душа моя, и есть самый гвоздь вечера—писатель. Хочешь, познакомлю?

И, не дожидаясь отвѣта дѣвочки, дядя Коля подхватываетъ ее подъ руку и легко скользитъ по блестящему паркету по направленію къ толпѣ, окружающей Мокшеева.

И вотъ Вѣра стоитъ передъ писателемъ и, какъ сквозь сонъ, слышитъ, какъ онъ ее спрашиваетъ, въ какомъ она классѣ? И строгія ли у нихъ въ гимназіи классныя дамы? Писатель старается быть и къ ней внимательнымъ, острить что-то по поводу гимназическихъ учителей и приглашаетъ ее на вальсъ. Вѣру душатъ слезы, ей хочется убѣжать, но она принужденно улыбается, кладетъ свою худую угловатую руку на плечо Мокшеева и, едва успѣвая за нимъ, неловко, не въ тактъ выдѣлываетъ ногами па вальса.

«Господи, какъ же быть-то,—мелькаетъ у нея въ головѣ,—надо всетаки сказать ему про гимназистовъ, они вѣдь утромъ завтра придутъ».

И когда Мокшеевъ ловкимъ движеніемъ подводитъ ее къ стулу и низко раскланивается послѣ вальса, Вѣра останавливаетъ его на минуту и торопливо спѣшитъ высказаться, пока ихъ никто не слышитъ.

— Извините, пожалуйста... меня просили... Володя... гимназисты...—заикается и путается она, не зная, съ чего начать.

Писатель удивленно смотритъ на эту волнующуюся, блѣдную дѣвочку, говорящую ему о какомъ-то Володѣ и гимназистахъ.

— Что такое?—спрашиваетъ онъ и произноситъ это такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ трехлѣтними дѣтьми.

— Гимназисты... хотѣли придти къ вамъ завтра,—еле слышно выговариваетъ Вѣра.

— Ко мнѣ, гимназисты? Ничего не понимаю.

— Рефератъ хотѣли васъ просить прочитать...

— А-ахъ, рефератъ! — писатель улыбается и на минуту задумывается. — Нѣтъ, знаете, это будетъ неудобно. Я такъ занятъ, да и не подготовленъ... ммм... что это имъ въ голову пришло... Потомъ и времени мало...

— Николай Михайловичъ!—капризно и кокетливо кричитъ ему Лидочка Боярская.—Что же вы пропали, васъ ждутъ...

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчаетъ ей съ любезной улыбкой

Мокшеевъ и, повернувшись къ Вѣрочкѣ, прибавляетъ:—Поблагодарите молодыхъ людей за сдѣланную мнѣ честь и передайте имъ отъ меня, что мнѣ очень жаль, но я не могу, рѣ-шительно не могу.

Онъ шаркаетъ ногой и, извинившись, направляется къ ожидающей его Боярской.

Вѣра растерянно смотритъ по сторонамъ и, непроизвольно опустивъ руку въ карманъ, судорожно комкаетъ записку съ вопросами о Боклѣ.

Вечеръ подходилъ къ концу, и было уже слышно, какъ въ столовой гремѣли тарелками и вилками, накрывая ужинъ.

Евгенія Матвѣевна, оживленная, съ блестящими глазами, проходила подъ руку съ какимъ-то кавалеромъ и наткнулась на Вѣрочку. Ее поразилъ измученный, убитый видъ дочери.

— Вѣра, да ты больна!—вскрикнула она.—Устала?... Поѣзжай сію минуту домой и ложись спать... Вѣдь говорила—не нужно было тебя брать... Ну, на кого ты похожа!... Идемъ, я тебя одѣну.

Она извинилась передъ кавалеромъ и пошла за дѣвочкой.

И вотъ Вѣра въ передней. Опять на нее навертываютъ разные платочки, фуфаечки, но теперь она уже не суетится, не волнуется. Вяло, равнодушно повертывается она во всѣ стороны, пока мама осматриваетъ, все ли на ней надѣто, не потная ли она, въ переднюю влетаютъ разгоряченные Жоржикъ и поручикъ Ильинскій, а въ дверяхъ имъ кричитъ дядя Коля:

— Такъ не забудьте же, ямщикъ Сергѣй... три тройки... и шампанскаго захватите.

Въ залѣ приготовлялись пѣть. Кто-то настраивалъ гитару, кто-то упрашивалъ Лидочку спѣть цыганскій романсъ.

Лакей распахнулъ передъ Вѣрой дверь и крикнулъ повелительнымъ голосомъ:

— Семенъ, кучеръ Милютиныхъ! Подавай!

Вѣрочка начала сходить по ступенькамъ лѣстницы, а за ней неслись вскрикиванья цыганской пѣсни.

— Подари мнѣ мо-лодецъ зо-олоты сережки, — старается изо всѣхъ силъ Лидочка Боярская.

— Раз-зорю тебя въ ко-нецъ на одни сапожки,—присоединяется къ ней баритономъ Мокшеевъ, и имъ аплодируютъ со всѣхъ сторонъ: «Браво... браво»...

— Хорошо повеселились, барышня?—спрашиваетъ Вѣру Семенъ, усаживая ее и заправляя полость въ саняхъ.

А Вѣра ничего не можетъ отвѣчать. Она чувствуетъ, что сейчасъ

произошло что-то ужасное, точно туго натянутая струна порвалась у нея въ сердцѣ, и такъ жалобно, такъ больно зазвучала, что-то хорошее, свѣтлое, самое дорогое порвалось въ ея душѣ, умерло, пропало, разбилось навсегда!

Горячія слезы капаютъ у нея изъ глазъ и застываютъ на холодномъ воздухѣ, и ей дѣлается больно и стыдно. Стыдно за Мокшеева, за себя, стыдно передъ Володей съ гимназистами, у которыхъ сейчасъ собраніе по поводу Мокшеевскаго реферата, стыдно передъ Добролюбовымъ, Надсономъ, передъ всѣми любимыми писателями. А въ головѣ вертится новый неотвязный вопросъ: какъ же можно такъ горячо, такъ талантливо писать и быть совсѣмъ, совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ!...

Ольга Лысогорская.

СПРУТЪ*).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ Франка Норриса.

VI.

Полдень; лучи солнца, стоявшаго прямо надъ головами, падали какъ свинецъ на крыши и улицы Гвадалаяры. Отъ стѣнъ домовъ, отъ кирпичныхъ тротуаровъ дремлющаго городка лучился маслянистый, дрожащій зной. На эвкалиптусахъ, окружавшихъ площадь, листья неподвижно повисли, разслабѣвшіе отъ палящаго, пронизывающаго жара. Тѣнь этихъ деревьевъ сузилась до своего послѣдняго предѣла, близко прижимаясь къ стволамъ, солнце было всюду. Зной, поднимавшійся отъ кирпичей, штукатурки и металла, сливался съ тѣмъ удушливымъ зноемъ, который непрерывно спускался, какъ покрывало, съ блѣднаго, раскаленнаго неба. Однѣ ящерицы, жившія въ трещинахъ стѣнъ и тротуаровъ, оставались снаружи, оцѣпенѣвъ отъ жара, неподвижныя, точно чучела. Изрѣдка, среди глубокой тишины раздавалось продолжительное жужжаніе какого-нибудь насѣкомаго и мягкая, сонная длящаяся нота дрожала нѣсколько мгновеній, потомъ замирала постепенно и снова все затихало. Въ какомъ-то домѣ сонливо бренчала гитара. На крышѣ гостиницы непрерывно слышалось воркованье голубей, глухое, сочное, жалобное; кошка совершенно бѣлая, съ розовымъ носомъ, тонкими розовыми губами, спала на стѣнѣ, на самомъ солнышкѣ. Въ одномъ углу площади три курицы усаживались на землю, разрывая раскаленную пыль, махая крыльями и кудахтая отъ наслажденія.

И это все. Воскресный покой царилъ надъ городомъ, глубокій, мирный. Какимъ-то сладкимъ оцѣпенѣніемъ, чувствомъ пріятнаго

*) *Русская Мысль*, 1902 г., кн. IV.

разслабленія вѣяло отъ облупившейся штукатурки. Нигдѣ ни звука, ни движенія, которые указывали бы на дѣятельность человѣка. Слабое жужжаніе насѣкомаго, прерывистое бренчаніе гитары, нѣжная жалоба голубей, мурлыканье кошки, довольное кудахтанье куръ— всѣ эти звуки сливались, образуя слабое, усыпляющее гудѣнье, непрерывное, притупляющее, внушавшее мысль о безконечномъ мирѣ, покоѣ, тихой жизни, протекавшей сотни лѣтъ и теперь постепенно приходящей къ концу подъ пышной тоской безоблачнаго свѣтло-голубого неба и постояннаго пламени безконечнаго солнца.

Въ испано-мексиканскомъ ресторанѣ Солотари, Веннеми и Презлей сидѣли у двери за столикомъ другъ противъ друга; передъ ними стояла бутылка столоваго вина и различныя испанскія кушанья. Въ ресторанѣ, кромѣ нихъ, не было никого. Въ этотъ день Анникстеръ давалъ балъ въ своей новой житницѣ, въ Квинъ-Себѣ былъ праздникъ, и всѣ работы были остановлены. Презлей и Веннеми рѣшили провести этотъ день вмѣстѣ, завтракать у Солотари и сдѣлать потомъ большую прогулку пѣшкомъ. Въ эту минуту они сидѣли, откинувшись на спинки стульевъ, едва дотронувшись до поставленныхъ передъ ними кушаній. Солотари принесъ кофе, маленькій графинчикъ мескаля и, усѣвшись въ углу комнаты, заснулъ.

Все время завтрака Презлей не безъ удивленія наблюдалъ за Веннеми, въ которомъ онъ замѣчалъ какую-то перемѣну. Теперь онъ снова посмотрѣлъ на него. Худое лицо Веннеми было оливковое и блѣдное. Длинные черные волосы, какъ волосы святыхъ и евангелистовъ на картинахъ прерафаэлитовъ, висѣли, покрывая уши. Презлей снова разсмотрѣлъ острую черную бороду, лицо, похожее на лицо ясновидцевъ, полувдохновленныхъ пророковъ Израиля. Веннеми былъ одѣтъ совершенно такъ же, какъ въ тотъ день, когда Презлей видѣлъ его въ первый разъ пасущимъ стадо овецъ: въ коричневые панталоны, засунутые въ высокіе сапоги, сѣрую шерстяную рубашку, открытую на загорѣлой груди.

Но глубоко сидящіе глаза имѣли какое-то другое выраженіе. Теперь Презлей вспомнилъ тоже, что все утро Веннеми былъ необыкновенно молчаливъ. Онъ безпрестанно впадалъ въ задумчивость, казался невнимательнымъ, разсѣяннымъ. Несомнѣнно, съ нимъ случилось что-нибудь особенное.

Наконецъ, Веннеми заговорилъ. Откинувшись на спинку стула, засунувъ большіе пальцы за поясъ, онъ опустилъ голову на грудь и началъ говорить однотоннымъ голосомъ, какъ человѣкъ, говорящій въ бреду.

Онъ коротко разсказалъ Презлею, что случилось въ теченіе пер-

вой ночи, проведенной имъ въ саду миссіи, объ *отвѣтѣ*, который дошелъ до него, полувоображаемый, полуреальный.

— Ни съ кѣмъ на свѣтѣ, кромѣ васъ, я не могъ бы говорить объ этомъ,—сказалъ онъ.—Но вы... я думаю, вы все на свѣтѣ поймете... по крайней мѣрѣ, отнесетесь сочувственно, и у меня есть потребность высказаться. Сперва я не довѣрялъ своимъ чувствамъ. Я былъ увѣренъ, что ошибся, но это случилось еще разъ. Тогда я испугался... нѣтъ, не испугался, а былъ потрясенъ до глубины души. Я рѣшилъ бросить все это, никогда больше не пробовать. Долго я не ходилъ въ миссію и занимался своей работой, стараясь не думать объ этомъ. Но искушеніе было слишкомъ велико. И вотъ, однажды ночью, я снова очутился подъ темной тѣнью грушевыхъ деревьевъ, снова звалъ Анжель, вызывалъ ее изъ мрака ночи. На этотъ разъ *отвѣтъ* получился быстро, неожиданно. Я не могу объяснить вамъ, что это было и какъ это дошло до меня, потому что не было никакого звука; я не видѣлъ ничего, кромѣ темной ночи. Луны не было. Но гдѣ-то тамъ, далеко, надъ маленькой долиной мракъ былъ нарушенъ. Мое *я*, которое унеслось вслѣдъ за моей мыслью,—унеслось изъ сада миссіи,—и звало ее, искало ее, нашло что-то, я не знаю что... мѣсто покоя... товарища. Послѣ того я три раза былъ въ саду миссіи... Вчера въ третій разъ.

Онъ замолчалъ, его глаза блестѣли отъ возбужденія. Презлей наклонился къ нему, замеръ отъ напряженнаго вниманія.

— Ну и что же... въ прошлую ночь?

Веннеми перемѣнилъ положеніе, опустилъ глаза и барабанилъ пальцами по столу.

— Въ прошлую ночь... былъ... была перемѣна. Отвѣтъ былъ, онъ глубоко вздохнулъ,—ближе.

— Вы увѣрены?

Веннеми улыбнулся съ полнѣйшей увѣренностью.

— Отвѣтъ я получилъ не скорѣе, не легче. Нѣтъ, я не могъ ошибиться. То, что нарушаетъ мракъ, то, что входитъ въ пустоту ночи, приближается ко мнѣ... становится физически ближе, дѣйствительно ближе.

Его голосъ упалъ, его лицо молодого пророка-ясновидца приняло вдохновенное выраженіе. Онъ неопредѣленно смотрѣлъ впередъ, ничего не видя.

— Предположите,—говорилъ онъ, почти шепотомъ,—что я стою тамъ, подъ грушевыми деревьями, и зову ее снова и снова и что всякій разъ отвѣтъ будетъ ближе и ближе, и что я дождусь, наконецъ, такой ночи, той величайшей изъ ночей... она...

Вдругъ напряженіе стихло. Съ рѣзкимъ крикомъ Веннеми пришелъ въ себя.

— О!—воскликнулъ онъ.—Что это такое? Что все это значитъ? Иногда это пугаетъ меня, а иногда наполняетъ душу радостью, счастьемъ, котораго я не испытывалъ послѣ ея смерти. Какъ все это смутно! Какъ мнѣ объяснить вамъ, объяснить то, что совершается, когда я призываю ее—эту далекую, слабую, невидимую дрожь во мракѣ, это недосягаемое, едва ощущаемое передвиженіе. Слушайте, это нѣчто похожее вотъ на что: всю прошлую недѣлю мы сѣяли пшеницу на Квинъ-Себѣ. Теперь сѣмена лежатъ подъ землею въ потьмахъ, въ темномъ покоѣ подъ комьями земли. Можете вы представить себѣ самое первое сотрясеніе жизни, которое пшеничное зерно должно почувствовать послѣ, когда оно отвѣчаетъ первому призыву солнца, тамъ, во мракѣ земли, слѣпое, глухое... Первый толчокъ въ инертной массѣ, задолго-задолго передъ тѣмъ наступленіемъ физическаго измѣненія—задолго передъ тѣмъ, когда микроскопъ можетъ обнаружить что бы то ни было, когда зерно впервые тронется слабымъ предувѣдомленіемъ жизни? Такъ вотъ нѣчто настолько же призрачное.

Онъ остановился и задумался, а потомъ пробормоталъ почти шепотомъ:

— То, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ... а она, Анжель... умерла.

— Вы не могли ошибиться?—спросилъ Презлей.—Вы увѣрены, что что-нибудь было? Воображеніе можетъ дать многое, а вліяніе окружавшей васъ обстановки было очень сильно. Это было бы такъ невозможно, если бы что-нибудь случилось... И сами вы говорите, что ничего не видѣли и ничего не слышали.

— Я вѣрю въ существованіе шестого чувства или скорѣе въ цѣлую систему чувствъ, которыя находятся за предѣлами нашего разумѣнія. Люди, живущіе много въ одиночествѣ и близко къ природѣ, испытываютъ это на себѣ. Это, можетъ быть, что-нибудь основное, что есть и у растеній, и у животныхъ. Это то, что заставляетъ птицъ улетать на югъ задолго до наступленія холодовъ, то, что заставляетъ пшеничное зерно тянуться къ солнцу. И это чувство не обманываетъ никогда. Вы можете невѣрно видѣть, невѣрно слышать, но когда вы обладаете этимъ шестымъ чувствомъ, оно дѣйствуетъ безошибочно, тогда вы имѣете увѣренность. Нѣтъ, я ничего не слышу въ саду миссіи. Я ничего не вижу, ничто не дотрогивается до меня, но я все же *увѣренъ*.

— Вы пойдете опять въ садъ миссіи? Еще разъ попробуете?— спросилъ Презлей послѣ нѣкотораго колебанія.

— Не знаю.

— Странно!—удивленно сказалъ Презлей.

— Странно!—повторилъ Веннеми.

Наступило молчаніе. Ни тотъ, ни другой не говорилъ и не двигался. Здѣсь, въ этомъ умирающемъ старомъ городѣ, погруженномъ въ послѣобѣденный сонъ, опаленномъ жаромъ, пустынномъ, неизвѣстномъ, эти два странные человѣка—одинъ поэтъ по натурѣ, другой—поэтъ по ремеслу,—оба въ разладѣ съ своимъ міромъ, мечтатели, углубляющіеся въ самихъ себя, души больныя, затерянныя, необычныя въ этомъ концѣ вѣка, искавшіе знаменія, ощупью разбиравшіеся среди мучительно безпокойнаго мрака иллюзій,—эти два человѣка сидѣли передъ пустыми стаканами, молчали во всеобъемлющемъ молчаніи кругомъ, не слыша ничего, кромѣ воркованья голубей и жужжанья пчелъ; и тишина была такая, что, наконецъ, они начали различать отдаленное пыхтѣнье локомотива, передвигавшаго вагоны въ депо Бонневилля.

Вѣроятно, этотъ непріятный звукъ вывелъ Презлея изъ летаргическаго состоянія. Друзья встали; подошелъ заспанный Солотари, они заплатили за завтракъ, вышли на зной и пыль городскихъ улицъ и направились къ сѣверной дорогѣ, пересѣкавшей хмѣльники Дайка. Они направлялись къ холмамъ на сѣверо-восточномъ углу Квинъ-Себа. Эту же прогулку дѣлалъ Презлей въ тотъ день, когда онъ встрѣтилъ Веннеми со стадомъ овецъ. Этотъ большой обходъ былъ любимой прогулкой Презлея, и ему хотѣлось раздѣлить это удовольствіе съ Веннеми.

Выйдя изъ города, они скоро очутились на землѣ, купленной Дайкомъ для своихъ знаменитыхъ хмѣльниковъ. Домъ Дайка, красивый бѣлый коттеджъ съ зелеными ставнями, стоялъ невдалекѣ, а около него строились два зданія для просушки и обработки хмѣля. Всюду видны были слѣды усиленной дѣятельности бывшаго механика. Земля была приготовлена для посѣва хмѣля и безконечное количество жердей, связанныхъ лабиринтомъ проволоки и веревокъ, было уже разставлено. Черезъ нѣсколько шаговъ они встрѣтили самого Дайка, который везъ на телѣгѣ еще новыя жерди. Онъ былъ въ одномъ жилетѣ, рукава рубашки были засучены, обнажая его массивныя волосастыя руки, блестѣвшія отъ пота и красныя отъ жары.

Своимъ гулкимъ голосомъ онъ кричалъ что-то рабочему и мальчику, которые связывали жерди. Завидя Презлея и Веннеми, онъ весело окликнулъ ихъ, называя «ребятами», и настаивалъ, чтобы они

влѣзли въ телѣгу и поѣхали къ нему выпить стаканъ пива. Мать его только вчера вернулась изъ Маризвилля, гдѣ она искала школу для маленькой дѣвочки. Она будетъ очень рада видѣть ихъ обоихъ; къ тому же Веннеми долженъ посмотрѣть, какъ маленькая крошка выросла послѣ того, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ; не узнаетъ онъ ея,—такъ она измѣнилась; а пиво съ утра стоитъ на льду. Презлей и Веннеми не могли отказать.

Они влѣзли въ телѣгу и проѣхали по неровной почвѣ, среди обнаженнаго лѣса хмѣльныхъ жердей, къ дому. М-съ Дайкъ, старая дама съ пріятнымъ лицомъ, которая носила чепецъ и старомоднѣйшія платья съ широкими юбками, стирала пыль съ этажерки въ углу гостиной. Молодые люди были представлены, и пиво было принесено со льда.

— Матушка,—сказалъ Дайкъ, вытирая пѣну съ своей большой бѣлокурой бороды, — гдѣ Сидней? Я хочу, чтобы м-ръ Веннеми посмотрѣлъ, какъ она выросла. Самая милая дѣвочка во всемъ графствѣ Туларе, ребята! цѣликомъ говоритъ «Снѣгомъ засыпанный» отъ начала до конца, и не запнется, и ни разу въ книгу не заглянетъ. Вы не вѣрите? Матушка, правду я говорю? Ни разу не остановится, а?

М-съ Дайкъ кивнула, но объяснила, что Сидней въ Гвадалаярѣ. Она нашла димъ, надѣвая новыя туфли, и съ этихъ поръ всѣмъ уши прожужжала, пока ей не дали возможность истратить его.

— Она лакрицы хотѣла купить?—очень серьезно освѣдомился Дайкъ.

— Да,—сказала м-съ Дайкъ.—Я спросила ее передъ уходомъ, что̀ она купитъ, и она сказала—лакрицы.

Несмотря на возраженіе матери, говорившей, что это глупо, что Презлей и Веннеми не могутъ интересоваться «малышами», Дайкъ заставилъ показать гостямъ тетрадь чистописанія Сидней. Скучно и однообразно страница за страницей были наполнены ходячей моралью, готовыми афоризмами филантроповъ и публицистовъ, тщательно выписанными. «Я также американская гражданка С. Д.», «Правда, брошенная на землю, встанетъ вновь», «Дайте мнѣ свободу или дайте мнѣ смерть», но въ концѣ тетради среди старыхъ изношенныхъ фразъ попались двѣ странныя прописи: «Мой девизъ—общественный контроль надъ общественными привилегіями» и «Т. О. и Ю. З.—вотъ враги штата».

— Понимаю,—сказалъ Презлей,—раненько вы хотите объяснить дѣвочкѣ положеніе дѣлъ.

— Я говорила ему, что глупо заставлять ребенка переписывать такія вещи,—вмѣшалась м-съ Дайкъ, съ добродушнымъ упрекомъ.—Что она можетъ понимать въ общественныхъ привилегіяхъ?

— Ничего,—сказалъ Дайкъ,—она вспомнитъ объ этомъ, когда подрастетъ и когда тамъ семинарскіе люди ее немного поотешутъ. Она тогда начнетъ спрашивать, начнетъ и понимать. Не безпокойтесь, отлично пойметъ, кто ея злѣйшіе враги. Вы что думаете объ этомъ, ребята? Послушайте-ка вотъ что̀: много ли я разсказывалъ ей про желѣзную дорогу и про то, какъ меня выперли оттуда? А вотъ намедни я работалъ около изгороди у полотна, и Сидъ была тамъ же. Она принесла съ собою своихъ куколъ и играла «въ домъ», у связки жердей. Проходитъ поѣздъ... какъ бы вы думали, что сдѣлалъ маленькій козленокъ?... Она не знала, что я на нее смотрю... Подходитъ она къ изгороди, да какъ плюнетъ на поѣздъ, а потомъ высунула головку наружу да и давай шикать,—увѣряю васъ,—начала шикать на поѣздъ. Моя мать говоритъ, что она всегда шикаетъ, когда видитъ поѣздъ и никогда не проходитъ черезъ полотно, не плюнувъ на рельсы. Что вы объ *этомъ* думаете?

— Я ее всегда останавливаю,—сказала м-съ Дайкъ серьезно.—Не знаю, гдѣ она научилась шикать. Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не смѣшно. Это ужасно видѣть, что маленькая дѣвочка, добрая и тихая, можетъ имѣть такое злое чувство. Она говоритъ, что всѣ дѣти, и мальчики и дѣвочки, въ ея школѣ дѣлаютъ то же самое... О Господи,—вздохнула она,—зачѣмъ это главное правленіе поступаетъ такъ дурно и такъ несправедливо? Да если бы у меня были всѣ деньги съ цѣлаго свѣта, я не была бы счастлива, зная, что даже маленькія дѣти ненавидятъ меня! И не одинъ ребенокъ, а всѣ, какъ говоритъ Сидъ. Нѣтъ, вотъ что я вамъ скажу, м-ръ Презлей: злые они, безсердечные люди, которымъ принадлежитъ желѣзная дорога! Имъ все равно—страдаетъ или не страдаетъ бѣдный народъ, лишь бы они получали свои восемнадцать милліоновъ въ годъ. Любитъ ихъ народъ или ненавидитъ—имъ все равно, только бы ихъ боялись. Это нехорошо, и рано или поздно Богъ ихъ накажетъ.

Вскорѣ молодые люди собрались уходить, но Дайкъ предложилъ довезти ихъ въ телѣгѣ до воротъ въ изгороди Анникстеровскаго ранчо. По дорогѣ Презлей завелъ съ Дайкомъ разговоръ о томъ, что̀ говорила м-съ Дайкъ.

— Да, такъ это и есть, м-ръ Презлей,—сказалъ Дайкъ.—Лично я не имѣю права на нихъ нападать. Ну, а вы, пшеничники, другое дѣло... Хмѣль, видите ли, въ штатѣ ни во что не считается. Дѣло это маленькое, и желѣзная дорога не даетъ себѣ труда, чтобы обложить его строго, она прижимаетъ земледѣльца. Тарифъ на хмѣль *справедливъ*. Это я долженъ признать. Недавно былъ въ Бонневиллѣ, узналъ—два цента съ фунта; ей-Богу, это благоразумно, и всякій это

признаетъ. Нѣтъ, я доволенъ,—заключилъ онъ,—и теперь буду наживать деньги. Пожалуй, хорошо это вышло, что желѣзная дорога прогнала меня. Я какъ разъ попалъ. Было у меня отложено немного денегъ, а тутъ представился случай начать хмѣльное дѣло при увѣренности, что цѣна на хмѣль въ четыре, въ пять разъ увеличится въ теченіе года. Нѣтъ, это мое счастіе, и хоть желѣзнодорожники этого не хотѣли, а они оказали мнѣ услугу, давши мнѣ отставку... теперь моя дѣвочка поступитъ въ семинарію.

Черезъ четверть часа Презлей и Веннеми, простившись съ отставнымъ механикомъ, быстро пошли вдоль дороги, пролегавшей въ сѣверной части Квинъ-Себа, и скоро подошли къ усадьбѣ Анникстера. Сразу они замѣтили всюду необычную суматоху. Они остановились и нѣсколько минутъ смотрѣли.

Колоссальная житница была окончена. Ея свѣже выкрашенныя стѣны блестѣли на солнцѣ нестерпимо, но внутри еще ничего не было окрашено, и изъ настежь открытыхъ раздвижныхъ дверей несся прекрасный запахъ новаго, свѣжаго дерева. Толпа людей, — рабочихъ Анникстера,—кишѣла вокругъ нея. Нѣкоторые изъ нихъ торчали на высокихъ лѣстницахъ, развѣшивая разноцвѣтные фонари фестонами отъ дерева къ дереву и вдоль всего фасада зданія. Внутри житницы м-ръ Три, ея дочь Хильма и другія женщины кроили длинныя полосы красной, синей и бѣлой матеріи и дѣлали указанія, какъ этими полосами надо было украшать зданіе отъ потолка до стѣнъ. Стукъ молотковъ не прерывался. Подъѣхала телѣга, нагруженная зелеными растеніями и пучками пальмовыхъ листьевъ, она была немедленно разгружена, и растеніями были также украшены внутреннія стѣны житницы. Два самыя большія дерева были поставлены съ двухъ сторонъ входныхъ дверей и верхушки ихъ связаны, образуя такимъ образомъ арку. Посреди этой арки предполагали повѣсить огромный картонный щитъ, на которомъ золотыми буквами написано: «Добро пожаловать». Груды стульевъ, привезенныхъ изъ Бонневилля, лежали на землѣ, повидимому, въ безнадежномъ безпорядкѣ. Въ глубинѣ житницы плотники стучали, прилаживая импровизированную эстраду для музыкантовъ.

Настроеніе было веселое, всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа. Взрывы смѣха постоянно прерывали разговоръ. Мужчины то и дѣло отпускали смѣлыя и грубыя шутки; заслонивъ ротъ рукою, они обмѣнивались двусмысленными остротами,—едва замаскированными намеками, касавшимися женщинъ,—и покатывались со смѣху, притоптывая ногами. Молодыя женщины и дѣвушки толкали подходившихъ къ нимъ парней, сильными пинками локтей. Отъ одной груп

пы къ другой переходила вѣсть, что Адела Вакка, жена одного изъ управляющихъ, потеряла подвязку; дочь приказчика усадебнаго участка ранхо кто-то поцѣловалъ за дверью молочной.

Изрѣдка показывался Анникстеръ, въ отвратительномъ расположеніи духа, безъ шляпы, съ безобразно растрепанными жесткими желтыми волосами. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ изъ житницы въ домъ, перенося то оплетенную бутыль, то ящикъ вина, то корзину съ лимонами и ананасами. Кромѣ общаго надзора за порядкомъ, онъ взялъ на себя обязанность приготовить пуншъ—крѣпчайшій, чортъ возьми, такой пуншъ, чтобъ съ ногъ сшибалъ, настоящій, такой, чтобъ волосы дыбомъ стали.

Одно изъ отдѣленій житницы, отдѣльную комнату, онъ предназначилъ для себя и своихъ близкихъ друзей. Туда онъ принесъ изъ дома длинный столъ и на него поставилъ ящики съ сигарами, бутылки виски и пива и большія фарфоровыя миски для пунша. Не его будетъ вина, объявилъ онъ, если половина его гостей, мужчинъ, не начнетъ безчинствовать передъ уходомъ. Объ его балѣ будутъ много лѣтъ говорить въ графствѣ Туларе. Онъ рѣшилъ, что въ этотъ день не будетъ думать ни о какихъ дѣловыхъ вопросахъ. Къ тому же дѣла шли хорошо. Остерманъ пріѣхалъ изъ Лосъ-Анжелоса съ извѣстіемъ о благополучномъ завершеніи дѣла съ Дизбрау и Дарелемъ. Комитетъ снова собирался, и Херранъ Деррикъ присутствовалъ на собраніи. Хотя онъ не принималъ участія въ преніяхъ, Анникстеръ былъ доволенъ: хозяинъ позволилъ Херрану «войти», если онъ желаетъ. Херранъ обязался уплатить одну шестую расходовъ на веденіе кампаніи.

Анникстеръ вышелъ изъ дверей житницы и направился въ кухню ругать повара китайца, рѣзавшаго тамъ лимоны, и вдругъ увидалъ Презлея и Веннеми.

— Эй, Пресъ!—закричалъ онъ.—Идите сюда, посмотрите, какой она имѣетъ видъ,—онъ указалъ на житницу головой.—Мы вотъ все приготовляемъ къ вечеру. Только какъ мы поспѣемъ къ восьми часамъ... этого я не знаю... Вообразите, что у это типуна Керехера нехватило лимоновъ,—это въ послѣднюю минуту, когда я мѣсяцъ тому назадъ сказалъ ему, что мнѣ надобно будетъ три ящика, и какъ разъ теперь, когда нужна хорошая верховая лошадь, чтобъ послать въ городъ, кто-то крадетъ у меня сѣраго. *Украли,* ей-Богу. Я отдамъ вора подъ судъ, попадись онъ мнѣ только... и съ сѣрымъ стащили сѣдло въ шестьдесятъ долларовъ; и только половину фонарей прислали изъ того, что я заказалъ, да и на нихъ нехватитъ свѣчей. Этого, право, собака не стерпитъ. Ничего не сдѣлаютъ, если самъ не

сдѣлаешь, или надо съ палкой стоять надъ этими лѣнтяями. Опротивѣло мнѣ все это... да еще шляпу свою потерялъ гдѣ-то. Вотъ ужъ ей-Богу жизни не радъ, что затѣялъ этотъ поганый, дурацкій балъ. Наводнишь все цѣлой кучей бабъ... Я увѣренъ, что съ ума сошелъ, когда задумалъ *такую* исторію.

Потомъ, совершенно забывъ, что онъ самъ подозвалъ обоихъ молодыхъ людей, онъ прибавилъ:

— Ну, мнѣ некогда. Извините, не могу съ вами разговаривать.

Онъ докричалъ послѣднія ругательства китайцу и вернулся въ житницу. Презлей и Веннеми пошли дальше, и Анникстеръ, проходя по житницѣ, натолкнулся на Хильму Три, которая несла ящикъ со свѣчами.

Анникстеръ извинился и вошелъ въ отдѣльную комнату, затворилъ за собою дверь и, позабывъ свои заботы, закурилъ сигару, сѣлъ на одно изъ креселъ, положилъ ноги на столъ и сидѣлъ задумчиво, вглядываясь въ голубыя струйки дыма.

Въ концѣ-концовъ Анникстеръ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что не можетъ избавиться отъ мысли о Хильмѣ. Наконецъ, она «зацапала его». Случилось то, чего онъ боялся больше всего. Баба, дѣвчонка, зацапала его, и теперь ему больше нѣтъ покоя. Мысль о ней постоянно съ нимъ. Съ этой мыслью онъ ложится, съ нею встаетъ, и цѣлый день онъ занятъ ею. Она мѣшаетъ его работѣ, перемѣшивается съ его дѣлами. Ужасное сознаніе для мужчины, нечего сказать, хорошій способъ тратить свое время. Неужели это правда, что на-дняхъ онъ стоялъ передъ окномъ одного магазина въ Бонневиллѣ и серьезно думалъ о томъ, не купить ли ему ящикъ съ музыкой для Хильмы? Даже теперь онъ покраснѣлъ отъ стыда при этомъ воспоминаніи... И это послѣ того какъ она прямо сказала ему, что онъ ей не нравится. Онъ бѣгалъ за ней... онъ, Анникстеръ! Онъ проворчалъ ужасное ругательство и толкнулъ столъ каблукомъ. Снова и снова онъ рѣшалъ выбросить все это изъ головы, и могъ это сдѣлать когда-то, но теперь, съ каждымъ днемъ это становилось труднѣе и труднѣе. Теперь ему стоило только закрыть глаза, и она стояла передъ нимъ, какъ живая.

Анникстеръ былъ совершенно растерянъ. За исключеніемъ маленькой застѣнчивой перчаточницы въ Сакраменто, онъ не былъ знакомъ ни съ одной женщиной. Его міръ былъ грубъ и суровъ, міръ однихъ мужчинъ,—мужчинъ, съ которыми надо было бороться. Женщинъ онъ боялся инстинктивной боязнью школьника-подростка. Теперь въ его жизни молодая женщина заняла мѣсто. Онъ разбитъ, побѣжденъ, и это невыносимо огорчало его, мучило, злило, раздражало,

приводило въ изступленіе. Онъ недовѣрялъ этой женщинѣ и желалъ ее, совершенно не умѣя подойти къ ней; онъ ненавидѣлъ весь женскій полъ, но эта отдѣльная женщина привлекала его, и онъ, смѣшивая эти два ощущенія, иногда ненавидѣлъ Хильму, но всегда былъ разстроенъ, огорченъ и раздраженъ выше мѣры.

Анникстеръ бросилъ сигару и опять погрузился въ работу. День склонялся къ вечеру, къ окончанію утомительныхъ заботъ. Какимъ-то необъяснимымъ образомъ большая житница была готова для бала. Послѣдній лоскутъ коленкора былъ повѣшенъ на стропила, послѣднее деревцо прибито къ стѣнѣ, послѣдній фонарь повѣшенъ и послѣдній гвоздь вбитъ въ эстраду музыкантовъ. Солнце садилось. Надобно было скорѣе поужинать и одѣться. Всѣ рабочіе уже вышли изъ житницы, и Анникстеръ еще оставался тамъ въ полумракѣ сумерокъ. Подъ мышкой онъ держалъ пилу, въ одной рукѣ мѣшокъ съ инструментами; онъ былъ въ штанахъ и рубашкѣ, пиджакъ висѣлъ у него на плечѣ, изъ кармана торчалъ молотокъ. Расположеніе духа было ужасное. Работа этого дня истомила его. Шляпы своей такъ онъ и не нашелъ.

— И сѣрый пропалъ съ сѣдломъ въ шестьдесятъ долларовъ,— ворчалъ онъ.—Что мило, то мило!

Въ домѣ м-съ Три приготовила ему холодный ужинъ съ неизмѣннымъ черносливомъ въ видѣ пирожнаго. Послѣ ужина Анникстеръ вымылся и одѣлся. Въ послѣднюю минуту онъ рѣшилъ надѣть свой обычный городской сюртукъ, сшитый ему Бонневилльскимъ портнымъ. Но шляпа пропала. У него были и другія шляпы, которыя можно было надѣть, но такъ какъ пропала именно эта шляпа, онъ злился все время, пока одѣвался, желая надѣть именно ее, потомъ рѣшилъ поискать еще разъ въ житницѣ.

Съ четверть часа онъ провозился въ житницѣ, переходя изъ отдѣленія въ отдѣленіе, и не нашелъ ничего. Наконецъ, онъ снова вышелъ въ главную часть зданія, отказавшись отъ поисковъ, и смотрѣлъ, все ли въ порядкѣ.

Разноцвѣтные фонари еще не были зажжены, но нѣсколько лампъ съ большими рефлекторами, прибитыя къ стѣнамъ, горѣли. Грустный полусвѣтъ наполнялъ огромное строеніе, пустое и гулкое, оставляя непроницаемый мракъ въ углахъ и подъ крышей. Житница обращалась къ западу, и въ раскрытыя двери врывалась полоса свѣта отъ догорающаго заката, неумѣстная, не гармонировавшая съ тусклымъ свѣтомъ керосиновыхъ лампъ.

Вдругъ Анникстеръ увидѣлъ, что какая-то фигура быстро вышла изъ мрака одного изъ угловъ на полосу свѣта и снова скрылась. По-

слышался звукъ быстрыхъ шаговъ. Подъ вліяніемъ о пропавшемъ сѣромъ Анникстеръ рѣзко крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отвѣта не было. Въ одно мгновеніе Анникстеръ схватилъ револьверъ.

— Кто тамъ? Отвѣчайте, а то я буду стрѣлять.

— Нѣтъ, нѣтъ не стрѣляйте,— послышался голосъ,— это я, Хильма Три.

Анникстеръ сунулъ револьверъ назадъ въ карманъ въ приступѣ ужаснаго страха. Онъ пошелъ навстрѣчу Хильмѣ.

— О, Господи!—бормоталъ онъ.—Вотъ испугался. Что если бы я выстрѣлилъ...

Хильма стояла передъ нимъ, сконфуженная и смущенная. На ней было необыкновенно простое бѣлое кисейное платье, безъ всякихъ украшеній. Строгій покрой платья дѣлалъ ее еще выше, хотя и безъ того, когда она стояла рядомъ съ Анникстеромъ, ея глаза были на одномъ уровнѣ съ его глазами. Противорѣчіе между фигурой и характеромъ Хильмы имѣло большую привлекательность: дѣвушка высокая, какъ мужчина, и вмѣстѣ съ тѣмъ полуребенокъ.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ неловкаго молчанія Хильма сказала:

— Я... я вернулась за своей шляпкой. Мнѣ казалось, что я здѣсь ее забыла днемъ.

— А я искалъ *свою* шляпу,—воскликнулъ Анникстеръ.—Вотъ смѣшно, а?

Они оба засмѣялись по-дѣтски. Неловкость исчезла, и Анникстеръ съ внезапной откровенностью спросилъ, смотря на Хильму въ упоръ:

— Ну, миссъ Хильма, попрежнему ненавидите меня?

— О, нѣтъ, сэръ,—отвѣчала она,—я никогда не говорила, что ненавижу васъ.

— Ну... такъ не любите меня. Это вы сказали.

— Я... я не люблю то, что вы сдѣлали... хотѣли сдѣлать. Это меня разсердило и обидѣло. Я не должна была говорить того, что сказала тогда, но это ваша вина.

— Вы хотите сказать, что не должны были говорить, что не любите меня? Почему?

— Потому... потому, что я никого не не люблю.

— Значитъ и меня вы не не любите?

— Я никого не не люблю.

— Ну, а я васъ просилъ о бо̀льшемъ, не правда ли? Помните, въ тотъ день? И теперь прошу о томъ же. Я хочу, чтобъ вы... Я хочу, чтобъ вы меня любили.

Хильма подняла на него вопросительно глаза. Въ ея голосѣ звучала несомнѣнная искренность. Она спросила наивно:

— Зачѣмъ?

Анникстеръ былъ пораженъ. Передъ лицомъ такой простоты, такой полной чистоты онъ не находилъ словъ.

— Ну... затѣмъ, — путался онъ, — какъ вамъ сказать... не знаю. То-есть, я не могу объяснить—зачѣмъ.

Вдругъ ему пришла въ голову колоссальная ложь и ему показалось, что это удивительная мысль.

— Я люблю имѣть вокругъ себя людей, которые меня любятъ,— объявилъ онъ.—Я... я люблю популярность, понимаете? Да, это такъ,—продолжалъ онъ увѣреннѣе.—Мнѣ непріятно знать, что кто-нибудь не любитъ меня. Такой я, такая ужъ у меня натура.

— О, тогда вамъ нечего безпокоиться, я васъ не не люблю.

— Ну, вотъ это хорошо,—объявилъ Анникстеръ разсудительно.—Это хорошо. Только постойте—я забылъ. Этого мало. Я хочу, чтобъ вы меня любили. Что вы скажете на этотъ счетъ?

Хильма помолчала. Она неопредѣленно смотрѣла черезъ открытую дверь на освѣщенное окно молочной, опустила голову.

— Я, кажется, никогда объ этомъ не думала,—сказала она.

— Ну, подумайте теперь.

— Я никогда не думала о томъ, люблю ли я кого-нибудь особенно,—замѣтила она.—Это потому, что я всѣхъ люблю, вы понимаете?

— Но вѣдь нѣкоторыхъ людей надо любить больше, чѣмъ другихъ,—началъ Анникстеръ.—Ну, такъ вотъ я хочу быть въ числѣ этихъ «нѣкоторыхъ людей», поняли?... О, Господи! не знаю я, какъ надо говорить эти глупости!... Я говорю какъ неучъ, когда мнѣ приходится разговаривать съ дѣвушками, не могу повернуть языка, не сказавъ чего-нибудь неподходящаго. Это у меня въ характерѣ. И вотъ еще что: я солгалъ, когда говорилъ, будто хочу, чтобы люди меня любили... хочу быть популярнымъ. Чушь! Плевать мнѣ на то, что люди о мнѣ думаютъ. Но есть люди, которыми я дорожу больше, чѣмъ другими,—вотъ хоть другъ Презлей, напримѣръ,—и вотъ я хочу, чтобы эти люди меня любили. Что они думаютъ, это считается. Пфа! Я знаю, что у меня есть враги, пропасть враговъ. Я бы могъ сейчасъ пересчитать съ полдюжины, которые съ удовольствіемъ бы подстрѣлили меня. А на ранхо? Развѣ я не слышу, какъ рабочіе бормочутъ ругательства, когда я ухожу. И въ дѣловыхъ отношеніяхъ то же самое, — продолжалъ онъ, наполовину говоря все это самому себѣ. — Въ Бонневиллѣ, да и во всемъ графствѣ нѣтъ человѣка, ко-

торый не заоралъ бы отъ радости, если бы ему удалось принизить хвата Анникстера. Думаете, меня это огорчаетъ? Я доволенъ. Я веду свое ранхо какъ хочу и дѣлаю свое дѣло по-своему. Я—«ежовая рукавица», это я знаю.—Его глаза начали блестѣть.—Пусть они скрежещутъ зубами. Меня они не принизятъ. Когда я сожму кулакъ, ни одному изъ нихъ его не разжать. Долотомъ не разжать... Ну, такъ вотъ, миссъ Хильма, понятно, что когда такъ человѣка всѣ ненавидятъ, ему хочется удержать немногихъ друзей, которыхъ онъ имѣетъ? Для людей, которые меня лучше знаютъ, не такая ужъ я окончательная свинья,—ну, хоть для этого болтуна Презлея. Я свою руку въ огонь положу, чтобъ ему услугу оказать. Иногда на меня находитъ одиночество... Не знаю, поймете ли вы? Это моя вина, но нѣтъ лошади, которая не закинула бы уши, когда я на нее сяду, нѣтъ собаки, которая не поджала бы хвостъ, когда я къ ней подхожу. Здѣсь на Квинъ-Себѣ, не народилась еще такая лошадь, которая сможетъ сбросить меня, никакой песъ, который осмѣлился бы оскалить на меня зубы. Я каждый разъ даю пинки тому ирландскому сеттеру, когда прохожу мимо... но не знаю, что̀ бы я сдѣлалъ, если бы онъ такъ не принижался, если бы онъ радостно не помахивалъ хвостомъ, увидя меня? Это все вотъ къ чему: я бы хотѣлъ, чтобы вы... ну да, чтобы вы вродѣ того, какъ поняли, что я вамъ хорошій другъ и чтобы вы меня любили за это.

Въ одной изъ лампъ на стѣнѣ пламя поднялось высоко, и она начала чадить. Хильма пошла къ этой лампѣ, стала на цыпочки и спустила фитиль.

— Вы поняли?—настаивалъ онъ.

— Ну, да... да,—отвѣчала она, возвращаясь.—Это очень мило съ вашей стороны, что вы хотите быть моимъ другомъ. Я этого не думала, когда вы хотѣли поцѣловать меня. Но это вѣрно ничего, такъ какъ вы теперь все объяснили. Видите ли что: я совсѣмъ на васъ не похожа. Я люблю, чтобы всѣ меня любили, и сама люблю любить всѣхъ. Тогда человѣкъ гораздо счастливѣе. Вы этому не повѣрите, но попробуйте только, чтобы посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ. Это такъ хорошо быть хорошимъ съ людьми и знать, что всѣ люди хороши съ вами. Со мною всѣ были всегда хороши. Отецъ и мать—это конечно, и Билли, конюхъ, и Монтанегръ, португалецъ приказчикъ, и поваръ китаецъ даже, и м-ръ Деланей—только онъ ушелъ теперь—и м-съ Вакка и ея...

— Деланей, а? — вдругъ спросилъ Анникстеръ. — Вы съ нимъ были очень дружны?

— О, да!—отвѣчала она.—Онъ былъ со мною очень добръ. Лѣ-

томъ онъ каждый день ѣздилъ на Сѣмянное ранхо и привозилъ мнѣ цѣлую охапку цвѣтовъ, прелесть какихъ, а я ему въ шутку платила долларами изъ сыра, я ихъ вырѣзывала изъ сыра бисквитнымъ ножомъ. Это было превесело. Мы были очень дружны.

— Еще одна лампа коптитъ, — проворчалъ Анникстеръ. — Поправьте ее, пожалуйста, и велите кому-нибудь подмести полъ. Онъ весь въ еловыхъ иглахъ. У меня пропасть еще дѣла. Прощайте.

— Прощайте, сэръ.

Анникстеръ вернулся въ домъ. Онъ стиснулъ зубы, разсердился, лицо его пылало.

— А! Деланей, а? Прямо въ лицо упрекаетъ меня, что я прогналъ его. Очень были дружны, а? Ей-Богу, эту дѣвочку я буду имѣть. Я ему покажу, этому... Развѣ я не ея хозяинъ? Я ей покажу... и Деланею тоже... Это будетъ не трудно... а потомъ пусть и получаетъ Деланей... если ему угодно... послѣ меня.

Злобный свѣтъ, исходившій изъ его угрожающихъ глазъ, разлился по всему его лицу. Инстинкты обладанія, безразсудные, коварные, двусмысленные, выступили наружу. Вся его низшая природа мужчины, не знающаго женщинъ, терзая его одновременно ненавистью и желаніемъ, поднялась въ немъ, какъ отвратительное и злобное животное.

Въ половинѣ восьмого къ новой житницѣ подъѣхала первая линейка и привезла торговца москательной лавки въ Бонневиллѣ и женскій персоналъ его семейства. Вслѣдъ за нимъ показался экипажъ, нагруженный многочисленнымъ испано-мексиканскимъ семействомъ, пышно украшеннымъ въ красное и желтое. Керехеръ, содержатель питейнаго дома, въ шляпѣ «дерби», въ сюртукѣ «принцъ Альбертъ», въ желтыхъ ботинкахъ съ узкими носками и неизмѣннымъ краснымъ галстукомъ, подъѣхалъ вслѣдъ за ними въ своемъ кабріолетѣ съ ящикомъ недоставленныхъ лимоновъ подъ козлами. Можно было думать, что гости будутъ непрерывно подъѣзжать безконечной вереницей, но въ теченіе получаса никто не пріѣзжалъ. Анникстеръ и Керехеръ удалились въ отдѣльную комнату и погрузились въ пререканіе о томъ, какъ приготовить знаменитый пуншъ. Время отъ времени голоса ихъ возвышались и слышны были шумные доводы.

— Двѣ кварты съ половиной и чашка шартрёза.

— Чушь, чушь! Я лучше васъ знаю. Прямо шампанское и чуточку водки.

Жена и сестра дрогиста удалились въ особую комнату, гдѣ для удобства дамъ былъ поставленъ столъ съ зеркаломъ, а самъ дрогистъ остался у дверей этой комнаты, поднявъ воротникъ сюртука отъ

сквозняковъ, гулявшихъ по всему зданію; онъ былъ смущенъ и мучительно обсуждалъ вопросъ о томъ, надѣвать ему перчатки или не надѣвать. Испано-мексиканское семейство—отецъ, мать, пять дочерей и невѣстка, сидѣли неподвижно на кончикахъ стульевъ, плотно прижавъ локти къ туловищу, украдкой посматривая исподлобья на украшенья, или напряженно разглядывая молодого Вакку, сына управляющаго, одѣтаго въ клѣтчатый пиджакъ и бѣлыя вязанныя перчатки, который бѣгалъ взадъ и впередъ по житницѣ, нахмуренный, полный важности, и настругивалъ восковую свѣчку, чтобы полъ сдѣлался болѣе скользкимъ и удобнымъ для танцевъ.

Изъ Бонневилля пріѣхалъ «городской оркестръ». Анникстеръ такъ обругалъ въ послѣдній моментъ капельмейстера «клубнаго оркестра», что тотъ отказался ѣхать къ нему. Музыканты прямо отправились на эстраду и начали громко пересмѣиваться, издѣваясь надъ однимъ изъ своихъ товарищей, французомъ, котораго они называли «Скизиксъ». Ихъ шумное веселье отдавалось звонкимъ гуломъ въ стропилахъ надъ ихъ головами. Дрогистъ замѣтилъ проходившему около него молодому Ваккѣ, что они, по его мнѣнію, порядочно пьяны.

— Я занятъ, я ужасно занятъ, — отвѣчалъ Вакка, пробѣгая дальше, все еще хмурясь и строгая огарокъ.

Съ одной стороны житницы былъ рядъ стойлъ, числомъ четырнадцать; они были чисты, пахли свѣжимъ деревомъ и опилками. Бонневилльскій москательщикъ принялся систематически осматривать ихъ, останавливаясь передъ каждымъ. Потомъ онъ вернулся тѣмъ же путемъ, сталъ у дверей дамской комнаты, разсудительно покачивая головой, какъ будто довольный осмотромъ. Онъ рѣшилъ надѣть перчатки.

Совершенно стемнѣло. Наружи, между житницей и домомъ нѣсколько человѣкъ зажигали разноцвѣтные фонари. Здѣсь и тамъ, среди мрака, вдругъ выступали высоко надъ землей только одни ихъ лица, видныя подъ краснымъ свѣтомъ, странныя, уродливыя. По мѣрѣ того, какъ фонари зажигались, становилось свѣтлѣе. Трава подъ фонарями казалась ярко-зеленой. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ вошли въ житницу и начали тамъ тоже зажигать лампы и фонари. Вскорѣ вся зала горѣла точками свѣта. Молодой Вакка, который было исчезъ, появился снова съ карманами, набитыми восковыми свѣчами. Онъ началъ опять стругать, никому не отвѣчалъ на вопросы, кричалъ, что онъ занятъ.

Снаружи слышался лошадиный топотъ и голоса. Еще пріѣхали гости. Бонневилльскій торговецъ, сконфуженный и испуганный мыслью, что онъ рано надѣлъ перчатки, засунулъ руки въ карманы. Пріѣхалъ

Кöттеръ, одинъ изъ управляющихъ Магнуса, съ женою и двумя дѣвушками, кузинами. Они проѣхали пятнадцать миль по тропинкѣ отъ отдаленнаго участковаго дома «Четвертаго» верхомъ. Слышно было, какъ м-съ Кöттеръ говоритъ, что она устала до-смерти и скорѣе готова лечь въ постель, чѣмъ танцовать. Молодыя дѣвушки въ дешевыхъ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ на чехлахъ изъ голубого сатинета, дѣлали все, что могли, чтобы успокоить ее. Но она продолжала жаловаться, и можно было разобрать отрывки фразъ: «прямо въ постель», «всю спину разломило», «прежде всего никакого желанія не имѣла ѣхать». Бонневилльскій дрогистъ, увидѣвъ, что Кöттеръ вынимаетъ изъ мѣшечка м-съ Кöттеръ пару перчатокъ, вынулъ руки изъ кармановъ.

Вдругъ среди музыкантовъ поднялась драка. Опрокинули стулъ. Послышались ругательства вперемежку со взрывами зубоскальства. Скизиксъ, французъ, напалъ на своихъ пересмѣшниковъ.

— О, нѣтъ,—кричалъ онъ,—это ужъ слишкомъ въ концѣ концовъ. Скверная канарейка... мы еще посмотримъ. Пусть онъ бережетъ свою рожу, пока я не разбилъ ее хорошимъ тумакомъ.

Люди, зажигавшіе фонари, должны были вмѣшаться, чтобы успокоить его.

Пріѣхалъ Хувенъ съ женою и двумя дочерьми. Минна несла на рукахъ уже заснувшую Хильду. Минна была очень хорошенькая, съ черными волосами, блѣднымъ лицомъ, красными губами и зеленовато-голубыми глазами. Она была одѣта въ подвѣнечное платье м-съ Хувенъ, сшитое изъ дешеваго «фермерскаго атласа». Хувенъ нарядился въ старый сюртукъ Магнуса Деррика, рукава были слишкомъ длинны, а плечи до смѣшного широки. Онъ и Кöттеръ сразу принялись жарко спорить о правѣ собственности на одного имъ извѣстнаго теленка.

Житница быстро наполнялась.

Ежеминутно раздавался стукъ подъѣзжающихъ экипажей. Гости показывались въ дверяхъ въ одиночку, или парами, шли цѣлыми семьями. Фельбсъ пріѣхалъ съ матерью изъ Лосъ-Муэртоса, приказчикъ Бродерсона съ семьей, расфранченный клеркъ изъ Бонневиля, растерянный, искавшій стула, чтобы положить свою шляпу, двѣ испано-мексиканскія дѣвушки изъ Гвадалаяры въ платьяхъ, кокетливо убранныхъ черными и желтыми бантами, нѣсколько арендаторовъ Остермана, смуглыхъ португальцевъ, съ примазанными волосами, закрученными усами и раздушенныхъ дешевыми духами. Пріѣхалъ Сарріа; его гладкое лицо блестѣло отъ пота. Онъ былъ въ новой рясѣ и держалъ свою широкополую шляпу подъ мышкой. Его появленіе об-

ратило общее вниманіе. Онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, вѣжливый, привѣтливый, пожимая руки направо и налѣво. На лицѣ его сразу появилась любезная улыбка, которая такъ и не покидала его цѣлый вечеръ.

Но вотъ что произвело настоящую сенсацію: изъ группы гостей, столпившихся у входной двери, показался Остерманъ. На немъ былъ фракъ, бѣлый жилетъ и лакированные бальные башмаки—какое диво! Ропотъ удивленія пронесся по залѣ. Сосѣдъ переталкивался съ сосѣдомъ пинкомъ локтя и серьезно шепталъ что-то, приложивъ руку ко рту. Какой удивительный народъ! Посмотрите-ка фалды! Пожалуй, это просто маскарадный костюмъ; этотъ козелъ Остерманъ такой шутъ, что съ нимъ никогда не сообразишь, на что онъ способенъ.

Музыканты начали настраивать инструменты. Смѣшанные звуки понеслись по залѣ—сдержанное пиликанье скрипки, глухое гудѣніе контрабаса, сочные переливы флейты и рычаніе трубы, а по временамъ рѣзкій стукъ барабана. Веселое настроеніе начало сообщаться гостямъ. Ежеминутно толпа росла. Запахъ новаго дерева и опилокъ смѣшивался съ запахомъ духовъ и цвѣтовъ. Слышался непрерывный говоръ, баритонные голоса мужчинъ, сопранная болтовня женщинъ, раскаты смѣха и шуршанье туго накрахмаленныхъ юбокъ.

Изъ отдѣльной комнаты вышелъ, наконецъ, Анникстеръ, весь красный отъ спора. Онъ сталъ съ правой стороны двери, жалъ руки вновь прибывающимъ гостямъ, усиленно приглашая ихъ проходить впередъ, не стѣсняясь. Наиболѣе интимнымъ своимъ друзьямъ мужского пола онъ шепталъ, что въ отдѣльной комнатѣ позднѣе будетъ пуншъ и сигары и при этомъ подмигивалъ многозначительно.

Въ половинѣ девятаго показался Магнусъ Деррикъ съ семьею. Появленіе его произвело не малое впечатлѣніе. Нѣкоторые говорили: «вотъ хозяинъ!» и обращали вниманіе сосѣда на его тонкую, прямую фигуру, повелительную, внушительную, возвышающуюся надъ всѣми, кто былъ около него. Херранъ вошелъ съ нимъ. Красивый, молодой, свѣжій, съ ярко окрашенными щеками, онъ, несомнѣнно, былъ самый привлекательный изъ всѣхъ молодыхъ людей; бѣлокурый, сильный, съ изысканными манерами, что всегда влекло къ нему людей. Онъ вошелъ подъ руку съ матерью и довелъ ее до стула рядомъ съ м-съ Бродерсонъ.

Анни Деррикъ была очень интересна въ этотъ день, въ своемъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ розовымъ бархатнымъ воротникомъ и съ высокимъ черепаховымъ гребнемъ, на испанскій ладъ, въ еще прекрасныхъ волосахъ. Но выраженіе тревоги въ ея большихъ, дѣт-

скихъ глазахъ становилось съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Къ ея вопросительному, наивному взгляду постоянно примѣшивалось безпокойство, даже ужасъ. Она усѣлась въ углу залы, немного испуганная свѣтомъ лампъ, гуломъ разговоровъ, движущейся толпой людей, и рада была, что ушла съ дороги, что не привлекала больше ничьего вниманія, желая прежде всего стушеваться.

Анникстеръ, который только что поздоровался съ Дайкомъ, его матерью и маленькой дѣвочкой, вдругъ вздрогнулъ и затаилъ дыханіе. Толпа около главныхъ входныхъ дверей порѣдѣла, и среди тамъ еще стоявшихъ гостей онъ увидѣлъ стариковъ Три и ихъ дочь Хильму, которая направлялась къ пустымъ стульямъ у дамской комнаты.

Раньше, вечеромъ, въ полумракѣ житницы, онъ не могъ разсмотрѣть ее такъ ясно. Теперь же, когда она проходила передъ нимъ въ яркомъ свѣтѣ лампъ и фонарей, онъ отъ удивленія задержалъ дыханіе. Никогда она не казалась ему такой красавицей. Невозможно, что это та самая дѣвушка, которую онъ ежедневно видѣлъ въ усадьбѣ, дѣвушка въ простыхъ ситцевыхъ платьяхъ, приносившая ему обѣдъ, стелившая его постель. Онъ не спускалъ съ нея глазъ. Въ первый разъ Хильма высоко зачесала волосы, и густая, ароматная масса ихъ, темная въ тѣни, отливала золотомъ на яркомъ свѣтѣ. Ея кисейное платье было длинно, длиннѣе обыкновеннаго и обнажало шею, часть груди и рукъ. Анникстеръ едва удержался отъ восклицанія. Какія руки! Зачѣмъ она прячетъ ихъ въ обыкновенныхъ условіяхъ. Онъ заложилъ руки за спину и смотрѣлъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Хильма была окружена молодыми людьми, приглашавшими ее танцовать. Они приходили изъ всѣхъ угловъ житницы, быстро, почти грубо, покидая другихъ дѣвушекъ. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, кто будетъ царицей бала; побѣда Хильмы была несомнѣнна, моментальна. Анникстеръ различалъ ея голосъ, его обычную бархатистость, въ которомъ теперь звучала нотка откровеннаго веселья.

Оркестръ вдругъ заигралъ торжественный маршъ. Кавалеры кинулись искать дамъ. Вакку, все еще ходившаго взадъ и впередъ, оттиснули въ сторону. Нарядный клеркъ изъ Бонневилля совсѣмъ потерялъ голову. Онъ никакъ не могъ найти свою даму. Онъ метался по житницѣ, какъ безумный, выпуча глаза, и рѣшилъ составить подробный списокъ танцевъ на старомъ конвертѣ. Ряды паръ быстро составлялись, во главѣ находилась Хильма съ Херарномъ, такъ какъ Анникстеръ наотрѣзъ отказался принимать участіе въ маршахъ, кадриляхъ и танцахъ вообще. Скоро безпорядочная топотня ногъ приня-

ла ритмическую мѣрность; оркестръ гремѣлъ и пѣлъ, барабанъ стукалъ въ правильные промежутки, труба отмѣчала тактъ.

Анникстеръ глубоко вздохнулъ.

«Хорошо,—пробурчалъ онъ,—теперь дѣло пущено въ ходъ».

Остерманъ тоже почему-то отказался танцовать. Недѣлю тому назадъ онъ вернулся изъ Лосъ-Анжелоса, преисполненный важностью своей миссіи. Онъ имѣлъ успѣхъ, Дизбрау теперь «у него въ карманѣ». Ему хотѣлось, прежде всего, порисоваться передъ комитетомъ въ качествѣ ловкаго политическаго агента. Онъ забылъ свою роль въ началѣ вечера, когда привлекъ всеобщее вниманіе своимъ костюмомъ; но теперь его лицо комическаго актера, съ темно-красными щеками, торчащими ушами и огромнымъ ртомъ, было преисполнено важности. На высокомъ лбѣ лежали глубокія думы объ отвѣтственности. Онъ отвелъ Анникстера къ сторонѣ и началъ безконечныя объясненія развязно, многорѣчиво, снова подробно повторяя то, что онъ уже говорилъ въ комитетѣ въ общихъ чертахъ.

— Я устроилъ... я придумалъ... я умолчалъ... я обработалъ...

Анникстеръ не хотѣлъ его слушать.

— Чушь всѣ эти ваши планы. Тамъ вонъ пуншъ есть, отъ него у васъ на макушкѣ волосы вырастутъ тамъ, гдѣ они должны бы были расти. Пойдемте-ка, да захватимъ съ собою еще кого-нибудь изъ ребятъ.

Они пробирались вокругъ залы, минуя «торжественный маршъ» и увлекли по дорогѣ Керехера, Дайка, Хувена и стараго Бродерсона. Войдя въ отдѣльную комнату, Анникстеръ заперъ дверь на задвижку.

— Тамошнія дѣла сами о себѣ позаботятся,—замѣтилъ онъ,—а вотъ тутъ у насъ сирота соскучилась безъ добрыхъ людей.

Анникстеръ началъ черпать пуншъ, разливая его въ стаканы. Остерманъ предложилъ тостъ за Квинъ Себъ и самую большую житницу. Локти согнулись и поднялись при общемъ молчаніи. Старый Бродерсонъ поставилъ свой стаканъ, вытеръ бороду и замѣтилъ:

— Это... это въ самомъ дѣлѣ очень... очень пріятно. Я помню, какъ я пилъ пуншъ на Рождество въ 83 году, или нѣтъ, въ 84... ну все равно, этотъ пуншъ... въ Укіа это было... ну да, въ 83 году.—Онъ безцѣльно продолжалъ, не будучи въ состояніи остановиться, теряясь въ подробностяхъ, запутывая рѣчь безнадежной цѣпью пустяковъ, до которыхъ никому не было дѣла.

— Самъ я не пью,—замѣтилъ Дайкъ,—но думаю, что моей дѣвочкѣ будетъ полезно дать капельку съ большимъ количествомъ воды. Она подумаетъ, что это лимонадъ.

Онъ ужъ собрался приготовлять питье для Сидней, но въ послѣднюю минуту раздумалъ.

— Шартрёзы нехватаетъ,—пояснилъ Керехеръ, наклоняясь къ Анникстеру. Въ одно мгновеніе Анникстеръ вспыхнулъ.

— Чушь и чушь! Я лучше васъ знаю. Въ нѣкоторые пунши это идетъ, а въ другіе не идетъ.

На долю Хувена выпало сказать наиболѣе удачное слово.

— Gesundheit!—воскликнулъ онъ, поднимая второй стаканъ. Выпивъ его до дна, онъ поставилъ его на столъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:—Ach Gott! Эта пуншъ, я думаю, сдѣлалъ бы какая-нибудь чортово удобреніе, а?

— Удобреніе!—всѣ покатились со смѣху.

— Молодецъ Бисмаркъ!—закричалъ Анникстеръ.

Названіе имѣло огромный успѣхъ. Съ тѣхъ поръ весь вечеръ пуншъ неизмѣнно называли «удобреніемъ». Остерманъ вылилъ остатки своего стакана на полъ и началъ увѣрять, что онъ уже видитъ, какъ пшеница на этомъ мѣстѣ растетъ.

За шумомъ голосовъ никто не слыхалъ, какъ давно и упорно стучатся въ дверь. Дайкъ первый обратилъ на это вниманіе Анникстера. Проклиная непрошеннаго гостя, Анникстеръ отперъ дверь. Онъ сразу перемѣнилъ тонъ.

— Здорово! Это Презлей. Входите, входите, Пресъ.

Со всѣхъ сторонъ послышались привѣтствія. Настроеніе откровенной сердечности начинало охватывать присутствующихъ. Анникстеръ увидѣлъ за Презлеемъ Веннеми и, пренебрегая различіемъ между хозяиномъ и работникомъ, настоятельно требовалъ, чтобы оба друга вошли.

— Всякій, кто другъ Пресу, и мой другъ,—объявилъ онъ.

Какъ только они вошли въ комнату, Презлей отвелъ Анникстера въ сторону.

— Мы съ Веннеми пришли изъ Бонневилля,—объяснилъ онъ.—Мы встрѣтили тамъ Деланея. Сѣрый у него; онъ совершенно пьянъ и внѣ себя отъ ярости. На него стоитъ посмотрѣть; онъ надѣлъ всѣ свои принадлежности табунника: волосяные штаны, сомбреро, шпоры и прочее и запасся большимъ револьверомъ. Онъ говорилъ, что приглашенія на вашъ балъ не получилъ, но явиться намѣренъ. Говоритъ, что вы обѣщали выгнать его изъ Квинъ Себа пинкомъ сапога и что онъ хочетъ доставить вамъ возможность сдѣлать это сегодня.

— А!—сказалъ Анникстеръ, кивая головой.—Въ самомъ дѣлѣ?

Презлей былъ разочарованъ. Зная раздражительность Анникстера, онъ думалъ произвести драматическое впечатлѣніе. Онъ началъ объ-

яснять, какъ это опасно. Деланей когда-то закололъ товарища въ графствѣ Панамингъ. Его всѣ знали за «опаснаго» человѣка. Но Аникстеръ оставался спокоенъ, несмотря на эти предупрежденія.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ.—Не говорите объ этомъ никому. Вы такъ всѣхъ дѣвушекъ спугнете. Входите и пейте.

Въ большой залѣ танцы были въ полномъ разгарѣ. Оркестръ игралъ польку. Отъ усилій молодого Вакки, начавшаго стругать уже пятидесятую свѣчку, полъ сталъ гладокъ какъ зеркало. Дрогистъ танцовалъ съ одной изъ испано-мексиканскихъ дѣвушекъ съ торжественностью автомата, вертясь все время въ одну и ту же сторону, со стекляннымъ взглядомъ и сжатыми зубами. Хильма Три во второй разъ танцовала съ Херраномъ. Танцовала она необыкновенно граціозно. Ея щеки горѣли, глаза были полузакрыты и изъ раздвинутыхъ губъ по временамъ выходилъ глубокій вздохъ наслажденія. Музыка, яркость красокъ, жаркій воздухъ, становившійся душнымъ, однообразіе повторяющихся ощущеній и даже чувство физической усталости возбуждали всѣ ея чувства. Она была погружена въ какой-то очарованный счастливый сонъ. То былъ ея «первый балъ». Она могла бы танцовать, не останавливаясь, до утра. Минна Хувенъ и Коммеръ «прогуливались». М-съ Хувенъ, со спящей Гильдой на колѣняхъ, не спускала глазъ съ платья дочери. Каждый разъ, когда Минна проходила мимо, она энергично выкрикивала: «псш! псш!» Бѣлый шнурокъ съ металлическимъ кончикомъ вылѣзъ изъ-подъ корсажа Минны. М-съ Хувенъ готова была заплакать.

Одинокій нарядный клеркъ изъ Бонневилля снова находился въ лихорадочной тревогѣ: онъ потерялъ свое подробное расписаніе танцевъ. Перепуганный и внѣ себя отъ волненія, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, толкалъ танцовавшія пары, наступалъ на ноги сидѣвшимъ гостямъ, съ отчаяніемъ заглядывалъ подъ стулья, искалъ на полу, задавалъ безпокойные вопросы.

Магнусъ Деррикъ—въ центрѣ внимательно слушавшаго круга фермеровъ—Гарнета, Кеста, Гештингса, Четтерна, стоялъ у дверей и обсуждалъ вопросъ о возможности недостатка пшеницы на всемірномъ рынкѣ въ будущемъ году.

Оркестръ сразу остановился съ трескомъ большого барабана, фіоритурой трубы и продолжительнымъ рычаніемъ контрабаса. Танцы прекратились, пары танцующихъ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, нарядный клеркъ остался одинъ посреди комнаты, безнадежно тараща глаза. Дрогистъ съ механической точностью покинулъ испанскую дѣвушку одну въ толпѣ танцоровъ; онъ наклонился, прижавъ подбородокъ къ галстуку. Во время танца онъ не рѣшился вымолвить ни

слова. Дама его направилась одна къ своему мѣсту, а дрогистъ, котораго тошнило отъ долгаго круженія въ одну сторону, неровными шагами пробирался къ стѣнѣ. Вдругъ вся житница завертѣлась подъ нимъ—онъ упалъ. Раздался громкій смѣхъ, а онъ вскочилъ на ноги и выбѣжалъ наружу, смертельно блѣдный, держась за грудь.

Общество въ отдѣльной комнатѣ значительно увеличилось. Херранъ Деррикъ, танцовавшій только съ Хильмой, пришелъ туда, и вскорѣ послѣ него Гарнетъ съ ранхо Рюби и Гаштингсъ изъ Санъ Пабло. Приготовили четвертую миску пунша, Анникстеръ и Керехеръ снова спорили о его приготовленіи. Сигары задымили, комната наполнилась ѣдкимъ табачнымъ дымомъ, было жарко. Гости сидѣли вдоль стѣнъ и пили стаканъ за стаканомъ. Одинъ Веннеми отказывался пить. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ, совершенно не принимая участія въ томъ, что происходило, и смотрѣлъ нѣсколько надменно, но спокойно на остальныхъ гостей, покуривая папироску.

Изъ пившихъ одинъ Анникстеръ былъ совершенно трезвъ. Хотя онъ пилъ наравнѣ съ другими стаканъ за стаканомъ, но голова его была ясна, походка тверда. Его устойчивая натура не поддавалась дѣйствію алкоголя. Онъ никогда въ жизни не былъ пьянъ и очень гордился своей выносливостью.

Анникстеръ предоставилъ приготовлять пятую миску пунша Остерману, который увѣрялъ, что знаетъ отъ Солотари такой рецептъ «удобренія», что серебро съ черпалки слѣзетъ, а самъ пошелъ въ танцовальную залу, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ идутъ дѣла.

Въ танцахъ былъ перерывъ. Въ одномъ стойлѣ житницы подали лимонадъ и вокругъ него толпились молодые люди, запасаясь переполненными стаканами для своихъ дамъ, которыя сидѣли длиннымъ бѣлымъ, голубымъ и розовымъ рядомъ около матерей и старшихъ сестеръ, составлявшихъ за ними второй, болѣе темный рядъ. Всѣмъ, видимо, было весело. При усилившейся жарѣ, елки и фонари издавали сильный запахъ, напоминавшій рождественскій праздникъ Воскресной школы. Въ другія стойла молодые люди принесли стулья, и въ глубокихъ углахъ происходило серьезное ухаживаніе. У входной двери Анникстеръ встрѣтилъ Сарріа, который вышелъ покурить. Любезная улыбка все еще держалась на гладкомъ, блестящемъ лицѣ священника; ряса спереди была засыпана сѣрымъ пепломъ сигары. Онъ избѣгалъ Анникстера, боясь, очевидно, напоминанія о боевыхъ пѣтухахъ, и сразу не только вернулся назадъ въ зданіе, но зашелъ за второй рядъ стульевъ и оттуда поощрительно кивалъ всякому, кто на него смотрѣлъ. Пока Анникстеръ проходилъ по залѣ, съ нимъ безпрестанно кланялись, каждую минуту онъ долженъ былъ оста-

павливаться, жать руки, выслушивать похвалы житницѣ и успѣху его бала. Но онъ былъ разсѣянъ, думалъ о другомъ, и ничуть не скрывалъ раздраженія, когда нѣкоторые изъ молодыхъ людей заводили съ нимъ разговоръ или пытались представить его своимъ сестрамъ. Онъ отдѣлывался отъ нихъ рѣзко, былъ грубъ, возбуждалъ по пути непріятность, сѣялъ причины будущихъ ссоръ. Онъ искалъ Хильму Три.

Наконецъ, онъ нашелъ ее. Она стояла недалеко отъ матери, окруженная нѣсколькими молодыми людьми. Вся смѣлость Анникстера пропала; его суровость, надменная дерзость исчезли съ быстротою, которая удивила его самого. Къ нему снова вернулась его старая застѣнчивость и неловкость. Вмѣсто того, чтобы заговорить съ ней, какъ онъ хотѣлъ, онъ прошелъ мимо, поднявъ голову, дѣлая видъ, что смотритъ на фонарь, который начиналъ загораться. Онъ успѣлъ взглянуть на нее одинъ разъ и этого бѣглаго взгляда было достаточно. Хильма измѣнилась. Измѣненіе это было непримѣтное, ускользающее, его трудно было опредѣлить, но оно существовало. Возбужденіе, восторгъ, пріятная сумятица «перваго бала» сдѣлали свое дѣло. Можетъ быть, только этого и нехватало. Странно сказать, но въ это короткое мгновеніе Анникстеръ увидѣлъ въ Хильмѣ уже женщину. Это была не дѣвочка, на которую онъ могъ смотрѣть сверху внизъ, къ которой онъ могъ снисходить, на дѣтскую грацію которой можно было любоваться покровительственно.

Вернувшись въ отдѣльную комнату, Анникстеръ опять погрузился въ разгаръ мужского веселья. Остерманъ приготовилъ изумительное «удобреніе», состоявшее, главнымъ образомъ, изъ виски, разбавленнаго шампанскимъ и лимоннымъ сокомъ. Первый стаканъ этого напитка былъ встрѣченъ взрывомъ радостныхъ криковъ. Хувенъ пришелъ въ себя отъ его бодрящаго дѣйствія и говорилъ, что «надо расправиться mit Кёммеръ, bei Gott», а Остерманъ стоялъ на стулѣ и кричалъ: «одну секунду молчанія, господа!»—намѣревась разсказать какую-то исторію.

Вдругъ Анникстеръ замѣтилъ, что напитки, — шампанское, виски, водка и другіе,—приходили къ концу. Этого онъ допутить не могъ. Онъ счелъ бы себя опозореннымъ, если бы впослѣдствіи сказали, что у него гостямъ нехватило напитковъ. Онъ незамѣтно вышелъ, нашелъ у двери двоихъ изъ своихъ рабочихъ и послалъ ихъ въ домъ съ приказаніемъ принести всѣ ящики съ «питейнымъ», которые они тамъ найдутъ.

Устроивъ это дѣло, Анникстеръ не вернулся въ отдѣльную комнату, а снова вошелъ въ главную часть житницы. Танцовали кадриль.

Капельмейстеръ выкрикивалъ фигуру. Вакка продолжалъ обходить залу, обстругивая свѣчку за свѣчкой, одержимый сознаніемъ долга, толкая танцующихъ,—глухой къ увѣреніямъ, что полъ уже достаточно скользокъ. Дрогистъ вернулся въ танцовальную залу и стоялъ удрученный и унылый, прислонившись къ стѣнѣ у входной двери,—танцовать онъ не могъ, весь вечеръ его былъ испорченъ. Съ нарядным клеркомъ изъ Бонневилля приключилась непріятная исторія. Разыскивая носовой платокъ, который онъ потерялъ во время поисковъ своего расписанія танцевъ, онъ забрелъ въ дамскую комнату, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда м-съ Хувенъ сняла съ Минны лифъ и перешнуровывала ея корсетъ. Произошла ужасная сцена: клеркъ былъ изгнанъ, причемъ м-съ Хувенъ наполняла комнату визгливымъ крикомъ. Кавалеръ Минны, стоявшій за дверью, съ изысканнымъ сарказмомъ предложилъ клерку убираться, другіе гости вмѣшались, и клеркъ, затолканный со всѣхъ сторонъ, окаменѣлъ, вытаращилъ глаза, дико смотрѣлъ то на одного, то на другого, молча, безсмысленно, не понимая, что съ нимъ случилось.

Кадриль кончилась, оркестръ заигралъ вальсъ. Анникстеръ, увѣрившись, что все въ порядкѣ, пробирался черезъ залу, когда внезапно наткнулся на Хильму, безпокойно искавшую кого-то среди танцующихъ.

— Весело вамъ, миссъ Хильма?—спросилъ онъ, останавливаясь.

— О, ужасно!—воскликнула она.—Никогда еще... но я не знаю, что сдѣлалось съ моимъ кавалеромъ? Вы видите у меня нѣтъ кавалера... Это въ первый разъ за весь вечеръ,—гордо прибавила она.—Вы его не видѣли, сэръ, моего кавалера? Забыла, какъ его зовутъ... Я только сегодня познакомилась съ нимъ, а сегодня я со столькими людьми познакомилась, что и половины изъ нихъ не помню... Это такой молодой человѣкъ изъ Бонневилля, клеркъ, кажется... Онъ еще такъ хорошо одѣтъ.

— Гдѣ-нибудь пропалъ,— замѣтилъ Анникстеръ. Вдругъ ему пришла въ голову мысль. Онъ собрался съ силами, стиснулъ зубы.—Послушайте, миссъ Хильма. А что если мы украдемъ у него этотъ танецъ? Танцовать мы не будемъ. Я не намѣренъ разыгрывать изъ себя скачущаго паяца, на потѣху перваго встрѣчнаго болвана, но мы будемъ прогуливаться. Хотите? Что вы на это скажете?

Хильма согласилась.

— Я не *очень* жалѣю, что пропустила танецъ съ этимъ... съ этимъ маленькимъ клеркомъ,—сказала она, виновато.—Это очень дурно съ моей стороны?

Анникстеръ энергично протестовалъ.

— Мнѣ *ужасно* жарко,—продолжала Хильма, обмахиваясь платкомъ;—и мнѣ было такъ ужасно весело! Я боялась, что буду цѣлый вечеръ сидѣть стѣннымъ цвѣткомъ рядомъ съ мамой и съ папой; а я не пропустила ни одного танца и нѣкоторые должна была раздѣлить. О!—воскликнула она, съ любовью оглядывая залу.—О! какъ все это красиво, какъ въ волшебной сказкѣ! И подумать, что все это продолжится только одинъ вечеръ, и что завтра все опять будетъ по старому!

— Ну, что жъ,—началъ Анникстеръ пасмурно, желая напомнить ей, кому она этимъ обязана,—я сдѣлалъ все, что могъ, и я не могъ сдѣлать больше всякаго другого, полагаю.

Хильма осыпала его благодарностями, а онъ угрюмо отстранялъ ихъ. Все это пустяки! это ему ничего не стоило. Онъ любитъ, чтобъ люди веселились вокругъ него, а всѣмъ, кажется, весело. А что *она* думаетъ? Довольно ли весело? И сама она веселится ли? Анникстеръ глупо возвращался къ тому же, рѣшительно не находя ничего, чтобы продолжать разговоръ. Хильма многословно увѣряла, что никогда не забудетъ этого вечера и прибавила:

— Танцовать! Вы не знаете, какъ я люблю танцовать! Я сама этого не знала. Я могла бы протанцовать цѣлую ночь, не останавливаясь.

Анникстеръ былъ смущенъ. Очевидно, эта «прогулка» была ей не по вкусу. Не безъ страха думая о томъ, что изъ этого выйдетъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Хотите потанцовать со мною?

— О, да!—отвѣтила она.

Они остановились. Хильма повернулась къ нему и положила ему на плечо руку. Анникстеръ стиснулъ зубы, потъ выступилъ у него на лбу. Пять лѣтъ онъ не танцовалъ совсѣмъ и никогда, въ лучшіе дни, онъ не отличался въ этомъ искусствѣ.

Они постояли немного, выжидая тактъ. Другая пара наскочила на нихъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они собирались начать и оттолкнула ихъ въ сторону. Анникстеръ выругался сквозь зубы. Все еще держа Хильму за талію, онъ отвлекъ ее въ уголъ.

— Попробуемте еще разъ,—пробормоталъ онъ.

Прислушиваясь къ темпу разъ-два-три, разъ-два-три, они опять старались попасть въ тактъ. Но Анникстеръ началъ чуть-чуть позднѣе, чѣмъ надобно было, и наступилъ Хильмѣ на ногу. Начали въ третій разъ, выбрались изъ угла, какъ снова другая пара налетѣла на Анникстера и почти сбила его съ ногъ. Онъ былъ внѣ себя отъ злости. Хильма, въ большомъ смущеніи, употребляла всѣ усилія, чтобы

не смѣяться. Такъ они очутились среди залы, постоянно сбиваясь съ такта, крѣпко держась другъ за друга, извиняясь другъ передъ другомъ, когда вдругъ явился Деланей.

Онъ появился съ внезапностью взрыва. У входныхъ дверей произошло волненіе, послышался раскатъ ругательствъ, страшный стукъ копытъ, танцоры въ безумномъ страхѣ кинулись въ обѣ стороны комнаты. Верхомъ на сѣромъ Деланей галопомъ въѣхалъ прямо на середину житницы.

Въѣхавъ внутрь, Деланей натянулъ поводъ и въ то же время пришпорилъ лошадь; сѣрый, не останавливаясь, поднялся на дыбы, потомъ съ страшнымъ грохотомъ желѣзныхъ подковъ объ полъ опустился на переднія ноги, брыкнувъ задними, выгибая спину, опуская голову до колѣнъ. Не будь Деланей первымъ объѣздчикомъ въ графствѣ, онъ упалъ бы впередъ, какъ мѣшокъ съ пескомъ. Но онъ отпустилъ поводъ, сжалъ лошадь колѣнями, и сѣрый, давно знавшій своего сѣдока, остановился; онъ весь дрожалъ, кровавая пѣна падала отъ узды на гладкій полъ.

Деланей тщательно нарядился, желая имѣть видъ, соотвѣтствующій роли, произвести впечатлѣніе, поддержать мнѣніе о себѣ, какъ объ «опасномъ» человѣкѣ. Все было налицо—шляпа съ широкими, загнутыми полями, синій платокъ, завязанный сзади, толстыя перчатки, отороченныя краснымъ, волосяные штаны горныхъ пастуховъ и табунниковъ и футляръ отъ пистолета, низко висѣвшій на привязи черезъ плечо. Футляръ былъ пустъ, потому что заряженный револьверъ, со взведеннымъ курокомъ, былъ въ правой рукѣ наѣздника.

Въ одну секунду танцовальная зала превратилась въ сумасшедшій домъ. Музыка смолкла, вся середина зданія моментально опустѣла. Точно песокъ, сдутый вѣтромъ со скалы, гости, влекомые неудержимымъ импульсомъ, хлынули по обѣ стороны житницы, роняя стулья, наступая другъ на друга, падая, вскакивая снова на ноги, ныряя подъ стулья, притискиваясь къ стѣнамъ,—дикой орущей толпой, глухой, слѣпой, пораженной паническимъ ужасомъ. То была путаница мелькающимъ рукъ, ногъ, изорванной кисеи, раздавленныхъ цвѣтовъ, блѣдныхъ лицъ, которая разступилась, оставивъ Анникстера и Хильму, все еще державшихся другъ за друга, передъ Деланеемъ, разъяреннымъ водкой, воспоминаніемъ обиды, желаніемъ вымѣстить зло, и совершенно безразличнымъ къ послѣдствіямъ своихъ поступковъ.

Послѣ перваго порыва чувства самозащиты, толпа замерла на секунду, прижимаясь къ стѣнамъ, боясь тронуться, онѣмѣвъ отъ неожиданности и ужаса, и въ этотъ короткій моментъ Анникстеръ, не спуская глазъ съ Деланея, быстро прошепталъ Хильмѣ:

— Отойдите, отойдите въ сторону. Этотъ дуракъ можетъ выстрѣлить.

Въ эту секунду промедленія, пока Деланей былъ еще занятъ успокоеніемъ сѣраго, случилось нѣчто удивительное. Хильма отвернулась отъ Деланея, крѣпко уцѣпилась за руку Анникстера и отвѣтила, смотря ему прямо въ глаза:

— Вы тоже!

И для Анникстера все стало ясно. Когда глаза его встрѣтились съ глазами Хильмы, онъ понялъ, что она его любитъ. Это произошло въ одну секунду: два слова и взглядъ, и все было понятно. Но точно ничего не случилось, Анникстеръ, отталкивая Хильму отъ себя, грубо повторялъ:

— Отойдите, я вамъ говорю, вы видите, что у него пистолетъ? У меня и безъ васъ много хлопотъ на рукахъ.

Онъ высвободилъ свою руку и, не спуская глазъ съ Делания, пятился наискось къ стѣнѣ залы, увлекая Хильму. Подъ конецъ онъ такъ сильно толкнулъ ее, что она чуть не упала, кто-то схватилъ ее за руки и втащилъ въ толпу. Анникстеръ остался одинъ посерединѣ, заложивъ руки въ карманы, бдительно и зорко наблюдая за врагомъ.

Деланей не желалъ сразу начать борьбу. Безстрашный и возбужденный отъ водки, онъ желалъ продлить минуты ожиданія и страха. Прикосновеніями руки и колѣнъ, онъ держалъ сѣраго въ постоянномъ безпокойствѣ, лошадь била копытами, фыркала, трясла головой, а Деланей, обращаясь къ Анникстеру, осыпалъ его оскорбленіями.

— Провались я на этомъ мѣстѣ, если это не старый хватъ Анникстеръ! Онъ, кажется, собирался меня пинкомъ сапога выгнать съ Квинъ-Себа? Но вотъ вамъ оказія отличная... и дамы посмотрятъ, какъ вы это сдѣлаете; балъ даетъ, посмотрите, пиръ на весь міръ, въ своей житницѣ, а друга своего стараго позабылъ пригласить. А другъ-то помнитъ всякія мелочи. Любитъ и онъ, другъ, посмотрѣть иногда, какъ танцуютъ. Все-жъ пріѣхалъ, зналъ, что ему рады будутъ... вотъ пріѣхалъ поглядѣть, какъ старый хватъ Анникстеръ танцовать будетъ, показать друзьямъ хвата Анникстера, какъ хватъ затанцуетъ... одинъ затанцуетъ, какъ рыбка на сковородѣ, для другаго, который его такъ вѣжливо проситъ. Ну-ка, станцуйте для дамъ, хватъ! За одно такое зрѣлище стоило бы заплатить за входъ. Запѣвай, хватъ! Держись! Я тебѣ задамъ тонъ.

Онъ крутилъ револьверъ кистью руки и вдругъ, не прекращая движеній, выстрѣлилъ. Кусочекъ дерева взлетѣлъ на воздухъ у ногъ Анникстера.

— Начинай!—оралъ Деланей.—Нѣтъ, подожди. Тутъ ужъ очень свѣтло. Вонъ та лампа мнѣ глаза слѣпитъ. Берегись—я стрѣляю.

Второй выстрѣлъ попалъ прямо въ лампу надъ эстрадой музыкантовъ. Гости вскрикнули, трепетъ ужаса пробѣжалъ по толпѣ. Аникстеръ не шелохнулся. Онъ стоялъ въ тридцати шагахъ отъ табунника, держа руки въ карманахъ пиджака, его глаза блестѣли, онъ былъ на-сторожѣ. Раздражительный и крикливый въ пустякахъ, онъ дѣлался ненормально покойнымъ передъ лицомъ настоящей опасности.

— Я смотрю на васъ,—кричалъ Деланей.—Будьте благонадежны. Не вынимайте ручекъ изъ кармана, если намѣрены еще немножко пожить на бѣломъ свѣтѣ, поняли? Берегитесь, чтобъ я не замѣтилъ, что вы рукой двигаете, а то друзьямъ вашимъ придется завтра отправиться въ мертвецкую удостовѣрить вашу личность. Когда я золъ, такъ золъ!... а сегодня я такъ золъ, что мнѣ самого себя страшно. Списки населенія придется исправить, когда я отсюда уйду. Ну, скорѣй! мнѣ надоѣло ждать. Я пріѣхалъ смотрѣть, какъ танцуютъ.

— Слѣзайте съ этой лошади, Деланей,—сказалъ Аникстеръ, не возвышая голоса,—и убирайтесь.

Деланей притворился, будто чрезвычайно изумленъ, вытаращилъ глаза и наклонился на сѣдлѣ.

— Что-о!—воскликнулъ онъ.—Что-о вы сказали? Вы, кажется, ссору затѣваете? Вотъ чего захотѣли.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, другъ любезный,—сказалъ Аникстеръ, наполовину Деланею, наполовину самому себѣ.—Если бы я затѣвалъ ссору, никому не пришлось бы объ этомъ спрашивать.

Съ этими словами онъ тоже началъ стрѣлять. Какъ только Деланей показался въ житницѣ, его рѣшеніе было принято. Револьверъ давно былъ положенъ въ карманъ пиджака и теперь онъ выстрѣлилъ не вынимая рукъ, черезъ пиджакъ.

До этого момента Аникстеръ не былъ увѣренъ въ себѣ. Въ первыя минуты онъ, конечно, далъ бы многое, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія. Но теперь звукъ его собственнаго выстрѣла придалъ ему бодрость. Онъ вынулъ револьверъ изъ кармана и выстрѣлилъ снова.

И дуэль началась, выстрѣлъ за выстрѣломъ, голубой дымъ, какъ короткіе дротики, отлеталъ отъ обоихъ мужчинъ и поднимался вверхъ облакомъ. Весьма вѣроятно, что ни Аникстеръ, ни Деланей не имѣли намѣренія убить другъ друга. Оба стрѣляли, не цѣлясь. Разрядить

револьверы и не быть раненымъ—таково было желаніе обоихъ. Они не ругались—револьверы говорили за нихъ.

Долго Анникстеръ помнилъ этотъ моментъ и могъ возстановить воображеніемъ всю сцену: густую толпу, прижатую къ стѣнамъ житницы, фестоны разноцвѣтныхъ фонарей, смѣшанный запахъ елокъ, новаго дерева, духовъ и порохового дыма; смутный гулъ голосовъ, въ которомъ были и страхъ, и отчаяніе, ржаніе сѣраго, повторный грохотъ выстрѣловъ, стукъ копытъ, на одно мгновеніе видѣнное лицо Херрана Деррика въ дверяхъ мужской комнаты, онъ самъ и Деланей на открытомъ пространствѣ среди зданія въ густомъ облакѣ дыма.

Въ револьверѣ Анникстера было шесть зарядовъ. Ему казалось, что онъ стрѣлялъ уже двадцать разъ. Слѣдующій выстрѣлъ будетъ послѣдній... что тогда? Онъ вглядывался въ густой теперь дымъ между нимъ и табунникомъ. Для своей собственной безопасности надо было «попасть» хоть разъ. Внезапно грудь и плечи Деланея поднялись надъ дымомъ совсѣмъ близко отъ него, потому что испуганный сѣрый снова всталъ на дыбы. Въ первый разъ Анникстеръ прицѣлился, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ, послышался страшный крикъ, и онъ увидѣлъ, что сѣрый съ повисшимъ поводомъ и пустымъ сѣдломъ скакнулъ впередъ въ ряды стульевъ. Деланей поднимался съ пола. Правая рука его была въ крови и безъ револьвера. Онъ кинулся бѣжать. Толпа разступилась передъ нимъ, и онъ исчезъ въ дверяхъ.

Двадцать человѣкъ кинулись къ сѣрому, но онъ вырвался и, обезумѣвъ отъ страха, ринулся въ тотъ уголъ житницы, гдѣ помѣщалась эстрада. Съ страшной силой, какъ мѣшокъ каменьевъ, лошадь ударилась объ стѣну, поранила себѣ голову. Толпа съ крикомъ бѣжала во всѣ стороны, одного старика повалили и потоптали. Сѣрый запутался въ поводьяхъ, бился въ безпорядочныхъ рядахъ стульевъ и упалъ среди страшнаго треска ломающагося дерева и судорожныхъ ударовъ копытъ. На него снова накинулась толпа людей, узду стянули, ему сѣли на голову, всѣ кричали, жестикулировали. Минутъ пять лошадь отбивалась, но мало-по-малу затихла и только изрѣдка испускала глубокіе, плачущіе вздохи, и поводила глазами со страхомъ и мольбой; каждый мускулъ ея тѣла дрожалъ, а по временамъ она вздрагивала, какъ женщина въ истерическомъ припадкѣ. Наконецъ, она лежала смирно. Ей позволили встать на ноги, разсѣдлали и отвели въ одно изъ пустыхъ стойлъ житницы, гдѣ она стояла весь остатокъ вечера, низко опустивъ голову, поворачиваясь иногда съ опаской и показывая бѣлокъ глаза, а по временамъ испускала глубокій вздохъ.

Черезъ часъ танцы были въ полномъ ходу, точно ничего особеннаго не случилось. Внезапный наплывъ ужаса, грозящаго смертью, налетѣвшій изъ мрака и разсѣявшій минуты веселья, явился и исчезъ съ быстротою громового удара. Нѣкоторыя женщины уѣхали и увезли своихъ кавалеровъ, но большая часть гостей осталась, не видя основанія прерывать развлеченіе, рѣшивши остаться изъ хвастовства, если не по другой причинѣ. Деланей не вернется,—въ этомъ всѣ были увѣрены, а вернется, то найдетъ болѣе пятидесяти молодыхъ людей, которые зададутъ ему трепку, ей-Богу! Когда онъ въ первый разъ явился, всѣ были такъ удивлены, что сразу ничего не поняли и не поспѣли опомниться, когда онъ уже исчезъ. Пробудь онъ еще секунду, они бы ему показали... да, сэръ, ей-Богу!... а онъ бы посмотрѣлъ!

Всѣ начали разсказывать свои воспоминанія. По крайней мѣрѣ одинъ человѣкъ изъ трехъ былъ замѣшанъ въ перестрѣлкѣ хоть разъ въ своей жизни.

«Вы бы посмотрѣли, что дѣлалось когда-то въ графствѣ Юба»... «Вотъ въ графствѣ Бьюттъ когда-то»... «Пфа! это пустяки, что сегодня было. А вотъ разъ въ Аризонѣ въ одномъ кабакѣ»... и т. д. и т. д. Даже женщины припоминали страшныя сцены. М-съ Коттеръ разсказывала цѣлой группѣ людей о сопротивленіи рѣшенію суда въ графствѣ Пласетъ въ 1851 году, причемъ три человѣка были убиты въ перестрѣлкѣ, и всѣ они умерли у нея въ кухнѣ на полу. Сотни подобныхъ исторій разсказывали другъ другу. Воздухъ, казалось, былъ насыщенъ кровью, стонами умирающихъ, пороховымъ дымомъ, трескомъ выстрѣловъ. Всѣ преданія 49 года, дикая, полная насилій жизнь первыхъ дней припоминались, проносились передъ собесѣдниками безконечной процессіей подъ свѣтомъ фонарей и керосиновыхъ лампъ.

Появленіе Деланея вызвало воинственное настроеніе среди мужчинъ. Духъ задора и дерзости безпрестанно поднимался подъ жилетами и накрахмаленными рубашками. Ни одна обида не прощалась и не проходила незамѣченной. Припомнились старыя ссоры. Въ обыкновенныхъ словахъ разговора искались намеки. Чувство личнаго достоинства сдѣлалось необыкновенно щекотливо. При малѣйшемъ предлогѣ, груди выпрямлялись, губы складывались въ гнѣвную улыбку. Керехеръ заговорилъ, что и недѣли не пройдетъ, какъ онъ подстрѣлитъ Бермана. Два раза пришлось разводить Хувена и Каттера, которые возобновили ссору за право собственности на теленка.

Но Анникстеръ, преисполненный гордости, съ выпяченой грудью, поднятой головой, царилъ, окруженный свитой восхвалителей. Онъ

былъ героемъ. Пожать ему руку сдѣлалось честью, которой добивались. Его хлопали по спинѣ съ торжественными кликами одобренія. «Молодецъ онъ у насъ». «Что ловко, то ловко!» «Ай да Анникстеръ!» «Вотъ это выстрѣлъ, такъ выстрѣлъ». «Молодецъ хоть куда». «Хладнокровенъ». «Мѣткій глазъ и твердая рука, чтобы такой выстрѣлъ сдѣлать». «Это такой выстрѣлъ, что объ немъ пятьдесятъ лѣтъ всѣ будутъ помнить во всемъ графствѣ Туларе».

Анникстеръ воздерживался отъ возраженій, слушая эти разговоры, но не понималъ, что̀ собственно случилось. Онъ зналъ только, что Деланей убѣжалъ, оставивъ револьверъ и кровавый слѣдъ за собою. Мало-по-малу онъ узналъ, что его послѣдній выстрѣлъ попалъ Деланею въ руку и выбилъ изъ нея револьверъ. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ. Отъ начала перестрѣлки онъ едва видѣлъ Деланея, все произошло какъ въ вихрѣ.

— Гдѣ это *вы* научились *такъ* стрѣлять?—спросилъ его кто-то.

Анникстеръ пожалъ плечами.

— О,—замѣтилъ онъ небрежно,—моя стрѣльба никогда меня не заботила.

Всѣ были въ восторгѣ. Головы утвердительно закивали:

— Да, кажется, что нѣтъ.

— Нѣтъ, сэръ, не заботила.

— Да объ чемъ ужъ тутъ заботиться.

Когда женщины столпились вокругъ него, жали ему руки и объявили, что онъ спасъ жизнь ихъ дочерей, Анникстеръ принялъ тонъ рыцарскаго гордаго отрицанія, скромнаго самозабвенія. Ему вспомнилась изящная, утонченная фраза. Онъ сталъ Ланчелотомъ послѣ турнира, Баярдомъ, принимающимъ поздравленія послѣ битвы.

— О, не говорите объ этомъ,—бормоталъ онъ.—Я сдѣлалъ то, что всякій мужчина сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ.

Чтобы окончательно возстановить душевное спокойствіе гостей, онъ объявилъ, что будетъ ужинъ. Онъ разсчитывалъ, что ужинъ будетъ поданъ въ видѣ особаго сюрприза; его должны были подать въ полночь, но появленіе Деланея измѣнило теченіе событій.

Часомъ раньше внесли столы, заставленные блюдами холоднаго ростбифа, жареныхъ куръ и индѣекъ, горами сандвичей, кувшинами молока и лимонада, цѣльными сырами, мисками оливокъ, вазами съ апельсинами и орѣхами и разставили ихъ по тремъ сторонамъ житницы. Появленіе ужина было встрѣчено взрывомъ рукоплесканій. Музыканты заиграли маршъ. Гости двинулись къ столамъ, стулья зашумѣли, платья дамъ зашуршали, скоро стукъ тарелокъ превратился въ непрерывный грохотъ. Столы брали приступомъ. Ѣли то,

что ближе стояло; нѣкоторые начинали съ апельсиновъ и оканчивали мясомъ. Подъ конецъ принесли хлопушки съ бумажными головными уборами и мороженое. Вдоль всѣхъ столовъ разрывали пакеты, которые хлопали точно безчисленное множество слабыхъ выстрѣловъ. Молодыя дѣвушки надѣвали фригійскія шапки, колпаки волшебниковъ, и смотрѣли на своихъ сосѣдей по столу, смѣясь и хлопая въ ладоши.

Компанія, собиравшаяся въ отдѣльной комнатѣ, сидѣла за особымъ столомъ, на одномъ концѣ его сидѣлъ Анникстеръ, а на другомъ Херранъ. Перестрѣлка окончательно отрезвила Презлея. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Веннеми, который ѣлъ мало, предпочитая глядѣть на то, что происходило со спокойной наблюдательностью, нѣсколько презрительно, когда крики за столомъ становились черезчуръ шумными. Остерманъ каталъ шарики изъ хлѣба и кидалъ ихъ съ невѣроятной силой въ оба конца стола, но остальные—Дайкъ, старый Бродерсонъ, Керехеръ, Херранъ, Хувенъ, Каттеръ, Гарнеръ, Геттингъ, Кастъ, Четтернъ,—ѣли, сколько могли, отъ начала до конца ужина. У края стола молча сидѣлъ незамѣтный Дебней, о которомъ ничего не было извѣстно кромѣ его имени, старый человѣкъ, ни съ кѣмъ не сходившійся. Онъ спокойно ѣлъ и пилъ, макая сандвичи въ лимонадъ.

Остерманъ ѣлъ всѣ оливки, которыя ему попадались подъ руку, кучами, сотнями. Онъ не дотрогивался ни до чего другого. Старый Бродерсонъ смотрѣлъ на него, разинувъ ротъ. Остерманъ объявилъ, что разъ, на пари, онъ съѣлъ тысячу оливокъ. Гости указывали на него другъ другу. Въ восторгѣ, что онъ обратилъ на себя вниманіе, Остерманъ продолжалъ. Цѣлая миска оливокъ исчезла въ его огромной пасти гада. Его красныя щеки были набиты оливками, лысая голова блестѣла. У него начиналась боль въ желудкѣ, ему было все ни по чемъ, онъ былъ доволенъ, онъ удивлялъ людей.

— Разъ я проглотилъ древесную жабу,—сказалъ онъ старому Бродерсону,—по ошибкѣ. Я ѣлъ виноградъ... Три недѣли, подлая, жила во мнѣ. Въ дождливое время начинала пѣть. Не вѣрите?—кричалъ онъ.—У меня дома эта жаба и теперь сидитъ въ банкѣ со спиртомъ.

Старикъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся, вытаращилъ глаза и съ замѣшательствомъ качалъ головой.

— О, да!—закричалъ Керехеръ черезъ весь столъ,—вотъ такъ исторія! Разскажите намъ другую.

— Это напоминаетъ мнѣ одну исторію,—началъ Бродерсонъ неувѣренно,—разъ, когда я былъ молодымъ парнемъ, въ Укіа, пятьдесятъ лѣтъ...

— О, да!—закричала полдюжина голосовъ,—вотъ такъ исторія! Разскажите намъ другую.

— А? Что....что?—бормоталъ Бродерсонъ, оглядывая всѣхъ.— Я... я не знаю. Ну, да, это было въ Укіа. Вы... вы меня совсѣмъ спутали.

Ужинъ кончился, столы прибрали, публика потребовала «Виргинскій танецъ». Начиналась послѣдняя, самая веселая часть бала. Молодые люди подхватили дѣвушекъ, сидѣвшихъ за ужиномъ рядомъ съ ними, оркестръ грянулъ веселый танецъ, два ряда танцующихъ стали другъ противъ друга. Черезъ минуту балъ опять былъ въ полномъ разгарѣ. Гости танцовали въ розовыхъ и голубыхъ бумажныхъ шапочкахъ.

Группа мужчинъ снова удалилась въ отдѣльную комнату. Открыли новые ящики съ сигарами, приготовили седьмую миску «удобренія». Остерманъ вылилъ опивки изъ стакана себѣ на плѣшь и увѣрялъ, что чувствуетъ, какъ у него волосы растутъ.

Вдругъ старый Бродерсонъ вскочилъ на ноги.

— Ага!—загоготалъ онъ,—я хочу танцовать. Думаете, я слишкомъ старъ? Я вамъ покажу, молодымъ людямъ! Я настоящій старый пѣтухъ, когда разойдусь.

Онъ направился къ житницѣ, и всѣ остальные пошли за нимъ, держась за бока. У дверей онъ подхватилъ пожилую мексиканку и увлекъ ее въ ряды танцующихъ; она конфузилась, но смѣялась. Всѣ сплотились и смотрѣли на нихъ. Бродерсонъ пустился въ плясъ съ игривостью жеребенка, онъ прищелкивалъ пальцами, билъ себя по ляшкамъ, блаженно улыбался. Всѣ гости загикали. Музыканты удвоили усилія, а старый Бродерсонъ потерялъ голову, пыхтѣлъ, задыхался, съ усиліемъ выворачивалъ свои закоченѣвшіе члены. Въ него точно бѣсъ вселился, онъ наклонялся, притоптывалъ, выступалъ впередъ, отступалъ, трясъ бородой, кружился голубемъ, оглушенный музыкой, раззадоренный криками, апплодисментами, дѣйствіемъ «удобренія».

— Молодчина!—кричалъ Анникстеръ.

Но Анникстеръ былъ разсѣянъ. Онъ искалъ Хильму, все еще помня выраженіе ея глазъ въ короткій моментъ опасности. Съ той минуты онъ еще ея не видѣлъ. Теперь она не танцовала, а сидѣла съ своимъ кавалеромъ около родителей, съ серьезнымъ выраженіемъ лица, очевидно, думая о чемъ-то другомъ. Анникстеру захотѣлось подойти къ ней, но этому помѣшалъ вдругъ раздавшійся крикъ.

Посреди какой-то фигуры старый Бродерсонъ вдругъ съ тоскливымъ крикомъ схватился за грудь. У него сдѣлалось колотье или

судорога. Съ смиреннымъ видомъ онъ едва вышелъ изъ круга танцующихъ, хромая и волоча одну ногу. Онъ спрашивалъ, гдѣ его жена. М-съ Бродерсонъ увела его, браня по дорогѣ, какъ десятилѣтняго мальчика, за то, что онъ отдаетъ себя на потѣху.

— Это мнѣ нравится!—говорила она, ведя подъ руку грустнаго и пристыженнаго Бродерсона.—Скажите, пожалуйста, вздумалъ танцовать! Еще что будетъ? Веселенькій дѣдушка... Ему бы о гробѣ думать, а онъ танцуетъ.

Было уже двѣнадцать часовъ ночи. Балъ подходилъ къ концу въ вихрѣ веселья. Потные музыканты работали какъ каторжники, гости танцуя припѣвали.

Группа мужчинъ въ отдѣльной комнатѣ увеличивалась. Даже Магнусъ Деррикъ удостоилъ ихъ своимъ присутствіемъ и предложилъ тостъ. Презлей и Веннеми попрежнему держались вмѣстѣ. Веннеми становился все надменнѣе. Дебней стоялъ въ сторонѣ и пилъ не переставая, торжественный, сдержанный. Гарнетъ, Кастъ, Геттингсъ сидѣли, откинувшись на стульяхъ; они разстегнули жилеты, вытянули ноги и смѣялись, сами не зная чему. Другіе фермеры, изъ очень отдаленныхъ мѣстъ, которыхъ Анникстеръ никогда не видѣлъ, появились въ комнатѣ, старые и молодые люди, владѣльцы громадныхъ земель, сотенъ тысячъ акровъ, засѣянныхъ пшеницей. Они были незнакомы другъ съ другомъ, но всѣ считали нужнымъ пожать руку Магнусу Деррику, «выдающемуся человѣку» долины. Старый Бродерсонъ вернулся, онъ значительно протрезвился, но отказался выпить еще стаканъ.

Скоро всѣ гости Анникстера раздѣлились на двѣ части. Танцоры оставались въ главной части житницы, заканчивая послѣднія фигуры виргинскаго танца, мужчины собрались въ отдѣльную комнату и допивали послѣдніе остатки «удобренія». Обѣ компаніи увеличились, въ житницѣ даже старые люди вошли въ танецъ, а всѣ нетанцующіе мужчины перешли въ отдѣльную комнату. И здѣсь, и тамъ былъ страшный шумъ. Въ житницѣ стонъ стоялъ отъ веселья, отъ смѣха, отъ хлопанья въ ладоши, отъ радостныхъ криковъ. Въ отдѣльной комнатѣ раздавались возгласы, пѣніе, топотъ тяжелыхъ шаговъ, отъ которыхъ тряслись керосиновыя лампы, разноцвѣтные фонари. И за всѣмъ этимъ была слышна музыка,—писк скрипокъ, мощное ворчаніе трубы и глухіе удары барабана.

И всѣ эти звуки сливались въ одну неопредѣленную ноту, мощную, крикливую, которая поднималась во мракѣ ночи отъ громаднаго освѣщеннаго зданія житницы, и отзвуки ея разносились далеко по

огромной равнинѣ ранховъ, замирая въ безконечности подъ небомъ, покрытымъ тучами, спокойнымъ, таинственнымъ, тихимъ.

Анникстеръ выливалъ послѣднія капли пунша прямо изъ миски въ стаканъ Керехера, когда почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ. Онъ поставилъ миску.

— Откуда вы взялись?—спросилъ онъ.

Передъ нимъ стоялъ посыльный изъ Бонневилля, мальчикъ въ формѣ, котораго телефонная компанія употребляла для разсылки депешъ. Онъ пріѣхалъ изъ Бонневилля на велосипедѣ.

— Пакетъ вамъ, сэръ. Потрудитесь расписаться.

Онъ подалъ книгу Анникстеру, который расписался, крайне удивленный. Мальчикъ ушелъ, оставивъ Анникстеру большой желтый пакетъ, на которомъ былъ написанъ на машинѣ адресъ, а въ углу приписано синимъ карандашомъ *спѣшно*.

Анникстеръ вскрылъ конвертъ. Въ немъ находились другіе запечатанные конверты, адресованные Магнусу Деррику, Остерману, Бродерсону, Гарнету, Кесту, Геттинсу, Четтерну, Дебнею и самому Анникстеру. Все еще ничего не понимая, Анникстеръ раздавалъ конверты и бормоталъ про себя:

— Что это такое еще?

Это происшествіе привлекло всеобщее вниманіе. Наступила сравнительная тишина, гости слѣдили глазами за письмами, пока они переходили изъ рукъ въ руки вдоль стола. Всѣ думали, что Анникстеръ устроилъ какой-нибудь сюрпризъ.

Магнусъ Деррикъ, сидѣвшій рядомъ съ Анникстеромъ, первый получилъ письмо. Извинившись, онъ распечаталъ его.

— Читайте, читайте, хозяинъ!—закричали ему.—Безъ секретовъ, знаете. Сегодня здѣсь все начистоту.

Магнусъ взглянулъ на письмо, потомъ всталъ и прочелъ:

«Магнусу Деррику
Графство Туларе. Калифорнія.

Милостивый государь!

По оцѣнкѣ 1 октября, стоимость желѣзнодорожныхъ земель, вами занимаемыхъ и входящихъ въ вашъ ранхо Лосъ-Муэртосъ, опредѣляется въ 27 долларовъ за акръ. Земля эта объявляется къ продажѣ по названной цѣнѣ.

Примите и проч.

Цирусъ Блекли Регльсъ.
Земельный агентъ т.о. и ю.-з. ж. д. С. Берманъ.
Мѣстный агентъ т.-о. и ю.-з. жел. дор.»

Среди гробового молчанія, послѣдовавшаго за чтеніемъ, Остерманъ мрачно воскликнулъ:

— Вотъ такъ исторія! Разскажите намъ другую.

Кромѣ Остермана никто ничего не сказалъ.

Тишина росла, прерываемая лишь звукомъ разрываемыхъ конвертовъ. Всѣ письма были одинаковаго содержанія, только цѣны отличались. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значилось двадцать два доллара, Анникстеру назначалось тридцать долларовъ.

— Но... но вѣдь компанія обѣщала продать мнѣ... Всѣмъ намъ продать!—хрипѣлъ Бродерсонъ,—за два съ половиною доллара за акръ!...

Не одни только фермеры окрестностей Бонневилля подвергались ограбленію этой мѣрой желѣзной дороги. Система черезполосныхъ участковъ существовала во всей долинѣ Санъ Жоакина. Поступокъ съ фермерами Бонневилля создавалъ страшный прецедентъ. Почти всѣмъ гостямъ, находившимся въ отдѣльной комнатѣ, грозило разореніе. Дѣло шло приблизительно о милліонѣ акровъ земли.

Внезапно поднялась буря негодованія. Нѣсколько человѣкъ вскочило на ноги; красные отъ бѣшенства, стиснувъ зубы, они сжимали кулаки. Ругательства, проклятія, угрозы вырывались, какъ взрывы минъ. Голоса дрожали отъ гнѣва, руки вытягивались впередъ съ согнутыми пальцами, точно хватавшими что-то, трепетавшими отъ злости. Сознаніе обидъ, несправедливостей, угнетенія, вымогательства, грабежа, продолжавшихся двадцать лѣтъ подъ рядъ, дошло до высшаго предѣла и нашло себѣ выраженіе въ хрипломъ ревѣ ненависти. Въ первую секунду это былъ нечленораздѣльный, непонятный вопль дикаго отчаянія. Крикъ человѣческаго животнаго загнаннаго въ уголъ, изнуреннаго, вынужденнаго къ послѣдней защитѣ, свирѣпаго, страшнаго, которое идетъ съ оскаленными зубами и поднятыми когтями навстрѣчу смертельной схваткѣ. То былъ отталкивающій ревъ мучимаго звѣря, который защищаетъ свою берлогу, свою подругу, своихъ дѣтенышей, готовый кусать, раздирать, топтать, топить врага въ кровавой, бѣшеной, первобытной борьбѣ.

За этимъ ревомъ послѣдовалъ непрерывный говоръ, при которомъ стала снова слышна музыка и топотня танцевъ.

— Опять Берманъ!—кричалъ Херанъ.

— Ловко выбралъ время,—говорилъ Анникстеръ.—Бьетъ какъ разъ, когда мы всѣ собрались веселиться.

— Господа, это разореніе!

— Что теперь дѣлать?

— Драться! Господи Боже мой! Вы думаете, мы будемъ *это* терпѣть? Вы думаете, мы *можемъ* это терпѣть?

И снова крикъ разростался. Чѣмъ яснѣе фермеры понимали значеніе мѣры желѣзной дороги, тѣмъ ужаснѣе она казалась, тѣмъ нестерпимѣе. Возможно ли, возможно ли вообразить себѣ, что такую тиранію придется выносить. Но они знали—опытъ прошлыхъ лѣтъ стоялъ передъ ними—неумолимое желѣзное чудовище, съ которымъ имѣли дѣло. И опять чувство обиды, угнетенія подняло ихъ на ноги, опять посыпались ругательства, опять сжались кулаки и горла осипли отъ крика.

— Такъ вы думаете я уступлю? Думаете, откажусь отъ своей земли? Клянусь Богомъ—законъ или не законъ, желѣзная дорога или не желѣзная дорога, но *я не уступлю!*

— Ни я!

— Ни я!

— Ни я!

— Это послѣднее дѣло. Прежде законныя мѣры; а если не удастся—ружье!

— Они могутъ меня убить. Пусть меня застрѣлятъ, но я умру, умру, защищая свой домъ, прежде чѣмъ уступлю.

Наконецъ, Анникстеру удалось заставить себя слушать.

— Пусть всѣ, кромѣ владѣльцевъ ранхами, выйдутъ изъ комнаты!—закричалъ онъ.—Хувенъ, Керехеръ, Дайкъ вамъ придется уйти. Это дѣло семейное. Презлей, вы и вашъ другъ, можете оставаться.

Лишніе неохотно вышли, остались всѣ фермеры окрестностей Бонневилля и всѣ фермеры различныхъ, отдаленныхъ частей графства. Люди, вышедшіе изъ отдѣльной комнаты въ житницу, сообщили новость гостямъ, остававшимся въ танцовальной залѣ. Вѣсть переходила изъ устъ въ уста. Образовывались группы, мало-по-малу веселье падало, и виргинскій танецъ остановился самъ собой. Музыканты перестали играть, и, вмѣсто шумнаго веселья, житница наполнилась глухимъ говоромъ вполголоса, шепотомъ, легкимъ топотомъ шаговъ людей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто, а изъ-за закрытой двери отдѣльной комнаты доносились гнѣвные голоса горячаго спора. Балъ внезапно кончился, но гости не хотѣли разъѣзжаться, пораженные, испуганные; они стояли, неловко и безсмысленно смотрѣли другъ на друга. Чувство неминуемаго несчастія, подавляющее, сдержанное, мрачное пронеслось надъ ними; трепетъ тоски и ужаса, таинственный, приводящій въ отчаяніе.

Въ отдѣльной комнатѣ возбужденіе было все такое же. Одинъ за

другимъ фермеры облегчали души потокомъ яростныхъ словъ. Порядка не было никакого, а просто безумный выкрикъ слѣпого гнѣва. Въ одномъ всѣ были согласны,—надо сопротивляться во что бы то ни стало и какъ бы долго это сопротивленіе ни продолжалось.

Вдругъ Остерманъ вскочилъ на ноги. Его плѣшивая голова блестѣла, красныя уши торчали, потокъ словъ вырывался изъ его огромнаго рта, его лицо комическаго актера горѣло. Подобно герою мелодрамы онъ принялъ позу, сдѣлавъ широкій жестъ:

— *Организація!*—закричалъ онъ,—вотъ нашъ пароль. Проклятіе фермеровъ въ томъ, что они разбрасываютъ свои силы. Теперь мы должны сплотиться, теперь, *теперь*. Насталъ кризисъ, настало время. *Я предлагаю лигу*. Не на будущей недѣлѣ, не завтра, не завтра утромъ, а теперь, теперь, теперь, въ эту минуту, прежде чѣмъ мы переступимъ черезъ порогъ. Пусть каждый изъ насъ присоединится къ ней, положитъ начало обширной организаціи, свяжется на жизнь и на смерть, если надо, для защиты своихъ правъ, своего очага. Готовы ли вы? Теперь или никогда? *Я предлагаю лигу*.

Сразу всѣ крикнули одобрительно.

Съ инстинктомъ актера Остерманъ заговорилъ въ настоящій моментъ. Что̀ такое эта лига, никто не зналъ, но это было нѣчто, неопредѣленное оружіе, при помощи котораго можно было бороться. Едва Остерманъ кончилъ, комната наполнилась возгласами:

— Лигу! Лигу!

— Теперь! Сегодня! Сейчасъ! Подписывайтесь передъ отъѣздомъ.

— Онъ правъ! Организація! Лига!

— Мы уже образовали комитетъ,—кричалъ Остерманъ.—Я членъ этого комитета, а также м-ръ Бродерсонъ, м-ръ Анникстеръ и м-ръ Херранъ Деррикъ. Каковы наши цѣли, мы объяснимъ вамъ позднѣе. Пусть этотъ комитетъ будетъ ядромъ лиги... по крайней мѣрѣ временно. Довѣрьтесь намъ. Мы работаемъ для васъ и съ вами. Пусть этотъ комитетъ сольется съ другимъ, болѣе значительнымъ комитетомъ лиги, и въ президенты лиги,—онъ остановился на секунду,—въ президенты лиги можетъ быть предложено только одно имя, есть только одинъ человѣкъ, на котораго мы всѣ должны смотрѣть, какъ на вождя—Магнусъ Деррикъ.

Имя Деррика было встрѣчено бурей радостныхъ криковъ:

— Деррикъ! Деррикъ!

— Магнуса въ президенты!

— Деррикъ—вотъ нашъ настоящій лидеръ.

— Деррикъ! Деррикъ! Деррика въ президенты!

Магнусъ всталъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ жестовъ. Прямой, высокій, повелительный, онъ сразу овладѣлъ толпой. Всѣ притихли.

— Господа!—сказалъ онъ.—Организація вещь хорошая, но спокойствіе еще лучше. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ поспѣшность невозможна. Я предлагаю теперь разъѣхаться по домамъ, продумать все случившееся и снова собраться завтра, когда мы будемъ спокойнѣе и сможемъ приступить къ этому дѣлу въ болѣе разсудительномъ расположеніи духа. Что касается той чести, которую вы оказали мнѣ, то и этотъ вопросъ требуетъ серьезнаго обсужденія. Эта лига пока простое слово. Взять на себя руководство организаціей, принципы которой еще не опредѣлены,—отвѣтственность тяжелая. Я отказываюсь отъ нея...

Ему не дали кончить, его слова заглушилъ ревъ протестующихъ голосовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лигу, сегодня же и Деррика въ президенты!

— Мы слишкомъ долго были спокойны!

— Прежде лигу, а принципы потомъ.

— Не можемъ мы ждать,—объявилъ Остерманъ.—Многіе изъ насъ не могутъ завтра присутствовать на митингѣ. У насъ есть дѣла, которыя помѣшаютъ этому. Теперь мы собрались. Я предлагаю выбрать временнаго предсѣдателя и секретаря, и пустить вопросъ на голоса. Но прежде всего—лига! Мы должны принять рѣшеніе, держаться вмѣстѣ для защиты нашихъ домовъ, умереть, если надо, и пусть каждый изъ присутствующихъ подтвердитъ это рѣшеніе своей подписью.

Онъ замолчалъ при громкихъ апплодисментахъ. Въ теченіе четверти часа послѣ того совѣщаніе продолжалось въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, всѣ говорили за разъ, во всѣхъ углахъ шли отдѣльные разговоры вполголоса. Изъ дома принесли чернила, перья, бумагу. Былъ написанъ рядъ рѣшеній, имѣвшихъ силу обязательствъ, которыми организовывалась лига защиты. Анникстеръ подписался первымъ, остальные слѣдовали за нимъ, только нѣкоторые отказывались присоединиться, желая сперва обдумать это дѣло. Списокъ росъ, листъ бумаги обходилъ столъ, каждую новую подпись привѣтствовали громкими криками. Наконецъ, списокъ дошелъ до Херрана, который подписался при грохотѣ апплодисментовъ; когда онъ положилъ перо, ему со всѣхъ сторонъ жали руки.

— Теперь—Магнусъ Деррикъ.

— Господа!—сказалъ Магнусъ, снова вставая.—Я прошу васъ дать мнѣ подумать. Господа...

Его снова перебили криками:

— Нѣтъ, нѣтъ! Теперь или никогда. Подпишитесь! Присоединитесь къ лигѣ.

— Не покидайте насъ! Мы отъ васъ ждемъ помощи.

Но когда всѣ снова повернулись къ Магнусу, около него стояло другое лицо. Дверь въ отдѣльную комнату забыли запереть, и м-съ Деррикъ, не будучи въ состояніи выносить неизвѣстности, собрала всѣ свои силы и вошла въ комнату. Дрожащими руками она схватила руку Магнуса и ея широко открытые глаза выражали ужасъ и отчаяніе. Она не понимала, что̀ именно происходитъ, но эти кричащіе люди заставляли Магнуса обязаться на что-то, на какое-то ужасное дѣйствіе, на жестокую борьбу всякими средствами съ чудовищемъ изъ стали и пара. Съ нервной храбростью трусовъ, она, такъ не любившая быть на виду, пробралась среди неистовой толпы въ эту жаркую, закрытую комнату, гдѣ пахло водкой, табакомъ, гдѣ все дышало ненавистью и проклятіемъ. Она съ отчаянной мольбой схватила руку мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ,—умоляла она,—не подписывайся.

Она была перышкомъ среди вихря. Вся толпа двинулась къ высокой, прямой фигурѣ хозяина, который стоялъ съ перомъ въ одной рукѣ, а другою сжималъ пальцы своей жены. Крикъ сталъ оглушителенъ; полсотни рукъ протягивались къ нему; тридцать голосовъ во всю мочь умоляли, убѣждали, пеняли, почти приказывали.

Это было возстаніе народа, раскаты начинающагося бунта; толпа, требовавшая руководства, поднялась, наконецъ, повелительная, не допускавшая сопротивленія, всепоглощающая. То была сильная ярость возстанія, чудовище многоязычное, съ огненными глазами, скалящее зубы, показывающее когти, налагающее свою волю съ неуклонностью пущеннаго поршня, неумолимое, не знающее состраданія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—умоляла Анни Деррикъ.—Нѣтъ, Магнусъ, не подписывайся.

— Онъ долженъ!—закричалъ Херранъ надъ ухомъ матери.—Онъ долженъ. Развѣ вы не понимаете?

Толпа приступала ближе. М-съ Деррикъ оттиснули назадъ. Ея мужъ уже не принадлежалъ ей. Она заплатила дань за право быть женою великаго человѣка. Внѣшній міръ, какъ желѣзное кольцо, отдѣлилъ ее отъ него. Толпа мужчинъ окружила Магнуса; Анни уже не видала его, она стояла, прижатая къ стѣнѣ, пораженная ужасомъ и слушала. Наступило короткое затишье, а за нимъ дикіе крики радости:

— Магнусъ подписался.

Херранъ нашелъ мать у стѣны, она зажимала уши руками, глаза

ея расширились отъ страха и были полны слезъ. Онъ увелъ ее назадъ въ житницу, оставилъ тамъ на попеченіе м-съ Три и Хильмы, а самъ, ничего не отвѣчая на сотни безпокойныхъ вопросовъ, быстро вернулся въ мужскую комнату.

Тамъ уже началась баллотировка, Остерманъ дѣйствовалъ въ качествѣ временнаго предсѣдателя. При первомъ голосованіи онъ былъ выбранъ секретаремъ лиги, а Магнусъ единогласно предсѣдателемъ. Выбранъ былъ исполнительный комитетъ, который долженъ былъ собраться на другой день въ Лосъ-Муэртосѣ.

Пробило половина второго. Большая часть гостей разъѣхалась. Музыканты давно исчезли. Оставались семьи фермеровъ, принимавшихъ участіе въ митингѣ. Онѣ сидѣли отдѣльными кучками въ углахъ опустѣвшей, гулкой житницы,—женщины, закутанныя въ мантильи, мужчины—съ поднятыми воротниками отъ сквозняковъ, которые снова стали чувствоваться.

Еще добрые полчаса гулъ оживленныхъ разговоровъ слышался за дверью мужской комнаты; наконецъ, стулья задвигались. Засѣданіе кончилось. Мужчины выходили группами и разыскивали свои семьи.

Начался разъѣздъ. Всѣ были разбиты усталостью. Нѣкоторыя изъ дочерей фермеровъ спали, прислонившись къ матерямъ.

Разбудили Билли и его помощника; приводили лошадей. Около конюшни шныряли фонари, блестѣли лампочки экипажей. Лошади бились и кусали удила, трещали ремни и пружины телѣжекъ, въ которыя разсаживались гости. Ежеминутно слышенъ былъ стукъ колесъ, экипажъ за экипажемъ исчезалъ во мракѣ ночи. Моросилъ мелкій дождикъ и фонари выдѣлялись тускло въ большихъ пятнахъ оранжеваго цвѣта.

Магнусъ Деррикъ уѣхалъ послѣднимъ. У дверей житницы онъ нашелъ Анникстера съ листомъ подписей подъ мышкой,—было рѣшено, что временно этотъ листъ долженъ хранить Анникстеръ. Они молча пожали другъ другу руки, и Магнусъ уѣхалъ. Колеса его экипажа рѣзко заскрипѣли, проѣзжая по гравію у дома, прогремѣли на маленькомъ мостикѣ ниже. Еще нѣсколько минутъ былъ слышенъ топотъ лошадей по дорогѣ. Замолкъ и онъ, и вдругъ наступила полная тишина.

Анникстеръ стоялъ еще у дверей своей огромной житницы и смотрѣлъ передъ собой. Житница была пуста. Этотъ удивительный вечеръ кончился. Вихрь вещей, людей, танцующая толпа, Деланей, дуэль, Хильма и ея взглядъ, устремленный на него въ нѣмомъ признаніи, кутежъ въ мужской комнатѣ, новость объ оцѣнкѣ земель, дикій приступъ негодованія, поспѣшная организація лиги,—все это про-

носилось въ его памяти. Но онъ усталъ. Завтра будетъ время подумать обо всемъ. Дождь усилился. Анникстеръ положилъ листъ съ подписями въ карманъ, накинулъ на голову и плечи мѣшокъ и пошелъ въ домъ.

Но въ мужской комнатѣ, освѣщенной лампами и фонарями, среди опрокинутыхъ стульевъ, розлитаго пунша, окурковъ и разбитыхъ стакановъ все еще оставались Веннеми и Презлей и разговаривали. Наконецъ, встали и они и вышли въ главную часть житницы.

Конюхъ Билли ходилъ вдоль стѣнъ и гасилъ лампу за лампой. Мало-по-малу огромная зала темнѣла. По крышѣ непрестанно барабанилъ дождь. Полъ былъ усѣянъ еловыми иглами, апельсинными корками, обрывками кисеи и кусками разноцвѣтной бумаги отъ «фригійскихъ шапокъ». «Сѣрый» въ одномъ изъ стойлъ дремалъ на трехъ ногахъ, изрѣдка съ глубокимъ вздохомъ мѣняя положеніе. Потъ, приподнимая шерсть у него на спинѣ и на бокахъ, издавалъ сильный амміачный запахъ, который смѣшивался съ запахомъ духовъ и увядшихъ цвѣтовъ.

Презлей и Веннеми долго стояли молча, глядя на опустѣвшее зданіе. Наконецъ Презлей сказалъ:

— Ну... что вы думаете обо всемъ этомъ?

— Я думаю,—медленно сказалъ Веннеми,—я думаю, что въ Брюсселѣ былъ балъ наканунѣ Ватерло.

А. Г.

Конецъ первой книги.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. П. ОГАРЕВА *).

Изъ старыхъ тетрадей.

XV.

Осенній день былъ сѣръ и сыръ
И мелкій дождь ежеминутно
На землю капалъ; мокрый міръ
Смотрѣлъ уныло, безпріютно.
Казалось пусто. Садъ притихъ,
Замолкъ деревьевъ гулъ протяжный,
И желтый листъ, срываясь съ нихъ,
Печально мокъ на почвѣ влажной,
И только утки, какъ всегда,
Плескались глупо у пруда.

(1850-хъ годовъ).

XVI.

Все превосходное,
Все благородное—
Стало безплодное;
Все, что ничтожное,
Пошлое, ложное,
Въ жизни всплываетъ
И отнимаетъ—
Въ виду могилы—
Послѣднія силы.
Тутъ-то и знай—
Силъ не теряй!

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1902 г.

Какъ жить ни жутко,—
Все сохраняй,
Все вызывай:
Свѣжесть разсудка,
Сердца движеніе,
Жаркое рвеніе,
Чувство святое
Любви и покоя,
Стойкость борьбы
Противъ судьбы,—
Чтобы ничтожное,
Пошлое, ложное,
Какъ ни томя, ни губя,
Не раздавило тебя.
Безъ ожиданія,
Безъ уставанія,
Безъ содроганія—
Гдѣ-бъ ни застигъ
Послѣдній мигъ—
Скажи себѣ,
На зло судьбѣ,
Что сохранилъ,
Покуда жилъ,—
Все превосходное,
Все благородное.

(1859 г.).

XVII.

Призракъ.

Въ одну изъ тѣхъ ночей весенняго тепла,
Когда покоится серебряная мгла,
А мѣсяцъ трепетный наводитъ освѣщенье,—
Въ одну изъ тѣхъ ночей явилось мнѣ видѣнье.
Подъ дубомъ вѣковымъ недвижно я лежалъ,
Раскрыть глаза едва-едва имѣя силу,
Какъ будто былъ готовъ сойти въ могилу
И для меня мой часъ послѣдній наставалъ.
Не поднималися безпомощныя руки,
Но слухъ еще ловилъ какихъ-то голосовъ
Блаженства полные, знакомые мнѣ звуки
Въ движеньи воздуха и трепета листовъ.

И вдругъ пришла она; все тотъ же образъ стройный,
Все также хороша, все также молода,
Съ улыбкой тихою и поступью спокойной,
И взоромъ ласковымъ, какъ въ прежніе года,
И близъ меня она колѣна преклонила...
«Зачѣмъ,—я ей сказалъ,—зачѣмъ приходишь ты?
Я знаю—никогда меня ты не любила...
А я? А я всю жизнь не зналъ иной мечты;
Любилъ ли я еще когда-нибудь?—не знаю—
Ни прежде, ни потомъ... Но жизнь пережита,
Теперь уже я старъ, теперь я умираю...»
Тутъ устъ моихъ ея коснулися уста...
Въ послѣдній разъ во мнѣ сердечное біенье
Мгновенно вздрогнуло и замерло совсѣмъ...
Тогда исчезло все—и звуки, и видѣнье,
Глаза закрылися, и былъ я глухъ и нѣмъ,
И только блѣдная луна еще глядѣла
На мертвое, хладѣющее тѣло.

(Въ Англіи).

XVIII.

Изабелла.

(Отрывокъ изъ комедіи безъ конца).

Ты вовсе самъ еще не знаешь,
Какъ я довольна, милый мой,
Что ты со мною не скучаешь
И не смѣешься надо мной.
Я такъ проста и боязлива,
Не учена я ничему,—
А все же внемлешь терпѣливо
Ты разговору моему.
Порою мнѣ стыдиться надо
Моей невольной простоты...
Зато, какъ я бываю рада
Въ душѣ понять, что скажешь ты.
Но что я знаю, что умѣю,—
Такъ это, другъ, тебя ласкать,
Обвить тебѣ руками шею,
Тебя къ груди моей прижать,
Къ твоимъ устамъ прильнуть устами,

Къ тебѣ примкнуть всю жизнь мою,
И, чуть дыша, полусловами
Тебѣ шептать: люблю, люблю!...
(Конецъ 50-хъ годовъ).

XIX.

Дѣдушка.

Ахъ, изба ты моя невысокая...
Посижу, погляжу изъ окна,
Только степь-то подъ снѣгомъ широкая,
Только степь впереди и видна.
Погляжу я во внутрь: полно ль, пусто ли?...
Спитъ старуха моя, какъ въ ночи;
Сиротинка—внучонокъ, знать съ устали,
Подъ тулупомъ залегъ на печи,
Взялъ съ собой и кота полосатаго...
Только я словно жду-то чего,—
А чего?... развѣ гроба досчатаго,
Да не долго, дождусь и его.
Жаль старуху мою одинокую!
А внучонокъ подсядетъ къ окну,—
Только степь-то подъ снѣгомъ широкую,
Только степь и увидитъ одну.

XX.

У моря *).

— Дождь и холодъ! А ты все сидишь на скалѣ.
Посмотри на себя—ты босая!
Что на море глядишь? Въ этой пасмурной мглѣ
Не видать, словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-Богу!—

«О! я знаю, зачѣмъ я сижу на скалѣ!...
Что за нужды, что сыро и скверно?
А его различить я сумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется, навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!

*) Напечатано въ заграничномъ изданіи „Стихотвореній“ Н. П. Огарева. Лондонъ, 1858 г. Изд. Н. Трюбнера.

«Онъ когда уѣзжалъ, вѣтеръ страшно свисталъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала...
Онъ мнѣ руку пожалъ и, смѣяся, сказалъ:
—Ты не бойся знакомаго шквала,—
Въ бурю ловля чудесна!

«Отвязалъ онъ и лодку, и парусъ поднялъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Издалека еще онъ платкомъ мнѣ махалъ,
Буря лодку свирѣпо качала.
Въ бурю ловля чудесна!

«Вѣтеръ парусъ его на клочки изорвалъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
И поднялся такой нескончаемый валъ,
Что я лодку за нимъ не видала.
Въ бурю ловля чудесна!

«Я по утру, и днемъ, и въ полночь на скалѣ;
Что за нужды, что сыро и скверно?
А его различить я сумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется, навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!»

XXI.

Ex profundis *).

«Дитятко, милость Господня съ тобою!
Что ты не спишь до полночи глухой?
Дай я тебя хоть шубенкой прикрою;
Весь ты дрожишь, а горячій какой!»

— Мама! Гляди-ка—отецъ-то, ей-Богу,
Съ розгой стоитъ и стучится въ окно...—
«Полно! отецъ твой уѣхалъ въ дорогу...
Полно! отецъ твой насъ бросилъ давно».

— Мама! А видишь—вонъ черная кошка
Злыми глазами косится на насъ?...—
«Полно же ты, моя милая крошка,
Кошка издохла—вотъ мѣсяцъ какъ разъ».

*) Это стихотвореніе переложено на музыку Пасхаловымъ и поется въ ков цертахъ. Въ собраніе же сочиненій Огарева оно не вошло, и въ Россіи было напе чатано только въ видѣ текста къ музыкѣ.

— Мама! А видишь, вонъ бабушка злая
Пальцемъ грозится тебѣ изъ угла?—
«Полно же, съ нами будь сила святая!...
Бабушка съ годъ ужъ у насъ померла».

— Мама! гляди-ка—все свѣчи, да свѣчи,
Такъ вотъ въ глаза и блестятъ, и блестятъ...—
«Полно, родимый, какія тутъ свѣчи?
Сальный огарокъ послѣдній горитъ».

— Мама! темнѣетъ! ахъ, душно, ахъ, душно!
Мама!—«Ну, что же?... Ну! вотъ ты и спишь.
Я-жъ говорила,—засни-ка послушно,
Такъ и давно бы. Вотъ ты не дрожишь.

И не горячъ ужъ... Да ты и не дышишь?
Да ты остываешь?... Да ты и остылъ?
Господи, Господи! Что-жъ ты не слышишь?
Ну! воскреси, или дай же мнѣ силъ!»

Варіантъ къ послѣднему куплету *):

— Мама! темнѣетъ, душнѣй, все душнѣе,
Мама!—«Хоть сонъ бы тебя подкрѣпилъ!
Свѣчка потухла; онъ будто смирнѣе...
Спишь ты?... о, Боже! да онъ ужъ остылъ!»

XXII.

Могила.

Тихая могила
Отъ начала вѣка
Поглотила много
Жизней человѣка.

Сгнили всѣ до кости,
Иль водой умчались,
Кой-гдѣ—скаля зубы—
Остовы остались.

Цѣли жизней новыхъ
Видны въ тусклой дали,
Мудрецы людскіе
Ихъ не разгадали.

*) Текстъ къ музыкѣ оканчивается именно этимъ варіантомъ.

XXIII.

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Не то-ль отъ скуки, иль отъ лѣтъ,
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину,
А какъ должно быть день отъ дня *)
Вся **) жизнь проходитъ для меня.

1874 г.

XXIV.

Къ концу, къ концу моя дорога!
Мнѣ остается жить немного.
Часы бѣгутъ, часы бѣгутъ,
А не свершенъ завѣтный трудъ...

XXV.

Раздумье.

Да! я состарился, вошелъ въ такія лѣта,
Гдѣ интересъ прошелъ едва-ль не ко всему,
Я-ль выжилъ изъ ума, иль пищи нѣтъ уму?
Читаю-ль не весьма почтенныя газеты,
Иль слушаю порой болтливый разговоръ,
А чуется вездѣ—совсѣмъ безплодный вздоръ.

(1876 г.)

XXVI.

Четвергъ, 6 января 1876 г.

Сегодня снѣгъ напомнилъ мнѣ отчизну,
И на него привѣтно я взглянулъ:
Онъ такъ былое сердцу помянулъ,
Что по роднымъ я совершаю тризну.

XXVII.

Первое апрѣля.

Осталось жить уже недолго мнѣ,
Похоронятъ меня въ чужой сторонѣ.

---

*) Въ оригиналѣ стоитъ: „дня со дня“.
**) Въ оригиналѣ стоитъ: „Все“.

СВАТОВСТВО.

Разсказъ.

— Эй ты!... Алеша!... Колеса-то ты гдѣ сперъ?—кричали Алешѣ Перилкину мужики, когда онъ привезъ на барское гумно небольшой возъ овсяныхъ сноповъ и сталъ подавать его на скирдъ.

— Аль оглохъ?... Алеша!... Колеса-то откуда у тебя? Аль къ свадьбѣ готовишься?

— Алеша по новому ѣздить сталъ!

— Хитеръ малый, да не совсѣмъ. Ты бы одни задніе укралъ, а другіе передніе. А то всѣ четыре переднихъ.

Алеша подъѣхалъ къ скирду съ дѣвкой, уже немолодой. Дѣвка полѣзла на скирдъ принимать снопы, которые подавалъ ей Алеша.

— Ты, Алеша, Дашу дома бы оставилъ! А то она такой скирдъ сложитъ, что и намъ-то спасибо не скажутъ, да и женихъ не похвалитъ,—сказалъ одинъ изъ поденныхъ стариковъ, стоявшихъ на скирдѣ и наблюдавшихъ за укладкой сноповъ.—Ну, ты!... куда снопъ наложила? Слѣпа, что ли?... Вишь торчитъ, вѣдь такъ весь скирдъ на бокъ пойдетъ!... Еще невѣста!...

Алеша молчалъ и только изрѣдка говорилъ дочери:

— Хорошенько, Даша, хорошенько клади. Ровнѣй... ровнѣй.

— Я и то ловно,—картавя отвѣчала Даша.

— Ѳеѳела!...—громко крикнулъ гуменный староста на Дашу,—гляди, чортъ бы тебя побралъ, что дѣлаешь!—Староста подошелъ къ лошади Алеши.—Ну, отъѣзжай скорѣй, что ты два часа-то людей держишь? А привезъ-то небось три крестца. Съ невѣстой.

— Ей-Богу копну, Ѳедоръ Васильевичъ.

— Копну-у! За вами тутъ нешто углядишь, черти... прости Господи!...

Староста отошелъ.

Кое-какъ сложивъ свои снопы и ссадивъ дочь на пустую телѣгу, Алеша подъѣхалъ къ конторщику, записывавшему, сидя въ тѣни развѣсистой ветлы, кто сколько привезъ копенъ.

— Запиши, Василій Павлычъ, запиши меня-то,—говорилъ Алеша, снявъ шапку и подавая конторщику ярлычекъ, полученный имъ отъ полевого старосты.

— А! Алеша, здравствуй! Ну, что—на базарѣ укралъ вчера что-нибудь невѣстѣ или не удалось?

— Будетъ, Василій Павловичъ, шутить-то!

— Да нешто я шучу! Э! да у тебя, правда, всѣ колеса одинакія. Я думалъ—народъ такъ болтаетъ.

— Это я покупалъ... ошибся...

— Знаемъ мы, какъ ты ошибся. А это ты тоже ошибся, какъ тебя селедкой-то дули, когда ты и селедку стащить захотѣлъ!...

Между тѣмъ другіе мужики подходили тоже со своими ярлычками записывать копны. Нѣкоторые остановились и, слушая разговоръ конторщика съ Алешой, смѣялись.

— А ты, Василій Павлычъ, спроси его, какъ онъ платокъ невѣстѣ у Матвѣй Алексѣева стащилъ. Какъ хватились: его и слѣдъ простылъ. Таперича его въ лавки краснорядцы пущать не стали.

— Да ты отпусти меня-то, Василій Павлычъ,—просилъ Алеша.—Я бы ужъ еще копну свезъ...

— А ты ступай, а намъ свою красавицу оставь...

— Будетъ шутить-то; отпусти, Христа ради.

Когда конторщикъ говорилъ про Алешину красавицу, собравшаяся кучка крестьянъ громко захохотала. Наконецъ-то Алешу отпустилъ конторщикъ, сдѣлавъ должную помѣтку на его ярлыкѣ.

Алексѣй Перилкинъ былъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ мужиковъ деревни. Маленькій, слабосильный, съ жиденькой бородой и кривыми ногами, онъ и въ молодости смахивалъ на старика и заслужилъ прозваніе «корявый». Теперь же, какъ ему было уже за пятьдесятъ, онъ вовсе заслуживалъ это названіе. Если мы скажемъ, что у него не было верхнихъ переднихъ зубовъ, что когда онъ говорилъ, то на лицѣ его замѣчались маленькія подергиванія, усиливавшіяся при волненіи, и наконецъ, что онъ всегда былъ въ грязномъ бѣльѣ и рваномъ зипунишкѣ или рваной шубенкѣ—то читатель будетъ имѣть о немъ полное представленіе. Жена его Марѳа—хоть и старуха—ее звали всегда Марѳуша, какъ самого Алексѣя—Алешей, была ему подъ пару, тоже маленькая, тоже корявая, вѣчно грязная, вѣчно растрепанная, съ большими отвислыми губами.

Жили они отродясь бѣдно. И отецъ, и дѣдъ Алеши были бѣд-

ны, бѣдны и понынѣ оставались какъ Алеша, такъ и отдѣленный братъ его. Спросите любого ихъ односельца про Перилкина: онъ рукой махнетъ;—такъ, пустой мужичонко,—скажетъ онъ. Чего про него говорить? Лядащій... одно слово. Лѣнивъ онъ очень, что ли? Да не то, что лѣнивъ, а такъ маломощенъ больно, да послѣднее время баловаться сталъ кражами. Прежде, бывало, не слыхать было, а нонче, что ни базаръ, то что-нибудь да набѣдокуритъ. Что, его судили когда? Ну, судиться съ нимъ еще! тамъ, что украдетъ, тѣмъ его и отхлестаютъ. А стоитъ съ такимъ судиться!... Все свою дуру, Дашку, ублаготворить хочетъ! Какъ ублаготворить? Да какъ? Знамо дѣло, какъ! Замужъ выдать норовитъ, да жениховъ для нея не оказывается.

Дѣйствительно, чудно̀й былъ человѣкъ. Дѣтей съ своей Марѳушей они произвели на Божій свѣтъ чуть не дюжину. Да все помирали, иной—какъ родится, а иной двухъ, трехъ лѣтъ. Одинъ мальчикъ до шести лѣтъ дожилъ, да оспой померъ. Родились все больше мальчики, и родители души въ нихъ не чаяли. Вотъ,—говорилъ Алеша,—вырастутъ у меня. Хоть подъ старость заживемъ! Но мечтамъ ихъ не суждено было осуществиться. Поживетъ, поживетъ ребенокъ, да и помретъ. Горе Алеши при этомъ бывало большое. Но дѣлать было нечего. Поплачутъ бывало, да и утѣшатся на томъ, что Богъ еще сына пошлетъ. Наконецъ, Марѳуша родить перестала, а сына не было. Одна только дочь Даша осталась какимъ-то чудомъ, выживъ въ ихъ холодной, набокъ покосившейся избушкѣ, и часто безъ другой пищи, кромѣ размоченныхъ въ водѣ кусковъ чернаго хлѣба, собранныхъ Алешей Христа ради. Скотины у нихъ, кромѣ лошади и куръ, никогда не было никакой. Съ молокомъ коровьимъ ихъ дѣти были знакомы только настолько, насколько Марѳушѣ удавалось выпросить молочка у богатой сосѣдки. Это случалось, когда ребенокъ заболѣвалъ у нея, что̀ обыкновенно кончалось его смертью. Съ лошадью же Алеша не разставался никогда, и когда она у него падала, то, бывало, продастъ, что можетъ, закабалится самъ подъ работу, но новую лошадь, хотя старую и хромую, но непремѣнно купитъ. Малосильному человѣку и побираться безъ лошади нельзя!

Когда Перилкины потеряли всякую надежду вырастить сына, они перенесли свои надежды на Дашу. Вѣдь все надѣется на что-нибудь человѣкъ!

— Вотъ вырастетъ Дашутка,—говаривали они межъ собой,—возьмемъ за нее въ домъ зятя и тогда заживемъ. Коровку купимъ, будемъ внуковъ поить молокомъ и на старости успокоимся.

Даша росла довольно здоровой, и родители не могли на нее нарадоваться.

— Жаль только, что она ростомъ маленечка будетъ,—говорилъ Алеша.—Смѣяться будутъ.

— Ну, а нешто маленькихъ замужъ не берутъ?—отвѣчала Марѳуша.—Да вотъ Степанидку-то взяли замужъ, а она меньше меня будетъ. Да къ тому же коли въ зятья, прямо на готовое, охотники будутъ. Мало ли бѣдныхъ! Иной отдѣлилъ бы сына, да не съ цѣли отпустить, а тутъ-то вотъ оно: и усадьба, и домъ—все готово. Не о чемъ голову ломать... Лишь бы женихъ вышелъ хорошій.

Ребенкомъ Даша росла некрасивая, толстогубая, вся въ прыщахъ; она очень была похожа на мать. Но родителямъ ребенокъ все кажется красивымъ! Къ тому же она немилосердно картавила. Но это все не такъ важно казалось Марѳушѣ. Сама она была работница плохая; отчасти сама неспособна была, отчасти не къ чему было рукъ приложить. Шерсти, а сплошь да рядомъ и конопли, у нея не было. Чего тутъ прясть, да ткать? А шить въ деревнѣ и ловкая-то баба не Богъ вѣсть какъ шьетъ, а тутъ еще, то и дѣло знай, дѣтей роди, няньчи, да хорони... одно слово, Марѳуша была плохая рукодѣльница...

Дашѣ же работа вовсе не давалась. За что ни возьмется, только испортитъ.

— Ты бы, Дашутка, фартукъ-то свой починила, что рваная ходишь?—спроситъ, бывало, ее сосѣдка.

— Невѣста буду, не буду лваной ходить,—отвѣчала она.

Сосѣдка покачивала головой и умолкала.

Только и разговору дома у Дашутки было, что про ея будущихъ жениховъ. Только объ этомъ мечтать стала и она. Товарки надъ ней смѣялись.

— Нашла, Дашутка, жениха?

— Есце лано!—отвѣчала она.—Будетъ сеснадцать лѣтъ—найду и зениха.

Когда она на улицу ходила, ребята съ ней не играли, а только насмѣхались.

— Дашутка, за меня замужъ пойдешь?—скажетъ ей какой мальчишка, и тутъ же высунетъ языкъ.

— Небось, и безъ тебя зенихъ найдется,—отгрызалась она.

Наконецъ, она стала невѣстой, но продолжала быть грязной и оборванной. Алеша и Марѳуша стали искать жениха. Но на своей деревнѣ это былъ потерянный трудъ. Кромѣ смѣха ихъ предложеніе ничего не вызывало. Они стали искать на сторонѣ. Свахи имъ присылали жениховъ сперва хорошихъ, но кромѣ ругани за свои предложенія ничего не получали.

— Что ты, какъ на смѣхъ, что-ль, къ такой посылаешь? Она на чорта похожа, да и дура къ тому!

Стали свахи посылать плохихъ жениховъ: вдовыхъ съ дѣтьми, самыхъ бѣдныхъ, уродливыхъ. Время шло, и такими женихами Перилкины не брезговали, но сами женихи отказывались. Какъ поговорятъ съ невѣстой, а еще больше какъ поразспросятъ сосѣдей, такъ и уѣзжаютъ и... поминай какъ звали. Всѣ, на ихъ деревнѣ, засидѣлыя дѣвки выдавались въ сосѣднее большое село государственныхъ крестьянъ. Но Дашѣ и тамъ жениха не выискивалось.

Наконецъ, ей минуло двадцать лѣтъ—возрастъ для деревенской невѣсты почти безнадежный. Ее кое-кто сталъ уже называть «вѣковушкой», а Алеша все больше и больше искалъ жениха.

На этомъ самомъ селѣ государственныхъ крестьянъ была у него замужемъ сестра. Онъ къ ней уже давно обращался, чтобы нашла имъ жениха, и она кое-кого присылала, но все неудачно. Алеша ее и упрашивалъ постараться, и виномъ поилъ, и подарки возилъ... но все безуспѣшно.

— Бѣдность наша, вотъ горе... а то были бы женихи.

И задумалъ Алеша какъ-нибудь поправить свои дѣла. Пришла ему мысль для украшенія Даши украсть на базарѣ платокъ. Укралъ. Не замѣтили.

— Что это? Алеша по богатому Дашутку водить сталъ. Въ шерстяныхъ платкахъ ходитъ.

Другой разъ кусокъ ситцу принесъ, ленту, башмаки. Все это сейчасъ надѣвалось на Дашу. Мужики, а главное, бабы, стали приглядываться. Наконецъ, Алеша съ чѣмъ-то попался. Его поколотили. Но онъ продолжалъ красть, все мечтая разбогатѣть, чтобы пристроить Дашу. Онъ не ограничивался краснымъ товаромъ, а кралъ и другія вещи: хомутины, чашку, лопату... что ни попадется подъ руку. Легче всего удавалось ему укатывать колеса. Но какъ ни удачно онъ это дѣлалъ, прятать концы онъ не умѣлъ. Что ни украдетъ, тутъ же, вернувшись, чѣмъ спрятать, и начнетъ показывать при людяхъ. Стали слѣдить. Алеша началъ попадаться чаще. Его били больно. Разъ за украденную селедку его такъ исколотили, что онъ лежалъ недѣлю въ больницѣ. Какъ бывало онъ ни подойдетъ на базарѣ къ какой-нибудь лавкѣ или телѣгѣ съ товаромъ, такъ купцовъ предупреждали: смотрите, молъ, за этимъ человѣкомъ, онъ на руку не чистъ. Какъ бы не стащилъ чего. Когда онъ попадался, онъ бросался на колѣни и съ трясущимися губами просилъ прощенія. Все лицо его подергивалось. Простите! не буду больше! А тутъ же еще пытался что-нибудь украсть. Мысль какъ-нибудь, да отдать замужъ дочь, гвоз-

демъ сидѣла въ его головѣ. Онъ зналъ, что дурно дѣлаетъ, но дѣлалъ это для счастья дочери и вѣрилъ, что Богъ его проститъ!

За нѣсколько дней до описанной въ началѣ сцены, когда онъ съ дочерью возилъ снопы, онъ ухитрился незамѣтно укатить два колеса; вмѣсто развалившихся заднихъ колесъ ему пришлось утащить переднія, и онъ сталъ ѣздить на четырехъ ровныхъ колесахъ. Первая это замѣтила его сестра, къ которой онъ заѣхалъ.

— Что это ты, Алеша, дѣлаешь? Вѣдь тебя всѣ за вора почитать стали. Нехорошо!

— А что же я подѣлаю! Вотъ найди Дашѣ жениха, я воровать не стану.

— Да какъ тебѣ жениха найдешь? Коли кому и скажешь, такъ вѣдь всѣ носъ воротятъ. Что же съ воромъ, что-ль, родниться прикажешь?

— Ужъ сдѣлай милость, найди! ей-Богу не буду больше.

— Да женихъ-то тутъ есть, да только съ изъяномъ.

— Съ какимъ изъяномъ?

— Кривой онъ.

— Ну, что-жъ? Нешто кривой не человѣкъ? Присылай, голубушка, авось-то Богъ дастъ. Онъ бѣдный, въ зятья пойдетъ?

— Бѣдный, чего бѣднѣе? побирается.

— Ну, присылай, присылай! А малый ничего, хорошій?

— Малый-то золотой и работать гораздъ. Только вотъ—кривой.

— Присылай, тебѣ говорятъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить.

На слѣдующее воскресенье къ нимъ пріѣхалъ женихъ со свахой. Онъ оказался малый ничего себѣ, только одинъ глазъ у него былъ бѣлый. За этотъ глазъ ни одна дѣвка за него не шла. Сваха Дашу ему расхвалила, какъ дѣвку умную и рукодѣльную, хотя некрасивую и уже не молодую. Но не красоты было искать кривому.

У Перилкина все было по возможности убрано. Даша разодѣта какъ можно. На столѣ была водка. Гостя встрѣтили съ почетомъ.

— Ты, Даша, сиди себѣ, не говори. А то еще осудятъ, коли ты чего не такъ скажешь,—училъ ее Алеша.

Даша сидѣла и молчала. Алеша то и дѣло подливалъ жениху вина.

— Не дѣвка, а прямо золото,—говорила ему тоже подгулявшая сваха.

Женихъ напился пьянъ и, порѣшивъ свадьбу отпраздновать какъ можно скорѣе, уѣхалъ домой. Вскорѣ пріѣхали смотрѣть невѣсту его родные, причемъ Даша опять молчала. Родные на свадьбу дали свое согласіе. Алеша ни кладки, ни угощенія не требовалъ. Дѣло было налажено. Вся деревня заговорила. Кто ни встрѣтитъ Алешу, смѣется:

— И хитрый ты, Алеша, человѣкъ. Подцѣпилъ, такъ подцѣпилъ жениха. Хоть кривой, а все женихъ.

Алеша былъ внѣ себя отъ радости и все обсуждалъ съ Марѳушей, какъ они устроятся послѣ свадьбы. Рада была и Даша и съ гордостью отвѣчала на остроты товарокъ:

— Мой зенихъ лутце длугихъ. Онъ меня во какъ водить будетъ.

— Дашка думаетъ за короля идетъ. Да король-то твой кривой! На это Даша не отвѣчала, только глупо улыбалась. За два дня до свадьбы Алеша съ дочерью отправился на базаръ кое-что продать, кое-что купить къ свадьбѣ. На обратномъ пути они ѣхали мимо женихова дома. Они заранѣе уговорились, что заѣдутъ. Ихъ уже ждали, причемъ собрались родные. Выпили водки, и Алеша сразу захмѣлѣлъ.

— Что это, толпа какъ будто къ намъ идетъ?—сказалъ кто-то, глядя въ окно.

Толпа дѣйствительно подходила, но, не входя въ домъ, остановилась у Алешиной телѣги. Затѣмъ въ домъ вошелъ краснорядецъ, здоровый мужчина, краснощекій, въ длинномъ сюртукѣ. Въ рукахъ у него былъ кусокъ сукна.

— Пойдемъ, пойдемъ; ты опять шалить вздумалъ. Ну-ка, пойдемъ къ уряднику.

Краснорядецъ схватилъ Алешу за рукавъ и вытащилъ наружу. Алеша не сопротивлялся. За нимъ вышли Даша, женихъ и ся вся родня.

— Житья отъ негодяя коряваго нѣтъ,—продолжалъ краснорядецъ.—Къ уряднику его!

Алеша бросился на колѣни. Онъ весь трясся, а лицо его ходуномъ ходило.

— Простите, господинъ купецъ, я... послѣдній разъ... я больше не буду... это къ свадьбѣ дочери... Помилуйте меня, Христа ради... Ей-ей, не буду.

— Правда, Матвѣй Алексѣевичъ,—сказалъ кто-то изъ толпы.—Стоитъ такого по урядникамъ, да по судамъ водить. Проучите его сами и дѣлу конецъ. Чтобы помнилъ.

— И то дѣло!... Ну, говори, будешь еще?

Краснорядецъ кулакомъ ударилъ его по уху. Алеша повалился. Даша бросилась къ отцу.

— Не бейте бачку!... Бачка не будетъ!... онъ послѣдній лазъ!... Къ свадьбѣ готовилъ мнѣ на поддевку.

— На поддевку! Я тѣ дамъ на поддевку! И купецъ еще его ударилъ. Алеша застоналъ. Даша старалась его загородить.

— Ну его, Матвѣй Алексѣевичъ, стоитъ объ такого руки марать,—сказалъ кто-то изъ толпы, не то купецъ, не то крестьянинъ.

— Не буду!—всхлипывалъ Алеша.

— Ну, его къ чорту, правда,—сказалъ краснорядецъ.—Ну, теперь помни. Коли ты еще попадешься, мало того, что исколочу до полусмерти, но и уряднику передамъ.

Свадьба Даши послѣ этого скандала разстроилась. Алеша воровать пересталъ. Онъ потерялъ надежду выдать Дашу. Не было цѣли воровать. Не стало и цѣли въ жизни. Онъ больше побирается и только рѣдко, рѣдко, когда выпьетъ, говоритъ Марѳушѣ:

— А, можетъ, еще найдется женихъ какой?...

Марѳуша машетъ рукой и утираетъ слезу. Прошло пять лѣтъ со времени послѣдняго сватовства Даши. Народъ все еще, смѣясь, зоветъ ее невѣстой.

А. Новиковъ.

Въ апрѣльской книжкѣ въ разсказѣ Е. М. Милицыной „На Голубинкѣ“ вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
134	19—20 снизу	Жена, было, покойница сустрѣтила	Жена, было, сустрѣтила
144	14 снизу	Мой хозяинъ пріѣхалъ! мужъ пріѣхалъ	Мой хозяинъ пришелъ! мужъ пришелъ

Задачи гигіены въ сельской Россіи *).

Получивъ лестное приглашеніе комитета VIII Пироговскаго съѣзда говорить передъ врачами всей Россіи, я считалъ своимъ долгомъ посвятить мою рѣчь одному изъ наиболѣе крупныхъ вопросовъ въ нашей области и остановился, по моему мнѣнію, на самомъ крупномъ,—на нашей деревнѣ и ея обитателяхъ. Вопросъ этотъ старый и всѣмъ извѣстный, освѣтить его болѣе или менѣе полно въ короткій срокъ рѣчи очень трудно, еще труднѣе прибавить что-либо новое, не затронутое ни въ литературѣ, ни въ мысляхъ членовъ съѣзда, на прежнихъ его собраніяхъ. Поэтому, я буду говорить со старымъ матеріаломъ въ рукахъ и постараюсь лишь выяснить предъ вами насущные интересы деревни по отношенію къ той отрасли врачебныхъ наукъ, которой я имѣю честь быть представителемъ въ университетѣ, т.-е. по отношенію къ общественной гигіенѣ. Отъ себя я могу прибавить лишь то немногое, что составляетъ мой жизненный и педагогическій опытъ.

Позвольте же мнѣ начать мою экскурсію въ область всѣмъ извѣстнаго съ простѣйшей статистической справки изъ любого современнаго календаря.

По первой всенародной переписи 1897 г., въ Россіи, безъ Финляндіи, всѣхъ жителей оказалось 127 милліоновъ, изъ нихъ только 16 мил. живутъ въ городахъ, а 111 мил. внѣ городовъ, въ деревнѣ. Другими словами, городское населеніе составляетъ у насъ менѣе 13% или $^1/_8$ части всего населенія Россіи. Слѣдовательно, что же такое Россія, взятая въ цѣломъ? Очевидно, это страна деревенская по преимуществу. Если это такъ, то посвящены ли интересамъ деревни всѣ главныя ея заботы, направляются ли въ деревню главныя культурныя силы, посвящены ли деревнѣ главныя заботы о врачебной помощи, о развитіи общественной гигіены? На всѣ эти вопросы приходится съ сожалѣніемъ отвѣчать: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Со временъ Петра Великаго, Россія безспорно движется по пути про-

*) Рѣчь, произнесенная 10 января 1902 г. въ общемъ собраніи VIII Пироговскаго съѣзда врачей въ Москвѣ.

свѣщенія, по пути общечеловѣческой культуры, но движеніе это проявляется двумя различными потоками. Верхній потокъ сравнительно быстръ; отклоняясь то вправо, то влѣво, огибая каменныя глыбы преданій и предразсудковъ, запруживаясь мѣстами грядами косности и лѣни, потокъ этотъ все же имѣетъ общее теченіе, переходитъ временами въ быструю струю, разрушающую препятствія, и мы, участники этого движенія, съ гордостью говоримъ въ наше время: да, мы въ Европѣ, мы имѣемъ свою науку, свою литературу, свои произведенія искусства, свои международныя и міровыя задачи! Не отставая отъ Запада, мы имѣемъ уже и переутомленіе и перепроизводство интеллигенціи; и пессимизмъ и всѣ другіе аттрибуты старой и старѣющей цивилизаціи. А другой потокъ? Онъ обширенъ и многоводенъ, какъ наши рѣки, такъ же богатъ мелями и перекатами и медленно катитъ свои волны, нисколько не соображаясь ни съ направленіемъ, ни съ скоростью верхняго потока. Въ его затонахъ и заводяхъ найдемъ еще стоячія воды XVI и XVII вѣковъ и лишь изрѣдка болѣе быстрое теченіе, подгоняемое отраженіями сверху.

Въ нашемъ верхнемъ слоѣ мы ведемъ длинные дебаты о томъ, чему и какъ слѣдуетъ учиться и хорошо ли даже учиться при такихъ или иныхъ порядкахъ, а тамъ, внизу, различаютъ людей только на грамотныхъ и неграмотныхъ и часто не могутъ учиться при всемъ желаніи, по недостатку учебныхъ средствъ.

Въ нашемъ верхнемъ слоѣ взаимныя отношенія между людьми регулируются закономъ, всякій можетъ знать въ извѣстной мѣрѣ свои права и обязанности, можетъ мечтать объ измѣненіи законовъ устарѣвшихъ или неудобныхъ. А тамъ, внизу, блага закона проявляются только въ самыхъ крупныхъ вопросахъ жизни или въ рѣзкихъ уклоненіяхъ отъ нормы, напримѣръ, въ судѣ за крупныя преступленія. Въ болѣе же частыхъ отношеніяхъ жизни, регулирующей силой является обычай и толкованіе его устами полу-интеллигента. Господствуетъ смѣшеніе понятій о начальствѣ и законѣ.

Въ концѣ-концовъ между городомъ и деревней все еще цѣлая пропасть, все еще имѣютъ силу слова стараго поэта:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.

Это та тишина, которую вы встрѣтите, отъѣхавъ 30—50 верстъ отъ Москвы, тишина, которую вы видите глазами изъ окна вагона, тишина, которая не нарушается ни приходомъ почты, ни полученіемъ газетъ и книгъ, ни обсужденіемъ текущихъ явленій русской жизни. Тишина столь знакомая нашимъ товарищамъ—земскимъ врачамъ, которая гнететъ ихъ молодые годы и нерѣдко отрываетъ ихъ отъ высокаго и благороднаго дѣла.

Правда, истекшій XIX вѣкъ многое измѣнилъ въ этой мрачной картинѣ. Интересами деревни проникались лучшіе русскіе люди въ области поли-

тики, науки, искусства. Служеніе народу сдѣлалось своего рода религіей лучшей части общества и не пропало даромъ. Рухнуло крѣпостное право, измѣнился тягостный характеръ воинской повинности, явились правда и милость на судѣ, явилось земство, народилась земская медицина, въ которой впервые нужды деревни были заявлены громко и ярко и въ удовлетвореніи ихъ стали примѣняться не принципы западнаго культурнаго индивидуализма, а начала русской общинной жизни.

Возникновеніе и 35-лѣтняя дѣятельность земства въ Россіи есть та свѣтлая страница, которая освѣщаетъ исторію заброшенности деревни и, несмотря на всѣ ея неудачи, фальшивые шаги и внѣшнія препятствія, создала уже много положительныхъ пріобрѣтеній для деревни. Зная и высоко цѣня все, что сдѣлано земствомъ для деревни вообще и въ нашей области въ особенности, я всетаки утверждаю, что сдѣлано еще крайне мало, что, радуясь нашимъ успѣхамъ въ культурѣ, мы все еще часто и во многомъ забываемъ деревенскую Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ губерній и областей въ Россійской Имперіи, не считая Финляндіи, 89, а земскихъ губерній всего 34. Все населеніе равняется 127 мил., въ томъ числѣ въ земскихъ губерніяхъ 66 мил., въ неземскихъ—61 мил.; такъ что благами и принципами земствъ пользуется едва половина населенія. Въ то же время мы видимъ, что дѣятельность земства на пользу деревни въ послѣднее время развивается слабо: въ правительственныхъ сферахъ выражается недовѣріе къ хозяйственной зрѣлости земскихъ органовъ, въ образованномъ обществѣ интересъ къ земскимъ задачамъ ослабѣлъ до минимума, въ самихъ земствахъ замѣчается вялость, стремленіе застыть въ созданныхъ формахъ дѣятельности и даже нерѣдко движеніе назадъ, формулированное въ столь извѣстныхъ и тягостныхъ понятіяхъ, какъ «сократить» или «упразднить».

Деревня въ настоящее время напоминаетъ о себѣ большею частью явленіями крайне непріятными, досадными: неурожаи, продовольственныя нужды, переселенія, пожары. Все скучное, неинтересное, обидное для національнаго самолюбія, идетъ изъ деревни. Деревня—это вѣчный упрекъ нашей культурѣ, нашимъ промышленнымъ и духовнымъ успѣхамъ, нашей политической мощи.

Упреки деревни, какъ упреки совѣсти, мы стараемся временами заглушить сомнѣніемъ въ цѣнности и важности ея исконныхъ интересовъ. Развитіе промышленности, неизбѣжность капитализма, высшіе и новые интересы искусства, даже пересмотръ принциповъ христіанской морали, все привлекается къ тому, чтобы оправдать наше пристрастіе къ городскимъ европейскимъ задачамъ и формамъ жизни, а деревенская Россія пусть переселяется въ города, пусть приспособляется къ новымъ формамъ жизни; мы ей не мѣшаемъ и за ея судьбу не отвѣтственны.

Но голосъ совѣсти вполнѣ заглушить нельзя, и въ каждой отрасли жизни, каждый искренній русскій дѣятель чувствуетъ призывъ этого голоса изъ деревни и невольно обращаетъ туда свои мысли и пожеланія.

Если сказанное мною сколько-нибудь справедливо для всѣхъ отраслей жизни, то тѣмъ болѣе оно справедливо для нашей области, области общественнаго здоровья.

Обратимся же къ нашему врачебному міру и посмотримъ, какъ стоитъ наше дѣло въ городахъ и въ деревняхъ.

Въ городахъ мы имѣемъ университетскія клиники и ихъ авторитетныхъ руководителей, вполнѣ благоустроенныя общія и спеціальныя больницы, обширные родильные дома, врачей спеціалистовъ, спеціальные виды лѣченія, водолѣчебницы, электротерапію, врачебную гимнастику, благотворительную помощь, Красный Крестъ, сестеръ милосердія,—словомъ, всѣ тѣ виды и формы врачебной дѣятельности, которыя выработаны современной наукой, практикой европейской культуры. Для городскихъ же жителей преимущественно существуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи климатическіе курорты, морскія купанья, минеральныя воды, спеціальныя санаторіи.

Въ сельской Россіи въ лучшихъ случаяхъ, и только въ земскихъ губерніяхъ, имѣются небольшія больнички и пріемные покои, со скуднымъ снабженіемъ, съ устраненіемъ всякой спеціализаціи, съ дѣятельностью преимущественно амбулаторной, съ райономъ дѣйствій минимумъ на 10—15 верстъ во всѣ стороны.

Самая существенная основа врачебной дѣятельности—*врачи* распредѣлены въ нашемъ отечествѣ, можно сказать, обратно пропорціонально потребности.

По нѣсколько устарѣвшимъ уже даннымъ д-ра *В. И. Гребенщикова*, во всей Россіи, безъ Финляндіи, всѣхъ врачей было въ 1900 г. 12,482, изъ нихъ 9,422 жило въ городахъ и только 3,060, т.-е. менѣе $^1/_4$ части, въ уѣздахъ и округахъ. На одного врача приходилось въ городахъ 1,700 жителей, въ деревняхъ—36,000 жителей, разбросанныхъ на обширной площади. Если предположить, что въ среднемъ выводѣ каждый житель въ теченіе года нуждается въ совѣтѣ врача только одинъ разъ, что гораздо ниже дѣйствительности, то въ городѣ врачу приходится дать совѣтъ ежедневно четыремъ больнымъ, въ деревнѣ же 98 больнымъ. Если признать, что для такого совѣта врачу нужно только по $^1/_4$ часа времени на каждаго больного, то въ теченіе сутокъ сельскому врачу нужно работать безъ отдыха, болѣе 24 часовъ. Если бы мы пожелали, чтобы въ деревняхъ была обезпечена населенію такая же врачебная помощь, какая уже существуетъ въ среднемъ въ нашихъ городахъ, то къ существующей организаціи нужно бы прибавить еще болѣе 62,000 сельскихъ врачей.

Правда, что въ настоящее время, послѣ подсчета д-ра *Гребенщикова*, общее число врачей въ Россіи достигаетъ приблизительно 20 тыс., но и населеніе за это время возросло на 15—18 мил., распредѣленіе же врачей между селами и городами осталось прежнее и скорѣе относительно возросло число врачей въ городахъ.

Итакъ, въ сельской Россіи, въ ея земскихъ и неземскихъ губерніяхъ,

правильная врачебная помощь по размѣрамъ еще ничтожна, качественно элементарна, доставляя блага современной медицины лишь немногимъ счастливцамъ. Еще очень многіе больные пользуются лишь фельдшерской помощью или торопливой помощью чрезмѣрно утомленнаго врача. Поѣздки къ врачу тяжелыхъ больныхъ за 15—20 верстъ, на тряской телѣгѣ, по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, еще слишкомъ обыкновенная картина. Число больницъ и кроватей въ нихъ крайне мало, помощь спеціалиста лишь рѣдкая случайность. Шаблонъ и нищенская обстановка всего лѣчебнаго дѣла встрѣчаются слишкомъ часто. Если къ этому прибавить частую смѣну сельскихъ врачей, ихъ неудовлетворенность матеріальными и нравственными условіями жизни, почти повсемѣстно замѣчаемый въ послѣднее время застой въ поступательномъ развитіи сельскаго врачебнаго дѣла и равнодушіе, граничащее съ регрессомъ, отвѣтственныхъ его руководителей, то современное положеніе врачебнаго дѣла въ деревнѣ нельзя не признать въ общемъ печальнымъ, несмотря ни на какія блестящія исключенія, которыя намъ хорошо извѣстны и составляютъ во многихъ случаяхъ нашу гордость, даже передъ Западной Европой.

Если таково положеніе деревенской Россіи вообще и врачебнаго дѣла въ ней въ частности, то позволительно ли даже говорить о задачахъ гигіены въ сельской Россіи, что составляетъ главную тему моей рѣчи. Не есть ли это только злая иронія надъ судьбой безпомощныхъ и обездоленныхъ? Я смѣю утверждать, что нѣтъ! 100-милліонная масса населенія не можетъ быть предметомъ іроніи или шутки.

Общественная гигіена, внѣ своихъ общенаучныхъ задачъ, должна стремиться находить въ условіяхъ жизни людей на всѣхъ ступеняхъ культуры вредные элементы и вліянія, нарушающія равновѣсіе здоровья и прогресса физической и духовной организаціи человѣка. При общей и поражающей закономѣрности явленій общественнаго организма, оставляющей при первомъ знакомствѣ впечатлѣніе крайняго однообразія и какъ бы неподвижности явленій коллективной его жизни, въ то же время всюду и вездѣ легко раскрываются *измѣняющія вліянія* и способы ихъ дѣйствій. Составъ населенія по полу и возрасту, его рождаемость и смертность, ростъ и вѣсъ тѣла средняго человѣка, распространенность заразныхъ и иныхъ опредѣленныхъ болѣзней, всѣ эти факторы и критеріи здоровья общественнаго организма, за немногими исключеніями, не представляютъ незыблемыхъ біологическихъ законовъ и, при самомъ легкомъ анализѣ, очень часто обнаруживаютъ связь *причинъ* и *слѣдствій* и, далѣе, возможность вмѣшательства новыхъ *преднамѣренныхъ* вліяній. Сложныя общественныя явленія, каковы указанныя выше, могутъ быть съ одной стороны *предсказываемы*, съ другой—*видоизмѣняемы*. Слѣдовательно, мы находимс въ области положеній и фактовъ *научно*-обоснованныхъ, изъ которыхъ должны вытекать практическія задачи.

При такой постановкѣ вопросовъ общественной гигіены вполнѣ безразлично, будутъ ли они прилагаемы къ городу или къ деревнѣ. И тамъ

и тутъ экономическія основы жизни населенія могутъ измѣняться къ лучшему или къ худшему, за ними соотвѣтственно измѣняются и санитарные факторы. И тамъ и тутъ могутъ измѣняться условія общей культуры, развиваться новыя потребности, внѣдряться новыя привычки и обычаи, полезныя или вредныя для здоровья уклоненія отъ традиціонныхъ формъ обыденной жизни. Соотвѣтственно этимъ измѣняющимъ вліяніямъ, общественное здоровье должно улучшаться или ухудшаться. Слѣдовательно уже à priori, общественная гигіена въ деревнѣ имѣетъ такое же право гражданства, какъ и въ городѣ.

Но изъ сказаннаго, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что задачи общественной гигіены въ деревнѣ просты и легко выполнимы. Намъ достаточно пока признать, что онѣ существуютъ и что стремиться къ нимъ *возможно* и *должно*.

Посмотримъ теперь на практику дѣла. Всякому изъ здѣсь присутствующихъ хорошо извѣстно, что общественная гигіена есть одна изъ наиболѣе молодыхъ отраслей медицинскихъ знаній и практической жизни. Ея задачи стали серьезно изучаться и входить въ жизнь во всемъ цивилизованномъ мірѣ лишь со второй половины истекшаго XIX столѣтія, послѣ крымской войны, послѣ второй пандеміи холеры, послѣ величайшихъ успѣховъ естествознанія и патологіи. Знаменитое изреченіе нашего патрона *Н. И. Пирогова* «будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной»—звучало ново и одиноко не только для Россіи, но и для большей части странъ Западной Европы того времени. Основаніе школы экспериментальной гигіены покойнымъ великимъ учителемъ *М. Петтенкоферомъ* и практическіе успѣхи Англіи, вмѣстѣ съ реформой понятій о статистикѣ, внесенной трудами *Кетлэ*, дали общественной гигіенѣ богатый запасъ научныхъ изслѣдованій и практическіе успѣхи, на которыхъ покоится ея современное стройное зданіе и безспорное значеніе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, проникновеніе къ намъ въ Россію идей и интересовъ общественной гигіены, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, совпало со временемъ введенія великихъ реформъ императора Александра II и въ частности съ созданіемъ новаго фактора русской общественной жизни—земской медицины. Піонеры этого новаго вида врачебной дѣятельности не замедлили проникнуться идеями гигіены въ приложеніи къ земской медицинѣ. Возникло такъ называемое санитарное направленіе. Оно родилось на Волгѣ, формулировалось въ Казани, было сочувственно встрѣчено и поддержано въ Петербургѣ и въ подготовленномъ видѣ возникло въ Москвѣ. Мнѣ достаточно назвать имена *Е. А. Осипова* и *Ф. Ф. Эрисмана*, чтобы для большинства присутствующихъ стало ясно, во что можетъ развиться это санитарное направленіе, руководимое одной общей идеей, трудомъ и настойчивостью большой группы лицъ, которыя проникнись интересами деревни и съ любовью и стараніемъ идутъ впередъ по разъ намѣченному пути. Почти одновременно съ

московскимъ земствомъ санитарное направленіе стало культивироваться въ земствахъ петербургскомъ, вятскомъ, пермскомъ, курскомъ, новгородскомъ, самарскомъ, херсонскомъ и многихъ другихъ. Въ этомъ движеніи было сдѣлано не мало ошибокъ, брались задачи иногда слишкомъ обширныя и всеобъемлющія, но настойчивые люди превозмогали всѣ трудности, а основное направленіе доселѣ не утратило своего значенія. Имъ невольно захватываются и увлекаются всѣ почти врачи, работающіе въ земствѣ. Въ пользу такого заключенія я приведу фактъ изъ своего преподавательскаго опыта. Болѣе 15 лѣтъ я имѣю честь быть профессоромъ гигіены, 15 выпусковъ молодыхъ врачей прошли обязательный курсъ этой отрасли знанія подъ моимъ руководствомъ. Съ нѣкоторой грустью я долженъ признаться, что ни я, ни мои товарищи по каѳедрѣ въ другихъ университетахъ, не можемъ похвалиться очень большимъ вниманіемъ учащихся. Клиника съ ея живыми объектами, операціонныя залы и родильные покои отвлекаютъ нашихъ слушателей. Исполняются обязательныя факультетскія требованія, но не болѣе. Но вотъ наши бывшіе ученики, получивъ свои дипломы, разселяются по селамъ и весямъ Россіи и съ своей молодой энергіей начинаютъ прилагать полученныя знанія къ народнымъ болѣзнямъ и нуждамъ. Проходитъ годъ, два,—и наши, да простится мнѣ это слово, нерадивые ученики проникаются живѣйшимъ интересомъ къ вопросамъ и задачамъ гигіены. Въ своихъ отчетахъ земству, въ своихъ докладахъ въ уѣздныхъ и губернскихъ коллегіяхъ, въ своихъ статьяхъ въ мѣстныхъ изданіяхъ и спеціальныхъ журналахъ, они преимущественно интересуются вопросами гигіены, профилактики, санитарной статистики. Они начинаютъ ясно сознавать пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, читаютъ книги по гигіенѣ, обращаются къ своимъ бывшимъ учителямъ за совѣтомъ и помощью. Это явленіе я считаю весьма знаменательнымъ. Очевидно, это запросъ жизни, на который нужно отвѣтить, очевидно, одна лѣчебная дѣятельность не удовлетворяетъ требованіямъ ума и сердца молодого работника. Когда же для запросовъ жизни нѣтъ готовыхъ образцовъ и установленныхъ формъ, тогда является потребность создавать нѣчто свое, новое, національное, мѣстное. Такимъ творчествомъ коллективной мысли и чувства проникнуты очень многія работы въ области земской медицины и сельской гигіены. Онѣ болѣе или менѣе удачны, иногда слабы, но всегда искренни и серьезны. Словомъ, я хочу сказать, что задачи сельской гигіены уже привлекаютъ къ себѣ многихъ дѣятелей, близко стоящихъ къ деревнѣ, что работы въ этой области, очевидно, не считаются поэтическими мечтами или академическими упражненіями, а дѣломъ возможнымъ и важнымъ.

Но посмотримъ и на обратную сторону медали. Если вы припомните обычное содержаніе гигіены или раскроете одинъ изъ современныхъ курсовъ этого предмета, то какъ будто должны придти къ печальному выводу, что изъ всѣхъ его отдѣловъ ничто почти не приложимо къ русской деревнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ:

Почва данной мѣстности можетъ быть оздоровлена ея дренажемъ, мощеніемъ улицъ и дворовъ, правильнымъ регулированіемъ стоковъ, устройствомъ канализаціи, разведеніемъ садовъ и скверовъ и т. д. Развѣ что-либо изъ сказаннаго приложимо къ деревнѣ?

Раціональное *водоснабженіе* населенныхъ мѣстъ регулируется цѣлесообразнымъ выборомъ источниковъ воды, искусственной ея очисткой и устройствомъ водопровода, съ подачей воды въ каждую обитаемую квартиру. Развѣ это мыслимо въ деревнѣ?

Здоровое *жилище* требуетъ внимательнаго выбора мѣста для постройки, изоляціи отъ почвы, надлежащей вмѣстимости по числу жителей, цѣлесообразной вентиляціи, отопленія, независимаго отъ задачъ вентиляціи, непроницаемыхъ половъ, большой площади свѣта и проч., и проч. Все это такія требованія, о которыхъ и думать нельзя въ деревнѣ.

Здоровая *пища* должна быть смѣшанная изъ продуктовъ животныхъ и растительныхъ; она должна быть разнообразна и богата вкусовыми веществами и вліяніями; припасы должны быть свѣжіе и сохраняться въ ледникахъ или хорошо устроенныхъ кладовыхъ. Часть запасовъ должна быть въ видѣ хорошо приготовленныхъ консервовъ. Питаніе должно приспособляться къ возрасту, занятіямъ, привычкамъ и вкусамъ каждаго потребителя. Развѣ всѣ эти тезисы для деревни?

Тотъ же жестъ удивленія выражается вами, когда вы просмотрите отдѣлы гигіены объ одеждѣ, о баняхъ и ваннахъ, о работѣ и отдыхѣ, о школьной гигіенѣ, о профилактикѣ заразныхъ болѣзней, объ изоляціи, дезинфекціи и проч. Все, что тамъ говорится и совѣтуется—не для деревни. Культурный человѣкъ, прочитавшій такой курсъ, особенно въ переводѣ съ нѣмецкаго, въ лучшемъ случаѣ грустно улыбнется и скажетъ: «не будемъ говорить о гигіенѣ въ деревнѣ, это вопросъ отдаленнаго будущаго, культурныя задачи пока возможны только въ городахъ, и то въ крупныхъ и богатыхъ».

Кто же правъ, мм. гг.? Тѣ ли донъ-Кихоты, которые въ своихъ картонныхъ доспѣхахъ пытаются вступить въ борьбу съ вѣковыми народными нуждами и бѣдствіями, или тѣ разсудительные культурные люди, которые желаютъ дѣйствовать лишь навѣрное, съ мѣрой и вѣсомъ въ рукахъ?

Разумъ и логика, повидимому, на сторонѣ послѣднихъ, а всѣ наши симпатіи, несмотря ни на что, на сторонѣ донъ-Кихотовъ, движимыхъ любовью къ народу и вѣрой въ свое дѣло. Я думаю, однако же, что и логическое сужденіе, особенно по прочтеніи нѣмецкой книги, по существу невѣрно,—и имѣю на это доводы.

Мы, люди стараго поколѣнія, отлично помнимъ, съ какимъ недовѣріемъ наше образованное общество отнеслось, напримѣръ, къ только что возникавшей земской медицинѣ. Говорили, что народъ не любитъ лѣчиться и боится врачей, что въ больницы можно будетъ помѣщать больныхъ раз-

вѣ силой; что смѣшно лѣчить серьезно больныхъ въ грязи и духотѣ крестьянской избы, что хирургическія операціи въ деревняхъ невозможны. Разсказывали анекдоты о проглоченномъ рецептѣ, о съѣденной мази и проч., и проч. Что осталось отъ всѣхъ этихъ разговоровъ и анекдотовъ? Милліоны больныхъ въ земскихъ амбулаторіяхъ, переполненныя сельскія больницы, извѣстныя въ наукѣ и литературѣ имена земскихъ хирурговъ, успѣхи врачеванія по всѣмъ отраслямъ медицины. Все это давно и безповоротно устранило бывшія сомнѣнія, и если земская медицина все еще развивается медленно, то причина тому не въ народномъ недовѣріи.

Тоже и съ гигіеной. Сущность ея успѣховъ не въ томъ, чтобы достигнуть ея книжныхъ идеаловъ. Идеалы важны для установки направленія движенія, а успѣхъ въ самомъ движеніи, въ каждомъ шагѣ впередъ. Важно для начала знать тѣ конкретныя формы зла, которыя нужно устранить, тѣ мѣстныя и индивидуальныя его проявленія, которыя вліяютъ своею важностью, своимъ доказаннымъ значеніемъ. А затѣмъ всякое ограниченіе зла есть уже успѣхъ, подлежащій реальному учету.

Въ массовой жизни нужны и важны не катастрофы, не перевороты, а эволюція въ желательномъ направленіи изъ какого бы то ни было исходнаго положенія. Все, что въ народной жизни можетъ быть достигнуто понятымъ совѣтомъ, примѣромъ, помощью, поощреніемъ, избавленіемъ отъ какой-либо отдѣльной тягости жизни,—все это даетъ быстрые и вѣрные результаты. Результаты эти, мелкіе въ отдѣльности, могутъ быть очень велики въ суммѣ. Если бы изъ 100 ежегодно рождаемыхъ дѣтей умирало въ сельскомъ населеніи Россіи на первомъ году жизни не 25, а только 24 ребенка, то для 100 милліоннаго населенія деревни это равнялось бы ежегодному сохраненію жизни 50,000 будущихъ гражданъ, т.-е. всему населенію средняго губернскаго города. Потеря въ сельскомъ быту двухъ-трехъ рабочихъ дней въ страдную пору изъ-за болѣзни нерѣдко причиняетъ серьезныя упущенія въ хозяйствѣ. Промедленіе двухъ-трехъ дней времени въ обнаруженіи заразной болѣзни иногда означаетъ превращеніе отдѣльныхъ заболѣваній въ обширную и губительную эпидемію. А вамъ извѣстно, мм. гг., что въ этомъ отношеніи запаздываніе совѣтовъ и мѣропріятій въ деревнѣ составляетъ доселѣ какъ бы правило.

Итакъ, если мы будемъ въ деревнѣ довольствоваться малымъ, но съ неослабной энергіей раскрывать крупныя и мелкія причины, подрывающія народное здоровье, то мы сдѣлаемъ во всякомъ случаѣ крупное и существенное дѣло, для котораго многое уже подготовлено коллективнымъ трудомъ русскихъ врачей.

Затѣмъ я прошу васъ остановить ваше вниманіе на томъ принципіальномъ вопросѣ, что̀ такое вообще деревня, съ точки зрѣнія задачъ общественной гигіены? Мы видѣли выше, что съ точки зрѣнія учебника деревенскія условія жизни прямо невозможны для приложенія принциповъ и указаній современной гигіены. А между тѣмъ, вамъ извѣстно, что несмотря ни на что, деревня всѣми нами считается болѣе здоровымъ мѣсто-

пребываніемъ, чѣмъ города, и вы сами и ваши городскіе больные по вашему совѣту стараются провести лѣто въ деревнѣ: многихъ больныхъ врачи высылаютъ надолго въ деревню для поправленія здоровья. Извѣстно, что, по статистическимъ даннымъ всѣхъ странъ, смертность въ деревняхъ меньше, чѣмъ въ благоустроенныхъ даже городахъ. Стало быть въ первомъ нашемъ заключеніи, по учебнику, есть что-то ложное, какое-то недоразумѣніе.

Разберемъ немного подробнѣе условія жизни въ деревнѣ.

Еще въ концѣ XVIII столѣтія англійскій поэтъ Вильямъ Куперъ (W. Cowper) сказалъ: «Богъ создалъ деревню, а человѣкъ сдѣлалъ городъ».

Мысль эта глубока и справедлива. Городъ, возникшій на почвѣ человѣческой вражды, обиды слабаго сильнымъ, необходимости тѣсниться и защищаться отъ враговъ, вмѣстилъ въ себѣ всѣ недостатки дѣла рукъ человѣческихъ, всѣ результаты разрыва съ природой и ея законами. Прочтите описанія стараго Парижа, старой Флоренціи, старыхъ германскихъ городовъ, и вы придете въ ужасъ отъ тѣхъ условій тѣсноты и грязи во всѣхъ смыслахъ, которыя были въ этихъ городахъ. Потребовалось много вѣковъ для того, чтобы успѣхи гуманности, вмѣстѣ съ успѣхами науки, дали возможность вырабатывать типы современныхъ благоустроенныхъ городовъ. Но такихъ городовъ еще немного и особенно въ нашемъ отечествѣ.

Существенныя гигіеническія преимущества деревни, какъ типа населенныхъ мѣстъ, могутъ быть перечислены въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. *Близость къ природѣ.* Солнце, воздухъ и зелень еще не обложены въ деревнѣ налогомъ или платою капиталисту-домовладѣльцу. Дѣти выростаютъ подъ открытымъ небомъ, взрослые работаютъ, главнымъ образомъ, внѣ дома, на воздухѣ.

2. *Широкое размѣщеніе жителей на площади усадебной земли.* На одного бѣднѣйшаго жителя деревни приходится въ 50 или во 100 разъ бо̀льшая площадь почвы, чѣмъ на одного состоятельнаго горожанина.

3. *Изолированность домашнихъ хозяйствъ, отсутствіе наемныхъ квартиръ.* Каждый домъ есть жилище одной семьи, въ постройкѣ есть хозяйственный минимумъ, ниже котораго не можетъ доходить скученность жильцовъ. Всѣ стѣны типичнаго жилья наружныя, имѣющія общеніе съ внѣшней атмосферой. Замкнутость жилого воздуха имѣетъ свои неустранимые предѣлы. Нѣтъ жилья ни сверху, ни снизу, нѣтъ общенія вредной атмосферы разныхъ семей и хозяйствъ. Нѣтъ подвальныхъ жилищъ и полуэтажей, равно какъ обитаемыхъ чердаковъ. Нѣтъ власти и требованій домовладѣльца, преслѣдующаго свои коммерческія выгоды.

4. *Хозяйственная необходимость утилизаціи и вывоза всякаго рода нечистотъ и отбросовъ.* Тамъ, гдѣ земледѣльческая культура основана на удобреніи полей, нужды хозяйства требуютъ періодической полной очистки дворовъ, хлѣвовъ и пр. Нѣтъ ни нечистотныхъ ямъ, ни поглощающихъ колодцевъ. Во многихъ мѣстахъ нужда же заставляетъ превращать навозъ

въ топливо. Нечистоты не составляютъ мощныхъ геологическихъ наслоеній, какъ въ городахъ и ихъ окрестностяхъ.

5. *Сравнительная легкость изоляціи заразы.* Малолюдность деревень, меньшая необходимость постояннаго общенія людей, отдѣльность жилищъ, все это создаетъ условія меньшаго распространенія заразы, большей легкости ея изоляціи, когда въ этомъ является необходимость.

6. *Меньшая воспріимчивость населенія къ вреднымъ вліяніямъ всякаго рода.* Привычка къ перемѣнчивымъ условіямъ погоды, регулярность въ трудѣ и отдыхѣ, бо̀льшая физическая выносливость, простота и устойчивость психической жизни и настроеній, все это, вмѣстѣ взятое, сообщаетъ организму деревенскаго жителя бо̀льшую способность сопротивленія вреднымъ вліяніямъ, бо̀льшую энергію въ возстановленіи нарушеннаго здоровья.

7. *Лучшая наслѣдственность населенія.* Неврастенія, алкоголизмъ, бугорчатка и сифилисъ родителей въ деревнѣ во всякомъ случаѣ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ городскомъ населеніи. Эти роковыя вліянія, которыя переполняютъ дома и колоніи для душевно-больныхъ, которыми обогащаются кадры преступниковъ, создается многочисленный и угрожающій обществу классъ «бывшихъ людей»—въ типичной деревнѣ пока еще не велики и не сильны. Поддержите деревню въ ея основныхъ формахъ жизни, и вы ослабите это зло, грозящее изуродовать нашу цивилизацію.

8. *Меньшая спеціализація труда и знаній.* Спеціализація работника современной культуры дѣлаетъ его одностороннимъ и умственно, и физически, слабо вооруженнымъ для борьбы съ жизнью. Съ другой стороны, крестьянинъ-земледѣлецъ и кустарь имѣетъ массу знаній изъ области явленій природы и своего быта, онъ имѣетъ болѣе или менѣе цѣльное міросозерцаніе. Ему легче объяснить новыя для него понятія, его сравнительно легко убѣдить тамъ, гдѣ онъ не ожидаетъ обмана. Прирожденный фабричный рабочій, городской ремесленникъ или торговецъ, писецъ или конторщикъ, всегда слабѣе по организаціи, менѣе знаетъ, болѣе односторонненъ въ своихъ взглядахъ и пристрастіяхъ, менѣе воспріимчивъ къ новому и неизвѣстному.

9. *Лучшая, чѣмъ въ городахъ нравственная атмосфера.* Добрые патріархальные нравы еще весьма нерѣдко и во многихъ отношеніяхъ господствуютъ въ деревнѣ. Незаконнорожденные составляютъ весьма малую часть всѣхъ рождающихся дѣтей (3—5%). Въ деревнѣ почти неизвѣстно громадное зло городовъ—проституція—продажный развратъ, провокація въ развратѣ. Убійства и отравленія чаще встрѣчаются какъ семейныя драмы, чѣмъ какъ способы грабежа. Профессіональные воры составляютъ рѣдкость, пьянство болѣе извѣстно въ видѣ рѣдкаго кутежа или празднованія различныхъ событій, чѣмъ въ видѣ постоянной привычки. Люди всѣхъ возрастовъ имѣютъ свою религію, свои преданія, свой кодексъ морали.

10. *Общинный складъ жизни.* Всѣ жители деревни сознаютъ себя членами одного цѣлаго—общины, міра. Идти противъ міра нельзя. Создаются рѣшенія, обязательныя для всѣхъ безусловно. Никто не можетъ сказать: «мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ и другимъ нѣтъ дѣла до меня». Общество, если пожелаетъ, декретируетъ условія жизни до очень мелкихъ подробностей.

Не продолжаю далѣе, боясь утомить ваше вниманіе, но думаю и сказаннаго довольно, чтобы вывести общее заключеніе, что, на фонѣ изложенныхъ условій деревенскаго строя жизни, очевидно, съ неменьшимъ правомъ можетъ быть рѣчь объ общественной гигіенѣ, чѣмъ въ городахъ съ ихъ скученностью, грязью, многолюдствомъ, борьбой за кусокъ хлѣба, рознью, пороками и болѣзнями. Жизнь, въ цѣломъ, въ деревнѣ несравненно гигіеничнѣе, она нуждается только въ поправкахъ, дополненіяхъ, въ освѣщеніи свѣтомъ знанія, а не въ коренной ломкѣ. Для оздоровленія городовъ нужны милліоны рублей, строгія требованія, неусыпный надзоръ, суровыя кары. Для оздоровленія деревень—внимательное изученіе, популяризація знаній, сотни рублей, сочувствіе населенія и возможное избавленіе деревни отъ самыхъ элементарныхъ золъ и нуждъ.

Итакъ, гигіена деревни возможна и требуетъ немногаго за разъ. Посмотримъ же на частныхъ примѣрахъ, что сдѣлано до настоящаго времени для изученія санитарнаго положенія деревни и какія ближайшія задачи вытекаютъ изъ этого изученія.

1. Основной фактъ, давшій возможность самому возникновенію вопроса о сельской гигіенѣ, заключается въ томъ, что со времени земской реформы *врачъ приближенъ къ населенію.* Вездѣ, гдѣ имѣются земскіе сельскіе врачи, общеніе ихъ съ обитателями деревни неизбѣжно выражается проникновеніемъ въ массу населенія нѣкоторыхъ принциповъ и идей гигіены. Чисто врачебная дѣятельность просвѣщеннаго и гуманнаго врача есть лучшая школа для популяризаціи гигіеническихъ знаній. Взгляды на болѣзни, ихъ причины и лѣченіе постепенно мѣняются и вѣковые предразсудки мало-помалу уступаютъ мѣсто болѣе разумнымъ понятіямъ. Въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ почти исчезли свои знахари и знахарки, рудометы, костоправы и прочіе лѣчители, которыхъ хорошо помнятъ еще земскіе врачи перваго призыва. Ладонки, заговоры и прочіе талисманы на больныхъ встрѣчаются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Резиновая соска, надѣтая на аптечную склянку, замѣтно вытѣсняетъ классическій натуральный коровій рожокъ съ соскомъ, отрѣзаннымъ отъ вымени. Приглашеніе врача на трудные роды не встрѣчаетъ суевѣрнаго страха въ нарушеніи тайны родового акта. Ужасы невѣжественнаго родовспоможенія встрѣчаются рѣже и рѣже. Совѣты врача во всѣхъ случаяхъ болѣзни принимаются съ бо́льшимъ довѣріемъ и исполняются точнѣе. Невѣжественныя нареканія на врачей, въ случаѣ большихъ общественныхъ бѣдствій, скорѣе возможны въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, при хорошей постановкѣ земской медицины. Словомъ, просвѣтительная роль сельскаго врача не подлежитъ сомнѣнію. Отчетливо сознавая эту роль, ведя свое дѣло ласково и не торопливо, сельскій врачъ

многое можетъ сдѣлать для популяризаціи гигіены въ деревнѣ, для проведенія въ жизнь ея принциповъ. Съ умноженіемъ числа сельскихъ врачей, съ ихъ большей подготовкой въ области гигіены, успѣхъ этого дѣла будетъ расти незамѣтно, но вѣрно.

2. Установлены главныя типическія явленія въ *движеніи сельскаго населенія*. Располагая лишь простѣйшею бухгалтеріей метрическихъ книгъ о рожденіи, смерти и бракахъ, не зная до недавняго времени сколько-нибудь точнаго числа жителей по уѣздамъ и селеніямъ, не имѣя и до сихъ поръ полныхъ публикованныхъ данныхъ о составѣ населенія по полу и возрасту, изслѣдователи народной жизни всетаки приложили не мало труда къ выясненію главныхъ данныхъ о движеніи населенія въ нашихъ деревняхъ, какъ о критеріи санитарнаго состоянія ихъ жителей. Замѣчательныя изслѣдованія священника *Гиляровскаго*, работы академика *Буняковскаго*, сочиненія профессоровъ *Янсона* и *Эрисмана*, работы земскихъ врачей *Осипова, Пескова, Молессона, Грязнова, Никольскаго, Матвѣева, Гребенщикова, Жбанкова, Долженкова, Кудрявцева, Шидловскаго, Веретенникова, Скибневскаго, Серпѣева, Куркина, Богословскаго, Левицкаго, Малѣева, Шингарева* и многихъ другихъ выяснили и установили основные факты движенія населенія въ деревенской Россіи, которыя, за исключеніемъ мѣстныхъ особенностей, даютъ слѣдующіе главные выводы:

а) Въ деревняхъ поразительно велика смертность грудныхъ дѣтей на первомъ году жизни.

б) Дѣтская смертность главнымъ образомъ опредѣляетъ собою какъ высоту общей смертности сельскаго населенія, такъ и распредѣленіе ея въ теченіе года.

в) Въ смертности дѣтей преобладаетъ сезонный характеръ, грудныя дѣти особенно сильно гибнутъ въ лѣтніе мѣсяцы (іюль, августъ) отъ поносовъ, дѣти отроческаго періода преимущественно въ осенніе мѣсяцы отъ заразныхъ болѣзней.

г) Громадная рождаемость въ сельскомъ населеніи, при маломъ естественномъ приростѣ, обусловливается громадной смертностью дѣтей въ первые мѣсяцы ихъ жизни. Рождающая женщина — мать, вслѣдствіе этого, безплодно проводитъ значительную часть своего молодого и зрѣлаго возраста въ тягостномъ для рабочей женщины состояніи беременности.

Эти типичныя данныя движенія населенія въ деревняхъ, особенно по сравненію съ данными западной Европы, должны быть, конечно, признаны печальными, рисующими бѣдственное санитарное состояніе деревни; но ближайшій ихъ анализъ показываетъ однако же, что наиболѣе существенныя причины громадной дѣтской смертности должны быть относимы къ вліяніямъ хозяйственно-бытовымъ. Дѣти умираютъ отъ недостаточнаго ухода, оттого что матери обременены работами внѣ дома, оттого что количество молочнаго скота нерѣдко недостаточно, что предметы бѣлья и одежды крайне скудны, ледниковъ для храненія припасовъ нѣтъ, что въ отсутствіе матери крикъ грудного ребенка успокаивается прокислой соской.

Въ татарскомъ или еврейскомъ населеніи, гдѣ уходъ за дѣтьми лучше, смертность дѣтей, при тѣхъ же обще-гигіеническихъ условіяхъ, несравненно меньше. Словомъ, въ этомъ крупномъ вопросѣ гибели милліоновъ русскихъ дѣтей факторы экономическіе и бытовые играютъ главную роль. Если бы эти явленія, хорошо изученныя врачами, были столь же хорошо усвоены руководителями и попечителями хозяйственнаго быта сельскаго населенія, то въ санитарной жизни нашего отечества можно бы ожидать крупныхъ и рѣшительныхъ улучшеній. Не вдаваясь въ чуждую мнѣ область мѣстной и общей хозяйственной политики страны, не могу не сказать теперь же, что даже такая простая и дешевая мѣра, какъ деревенскія ясли, можетъ существенно измѣнить дѣтскую смертность въ деревняхъ. Вопросы искусственнаго вскармливанія и прикармливанія грудныхъ дѣтей имѣютъ для деревни первостепенную важность.

3. Намѣчены и частью установлены тѣ *важнѣйшія заболѣванія*, которыя имѣютъ большое распространеніе въ сельскомъ населеніи и составляютъ существенныя санитарныя бѣдствія деревни.

Земская литература по этому вопросу громадна. Я не рѣшаюсь перечислять даже тѣ главные источники, которые мнѣ извѣстны. Статистическіе обзоры по губерніямъ и уѣздамъ, отчеты уѣздныхъ коллегій врачей, отдѣльныя монографіи и статьи во множествѣ посвящены болѣзнямъ деревенскаго люда. Многое въ этихъ изслѣдованіяхъ не полно, многое гадательно и, можетъ быть, даже ошибочно, но нѣкоторые выводы можно считать почти безспорными:

а) *Болѣютъ въ деревняхъ много и разнообразно.* Нѣтъ такого участка или пункта, гдѣ бы врачу было мало дѣла или, вѣрнѣе, гдѣ бы онъ успѣвалъ какъ слѣдуетъ исполнить всѣ свои обязанности. Врачъ въ учебномъ заведеніи, врачъ въ полку, врачъ въ городской больницѣ, вольнопрактикующій врачъ — часто имѣютъ много работы, утомляются ею, но столь же часто имѣютъ сознаніе, что они исполнили и исполнили какъ должно все, что составляетъ ихъ обязанность. Сельскій земскій врачъ почти никогда не имѣетъ этого сознанія, всегда что-нибудь имъ не додѣлано или сдѣлано поспѣшно. Изъ-за недостатка времени онъ начинаетъ считать пустяками то, что въ городской жизни считается важнымъ и требуетъ большого вниманія цѣлой группы спеціалистовъ. Отдаваясь съ большимъ интересомъ какой-либо спеціальности, онъ сознаетъ, что дѣлаетъ это въ ущербъ другимъ обязанностямъ, пополняя свои знанія чтеніемъ книгъ или журналовъ, онъ никогда не спокоенъ, что въ это время его гдѣ-нибудь ждутъ или на него ропщутъ. И въ то же время ему извѣстно, что въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ его участка его помощь слаба, не достигаетъ и половины нуждающихся. Только нерадивый врачъ сравнительно спокоенъ и имѣетъ свободное время. Въ сказанномъ, конечно, главная вина заключается въ маломъ числѣ сельскихъ врачей, но въ то же время въ этомъ безысходномъ положеніи дѣятельнаго врача сказывается и обиліе больныхъ въ сельскомъ быту. Деревенскія дѣти болѣютъ больше, чѣмъ городскія. Деревен-

скія женщины многострадальны во многихъ отношеніяхъ. Ихъ молодость и красота—мимолетные дары природы. Замужество деревенской дѣвушки слишкомъ часто есть лишь начало страданій и болѣзней. Старость не есть періодъ отдыха и покоя. Въ мужскомъ населеніи, кромѣ общихъ всѣмъ людямъ заболѣваній, очень много профессіональныхъ вредныхъ вліяній. Травмы всякаго рода, вредныя ремесла, извозъ и отхожіе промыслы, все это создаетъ для жителя деревни рядъ спеціальныхъ причинъ заболѣваній. Некультурность жизненной обстановки, отсутствіе привычекъ чистоты и опрятности, неумѣніе оберегаться отъ многихъ заразныхъ вліяній, пренебреженіе къ легкимъ или начальнымъ проявленіямъ болѣзни, все это содѣйствуетъ относительно большей заболѣваемости, чѣмъ въ городахъ. Очевидно, что врачъ въ деревнѣ нужнѣе, чѣмъ въ городѣ и можетъ принести бо́льшую пользу.

б) Упомянутые уже лѣтніе *дѣтскіе поносы и рахитизмъ* у дѣтей первыхъ лѣтъ жизни составляютъ одно изъ постоянныхъ народныхъ бѣдствій, уносящихъ несравненно большее число жертвъ, чѣмъ самая жестокая пандемія холеры. Англійская болѣзнь, къ сожалѣнію, могла бы съ бо́льшимъ правомъ называться русскою болѣзнью дѣтей. Какъ разстройство общаго питанія, какъ проявленіе неправильнаго содержанія и ухода за дѣтьми, болѣзнь эта вопіетъ о нуждахъ деревни въ помощи, совѣтѣ и просвѣщеніи.

в) *Цинга* является второй русской болѣзнью. Она почти уже неизвѣстна на Западѣ. Она почти неизвѣстна и въ нашихъ городахъ. Правда, что болѣзнь эта господствуетъ лишь періодически, не повсемѣстно и въ зависимости отъ климатическихъ ненормальностей, но періоды эти, къ сожалѣнію, стали повторяться довольно часто и больные цингой въ нѣкоторые годы считаются десятками тысячъ. Сущность этой болѣзни еще недостаточно изучена, но вызывающія ее условія элементарны по своей простотѣ. Это недостатокъ хлѣба, овощей и корма для скота,—и недостатокъ этотъ является у людей, обработывающихъ землю своими руками. Вопросъ о цингѣ лишь въ меньшей степени гигіеническій, чѣмъ хозяйственный, но потребность нарушить однообразіе народнаго продовольствія, однообразіе земледѣльческой культуры и сбыта лишь зерновыхъ хлѣбовъ,—тѣсно связана и съ задачами сельской гигіены.

г) *Бугорчатка,* въ частности легочная чахотка, въ мѣстахъ глухихъ пока еще болѣзнь не частая, но она проникаетъ въ деревню все въ большемъ и большемъ размѣрѣ. Проникаетъ она, главнымъ образомъ, изъ городовъ, изъ фабричныхъ центровъ, изъ мѣстъ наибольшаго расположенія войскъ. Города, особенно крупные, причиняютъ въ этомъ отношеніи большое зло деревнѣ. Если же принять во вниманіе, что наши крупные города въ составѣ своихъ жителей имѣютъ главнымъ образомъ крестьянъ, не порвавшихъ связи съ своею деревенской родиной, т.-е. жителей временныхъ, у которыхъ *домъ* находится въ деревнѣ, то значеніе этой городской заразы становится очень крупнымъ. Заболѣвая въ городѣ, видя, что онъ

уже не работникъ на семью, крестьянинъ торопится домой въ деревню, чтобы умереть среди своихъ. Солдатъ, серьезно заболѣвшій на службѣ, по заключенію врачей, увольняется на поправку домой, въ деревню. Петербургъ и Москва, имѣющіе вмѣстѣ до 3 милл. жителей и въ этомъ числѣ болѣе 2 милл. крестьянъ, выпускаютъ такимъ образомъ ежегодно десятки тысячъ чахоточныхъ, которые ѣдутъ въ деревню умирать, а столицамъ нашимъ обезпечиваютъ лучшую, хотя и ложную статистику смертности. На смѣну выбывшимъ прибываютъ свѣжія деревенскія силы, чтобы испытать въ значительномъ числѣ такую жу участь. Мнѣ лично приходится ежегодно наблюдать, какъ много чахоточныхъ высылаютъ въ деревню одни ремесленныя заведенія Москвы, куда крестьяне ближайшихъ уѣздовъ и губерній везутъ своихъ подростковъ для обученія ремеслу у портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и проч. Большія фабрики, съ ихъ тѣснотой, пылью и каморками для жилья культивируютъ бугорчатку въ большомъ размѣрѣ. Между тѣмъ, деревня съ ея первобытной культурой еще не знаетъ о заразительности бугорчатки и не умѣетъ отъ нея оберегаться. Она жалѣетъ и ласкаетъ своихъ чахоточныхъ больныхъ и живетъ съ ними одною жизнью. Понятно, что бугорчатка дѣлаетъ въ деревнѣ большіе успѣхи. Она поражаетъ людей, поражаетъ молочный скотъ, создаетъ наслѣдственныя формы болѣзни и предрасположенія. Бугорчатка, это одна изъ крупнѣйшихъ угрозъ населенію, и борьба съ нею должна быть начинаема въ городскихъ и промышленныхъ ея очагахъ. Первобытное ремесленное ученичество есть также одно изъ величайшихъ золъ для подрастающихъ поколѣній въ тѣлесномъ и духовномъ смыслѣ. Въ высокой степени важно и желательно, чтобы обученіе ремесламъ производилось въ возможно большемъ размѣрѣ на мѣстахъ, въ школахъ, а не въ мастерскихъ, учителями, а не хозяевами заведеній. Еще печальнѣе судьба мальчиковъ въ лавкѣ, мальчиковъ въ трактирѣ, дѣвочекъ въ модныхъ мастерскихъ. Бѣдныя дѣти, какое превратное понятіе получаютъ они о томъ, что такое ученье! Едва ли и деревенскій отецъ продолжаетъ вѣрить тому, что ученіе—свѣтъ. Есть много, конечно, и другихъ путей для занесенія бугорчатки въ деревню, но по недостатку времени я не буду на нихъ останавливаться.

д) *Сифилисъ* какъ длительная и заразительная болѣзнь, поражающая не только самихъ больныхъ, но и ихъ потомство, сталъ обращать на себя вниманіе сельскихъ врачей съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности. Отдѣлъ о сифилисѣ въ земской литературѣ едва ли не самый обширный. Большая часть съѣздовъ земскихъ врачей посвящала сифилису много труда и заботъ. Изъ всего этого обильнаго матеріала я заимствую лишь немногіе факты и выводы.

Сифилисъ въ деревняхъ есть лишь въ ничтожной степени болѣзнь разгула и разврата, главнымъ образомъ это есть болѣзнь несчастія и невѣдѣнія. Первоисточникомъ зараженія сифилисомъ въ деревняхъ чаще всего служатъ города, отхожіе промыслы, военная служба, въ самой же деревнѣ совмѣстная жизнь больныхъ съ здоровыми. Число сифилитиковъ въ деревнѣ

медленно, но непрерывно, возрастаетъ. Наслѣдственный сифилисъ, ранній и поздній, наблюдается весьма нерѣдко. Борьба съ сифилисомъ требуетъ въ городахъ прежде всего улучшенія нравовъ и лучшаго воспитанія юношества, въ деревняхъ же главнымъ образомъ скораго и правильнаго лѣченія и популяризаціи знаній о значеніи этой заразы. Въ этихъ немногихъ тезисахъ есть много печальнаго и даже, если хотите, драматическаго. Городской житель, заражаясь сифилисомъ, очень часто знаетъ свою вину и часто можетъ предвидѣть свой рискъ, сельскій житель вообще, сельскій ребенокъ въ особенности, заражаясь сифилисомъ отъ матери или няньки, отъ сосѣда, пастуха и проч., получаетъ тяжкое наказаніе за чью-то чужую вину. Сельскій сифилисъ есть большое зло, для борьбы съ которымъ нужны вѣрныя, но медленныя мѣры улучшенія врачебнаго дѣла, увеличенія числа врачей и больницъ, популяризаціи знаній.

е) *Острыя заразныя болѣзни* въ деревняхъ многочисленны и разнообразны. Оспа, дифтерія, скарлатина, брюшной и сыпной тифъ распространены всюду, нерѣдко поглощаютъ громадныя жертвы, а у оставшихся въ живыхъ отнимаютъ массу рабочаго времени и оставляютъ тяжелыя послѣдствія въ видѣ различныхъ хроническихъ заболѣваній. Данныя земскихъ наблюденій убѣждаютъ въ томъ, что вырабатываемые для городовъ способы борьбы съ этими болѣзнями во многомъ почти неприложимы въ условіяхъ деревни. Своевременное извѣщеніе властей, изоляція больныхъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ, мѣры дезинфекціи имѣютъ въ деревняхъ лишь ограниченное примѣненіе. Съ другой стороны, такія мѣры, какъ предохранительное оспопрививаніе, какъ лѣченіе дифтеріи лѣчебной сывороткой прилагаются въ сельскомъ населеніи сравнительно легко и успѣшно. Вообще можно считать уже доказаннымъ, что успѣшность борьбы съ заразными болѣзнями въ деревняхъ какъ бы прямо пропорціональна количественной и качественной организаціи врачебной помощи, степени довѣрія населенія къ врачамъ, пріобрѣтенной привычкѣ исполнять врачебныя указанія. Временныя мѣры, обязательныя требованія, строгія взысканія приносятъ въ деревнѣ весьма относительную и скоропреходящую пользу. Къ борьбѣ съ эпидеміями въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, нужно готовиться въ спокойное мирное время, подобно тому, какъ готовятся государства къ войнѣ.

ж) *Лихорадки или малярійныя заболѣванія* занимаютъ своеобразное мѣсто въ ряду народныхъ бѣдствій. Производящія причины, равно какъ и способы распространенія ихъ еще не вполнѣ ясны. Между тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи сельское населеніе во множествѣ страдаетъ отъ лихорадокъ. Хотя заболѣванія эти рѣдко непосредственно смертельны, но они причиняютъ не малыя страданія, отнимаютъ очень много времени въ наиболѣе рабочіе періоды. Не вездѣ и не всегда лѣченіе является своевременнымъ и даетъ полные результаты. Новѣйшія пріобрѣтенія патологіи относительно паразитовъ крови при лихорадкѣ, значенія стоячихъ водъ,

роли особыхъ видовъ комаровъ и борьбы съ ними, заслуживаютъ большого вниманія сельскихъ врачей, по крайней мѣрѣ, средней и южной Россіи.

4. *Сельская школа* и ея юное населеніе были предметомъ многихъ изслѣдованій земскихъ врачей. Главные выводы заключаются въ томъ, что школьныя помѣщенія въ громадномъ большинствѣ случаевъ значительно ниже самыхъ минимальныхъ гигіеническихъ требованій. Тѣснота и духота въ сельской школѣ достигаютъ нерѣдко ужасающей степени. Снабженіе школы мебелью очень часто крайне скудно и не раціонально. Врачебный надзоръ за школой имѣетъ большею частью случайный характеръ. Голосъ врача въ школьномъ дѣлѣ не обезпеченъ ни закономъ, ни практикой жизни. Если не ошибаюсь, только московское земство выработало постоянныя правила постройки школъ при пособіи губернскаго земства. Если пребываніе въ школѣ не отражается еще рѣзко замѣтнымъ вредомъ для здоровья учащихся, то только потому, что періодъ школьнаго ученія всегда крайне малъ, въ теченіе года рѣдко достигаетъ шести мѣсяцевъ, и посѣщеніе школы дѣтьми часто весьма не регулярно. Съ другой стороны, сельская школа есть такое мѣсто, въ которомъ подрастающее сельское населеніе должно бы получать основы разумнаго отношенія къ жизни, между прочимъ, и въ дѣлѣ гигіены. Въ этомъ отношеніи устройство и обстановка самой школы могутъ имѣть просвѣтительное значеніе.

5. *Фабрики, заводы и промыслы въ сельскихъ мѣстностяхъ* были предметомъ земскихъ изслѣдованій уже въ большомъ числѣ. Достаточно назвать капитальныя изслѣдованія по Московской губерніи при участіи такихъ спеціалистовъ, какъ *Ф. Ф. Эрисманъ, А. В. Погожевъ* и др. Эти и подобныя изслѣдованія показали много вредныхъ сторонъ фабричной жизни въ отношеніи здоровья населенія, но они же даютъ и указанія для устраненія или ослабленія вредныхъ вліяній. Типъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеній въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ работаютъ окрестные земледѣльцы, имѣетъ, между прочимъ, громадное и, можетъ быть, весьма благотворное значеніе для русской будущности. Такой сельскій фабричный рабочій или кустарь сохраняетъ свои корни въ землѣ, сохраняетъ связи съ бытомъ и преданіями земледѣльца данной мѣстности, сохраняетъ извѣстную долю независимости отъ нанимателя, а въ то же время сознательно мирится съ неизбѣжными колебаніями барышей и убытковъ, какъ мирится съ явленіями урожая или неурожая, дождей или засухи. Дѣти такихъ фабричныхъ рабочихъ растутъ, какъ дѣти крестьянъ, въ деревнѣ, самъ рабочій періодически возвращается къ пашнѣ или сѣнокосу, онъ имѣетъ домъ и землю, гдѣ находятся его лучшіе помыслы, его житейскіе идеалы. Съ точки зрѣнія общественной гигіены такая форма неизбѣжнаго въ извѣстной мѣрѣ развитія въ странѣ обрабатывающей промышленности можетъ быть наиболѣе желательна. Желательно въ то же время, чтобы минимальныя требованія гигіены для всѣхъ видовъ промышленныхъ и фабричныхъ учрежденій были повсюду установлены на основаніи мѣстныхъ изслѣдованій при участіи врачей гигіенистовъ. Многіе промыслы и ремесла еще ожидаютъ болѣе

подробнаго изученія и санитарной регламентаціи. Таковы, напримѣръ, обширные рыбные промыслы въ приморскихъ мѣстностяхъ, такова разработка торфа, таковы всѣ операціи съ собираніемъ и торговлей тряпьемъ, таковы цементные заводы, мелкое кожевенное производство, колбасныя заведенія и проч., и проч.

6. *Жилища* крестьянъ, ихъ дома, избы или хаты, не подвергались еще, сколько мнѣ извѣстно, обширнымъ и систематическимъ изслѣдованіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Эта нужная и важная работа еще ждетъ коллективныхъ рабочихъ силъ. Но отдѣльныя наблюденія и изслѣдованія о вмѣстимости и типѣ жилыхъ построекъ въ деревняхъ имѣются уже въ значительномъ числѣ и авторами ихъ являются опять-таки земскіе врачи. Не касаясь болѣе раннихъ изслѣдованій, укажу здѣсь на одно изъ чрезвычайно интересныхъ, только что обнародованное изслѣдованіе земскаго врача Воронежскаго уѣзда *А. И. Шингарева,* составляющее часть изученія двухъ деревень этого уѣзда, выдѣлившихся своею значительною смертностью. Въ среднемъ выводѣ изъ измѣренія 93 домовъ села Новоживотиннаго оказалось, что жилая изба имѣетъ внутри въ длину и ширину по $6^1/_2$ аршинъ, въ высоту 3 арш. и 3 верш., вмѣстимость 134 куб. арш., а за вычетомъ объема печи 119 кубич. арш. или немного болѣе 4 кубич. саженъ. По среднимъ гигіеническимъ нормамъ, это жилище въ крайнемъ случаѣ пригодно для двухъ человѣкъ, въ дѣйствительности же, въ среднемъ выводѣ, на одну избу въ селѣ Новоживотинномъ приходится около *семи* обитателей. На каждаго изъ нихъ имѣется, слѣдовательно, едва 17 кубич. аршинъ вмѣстимости. Такая малая вмѣстимость падаетъ въ меньшихъ избахъ даже до 13 кубич. аршинъ, а въ наиболѣе просторныхъ не превышаетъ 23 кубич. аршинъ, не достигая нигдѣ одной кубической сажени. Устройство печей въ большинствѣ избъ очень плохое; въ соединеніи съ крайней бережливостью въ топливѣ, оно вызываетъ очень часто явленія угара; въ $^1/_5$ части избъ обоихъ селеній жители угараютъ почти ежедневно. Докторъ *Арнольдовъ*, работая въ отрядѣ врачебно-продовольственной помощи Пироговскаго комитета въ Мамадышскомъ уѣздѣ, собралъ данныя измѣренія 100 избъ въ трехъ татарскихъ деревняхъ, причемъ средняя внутренняя вмѣстимость на одного жителя, за вычетомъ печи, оказалась равною $13^1/_2$ кубич. арш. И это въ мѣстности, гдѣ лѣсу много и онъ сравнительно дешевъ. Земляные полы съ ихъ крайней неопрятностью, существуютъ еще во множествѣ, равно какъ и курныя избы. Послѣднія держатся не по неумѣнью устроить дымовую трубу, а изъ желанія возможно полнѣе утилизировать теплоту, доставляемую скуднымъ топливомъ. Стѣны и всѣ предметы обстановки избы задерживаютъ теплоту дыма и исполняютъ ту функцію, которую несутъ обычно массивныя печи, какъ запасный магазинъ теплоты. Освѣщеніе лучиной доселѣ, въ XX вѣкѣ, существуетъ еще въ глухихъ мѣстахъ Вятской и Казанской губерній. Животные паразиты всякаго рода въ неизмѣримомъ множествѣ обитаютъ въ этихъ тѣсныхъ и неопрятныхъ жилищахъ. По наблюденію д-ра *Шингарева*, есть,

однако, такой предѣлъ бѣдности и неопрятности, при которомъ уже выселяются изъ избы сначала клопы, а въ крайнихъ степеняхъ бѣдности даже и тараканы. Сельскій людъ, какъ извѣстно, въ громадномъ большинствѣ не имѣетъ ни кроватей, ни постелей, ни тѣмъ болѣе постельнаго бѣлья. Носовые платки еще неизвѣстны въ деревнѣ. Неизвѣстна также мебель, кромѣ лавокъ, обѣденнаго стола, нѣсколькихъ скамеекъ, сундуковъ и висячихъ шкафчиковъ для посуды.

Такова грустная житейская обстановка русскаго земледѣльца! И если при всемъ томъ смертность въ деревняхъ всетаки меньше, чѣмъ въ городахъ, если мы всетаки видимъ крѣпкое сильное населеніе въ лицѣ нашихъ солдатъ, грузчиковъ, извозчиковъ, плотниковъ и проч., то всѣмъ этимъ народъ обязанъ еще своей близости къ природѣ, своему разнообразному физическому труду, своей связи съ землею, своей хорошей наслѣдственности.

7. *Пища* сельскихъ жителей, насколько мнѣ извѣстно, еще мало была изслѣдована съ примѣненіемъ современныхъ пріемовъ діэтетическаго анализа. Нѣсколько общихъ и интересныхъ замѣчаній покойнаго химика и сельскаго хозяина *А. Н. Энгельгардта,* изслѣдованіе профессора *Эрисмана* о пищѣ рабочихъ на фабрикахъ Московской губерніи, приблизительныя вычисленія д-ра *Грязнова* по Череповецкому уѣзду, изслѣдованія д-ра *Скибневскаго* по Можайскому уѣзду, статистическое изслѣдованіе *Ф. А. Щербины* по Воронежской губерніи, данныя о пищѣ инородцевъ д-ровъ *Никольскаго* и *Арнольдова* и упомянутое изслѣдованіе д-ра *Шингарева*, составляютъ почти все, что имѣется въ нашей литературѣ по этому вопросу. Главные выводы состоятъ въ томъ, что эта пища преимущественно растительная, что она крайне бѣдна содержаніемъ жировъ, очень однообразна и мало снабжена вкусовыми веществами и приправами. Питаніе крестьянъ во многихъ случаяхъ, очевидно, находится лишь на границѣ возможнаго минимума. Его пониженіе, вызываемое временной нуждой, неурожаемъ и проч., вызываетъ уже серьезныя разстройства организма. Можетъ быть, потому, напримѣръ, такъ легко возникаютъ эпидеміи цинги. Съ этой точки зрѣнія всѣ мѣры, способствующія скотоводству, должны быть крайне полезны для здоровья населенія. Потому, напримѣръ, не слѣдуетъ особенно радоваться сбыту за границу нашихъ яицъ, если онъ не сопровождается одновременнымъ расширеніемъ куроводства. Нужно желать, чтобы разведеніе свиней и потребленіе свинаго сала возможно болѣе распространялись въ Россіи. Нужно жалѣть, что чай обложенъ такими пошлинами, что потребленіе его въ деревнѣ еще во многихъ мѣстахъ составляетъ лишь лакомство и экстренное угощеніе. Трудно понять, почему слѣдуетъ искусственно препятствовать удешевленію сахара какими-то нормировками, мѣшающими большему потребленію его въ деревнѣ. Нужно привѣтствовать всѣ мѣры къ развитію огородничества и плодоводства въ деревнѣ. Нужно содѣйствовать употребленію въ деревняхъ пива съ минимальнымъ содержаніемъ алкоголя, по типу Мюнхенскаго. Нужно установить научнымъ путемъ пріемы квасоваренія и содѣйствовать широкому потребленію этого національнаго напитка. Нужно

подвергнуть дѣйствительному контролю техническую и санитарную обстановку колбасныхъ заведеній для проникновенія въ деревню дешевыхъ мясныхъ консервовъ. Возобновить когда-то возникавшее покровительство сельскимъ сыроварнямъ для распространенія дешевыхъ сыровъ. Урегулировать цѣлесообразными законами и надзоромъ рыбную промышленность такъ, чтобы громадные избытки пойманной рыбы не выбрасывались обратно въ воду и не закапывались въ землю, а доставляли сельскому люду дешевые рыбные консервы. Словомъ, нужно принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы народное продовольствіе сдѣлалось болѣе разнообразнымъ, болѣе богатымъ жиромъ и вкусовыми вліяніями.

За недостаткомъ времени, я долженъ, однако же, остановиться въ перечисленіи вопросовъ гигіены, затронутыхъ уже трудомъ и наблюдательностью нѣсколькихъ поколѣній земскихъ врачей, работавшихъ въ русской деревнѣ въ теченіе 35 лѣтъ земской жизни. Я обращусь теперь къ тѣмъ ближайшимъ положительнымъ задачамъ и мѣропріятіямъ, развивая которыя, мы можемъ надѣяться, въ близкомъ будущемъ, содѣйствовать поднятію общественнаго здоровья въ деревняхъ и вмѣстѣ выясненію новыхъ, можетъ быть, еще и не затронутыхъ вопросовъ сельской гигіены. Эти задачи не придуманы, а уже выдвинуты жизнью и требуютъ только дальнѣйшаго вниманія и развитія.

Главныя изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. *Устройство въ деревняхъ яслей-пріютовъ* для дѣтей въ лѣтнее рабочее время. Мысль объ устройствѣ такихъ временныхъ яслей возникла въ земствахъ сравнительно недавно, не болѣе 6—7 лѣтъ назадъ, но получила уже широкое распространеніе. Вслѣдъ за пермскимъ земствомъ, опыты и наблюденія съ земскими яслями имѣются уже въ губерніяхъ Полтавской, Воронежской, Курской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, Рязанской и организуются въ губерніяхъ Черниговской, Харьковской, Московской, Костромской. Болѣе всего ясли полезны грудным дѣтямъ, особенно при искусственномъ вскармливаніи. Столь же полезны они для дѣтей отъ 2 до 5 лѣтъ, часто оставляемыхъ въ рабочую пору почти безъ призора. Посредствомъ яслей дѣти безспорно ограждаются отъ многихъ опасныхъ заболѣваній пищеварительныхъ путей. Матери и няньки научаются простымъ и правильнымъ пріемамъ ухода и кормленія дѣтей, а самыя деревни ограждаются, между прочимъ, въ значительной степени отъ опасности пожара, причиняемаго безпризорными дѣтьми, почему многія земства считаютъ вполнѣ основательнымъ субсидировать эти учрежденія изъ суммъ страхового капитала. Не имѣя возможности останавливаться подробно на оцѣнкѣ этой полезной мѣры, отсылаю желающихъ подробнѣе съ нею ознакомиться къ отчету — монографіи д-ра *П. Ф. Кудрявцева* о ясляхъ въ Симбирской губерніи и къ статьѣ д-ра *А. Панова* въ прекрасно редактируемомъ изданіи *Саратовской Земской Недѣли*.

2. Заботы о *водоснабженіи* въ деревняхъ. Правильный починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ московскому земству. Оно организовало научное гидро-

логическое изслѣдованіе губерніи, а затѣмъ примѣняетъ уже устройство въ деревняхъ колодцевъ на земскій счетъ, взимая по соглашенію съ крестьянами незначительную ежегодную плату за пользованіе водою съ каждаго двора. Такъ какъ плата эта невелика (напримѣръ, 1 р. въ годъ съ двора), то земство едва успѣваетъ удовлетворять всѣ просьбы объ устройствѣ колодцевъ въ деревняхъ, въ которыхъ нѣтъ хорошей воды. Мѣра эта, при послѣдовательномъ и настойчивомъ проведеніи, должна постепенно вывести изъ употребленія пользованіе опасною, въ гигіеническомъ отношеніи, водою стоячихъ прудовъ или грязныхъ рѣчекъ и устранить одинъ изъ важныхъ вѣроятныхъ источниковъ болѣзней. Въ высокой степени желательно, чтобы опытъ московскаго земства нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ мѣстностяхъ. Желательно, чтобы колодцы устраивались тщательно закрытыми и снабжались насосами, исключающими необходимость купать въ источникѣ воды посуду, приносимую изъ разныхъ дворовъ. Мысль объ искусственномъ очищеніи воды изъ прудовъ, озеръ и проч., выраженная д-ромъ *Ростовцевымъ*, заслуживаетъ, конечно, вниманія, но требуетъ еще серьезной разработки и разносторонняго испытанія. Съ гигіенической точки зрѣнія нельзя не выразить общаго пожеланія, чтобы вездѣ, гдѣ возможно, въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, водоснабженіе населенныхъ мѣстъ основывалось на пользованіи грунтовой водой, болѣе или менѣе гарантированной отъ загрязненія различными заразными началами и вообще вредными примѣсями.

3. Сельскія *жилыя постройки*, несмотря на весь консерватизмъ традиціи, и теперь не остаются неизмѣнными. Типы ихъ, столь различные на сѣверѣ и югѣ, на западѣ и востокѣ, имѣютъ уже много переходныхъ формъ, много заимствованій изъ городовъ. Въ сельской архитектурѣ бѣднѣйшихъ даже жилищъ можно во многихъ мѣстахъ подмѣтить нѣкоторыя теченія моды или удобства. Страшный бичъ деревни—пожары, вмѣстѣ съ ростомъ населенія и дѣленіемъ семей, вызываютъ очень часто возникновеніе новыхъ построекъ. Совершенно естественно думать и надѣяться, что разумное вмѣшательство гигіены въ типъ сельскаго дома не есть нѣчто совершенно невозможное, особенно когда вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть достигаемы и противопожарныя предосторожности. Покровительство мѣстному кирпичному производству для удешевленія постройки каменныхъ домовъ или фундаментовъ, выработка путемъ конкурсовъ и выставокъ наилучшаго типа русской печи, увеличеніе размѣра оконъ и повсемѣстное введеніе зимнихъ рамъ, поощрительныя преміи или ссуды для построекъ, удовлетворяющихъ установленному типу; учрежденіе института земскихъ техниковъ-консультантовъ, обязанныхъ давать совѣты и ограждать хозяевъ строителей отъ незнанія или злоупотребленія подрядчиковъ и мастеровъ, земскіе склады строительныхъ матеріаловъ и доброкачественныхъ строительныхъ принадлежностей, за которые крестьяне обычно уплачиваютъ несравненно дороже горожанъ, получая товары низшаго качества,—эти и подобныя мѣры, сообразуемыя съ мѣстными условіями, вводимыя

не принудительно, а поощрительно, могутъ многое измѣнить въ гигіеническихъ условіяхъ сельскаго жилья безъ существеннаго измѣненія его привычныхъ формъ и стоимости. Наблюдательность и тактъ мѣстнаго врача могутъ подсказать въ этомъ дѣлѣ многое, чего нельзя предвидѣть при общей постановкѣ вопроса, важно лишь умѣть наблюдать и относиться съ пониманіемъ къ требованіямъ и желаніямъ самого сельскаго жителя.

4. Одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣховъ сельской гигіены, по моему мнѣнію, есть *улучшеніе дорогъ*, проселочныхъ дорогъ по преимуществу. Кромѣ самихъ жителей деревни, едва ли кто другой такъ хорошо прочувствовалъ значеніе сельскихъ путей сообщенія, какъ земскіе врачи. Непроѣздность этихъ путей въ извѣстные періоды года есть великое бѣдствіе деревни. Ни поѣздки для врачебной помощи, ни перевозка больныхъ въ сельскія или городскія больницы, ни своевременный выѣздъ на роды или эпидемію, ни перевозка тяжестей, нужныхъ для врачебно-санитарнаго дѣла, ни объѣздъ деревень или школъ для санитарнаго контроля, ни доставка почты и официальной переписки,—ничто въ извѣстные періоды года невозможно съ какой-либо срочностью или правильностью. Никакой экипажъ, сколько-нибудь болѣе удобный, чѣмъ простая телѣга, не выдерживаетъ этихъ путей сообщенія. Земскій врачъ выноситъ ихъ сравнительно легко только въ молодые годы, при полномъ здоровьѣ. Тягость необходимыхъ разъѣздовъ есть одна изъ причинъ частой смѣны врачей въ сельскихъ участкахъ. Поѣздка врача, требующая при благопріятныхъ условіяхъ 2—3 часовъ времени, часто длится полсутокъ и болѣе, особенно, когда приходится ночевать внѣ дома, по невозможности риска ѣхать ночью. Экономическое значеніе для населенія непроѣздности сельскихъ дорогъ слишкомъ хорошо извѣстно и не разъ уже указывалось въ земствахъ и въ печати. Санитарное значеніе этого зла еще недостаточно оцѣнено. Между тѣмъ одни записи врачебныхъ амбулаторій могутъ дать краснорѣчивый документъ въ пользу значенія сельской безпутицы. Что бы ни случилось въ семьѣ крестьянина въ періодъ бездорожья, онъ ни самъ не поѣдетъ къ врачу, ни врача къ себѣ не пригласитъ. Люди нерѣдко умираютъ безъ помощи отъ невозможности проѣзда. Ломаются колеса и оси, рвется сбруя, калѣчатся лошади, калѣчатся сами люди и все это происходитъ на пространствѣ всей Россіи, изрѣзанной довольно густой уже сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Начальствующія лица, командируемыя въ деревню, значительные чиновники, туристы и корреспонденты не знаютъ и десятой доли этихъ дорожныхъ бѣдствій сельской Россіи. Путешествуя въ лучшее время года или по путямъ экстренно улучшеннымъ, они могутъ слышать только разсказы о тяжести мѣстныхъ сообщеній и въ извѣстной мѣрѣ не вѣрить имъ. Бѣдствіе это, можно сказать, повсемѣстное, за ничтожными исключеніями. При сравнительной оцѣнкѣ дорогъ лѣсистаго сѣвера или черноземнаго юга можетъ быть только одинъ вопросъ—гдѣ хуже?

Едва ли я ошибусь, если скажу, что для поднятія благосостоянія деревни, для ея просвѣщенія, а также для ея оздоровленія, устройство сельскихъ дорогъ есть настоятельная предварительная мѣра. Не смѣю утвер-

ждать, но думаю, что значительные мѣстные займы для устройства сельскихъ путей сообщенія могли бы успѣшно покрываться улучшеніемъ экономическихъ, санитарныхъ и нравственныхъ условій деревенской жизни.

5. Дальнѣйшее развитіе и организація *земской ветеринарной части* и вообще попеченія о сельскомъ скотоводствѣ. Земская ветеринарія въ настоящее время, въ лучшихъ случаяхъ, стоитъ лишь на первоначальной ступени развитія, на какой находилась и земская медицина въ первые годы своего существованія. Одинъ ветеринарный врачъ на уѣздъ есть пока еще максимумъ достигнутой организаціи. Большею частью на земскихъ ветеринарныхъ врачей возлагаются пока лишь общія ветеринарно-полицейскія обязанности, констатированіе эпизоотій и случайная ветеринарная помощь. Образованные ветеринары въ глазахъ населенія еще не имѣютъ авторитета большаго, чѣмъ самоучки коновалы. Въ лѣченіи домашнихъ животныхъ господствуютъ предразсудки и самый грубый эмпиризмъ. Необходимѣйшія операціи надъ лошадьми и другими животными производятся почти исключительно невѣжественными людьми и нерѣдко причиняютъ гибель или порчу цѣннаго скота. Зарытіе павшихъ животныхъ, снятіе шкуръ, ихъ продажа и покупка и кустарная выдѣлка находятся еще въ первобытномъ состояніи и контроль за этими операціями существуетъ лишь на бумагѣ. Въ кормѣ и содержаніи скота нѣтъ и слѣдовъ вліянія научной діэтетики, направленной къ выгодѣ скотоводства. Если это положеніе сопоставить съ общеизвѣстной важностью домашняго скота для экономическаго благосостоянія населенія, для здоровья и жизни деревенскихъ дѣтей, то значеніе сельскихъ ветеринарныхъ врачей, конечно, безъ ненужныхъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, становится вполнѣ понятнымъ. Образованный ветеринаръ столь же нуженъ для гигіены сельскаго населенія, какъ и земскій врачъ. Онъ долженъ быть учителемъ и другомъ населенія и долженъ находиться въ условіяхъ дѣйствительной работы на мѣстахъ, а не проводить свое время въ разъѣздахъ для соблюденія разныхъ формальностей. Онъ долженъ быть въ то же время консультантомъ и контролеромъ при столь важныхъ для крестьянина хозяйственныхъ операціяхъ, какъ покупка и продажа скота, гдѣ въ настоящее время все основано на взаимномъ обманѣ и плутовствѣ. Покупка лошади, напримѣръ, равносильна вынманію лотерейнаго билета. Сельское скотоводство настоятельно нуждается въ свѣтѣ знанія, и проводникомъ его долженъ явиться сельскій ветеринаръ. Четырехъ ветеринарныхъ институтовъ на всю Россію, очевидно, слишкомъ мало, и образованіе въ нихъ должно быть организовано не для недоучекъ и неудачниковъ, а для лицъ, получившихъ законченное среднее образованіе *). Отсутствіе благоустроенной ветеринарной части въ земле-

*) Говоря такимъ образомъ, я хорошо знаю, конечно, что очень многіе ветеринарные врачи, путемъ самообразованія, съ избыткомъ пополняютъ недостатки своего школьнаго обученія, что и доказываютъ своей научной и практической дѣятельностью, но возможность поступленія въ ветеринарные институты съ цензомъ 6 классовъ гимназіи все еще остается и должна быть устранена. Слава именъ *Бѣлинскаго* или *Л. Н. Толстого* не исключаетъ желанія законченнаго высшаго образованія для литературныхъ дѣятелей. *М. К.*

дѣльческой Россіи есть большой пробѣлъ, который вредно отражается и на здоровьѣ сельскаго населенія.

6. Останавливаясь въ силу необходимости въ перечисленіи тѣхъ частныхъ сторонъ деревенской жизни, улучшеніе которыхъ безъ большого затрудненія могло бы повысить санитарное состояніе сельскаго населенія, я долгомъ считаю въ заключеніе коснуться той основной задачи, которая относится собственно къ сословію врачей, какъ носителей и представителей гигіеническихъ знаній, какъ иниціаторовъ частныхъ и мѣстныхъ гигіеническихъ задачъ, для которыхъ нѣтъ готовыхъ образцовъ и шаблоновъ и нужна творческая мысль, подготовленная широкимъ научнымъ міросозерцаніемъ. Я говорю о необходимости *повысить гигіеническую подготовку врачей,* работающихъ въ деревнѣ и для деревни, и если не всѣхъ безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые по преимуществу посвящаютъ себя дѣятельности въ области гигіены и обычно носятъ названіе врачей санитарныхъ. Санитарный врачъ долженъ получать спеціальную подготовку, подобно тому, какъ подготовляютъ себя врачи, желающіе быть акушерами, хирургами, офтальмологами и проч.

Всѣ мы знаемъ, конечно, земскихъ санитарныхъ врачей, которые составили себѣ крупное имя въ области общественной гигіены исключительно своими личными усиліями, безъ учителей и руководства, но это путь исключительно трудный и доступный не для всѣхъ. Онъ можетъ вести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ однообразію, подражательности, шаблону. Мы имѣемъ теперь большое число городскихъ и земскихъ санитарныхъ врачей, подготовка которыхъ нерѣдко недостаточна. Это отлично сознается и самими врачами, но они не имѣютъ удобнаго и вѣрнаго пути для того, чтобы пополнить пробѣлы своихъ знаній. Въ области другихъ спеціальностей въ настоящее время уже установились способы для періодическаго освѣженія и пополненія знаній у врачей, работающихъ въ деревнѣ. Высокополезное учрежденіе—институтъ великой княгини Елены Павловны, не даромъ всегда переполненъ врачами, пріѣзжающими изъ провинціи. Въ отношеніи гигіены такого учрежденія пока еще нѣтъ. Университетскія каѳедры гигіены не могутъ пополнить такого пробѣла. Для преподаванія студентамъ-медикамъ элементарныхъ основъ гигіены, медицинскіе факультеты по необходимости удѣляютъ лишь крайне мало времени, крайне мало учебнаго персонала и очень бѣдныя средства. Ни одинъ изъ нашихъ университетовъ не имѣетъ порядочнаго гигіеническаго музея. Ни одинъ изъ профессоровъ не успѣваетъ прочитать въ теченіе года всего курса общей и частной гигіены съ санитарной статистикой и санитарнымъ законодательствомъ. Знакомить студентовъ съ спеціальными вопросами земской медицины и частными задачами городской и сельской гигіены въ Россіи ни одинъ изъ профессоровъ не имѣетъ возможности. Кромѣ того, для врачей нужны не элементарные курсы, а спеціальные, съ практическими работами, съ богатымъ запасомъ пособій, съ обширной библіотекой общихъ и спеціально русскихъ изданій, которыхъ имѣется гораздо бо̀льшее число, чѣмъ это можно предполагать

по разрозненности и часто полной недоступности такой литературы. Изучить въ санитарномъ отношеніи Германію или Францію гораздо легче для русскаго врача, чѣмъ какую-либо часть Россіи. Какъ это ни странно, но совершенно мыслимо имѣть въ Россіи прекраснаго профессора гигіены, не знакомаго однако же съ Россіей и ея нуждами.

Вы видите, мм. гг., что такое положеніе ненормально. Жизнь требуетъ спеціалистовъ по гигіенѣ, а готовиться имъ негдѣ. Экстренныя общественныя бѣдствія, напримѣръ, въ видѣ заносныхъ экзотическихъ эпидемій, требуютъ энергичныхъ общественно-гигіеническихъ мѣропріятій, а разумно руководить ими на мѣстахъ некому. Врачебные администраторы по губерніямъ и въ центральныхъ учрежденіяхъ часто совсѣмъ не подготовлены къ дѣятельности по вопросамъ гигіены. Неудивительно, если ихъ импровизаціи не всегда бываютъ удачны и практичны. Правда, что для занятія, напримѣръ, должности врачебнаго инспектора въ губерніи требуется особый экзаменъ, между прочимъ по гигіенѣ, но требованіе это обыкновенно обходится и громадное большинство инспекторовъ состоятъ во всю свою жизнь лишь исправляющими должность. Словомъ, во всѣхъ сферахъ врачебной дѣятельности гигіена не считается за спеціальность, которую нужно знать, а за что-то такое пустое и легкое, что сейчасъ же и безъ всякой подготовки доступно всякому желающему.

Не пора ли положить конецъ такому недоразумѣнію, не требуютъ ли этого нужды и бѣдствія народныя, не нуждаются ли въ этомъ наши города и въ особенности наше стомилліонное сельское населеніе.

Я думаю, что такое время настало, что было бы достойно памяти Н. И. Пирогова и задачъ нашего Всероссійскаго Общества громко и увѣренно заявить о необходимости въ Россіи спеціальнаго гигіеническаго образованія.

Я предлагаю съѣзду ходатайствовать объ учрежденіи въ Москвѣ одного на всю Россію *Института общественной гигіены*.

Институтъ этотъ имѣлъ бы цѣлью подготовлять врачей-гигіенистовъ для дѣятельности на всѣхъ поприщахъ, на которыхъ есть въ томъ потребность, онъ давалъ бы возможность въ то же время врачамъ-практикамъ, врачамъ городскимъ и въ особенности земскимъ знакомиться въ короткое время съ главными основами практической санитарной дѣятельности. Отдѣльнымъ врачамъ онъ давалъ бы возможность обращаться за справками, совѣтами и указаніями по частнымъ гигіеническимъ вопросамъ.

Въ составѣ института должны бы находиться нѣсколько профессоровъ и доцентовъ, вѣдающихъ различные отдѣлы гигіены, съ надлежащимъ числомъ помощниковъ. Экспериментальная гигіена въ ея важнѣйшихъ отдѣлахъ, статистическая методика, санитарная статистика, санитарное законодательство, гигіена городовъ, сельская гигіена, земская медицина, промышленная и вообще профессіональная гигіена, профилактика заразныхъ болѣзней, съ исторіей эпидемій, санитарная методика физическихъ, химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованій,—вотъ тѣ отдѣлы, по которымъ

могли бы читаться въ институтѣ спеціальные курсы и вестись практическія занятія. Въ виду послѣднихъ, институтъ долженъ имѣть благоустроенныя лабораторіи, обширную систематически составленную библіотеку и большой гигіеническій музей. Спеціальныя экскурсіи и командировки учащихся на фабрики, заводы, рынки, въ деревни и проч. должны бы пополнять ихъ практическое обученіе. Ихъ чтенія и демонстраціи въ народныхъ аудиторіяхъ, при указаніяхъ руководителей, должны бы подготовлять ихъ къ популяризаторской дѣятельности. Осмотры различныхъ учрежденій и отчеты о нихъ давали бы имъ практику гигіенической экспертизы. Я думаю, что въ теченіе двухлѣтняго курса могли бы формироваться дѣльные спеціалисты, гигіенисты, которымъ институтъ, по провѣркѣ ихъ знаній, могъ бы выдавать соотвѣтственныя удостовѣренія. Для врачей же, желающихъ усовершенствоваться въ нѣкоторыхъ лишь частяхъ гигіены, не должно быть никакихъ стѣсненій въ срокахъ и выборѣ занятій.

Учрежденіе это должно быть правительственное, съ опредѣленнымъ штатомъ и средствами, въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но весьма естественно думать, что въ его возникновеніи и содержаніи могутъ принять матеріальное и нравственное участіе также и общественныя учрежденія, наши города и земства. Позволительно думать, что затраты на такое учрежденіе будутъ производительны. Онѣ окупятся дѣятельностью спеціально подготовленныхъ врачей на всѣхъ поприщахъ общественной гигіены, онѣ предохранятъ отъ экстренныхъ затратъ на мѣры, недостаточно обоснованныя, онѣ предостерегутъ отъ поспѣшныхъ заимствованій съ Запада мѣръ и регламентацій, не всегда приложимыхъ къ Россіи, онѣ внесутъ свѣтъ и жизнь въ заботы о милліонахъ сельскихъ жителей.

Я былъ бы глубоко счастливъ, если бы я нашелъ, на склонѣ моей дѣятельности, поддержку и одобреніе съѣзда выражаемой мысли. Это было бы одно изъ созидательныхъ начинаній съѣздовъ на пользу русскаго народа.

Я кончилъ, мм. гг., я утомилъ ваше вниманіе вопросами и фактами, вамъ хорошо извѣстными. Но, поступая такъ, я хотѣлъ собрать въ одномъ мѣстѣ все то, что объединяется единствомъ предмета, нуждами и горестями сельскаго населенія. И въ этомъ мое извиненіе.

Мы, дѣти русскаго народа, вырощенныя его трудомъ и пòтомъ, мы не должны забывать интересовъ деревни!

Обращаюсь къ вамъ, молодые товарищи-врачи. Старыя поколѣнія собрали для васъ богатый запасъ фактовъ и наблюденій и нерѣдко давали вамъ образцы тяжелаго труда и преданности дѣлу. Идите дальше ихъ, не застывайте въ одинаковыхъ формахъ дѣятельности. Ищите новыхъ путей, но не миритесь съ цивилизаціей, основанной на бѣдности, невѣжествѣ и болѣзняхъ большинства населенія!

М. Я. Капустинъ.

Опытъ психологической характеристики политической жизни Англіи.

(Boutmy: Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle. Paris, 1901).

Замѣчательную и интересную судьбу имѣла теорія расы, какъ историческаго фактора. Мы находимъ ее еще въ самыхъ раннихъ зачаткахъ философіи исторіи, и въ XIX вѣкѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ, она сохраняетъ много чертъ первобытной наивности: рѣдкое отсутствіе анализа понятій, съ которыми она оперируетъ, наконецъ, дѣтскую безпомощность передъ впечатлѣніями отъ окружающей политической и соціальной дѣйствительности. Одни, говоря о расѣ, понимали подъ нею туманный призракъ «національнаго духа», другіе—антропометрическія данныя, большей частью произвольно взятыя, но результатъ былъ одинаковъ: постепенно склонялись къ убѣжденію, что наше знаніе и пониманіе общественныхъ явленій не расширится и не углубится ни на іоту, если мы будемъ объяснять ихъ какъ результатъ національнаго духа и расовыхъ особенностей. Если исторія прежде представлялась въ видѣ борьбы расъ, то теперь преобладающее значеніе получила идея класса и борьбы классовъ,—идея, которая дала такія плодотворныя истолкованія и служила такъ же хорошо базисомъ для философіи исторіи, какъ и для особой соціальной религіи. Но если «раса» и «народность» ступевались на нѣкоторое время въ объективномъ философско-историческомъ истолкованіи, то въ области современной политики эти призраки попрежнему занимали переднюю сцену. Глазамъ европейской читающей публики представлялось странное зрѣлище великаго государства, въ которомъ этнографическія распри на цѣлый рядъ лѣтъ парализовали всякую общественную дѣятельность національныхъ представителей.

Среди этихъ призраковъ, которые толпились на политической сценѣ XIX вѣка, былъ одинъ, особенно смущавшій политиковъ и дипломатовъ и въ то же время интересный и для объективнаго наблюдателя. Англо-саксонская раса, казалось, стояла на прямомъ пути ко всемірной гегемоніи,

и не только видѣли ея быстрый территоріальный и экономическій ростъ, но и психологически она переживала глубокія измѣненія: точно было какое-то опьяненіе собственной энергіей и несокрушимостью, стремленіе раздавить все, что мѣшаетъ проявляться этой энергіи.

Этотъ политико-психологическій феноменъ былъ встрѣченъ разными по разному. Одни, подобно Демулену, приняли его за проявленіе нѣкоего прирожденнаго превосходства англо-саксонской расы, которое дѣлаетъ ее совершеннѣйшей между другими человѣческими расами. Другіе,—и ихъ было большинство,—увидѣли здѣсь доказательство не прогресса, а упадка, одичанія: они, однако, вѣрили, что народы англо-саксонской расы переживутъ этотъ тяжелый кризисъ и вернутся на путь прежняго мирнаго развитія. Третьи, какъ и Демуленъ, связывали новыя явленія въ жизни этихъ народовъ съ основными свойствами ихъ расы, но изрекали противъ нея проклятія: они громили не только великобританскій и американскій имперіализмъ, не только Чэмберлена и Макъ-Кинли, но и англійскую и американскую націю. Практическая политика шла своимъ путемъ, мало заботясь о философско-историческихъ теоріяхъ, но въ публицистикѣ эта идея англо-саксонской расы пріобрѣла слишкомъ большой интересъ, чтобы наука могла на него не откликнуться. Времена измѣнились: если прежде раса и національность понимались какъ нѣчто метафизически цѣльное, то теперь въ ней увидѣли сложную и производную историческую категорію, подверженную глубокимъ перемѣнамъ. Синтезъ сталъ опираться на внимательный историческій анализъ, перестали захватывать въ обобщеніяхъ слишкомъ много во времени и пространствѣ—все явленія, которыя показывали, что понятіе расы и національности подверглись серьезному пересмотру, обѣщающему имъ несравненно болѣе плодотворное примѣненіе, чѣмъ то, которое они имѣли въ расовой философіи исторіи.

Одной изъ интересныхъ попытокъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ признать книгу Бутми. Авторъ ея, директоръ парижской школы политическихъ наукъ, извѣстенъ русской публикѣ по небольшой, но прекрасной, популярной и въ то же время серьезной работѣ «Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи». Онъ знаетъ Англію теоретически и практически, и его спокойный голосъ пріятно выдѣляется во Франціи какъ среди небольшой кучки англофиловъ, вродѣ Демулена и Ива Гюйо, для которыхъ все, находящееся по ту сторону Ламанша, стоитъ выше критики, такъ и среди болѣе громкаго и зычнаго хора націоналистовъ, осыпающихъ Англію градомъ площадныхъ ругательствъ и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ дѣлавшихъ все отъ нихъ зависящее, чтобы довести Францію до войны съ ней.

Если Бутми былъ подготовленъ къ своей задачѣ по своему знанію Англіи, то нельзя сказать, чтобы онъ обладалъ достаточной философско-исторической широтой взгляда и былъ вполнѣ свободенъ отъ нѣсколько вульгарныхъ положеній въ области политики и соціологіи, принятыхъ во французской буржуазной наукѣ,—и это сказалось, конечно, неблагопріятно на его характеристикѣ политическаго и соціальнаго строя Англіи. Въ сво-

емъ методѣ онъ слишкомъ поддавался вліянію Тэна, не удержался отъ погони за обманчивыми «facultés maîtresses» и другими категоріями историческаго истолкованія, введенными Тэномъ; но эти недостатки не отымаютъ все же, по нашему мнѣнію, существеннаго интереса у его книги.

Изъ трехъ факторовъ народной жизни, указанныхъ Тэномъ—физической среды, расы и обстановки—самое постоянное, неизмѣнное и въ то же время трудно опредѣляемое и учитаемое дѣйствіе оказываетъ первый факторъ. Общія указанія на климатъ, почву и т. п. обыкновенно ничего не объясняютъ; необходимо найти такое особенное сочетаніе физическихъ элементовъ въ данной средѣ, которое было бы связано прямой, поддающейся учету причиностью съ извѣстными сторонами въ народной жизни. Природа Англіи какъ бы говоритъ человѣку: ты погибнешь, если распустишься; но если ты будешь напряженно работать, это напряженіе вознаградится сторицей. Эта формула не выражаетъ специфической особенности Англіи; она приложима почти ко всѣмъ очагамъ человѣческой культуры. Но здѣсь отношеніе между природой и затратами человѣческой энергіи еще болѣе тѣсное, внутреннее: само мускульное усиліе, какъ таковое, является необходимымъ условіемъ чувства физическаго благосостоянія въ этомъ постоянно сыромъ и пронизывающемъ климатѣ. Эта нужда въ активности, напряженности, эта потребность, налагаемая вѣками, сдѣлалась одной изъ глубочайшихъ основъ англійскаго типа.

Если эта физическая среда стимулируетъ волю, то она даетъ лишь крайне слабую пищу человѣческой впечатлительности. Глазъ видитъ лишь неопредѣленные контуры, тусклыя краски: образы лишены южной отчетливости. Свободная игра впечатлѣній не отвлекаетъ человѣка отъ напряженія его энергіи: наиболѣе сильно онъ воспринимаетъ не внѣшній, а свой внутренній міръ. Нѣтъ ли какой-нибудь связи между этой бѣдностью, неотчетливостью, смутностью впечатлѣній и высшими умственными свойствами народа: столь характерной для англичанъ нелюбовью къ обобщенію, отвлеченію, равнодушіемъ къ системѣ и эмпирическимъ пошибомъ? Складъ англійскаго и складъ греческаго мышленія—два полюса. Въ духовной жизни народа мы будемъ ожидать преобладанія волевого начала. Идеалъ англійской націи почерпается не изъ метафизическихъ разсужденій и не изъ эстетическаго созерцанія окружающаго міра: онъ представляется какъ совершенная, сильная и дѣятельная воля.

Этотъ идеалъ намъ открывается изъ духовныхъ созданій націи. По Бутми они отмѣчены двумя чертами: рѣдкостью безкорыстно-эстетическаго созерцанія и отсутствіемъ стремленія ко внѣшней стройности. Англійскій историкъ съ трудомъ выходитъ изъ рамокъ современной ему дѣйствительности, съ трудомъ достигаетъ интереса къ прошлому, какъ таковому; онъ пишетъ обычно не только какъ англичанинъ, но и какъ членъ партіи. Англійскій романъ связанъ преемствомъ съ шекспировской драмой, онъ полонъ жизни и дѣйствія; но и въ немъ какое-то отсутствіе литературной техни-

ки, извѣстнаго систематическаго плана *). Изъ искусствъ можно говорить лишь объ англійской живописи: Бутми хочетъ и въ ней отыскать эти основныя черты — отсутствіе потребности въ единствѣ, дидактическій характеръ; онъ почти готовъ отрицать за ней истинный характеръ художественнаго творчества,—за исключеніемъ Росетти и Бернъ-Джонса. Онъ долженъ признать эту школу истинно англійской. Не рѣшаясь бросить ей въ лицо банальнаго упрека въ копированіи Ботичелли, онъ не можетъ въ то же время сколько-нибудь убѣдительно приложить къ ней свою характеристику. Съ бо̀льшимъ успѣхомъ Бутми могъ бы искать въ англійской живописи преобладанія глубокаго интереса къ внутреннему міру, выразившагося въ роскошномъ расцвѣтѣ англійской портретной живописи—въ рядѣ художниковъ, родоначальниками котораго были Рейнольдъ и Гэнсборо и который теперь такъ достойно представленъ Орчардсономъ.

Въ области англійской философіи и науки уловить отраженія этихъ общихъ психологическихъ чертъ гораздо легче. Эмпирическое направленіе англійской философіи слишкомъ извѣстно, чтобы на немъ нужно было останавливаться. Намъ кажется, что Бутми преувеличенно изображаетъ вліяніе Конта на новую англійскую философскую мысль, указывая даже на широкія заимствованія изъ этого источника у Д. С. Милля и Бэна. Догматическій позитивизмъ Конта, напротивъ, весьма чуждъ складу англійской эмпирической философіи, и самую рѣзкую критику онъ нашелъ среди представителей этой философіи. Въ области англійской науки тотъ же эмпиризмъ, то же недовѣріе и равнодушіе къ системѣ. До 1860 г. въ Англіи не существовало никакихъ систематическихъ курсовъ естественныхъ наукъ. Научная теорія имѣетъ въ глазахъ англичанина своей задачей не столько объяснить извѣстныя явленія, сколько дать возможность ясно себѣ ихъ представить. «Мнѣ кажется,— говорилъ Томсонъ, — истинный смыслъ словъ: понимаете или не понимаете вы извѣстнаго вопроса въ физикѣ, равносиленъ; можете ли вы сдѣлать соотвѣтствующую механическую модель?» Слабость способности отвлеченія какъ бы вознаграждается богатствомъ фантазіи, которая направляетъ англійскихъ физиковъ къ самымъ основнымъ вопросамъ о матеріи и силѣ — вопросамъ, уже стоящимъ на границѣ непознаваемаго.

Религія англійскаго народа дополнитъ картину. Ему чужда чувственная красота католицизма; англиканская церковь — это созданіе государственныхъ людей, болѣе церковь, чѣмъ религія; истинный народный протестантизмъ мы видимъ не въ ней, а у пуританъ, пресвитеріанъ, весліанъ. Какъ въ католицизмѣ мы замѣчаемъ переживанія и реминисценціи античнаго язычества, такъ въ этихъ строгихъ, мало говорящихъ воображенію формахъ религіознаго сознанія какъ бы возрождается іудаизмъ, ветхій завѣтъ, столь дорогой для сектантовъ,—религія, свободная отъ всякаго удовлетворенія чувственной природѣ человѣка, обращающаяся лишь къ

*) Не забудемъ, что это сужденіе высказывается французомъ.

волѣ и требующая даже не дѣлъ, а прежде всего извѣстнаго напряженія и направленія воли. «Католицизмъ, это—религія могущественной духовной власти, которая даетъ законы, запрещаетъ, наказываетъ. Протестантизмъ, это — религія духовнаго самоуправленія (la religion du self gouvernement intérieur). Одинъ по преимуществу создаетъ порядокъ и даетъ заповѣди; другой—болѣе всего сохраняетъ и возобновляетъ энергіи: это—религія приличествующая народу, рожденному для дѣйствія».

Говоря о расахъ, Бутми понимаетъ этотъ терминъ двояко: въ смыслѣ антропологическихъ группъ, изъ которыхъ создался англійскій народъ, и въ смыслѣ группъ соціальныхъ. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ о германцахъ и кельтахъ, во второмъ—о расахъ, развившихся на исторической почвѣ,—объ Англіи земледѣльческой, коммерческой, промышленной. Такое употребленіе слова раса, конечно, едва ли можно одобрить: путаница понятій только увеличивается при произвольномъ употребленіи терминовъ. Но самое изображеніе смѣны хозяйственнаго строя, поскольку онъ опредѣляетъ собой разнообразныя формы направленія національной жизни, вышло у Бутми очень ярко.

Норманскіе завоеватели быстро становятся земледѣльческимъ народомъ; въ средніе вѣка англійская деревня, такъ сказать, заслоняла собою городъ. Въ XV в. Поджіо писалъ: «За французами слѣдуютъ обитатели Британіи, которыхъ называютъ теперь англичанами: они считаютъ постыднымъ для человѣка благороднаго происхожденія жить въ городѣ; всѣ они живутъ среди своихъ полей, лѣсовъ, пастбищъ; они считаютъ знатность по богатству; отдаютъ всѣ свои заботы воздѣлыванію земли, торгуютъ шерстью со своихъ стадъ и не видятъ ничего позорнаго въ томъ, чтобы извлекать доходы изъ земледѣлія». Этотъ земледѣльческій періодъ продолжается до конца XVI в.; лишь въ 1589 году фландрскіе изгнанники перенесли въ Англію искусство ткать шерстяныя матеріи. Англія торговая, Англія, какъ будущая царица морей, несмотря на всѣ преимущества географическаго положенія, выступаетъ лишь въ началѣ XVIII вѣка. С. Вальтеръ Ралей, разрушитель непобѣдимой армады, не видѣлъ для Англіи возможности когда-нибудь успѣшно конкурировать съ Голландіей. Въ 1600 г. Англія еще не имѣла никакого владѣнія за предѣлами Европы; въ теченіе XVII в. религіозныя преслѣдованія гонятъ англійскихъ эмигрантовъ въ Америку, индійская компанія занимаетъ лишь нѣсколько пунктовъ въ Индостанѣ. Самый земельный режимъ вполнѣ еще приспособленъ къ нуждамъ земледѣльческаго народа. Кредитъ до конца XVII в. остается крайне мало развитымъ: въ Голландіи уровень процента падаетъ ниже 3, тогда какъ въ Англіи онъ держится около 8.

Попытки англійской колонизаціи открываютъ, однако, безграничное будущее для англо-саксонской расы; неоспоримо, что религіозныя потрясенія XVII в. играли въ созданіи этого новаго типа великую роль. Въ пуританскихъ, пресвитеріанскихъ и т. п. общинахъ создалась та интенсив-

ность вѣры, та моральная увѣренность, словомъ, тотъ индивидуализмъ, опирающійся постоянно на сознаніе помощи свыше, которые такъ отличали колонизаторовъ Новаго Свѣта. Здѣсь впервые оправдалась теорія общественнаго договора; отдѣльные граждане создавали общины, отдѣльныя общины превращались въ государство; все было въ концѣ концовъ результатомъ сознательной воли отдѣльныхъ лицъ.

Окончательное обезземеленіе населенія и открытія Кэя и Аркрайта создали третью Англію—городскую и промышленную.

Въ 1685 г. лишь четыре города, кромѣ Лондона, имѣли населеніе больше 10,000 человѣкъ. Съ середины XVIII в. начинается гигантскій ростъ городовъ; земледѣліе отступаетъ на задній планъ, и если въ политической области представителямъ землевладѣнія отводится первое мѣсто, то это—анахронизмъ, который исправилъ XIX в. Англія промышленная и Англія—торговая и морская тѣснѣйшимъ образомъ связаны одна съ другою: именно онѣ создали ту современную англо-саксонскую расу, которая является предметомъ и такой ненависти, и такого преклоненія.

Вотъ среда—физическая, этнографическая, экономическая. Каковъ человѣкъ? Отвѣчать на это рискованно; самъ Бутми только что показалъ намъ, какъ измѣнчива національная психологія. Не слѣдуетъ ли обратиться скорѣе къ Диккенсу и Текерею, къ Times и парламентскимъ отчетамъ, чтобы уяснить себѣ нравственную физіономію современнаго англичанина? Попытка обобщенія не приведетъ ли неизбѣжно къ банальности?

Бутми не боится этого подводнаго камня. Передъ нами возсоздается англійскій типъ съ его малой общительностью, склонностью къ одиночеству, гипертрофіей воли. Изысканность манеръ не имѣетъ въ глазахъ англичанина никакой цѣны; онъ не заботится о производимомъ впечатлѣніи. Онъ любитъ дѣйствіе ради него самого; его энергія—это неутомимость въ стремленіи къ опредѣленной цѣли. Любовь къ дѣйствію—не столько къ результату, сколько къ процессу, преклоненіе передъ существующимъ дѣлаютъ изъ него консерватора. «Джонъ Булль,—пишетъ Карлейль,—природный консерваторъ. Всѣ великіе народы консервативны; они долго ждутъ, пока не повѣрятъ въ новшество, терпѣливо переносятъ массу недостатковъ въ существующихъ учрежденіяхъ; они глубоко, непоколебимо убѣждены въ величіи, присущемъ закону и обычаю, разъ они торжественно установлены и признаны съ давнихъ временъ, какъ справедливыя и неизмѣнныя».

Между тѣмъ на первый взглядъ кажется, что такой народъ представляетъ большія трудности для своего правительства; какъ управлять людьми со столь сильно развитою индивидуальностью? Путешественникъ, попавшій въ Англію во время выборной горячки, будетъ пораженъ той громадной затратой мускульной и нервной энергіи, которую онъ встрѣчаетъ повсюду. Но всматриваясь ближе въ англійскую толпу, онъ скоро замѣчаетъ, что здѣсь болѣе страшна внѣшность. Эти громадныя процессіи, безконечныя манифестаціи разряжаютъ физическую энергію: нѣтъ и слѣда

того напряженія чувства, которое проникаетъ южную толпу во время выборной агитаціи. На континентѣ право собраній и ассоціацій считается опаснымъ для правительства; въ Англіи это право причисляется къ лучшимъ гарантіямъ порядка и средствамъ успокоенія. «Англичанинъ, вернувшись съ политической процессіи, которая не достигла цѣли, не испытываетъ подобно французу, лихорадочнаго неудовольствія и двойного возбужденія, онъ чувствуетъ успокоеніе и удовлетвореніе. Процессія отчасти осуществила свою цѣль, если она дала случай израсходовать избытокъ физической энергіи». Такимъ образомъ, англійская толпа мало подвержена власти аффектовъ: центры воспріятія и центры дѣйствія у нея слишкомъ медленно сообщаются; нѣтъ быстрой и бурной реакціи. Съ какой легкостью дуэль вышла не только изъ нравовъ свѣтскаго общества, но и изъ нравовъ арміи! Декларація 1688 г., запрещающая королю имѣть на-готовѣ войско безъ спеціальнаго разрѣшенія, позволяетъ въ то же время гражданамъ носить оружіе. Это напоминаетъ средневѣковое право вооруженнаго возстанія, но въ Англіи его не боятся, какъ не боятся проявленій энергіи, даже угрозъ насилія у толпы. На Чемберлена нападали въ палатѣ общинъ за то, что онъ своими внѣ-парламентскими рѣчами до извѣстной степени вызвалъ походъ обитателей Бирмингама на вестминстерскій дворецъ. Гладстонъ взялъ на себя защиту своего товарища по министерству. «Можно рекомендовать націи,—воскликнулъ онъ,—любить порядокъ и ненавидѣть насиліе; но ненужно ей говорить только это. Конечно, я противникъ насилія, но я не могу и не хочу принимать этихъ формъ изнѣженной рѣчи, отнимающихъ у націи утѣшеніе, которое она можетъ найти въ мысли о прежнихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, въ воспоминаніяхъ о великихъ качествахъ предковъ и въ сознаніи, что эти качества еще принадлежатъ ей».

Эта же національная энергія, вложенная въ процессъ накопленія богатствъ, развиваетъ такую безпощадную и безжалостную конкуренцію, съ которой континентъ познакомился сравнительно поздно. «Въ Англіи, слабый, безпомощный, пугливый, бездѣятельный осуждены на гибель. Это, какъ въ толпѣ, которая стремится къ одной цѣли: кто разъ опередилъ, увлекается толпой и достигаетъ цѣли; кто замѣшкался и далъ себя многимъ опередить, отбрасывается далеко назадъ; онъ поскользнулся—его затолкаютъ, задавятъ. Это явленіе было такъ постоянно, что обществу пришлось принять на себя заботу подбирать и уносить раненныхъ и изувѣченныхъ въ этой слишкомъ стремительной схваткѣ: таково было назначеніе законовъ о бѣдныхъ. Нищихъ собирали и заключали въ особые дома; болѣе ихъ не видали; цѣлыя поколѣнія тихо угасали въ этихъ домахъ». Среди одной націи образовались какъ бы двѣ породы: одна представляла высшее развитіе физической природы человѣка, другая—крайнюю степень ея паденія и разрушенія. Нигдѣ богатство не окружено такимъ соціальнымъ ореоломъ, нигдѣ бѣдность не поставлена такъ рядомъ съ порокомъ и униженіемъ, какъ въ Англіи. У народа, болѣе впечатлительнаго, такое страшное соціальное неравенство должно было бы разжигать непри-

миримую ненависть. Часть отверженныхъ упала, однако, ниже того предѣла, за которымъ уже нѣтъ мѣста протесту, она уже раздавлена. Другая—и къ счастію несравненно бо̀льшая часть трудящихся классовъ—находитъ извѣстный коррективъ въ той же затратѣ энергіи. «Въ соціальной іерархіи они видятъ скорѣе правильное раздѣленіе труда, чѣмъ дурное распредѣленіе блага. Если они сравниваютъ себя съ другими, то для сравненія они берутъ равныхъ себѣ, людей того же класса, проводя параллель между энергіей и успѣхомъ дѣятельности каждаго». Общественные слои здѣсь какъ-то застыли; та соціальная капиллярность, которая такъ замѣтна у романскихъ народовъ, та легкость, съ которой низшіе классы усваиваютъ культуры высшихъ, гораздо менѣе замѣтна въ Англіи.

Англійская демократія терпѣливѣе, чѣмъ какая-либо другая, переносила соціальныя неравенства; столь же терпѣливо переносила она медленность своего государственнаго механизма. Почему въ Англіи система двухъ палатъ никогда не вызывала такой суровой критики, какъ во Франціи? Это особенно странно у народа, создавшаго правило: «time is money». Но не слѣдуетъ преувеличивать этотъ утилитаризмъ англичанъ: у нихъ остается запасъ безкорыстной энергіи, которую они тратятъ, не очень заботясь о конечномъ результатѣ. «Г. Спенсеръ разсказываетъ, какъ онъ однажды пришелъ въ бюро ассоціаціи, образованной для реформы извѣстнаго закона; онъ нашелъ всѣхъ—предсѣдателя, секретарей, членовъ совѣта—въ унынiи: реформа прошла въ парламентѣ, у общества отнынѣ не оставалось цѣли. Безъ сомнѣнія, здѣсь было разочарованіе человѣка, любящаго работу, видящаго, какъ онъ теряетъ особое избранное имъ поле дѣятельности, и принужденнаго искать примѣненія своимъ силамъ въ другомъ мѣстѣ». Побѣда въ концѣ концовъ остается за болѣе энергичнымъ и настойчивымъ. «Нѣтъ опредѣленнаго момента, когда право одного положительнымъ образомъ суживалось или устранялось бы въ пользу права другого. Когда пришелъ моментъ, гдѣ, очевидно, необходимо провести новую демаркаціонную линію между правами отдѣльныхъ группъ, уже цѣлый рядъ годовъ эта демаркаціонная линія незамѣтно двигается и перемѣщается».

Въ жизни англійскихъ партій политическіе символы вѣры, теоретическіе принципы далеко не играютъ такой роли, какъ на континентѣ; поглощающая любовь къ дѣятельности, слабость абстракціи сказывается и здѣсь. Логика англійскихъ публицистовъ не должна обманывать своими внѣшними формами безпристрастной дедукціи; обыкновенно, это—скрытая апологетика. «Скажемъ открыто: выборъ политическихъ мнѣній въ Англіи—случайный, поспѣшный, произвольный. Не столько считается важнымъ принадлежать къ извѣстной партіи, сколько принадлежать къ какой-нибудь одной — лишь бы крѣпко и энергично ее поддерживать. Скудость общихъ идей и свойственная англичанамъ подозрительность къ абсолютнымъ положеніямъ вносятъ въ выборъ мнѣній большую долю случайнаго». Но если съ теоретической точки зрѣнія выборъ убѣжденій англичанина

обыкновенно мало оправдывается, то это нисколько не вредитъ стойкости, съ которой англичанинъ держится за нихъ, и энергіи, съ которой онъ ихъ проводитъ. При оцѣнкѣ дѣятельности политической партіи очень часто менѣе обращаютъ вниманіе на ея программу, чѣмъ на ея энергію. Герцогъ Ричмондъ, желая оправдать недостаточно блестящій характеръ сессіи при кабинетѣ, гдѣ онъ участвовалъ со своими друзьями, воскликнулъ: «въ концѣ концовъ мы провели не меньше биллей, чѣмъ наши предшественники». Это своего рода политическій скептицизмъ; имъ лишь можно объяснить и ту покорность, съ которой англійскій государственный человѣкъ подчиняется «давленію извнѣ» (pression from without). Когда агитація за стѣнами парламента до стигнетъ извѣстной степени напряженія, онъ покорно соглашается на требуемыя реформы; настойчивость требованій въ глазахъ англичанина сообщаетъ имъ своего рода правовую санкцію. «Есть какъ бы молчаливый договоръ между правительствомъ и людьми, организующими это давленіе извнѣ. Лишь бы имъ удалось поддержать и увеличить это давленіе болѣе или менѣе долгое время; удовлетвореніе въ концѣ концовъ имъ будетъ дано». Англійская аристократія съ непонятной для французскаго наблюдателя легкостью раскалывается при рѣшеніи самыхъ основныхъ вопросовъ: одна часть остается въ консервативномъ лагерѣ, другая—безъ всякаго чувства измѣны своему классу идетъ въ лагерь радикаловъ и вмѣстѣ съ ними штурмуетъ консерваторовъ; поэтому и побѣда не сопровождается разгромомъ побѣжденныхъ. Англійская консервативная партія въ особенности можетъ гордиться тѣмъ, что она никогда не предавалась реакціоннымъ оргіямъ, которыя ознаменовывали во Франціи побѣду «правыхъ».

Лучшей иллюстраціей къ этому можетъ служить исторія расширенія избирательнаго права. Никогда здѣсь не было серьезной рѣчи объ «естественныхъ правахъ человѣка»; въ 1867 году Джорджъ Бродрикъ предлагалъ противникамъ расширенія выборнаго права указать хоть на одного публициста, ссылающагося на «естественное право гражданина». Вся аргументація вращалась около двухъ вопросовъ: 1) какое есть средство, наиболѣе вѣрное, образовать хорошее правительство—правительство, которому его задача была бы по плечу? 2) какое есть средство, наиболѣе вѣрное, поддержать въ народныхъ массахъ воспитательный политическій интересъ? Замѣчательно, что идея пропорціональнаго представительства встрѣтила крайне мало сочувствія въ англійскомъ парламентѣ: ей одинаково враждебны были и Гладстонъ, и Биконсфильдъ. Введеніе пропорціональнаго представительства угрожало уменьшить напряженность политической борьбы. Что касается до обезпеченія правъ меньшинства, то въ глазахъ англійскаго общественнаго мнѣнія у меньшинства есть лишь одно право—употребить всѣ усилія, чтобы стать большинствомъ.

Слабое развитіе теоретическихъ программъ, первенствующее значеніе активной борьбы и партійной организаціи обусловливаетъ сравнительную бѣдность въ Англіи политическихъ оттѣнковъ. «Въ Англіи почти нѣтъ ней-

тральныхъ. Всякій занимаетъ извѣстное положеніе въ партіи; всякій находитъ въ ней готовое поле дѣятельности. Нигдѣ такъ мало не стѣсняются слѣдовать въ своемъ выборѣ партіи лишь семейной традиціи, мѣстнымъ вліяніямъ, интересамъ своей карьеры. Извѣстно, что Питтъ и Фоксъ въ началѣ своей дѣятельности колебались, куда пристать, и вошли не въ ту партію, среди которой дѣйствовали впослѣдствіи: въ ихъ глазахъ различіе политическаго credo было дѣломъ несущественнымъ. Виги и торіи сохранили свое имя, но едва ли что-нибудь больше, чѣмъ имя: лордъ Магонъ указалъ на интересный фактъ, что тори въ 1790 г. думали совершенно такъ же, какъ виги въ 1890 г., и обратно. Робертъ Пиль въ началѣ своей политической карьеры такъ же энергично противодѣйствовалъ эмансипаціи католиковъ и уничтоженію хлѣбныхъ законовъ, какъ впослѣдствіи онъ энергично содѣйствовалъ этимъ мѣрамъ. Избирательная реформа 1867 года, болѣе широкая, чѣмъ какую предлагалъ радикалъ Брайтъ, была проведена въ министерство Дерби—Дизраели. Въ 1885—86 гг. консервативная партія открыто давала понять Парнеллю, что онъ больше получитъ отъ союза съ торіями, чѣмъ съ либералами. Парнелль даетъ голосъ консерваторамъ; Гладстонъ находитъ обѣщанія торіевъ крайними: онъ хочетъ сохранить верховенство короны, единство монархіи, наказаніе за бойкотъ въ Ирландіи. Тотчасъ послѣ выборовъ Сольсбери разрываетъ союзъ съ ирландцами, а Гладстонъ 8 апрѣля 1886 г. вноситъ свой билль о Home Rule.

Если доктрина партіи не считается чѣмъ-то незыблемымъ и къ ней относятся нѣсколько холодно, то отдѣльныя личности въ дѣйствующей партіи могутъ сдѣлаться предметомъ настоящаго культа, близкаго къ фетишизму. Избирая представителей, нація вручаетъ свою судьбу отдѣльному человѣку, его энергіи и прозорливости, а не опредѣленной программѣ. Парламентъ, избранный въ 1841 г., въ 1857 г., въ 1880 г. не былъ парламентомъ виговъ и либераловъ: это былъ парламентъ Пиля, Пальмерстона, Гладстона. Въ конечномъ счетѣ каждые изъ этихъ выборовъ были плебисцитами, устанавливающими временную диктатуру отдѣльнаго лица. И разъ такой человѣкъ оправдалъ національныя надежды, его непослѣдовательности, измѣненія убѣжденій, политическія метаморфозы не колеблютъ кредита, какимъ онъ пользуется. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна карьера Чэмберлена: это разительный примѣръ непоколебимой вѣрности общественнаго мнѣнія человѣку, который невѣренъ собственнымъ принципамъ. «Чэмберленъ началъ съ того, что совѣтовалъ покинуть Египетъ; онъ кончилъ тѣмъ, что рекомендовалъ безсрочную оккупацію его. Онъ относился враждебно ко всякому колоніальному расширенію, и онъ увидѣлъ въ заморскихъ владѣніяхъ главный жизненный нервъ національнаго величія; онъ былъ защитникомъ Home Rule для Ирландіи и сдѣлался самымъ отъявленнымъ врагомъ этой системы; онъ входилъ въ 1881 и 1884 гг. въ кабинетъ, подписавшій договоры о независимости Трансвааля; нѣсколько лѣтъ спустя онъ присталъ къ Джемсену и открыто оспаривалъ самостоя-

тельность южно-африканской республики. Никакія изъ этихъ перемѣнъ не могли поколебать его популярности, ибо самъ человѣкъ не измѣнился».

Въ результатахъ парламентской работы—въ законодательствѣ—выступаютъ тѣ же характерныя черты. Англійское слово law шире и неопредѣленнѣе французскаго loi. Базисомъ законодательства, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, остается common law, дополняемый многочисленными рѣшеніями судовъ и парламентскими актами. Даже въ уголовномъ правѣ, въ дѣлахъ, гдѣ рѣчь идетъ о жизни и чести гражданъ, мы не видимъ точныхъ текстовъ закона, которые не оставляли бы ничего произволу судьи. Англійскій законодатель, повидимому, вовсе не чувствуетъ потребности въ единообразіи и логическомъ послѣдованіи. «Парламентъ безо всякаго стѣсненія принимаетъ часть корольларіевъ, вытекающихъ изъ общаго положенія, отвергаетъ другую часть, хотя все, кажется, съ равной логической необходимостью вытекаетъ изъ принятаго положенія». Законодатель дѣйствуетъ методомъ перечисленія. Въ рабочемъ законодательствѣ сначала были изданы регламентирующія правила лишь относительно одной отрасли промышленности—хлопчатобумажной; потомъ расширили ихъ на производство льняное, шелковое, суконное, на добываніе каменнаго угля и желѣза, на красильныя мастерскія, на фабрики спичекъ, гончарное производство, наконецъ, на работу въ лавкахъ. Всюду чувствуется какой-то страхъ дать законъ въ общей формѣ. Этому соотвѣтствуетъ и крайне несовершенная редакція законовъ: не только два закона по своему тексту противорѣчатъ другъ другу, но и въ текстѣ каждаго изъ нихъ заключается противорѣчіе. Въ 1877 г. министъ юстиціи и Блэкбёрнъ спорили, какой отдѣлъ англійскаго законодательства представляетъ образецъ наибольшей путаницы и темноты среди современныхъ законодательствъ: законы о патентахъ или о народномъ здравіи? Нельзя сказать, чтобы англійскіе политическіе дѣятели были совсѣмъ нечувствительны къ этому недостатку законодательства. Д. С. Милль предлагалъ учредить особую коммиссію изъ лордовъ и депутатовъ, которая просматривала бы всѣ билли, вносимые какъ по частной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ правительства. Все законодательство такимъ образомъ проходило бы черезъ однѣ руки, и возможно было бы согласовать различныя его части, создать традицію. До сихъ поръ однако не было сдѣлано никакой попытки въ этомъ направленіи. Идея кодификаціи встрѣчаетъ не только равнодушіе, но и прямую враждебность; замѣчательно, что это отрицательное отношеніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ важнѣе отрасль законодательства, подлежащая кодификаціи. Парламентская коммиссія заявила, что прежде кодификаціи столь важной части законодательства, какъ уголовное право, надо испробовать и примѣнить этотъ методъ по отношенію къ вопросамъ, менѣе важнымъ. Англійское юридическое мышленіе представляетъ полный контрастъ французскому. Поэтому и «чувство законности» англичанъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ установившимся относительно него представленіямъ. «Доктрина,—говоритъ Мэкинтошъ,—требующая повиновенія законамъ, даже дурнымъ, пока они не измѣнены и не отмѣнены, должна приниматься съ большими

оговорками. Нѣкоторыя, самыя благодѣтельныя реформы въ англійской исторіи были произведены путемъ сопротивленія дурнымъ законамъ, и, навѣрное, безъ этого сопротивленія онѣ не прошли бы или прошли бы слишкомъ поздно. Вердикты жюри, уничтожавшіе жестокія уголовныя кары, противорѣчили законамъ и присягѣ».

Англію часто называютъ страной индивидуализма, и это опредѣленіе въ одномъ смыслѣ вѣрно и точно: отдѣльный человѣкъ тамъ представляетъ собою источникъ бьющей ключомъ энергіи, которая постоянно толкаетъ его къ дѣятельности и движенію. Но эта энергія можетъ выливаться наружу лишь при условіи моральной увѣренности, что она не встрѣтитъ помѣхи извнѣ. Всемогущая рука государства можетъ парализовать иниціативу отдѣльнаго гражданина. И нигдѣ мы не встрѣчаемся съ такимъ глубокимъ, исторически сложившимся недовѣріемъ къ власти, которая захотѣла бы посягнуть на гражданскую свободу, какъ въ Англіи. «Противъ злоупотребленій королевской власти — парламентъ, противъ злоупотребленій парламента и чиновниковъ—судьи, противъ судей—присяжные. Отсюда же вышли и парламентская процедура, съ чрезвычайной заботливостью охраняющая права каждаго члена, и судебная процедура, столь же заботливая въ предоставленіи всѣхъ гарантій обвиняемому; все проникнуто чувствомъ, что интересъ власти въ огромномъ числѣ случаевъ противоположенъ интересу гражданина, что передъ ней всегда будетъ искушеніе—подавлять однихъ съ помощью другихъ».

Нигдѣ гражданская свобода не понимается такъ широко, какъ въ Англіи; она опирается на шестивѣковую традицію, заставляющую забывать о ея революціонномъ происхожденіи. «Во Франціи свобода родилась вчера: она еще не вышла изъ области доктринъ. Она еще имѣетъ блескъ новизны и звучность, находящую широкій откликъ и присущую отвлеченнымъ формуламъ. Но у ней не было времени овладѣть тайными и скрытыми силами нашей природы. Въ Англіи граждане съ незапамятныхъ временъ, отъ отца къ сыну, привыкли думать и повторять, что ихъ личность, ихъ кошелекъ и ихъ домъ неприкосновенны, что именно за государствомъ нужно слѣдить и не допускать его посягательствъ. Личность, домъ, кошелекъ составляютъ для всякаго англичанина какъ бы три крѣпости, и онъ не допускаетъ, чтобы къ нимъ приближались безъ полномочія, выданнаго имъ равными ему».

Право ассоціацій, сходокъ, свобода печати неотдѣлимы для англичанъ отъ гражданской свободы; эти права — слѣдствія, выводы изъ личной свободы. Во Франціи на эти права всегда смотрятъ лишь какъ на могущественныя политическія средства, полезныя или вредныя. Сравнительно съ этой широкой, столь давней гражданской свободой, политическія права націи—участіе въ представительномъ правленіи—достигнутыя въ XIX в. и приведшія Англію почти къ suffrage universel, далеко не такъ глубоко отразились на политической психологіи націи. Здѣсь Бутми склоненъ усматривать тучи, надвигающіяся на политическій небосклонъ Великобританіи; онъ про-

видитъ опасный моментъ, когда торжествующая демократія захочетъ воспользоваться своимъ вліяніемъ и въ экономической области. Въ этомъ отношеніи особенная опасность угрожаетъ земельной собственности съ ея устарѣвшимъ законодательствомъ и укоренившимися злоупотребленіями. Бутми боится, какъ бы даже политика, проникнутая лучшими намѣреніями, реформаторская въ лучшемъ смыслѣ слова, не привела къ тиранническому вторженію правящей демократіи въ сферу индивидуальной дѣятельности, и онъ считаетъ предпочтительнымъ сохраненіе существующаго порядка.

Какъ самостоятельныя единицы, государству противопоставляются не только отдѣльныя лица, но и семейные союзы. Англійская семья представляетъ нѣчто своеобразное. Французская семья была организована съ 1789 г. по образцу конституціонной монархіи, приближающейся болѣе или менѣе къ республикѣ. Англійская семья сохранила почти до нашихъ дней характеръ абсолютной монархіи. Законы 1870 и 1882 гг., предоставившіе женѣ отдѣльную собственность и отдѣльное распоряженіе ею, подготовили великій переворотъ въ семейномъ строѣ. Въ 1886 г. законодательство дѣлаетъ еще одинъ шагъ дальше: матери предоставляется опека надъ ея дѣтьми; она можетъ назначить опекуна, который дѣйствуетъ совмѣстно съ опекуномъ отца, или, что болѣе характерно, съ самимъ отцомъ. Но, несмотря на это, англійскій home и до сихъ поръ напоминаетъ римскую семью, а англійскій родитель, это — pater familias. «Семейная жизнь подчиняетъ англичанина-ребенка дисциплинѣ, пріучаетъ его въ юномъ возрастѣ къ свободѣ и отвѣтственности, развиваетъ въ немъ, когда онъ станетъ супругомъ и отцомъ, инициативу и властность». Этому суровому полновластію соотвѣтствуетъ и тотъ законъ о наслѣдствѣ, по которому сыновьямъ никогда не бываетъ обезпечена какая-нибудь часть наслѣдства: они должны разсчитывать лишь на свои силы. Въ большихъ богатыхъ семьяхъ субституціи фактически возстановили маіоратъ; обдѣленные братья, получившіе прекрасное, заботливое воспитаніе, уѣзжаютъ въ Канаду, Капландію и Австралію искать счастія, и ихъ присутствіе возвышаетъ моральный уровень общества въ колоніяхъ, которое часто бываетъ весьма смѣшанно.

Притязанія государства встрѣчаютъ преграду не только въ этой необыкновенной, увѣренной энергіи отдѣльнаго гражданина, но и въ колоссальномъ развитіи частныхъ богатствъ. Многое изъ того, что въ другихъ странахъ ждетъ государственной дѣятельности, совершается въ Англіи по иниціативѣ частныхъ лицъ. Достаточно вспомнить огромный каналъ, прорытый въ концѣ прошлаго вѣка заботами герцога Бриджуотера и на его средства. «Во Франціи для подобной работы пришлось бы обращаться къ парламенту, къ генеральнымъ совѣтамъ, внести законопроектъ, образовать общество, двинуть бюрократическую машину, министерство публичныхъ работъ и т. п. Въ Англіи для выполненія предпріятія было достаточно иниціативы и средствъ одного лица». Экономическое равенство въ Англіи противорѣчило бы природѣ вещей; необыкновенно активный темпераментъ расы, стимулирующій страшную конкуренцію, разрушилъ бы ее. «Если бы когда-нибудь

англійская демократія, сдѣлавшись госпожей своей судьбы, предприняла законодательнымъ путемъ исправленіе природнаго неустройства и болѣе справедливое распредѣленіе экономическихъ благъ, она должна была бы проникнуться соціализмомъ, болѣе рѣшительнымъ въ своей программѣ, болѣе могущественнымъ въ своихъ средствахъ, болѣе упорнымъ въ своихъ цѣляхъ, чѣмъ у другихъ народовъ».

Нигдѣ также нѣтъ болѣе глубокаго различія въ положеніи собственности недвижимой и движимой. Римская идея, отожествляющая оба эти рода собственности, всегда была чужда англійскому праву. Фискъ прилагаетъ различныя мѣрки къ унаслѣдованной движимости и недвижимости; послѣдняя не платила до 1855 г. никакого налога на наслѣдство и даже послѣ этого года платила втрое меньше, чѣмъ движимость; только въ 1894 году произошло приблизительное уравненіе. Привилегіи юридическія защищали землю отъ иска кредитора, экономическія—облагали премiей въ пользу ея продуктовъ продукты всѣхъ другихъ родовъ промышленности, политическія—давали ея собственникамъ право администраціи и полиціи. Даже теперь право голоса связывается исключительно съ владѣніемъ или занятіемъ земли или дома, и богатство, исключительно движимое, хотя бы оно равнялось ротшильдовскому, не создаетъ еще избирателя. Законы 1888, 1893 и 1894 гг. пробили брешь въ этой, до сихъ поръ недоступной для реформы, части англійскаго законодательства: они дали совѣтамъ графствъ, по иниціативѣ приходскихъ совѣтовъ, право отчуждать въ широкихъ размѣрахъ земельную собственность и создавать изъ отчужденнаго небольшіе земельные участки для нуждающихся—реформа, по взгляду Бутми, подрывающая право собственности у лэндлорда и угрожающая стать началомъ всеобщей насильственной экспропріаціи.

Надъ индивидуумами, надъ семьей возвышаются соціальныя группы, классы. Въ представительномъ правленіи, которое должно отражать реальныя силы и интересы, существующіе въ обществѣ, классы становятся политическими партіями. Такъ слѣдуетъ a priori, но такого чистаго и полнаго соотвѣтствія между соціальными и политическими группировками нигдѣ не существуетъ: слишкомъ много есть промежуточныхъ, осложняющихъ моментовъ; нѣтъ этого соотвѣтствія и въ Англіи. «Пластованіе партій здѣсь по существу вызывается историческими, пластованіе классовъ—экономическими причинами». Но все заставляетъ въ то же время думать, что соотвѣтствіе партій классовымъ дѣленіямъ становится все тѣснѣе,—экономическіе интересы постепенно пересиливаютъ историческія воспоминанія. Поэтому для представленія о возможной будущей эволюціи англійской политической жизни необходимо взглянуть на ея классы.

Вся Англія какъ бы дѣлится на двѣ неравныя группы: земледѣльческую и промышленную. Во главѣ первой стоитъ gentry—классъ, имѣвшій когда-то преимущество образованія и культуры и державшій въ своихъ рукахъ мѣстную и политическую власть. Надо было видѣть его вліяніе въ деревнѣ. Отъ

эсквайра зависѣлъ пасторъ, котораго онъ часто выбиралъ, фермеръ, котораго онъ могъ удалить съ земли, предупредивъ за шесть мѣсяцевъ, рабочій. Въ своемъ графствѣ онъ обладалъ почти всѣми функціями власти, которыя во Франціи раздѣлены между префектомъ и супрефектомъ, генеральнымъ совѣтомъ, префекторальными совѣтами, ректоромъ, начальникомъ публичныхъ работъ и т. д.; у него были также права и обязанности мирового судьи, судебнаго слѣдователя, полицейскаго коммиссара. Изъ 658 членовъ парламента въ началѣ XIX в. 487 фактически назначались лордами и эсквайрами. Вліяніе этого класса зиждилось на монополіи земельной собственности. Законодательство о бѣдныхъ служило какъ бы коррективомъ, который долженъ былъ смягчать темныя стороны режима — слишкомъ извѣстно, насколько самъ корректив былъ неудаченъ.

Крупнѣйшее событіе во внутренней жизни Англіи XIX в., это—разрушеніе политическаго и административнаго верховенства джентри. Въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ приходѣ появляются представительныя учрежденія, растетъ бюрократія; законодатель вводитъ въ совѣты графствъ мелкаго буржуа, въ совѣты приходовъ—рабочаго. Именно эти новые элементы, при ихъ численномъ превосходствѣ, измѣнили характеръ мѣстной жизни, какъ расширеніе избирательнаго права измѣнило политическую жизнь. Мы видимъ революцію и не представляемъ себѣ, чтобы она вызвала реакціи; насколько мы можемъ позволить себѣ прогнозъ, политическая роль джентри сыграна.

Ниже джентри на соціальной лѣстницѣ земледѣльческой Англіи стоятъ фермеры и земледѣльцы. Разстояніе между этими классами было огромное; въ эпоху политической гегемоніи джентри многочисленный земледѣльческій классъ какъ бы не оказывалъ никакого вліянія на балансъ политическихъ силъ. Побѣда городовъ и индустріи увлекала лучшія силы изъ деревни. «У насъ остались лишь старики»,—печально замѣчаетъ одинъ фермеръ въ анкетѣ 1877 г. Происходилъ отборъ въ пользу городовъ, во вредъ деревнѣ. Бутми сравниваетъ низшіе слои земледѣльческаго населенія въ Англіи съ пылью, которую можетъ поднять любой вѣтеръ: они такъ же беззащитны и неустойчивы. Лишь съ 1884 года законодательство начинаетъ интересоваться ими; Гладстонъ видѣлъ въ привлеченіи ихъ къ избирательному праву надежное средство политическаго воспитанія. Мѣстныя власти могли устраивать для этого обездоленнаго люда allotments и small holding; само мѣстное управленіе, при новой организаціи приходскихъ совѣтовъ, сдѣлалось для нихъ доступнымъ. «Нельзя сказать,—прибавляетъ Бутми,—что общественная власть осталась равнодушной къ классу сельскихъ рабочихъ и не протянула ему руки помощи; но пока всѣ усилія ея были тщетны: участіе новаго класса въ избраніи не отразилось ничѣмъ на результатахъ выборовъ. Де-Рузье во время своего недавняго путешествія былъ пораженъ отсутствіемъ сознательности у сельскихъ рабочихъ». Съ другой стороны, статистика показываетъ, какъ мало этотъ рабочій классъ воспользовался правомъ на allotments и small holdings.

Англія промышленная выступаетъ на политическую сцену, какъ активная сила, въ двадцатыхъ годахъ XIX в. Лишь тогда предприниматели отвергаютъ покровительство государства и стремятся къ этой свободѣ; промышленная аристократія съ жаромъ принимаетъ принципъ свободной торговли и оправдывающую его отвлеченную теорію. Нѣкоторый противовѣсъ вліянію этого класса начался въ 1867 г., когда рабочіе вошли въ составъ избирателей: до этого года низшіе классы промышленной Англіи были пасынками законодательства; ничего не дѣлалось для нихъ, весьма многое противъ нихъ. По закону 1799 и 1800 гг. всякое взаимное соглашеніе рабочихъ другъ съ другомъ съ цѣлью поднять заработную плату приравнивается къ «conspiracy» и карается тремя мѣсяцами заключенія и принудительныхъ работъ; за нарушеніе договора съ предпринимателемъ рабочіе также подлежатъ суровой карѣ. Даже послѣ смягченія закона въ 1825 г., когда рабочимъ позволено было сговариваться, чтобы добиться возвышенія заработной платы, рабочіе въ случаѣ нарушенія договора подвергаются уголовному преслѣдованію. Ихъ положеніе болѣе невыносимо, чѣмъ когда-нибудь. Послѣ ужасающаго отчета коммиссіи 1833 г. всѣми классами націи овладѣлъ своего рода стыдъ: чувствовалась невозможность откладывать реформу. Серія factory law быстро растетъ и до сихъ поръ еще далеко не окончена: отмѣнено уголовное преслѣдованіе за прекращеніе работы, введены обязательныя санитарныя правила, въ 1892 г. установлена отвѣтственность фабрикантовъ за всякое несчастіе съ рабочими, происшедшее не по прямой винѣ рабочаго, причемъ onus probandi лежитъ на фабрикантѣ.

Англійскій рабочій классъ, какъ мы указывали, образовался путемъ естественнаго подбора: въ него вошли наиболѣе сильные, ловкіе и предпріимчивые элементы земледѣльческаго класса. И среди самихъ рабочихъ образуется глубокое различіе между квалифицириванными (skilled) и простыми (unskilled labourers) рабочими. Видное участіе этой рабочей аристократіи въ англійскомъ рабочемъ движеніи отняло у послѣдняго острый, революціонный характеръ, присущій движенію французскому. «Непредусмотрительное законодательство надѣлило французскихъ рабочихъ въ 1848 г. страшнымъ оружіемъ,—правомъ вотума, въ то время, какъ имъ предстояло еще 16 лѣтъ находиться въ самомъ полномъ экономическомъ рабствѣ: они привыкли надѣяться получить все отъ законодательства, отъ вмѣшательства государства. Англійскіе рабочіе привыкли въ теченіе сорока лѣтъ разбирать съ патронами вопросы о заработной платѣ, о поштучной работѣ, о дополнительныхъ часахъ. Они вносили такъ много страстности въ упорядоченіе этихъ мѣстныхъ интересовъ, куда государство не вмѣшивалось, какъ если бы дѣло шло объ основныхъ національныхъ законахъ. Французскіе рабочіе, получивъ впервые экономическую свободу, смотрѣли на нее съ извѣстнаго рода пренебреженіемъ; они уже имѣли свободу политическую. Они смотрѣли на новый даръ лишь какъ на военное оружіе противъ патроновъ. Англійскіе рабочіе, въ моментъ предоставленія политической свободы, уже давно организовались въ формѣ трэдъ-юніоновъ и благодаря

своей энергіи они заставили патроновъ принять эту организацію, и государство — ее терпѣть. Французскіе патроны привыкли издавна и продолжали послѣ 1848 г. разсматривать людей, устраивающихъ стачку, какъ возмутителей противъ общественнаго порядка; англійскіе патроны видѣли въ нихъ свободныхъ людей, которые ищутъ законными средствами улучшить свое положеніе».

На конгрессахъ трэдъ-юніоновъ самыя общія и крайнія пожеланія почти не дебатируются: они стали какъ бы формулами. Даже на международныхъ рабочихъ конгрессахъ англійскіе депутаты обыкновенно не входятъ въ обсужденіе общихъ принциповъ.

Но этотъ англійскій трэдъ-юніонизмъ, нѣсколько узкій и эгоистическій по духу, хотя превосходный въ смыслѣ практическомъ, подвергся глубокимъ измѣненіямъ. Чрезвычайное усиленіе машинныхъ приспособленій значительно понизило спросъ на квалифицированныхъ рабочихъ и дало возможность замѣнить ихъ простыми. На нашихъ глазахъ расширяются уставы трэдъ-юніоновъ, входятъ unskilled labourers, образуются ассоціаціи исключительно изъ unskilled; возникаетъ такъ называемый нео-трэдъ-юніонизмъ, гдѣ вся энергія и средства употребляются на устройство и поддержаніе стачекъ. Тѣмъ не менѣе соціализмъ, какъ соціально-политическая программа, не занимаетъ до сихъ поръ въ Англіи мѣста, сколько-нибудь соотвѣтствующаго его значенію во Франціи и Германіи. Фабіанское общество долго ограничивалось требованіемъ передачи извѣстныхъ отраслей промышленности въ руки муниципій; оно повредило своей популярности тѣмъ, что выставило идею конфискаціи частной собственности путемъ прогрессивнаго обложенія наслѣдствъ.

Представленіе объ Англіи, какъ странѣ политическаго индивидуализма, вѣрное съ одной стороны, не должно однако вводить насъ въ заблужденіе. Совершенно ошибочно представлять себѣ дѣло такъ, будто отдѣльный гражданинъ здѣсь вооруженъ и силенъ, а государство слабо и не увѣрено въ своемъ правѣ.

Нигдѣ въ Европѣ понятіе государственнаго суверенитета не выработалось такъ рано. Всѣ потрясенія и средневѣковыя революціи не ослабили его. Въ законодательствѣ Елизаветы государственная власть накладываетъ руку на частныя права и интересы, регламентируетъ ихъ въ подробностяхъ, доходитъ до своего рода государственнаго соціализма. Но—и въ этомъ самая характерная черта роста англійскаго государственнаго механизма,— бюрократіи въ немъ не образуется. Всякій разъ какъ государству предстоитъ создать нѣчто, для чего ему нужны деньги, иниціатива гражданъ беретъ расходы и отвѣтственность за устройство на себя. Въ графствахъ, шерифы, столь могущественные при Генрихѣ III, уступили свое вліяніе частнымъ «magistrates». Во многихъ отрасляхъ дѣятельность отдѣльныхъ гражданъ настолько опережаетъ государственную, что ихъ общественный характеръ долго остается совершенно незамѣченнымъ. Разительный при-

мѣръ этого мы видимъ въ исторіи полицейской и слѣдственной части. Еще въ 1839 г. было больше 500 добровольныхъ ассоціацій для задержанія и преслѣдованія преступниковъ; въ ихъ статутахъ есть параграфы касательно взаимнаго страхованія членовъ отъ потерь, причиненныхъ воровствомъ. Лишь въ 1857 г. полицейская служба была организована государствомъ во всякомъ графствѣ. До 1834 г. государство не тратило ни пенса на народное просвѣщеніе; все дѣлалось частными средствами.

Благодаря этому въ Англіи не установилось демаркаціонной линіи, отдѣляющей области частнаго и общаго интереса, сферы дѣятельности отдѣльныхъ гражданъ и государства. Нѣтъ поэтому и вполнѣ опредѣленной области, которая бы предоставлялась исключительно гражданамъ и доступъ въ которую былъ бы принципіально прегражденъ государству. Достаточно прислушаться къ преніямъ англійскаго парламента, чтобы понять, какъ подобное теоретическое установленіе границъ чуждо англійскому уму. Въ обыкновенное время энергія отдѣльныхъ лицъ не допускаетъ слишкомъ расширяться области государственнаго воздѣйствія, но въ исключительныхъ случаяхъ государство дѣйствуетъ и вмѣшивается съ большей увѣренностью и рѣшимостью, чѣмъ гдѣ-либо. Вспомнимъ эту знаменитую охоту за матросами, поразительную въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ Habeas corpus act. Интересъ сохраненія флота, необходимаго для самосохраненія націи, торжествовалъ надъ безусловнымъ правомъ каждаго на неприкосновенность его личности, и такимъ образомъ установилась процедура, употреблявшаяся въ Африкѣ для добыванія невольниковъ. И право собственности не признается за абсолютно-незыблемое начало. Новая политика относительно Ирландіи, особенно проявившаяся въ законѣ 1896 г., стремится перенести собственность земельныхъ участковъ на фермеровъ, которые ихъ обрабатываютъ; создается земельная касса, куда государство внесло до 10 милл. фунтовъ и откуда оно даетъ авансы для выкупа земли. Еще болѣе принципъ полной собственности и свободнаго договора былъ нарушенъ въ законахъ, защищающихъ права шотландскихъ крофтеровъ. Лэндлордъ не можетъ удалить крофтера, не можетъ возвысить его ренту; «land commission» безапелляціонно разрѣшаетъ всякое столкновеніе владѣльца и крофтеровъ. То же мы видимъ и въ новыхъ правахъ, предоставленныхъ приходскимъ и графскимъ совѣтамъ,—правахъ принуждать собственниковъ отдавать земли за опредѣленную плату въ наймы для устройства маленькихъ земельныхъ участковъ; рабочимъ дается возможность пріобрѣтать эти участки на крайне льготныхъ условіяхъ. Эти мѣры были вызваны чисто-практическими мотивами, но нельзя не видѣть ихъ тѣснаго отношенія къ столь популярной теоріи націонализаціи земли. «Въ итогѣ,—говоритъ Бутми,—вмѣшательство государства въ Англіи болѣе рѣдко, чѣмъ во Франціи, оно не сдѣлается никогда столь всеобщимъ, потому что активный темпераментъ англійскаго народа часто дѣлаетъ его безполезнымъ и откажется принять его; но разъ уже оно происходитъ, оно менѣе стѣснено, производится съ меньшими колебаніями и принимаетъ болѣе абсолютныя формы, чѣмъ во Франціи, ибо передъ нимъ лишь случайные факты, а не

безусловные принципы,—давнишнее владѣніе, а не священное право собственности; и безъ великихъ качествъ англійскаго характера Англія была бы менѣе гарантирована отъ крайностей государственнаго соціализма, чѣмъ Франція».

Психологія внѣшней англійской политики обнаруживаетъ передъ нами тѣ же духовныя свойства націи, но въ другихъ проявленіяхъ.

Конечно, цѣль англійской политики всегда составляло міровое владычество, и въ этомъ отношеніи переходъ власти изъ рукъ виговъ къ тори и обратно не измѣнялъ дѣла. Но въ пониманіи средствъ мы находимъ глубокую разницу. Одни государственные люди, подобно Робертсу Пилю и Гладстону, проникнутые, иногда безсознательно, идеями манчестерской школы, хотятъ остаться господами міра силой одного роста и цѣнности производства. Они хотятъ лишь свободнаго обмѣна и добраго согласія между націями; расширеніе имперіи ихъ скорѣе пугаетъ, и они готовы уступить Іоническіе острова, Суданъ, признать независимость Трансвааля. Другой типъ проявляется въ Пальмерстонѣ, Дизраели, Сольсбери; они не колеблются расширять предѣлы Британской имперіи, употребляя въ дѣло дипломатію и, если нужно, военную силу. Нельзя не сказать, что вторая политика болѣе отвѣчаетъ національнымъ инстинктамъ и что давленіе общественнаго мнѣнія вынуждаетъ наиболѣе мирно настроенныхъ руководителей принимать ее. «Мы имѣемъ кабинетъ»,—писала въ 1784 году Pall Mall Gazette,—который, принимая власть, былъ одушевленъ желаніемъ облегчить тяжесть имперіи. Никто—по крайней мѣрѣ изъ оппозиціи—не можетъ сомнѣваться въ искренности кабинета. Онъ честно старался освободить страну отъ бремени, которое она несла на своихъ плечахъ. Онъ очистилъ Кандагаръ, бросилъ Трансвааль; ни одинъ англійскій кабинетъ не далъ столько доказательствъ своего желанія помѣшать росту имперіи. Однако, она растетъ, и растетъ при Гладстонѣ быстрѣе, чѣмъ при Биконсфильдѣ. Мы не присоединили Египетъ, но мы держимъ тамъ гарнизонъ; мы не поглотили Судана, но англійская армія на пути въ Хартумъ. Мы присоединили треть земли зулусовъ, всю Бечуанію, весь берегъ Южной Африки, расширили наши владѣнія въ Западной Африкѣ, взяли дельту Нигера, какъ компенсацію за нѣмецкое занятіе Камеруна. Мы заняли часть Борнео и устанавливаемъ протекторатъ въ восточной половинѣ Новой Гвинеи. Наша эпоха не видѣла ничего подобнаго. Англія расширяется, и она стремится расшириться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе ее сжимаютъ ея правители. Гладстонъ, стоя передъ этимъ великимъ движеніемъ, несмотря почти на абсолютную власть, предоставленную ему націей, несмотря на свое пламенное желаніе остановиться, безсиленъ какъ ребенокъ. Расширеніе Англіи ускользаетъ отъ воли тѣхъ, кто ею управляютъ». Совершающееся на нашихъ глазахъ подтверждаетъ эти слова.

Англійская дипломатія можетъ гордиться двумя великими мѣрами на благо человѣчества: уничтоженіемъ торговли негровъ въ 1807 г. и раб-

ства—въ 1832 г. Но сколько насилій, жестокостей и безправій относительно болѣе слабыхъ, относительно низшихъ расъ! Нигдѣ англичане не создавали метисныхъ расъ: они или истребляли туземцевъ, какъ въ Америкѣ, или эксплоатировали ихъ какъ въ Индіи. Уже Бэркъ нарисовалъ портретъ англичанина, который въ Индіи предается настоящему грабежу, безсовѣстному вымогательству,—но лишь только вступаетъ съ награбленными богатствами на почву Англіи, пріобрѣтаетъ вновь свои исконныя добродѣтели и дѣлаетъ изъ своего богатства самое благородное употребленіе.

Гарантіи личности въ колоніяхъ отнюдь не являются необходимымъ слѣдствіемъ существованія ихъ въ метрополіи. Губернаторъ Ямайки Эйръ во время смутъ на островѣ велѣлъ арестовать Гордона, перевезти его изъ округа, гдѣ дѣйствовали гражданскіе законы, въ округъ съ военнымъ положеніемъ и тамъ судить его по военнымъ законамъ; Гордона присудили къ смертной казни, и губернаторъ утвердилъ приговоръ. Онъ долженъ былъ оставить свой постъ вслѣдствіе разоблаченій слѣдственной коммиссіи, но въ Англіи образовался цѣлый комитетъ для защиты его, и въ этотъ комитетъ входили Теннисонъ, Рёскинъ, Карлайль, а правительство отказалось привлечь его къ судебной отвѣтственности.

Тѣ же самыя черты сохранила англійская политика въ сношеніяхъ съ другими народами. Таково англійское морское право—самая полная противоположность правовой концепціи Руссо, по которой война ведется между военными силами странъ, а не ихъ гражданскими элементами. Лишь однажды Англія въ этой области высказалась въ пользу гуманности—въ вопросѣ объ уничтоженіи каперства; но, очевидно, это былъ для нея вопросъ личной безопасности.

Мы приближаемся къ страницамъ, гдѣ Бутми, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе переходитъ въ роль обвинителя. Въ новѣйшемъ англійскомъ имперіализмѣ онъ видитъ плодъ расширенія избирательнаго права на некультурныя массы, которыя яко бы внесли сюда духъ безпощаднаго насилія и надменной рѣзкости. «Имперіализмъ сначала развивался среди высшаго класса; вмѣстѣ съ грубыми проявленіями расоваго темперамента, съ извѣстной сухой надменностью, свойственной аристократіи, онъ обнаруживалъ широту взглядовъ и даже нѣкоторое благородство. Имперіализмъ былъ тогда достояніемъ джентльменовъ. Демократія заставила его упасть до ея уровня, заставила его утратить эти благородныя качества; отнынѣ онъ—«джингоизмъ»—американское слово, которое вульгарностью звуковъ и неуклюжимъ сочетаніемъ слоговъ выдаетъ свое плебейское происхожденіе». Указывать на общія условія, вызывающія эту, дѣйствительно, наиболѣе антипатичную форму имперіализма, не значитъ игнорировать ея опасности. «Есть опасность болѣе серьезная для насъ»,—говорилъ не кто иной, какъ лордъ Сольсбери,—«чѣмъ наша непопулярность въ Европѣ: мы беремъ на себя тяжесть выше нашихъ силъ. Какъ бы ни былъ силенъ отдѣльный человѣкъ или цѣлая нація, всегда останется точка, ко-

торой его силы не могутъ достигнуть; чистое безуміе, прямой путь къ гибели будетъ идти за эту точку. Это легкомысліе погубило націи, столь же сильныя и столь же могущественныя, какъ наша».

Внѣшнія проявленія имперіализма могутъ быть болѣе грубы, дѣлаться достояніемъ улицъ, но лишь власть истинной демократіи, представительство интересовъ всей націи, а не биржи или бирмингамскихъ заводовъ, можетъ гарантировать излѣченіе отъ этихъ пагубныхъ эксцессовъ. Грядущее царство Калибана, въ которомъ Ренанъ увидѣлъ предѣлъ демократической эволюціи западно-европейскихъ народовъ, оказалось неудачнымъ пророчествомъ. Бутми не слѣдовало бы забывать процесса Дрейфуса, гдѣ разнузданные инстинкты улицы были къ услугамъ насилія и беззаконія, но гдѣ демократія спасла Францію и отъ этой улицы, и отъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые на нее опирались. И если характеръ англійской политической жизни съ ея психологической стороны вѣрно и проницательно подмѣченъ Бутми, то никакъ нельзя согласиться съ его приговоромъ надъ англійской демократіей. «Гладстонъ вполнѣ ошибся, давши въ 1884 г. городскимъ и сельскимъ рабочимъ участіе въ законодательной власти. Онъ видѣлъ предъ собою лишь политическую реформу, онъ произвелъ, не подозрѣвая этого, общественную революцію. Онъ не отдалъ себѣ отчета въ томъ громадномъ шагѣ назадъ, который сдѣлаетъ политическое общество подъ вліяніемъ подобнаго нашествія дикарей, болѣе чувствительныхъ къ образу, чѣмъ къ идеѣ, къ цвѣту, чѣмъ къ рисунку, привыкшихъ мыслить, повинуясь инстинктамъ, несовмѣстнымъ съ логикой мышленія тѣхъ классовъ, которые до сихъ поръ обладали властью. Пресса сдѣлалась союзницей варварства; она не исправляла, а поощряла инстинкты, которые все болѣе и болѣе становились характерными чертами новой демократіи».

Такъ можно разсуждать, только скользя по поверхности явленій. Всюду введеніе всеобщаго права голоса разсматривалось слишкомъ осторожными людьми, какъ начало варварства. Мы не вѣримъ теперь во всемогущество этого права, но мы не можемъ не видѣть въ немъ необходимаго условія для того, чтобы представительное правленіе было дѣйствительно народнымъ представительствомъ. Есть ступень въ политическомъ развитіи народа, когда допущеніе всѣхъ къ этому праву становится прямо нравственной необходимостью, и разъ такая ступень достигнута, пріобрѣтеннаго права вернуть нельзя. Нѣмецкіе публицисты націоналъ-либеральнаго лагеря могутъ оплакивать ошибку Бисмарка, давшаго allgemeines Wahlrecht для избранія въ рейхстагъ, но они никогда не рѣшились бы рекомендовать исправленія этой ошибки. Англо-саксонская раса пережила много измѣненій, которыя такъ картинно изображены Бутми. И нельзя думать, что юная англійская демократія не окажетъ великаго воспитательнаго дѣйствія и не пробудитъ въ англійскомъ народѣ чувства общности и солидарности, столь же сильныя и прочныя, сколь сильно въ немъ чувство индивидуальности. Австралійская федерація, которая для европейскихъ скептиковъ можетъ представляться скорѣе утопіей, чѣмъ дѣйствительностью, служитъ намъ лучшей порукой

Она не знаетъ имущественнаго ценза, даетъ всѣмъ своимъ гражданамъ полную политическую равноправность, и на этой демократической основѣ создаетъ наиболѣе широкое, наиболѣе гуманное въ мірѣ соціальное законодательство. Не представитъ ли собою Австралія той соціальной лабораторіи, въ которой будутъ выработаны средства для излѣченія недуговъ Европы? Кто знаетъ? Но ея одной достаточно, чтобы оправдать предположенія о великомъ будущемъ англо-саксонской расы въ смыслѣ не только матеріальнаго преобладанія, но и соціально-политическаго творчества.

Мы старались передать наиболѣе интересныя мысли книги Бутми. Несмотря на указанныя односторонности, на нѣкоторое легкомысліе и предвзятость ея автора, мы считаемъ ее цѣннымъ вкладомъ въ столь же трудную, сколь интересную отрасль науки о человѣческомъ обществѣ. Нельзя скрывать, что въ этой отрасли мы имѣемъ больше интересно поставленныхъ вопросовъ, чѣмъ сколько-нибудь удовлетворяющихъ отвѣтовъ. Но мы не можемъ отрѣшиться отъ вѣры, что упорная работа надъ постановкой вопроса, полное уясненіе его ясности при сознаніи, что онъ не лежитъ за предѣлами человѣческаго разумѣнія, рано или поздно вознаградится достойнымъ отвѣтомъ.

С. Котляревскій.

Упадокъ народнаго хозяйства въ киргизскихъ степяхъ.

I.

Границы Россіи къ XX столѣтію раздвинулись настолько, что поглотили всѣ степи, въ теченіе послѣднихъ столѣтій занятыя киргизской ордою; охваченная со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, она давно утратила свой пограничный характеръ и получила исключительно внутреннее значеніе для имперіи; послѣднее постепенно растетъ и, близко соприкасаясь, благодаря многимъ причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, съ запросами народной жизни коренной Россіи, вызываетъ къ себѣ большой интересъ какъ правительства, такъ и общества.

Это видно, съ одной стороны, изъ законодательныхъ работъ, удѣляющихъ много вниманія разнымъ сторонамъ киргизской жизни, съ другой— изъ литературныхъ трудовъ, которые постепенно бросаютъ свѣтъ на киргизскій вопросъ. За послѣднее время, историческія и этнографическія изслѣдованія стали уступать мѣсто экономическимъ и юридическимъ, а начатые опыты статистическихъ изслѣдованій киргизскаго хозяйства въ Тургайской, Уральской и Акмолинской областяхъ [1]), дали очень цѣнный матеріалъ, для болѣе правильнаго сужденія о положеніи и потребностяхъ населенія киргизскихъ степей.

Существуетъ много причинъ, все болѣе выдвигающихъ киргизскій вопросъ, но мы коснемся главнѣйшихъ, которыя достаточно рельефно это подтверждаютъ. Не говоря уже о пространствѣ, которое занимаютъ киргизскія степи, въ 1.659,202 кв. верстъ [2]), исключая степной площади Туркестанскаго края и Семирѣченской области (934 т. кв. вер.), съ населеніемъ въ 4 слишкомъ милліона (Энцикл. сл. Брокг. и Ефр. «Киргизы», т. XV, стр. 104), киргизская степь, обнимающая въ широкомъ смыслѣ всѣ

---

1) „Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные экспедиціей по изслѣдованію степныхъ областей", Акмолинская область, I-й Кокчетавскій уѣздъ. Т. I-й. Воронежъ, 1898 г.

2) *С.-Петерб. Вѣдом.:* „Преобр. въ киргизскихъ степяхъ". № 261, 1899 г.

четыре орды: Внутреннюю, Малую, Среднюю, Большую и Дикокаменную, разбитая по губерніямъ—Астраханской, Оренбургской, областямъ—Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, частью Самаркандской и Закаспійской, занимаетъ такую огромную часть Россіи, что несомнѣнно «втягивается, послѣднее время, въ общій интересъ экономической жизни Россіи» [3]).

Совершенно однородное по этнографическому составу и соціальнымъ отношеніямъ, киргизское населеніе этихъ областей представляетъ собою то замѣчательное, въ настоящее время, явленіе, что на нашихъ глазахъ происходитъ процессъ перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому и соединеніе скотоводческаго промысла съ земледѣльческимъ: не только въ Уральской области, но и въ Сыръ-Дарьинской киргизъ давно уже пересталъ быть кочующимъ, «кочевка становится уже въ зависимость отъ распашекъ и утрачиваетъ свой первобытный характеръ, составляя простое приспособленіе къ двойному скотоводческому и земледѣльческому промыслу» [4]), съ присоединеніемъ къ послѣднему еще и рыболовства, среди киргизъ, живущихъ около Аральскаго моря, Балхаша и другихъ внутреннихъ озеръ, а также на рѣкахъ Сыръ-Дарьѣ, Чу и др. На-ряду съ этимъ развивается и торговля въ степяхъ, постепенно утрачивающая свой мѣновой характеръ и пріобрѣтающая всѣ свойства чисто коммерческихъ оборотовъ; денежные знаки въ степи получаютъ первенствующее значеніе, вслѣдствіе развитія потребностей киргиза и приближенія рынка вглубь степей. Русская колонизація, съ открытіемъ для нея путей, благодаря развитію желѣзнодорожной сѣти, все болѣе обращаетъ свои взоры на дѣвственную еще почву степей, расползаясь по ней, несмотря на крайне тяжелыя условія существованія для переселенцевъ. Не говоря уже о поселеніяхъ въ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, они получили широкое развитіе въ Семирѣченской и въ Сыръ-Дарьинской областяхъ. Стихійная сила, вызвавшая движеніе переселенцевъ, особенно выразилась въ созданіи степныхъ поселковъ; изъ нихъ выдѣляется огромное поселеніе на урочищѣ Кустанай, составляющее теперь одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ въ киргизской степи; появившееся въ 1870 году, благодаря усиленному движенію переселенцевъ, осѣвшихъ путемъ соглашенія съ киргизскимъ населеніемъ, оно быстро развилось и, въ 1893 году преобразованное въ уѣздный городъ Тургайской области, насчитываетъ уже до 15 т. населенія [5]). Относительно роли поселеній въ степи и ихъ вліянія на туземное населеніе преждевременно еще высказывать опредѣленное сужденіе, такъ какъ эта колонизація едва насчитываетъ четверть столѣтія и не могла еще дать замѣтныхъ результатовъ, главнымъ образомъ, благодаря некультурности самого переселенческаго элемента. Съ нимъ теперь нельзя

[3]) См. прим. 2.

[4]) См. прим. 3.

[5]) *Ерафтъ:* „Сборникъ узаконеній о киргизахъ степныхъ областей“. Оренбургъ, 1898 г., стр. 250.

не считаться, такъ какъ это движеніе растетъ и уже намѣтило себѣ излюбленные пути: изъ Самарской, Астраханской и Оренбургской губерній, въ Уральскую, Тургайскую и далѣе въ Сыръ-Дарьинскую область и изъ тѣхъ же губерній, съ присоединеніемъ особенно Воронежской, черезъ Сибирь, въ Акмолинскую и Семирѣченскую области. Это явленіе еще болѣе сближаетъ киргизскую степь съ народной жизнью Европейской Россіи, привлекая къ нему общественный интересъ. Пока поселенія принесли уже ту пользу, что вызвали потребность въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, которыя привели къ тому выводу, что киргизу для поддержанія своего хозяйства надо имѣть площадь, обезпечивающую ему возможность прокармливать 24 головы скота, считая по 6 десятинъ пастбищъ на каждую голову; всего же для обезпеченія существованія средней киргизской семьи необходимо 144 десятины,—обладаніе меньшей площадью грозитъ ей уже паденіемъ благосостоянія [6]). Хотя эти выводы далеко нельзя признать окончательными, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія въ степяхъ пригодныхъ для хозяйства земельныхъ угодій.

Кромѣ того, за послѣднее время возникло предпріятіе, которое должно еще болѣе привлечь всеобщее вниманіе къ киргизскому вопросу; оно возбуждено было уже давно, но осуществляется недавно; это—постройка желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Ташкентъ; въ теченіе прошлаго года были уже двинуты двѣ развѣдочныя партіи для изслѣдованія путей, изъ Оренбурга и изъ Ташкента, а въ настоящее время уже приступлено къ ея сооруженію. Потребность въ этой дорогѣ, какъ съ точки зрѣнія коммерческо-экономической, такъ и военно-политической, давно уже назрѣла. Бывшій долго спорнымъ вопросъ о направленіи ея отъ Уральска на Кунградъ, къ Хивѣ, на Чарджуй, черезъ такую пустыню, какъ Усть-Уртское плоскогорье, совершенно лишенное орошенія, съ необходимостью строить второй мостъ черезъ Волгу и новый черезъ Уралъ, съ проведеніемъ пути по берегу Аму-Дарьи, за исключеніемъ Хивинскаго оазиса, очень мало населенномъ, теперь уже разрѣшенъ въ пользу перваго направленія. Дорога Уральскъ—Чарджуй пошла бы въ прямой ущербъ интересамъ внутренняго и средне-азіатскаго рынковъ, центромъ котораго всегда будетъ Ташкентъ. Этотъ городъ, благодаря своему административному значенію и проведенію средне-азіатской желѣзной дороги, естественными продолженіями которой должны быть пути на Оренбургъ и Вѣрный, не можетъ уступить свою роль Чарджую, небольшому городу въ Бухарскихъ владѣніяхъ, не имѣющему, по климатическимъ и экономическимъ причинамъ, никакого будущаго. Во всякомъ случаѣ рано или поздно пришлось бы проводить дорогу изъ Оренбурга въ Ташкентъ, такъ какъ соединеніе московскаго промышленнаго района съ центромъ хлопковаго производства въ Ферганѣ и хлѣбнымъ рынкомъ въ Семирѣчьѣ представляется весьма важнымъ для торговли Европейской Россіи съ Туркестаномъ. Всесторонне вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ

---

[6]) См. прим. 1.

запискѣ о средне-азіатской желѣзной дорогѣ оренбургскаго городского головы г. Юдина, вышедшей въ 1896 г.; въ ней указаны всѣ преимущества пути Оренбургъ—Ташкентъ какъ по его значенію, такъ и по стоимости. Весьма интересно онъ же былъ въ свое время разобранъ въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* [7]), вслѣдствіе возникшаго предположенія обойти всю бывшую Сыръ-Дарьинскую линію, т.-е. города Чимкентъ, Туркестанъ, Перовскъ и Казалинскъ, ведя дорогу на м. Телекуль, въ степи, откуда и должна выходить линія на Вѣрное, минуя Чимкентъ и Ауліеата. Такъ какъ опасенія автора, повидимому, не совсѣмъ еще разсѣялись, то не лишенъ интереса его взглядъ на эту сторону вопроса.

«Возникло предположеніе, говоритъ онъ въ *Туркестанскихъ Вѣдом.*, оставить далеко въ сторонѣ отъ желѣзной дороги всю долину Сыръ-Дарьи, отъ ея устья до самаго гор. Туркестана. Напротивъ между Туркестаномъ и Ташкентомъ, гдѣ осѣдлое населеніе покидаетъ долину рѣки и тѣснится вдоль почтоваго тракта, желѣзная дорога предположена вдоль ея берега, т.-е. опять-таки какъ можно дальше отъ населенія. Мало того, узелъ будущей вѣтви на Вѣрный предположенъ у Телекуля, т.-е. напередъ предрѣшается ея направленіе не по кратчайшему разстоянію на Ташкентъ, по населеннымъ и жизнеспособнымъ долинамъ Арыса и Таласа, а въ обходъ Каратаускаго хребта съ сѣвера, по голой безлюдной пустынѣ». «Весьма вѣроятно, что и здѣсь играли не малую роль техническія соображенія, навѣрное опасенія передъ разливами Сыръ-Дарьи, неудобными для грунтовой дороги, но едва ли опасными для желѣзной. Безспорно, гораздо проще, не теряя времени на изученіе режима рѣки, бросить ее совсѣмъ въ сторонѣ и вести дорогу по безобидной для техническихъ сооруженій степи. Но вода — жизнь Средней Азіи и пренебрегать ею нельзя». Между тѣмъ почти все осѣдлое и осѣдающее киргизское населеніе размѣстилось по оренбургско-ташкентскому и чимкентско-вѣрненскому тракту и «только при выборѣ этихъ направленій огромныя затраты на сооруженіе средне-азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, найдутъ себѣ оправданіе въ пышномъ расцвѣтѣ областей Средней Азіи». А если мы обратимся къ цыфрамъ, то увидимъ, что экономія получается настолько незначительная, что благодаря ей нѣтъ смысла обходить цѣлый обширный районъ. Если будетъ обойдена вся сыръ-дарьинская линія и Ауліеата, то придется оставить почтовый трактъ, соединяющій Ташкентъ съ Казалинскомъ и Ауліеатами, что обходится казнѣ ежегодно въ 500 тыс. руб.; капитализируя эту сумму, получимъ $12^1/_2$ милл. руб.; удлиненіе вѣрненской вѣтви, съ обходомъ Чимкента на 95 вер., удорожаетъ путь на $4^1/_2$ милл. руб. Такимъ образомъ, весь убытокъ опредѣляется въ 17 милл. руб., а проектируемая стоимость дороги 78 милл. руб., ergo за 95 милл. руб. можно имѣть прекрасный путь, который, по словамъ *Туркест. Вѣд.*, не обойдетъ города, не погубитъ мѣстныхъ богатствъ и будетъ имѣть попутно грузы, которые вполнѣ

---

[7]) №№ 92, 1899 г. и 15, 1900 г.

окупятъ сдѣланныя затраты, даже при необходимости считаться съ разливами Сыръ-Дарьи, разумѣется, на нѣсколько верстъ, а не на цѣлые десятки или даже сотни верстъ. На самомъ дѣлѣ, что же будетъ возить новая желѣзная дорога по пути, если она пойдетъ по безлюднымъ степямъ, гдѣ даже не всегда находятся киргизскія кочевья, почти на границахъ съ голодной зачуйской степью, подъ названіемъ Бегпакъ-Дала, перерѣзывая усыхающую Телекульскую низменность и оставляя въ сторонѣ долины Сыра, Арыса, Таласа, бассейнъ Аральскаго моря, гдѣ только еще развиваются рыболовство и земледѣліе, нуждающіяся въ хорошихъ путяхъ сообщенія. Недостаточно имѣть грузы въ однихъ конечныхъ пунктахъ желѣзной дороги, необходимо и по пути нагружать и распредѣлять товары вдоль всей линіи. Соблюдая экономію въ нѣсколько милліоновъ, можно нанести ущербъ цѣлому району и убытокъ населенію въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, который трудно будетъ исправить. Для занимающаго насъ вопроса это имѣетъ огромное значеніе, потому что желѣзная дорога, пройдя отъ Оренбурга на Ташкентъ съ вѣтвью на Вѣрный, прорѣжетъ всю киргизскую степь и вызоветъ къ жизни наиболѣе заселенныя мѣста, въ особенности, если она, начинаясь отъ Илецкой защиты, черезъ Актюбинскъ, прорѣжетъ всѣ лучшія кочевья М. Орды и соединитъ скотоводческіе районы Илека, Ори, Сыръ-Дарьи, Арыса и Таласа, откуда продукты скотоводства могутъ имѣть сбытъ въ центральную Россію. Желѣзная дорога, обезпеченная товаромъ изъ Европейской Россіи въ Среднюю Азію и обратно, по пути принимала бы и грузила мѣстные продукты, давая значительный заработокъ мѣстному населенію. Благосостояніе киргизъ съ паденіемъ верблюжьяго, караваннаго промысла сильно пошатнулось; того, что они добываютъ путемъ своего хозяйства, нехватаетъ для прокормленія семьи, какъ это мы увидимъ, приведя соображенія г. Васильева относительно 70-хъ годовъ, когда скотоводство было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Въ настоящее время, Киргизская степь только сѣверной своей границей касается сибирской желѣзной дороги, остальныя же части степи совершенно лишены другихъ путей сообщенія, кромѣ нѣсколькихъ почтовыхъ трактовъ и караванныхъ дорогъ. Эта оторванность степей отъ культурной Россіи не мало препятствуетъ не только ихъ заселенію, но и развитію киргизъ, отдаляя ихъ не только отъ благъ цивилизаціи, но и лишая самой насущной потребности, именно ввоза дешеваго хлѣба, потому что своего для степей нехватаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она не даетъ возможности выгодно сбывать произведенія скотоводства.

По этой же причинѣ въ торговомъ отношеніи киргизы лишены удобства пріобрѣтать хорошаго качества товаръ, находясь въ рукахъ скупщиковъ сырья, посредниковъ между ними и торговыми центрами. Рисуя картину такой торговли, г. Гейеръ совершенно вѣрно говоритъ [8]): «что русскому человѣку, взявшему на себя отвѣтственность за историческія судьбы киргиз-

---

[8]) *И. Гейеръ:* „Туркестанскія скитанія“. Ташкентъ, 1899 г.

скаго народа, стоитъ задуматься надъ событіями, совершающимися въ данное время въ степи». На ряду съ подобнаго рода торговлей, отдающей всю степь въ руки татаръ и сартовъ, идетъ пропаганда мусульманства, которая систематически фанатизируетъ киргизское населеніе, отдаляя его отъ цивилизаціи; мы имѣли уже случай говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [9]): «въ то время, какъ русскіе поселенцы и уральцы, сталкиваясь съ киргизами, имѣютъ дѣло только съ матеріальной стороной ихъ быта, другія двѣ группы, татары и сарты, опутывая киргизовъ сѣтью векселей и договоровъ, вторгаются въ его духовный міръ, пріобщаютъ его все болѣе и болѣе къ исламу».

Только постройка желѣзной дороги,—этого лучшаго проводника цивилизаціи,—можетъ приблизить рынокъ нашей промышленности къ производителямъ сырья въ степи; борьба съ тѣми порядками, которые теперь установились въ степяхъ, лишенныхъ возможности выгоднаго обмѣна произведеній, должна быть одной изъ задачъ правительства. Тамъ, гдѣ киргизы стоятъ близко къ культурнымъ мѣстамъ, напримѣръ, въ Оренбургскомъ краѣ, мы имѣемъ передъ собою уже попытки съ ихъ стороны воспользоваться результатами нашей матеріальной культуры, которыя выражаются, между прочимъ, въ развитіи сѣнокошенія; для этой цѣли учреждаются общественные сѣнные запасы и стали пріобрѣтаться сѣнокосильныя машины, получившія уже распространеніе среди киргизъ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ. Это обстоятельство служитъ лучшимъ показателемъ того, что киргизъ способенъ къ усвоенію полезныхъ пріобрѣтеній, когда есть къ тому возможность; сѣнокосильныя машины составляютъ уже вторичную его стадію, такъ какъ киргизы, столкнувшись съ переселенцами въ Туркестанскомъ краѣ, почти на нашихъ глазахъ, перешли отъ примитивнаго серпа къ косѣ, знакомство съ которой очень способствовало развитію сѣнокошенія и заготовленію сѣнныхъ запасовъ; въ Тургайской же области киргизы, сознавъ уже пользу сѣнокосилокъ, пріобрѣтаютъ ихъ сами или же нанимаютъ у русскихъ. Въ 1897 году пишущій эти строки самъ былъ очевидцемъ ходатайства цѣлаго киргизскаго аула передъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургѣ о разрѣшеніи ссуды на пріобрѣтеніе сѣнокосилки, такъ какъ наемъ у поселенцевъ обходится слишкомъ дорого. Несомнѣнно, что для подобнаго рода явленій желѣзная дорога имѣетъ огромное значеніе, какъ средство для удешевленія товаровъ и сельско-хозяйственныхъ орудій.

Способность киргизъ къ принятію и усвоенію результатовъ болѣе высокой культуры постепенно развивается, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ весьма охотно учатся и становятся въ ряды образованныхъ классовъ. Если сравнить съ киргизами вытѣсненный ими изъ степей башкирскій народъ,

---

[9]) *И. Аничковъ:* „Очеркъ народной жизни сѣвернаго Туркестана“. Ташкентъ, 1899 г. (стр. 85). Его же: „Присяга киргизъ передъ русскимъ судомъ“ (*Журн. Мин. Юст.* 1898 г., № 11).

то мы увидимъ ту разницу, которая отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга; между тѣмъ какъ неспособность къ культурѣ и косность послѣдняго заставляютъ насъ опускать руки и безнадежно взирать на будущія судьбы этого несчастнаго народа, окруженнаго самой богатой природой, мы съ полнымъ упованіемъ на будущее можемъ ожидать отъ киргизскаго народа движенія впередъ и культурнаго развитія, несмотря на ту убогую природу, которою его надѣлила судьба.

Въ этомъ отношеніи самымъ лучшимъ доказательствомъ способности киргизъ къ развитію можетъ служить состояніе народнаго образованія въ Тургайской области, какъ въ массахъ, такъ и среди отдѣльныхъ лицъ, дѣлающее между ними гораздо большіе успѣхи, чѣмъ между другими мусульманскими народами. Для подтвержденія нашей мысли обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ по Тургайской области, гдѣ, главнымъ образомъ, благодаря, во-первыхъ, близости къ Европейской Россіи и, во-вторыхъ, особымъ заслугамъ мѣстныхъ дѣятелей, народное образованіе сдѣлало большіе успѣхи [10]). Общее число школъ съ 2-хъ въ 1878 году поднялось до 59 въ 1895 году (стр. 218), а съ 1892 года область покрылась сѣтью аульныхъ школъ для первоначальнаго обученія грамоты киргизскихъ дѣтей, такъ что къ 1 января 1896 года ихъ было уже 35, съ 542 учащимися (стр. 158); слѣдуетъ къ этому еще прибавить 7 волостныхъ школъ, 5 русско-туземныхъ, 5 русско-киргизскихъ женскихъ училищъ, киргизскую учительскую семинарію, о которой авторъ (стр. 204) говоритъ, что оренбургская киргизская учительская школа, «являясь единственнымъ педагогическимъ учебнымъ заведеніемъ для обширнаго степного края, по настоящему числу своихъ питомцевъ не въ состояніи удовлетворить потребности даже одной Тургайской области. Такое поразительное несоотвѣтствіе числа учащихся въ школѣ съ дѣйствительной потребностью въ учителяхъ-киргизахъ ставитъ на очередь вопросъ о неотложности расширенія этой школы до размѣровъ другихъ учительскихъ инородческихъ семинарій». Если къ этимъ проводникамъ знанія для потребностей первоначальнаго образованія присоединить еще стипендіи для киргизъ Тургайской области въ высшихъ, среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя достигаютъ въ с.-петербургскомъ и казанскомъ университетахъ—6, въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ—2, въ казанскомъ ветеринарномъ институтѣ—1, оренбургской мужской гимназіи—12, троицкой—6, въ казанской учительской инородческой семинаріи—2, красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ и сельско-хозяйственной башкирской школѣ—5, то мы будемъ имѣть полную картину развитія учебнаго дѣла въ Тургайской области; оно не могло бы развиться безъ сочувствія просвѣщенныхъ лицъ изъ самого народа. Для содѣйствія образованію имѣются два общества распространенія народнаго образованія въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ, существующія съ 1896 года. По-

---

[10]) *А. Васильевъ:* „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе“. Изд. тург. обл. ст. ком. Оренбургъ, 1896 г.

слѣдствіемъ всего этого является значительное распространеніе русскаго языка, грамотности и образованія между киргизами Тургайской области и наполненіе ими среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, благодаря чему въ Оренбургской степи мы встрѣчаемся уже съ интеллигенціей изъ киргизовъ.

II.

Въ Астраханской губерніи и Тургайской области культурное движеніе между киргизами получило наибольшее развитіе, такъ какъ помимо близости въ географическомъ отношеніи къ Европейской Россіи, тамъ все болѣе укрѣпляется экономическая и коммерческая связь между внутренними губерніями и Киргизской степью, особенно около Оренбурга, гдѣ, какъ извѣстно, находится управленіе Тургайскою областью и откуда въ XVIII столѣтіи началось вліяніе Россіи на степь; но и въ той части степи, къ которой примыкаетъ сибирская желѣзная дорога, жизнь все болѣе входитъ въ водоворотъ нашихъ экономическихъ отношеній. Не говоря уже объ обмѣнѣ продуктами степного хозяйства, мы видимъ, что степи постепенно утилизируются для избытка населенія внутреннихъ губерній, откуда колонизація сильными потоками пробирается въ степи, занимая по большей части *въ ущербъ* туземному населенію самыя удобныя мѣста. Независимо отъ этого, киргизы, какъ производители сырья и потребители мануфактурныхъ произведеній нашихъ фабрикъ, въ особенности московскаго промышленнаго района, все болѣе приближаютъ свои интересы къ торговымъ оборотамъ нашихъ промышленныхъ центровъ. Главные предметы обмѣна со степью, это—скотъ, шерсть и шкуры сдѣлались, благодаря окончательному замиренію степей послѣ завоеванія Кокандскаго Ханства и покоренія Хивы, а также усовершенствованію путей сообщенія, гораздо доступнѣе и дешевле; съ развитіемъ же сѣти желѣзныхъ дорогъ, надо думать, что скотъ, какъ предметъ мясной торговли, получитъ сбытъ на рынкахъ Европейской Россіи, куда онъ можетъ доставляться подобно черкасскому скоту, вліяя на пониженіе мясныхъ цѣнъ. Развитіе же табуннаго коневодства въ степяхъ должно служить источникомъ для сбыта лошадей въ центральныя губерніи, не въ видѣ только случайныхъ закупокъ, какъ въ голодающія губерніи въ 1899 г., а въ видѣ постояннаго предмета торговли со степью.

Все это, безспорно доказывая ту связь, которая устанавливается на рынкѣ между центральными губерніями и киргизскими степями, подтверждаетъ всю важность для Европейской Россіи поддержанія скотоводства въ степяхъ и невыгодность его упадка, какъ это происходитъ теперь.

Развитіе торговыхъ оборотовъ и распространеніе образованія въ степяхъ, а также переходъ отъ первобытнаго номаднаго хозяйства къ болѣе усовершенствованному земледѣльческо-скотоводческому разовьютъ потребности въ киргизѣ, вслѣдствіе чего весь нашъ промышленный районъ найдетъ обильный сбытъ для своихъ произведеній въ обмѣнъ на продукты улучшен-

наго степного хозяйства. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками цыфровыхъ данныхъ, которыя могли бы краснорѣчиво подтвердить эту мысль, но не подлежитъ сомнѣнію, что торговые обороты степей съ внутренними губерніями сильно развиваются, несмотря на неблагопріятныя условія. Киргизъ съ его стадами и табунами давно уже сдѣлался объектомъ дѣятельности промышленниковъ, особенно татаръ въ сѣверной части степей и сартовъ въ южной части, какъ посредниковъ между производителями сырья и представителями обрабатывающей промышленности.

Слѣдовательно, Киргизская степь, войдя постепенно въ сферу экономическихъ отношеній всей Россіи, не можетъ въ настоящее время разсматриваться независимо отъ интересовъ всего нашего отечества; если было время, что степь, благодаря отсутствію путей сообщенія и безопасности, жила почти самостоятельной жизнью, то теперь она въ нашемъ народномъ хозяйствѣ играетъ такую роль, которая имѣетъ всѣ данныя къ развитію и въ своемъ поступательномъ движеніи измѣняетъ сложившіяся вѣками условія жизни народа, сближая его съ кореннымъ населеніемъ Европейской Россіи.

III.

Такого рода сближеніе съ интересами внутренней Россіи, скажемъ метрополіи, видоизмѣняя и усложняя жизнь въ Киргизской степи, требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большаго вниманія со стороны законодательства, по отношенію къ народной массѣ, которая до сихъ поръ еще живетъ подъ сильнымъ вліяніемъ родовыхъ понятій; хотя они въ сильной степени поддерживаютъ косность и консерватизмъ въ нравахъ, взглядахъ и обычаяхъ, но до извѣстной степени облегчаютъ распространеніе въ среду народа новшествъ, черезъ посредство вліятельныхъ родовичей, которые иногда могутъ служить проводниками въ народную массу нововведеній, примиряя ее съ новымъ порядкомъ вещей. Но законодательство и система управленія, которой придерживается правительство въ степяхъ, во всѣхъ областяхъ съ киргизскимъ населеніемъ, дѣйствуютъ слишкомъ осторожно, находя родовое начало опаснымъ съ политической точки зрѣнія. Положенія управленій Туркестанскаго и Степного края одинаково преслѣдуютъ цѣль: игнорируя родовые союзы, создать самоуправленіе примѣнительно къ общему крестьянскому положенію, но съ измѣненіями, дающими большой просторъ власти туземной администраціи и увеличивающими компетенцію народнаго суда (главныя особенности обоихъ положеній 1887 года для Туркестанскаго и 1893 года для Степного края). Помимо чисто историческихъ и соціальныхъ причинъ, повліявшихъ на паденіе значенія родовичей среди киргизъ, новая административная система, одновременно съ причинами экономическаго характера, повліяла на развитіе среди киргизъ плутократіи или кулачества, закабалившихъ, путемъ захвата власти на выборахъ и вліянія въ народномъ судѣ, народную массу, которая, благодаря своей инертности и пассивности, не въ силахъ сама

бороться съ этимъ явленіемъ; если старые родовичи, пользуясь своимъ авторитетомъ, и увеличивали свое благосостояніе, въ ущербъ своей роднѣ, то, съ другой стороны, интересы тѣхъ и другихъ, благодаря патріархальнымъ нравамъ, были настолько близко связаны другъ съ другомъ, что одни, обогащаясь или увеличивая свое благосостояніе, доставляли средства къ существованію и поддерживали, согласно установившемуся издавна обычаю, своихъ бѣдныхъ родственниковъ; такимъ образомъ создавался своего рода патронатъ, который хотя и обезличивалъ индивидуума, но служилъ, однако, нѣкоторымъ обезпеченіемъ народной массы отъ нужды. При нынѣшнихъ же условіяхъ жизни и принятомъ порядкѣ управленія, мы видимъ, что личность, дѣлаясь независимѣе отъ авторитета родовичей, взамѣнъ того, эксплоатируется народившейся плутократіей, причемъ создается такая же зависимость бѣднаго отъ богатаго, какую мы наблюдаемъ въ нашемъ кулачествѣ.

Въ этомъ отношеніи степь настолько же заражена этимъ зломъ, какъ и коренная Россія, но кулакъ въ степи является еще во всеоружіи власти, пріобрѣтаемой имъ или посредствомъ подкупа избирателей на выборахъ, или при помощи угодливости начальству. Интересно, однако, что родовой бытъ не удалось разбить, онъ ведетъ упорную борьбу за свое существованіе; вліятельные киргизы прекрасно приспособились къ введенной системѣ управленія и отлично усвоили выборную систему, пользуясь ею и народнымъ судомъ, какъ орудіемъ порабощенія массъ; въ рукахъ сильныхъ и богатыхъ родовое начало, которое хотѣли разбить введеніемъ волостного управленія, сумѣло овладѣть имъ, такъ какъ киргизы широко пользуются предоставленнымъ имъ правомъ перечисляться изъ одного аульнаго общества въ другое, соединяясь этимъ путемъ вновь въ родовыя группы, вопреки цѣли законодательства, желавшей введеніемъ волостей ихъ разъединить; все это доказываетъ, что родовое начало далеко не утратило своего соціальнаго значенія въ народѣ. Борьба между представителями родового и плутократическаго строя, составляетъ въ настоящее время отличительную черту народной жизни въ степяхъ, — сопровождаясь массою кляузничества, поборовъ, подкуповъ, лжесвидѣтельства и ложныхъ доносовъ, отъ которой сильно страдаетъ общественная нравственность киргизъ; объ этомъ говорилось нами въ другомъ мѣстѣ [11]), а потому здѣсь остается добавить, что или наше законодательство не приспособлено къ киргизскому быту, или послѣдній до него не доросъ.

Обозрѣвая ходъ нашего законодательства въ Киргизской степи, начиная съ 1731 г., по настоящее время въ трудѣ г. Крафта [12]), мы видимъ, что оно носило вначалѣ исключительно политическій характеръ, стремилось постепенно охватить внѣшнія стороны народной жизни, переходя отъ ханской власти къ управленію султановъ и, дойдя въ настоящее время до выборной системы низшихъ органовъ управленія, под-

---

11) См. пр. 9.
12) См. пр. 5.

чинило ихъ мѣстной власти полувоеннаго характера. Послѣднее особенно замѣтно въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ только съ 1887 года такъ называемое военно-народное управленіе уступило мѣсто административно-полицейскому; въ Степномъ краѣ это преобразованіе было осуществлено еще позднѣе, въ 1893 году. Въ то время какъ Степной край давно уже состоитъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Туркестанскій край и по сіе время—въ военномъ министерствѣ: этимъ сильно тормозится его развитіе, такъ какъ обособленностью отъ общаго порядка управленія какъ будто подчеркивается политическая роль, которую еще должно преслѣдовать управленіе въ средне-азіатскихъ степяхъ, въ ущербъ ихъ нормальному развитію. Съ введеніемъ судебныхъ учрежденій и распространеніемъ сферы вліянія судебныхъ уставовъ императора Александра II, съ 14 мая 1899 г., во всѣ закоулки степей, общественная жизнь послѣднихъ вошла совершенно въ русло гражданскаго теченія жизни остальной Россіи; въ интересахъ же самихъ степей желательно дальнѣйшее развитіе законодательства въ смыслѣ ихъ объединенія съ центральными губерніями, во всѣхъ сферахъ управленія и хозяйства. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что есть нѣсколько сторонъ народной жизни въ степяхъ, которыя особенно выдѣляются изъ общихъ условій и должны останавливать наше вниманіе: это, во-первыхъ, видоизмѣненіе адата, т. наз. обычнаго права, лежащаго въ основаніи устоевъ киргизской жизни, подъ вліяніемъ нашихъ узаконеній, которыя проникаютъ въ степь вмѣстѣ съ шаріатомъ; во-вторыхъ, распространеніе въ степи мусульманства, какъ силы наиболѣе приспособленной къ кочевому быту и болѣе простой формы религіознаго міросозерцанія; въ-третьихъ, борьба между родовою зависимостью и индивидуальнымъ развитіемъ киргиза, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, паденіе скотоводства, которое влечетъ за собою постепенное обѣднѣніе народной массы, задолженность ея и осѣданіе киргизъ, ведущее къ развитію земледѣлія тамъ, гдѣ оно возможно, иначе говоря, переходъ киргизъ исключительно отъ одного скотоводства къ земледѣлію и отъ кочевого быта къ осѣдлому.

Такимъ образомъ, задача нашего управленія въ степяхъ сводится, главнымъ образомъ, къ регулированію этихъ четырехъ кардинальныхъ вопросовъ народной жизни, изъ которыхъ уже вытекаютъ различные частные, болѣе или менѣе мѣстнаго характера; не останавливаясь на нихъ, отсылаемъ интересующихся къ нашему же очерку, гдѣ эти вопросы трактуются и разбираются подробнѣе [13]).

Въ статьѣ, о которой мы имѣли уже случай говорить выше [14]), проходятъ красной нитью два принципа, котораго намѣрено держаться предстоящее преобразованіе: уменьшеніе компетенціи народнаго суда, усиленіе русской власти въ степи, въ ущербъ туземной, и объединеніе ея. Настоящее же степное положеніе признается далеко отставшимъ отъ современ-

---

[13]) См. пр. 13.

[14]) См. пр. 2.

наго положенія вещей; эта отсталость болѣе всего замѣчается въ сферѣ брачныхъ дѣлъ, въ которыхъ «киргизка уже давно и громко взываетъ къ русскому закону». Весьма важно, что проектъ при этомъ ставитъ своей задачей—измѣнить кореннымъ образомъ существующую податную систему. На самомъ дѣлѣ, кибиточная подать, приближаясь къ оброчной, по неравномѣрности обложенія, особенно при несвоевременности взысканія податей, составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ золъ въ экономической жизни киргизъ, предоставляя неограниченное поле для злоупотребленій лицамъ туземной администраціи; во время раскладки податей, проигравшая на выборахъ партія и бѣднѣйшая часть населенія облагаются больше, чѣмъ онѣ въ состояніи платить, а такъ какъ аульные сходы—подчасъ миѳическое учрежденіе въ рукахъ волостныхъ заправилъ, то страдающая часть населенія является совершенно беззащитной. Предполагается ввести подать по типу, существующему въ Букеевской ордѣ, гдѣ она взимается по извѣстной нормѣ, съ наличнаго скота. При такой системѣ, съ обложеніемъ податью и земель, проектъ надѣется, увеличивъ сумму налога, упорядочить систему его взиманія и распредѣлить болѣе равномѣрно единицу обложенія [15]).

Все это будетъ касаться только степныхъ областей, а весь Туркестанскій край и нынѣ отошедшая къ нему Семирѣченская область, съ огромнымъ киргизскимъ населеніемъ, останутся при настоящихъ условіяхъ существованія, т.-е. при обширной компетенціи народнаго суда, съ слабымъ контролемъ русской военной власти, неравномѣрной системѣ обложенія, несвоевременномъ сборѣ податей и чрезмѣрномъ вліяніи туземной администраціи, въ рукахъ которой власть и судъ составляютъ только орудіе подчиненія и эксплоатаціи народной массы. Такимъ образомъ, если бы киргизское населеніе Туркестанскаго края и Семирѣченской области не входило въ составъ военнаго министерства, то и его коснулась бы предполагаемая реформа.

IV.

Для того, чтобы бросить теперь взглядъ на состояніе степей, необходимо обратиться къ помощи тѣхъ немногихъ цыфръ, какими мы въ настоящее время располагаемъ.

Самое главное явленіе, которое должно привлечь наше вниманіе, это обѣдненіе киргизъ вслѣдствіе частыхъ падежей скота и слѣдовательно уменьшенія его; они особенно тяжелы, такъ какъ застаютъ по большей части народъ не подготовленнымъ къ такому бѣдствію, несмотря на то, что оно повторяется періодически и въ извѣстной степени изъ году въ годъ. Результатомъ этого является увеличеніе «игинчей», т.-е. киргизъ, которые вынуждены ликвидировать свое скотоводческое хозяйство и обратиться исключительно къ земледѣлію; положеніе ихъ, съ нашей точки зрѣнія, дѣлается прочнѣе,

---

15) См. пр. 2.

такъ какъ, осѣвъ, они естественно разстаются съ кочевымъ бытомъ, становясь изъ производителей сырья, хлѣборобами; черезъ нѣсколько времени при благопріятныхъ условіяхъ, особенно при поддержкѣ родовичей, они могутъ развить свое хозяйство, перейдя къ нормальному земледѣльческо-скотоводческому типу, къ которому постепенно и переходитъ вся Киргизская степь, такъ какъ только при этихъ условіяхъ можетъ существовать киргизъ, среди той природы, которою окруженъ, и при измѣнившихся торгово-экономическихъ условіяхъ. Но киргизъ, попавъ въ разрядъ игинчей, при такомъ крутомъ переломѣ въ своей жизни теряется и чувствуетъ себя сначала совершенно безпомощнымъ, быстро попадая благодаря этому въ руки разныхъ эксплоататоровъ и хищниковъ, изъ числа торговцевъ-ростовщиковъ; вслѣдствіе этого задача нашей экономической политики въ степяхъ, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, чтобы устранить столь рѣзкій переходъ отъ однихъ условій жизни къ другимъ, отъ одного скотоводства—къ земледѣлію.

«Переходнымъ идеаломъ нашей киргизской политики,—говоритъ г. Шкапскій [16]),—должно быть созданіе такихъ условій, которыя, способствуя улучшенію быта киргизовъ-кочевниковъ, въ то же время облегчали бы имъ переходъ не къ земледѣльческому исключительно хозяйству, а къ земледѣльческо-скотоводческому». Авторъ приводитъ цифры, правда, относящіяся къ 60-мъ годамъ, но которыя краснорѣчиво доказываютъ значеніе степного хозяйства для государства; такъ, въ 1867 г. на киргизскую степь падаетъ перегнаннаго въ Европейскую Россію скота, по сибирской и оренбургской линіямъ, 91,8%, изъ привезенныхъ кожъ 66,9% и шерсти 94,1% [17]). При повсемѣстномъ паденіи скотоводства въ Европ. Россіи, особенно вслѣдъ за голодовками послѣднихъ годовъ, весь центръ производства сырья и пригона скота переходитъ въ киргизскую степь, которая, благодаря улучшеннымъ путямъ сообщенія и проведенію желѣзной дороги, пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи еще большее значеніе. Но, съ другой стороны, въ силахъ ли будетъ степь выполнить свою экономическую задачу, если джуты (падежи скота), періодически повторяющіеся, унесутъ массу скота, обративъ многихъ самостоятельныхъ киргизъ въ пролетаріевъ; такъ, во время джута 1879—1880 гг. киргизы Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ потеряли 59% всѣхъ своихъ стадъ, а киргизы Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ, гдѣ киргизы могли сдѣлать сѣнные запасы, потеря ограничилась 24% [18]); въ томъ же году въ четырехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (Перовскомъ, Туркестанскомъ, Чимкентскомъ и Ауліеатинскомъ) пало 56% скота, а въ 1892 г. въ Казалинскомъ уѣздѣ киргизы, зимовавшіе въ Кара-Кумахъ, потеряли 90% лошадей, 80% барановъ и 60% верблюдовъ [19]).

---

16) *О. Шкапскій:* „Нѣкоторыя данныя для освѣщенія киргизскаго вопроса". *Русская Мысль*, 1897 г., кн. VI, стр. 47.

17) Тамъ же, стр. 40.

18) Тамъ же, стр. 35.

19) Тамъ же, кн. V, стр. 52—53.

Помимо періодическихъ джутовъ, скотъ ежегодно падаетъ мѣстами отъ безкормицы, холодовъ и т. п.; такъ, въ зиму 1888—1889 гг. киргизы Казалинскаго уѣзда потеряли 10% скота отъ зимнихъ бурановъ.

Въ Сыръ-Дарьинской области въ 1870 г. общее количество скота было 6.988,220 головъ, въ 1877 г. упало до 4.113,999, а въ 1885 г. до 2.751,700, т.-е. за 15 лѣтъ понизилось на 132%; какія же цифры намъ дадутъ 1892 и послѣдующіе неблагопріятные годы [20])!

При такихъ условіяхъ, какимъ образомъ можетъ правильно идти хозяйство киргизъ, если оно не въ состояніи выдерживать не только безкормицы въ неблагополучные годы, но и обыкновенныхъ неблагопріятныхъ условій. Будетъ ли возможность разсчитывать для народнаго хозяйства Россіи на Киргизскую степь, какъ на главную производительницу сырья, если скотоводство пойдетъ по наклонной плоскости въ такой огромной прогрессіи; не можетъ быть сомнѣнія, что въ другихъ степныхъ областяхъ и Астраханской губерніи положеніе вещей такое же, если не худшее, такъ какъ зимы тамъ суровѣе, а искусственнаго орошенія, какъ въ Туркестанскомъ краѣ, нѣтъ, и киргизы вполнѣ зависятъ отъ естественныхъ условій.

Рядомъ съ этимъ возрастаетъ число игинчей, въ 1872 г. въ той же Сыръ-Дарьинской области было 39,945, окончательно лишившихся скота, въ 1877 г. 53,439, за пять лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ на 33% [21]). Въ Тургайской области, болѣе изобилующей кормовыми травами, изъ «Обзоровъ Тургайской области» видно, что въ 1878 г. въ ней считалось 3.576,471 головъ скота, на каждаго юртовладѣльца приходилось по 56 головъ; въ зиму 1879—1880 гг. пало въ области около 42%, такъ что въ 1891 г. приходилось уже только 27 головъ, въ 1882 г.—30, а въ 1889 г.—42 головы; такимъ образомъ мы видимъ, какъ медленно послѣ джута поправляется хозяйство киргизъ,—даже черезъ десять лѣтъ оно не достигло того уровня, на которомъ стояло въ 1879—1880 годахъ [22]).

Что періоды джутовъ повторятся довольно правильно и имѣютъ связь съ метеорологическими явленіями, служитъ доказательствомъ 1891 годъ, когда голодъ въ Европ. Россіи сопровождался тоже явленіемъ джута въ прииртышской степи, на Эмбѣ, въ Каракумахъ и Иргизскомъ уѣздѣ; послѣдній пострадалъ еще разъ въ 1898 г. [23]).

При такомъ положеніи скотоводства въ Киргизской степи, видно, насколько оно является рискованнымъ, не обезпечивая благосостоянія киргизовъ, у которыхъ между тѣмъ возрастаютъ потребности и вмѣстѣ съ ними натурально должны увеличиваться источники доходовъ. Къ числу ихъ

---

[20]) Тамъ же, кн. V, стр. 45.

[21]) Тамъ же, кн. V, стр. 46.

[22]) Тамъ же, кн. V, стр. 52.

[23]) *Турк. Вѣдом.* 1892 г., № 5, *Недѣля* 1892 г., № 26, „Оч. Сѣверн. Туркест.“, стр. 150—169, *Турк. Газ.* 1898 г.

слѣдуетъ отнести увеличеніе у киргизъ земледѣлія, которое развивается между ними довольно интенсивно; это видно изъ слѣдующей таблицы по Тургайской области:

Годы.	Площадь посѣва въ казенныхъ десятинахъ.					
	Пшеницы.	Ржи.	Овса.	Ячменя.	Проса.	Всего.
1879	18,420	56	2,689	139	16,130	37,434
1884	24,623	117	8,789	290	32,600	66,419
1889	61,619	544	17,547	3,687	27,253	110,647
1894	34,398	4,606	6,089	1,811	52,528	99,432
1898	44,227	1,117	15,998	2,192	54,642	118,176

Такимъ образомъ мы видимъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ общая площадь посѣва у киргизъ увеличилась съ 37,434 десятинъ до 118,176 десятинъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ 3 раза [24]).

На ряду съ этимъ для борьбы съ окружающей суровой и бѣдной природой, выработался въ степи типъ зимовокъ, которыми стали пользоваться киргизы, для сохраненія своихъ стадъ. Разумѣется, типы зимовокъ, существующіе въ Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Акмолинской и друг. областяхъ, населяемыхъ киргизами, находятся въ зависимости отъ условій природы и имѣющагося подъ рукой матеріала, для чего служатъ, главнымъ образомъ, колючка, глина и камышъ.

Въ статьѣ г. Шкапскаго [25]) этотъ вопросъ разработанъ подробно; мы не будемъ на немъ останавливаться, скажемъ только, что это также доказываетъ умѣнье киргизъ вести борьбу за существованіе, приспособляясь къ окружающей обстановкѣ.

Но если устройство зимовокъ возможно повсюду, то развитіе земледѣлія вполнѣ зависитъ отъ имѣнія подъ рукой воды, какъ, напримѣръ, такой водной артеріи, какъ Сыръ-Дарья, о которой авторъ «Туркестанскихъ скитаній», говоритъ, что, «если Волга присвоила себѣ названіе кормилицы русскаго мужика, то съ тѣмъ же правомъ Сыръ-Дарья можетъ называться кормилицей его родного брата—туркестанскаго жителя [26]). Изъ Дарьи выходитъ огромная система оросительныхъ канавъ, которая въ одномъ Казалинскомъ уѣздѣ орошаетъ кромѣ городскихъ земель до 15,000 десятинъ; съ нихъ было снято въ 1893 году 208,748 пудовъ проса, 27,859 пудовъ ячменя и 97,161 пудовъ пшеницы, не считая клевера, арбузовъ, дынь и т. п. [27]); на берегахъ ея можно достать лѣсъ для построекъ чигирей, желобовъ, черпаковъ и проч. Въ иномъ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ, находятся земледѣліе и орошеніе, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ

---

[24]) *Тург. Газ.* 1900 г., № 40: „Хозяйство киргизъ въ Тургайской области". П. Воронцовскій.

[25]) Тамъ же, кн. V, стр. 54—56.

[26]) См. прим. 11, стр. 39.

[27]) *К. Тимаевъ*: „Казалинскій уѣздъ, статистическій очеркъ: Средняя Азія". *Альманахъ* 1845 г., стр. 174.

нѣтъ такой водной артеріи, какъ Сыръ-Дарья, гдѣ степныя рѣки лѣтомъ высыхаютъ, гдѣ не развито и почти невозможно лѣсонасажденіе и гдѣ киргизамъ приходится засѣвать низины, въ которыхъ скопляется весной дождевая влага или разсчитывать только на атмосферные осадки, выпадающіе въ степи въ очень маломъ количествѣ.

Что же касается кормовыхъ травъ, столь необходимыхъ киргизамъ для прокормленія скота во время подножнаго корма и для заготовленія запасовъ на зиму, то мы опять-таки придемъ къ грустнымъ выводамъ. Помимо зарослей камыша и куги по степнымъ рѣкамъ и озерамъ, служащихъ не только для корма, но и какъ матеріалъ для постройки зимовокъ (загородки, крыши), а также для топлива, мы встрѣчаемъ довольно скудную растительность. Мы имѣемъ описаніе степи, сдѣланное еще въ 50-хъ годахъ ботаникомъ Борщовымъ, который по флорѣ и почвеннымъ условіямъ дѣлитъ всю арало-каспійскую низменность на четыре области: 1) область ковыльной степи, 2) область глинистой пустыни, 3) область соляныхъ пустынь и 4) область бугристыхъ песковъ; всѣ эти четыре области имѣютъ довольно опредѣленныя границы [28]), и характеризуются типами разной флоры. Сдѣлавъ обзоръ всѣхъ областей, Борщовъ говоритъ: «что единственныя мѣста, дающія порядочныя скосы сѣна, лежатъ по Уралу, Илеку, а также на верховьяхъ Ори, на склонахъ возвышенности Уркачъ». «Низины же р. Сыръ-Дарьи, затопляемыя водой и поросшія камышомъ, замѣняющимся при частыхъ укосахъ оржанцемъ, представляютъ крайне ограниченное пространство, могущее обезпечить кормъ для скота на зиму. Кромѣ того, наконецъ, пользоваться такими низинами по крайне незначительному числу ихъ могутъ далеко не всѣ киргизы» [29]).

Авторъ этой статьи приходитъ къ тому заключенію, обозрѣвъ строеніе степи и ея флору, что главная причина уменьшенія киргизскихъ стадъ и обѣднѣнія населенія кроется въ окружающей киргиза физико-географической обстановкѣ; тамъ, гдѣ для лѣтней тебеневки природа доставляетъ лучшій кормъ и даетъ еще возможность сдѣлать запасы, населеніе менѣе страдаетъ отъ джута, появляющагося только изрѣдка вслѣдствіе неблагопріятно складывающихся условій, но тамъ, гдѣ скотъ можетъ пользоваться хорошимъ кормомъ только весною и отчасти лѣтомъ, а зимой осужденъ на голоданіе,—неизбѣжнымъ является падежъ скота въ размѣрахъ отъ 10 до 70% общаго количества его [30]).

Такимъ образомъ, скотоводство въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно находится въ настоящее время, далеко не достаточно для поддержанія экономическаго благосостоянія киргиза среди той природы, которая его окружаетъ. Между тѣмъ, нельзя отвергать его огромнаго значенія, не только для поддержанія благосостоянія киргизскихъ массъ, но и въ интере-

---

[28]) См. 26 и пр. кн. VI, стр. 32.
[29]) См. 26 и пр. кн. VI, стр. 35.
[30]) См. 26 и пр., стр. 38.

сахъ народнаго хозяйства всей Россіи, такъ какъ степь, какъ производительница сырья, работаетъ не только для русскаго, но и для заграничнаго рынка.

Однако для поддержанія этой важной отрасли народнаго хозяйства правительство дѣлаетъ очень мало усилій; объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что степь еще недостаточно возбудила къ себѣ общественный интересъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что она еще мало обслѣдована, вслѣдствіе этого и роль ея въ общей экономической политикѣ государства до сихъ поръ прочно не установлена.

Но скотоводство въ настоящее время не исчерпываетъ всей экономической стороны киргизской жизни, рядомъ съ нимъ земледѣліе пріобрѣло такое значеніе, что авторъ вышеупомянутаго статистическаго очерка Казалинскаго уѣзда [31]) замѣчаетъ: «Занятіе земледѣліемъ для кочевого населенія настолько важно, что необходимо, по примѣру смежныхъ областей степного генералъ-губернаторства, обратить на него серьезное вниманіе. Въ Семирѣченской области наряду съ другими мѣропріятіями, какъ изученіе киргизскаго землепользованія, скотоводческаго хозяйства и проч., направленными къ установленію болѣе или менѣе положительныхъ нормъ, необходимыхъ для опредѣленія границъ дальнѣйшей колонизаціи степей и обезпеченія киргизскаго скотоводства, постепенно осуществляется устройство степняковъ, какъ земледѣльцевъ. Съ 1894 г. въ Семипалатинской области заведены сѣмянные склады для киргизъ (см. *Ст. Кр.* 1894 г., № 101) (Каркаралинскій уѣздъ), успѣшно повліявшіе на занятія ихъ хлѣбопашествомъ». На-ряду съ этимъ, по всему пространству Киргизской степи мы замѣчаемъ стремленіе народа осѣсть на землю и пріобрѣсти этимъ путемъ болѣе прочное положеніе; но статистическія данныя указываютъ, что развитіе земледѣлія, постройка зимовокъ и проч. не вездѣ имѣютъ одинаковую историческую давность и не всегда успѣхъ имъ благопріятствуетъ. Изъ статистическаго изслѣдованія Кокчетавскаго уѣзда [32]), установлено, что постройки на зимовыхъ стойбищахъ киргизы стали воздвигать около 60 лѣтъ тому назадъ, когда у нихъ впервые появилась коса и нѣкоторые хозяева стали дѣлать запасы сѣна. Земледѣліе среди киргизъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ развито мало, но вся честь обученія кочевниковъ сельскохозяйственнымъ пріемамъ принадлежитъ русскимъ переселенцамъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Тургайской области, гдѣ киргизы переходятъ уже къ сѣннымъ запасамъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, нуждаясь въ машинахъ для сѣнокошенія, и засѣваютъ большія площади въ степи, главнымъ образомъ просами.

Независимо отъ того, въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи издавна, еще до прихода русскихъ, со временъ каракалпаковъ, было распространено земледѣліе, развита цѣлая сѣть арычной системы и

---

[31]) См. прим. 28.

[32]) См. примѣч. 1 и 9.

киргизы научились пріемамъ хозяйства отъ сартовъ изъ Бухары и Хивы; захвативъ господство надъ сыръ-дарьинскими киргизскими родами въ 30-хъ и 40-хъ годахъ этого столѣтія, хивинцы налагали на киргизъ кромѣ зякета со скота и особую подать съ хлѣба—усуръ [33]).

Съ нѣкоторыхъ поръ даже, во многихъ мѣстахъ степи, замѣчается довольно сильная борьба, по вопросу о пользованіи земельными угодьями, наприм., на островѣ Кара-Узякъ, Перовскаго уѣзда, происходятъ постоянные раздоры между потомствомъ султана Илекея Касимова и киргизами, кочующими на островѣ и около форта Карамакчей, на Сыръ-Дарьѣ; потомство Касимова стремится захватить какъ можно больше земли, въ ущербъ массѣ киргизъ, которые имѣютъ на островѣ много распашекъ [34]). Но гораздо хуже положеніе вещей въ Букеевской ордѣ, Астраханской губерніи, гдѣ зарегистровано 13,079 кибитокъ пролетаріевъ, т.-е. около 30% населенія орды; такъ какъ во время управленія ордою сына Букея, хана Джангера (съ 1824 г.), послѣдній упразднилъ обычное право въ области гражданскихъ отношеній и незаконно роздалъ общественныя земли по ярлыкамъ въ личное владѣніе родственникамъ султанамъ, должностнымъ лицамъ и даже рядовымъ киргизамъ, создавъ такимъ образомъ классъ богатыхъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ; ближайшимъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является проживаніе 11,030 кибитокъ внѣ ордынской территоріи [35]).

Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ стремленіе киргизскихъ родовичей утвердить за собою захватъ, сдѣланный ими во время обладанія властью. Эти два примѣра ясно показываютъ, насколько въ міровоззрѣніи киргизъ является существеннымъ вопросъ о землѣ, не для одного только скотоводства; такая борьба изъ-за земельныхъ участковъ, зимовыхъ стойбищъ и сѣнокосныхъ угодій, между отдѣльными родовичами и цѣлыми аульными обществами происходитъ повсюду въ степи; встрѣчающіеся повсемѣстно земельные споры доказываютъ, что «киргизское населеніе переживаетъ переходный моментъ отъ кочевого образа жизни къ полукочевому и полуземледѣльческому или же исключительно земледѣльческому. Въ законодательствѣ нашемъ нѣтъ твердо установившейся точки зрѣнія на ту форму владѣнія или пользованія землей, которой можно было бы руководствоваться киргизамъ, вслѣдствіе этого безусловно отсутствуетъ юридическая регламентація этого вопроса» [36]). Г. Шкапскій «какъ на иллюстрацію этихъ распрей за природу» указываетъ «на постоянные споры перовскихъ и акмолинскихъ киргизъ за право пользованія пастбищами по берегамъ рѣки Сары-су» [37]). Эти распри, которыя до сихъ поръ еще не разрѣшены, неоднократно разбирались на чрезвычайныхъ съѣздахъ уполномоченныхъ отъ администраціи и представителей населенія Сыръ-Дарьинской и Акмо-

[33]) См. прим. 12, стр. 75.
[34]) См. прим. 12 и пр., стр. 37.
[35]) *Русск. Турк.* 1899 г., № 93.
[36]) См. прим. 12 и пр., стр. 37.
[37]) См. прим. 19 и пр., кн. VI, стр. 36.

линской областей, нѣсколько разъ, и имѣютъ отношеніе не только къ скотоводству, но и къ земледѣлію, потому что бассейнъ рѣкъ Сары-су и Чу служитъ для киргизъ не однимъ пастбищемъ, но также огромной площадью, гдѣ производятся большіе посѣвы пшеницы и проса, подобно тому, какъ и въ другихъ уголкахъ степи, гдѣ только представляется возможность заниматься хлѣбопашествомъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ существованія въ степяхъ, занятыхъ киргизами, когда скотоводство, бывшее до сихъ поръ главнымъ источникомъ ихъ существованія, падаетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, а земледѣліе еще недостаточно глубоко проникло въ народную массу, чтобы замѣнить или придти на помощь взывающему къ ней скотоводству, интересно прослѣдить развитіе другихъ промысловъ въ степяхъ, чтобы составить себѣ полную картину экономической жизни киргизскаго населенія.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки и озера, киргизы занимаются рыболовствомъ; но при настоящихъ путяхъ сообщенія, при отсутствіи рынковъ для сбыта, этотъ промыселъ, которымъ заняты главнымъ образомъ уральскіе сосланные казаки, въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, а также по берегамъ Аральскаго моря и въ другихъ частяхъ степи, многаго не даетъ для киргизъ и служитъ только подспорьемъ для питанія населенія; въ настоящее время, онъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ рыбопромышленниковъ, а киргизы, имѣя у нихъ заработокъ, сами въ коммерческихъ цѣляхъ еще не эксплоатируютъ разбросанныхъ по степнымъ рѣкамъ и озерамъ рыбныхъ богатствъ. Картина и положеніе рыбнаго промысла на Косъ-Аралѣ, въ Казалинскомъ уѣздѣ, хорошо представлены въ трудѣ г. Гейера, къ которому мы и отсылаемъ интересующагося этимъ вопросомъ [38]); изъ описанія автора видно, что киргизъ пока является только или работникомъ, или сдатчикомъ рыбы у капиталиста-промышленника.

Этотъ промыселъ заслуживаетъ быть упомянутымъ, такъ какъ пока онъ довольно слабо распространенъ между киргизами, но въ будущемъ можетъ развиться и привлечь къ себѣ значительное число ихъ.

Въ иномъ положеніи находится вопросъ о степной торговлѣ, которая ведется въ степи скупщиками сырья въ лицѣ торговцевъ изъ русскихъ татаръ, сартовъ и евреевъ, служащихъ посредниками между производителемъ мануфактуры и потребителемъ ея—киргизомъ. Съ этой торговлей, имѣющей большое значеніе въ степной жизни, связаны вопросы о кредитѣ, который въ свою очередь близко соприкасается съ податнымъ вопросомъ, системой туземной администраціи и съ тою рознью, которую она внесла въ киргизскую жизнь.

Не обладая достаточнымъ количествомъ денежныхъ знаковъ, киргизъ благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своей жизни, чисто-внѣшняго характера, страшно нуждается въ кредитѣ; помимо податей, не малую роль въ потребностяхъ киргизъ играютъ выборы и сутяжничество, находящіе

---

38) См. прим. 11 и пр., стр. 75—132.

благодарную почву въ народномъ судѣ; нуждаясь въ кредитѣ, то какъ избиратель или избираемый, киргизъ всегда бываетъ страшно задолженъ, если вступаетъ на скользкій путь выборныхъ интригъ; при развитіи родовыхъ понятій, задолженность киргиза отзывается на его роднѣ, иногда до 5-го колѣна.

Принятіе податной системы, уже давно признанной несостоятельной, со взносомъ въ такое время года, когда цѣны на скотъ и продукты скотоводства понижаются на рынкахъ, очень сильно способствуетъ развитію кредитныхъ операцій среди киргизъ; подать сама по себѣ не велика, не болѣе 5% валового дохода поселенія, но она сопровождается такими незаконными поборами со стороны заправилъ и волостныхъ тузовъ, что положительно разстраиваетъ жизнь киргиза на цѣлый годъ и нарушаетъ равновѣсіе въ его бюджетѣ. Все зло въ томъ, что раскладка податей, при инертности и безгласности народа, бываетъ совершенно произвольная, такъ какъ она сосредоточивается въ рукахъ немногихъ заправилъ волости; послѣдніе, освобождая богатыхъ и сильныхъ отъ податей или облегчая ихъ податное бремя, облагаютъ проигравшую на выборахъ партію и раскладываютъ на весь народъ свои личные расходы, какъ-то: уплаты калыма, устройство празднествъ, выборы и тяжбы въ народномъ судѣ; не обладая денежными знаками, производя сырья меньше, чѣмъ достаточно для удовлетворенія своихъ потребностей, какъ это мы увидимъ ниже, плательщикъ-киргизъ волей-неволей вынужденъ прибѣгать къ кредиту, который, по большей части, является въ видѣ обмѣниваемаго на сырье всегда недостающаго хлѣба и мануфактурнаго товара; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря усложненію жизни и развитію киргиза, увеличиваются его потребности, что тоже не проходитъ безслѣдно для задолженности его, такъ какъ и тутъ приходится прибѣгать къ кредиту. Представителемъ послѣдняго является торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, онъ же скупщикъ сырья, изъ татаръ, сартовъ и русскихъ, которые одинаково эксплоатируютъ киргиза, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ, продавая ему товаръ въ долгъ, въ счетъ будущаго урожая или удоя. Результатомъ такого порядка вещей является ужасная задолженность киргизъ передъ торговцами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовщики, взимающіе до 100 и болѣе процентовъ за свои, пускаемые въ оборотъ капиталы. Они всегда являются со своими услугами, когда киргизъ нуждается въ кредитѣ или зернѣ для посѣва, обезпечивая свой долгъ векселемъ или другимъ обязательствомъ.

Въ степныхъ уѣздахъ съ киргизскимъ населеніемъ, 90% всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, у мировыхъ судей, составляютъ дѣла о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ.

Подобнымъ путемъ происходитъ обмѣнъ цѣнностей между промышленникомъ, фабрикантомъ мануфактурнаго товара и потребителемъ его киргизомъ, производителемъ сырья, а посредниками между тѣмъ и другимъ выступаютъ упомянутые представители степной торговли. Причина задол-

женности имъ киргизъ, нагляднѣе всего, видна изъ ознакомленія съ бюджетомъ киргизской семьи.

По вычисленію г. Щербины среднее киргизское хозяйство въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области характеризуется слѣдующими общими чертами [39]): «при семьѣ въ 6,23 д. общая стоимость въ немъ имущества равняется 893 р. 50 к., годичный доходъ валовой 407 р. 47 к. и годичный валовой расходъ 399 р. 70 к., а остатокъ, слѣдовательно, выражается въ 7 р. 77 к. Если же эти цифры перевести на одну душу населенія, то стоимость всего имущества на душу выразится въ 143 р. 30 к., приходъ 65 р. 35 к., расходъ 64 р. 10 к., остатокъ 1 р. 25 к. Иначе говоря приходъ составляетъ 45,6% всего имущества, расходъ—44,7%, а остатокъ—1,9% по отношенію къ суммѣ прихода и 0,9% по отношенію къ стоимости имущества»; при этомъ изслѣдователь за единицу изслѣдованія принималъ хозяйственный аулъ, т.-е. группу киргизъ, имѣющихъ общую зимовку (кстау) и совмѣстно пользующихся другими угодьями и пастбищами, что и подходитъ ближе всего подъ киргизское представленіе о семьѣ. Для Астраханской губерніи въ 1894 году цыфры эти представлялись въ слѣдущемъ видѣ: на каждаго киргиза приходилось 6,9 головы скота, на которую падало 3,6 десятины земли, между тѣмъ для успѣшнаго развитія кочевого хозяйства въ ордѣ необходимо отъ 5 до 6 десятинъ удобной земли на голову скота [40]), не считая необходимаго пространства, на путяхъ перегона скота съ лѣтовокъ на зимовку и обратно, что, очевидно, изслѣдователемъ не было принято въ соображеніе.

Гораздо краснорѣчивѣе представляются цифры для сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, взятыя у г. Васильева изъ его опыта экономическаго обзора «Кочевники Туркестана» (Окраина 1890 г. приложеніе) [41]); именно, богатство одного юртовладѣльца въ то время, когда скотоводство въ степи было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь, заключалось: «въ 36 овцахъ, 2,77 верблюдахъ, 2,70 лошадяхъ и 2 головахъ рогатаго скота, всего же на одно хозяйство приходилось 43,47 головъ скота различныхъ породъ». Если отъ средняго достатка киргиза перейти къ среднему годовому доходу и расходу его семьи, то первый выразится въ слѣдующемъ: два пуда шерсти, шесть бараньихъ тушъ мяса, столько же овчинъ, пятнадцать рублей отъ продажи молодыхъ барановъ (изъ приплода), maximum тридцать рублей въ годъ отъ караванной перевозки товаровъ, да молочныхъ продуктовъ не болѣе того, сколько требуется для удовлетворенія потребностей семьи. Сверхъ этого скотоводъ ни на что болѣе разсчитывать не можетъ. Изъ этого годового дохода на уплату податей, на покупку хлѣба и одежды киргизъ можетъ располагать только 45 руб., полученными отъ извознаго промысла и отъ продажи молодыхъ барановъ. Обра-

---

[39]) См. прим. 1, 9 и др.

[40]) См. прим. 1 и 6.

[41]) См. прим. 19 и пр.

щаясь къ цифрѣ годового расхода кочевника, мы увидимъ, что каждый юртовладѣлецъ со своей семьей долженъ тратить на покупку хлѣбной пищи 24 руб., на одежду 30 руб. и сверхъ того различныхъ податныхъ платежей 9 руб. 25 коп.; обязательный годовой расходъ его равняется 63 руб. 25 коп., стало быть ежегодный дефицитъ простирается до 18 р., для покрытія котораго онъ долженъ продавать и шерсть, и овчины, урѣзывая свои потребности болѣе чѣмъ до minimum'a». Однако, авторъ не принялъ во вниманіе, что часть хлѣбной пищи киргизъ вырабатываетъ самъ; но даже, если изъ суммы 24 руб. выкинуть недостающіе 18 руб., то едва ли останется 6 руб. на всѣ остальныя потребности семьи; но и эту сумму киргизъ можетъ получить только при существованіи извознаго промысла, который, однако, съ постройкой Закаспійской и Средне-Азіатской жел. дор. совершенно погибъ, для сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской и южныхъ уѣздовъ Тургайской областей.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ цифровыхъ данныхъ, въ разныхъ краяхъ Киргизской степи, какія оказались у насъ подъ рукою, ясными будутъ то обѣднѣніе и задолженность народной массы, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ уголкахъ степи; совершенно то же явленіе, что и въ жизни русскаго народа, мы встрѣчаемъ и среди киргизъ: вмѣсто періодическихъ голодовокъ—періодическіе падежи скота, темнота народной массы, все развивающееся міроѣдство, та же отчаянная борьба за существованіе, такъ какъ производимыхъ продуктовъ едва хватаетъ на пропитаніе, невозможность собственными силами улучшить свой бытъ, частью отъ природныхъ условій, частью отъ косности и т. п. Если къ описанному мы присоединимъ полную заброшенность киргизъ, которые почти предоставлены собственной судьбѣ, такъ какъ заботы правительства касаются лишь самыхъ поверхностныхъ сторонъ киргизской жизни, не проникая вглубь ея, то намъ ясно представится безотрадная картина состоянія степей, въ настоящее время.

V.

Естественнымъ путемъ, послѣ сказаннаго возникаетъ вопросъ, какъ придти на помощь и что можно сдѣлать для улучшенія бытовыхъ условій киргизскаго народа, ввѣреннаго историческимъ теченіемъ событій заботамъ русскаго государства.

Разрѣшить этотъ вопросъ въ одной краткой замѣткѣ невозможно, да оно и не по силамъ одному человѣку. Самымъ лучшимъ способомъ подойти къ его разрѣшенію, было бы осуществленіе предположеннаго, но несостоявшагося съѣзда, въ Омскѣ или Оренбургѣ по киргизскимъ дѣламъ [42]).

Сложность и трудность разрѣшенія киргизскаго вопроса кроется еще въ томъ, что къ вопросамъ экономическимъ, административнымъ и фискаль-

[42]) Русскій Туркестанъ 1899 г.

нымъ присоединяются религіозный, историческій и этнографическій, съ которыми никакъ нельзя въ данномъ случаѣ не считаться: тѣмъ не менѣе можно намѣтить нѣкоторые способы разрѣшенія этого вопроса, въ связи съ задачами Россіи въ Киргизской степи. Г. Шкапскій говоритъ, что есть два пути придти на помощь киргизскому народу [43]): «это—орошеніе степи и облѣсеніе песковъ, которые дадутъ киргизскому населенію степи возможность безъ тяжелыхъ кризисовъ перейти отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческо-скотоводческому».

Нельзя, конечно, съ этимъ не согласиться, но имъ не исчерпывается та помощь, которую государство должно оказать киргизамъ; во-первыхъ, не всюду возможно оросить степь и не всѣ пески могутъ быть облѣсены, а во-вторыхъ, эти задачи не могутъ быть скоро выполнены. Между тѣмъ, необходимо сдѣлать что-либо въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ благосостояніе киргизъ падаетъ и народъ все болѣе теряетъ свои силы въ борьбѣ за существованіе, среди неблагопріятныхъ природныхъ условій.

Расширеніе сѣти арыковъ и скрѣпленіе песковъ необходимы, но этому должны предшествовать оро-географическія изслѣдованія, а на помощь вопросамъ, которые могутъ быть выдвинуты, должны придти статистическія и экономическія изслѣдованія, подобно предпринятымъ, подъ руководствомъ г. Щербины, въ Акмолинской области.

Такія работы должны выяснить, насколько земледѣліе сдѣлало успѣхи въ степяхъ, какое количество скота можетъ быть прокормлено тѣми сѣнными запасами, которые въ состояніи снять киргизы, такъ какъ едва ли возможно запасти кормъ для всего количества скота при скудности вообще степныхъ травъ; какая площадь необходима для тебеневокъ скота въ лѣтнее и зимнее время; сколько земель можетъ быть распахиваемо, безъ ущерба для табуннаго скотоводства; какіе промыслы могутъ служить подспорьемъ для киргизскаго хозяйства, такъ какъ нельзя разсчитывать, чтобы киргизъ былъ въ состояніи удовлетворить свои потребности однимъ хозяйствомъ средней руки.

Намъ кажется, что статистическія работы должны предшествовать какимъ бы то ни было правительственнымъ мѣропріятіямъ, въ особенности расширенію переселеній крестьянъ въ Киргизскую степь, до опредѣленія количества земель, которыя должны остаться въ пользованіи киргизъ; началомъ для этихъ работъ можетъ служить экспедиція г. Щербины, выполненная на средства министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія; только при этомъ условіи можно стоять на твердой почвѣ, особенно при разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ вообще мало извѣстно, какія формы землевладѣнія и землепользованія встрѣчаются у киргизъ и въ какой зависимости онѣ находятся къ родовому устройству киргизъ.

Но, помимо этой капитальной работы, необходимо создать внѣшнюю об-

---

[43]) См. прим. 19 и пр., кн. VI, стр. 45.

становку для выполненія какого бы то ни было плана, для этого было бы полезно организовать управленіе киргизскимъ народомъ по одной программѣ, такъ какъ теперь часть киргизъ находится подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а другая въ военномъ вѣдомствѣ; киргизы Внутренней, такъ называемой Букеевской орды, управляются другимъ положеніемъ, чѣмъ киргизы Степного и Туркестанскаго края, а роды адаевцевъ въ Закаспійской области опять особо; если нельзя объединить все киргизское населеніе, по чисто географическимъ причинамъ, въ одно цѣлое, то, по крайней мѣрѣ, полезно было бы выработать одинаковое положеніе, которое было бы общимъ для всѣхъ составныхъ частей киргизскихъ ордъ, разбитыхъ по областямъ, вмѣсто нѣсколькихъ, различно дѣйствующихъ.

Не возвращаясь болѣе къ такимъ сторонамъ степной жизни, которыя были не разъ затрогиваемы въ литературѣ по этому вопросу, какъ-то: положенія женщины, печальнаго состоянія народнаго суда, отсутствія организаціи, регулирующей хозяйственную жизнь киргизъ, неимѣнія путей сообщенія въ степи, поразительнаго развитія ростовщичества, недостаточнаго числа общественныхъ сѣнныхъ запасовъ и хлѣбныхъ магазиновъ, и весьма слабаго пока развитія народнаго образованія (кромѣ Тургайской области), необходимо остановиться на недостаточномъ числѣ степныхъ центровъ, гдѣ бы сосредоточивалось управленіе извѣстнымъ райономъ и группировались бы интересы населенія нѣсколькихъ уѣздовъ, способствуя развитію мѣстной жизни; такъ, наприм., на пространствѣ 2,000 вер. отъ Оренбурга до Ташкента нѣтъ никакого крупнаго центра, каковымъ, однако, очень хорошо могъ быть г. Казалинскъ, въ которомъ бы могло быть объединено управленіе почти всей Малой ордой, соединеніемъ четырехъ уѣздовъ Тургайской области, одного уѣзда Уральской области и двухъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, съ Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ, въ одну область; благодаря отсутствію культурнаго городского центра на такомъ обширномъ пространствѣ, жизнь въ бассейнѣ Аральскаго моря развивается очень слабо [44]).

Безъ сомнѣнія, всѣмъ описаннымъ далеко не исчерпываются задачи Россіи въ киргизскихъ степяхъ, но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ придти къ тому убѣжденію, что пока дѣла въ степи находятся въ томъ положеніи, какъ въ настоящее время, мы не можемъ быть ни спокойны за судьбы киргизскаго народа, переживающаго тяжелый соціально-экономическій кризисъ, ни довольствоваться тѣмъ торгово-промышленнымъ значеніемъ, какое степь пріобрѣла во всемъ оборотѣ нашего народнаго хозяйства, не окупая тѣхъ жертвъ, которыя были для нея принесены и тѣхъ расходовъ, которые на нее государство несетъ.

И. Аничковъ.

---

[44]) См. прим. 12.

Условія введенія всеобщаго обученія въ Московской губерніи.

Послѣднее десятилѣтіе истекшаго XIX вѣка, несомнѣнно, займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи просвѣщенія русскаго народа. Въ этотъ непродолжительный періодъ времени состоялся цѣлый рядъ постановленій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній о необходимости сдѣлать начальное образованіе доступнымъ для всего населенія. Просвѣтительныя стремленія земства были встрѣчены русскимъ обществомъ съ истинною радостью и съ пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія земскихъ проектовъ на практикѣ. Въ настоящее время естественно возникаетъ вопросъ: насколько успѣшно проведены или проводятся въ жизнь постановленія земскихъ собраній объ организаціи общедоступности начальнаго образованія? Вопросъ важный, но современная литература удѣляетъ ему почему-то незначительное вниманіе. Можно предполагать, что общество и печать, ознакомившись съ постановленіями земства, успокоились въ увѣренности, что, разъ постановленіе о введеніи всеобщаго обученія состоялось, школы будутъ непремѣнно открыты и населеніе получитъ возможность обучать всѣхъ своихъ дѣтей. Въ дѣйствительности провести въ жизнь постановленія земскаго собранія не такъ легко; проекты часто встрѣчаютъ серьезныя препятствія, и осуществленіе ихъ иногда затягивается на неопредѣленное время. Въ этомъ отношеніи весьма поучительнымъ является осуществленіе проекта московскаго губернскаго земства о введеніи всеобщаго обученія въ Московской губерніи. Названный проектъ былъ составленъ губернскою управой послѣ весьма продолжительной предварительной разработки сѣти школъ и выясненія размѣра денежныхъ затратъ со стороны земства на открытіе необходимаго числа школъ. Проектъ принятъ губернскимъ собраніемъ въ 1896 году; въ то время высказывалось предположеніе, что въ теченіе 3—4 лѣтъ необходимое число школъ будетъ открыто земствомъ и начальное образованіе сдѣлается доступнымъ всему населенію. Дѣйствительность, однако, не совсѣмъ оправдала эти ожиданія. Со времени упомянутаго постановленія земства прошло уже болѣе пяти лѣтъ, а дѣло всеобщаго обученія въ Московской губерніи далеко еще не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью выяснить, при какихъ условіяхъ уѣзднымъ земствамъ Московской губерніи приходится осуществлять общедоступность начальнаго образованія и какія при этомъ встрѣчаются препятствія и затрудненія. Но прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности уѣздныхъ земствъ, представляется необходимымъ ознакомиться съ упомянутымъ проектомъ губернскаго земства.

При выработкѣ сѣти школъ однимъ изъ основныхъ пунктовъ является опредѣленіе числа дѣтей школьнаго возраста, могущихъ поступить въ начальныя школы. Для выясненія этого капитальнаго вопроса губернское земство произвело въ 1893 г. черезъ статистическое отдѣленіе спеціальную перепись дѣтей въ двухъ уѣздахъ—Московскомъ и Можайскомъ. Губернское земство признало излишнимъ производить подобную перепись во всей губерніи, находя, что данныя о числѣ дѣтей, добытыя переписью двухъ упомянутыхъ уѣздовъ, могутъ быть положены въ основаніе для исчисленія дѣтей школьнаго возраста во всѣхъ остальныхъ 11 уѣздахъ губерніи. Примѣнительно къ трехлѣтнему курсу начальной школы губернское земство установило положеніе, что при исчисленіи дѣтей школьнаго возраста, для которыхъ должны существовать школы, слѣдуетъ принимать во вниманіе дѣтей трехъ возрастовъ—9, 10 и 11 лѣтъ. Дѣтей обоего пола названныхъ трехъ возрастовъ въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ оказалось почти одинаковое относительное число, а именно $33,_9$ и $31,_1$ на сто крестьянскихъ дворовъ. Прибавляя нѣсколько на обычный приростъ населенія, губернское земство установило и другое положеніе: считать, что на каждые 100 дворовъ приходится 35 мальчиковъ и дѣвочекъ школьнаго возраста. Школьный районъ долженъ заключать въ себѣ селенія, отстоящія отъ школы не далѣе 3 верстъ. Нормальное число учениковъ въ школѣ съ однимъ преподавателемъ принято въ 40 человѣкъ съ тѣмъ, что число учениковъ ни въ какомъ случаѣ не должно превышать 60. Установивъ приведенныя основныя положенія, губернское земство опредѣлило, что на каждый районъ, состоящій не менѣе какъ изъ 120 дворовъ, должна существовать школа съ нормальнымъ содержаніемъ въ 540 р. (360 р. отъ уѣзднаго и 180 руб. на дополнительное вознагражденіе учащимъ отъ губернскаго земства); для районовъ съ числомъ дворовъ отъ 60 до 120 открываются школы 2 разряда съ уменьшеннымъ содержаніемъ въ 300 р. и притомъ исключительно изъ средствъ уѣзднаго земства. Губернское земство на школы 2 разряда никакихъ средствъ не отпускаетъ; на эти школы не распространяются и правила о выдачѣ пособій и ссудъ на постройку зданій для школъ; въ районахъ съ числомъ дворовъ менѣе 60 самостоятельныхъ школъ вовсе не открывается; начальное обученіе для этихъ районовъ должно быть обезпечено облегченіемъ для нихъ посѣщенія ближайшей земской школы.

При опредѣленіи числа школъ, необходимыхъ къ открытію вновь для осуществленія всеобщаго обученія, были приняты во вниманіе существующія въ селеніяхъ начальныя училища всѣхъ вѣдомствъ: земскія, цер-

ковно-приходскія, министерскія, фабричныя и частныя, но дальнѣйшій ростъ тѣхъ школъ, которыя не принадлежатъ къ земскимъ, въ разсчетъ не принимался. Сѣть училищъ для всей губерніи была составлена статистическимъ отдѣленіемъ губернской управы, которымъ составленъ также списокъ селеній, могущихъ пользоваться существующими училищами, и селеній, для которыхъ проектированы новыя школы; въ каждомъ селеніи указано число дворовъ и намѣченъ пунктъ, гдѣ должна быть открыта школа. Проектъ сѣти былъ разосланъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и земскихъ собраній и въ общемъ получилъ ихъ одобреніе. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, губернская управа, придавая составленной сѣти значеніе лишь примѣрнаго плана, тѣмъ не менѣе высказалась, что всѣ измѣненія въ ея проектѣ при проведеніи послѣдняго въ жизнь должны дѣлаться не иначе какъ на основаніи подробно мотивированныхъ соображеній уѣзднаго собранія, утверждаемыхъ для каждаго отдѣльнаго случая губернскимъ собраніемъ. «Существенно важнымъ,—говоритъ губернская управа въ своемъ докладѣ,—является установленіе тѣхъ принциповъ, которые были положены въ основаніе при выработкѣ сѣти, а именно: признаніе трехверстнаго разстоянія училища отъ селеній наибольшимъ, которое можетъ быть допущено при устройствѣ училищъ безъ вреда для дѣтей; исчисленіе учениковъ, могущихъ посѣщать училища, по разсчету къ числу дворовъ школьнаго района, установленіе нормальнаго числа и возрастнаго состава учащихся въ школѣ. Только принятіе этихъ основныхъ принциповъ дастъ возможность приблизительно исчислить тотъ расходъ, который потребуется со стороны земства на осуществленіе общедоступности начальнаго образованія; только въ случаѣ соблюденія ихъ, при выполненіи намѣченной сѣти на практикѣ, можетъ быть увѣренность, что расходъ этотъ будетъ въ общемъ соотвѣтствовать сдѣланному исчисленію». Приведенный взглядъ на значеніе сѣти былъ одобренъ губернскимъ собраніемъ, сдѣлавшимъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздныя земства или черезъ посредство ихъ сельскія общества будутъ обращаться въ губернское земство съ ходатайствомъ о содѣйствіи со стороны послѣдняго къ устройству новыхъ училищъ, губернская управа должна руководствоваться составленною сѣтью школьныхъ районовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздными земствами, на основаніи подробно мотивированныхъ соображеній, будутъ предлагаться тѣ или другія отступленія отъ проектированной сѣти, объ этомъ должно быть представляемо на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Это постановленіе, имѣющее, очевидно, цѣлью придать важное значеніе выработанной сѣти, какъ практическому плану, оказалось, однако, на практикѣ весьма стѣснительнымъ для уѣздныхъ земствъ и сельскихъ обществъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ моментъ составленія сѣти въ уѣздахъ Московской губерніи находилось 919 начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ: 578 земскихъ, 229

церковно-приходскихъ и 112 министерскихъ, частныхъ, фабричныхъ и воспитательнаго дома. Чтобы сдѣлать начальное обученіе общедоступнымъ, губернское земство признало необходимымъ открыть вновь еще 277 школъ: 186—съ полнымъ содержаніемъ въ районахъ съ числомъ дворовъ болѣе 120 и 91 школу—неполноправную для районовъ, заключающихъ въ себѣ отъ 60 до 120 дворовъ.

Установивъ потребное число новыхъ училищъ и намѣтивъ районы и селенія, гдѣ они должны быть открыты, губернское земство разработало финансовый планъ осуществленія намѣченной сѣти.

Расходы на новыя училища по проекту слѣдовало отнести на счетъ тѣхъ же трехъ источниковъ, изъ которыхъ содержатся земскія училища въ Московской губерніи: на счетъ сельскихъ обществъ, уѣзднаго и губернскаго земствъ. Расходы на училища между названными тремя источниками распредѣляются такимъ образомъ: сельскія общества принимаютъ на свой счетъ хозяйственные расходы на наемъ сторожа, отопленіе, освѣщеніе, страховку и ремонтъ зданій; уѣздныя земства уплачиваютъ жалованье учащимъ и покупаютъ учебныя принадлежности; губернское земство выдаетъ приплаты къ жалованью педагогическаго персонала полноправныхъ школъ; школы неполноправныя содержатся на счетъ двухъ источниковъ безъ участія губернскаго земства. Участіе сельскихъ обществъ въ содержаніи училищъ губернское земство признавало желательнымъ въ цѣляхъ поддержанія тѣснаго единенія между населеніемъ и принадлежащей имъ школою. Отнесеніе хозяйственныхъ расходовъ на сельскія общества представлялось необходимымъ, по мнѣнію губернской управы, въ виду недостатка мѣстныхъ земскихъ средствъ. Придавая такое важное значеніе участію сельскихъ обществъ, губернское земство не попыталось, однако, даже приблизительно опредѣлить, какихъ затратъ потребуетъ со стороны сельскихъ обществъ осуществленіе губернскаго проекта всеобщаго обученія и въ состояніи ли сельскія общества вынести эти расходы. Отсутствіе въ проектѣ данныхъ о размѣрахъ затратъ на новыя школы со стороны крестьянскихъ обществъ является для посторонняго наблюдателя несовсѣмъ понятнымъ, такъ какъ статистическимъ отдѣленіемъ губернской управы были собраны и разработаны «свѣдѣнія объ участіи земствъ и сельскихъ обществъ въ постройкѣ и содержаніи училищъ» *). Не пытаясь опредѣлить упомянутые расходы, губернское земство прямо переходитъ къ опредѣленію той суммы, которая требуется на открытіе 277 школъ со стороны уѣзднаго и губернскаго земствъ. Расходъ на школу принимался не дѣйствительный для каждаго уѣзда въ отдѣльности, а средній для всѣхъ уѣздовъ: для полноправной школы въ 540 руб. и для неполноправной — въ 300 руб. Всего на осуществленіе сѣти школъ требовалось 127,740 руб., изъ которыхъ 94,260 рублей приходилось на долю уѣздныхъ, а остальные 33,480 руб.—на долю губернскаго земства. При разсмотрѣніи бюджета уѣздныхъ земствъ и источ-

*) Докладъ моск. губ. зем. управы, № 18, 1894 г.

никовъ ихъ доходовъ выяснилось, что нѣкоторые уѣзды не въ состояніи принять на себя новые расходы по содержанію училищъ, такъ какъ главнѣйшій источникъ земскихъ доходовъ,—недвижимыя имущества,—обложены земскимъ сборомъ въ такой высокой степени, что дальнѣйшее повышеніе невозможно. По этимъ соображеніямъ губернское земство признало необходимымъ придти на помощь въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія тѣмъ уѣздамъ, которые не могли справиться собственными средствами и въ которыхъ процентъ обложенія недвижимыхъ имуществъ не ниже средняго по губерніи. Къ этой послѣдней группѣ отнесены 6 уѣздовъ: Волоколамскій, Дмитровскій, Звенигородскій, Клинскій, Можайскій и Рузскій; эти уѣзды могли воспользоваться пособіемъ отъ губернскаго земства немедленно по утвержденіи проекта. Изъ остальныхъ 7 уѣздовъ два,—Подольскій и Верейскій,—были признаны имѣющими право на пособіе только послѣ увеличенія процента обложенія имуществъ до размѣра средняго по губерніи. Это увеличеніе предоставляло средства на открытіе безъ пособія отъ губернскаго земства: въ Подольскомъ пяти и въ Верейскомъ двухъ школъ. Послѣ открытія этого числа училищъ Верейское и Подольское земства пріобрѣтали право на губернское пособіе при открытіи предусмотрѣнныхъ сѣтью земскихъ училищъ. Остальные 5 уѣздовъ,—Московскій, Богородскій, Коломенскій, Серпуховской и Бронницкій,—признаны не нуждающимися въ губернскомъ пособіи. Путемъ повышенія земскаго обложенія недвижимой собственности до средняго процента по губерніи, означенные пять уѣздовъ могли получить необходимыя средства на осуществленіе всей намѣченной сѣти школъ.

Относительно размѣра пособія со стороны губернскаго земства упомянутымъ восьми уѣздамъ губернская управа высказала, что полное принятіе всего содержанія вновь имѣющихъ открыться школъ на средства губернскаго земства могло бы вызвать ослабленіе самодѣятельности со стороны уѣздныхъ земствъ и недостаточную заботливость съ ихъ стороны о новыхъ училищахъ, какъ о дѣлѣ для нихъ совершенно чуждомъ; съ другой стороны, значительное увеличеніе расходовъ на народное образованіе для уѣздныхъ земствъ признавалось совершенно непосильнымъ. Въ виду этихъ соображеній губернское земство приняло на себя 80% новыхъ расходовъ на школы, а остальные 20% должны были принять на себя уѣздныя земства. При такой значительной постоянной субсидіи отъ губернскаго земства ежегодный расходъ уѣздныхъ земствъ по осуществленію сѣти въ 8 уѣздахъ составлялъ не болѣе 13,074 руб., тогда какъ губернское земство принимало на себя новый ежегодный расходъ въ 52,296 руб. 5 уѣздовъ безъ пособій отъ губернскаго земства должны были увеличить ежегодные расходы на народное образованіе на 26,370 руб. и кромѣ того два изъ субсидируемыхъ уѣздовъ,—Верейскій и Подольскій,—до полученія права на губернское пособіе затратить 2,520 руб. Если принять еще во вниманіе, что губернское земство, кромѣ выдачи упомянутой субсидіи, принимало на себя выдачу добавочнаго вознагражденія учащимъ 186 вновь

открываемыхъ полноправныхъ школъ въ суммѣ 33,480 руб., то общая цифра ежегодныхъ расходовъ губернскаго земства по осуществленію общедоступности начальнаго ооразованія равнялась 85,776 руб., а на долю уѣздныхъ земствъ приходилось менѣе половины этой суммы, именно 41,964 руб. Несомнѣнно, это крупное денежное участіе губернскаго земства было признано возможнымъ только благодаря тѣмъ благопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ находится Московское губернское земство по отношенію къ источникамъ доходовъ. Дѣйствительно, ни одно изъ губернскихъ земствъ въ Россіи не обладаетъ такимъ богатымъ источникомъ, который находится въ распоряженіи Московскаго губернскаго земства. Этотъ источникъ,—недвижимыя имущества «14-го уѣзда» гор. Москвы,—съ громадной чистой доходностью слишкомъ въ 40 милл. р. Къ этому источнику губернское земство начало прибѣгать съ 1891 года; начавъ обложеніе съ 1%, губернское земство постепенно его повышаетъ и въ настоящее время взимаетъ съ чистаго дохода московскихъ домовъ $1^1/_2$%, что даетъ земству ежегодно до 650,000 руб. Упомянутая выше сумма въ 85,776 руб. легко могла быть покрыта губернскимъ земствомъ, для чего требовалось повысить обложеніе недвижимыхъ имуществъ въ Москвѣ не болѣе какъ на 0,2%; въ такомъ размѣрѣ обложеніе названныхъ имуществъ въ дѣйствительности и было повышено въ періодъ 1898—1900 гг. Не безынтересно при этомъ отмѣтить, что при обсужденіи проекта всеобщаго обученія въ губернскомъ собраніи въ 1896 году нѣкоторые гласные прямо указывали, что всеобщее обученіе въ Московской губерніи предполагается осуществить на счетъ средствъ жителей города Москвы, какъ главныхъ плательщиковъ губернскаго земскаго сбора. Названные гласные были въ значительной степени правы, такъ какъ $^3/_4$ общей суммы губернскихъ земскихъ сборовъ получаются съ гор. Москвы *). Несомнѣнно, не имѣя въ своемъ составѣ Москвы, губернское земство было бы поставлено въ большое затрудненіе при изысканіи средствъ для покрытія расходовъ по введенію всеобщаго обученія. Изложенный проектъ губернскаго земства объ организаціи общедоступности начальнаго образованія не былъ разосланъ (за исключеніемъ сѣти школъ) на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя такимъ образомъ были лишены возможности высказать о немъ свои заключенія. Проектъ былъ внесенъ губернской управой на обсужденіе экстреннаго губернскаго собранія въ апрѣлѣ 1896 г. и за весьма немногими исключеніями былъ принятъ.

Своимъ проектомъ губернское земство раздѣлило уѣзды по отношенію къ осуществленію намѣченной сѣти школъ на двѣ группы. Одна изъ этихъ группъ—малосостоятельные уѣзды, была поставлена, повидимому, въ самыя благопріятныя условія для открытія новыхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, для открытія всего числа училищъ положенныхъ по сѣти, субсидируемымъ

*) По смѣтѣ 1901 года изъ 1.444.682 руб. губернскихъ сборовъ до 1.080,000 р. поступаетъ отъ города Москвы.

8 уѣзднымъ земствамъ приходилось увеличить расходы на очень незначительную сумму, а именно:

Верейскому земству на	1,379 руб.
Волоколамскому земству на	1,836 »
Дмитровскому земству на	2,460 »
Звенигородскому земству на	1,200 »
Клинскому земству на	2,544 »
Можайскому земству на	1,644 »
Подольскому земству на	3,252 »
Рузскому земству на	1,236 »
Всего	15,594 руб.

Чтобы получить эту сумму, уѣзднымъ земствамъ приходилось повысить процентъ обложенія земельныхъ имуществъ не болѣе какъ на 0,270%—0,604%. Для другой группы уѣздовъ: Московскаго, Богородскаго, Бронницкаго, Коломенскаго и Серпуховского,—признанныхъ ненуждающимися въ пособіи, проектъ губернскаго земства не давалъ въ сущности никакихъ новыхъ средствъ къ скорѣйшему осуществленію общедоступности начальнаго образованія. Эти уѣзды попрежнему должны были открывать школы исключительно на свои собственныя средства; они получили отъ губернскаго земства лишь примѣрную сѣть школъ, которая могла служить для нихъ только напоминаніемъ о недостаточности существующихъ училищъ и необходимости открывать новыя.

Губернское земство, повидимому, предполагало, что при его значительной денежной помощи въ уѣздахъ первой группы школы быстро будутъ открываться; между тѣмъ въ докладѣ очередному собранію 1900 года губернская управа сообщаетъ, что изъ 8 означенныхъ уѣздовъ только въ трехъ: Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ вопросъ объ общедоступности начальнаго обученія можно считать разрѣшеннымъ. Верейскій, Клинскій и Подольскій уѣзды признавались близкими къ осуществленію, а уѣзды Волоколамскій и Можайскій сравнительно болѣе далекими отъ осуществленія всеобщаго обученія. Изъ 5 уѣздовъ второй группы въ трехъ: Московскомъ, Коломенскомъ и Серпуховскомъ общедоступность осуществлена, Бронницкій уѣздъ близокъ къ этому и лишь одинъ Богородскій уѣздъ далекъ еще отъ всеобщаго обученія.

Изъ этого распредѣленія уѣздовъ видно, что по отношенію къ общедоступности начальнаго образованія различныя мѣстности Московской губерніи находятся не въ одиноковомъ положеніи.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ одни уѣзды могли открыть въ теченіе 5 лѣтъ такое число школъ, которое по губернскому проекту достаточно для всеобщаго обученія, а въ другихъ уѣздахъ школьная сѣть до сихъ поръ остается невыполненной?

Отвѣтъ на этотъ важный вопросъ мы получимъ, если прослѣдимъ тотъ путь, которымъ проводился въ жизнь уѣздными земствами изложенный выше

проектъ губернскаго земства о введеніи всеобщаго обученія въ Московской губерніи. Для этой цѣли воспользуемся докладами губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ и постановленіями земскихъ собраній по народному образованію за 1896—1901 гг. Обзоръ развитія школьнаго дѣла со времени утвержденія губернскаго проекта начнемъ съ уѣздовъ, признанныхъ въ 1900 году губернскимъ земствомъ далекими отъ всеобщаго обученія; такихъ уѣздовъ три: Богородскій, Волоколамскій и Можайскій.

Богородское земство въ 1897 году высказало, что для осуществленія сѣти школъ по губернскому проекту отъ уѣзднаго земства требуется всего 6,940 руб. Затрата такой суммы даже въ одинъ годъ совершенно по силамъ земству. Она вызоветъ ничтожное повышеніе процента обложенія имуществъ (на $^1/_2\%$) и потому съ этой стороны не можетъ быть препятствій въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго образованія. Затрудненіе въ открытіи новыхъ школъ встрѣчается со стороны крестьянъ. По принятому уѣзднымъ земствомъ правилу, новыя земскія школы могутъ открываться только при томъ непремѣнномъ условіи, если сельскія общества примутъ на себя хозяйственные расходы: устройство зданія или отводъ помѣщенія для училища и квартиры для учителя, покупку классной мебели, отопленіе школы, наемъ сторожа и проч. Отступать отъ этого порядка богородское земство не находитъ основаній, какъ потому, что не считаетъ цѣлесообразнымъ навязывать свои школы населенію, такъ и потому, что открытіе новыхъ школъ исключительно на средства земства увеличило бы расходы послѣдняго вдвое; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалось бы измѣнить установившееся отношеніе земства къ школамъ, открытымъ ранѣе при участіи сельскихъ обществъ.

Такимъ образомъ осущественіе всеобщаго обученія въ Богородскомъ уѣздѣ земство ставитъ въ зависимость исключительно отъ желанія сельскихъ обществъ: заявятъ крестьяне желаніе открыть школы въ пунктахъ, намѣченныхъ сѣтью, уѣздное земство немедленно отпускаетъ средства на уплату жалованья учительскому персоналу и на покупку учебниковъ; не поступитъ такого заявленія отъ крестьянъ—школа не будетъ открыта земствомъ. Такого правила богородское земство продолжаетъ держаться и до сего времени.

Съ цѣлью привлечь сельскія общества къ открытію школъ уѣздная управа, по просьбѣ губернской управы, обратилась въ 1897 году къ волостнымъ старшинамъ съ предложеніемъ склонять крестьянъ къ возбужденію ходатайствъ объ открытіи училищъ, а земскихъ начальниковъ просила оказать свое содѣйствіе. На этотъ призывъ отозвались въ 1897 г. лишь селенія одного школьнаго района (по проекту губернскаго земства новыя школы слѣдовало открыть въ 23 районахъ), пожелавшія открыть у себя земскую школу. Крестьянскія общества остальныхъ районовъ не находили возможнымъ устраивать школы по разнымъ причинамъ. Одни селенія затруднялись построить отвѣчающія цѣли школьныя зданія; другія—высказывали также желаніе имѣть училища, но не находили возможнымъ при-

нять на себя расходы по содержанію училища по недостатку средствъ и въ виду задолженности; третьи—не могли придти къ соглашенію относительно содержанія школы на общія средства; наконецъ, нѣкоторыя селенія находили возможнымъ довольствоваться церковно-приходскими школами.

При указанномъ отношеніи населенія къ земскимъ школамъ открытіе новыхъ училищъ въ Богородскомъ уѣздѣ подвигается весьма медленно. Въ теченіе шести лѣтъ ($189^6/_7$—$190^1/_2$) въ уѣздѣ открылось только 8 новыхъ училищъ, слѣдовательно, до заполненія всей сѣти требуется еще не менѣе 15 училищъ. На послѣднемъ очередномъ уѣздномъ собраніи 1901 г. постановлено открыть вновь два земскихъ училища. Время осуществленія всеобщаго обученія въ Богородскомъ уѣздѣ остается неопредѣленнымъ, какъ и въ моментъ утвержденія губернскаго проекта въ 1896 году. Открытіе земскихъ школъ въ разсматриваемомъ уѣздѣ подвигается настолько медленно, что въ этомъ отношеніи земство занимаетъ второе мѣсто, а первое принадлежитъ духовному вѣдомству, которое въ теченіе тѣхъ же 6 лѣтъ открыло въ Богородскомъ уѣздѣ 12 новыхъ церковно-приходскихъ школъ, общее число которыхъ въ уѣздѣ достигаетъ теперь 40 (земскихъ училищъ въ уѣздѣ всего 69).

Очевидная невозможность осуществить общедоступность образованія при существующемъ способѣ участія земства побудила богородское земство принять нѣсколько болѣе живое участіе по постройкѣ зданій для школъ. 9 октября 1897 г. уѣздное собраніе по предложенію гласнаго Ѳ. Д. Самарина, постановило: въ случаѣ недостатка у крестьянскихъ обществъ средствъ на постройку зданій для школъ, выдавать недостающую сумму изъ уѣздныхъ средствъ, причемъ половина этой суммы въ видѣ безвозвратнаго пособія, а другая—въ видѣ безпроцентной ссуды съ разсрочкою въ платежѣ до 10 лѣтъ. Это постановленіе не имѣло для даннаго дѣла существеннаго значенія, такъ какъ земскія школы продолжали открываться очень медленно.

Сопоставляя школьную политику богородскаго земства съ основными пунктами губернскаго финансоваго проекта, признавшаго необходимымъ участіе крестьянъ въ содержаніи школъ, необходимо придти къ заключенію, что названное земство въ точности слѣдуетъ указаніямъ губернскаго проекта. Результаты этой послѣдовательности оказываются далеко не благопріятными для дѣла всеобщаго обученія населенія.

Съ такой же неуклонностью слѣдуютъ за губернскимъ проектомъ и другіе «далекіе отъ осуществленія общедоступности образованія» два уѣзда—Можайскій и Волоколамскій (послѣдній—до конца 1901 года).

Можайское земство также произвело опросъ крестьянскихъ обществъ относительно открытія ими новыхъ училищъ. Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что сельскія общества 5 районовъ высказались за желательность устройства школъ въ пунктахъ, намѣченныхъ губернской сѣтью, но заявили, что по недостатку средствъ они не могутъ принять участія въ содержаніи этихъ школъ. Общества остальныхъ 19 школьныхъ районовъ частью

высказались за открытіе школъ, но не въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ намѣчены школы по сѣти; часть селеній не указали, что они нуждаются въ школѣ. Въ виду отмѣченнаго нежеланія крестьянъ устраивать школы въ намѣченныхъ сѣтью пунктахъ, уѣздное собраніе, на запросъ губернскаго, не нашло возможнымъ опредѣлить срокъ, когда будетъ осуществлена общедоступность народнаго образованія въ уѣздѣ.

Можайское земство и до сего времени держится того взгляда, что школы могутъ открываться только при непремѣнномъ участіи сельскихъ обществъ въ содержаніи училищъ. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что безъ коренного измѣненія отношеній земства Можайскій уѣздъ долго еще будетъ въ числѣ далекихъ отъ всеобщаго обученія. Изъ 24 школъ, намѣченныхъ губернской сѣтью, въ теченіе 6 лѣтъ открыто только 10; затѣмъ дальнѣйшее устройство училищъ, повидимому, прекратилось, по крайней мѣрѣ въ смѣту 1902 года средствъ на открытіе новыхъ школъ не внесено. Замѣтимъ, что устройство церковно-приходскихъ школъ въ Можайскомъ уѣздѣ подвигается также довольно медленно; такъ, въ періодъ 1896—1900 гг. открыто вновь только 4 церковно-приходскія школы (всего въ Можайскомъ уѣздѣ школъ этого типа 14).

Волоколамское уѣздное земство разсмотрѣло вопросъ объ осуществленіи сѣти школъ въ 1898 году. Путемъ сношенія съ сельскими обществами выяснилось, что изъ 26 районовъ, намѣченныхъ по губернскому проекту, сельскія общества пожелали открыть училища только въ 13 районахъ; 12 училищъ не могли быть открыты по нежеланію обществъ участвовать въ расходахъ по устройству и содержанію школъ. Свой отказъ крестьяне объясняютъ тѣмъ, что они имѣютъ возможность обучать дѣтей въ ближайшихъ земскихъ или церковно-приходскихъ училищахъ. Въ одномъ районѣ, состоящемъ только изъ 6—7 дворовъ, крестьяне выразили желаніе устроить школу, если имъ, въ видѣ исключенія изъ правилъ, будутъ отпущены губернскимъ земствомъ пособіе и ссуда и безплатно лѣсъ изъ казенной дачи на постройку училища. Разсмотрѣвъ упомянутыя данныя, уѣздное собраніе 1898 года постановило ограничиться открытіемъ только тѣхъ 13 школъ, о которыхъ поступили ходатайства отъ крестьянскихъ обществъ.

Такимъ образомъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ осуществленіе общедоступности образованія было поставлено также въ зависимость отъ желанія и средствъ сельскихъ обществъ. При наличности такихъ условій, разумѣется, нельзя опредѣлить срокъ осуществленія сѣти училищъ. Оставивъ этотъ вопросъ въ 1898 году открытымъ, волоколамское земство черезъ 2 года приходитъ, однако, къ заключенію, что для осуществленія общедоступности начальнаго образованія придется отступить отъ принятаго въ земствѣ порядка открытія и содержанія училищъ и принять въ названномъ направленіи какія-либо экстренныя мѣры. Въ очередную сессію 1900 года, т.-е. послѣ четырехлѣтняго опыта примѣненія губернскаго финансоваго проекта, уѣздное собраніе поручило управѣ «пересмотрѣть школьную сѣть, сдѣлать въ ней соотвѣтствующія поправки, выяснить, какія средства потребу-

ются для того, чтобы сдѣлать образованіе общедоступнымъ и изъ какихъ источниковъ можно было бы удовлетворить намѣченную организацію». Исполняя это порученіе, уѣздная управа совмѣстно съ особой коммиссіей пересмотрѣла сѣть школъ, составленную губернской управой въ 1896 г., и подробно разработала проектъ осуществленія общедоступности образованія въ уѣздѣ. Обширный докладъ по этому вопросу былъ разсмотрѣнъ уѣзднымъ собраніемъ въ очередную сессію 1901 года. Въ докладѣ выясняется, что сѣть школъ 1896 года во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ дѣйствительной потребности населенія. Трехверстный школьный радіусъ очень великъ, такъ что изъ селеній, отстоящихъ отъ школы на 3 версты, учащихся мальчиковъ не болѣе 48%, а дѣвочекъ не болѣе 15% всего числа дѣтей школьнаго возраста. Въ виду этого, коммиссія и управа выработали новую сѣть училищъ съ меньшимъ радіусомъ. По новой сѣти для осуществленія общедоступности образованія въ Волоколамскомъ уѣздѣ намѣчено 23 новыхъ школы (18 земскихъ и 5 церковно-приходскихъ), т.-е. на 12 училищъ болѣе противъ сѣти 1896 года. Переходя къ вопросу объ осуществленіи сѣти, коммиссія и управа прежде всего подробно разсматриваютъ съ принципіальной стороны существующій порядокъ отнесенія хозяйственныхъ расходовъ по содержанію училищъ исключительно на средства сельскихъ обществъ. Эти расходы очень неравномѣрно распредѣляются между сельскими обществами, крайне для нихъ обременительны и служатъ поэтому главнѣйшимъ тормозомъ въ развитіи школьнаго дѣла въ уѣздѣ. По существу хозяйственные школьные расходы, подобно расходамъ на амбулаторіи и больницы, должны быть признаны земскими, т.-е. подлежащими принятію на счетъ общихъ земскихъ средствъ. Уѣздное собраніе утвердило выработанную сѣть школъ и постановило принять хозяйственные расходы на школы на средства земства. Признано также необходимымъ принять матеріальное участіе и въ постройкѣ школьныхъ зданій въ той суммѣ, которая окажется необходимой въ виду недостатка ссуды и пособій отъ губернскаго земства и отъ сельскихъ обществъ. На постройку 20 новыхъ школьныхъ зданій волоколамское земство будетъ просить въ 1902 году ссуду у губернскаго земства въ размѣрѣ 39,000 руб.

Изъ сдѣланнаго краткаго обзора положенія вопроса о всеобщемъ обученіи въ трехъ уѣздахъ вытекаетъ, что главнѣйшимъ препятствіемъ къ открытію необходимаго числа новыхъ школъ служитъ недостатокъ средствъ у крестьянскихъ обществъ.

Это препятствіе совершенно не было предусмотрѣно губернскимъ финансовымъ проектомъ, что̀ составляетъ коренной его недостатокъ.

Обратимся теперь къ группѣ уѣздовъ, признанныхъ въ 1900 году губернской управой близкими къ осуществленію общедоступности образованія; такихъ уѣздовъ въ то время насчитывалось четыре: Бронницкій, Верейскій, Клинскій и Подольскій. Въ настоящее время въ этой группѣ могутъ быть оставлены только два первые уѣзда, такъ какъ въ Бронницкомъ число земскихъ школъ доведено до нормы, намѣченной губернской сѣтью (68),

а въ Верейскомъ—существуютъ уже 46 школъ и состоялось постановленіе уѣзднаго собранія 1901 года объ открытіи 3 новыхъ училищъ, такъ что въ 1902 году будетъ 49 земскихъ училищъ, т.-е. болѣе даже чѣмъ требуется по сѣти 1896 года.

Остановимся на положеніи вопроса о всеобщемъ обученіи въ Клинскомъ и Подольскомъ уѣздахъ.

Клинское уѣздное земство поставило осуществленіе всеобщаго обученія въ тѣсную связь съ устройствомъ для школъ спеціальныхъ зданій. Помѣщать земскія школы, хотя бы временно, въ наемныхъ зданіяхъ клинское земство не считаетъ возможнымъ въ цѣляхъ охраненія здоровья учащихся дѣтей. Имѣя въ виду это основное положеніе, уѣздная управа снеслась въ 1897 году съ сельскими обществами всѣхъ 34 школьныхъ районовъ, въ которыхъ предстояло открыть новыя школы, и просило отвѣтить, желаютъ ли общества открыть училища и построить для нихъ спеціальныя зданія, воспользовавшись для этого пособіемъ и ссудою губернскаго земства. На означенныхъ условіяхъ согласились открыть училища только общества шести районовъ; одинъ районъ сначала прислалъ свое согласіе, а потомъ отказался отъ ссуды и пособія за устройствомъ въ немъ церковно-приходской школы; остальные 27 районовъ прислали заявленія, что они не могутъ устроить у себя школы за недостаткомъ средствъ; матеріальный недостатокъ крестьянскихъ обществъ подтвердился и статистическимъ изслѣдованіемъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ условіями названныхъ районовъ. Разсмотрѣвъ отвѣты сельскихъ обществъ, клинское земство пришло къ заключенію, что необходимое число новыхъ школъ въ 27 районахъ можетъ быть открыто только при матеріальномъ содѣйствіи уѣзднаго земства. Земство должно принять на себя значительную долю расходовъ по постройкѣ школъ, сдѣлавъ для этого заемъ у губернскаго земства. Изъ числа 27 районовъ 16 заключали въ себѣ каждый болѣе 120 дворовъ и, слѣдовательно, имѣли право на ссуду и пособіе отъ губернскаго земства; остальные 11 районовъ, какъ состоящіе каждый менѣе чѣмъ изъ 120 дворовъ, не могли разсчитывать на помощь губернскаго земства. Не касаясь вопроса объ открытіи школъ въ малонаселенныхъ 11 районахъ, клинское земство признало необходимымъ прежде всего придти на помощь 16 густо населеннымъ районамъ. Съ этою цѣлью въ 1897 году было возбуждено ходатайство въ губернскомъ собраніи объ отпускѣ клинскому земству на постройку 16 зданій для школъ 1-го разряда 25,200 руб. въ видѣ безпроцентной ссуды на 10 лѣтъ. Постройку школъ предполагалось окончить въ теченіе 5 лѣтъ.

Это ходатайство губернскимъ собраніемъ было удовлетворено, но клинское земство означенною ссудою не воспользовалось, и въ 1898 г. вновь пересмотрѣло сѣть школъ и составило новый финансовый планъ для постройки училищъ. На измѣненіе прежняго плана постройки школьныхъ зданій повліяло состоявшееся въ 1897 году постановленіе губернскаго собранія (по ходатайству коломенскаго земства) объ увеличеніи размѣра

ссудъ на постройку школъ вдвое. По новой сѣти образовалось 21 районъ, въ которыхъ надлежало открыть полноправныя школы; при 6 изъ этихъ школъ была проектирована постройка ночлежныхъ пріютовъ для дѣтей; затѣмъ въ 7 районахъ предстояло открыть неполноправныя школы. Клинское земство снова возбудило въ 1898 г. въ губернскомъ собраніи ходатайство о выдачѣ пособій и ссудъ, но уже не только для полноправныхъ школъ, но также для постройки пріютовъ и для школъ неполноправныхъ. Означенное ходатайство сопровождалось подробными соображеніями о необходимости оказать помощь неполноправнымъ школамъ.

Клинское земство просило выдать на неполноправныя школы 3,500 р. пособія и 9,100 р. въ видѣ безпроцентной ссуды на 10 лѣтъ. Удовлетворивъ ходатайство о выдачѣ пособій и ссуды на полноправныя школы, губернское собраніе не признало возможнымъ распространить правила о пособіяхъ и ссудахъ на неполноправныя школы, чѣмъ общедоступность начальнаго образованія въ Клинскомъ уѣздѣ снова отодвинута на неопредѣленное время. Клинское земство опять не воспользовалось ссудой на постройку полноправныхъ школъ, снова пересмотрѣло школьную сѣть и намѣтило 16 районовъ для полноправныхъ школъ, оставивъ попрежнему въ 7 районахъ школы неполноправныя. Вернувшись къ финансовому проекту 1897 года, клинское земство въ 1899 г. признало необходимымъ поставить на очередь устройство 16 полноправныхъ школъ и постройку зданій для нихъ принять на средства уѣзднаго земства. На постройку этихъ зданій клинское земство въ 1899 и 1900 гг. получило отъ губернскаго земства ссуду въ 32,200 р. безъ процентовъ, съ уплатою въ теченіе 10 лѣтъ. Вопросъ объ открытіи 16 полноправныхъ школъ, повидимому, близокъ къ разрѣшенію. Что касается 7 малонаселенныхъ районовъ, то обезпеченіе ихъ школами отложено клинскимъ земствомъ на неопредѣленное время, а вмѣстѣ съ тѣмъ остается открытымъ и вопросъ о времени, когда въ Клинскомъ уѣздѣ осуществится всеобщее обученіе.

До разрѣшенія вопроса о постройкѣ зданій для школъ, народное образованіе въ Клинскомъ уѣздѣ развивалось очень медленно, такъ что въ теченіе 5 лѣтъ 1896—1900 гг. открылось вновь не болѣе 8 земскихъ школъ; почти такое же число (7) было открыто въ уѣздѣ школъ церковно-приходскихъ.

Подольское земство въ первые два года послѣ составленія губернскаго проекта стремилось осуществить намѣченную сѣть, не измѣняя существовавшую организацію школьнаго дѣла, т.-е. при условіи постройки школъ и хозяйственнаго ихъ содержанія на средства сельскихъ обществъ. Уѣздная управа указывала сельскимъ обществамъ на выгодность устройства школъ по губернскому проекту и предлагала имъ составлять приговоры объ открытіи новыхъ училищъ; въ случаѣ нежеланія открывать школу, общества должны были также составлять соотвѣтствующій приговоръ. Управа просила земскихъ начальниковъ, земскихъ врачей и земскаго страхового агента при разъѣздахъ по селеніямъ входить въ ближайшіе пере-

говоры съ крестьянами объ открытіи школъ и вообще оказать свое вліяніе на скорѣйшее составленіе приговоровъ. Въ результатѣ такого энергичнаго воздѣйствія на сельскія общества, ко времени очередного уѣзднаго собранія 1897 г. поступили приговоры сельскихъ обществъ объ открытіи новыхъ школъ въ 14 пунктахъ. Селенія остальныхъ 10 школьныхъ районовъ не согласились участвовать въ расходахъ по устройству новыхъ школъ. Этотъ отказъ уѣздная управа объясняетъ недостатками составленной губернскимъ земствомъ сѣти школъ: въ неудобномъ составленіи школьныхъ районовъ и въ невѣрномъ назначеніи пунктовъ для открытія новыхъ школъ. Но уѣздная управа полагала, что съ теченіемъ времени указанныя препятствія устранятся путемъ ближайшихъ переговоровъ съ крестьянами и съ измѣненіемъ по мѣстнымъ удобствамъ школьныхъ районовъ и пунктовъ для устройства школъ. Препятствія для открытія новыхъ школъ оказались въ дѣйствительности болѣе устойчивыми, нежели полагала подольская управа: изъ 14 намѣченныхъ въ 1898 г. открылось только 7 школъ. Остальныя 7 училищъ «не могли быть открыты за неимѣніемъ сколько-нибудь соотвѣтствующихъ помѣщеній и за неимѣніемъ средствъ на постройку собственныхъ зданій, такъ какъ имѣющихъ быть отпущенными губернскимъ земствомъ пособій и ссудъ на постройку, далеко не достаточно для постройки училищныхъ зданій». Отмѣченный недостатокъ губернской сѣти и невозможность для крестьянъ построить школы при существующемъ размѣрѣ пособія и ссудъ губернскаго земства побудили подольское земство въ 1899 г. разработать сѣть школъ и финансовый планъ постройки зданій для нихъ. Подольское земство совершенно не сочувствовало устройству школъ двухъ разрядовъ и поэтому поставило себѣ цѣлью осуществить общедоступность начальнаго образованія устройствомъ достаточнаго числа школъ исключительно полноправныхъ. По выработанной сѣти въ Подольскомъ уѣздѣ надлежало открыть въ дополненіе къ существующимъ 52 земскимъ школамъ еще 10 училищъ. На постройку зданій требовалось 30,000 р. (по 3,000 р. на каждую школу). Въ счетъ этой суммы подольское земство предполагало получить отъ губернскаго земства 24,000 р. на слѣдующихъ условіяхъ: 10,000 въ ссуду сельскимъ обществамъ на 10 лѣтъ за поручительствомъ уѣзднаго земства, 5,000 р.—въ видѣ безвозвратнаго пособія, 9,000 р.—уѣздное земство принимало на свой счетъ и просило эту сумму у губернскаго земства въ ссуду на 10 лѣтъ. Остальные 6,000 р. предполагалось получить въ видѣ денежныхъ пожертвованій и въ видѣ безплатнаго отпуска лѣса изъ казенныхъ дачъ на постройку школъ. Названныя предположенія признавались земствомъ вполнѣ осуществимыми. Предполагалось построить всѣ зданія въ 1900 г. и открыть въ нихъ ученіе дѣтей съ сентября того же года, чтобы такимъ образомъ въ началѣ XX столѣтія дѣтямъ всего населенія дана была возможность обучаться въ школахъ.

Ходатайство о ссудахъ и пособіи было удовлетворено губернскимъ собраніемъ, но подольское земство ими не воспользовалось и вообще приве-

денный проектъ остался невыполнимымъ. Въ 1899 г. открылась только одна школа. По этому поводу уѣздная управа доложила очередному подольскому собранію 1900 г., что «дѣйствительность далеко не совпала съ желаніями и намѣреніями собранія, подчеркнувъ лишній разъ ту сложную зависимость отъ цѣлой совокупности разныхъ явленій, въ которую поставлено осуществленіе благихъ начинаній земства въ этой области». Главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію проекта оказалась невозможность получить 6,000 р. въ видѣ пособій отъ сельскихъ обществъ и лицъ. Очередное собраніе 1900 г. рѣшило построить школы въ теченіе двухъ лѣтъ 1901—1902 гг. и просило губернское земство отпустить въ видѣ пособій и ссудъ на постройку 6 школъ очереди 1901 г. 18,000 р., но губернское собраніе (въ экстренную сессію 1901 г.) рѣшило выдать только 11,200 р., т.-е. менѣе на 6,800 р. По этому поводу въ докладѣ очередному собранію 1901 г. подольская уѣздная управа говоритъ, что упомянутымъ постановленіемъ губернскаго земства, она «была поставлена въ необходимость или остановиться постройкой школъ, или же, отказавшись совершенно отъ полученія въ 1901 г. ссуды и пособія, ассигнованныхъ губернскимъ собраніемъ въ 1900 г., выработать новый финансовый планъ постройки школъ». Подольская управа предпочла послѣднее и представила уѣздному собранію 1901 г. новыя соображенія объ осуществленіи общедоступности начальнаго образованія. Управа предложила устроить въ теченіе 2 лѣтъ 1902—1903 гг. 15 новыхъ училищъ. Необходимые для постройки 15 зданій 45,000 руб. испросить у губернскаго земства: 15,000 р. въ видѣ ссуды сельскимъ обществамъ, 6,500 р.—въ видѣ безвозвратнаго пособія, 20,500 р.—уѣздное земство принимаетъ на себя и проситъ выдать въ видѣ 4% займа также изъ средствъ губернскаго земства, остальные 3,000 р. имѣются у подольскаго земства въ видѣ % съ капитала Морозовой. Намѣченная сѣть школъ одобрена подольскимъ уѣзднымъ собраніемъ въ осеннюю сессію 1901 г.; собраніе согласилось также и съ финансовымъ проектомъ осуществленія сѣти.

Послѣдній проектъ подольскаго земства представлялся болѣе устойчивымъ, чѣмъ проектъ 1899 г.: въ немъ не встрѣчается уже суммъ, «ожидаемыхъ отъ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ». Останавливаетъ на себѣ вниманіе также то крупное матеріальное участіе, которое рѣшило принять подольское земство въ постройкѣ школъ. Ходатайство подольскаго земства о выдачѣ ссудъ и пособій губернскимъ собраніемъ очередной сессіи 1901 г. удовлетворено.

Въ настоящее время Подольскій уѣздъ можно признать въ числѣ дѣйствительно близкихъ къ осуществленію общедоступности начальнаго образованія, если не встрѣтится возраженій со стороны сельскихъ обществъ противъ расходовъ по содержанію училищъ.

Обратимся теперь къ остальнымъ 8 уѣздамъ Московской губерніи, которые причислялись въ 1900 г. губернской управой къ разряду осуществившихъ общедоступность начальнаго образованія. Уѣзды эти слѣдую-

щіе: Московскій, Коломенскій, Серпуховской, Бронницкій, Дмитровскій, Звенигородскій, Рузскій и Верейскій. Первые четыре уѣзда относятся къ группѣ состоятельныхъ и губернскимъ пособіемъ на содержаніе школъ не пользуются; послѣдніе четыре—осуществили сѣть школъ при крупномъ участіи губернскаго земства, получая на содержаніе вновь открытыхъ школъ 80% общей земской ассигновки на нихъ. Осуществленіе сѣти школъ въ упомянутыхъ уѣздахъ совершилось при весьма различныхъ условіяхъ: одни уѣзды, повидимому, легко справились съ задачей; для другихъ—потребовалось значительное напряженіе платежныхъ средствъ населенія и выдающаяся энергія со стороны земства для выработки сѣти и финансоваго плана. Въ виду этого намъ придется прослѣдить ходъ развитія школьнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ въ отдѣльности.

Московскій уѣздъ по организаціи начальнаго образованія существенно отличается отъ прочихъ уѣздовъ губерніи: въ немъ земскія школы содержатся полностію на средства земства, не исключая найма и постройки зданій для училищъ; со стороны сельскихъ общинъ требуется только отвести участокъ земли для постройки школы. Такимъ образомъ московскому уѣздному земству не пришлось считаться съ тѣми препятствіями, съ которыми сталкивается земство прочихъ уѣздовъ. Затѣмъ московское уѣздное земство, по сравненію съ другими, располагаетъ значительнымъ бюджетомъ, который, вслѣдствіе естественнаго роста предметовъ обложенія, очень быстро возрастаетъ. Мысль о необходимости открытія такого числа школъ, чтобы все населеніе могло обучаться грамотѣ, возникла въ Московскомъ уѣздѣ очень давно, именно въ первые моменты его дѣятельности въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ того времени неоднократно составлялась и пересматривалась уѣздная сѣть школъ. Въ 1894 г. одновременно съ разработкою губернскимъ земствомъ сѣти для всей губерніи уѣздная управа составила свою сѣть, которая и была утверждена собраніемъ. Въ 1896 году, уже послѣ окончательнаго утвержденія губернскаго проекта, уѣздное земство вновь самостоятельно составило сѣть школъ, по которой для общедоступности начальнаго образованія требовалось открыть 26 училищъ, т.-е. на 7 болѣе противъ губернской сѣти. Всѣ означенныя школы и были открыты въ Московскомъ уѣздѣ въ 1897 году въ ознаменованіе священнаго коронованія. Опытъ одного года однако показалъ, что для дѣйствительной общедоступности начальнаго образованія необходимо открыть еще значительное число училищъ. Уѣздное земство быстрыми шагами пошло навстрѣчу этой потребности и открыло вновь: въ 1898 г. 5 училищъ и въ 1899 г. — 10 училищъ. Въ настоящее время число земскихъ школъ въ Московскомъ уѣздѣ возросло до 116, т.-е. на 25 школъ болѣе противъ губернской сѣти. Такимъ образомъ московское уѣздное земство самостоятельно осуществило общедоступность начальнаго образованія; губернскій проектъ на дѣятельность уѣзднаго земства не оказалъ въ сущности никакого вліянія. Необходимо однако замѣтить, что въ организаціи школьнаго дѣла въ Московскомъ уѣздѣ существуетъ крупный недостатокъ, за-

ключающійся въ томъ, что половина земскихъ школъ не имѣетъ собственныхъ зданій, а находится въ наемныхъ помѣщеніяхъ.

Въ Коломенскомъ уѣздѣ, для осуществленія общедоступности начальнаго образованія по губернской сѣти, требовалось открыть вновь 13 училищъ и довести общее ихъ число до 61. Уѣздная управа совмѣстно съ училищнымъ совѣтомъ пересмотрѣла губернскую сѣть и нашла необходимымъ добавить въ ней еще 2 школы. Въ виду отказа трехъ селеній отъ устройства въ нихъ школъ, уѣздное собраніе постановило открывать школы въ такихъ районахъ, гдѣ число дѣтей, могущихъ быть принятыми въ школу, будетъ не менѣе 20. Новыя школы въ Коломенскомъ уѣздѣ открывались постепенно. Въ 1899 г. коломенская управа доложила очередному собранію, что намѣченная земскимъ собраніемъ нормальная школьная сѣть съ 3-верстнымъ радіусомъ закончена, и народонаселеніе уѣзда получило возможность давать всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста начальное образованіе. При открытіи новыхъ школъ коломенское уѣздное земство также встрѣтилось съ затрудненіемъ крестьянскихъ обществъ принять содержаніе школъ на свой счетъ и построить зданія при помощи одного пособія и ссуды отъ губернскаго земства. По отношенію къ содержанію школъ уѣздное земство не стало придерживаться губернскаго проекта и приняло хозяйственные расходы 10 школъ полностью на средства земства; въ хозяйственномъ содержаніи остальныхъ школъ уѣздное земство также принимаетъ участіе, на что въ уѣздную смѣту ежегодно вносится до 3,000 руб. Главнѣйшее затрудненіе встрѣтилось въ постройкѣ зданій для школъ. Крестьянскія общества Коломенскаго уѣзда часто оказывались не въ состояніи построить зданіе, такъ какъ ссуда отъ губернскаго земства совершенно не соотвѣтствуетъ стоимости постройки школьныхъ зданій. Это обстоятельство побудило коломенское земство возбудить въ 1897 г. въ губернскомъ собраніи чрезвычайно важный для всѣхъ уѣздовъ вопросъ объ увеличеніи губернской ссуды на постройку школьныхъ зданій вдвое. Это ходатайство, несмотря на сильный протестъ губернской управы, было принято губернскимъ собраніемъ. Со времени означеннаго постановленія коломенское земство (наравнѣ съ другими уѣздами) могло получать ссуду на постройку школьныхъ зданій въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Зданіе на 40— 60 учениковъ	. . . .	1,000 руб.
» » 61— 80 »	. . . .	1,500 »
» » 81—100 »	. . . .	2,000 »
» » 101—150 »	. . . .	2,500 »

И при такомъ значительномъ увеличеніи ссуды нѣкоторыя крестьянскія общества все же не въ состояніи были построить зданіе для школы. Поэтому коломенское земство признало необходимымъ оказывать крестьянамъ помощь изъ уѣздныхъ средствъ; размѣръ уѣзднаго пособія равняется обыкновенно 500 р. на школу, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отпускаются и болѣе крупныя суммы. Такъ, послѣднимъ очереднымъ уѣзднымъ собраніемъ 1901 г.

поручено уѣздной управѣ взять на себя постройку вновь двухъ школъ, на что въ дополненіе къ имѣющей быть выданной губернской ссудѣ ассигновано изъ уѣздныхъ средствъ 3,000 р.

Слѣдовательно и въ Коломенскомъ уѣздѣ общедоступность начальнаго образованія достигнута, благодаря живому участію уѣзднаго земства и внимательному его отношенію къ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ крестьянскаго населенія.

Придерживаясь губернскаго финансоваго проекта, коломенское земство, разумѣется, не могло бы въ такой короткій срокъ осуществить школьную сѣть.

Серпуховской уѣздъ относится губернскою управой къ числу осуществившихъ общедоступность начальнаго образованія. Между тѣмъ въ дѣйствительности серпуховское земство еще далеко не выполнило губернскую школьную сѣть. По этой сѣти въ Серпуховскомъ уѣздѣ надлежало открыть 11 новыхъ училищъ, но серпуховское земство до 1900—1901 г. открыло только 5 школъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ докладѣ очередному собранію 1889 г. говорится, что для осуществленія общедоступности начальнаго образованія требуется еще только одна школа. Остальныя школы серпуховское земство не находитъ необходимымъ открывать, повидимому, потому, что во многихъ селеніяхъ въ настоящее время открыты уже церковно-приходскія школы, устройство которыхъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ послѣдніе годы подвигается очень быстро. Дѣйствительно, въ то время какъ земство открыло только 5 училищъ, духовное вѣдомство устроило 8 школъ. Во всякомъ случаѣ съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ осуществлена общедоступность начальнаго образованія въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ настоящее время не представляется возможнымъ. Это можетъ быть выяснено только путемъ мѣстнаго изслѣдованія районовъ существующихъ земскихъ (63) и церковно-приходскихъ школъ въ уѣздѣ (32).

Бронницкое уѣздное земство еще въ 1896 г. обратилось къ сельскимъ обществамъ съ предложеніемъ о скорѣйшемъ составленіи приговоровъ объ открытіи новыхъ училищъ, намѣченныхъ по губернской сѣти. Полученные отъ сельскихъ обществъ отвѣты привели уѣздную управу къ заключенію, что губернская сѣть училищъ по Бронницкому уѣзду не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности въ размѣщеніи школъ. Изъ 8 училищъ, объ открытіи которыхъ ходатайствовали сельскія общества въ 1897 г., лишь два соотвѣтствовали намѣченнымъ сѣтью пунктамъ, а остальныя 6 или образовывали совершенно новые школьные районы, или же измѣняли ихъ центры. «Это обстоятельство,—говоритъ уѣздная управа,—указываетъ, что чисто-географическое распредѣленіе школъ, въ связи даже съ численностью населенія, не отвѣчаетъ бытовымъ мѣстнымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ приходится считаться не только съ тѣмъ, насколько удобна школа по своему положенію и по стоимости содержанія, но и съ тѣмъ, насколько удобно соединеніе тѣхъ или другихъ селеній въ группу, образующую школьный районъ. (Послѣднее обстоятельство при составленіи

губернской сѣти не было принято во вниманіе.) По этимъ соображеніямъ уѣздная управа находила стѣснительнымъ постановленіе губернскаго собранія, чтобы всякое измѣненіе района губернской сѣти разрѣшалось уѣзднымъ и губернскимъ собраніемъ; для быстроты дѣла уѣздная управа признавала крайне желательнымъ, чтобы подобные случаи разрѣшались уѣздной управой по соглашенію съ губернской. Къ этому мнѣнію присоединилось и уѣздное собраніе. Особаго постановленія губернскаго собранія по настоящему предмету не состоялось, но губернская управа, послѣ указаній бронницкаго и другихъ земствъ на слишкомъ теоретическое построеніе губернской школьной сѣти, съ особенною силой подчеркнула въ своемъ докладѣ (1897 г.), что выработанная ею сѣть является лишь примѣрнымъ планомъ; исходя изъ этого взгляда, губернская управа всегда соглашалась съ тѣми измѣненіями губернской сѣти, которыя вносились въ нее уѣздными земствами. Такимъ образомъ указанное выше препятствіе не могло имѣть существеннаго значенія при открытіи новыхъ училищъ. Болѣе важное препятствіе встрѣтилось при постройкѣ школьныхъ зданій. Бронницкое земство находило, что губернскимъ земствомъ неправильно принятъ однообразный способъ исчисленія размѣра ссудъ и пособій на устройство школьныхъ зданій для всей Московской губерніи, именно число учениковъ даннаго школьнаго района. Для крестьянскихъ обществъ Бронницкаго уѣзда полученіе ссудъ и пособій на основаніи существующихъ правилъ обременительно; вслѣдствіе дороговизны лѣсныхъ строительныхъ матеріаловъ крестьяне должны затрачивать на постройку школъ изъ своихъ средствъ отъ 29% до 51% стоимости зданія, что для нихъ очень отяготительно, если принять еще во вниманіе израсходованіе такой суммы сразу. Для ускоренія постройки школьныхъ зданій бронницкое уѣздное собраніе возбудило въ губернскомъ земствѣ ходатайство о необходимости увеличить размѣръ губернской ссуды и пособія до дѣйствительной стоимости постройки школьнаго зданія, опредѣляемой на основаніи исполнительныхъ смѣтъ. Это ходатайство губернскимъ собраніемъ отклонено, но въ то же время (какъ упоминалось ранѣе) состоялось постановленіе объ увеличеніи размѣра губернской ссуды вдвое для всѣхъ мѣстностей губерніи, чѣмъ въ значительной степени удовлетворена и указанная потребность Бронницкаго уѣзда.

Не менѣе существеннымъ препятствіемъ для открытія новыхъ земскихъ школъ оказался установленный въ Бронницкомъ уѣздѣ особый земскій сборъ съ крестьянскихъ обществъ на содержаніе школъ въ размѣрѣ 108 р. на каждую въ годъ (48 руб. на отопленіе и 60 руб. на наемъ сторожа). Уѣздная управа находила означенный сборъ крайне обременительнымъ для крестьянъ и предложила уѣздному собранію 1897 г. освободить отъ него населеніе, принявъ хозяйственное содержаніе училищъ на общія земскія средства, но уѣздное собраніе отклонило это предложеніе.

Земскія школы въ Бронницкомъ уѣздѣ открывались постепенно. Предусмотрѣнныя губернскою сѣтью 12 училищъ открылись въ теченіе пяти лѣтъ 1896—1900 гг. Въ настоящее время въ уѣздѣ насчитывается 68

земскихъ училищъ. Въ теченіе того же періода времени въ уѣздѣ открылось 11 церковно-приходскихъ школъ (всего въ уѣздѣ 29 церк.-приходск. школъ).

Несмотря, однако, на значительное число вновь открытыхъ училищъ, послѣднія все же не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться; въ уѣздѣ наблюдаются отказы въ пріемѣ въ школу: въ прошломъ 1900—1901 уч. году не принято по недостатку мѣстъ въ земскія школы 226 и въ церковно-приходскія 91 человѣкъ дѣтей обоего пола. Въ четырехъ волостяхъ уѣзда намѣчается настоятельная необходимость въ открытіи новыхъ школъ.

Переходя къ послѣднимъ четыремъ уѣздамъ, осуществившимъ общедоступность начальнаго образованія при субсидіи губернскаго земства въ 80%, приходится прежде всего остановиться на выдающейся энергіи дмитровскаго уѣзднаго земства. Изумительная дѣятельность по составленію сѣти школъ, по привлеченію сельскихъ обществъ, по выработкѣ финансоваго плана для постройки зданій и по содержанію школъ, наконецъ, проведеніе всѣхъ этихъ плановъ въ жизнь ставятъ дмитровское земство въ совершенно исключительное положеніе среди прочихъ земствъ Московской губерніи.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи *въ Дмитровскомъ уѣздѣ* разсматривался въ 1898 году. Очередному уѣздному собранію этого года уѣздная управа представила подробный докладъ «О мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ всему населенію Дмитровскаго уѣзда». Въ этомъ докладѣ разсматриваются недостатки губернскаго проекта и современной финансовой стороны школьнаго дѣла въ уѣздѣ и затѣмъ предлагается новый планъ открытія школъ въ связи съ постройкою для нихъ зданій и хозяйственнымъ содержаніемъ училищъ.

Важнѣйшій недостатокъ губернскаго проекта состоитъ въ томъ, что селенія, состоящія менѣе чѣмъ изъ 120 дворовъ, лишаются права на полученіе ссудъ и пособій для постройки школьныхъ зданій. Этотъ пунктъ правилъ губернскаго земства совершенно не отвѣчаетъ интересамъ школьнаго дѣла. Въ маленькихъ районахъ, по мнѣнію дмитровскаго земства, трудно найти пригодную для школы большую избу, котодая хотя бы отчасти удовлетворяла гигіеническимъ требованіямъ и которая отдавалась бы въ наемъ. Если такая изба и найдется, то стоимость содержанія училища отъ этого понизится незначительно. По разсчету уѣздной управы наемъ помѣщенія для школы и для учителя съ отопленіемъ и сторожею обойдется сельскому обществу не менѣе 150 руб. въ годъ. Кромѣ того, въ первый годъ потребуется еще единовременно 125 руб. на устройство классной мебели и на приспособленіе зданія подъ школу. Далѣе, дмитровское земство считаетъ несправедливымъ, чтобы дѣти малонаселенныхъ районовъ находились въ худшихъ гигіеническихъ условіяхъ, чѣмъ дѣти крестьянъ крупныхъ районовъ. Это является непослѣдовательнымъ и для самого земства, которое такъ много заботится объ улучшеніи санитарнаго положенія губер-

ніи, затрачивая на этотъ предметъ значительныя средства. По означеннымъ соображеніямъ дмитровское земство высказалось за распространеніе правилъ о ссудахъ и пособіяхъ на постройку школьныхъ зданій и на малонаселенные школьные районы.

Современная финансовая сторона постановки школьнаго дѣла въ уѣздѣ была признана дмитровскимъ земствомъ также неудовлетворительной. Однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ въ способѣ содержанія школъ является то обстоятельство, что та часть расходовъ на содержаніе школы, которая возмѣщается сельскими обществами непосредственно, падаетъ не на какую-либо опредѣленную единицу, а на случайный подборъ тѣхъ или иныхъ селеній. Земская школа, — говоритъ уѣздная управа, — не пріурочена къ какой-либо общественно-административной единицѣ, какъ, напримѣръ, сельскому обществу, приходу, волости и т. д. и потому является плодомъ случайнаго согласія сосѣднихъ деревень, причемъ «большинство» въ подобныхъ соглашеніяхъ законнаго права надъ «меньшинствомъ» не имѣетъ. Результатомъ такого положенія дѣла нерѣдко бываетъ то, что отдѣльныя селенія, пожелавшія участвовать въ расходахъ по постройкѣ и содержанію школы, въ дальнѣйшемъ отказываются отъ такого участія и тѣмъ болѣе дѣлаютъ обременительными расходы по содержанію школы, падающіе на каждое изъ остальныхъ селеній.

Разсмотрѣвъ губернскій проектъ и современное положеніе школьнаго дѣла, дмитровское земство пришло къ заключенію, что для осуществленія общедоступности начальнаго обученія въ Дмитровскомъ уѣздѣ необходимо принять слѣдующія мѣры: слѣдуетъ дать возможность обществамъ построить школьныя зданія безъ единовременной крупной затраты; слѣдуетъ помочь обществамъ въ извѣстной долѣ нести ежегодные расходы по содержанію училищъ, подъ условіемъ принятія выработанныхъ земствомъ нормъ для расходовъ этой категоріи; по возможности уравнять по уѣзду школьную денежную повинность; способствовать разными льготами, чтобы вопросы по возникновенію новыхъ училищъ, а равно дѣла по содержанію всѣхъ училищъ, были бы переданы въ вѣдѣніе какой-либо закономъ установленной общественно-административной единицы, напр., волости. Управа остановилась на волости по слѣдующимъ соображеніямъ: волость, какъ болѣе крупная единица, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько школьныхъ районовъ, а потому имѣетъ возможность болѣе или менѣе уравнять денежную повинность отдѣльныхъ районовъ; волость, обложивши разъ все свое населеніе на содержаніе существующихъ училищъ, тѣмъ самымъ поощритъ мѣстности, лишенныя училищъ, къ ходатайству объ открытіи у нихъ таковыхъ; волостной сходъ болѣе упорядоченъ, составъ его болѣе способенъ къ безпристрастному обсужденію дѣлъ; на волостномъ сходѣ всѣ сходчики—уже въ зрѣломъ возрастѣ и почти всѣ грамотные, и потому болѣе сознающіе потребность училищъ.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, дмитровское земство предположило выполнить сразу всю школьную сѣть, для чего и составило планъ

открытія недостающихъ школъ и обезпеченія училищъ (имѣющихъ открыться, а также и существующихъ). По этому плану волости должны взять на свои средства постройку и содержаніе училищъ своей волости на слѣдующихъ условіяхъ: уѣздное земство, въ случаѣ желанія волости открыть новое училище, выдаетъ ей на то средства въ размѣрѣ полной стоимости училищнаго зданія, изъ коихъ 500 руб. пособіемъ, на основаніи правилъ губернскаго земства, половину недостающей суммы до полной стоимости,—пособіемъ отъ уѣзднаго и другую половину недостающей суммы,—въ ссуду на 10 лѣтъ безъ процентовъ. Стоимость постройки новаго школьнаго зданія земство опредѣлило въ 3,000 руб. Кромѣ того, волость обязана на каждое земское училище какъ вновь открываемое, такъ и на существующее, ассигновать на содержаніе по 100 руб. ежегодно; такой же расходъ принимаетъ на себя и уѣздное земство. Уплату неуплаченныхъ понынѣ ссудъ, взятыхъ сельскими обществами на постройку школъ, беретъ на себя земство и волость въ равныхъ частяхъ.

Съ этими предположеніями уѣздная управа объѣхала всѣ волости, предварительно назначивъ, съ разрѣшенія и при содѣйствіи земскихъ начальниковъ, волостные сходы. Въ результатѣ сношеній съ волостями оказалось, что только одна изъ нихъ не согласна съ управою; всѣ же остальныя 12 волостей отнеслись къ проекту уѣздной управы очень сочувственно и сдѣлали по этому предмету соотвѣтствующія постановленія.

Для осуществленія общедоступности образованія оказалось необходимымъ открыть вновь 33 училища (на 4 болѣе противъ губернскаго проекта), изъ нихъ 21 полноправныхъ и 12 неполноправныхъ. Выборъ селеній для постройки школъ каждый разъ тщательно обсуждался на волостномъ сходѣ. Измѣненія противъ губернской сѣти въ общемъ оказались незначительныя. На постройку новыхъ зданій для вновь открываемыхъ 33 школъ и для 7 школъ изъ числа существующихъ требовалось 120,000 р.; затѣмъ на капитальное переустройство одного школьнаго зданія—1,500 р., а всего на постройку 41 школы—121,500 р. Въ распоряженіи уѣзднаго земства имѣлись два пожертвованія на постройку школьныхъ зданій въ 6,500 р. Остальные 115,000 р. дмитровское земство просило губернское собраніе отпустить ему на слѣдующихъ условіяхъ: 46,000 руб. въ видѣ пособія (13,500 руб.) и ссуды (32,500 р.) на полноправныя школы на основаніи существующихъ правилъ; 51,000 р.—въ видѣ дополнительной ссуды на 10 лѣтъ безъ процентовъ, а въ случаѣ невозможности—съ уплатою по 4%; дмитровское земство ходатайствовало (какъ и клинское) о распространеніи правилъ на 12 неполноправныхъ школъ и о выдачѣ на постройку зданій для нихъ 12,000 руб. (6,000 р. пособія и 12,000 р. въ ссуду). Губернское собраніе удовлетворило ходатайство о выдачѣ 97,000 р. на постройку полноправныхъ школъ; но не признало возможнымъ распространить правила о ссудахъ и пособіяхъ на школы неполноправныя. Рѣшительно отклонивъ поэтому выдачу пособія въ 6,000 р. на 12 неполноправныхъ школъ, губернское собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ постановило от-

пустить дмитровскому земству просимую имъ ссуду въ 12,000 руб. на школы 2 разряда изъ запаснаго капитала на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ губернскимъ собраніемъ въ 1898 году.

Дмитровское земство воспользовалось названными ссудами и осуществило въ 1899 г. свой планъ общедоступности начальнаго образованія. Въ одинъ этотъ годъ устроены всѣ 33 школы, общее число которыхъ въ 1899—1900 уч. году возросло съ 54 до 87. При открытіи новыхъ школъ уѣздное земство, повидимому, снова встрѣтилось съ вопросомъ о содержаніи училищъ при участіи волостей. По изложенному выше уѣздному проекту хозяйственное содержаніе школъ распредѣлялось поровну между волостями и уѣзднымъ земствомъ, причемъ каждая сторона обязывалась вносить на этотъ предметъ по 100 р. въ годъ на школу. На очередномъ собраніи 1899 г. дмитровское земство, съ цѣлью скорѣйшаго осуществленія общедоступности образованія, постановило принять содержаніе школъ полностію на общія земскія средства, совершенно освободивъ отъ этого крестьянскія общества.

Осуществленіе проекта общедоступности обученія въ такой короткій срокъ потребовало значительнаго напряженія платежныхъ средствъ. Уѣздное собраніе повысило процентъ обложенія земель на 1900 г. съ 12,5% до 16%. Это повышеніе было опротестовано губернаторомъ, который находилъ, что на обязанности уѣзднаго земства слѣдуетъ оставить только половину расходовъ по содержанію школъ, какъ постановило собраніе въ 1898 г., а другая половина этихъ расходовъ (свыше 13,000 р.) должна оставаться попрежнему на обязанности сельскихъ обществъ, такъ какъ невозможность оставить расходы на крестьянахъ земствомъ фактически не подкрѣплена. Протестъ губернатора былъ внесенъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія, которое согласилось, что единовременное повышеніе процентнаго обложенія до 16% нежелательно и отчасти обременительно для населенія, и постановило: вопросъ объ исчисленіи новаго процента обложенія и объ исключеніи изъ смѣты тѣхъ или другихъ расходовъ передать на разсмотрѣніе дмитровскаго уѣзднаго собранія. Изъ смѣты на 1901 г. видно, что процентъ обложенія земель былъ пониженъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ до 14%, но расходы по хозяйственному содержанію оставлены на обязанности уѣзднаго земства полностію по 200 р. на каждую школу.

Закончивъ осуществленіе школьной сѣти, дмитровское земство не остановило своей дѣятельности и продолжаетъ развивать училищное дѣло: изъ смѣты на 1902 годъ видно, что земствомъ предположено въ будущемъ году открыть еще 2 школы. Располагая теперь значительнымъ числомъ своихъ школъ, дмитровское земство оказываетъ помощь и церковно-приходскимъ школамъ выдачею имъ ежегоднаго пособія около 1,200 руб.

Звенигородское земство энергично принялось за выполненіе школьной сѣти и въ 1897—98 гг. открыло 10 новыхъ училищъ. Дальнѣйшее открытіе школъ нѣсколько замедлилось по тѣмъ же причинамъ, которыя наблюдались и въ другихъ уѣздахъ: недостаточность пособія и ссуды на по-

стройку школьныхъ зданій и отказы крестьянскихъ обществъ принять хозяйственное содержаніе училищъ на свой счетъ. На запросъ губернской управы о срокѣ введенія общедоступности обученія, звенигородская управа сообщила въ 1898 году, что она принимала «всѣ зависящія отъ нея мѣры къ побужденію крестьянъ намѣченныхъ районовъ открыть у себя необходимыя школы, и не разъ производила мѣстныя изслѣдованія о томъ, какія причины препятствуютъ этому открытію». Изслѣдованія привели управу къ заключенію, что единственнымъ препятствіемъ къ открытію школъ служитъ недостаточность матеріальныхъ средствъ у крестьянскихъ обществъ. Крестьяне признаютъ необходимость намѣченныхъ школъ, вполнѣ соглашаются съ тѣмъ, что школы должны быть учреждены въ намѣченныхъ центрахъ и очень бы желали, чтобы школы были выстроены, но положительно не находятъ возможнымъ ни принять на себя обязательство по уплатѣ ссуды губернскому земству, ни прибавить что-либо отъ себя къ ссудѣ и пособію. Для устраненія одного изъ упомянутыхъ препятствій звенигородское земство въ экстренную сессію 1899 г. постановило освободить сельскія общества отъ хозяйственнаго содержанія училищъ и принять расходы на этотъ предметъ на средства уѣзднаго земства. Эта мѣра, несомнѣнно, очень благопріятно повліяла на дальнѣйшее открытіе новыхъ училищъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что звенигородское земство возбудило въ 1898 году въ губернскомъ собраніи чрезвычайно важный для всѣхъ уѣздовъ вопросъ объ открытіи на будущее время лишь однѣхъ полноправныхъ школъ. Мотивомъ къ такому ходатайству звенигородскому земству послужило то соображеніе, что положенный губернскимъ земствомъ признакъ для дѣленія школъ на полноправныя и неполноправныя—нахожденіе въ районѣ открывающейся школы болѣе или менѣе 120 дворовъ—въ значительной мѣрѣ шатокъ, и нерѣдко въ районахъ, отнесенныхъ къ числу неполноправныхъ, количество учениковъ, вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ причинъ, превышаетъ 40. На постройку зданія для неполноправныхъ школъ губернское земство пособій и ссудъ не выдаетъ, между тѣмъ, бѣднонаселеннымъ районамъ гораздо труднѣе безъ пособія построить и содержать школы; затѣмъ, учителя, получая меньшее содержаніе, не соглашаются служить въ неполноправныхъ школахъ *). Губернское собраніе въ то время отклонило ходатайство о распространеніи правилъ о пособіяхъ и ссудахъ на неполноправныя школы, но въ 1901 г. этотъ вопросъ разрѣшенъ губернскимъ собраніемъ въ положительномъ смыслѣ. Что же касается содержанія учительскаго персонала въ школахъ 2 разряда, то ограниченія въ содержаніи школъ 2 разряда, установленныя проектомъ 1896 г. также отмѣнены, и всѣ земскія школы по условію открытія и содержанія ихъ считаются въ настоящее время полноправными. Такимъ образомъ,

*) Такія же соображенія по поводу неполноправныхъ школъ высказывались и другими уѣздными земствами, но опредѣленное ходатайство въ губернское собраніе поступило только отъ звенигородскаго земства.

благодаря ходатайству звенигородскаго земства, былъ устраненъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ губернскаго проекта. Установленіе одного типа земскихъ школъ, несомнѣнно, благопріятно повліяетъ на открытіе новыхъ школъ во всѣхъ уѣздахъ Московской губерніи и улучшитъ постановку учебнаго дѣла.

Звенигородское земство, какъ и земства другихъ уѣздовъ, не придерживалось въ точности сѣти школъ 1896 г.; въ сѣти произведены по соглашенію съ губернской управой значительныя измѣненія; число школьныхъ районовъ увеличено на два. Въ 1899—1900 учебн. году звенигородское земство открыло 4 новыхъ училища, общее число которыхъ достигло 56, т.-е. нормы, установленной губернскимъ земствомъ въ 1896 г.

Рузскому уѣздному земству предстояло открыть для осуществленія общедоступности начальнаго образованія въ Рузскомъ уѣздѣ 18 школъ (5 полноправныхъ и 13 неполноправныхъ). Осуществить школьную сѣть рузское земство признало возможнымъ, придерживаясь губернскаго проекта и не прибѣгая къ какимъ-либо экстреннымъ мѣрамъ. Уѣздная управа ограничилась письменнымъ обращеніемъ къ сельскимъ обществамъ съ предложеніемъ возбуждать ходатайства объ открытіи школъ и командировкою членовъ управы въ уѣздъ для личнаго убѣжденія крестьянъ. Со стороны уѣзднаго земства дѣлались лишь частичныя возраженія противъ школьныхъ районовъ и пунктовъ школьной сѣти, съ чѣмъ соглашалась и губернская управа. Частичныя измѣненія сѣти привели уѣздную управу къ заключенію, что для осуществленія общедоступности обученія достаточно открыть не 18, а лишь 14 новыхъ школъ, которыя и были открыты земствомъ постепенно въ теченіе пяти лѣтъ 1896—1900 гг. Въ докладѣ очередному собранію 1901 г. управа говоритъ: «выработанная губернскимъ земствомъ въ 1896 году училищная сѣть по Рузскому уѣзду должна считаться выполненною, такъ какъ всѣ селенія трехверстнаго района, за самыми ничтожными исключеніями, школами уже обезпечены. Поэтому уѣздная управа съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ фактъ осуществленія въ Рузскомъ уѣздѣ общедоступности начальнаго народнаго образованія». Заявленіе управы вызвало возраженіе со стороны гласныхъ, находившихъ, что общедоступность образованія фактически не осуществлена: школы переполнены и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были приняты не всѣ дѣти, желавшія учиться. Трехверстный радіусъ великъ, онъ затрудняетъ посѣщеніе школъ; на это управа отвѣтила, что она охотно пойдетъ навстрѣчу уменьшенію трехверстнаго радіуса, но пока она въ правѣ заявить о достиженіи общедоступности образованія, хотя скорѣе теоретически, въ смыслѣ заполненія губернской сѣти 1896 г. На указаніе, что противъ сѣти 1896 г. въ уѣздѣ недостаетъ еще 4 земскихъ школъ, управа отвѣтила, что открытіе этихъ школъ желательно въ ближайшемъ будущемъ, но въ настоящее время упомянутые 4 пункта до нѣкоторой степени обслуживаются сосѣдними земскими и церковно-приходскими школами. Въ заключеніе преній относительно общедоступности образованія рузское уѣздное собраніе 1901 г. поручило управѣ

разработать вопросъ о пересмотрѣ школьной сѣти вмѣстѣ съ училищнымъ совѣтомъ и свои соображенія представить губернскому земскому собранію.

Чтобы закончить обзоръ дѣятельности уѣздныхъ земствъ Московской губерніи по осуществленію общедоступности начальнаго образованія, остается ознакомиться съ положеніемъ даннаго вопроса въ Верейскомъ уѣздѣ. Въ моментъ составленія губернской сѣти въ *Верейскомъ уѣздѣ* существовало 35 земскихъ училищъ, для общедоступности требовалось открыть еще 12 школъ (4 полноправныхъ и 8—2-го разряда). При устройствѣ новыхъ школъ верейское земство также встрѣтилось съ нежеланіемъ крестьянъ принять хозяйственное содержаніе школъ на свои средства и построить при помощи пособій и ссуды губернскаго земства школьныя зданія. Изъ всѣхъ 12 школьныхъ районовъ въ 1897 году выразилъ согласіе открыть школу на существующихъ условіяхъ только одинъ районъ, а остальные 11 районовъ отказались. Несмотря однако на отказъ крестьянскихъ обществъ, уѣздное собраніе въ томъ же 1897 году постановило осуществить намѣченную сѣть въ теченіе 5 лѣтъ 1897—1902 гг. Этотъ планъ дѣйствительно осуществленъ: въ настоящее время въ уѣздѣ 46 земск. школъ, и состоялось постановленіе (въ октябрѣ 1901 г.) объ открытіи въ будущемъ учебномъ году еще 3 новыхъ училищъ; всего въ 1902 году будетъ 49 училищъ, т.-е. на 3 болѣе противъ губернскаго проекта. Относительно открытія новыхъ училищъ верейское земство сообщило въ 1898 году губернскому собранію, что важнѣйшимъ затрудненіемъ въ дѣлѣ достиженія общедоступности обученія въ Верейскомъ уѣздѣ является недостатокъ земскихъ средствъ. Ассигновка на открытіе новыхъ школъ, говоритъ уѣздная управа, хотя и незначительна, такъ какъ большая часть расходовъ относится на средства губернскаго земства, но, съ другой стороны, для уѣзднаго земства является необходимымъ принимать на себя также и расходы по приспособленію школьныхъ и учительскихъ помѣщеній; крестьянскія общества неохотно принимаютъ на себя эти расходы и многимъ изъ нихъ они непосильны.

Изъ этого видно, что верейское земство въ силу необходимости отступило отъ губернскаго проекта, принявъ на себя часть расходовъ, которые по проекту должны лежать на сельскихъ обществахъ.

Постройка собственныхъ школьныхъ зданій, при пособіи губернскаго земства, совершенно непосильна крестьянскимъ обществамъ Верейскаго у., такъ такъ нормальная стоимость зданія составляетъ слишкомъ 3,000 руб. Ни одно сельское общество не пожелало построить зданіе для школы при пособіи и ссудѣ отъ губернскаго земства. Поэтому школы въ Верейскомъ уѣздѣ открывались въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Принять же на себя постройку школьныхъ зданій при помощи займа, какъ это было сдѣлано клинскимъ и дмитровскимъ земствомъ, верейское земство не нашло возможнымъ, вѣроятно, за недостаткомъ средствъ. Верейское собраніе въ 1898 году признало, что выполненіе нормальныхъ плановъ постройки школьныхъ зданій слишкомъ обременительно для уѣзднаго земства и крестьян-

скихъ обществъ, почему желательно упрощеніе плановъ съ цѣлью удешевленія построекъ. Этотъ вопросъ, насколько извѣстно, движенія въ губернскомъ земствѣ не получилъ и остается до сего времени открытымъ, между тѣмъ для Верейскаго уѣзда онъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ въ немъ почти половина (20) земскихъ школъ помѣщается въ наемныхъ зданіяхъ.

Изъ сдѣланнаго выше поуѣзднаго обзора вытекаетъ, что проектъ московскаго губернскаго земства о введеніи всеобщаго обученія въ примѣненіи на практикѣ оказался не вполнѣ удовлетворительнымъ. Уѣздныя земства, за немногими исключеніями, признали невозможнымъ осуществить общедоступность обученія по губернскому проекту и должны были или значительно измѣнить его, или выработать свой планъ открытія школъ на совершенно другихъ условіяхъ.

Главнѣйшій недостатокъ губернскаго проекта заключается въ его неполнотѣ. Въ центрѣ проекта поставлено участіе губернскаго и уѣзднаго земства и вопросъ о всеобщемъ обученіи разработанъ только въ связи съ расходами земства. Въ дѣйствительности оказался еще болѣе важный въ данномъ случаѣ третій факторъ—сельскія общества, отъ которыхъ требовались для осуществленія сѣти школъ значительныя денежныя средства; размѣръ матеріальныхъ затратъ крестьянскихъ обществъ при составленіи губернскаго проекта однако вовсе не былъ принятъ во вниманіе. Далѣе, губернское земство имѣло въ виду одни расходы по содержанію школъ и совершенно не затронуло вопроса о постройкѣ школьныхъ зданій. Между тѣмъ въ Московской губерніи открытіе школы находится въ тѣсной связи съ постройкою для нея зданія; связь эта настолько велика, что вопросъ объ открытіи училища разрѣшается одновременно съ вопросомъ о постройкѣ зданія и часто недостатокъ средствъ на постройку отлагаетъ открытіе школы на неопредѣленное время. По этому поводу въ губернскомъ собраніи высказывалось даже мнѣніе, что препятствіе при осуществленіи сѣти состоитъ не въ отсутствіи средствъ на содержаніе школъ, а въ недостаткѣ средствъ на постройку школьныхъ зданій.

Установленное губернскимъ проектомъ раздѣленіе школъ на два разряда (полноправныя и неполноправныя) оказалось совершенно не отвѣчающимъ школьной политикѣ уѣздныхъ земствъ и поэтому почти не имѣло примѣненія: школы открывались преимущественно полноправныя.

Указанія уѣздныхъ земствъ на недостатки губернскаго проекта вызвали значительныя измѣненія послѣдняго. Губернское собраніе измѣнило правила 1894 года о ссудахъ на постройку школьныхъ зданій изъ особаго фонда; кромѣ того были выработаны особыя правила о выдачѣ ссуды на постройку школъ изъ запаснаго капитала. Губернское собраніе (въ январѣ 1900 г.) признало необходимымъ отмѣнить раздѣленіе школъ на два разряда; различіе между школами полноправными и неполноправными было оставлено лишь по отношенію къ выдачѣ ссудъ и пособій на постройку

зданій, но и это ограниченіе отмѣнено очереднымъ губернскимъ собраніемъ 1901 г.

Выработанная губернскимъ земствомъ въ 1896 году школьная сѣть оказалась не вполнѣ отвѣчающей дѣйствительной потребности какъ по числу намѣченныхъ училищъ, такъ и по размѣщенію послѣднихъ по территоріи уѣздовъ. Благодаря теоретическому построенію сѣти, губернское земство не могло настаивать, чтобы новыя школы открывались для тѣхъ селеній, для которыхъ онѣ предназначались по сѣти. Губернское собраніе ежегодно разрѣшало значительныя отступленія отъ сѣти, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени сѣть утратила значеніе даже примѣрнаго плана. Такимъ образомъ естественно выдвинулся вопросъ о пересмотрѣ школьной сѣти.

Сообщая губернскому собранію очередной сессіи 1899 года, что для фактическаго завершенія школьной сѣти предстоитъ устроить около 60 школъ, губернская управа говоритъ: «число это опредѣлено только приблизительно, такъ какъ тѣ измѣненія, которыя были внесены въ школьную сѣть за послѣдніе три года, не позволяютъ опредѣлить это число вполнѣ точно, и вотъ почему губернская управа находитъ своевременнымъ поставить на очередь вопросъ о пересмотрѣ школьной сѣти съ тѣмъ, чтобы представить результаты такого пересмотра слѣдующему очередному губернскому земскому собранію». Это предложеніе собраніемъ было принято. Пересмотръ школьной сѣти законченъ губернскою управой въ 1901 году; составленный новый проектъ переданъ на предварительное обсужденіе уѣздныхъ собраній. Въ окончательномъ видѣ новая сѣть школъ будетъ представлена губернскому собранію въ 1902 году, но главнѣйшіе выводы изъ произведеннаго пересмотра сѣти мы находимъ и въ докладѣ очередному губернскому собранію 1901 года.

Новая сѣть школъ представляетъ положеніе вопроса о всеобщемъ обученіи въ Московской губерніи нѣсколько въ иномъ видѣ, нежели сообщалось до сего времени губернскою управой. Пользуясь данными подворной переписи 1898—99 гг. и свѣдѣніями о размѣщеніи школъ по площади уѣздовъ, губернская управа приходитъ къ заключенію, что для осуществленія общедоступности начальнаго образованія надлежитъ открыть еще 122 школы, на 55 школъ болѣе противъ сѣти 1896 года. Если принять во вниманіе, что въ теченіе 1896—1901 гг. въ Московской губерніи открылось 95 церковно-приходскихъ школъ, то для осуществленія общедоступности обученія требуется по новой сѣти на 150 школъ болѣе, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Проектируемое число новыхъ школъ, по мнѣнію губернской управы, представляетъ собою лишь приблизительный minimum того числа школъ, открытіе которыхъ необходимо для общедоступности начальнаго обученія въ губерніи. На недостаточность предположеннаго числа новыхъ школъ указываютъ и статистическія данныя о населеніи школьнаго возраста и объ учащихся въ начальныхъ школахъ. По даннымъ за 1899—1900 уч. г. во всѣхъ 1,125 сельскихъ училищахъ (земскихъ, церковно-при-

ходскихъ и др.) Московской губерніи было учащихся обоего пола 74,293, а общее число дѣтей трехъ возрастныхъ группъ по переписи 1898—99 гг. равняется 87,708, т.-е. превышаетъ число учащихся на 13,415. Чтобы предоставить мѣсто всѣмъ неучащимся дѣтямъ, требуется не 122 школы, а около 200 земскихъ школъ средняго размѣра (по 70 учащихся на каждую).

Въ заключеніе настоящаго обзора необходимо замѣтить, что, несмотря на недостатки губернскаго проекта 1896 г. о введеніи всеобщаго обученія, Московская губернія въ дѣлѣ народнаго образованія сдѣлала въ послѣдніе пять лѣтъ огромный шагъ впередъ: въ теченіе этого періода число земскихъ школъ возросло съ 591 до 797, а число учащихся обоего пола съ 38,000 до 50,000. Такое значительное развитіе школьнаго дѣла могло совершиться только благодаря энергіи губернскаго и уѣздныхъ земствъ, поставившихъ просвѣщеніе населенія одною изъ важнѣйшихъ задачъ своей дѣятельности. Отмѣченная выдающаяся энергія земства даетъ полное основаніе надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ всеобщее обученіе подрастающаго поколѣнія въ Московской губерніи станетъ дѣйствительно совершившимся фактомъ.

Н. Бычковъ.

Современные французскіе дѣятели *).

II. Вальдекъ-Руссо.

I.

Засѣданіе 18 декабря 1900 г. останется памятнымъ въ лѣтописяхъ французской палаты депутатовъ. Въ продолженіе семнадцати часовъ, съ рѣдкими перерывами, депутаты разсматривали живо интересовавшій общественное мнѣніе законопроектъ объ амнистіи. Желаніе правительства было непремѣнно покончить съ этимъ вопросомъ: наоборотъ, вся цѣль націоналистовъ—помѣшать, даже путемъ обструкціи. Нескончаемый шумъ опускаемыхъ въ тактъ пюпитровъ, звонъ треснувшаго уже разъ предсѣдательскаго колокольчика, тысяча невнятныхъ криковъ наполняли залъ засѣданія и разносились далеко по кулуарамъ палаты. Монархисты начинали вдругъ охриплыми голосами пѣть марсельезу. «Перестаньте, перестаньте!»—кричатъ имъ слѣва. Потомъ наступала относительная тишина, и отчетливо было слышно, какъ націоналистъ Лази обращается къ засыпающему отъ усталости марсельскому рабочему депутату Карно: «Ну, что! Видите ли амнистію?» «Да, во снѣ»,—отвѣчаетъ тотъ, съ своимъ южнымъ акцентомъ, и всѣ хохочутъ. Общій хохотъ вызываетъ и пикантное слово, «о которомъ исторія умалчиваетъ», брошенное по адресу другого націоналиста Мильвуа, когда онъ, размахивая своими длинными руками, похожими на крылья вѣтряной мельницы, прерываетъ говорившаго на трибунѣ оратора **).

Снова начинаются оглушительные крики, стукъ пюпитровъ и предсѣдательскій звонокъ снова подвергается опасности треснуть.

Возбужденіе всеобщее. Самые спокойные, теряя самообладаніе, присоединяютъ свои голоса къ всеобщему хору, за исключеніемъ одного главнаго виновника всего этого, самого автора законопроекта—Вальдека-Руссо.

Холодный, спокойный, безучастный, безъ крика и жестовъ, сидитъ онъ на своемъ мѣстѣ, неподвижный какъ статуя.

---

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1902 г.

**) *Le Temps*, 20 déc. 1900, стр. 2, столб. 1.

Невозмутимое самообладаніе французскаго премьера и приводитъ въ бѣшеное изступленіе націоналистовъ. Ихъ оскорбительныя рѣчи и кровныя обиды разбиваются о броню его холоднаго равнодушія.

«Я хотѣлъ испробовать,—кричалъ въ отчаяніи 6 іюля 1900 г. депутатъ Лази,—вывести изъ напущеннаго оцѣпенѣнія этого министра *)...» Предсѣдатель, два раза уже приглашавшій къ порядку неистоваго націоналиста, долженъ былъ лишить его слова.

Та же самая сцена повторилась и теперь, при голосованіи амнистіи. Былъ уже второй часъ ночи, когда тотъ же самый Лази началъ съ трибуны свою обыкновенную филиппику противъ Вальдека-Руссо.

— Я понимаю тѣхъ, которые ничѣмъ не обязаны Дрейфусу. Они его не покинули, потому что убѣждены въ его невиновности. Но вы, господинъ премьеръ, вы его бросили, хотя вы ему обязаны всѣмъ: властью, почестями, я не скажу и богатствомъ.

При этихъ словахъ съ лѣвой стороны палаты поднимается шумъ.

— Ни для кого же не тайна,—продолжаетъ Лази, обращаясь къ лѣвой,—что господинъ министръ-премьеръ былъ адвокатомъ семейства Дрейфуса.

— Никогда не былъ,—отвѣчаетъ Вальдекъ-Руссо, нарушая въ первый разъ свое обычное молчаніе. Однако, эти слова были сказаны такъ тихо, что не дошли до Лази, и онъ, раскраснѣвшись, махая руками, повторяетъ, обращаясь теперь къ Вальдеку-Руссо: «Скажите, не такъ ли?»

— Если господинъ премьеръ не хочетъ самъ говорить,—продолжаетъ Лази, напрасно ожидавшій второго отвѣта,—пусть встанетъ кто-нибудь изъ его друзей и скажетъ, правда ли то, что я говорю?

Слѣва подымается шумъ противъ Лази, и онъ долженъ покинуть трибуну.

Такимъ является Вальдекъ-Руссо во всѣхъ случаяхъ: спокойнымъ, холоднымъ и немного надменнымъ.

Вальдекъ-Руссо не прерываетъ ораторовъ на трибунѣ и самъ говоритъ только при крайней необходимости. Та же самая строгость и выдержанность проявляется и въ его манерахъ. Онъ рѣдко пускается въ частныя бесѣды, любитъ слушать, и только время отъ времени вставляетъ какой-нибудь вопросъ.

Извѣстно, что, въ качествѣ министра-президента и министра внутреннихъ дѣлъ, онъ долженъ часто принимать различныя депутаціи изъ провинціи. Вальдекъ-Руссо принимаетъ своихъ посѣтителей просто, безъ обыкновенно принятыхъ любезностей и частыхъ рукопожатій, считающихся пріемомъ для достиженія популярности, выслушиваетъ ихъ и откланивается словомъ: «Посмотримъ».

«Онъ Робеспьеръ»—говорилъ о немъ его учитель и другъ Гамбетта.

---

*) Annales de la Chambre des députés, session ordinaire. T. II, 1900, Séance du 6 Juillet.

И дѣйствительно, Вальдекъ-Руссо своей аристократической элегантностью и своимъ невозмутимымъ самообладаніемъ напоминаетъ знаменитаго члена конвента.

Постоянное серьезное выраженіе Вальдека-Руссо вошло въ пословицу, и не мало разсказываютъ анекдотовъ, иллюстрирующихъ эту сторону его характера. Мы ограничимся передачей одного, слышаннаго отъ Бенезеша, депутата отъ Монпелье.

Среди французскихъ депутатовъ находится поэтъ Кловисъ Гюгъ, представитель одного изъ парижскихъ кварталовъ. Кловисъ Гюгъ извѣстенъ какъ замѣчательный юмористическій разсказчикъ. Однажды онъ объявилъ своимъ друзьямъ, что заставитъ Вальдека-Руссо засмѣяться. Мѣстомъ для этого эксперимента былъ выбранъ буфетъ палаты, куда Вальдекъ-Руссо регулярно являлся пить кофе передъ каждымъ засѣданіемъ. Кловисъ Гюгъ со своими пріятелями усѣлся за столомъ Вальдека-Руссо и принялся приводить въ исполненіе свое намѣреніе, но всѣ самые пикантные и остроумные разсказы, вызывавшіе настоящіе припадки смѣха у всѣхъ присутствовавшихъ, оставили руководителя французской палаты совершенно равнодушнымъ. Вальдекъ-Руссо допилъ свой кофе, выкурилъ папиросу, поклонился и ушелъ въ залу засѣданій.

Характеръ Вальдека-Руссо, какъ видно, совсѣмъ не французскій. Онъ лишенъ той жизнерадостности, экспансивности, болтливости и того энтузіазма, съ которымъ у насъ связано представленіе о французѣ. «Я не такъ легко возмущаюсь», — говоритъ онъ самъ, признавая этимъ свою уравновѣшенную до флегматичности природу *).

Но именно, это рѣзкое отличіе отъ его соотечественниковъ и даетъ Вальдеку-Руссо громадное преимущество надъ ними. Онъ не увлекается легко, но и не поддается паническому страху предъ отвѣтственностью, который такъ часто губитъ государственныхъ дѣятелей Франціи. Вальдекъ-Руссо во всѣхъ обстоятельствахъ сохраняетъ спокойный и трезвый взглядъ на вещи. «Я знаю такого политическаго дѣятеля,—разсказываетъ онъ про себя,—о которомъ говорятъ очень много дурного, хотя онъ этимъ совсѣмъ не смущенъ, не изъ стоицизма или равнодушія, а, если мнѣ позволено такъ выразиться, изъ проницательности» **).

Проницательность заставляетъ его видѣть въ брани противниковъ только «политическій пріемъ», только слова, въ которыя они сами не вѣрятъ.

Проницательность помогаетъ ему отгадывать настоящее чувство и мысли людей, даже когда они сами не даютъ себѣ въ нихъ точнаго отчета. Два съ половиною года тому назадъ, Вальдекъ-Руссо былъ приглашенъ составить кабинетъ, послѣ того, какъ всѣ важные республиканскіе вожаки вродѣ Буржуа, Пуанкаре и др., боясь потерять свою популяр-

---

*) *Michel Salomon*: Etudes et portraits littéraires. P. 1896., p. 243.

**) Discours de M. Waldeck-Rousseau, à la ligue de la prévoyance et de la mutualité. *Le Temps*, 20 Février. 1902, стр. 2, столб. 6.

ность, отказались наотрѣзъ. Честь быть министромъ-премьеромъ никого не привлекала въ тогдашнее смутное время. Когда же Вальдекъ-Руссо составилъ свое министерство, въ которое входили люди крайняго радикализма и крайняго консерватизма, всѣ были увѣрены, что министерство провалится на первомъ засѣданіи палаты. Между тѣмъ, оно оказалось самымъ прочнымъ изъ всѣхъ министерствъ третьей республики. Это и доказало какъ проницательность, такъ и смѣлость Вальдека-Руссо. Какія были его настоящія личныя побужденія при принятіи власти въ свои руки, мы не будемъ здѣсь говорить, но несомнѣнный фактъ тотъ, что онъ, поступая такъ, многимъ рисковалъ. Онъ проявилъ при этомъ, если можно такъ выразиться, не только физическую неустрашимость, но и идейную. До 1899 г. коллективисты не знали во Франціи противника болѣе серьезнаго, чѣмъ Вальдека-Руссо, но онъ не постѣснился протянуть имъ руку, взявъ въ сотрудники одного изъ ихъ вожаковъ, когда интересы республики этого потребовали.

Впрочемъ, несмотря на ихъ противоположныя міровоззрѣнія, между ними было то общее, что какъ коллективисты, такъ и Вальдекъ-Руссо признаютъ преобладающее значеніе соціальной проблемы въ современномъ обществѣ. Увлеченіе соціальнымъ вопросомъ останется характерной чертой міровоззрѣнія Вальдека-Руссо, и если правда, что онъ лишенъ энтузіазма чувствъ, правда также и то, что у него есть энтузіазмъ мысли, что онъ можетъ ставить себѣ возвышенныя цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію.

II.

Характеръ Вальдека-Руссо сказывается и въ его рѣчахъ. Онъ несомнѣнный ораторъ, но его краснорѣчіе также не похоже на обыкновенное французское. «О, со мной будетъ очень просто, я не люблю витіеватыхъ рѣчей», говорилъ онъ однажды въ кулуарахъ Парижскаго суда, когда присутствующіе расхваливали рѣчь одного адвоката-коллеги *).

И, дѣйствительно, рѣчи Вальдека-Руссо лишены всякихъ риторическихъ украшеній, въ нихъ нѣтъ и того подбора словъ, который придастъ рѣчамъ Клемансо и Геда особую жесткость и нервность. Рѣчи Вальдека-Руссо такъ же спокойны, какъ взглядъ его большихъ сѣрыхъ глазъ и однообразный жестъ его руки. Это краснорѣчіе чисто дѣловое, въ которомъ нѣтъ мѣста лишнимъ фразамъ. Ораторъ начинаетъ безъ предисловій и кончаетъ безъ послѣсловій, и вся сила его рѣчи заключается въ логическомъ развитіи самой мысли. Онъ не трибунъ, увлекающій за собой толпу, а софистъ, въ хорошемъ смыслѣ слова, взывающій къ нашему разуму.

Въ своемъ жанрѣ Вальдекъ-Руссо доходитъ до полнаго совершенства и красоты. Посѣтитель Бурбонскаго дворца чувствуетъ истинное насла-

*) *Michel Salomon*, l. c., p. 249.

жденіе, когда послѣ риторовъ, съ приготовленными заранѣе метафорами и сравненіями, на трибуну входитъ Вальдекъ-Руссо. Его пріятный голосъ, отчеканивающій съ поразительною ясностью отдѣльныя слова, сухая, но строгая и правильная форма, въ которой скоро и естественно выливается его мысль, пріятная, элегантная фигура оратора, обыкновенно въ цвѣтномъ жилетѣ, серьезные и спокойные глаза, пробѣгающіе медленно всѣ скамьи депутатовъ, приковываютъ васъ на мѣстѣ и заставляютъ слушать до конца безъ усталости его рѣчь.

Вальдекъ-Руссо не любитъ, чтобы его прерывали: «Я никого не прерываю и прошу поэтому меня тоже не прерывать»—стереотипная фраза, встрѣчающаяся въ нѣсколькихъ изъ его рѣчей *). Поэтому онъ оставляетъ перерывы безъ возраженія; но когда бываетъ въ духѣ, или когда прерывающій заслуживаетъ особаго вниманія, онъ отвѣчаетъ и обыкновенно остроумно. Во время министерства Ферри, въ которомъ Вальдекъ-Руссо занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, его опаснымъ противникомъ являлся Клемансо. Разъ, въ одной рѣчи, Вальдекъ-Руссо намекнулъ на неудачныя попытки радикаловъ вызвать движеніе въ странѣ въ пользу пересмотра конституціи.

— Послѣдній смѣхъ лучше перваго,—прервалъ его Клемансо.

— Я не хочу вамъ мѣшать смѣяться, коллега,—возразилъ Вальдекъ Руссо,—но позвольте замѣтить, что вы предпочли бы смѣяться первымъ, чѣмъ послѣднимъ **).

Другой случай.

Въ засѣданіи 4 іюля 1883 года монархистъ де-Ланжюнэ протестуетъ противъ открытія, частнымъ лицомъ въ Тулузѣ, республиканскаго музея, называетъ музей «оскорбленіемъ религіи», ибо въ немъ выставлены орудія пытокъ инквизиціи и, наконецъ, требуетъ, чтобы правительство распорядилось о закрытіи музея.

— Правительство не можетъ идти такъ далеко,—отвѣчаетъ Вальдекъ-Руссо,—не впадая въ самый грубый произволъ. При этомъ мнѣ кажется, что есть болѣе простыя средства бороться противъ такого рода зла. Если хозяинъ какого-нибудь балагана выставляетъ орудія пытокъ инквизиціи, кто же вамъ мѣшаетъ выставить доказательства ея благодѣяній?

Ироническія слова министра встрѣчаются смѣхомъ и аплодисментами со стороны республиканцевъ.

— Обратитесь къ частной иниціативѣ,—продолжаетъ Вальдекъ-Руссо,—и воспользуйтесь тѣмъ способомъ полемики, который зовется картиной и зрѣлищемъ. Но не требуйте отъ меня, чтобы я принималъ мѣры, чтобы заставить частнаго антрепренера передѣлывать свою программу, перемѣнять свою выставку. При всемъ моемъ желаніи, я этого не могу сдѣлать. Вполнѣ

---

*) *Waldeck-Rousseau*: Discours parlementaires publiés par Lecouflet. P. 1889, pp. 304 и 416.

**) Ibid., p. 92.

откровенно заявляю вамъ, что я не въ состояніи его пригласить замѣнить эти, болѣе или менѣе подлинные, образчики средневѣковыхъ нравовъ эмблемами или картинами другого характера. Я не въ состояніи его просить, чтобы онъ объявилъ инквизицію изобрѣтательницею начала свободнаго обсужденія, или что Галилей уморилъ ея судей въ тюрьмѣ *).

Такой безпощадной ироніей умѣетъ Вальдекъ-Руссо облекать самые сокрушительные для противниковъ аргументы. Это его мастерство видно особенно хорошо въ совсѣмъ недавней рѣчи, произнесенной на банкетѣ журналистовъ парижскихъ предмѣстій. Не столько негодованія, сколько именно иронiи вызываетъ у французскаго премьера поведеніе многихъ его старыхъ товарищей, умѣренныхъ республиканцевъ, подающихъ руку врагамъ республики.

«Я увѣренъ, — говоритъ Вальдекъ-Руссо, обращаясь къ журналистамъ,—что существующее между вами согласіе выразится при ближайшихъ законодательныхъ выборахъ, какъ это было во время послѣднихъ сенатскихъ выборовъ, въ соединеніи всѣхъ республиканцевъ противъ союза всѣхъ враговъ республики.

«Я знаю, господа, что на ихъ сторонѣ царитъ какая-то неизвѣстность, которую я хотѣлъ бы подчеркнуть и отмѣтить. Я говорю о противникахъ республики. Но существуютъ ли они еще? Я смотрю на всю страну, всѣ позиціи уже заняты, но кромѣ республиканцевъ я никого не вижу. Я имѣлъ любопытство собрать коротенькую статистику о томъ, что происходило въ 1893 и 1898 гг. Оказалось, что число кандидатовъ, высказавшихся открыто противъ республики, однимъ словомъ, число явныхъ монархистовъ и имперіалистовъ въ 1893 г. было 351, въ 1898 г. ихъ осталось 191, а теперь, въ 1902 г., какъ бы мы внимательно ни искали по всей Франціи, больше трехъ дюжинъ ихъ не наберется (всеобщій смѣхъ и апплодисменты).

«Правда, господа, что теперь появились республиканцы-консерваторы, республиканцы-независимые, республиканцы-націоналисты, и я не сомнѣваюсь, что скоро появятся республиканцы-монархисты, республиканцы-имперіалисты, а можетъ быть, и республиканцы-цезаристы (опять смѣхъ).

«Какъ видите, мы переживаемъ въ политикѣ такую эпоху, когда, какъ во время карнавала, вольность рѣчи скрывается подъ маской, нѣкоторыя политическія вѣрованія не могутъ изъ приличія показаться иначе, какъ подъ маской.

«Эту маску народъ сорветъ (очень хорошо, очень хорошо!). Избиратели—любопытны. Они не довольствуются пустой внѣшностью и во всякомъ случаѣ печать, ваша печать на своемъ посту, чтобы потребовать опредѣленныхъ программъ.

«Такъ, напримѣръ, я замѣчаю, что въ лагерѣ противниковъ много шумятъ, усердно попрошайничаютъ (смѣхъ)... ибо сдѣлано было великое от-

---

*) Ibid., pp. 131—132.

крытіе, что если Франція не имъ принадлежитъ, то это потому, что еще не предложили за нее настоящей цѣны *).

«Я однакожъ увѣренъ, что вся Франція возстанетъ, и всѣ избиратели отвѣтятъ, что ихъ купить нельзя (шумные аплодисменты).

«...Наши противники часто прибѣгаютъ къ дипломатіи и разыгрываютъ знаменитую сцену искушенія. Многіе республиканцы были перенесены на гору, и оттуда имъ были показаны долины и холмы избирательныхъ округовъ, куда они раньше не имѣли доступа, съ словами: «все это вамъ, если согласитесь принять наше покровительство».

«Нѣкоторые поступили, какъ извѣстные герои сказокъ, восхищавшихъ насъ въ дѣтствѣ: они дрожащей рукой приложили на пергаментѣ свою подпись, въ чемъ, можетъ быть, уже и раскаиваются (смѣхъ).

«Другіе, болѣе осторожные отвѣтили: «покровительство—принимаемъ, но съ условіемъ, чтобы намъ было позволено о немъ ничего не знать. Позоренъ не грѣхъ, а его публичность» **)...

Эта тонкая иронія, по адресу Мелина, согласившагося принять покровительство націоналистовъ, но съ условіемъ, чтобы оно оставалось тайной, была встрѣчена шумными одобреніями и смѣхомъ.

Обыкновенно рѣчи Вальдека-Руссо лишены паѳоса. Онъ самъ понимаетъ, что не мастеръ на патетическія фразы и въ торжественныхъ случаяхъ, когда онѣ необходимы, предпочитаетъ пользоваться отрывками изъ рѣчи какого-нибудь оратора.

«Въ наши дни съ гордостью можемъ сказать,—говорилъ онъ на банкетѣ ангулемскихъ гимнастовъ 13 мая 1883 г.,—тѣ слова, которыя одинъ ораторъ эпохи реставраціи произносилъ съ нѣкоторымъ ужасомъ: да, демократія течетъ впередъ, какъ могучій, неотразимый, вѣчный потокъ, который и уноситъ всѣ препятствія съ дороги... ***).

Однако, иногда Вальдекъ-Руссо и своими собственными словами поднимается до настоящаго паѳоса. Сынъ одного изъ первыхъ адвокатовъ, самъ тоже адвокатъ и, можетъ быть, первый юристъ-консультъ Франціи, Вальдекъ-Руссо всегда выступалъ горячо за правосудіе. Въ защиту его онъ произнесъ въ сенатѣ, въ началѣ 1899 года, ту блестящую рѣчь, которая пріобрѣла ему симпатіи французскихъ демократовъ еще до составленія министерства.

Извѣстно, въ какой степени развито у французовъ чувство патріотизма. Подъ его дѣйствіемъ нерѣдко возвышаются до настоящаго энтузіазма и рѣчи Вальдека-Руссо. Мы приведемъ заключеніе одной рѣчи, произнесенной въ 1898 году на банкетѣ центральнаго республиканскаго кружка.

«Нужно вернуться къ традиціямъ нашей партіи, нужно обратиться къ

*) Вальдекъ-Руссо намекаетъ на основавшійся комитетъ изъ дамъ аристократокъ, дѣлающій сборъ въ пользу націоналистскихъ кандидатовъ.

**) Discours de M. Waldeck-Rosseau au syndicat de la Presse suburbaine. *Le Temps*, 2 mars 1902, стр. 1, столб. 6.

***) Discours parlementaires, etc. p. 118.

благороднымъ инстинктамъ націи, поднять ея нравственный уровень. Нужно имѣть смѣлость сказать ей, что выше правъ—обязанности, что не все сводится къ разсчетамъ и, главнымъ образомъ, нужно ей сказать, что для всѣхъ народовъ жизнь должна имѣть смыслъ болѣе возвышенный, чѣмъ матеріальное благосостояніе, чѣмъ полученіе всякихъ привилегій и избѣжаніе всякихъ повинностей, и что тѣ народы, которые не сумѣютъ почерпнуть въ чувствѣ долга готовность къ жертвамъ, погибнутъ презрѣнными и презираемыми.

«Невидимый, но несомнѣнный законъ подчиняетъ міръ матеріальный міру нравственному. Думаете ли вы, что только одна грубая жестокость толкала въ продолженіе вѣковъ народы одинъ противъ другого. А то, что мы называемъ славой и которой нельзя достигнуть безъ полнаго расцвѣта всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ,—не является ли въ сущности лучшимъ, если не единственнымъ залогомъ прочной безопасности?

«Обращайтесь поэтому смѣло къ сердцу и душѣ Франціи, взывайте къ ея славолюбію, дѣйствуйте на ея гордость. Берите щедрой рукой въ сокровищницѣ ея исторіи, воскресите въ ея глазахъ славные дни прошлаго, подвиги ея побѣдоноснаго генія, не дѣлающаго различія между Фонтенуа и Вальми и признающаго Марсо и Роша продолжателями Морица Саксонскаго и Тюреня *).

«Скажите французскому народу, что если въ продолженіе вѣковъ погибшія поколѣнія страдали, мучились, приносили себя въ жертву для его освобожденія, то онъ долженъ въ будущемъ возвратить въ сто разъ больше того, что онъ получилъ отъ прошлаго. Требуйте, чтобы онъ посвятилъ процвѣтанію родины лучшіе свои годы, лучшія свои силы. Внесемъ въ нашу политику вѣчный идеалъ» **).

III.

Рене Вальдекъ-Руссо родился въ Нантѣ 2 декабря 1846 года, въ извѣстной республиканской семьѣ. Его отецъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ адвокатовъ, былъ выбранъ во время второй республики, въ 1848 году, депутатомъ города Нанта и засѣдалъ въ палатѣ въ рядахъ республиканской лѣвой. Своимъ энергичнымъ участіемъ въ парламентскихъ дебатахъ онъ пріобрѣлъ всеобщія симпатіи и былъ назначенъ депутатами докладывать о результатахъ президентскихъ выборовъ. Какъ извѣстно, народъ недостаточно освѣдомленный еще въ политическихъ вопросахъ, выбралъ президентомъ Луи Бонапарта. Этотъ печальный фактъ и долженъ былъ сообщить парламенту Вальдекъ-Руссо. Онъ исполнилъ свой

*) При Фонтенуа побѣдили войска монархіи, при Вальми—республики; Морицъ Саксонскій и Тюрень были полководцами при монархіи, Рошъ и Марсо—при республикѣ. *Х. Г. И.*

**) Discours prononcé au grand Cercle républicain par *Waldeck-Rousseau*, 6 Juillet, 1898. *Revue Politique et parlementaire*, Avril, 1900, p. 345—346.

долгъ съ горечью, что̀ видно изъ его доклада, въ которомъ онъ, имѣя въ виду тайныя намѣренія Бонапарта, сдѣлалъ ему слѣдующее предупрежденіе: «нужно остерегаться смѣшивать волю народа съ желаніями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и искать въ этомъ торжественномъ голосованіи смысла, который не выражалъ бы волю народа» *).

Вальдекъ-Руссо сынъ является республиканцемъ по семейнымъ традиціямъ. Къ нему перешла и другая черта дѣятельности его отца—особый интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Въ національномъ собраніи 1848 г. Вальдекъ-Руссо отецъ принималъ живое участіе въ дебатахъ, касающихся интересовъ рабочихъ, и его сынъ съ правомъ могъ сказать, тридцать шесть лѣтъ спустя, въ 1884 г., на банкетѣ рабочихъ ассоціацій: «пусть мнѣ будетъ позволено заявить, что этотъ вопросъ о рабочихъ ассоціаціяхъ, о разумной и прогрессивной эмансипаціи трудящихся, составляетъ — и я не чувствую никакой неловкости при этомъ признаніи, — мою самую лучшую и самую священную долю отцовскаго наслѣдія» **).

Подобно многимъ тогдашнимъ республиканцамъ, Вальдекъ-Руссо отецъ соединялъ крайніе взгляды въ политикѣ съ глубокими привязанностями къ католицизму. Онъ хотѣлъ своему сыну дать религіозное воспитаніе, помѣстивъ его экстерномъ въ пансіонъ *Дѣтей Нанта,* принадлежащій одному изъ духовныхъ орденовъ. Монахи были очень довольны благочестіемъ своего ученика, и, имѣя въ виду рано проявившіяся его дарованія, ожидали, что изъ него выйдетъ хорошій проповѣдникъ. Однако, антиклерикальное теченіе оказалось сильнѣе вліянія монаховъ, и они должны были встрѣтить позже въ лицѣ своего бывшаго ученика опаснѣйшаго врага. Поэтому политическіе противники Вальдека-Руссо не разъ, напоминая о прошломъ, называютъ его «неблагодарнымъ ученикомъ іезуитовъ» ***).

Послѣ лицея Вальдекъ-Руссо кончилъ юридическій факультетъ и, по примѣру своего отца, записался въ адвокаты при Реннскомъ судѣ. Его глубокое знаніе юридическихъ наукъ, его сдержанное, но убѣдительное краснорѣчіе создали ему скоро славу искуснаго адвоката. «Я недавно защищался противъ одного молодого собрата,—говорилъ, возвращаясь изъ Ренна, извѣстный адвокатъ Аллу,—который, несомнѣнно, самый лучшій ораторъ въ судахъ провинціи» ****). «Вы не можете себѣ вообразить, какой у него талантъ»,—говорилъ съ восхищеніемъ отецъ Вальдека-Руссо одному пріятелю *****).

Политическая карьера Вальдека-Руссо началась съ его выбора въ депутаты отъ Ренна въ 1879 году, а свою первую большую политическую рѣчь онъ произнесъ по поводу несмѣняемости судей.

*) I. Quesnay de de Beaurepaire, *Waldeck-Rousseau* (père) 1849—1882. *Revue Politique et parlementaire,* 16 Février, 1898, p. 245.

**) *Waldeck-Rousseau:* „Questions Sociales P.“, 1900, p. 321.

***) См. рѣчь бонапартиста Кюнео Д'Орнано въ засѣданіи палаты 18 января 1902 г. *Le Temps,* стр. 4, столб. 6.

****) „Discours parlementaires et. Introduction“ p. X.

*****) Quesnay de Beaurepaire, p. 260.

Чтобы понять все значеніе этого вопроса для республиканской партіи и то положеніе, которое занялъ въ немъ Вальдекъ-Руссо, мы должны сдѣлать маленькое отступленіе.

Институтъ несмѣняемости судей былъ созданъ еще въ концѣ второй имперіи. Въ глазахъ народа онъ долженъ былъ бы обезпечить независимость судей, но такъ какъ эти судьи были внимательно подобраны самимъ правительствомъ среди его приверженцевъ, ихъ независимость была только кажущейся. Неудивительно поэтому, что всѣ рѣшенія судовъ по политическимъ вопросамъ отличались пристрастіемъ. Какъ мало эти судьи были независимы, показываетъ цѣлый рядъ фактовъ, приводимыхъ Вальдекомъ-Руссо въ его рѣчи. Напримѣръ, въ бумагахъ одного изъ государственныхъ людей второй имперіи была найдена записка президента одного парижскаго суда: «Милостивый государь, я надѣюсь быть сегодня или завтра представленнымъ императору для полученія одного предсѣдательскаго мѣста въ Парижѣ. Вамъ извѣстна моя преданность, потому что вы меня видѣли на дѣлѣ въ военныхъ коммиссіяхъ... Прошу васъ, если можно, сказать благопріятное слово тому, отъ кого зависитъ наша судьба». Другой предсѣдатель суда, обращаясь къ своимъ товарищамъ, приглашаетъ ихъ выразить свою признательность правительству не только словомъ, но и дѣломъ, когда ему понадобится ихъ помощь. Наконецъ, самъ министръ правосудія имперіи Эмиль Оливье телеграфируетъ прокурорамъ въ провинціи, пригласить мировыхъ судей, войти въ избирательные бонапартистскіе комитеты. Вотъ какого рода судей получила въ наслѣдство третья республика отъ Наполеона III. Они не забывали своего бонапартистскаго прошлаго и дѣломъ старались доказать свою признательность людямъ, которые ихъ впервые назначили. Они не скрывали своего враждебнаго отношенія къ республиканскому строю, особенно когда во главѣ республики находились реакціонныя министерства. Былъ случай, когда помощникъ прокурора, кричавшій въ театрѣ: «долой республику», не только не былъ смѣщенъ, но даже получилъ повышеніе. Особенно свирѣпствовала магистратура противъ республиканцевъ послѣ 16 мая 1877 г., когда монархисты подготовляли неудавшійся переворотъ.

Могло ли серьезное республиканское правительство сохранить такихъ судей? Не должно ли было оно еще при первомъ появленіи у власти уничтожить несмѣняемость? На этотъ вопросъ, повидимому, могъ быть одинъ только положительный отвѣтъ. Однако, нашлись республиканцы, какъ Рибо, которые во имя сохраненія формъ закона защищали начало несмѣняемости. Громадное же большинство было другого мнѣнія. Выбранная палатой коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Флоке, рѣшила требовать отмѣну закона и назначила Вальдека-Руссо докладчикомъ: «мы хотимъ дать правительству право отличить тѣхъ, которые исполнили свой долгъ, отъ тѣхъ, которые его забыли... Нужно рѣшить, должна ли республика, замѣнившая отличающійся отъ нея,—нѣтъ, я ошибаюсь,—противоположный ей режимъ, сохранить магистратуру, пользовавшуюся довѣріемъ имперіи, что одно уже

должно было бы показать, что ей трудно заслужить довѣріе республики. Я сказалъ бы иначе,—выражаясь юридическимъ языкомъ—выдавая, можетъ быть, этимъ привычки юриста: вопросъ въ томъ, является ли республика полной наслѣдницей имперіи, должна ли она, наслѣдовавъ не только ея долги, что было бы лишь тягостно, но и ея кліентовъ, принять по какому-то высшему, недоступному мнѣ закону, всѣхъ тѣхъ, которыхъ имперія облекла властью судить, не только пока она существовала, но судить и послѣ того, какъ она перестала существовать».

Замѣнивъ бонапартистскихъ судей республиканцами, республика получила ту прочность, которая ей была необходима для реформаторской дѣятельности. «Споръ между нами и вами,—говоритъ Вальдекъ-Руссо, обращаясь къ Рибо,—является въ сущности споромъ между политической школой, которая, оставаясь бездѣятельной, считаетъ себя умѣренной, и школой, принципами которой проникнутъ предлагаемый нами законопроектъ и которая хотѣла бы не спѣша, но съ неустанной настойчивостью, вывести наконецъ республику изъ области мечтаній въ область дѣйствительности» *).

Проектъ коммиссіи былъ принятъ большинствомъ, а за свою хорошую рѣчь Вальдекъ-Руссо, возвращаясь на свое мѣсто, получилъ поздравленія друзей. Она заставила обратить на Вальдека-Руссо вниманіе личности, имѣвшей потомъ рѣшающее значеніе при первыхъ шагахъ его парламентской жизни. Мы хотимъ сказать о Гамбеттѣ. Адольфъ Бриссонъ, извѣстный хроникеръ газеты *Temps*, разсказываетъ, что Вальдекъ-Руссо поразилъ Гамбетту, бывшаго въ это время предсѣдателемъ палаты, простотой и содержательностью своей рѣчи. Для Гамбетты, умѣвшаго распознавать людей, эта рѣчь открывала въ Вальдекѣ-Руссо человѣка съ серьезнымъ, спокойнымъ и положительнымъ характеромъ, умѣющаго владѣть не только своими, но и чужими страстями. Другими словами, Гамбетта увидѣлъ въ Вальдекѣ-Руссо будущаго хорошаго администратора. Это случилось въ 1880 году, послѣ выбора Греви въ президенты республики, когда республиканская партія, не встрѣчавшая больше противодѣйствія свыше, какъ это было при Макъ-Магонѣ, могла перейти къ преобразованіямъ внутренняго управленія страны. Періодъ ожесточенной борьбы долженъ былъ уступить мѣсто спокойной организаціонной дѣятельности. Это въ особенности хорошо понималъ Гамбетта, говорившій еще въ 1869 году, во время имперіи, что «геройскія времена республиканской партіи миновали», или, другими словами, что республиканская партія должна быть готова стать партіей правящей и поэтому должна проникнуться практическимъ духомъ и имѣть практическія рѣшенія для всѣхъ назрѣвшихъ вопросовъ.

«Дорогой коллега, когда я буду у власти, я васъ сдѣлаю своимъ помощникомъ», говорилъ Гамбетта молодому, бѣлокурому депутату, похлопы-

*) Discours sur la Réforme judiciaire, 13 Novembre 1880. (Discours parlementaires, pp. 2 и 9).

вая его по плечу, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ. Онъ дѣйствительно и исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ 1881 году состоялись всеобщіе депутатскіе выборы. Вальдекъ-Руссо былъ выбранъ въ Реннѣ, а Гамбетта, приглашенный составить министерство, далъ ему самый важный портфель—министра внутреннихъ дѣлъ. Министерство Гамбетты, или «великое министерство», какъ его прозвали въ насмѣшку, продержалось два съ половиною мѣсяца, съ 14 ноября 1881 года до 26 января 1882 года. Оно пало на вопросѣ о пересмотрѣ конституціи. Палата требовала, чтобы конгрессъ—собраніе палаты и сената вмѣстѣ—имѣлъ неограниченное полномочіе измѣнять въ конституціи то, что найдетъ нужнымъ, Гамбетта, наоборотъ, поддерживалъ ограниченное полномочіе.

Гамбетта проявлялъ уже тотъ страхъ передъ перемѣнами, то недовѣріе къ французской демократіи, которое сдѣлалось характерной чертой умѣренныхъ республиканцевъ. При этомъ онъ очень круто давалъ чувствовать свой авторитетъ, не стѣснялся даже прибѣгать къ угрозамъ. Органъ Клемансо *La Justice* передавалъ такую сцену: когда въ парламентской коммиссіи по пересмотру конституціи одинъ депутатъ спросилъ у Гамбетты, что онъ сдѣлаетъ, если самъ конгрессъ въ своей неограниченной власти захочетъ перемѣнить непредусмотрѣнныя правительствомъ статьи конституціи, тотъ отвѣтилъ: «я поступлю, какъ поступаютъ со всякими мятежниками!»

Послѣ того какъ палата высказалась за неограниченное полномочіе конгресса, Гамбетта долженъ былъ выйти въ отставку.

IV.

Такъ совершались первые шаги министерской дѣятельности Вальдека-Руссо. Ему было 34 года, когда онъ сдѣлался однимъ изъ вожаковъ умѣренной республиканской партіи. Въ этомъ отношеніи его положеніе еще больше упрочилось послѣ смерти Гамбетты, друзья котораго въ офиціальныхъ рѣчахъ называли Вальдека-Руссо «его любимымъ ученикомъ» *). Поэтому, когда въ 1883 году было составлено подъ предсѣдательствомъ Жюля Ферри министерство изъ друзей Гамбетты, Вальдекъ-Руссо снова получилъ портфель внутреннихъ дѣлъ.

Министерство Ферри занимаетъ особое мѣсто въ исторіи третьей республики. Оно явилось съ опредѣленной политической доктриной, прозванной его врагами *оппортюнистской*. Въ чемъ заключалась она? Во имя какихъ принциповъ происходила борьба между умѣренными республиканцами и такъ называемыми радикалами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ рѣчахъ Вальдека-Руссо. За послѣдніе годы, какъ извѣстно, въ его взглядахъ на французскую политику произошла большая перемѣна, при-

*) См. рѣчь Leon Renault (цит. Discours parl. etc. VIII).

близивъ его къ крайней лѣвой, но въ эпоху, о которой мы говоримъ, онъ принадлежалъ къ самымъ ярымъ оппортюнистамъ.

Раздѣленія среди республиканской партіи должны были явиться вполнѣ естественными, вслѣдствіе ея различнаго общественнаго состава. Въ нее входили городскіе рабочіе, промышленники, мелкая буржуазія, крестьяне—общественные элементы, предъявляющіе не только различныя, но и часто прямо противоположныя требованія правительству. Послѣднее должно было дѣлать выборъ между требованіями тѣхъ или другихъ. Радикалы являлись обыкновенно представителями интересовъ городскихъ рабочихъ массъ, умѣренные—буржуазіи и крестьянства. Эта особенность экономической структуры каждой партіи выражалась и въ ихъ идеологіи. Отмѣтимъ сначала пункты, на которыхъ сходились всѣ дѣйствующія тогда республиканскія фракціи. Само собою понятно, что всѣ онѣ признавали республику за наилучшую форму правленія и считали одинаково необходимыми для ея упроченія рядъ политическихъ мѣропріятій, какъ свобода печати и собраній, свѣтское образованіе, борьба съ клерикализмомъ. Защитникомъ полной свободы печати и врагомъ клерикализма былъ и Вальдекъ-Руссо. «Законъ 1881 г. провозгласилъ свободу печати,—говорилъ онъ,—и спѣшу прибавить, и смѣю думать даже, что уже отчасти доказалъ это на практикѣ, что я не принадлежу къ той категоріи людей, которые могли бы безпокоиться или пугаться нѣкоторой невоздержанности, замѣчаемой при первыхъ попыткахъ пользованія этой свободой. Мнѣ кажется, что мы идемъ путемъ естественной реакціи тѣмъ дальше, при пользованіи нашихъ возстановленныхъ правъ, чѣмъ съ большимъ насиліемъ насъ ихъ лишали въ прошломъ. «Изъ сдѣланнаго до сихъ поръ опыта съ свободой печати, для меня явствуетъ, что уже съ перваго момента мы не довольствуемся пользованіемъ свободой печати въ дѣйствительно нужныхъ намъ предѣлахъ, а хотимъ обезпечить за собой тотъ максимумъ, который она намъ можетъ дать. Мы не считаемъ себя вполнѣ свободными и независимыми, если для насъ не будетъ очевиднымъ, что связывавшая насъ цѣпь не только значительно вытянулась, но что она вполнѣ и окончательно разорвана. Законъ о свободѣ печати сдѣлалъ вотъ что. Онъ сказалъ: «нѣтъ больше предварительнаго разрѣшенія, нѣтъ больше цензуры», онъ сказалъ еще,—и въ этомъ заключается главная побѣда,—«нѣтъ больше особыхъ преступленій по дѣламъ печати. Не будетъ считаться больше преступникомъ человѣкъ, держащій перо въ рукѣ, какъ не считается таковымъ и тотъ, кто не писатель» *).

Что касается анти-клерикальныхъ взглядовъ Вальдека-Руссо, во время министерства Ферри, онъ ихъ высказывалъ во многихъ рѣчахъ и между прочимъ на республиканскомъ банкетѣ въ городѣ Ваннѣ, въ ультра-католической Бретани:

«Безпрестанно говорятъ и пишутъ, варіируя на всѣ лады, что вашъ край не перейдетъ на сторону республики, потому что она угрожаетъ его

*) „Discours à la Chambre“, 11 Février 1884. (D. parl. etc., p. 286).

религіозной вѣрѣ, католицизму... Но я спрашиваю, господа, если католицизмъ является, какъ извѣстно, вѣрой, религіей, символической формой опредѣленныхъ нравственныхъ истинъ, то почему же такой католицизмъ можетъ бояться республики, и почему республика будетъ ему угрожать? Развѣ свобода мысли не допускаетъ другой менѣе значительной свободы, которая называется свободой вѣрованій?

«Но также, правда, и я хотѣлъ бы дать вамъ это почувствовать, что внѣ настоящей религіи, во имя ея и во вредъ ей, существуетъ партія нерелигіозная, а политическая, преслѣдующая вполнѣ мірскія и земныя цѣли, въ которой на ряду съ извѣстнымъ количествомъ вѣрующихъ встрѣчается много невѣрующихъ, меньше заботящихся заслужить мѣсто въ царствіи небесномъ,—а больше получить какую-нибудь должность въ будущемъ королевствѣ Франціи. Для этой партіи недостаточно, чтобы церковь пользовалась терпимостью нейтральнаго правительства: ея мечта сдѣлать церковь господствующей, а государство — подчиненнымъ. И вотъ, въ выборѣ между этими двумя началами для современнаго общества не можетъ быть колебанія: мы смѣло и рѣшительно будемъ проводить первое. Что касается второго, мы возстаемъ противъ него изо всѣхъ силъ» *).

Другой общій пунктъ, на которомъ сходились республиканцы отъ Ферри до Клемансо, исключая тогда еще совсѣмъ незначительной фракціи соціалистовъ,—было сохраненіе современнаго экономическаго строя, съ его институтомъ частной собственности. Всѣ они считали вмѣстѣ съ де-Ремюза, извѣстнымъ умѣреннымъ республиканцемъ и другомъ Тьера, «что задача политики состоитъ не въ томъ, чтобы уничтожить зло и преобразовать міръ, но способствовать восторжествованію добра въ мірѣ въ его теперешнемъ видѣ» **).

Вотъ крайніе политическіе и экономическіе выводы, которыхъ республиканцы не рѣшались переступить; но въ этихъ предѣлахъ у нихъ происходили борьба и разногласія.

Радикалы требовали реформъ важнаго экономическаго характера и на первомъ мѣстѣ—введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога. Это требованіе входило во всѣ демократическія и республиканскія программы, начиная еще съ іюльской революціи ***). Оно входило и въ знаменитую Бельвильскую программу Гамбетты и его товарищей, во время второй имперіи. *La République française*, органъ Гамбетты, стоялъ, какъ и многіе другіе буду-

---

*) Discours de Vannes, 20 Mai 1883. (Discours etc., p. 124).

**) Discours Parlementaires, introduction, p. XXIX.

***) См., напримѣръ, брошюру: „Société patriotique et populaire de Metz". Séance Générale du 15 Février 1833. (Парижская національная библіотека Lb. $^{51/1721}$). „Нужно замѣнить существующую неправедливую сложную государственную систему,—говоритъ, на 17 стр. этой любопытной брошюры, секретарь общества Дормесъ,—однимъ прогрессивнымъ налогомъ, который при гарантіи публичности и жюри, составленнаго изъ плательщиковъ налоговъ, долженъ быть распредѣленъ между всѣми гражданами пропорціонально ихъ имуществу.

ще умѣренные республиканцы, еще въ 1880 году, за прогрессивный подоходный налогъ; но въ 1883—1884 гг., отношеніе республиканскаго большинства къ этой реформѣ измѣнилось кореннымъ образомъ. Ферри и его друзья стали находить ее притѣснительной и несправедливой. Уже чувствуется то отклоненіе къ правой, за которымъ было видно желаніе привлечь на сторону республиканской партіи избирателей изъ буржуазіи, подававшихъ голоса за монархистовъ. Въ погонѣ за этимъ боязливымъ и консервативнымъ элементомъ французскаго населенія, умѣренные республиканцы жертвовали демократическими реформами и смягчали свой анти-клерикализмъ, оставляя за республиканскимъ государствомъ обязанность содержать католическое духовенство. Чѣмъ больше обострялись разногласія между умѣренными республиканцами и радикалами, тѣмъ больше первые, для упрощенія своего политическаго положенія, должны были искать поддержки буржуазіи, и тѣмъ больше ихъ политика проникалась анти-демократическимъ духомъ.

Главною заботой министерства Ферри было не предпринимать ничего, что̀ угрожало бы матеріальнымъ интересамъ этого средняго класса, и вносить во всѣ свои дѣйствія осторожность, очень напоминающую то бездѣйствіе, въ которомъ, какъ помнитъ читатель, Вальдекъ-Руссо упрекалъ въ 1880 году Рибо. Республиканское правительство вмѣсто того, чтобы явиться иниціаторомъ смѣлыхъ реформъ и своей рѣшительностью увлечь за собой даже болѣе или менѣе консервативныя массы, всячески старалось не казаться прогрессивнѣе среднихъ слоевъ французскаго народа. Эта забота видна и въ министерскихъ рѣчахъ Вальдека-Руссо. «Каждое правительство, господа, является своего рода охранителемъ,—говоритъ онъ на банкетѣ ангулемскихъ гимнастовъ. — Если оно не обладаетъ чутьемъ и проницательностью, позволяющими ему понимать желанія и воли страны, тогда оно предпринимаетъ дѣло выше своихъ силъ...» *).

Та же самая мысль повторяется, шесть мѣсяцевъ спустя, въ рѣчи, произнесенной на банкетѣ по случаю освященія Туркуанскаго лицея. «Когда начинаешь доискиваться, какимъ критеріумомъ должно руководствоваться данное правительство въ своей политикѣ,—говорилъ Вальдекъ-Руссо,—мнѣ представляется разумнымъ только одинъ практическій методъ, а именно: проникнуться волей страны, понять то, чего *желаетъ ея большинство* и не бояться потомъ идти навстрѣчу упрекамъ. Когда человѣкъ рѣшается не останавливаться ни передъ какими реформами, *подготовленными воспитаніемъ массъ*, когда онъ доказалъ различными мѣропріятіями и дѣйствіями всей своей жизни, что онъ отнюдь не боится прогресса, онъ можетъ заранѣе утѣшиться, если его обвиняютъ, что онъ недостаточно прогрессивенъ. Наша цѣль возвышенна,—продолжаетъ Вальдекъ-Руссо,—ибо мы хотимъ быть правительствомъ, по образцу страны, рѣшительнымъ и прогрессивнымъ, какъ она, и мы твердо намѣрены доказать, что только отъ

*) Discours à Angoulême, 13 Mai 1883. (Dis. parl. etc., p. 118).

республиканской формы правленія можно ожидать наибольшаго прогресса, наибольшаго *порядка, безопасности и устойчивости* *).

Первая задача правительства — разубѣдить тѣхъ, которые опасаются, что республиканская партія слишкомъ увлекается реформаторской дѣятельностью,—успокоить испуганные личные и классовые интересы и доказать имъ, что при республиканской формѣ правленія они найдутъ наибольшій «порядокъ, безопасность и прочность».

Естественнымъ результатомъ этой политики, явилось желаніе среди умѣренныхъ республиканцевъ порвать публично, на глазахъ всей страны съ крайней радикальной лѣвой. Это и дѣлалъ Жюль Ферри въ своей знаменитой рѣчи въ Перріэ, смыслъ которой тогдашнія газеты резюмировали словами: «Радикализмъ—вотъ врагъ».

Слова премьера подхватываетъ и его ближайшій сотрудникъ Вальдекъ-Руссо. «Я думаю, что ничего не преувеличиваю,—говоритъ онъ въ своей вышеупомянутой Туркуанской рѣчи,—спрашивая себя, не вслѣдствіе ли какой-то снисходительности, слабости, своего рода рыцарства, мы дозволяли безсильному меньшинству оказывать на общій ходъ дѣлъ свое вліяніе и направлять ихъ въ ложную сторону. При извѣстномъ, еще не забытомъ вами случаѣ, г. предсѣдатель совѣта министровъ осудилъ именно эту снисходительность, самымъ очевиднымъ послѣдствіемъ которой было то, что правительство оказалось солидарнымъ съ извѣстною оппозиціею, хотя та съ своей стороны не скупилась на нападки, ни на полемику, къ какимъ республиканская партія не привыкла даже со стороны противниковъ реакціоннаго лагеря».

V.

Проснувшись въ одинъ изъ февральскихъ дней 1884 г., парижане увидали чуть не всѣ стѣны города оклеенными манифестами принца Наполеона. То же самое произошло и въ другихъ городахъ Франціи. Во многихъ мѣстахъ городовые срывали бонапартистскія афиши, но должны были прекратить это занятіе, когда стало ясно, что не существуетъ никакого закона, воспрещающаго расклеивать такія афиши. Всѣ дѣйствующіе во время имперіи законы этого характера были уничтожены закономъ о полной свободѣ печати. Точно также не было и закона, воспрещающаго развѣшивать бѣлыя монархистскія знамена, а такого рода манифестаціи, какъ видно изъ приводимыхъ Вальдекомъ-Руссо фактовъ, вызвали во многихъ городахъ Франціи стычки между народомъ и монархистами и между монархистами и полиціей. Это заставило правительство внести законъ, воспрещающій скопища на публичныхъ мѣстахъ, а точно также противоконституціонныя манифестаціи посредствомъ всякихъ эмблемъ. Бѣлыя и красныя знамена допускались только тогда, когда они являлись знаменами какого-нибудь общества,

*) Discours de Tourcoing, 4 Novembre 1883. (Ibid., pp. 141—142).

но и въ этомъ случаѣ требовалось, чтобы имена послѣднихъ были написаны на самыхъ знаменахъ.

Законопроектъ встрѣтилъ оппозицію не только со стороны монархистовъ, но и со стороны радикаловъ. Послѣдніе, полагаясь на благоразуміе самого народа, заявляли, что различныя монархическія манифестаціи, какъ распространеніе афишъ и портретовъ, развѣшиваніе бѣлыхъ знаменъ, могутъ быть только предметомъ смѣха. Во всякомъ случаѣ ими нельзя оправдывать мѣропріятія, являющіяся въ большей или меньшей степени ограниченіями свободы страны.

Вальдекъ-Руссо возражалъ, дѣлая различіе между свободой слова и собраніями, съ одной стороны, и публичными манифестаціями — съ другой, въ то же время объявляя себя безусловнымъ приверженцемъ первыхъ и врагомъ вторыхъ. Каждый свободенъ, будь онъ монархистъ или анархистъ, проповѣдовать свои крайнія идеи путемъ печати или путемъ слова на созванныхъ имъ собраніяхъ: этимъ онъ не производитъ никакого насилія надъ личностью, ибо кому угодно можетъ не читать его газеты и не ходить на его собранія.

Между тѣмъ когда для пропаганды тѣхъ самыхъ идей выбирается улица — это не можетъ обойтись безъ извѣстнаго насилія надъ личностью, потому что въ такомъ случаѣ мы вынуждены волей-неволею внимать словамъ агитаторовъ. «Я думаю, господа, что недостаточно опредѣляютъ различныя формы свободы, — говорилъ Вальдекъ-Руссо, обращаясь къ депутатамъ, — когда говорятъ просто: свобода писать, свобода собираться. У римлянъ была другая привычка, — это воспоминаніе осталось у меня еще съ юридическаго факультета, — они считали вполнѣ правильнымъ данный договоръ только тогда, когда онъ былъ признанъ обѣими сторонами. Такимъ образомъ, когда говорятъ «свобода печати»—это еще недостаточно; нужно прибавить: «для тѣхъ, которые захотятъ васъ читать», когда говорятъ: «свобода собраній», нужно прибавить: «свобода созывать собраніе съ согласія тѣхъ, которые захотѣли бы присутствовать» *).

Законъ былъ принятъ, но подъ юридическими тонкостями Вальдека-Руссо скрывалось не только вполнѣ оправдываемое опасеніе монархистовъ, но и менѣе оправдываемый страхъ передъ демократіей. Послѣднее видно изъ дебатовъ о муниципальномъ устройствѣ Парижа. По закону 1883 г. Парижъ продолжалъ оставаться внѣ общаго права. Тогда какъ другіе города Франціи имѣли своихъ мэровъ, Парижъ долженъ былъ довольствоваться предсѣдателемъ муниципальнаго совѣта, выбираемымъ на годъ и не пользующимся при этомъ правами обыкновенныхъ мэровъ. Кромѣ того, муниципальный совѣтъ Парижа также имѣлъ меньше правъ, чѣмъ муниципальные совѣты провинцій; въ его вѣдѣніи находилась только часть городскихъ интересовъ, такъ какъ правительство прямо назначало въ каждомъ парижскомъ округѣ мэра, подъ вѣдомствомъ котораго и находились дѣла

*) Discours parlementaires, p. 302.

даннаго округа. Во время имперіи лишеніе Парижа правъ другихъ городовъ было понятно, ибо столица находилась во главѣ демократической оппозиціи, и правительство не хотѣло ей давать въ руки такой сильной крѣпости, какъ муниципалитетъ.

Послѣ паденія имперіи парижане надѣялись получить, наконецъ, общинную автономію наравнѣ съ другими французскими городами. Надежды эти, однако, не осуществились. Министерство Ферри отказало имъ въ этомъ, и, какъ увидимъ изъ рѣчи Вальдека-Руссо, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ отказывала и имперія. Парижъ пользуется слишкомъ большимъ нравственнымъ авторитетомъ надъ остальной Франціей, и дать ему полную муниципальную организацію значило бы создать изъ него опаснаго соперника центральной государственной власти. Когда происходило революціонное движеніе въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, остальная Франція могла оставаться спокойной; но не то же самое съ Парижскими движеніями. «Вспомнимъ событія, измѣнившія въ Парижѣ формы правленія, какъ, напримѣръ, термидорскій и брюмерскій перевороты, іюльская и февральская революціи, государственный переворотъ второго декабря и, наконецъ, революція четвертаго сентября. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ легко можно убѣдиться,— продолжаетъ Вальдекъ-Руссо,—что въ Парижѣ никогда не было политической революціи, которая не вызвала бы революціи или контръ-революціи во всей Франціи» *). Въ подтвержденіе своего взгляда Вальдекъ-Руссо приводитъ мнѣніе Прудона, который съ негодованіемъ провинціала и приверженца абсолютнаго равенства смотрѣлъ на гегемонію Парижа. «Парижъ не можетъ пользоваться одновременно почестями столицы, — говорилъ Прудонъ,—и прерогативами, какъ бы онѣ ни были ничтожны, обыкновенныхъ муниципалитетовъ. Одно несовмѣстимо съ другимъ, и съ этимъ нужно примириться».

Два мѣсяца спустя, въ рѣчи отъ 17 января 1884 г., Вальдекъ-Руссо снова возвратился къ вопросу, настаивая на неизбѣжности для Парижа пожертвовать частью своихъ правъ государству. «Когда борьба происходитъ между государственнымъ интересомъ,—говорилъ онъ,—и интересомъ частнымъ, я не могу согласиться, чтобы меньшая сила могла спорить и навязывать свою волю большей».

— Это невѣроятно!—прерываетъ Флоке.—Дѣло касается интересовъ Парижа.

— Лучше было бы тогда совсѣмъ уничтожить парижскій муниципалитетъ!—прибавляетъ съ негодованіемъ Камиллъ Пельтанъ **).

Для ясности спора нужно прибавить, что парижскій муниципалитетъ, не имѣя никакого непосредственнаго контроля надъ полиціей, находящейся всецѣло подъ вѣдомствомъ назначаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ парижскаго полицейскаго префекта, долженъ былъ содержать ее на

---

*) Discours parlementaires, p. 153 (рѣчь 8 ноября 1883 г.).

**) Рѣчь Вальдекъ-Руссо 17 января (Discours etc., p. 195).

свой счетъ. А чтобы выразить полицейскому префекту порицаніе за крутое дѣйствіе полиціи во время одной манифестаціи, муниципалитетъ отказался утвердить бюджетъ полиціи. Тогда Вальдекъ-Руссо внесъ новый законопроектъ, относившій бюджетъ парижской полиціи къ общегосударственнымъ бюджетамъ. Оба законопроекта—какъ о муниципальномъ устройствѣ Парижа, такъ и о полицейской префектурѣ—были приняты палатой.

Изъ этихъ, тянувшихся въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій споровъ, для всѣхъ было ясно, что правительство хочетъ ограничить права Парижа, именно, какъ городъ демократической оппозиціи.

Централизація правительственной власти можетъ преслѣдовать двѣ различныя цѣли. Когда центральная власть ставитъ себѣ опредѣленныя, прогрессивныя задачи, ея усиленіе можетъ быть только полезнымъ, ибо она, своимъ авторитетомъ можетъ увлечь на путь реформъ и самую массу. Въ этомъ заключалась и такъ называемая якобинская политика конвента, дѣйствовавшая посредствомъ усиленной централизаціи. Но то же самое усиленіе центральной власти можетъ имѣть обратную, чисто охранительно-консервативную цѣль. Къ этой второй категоріи и нужно отнести внутреннюю политику министерства Ферри. Оно требовало сильной власти не въ виду какихъ-нибудь опредѣленныхъ демократическихъ цѣлей, а *какъ условіе своего существованія*. Всякое правительство, безразлично какія бы цѣли оно ни преслѣдовало, должно быть прежде всего правительствомъ сильнымъ.

«Моя главная забота въ политикѣ,—говоритъ Вальдекъ-Руссо въ Динанѣ 15 ноября 1885 г., — была создать республику скорѣе слишкомъ сильную, чѣмъ слишкомъ слабую».

«Обязанность правительства обезпечить всѣмъ правосудіе и покровительство,—говорилъ онъ и раньше,—которыя въ состояніи дать только правительство централистическое... *Обязанность правительства — быть прежде всего правительствомъ* **).

Вальдекъ-Руссо вѣрилъ, что правительство фактомъ своего существованія и своей строгой властью уже должно импонировать публикѣ. Нигдѣ послѣдняя мысль не выражена такъ ясно, какъ въ рѣчи о публичныхъ манифестаціяхъ, когда онъ словами Мадье де-Монжо сказалъ: «ежедневно въ деревняхъ и городахъ могутъ задаваться вопросомъ: если республика, несмотря на всѣ нападенія ея противниковъ, оставляетъ себя безъ защиты, то не слѣдуетъ ли отсюда, что она *безсильна*» *). Однако скоро министерство Ферри изъ своей собственной судьбы должно было убѣдиться, что правительство и въ особенности республиканское—сильно не физическою, а нравственною мощью, и что если оно не встрѣчаетъ нравственной поддержки въ самой массѣ, которую можно получить единственно путемъ реформаторской дѣятельности, то, какъ оно ни пожирало бы права само-

*) Discours à Angoulême, 13 Mai 1883 (Discours etc., p. 119).
**) „Discours“ etc., p. 283.

управленія и права гражданъ, какъ оно ни усиливало бы свою власть, ему не суждено долговѣчное существованіе. Это именно случилось съ министерствомъ Ферри.

VI.

Пересмотръ конституціи являлся другимъ вопросомъ, раздѣлявшимъ республиканскую партію. Всѣ республиканцы находили, что конституція страдаетъ большими недостатками. Она была составлена національнымъ собраніемъ, состоявшимъ въ большинствѣ изъ легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, рѣшившихъ признать республиканскую форму за легальную только послѣ того, какъ ихъ попытки объединиться кончились неудачей.

Монархисты старались придать республиканскимъ учрежденіямъ антидемократическій характеръ, что было особенно видно въ созданіи сената. Послѣдній, какъ извѣстно, существовалъ подъ различными формами и названіями еще съ эпохи директоріи, но былъ уничтоженъ временнымъ республиканскимъ правительствомъ 4 сентября 1870 г. Такъ что за періодъ 1871—1876 г. законодательная власть Франціи находилась въ рукахъ только одного національнаго собранія, выбраннаго всеобщей подачей голосовъ. Національное собраніе при голосованіи конституціи въ концѣ 1875 года снова возстановило сенатъ, придавъ ему возможно больше консервативный характеръ.

Одна треть сенаторовъ должна быть пожизненной. Эту треть національное собраніе выбрало изъ своей среды. Послѣ каждаго умершаго пожизненнаго сенатора, сенатъ замѣнялъ его другимъ избраннымъ изъ числа смѣняемыхъ сенаторовъ. Вторая антидемократическая черта сената заключалась въ особомъ способѣ выбора остальныхъ двухъ третей сенаторовъ: они выбирались не народомъ, а делегатами общинныхъ совѣтовъ. При этомъ каждый общинный совѣтъ могъ присылать только одного делегата, такъ что Парижъ, Ліонъ, Марсель и всѣ французскіе города имѣли также одинъ голосъ, какъ и послѣдняя деревенская коммуна. Такое составленное съ явной цѣлью подавить городскую демократію устройство сената не нравилось всѣмъ республиканцамъ. Если всѣ они тѣмъ не менѣе голосовали за конституцію 1875 г., то это объясняется желаніемъ дать хоть какую-нибудь организацію французской республикѣ и избавиться отъ долгой диктатуры національнаго собранія.

Когда непосредственная опасность монархистскаго переворота миновала, пересмотръ конституціи былъ потребованъ всѣми республиканцами. Инціативу этого пересмотра хотѣло взять уже министерство Гамбетты въ 1882 г., но, какъ мы видѣли, палата не согласилась съ его предложеніемъ, чтобы конгрессъ ограничился пересмотромъ только заранѣе намѣченныхъ парламентомъ статей. Министерство Ферри явилось съ проектомъ, аналогичнымъ проекту Гамбетты.

На этотъ разъ палата оказалась болѣе уступчивой, конгрессъ былъ

созванъ и, согласно желанію правительства, измѣнилъ нѣкоторыя незначительныя подробности конституціи, рѣшивъ, что вопросъ объ организаціи сената долженъ разсматриваться обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ. Однако конгрессъ, предоставляя палатѣ депутатовъ и сенату разсмотрѣть устройство послѣдняго, предрѣшилъ самый главный вопросъ, а именно—*существованіе сената*. Упраздненіе сената, какъ этого требовали радикалы, могъ постановить только конгрессъ, но еще заранѣе, въ резолюціи о созваніи конгресса, предложенный правительствомъ и принятый палатой и сенатомъ, этотъ вопросъ предрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ. Поэтому конгрессъ не долженъ былъ его и затрогивать. Теперь парламенту оставалось рѣшить лишь непринципіальный вопросъ о пожизненныхъ сенаторахъ и о способѣ избранія сената. Дебаты тянулись въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій въ ноябрѣ и декабрѣ 1884 г. Какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ было внесено много предложеній и поправокъ, но мы укажемъ только на самыя существенныя изъ нихъ. Сенаторы правой понимали, что институтъ пожизненныхъ сенаторовъ больше не пользовался популярностью въ странѣ, и поэтому сенаторъ Леноель предложилъ компромиссъ: сохранить за сенатомъ право выбирать одну треть сенаторовъ изъ своей среды, по вмѣсто пожизненнаго они должны были имѣть только девятилѣтнее полномочіе. Республиканецъ Роже-Марвезъ предложилъ, наоборотъ, не только уничтожить пожизненность, но и лишить сенаторскихъ полномочій существующихъ пожизненныхъ сенаторовъ. Относительно способа выборовъ тоже было нѣсколько предложеній. Сенаторъ Наке, «отецъ закона о разводѣ» и будущій сподвижникъ Буланже, предложилъ, чтобы сенатъ выбирался прямо всеобщимъ голосованіемъ. За это высказался и сенаторъ Толэнъ. Сенаторы Дофенъ, Жиффъ и Ларенти тоже были за выборъ путемъ всеобщаго голосованія, но только въ двухъ избирательныхъ коллегіяхъ: народъ выбираетъ сенатскихъ делегатовъ, а тѣ въ свою очередь выбираютъ сенаторовъ.

Отъ имени правительства Вальдекъ-Руссо защищалъ другой законопроектъ, въ пользу котораго высказалось большинство сенатской коммиссіи. Главныя черты этого законопроекта, ставшаго потомъ закономъ, заключались въ слѣдующемъ. Институтъ пожизненныхъ сенаторовъ былъ уничтоженъ, но этотъ законъ не долженъ былъ имѣть обратнаго дѣйствія. Другими словами, выбранные уже пожизненные сенаторы остаются таковыми, и только послѣ ихъ смерти они могутъ быть замѣнены сенаторами, выбираемыми обыкновеннымъ порядкомъ. Выборъ сенаторовъ долженъ былъ производиться, какъ и раньше, но только большія коммуны получали право присылать нѣсколько делегатовъ, хотя далеко не пропорціонально ихъ населенію.

Сенатъ, однакожъ, не согласился на уничтоженіе института пожизненныхъ сенаторовъ, а принялъ уже знакомое намъ предложеніе Леноеля.

Въ такой формѣ законопроектъ предсталъ передъ камерой депутатовъ въ первыхъ числахъ декабря. Большинство депутатовъ хотя высказалось

противъ сдѣланнаго уже и въ сенатѣ предложенія лишить полномочія существующихъ пожизненныхъ сенаторовъ, но приняло, несмотря на сопротивленіе Вальдека-Руссо, предложеніе Флоке о выборѣ сената всеобщей подачей голосовъ.

Законопроектъ снова вернулся въ сенатъ, который отвергъ поправку Флоке, но согласился на этотъ разъ съ предложеніемъ правительства объ уничтоженіи пожизненности. Въ этомъ видѣ проектъ былъ принятъ и палатой. Нѣтъ надобности излагать многочисленныя рѣчи, сказанныя Вальдекомъ-Руссо во время этихъ интересныхъ дебатовъ. Съ одной стороны на правительствѣ лежала обязанность примирить реакціонныя требованія сената съ демократическими стремленіями палаты, но, съ другой, оно само склонялось скорѣе къ политикѣ сената, что, конечно, только усиливало антидемократическую оппозицію послѣдняго. Если Вальдекъ-Руссо дѣйствовалъ бы съ большей энергіей, онъ несомнѣнно, могъ бы заставить сенатъ пойти по пути уступокъ, тѣмъ болѣе, что сенатъ пользовался крайней непопулярностью въ странѣ.

«Я тоже согласенъ,—говорилъ Вальдекъ-Руссо, обращаясь къ своему пріятелю и сенатору Роже-Марвеза,—что въ странѣ существуетъ искреннее и мирное движеніе... и что страна требуетъ реформъ, но реформъ возможныхъ» *).

Однако, что значитъ возможныя реформы? Не является ли воля правительства, когда за него стоитъ страна и камера депутатовъ, рѣшающимъ элементомъ при проведеніи извѣстныхъ реформъ?

Другая избирательная реформа, предложенная Вальдекомъ-Руссо и встрѣтившая сильную поддержку со стороны крайней лѣвой, была замѣна выбора по округамъ, выборомъ по департаментамъ (scrutin de list). Національное собраніе послѣ войны было выбрано по второй системѣ. Избиратель подавалъ голосъ за всѣхъ депутатовъ своего департамента. Національное собраніе замѣнило эту систему выборами по округамъ: департаментъ раздѣлялся, смотря по населенію, на извѣстное количество избирательныхъ округовъ, и избиратель подавалъ голосъ только за депутата своего округа. Послѣдній способъ, названный въ насмѣшку «scrutin de clocher» (голосованіе по приходамъ) дѣлалъ депутатовъ главнымъ образомъ представителями мѣстныхъ интересовъ, почему они и часто ради послѣднихъ должны были жертвовать интересами общими и національными. Возстановленіе «департаментскаго списка» освобождало депутатовъ отъ тиранніи ихъ «приходовъ» и дѣлало ихъ прежде всего выразителями широкой политической жизни всего департамента **).

Какъ мы замѣтили, за эту реформу правительства голосовали и депутаты крайней лѣвой. И вообще каждый разъ, когда правительство защи-

*) Discours parlementaires et p. 400.

**) Передъ выборами 1899 года, „департаментскій списокъ“ былъ уничтоженъ и замѣненъ старой системой. Это было сдѣлано съ цѣлью противодѣйствія буланжистской агитаціи.

щало мѣропріятія, одинаково дорогія всѣмъ республиканцамъ, какъ, напр., законъ о профессіональныхъ синдикатахъ, по проведенію котораго главная заслуга принадлежитъ Вальдеку-Руссо—лѣвая шла вмѣстѣ съ нимъ. Она апплодировала и энергичнымъ мѣрамъ Вальдека-Руссо противъ монархистовъ. Такъ, напримѣръ, когда послѣ одной манифестаціи на площади Инвалидовъ, бонапартистъ Поль де-Кассаньякъ объявилъ, что его сторонники непричастны къ ней и что въ противномъ случаѣ она кончилась бы иначе, Вальдекъ-Руссо могъ, среди грома апплодисментовъ всѣхъ республиканцевъ, сказать: «Если г. Кассаньякъ говоритъ, что демонстраціи его партіи отличались бы отъ той, которая вызвала сегодняшніе дебаты, и если онъ могъ выразиться: «тогда дѣло кончилось бы иначе», то мы тоже можемъ ему отвѣтить: «да, тогда дѣло кончилось бы иначе!» *).

При обсужденіи реорганизаціи сената Вальдекъ-Руссо сказалъ, обращаясь къ депутатамъ: «Я повторяю, что благодаря закону, который мы предлагаемъ, выборы 1885 г. составятъ въ исторіи нашей страны одну изъ самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ блестящихъ побѣдъ республики» **).

Однако министерству Жюля Ферри не было суждено дождаться этой побѣды. Оно пало, въ концѣ марта 1885 г., среди рѣдкаго парламентскаго скандала, вызваннаго его двуличной и неудачной колоніальной политикой. Выборы произошли при министерствѣ Бриссона, и къ сожалѣнію, несмотря на республиканское большинство, нравственная побѣда осталась на сторонѣ монархистовъ. Отвѣтственность за это пораженіе падала, главнымъ образомъ, на министерство Ферри.

Рѣдкая непопулярность постигла всѣхъ его членовъ, отвѣтственныхъ въ силу «министерской солидарности» даже за личныя ошибки одного Жюля Ферри.

Въ 1885 г. Вальдекъ-Руссо былъ выбранъ въ третій разъ депутатомъ Ренна, но онъ почти не принималъ участія въ дѣятельности парламента, гдѣ теперь засіяла звѣзда Клемансо. Въ 1889 г. онъ совсѣмъ пересталъ заниматься политикой и не выступалъ на состоявшихся тогда законодательныхъ выборахъ.

Х. Г. Инсаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Discours, 10 mars, 1883, (Discours etc p. 68).
**) Ibidem., p. 422.

Жизнь въ произведеніяхъ Гюго.

Гуго фонъ-Гофмансталя.

I.

Поэзія есть отраженіе жизни. Произведенія поэтическаго генія всегда даютъ картину жизни; не слѣдуетъ только искать въ нихъ строго-систематическихъ философскихъ или политическихъ идей: они даютъ лишь поэтическіе образы. Это обусловливается могуществомъ поэтической фантазіи, передъ которою не можетъ устоять никакая безформенность, передъ которою все оживаетъ, все воплощается въ символы.

Наиболѣе сильное дѣйствіе оказываетъ на человѣка человѣкъ. Онъ занимаетъ центральное мѣсто и въ поэзіи Гюго. Уже въ первыхъ, несмѣлыхъ попыткахъ поэтическое чутье влечетъ Гюго къ прославленію человѣческаго достоинства. Главнымъ видомъ человѣческаго превосходства онъ считаетъ соединеніе активной геніальности съ реторико-поэтическою. Риторическій элементъ такъ силенъ въ поэзіи Гюго, что безъ него не обходится ни одно величественное движеніе души. Величіе души его дѣйствующихъ лицъ выливается въ величіе рѣчи, и наиболѣе высокіе изъ созданныхъ имъ типовъ не—любовники, не—дѣятели, не—мученики, а—ораторы. Онъ надѣляетъ краснорѣчіемъ даже силы природы, дѣйствующія противъ человѣка. Невольно чувствуется, что личное «я» писателя вмѣстѣ съ его симпатіей переходитъ въ тѣ силы, изъ устъ которыхъ льется высокая, благородная, полная красивыхъ метафоръ рѣчь.

Эти силы сродни Гюго; развѣ онъ самъ не былъ съ юныхъ лѣтъ ораторомъ, проповѣдникомъ, вѣчнымъ адвокатомъ? Развѣ прекраснѣйшая часть его книги «Les Contemplations» не есть сплошная рѣчь, обращенная къ Богу; развѣ вся книга «Châtiments» не является одною пламенною рѣчью, полною гнѣва, прерываемою лишь маленькими паузами для того, чтобы только перевести духъ, чтобы смѣнить трибуну на баррикаду, баррикаду на мѣсто ссылки?

Въ «Légende des siècles» ораторы слѣдуютъ другъ за другомъ. Вельфъ, владѣлецъ замка Осборъ, оригинальная, почти сказочная фигура, съ вер-

хушки башни произноситъ рѣчь, которая, подобно грозовой тучи надъ хлѣбнымъ полемъ, разражается надъ лагеремъ, расположеннымъ у подножія башни, надъ императоромъ, князьями и герцогами.

Нѣсколькими страницами дальше выступаетъ Эльсіисъ, ораторъ, стоящій еще выше Вельфа. Стихотвореніе озаглавлено «Les quatre jours d'Elciis». Императоръ Оттонъ даетъ клятву выслушивать каждаго мимо идущаго прохожаго:

D'entendre, d'écouter, lui, César tout-puissant
Tout ce que lui dirait n'importe quel passant,
Devant les douze rois et la garde romaine,
Cet homme parlât-il pendant une semaine.

Начинаетъ говорить Эльсіисъ, благородный старецъ, и говоритъ четыре дня кряду съ утра и до вечера; каждый вечеръ, когда онъ кончаетъ, императоръ съ изумленіемъ спрашиваетъ: неужели все? Рѣчь Эльсіиса несется, какъ изверженіе какой-нибудь стихіи. Подъемъ духа такъ великъ, притокъ словъ у оратора такъ безконеченъ, что онъ не задумывается двѣнадцать разъ повторять одно и то же,—настолько сильна въ немъ увѣренность, что онъ сумѣетъ выразить свои мысли съ еще бо́льшею силою, еще лучше комбинируя слова... Въ концѣ-концовъ этотъ потокъ словъ наводитъ ужасъ на присутствующихъ.

Далѣе мы видимъ восточнаго деспота Цимъ-Цицими, сидящаго на тронѣ, украшенномъ десятью золотыми сфинксами. Сначала съ нимъ говоритъ первый сфинксъ, затѣмъ второй, третій и т. д.; когда кончаетъ свою рѣчь послѣдній, десятый сфинксъ и воцаряется тягостное молчаніе, то Цимъ-Цицими обращается къ своему золотому кубку:

Viens ma coupe,
Moi, le pouvoir, et toi, le vin, causons tous deux.

Кубокъ отвѣчаетъ ему цѣлою проповѣдью. Тогда король обращается къ золотой лампѣ, и лампа отвѣчаетъ такъ же, какъ кубокъ и сфинксы, со всѣмъ краснорѣчіемъ сивиллъ и пророковъ.

Другое высоко-поэтическое стихотвореніе изображаетъ споръ двухъ орловъ: одного—свободнаго, дикаго, парящаго въ облакахъ, другого—геральдическаго, блистающаго драгоцѣнностями въ королевскомъ гербѣ.

Обвинительныя рѣчи Сида, обращенныя къ королю, нарушившему свое слово, составляютъ сами по себѣ цѣлую книгу. Онъ разитъ словами сильнѣе, чѣмъ мечомъ. Его рѣчи подобны дикимъ горнымъ потокамъ, изверженіямъ, увлекающимъ за собою цѣлыя громады. Сила духа, выбрасывающая такую массу словъ, дѣйствуетъ уже сама по себѣ, какъ страшное и величественное зрѣлище. Намъ кажется, что воля — живое существо, которое облекается въ плоть, потрясаетъ своей гигантской энергіей громады, совершаетъ невѣроятное. Въ самомъ дѣлѣ, это ощущеніе громаднаго духовнаго подъема, которое приходилось часто испытывать Гюго, выливалось изъ души его наружу и превращалось въ грандіозныя описанія гигантскихъ подвиговъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ составляетъ содержаніе романа

«Труженики моря». Человѣкъ, вооруженный только пилою и ручнымъ топоромъ, совершаетъ подвигъ сторукаго гиганта. Онъ спасаетъ корабль, повисшій послѣ кораблекрушенія между скалами. Головокружительная высота, неприступныя скалы, бушующее море, буря,—все соединяется противъ него. Сама драгоцѣнная машина, которую онъ хочетъ достать, удесятеряетъ его труды: она столь же хрупка, какъ и тяжела, и ему нужно во сто разъ больше хитрости и терпѣнія, чтобы не повредить ее, чѣмъ силы, чтобы поднять ея громаду. Устраивая цѣлую систему балокъ, рычаговъ, катковъ и подъемныхъ машинъ, онъ умножаетъ самого себя и—побѣждаетъ.

Титанъ «Легенды вѣковъ» обитаетъ въ мрачныхъ нѣдрахъ земли. Боги нагромоздили надъ нимъ горы; но въ немъ живетъ неотступное желаніе—увидать свѣтъ, и, прорывъ землю, онъ выходитъ изъ противоположнаго края земной коры, обращеннаго къ эмпиреямъ. Описаніе его подвига, борьбы слѣпой силы его воли со слѣпою силой матеріи занимаетъ собою двѣсти стиховъ. По мѣрѣ того какъ на читателя надвигаются все новыя и новыя массы словъ, раскрываютъ свои пасти, окружаютъ, тѣснятъ его въ блѣдномъ дрожащемъ полумракѣ,—аллегорія превращается въ настоящее волшебство и заставляетъ переживать все изображаемое.

Въ подобныхъ произведеніяхъ авторъ не задается заранѣе какою-нибудь опредѣленной аллегоріей; сила его фантазіи невольно влечетъ его къ изображенію того, что аналогично его душевнымъ ощущеніямъ, и такимъ образомъ изъ внѣшняго создаетъ подобіе его внутренняго міра.

Тѣмъ же сравненіемъ пользовался Бальзакъ для выраженія чувства, ощущаемаго имъ при работѣ: «Я спрыгиваю въ яму,—говорилъ онъ,—даю себя засыпать, а потомъ снова выбираюсь наверхъ».

Для этихъ великихъ энергій работа является главнымъ жизненнымъ нервомъ, работа, въ которой сливаются самые разнородные элементы. Работникъ чувствуетъ себя атомомъ въ борьбѣ съ безконечностью, но, несмотря на это, живо ощущаетъ свое родство со всякою творческою силой, свою близость къ самому Творцу. Его существованіе одинаково тѣсно связано какъ съ духовнымъ міромъ, такъ и со стихіями. Въ то время, какъ онъ предается всецѣло своему дѣлу, крайнее напряженіе и геройское самопожертвованіе сливаются воедино съ безграничнымъ наслажденіемъ жизнью и окружающимъ міромъ, наслажденіемъ, едва ли доступнымъ кому-либо еще. Въ произведеніяхъ Гюго этотъ діѳирамбическій элементъ выраженъ не менѣе сильно и величественно, чѣмъ героическій. Всего грандіознѣе, быть можетъ, онъ выступаетъ въ томъ мѣстѣ романа «Соборъ Парижской Богоматери», гдѣ изображено, какъ Квазимодо звонитъ въ колокола.

Кто дѣйствуетъ, тотъ проникаетъ въ самую глубь вещей; онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ первоначальными силами и проникается къ нимъ все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ благоговѣніемъ. Ибо здѣсь онъ встрѣчается съ силами, выходящими за предѣлы его пониманія, не поддающимися разложенію; смириться передъ ними ему пріятно, такъ какъ здѣсь смиряется

онъ передъ тѣмъ высшимъ, присутствіе котораго онъ ощущаетъ въ глубинѣ своего собственнаго существа.

Отъ болѣзненныхъ ощущеній собственнаго разлада и несовершенства взоръ Гюго отдыхаетъ на низшихъ существахъ — животныхъ, на существахъ, нетронутыхъ еще жизнью—дѣтяхъ, и на совокупности существъ—народъ.

Гюго смотритъ на животныхъ, какъ на олицетвореніе инстинктивнаго въ человѣческой природѣ; они—«личинка человѣка»; движенія ихъ души глухи, несвязны и величавы; они видятъ Бога тамъ, гдѣ человѣкъ его не видитъ; они чуютъ то, что выходитъ за предѣлы человѣческаго пониманія; въ нихъ живетъ безсознательный нравственный законъ, а въ ихъ глазахъ свѣтится безконечность. Въ самомъ дѣлѣ, во взглядѣ животнаго есть что-то неопредѣленное, трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ внушающее страхъ.

Уже въ стихотвореніи «Ce que dit la bouche d'ombre» мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто:

Homme!
Pendant que tu te tiens en dehors de la loi,
Copiant les dédains inquiets ou robustes
De ces sages qu'on voit rêver dans les vieux bustes
Et que tu dis: „Que sais-je?“ Amer, froid, mecréant,
Prostituant ta bouche au rire du néant,
A travers le taillis de la nature énorme
Flairant l'éternité de son museau difforme,
Là dans l'ombre, à tes pieds, homme, ton chien voit Dieu.

Эту мысль мы встрѣчаемъ въ «Légende» и она же составляетъ содержаніе одного изъ посмертныхъ сочиненій Гюго: L'Ane.

До Гюго, собственно говоря, не существовало мало-мальски правдиваго изображенія ребенка во французской литературѣ. Рабле рисуетъ маленькаго Гаргантуа, но это—не человѣческое дитя и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Маленькій Астіанаксъ у Расина едва намѣченъ; въ обычаи ancien régime'а не входило интересоваться ребенкомъ, какъ таковымъ. Только у Лафонтена встрѣчается изрѣдка бѣглый абрисъ ребенка, болѣе или менѣе близкій къ природѣ. Руссо создалъ въ своемъ Эмилѣ не ребенка, а автомата. Что же касается произведеній Гюго, то онѣ переполнены дѣтскими образами, плѣняющихъ своею свѣжестью, красотою и блескомъ. Эти образы мелькаютъ въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, появляются въ каждомъ романѣ: въ «Légende» и въ «Groupe des idylles» имъ отведено видное мѣсто; наконецъ, существуетъ цѣлая книга, только благодаря имъ и для нихъ написанная: «L' Art d'être grand' père».

Гюго съ неподражаемымъ искусствомъ передаетъ дѣтскій лепетъ, улыбки, болтовню, молчаніе, загадочное отношеніе дѣтей къ міру, къ жизни, къ безконечности, изъ которой они вышли, и отблескъ которой еще нѣкоторое время какъ бы окружаетъ ихъ.

Безсловесное животное, съ его смутной силой, и невинное дитя, простоту котораго хранитъ Богъ,—въ свою очередь являются символами для изображенія крупнѣйшей изъ безсознательныхъ силъ—народа. Въ произведеніяхъ Гюго можно найти сотни образовъ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ народъ. Такъ какъ создаваемые имъ символы не являлись результатами его разсудка, а порождались его воображеніемъ, насыщеннымъ поэтическими образами, то въ тѣ минуты, когда его фантазію наполняла какая-нибудь крупная вещь, онъ отыскивалъ повсюду въ жизни родственныя ей созвучія и передавалъ ихъ съ такою силою, что слушатель проникался восторгомъ и трепетомъ. Въ этомъ — таинственная сила его поэзіи.

Что касается его міросозерцанія, то оно бѣдно, неясно и слишкомъ уже просто, будучи формулировано отвлеченно, но картина жизни въ его произведеніяхъ широка и величественна; въ ней геніально слито духовное съ матеріальнымъ; фантазія поэта беретъ изъ жизненныхъ явленій то, что ей соотвѣтствуетъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ подобно жизненному инстинкту, ведущему человѣка сквозь безконечную путаницу жизненныхъ противорѣчій и не дающему ему погибнуть. Такимъ образомъ, эта картина міра ускользаетъ отъ критики; какъ про жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и про эту фантазію нельзя сказать съ увѣренностью, насколько тѣсно она переплелась въ своемъ неистощимомъ метафорическомъ порывѣ съ чисто личнымъ. Въ изображеніи частнаго, единичнаго она пользуется отраженіемъ въ немъ общаго; рисуя духовное, одухотворяетъ матеріальное, рисуя матеріальное, овеществляетъ духовное.

Чѣмъ ближе мы всматриваемся въ ткань гигантскаго поэтическаго творчества Гюго, тѣмъ неуловимѣе и неопредѣленнѣе кажутся намъ идеи, изъ которыхъ она соткана. Большое мѣсто занимаетъ въ немъ идея «народа», олицетворенная въ безчисленныхъ символахъ. Однимъ изъ такихъ символовъ является «Рюи Блазъ», слуга, котораго судьба одѣваетъ въ платье вельможи и переноситъ въ чуждый ему міръ, чтобы повелѣвать въ немъ. Такимъ же символомъ является Титанъ, выходящій изъ своей подземной пещеры и появляющійся на противоположномъ концѣ земли, ступающій такими звучными шагами и такъ гордо несущій голову, что боги при видѣ его блѣднѣютъ. То же нужно сказать и про Сатира, который приходитъ на Олимпъ и въ присутствіи боговъ затягиваетъ пѣсню и, по мѣрѣ того, какъ растетъ его пѣсня, онъ самъ дѣлается все выше и выше, и вырастаетъ, наконецъ, въ гигантское существо. Съ бедръ его сбѣгаютъ могучіе потоки, между пальцами блуждаютъ кочевые народы, вокругъ губъ, какъ надъ склонами высочайшихъ горъ, кружатъ орлы. Въ этихъ образахъ находитъ себѣ выраженіе тотъ священный трепетъ, который испытывалъ поэтъ при мысли о гигантской скованной силѣ, о томъ олицетвореніи всѣхъ слѣпыхъ силъ, какимъ для него являлся народъ, и о возможности для этой силы сознать себя, подняться на ноги, подобно гиганту, которому Олимпъ ниже колѣнъ, и кинуть блѣднѣющимъ властителямъ міра

свое имя, какъ воскликнулъ Сатиръ передъ испуганными богами: «Я—великій Панъ!»

Но тотъ фактъ, что одно изъ политическихъ стремленій его времени вылилось у Гюго въ такую необыкновенную миѳическую концепцію, говоритъ уже за то, что фантазія поэта обитала въ жизни и эпохѣ, какъ звучный голосъ въ пустомъ сводѣ. Дѣйствительность отдавала ему назадъ то возбужденіе, съ которымъ онъ къ ней подходилъ, еще усиливая его въ свою очередь. Такимъ образомъ въ этомъ прославленіи пробуждающейся гигантской силы заключается такъ же много исходящаго отъ отдѣльнаго человѣка, какъ и относящагося къ внѣшнему міру. Можно было бы сказать, что Гюго въ этихъ диѳирамбахъ видѣлъ столько же пробужденіе своего собственнаго генія, сколько и пробужденіе народа. Однако это не было бы вѣрно, такъ какъ онъ несомнѣнно строго разграничивалъ свои мечты о первомъ отъ мечтаній о второмъ; дѣло въ томъ только, что въ немъ жила смутная идея силы, разбивающей свои оковы, и эта идея, по своей высотѣ, простотѣ и смутности почти равняющаяся музыкальной темѣ, влекла его въ жизни къ тѣмъ мыслямъ и событіямъ, а въ поэзіи къ тѣмъ образамъ и концепціямъ, въ которыхъ она могла выразиться.

Когда передъ умственнымъ взоромъ поэта носятся эти простыя, неопредѣленныя идеи, то онъ находитъ во многихъ жизненныхъ явленіяхъ сходныя черты, обращаетъ мало вниманія на историческія и политическія разногласія и впадаетъ, такимъ образомъ, въ тѣ кажущіяся противорѣчія съ самимъ собою, въ ту внѣшнюю непослѣдовательность настроеній, которыя доставляютъ тамъ много хлопотъ его современникамъ. Ему лично эти противорѣчія представляются въ высшей степени легко согласимыми, эти настроенія вполнѣ законными. Судьба дала ему именно умѣнье улавливать въ противорѣчивыхъ стремленіяхъ общія черты, отыскивать то жизненное начало, безъ котораго ни одна мысль, ни одно настроеніе не могутъ зародиться и жить. Этимъ свойствомъ объясняется также широта его вліянія, ибо, по существу, люди не партійны, а стремятся жить общими чувствами.

Такой умъ, который умѣетъ повсюду уловить общее, упрощаетъ, дѣлаетъ людямъ доступнымъ настоящее и понятнымъ прошедшее. Онъ распоряжается ими, какъ властелинъ, выдвигая впередъ все гармонирующее между собою. Онъ все рисуетъ широкою кистью и не устаетъ твердить излюбленныя мысли, описывать излюбленныя чувства своего народа. Французскому уму особенно близко понятіе величія и всѣхъ отношеній, которыя съ нимъ связаны, какъ-то: сила и слабость, превосходство и ничтожество, долгъ и узурпація. Эти понятія, заключающія въ себѣ различныя судьбы людей, являются кульминаціоннымъ пунктомъ всего творчества Гюго.

Высшимъ наслажденіемъ для его фантазіи было выдумывать такія положенія, въ которыхъ основною темою является понятіе о превосходствѣ, трактуемое новымъ и оригинальнымъ образомъ. Подобно этому за основное стремленіе гётевой фантазіи можно принять стремленіе сдѣлать для

всѣхъ ощутительными явленія закономѣрности и связь законовъ между собою.

Гюго воспѣвалъ величіе во всѣхъ видахъ: и въ видѣ традиціи, законности, королевской власти, и въ видѣ самодержавнаго владычества генія въ образѣ Наполеона Перваго, а позже въ неясномъ образѣ народа, и въ самомъ себѣ, въ нравственномъ превосходствѣ непреклоннаго изгнанника, и въ видѣ различныхъ стихій и, наконецъ, въ простотѣ, въ ребенкѣ, въ безсловесномъ животномъ. Онъ понималъ и признавалъ всѣ формы, въ которыхъ проявляется самосознаніе, будучи твердо увѣренъ въ томъ, что оно есть главное основное стремленіе человѣческой природы. Онъ неисчерпаемъ въ изображеніи чувствъ гордости и собственнаго достоинства и любитъ выдумывать такія положенія, въ которыхъ, благодаря превратностямъ судьбы, эти чувства выражаются съ особенною силою. Чаще всего у него одерживаетъ верхъ тотъ, кто раньше былъ внизу. На этомъ въ «Эрнани» построено отношеніе Эрнани къ королю и Сильвѣ; въ «Рюи Блазѣ»—вся судьба Рюи Блаза; въ «Burgraves»—первый актъ, гдѣ нищій оказывается королемъ, и всѣ падаютъ ему въ ноги.

Одно изъ лучшихъ стихотвореній Légende, озаглавленное «Suprématie», все построено на крайнемъ обостреніи этого мотива. Другое стихотвореніе содержитъ въ себѣ разговоръ между созвѣздіями, которыя наперерывъ хвалятся своимъ блескомъ, своей величиной; они на перебой изливаютъ это въ чудныхъ стихахъ; а подъ конецъ Богъ произноситъ только одинъ слѣдующій стихъ:

Je n'aurais qu'à souffler et tout serait de l'ombre.

II.

Поэтическія произведенія по большей части стремятся отразить картину жизни во всей ея полнотѣ. Но юношескому уму болѣе нравятся отдѣльныя черты, частности. Этому частному, единичному онъ противополагаетъ все остальное въ качествѣ обычнаго, общежитейскаго, противнаго: къ великой сущности жизни у него еще нѣтъ опредѣленнаго отношенія. Мало-помалу устанавливается, однако, разумѣніе связи между событіями. Человѣкъ узнаетъ, какъ одна вещь обусловливаетъ собою другую, другая—третью и такъ далѣе въ безконечномъ круговомъ движеніи; область изображаемаго расширяется почти до безпредѣльности, а съ нею расширяется также и манера изображенія.

Произведенія, относящіяся къ самой ранней, лирической эпохѣ Гюго, посвящены изображенію частнаго, личнаго. Въ «Odes et Ballades», «Feuilles d'Automne», «Chants du crépuscule», «Voix intérieures», мало единства, ихъ слабо связываютъ только настроенія автора, его общечеловѣческія чувства. Міровая картина въ нихъ едва намѣчена. Молодой неопытный умъ не могъ бы почерпнуть изъ нихъ никакихъ свѣдѣній о ходѣ міровыхъ событій, объ общемъ складѣ жизни. Бо́льшимъ единствомъ отличается его книга «Les

Orientales», хотя это единство заключается главнымъ образомъ въ ея художественной и стилистической сторонахъ, и слѣдовательно совсѣмъ другого порядка.

За первымъ, лирическимъ періодомъ слѣдуютъ у Гюго 14 лѣтъ драматическаго творчества, съ 1829 по 1843 годъ, начиная съ Cromwell'я и кончая рѣшительнымъ неуспѣхомъ Burgraves. Замкнутость этого періода уже заставляетъ угадывать извѣстную долю насилія, какъ бы сдѣланнаго надъ собою авторомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ томъ міросозерцаніи, которое выражено въ драмахъ, есть что-то искусственное. Оно какъ бы насильственно выхвачено у незрѣлаго еще опыта; оно произвольно подчинено единственному понятію,—понятію противоположности. Антитеза, играющая вообще видную роль во французской дикціи и композиціи, заняла здѣсь первенствующее мѣсто. Она господствуетъ надъ душевными эмоціями и дѣйствіемъ, надъ психологіей и механизмомъ, надъ драматической фабулой и стихомъ.

Въ этихъ драмахъ говорится, что человѣкъ созданъ изъ контрастовъ, что судьба его полна самыхъ неожиданныхъ случайностей, что всѣ людскія понятія о жизни ничего не стоятъ, такъ какъ каждое понятіе влечетъ за собою свою противоположность и слѣдовательно противный ожиданію результатъ. Но этотъ необычайный и односторонній взглядъ на жизнь не оказываетъ никакого вліянія на дѣйствующихъ лицъ драмъ. Они, въ качествѣ людей, совершенно не сознаютъ тѣхъ законовъ жизни, подъ которыми они живутъ и которые они сами воплощаютъ. Только благодаря этой безсознательности, свойственной лишь призракамъ, ихъ судьбы завязываются въ тѣ трагическіе узлы, которые мы видимъ. Если бы кто-нибудь изъ нихъ когда-нибудь оглянулся, то увидѣлъ бы, что остальные—не болѣе какъ плоскія куклы, разрисованныя только съ лицевой стороны, что это просто — бумажныя фигуры. Живой, реальный образъ, какъ Гамлетъ или Гецъ, попавъ въ одну изъ этихъ драмъ, только однимъ фактомъ своего присутствія долженъ бы былъ неминуемо разрушить все дѣйствіе.

Читатель догадывается, что этотъ міръ создается не дѣйствительностью, а воображеніемъ генія, что это не полная картина жизни, а произвольное сокращеніе ея. Подъ одеждою бандита скрывается душа героя; старикъ носитъ въ своей груди юношески-противорѣчивыя чувства—любовь и ненависть; лакей видитъ у своихъ ногъ королеву; сына влечетъ желаніе убить мать; горбатый презрѣнный шутъ, злобное существо питаетъ безпредѣльную любовь къ сыну; изгнанникъ, опальный—завоевываетъ любовь женщины, оставшейся недоступной королю: но брачная ночь превращается въ ночь смерти, и огни, зажженные для свадебнаго пира, освѣщаютъ два трупа; властелинъ оказывается безсильнымъ; дуракъ — мудрецомъ; умирающій кардиналъ послѣднимъ звукомъ безкровныхъ устъ лишаетъ жизни молодого цвѣтущаго Дидье; падшая дѣвушка любитъ, какъ не можетъ любить ни одна другая; Кромвель, отдающій приказъ обезглавить короля, дрожитъ въ присутствіи жены и ребенка...

Человѣкъ, создавшій весь этотъ фантастическій міръ, лишь къ концу этого періода познакомился съ болѣе простыми и правдивыми жизненными законами. Толчкомъ къ этому послужило печальное событіе 1843 года—смерть горячо любимой старшей дочери Гюго. Она утонула въ Сенѣ, нѣсколько дней спустя послѣ своей свадьбы, и мужъ утонулъ вмѣстѣ съ нею. Эта смерть нѣжно-любимаго цвѣтущаго существа, это острое и большое горе было первымъ крупнымъ вмѣшательствомъ судьбы въ дотолѣ ничѣмъ не смущаемую жизнь поэта. Оно проявило надъ нимъ невидимую творческую силу всѣхъ большихъ несчастій. Страдая, онъ обрѣлъ самого себя; его нѣсколько преувеличенное понятіе о себѣ, занявшее несоразмѣрно большое мѣсто въ мірѣ, какъ бы съежилось. Самая жизнь какъ будто раздвоилась; вмѣстѣ съ любимымъ юнымъ существомъ, казалось, умеръ цѣлый міръ, а между тѣмъ другой міръ продолжалъ окружать его. Между ними зіяла бездонная пропасть — могила. Въ это время возникаетъ его замѣчательная книга *Contemplations*, охватывающая произведенія двухъ десятилѣтій, и отмѣченная, несмотря на это, бо́льшимъ единствомъ, чѣмъ книги, написанныя имъ въ первомъ періодѣ. Личность выражена здѣсь гораздо ярче, отношеніе къ жизни болѣе опредѣленное. Горе — настоящее введеніе въ жизнь; съ одной стороны уясняя уму человѣка общій смыслъ жизни, съ другой — оно облегчаетъ творческой фантазіи первые шаги на пути истиннаго художественнаго творчества.

Горе заставило Гюго броситься въ политику. За этимъ слѣдуетъ эпоха, которая въ концѣ-концовъ приводитъ къ горестному событію 1851 года. Отвлеченныя теоріи превратились въ самую грубую дѣйствительность. Въ борьбѣ съ идеями были противопоставлены имъ пушки. Побѣда осталась за реакціоннымъ міровоззрѣніемъ,—въ этомъ приходилось убѣждаться, чувствуя на себѣ ружейные прицѣлы, видя друзей, плавающихъ въ крови, будучи вынужденъ бѣжать за границу подъ покровомъ туманной ночи. Революція и контръ-революція являются осуществленіемъ противоположныхъ тенденцій. Нѣтъ болѣе ужаснаго событія для побѣжденной стороны, ибо для нея это—полное крушеніе внутренняго и внѣшняго міра; но въ то же время нѣтъ событія и болѣе плодотворнаго для фантазіи, именно благодаря такому тѣсному соединенію въ немъ внутренняго и внѣшняго міра, именно потому, что здѣсь дѣйствительность получаетъ значеніе символа. Въ такія эпохи возбужденному уму человѣка раскрывается вся картина жизни, во всей ея полнотѣ. Онъ видитъ, что ничто изъ того, что происходитъ, не лишено значенія, и, опьяненный гнѣвомъ и страданіями, Гюго создаетъ первое произведеніе, оставляющее далеко за собою все, что было написано имъ раньше. Это произведеніе—«Châtiments». Въ немъ выражена вся полнота чувствъ, возбужденныхъ въ человѣкѣ крупнымъ событіемъ, охватывающимъ какъ общую судьбу человѣчества, такъ и судьбы отдѣльныхъ лицъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ есть и реальныя подробности, изъ которыхъ слагалось событіе, и въ массѣ символовъ можно найти его духовное содержаніе. Эти девяносто восемь стихотвореній, несущіяся, какъ гнѣвныя бушующія волны

между прологомъ Nox и эпилогомъ Lux, своимъ порядкомъ, своими оттѣнками, заимствуемыми ими другъ у друга, производятъ впечатлѣніе одного большого цѣлаго, высокаго символическаго зрѣлища, невольно заставляющаго, несмотря на всю разницу, вспоминать о Данте. Итакъ, поэтъ получилъ ясное понятіе о единствѣ жизни; онъ призналъ синтезомъ внѣшняго и внутренняго міра дѣйствіе и страданіе; онъ усвоилъ себѣ вмѣстѣ съ этимъ широкую манеру изображенія; ему понятны теперь великія формы древняго искусства: книги Ветхаго Завѣта, античные трагики, Данте. Онъ знаетъ, какъ достигнуть того, чтобы видѣть событія минувшихъ вѣковъ съ такою же ясностью, и различать въ нихъ присутствіе божества, какъ онъ сумѣлъ увидѣть его въ современномъ событіи. Двѣ вещи помогаютъ ему въ этомъ: во-первыхъ, великая творческая сила его фантазіи, а во-вторыхъ, склонность его эпохи къ исторіи, склонность, ярко отличающая всю первую половину XIX вѣка.

Такимъ образомъ создается гигантская стѣна, сложенная изъ человѣческихъ поколѣній и ихъ судебъ. Такъ возникаетъ великая книга, состоящая изъ высоко поэтическихъ стихотвореній, обнимающихъ собою и эпосъ, и аллегорію, и гимнъ, и хронику. Это—«Легенда вѣковъ». Въ этомъ произведеніи авторъ удивительно сумѣлъ соединить всѣ элементы высокой поэзіи. Минутами въ ней раздается голосъ пророка, который вскорѣ заглушается звукомъ «Chanson de geste»; Пиндаръ переходитъ въ Лукрецію, а Лукрецій смѣняется Вергиліемъ. Иногда слышится ритмъ Данте, заглушаемый въ слѣдующую минуту испанскимъ тономъ, не чуждымъ и Корнелю. Но все это такъ цѣльно, отличается такимъ единствомъ, что благодаря этому будетъ жить вѣчно.

III.

Кто привыкъ окидывать широкимъ взоромъ измѣнчивыя формы бытія, кому дана еще сверхъ этого способность улавливать контрасты, тотъ долженъ проникнуться тѣмъ представленіемъ о добрѣ и злѣ, которое аллегорически изображено въ прологѣ въ книгѣ «Іова» и которое заключается въ томъ, что доброе и злое начала ведутъ нѣчто вродѣ спора изъ-за жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ людей. Это дуалистически-религіозное представленіе позволяетъ Гюго еще значительнѣе расширить предѣлы изображенія имъ человѣчества въ великихъ произведеніяхъ его зрѣлой эпохи. Такимъ образомъ, чтобы связать съ вѣчностью «Légende des siècles», были задуманы еще двѣ книги: *Конецъ сатаны* и *Богъ*. Въ нихъ, въ цѣломъ рядѣ величественныхъ образовъ, онъ хотѣлъ воплотить человѣчество, предѣлъ и безпредѣльность.

Для поэта, который въ своей жизни уже многое создалъ, который нерѣдко ощущалъ свое величіе, его собственное творчество превращается въ зрѣлище, приковывающее къ себѣ его вниманіе. Онъ сравниваетъ вліяніе своего духа съ господствомъ стихій. Такимъ образомъ Гюго создаетъ книгу:

«Les quatre vents de l'esprit», охватывающую всѣ виды его собственнаго вдохновенія—лирическій, сатирическій, эпическій и драматическій.

Остается сказать нѣсколько словъ еще о великой старости этого человѣка. Вдохновеніе всегда влекло его къ антитезѣ, жизнь такъ обострила это влеченіе, что пристрастіе должно было, повидимому, остаться его удѣломъ. Между тѣмъ десятилѣтія смѣняли другъ друга, и риторико-историческое направленіе первой половины вѣка было вытѣснено естественно-научнымъ духомъ его второй половины. Озаренное этимъ новымъ свѣтомъ, произведеніе его старости полно самаго глубокаго сочувствія и пониманія.

Въ «La pitié suprême» Гюго рисуетъ образъ Людовика XV, надѣленнаго имъ въ другихъ мѣстахъ всѣми проявленіями зла, но рисуетъ его такими чертами, которыя толкуютъ «зло», какъ одинъ изъ удѣловъ человѣка.

Остается добавить еще слѣдующее. Кто перерылъ всю исторію человѣчества, кто нагромождаетъ поколѣнія на поколѣнія, кто проникъ во тьму легендъ, окинулъ взоромъ толпы умершихъ, кто стремился уловить отдѣльные звуки въ безконечно-запутанномъ шумѣ, у того фантазія должна изнемочь подъ тяжестью людскихъ мыслей и мечтаній. Нужно выдохнуть этотъ угаръ, вдохнутый вмѣстѣ съ міріадами умершихъ мыслей, сила фантазіи должна на мгновенье сдавить этотъ хаосъ, чтобы потомъ навсегда оттолкнуть его отъ себя.

Въ стихотвореніи «Dieu invisible au philosophe» рисуется пророкъ, изучившій языки ассирійскій, арабскій, персидскій, еврейскій, и въ концѣ концовъ ничего не знающій. Взоръ его устремленъ въ темноту, и онъ размышляетъ надъ загадкою бытія. Вдругъ, въ ту минуту, когда онъ, погруженный въ мысли, ѣдетъ по лѣсу, спотыкается и останавливается его оселъ. Безсловесная тварь узрѣла Бога, котораго напрасно пытается увидѣть пророкъ. Эта же фабула составляетъ содержаніе стихотворенія «L'Ane». Только вмѣсто четырехъ языковъ, изученныхъ пророкомъ, здѣсь является цѣлая груда знанія, завѣщаннаго людямъ вѣками:

Tous ces textes qui font le silence autour d'eux
Et d'où l'odeur des ans et des peuples s'exhale...

Про нѣкоторыхъ поэтовъ говорятъ, что для нихъ существуетъ особый, видимый ими, міръ. Гюго въ высшей степени обладалъ этимъ свойствомъ, указывающимъ на стремленіе поэзіи въ сторону живописи. Художественная яркость его картинъ есть изображеніе видимаго имъ. Онъ часто больше интересуется видимымъ міромъ, чѣмъ духовнымъ. Знаменитое его стихотвореніе «Tristesse d'Olympio» содержитъ жалобы на непрочность всего земного и на мимолетность любви. Эти жалобы произносятся въ паркѣ, и изображеніе этого парка, который долженъ быть только рамкой для даннаго настроенія, такъ чудесно, что стихотвореніе не особенно трогаетъ, но безконечно глубоко дѣйствуетъ своею описательною стороной. Идейное содержаніе «Orientales» невелико, но художественная сторона этой книги несравненна. Авторъ видитъ страны, въ которыхъ никогда не былъ; онъ

видитъ ихъ, быть можетъ, гораздо ярче, чѣмъ тысячи людей, которые жили тамъ:

La ville au dôme d'or, la blanche Navarin
Sur la colline assise entre les térébinthes.

Онъ видитъ и Коринеъ съ его предгоріемъ, и острова съ ихъ сверкающими скалами, и холмъ Спарты, и озеро Арта, и причудливой формы лодки, качающіяся на волнахъ, и лошадей съ длинными гривами и цвѣтными сѣдлами, съ которыхъ свѣшиваются внизъ большія широко отороченныя стремена

et le Klephte à l'oeil noir, au long fusil sculpté

онъ видитъ все это, видитъ и великій Востокъ, видитъ и мавританскую Испанію...

Quand la lune à travers les mille arceaux arabes
Sème les murs de trèfles blancs...

Такъ же ярко видитъ онъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ средневѣковый городъ, соборъ, башню, бургъ; онъ чувствуетъ ихъ нѣмое безмолвіе, ихъ величіе, ихъ выразительность, вылившуюся въ одно слово, которое никогда не будетъ произнесено, ихъ свѣтъ и тѣни, ихъ силу, ихъ порывы, ихъ грусть и ихъ гордость,—онъ ощущаетъ все это гораздо живѣе, нежели движенія человѣческой души.

Свои персонажи онъ тоже сначала видитъ, а потомъ уже чувствуетъ. Онъ постигаетъ ихъ души путемъ зрительнаго воспріятія. Выпуклый образъ передается имъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Comme sort de la brume
Un sévère sapin, vieilli par l'Appenzell
A l'heure où le matin, au souffle universel
Passe, des bois profonds balayant la lisière,
Le preux ouvre son casque, et hors de la visière
Sa longue barbe blanche et tranquille apparaît.

И часто случается, что дальнѣйшее изображеніе ихъ дѣйствій и всего остального не можетъ ничего больше прибавить къ первому впечатлѣнію, производимому такимъ описаніемъ. Въ немъ картинность оказываетъ дѣйствіе символа.

А. Ч.

Несчастіе Кавказа [1]).

Тяжелое впечатлѣніе производятъ картины кавказской жизни. Деревенское населеніе безпомощно въ борьбѣ съ вредными для него силами природы; во многихъ мѣстностяхъ оно вымираетъ отъ маляріи [2]) и другихъ болѣзней, вызываемыхъ недостаточностью питанія; неурожаи становятся хроническими—изъ послѣднихъ десяти лѣтъ пять неурожайныхъ—и смерти отъ голода считаются сотнями; у горцевъ въ Дагестанѣ постоянное голоданіе, отъ котораго они и вымираютъ [3]). Градъ, въ особенности въ Кахетіи, ежегодно уничтожаетъ значительную долю урожая винограда и хлѣбовъ. Саранча, готтентотскій клопъ и другія насѣкомыя поѣдаютъ хлѣбныя поля. Землетрясенія время отъ времени разрушаютъ цѣлыя деревни.

Но еще болѣе, чѣмъ отъ стихійныхъ силъ, населеніе Кавказа страдаетъ отъ соціальнаго неустройства. У крестьянъ мало земли, ихъ разоряютъ ростовщики, потому что отсутствуетъ организація дешеваго кредита; хизаны обезземеливаются. Умственная темнота; крайній недостатокъ въ школахъ, въ медицинской помощи и хорошихъ путяхъ сообщенія.

Правовое положеніе въ краѣ не обезпечено. Случается, что крестьяне ищутъ правды у разбойниковъ [4]) и ставятъ имъ памятники, какъ своимъ защитникамъ и «хорошимъ» людямъ [5]).

---

[1]) Эта статья доставлена была намъ покойнымъ И. И. Свѣдѣнцовымъ и, по разнымъ причинамъ, до сихъ поръ не могла быть напечатана.—*Ред.*

[2]) Въ ст. „Колонизація на Кавказѣ“ (*Вѣстникъ Европы,* 1900 г., № 4) я указалъ эти мѣста.

[3]) Врачъ аварскаго округа говоритъ въ своемъ отчетѣ, что „причина большой смертности и малой рождаемости населенія кроется въ хроническомъ голоданіи, на почвѣ котораго развивается истощеніе и дряблость организма; отсюда неспособность сопротивленія разнымъ остро-заразнымъ заболѣваніямъ“. *Новое Обозрѣніе,* 1900 г., № 5460.

[4]) Разбойнику Мамеду-Абузаръ-Оглы подавали жалобы на рѣшенія мироваго судьи. Его домъ „походилъ какъ бы на присутственное мѣсто. Тамъ всегда толпился народъ—одни приносили ему подарки, другіе—жалобы и прошенія. Подарки онъ принималъ и благодарилъ, а просьбы и жалобы разсматривалъ и выслушивалъ“. Отчетъ судебнаго засѣданія по дѣлу объ убійствѣ Абашидзе. Цитирую изъ *Каспія,* 1897 г., № 264.

[5]) На памятникѣ разбойнику Арсену въ Мцхетѣ надпись: „здѣсь ты былъ хорошимъ человѣкомъ; тамъ пусть будетъ тебѣ царство небесное“. На памятникѣ разбой-

Конечно, противъ всѣхъ непорядковъ кавказской жизни принимается цѣлый рядъ «мѣропріятій». Естественно возникаетъ вопросъ: почему же благія намѣренія не имѣютъ такихъ же результатовъ?

I.

Въ числѣ приложеній къ отчету попечителя учебнаго округа за 1899 г. есть два интересные документа, экспонированные на парижской выставкѣ: во-первыхъ, «сводъ статистическихъ свѣдѣній по учебнымъ заведеніяхъ кавказскаго учебнаго округа за двадцатилѣтній періодъ 1879—1899 годы», составленный окружнымъ инспекторомъ Р. Шенгеромъ, и, во-вторыхъ, карта, наглядно иллюстрирующая просвѣтительную дѣятельность на Кавказѣ.

Для удобства сравненія показателей степени народнаго образованія на Кавказѣ въ 2 указанные года, я сгруппирую цифры въ слѣдующей табличкѣ:

	Въ 1879 г.	Въ 1899 г.
Гимназій мужскихъ	4	12
Прогимназій мужскихъ	6	2
Реальныхъ училищъ	3	6
Учительскихъ институтовъ . . .	1	1
Учительскихъ семинарій	2	4
Гимназій женскихъ	5	14
Прогимназій женскихъ	3	7
Всего средн. учебн. зав. .	24	49
Городскихъ училищъ	15	42
Уѣздныхъ училищъ	6	—
Горскихъ школъ	4	5
Ремесленныхъ училищъ	2	16
Всего низшихъ училищъ. .	27	67
Маріинскихъ	—	4
Частныхъ	63	137
Начальныхъ	928	1,416
Всего вѣдомства нар. просв.	1,042	1,669
Другихъ вѣдомствъ	35	1,419
При мечетяхъ	1,557	1,990
При синагогахъ	47	38
Всего въ учебн. округѣ . .	2,681	5,116

Такимъ образомъ общее число школъ на Кавказѣ увеличилось въ 20 лѣтъ почти вдвое.

нику Пухашвили въ Горійскомъ уѣздѣ, между сел. Двани и Цероники, гдѣ онъ былъ убитъ предателемъ, надпись: „Богатыхъ я грабилъ и давалъ бѣднякамъ; никого я не убивалъ, но видишь, что сдѣлалъ измѣнникъ Ломидзе". *Каспій*, 1897 г., № 264.

Число учащихся было:

	Въ 1879 г.	Въ 1899 г.
Въ среднихъ учеб. завед. . .	6,952	18,801
» низшихъ	3,703	13,139
» частныхъ	2,557	7,286
» начальныхъ	41,103	100,542
Другихъ вѣдомствъ	22,769	88,307
Всего	77,084	228,075

Приведенныя цифры свидѣтельствуютъ о прогрессѣ народнаго образованія на Кавказѣ, хотя и незначительномъ. Но статистическія данныя только въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ показанія, не требующія никакихъ оговорокъ и поясненій. Въ большинствѣ же случаевъ заключенія по итогамъ статистическихъ данныхъ безъ предварительнаго ознакомленія съ значеніемъ показателей частныхъ итоговъ и безъ опредѣленія отношенія цифръ къ тѣмъ или другимъ нормамъ,—оказываются не соотвѣтствующими дѣйствительности.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Значеніе приведенныхъ цифровыхъ показателей образованія на Кавказѣ значительно измѣнится послѣ разсмотрѣнія подробностей дѣла.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ числѣ начальныхъ школъ есть много такихъ, которыя хотя и существуютъ, но должны считаться почти несуществующими по своему учебно-воспитательному значенію. Таковы школы при мечетяхъ, синагогахъ и церковно-приходскія. Попечитель учебнаго округа относительно мусульманскихъ и еврейскихъ школъ замѣчаетъ «ничтожность этихъ школъ въ смыслѣ учебно-воспитательныхъ заведеній» и говоритъ, что онѣ «по нецѣлесообразности своего устройства и по ничтожности достигаемыхъ ими результатовъ едва заслуживаютъ названія учебныхъ заведеній».

Тоже говорятъ и мѣстные изслѣдователи. Такъ, въ изданіи закавказской желѣзной дороги [1]) приведены, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о народномъ образованіи.

Въ Борчалинскомъ уѣздѣ «грамотныхъ среди грузинъ чрезвычайно мало», а между татарами «грамотныхъ почти нѣтъ». Въ Карсской области школы «чисто конфессіоннаго характера по низкому уровню обученія и воспитанія и врядъ ли могутъ быть названы учебными заведеніями, особенно такъ называемыя *медресе*, устраиваемыя при мечетяхъ». Въ Эриванской губерніи «даже элементарная грамотность совершенно отсутствуетъ у татаръ». Начальныя армянскія школы тоже неудовлетворительны: «тѣ изъ крестьянъ, которые закончили образованіе программой церковно-приходскихъ школъ, быстро теряютъ свои знанія и сливаются съ массой, нисколько не вліяя на ея развитіе. Поэтому въ результатѣ, несмотря на свое сочувствіе къ

[1]) „Районъ тифлисско-карсско-эриванской желѣзной дороги въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніи".

просвѣщенію, масса армянъ по своему развитію немногимъ отличается отъ татаръ».

Кромѣ того, показанное число школъ этого типа сомнительно: оно, какъ сказано въ отчетѣ попечителя учебнаго округа за 1898 годъ, «неожиданно то увеличивается, то уменьшается на цѣлыя сотни». Полицейскія управленія, доставляющія свѣдѣнія объ этихъ школахъ, опредѣляютъ число ихъ по своему усмотрѣнію; какъ сказано въ отчетѣ, эти свѣдѣнія отличаются «неточностью и неполнотою».

Не менѣе неточны и сомнительны показанныя цифры о числѣ школъ грамотности и церковно-приходскихъ. Въ названномъ отчетѣ говорится, что эти школы «существуютъ или считаются существующими». Онѣ существуютъ, значитъ, какъ мертвыя души, числившіяся живыми по ревизскимъ сказкамъ. Епархіальные совѣты доставляютъ свѣдѣнія о числѣ ихъ, не прилагая списковъ.

«Особенно недостаточными,— сказано въ отчетѣ попечителя учебнаго округа за 1898 годъ,—оказались свѣдѣнія, доставленныя ставропольскимъ епархіальнымъ совѣтомъ, въ вѣдѣніи котораго находится болѣе половины всѣхъ существующихъ въ краѣ церковно-приходскихъ школъ. Этотъ совѣтъ не только не доставилъ списка училищъ, но даже не далъ свѣдѣній, которыя позволяли бы отдѣлить школы Кубанской области отъ школъ Ставропольской губерніи и опредѣлить, сколько въ общемъ числѣ учащихся было мальчиковъ и дѣвочекъ».

Свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ Кавказа, не находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія [1]), также «должны быть признаны неполными и неточными».

Такъ называемыя горскія школы при нынѣшней постановкѣ ихъ, при «натуральномъ способѣ» обученія [2]), могутъ быть также причислены къ номинальнымъ. «Всѣ онѣ страдаютъ весьма крупнымъ и существеннымъ недостаткомъ: учителями этихъ школъ назначены лица, не знающія ни одного слова горскаго языка, на которомъ говорятъ ученики горцы, вслѣдствіе чего учителя и ученики буквально не понимаютъ другъ друга; послѣдніе не могутъ усвоить не только примѣненія самыхъ элементарныхъ правилъ русской грамматики, но не понимаютъ даже и смысла этихъ правилъ, равно какъ и объясненій и разсказовъ учителя» [3]).

«Нигдѣ,—говоритъ попечитель учебнаго округа,—въ начальныхъ народныхъ школахъ религіозное обученіе не стоитъ такъ низко, какъ въ нашихъ народныхъ школахъ вслѣдствіе неаккуратнаго посѣщенія уроковъ священниками-законоучителями. Для устраненія этого неудобства было бы

---

[1]) Кромѣ названнаго министерства, школами на Кавказѣ управляютъ 7 вѣдомствъ: православныхъ исповѣданій, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, военное, путей сообщенія, государ. имуществъ и учрежденій Императрицы Маріи.

[2]) Учитель представляетъ жестами и движеніями зайца, корову и говоритъ: это заяцъ, это корова.

[3]) „Грамотность въ Дагестанѣ“ въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, № 1.

желательно, чтобы къ преподаванію Закона Божія допускались и свѣтскія лица».

Въ запискѣ г. Туманова о введеніи земскихъ учрежденій въ Тифлисской губерніи указана «крайняя бѣдность земской смѣты Тифлисской губерніи по отдѣлу необязательныхъ расходовъ; въ немъ всего только двѣ статьи: на пособіе православнымъ церковно-приходскимъ школамъ 2,000 рублей и на телеграммы 224 рубля. Такимъ образомъ потребность населенія въ образованіи удовлетворяется въ Тифлисской губерніи тѣмъ способомъ, какой практиковался во всей Россіи до шестидесятыхъ годовъ и былъ признанъ несостоятельнымъ».

Ингуши «поголовно безграмотны и не знаютъ совершенно русскаго языка. Ради обученія дѣтей русскому языку отдаютъ ихъ въ гостиницы и въ прислуги въ русскія семейства въ Владикавказъ» [1]).

Число грамотныхъ новобранцевъ Тифлиса, гдѣ образовательныхъ средствъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Кавказѣ, за послѣдніе десять лѣтъ не прогрессируетъ, колеблясь между 32,1% и 66,1% всѣхъ принятыхъ новобранцевъ: въ 1890 году было 53,4%, въ 1899 году—32,1%.

Надо еще замѣтить, что параллельно съ увеличеніемъ числа школъ на Кавказѣ идетъ и уменьшеніе ихъ; такъ, за двадцать лѣтъ (съ 1879 года) было открыто 1,613 школъ, а закрыто 1,007.

Въ отчетѣ попечителя учебнаго округа объяснена причина закрытія 212 армянскихъ школъ въ 1896 году. Дѣло въ томъ, что эти школы, называвшіяся церковными и монастырскими, содержались не на церковныя и монастырскія средства, а на суммы, ассигновавшіяся сельскими обществами по приговорамъ, «составленнымъ безъ вѣдома администраціи и надлежащимъ образомъ не утвержденнымъ». Эти ассигнованія на упомянутыя школы,—какъ сказано въ отчетѣ [2]),—весьма вредно отзываются на успѣхѣ народнаго образованія въ краѣ, такъ какъ лишаютъ эти общества возможности устраивать обыкновенныя начальныя училища на общемъ основаніи для дѣтей всѣхъ безразлично исповѣданій». По такимъ соображеніямъ въ 1896 году было предписано сдать эти школы въ вѣдѣніе мѣстныхъ дирекцій народныхъ училищъ; но такъ какъ всѣ завѣдующіе школами отказались исполнить это распоряженіе, то школы были закрыты.

Всѣ приведенные факты значительно уменьшаютъ тотъ плюсъ, который показанъ въ упомянутомъ «Сводѣ» за двадцать лѣтъ. Онъ былъ бы больше, если бы для опредѣленія прогресса образованія на Кавказѣ былъ взятъ бо́льшій періодъ; онъ былъ бы очень великъ, если бы для сравненія служилъ 1802 годъ, когда въ Тифлисѣ было открыто правителемъ Грузіи Коваленскимъ первое училище.

Значеніе статистическихъ данныхъ по народному образованію выясняется сравненіемъ не только съ прошлымъ положеніемъ этого дѣла, но главнымъ

---

[1]) Статья г. Баева въ *Новомъ Обозрѣніи*, №№ 4638 и 4699.

[2]) За 1896 годъ, стр. 169.

образомъ съ той нормой, которая признается необходимой для правильнаго роста народнаго просвѣщенія. При такомъ сравненіи ступень, на которую поднялось народное образованіе на Кавказѣ въ теченіе XIX вѣка, окажется очень далекой отъ вершины лѣстницы.

Для такого сравненія въ отчетахъ попечителя учебнаго округа принята норма, установленная во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія, а именно принято, что одна школа необходима на каждую тысячу душъ населенія при всеобщемъ обученіи.

На Кавказѣ въ 1898 году одна школа приходилась на 6,900 жителей, въ томъ числѣ среди русскаго населенія одна на 4,100 жителей, грузинскаго—на 6,000, армянскаго—на 8,400, горскаго—на 20,200, татарскаго—на 24,300. Изъ отчета по народному образованію за 1899 годъ видно, что «при $9^1/_2$ милліонномъ населеніи приходится среднимъ числомъ по одному учебному заведенію на 5,000 душъ, учащихся по 164 приблизительно на десять тысячъ, то-есть приблизительно въ 9 разъ меньше, чѣмъ должно быть при обязательномъ обученіи». Въ частности одна начальная школа приходится на 6,300 душъ, на сѣверномъ Кавказѣ—на 4,800, въ Закавказьѣ—на 8,000.

Распредѣленіе школъ между національностями показываетъ также неправильную постановку дѣла, выражающуюся въ пренебреженіи просвѣщеніемъ туземцевъ, тогда какъ оно должно бы составлять главную задачу культурной миссіи русской администраціи на Кавказѣ. Неравномѣрность распредѣленія образовательныхъ средствъ между національностями наглядно обнаруживается, если взять процентное отношеніе учащихся различныхъ національностей. Первое мѣсто занимаютъ русскіе—51,1% всѣхъ учащихся, затѣмъ слѣдуютъ грузины—18,6%, армяне—17,2%, татары—2,8%, горцы—2,3%, евреи—1,2% и другія національности—6,8%. Такимъ образомъ русскіе, составляющіе почти 33% населенія Кавказа (3.101,000 изъ 9.486,000 по послѣдней переписи), составляютъ 51,1% всѣхъ учащихся, тогда какъ на долю туземцевъ (67% населенія) остается только 48,9%.

Въ источникахъ содержанія школъ за двадцать лѣтъ произошло характерное измѣненіе. Пробуждающаяся потребность населенія въ образованіи вызвала значительный ростъ суммъ, ассигнуемыхъ городскими и сельскими обществами для указанной цѣли; въ то же время денежное участіе казны въ расходахъ на образованіе относительно падаетъ. Такъ, за двадцать лѣтъ увеличились расходы на образованіе: казны почти вдвое, казачьихъ войскъ на 30%, городскихъ обществъ въ 6 разъ, сельскихъ обществъ почти вдвое, сборъ за право ученія въ 5 разъ, плата за частныхъ воспитанниковъ въ 6 разъ. Суммы, отпускаемыя на образованіе отъ казны, идутъ главнымъ образомъ на среднія учебныя заведенія (75,5%), на низшія расходуется 15,6% и на начальныя школы только 8,9%. Средства городскихъ и сельскихъ обществъ распредѣляются какъ разъ наоборотъ: они больше всего расходуются на начальныя школы (45,4%), затѣмъ на низшія (28,7%) и на среднія (25,9%).

Приведенныя цифры, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ къ нимъ примѣчаній, являются не въ утѣшительномъ видѣ: онѣ показываютъ, что число школъ далеко не отвѣчаетъ потребности населенія въ образованіи. Каждый сентябрь на Кавказѣ раздаются жалобы на недостатокъ учебныхъ заведеній. Ежегодно въ школы всѣхъ категорій является такое число желающихъ учиться, которое не можетъ быть принято полностью за неимѣніемъ вакансій. Изъ упомянутаго «Свода» видно, что за двадцать лѣтъ было подано прошеній въ среднія учебныя заведенія 86,197, въ низшія—69,221. Изъ числа желавшихъ учиться принято въ мужскія гимназіи и прогимназіи 56,6%, въ реальныя училища 63,3%; въ женскія гимназіи и прогимназіи 83,6%, въ учительскія семинаріи и институтъ—44%, въ городскія училища 74,7%, въ горскія училища 75%, въ промышленныя 61,2% и въ женскія маріинскія 81,1%.

Надо замѣтить, что цифра прошеній о принятіи въ учебныя заведенія не опредѣляетъ всего числа желающихъ поступить въ нихъ: она ниже этого числа, потому что многія учебныя заведенія заблаговременно объявляютъ о неимѣніи вакансій, вслѣдствіе чего желающіе быть принятыми въ нихъ не подаютъ прошеній.

О непринятыхъ въ начальныя школы свѣдѣній нѣтъ, но въ отчетѣ попечителя учебнаго округа за 1895 годъ сказано, что «извѣстно лишь, что и здѣсь во многихъ случаяхъ желающіе поступить не могли быть приняты за переполненностью классовъ».

При столь значительномъ несоотвѣтствіи числа школъ на Кавказѣ съ потребностью населенія въ образованіи, онѣ и по качеству своему далеки отъ типа школы, созданнаго педагогикой. Мы видѣли, что значительная часть начальныхъ школъ признаются высшимъ учебнымъ начальствомъ «ничтожными въ смыслѣ учебно-воспитательныхъ учрежденій».

Объ успѣшности средней школы въ «Сводѣ» приведены свѣдѣнія о числѣ окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній. За двадцать лѣтъ окончили курсъ: въ мужскихъ гимназіяхъ 2,832, въ реальныхъ училищахъ: 7 классовъ—1,829 и 6 классовъ 2,389, въ учительскомъ институтѣ 321, въ учительскихъ семинаріяхъ 920, въ женскихъ гимназіяхъ: 7 классовъ 3,914 и 8 классовъ 2,092, въ городскихъ училищахъ 5,849, въ уѣздныхъ училищахъ 114, въ горскихъ школахъ 945, въ промышленныхъ училищахъ 688, въ мореходныхъ классахъ 485, въ маріинскихъ училищахъ 135, въ начальныхъ школахъ 71,083.

Для заключенія о степени успѣшности средней школы число окончившихъ въ ней курсъ, конечно, недостаточно; необходимо еще знать, соотвѣтствуетъ ли аттестатъ зрѣлости умственному развитію получающихъ его; обладаютъ ли оканчивающіе курсъ гимназій и реальныхъ училищъ способностью къ самостоятельной умственной работѣ, безъ которой не могутъ быть плодотворны ихъ занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно большинства оканчивающихъ кавказскую среднюю школу нельзя отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. Въ отчетѣ попечителя учебнаго

округа за 1897 годъ есть указаніе на то, что учебнымъ заведеніямъ было предложено обращать вниманіе на «развитіе между учащимися любви и привычки къ домашнему чтенію и самостоятельному изученію литературныхъ образцовъ на русскомъ и другихъ языкахъ», рекомендовалось также «приглашеніе родителей и родственниковъ учащихся въ учебныя заведенія для совмѣстнаго съ ними обсужденія мѣръ для улучшенія школы».

Но эти циркуляры, какъ идущіе вразрѣзъ съ практикой средней школы, при малой умственной развитости большинства кавказскихъ учителей, подшиваются къ «дѣламъ», но на дѣлѣ не исполняются. Педагогическій персоналъ на Кавказѣ состоитъ въ большинствѣ изъ учителей-чиновниковъ; никакой живой духовной связи между ними и учениками не существуетъ; ихъ отношенія—постоянная партизанская война, педагогическіе пріемы—дореформенные. Ни для кого здѣсь не секретъ, что даже въ тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ есть учителя, которые бьютъ учениковъ, ругаютъ ихъ, пропагандируютъ армянофобство. Въ Тифлисѣ вы часто услышите жалобы родителей на то, что ихъ дочь или сынъ почерпаютъ въ школѣ пессимизмъ и крайній индивидуализмъ. Самоубійства учащейся молодежи въ Тифлисѣ не рѣдкость. Общенія школы съ родителями учащихся, о которомъ говорится въ упомянутомъ циркулярѣ, совершенно нѣтъ; школа не развиваетъ идеи общественнаго долга въ учащихся и поощряетъ стремленіе къ узкой практичности, формализмъ и молчалинство.

Въ отчетѣ попечителя учебнаго округа за 1899 годъ приведенъ слѣдующій характерный фактъ на страницѣ 57:

«Изъ единичныхъ прискорбныхъ случаевъ можно отмѣтить случай исключенія изъ кутаисской гимназіи одного ученика восьмого класса, пансіонера, покушавшагося на самоубійство».

Дѣйствительно, крайне «прискорбный» случай, педагогически-неправильный и жестокій. Каковъ бы ни былъ мотивъ покушенія на самоубійство, школа не можетъ считать себя непричастной къ нему, въ особенности при томъ условіи, что покушавшійся на самоубійство былъ пансіонеръ. Но если даже признать, что въ данномъ случаѣ школа совершенно неповинна въ пессимизмѣ ея ученика, то на какомъ же педагогическомъ и гуманномъ основаніи можно наказывать за покушеніе на самоубійство лишеніемъ несчастнаго юноши возможности дальнѣйшаго образованія?

Неудовлетворительность кавказской школы признается и самимъ попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, высказавшемъ «самое искреннее желаніе, чтобы мѣры, которыя будутъ примѣняемы въ немъ (кавказскомъ учебномъ округѣ), и въ будущемъ привели къ болѣе положительнымъ результатамъ по отношенію къ умственному и нравственному развитію здѣшнихъ учащихся» [1]).

Какъ ни обстоятельно составлены цифровые отчеты о состояніи учебнаго дѣла на Кавказѣ, ихъ, однако, недостаточно для характеристики про-

[2]) Отчетъ за 1898 годъ, стр. 70.

свѣтительнаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Отчеты вовсе не касаются (за исключеніемъ приведеннаго сообщенія о закрытіи армянскихъ школъ) такихъ фактовъ въ этой области общественной дѣятельности, которые возбуждаютъ печальныя размышленія. Указывая прогрессивное движеніе образованія на Кавказѣ, отчеты не приводятъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о противо-просвѣтительномъ движеніи, которое, однако, существуетъ и даетъ чувствовать свою силу. Правда, отчетъ дѣлаетъ указаніе на «мрачные взгляды противниковъ образованія», проявлявшіеся въ прошломъ, но слишкомъ оптимистически не замѣчаетъ этихъ проявленій и въ настоящее время.

Дѣло въ томъ, что при несомнѣнной возрастающей потребности кавказцевъ въ образованіи, при ежегодно подчеркиваемой попечителемъ учебнаго округа недостаточности учебныхъ заведеній, при значительной отсталости Кавказа въ образованіи, при всемъ этомъ открытіе школъ, библіотекъ, газетъ, вообще просвѣтительныхъ учрежденій въ здѣшнемъ краѣ встрѣчаетъ большія затрудненія, нерѣдко оказывающіяся неустранимыми.

Приведу примѣры.

12 октября 1898 года тифлисская дума постановила ходатайствовать объ открытіи классической прогимназіи на Авлабарѣ—въ болѣе отдаленной отъ существующихъ гимназій части города—въ виду переполненія учащимися трехъ тифлисскихъ гимназій и реальнаго училища [1]). На содержаніе прогимназіи дума ассигновала 6,000 руб. Прошло почти полгода. 2 апрѣля 1899 года губернаторъ сообщилъ управѣ [2]), что попечитель учебнаго округа, «признавая въ принципѣ весьма желательнымъ открытіе проектируемой прогимназіи и даже полной гимназіи», тѣмъ не менѣе «находитъ желательнымъ», чтобы городъ далъ средства на покрытіе половины штатнаго расхода на прогимназію.

26 октября 1899 года дума постановила: согласно желанію попечителя учебнаго округа, ассигновать на авлабарскую прогимназію, вмѣсто 6,000 рублей, 10,000. Прошелъ почти годъ, и въ августѣ 1900 года попечитель учебнаго округа увѣдомилъ городскую управу, что «министерство не признало необходимости въ новомъ общеобразовательномъ среднемъ учебномъ заведеніи для Тифлиса, а предложило взамѣнъ классической прогимназіи открыть какое-либо заведеніе изъ промышленныхъ типовъ, наиболѣе отвѣчающихъ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ» [3]).

Открытіе мужской гимназіи въ Батумѣ, состоявшееся въ 1897 году, стоило большихъ хлопотъ для устраненія выдвинутыхъ противъ нея препятствій. Городской голова при открытіи гимназіи произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ о «препятствіяхъ, выдвигавшихся сначала въ финансовомъ отношеніи, а потомъ съ точки зрѣнія того или другого типа учеб-

---

1) Въ 1897 году въ нихъ подано 1062 прошенія, принято 470.

2) Сообщеніе отъ 2 апрѣля за № 209.

3) *Русскія Вѣдомости*, 1900 г., № 198.

ныхъ заведеній», сообщилъ о томъ, что о гимназіи «ходатайствовалъ городъ въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ», а членъ городской управы Вольскій добавилъ, что изъ переписки объ открытіи гимназіи составилось «дѣло, образующее теперь громадный томъ» [1]).

Столица Кавказа до сихъ поръ не имѣетъ общественной библіотеки. Тифлисская дума два раза пыталась открыть городскую библіотеку, но ходатайство ея объ удовлетвореніи этой потребности, признаваемой во всѣхъ городахъ Россіи, было оставлено безъ уваженія.

По случаю пушкинскаго праздника въ 1899 году тифлисская дума 10 мая постановила: 1) открыть читальню-библіотеку, ассигновавъ для этого 1,350 руб. единовременно и по 1,900 руб. ежегодно съ 1900 года; 2) открыть двѣ начальныя одноклассныя школы съ 3 послѣдовательными отдѣленіями, и 3) учредить стипендіи въ мѣстныхъ гимназіяхъ съ ассигнованіемъ на это по 400 рублей въ годъ. Въ первой инстанціи это ходатайство было признано не подлежащимъ удовлетворенію. Тифлисскій губернаторъ сообщилъ городской управѣ, что онъ представилъ постановленіе думы главноначальствующему съ заключеніемъ, что «въ виду нынѣшняго финансоваго положенія города опредѣленіе думы не подлежитъ утвержденію, и что городскому общественному управленію надлежало бы увѣковѣчить память поэта А. С. Пушкина лишь присвоеніемъ его имени одному изъ уже существующихъ общеполезныхъ городскихъ учрежденій [2]).

На этотъ разъ дѣло окончилось удачей: главноначальствующій призналъ неосновательнымъ указаніе губернатора думѣ, какъ ей слѣдуетъ «увѣковѣчить память поэта А. С. Пушкина», и постановленіе думы утвердилъ.

До сихъ поръ тифлисской коммиссіи народныхъ чтеній не удалось получить разрѣшенія народныхъ чтеній на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ.

Въ сентябрѣ 1900 года послѣдовало закрытіе общества распространенія армянскихъ книгъ, знакомившее армянъ главнымъ образомъ съ произведеніями русскихъ писателей.

Потребность Кавказа въ развитіи мѣстной печати тоже не удовлетворяется: рядъ ходатайствъ объ изданіи новыхъ газетъ въ Баку и Тифлисѣ окончился неудачей. Ходатайство тифлисской думы о разрѣшеніи имѣть свой печатный органъ тоже признано не подлежащимъ удовлетворенію.

Существованіе мертваго теченія въ дѣлѣ народнаго образованія на Кавказѣ обусловливается тѣмъ, что въ этомъ краѣ аксіома о пользѣ образованія еще не пріобрѣла права гражданства.

Указаніе на это есть и въ офиціальномъ документѣ.

«До послѣдняго времени, — говоритъ попечитель кавказскаго учебнаго округа [3]), — образованіе у насъ, особенно на Кавказѣ, было только тер

---

[1]) *Каспій*, 1897 г., № 209.

[2]) *Сынъ Отечества*, 1899 г., № 203.

[3]) Въ отчетѣ за 1895 годъ на стр. 206.

пимо даже со стороны нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій: оно не считалось необходимостью, какъ средство для объединенія здѣшнихъ племенъ между собою и съ цѣлымъ государствомъ. Но теперь наступаетъ новая эра для него, эра просвѣщенія, благодаря свѣтлымъ взглядамъ на его необходимость нашего государя императора Николая II, которые, нужно надѣяться, разсѣятъ мрачные взгляды противниковъ онаго».

Да, на Кавказѣ, и теперь еще не вполнѣ сознается необходимость широкаго развитія образованія. Здѣсь много Простаковыхъ, но современные кавказскіе Простаковы не просты, а себѣ на умѣ. Простаковы фонъ-Визинскаго времени искренно, не краснѣя, заявляли, что образованіе не нужно, такъ какъ и безъ него можно хорошо вѣкъ прожить. Кавказскіе противники образованія отличаются отъ своей пробабушки Простаковой отсутствіемъ простоты и цѣльности и большимъ лукавствомъ.

Типъ противниковъ образованія, приспособляясь къ неблагопріятнымъ для нихъ условіямъ «эпохи великихъ реформъ», долженъ былъ развить въ себѣ лицемѣріе, чтобы имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ. И правнуки Простаковой сдѣлались іезуитами. Они не только не говорятъ противъ просвѣщенія, а напротивъ—вы ихъ увидите въ роли непремѣнныхъ членовъ въ коммиссіяхъ народныхъ чтеній и въ другихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. На «праздникахъ просвѣщенія» они поднимаютъ бокалы съ шампанскимъ, восклицая: «свѣта, свѣта!» Они говорятъ громкія рѣчи, начиная ихъ пословицей: «ученье свѣтъ, а не ученье тьма» и кончая декламаціей: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное, спасибо сердечное скажетъ вамъ русскій народъ». Они ведутъ свою игру въ разсчетѣ на непроницательность большинства современныхъ «сѣятелей» и «сѣятельницъ» и имѣютъ успѣхъ: ихъ считаютъ друзьями образованія и изъ года въ годъ выбираютъ предсѣдателями различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. А они, укрѣпившись въ этихъ командующихъ позиціяхъ, ведутъ свою линію и сочувствуя образованію словомъ, всячески противодѣйствуютъ ему дѣломъ, превращая живую просвѣтительную дѣятельность въ мертвый формализмъ. Благодаря ихъ стараніямъ, въ школы назначаются такіе сѣятели, которые не заботятся объ умственномъ развитіи учениковъ, а иногда даже совершенно неспособные и понимать ихъ языкъ, какъ это мы видѣли въ горскихъ школахъ. Дѣлая выборъ изъ сочиненій, разрѣшенныхъ для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ, они останавливаются на прописной морали въ стихахъ и прозѣ и обходятъ тѣ книжки, которыя могутъ возбудить въ слушателяхъ работу мысли.

Современные Простаковы не безусловные противники образованія. Они отлично видятъ матеріальную пользу отъ образованія и потому говорятъ, что для нихъ, для ихъ дѣтей необходимо не только среднее, но и высшее образованіе, потому что безъ диплома высшаго учебнаго заведенія нельзя получать бѣшеныя деньги въ роли инженера, адвоката, моднаго врача и т. п. Но для «кухаркина сына», для дѣтей мужика и рабочаго совершенно достаточно простой грамотности, которая дастъ имъ возможность читать

à la Петрушка. Но и относительно образованія, признаваемаго полезнымъ для привилегированныхъ классовъ, современные Простаковы дѣлаютъ оговорку.

Есть образованіе и образованіе,—говорятъ они,—одно даетъ дипломы, дѣлаетъ спеціалистомъ, сообщаетъ знанія, необходимыя для обихода въ гостиныхъ и для сочиненія докладовъ. Такое образованіе полезно. Но есть другое образованіе, развивающее самостоятельное мышленіе, создающее критическое міросозерцаніе, заставляющее проникать въ сущность всякаго дѣла и интересоваться общественными вопросами. Это образованіе безусловно вредное, по мнѣнію современныхъ Простаковыхъ. Это они высказываютъ, не конфузясь, но заявлять, что крестьянамъ и рабочимъ нужна только самодовлѣющая грамотность они рѣшаются только въ своемъ интимномъ кружкѣ, такъ какъ мотивировку такого взгляда нельзя высказывать громко, не компрометируя себя.

Современные Простаковы давно нашли то золотое руно, за которымъ аргонавты ѣздили въ Колхиду. Они стригутъ это руно съ человѣкоподобныхъ барановъ. Пока они невѣжественны, не знаютъ своихъ правъ и не имѣютъ средствъ защитить ихъ на основаніи закона, беззаконное богатѣніе отъ золотого руна происходитъ безпрепятственно; но какъ только крестьянинъ просвѣтится, будетъ начало конца этого беззаконія. Просвѣщеннаго обывателя нельзя будетъ вызывать къ мировому судьѣ къ 11 часамъ, а дѣло рѣшать въ 9 часовъ заочно за неявкой отвѣтчика, какъ это дѣлается, наприм., въ Телавѣ [1]). При распространеніи просвѣщенія въ кавказской деревнѣ нельзя будетъ замалчивать неурожаевъ, потому что крестьяне сами сообщатъ о своей бѣдѣ губернатору. Просвѣщенный хизанъ не позволилъ бы землевладѣльцамъ тѣхъ злоупотребленій, которыя они теперь дѣлаютъ, пользуясь нуждой хизанъ и ихъ невѣдѣніемъ закона. Словомъ, вся сѣть беззаконія, въ которой теперь безпомощно бьется сельскій обыватель на Кавказѣ, начнетъ рваться, когда онъ сдѣлается просвѣщеннымъ. А такъ какъ кавказскіе противники образованія привыкли къ такимъ условіямъ жизни, при которыхъ для нихъ законъ не писанъ, и такъ какъ ихъ благополучіе основывается на народномъ невѣжествѣ, то они и заботятся о томъ, чтобы школа была школой только по вывѣскѣ и чтобы народная литература ограничивалась сказкой о Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ.

«Мрачные взгляды противниковъ образованія» не разсѣялись и послѣ 12 августа 1895 года, и новая эра, о которой мечталъ попечитель кавказскаго учебнаго округа, не наступила: приведенные факты противодѣйствія просвѣщенію имѣли мѣсто послѣ 1895 года.

«Мрачные взгляды» на образованіе мѣшаютъ замѣтить, что распространеніе просвѣщенія на окраинахъ, кромѣ общаго культурнаго значенія имѣетъ еще и спеціальное. Видя «сепаратизмъ» и «армянскую интригу» даже въ извѣстіяхъ тифлисскихъ газетъ: «сегодня россійская почта не по-

---

[1]) *Новое Обозрѣніе*, № 5408.

лучена» [1]), кавказскіе Простаковы не знаютъ или не хотятъ знать, что просвѣщеніе и другія блага цивилизаціи, распространяемыя на окраинахъ, есть единственное цѣлесообразное средство противъ сепаратизма и что старинная система объединенія окраинъ съ центромъ при помощи ежевыхъ рукавицъ давно уже признана несостоятельной. Теперь уже общеизвѣстно, что такія мѣры не только не пригодны для государственной цѣли, а напротивъ увеличиваютъ рознь между національностями. Теперь образованные администраторы основами своей политики ставятъ культурное развитіе народа и широкое просвѣщеніе безъ различія національностей, вѣротерпимость, гуманность и самоуправленіе въ народномъ хозяйствѣ.

Образованіе не пользуется симпатіями кавказскихъ Простаковыхъ, несмотря на то, что оно, въ связи съ поднятіемъ экономическаго положенія кавказской деревни, уничтожило бы въ самомъ корнѣ разбойничество, борьба съ которымъ и до сихъ поръ безуспѣшна.

Карта распространенія разбойничества, если бы кто-нибудь ее составилъ, была бы наглядно-поучительна для столоначальниковъ, проектирующихъ мѣры противъ разбойничества. Эта карта показала бы, что гдѣ сильнѣе невѣжество и бѣдность населенія, тамъ наиболѣе развиты грабежи, кражи и разбой. Кубанская область, занимающая первое мѣсто среди кавказскихъ административныхъ единицъ по образованію и матеріальному положенію жителей, не страдаетъ отъ разбойничества. Губерніи Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская съ наиболѣе невѣжественнымъ населеніемъ отличаются и развитіемъ разбойничества. Ингуши, считающіеся воровскимъ народомъ, поголовно безграмотны.

При указаніяхъ на недостаточность образованія на Кавказѣ вы непремѣнно услышите такое возраженіе: конечно, желательно возможно бо̀льшее увеличеніе числа народныхъ школъ, но нѣтъ необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Принято признавать вѣскимъ такое замѣчаніе, между тѣмъ какъ оно вполнѣ неосновательно. Въ данномъ случаѣ ссылка на неимѣніе средствъ показываетъ только, что потребность народа въ образованіи не считается существенно важной; въ противномъ случаѣ нашлись бы и средства на распространеніе образованія, какъ, напримѣръ, не оказалось недостатка въ двухъ слишкомъ милліонахъ на преобразованіе земской стражи, потому что оно признавалось существенной потребностью. При одномъ и томъ же бюджетѣ образовательныя цѣли могли бы достигаться успѣшнѣе перераспредѣленіемъ суммъ по статьямъ, если бы важность каждой изъ нихъ опредѣлялась потребностями населенія, а не фантазіей столоначальниковъ.

Попечитель кавказскаго учебнаго округа сдѣлалъ прямое возраженіе на приведенное замѣчаніе о неимѣніи средствъ на расширеніе народнаго образованія. Указавъ на нецѣлесообразность дорого сто̀ящихъ мѣръ противъ разбойничества, онъ замѣчаетъ, что употребленіемъ этихъ средствъ на школы въ то же время искоренилось бы и разбойничество.

---

[1]) *Петербургскія Вѣдомости*, 1899 г., № 234.

«Для смягченія правовъ,—говоритъ онъ [1]),—проявляющихся на Кавказѣ нерѣдко въ разбояхъ, грабежахъ, захватахъ имуществъ частныхъ и казенныхъ и пр., обыкновенно здѣсь примѣнялись и примѣняются разнаго рода мѣры съ помощью усиленной земской стражи, а иногда и войскъ. Но одни эти средства, несмотря на значительную стоимость ихъ, медленно приводятъ къ желанной цѣли, если только они къ ней приводятъ. Результаты получились бы совсѣмъ иные, *когда бы* [2]) *большая часть расходовъ на земскую стражу была употребляема на устройство и содержаніе школъ, но только школъ правильныхъ, съ дополнительнымъ обученіемъ учащихся земледѣлію, садоводству, пчеловодству, шелководству и вообще тѣмъ профессіямъ, распространеніе коихъ въ населеніи способствовало бы улучшенію его матеріальнаго благосостоянія;* тогда безъ сомнѣнія улучшилось бы и нравственное состояніе разноплеменныхъ обитателей Кавказа».

Дальше попечитель учебнаго округа замѣчаетъ, что послѣ Высочайшаго повелѣнія 12 августа 1897 года, въ которомъ сказано: «сотни милліоновъ расходовались на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкались»—бюджетъ народнаго просвѣщенія долженъ быть увеличенъ на счетъ военнаго бюджета сокращеніемъ числа войскъ. «Милліонныя арміи,—говоритъ онъ,—истощаютъ насъ матеріально и духовно ради того только, чтобы другіе народы чувствовали нашу мощь».

Итакъ, образованіе на Кавказѣ не считается главнѣйшимъ средствомъ для улучшенія условій мѣстной жизни, въ которой азіатчина сильно даетъ знать о себѣ; оно только «терпимо» и хотя не признается подлежащимъ упраздненію, но тормозится всяческими средствами. Вмѣсто образованія противъ общественныхъ недуговъ употребляются старинныя средства. Кавказъ лѣчится отъ своихъ болѣзней, какъ та баба, которая, побывавъ у врача, обращается къ знахарю, чтобы онъ сказалъ ей, хорошее ли лѣкарство прописалъ докторъ.

Ивановичъ (И. И Свѣдѣнцовъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Отчетъ за 1897 г., стр. 73.

[2]) Курсивъ въ цитируемой книгѣ.

Фабрика и фабричный рабочій.

> Die Erkenntniss dessen, was jeweilen hinfällig und was zu konserviren ist, kann nur aus der Erforschung der Wirklichkeit gewonnen werden; die Dialektik ist absolut ungeeignet dazu, als Schablone zu dienen, um diese Erforschung zu sparen.
>
> *K. Kautsky.*

Годъ тому назадъ мы сидѣли въ качествѣ статистиковъ на фабрикѣ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губ. (почти на границѣ съ Моск. губ.), за описаніемъ фабричнаго населенія по порученію владимірской губ. земской управы. Въ настоящее время подсчетъ и сводка матеріаловъ этой переписи, охватившей 2 фабрики и 1 заводъ съ $5^1/_2$ тыс. рабочихъ, уже окончены. Предпринятая въ цѣляхъ оцѣночныхъ, эта анкета представляетъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ интересный, единственный въ своемъ родѣ матеріалъ, первую, хотя и небольшую попытку для освѣщенія фактами и цифрами одного изъ сложныхъ явленій послѣдняго времени въ нашей общественной жизни—положенія и развитія нашей крупной промышленности, для изученія которой у насъ до сихъ поръ примѣнялись преимущественно лишь діалектическіе пріемы.

Настоящій очеркъ посвящается изслѣдованію самаго базиса, фундамента нововоздвигающагося зданія русскаго капитализма, изученію живой рабочей силы. Отрѣзанный сильнымъ потокомъ развивающейся промышленной жизни отъ деревни и вовлеченный въ водоворотъ фабричной жизни, нашъ бывшій крестьянинъ-рабочій уже пріобрѣлъ физіономію пролетарія-рабочаго, прикрѣпленнаго къ фабрикѣ тысячью невидимыхъ нитей, связаннаго съ предпріятіемъ сѣтью взаимно-переплетающихся интересовъ, какъ дерево съ почвою подъ нимъ.

I.

Грамотность и заработокъ.

Положеніе грамотности на фабрикѣ сравнительно съ деревней; ея главнѣйшія, наиболѣе осязательныя, такъ сказать, видимыя простымъ глазомъ послѣдствія для рабочаго—вотъ координальные пункты настоящей главы.

Разработка $5^1/_2$ тысячъ данныхъ о грамотности фабричнаго населенія приводитъ насъ къ интереснымъ выводамъ.

Грамотность фабричныхъ рабочихъ довольно значительно выше грамотности даже промышленныхъ владимірскихъ крестьянъ. На фабрикахъ грамотныхъ—половина (48,4% грамотныхъ и 3,7% полуграмотныхъ) и изъ грамотныхъ—$^2/_3$ прошли 3-хлѣтній и болѣе школьный курсъ. Между тѣмъ по 5 уѣздамъ Владимірской губерніи грамотныхъ мужчинъ старше 7-лѣтняго возраста только 42,2%, женщинъ же—6,4%. Беря изъ крестьянскаго населенія мужчинъ и женщинъ въ той пропорціи, какая имѣетъ мѣсто въ отношеніи 2-хъ половъ на фабрикѣ, именно $^3/_4$ мужчинъ и $^1/_4$ женщинъ, мы получимъ въ такой составной массѣ грамотныхъ въ деревнѣ только 33,2% противъ 52,1% на фабрикѣ.

Эту повышенную грамотность на фабрикѣ нельзя объяснять непосредственнымъ вліяніемъ самой фабрики, ея школой и пр.: среди семей, порвавшихъ всякія связи съ деревней и живущихъ цѣликомъ на фабрикѣ, уже давно, болѣе 10 лѣтъ, мы видимъ грамотныхъ только немногимъ больше, чѣмъ въ новыхъ фабричныхъ семьяхъ и среди рабочихъ-одиночекъ, не успѣвшихъ настолько подвергнуться вліянію фабрики и воспользоваться ея просвѣтительными учрежденіями, какъ первыя семьи (среди перваго рода рабочихъ грамотныхъ 50,8%, среди второго—49,5 и 48,3%). Остается признать только простой *отборъ*, производимый фабрикой изъ общей сѣрой крестьянской массы. Это подтверждается и слѣдующими выводами, сдѣланными на основаніи детальной разработки промысловъ 3-хъ уѣздовъ Владимірской губерніи. Тамъ выяснилось, что грамотность среди промышленниковъ вообще выше, чѣмъ среди крестьянъ, не имѣющихъ никакого заработка. Затѣмъ, внутри самой массы промышленниковъ грамотныхъ больше въ томъ промыслѣ, который стоитъ выше по заработку, по трудности приспособляться къ дѣлу и т. п. Промыслы, ничего другого не требующіе, кромѣ мускульной силы, хотя и оплачиваются часто довольно хорошо, даютъ грамотныхъ меньше всего. Вотъ, напр., рядъ промышленниковъ по Суздальскому уѣзду, начиная съ простыхъ механическихъ работъ и кончая наиболѣе сложными: при среднемъ % грамотныхъ между всѣми промышленниками въ 61,3%:

между пастухами	будетъ .	47,8%
» пильщиками	» . .	53,0 »
» плотниками	» . .	63,4 »
» фабричными	» . .	64,6 »
» каменщиками	» . .	67,6 »
» штукатурами, малярами	» . .	83,0 »
» прислугой	» . .	83,5 »

Повышеніе %-та грамотныхъ въ промыслахъ, требующихъ бо́льшаго искусства и сообразительности, еще ярче выступаетъ въ другомъ уѣздѣ—Меленковскомъ, гдѣ при среднемъ 42% грамотныхъ среди всѣхъ промышленниковъ вообще, % грамотныхъ:

среди пастуховъ	22,4
» дровосѣковъ, пильщиковъ	35,5
» корчевниковъ пней	38,0
» плотниковъ	45,0
» фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. .	50,3
» разнообразныхъ торговцевъ	66,5

Этой разницы въ грамотности различныхъ промышленниковъ нельзя ничѣмъ объяснить, кромѣ какъ простымъ отборомъ: всякій идетъ туда, куда онъ больше способенъ; неграмотные естественнымъ путемъ вытираются изъ профессій, требующихъ болѣе сообразительныхъ, ловкихъ рабочихъ. Намъ остается сдѣлать одну небольшую оговорку. Могутъ возразить, что различіе въ грамотности среди разныхъ группъ промышленниковъ можетъ зависѣть отъ разницы въ ихъ возрастномъ составѣ. Среди молодого поколѣнія грамотныхъ больше, тѣмъ среди стараго. По Суздальскому уѣзду среди крестьянъ въ возрастѣ:

отъ 16—20 лѣтъ,	грамотныхъ	. .	78,8%
» 21—30 »	»	. .	72,4 »
» 31—40 »	»	. .	62,3 »
» 41—50 »	»	. .	48,6 »
» 51 и болѣе	»	. .	31,9 »

Но это возраженіе не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ возрастный составъ различныхъ промышленниковъ почти одинаковъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ въ возрастѣ отъ 18—40 л. будетъ такой % промышленниковъ:

среди пастуховъ	70,5%
» пильщиковъ-плотниковъ	69,5 »
» плотниковъ	78,3 »
» пильщиковъ	77,7 »
» каменщиковъ	77,4 »
» фабричныхъ	66,0 »

Итакъ, отборъ для промышленной дѣятельности лицъ грамотныхъ—явленіе постоянное и вполнѣ понятное; повышенный % грамотныхъ среди фабричныхъ на взятыхъ нами 3-хъ фабрикахъ имѣетъ мѣсто и въ другихъ уѣздахъ; объясняется это тѣмъ, что фабричный трудъ—трудъ наиболѣе квалифицированный въ смыслѣ интеллигентности и потому долженъ притягивать къ себѣ наиболѣе развитыя въ умственномъ отношеніи силы деревни.

Отдѣленіе грамотныхъ отъ неграмотныхъ идетъ дальше и внутри самой фабрики. Въ высшихъ, наиболѣе оплачиваемыхъ фабричныхъ профессіяхъ грамотныхъ больше, чѣмъ въ среднихъ, въ среднихъ больше, чѣмъ въ низшихъ. Такъ, среди послѣднихъ (чернорабочихъ, поденщиковъ и т. п.) грамотныхъ—44,7% и изъ нихъ прошедшихъ 3-лѣтній и болѣе школьный курсъ—38%; среди среднихъ, ординарныхъ рабочихъ грамот-

пыхъ—45,8% и изъ нихъ съ 3-лѣтнимъ школьнымъ курсомъ—42,1%; среди высшихъ кадровъ рабочихъ (слесарей, подмастерьевъ и пр.)—77,8% и съ 3-лѣтнимъ курсомъ—42,1%. Послѣдняя цифра не выше соотвѣтствующей предыдущей; но это потому, что среди послѣдняго рода рабочихъ много лицъ въ пожилыхъ лѣтахъ, учившихся, когда еще было мало школъ. Повышенный возрастный составъ послѣдней группы еще больше увеличиваетъ значеніе приведенныхъ нами цифръ.

Такимъ образомъ неграмотный рабочій имѣетъ очень мало шансовъ попасть въ высшую, наиболѣе оплачиваемую категорію фабричныхъ, и наоборотъ, двери низшихъ фабричныхъ профессій—чернорабочихъ, поденщиковъ и пр. широко раскрыты для безграмотныхъ.

Любопытны отвѣты молодыхъ рабочихъ о причинахъ безграмотности и неокончаніи курса въ школѣ. Было опрошено всего 100 рабочихъ на Дулевской фабрикѣ. Больше всего указываютъ на бѣдность семьи,—27 отвѣтовъ; затѣмъ вообще «родители не отдавали» или «взяли изъ школы»—23 случая. Нетрудно видѣть въ послѣднемъ ту же бѣдность или отчасти невѣжество старшаго поколѣнія деревни. Отдача ребенка на фабрику помѣшала учиться въ 17 случаяхъ; сами дѣти не хотѣли учиться—8; бросили ученье сами, чтобы идти скорѣе на фабрику—5; дѣтей заставляли заниматься домашнимъ промысломъ: мотать бумагу и пр.—6; 2-хъ ребятъ «хозяева взяли изъ школы». Это послѣднее относится къ дулевской фабричной школѣ. При фабрикѣ существуетъ такъ называемая школа ремесла. Дѣти отъ 12—14 лѣтъ работаютъ на фабрикѣ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы 3—4 часа въ день они проводили въ школѣ. Работа на фабрикѣ считается какъ бы обученіемъ ремеслу. По фабричнымъ законамъ иначе дѣти въ этомъ возрастѣ не могутъ работать на фабрикѣ. Точка зрѣнія на «школу ремесла» со стороны фабриканта вполнѣ опредѣленная. Во время нашего изслѣдованія въ серединѣ сентября 1900 г. фабричная школа грамоты еще не была открыта, и дѣти тѣ 3—4 часа, которые они должны провести въ школѣ, отдавали той же фабрикѣ. Кромѣ того, возможны, какъ мы видѣли, случаи, что хозяинъ фабрики беретъ нѣкоторыхъ мальчиковъ изъ школы, когда они нужны для фабрики. Одинъ взятъ по истеченіи 1 года обученія грамотѣ, еще не успѣвъ выучиться писать, другой—послѣ двухлѣтняго пребыванія въ школѣ. Такъ заботятся наши фабриканты о развитіи образованія среди своихъ же рабочихъ.

Наши предприниматели, какъ всѣ хозяева, эксплуатирующіе нетронутую, дѣвственную почву, еще мало заботятся о высшей производительности труда рабочихъ, довольствуясь количествомъ, а не качествомъ рабочей силы. Они имѣютъ слабое представленіе о преимуществахъ болѣе интеллигентнаго и потому болѣе искуснаго рабочаго предъ грубой, неповоротливой силой невѣжественнаго крестьянина. Наши изслѣдованія о соотношеніи заработка и грамотности рабочихъ блестящимъ образомъ доказываютъ, что даже простая грамотность, ничего, кажется, особеннаго не дающая рабочему, поднимаетъ значительно производительность его труда.

Данныя о 4,092 рабочихъ показываютъ, что неграмотные вырабатываютъ меньше грамотныхъ, и получаютъ на $^1/_3$ или $^1/_4$ меньше послѣднихъ.

Для устраненія въ нашихъ сопоставленіяхъ грамотности и заработка постороннихъ, привходящихъ причинъ мы сдѣлали слѣдующія группировки: во-первыхъ, раздѣлили всѣхъ рабочихъ на группы по опытности, по числу лѣтъ, проведенныхъ на фабрикѣ; во-вторыхъ, отдѣлили рабочихъ высшихъ, наиболѣе высоко оплачиваемыхъ фабричныхъ профессій отъ среднихъ и низшихъ.

Возрастъ рабочаго и его физическая сила не могутъ входить въ разсчетъ, такъ какъ большинство рабочихъ поступило на фабрику въ одинаковомъ юномъ возрастѣ; и многочисленность нашихъ данныхъ служитъ достаточной гарантіей того, что небольшія разницы въ возрастѣ и физическомъ превосходствѣ будутъ взаимно нивеллироваться въ нашихъ двухъ группахъ: грамотныхъ и неграмотныхъ рабочихъ. Полъ также не можетъ имѣть большого вліянія, такъ какъ на фабрикѣ женщина зарабатываетъ не меньше мужчины.

Вотъ мѣсячная заработная плата въ рубляхъ (плата почти всегда сдѣльная), выведенная изъ 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, по разсчетнымъ книжкамъ рабочихъ *):

Лица, работавшіе на фабрикѣ.	I. Средняя группа (2,784 раб.).		II. Высшая группа (620 рабочихъ).		III. Низшая группа (689 рабоч.).	
	у неграм.	у грамот.	у неграм.	у грамот.	у неграм.	у грамот.
До 1 года . . .	10,3	12,9	14,9	15,4	14,9	15,1
1—1,9 года . .	12,0	14,0	13,6	14,9	19,7	18,4
2—4 лѣтъ . .	15,0	17,2	15,1	16,8	18,3	21,2
5—9 » . .	17,0	18,2	19,9	19,8	26,8	26,2
10—19 » . .	18,4	24,2	22,7	23,1	24,8	31,7
20—29 » . .	18,3	24,4	22,8	23,9	26,0	35,0
30 л. и болѣе .	21,3	25,6	21,2	21,7	—	—

Вездѣ рѣшительно въ первой группѣ неграмотные вырабатываютъ меньше грамотныхъ. Лишь въ послѣднихъ группахъ въ 3-хъ случаяхъ нарушается эта правильность. Но, во-первыхъ, это увеличеніе заработка у неграмотныхъ очень незначительно—отъ 10 до 70 к., тогда какъ вездѣ грамотные получаютъ больше отъ 1 до 6 руб., во-вторыхъ, это отклоненіе отъ общей послѣдовательности можно объяснить незначительнымъ числомъ данныхъ, которыми пользовались при составленіи послѣднихъ 2-хъ отдѣленій таблички.

Итакъ, грамотность даетъ значительное преимущество рабочимъ; на

*) Въ высшую группу выдѣлены: смотрителя, подмастерья, табельщики, слесаря и проч. наиболѣе высоко оплачиваемыя профессіи. Въ низшую: сторожа, чернорабочіе, поденщики и проч.

первомъ году работы грамотные умѣютъ вырабатывать столько же, сколько неграмотные добиваются послѣ годового опыта. Грамотному довольно 5—9 лѣтней практики для того же результата, для какого неграмотному нужно убить 20 лѣтъ, тянуть 20-лѣтнюю фабричную лямку, чтобы получить тѣ же 18 р. въ мѣсяцъ, что получаетъ грамотный при вдвое и втрое меньшей затратѣ времени. Результатъ поразительный: простая выучка читать и писать, что дается въ нашихъ народныхъ школахъ, даетъ въ руки человѣку такое орудіе, которое въ простой механической работѣ на фабрикѣ ставитъ его сразу выше неграмотнаго сосѣда у рядомъ стоящаго станка, на всю жизнь обезпечиваетъ ему заработокъ, повышенный на 2—6 р. въ мѣсяцъ при 10—20 руб. заработка. Если въ средѣ нашихъ рабочихъ элементарная грамотность увеличиваетъ выработку на $^1/_3$ или $^1/_4$, то не удивительно, что трудъ развитого западно-европейскаго рабочаго продуктивнѣе труда русскаго втрое и вчетверо.

Если обратить вниманіе на указанное увеличеніе заработка отъ грамотности и подвести небольшое вычисленіе, то окажется, что неграмотный рабочій, благодаря одной только своей неграмотности, теряетъ за 30 лѣтъ пребыванія на фабрикѣ 1,600 рублей! Цѣлый капиталъ не для одного только рабочаго! И кто выигрываетъ эти 1,600 рублей? Рѣшительно никто. Фабрикантъ терпитъ только убытокъ отъ непродуктивности труда своего рабочаго. Если положить стоимость 3-лѣтняго обученія ребенка въ школѣ самое большее въ 100 рублей, то выходитъ, что одинъ только матеріальный выигрышъ отъ грамотности населенія въ 16 разъ превосходитъ расходъ на образованіе. Вотъ истинный мотивъ инстинктивнаго, какъ кажется, стремленія крестьянъ нашей промышленной полосы къ грамотности; вотъ руководящая нить чисто-матеріалистическихъ соображеній въ просвѣтительной дѣятельности нашихъ земствъ, призванныхъ заботиться о пользахъ и нуждахъ населенія.

Не надо забывать еще другой выгоды грамотности: высшія фабричныя профессіи заполняются тѣми же крестьянами, выходящими изъ одной и той же деревни, только грамотными. Эта категорія рабочихъ, составляющая $^1/_8$ часть всѣхъ рабочихъ, получаетъ въ $1^1/_2$ и 2 раза болѣе обыкновенныхъ рабочихъ; но за то среди нихъ грамотныхъ болѣе $^3/_4$, тогда какъ среди послѣднихъ менѣе половины (45,7%).

Кажется, что и самые зарьяные скептики—враги народнаго просвѣщенія должны признать, что грамотность даетъ нашему крестьянину не только умѣнье писать кляузы и подложные векселя, но и кладетъ въ его карманъ не одинъ лишній рубль въ заработкѣ, открываетъ ему двери изъ тѣсной, душной атмосферы деревни на сторонніе промыслы, и на этомъ пути ставитъ въ болѣе выгодныя условія, открывая двери въ профессіи, совершенно недоступныя его неграмотному односельчанину. Фабрикантъ долженъ убѣдиться доказательствомъ безпристрастныхъ цифръ, что грамотный рабочій, помимо всего прочаго, проявляетъ бо́льшую продуктивность работы, что его, слѣдовательно, выгоднѣе держать на фабрикѣ, чѣмъ не-

грамотнаго. Онъ скорѣе научается опредѣленной операціи и потому успѣваетъ выработать больше товара: 4 грамотныхъ рабочихъ замѣняютъ какъ разъ 5 неграмотныхъ *). Одинъ управляющій ткацкой фабрикой, въ Суздальскомъ уѣздѣ, объяснялъ намъ, что грамотный ткачъ больше интересуется устройствомъ станка, сразу же начинаетъ присматриваться къ нему и изучаетъ его движенія; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ такой ткачъ обыкновенно настолько уже ознакомится со станкомъ, что въ случаѣ остановки можетъ самъ замѣтить причину этого и пустить опять станокъ въ ходъ безъ помощи спеціально приставленнаго для этого дѣла такъ называемаго подмастерья. Въ результатѣ—сокращеніе времени стоянія станка безъ работы, пока подошелъ бы подмастерье, и возможность держать меньшее число высшихъ служащихъ—подмастерьевъ. Тотъ же управляющій при обходѣ фабрики остановилъ наше вниманіе между прочимъ на работѣ 2 рабочихъ, занимавшихся тѣмъ, что одинъ изъ нихъ продѣвалъ нитку основы сквозь зубья гребенки для такъ назыв. бёрдъ, а другой—моментально подхватывалъ ее особымъ плоскимъ крючкомъ и такимъ образомъ протаскивалъ сквозь зубья. Оба должны работать согласно и замедленіе одного влечетъ за собою замедленіе работы и другого. Если рабочіе попадутся неграмотные,—говорилъ онъ намъ,—то въ случаѣ какой-нибудь ошибки или проволочки со стороны младшаго, старшій въ сердцахъ ударяетъ его по головѣ или изругаетъ; въ результатѣ: судебный процессъ—жалоба въ контору, администрація должна тратить время на разбирательство. Грамотные рабочіе обходятся другъ съ другомъ какъ-то мягче, безъ побоевъ и ругани. Управляющій самъ, надо сказать, почти безъ всякаго образованія, горько жаловался на нашихъ фабрикантовъ, не желающихъ понять преимущества грамотныхъ рабочихъ на фабрикахъ. Онъ объясняетъ это только невѣжествомъ нашихъ предпринимателей, не способныхъ понять собственныхъ выгодъ. Въ иваново-вознесенскомъ фабричномъ районѣ, нашемъ русскомъ Манчестерѣ, можно назвать среди фабрикантовъ только 2—3 лица съ высшимъ образованіемъ, остальные—простые, сѣрые купцы. Вотъ причина нашего индифферентнаго отношенія къ народному просвѣщенію, иначе просто трудно понять, какъ мало до сихъ поръ фабриканты заботятся о духовномъ развитіи своихъ рабочихъ рукъ.

Въ заключеніе надо сказать о вліяніи на заработокъ опытности рабочаго. Практика, приспособляемость къ дѣлу сильно повышаетъ заработокъ рабочаго. Къ концу своей фабричной карьеры, послѣ 30 лѣтъ фабричной работы каждый добивается вдвое большаго вознагражденія противъ первоначальнаго. Чѣмъ интеллигентнѣе рабочій, тѣмъ болѣе сокращается время выучки; мы уже указывали, что грамотный рабочій въ 5—9 лѣтъ добивается тѣхъ же результатовъ, что неграмотный въ 20 лѣтъ. Если бы простую, нашу элементарную грамотность замѣнить болѣе широкимъ, общимъ развитіемъ рабочаго, то, навѣрное, тѣ 30 лѣтъ практики, за кото-

*) Изъ нашей таблички по заработку.

рыя рабочій вдвое увеличиваетъ свой заработокъ, можно было бы сократить на какіе-нибудь 2—3 года. Любопытно, что увеличеніе заработка подъ вліяніемъ практики идетъ въ высшихъ профессіяхъ быстрѣе, чѣмъ въ низшихъ. У слесарей, подмастерьевъ и другихъ къ 30 лѣтамъ ихъ работы заработокъ увеличивается противъ перваго года почти въ $2^1/_2$ раза, тогда какъ у чернорабочихъ, сторожей и др. только въ $1^1/_2$ раза. Чѣмъ отвѣтственнѣе, сложнѣе работа, тѣмъ болѣе выгодны для фабриканта болѣе интеллигентные рабочіе. Черныя, простыя работы еще терпятъ малокультурныхъ, грубыхъ рабочихъ, въ высшихъ же спеціальностяхъ грамотность прямо необходима, чтобы сократить время выучки, приспособляемости къ машинамъ и самой работѣ.

Но увеличеніе заработка подъ вліяніемъ опытности имѣетъ свои предѣлы. Послѣ 30-лѣтней, иногда и менѣе, работы на фабрикѣ силы рабочаго значительно, повидимому, слабѣютъ, такъ какъ заработокъ его не только не увеличивается, но даже уменьшается. Отъ 30—35 лѣтъ практики заработокъ у большей части рабочихъ падаетъ противъ прежняго на 1—5 руб. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и живая машина фабрики—человѣкъ имѣетъ свои предѣлы службы. Но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

II.

Составъ массы фабричныхъ рабочихъ и степень прикрѣпленія ихъ къ фабрикѣ.

Наша фабрично-заводская промышленность питается почти исключительно крестьянскимъ трудомъ. Изъ нашихъ $5^1/_2$ тыс. рабочихъ лицъ не крестьянскаго сословія только 5,9%, а изъ духовныхъ и дворянъ всего на всего 11 человѣкъ. Живая рабочая сила стягивается на фабрику почти исключительно изъ деревень, и притомъ изъ ближайшихъ къ фабрикѣ деревень. Фабрика окружена рядомъ концентрическихъ, постепенно, по мѣрѣ отдаленія, разрѣжающихся круговъ съ деревнями, откуда идутъ крестьяне на фабрику. Первый кругъ, самый плотный, 7 в. въ радіусѣ даетъ цѣлую четверть рабочихъ; второй отъ 7—15 в. отъ фабрики поставляетъ другую четверть; третій отъ 15 — 25 или 35 в. даетъ еще $^1/_3$ и только шестая часть рабочихъ набирается изъ деревень дальше 25—35 в. отъ фабрики. Но и здѣсь большинство выходятъ изъ сосѣднихъ всетаки уѣздовъ. Дальнія губерніи даютъ всего на всего $3^1/_2$% всѣхъ рабочихъ. Это—почти исключительно непрофессіонально-фабричные рабочіе: чернорабочіе, столяры, плотники, слесаря и т. п. Такъ постепенно рѣдѣютъ по мѣрѣ удаленія отъ фабрики ряды рабочихъ.

Но и изъ ближнихъ, плотнымъ кольцомъ охватывающихъ фабрику деревень притягиваются не всѣ, а наиболѣе молодыя, нетронутыя силы деревни. Типъ фабричнаго рабочаго — молодой человѣкъ въ 18 — 30 лѣтъ (около 44% всѣхъ рабочихъ). Старше 35 лѣтъ мы видимъ на фабрикѣ

менѣе $^1/_4$ рабочихъ (22,8%), послѣ же 40 лѣтъ остается на фабрикѣ самое небольшое число рабочихъ—$^1/_8$ (12,2%). Начиная свою карьеру съ самаго юнаго возраста—до 14 лѣтъ (съ 14 и менѣе лѣтняго возраста пошло на фабрику 46,9% теперешнихъ рабочихъ), къ 35 годамъ рабочій успѣетъ уже достаточно износиться и въ 40 — 45 лѣтъ совсѣмъ сходитъ со сцены. Послѣ 45-лѣтняго возраста работать на обычныхъ фабричныхъ работахъ способны изъ 100 человѣкъ рабочихъ только *четверо*, остальные или сходятъ въ могилу, или возвращаются доживать свой вѣкъ въ родную деревню. Изъ 132 лицъ старше 20 лѣтъ, похороненныхъ на Дулевскомъ при фабрикѣ кладбищѣ за послѣднія 5 лѣтъ, бо́льшая половина—69 человѣкъ кончили свою жизнь отъ 20—45 лѣтъ. 75 человѣкъ похоронены съ отмѣткою въ метрикахъ: «умеръ отъ чахотки». Вотъ краткое curriculum vitae живой фабричной силы. Несомнѣнно, машины изнашиваются не такъ скоро, такъ какъ пользуются бо́льшимъ уходомъ со стороны фабрики. Посмотрите, наприм., на такъ называемое точильное отдѣленіе на Дулевской фарфоровой фабрикѣ. Каждый мальчишка на улицѣ скажетъ вамъ, что тамъ люди мрутъ чахоткой, и что онъ самъ именно потому и не поступилъ въ точильщики, а предпочелъ другое отдѣленіе. Точильщики формуютъ изъ сырой глины посуду, потомъ когда товаръ уже обожженъ, до поливки глазурью, чистятъ каждую вещь наждачной бумагой. Тонкая, ѣдкая фарфоровая пыль бѣлесоватымъ туманомъ стоитъ по всему огромному корпусу этого отдѣленія, отравляя жизнь цѣлымъ шести сотнямъ рабочихъ. Теперь еще сдѣлана небольшая вентиляція, раньше не было и этого. Пройдите по всему длинному корпусу и вы не увидите здѣсь ни одного болѣе или менѣе пожилого лица; старше 30 лѣтъ изъ всѣхъ 600 рабочихъ наберете только 59 человѣкъ, старше 35 лѣтъ—34 человѣка, а за 40 лѣтъ—только 15. Желтыя, истощенныя лица, губы часто съ запекшеюся по угламъ кровью, краснорѣчиво говорятъ о вредѣ этой работы.

Говоря о возрастномъ составѣ фабричныхъ рабочихъ, необходимо подробнѣе остановиться на эксплуатаціи фабрикою дѣтскаго труда и труда подростковъ. На 2-хъ фабрикахъ (фарфоровой и ткацко-прядильной) дѣтей до 14 лѣтъ включительно работаетъ на каждые 100 рабочихъ—8,1. Въ точильномъ отдѣленіи въ Дулевѣ есть даже ребята моложе 12 лѣтъ—17 человѣкъ. Намъ встрѣтился тамъ мальчикъ 13 лѣтъ, который работаетъ на фабрикѣ уже 6-й годъ! Какъ извѣстно, по фабричнымъ законамъ работа дѣтямъ до 12 лѣтъ воспрещена. Существованіе въ Дулевѣ этихъ дѣтей, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что старообрядцы, которыхъ вокругъ фабрики много, имѣютъ возможность, благодаря отсутствію у нихъ метрикъ, увеличивать на бумагѣ возрастъ своихъ дѣтей. По крайней мѣрѣ, сами рабочіе говорятъ: «Старовѣрамъ хорошо, дѣтямъ въ 13 лѣтъ выправляютъ въ правленіи свидѣтельство на 16 лѣтъ» (по внѣшнему виду). По свѣдѣніямъ фабричной инспекціи на Дулевской фабрикѣ дѣтей до 15 лѣтъ почти вдвое менѣе, чѣмъ по нашей переписи. Уменьшеніе числа дѣтей на фабрикѣ выгодно фабриканту въ томъ отношеніи, что каждый ребенокъ, работа-

ющій на фабрикѣ, влечетъ за собою расходы на обязательное посѣщеніе школы.

Фабрика больше, чѣмъ всякій другой промыселъ, эксплуатируетъ трудъ малолѣтнихъ. Въ главныхъ отрасляхъ отхожихъ промысловъ, наприм., въ Суздальскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ (20 тыс. промышленниковъ), лицъ мужского пола до 18 лѣтъ работаетъ 8,7% всѣхъ промышленниковъ, тогда какъ на нашихъ фабрикахъ рабочихъ въ такомъ возрастѣ 21,7%. Чѣмъ ближе къ фабрикѣ, тѣмъ мы видимъ бо̀льшую эксплуатацію труда малолѣтнихъ. Такъ, изъ района до 15 в. отъ фабрики дѣтей работаетъ около 10% всѣхъ рабочихъ, дальше же 15 в. только 7½%. Точно также и относительно подростковъ (отъ 15 до 17 лѣтъ): 25% и 12½%. Деревенская семья менѣе щадитъ дѣтскій трудъ, чѣмъ семья фабричная, т.-е. живущая на фабрикѣ всѣмъ своимъ составомъ, порвавшая всякія связи съ деревней. Если мы возьмемъ съ одной стороны рабочихъ, выходящихъ изъ деревень, а съ другой—поселившихся на фабрикѣ со своими семьями, то среди первыхъ дѣтей до 14 лѣтъ включительно будетъ 8,8%, среди послѣднихъ—6,6%.

О трудѣ женщинъ можно сказать, что изъ ближнихъ деревень женщинъ сравнительно съ мужчинами выходитъ больше, чѣмъ изъ дальнихъ. На всѣхъ фабрикахъ женщинъ работаетъ вчетверо меньше мужчинъ. Если же исключить Кольчугинскій заводъ, гдѣ женскій трудъ почти вовсе не примѣняется, то на 2-хъ фабрикахъ женщины составятъ почти ⅓ всѣхъ рабочихъ. Въ то время какъ изъ мужчинъ имѣютъ родину дальше 7 в. отъ фабрики 22,3%, изъ женщинъ—30,1%. А изъ семей, живущихъ на фабрикѣ, оторвавшихся отъ деревни — женщинъ еще больше: ихъ только немногимъ меньше мужчинъ—45,9% всѣхъ рабочихъ. Между тѣмъ среди остальныхъ рабочихъ, выходящихъ изъ деревень, женщины составляютъ только 22,1%. Кромѣ того, изъ обосновавшихся на фабрикѣ семей женщины работаютъ во всѣхъ возрастахъ, выходящія же изъ деревни женщины исключительно молодыя: среди первыхъ старше 22 лѣтъ—66,3% всѣхъ женщинъ, среди вторыхъ только 48,2%. Итакъ, близость фабрики сильно вліяетъ на притяженіе къ ней женскаго труда; изъ дальнихъ деревень женщины не такъ скоро рѣшаются идти на фабрику, а если и идутъ, то идутъ болѣе молодыя, не связанныя еще никакими семейными обязанностями.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ прочно сидятъ рабочіе на своихъ мѣстахъ и что ихъ привязываетъ къ фабрикѣ.

Почти ¾ рабочихъ 2-хъ фабрикъ совсѣмъ бросили земледѣліе и болѣе ½ совсѣмъ не пріучались къ земледѣлію, не видавъ никогда въ своихъ рукахъ ни сохи, ни бороны. Мы беремъ только тѣхъ рабочихъ, которые навсегда бросили заниматься земледѣліемъ; не уходившихъ же на полевыя работы въ данный годъ, наприм., въ годъ нашего изслѣдованія, еще больше—92%. Т.-е. почти всѣ рабочіе оставались лѣтомъ на фабрикѣ, не уходя въ деревню на крестьянскія работы ни на одинъ день. Другіе отхожіе промыслы

не въ такой сильной степени отрываютъ крестьянина отъ земледѣлія. Возьмемъ наиболѣе крупныя группы отхожихъ промышленниковъ по Суздальскому и Меленк. уѣздамъ. Тамъ отрываются отъ земледѣлія:

Среди корчевниковъ пней	31 %	промышленниковъ
» землекоповъ	47,8%	»
» прислуги	79,6%	»
» матросовъ, лоцмановъ и др. .	83,7%	»
» каменщиковъ	85,6%	»
» пастуховъ	91,4%	»
» кирпичниковъ	93,4%	»

Фабрика крѣпче другихъ промысловъ привязываетъ къ себѣ крестьянина, заставляя забывать о родной деревнѣ съ ея тяжелой, неблагодарной работой. Крестьянская работа слишкомъ невыгодна, и человѣкъ, разъ ушедшій на фабрику, считается отрѣзаннымъ ломтемъ. «Разъ бросилъ человѣкъ крестьянство, — пишетъ одинъ крестьянинъ, — и ушелъ, то къ чему онъ воротится? Завести хозяйство не на что, и приходится работать, покуда сила есть, на людей, но старость пришла—на родину идти, собирать даровые куски». Въ молодые годы фабричный рабочій еще ходитъ по праздникамъ въ деревню, а потомъ постепенно порываетъ съ ней связи и, захвативъ всю свою семью, переселяется окончательно на фабрику.

Изъ 3,700 рабочихъ на 2-хъ фабрикахъ (за исключеніемъ живущихъ въ своихъ деревняхъ) $1^1/_2$ тыс. (40,7%) живетъ на фабрикѣ со всей своей семьей, не оставивъ никого и ничего въ деревнѣ. 672 человѣка изъ нихъ обосновались такъ на фабрикѣ уже болѣе 10 лѣтъ. Т.-е. болѣе чѣмъ для $^1/_3$ рабочихъ фабрика становится вторымъ домомъ. Если прибавить еще, что 38,4% рабочихъ представляютъ собою уже второе фабричное поколѣніе, то передъ нами еще рельефнѣе предстанетъ гигантская сила фабрики, высасывающая изъ деревни, отрывающая отъ земли лучшіе, молодые соки, притягивающая къ себѣ «на вольный воздухъ, на легкую, прибыльную работу» съ корнемъ всю семью крестьянина съ женой, дѣтьми, стариками. Желѣзныя цѣпи фабрики скручиваютъ крестьянина по рукамъ и ногамъ, отрываютъ его отъ всѣхъ прежнихъ интересовъ, прикрѣпляютъ его къ фабрикѣ не только заработкомъ, но и семейными узами; его связи съ деревней порываются, и онъ уже готовъ для вступленія въ ряды чистаго пролетаріата. Остается только чисто формальная связь бывшаго крестьянина съ деревней — это владѣніе надѣломъ, но это будетъ разсмотрѣно далѣе.

Не слѣдуетъ думать, если мы говоримъ о прикрѣпленіи рабочаго къ фабрикѣ,—о полномъ его закабаленіи при опредѣленной, ближайшей къ его деревнѣ фабрикѣ. Нѣтъ, передвиженіе рабочихъ отъ одного хозяина къ другому распространено у насъ довольно широко. Изъ числа рабочихъ на нашихъ двухъ фабрикахъ болѣе $^1/_3$ (37%) побывали уже у другихъ хозяевъ и только 63% живутъ съ самаго начала на одной и той же фа-

брикѣ. Не слѣдуетъ забывать притомъ молодого возрастнаго состава нашихъ рабочихъ, большинству которыхъ и некогда еще было мѣнять хозяевъ. Значеніе этихъ цифръ увеличивается еще тѣмъ, что фарфоровая Дулевская фабрика не имѣетъ себѣ конкурентовъ не только вблизи, но и во всей Россіи. Почти всѣ фарфорово-фаянсовыя фабрики скуплены Дулевскимъ владѣльцемъ—М. С. Кузнецовымъ, лишь 2—3 болѣе или менѣе значительныя фабрики находятся въ другихъ рукахъ. Если взять одну ткацко-прядильную фабрику, то на ней мы уже увидимъ 47,3% рабочихъ, побывавшихъ у другихъ хозяевъ, тогда какъ на одной Дулевской такихъ рабочихъ лишь 30,9%. Если взять одинъ годъ, годъ нашего изслѣдованія, то въ теченіе его изъ $5^1/_2$ тыс. всѣхъ рабочихъ переходило отъ одного хозяина къ другому 362 человѣка или почти $6^1/_2$%—число достаточно большое, чтобы не замѣтить подвижности состава рабочей массы. Дулевская фабрика и здѣсь отстала отъ всѣхъ другихъ: на ней перемѣнило за годъ хозяина только 2%, тогда какъ на ткацкой—$9^1/_2$%; впятеро меньшій ежегодный переходъ благодаря почти монопольному фарфоровому производству.

Перемѣщеніе это не носитъ характера бродяжничества съ одной фабрики на другую, что видно уже изъ того, что изъ всѣхъ 362 переходовъ только 14 человѣкъ смѣнило за послѣдній годъ двухъ и болѣе хозяевъ, остальные сдѣлали только одинъ переходъ.

Чѣмъ больше связь рабочаго съ фабрикой въ смыслѣ обзаведенія здѣсь семьей, тѣмъ рѣже становятся переходы съ одной фабрики на другую. Среди семейныхъ рабочихъ перемѣнило за послѣдній годъ хозяина $5^1/_2$%, среди же несемейныхъ, т.-е. работающихъ на фабрикѣ поодиночкѣ изъ семьи—7,8%. И чѣмъ больше семья у рабочаго, тѣмъ труднѣе ему сдвинуться съ мѣста: среди большесемейныхъ рабочихъ (съ 4 и болѣе членами въ семьѣ) перемѣнило хозяина $3^1/_2$%, среди же малосемейныхъ (съ 3 и менѣе членами)—почти вдвое больше—6,4%. Отсюда видно, какъ выгодно фабриканту возможно больше привязать рабочаго къ фабрикѣ семейными узами, строя для жилья рабочихъ казармы, каморки. Впрочемъ, сами обстоятельства слагаются въ пользу хозяина: тяготѣніе къ фабрикѣ и такъ сильно, пролетаризація нашего крестьянина дѣлаетъ быстрые успѣхи.

Перемѣна мѣста совершается безъ потери излишняго времени. Обыкновенно, придя на другую фабрику, рабочій сейчасъ же находитъ занятіе. Вообще безработица—явленіе у насъ еще рѣдкое. За годъ изъ $5^1/_2$ тыс. рабочихъ только 317 или 5,7% были нѣкоторое время безъ работы *). Если посмотрѣть на причины этой безработицы, то увидимъ, что изъ 162 случаевъ $^1/_4$ безработныхъ—женщины, потерявшія время по родамъ, болѣе $^1/_3$ не работали по болѣзни, $^1/_4$ искала мѣста, 9 человѣкъ—отбывали рекрутскую повинность, 8 человѣкъ уходили на полевыя работы и двое

*) Болѣе трехъ мѣс. провели безъ работы только $^1/_3$ и почти одна же треть не работали менѣе одного мѣсяца.

получили увѣчье. Какъ видно, доминирующей причиной безработицы у насъ являются болѣзни рабочихъ. Это тѣмъ болѣе печальный фактъ, что ряды рабочихъ, какъ мы видѣли, состоятъ почти исключительно изъ молодыхъ силъ деревни.

Говоря о прикрѣпленіи рабочаго къ фабрикѣ надо упомянуть и о томъ, что̀ даетъ ему фабрика въ отношеніи жилищныхъ условій. Изъ всѣхъ рабочихъ на нашихъ двухъ фабрикахъ около $^2/_3$ рабочихъ (65,8%) живутъ въ совсѣмъ невозможныхъ условіяхъ: одни кромѣ мѣста на нарахъ ничего не имѣютъ, даже угла, куда бы можно было уйти отдохнуть отъ шума и суетни послѣ трудового дня; другіе имѣютъ только уголъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова: въ другомъ углу, тутъ же, въ той же комнаткѣ ютится другая, чужая семья. Вся жизнь этихъ тружениковъ проходитъ на виду сотенъ чужихъ глазъ: ни одной минуты наединѣ съ самимъ собою, не видя посторонняго, пытливаго взгляда. Какова жилищная обстановка остальной трети рабочихъ, равно какъ и подробности упомянутыхъ коечныхъ помѣщеній, будетъ нами разсмотрѣна въ особомъ изслѣдованіи, основанномъ на детальномъ измѣреніи жилищъ рабочихъ.

III.

Вліяніе фабрики на земледѣліе.

На фабрикахъ и заводахъ Владимірской губерніи работаетъ около 160 тысячъ рабочихъ. Большинство изъ нихъ, какъ мы указывали, мѣстные крестьяне. При $1^1/_2$-милліонномъ населеніи губерніи, при почти 800 тыс. взрослыхъ лицъ обоего пола приведенная цифра фабрично-заводскихъ рабочихъ составитъ довольно значительный %. Прикрѣпленные къ фабрикѣ круглый годъ, выходя изъ семьи по нѣсколько человѣкъ, переводящіе, наконецъ, къ себѣ на фабрику всю свою семью, фабричные должны роковымъ образомъ вліять на положеніе земледѣльческаго хозяйства во владимірской деревнѣ и вообще на всѣ старые деревенскіе «устои».

Ни одинъ отхожій промыселъ не вліяетъ такъ разрушительно на земельное крестьянское хозяйство, какъ фабричный. Фабричнымъ рабочимъ отрываться отъ работы и идти въ деревню, хотя она большею частью очень недалеко, нѣтъ никакого разсчета. Они предпочитаютъ сдавать свою землю въ аренду односельчанамъ, а въ крайнемъ случаѣ и совсѣмъ бросать ее безъ обработки. Болѣе $^1/_3$ рабочихъ (34%), имѣющихъ надѣльную землю, сдаютъ ее цѣликомъ въ аренду, большею частью приплачивая 2—3 руб. за душу, чтобы только совсѣмъ избавиться отъ земельныхъ заботъ и податей. У остальныхъ $^2/_3$ еще остается нѣкоторая связь съ землей, но только нѣкоторая: бо̀льшая половина изъ нихъ (55%) прибѣгаютъ для обработки своего надѣла къ найму рабочихъ рукъ. Если мы возьмемъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ, т.-е. и тѣхъ, которые такъ или иначе отдѣлались отъ земли и остались безнадѣльными, то мы увидимъ, что на нашихъ двухъ фабрикахъ фактически не владѣютъ землей больше

половины рабочихъ—(52,6%), а самостоятельно, одной своей деревенской семьей управляются со всѣми полевыми работами только $^1/_5$ часть (21%).

Какъ низко стоитъ у фабричныхъ хозяйственная забота о землѣ видно изъ % безлошадности у нихъ. Среди тѣхъ семействъ, которыя владѣютъ землей, нѣтъ лошадей почти у $^2/_3$ (62,3%), тогда какъ по деревнямъ 5 у. Владимірской губерніи безлошадныхъ среди надѣльныхъ дворовъ только 40,7%. Еще лучшимъ показателемъ безхозяйственности двора можетъ служить полное отсутствіе скота. Семействъ, не имѣющихъ въ дворѣ никакого скота у фабричныхъ (по двумъ фабрикамъ) почти половина—(48,4%); по деревнямъ—только 16%. Для иллюстраціи того, какое значеніе имѣетъ земля для фабричнаго, что за связь съ землею представляетъ изъ себя его обладаніе надѣломъ, мы можемъ привести факты полнаго оставленія земли безъ обработки, такъ называемаго запусканія пашни. 31 фабричное семейство никакъ не утилизируетъ свою землю, оставляя ее на произволъ судьбы, «валяться» безъ всякой пользы, но полностью уплачивая за нее подати. Намъ извѣстно одно мѣстечко въ Покровскомъ уѣздѣ недалеко отъ Орѣхово-Зуева, гдѣ надѣльная душа земли сдается въ аренду всякому желающему ни больше ни меньше, какъ за *крынку* молока.

Такова общая картина положенія земледѣлія у фабричныхъ семействъ. Фабрика, благодаря возможности использовать женскій и дѣтскій трудъ, притягиваетъ къ себѣ цѣлыя семьи рабочихъ, заставляя ихъ цѣликомъ переселяться на фабрику, порывать всякія связи съ деревней. Почти у половины фабричныхъ нѣтъ никакого скота, почти у $^2/_3$ нѣтъ лошадей; больше половины фактически не владѣютъ землей, а самостоятельно, одними своими силами управляются съ полевыми работами только $^1/_5$ фабричныхъ. Земельные инстинкты нашего крестьянина, пресловутое тяготѣніе къ землѣ гибнетъ предъ всесильными экономическими интересами, предъ матеріалистическими соображеніями выгодности и удобства фабричнаго заработка. Наполовину нашъ фабричный рабочій уже пролетаріатизированъ, разобщенъ съ деревней и крѣпкими цѣпями привязанъ къ фабрикѣ. Только еще большія, патріархальныя семьи деревни поддерживаютъ связь рабочаго съ деревней. Насколько малая семья—продуктъ послѣдняго времени, ускоряетъ переходъ рабочаго въ ряды чистаго пролетаріата, показываетъ группировка рабочихъ по размѣру семьи:

Группы рабочихъ по величинѣ семьи.	% безнадѣльныхъ.	% безлошадныхъ.	% безкоровныхъ.	% безъ всякаго скота.	% рабочихъ, бросившихъ лично земледѣліе.	% рабочихъ, не уходившихъ на полевыя работы.	%, гдѣ земельное хозяйство: ведется.	земля пустуетъ.	вся сдается въ аренду.	%, когда земельное хозяйство ведется: только своей семьей.	отчасти наймомъ.	все наймомъ.
Семьи съ 4 и бол. член.	40,9	93	80,5	79,7	79,7	94,7	32,7	2,3	64,9	23,2	63,0	13,8
Семьи съ 5-6 членами .	22,6	77,7	45,5	47,5	75,1	82,8	62,0	2,9	35,1	32,8	56,6	10,6
Семьи съ 7 и бол. член.	8,8	39,3	14,1	14,6	66,8	81,6	90,1	0,6	9,3	56,1	40,8	3,1

Мы видимъ поражающее значеніе большихъ семей въ дѣлѣ задержки рабочаго у семейнаго деревенскаго очага. Если поглубже вникнуть въ значеніе этой таблички, гдѣ всѣ три группы почти равны по размѣрамъ, то мы увидимъ, что за связь съ землей остается у нашего фабричнаго рабочаго. Вѣдь здѣсь у цѣлой трети рабочихъ земельное хозяйство обстоитъ лучше, чѣмъ у среднихъ крестьянскихъ дворовъ; и это только потому, что у нихъ большія семьи въ деревнѣ. Очевидно, причина видимой связи рабочаго съ землей и кроется въ величинѣ семьи, въ наличности большого числа оставшихся въ деревнѣ родныхъ. Не рабочій занимается землей, а его родные. Связь рабочаго съ землей выходитъ чисто формальная, происходящая изъ старыхъ условій быта и семейныхъ отношеній нашего крестьянина. Отсюда можно судить, какъ призрачна связь съ землей у той половины рабочихъ, которыхъ мы признали, какъ не порвавшихъ всякой связи съ землей. Всѣ они почти—многосемейные, и ихъ обладаніе землей—только призрачное, такъ какъ владѣютъ-то собственно не они, а ихъ родные. Однихъ рабочихъ послѣдней группы (съ 7 и болѣе членами)—цѣлая треть. А у нихъ почти у всѣхъ ведется земельное хозяйство. Такъ постепенно раскрывается предъ нами полная разобщенность рабочаго съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Интересно, что чѣмъ выше заработокъ рабочаго, тѣмъ больше у него, независимо отъ величины семьи, склонности бросать свое земельное хозяйство. Раздѣливъ всѣхъ рабочихъ по величинѣ заработка на 3 равныя группы, мы видимъ:

Группы рабочихъ по величинѣ заработка.	% рабочихъ, бросившихъ лично земледѣліе.	% рабочихъ, не уходившихъ на полевыя работы.	%, гдѣ земельное хозяйство: ведется.	%, гдѣ земельное хозяйство: все сдается въ аренду.	%, гдѣ зем. хозяйство ведется: только своей семьей.	%, гдѣ зем. хозяйство ведется: все наймомъ.	% безлошадныхъ.	% безкоровныхъ.	% безъ всякаго скота.
Ниже средняго . . .	68,2	82,7	62,8	35,2	36,7	5,1	70,5	48,3	47,7
Средній заработокъ .	72,9	83,1	62,9	35,9	42,7	10,6	68,5	47,9	46,8
Выше средняго . . .	80,1	93,2	58,3	38,9	29,6	11,5	69,9	44,8	47.6

Земельное хозяйство въ деревнѣ ликвидируется рѣшительнѣе у тѣхъ изъ рабочихъ, которые болѣе обезпечены на фабрикѣ, сумѣли положительнѣе осѣсться тамъ: такіе рабочіе предпочитаютъ сдавать свой надѣлъ въ аренду, чѣмъ самимъ возиться съ землей: нанимать рабочихъ, утруждать свою семью. Но тѣ изъ нихъ, которые оставляютъ землю за собой, обзаводятся скотомъ и, навѣрное, вообще инвентаремъ лучше, чѣмъ рабочіе съ меньшимъ заработкомъ (% безлошадныхъ у тѣхъ и другихъ почти одинаковый, несмотря на то, что въ высшей группѣ лицъ, ведущихъ хозяйство, меньше; коровъ же у послѣднихъ больше и абсолютно). Благодаря тому, что въ бюджетѣ рабочаго высшей группы имѣется боль-

ше наличнаго капитала, онъ чаще прибѣгаетъ при обработкѣ своей земли къ услугамъ наемныхъ рукъ. Обезпеченный хорошимъ заработкомъ онъ не такъ склоненъ къ уходу лѣтомъ на полевыя работы. Среди рабочихъ съ высшимъ заработкомъ больше также и лицъ, навсегда бросившихъ личное занятіе земледѣліемъ. Отсюда видно, какъ болѣе высокая заработная плата выгодна и хозяину фабрики, вліяя благотворно на постоянство состава рабочихъ.

Итакъ, болѣе высокій заработокъ вліяетъ отрицательнымъ образомъ на земледѣліе во дворѣ фабричнаго рабочаго, но зато поднимаетъ хозяйственный достатокъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ земельное хозяйство еще уцѣлѣло. Такъ, хорошій заработокъ на фабрикѣ вноситъ оздоровляющее вліяніе въ крестьянское хозяйство: отсѣкаетъ нездоровые элементы, носящіе слѣды разложенія и смерти, и поддерживаетъ тѣ части организма, которыя уцѣлѣли отъ этой операціи, придавая имъ болѣе жизненности и устойчивости.

Алексѣй Смирновъ.

Комедіи Н. В. Гоголя и ихъ исполнители на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ.

Постановка пьесы на сценѣ для начинающаго драматурга въ большинствѣ случаевъ сопряжена съ большими хлопотами, треволненіями и непріятностями. Послѣднія являются какъ бы необходимою принадлежностью дебютанта.

Н. В. Гоголь не избѣжалъ общей участи. Какъ извѣстно, только благодаря личному желанію императора Николая Павловича, «Ревизоръ» впервые былъ поставленъ на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ 19 апрѣля 1836 года, причемъ театральная дирекція пріобрѣла у автора пьесу за 2,500 р. ассигнаціями.

Большая часть публики и пресса того времени, во главѣ съ Булгаринымъ въ *Сѣверной Пчелѣ* и Сенковскимъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, ополчились противъ автора, обвиняя его въ неправдоподобіи содержанія, каррикатурности характеровъ и даже циничности тона.

Гоголь былъ огорченъ до глубины души такимъ отзывомъ прессы. «Я усталъ и душою, и тѣломъ,—писалъ онъ одному литератору послѣ перваго представленія «Ревизора»,—клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса» *).

До постановки «Ревизора» въ Петербургѣ Гоголь думалъ самъ ѣхать въ Москву для личнаго руководства репетиціями своей комедіи. Но пріемъ, оказанный петербургской публикой «Ревизору», измѣнилъ его первоначальное намѣреніе. Огорченный, разочарованный онъ отказался отъ этой поѣздки. Въ письмѣ къ М. С. Щепкину онъ пишетъ: «Мочи нѣтъ! Дѣлайте что хотите съ моей пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней» **). «Чувствую,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Погодину,—что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, и я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ» ***).

---

*) Соч. Гоголя, т. II, стр. 276.
**) Соч. Гоголя, т. V, стр. 254.
***) Соч. Гоголя, т. V, стр. 255.

Напрасно Щепкинъ убѣждалъ его принять личное участіе въ постановкѣ «Ревизора» на московской сценѣ, напрасно горячо просилъ и даже требовалъ его пріѣзда въ Москву. Гоголь остался неумолимъ и 6 іюня уѣхалъ за границу.

Но къ судьбѣ «Ревизора» на московской сценѣ онъ не былъ равнодушенъ, что видно изъ его письма къ Щепкину, въ которомъ онъ проситъ послѣдняго ради дружественныхъ отношеній взять на себя постановку комедіи. Исполненіе этой просьбы для Щепкина было не совсѣмъ удобно, какъ въ отношеніи дирекціи, такъ и въ отношеніи товарищей-артистовъ. Первая въ данномъ случаѣ какъ бы игнорировалась, а вторые становились къ нему въ подчиненное отношеніе, какъ къ режиссеру. Вотъ почему С. Т. Аксаковъ, близко знакомый съ директоромъ театровъ, М. Н. Загоскинымъ, чтобы вывести Щепкина изъ затруднительнаго положенія, предложилъ Гоголю свои услуги по постановкѣ пьесы, изложивъ причины, почему не удобно Щепкину взяться за это дѣло. Гоголь согласился, но комедія была поставлена въ Москвѣ всетаки безъ участія Аксакова.

«Ревизоръ» въ Москвѣ былъ поставленъ спѣшно. Пьесу стали репетировать только въ первыхъ числахъ мая. На репетиціяхъ между артистами шли пререканія. Безъ личныхъ указаній автора пьеса какъ-то не ладилась.

Между тѣмъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 9 мая 1836 года отъ императорскихъ театровъ появился анонсъ: «въ непродолжительномъ времени представлено будетъ въ первый разъ «Ревизоръ», оригинальная комедія въ 5 дѣйств. въ прозѣ, соч. г-на Гоголя». А 23 мая въ тѣхъ же вѣдомостяхъ мы читаемъ: «въ Маломъ театрѣ въ понедѣльникъ, 25 мая, въ абонементъ въ первый разъ «Ревизоръ», оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Гоголя; дивертисментъ. Сія комедія будетъ дана во вторникъ, 26 мая, не въ счетъ абонемента, въ пятницу, 29 мая, не въ счетъ абонемента».

Первое представленіе «Ревизора» въ Москвѣ состоялось 25 мая 1836 г. въ Маломъ театрѣ (Большой перестраивался). Для комедіи была написана новая декорація-комната квартиры Городничаго. Внѣшняя сторона обстановки была хороша, за исключеніемъ костюмовъ, которые, по отзывамъ современнаго критика Андросова, были допотопны и нелѣпы. Роли въ пьесѣ были распредѣлены такъ: городничій—Щепкинъ, Анна Андреевна, его жена—Синецкая, Марья Антоновна, его дочь—Панова, Хлестаковъ—Ленскій, Бобчинскій—Никифоровъ, Добчинскій—Шумскій, Осипъ—Орловъ, судья—Степановъ, почтмейстеръ—Потанчиковъ, Земляника — Барановъ, Хлоповъ—Волковъ, Мишка—Шубертъ.

Что касается исполненія пьесы, то въ современной газетѣ *Молва* мы читаемъ слѣдующія строки: «Ревизоръ, сыгранный на московской сценѣ, безъ участія автора, поставленный въ столько же репетицій, какъ какой-нибудь воздушный водевильчикъ съ игрою г-жи Рѣпиной, не упалъ въ общественномъ мнѣніи, хотя въ томъ же мнѣніи московскій театръ спустился отъ него, какъ барометръ передъ вьюгою».

Почти того же мнѣнія держался и Щепкинъ; въ письмѣ къ артисту Сосницкому онъ пишетъ: «Теперь «Ревизоръ» далъ немного мнѣ пріятныхъ минутъ и вмѣстѣ горькихъ, ибо въ результатѣ сказался недостатокъ въ силахъ и языкѣ. Можетъ быть найдутся люди, которые были довольны, но надо заглянуть ко мнѣ въ душу! Ежели Н. В. Гоголь не уѣхалъ за границу, то сообщи ему, что вчерашній день игрался «Ревизоръ»,—не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно, игранъ былъ въ абонементъ, и потому публика была высшій тонъ, которой, какъ кажется, она (комедія) многимъ не по вкусу. Несмотря на то, хохотъ былъ безпрестанно, вообще принималась пьеса весело» *). Черезъ нѣсколько дней тому же Сосницкому онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности перваго представленія «Ревизора». Публика, по его словамъ, была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я, добавляетъ онъ, ожидалъ гораздо бо́льшаго пріема. Это меня чрезвычайно изумляло, но одинъ знакомый забавно объяснилъ мнѣ этому причину: «помилуй, говоритъ, какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей*».

Главный недостатокъ общаго исполненія пьесы были торопливость и скороговорка. Газета *Молва*, издававшаяся въ то время при *Телескопѣ*, говоритъ: мы должны упрекнуть г. Щепкина, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ артистовъ безъ исключенія за эту болтовню, скороговорку, вовсе несогласную съ духомъ пьесы. На тотъ же недостатокъ въ игрѣ артистовъ указываетъ и Андросовъ въ *Московскомъ Наблюдателѣ*. Считаемъ неизлишнимъ замѣтить, что при первомъ представленіи пьеса шла очень скоро. Въ разговорахъ не было той лѣнивой медленности, той благоразумной неспѣшности, которыя составляютъ природныя принадлежности нашего темперамента, у насъ немного пылкихъ говоруновъ; мы говоримъ разсудительно.

Публика перваго представленія «Ревизора» отнеслась къ комедіи болѣе чѣмъ сухо. Въ антрактахъ даже былъ слышенъ полуфранцузскій шепотъ негодованія и полупрезрѣнія по адресу автора. Ни одинъ актеръ послѣ спектакля не былъ вызванъ. Такое отношеніе публики къ геніальному произведенію Гоголя современные рецензенты объясняли ея составомъ: это была абонементная публика, которая въ большинствѣ случаевъ пріѣзжаетъ въ театръ болѣе изъ-за моды, чѣмъ изъ-за интереса къ пьесѣ. Вотъ почему на второмъ и послѣдующихъ представленіяхъ «Ревизора», когда зрительный залъ былъ наполненъ людьми, дѣйствительно любящими и понимающими театральное искусство, комедія принималась великолѣпно, съ громкими вызовами **).

Самъ Гоголь видѣлъ «Ревизора» на Московской сценѣ много позднѣе,

---

*) Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 182. Письма отъ 26 мая 1836 г.

**) См. статью Н. С. Тихонравова: „Первое представленіе „Ревизора“ на Московской сценѣ“, соч. Н. С. Тихонравова, т. 3-й, ч. I.

по словамъ Аксакова, въ 1840 г. Онъ сидѣлъ въ бенуарѣ № 1 съ лѣвой стороны съ Чертовой, въ глубинѣ ложи, такъ что въ креслахъ его не было видно. Пьеса шла прекрасно. Публика, узнавъ о присутствіи автора въ театрѣ, хотѣла устроить ему овацію, но онъ ушелъ изъ театра къ большому неудовольствію зрителей *).

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, Гоголь былъ недоволенъ исполнителями роли Хлестакова. Онъ жаловался, что не находитъ актера для этой роли, вслѣдствіе чего пьеса теряетъ смыслъ и скорѣе должна называться Городничимъ, чѣмъ Ревизоромъ, такъ какъ въ Петербургѣ Сосницкій, а въ Москвѣ Щепкинъ—безукоризненные исполнители роли Городничаго. И только позднѣе, когда Хлестакова сталъ играть Шумскій, Гоголь вполнѣ одобрилъ игру этого актера.

Переходя къ каждому изъ исполнителей въ отдѣльности, прежде всего слѣдуетъ остановиться на М. С. Щепкинѣ, лучшемъ Городничемъ.

Хотя въ письмѣ къ Сосницкому самъ Щепкинъ и высказывалъ недовольство своей игрой, но Гоголь былъ въ восторгѣ отъ исполненія имъ роли Городничаго и приносилъ ему искреннюю благодарность.

Бѣлинскій пишетъ: «Щепкинъ всегда игралъ городничаго прекрасно, но теперь (1838 г.) становится хозяиномъ въ этой роли и играетъ ее все съ бо́льшею и бо́льшею свободой. Его игра творческая, геніальная. Онъ не помощникъ автора, но соперникъ въ созданіи роли» **). Одна изъ современницъ Щепкина уже позднѣйшаго времени такъ отзывается объ его игрѣ: «въ «Ревизорѣ», въ роли городничаго, живая, но не суетливая игра Щепкина рисовала вамъ человѣка глубоко увѣреннаго въ себѣ и своей смышленности, опытнаго и спокойнаго, привыкшаго властвовать въ своемъ мірочкѣ. Въ концѣ пьесы вы видите его обманутымъ, но неразбитымъ: онъ снова является старшимъ въ семьѣ и, презрительно упоминая о случайной ошибкѣ, о пустомъ фанфаронѣ, смѣется только надъ легкомысліемъ женщинъ ***).

Геніальнымъ исполнителемъ этой роли Щепкинъ оставался почти до конца своей жизни (1863 г.). По мнѣнію Аполлона Григорьева—городничій въ полномъ смыслѣ отлитъ за разъ имъ: неподдѣльный паѳосъ, одушевляющій комика, заставляетъ зрителя забывать даже, что средства начинаютъ измѣнять артисту, хотя нельзя, конечно, совершенно скрыть отъ себя это обстоятельство, съ которымъ соединяется печальный вопросъ: кто для Москвы можетъ замѣнить въ этой роли М. С. Щепкина ****).

Замѣстителемъ Щепкина, еще при его жизни, въ апрѣлѣ 1858 г., явился П. М. Садовскій и, къ сожалѣнію, неудачнымъ. Не желая подражать своему предшественнику, Садовскій пытался создать оригинальную

*) Въ *Литературномъ Вѣстникѣ*, 1902 г., кн. I, стр. 86—87 напечатано чрезвычайно любопытное письмо Гоголя по этому поводу.

**) Соч. Бѣлинскаго, т. 2, стр. 600, изд. 1883 г.

***) *Русскій Архивъ*, 1889 г., № 4, стр. 534.

****) *Москвитянинъ*, 1852 г., кн. VIII, отд. 7, стр. 144.

фигуру городничаго, но, по словамъ извѣстнаго въ свое время театральнаго критика Баженова, изъ этой попытки ничего не вышло: почти все живое, эффектное роли исчезло чуть-что не безслѣдно, отчего роль поблѣднѣла, высохла и изъ гоголевскаго городничаго-холерика вышелъ скучный флегматикъ *). У Садовскаго Сквозникъ-Дмухановскій выходилъ какимъ-то отставнымъ военнымъ, полнымъ властителемъ города, даже и наставленія окружающимъ его чиновникамъ дающимъ начальническимъ тономъ, а не былъ тѣмъ плутомъ, который дѣлаетъ эти замѣчанія по пословицѣ: рука руку моетъ. Такой типъ,— замѣчаетъ Родиславскій,— задуманъ былъ Садовскимъ и, пожалуй, вѣрно, ибо городничіе большею частью опредѣлялись изъ отставныхъ военныхъ, но исполненіе отстало отъ замысла, и роль городничаго не была одною изъ удачныхъ у Садовскаго.

Послѣ Садовскаго весною 1867 года, въ бенефисъ А. Ф. Ѳедотова въ первый разъ роль Городничаго игралъ И. В. Самаринъ. Дебютъ Самарина въ этой роли возбудилъ громадный интересъ у театраловъ. Городничій всегда считался комической ролью, а Самаринъ былъ совсѣмъ лишенъ комическаго таланта. Его величественная осанка и плавные жесты плохо вязались съ рѣзкими манерами Городничаго. Самаринъ, какъ умный артистъ, понялъ, что послѣ Щепкина трудно внести что-либо новое въ эту роль, поэтому онъ ограничился только художественнымъ подражаніемъ. Это было тѣмъ болѣе удобно для него, что Щепкинъ не вносилъ въ роль Городничаго ни яркихъ комическихъ чертъ, ни грубыхъ пріемовъ. И Самаринъ производилъ на публику впечатлѣніе болѣе выраженіемъ и интонаціей своей дикціи, чѣмъ жестами. Въ первой половинѣ перваго дѣйствія Самаринъ какъ будто еще не совсѣмъ освоился съ ролью, взявъ слишкомъ строгій тонъ съ своими подчиненными, забывая, что вмѣстѣ съ ними онъ еще недавно обдѣлывалъ темныя дѣлишки и теперь совѣщается съ ними, какъ бы избѣжать приближающейся грозы въ лицѣ Ревизора. По мнѣнію Баженова, тонъ его рѣчи скорѣе долженъ быть заискивающимъ. Начиная съ 3-го дѣйствія и до конца пьесы Самаринскій Городничій напоминалъ собою Щепкинскаго. И только à part не совсѣмъ удавались Самарину. Въ общемъ получалась не цѣльная и даже не яркая фигура городничаго, но очень хорошо и талантливо созданная копія съ чуднаго оригинала, какимъ былъ покойный Щепкинъ.

Послѣдующими исполнителями роли Городничаго были Дурново и Бергъ, который игралъ эту роль до поступленія на сцену Малаго театра, въ семи-

---

*) Соч. Баженова, т. I, стр. 774. Съ этимъ мнѣніемъ Баженова не совсѣмъ согласенъ другой театральный критикъ Д. Коропчевскій. Въ моемъ воспоминаніи,— говоритъ послѣдній,— лицо городничаго сливается съ Садовскимъ и мнѣ казалось вполнѣ удовлетворительнымъ олицетвореніемъ Сквозника Дмухановскаго. Скажу болѣе, оно несомнѣнно оставило свой слѣдъ на Московскихъ сценахъ. Самаринъ, игравшій послѣ Садовскаго, воспроизводилъ Щепкина и имѣлъ успѣхъ, но слѣдующіе исполнители, между прочимъ Бергъ, приближались болѣе къ типу Садовскаго, чѣмъ Щепкина. (Приложеніе къ Ежегоднику Имп. Театровъ, 1894—1895 г., кн. 2, стр. 52).

десятыхъ годахъ въ Народномъ театрѣ и имѣлъ тамъ бо́льшій успѣхъ, чѣмъ на казенной сценѣ. Въ исполненіе роли онъ вносилъ много субъективнаго. Его Городничій во многомъ напоминалъ Городничаго Садовскаго.

Послѣднимъ исполнителемъ этой роли на сценѣ Малаго театра почти въ теченіе 20 лѣтъ былъ недавно умершій высоко-даровитый артистъ, В. А. Макшеевъ. Его игра отличалась необыкновенной простотой. Особенно ему удавались сцены въ 3-мъ дѣйствіи и въ 5-мъ съ купцами, когда онъ сначала распекаетъ ихъ, а потомъ уже начинаетъ кичиться своимъ родствомъ съ ревизоромъ.

Роль Хлестакова, несмотря на всю ея кажущуюся простоту, является довольно трудной даже въ сравненіи съ ролью Городничаго. Въ письмѣ къ Щепкину Гоголь писалъ: «труднѣйшая роль во всей пьесѣ—роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Я сильно боюсь за эту роль» *).

Опасенія Гоголя были не безосновательны: первые исполнители роли Хлестакова—въ Петербургѣ Дюръ и въ Москвѣ Д. Т. Ленскій—были слабы. Про Ленскаго-Хлестакова Бѣлинскій писалъ, что игра его слишкомъ субъективна и производитъ непріятное впечатлѣніе какою-то грубою, нисколько нехудожественною естественностью **). Впрочемъ, у него была недурна сцена съ половымъ и онъ очень натурально изображалъ сцену опьянѣнія ***). Ленскій недолго игралъ роль Хлестакова. Послѣ него эта роль перешла къ мало даровитому актеру Славину. Весной 1838 года въ этой же роли выступилъ И. В. Самаринъ. По словамъ Бѣлинскаго, лицо, манеры, и тонъ г. Самарина слишкомъ умны и благородны для роли Хлестакова и по этой причинѣ онъ, не будучи въ состояніи выполнить ее субъективно, еще не возвысился до ея объективнаго пониманія и исполненія ****). Впослѣдствіи Самаринъ игралъ эту роль прекрасно.

Слѣдующимъ и лучшимъ исполнителемъ роли Хлестакова, по словамъ самого Гоголя, былъ С. В. Шумскій. Гоголь, увидавъ Шумскаго въ роли Хлестакова, измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе, что всего болѣе подойдетъ къ этой роли В. И. Живокини. Шумскій слишкомъ много работалъ надъ этой ролью. Избытокъ этой работы сказывался и въ его игрѣ, про которую Аполлонъ Григорьевъ писалъ: «когда Шумскій игралъ Хлестакова, то видна была его работа надъ ролью даже на самыхъ подмосткахъ, передъ публикой. Основнымъ мотивомъ его исполненія была молодость и молодчество Хлестакова. Въ своей игрѣ Шумскій обнаруживалъ замѣчательное

---

*) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 257.

**) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 568.

***) Игра Ленскаго въ Хлестаковѣ вызвала со стороны прессы несправедливый упрекъ, будто бы онъ позволилъ себѣ перемѣнить слова роли. Упрекъ былъ совершенно не справедливъ: Ленскій буквально держался *сценическаго* текста „Ревизора“, во многомъ расходившагося съ *печатнымъ*. Этому упреку впослѣдствіи подвергся и артистъ Востоковъ.

****) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 568.

мастерство и тщательность, доведенныя до послѣднихъ мелочей, особенно хорошо у него выходила сцена съ половымъ за обѣдомъ. Одинъ изъ рецензентовъ замѣчаетъ: въ движеніи ножа, которымъ Хлестаковъ рѣжетъ жаркое, въ усиленномъ жеваніи, зритель воочію видѣлъ, что и челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ *).

Баженовъ былъ вообще очень доволенъ игрою Шумскаго, но находилъ въ ней, особенно во 2-мъ дѣйствіи, много форсировки и мало сдержанности, а въ 3-мъ дѣйствіи отсутствіе воодушевленія. Ложь Хлестакова—вдохновенная ложь, и самъ авторъ комедіи говоритъ, что Хлестаковъ вретъ не фанфаронски-театрально, а съ чувствомъ. Если Шумскій нѣсколько и переигрывалъ, то нигдѣ онъ не переступалъ черты, за которой кончается серьезное и начинается фарсъ. Можно было, пожалуй, оспаривать вѣрность его замысла, но нельзя было не признать его оригинальность и не отдать должное артисту за выдержанность основного мотива роли.

Въ концѣ іюля 1857 г. въ роли Хлестакова выступилъ актеръ Востоковъ. Про игру его современный рецензентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* отзывается въ такихъ словахъ: «Востоковъ показалъ много живости, истинной веселости и тонкаго комизма. Хотя и нельзя сказать, чтобы они сдѣлали изъ Хлестакова *живое* лицо: большая часть рѣчей была или *прочитана*, а не сказана, какъ говорятъ живые люди, однако и въ самомъ чтеніи нельзя было не замѣтить большого сценическаго таланта» **).

Въ апрѣлѣ 1858 года въ бенефисъ Колосова московская публика въ роли Хлестакова увидѣла С. В. Васильева.

По мнѣнію Корапчевскаго игра его была безподобна. Въ исполненіе роли онъ вносилъ много простодушнаго увлеченія и искренней наивности. Онъ игралъ Хлестакова очень молодымъ, легко отдающимся всякимъ увлеченіямъ. Въ особенности онъ выдвигалъ его крайнее легкомысліе, заставлявшее его безпечально переносить затруднительное положеніе, въ которомъ онъ очутился безъ денегъ, въ незнакомомъ городѣ, а также беззаботно принять на себя роль ревизора. Убѣдившись, что его дѣйствительно принимаютъ за ревизора, онъ все больше и больше входитъ въ роль и уже ничѣмъ не ограничиваетъ свою разыгравшуюся фантазію. Все это выходило у него очень естественно. Вранье Хлестакова вовсе не являлось у него пьяной болтовней, какъ у многихъ исполнителей этой роли, а само собой вытекало изъ общаго характера лица. Онъ говорилъ всякій вздоръ подъ вліяніемъ какого-то вдохновенія. Въ общемъ исполненіе имъ этой роли производило на зрителя вполнѣ художественно законченное впечатлѣніе ***).

Васильевъ игралъ эту роль недолго. Послѣ Шумскаго роль Хлестакова перешла къ Рѣшимову, который въ особенности подчеркивалъ легкомысліе,

---

*) *Кіевлянинъ* 1874 г., № 63.

**) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1857 г., № 212, стр. 1001.

***) С. И. Васильевъ, статья г. Корапчевскаго „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1895—1896 гг.“. Приложеніе кн. 3, стр. 17.

пустоту и фанфаронство. Въ сценѣ вранья 3-го дѣйствія онъ даже впадалъ въ фарсъ.

Въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ роль ревизора была коронной ролью М. П. Садовскаго *). Про исполненіе имъ роли Хлестакова, по случаю 50-лѣтняго юбилея комедіи, театральный критикъ *Русскихъ Вѣдомостей* пишетъ: «Тотъ шаржъ, котораго въ названной сценѣ (3 д., явл. 6) не чуждъ былъ даже покойный Шумскій и который при прежнихъ исполненіяхъ довольно замѣтно проявлялся у г. Садовскаго, совершенно отсутствовалъ въ его игрѣ на юбилейномъ праздникѣ, и благодаря той естественности и простотѣ рѣчи, которую выработалъ талантливый исполнитель, Хлестаковъ въ его игрѣ является вполнѣ живымъ лицомъ».

Въ концѣ своего отзыва объ игрѣ Садовскаго критикъ отмѣчаетъ, какъ небывалый фактъ, что Садовскій былъ дружно вызванъ даже послѣ 5-го акта, въ которомъ, какъ извѣстно, Хлестаковъ совсѣмъ не появляется **).

Роль Бобчинскаго артистъ Никифоровъ и роль судьи Степановъ играли со дня постановки пьесы и до конца дней своей жизни ***). Петръ Степановъ въ судьѣ безподобенъ,—писалъ Щепкинъ Сосницкому, черезъ недѣлю послѣ перваго представленія «Ревизора». Никифоровъ, по словамъ Бѣлинскаго, игралъ Бобчинскаго немного съ фарсами, но, по крайней мѣрѣ, не портилъ роли. Первымъ и безукоризненнымъ исполнителемъ роли Добчинскаго былъ С. В. Шумскій, который впослѣдствіи игралъ Хлестакова. Роль Осипа блестяще провелъ Орловъ. Но лучшимъ Осипомъ нѣсколько позднѣе былъ П. М. Садовскій. Про его игру Аполлонъ Григорьевъ писалъ: «Когда на сценѣ Осипъ—все живетъ передъ вами, а безъ него какъ будто пусто, и вѣрится даже, что онъ и за сценой, и тогда, когда его нѣтъ передъ вашими глазами, также живетъ и дѣйствуетъ. Осипъ заслоняетъ остальное, заслоняетъ даже, когда онъ на сценѣ, и городничаго» ****). Этотъ взглядъ на исполненіе Садовскимъ роли Осипа раздѣляетъ и другой театральный критикъ Баженовъ, который, перечисляя лучшіе моменты въ игрѣ Садовскаго, заканчиваетъ свою рецензію такими словами: «Все это поражаетъ зрителя правдою выраженія, силою комизма и возбуждаетъ въ немъ самый добрый смѣхъ» *****).

Потанчиковъ былъ очень хорошъ въ роли почтмейстера. Отличительная черта характера его игры—простота и естественность. Онъ одинъ почти изъ всѣхъ исполнителей перваго представленія «Ревизора» выдержалъ тотъ тонъ медленности, на отсутствіе котораго указывали современные рецензенты.

Про Потанчикова М. П. Садовскій въ своей статьѣ: «Ѳедоръ Семено-

---

*) Въ данное время М. П. Садовскій этой роли уже не играетъ.

**) *Русскія Вѣдомости*, 1886 г., № 109.

***) Н. М. Никифоровъ † 1881 г., П. Степановъ † 1867 г.

****) *Москвитянинъ*, 1852 г., т. VIII, отд. 7, стр. 151.

*****) Соч. Баженова, т. I, стр. 778.

вичъ Потанчиковъ» *) разсказываетъ слѣдующее: Гоголь въ бытность свою въ Москвѣ пріѣхалъ въ театръ посмотрѣть «Ревизора». Онъ былъ на сценѣ и, увидавъ гримъ Потанчикова, обратился къ нему со словами: «Вы стары, надо бы быть помоложе». «Почему же?» — обратился Ѳедоръ Семеновичъ. «А потому, что въ пьесѣ почтмейстеръ долженъ представлять лицо новаго направленія, да кромѣ того и городничиха говоритъ дочери, что та съ нимъ кокетничаетъ». «Я это знаю,—отвѣчалъ Ѳедоръ Семенычъ,—но въ жизни бываетъ, что дѣвицы, за неимѣніемъ подходящихъ кавалеровъ, кокетничаютъ и съ немолодыми людьми, кромѣ того пожилымъ я его изображаю потому, что въ пьесѣ онъ значится надворнымъ совѣтникомъ, а это такой чинъ, до котораго съ его умомъ и среди окружающаго невѣжества дослужиться въ молодыхъ годахъ невозможно». Гоголь помолчалъ нѣсколько времени, подумалъ и сказалъ: «Да, вы правы, это я ошибся».

Остальные исполнители перваго представленія «Ревизора» были болѣе или менѣе слабы, въ особенности женщины: Львова-Синецкая въ роли Анны Андреевны и Панова въ роли Марьи Антоновны, на что указываетъ Щепкинъ въ письмѣ къ Сосницкому.

«Женитьба» (Женихи), начатая Гоголемъ въ 1833 году, неоднократно передѣлывалась, прежде чѣмъ увидѣла свѣтъ въ печати и на сценѣ въ 1842 году. Въ декабрѣ этого года она шла въ Петербургѣ въ бенефисъ Сосницкаго, а 5 февраля 1843 г. въ Москвѣ въ бенефисъ Щепкина вмѣстѣ съ «Игроками», которые въ Москвѣ шли раньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Въ «Женитьбѣ» роли были распредѣлены такъ: Агафья Тихоновна—Орлова, Арина Пантелеевна—Сабурова 1-я, Ѳекла Ивановна, сваха—Кавалерова, Подколесинъ—Щепкинъ, Кочкаревъ—Живокини, Яичница—Степановъ, Ходилкинъ **)—Садовскій, Жевакинъ—Орловъ, Дуняшка—Шебекъ, Стариковъ—В. Степановъ и Степанъ—Шубертъ.

Въ «Игрокахъ» роль Ихарева игралъ Ленскій, Утѣшительнаго—Щепкинъ, Швохнева—П. Степановъ, Кругеля—Ѳ. Сахаровъ, Глова-отца—Усачевъ, Глова-сына—Самаринъ, Замухрышкина—Садовскій, Гаврюшку—Ермоловъ 1-й и Алексѣя—Максинъ 2-й.

О постановкѣ этихъ пьесъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія изъ писемъ С. Т. Аксакова къ Гоголю, жившему тогда въ Римѣ ***).

Аксаковъ, которому Гоголь поручилъ слѣдить за постановкой пьесъ, писалъ ему на слѣдующій день послѣ спектакля о слабомъ успѣхѣ пьесъ, хотя и встрѣченныхъ при поднятіи занавѣса продолжительными рукоплесканіями. Причину недостаточнаго успѣха ихъ Аксаковъ объяснялъ, съ одной стороны, акустическими условіями Большого театра, гдѣ зрителю приходи-

---

*) Журналъ *Артистъ*, 1889 г., кн. 3, стр. 39

**) Въ первоначальной редакціи фамилія Анучкина.

***) *Русскій Архивъ*, 1890 г., № 8.

лось напрягать слухъ, чтобы все слышать, а съ другой стороны плохимъ исполненіемъ Щепкина двухъ главныхъ ролей Подколесина и Утѣшительнаго. Щепкинъ былъ не на мѣстѣ: по характеру своего таланта онъ не могъ играть вялаго, нерѣшительнаго, какимъ былъ Подколесинъ, а Живокини, напротивъ, играя живой характеръ, не могъ удержаться отъ привычныхъ своихъ фарсовъ и движеній, безпрестанно выводившихъ его изъ характера изображаемаго имъ лица. Впослѣдствіи, когда пьесы были перенесены на сцену Малаго театра и Щепкинъ сталъ играть Кочкарева, а Живокини Подколесина, успѣхъ пьесъ возросталъ съ каждымъ спектаклемъ. По мнѣнію Аксакова, на первомъ представленіи «Женитьба» была разыграна лучше «Игроковъ». Женихи, въ особенности Садовскій, были не дурны. Изъ женскихъ ролей лучше всѣхъ была исполнена роль свахи Кавалеровой. Щепкинъ былъ плохъ, въ особенности въ сценѣ съ невѣстой наединѣ, гдѣ его робость напоминала робость Городничаго; хуже всего онъ былъ въ послѣдней сценѣ. По словамъ Аксакова, публика грозно молчала всю послѣднюю сцену. «Мнѣ тяжело было,—прибавляетъ онъ,—смотрѣть на Щепкина».

Что касается игры Щепкина въ роли Кочкарева, то она поражала зрителя необыкновенной живостью, бѣготней и какимъ-то энергичнымъ проявленіемъ того спокойнаго легкомыслія, съ которымъ Кочкаревъ впутывался въ чужія дѣла. Аполлонъ Григорьевъ даетъ такую характеристику игрѣ Щепкина въ этой роли: «Отвлеченно Кочкаревъ понятъ Щепкинымъ прекрасно и въ высшей степени комично, но типа онъ всетаки не давалъ». Впослѣдствіи эту роль играли Шумскій, Дурново и Правдинъ.

На афишѣ перваго спектакля «Женитьбы» мы не встрѣчаемъ фамиліи Анучкина, которую довольно строгій цензоръ того времени Гедеоновъ передѣлалъ въ Ходилкина и вообще не скупился на разнаго рода поправки и передѣлки, гдѣ рѣчь шла о дворянахъ и гусарахъ. Слово «гусаръ» въ пьесѣ было замѣнено словомъ «молодецъ».

Обѣ пьесы публикѣ перваго представленія не понравились. «Женитьбу» находили скучной и фабулу ея неестественной. А про «Игроковъ» собравшаяся послѣ спектакля въ Дворянскомъ собраніи публика говорила, что пьеса, пожалуй, и недурна, но это старинный анекдотъ и всѣ разсказы игроковъ—извѣстныя происшествія. Между прочимъ ставили автору въ упрекъ, что онъ не вывелъ въ пьесѣ ни одной женщины.

Въ отвѣтъ о неуспѣхѣ новыхъ комедій Гоголь написалъ Аксакову длинное письмо, гдѣ, главнымъ образомъ, говорилось о денежныхъ дѣлахъ, о комедіяхъ онъ написалъ только слѣдующія строки: «Успѣхъ въ театрѣ и въ чтеніи пьесъ совершенно таковъ, какъ я думалъ. Толки о «Женитьбѣ» и объ «Игрокахъ» совершенно вѣрны, и публика показала здѣсь чутье».

Уцѣлѣвшіе отрывки изъ задуманной Гоголемъ комедіи «Владиміръ 3 степени» («Утро дѣлового человѣка», «Тяжба» и «Лакейская») шли на сценѣ рѣдко. «Тяжба» давалась неудачно, даже П. М. Садовскій въ роли

Пролетова въ ней былъ слабъ. Въ «Отрывкѣ» въ роли Марьи Александровны была безподобна покойная Н. М. Медвѣдева, а въ роли Собачкина С. В. Шумскій и М. П. Садовскій. «Лакейская» въ первый разъ шла въ сезонъ 1862—63 гг. и успѣха не имѣла по своей отрывочности и краткости.

Въ бытность свою въ Римѣ въ 1839 г. Гоголь видѣлъ на сценѣ тамошняго театра пьесу современнаго итальянскаго драматурга Джіовани Жиро «Дядька въ затруднительномъ положеніи». Комедія эта очень понравилась Гоголю. Въ роли дядьки онъ рисовалъ себѣ Щепкина, для него онъ и перевелъ эту пьесу въ сообществѣ съ русскими художниками. Шла она въ бенефисъ Щепкина въ мартѣ 1853 г. и имѣла успѣхъ, возобновлена въ январѣ 1864 г. съ Шумскимъ, который, по словамъ Баженова, былъ прекрасенъ въ роли взбалмошнаго старика маркиза. Онъ сумѣлъ сдѣлать очень живое лицо и осмыслить тѣ безпрестанныя вспышки, изъ которыхъ сплошь почти состоитъ роль

В. Михайловскій.

С о с т о р о н ы.

Въ мартовской книгѣ *Русской Мысли* г. Протопоповъ, говоря о разсказахъ Леонида Андреева, замѣтилъ, видоизмѣняя отзывъ Тургенева о Толстомъ, что авторъ талантливъ, но *ненадеженъ*. Это очень мѣтко сказано. Въ рукахъ критика тогда не было *Бездны* г. Андреева, разсказа, появившагося первоначально въ *Курьерѣ*. Я не читалъ отзывовъ объ этомъ разсказѣ, но въ литературныхъ кружкахъ о немъ говорили довольно много.

Разсказъ написанъ талантливо, но его содержаніе—исключительный случай. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка отправились въ поэтично описанную загородную прогулку. На возвратномъ пути они заблудились и подверглись нападенію пьяныхъ негодяевъ. Студентъ былъ избитъ, бросившаяся бѣжать дѣвушка настигнута тремя озвѣрѣвшими людьми. Когда Нѣмовецкій выбрался изъ оврага, куда его кинули, онъ нашелъ лежавшую безъ чувствъ свою спутницу и совершилъ то же омерзительное преступленіе, жертвою котораго она только что стала.

Какой смыслъ въ подобномъ произведеніи? Это ли задача искусства? Изображеніе гнойной язвы умѣстно и необходимо въ медицинскихъ изданіяхъ. Но если такое *полотно* художникъ выставитъ, какъ картину, мы отвернемся съ отвращеніемъ. *Бездна*—прискорбное злоупотребленіе дарованіемъ, художественная распущенность. Чувство мѣры на этотъ разъ совершенно измѣнило писателю. Эффектъ получается, но недостойный.

На защиту г. Андреева выступилъ его товарищъ по газетѣ, Джемсъ Линчъ. «Можно быть идеалистомъ,—поучаетъ насъ этотъ фельетонистъ,—вѣрить въ человѣка и конечное торжество добра—и съ полнымъ отрицаніемъ относиться къ тому современному двуногому существу безъ перьевъ, которое овладѣло только внѣшними формами культуры, а по существу въ значительной долѣ своихъ инстинктовъ и побужденій осталось животнымъ. Какъ въ лѣсу всякое дерево растетъ и развивается по-своему, такъ и въ томъ сложномъ, что̀ есть человѣчество, каждая особь развивается на свою мѣрку: то вершиной поднимается она горделиво надъ лѣсомъ и смотритъ въ небо, то, искривленная, стелется по землѣ. Трудно, да и невозможно вывести среднее, когда въ одномъ концѣ лѣстницы находится полинезійскій людоѣдъ, а въ другомъ—Гладстонъ».

Зачѣмъ это столь торжественно сказано? Кто этого не знаетъ? И причемъ тутъ *Бездна* г. Андреева?

«Есть люди,—продолжаетъ Джемсъ Линчъ,—которые называются культурнымъ человѣчествомъ. Каждый день, подстригая ногти, они думаютъ, что перестали быть звѣрьми—и тысячи самыхъ горькихъ, повседневныхъ разочарованій не въ состояніи открыть имъ глаза. Къ одному они присмотрѣлись и не замѣчаютъ его; другое на минуту взволнуетъ ихъ душу своей возмутительностью и звѣрствомъ и, въ сознаніи человѣчности переживаемаго чувства, дастъ странное и обманчивое утѣшеніе. Я увѣренъ, что безконечно-возмутительная англо-бурская «война» тысячи людей подняла въ ихъ мнѣніи о себѣ,—они вѣдь испытали благородныя чувства негодованія и гнѣва!»

И вотъ что тревожитъ Джемса Линча:

«Въ этомъ наивномъ самодовольствѣ культурныхъ людей, въ ихъ незнаніи границъ собственнаго «я» (а точнѣе, по ницшевской терминологіи, своего «самъ»),—я вижу опасность и препятствія къ дальнѣйшему развитію и очеловѣченію ихъ несовершенной породы. Человѣкъ собой довольный—человѣкъ конченный, и если у васъ тонкое обоняніе, въ его присутствіи вы услышите запахъ разлагающагося трупа. Чтобы идти впередъ, чаще оглядывайтесь назадъ, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вамъ идти».

Ну, оглядываясь часто назадъ, не опредѣлить, куда именно надо идти впередъ. И *Бездна* указываетъ культурному человѣчеству, что въ немъ сидитъ звѣрь.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло, вотъ *идея*, которая, по мнѣнію Джемса Линча, вложена г. Андреевымъ въ его разсказъ. Авторъ *Бездны* не опровергалъ истолкованія своего коллеги, и мы поэтому можемъ считать его правильнымъ. Въ такомъ предположеніи, въ виду несомнѣнной талантливости г. Андреева, я нѣсколько остановлюсь на его *идеѣ*.

Такими разсказами, какъ *Бездна*, г. Андреевъ желаетъ поднять нравственную природу человѣка. Совершенно негодное средство для исполненія этой высокой миссіи. Когда Гоголь или Достоевскій указываютъ «человѣчное» въ загнанныхъ и ничтожныхъ, они, несомнѣнно, дѣйствуютъ благодѣтельно, возбуждаютъ теплое участіе и къ Акакію Акакіевичу, и ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ.

Нормальный человѣкъ не могъ сдѣлать того, что сдѣлалъ Нѣмовецкій, а ненормальный человѣкъ можетъ натворить совершенно непредвидѣнныя, нелѣпыя и ужасныя преступленія, но вмѣнять ихъ въ вину *культурному человѣчеству* было бы судомъ Линча, т.-е. Джемса Линча. Этотъ моралистъ восклицаетъ: «Въ томъ-то и ужасъ нашей лживой и обманчивой жизни, что звѣря мы не замѣчаемъ, а когда онъ заворчитъ и заворочается, принимаемъ его голосъ за лай комнатной собачонки—и ведемъ ее гулять, или даемъ добродушно кусочекъ сахару: на, милая, скушай, и успокойся. А когда въ одинъ скверный день избалованный звѣрь разо-

рветъ свою цѣпочку, вырвется на свободу и растерзаетъ насъ самихъ и нашихъ ближнихъ, мы изумляемся до столбняка и не вѣримъ: да мыслимо ли, чтобы сынъ могъ убить мать и сестеръ? Да не сумасшедшій ли онъ? Да мыслимо ли, чтобы образованный и интеллигентный юноша могъ изнасиловать оскорбленную беззащитную дѣвушку? Не гнусная ли это выдумка?»

Ссылка оказалась совершенно неудачной: въ дѣлѣ, о которомъ говоритъ Джемсъ Линчъ, присяжные разсудили неизмѣримо гуманнѣе и справедливѣе г. Андреева, потому что они *не повѣрили*, чтобы здоровый душевно человѣкъ могъ убить мать и сестеръ.

Презираемые авторомъ *Бездны* представители *культурнаго человѣчества* оказались добрѣе, проницательнѣе, лучше суроваго моралиста, принадлежащаго къ группѣ Гладстоновъ. Индійскій богъ увидалъ въ баядеркѣ «*durch tiefes Verdorben ein menschliches Herz*», г. Андреевъ видитъ въ человѣкѣ—звѣря. Культурное человѣчество,—такъ кончаетъ свой фельетонъ Джемсъ Линчъ,—должно стремиться еще выше и выше. «Пусть ваша любовь,—патетически восклицаетъ онъ,—будетъ такъ же чиста, какъ и ваши рѣчи о ней—перестаньте травить человѣка и немилосердно травите звѣря. Путь впереди намѣченъ людьми-героями. По ихъ слѣдамъ, орошеннымъ ихъ мученической кровью, ихъ слезами, ихъ пòтомъ, должны идти люди—и тогда не страшенъ будетъ звѣрь.

«Вѣдь всѣ звѣри боятся свѣта».

Это ужъ пустая декламація, и автору можно замѣтить: «Врачу! исцѣлися самъ».

Справедливость требуетъ прибавить, что если *Бездна* подтверждаетъ опасенія г. Протопопова, то сужденіе его о такомъ прекрасномъ разсказѣ, какъ *Жили—были*, по моему мнѣнію, неправильно. Онъ говоритъ, что въ разсказѣ нѣтъ содержанія, что отъ смерти никто не уйдетъ. Герои г. Андреева «въ предѣлѣ земномъ совершили все земное, что имъ по чину было положено». Это вѣрно, но каждому свои слезы солоны, и въ *Жили-были* разлита *человѣчная* грусть. У каждаго бываетъ свое мгновенье, которому онъ хотѣлъ бы сказать *остановись*,—и герои разсказа, въ особенности деревенскій дьяконъ, которому *солнышка жалко*, умираютъ трогательно. Это не *Бездна*. *Жили-были* вызываетъ *братскую* печаль.

Куда пойдетъ г. Андреевъ? Новый его разсказъ,—очень маленькій,—*Весной* (названъ эскизомъ) производитъ пріятное впечатлѣніе, хотя авторъ не можетъ обойтись безъ такихъ выкрутасовъ, какъ *задумчивая* и *нѣжная* боль, хотя ему кажется, что можно *обонять душистое знойное жужжанье*. Отъ души желаю дарованію г. Андреева стать *надежнымъ*.

Наблюдаю я со стороны и другія явленія нашей литературной жизни, въ области общественно-философской. Очень характеренъ разгромъ, произведенный недавними экономическими или діалектическими матеріалистами въ своей собственной теоріи. Разгромъ совершается во имя метафизическаго идеализма, насъ зовутъ къ Фихте... Съ самыми благородными по-

бужденіями въ послѣднее время впалъ въ неудержимую метафизическую болтовню г. Булгаковъ, извѣстный магистръ политической экономіи. Въ *Вопросахъ философіи и психологіи* (январь—февраль нынѣшняго года) напечатана его статья: *Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ*. Чего тутъ только не наговорено! По мнѣнію г. Булгакова, «въ лицѣ Достоевскаго мы имѣемъ не только безспорно геніальнаго художника, великаго гуманиста и народолюбца, но и выдающійся философскій талантъ». «И эта сторона—къ стыду нашей литературы—осталась всего менѣе разъясненной и оцѣненной нашей критикой». И вотъ г. Булгаковъ почувствовалъ *непреодолимую потребность* разъяснить это русскимъ читателямъ.

Вотъ каковы эти разъясненія: «По драматической формѣ многое изъ діалоговъ и монологовъ Ивана можетъ быть *скорѣе всего* (ахъ, скорость не всегда къ добру ведетъ!) сопоставлено съ первыми, философскими сценами *Фауста*» (стр. 830). Затѣмъ говорится, что душу Ивана Карамазова вы узнаете въ фантастическомъ образѣ средневѣковаго инквизитора, у самого Достоевскаго (стр. 848). Этого мало: въ Иванѣ воскресъ «пламенный духъ байроновскаго Каина, духъ міровой скорби» (стр. 843). Фаустъ выражаетъ собой сомнѣнія XVIII в., Иванъ Карамазовъ XIX в., одинъ подвергаетъ критикѣ теоретическій, другой—практическій разумъ. Г. Булгакову «невольно напрашивается на сопоставленіе (съ Иваномъ) образъ, навѣянный тѣмъ же настроеніемъ», и приводится выдержка изъ Гюйо! Гюйо и Иванъ Карамазовъ! Впрочемъ, споръ въ данномъ случаѣ безполезенъ: г. Булгаковъ самъ признаетъ, что подходитъ къ теоріи «съ практическаго конца, съ котораго нельзя придти къ цѣннымъ теоретическимъ выводамъ». Напрасно г. Булгаковъ и стыдитъ нашу критику: г. Мережковскій задолго до него занялся Достоевскимъ, какъ мыслителемъ. Я совершенно отрицательно отношусь къ нынѣшнему міровоззрѣнію г. Мережковскаго и къ нѣкоторымъ изъ его литературныхъ пріемовъ, но то, что онъ говоритъ о Достоевскомъ, неизмѣримо содержательнѣе и интереснѣе разсужденій и выкриковъ г. Булгакова. Замѣчу кстати, что у г. Мережковскаго есть и сравненіе *тѣней мысли* Достоевскаго съ *Матерями* второй части Фауста и съ трансцендентальной эстетикой Канта, только дѣлается это съ бо̀льшимъ знаніемъ (я имѣю въ виду статью *Христосъ и антихристъ въ русской литературѣ*, въ *Мірѣ Искусства*. Первый томъ вышелъ отдѣльно подъ заглавіемъ *Л. Толстой и Достоевскій* еще въ прошломъ году). И о Ницше тамъ говорится, и вообще характеристика Ивана Карамазова является въ самомъ дѣлѣ характеристикою, такъ что русской-то критикѣ *стыдиться* нечего... У г. Мережковскаго есть стройность въ сумеречныхъ дебряхъ метафизики и мистицизма, онъ начисто, въ затруднительныхъ случаяхъ, отказывается отъ объясненій *словами*. У него «мысль углубляется до нуменальной бездны».

Г. Булгаковъ ссылается на отрывокъ изъ записной книжки Достоевскаго, и говоритъ, что приводимыя имъ слова, кажется, относятся къ Кавелину. И эта ссылка давно сдѣлана г. Мережковскимъ (см. 343 стр.

названнаго выше сочиненія). Зато у г. Мережковскаго есть много такого, до чего еще не додумался авторъ статьи объ Иванѣ Карамазовѣ. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе красоты: «Это—какъ бы стыдъ Бога, Который покрываетъ послѣднюю тайну и наготу свою полупрозрачнымъ покровомъ явленій». Г. Мережковскій бодро стремится *не къ безтѣлесной духовности, а къ духовному тѣлу*.

Г. Булгаковъ повторяетъ г. Мережковскаго и тогда, когда высокомѣрно тянетъ *смиренную* націоналистическую ноту, но у второго она не такъ скрипуча, какъ у перваго, зато много длиннѣе.

И г. Андреевъ, и г. Булгаковъ, и г. Мережковскій возстаютъ противъ мѣщанства и пошлости современной жизни, противъ современной культуры. Такое же отношеніе къ ней звучитъ въ произведеніяхъ Максима Горькаго и у другихъ писателей. Это, во всякомъ случаѣ, признакъ времени, и не у насъ только, но и на Западѣ. Тамъ это особенно замѣтно во Франціи, гдѣ во главѣ движенія стоятъ Коппе, Брюнетьеръ, Леметръ. Упадокъ вѣры въ могучую силу науки, признаніе ея будто бы несостоятельности при рѣшеніи нравственно-общественныхъ вопросовъ, сантиментальный, а иногда истерическій культъ *сердца*—признаки недобрые. Очевидно, тутъ виноваты и школа, и общественные порядки.

Г. Мережковскій говоритъ: «На всѣхъ явленіяхъ нашего новаго духа—отъ выродившагося, одичалаго, ретроградnаго славянофильства до марксизма («этого» визга щенятъ, валяющихся на солнцѣ, по выраженію Достоевскаго) *), отъ декадентства до народничества—какая печать философскаго и религіознаго безсилія, безплодія, не русской и не европейской, а только петербургской, смердяковской пошлости. Какая призрачная отвлеченность, отъединенность отъ всѣхъ живыхъ корней народнаго духа. Да, есть отъ чего придти въ отчаяніе».

Въ Европѣ еще хуже: «Въ Европѣ все подкопано, начинено порохомъ и ждетъ только первой искры», говоритъ Достоевскій. «Огонь, начавшись съ искры, не остановится, пока не сожжетъ всего», говоритъ Л. Толстой. Г. Мережковскій глубокомысленно заключаетъ: «Это слово объ *искрѣ*, въ которомъ *такъ поразительно* сходятся Л. Толстой и Достоевскій, тайновидецъ плоти и тайновидецъ духа,—не есть ли, по преимуществу, наше русское слово, нашъ русскій знакъ?»

Какъ немного нужно нашей пиѳіи для ея мистическихъ пророчествъ!

Болѣе полвѣка тому назадъ славянофилы провозгласили, что Западъ сгнилъ. Съ тѣхъ поръ славянофильство, по выраженію г. Мережковскаго, одичало и выродилось, а Западъ стоитъ твердо. То же будетъ и съ новыми пророками.

У г. Мережковскаго хватило духу сказать, что на всѣхъ явленіяхъ нашего духа, съ Петра Великаго, лежитъ печать смердяковской, петербургской пошлости... Это на Новиковѣ, Радищевѣ, на людяхъ сороковыхъ го-

*) И зачѣмъ было приводить эти нелѣпыя слова!

довъ, на дѣятеляхъ шестидесятыхъ! Столь презираемое г. Мережковскимъ народничество вытекло изъ благороднѣйшихъ потребностей человѣческаго духа, а марксизмъ несомнѣнно оживилъ и прояснилъ наше общественное самосознаніе. Такъ вотъ каковы аристократы духа, подобные г. Мережковскому...

Въ предисловіи къ русскому переводу сборника статей Бертло *) профессоръ К. А. Тимирязевъ, указывая на всеобщую реакцію, которою кончился прошлый вѣкъ, прибавляетъ, что она, какъ и всякая реакція, любитъ скрываться подъ личиной. Теперь эта личина называется возрожденіемъ идеализма.

Увеличивая общую сумму благъ,—говоритъ Тимирязевъ,—наука, устами лучшихъ своихъ представителей, громко провозглашала право всѣхъ людей на свою долю пользованія этими общими благами».

Бертло указываетъ на то, что «постоянное вмѣшательство науки въ нравственный и экономическій строй нашего времени—фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ исторіи». Наука «преобразуетъ человѣчество, улучшивъ матеріальное существованіе самыхъ униженныхъ и обездоленныхъ, развивъ ихъ разумъ, разрушивъ переходныя экономическія формы, къ которымъ ихъ думали навѣки приковать, и, наконецъ,—что всего важнѣе,—внѣдрить во всѣ совѣсти нравственную увѣренность въ торжество всеобщей солидарности, вытекающей изъ сознанія истиннаго блага всѣхъ и долга справедливости».

Такъ говорятъ знаменитые ученые, истинные рыцари духа, подлинные идеалисты.

Веталіcъ.

---

*) *Бертло:* „Наука и нравственность“ (Научно-популярная библіотека *Русской Мысли*).

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ.

Въ концѣ прошлаго года вышли въ свѣтъ «Труды особаго совѣщанія по изслѣдованію экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній» (1899—1901 гг.), составленные г. Полѣновымъ. Работа эта, основанная на обширномъ цифровомъ матеріалѣ и снабженная цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ картограммъ, діаграммъ, таблицъ, вѣдомостей и прочаго статистическаго матеріала, хотя въ общемъ и производитъ впечатлѣніе чего-то давно знакомаго, азбучно-безспорнаго, въ чемъ всѣ маломальски знакомые съ экономически-финансовымъ положеніемъ нашей страны давно были увѣрены, въ чемъ никто и не сомнѣвался, все же является чрезвычайно цѣнной, главнымъ образомъ потому, что она впервые ставитъ жгучій, давно наболѣвшій вопросъ на очередь; что вопросъ возбуждается со стороны чисто-бюрократическаго совѣщанія, которое нельзя упрекнуть въ излишнихъ увлеченіяхъ теоретически-абстрактными тенденціями; что на вопросъ обращено серьезное вниманіе правительства, которымъ начаты обширныя и всестороннія обслѣдованія; словомъ, пробуждена правительственная забота и иниціатива въ дѣлѣ чеезвычайнаго значенія. Въ этомъ большая заслуга трудовъ совѣщанія.

На первыхъ же страницахъ своего труда совѣщаніе признаетъ, что «отвѣтъ на первый коренной вопросъ, произошло ли замѣтное измѣненіе къ худшему въ разсматриваемомъ черноземномъ районѣ, составлялъ какъ бы petitio principii—только въ обратномъ смыслѣ, т.-е. приходилось доказывать то, что признавалось доказаннымъ. Дѣйствительно, рядъ явленій изъ области соціальной и экономической все съ возрастающей настойчивостью свидѣтельствовалъ о пониженіи благосостоянія обширной области средней Россіи. Нѣкогда цвѣтущее ея состояніе измѣнилось на глазахъ нынѣшняго поколѣнія къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ.

Однако, одно признаніе существующаго факта не устранило необхо-

димости изучить возможно большее число формъ его проявленій, т.-е. изслѣдовать состоятельность населенія, выраженную въ его платежной способности, въ хозяйственной силѣ, въ его предпринимательской дѣятельности и т. п., такъ какъ только этимъ путемъ представлялось возможнымъ подойти къ отвѣтамъ на другіе два коренные вопроса—о времени, когда произошелъ замѣчаемый упадокъ благосостоянія, и о причинахъ, которыми онъ вызванъ».

Тѣмъ не менѣе вся первая половина трудовъ совѣщанія посвящена именно доказательствамъ упадка этого благосостоянія; сюда отнесены: поступленія окладныхъ сборовъ, посѣвы и урожаи, землепользованіе, скотоводство и въ частности коневодство, цѣнность земли и заработная плата по полеводству.

О причинахъ, вліявшихъ, по мнѣнію совѣщанія, на оскудѣніе центрально-черноземныхъ губерній, и о времени, съ котораго отмѣчается это оскудѣніе, трактуетъ вторая часть брошюры.

Нельзя не согласиться съ совѣщаніемъ, что группировка статистическаго матеріала по районамъ имперіи представляется въ высшей степени неудовлетворительнымъ и неудачнымъ пріемомъ съ научной точки зрѣнія: столь обширныя единицы сопоставленій, какъ цѣлый районъ, обнимающій нерѣдко десятокъ самыхъ разнородныхъ губерній, врядъ ли можетъ привести къ какимъ-либо правильнымъ статистическимъ выводамъ, въ виду той массы привходящихъ причинъ и обстоятельствъ, изолировать и уловить вліяніе которыхъ на правильность того или иного вывода представляется дѣломъ совершенно недостижимымъ. По принятой офиціальной статистикой группировкѣ, вся имперія подраздѣляется на десять районовъ: сѣверный, сѣверо-западный, восточный, промышленный, центрально-черноземный, малороссійскій, юго-западный, южный, прибалтійскій и привислянскій. Само совѣщаніе признаетъ, что «слишкомъ обширныя границы каждой группы выступаетъ, какъ недостатокъ, особенно въ сѣверной, восточной и южной группахъ». Въ этихъ группахъ пришлось совмѣстить такія разнородныя мѣстности, какъ губерніи Архангельская и Псковская—въ сѣверномъ районѣ; какъ Пермская и Самарская—въ восточномъ; какъ Астраханская и Бессарабская или Херсонская—въ южномъ.

Совѣщаніе полагало, что въ видѣ коррективa возможно было бы выдѣлить нѣкоторыя губерніи, разбить нѣкоторые районы,—вообще произвести перегруппировку районовъ; но тотчасъ же и оговаривается, что такія измѣненія создали бы «большія, а можетъ быть, и непреодолимыя затрудненія», такъ какъ пришлось бы отказаться отъ пользованія едва ли не всѣмъ офиціальнымъ статистическимъ матеріаломъ.

Не думаемъ, чтобы какая-нибудь перегруппировка районовъ принесла здѣсь дѣйствительно существенную пользу. Мы уже не говоримъ про неудобство такого пріема изслѣдованій экономическаго положенія населенія, когда изслѣдованіе это беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ направленіе не отъ периферіи къ центру, а наоборотъ, и когда никакихъ спеціаль-

ныхъ обслѣдованій дѣйствительнаго положенія самого населенія на мѣстѣ, по какой-либо опредѣленной программѣ, не производилось. Подобный пріемъ при самыхъ аккуратныхъ и добросовѣстныхъ вычисленіяхъ и пользованіи цифровымъ матеріаломъ, случайно имѣвшимся въ центральныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ привести къ совершенно неожиданнымъ и невѣрнымъ выводамъ и положеніямъ. Не будемъ далѣе останавливаться на степени доброкачественности этого статистическаго матеріала, въ большинствѣ случаевъ собраннаго попутно и случайно должностными лицами разныхъ вѣдомствъ и учрежденій изъ единственнаго для всѣхъ источника—волостныхъ правленій. Для насъ, знакомыхъ лично съ постановкой такой офиціальной статистики на мѣстѣ, представляются болѣе чѣмъ сомнительными тѣ отдѣлы труда совѣщанія, гдѣ трактуются данныя о посѣвахъ и урожаяхъ, о хлѣбозапасныхъ магазинахъ, о скотоводствѣ, о заработной платѣ по полеводству, отчасти и о хлѣбныхъ цѣнахъ. Остаются безспорными и точными такимъ образомъ лишь данныя о поступленіи окладныхъ сборовъ, о землепользованіи, о цѣнности земли, почерпнутыя изъ дѣлъ казначействъ и гипотечныхъ учрежденій.

Весьма гадательны и отдѣлы о взаимномъ соотношеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ отдѣльныхъ районахъ и губерніяхъ имперіи, о степени интенсивности торгово-промышленной дѣятельности по даннымъ раскладочныхъ присутствій и о распредѣленіи денежнаго обращенія по территоріи страны. На несовершенство статистическаго матеріала и статистическихъ пріемовъ не разъ указываетъ и само совѣщаніе (стр. 1, 16, 28, 29, 30, 38, 57 и т. д.).

Итакъ, землепользованіе и поступленіе окладныхъ сборовъ съ крестьянскихъ обществъ—вотъ единственно незыблемый матеріалъ, послужившій основаніемъ для выводовъ совѣщанія объ экономическомъ оскудѣніи центрально-черноземныхъ губерній.

Мы далеки отъ мысли оспаривать непреложность, правильность этого основного положенія; мы лишь указываемъ на запоздалость этого «открытія», на шаткость и слабость статистическаго матеріала и пріемовъ изслѣдованія. Намъ указываютъ, наприм., на цифры государственныхъ расходовъ и доходовъ въ различныхъ районахъ имперіи; какъ будто объектами обложенія являются именно эти районы, какъ таковые. Подобный огульный выводъ и огульное обобщеніе врядъ ли допустимо, не говоря уже съ научной, но даже съ бюрократической точки зрѣнія: оно ничего не разъясняетъ и ровно ничего не доказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ огульныхъ выводахъ совѣщанія подъ сѣнью оскудѣвшаго центрально-черноземнаго района укрылись, въ качествѣ угнетенныхъ отраслей народнаго хозяйства, и торговля, и промышленность, и акціонерныя компаніи, и банковыя операціи, и ростовщическая земельная эксплоатація,—какъ будто все безъ исключенія оскудѣло въ этой отверженной мѣстности. До сихъ поръ къ такимъ безутѣшнымъ выводамъ не приводило ни одно мѣстное изслѣдованіе по земледѣльческимъ районамъ, и въ этомъ смыслѣ выводъ

совѣщанія является дѣйствительно новымъ, хотя и сомнительнымъ открытіемъ. До сихъ поръ если и говорилось объ оскудѣніи центра имперіи, объ истощеніи житницы Россіи, то всѣми и всегда подразумѣвалось и понималось лишь экономическое истощеніе земледѣльческаго населенія даннаго района—обнищаніе деревенскаго люда и упадокъ помѣщичьяго сельскаго хозяйства и только. Никогда никому и въ голову не приходило соединить въ неразрывныя узы общаго обнищанія и мужика, и кабатчика, и помѣщика, и фабриканта, и ростовщика и утверждать, что вся эта компанія находится въ одинаково несчастномъ положеніи.

Несомнѣнно, что такой невѣрный выводъ могъ получиться лишь отъ невѣрнаго пріема изслѣдованія экономическаго положенія не отдѣльныхъ классовъ населенія, а цѣлыхъ группъ губерній, безъ всякаго различія возраста и пола, званій и состояній лицъ, ихъ населяющихъ; сравненіе интенсивности обложенія не отдѣльныхъ объектовъ, ему подлежащихъ, и не отдѣльныхъ налоговъ, упадающихъ на то или иное имущество, а чего-то абстрактнаго, въ дѣйствительности не существующаго, какимъ-то абстрактнымъ, не существующимъ, единымъ налогомъ.

Въ этихъ странныхъ пріемахъ и въ этихъ отвлеченныхъ выводахъ, на нашъ взглядъ, заключается большой пробѣлъ трудовъ совѣщанія. А между тѣмъ при желаніи поближе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ сельскаго населенія земледѣльческаго района и поближе подойти къ конкретнымъ проявленіямъ земельнаго оскудѣнія, для совѣщанія при его средствахъ и силахъ представляется столь богатый матеріалъ въ трудахъ земской статистики. На этотъ недостатокъ первостепенной важности мы считаемъ себя обязанными указать прежде всего, прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному анализу этого труда и прослѣдить вѣрность его выводовъ на конкретномъ примѣрѣ одной изъ губерній злосчастнаго района—Рязанской—по тѣмъ именно даннымъ и цифрамъ, которыя почерпнуты на мѣстѣ, надъ которыми положили такъ много труда столько земскихъ людей и которыми пренебрегло совѣщаніе, съ его офиціальной статистикой, офиціальнымъ матеріаломъ и офиціальными выводами.

Поступленіе окладныхъ сборовъ взято совѣщаніемъ за періодъ 1871—1898 гг., причемъ поступленіе это разбито по пятилѣтіямъ и по указаннымъ районамъ. Картина получается любопытная: «двѣ группы губерній—говоритъ совѣщаніе,—центрально-черноземныя и восточныя, выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ такимъ ненормальнымъ ростомъ недоимокъ, что годовые оклады превышены ими въ два раза и болѣе; притомъ для первой изъ этихъ группъ достойно замѣчанія, что въ началѣ разсматриваемаго двадцативосьмилѣтія положеніе дѣла поступленія окладныхъ сборовъ можетъ быть признано блестящимъ, такъ какъ недоимка составляла всего десятую часть оклада. Невыгодное положеніе двухъ упомянутыхъ группъ выступаетъ особенно рельефно: среди всѣхъ остальныхъ *онѣ пред-*

ставляются какъ бы отдѣльной страной, съ особой системой податного обложенія» (курсивъ нашъ).

Первое замѣтное возрастаніе недоимокъ послѣдовало въ пятилѣтіе 1881—1885 годъ и, не взирая на значительное уменьшеніе размѣра окладовъ отъ происшедшаго въ этотъ же періодъ крупнаго пониженія выкупныхъ платежей, недоимки по этимъ двумъ группамъ продолжали возрастать безостановочно. Слѣдующее затѣмъ крупное пониженіе окладовъ послѣдовало въ періодъ 1886—1890 годовъ съ отмѣной подушныхъ податей. На другія мѣстности эти облегченія податного бремени имѣли, повидимому, благотворное вліяніе, ибо по большинству изъ нихъ къ этому времени относится и начало пониженія недоимокъ; что же касается центрально-черноземныхъ и восточныхъ губерній, то недоимки продолжали возрастать въ угрожающихъ размѣрахъ. Правда, что усиленный ростъ ихъ послѣдовалъ въ пятилѣтіе 1891—1895 гг., къ каковому періоду относятся и памятные неурожайные годы. Но въ ряду слѣдующихъ лѣтъ было нѣсколько обильныхъ урожаевъ, что и отозвалось на восточномъ районѣ нѣкоторымъ пониженіемъ размѣра недоимокъ; для центрально-черноземной же группы эти благопріятныя условія прошли какъ бы безъ вліянія, и недоимки продолжали возрастать.

Это послѣднее обстоятельство служитъ подтвержденіемъ высказанной выше мысли, что не случайныя или временныя явленія вызвали экономическое оскудѣніе нѣкогда богатаго черноземнаго района, а болѣе глубокія причины, коренящіяся въ самой основѣ всего его хозяйственнаго строя (курсивъ нашъ).

По отдѣльнымъ районамъ и по пятилѣтіямъ процентное отношеніе недоимокъ къ окладамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1871—75 гг.	1876—80 гг.	1881—85 гг.	1886—90 гг.	1891—95 гг.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Сѣверный. . . .	51%	46%	52%	27%	25%	41%	33%	30%
Прибалтійскій. .	22 »	10 »	13 »	31 »	53 »	64 »	57 »	64 »
Сѣверо-западный .	41 »	22 »	12 »	6 »	4 »	9 »	7 »	8 »
Юго-западный. .	13 »	9 »	7 »	15 »	5 »	7 »	7 »	8 »
Промышленный .	25 »	22 »	39 »	41 »	76 »	80 »	82 »	86 »
Центр.-черноземн.	10 »	15 »	32 »	42 »	122 »	127 »	161 »	177 »
Восточный . . .	25 »	36 »	71 »	114 »	236 »	201 »	190 »	232 »
Южный.	21 »	33 »	34 »	40 »	21 »	15 »	10 »	8 »
Малороссійскій. .	14 »	9 »	18 »	37 »	32 »	31 »	30 »	27 »

Двѣ группы земледѣльческихъ губерній высотой своей недоимочности бросаются въ глаза. По отдѣльнымъ губерніямъ интенсивность недоимочности, правда, неодинакова: изъ слѣдующей же таблицы, приводимой въ

трудахъ совѣщанія, мы видимъ, наприм., что за указанныя пятилѣтія процентное отношеніе недоимокъ къ окладу выражается въ цифрахъ:

							1896—1897—1898 гг.	
По Курской губ.	3	2	7	4	50	47	77	83
» Тульской »	3	5	16	35	124	151	205	244

или:

По Вятской губ.	20	24	26	17	23	20	17	38
» Уфимской »	25	40	77	208	336	360	317	397

и т. под.

Цифры эти приводятъ совѣщаніе къ заключенію, что въ «районѣ центрально-черноземномъ ростъ недоимокъ происходитъ хотя медленнѣе, нежели въ восточномъ, но съ неуклоннымъ постоянствомъ, тогда какъ въ послѣднемъ замѣчаются большіе скачки».

Эти цифровыя данныя, по мнѣнію совѣщанія, указываютъ, что постоянный ростъ недоимокъ, на который не дѣйствовали ни лучшіе урожаи, ни двукратное пониженіе окладовъ, нельзя объяснить временными причинами; очевидно, самый хозяйственный организмъ постепенно истощался и оказался не въ силахъ противодѣйствовать бѣдствію 1891—1892 гг.

Мы подробно останавливаемся на этомъ отдѣлѣ трудовъ совѣщанія, такъ какъ считаемъ его однимъ изъ основныхъ, изъ наиболѣе сильныхъ мѣстъ всего изслѣдованія. Мы не видимъ, чтобы недоимочность восточныхъ губерній представляла болѣе отрадную картину сравнительно съ центральной мѣстностью имперіи, хотя бы уже по той высотѣ процента недоимочности, который только что былъ указанъ и котораго не достигаетъ ни одна губернія центрально-черноземнаго района. Скачки процентовъ, на которые указываетъ совѣщаніе, существуютъ лишь относительно послѣднихъ лѣтъ, что вполнѣ естественно и объяснимо, когда самыя цифры находятся въ зависимости отъ того или иного урожая. По пятилѣтіямъ скачки эти нивелируются, и еще неизвѣстна тенденція этихъ скачущихъ цифръ за послѣднее пятилѣтіе 1896—1901 г. по сравненію съ предыдущими періодами.

Въ непосредственной связи съ поступленіемъ окладныхъ сборовъ крестьянскаго населенія земледѣльческой полосы имперіи находится вопросъ объ урожаяхъ и о посѣвахъ хлѣбовъ. Въ трудахъ совѣщанія сгруппированы эти данныя по тѣмъ же районамъ. При всей проблематичности этого статистическаго матеріала, доставляемаго податными инспекторами министерству финансовъ изъ универсальнаго обще-имперскаго источника, изъ данныхъ волостныхъ правленій, все же итоги этихъ цифръ представляются въ высшей степени интересными. Совѣщаніе констатируетъ въ окончательномъ выводѣ, что «въ количествѣ высѣваемыхъ хлѣбовъ произошла, сравнительно съ ростомъ населенія, повсемѣстная убыль; въ среднемъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи на каждаго ѣдока крестьянскаго населенія высѣяно въ пятилѣтіе 1891—1895 гг. лишь 65% того, что вы-

сѣвалось въ 1861—1865 гг. Это явленіе объясняется приростомъ населенія, а кромѣ того, какъ показываютъ цифры посадокъ картофеля, занятіемъ подъ этотъ корнеплодъ все большей площади, прежде занятой хлѣбомъ». Совѣщаніе обращаетъ при этомъ особое вниманіе на то, что «нигдѣ пониженіе посѣвовъ не достигло такихъ размѣровъ, какъ по центрально-черноземной группѣ губерній: въ общемъ по Европейской Россіи оно понизилось на 36%, причемъ по всѣмъ остальнымъ группамъ, кромѣ промышленной, оно не достигло этого размѣра, а по центрально-черноземной на 44%, т.-е. уменьшилось почти на половину. Значительное уменьшеніе посѣвовъ относительно населенія произошло и по группѣ промышленныхъ губерній (38%); но тутъ это представляется вполнѣ естественнымъ въ виду отлива населенія отъ земли къ фабрикамъ».

Продолжаемъ цитировать подлинныя слова совѣщанія: «еще болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ разсмотрѣніе цифръ *о сборѣ хлѣбовъ* относительно населенія». Департаментъ окладныхъ сборовъ, сообщившій совѣщанію цифры сборовъ, сдѣлалъ изъ нихъ интереспую выборку, въ которой изобразилъ совокупность сбора хлѣбовъ и картофеля, принимая 3 пуда картофеля=1 пуду хлѣба (?), т.-е. главнѣйшихъ питательныхъ продуктовъ крестьянскаго населенія, на 1,000 наличныхъ душъ обоего пола и распредѣлилъ ихъ по тѣмъ же пятилѣтіямъ, принявъ количество перваго пятилѣтія за 100. Получилась слѣдующая таблица:

	1861—1865 г.	1891—1895 г.	
Сѣверный	100	94	Здѣсь нами опущены всѣ промежуточныя пятилѣтія.
Прибалтійскій		102	
Сѣверо-западный		120	
Юго-западный		129	
Промышленный		79	
Центрально-черноземный		67	
Восточный		100	
Южный		184	
Малороссійскій		107	
Итого по имперіи	100	93	

Повторяемъ, къ цифрамъ этимъ, въ виду ихъ происхожденія, необходимо относиться болѣе чѣмъ осторожно; невозможно положительно и безусловно принять выводовъ совѣщанія о пониженіи количества питательныхъ продуктовъ, получаемыхъ населеніемъ отъ земли, еще и потому, что въ дан-

номъ случаѣ послѣднее пятилѣтіе заключаетъ въ себѣ и злосчастные 1891—1892 гг.; при первомъ же обильномъ урожаѣ картина немедленно измѣняется, что̀ между прочимъ легко видѣть изъ той же таблицы, хотя бы по центрально-черноземному району за цѣлый рядъ пятилѣтій. Съ 1861 и по 1895 годъ цифры сбора здѣсь выражаются такъ: 100, 98, 101, 87, 79, 82, 67. Такимъ образомъ, если бы наблюденію нашему подлежало третье пятилѣтіе, то мы должны были бы придти къ совершенно противоположному выводу и заключить, что благосостояніе населенія поднялось.

Во всякомъ случаѣ, обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, то, что по имперіи цифры по пятилѣтіямъ замѣтно понижаются, выражаясь слѣдующимъ образомъ: 100, 102, 99, 93, 95, 93; и во-вторыхъ, что земледѣльческій и промышленный районы особенно выдѣляются своими низкими цифрами сбора.

«Эта убыль въ продуктахъ питанія не пополнена избыткомъ потребленія мяса, овощей и т. п., а составляетъ дѣйствительную убыль, которая была разложена между населеніемъ въ видѣ сокращенія питанія и между хозяйственнымъ скотомъ, частью ухудшеніемъ его корма, частью же просто распродажей скота. Едва ли есть надобность говорить, какое значеніе всѣ эти явленія имѣютъ для района, населеніе котораго живетъ почти исключительно земледѣліемъ», такъ заключаетъ совѣщаніе этотъ отдѣлъ своего труда.

Самый основной, наиболѣе интересный, наиболѣе важный вопросъ о землепользованіи крестьянскаго населенія, какъ о главнѣйшемъ факторѣ оскудѣнія земледѣльческой полосы Россіи, вопросъ, поддающійся наиболѣе точному статистическому учету, привлекъ весьма мало вниманія совѣщанія,—ему посвящена всего одна страница. Можетъ быть, у совѣщанія не оказалось достаточнаго матеріала по этому отдѣлу, можетъ быть, здѣсь имѣли вліяніе еще какія-нибудь причины; во всякомъ случаѣ вопросъ остался совершенно незатронутымъ и неразработаннымъ. Совѣщаніемъ приведена лишь таблица прироста и убыли, и количества десятинъ земли надѣльной и внѣнадѣльной на 1,000 обоего пола душъ сельскаго населенія на 1895 сравнительно съ 1875 годомъ (см табл. стр. 193).

Изъ этой таблицы совѣщаніе, путемъ сопоставленія ея съ таблицей сбора хлѣбовъ, дѣлаетъ одно только заключеніе: что убыль земли въ центрально-черноземномъ районѣ дѣйствовала на схему сбора хлѣбовъ подавляющимъ образомъ, какъ бы не встрѣчая противодѣйствія со стороны самого организма.

Несомнѣнно, что для составленія указанной таблицы совѣщаніе владѣло достаточно подробнымъ матеріаломъ распредѣленія площади землевладѣнія между крестьянскимъ населеніемъ отдѣльныхъ губерній; матеріалъ этотъ возможно было бы получить въ готовомъ видѣ и изъ учрежденій министерства финансовъ, при которомъ и работало совѣщаніе; между тѣмъ онъ остался совершенно не использованнымъ, несмотря на громадное его значеніе для правильности выводовъ поставленной совѣщаніемъ задачи:

земельная обезпеченность или, вѣрнѣе сказать, необезпеченность населенія и непосильное бремя всевозможныхъ повинностей, вотъ—альфа и омега всѣхъ вопросовъ, такъ или иначе соприкасающихся съ оскудѣніемъ земледѣльческаго крестьянскаго населенія Россіи,—вопросовъ давно извѣстныхъ и всесторонне разработанныхъ серьезной экономической литературой. Подобный пробѣлъ въ трудахъ совѣщанія отнимаетъ значительную долю ихъ цѣнности, пробѣлъ тѣмъ болѣе досадный, что причины оскудѣнія центра начинаютъ озабочивать и правительственные органы, и самый вопросъ ставится на правительственное разрѣшеніе.

Районы.	Десятинъ.			% отношенія.	Примѣчаніе.
	Надѣльн.	Внѣнад.	Итого.		
Сѣверный . . .	— 58	+275	+217	+ 8	
Прибалтійскій . . .	+331	+368	+699	+120	До 1895 г. часть надѣловъ была на арендномъ правѣ.
Сѣверо-западный. .	—429	+132	—297	— 18	
Юго-западный . . .	—302	+ 34	—268	— 26	
Промышленный . .	—330	+146	—183	— 10	
Центр.-черноземн. .	—342	+ 27	—315	— 20	
Восточный	—369	—347	—816	— 23	Отрѣзана въ казну часть башкирскихъ земель.
Южный	—638	+140	—498	— 24	
Малороссійскій . .	—182	+ 81	—101	— 8	
Итого по Европейской Россіи . . .	—334	+ 30	—304	— 16	

Столь же слабую разработку получилъ и отдѣлъ о покупкахъ земли при помощи крестьянскаго банка: изъ изслѣдованія мы узнаемъ лишь общіе итоги пріобрѣтенія земли по отдѣльнымъ районамъ губерніи; узнаемъ нѣкоторыя отрывочныя элементарнѣйшія свѣдѣнія о причинахъ того или иного движенія этихъ цифръ; узнаемъ, наконецъ, недоимочность отдѣльныхъ районовъ по платежамъ въ крестьянскій банкъ, причемъ опять-таки на первое мѣсто выступаютъ губерніи центрально-черноземныя и восточныя. Думается намъ, что изъ отчетовъ крестьянскихъ банковъ, на которые ссылается совѣщаніе, можно было бы почерпнуть и болѣе подробныя и интересныя данныя.

Приводимыя совѣщаніемъ свѣдѣнія о крестьянскомъ коневодствѣ, составленныя по даннымъ военно-конской переписи за 1882 г., 1888—1891 гг. и 1893—1894 гг., при всей ихъ неполнотѣ и отрывочности, что̀ признаетъ и само совѣщаніе, съ полной очевидностью однако констатируетъ

убыль и, какъ выражается совѣщаніе, «демократизацію коневодства», или, иными словами, увеличеніе количества однолошадныхъ дворовъ за счетъ многолошадныхъ, каковое явленіе съ особенной силой отмѣчается опять-таки въ земледѣльческихъ—восточномъ и центрально-черноземномъ районахъ. Даже за кратчайшій періодъ, совпавшій съ неурожайными 1891—1892 годами, убыль крестьянскаго скота въ указанныхъ районахъ шла въ ужасающей прогрессіи: такъ, по переписи 1893—1894 годовъ противъ переписи 1888—1891 годовъ оказалось, что по центрально-черноземному району всего убыло изъ 4.178 тысячъ —931 тысяча лошадей и 116 тысячъ дворовъ изъ 2,444 тысячъ обезлошадѣло. Въ нѣкоторое сравненіе съ этими цифрами могутъ идти развѣ только данныя по восточному району, гдѣ за тотъ же періодъ убыло 462 тысячи лошадей, изъ общаго числа ихъ 2,593½ тысячи, и обезлошадѣло 68 тысячъ дворовъ, изъ общаго числа ихъ 1,148½ тысячъ. Большая убыль отмѣчается также по промышленному району, гдѣ убыло 212 тысячъ лошадей изъ 1,910 тысячъ общаго ихъ числа; затѣмъ въ юго-западныхъ губерніяхъ убыло 70 тысячъ, въ малороссійскимъ 56½ тысячъ изъ 1,066½ тысячъ и въ сѣверныхъ 9 изъ 570 тысячъ лошадей; въ прибалтійскихъ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ убыль вообще незначительна, менѣе тысячи, и, наконецъ, въ польскихъ прибыло лошадей 40½ тысячъ къ 863½ тысячамъ.

Къ сожалѣнію, размѣры нашей статьи не дозволяютъ намъ болѣе подробно остановиться на этомъ интересномъ матеріалѣ; отмѣтимъ, что за цѣлое десятилѣтіе предыдущаго періода, по переписямъ 1882 г. и 1888—1891 гг. не замѣчалось такого колоссальнаго обнищанія земледѣльческаго района, какъ послѣ упомянутыхъ неурожаевъ 1891—1892 гг. Правда, за это десятилѣтіе въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ, напр., прибыло всего лишь 27 тысячъ лошадей, что составляетъ въ среднемъ около 0,06 приплода въ годъ; за тотъ же періодъ населеніе этого района съ 15½ милліоновъ успѣло возрасти до 17¼, что составляетъ 1,3 прироста въ годъ или, выражаясь фигурально, «на сто ребятъ прибывало пять жеребятъ»; правда и то, что количество безлошадныхъ дворовъ за это десятилѣтіе успѣло возрасти съ 22,9% до 24,2%. Но что значатъ всѣ эти цифры въ сравненіи съ только что нами разсмотрѣнными, доведшими число безлошадныхъ по переписи 1893 г. въ черноземныхъ губерніяхъ до 31,3%, причемъ особенно выдѣлилась Рязанская губернія съ 35,7% безлошадныхъ дворовъ и Воронежская съ 40,7%.

Болѣе подробнымъ даннымъ о движеніи коневодства и скотоводства за время съ начала 60-хъ годовъ до первой половины 90-хъ, сообщеннымъ совѣщанію департаментомъ окладныхъ сборовъ, врядъ ли можно придавать большое значеніе, такъ какъ остается совершенно неизвѣстнымъ первоначальный источникъ ихъ происхожденія; вѣрнѣе всего, данныя эти получены изъ волостныхъ правленій; въ такомъ случаѣ строить на нихъ какіе-либо твердые выводы было бы рисковано. Повидимому, и само совѣ-

щаніе относилось къ свѣдѣніямъ этимъ осторожно, воздержавшись отъ какихъ-либо подробныхъ общихъ выводовъ по столь обширному статистическому матеріалу. Во всякомъ случаѣ и по этимъ даннымъ необходимо придти къ заключенію объ огромной убыли скота, доходящей по отдѣльнымъ губерніямъ, за послѣдніе годы, до 50 и даже болѣе процентовъ; таковы, напр., Тамбовская, Симбирская, Воронежская, Рязанская и другія губерніи. Въ частности, прибыль коневодства отмѣчается лишь по южнымъ, юго-западнымъ, а за 70-е и 80-е годы и по сѣверо-западнымъ губерніямъ; по всѣмъ остальнымъ районамъ, особенно по промышленнымъ, восточнымъ и центрально-черноземнымъ губерніямъ констатируется прогрессирующая убыль этой главнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства.

Разсмотрѣнными отдѣлами, на нашъ взглядъ, и исчерпывается главнѣйшая часть изслѣдованія, поскольку оно относится къ экономическому оскудѣнію центра. Всѣ остальные вопросы въ томъ видѣ, какъ они выдвинуты и разработаны совѣщаніемъ, имѣютъ весьма относительный интересъ и значеніе, являясь лишь косвенными, второстепенными, иногда весьма отдаленными показателями экономическаго положенія земледѣлія даннаго района. Таковы, напр., отдѣлы о положеніи торговли и промышленности, о денежномъ обращеніи въ разныхъ губерніяхъ, о соотношеніи между государственными доходами и расходами по отдѣльнымъ территоріямъ и проч. Между тѣмъ эти-то отдѣлы и являются наиболѣе разработанными совѣщаніемъ въ ущербъ важнѣйшей части изслѣдованія.

Вопросы о цѣнности земли и о сельско-хозяйственной платѣ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ и оказываютъ прямое вліяніе на успѣхъ земледѣлія и сельско-хозяйственной культуры, если бы только они построены были на болѣе достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, чего далеко нельзя сказать про матеріалы, которыми пользовалось совѣщаніе. Мы не стали бы долго останавливаться на миніатюрнѣйшемъ отдѣлѣ изслѣдованія о цѣнности земли, казалось бы безспорномъ и безусловномъ, обоснованномъ на данныхъ государственныхъ гипотечныхъ банковъ, если бы не одно положеніе совѣщанія, неправоподобность котораго прямо бросается въ глаза каждому, мало-мальски знакомому съ истиннымъ положеніемъ вещей на мѣстѣ. «За весь періодъ 1875—1894 гг.,—говоритъ совѣщаніе,—по всѣмъ группамъ губерній земельная цѣнность, выраженная (банковскими) оцѣнками, постоянно возрастала, *кромѣ группъ* центрально-черноземныхъ губерній, гдѣ въ послѣднее пятилѣтіе она *понизилась*. Если изъ данныхъ гипотечныхъ банковъ вытекаетъ такое явленіе, то несомнѣнно оно имѣетъ своей причиной какое-либо случайное, привходящее обстоятельство, отклонившее обычное повышательное движеніе цѣнности земли въ черноземной полосѣ Россіи; можетъ быть, явленіе это стоитъ въ связи съ измѣненіемъ соотношенія отдѣльныхъ губерній и даже мѣстностей въ предѣлахъ одной губерніи въ большемъ или меньшемъ участіи въ операціяхъ гипотечныхъ банковъ, причемъ мѣстности малоцѣнныя получили случайно преобладающее значеніе въ этихъ операціяхъ; можетъ быть,

вліяли какія-либо другія причины; во всякомъ случаѣ—утвержденіе, что цѣны на землю въ черноземныхъ губерніяхъ падаютъ, звучитъ страннымъ и непривычнымъ для уха диссонансомъ, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ для Рязанской губерніи.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ вопросомъ о заработной платѣ въ изслѣдованіи совѣщанія. Послѣднее и само, впрочемъ, признаетъ, что «срочная годовая и лѣтняя плата представляетъ въ имѣвшемся матеріалѣ такія рѣзкія колебанія, что относиться съ довѣріемъ къ этимъ цифрамъ невозможно. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ: такъ, по Новгородской губерніи за послѣдовательный рядъ лѣтъ (1880—1883) годовая наемная плата показана въ 102 руб., 65 руб., 108 руб., 33 руб., и т. д. Все это дискредитируетъ данныя о сельско-хозяйственной заработной платѣ,—говоритъ далѣе совѣщаніе,—и *дѣлаетъ невозможными* (курсивъ нашъ) какіе-либо опредѣленные и детальные выводы изъ имѣющагося матеріала».

Лично намъ хорошо извѣстенъ порядокъ доставленія и способъ полученія тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщены совѣщанію департаментомъ окладныхъ сборовъ и которыя привели его въ такое затрудненіе: доставляются свѣдѣнія эти періодически податными инспекторами по донесеніямъ волостныхъ правленій; получается статистика произвольныхъ цифръ, сообщенныхъ лицами и учрежденіями, въ большинствѣ случаевъ чуждыми и не заинтересованными тѣмъ предметомъ, о которомъ они сообщаютъ—скучная обязанность офиціальнаго донесенія, гдѣ главнѣйшую роль играетъ срочность выполненія и № бумаги, нежели ея содержаніе. Подобная бюрократическая статистика совершенно непригодна для изслѣдованій, имѣющихъ научный характеръ. Вотъ почему къ выводамъ этихъ отдѣловъ не только мы, но и само совѣщаніе относится такъ осторожно, чтобы не сказать—отрицательно.

Мы уже говорили, что задачу правительственнаго совѣщанія составляло не только констатированіе самаго факта экономическаго упадка земледѣльческой полосы имперіи, но и выясненіе начальнаго, исходнаго пункта и основныхъ причинъ этого упадка. Къ разсмотрѣнію этихъ причинъ мы обратимся позже, теперь же мы хотѣли бы нѣсколько остановиться на соотношеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ и на развитіи торговли и промышленности по отдѣльнымъ районамъ имперіи: изъ изслѣдованія совѣщанія какъ бы вытекаетъ не только причинная связь между указанными отраслями народнаго и государственнаго хозяйства, съ одной стороны, и оскудѣніемъ черноземныхъ губерній—съ другой, но и угнетенное состояніе самыхъ этихъ отраслей. На такой постановкѣ вопроса необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего мы не можемъ себѣ уяснить той точки зрѣнія,—и на это мы уже указывали нѣсколько ранѣе,—когда въ вопросѣ обложенія выдвигаются на первый планъ не дѣйствительные плательщики или разряды обложенныхъ имуществъ, а нѣчто отвлеченное, въ дѣйствительности ни-

чѣмъ не обложенная территоріальная единица, имѣющая исключительное значеніе административнаго подраздѣленія. Сказать, что какая-либо Рязанская губернія обложена сильнѣе, нежели Московская, значитъ ровно ничего не сказать, ибо какъ та, такъ и другая губернія въ отношеніи обложенія представляются лишь фикціей, совокупностью цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ объектовъ обложенія, случайно группирующихся такъ или иначе въ предѣлахъ указанныхъ административныхъ территорій: какъ въ Рязанской, такъ и въ Московской, такъ и во всѣхъ другихъ губерніяхъ существуютъ, примѣняются и функціонируютъ налоги, одинаковые для всей имперіи; земля повсемѣстно, независимо отъ губерній, обложена поземельнымъ налогомъ, а надѣлы, сверхъ того, еще выкупными платежами, мірскими и продовольственными сборами; торговля и промыслы несутъ промысловой налогъ; доходы отъ денежныхъ капиталовъ—особый процентный сборъ и т. д. Указавъ, что Московская губернія уплачиваетъ въ годъ налоговъ 112,7 милл. руб., Петербургская 342,9 милл. руб., центрально-черноземныя 106,4 милл. руб., а сѣверныя 21,2 милл. руб., туркестанскія 8,9 милл. руб., мы всетаки не знаемъ и не видимъ относительной тяжести обложенія имущества этихъ губерній: мало того, если даже мы приведемъ цифры эти къ величинамъ между собой соизмѣримымъ, наприм., къ суммѣ налоговъ, падающихъ на квадратную версту или на душу населенія, или, наконецъ, разобьемъ совокупность налоговъ этихъ на ихъ составныя части, наприм., на выкупные платежи, промысловой налогъ, питейные сборы и пр., и приведемъ эти составныя цифры опять-таки къ величинамъ соизмѣримымъ, наприм., къ десятинѣ земли, къ наличной душѣ и пр., мы всетаки не разрѣшимъ основного вопроса, насколько же тотъ или иной налогъ тяжелъ для населенія, ибо для сужденій нашихъ не будетъ главныхъ свѣдѣній, мѣрила цѣнности и доходности облагаемыхъ имуществъ.

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, та часть работы совѣщанія, гдѣ сгруппированы абсолютныя цифры и данныя объ обложеніи цѣлыхъ районовъ губерній—непроизводительно затраченный трудъ, не пригодный ни съ научной, ни съ практической точки зрѣнія. Всѣ колонны цифръ, приводимыхъ совѣщаніемъ, всѣ таблицы и діаграммы—мертвы, онѣ ничего не подсказываютъ изслѣдователю; никакихъ положительныхъ выводовъ изъ нихъ сдѣлать нельзя. Иное дѣло, если бы совѣщаніе освѣтило этотъ цифровой матеріалъ, если бы оно сказало намъ, что, положимъ, изъ 106 милл. руб., уплачиваемыхъ въ годъ центрально-черноземными губерніями, 50 милл. руб. приходится на долю питейнаго дохода, 25—30 милл. руб. на выкупные платежи, 5—6 милл. руб. на промысловой налогъ и т. д.; если бы оно разсказывало намъ далѣе, что доходность надѣловъ этого района приноситъ въ годъ при среднемъ урожаѣ 100 милл. руб., а что средняя годовая прибыльность всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій выражается въ цифрѣ 90 милл. руб.,—тогда для насъ было бы ясно, что надѣлы несутъ тяжелое обложеніе, впятеро большее, нежели промышленность; мы увидѣли бы тогда, что и питейные доходы несутъ въ сущности все тѣ же надѣлы, ибо со-

вѣщаніе должно было указать въ своей работѣ, что въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ на 100 жителей крестьянскаго населенія, занимающагося по преимуществу обработкой надѣловъ, приходится 5—10 человѣкъ другихъ сословій. Тогда мы были бы въ правѣ согласиться съ совѣщаніемъ, что дѣйствительно надѣлы центрально-черноземной полосы обложены тяжелыми, непосильными налогами. Но совѣщаніе ничего подобнаго намъ не сказало; оно манипулируетъ какими-то безцѣльными цифровыми упражненіями, высчитывая, сколько платитъ налоговъ фиктивная цѣнность, фиктивный объектъ обложенія—«районъ» губерній. Подобные разсчеты возможно пріурочить къ любому абстрактному понятію; наприм., сколько падаетъ налоговъ на извѣстную мѣру воднаго или воздушнаго пространства? Столь же праздными представляются намъ и вычисленія государственныхъ расходовъ по районамъ и по губерніямъ. Съ точки зрѣнія той или иной экономической политики можно критиковать, оспаривать, не признавать тѣ или иные государственные расходы, можно, наприм., доказывать, что расходы на народное образованіе, на поддержаніе нормальнаго питанія крестьянскаго населенія представляются болѣе неотложными и болѣе необходимыми, чѣмъ на развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ или на поддержаніе отечественной промышленности и т. п. Все это вопросы спорные, обосновывающіеся на той или иной финансовой теоріи, на той или иной экономической дисциплинѣ. Но требовать, чтобы всѣ государственные доходы съ данной губерніи или съ даннаго района необходимо возвращались въ эту же губернію въ видѣ государственныхъ расходовъ—значило бы возвращаться къ средневѣковымъ понятіямъ, къ финансовой системѣ пошлинъ и заставъ, когда каждое правительственное или феодальное дѣйствіе и услуга оплачивались особымъ спеціальнымъ сборомъ, спеціальнымъ налогомъ. Такая близорукая финансовая система въ самомъ корнѣ противорѣчила бы принципу общественности, идеѣ государства какъ союза, единенія гражданъ.

Мы не предполагаемъ распространяться на эту тему, ибо она составляетъ элементарнѣйшее понятіе финансовыхъ наукъ. Насъ только удивляетъ, какимъ образомъ административному правительственному совѣщанію могла придти въ голову столь въ высшей степени анти-государственная идея? Ставши на этотъ путь сепаратическихъ стремленій и требованій, легко зайти очень далеко: сегодня губернія скажетъ: возврати мнѣ всѣ мои налоги, завтра съ этимъ требованіемъ выступитъ уѣздъ, а еще спустя нѣкоторое время и каждый плательщикъ пожелаетъ, чтобы всѣ его налоги возмѣщались ему лично расходами государственнаго казначейства. Что же станется тогда съ самымъ принципомъ налоговъ, вытекающимъ изъ идеи государства, какъ общественнаго союза, нуждающагося въ средствахъ общественнаго значенія?

Совѣщаніе полагаетъ, что черноземныя губерніи страдаютъ отъ того, что налоги ихъ далеко не возмѣщаются для нихъ государственными расходами; что, уплачивая въ среднемъ 106,4 милл. руб. въ годъ, онѣ получаютъ обратно въ видѣ государственныхъ расходовъ лишь 42,8 милл. руб.;

(мы беремъ изъ трудовъ совѣщанія огульныя цифры всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ). Дальше совѣщаніе подраздѣляетъ ихъ по категоріямъ, и соотношеніе цифръ тогда мѣняется; но цифры здѣсь не важны, мы возражаемъ противъ самой сущности, противъ постановки вопроса. Нѣтъ, совсѣмъ не отъ того терпятъ черноземныя губерніи, движеніе по территоріи государства государственныхъ доходовъ не можетъ и не должно идти параллельно съ движеніемъ расходовъ, ихъ пути и ихъ задачи разные. Разумная финансовая политика требуетъ лишь, чтобы доходы государства и налоги его сообразовались съ доходами плательщиковъ, чтобы ни одинъ классъ населенія не страдалъ налоговымъ обремененіемъ, сравнительно съ другими, чтобы не было привилегированныхъ и непривилегированныхъ предметовъ обложенія и чтобы всѣ плательщики были одинаково податными. Обремененному плательщику нисколько не будетъ легче отъ того, если онъ переѣдетъ изъ своей захудалой деревушки, затерявшейся гдѣ-нибудь въ тамбовскихъ степяхъ, въ столицу, гдѣ на каждаго жителя (абстрактно) падаетъ такая масса государственныхъ расходовъ, ибо лично ему они нисколько не помогаютъ. Государственные расходы имѣютъ свои особыя цѣли, особыя задачи, особые планы, совершенно независимые отъ принципа справедливаго и равномѣрнаго обложенія. Эту элементарнѣйшую финансовую аксіому забыло совѣщаніе въ своей погонѣ за эфемерной справедливостью въ равновѣсіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ каждомъ отдѣльномъ районѣ имперіи.

Подобное направленіе экономическаго обслѣдованія губерній, путемъ исчисленія превышенія доходовъ надъ расходами или обратно, практикуется однако у насъ не впервые, и не совѣщанію принадлежитъ честь его изобрѣтенія. Еще въ 1898 году вышелъ въ свѣтъ «Финансово-статистическій атласъ Россіи», составленный по офиціальнымъ даннымъ Г. Антроповымъ, гдѣ на картограммахъ наглядно изображено распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ по губерніямъ на 1 квадратн. версту и на одного жителя. Отмѣтимъ, впрочемъ, что этотъ болѣе полно, нежели діаграммы совѣщанія, составленный атласъ имѣетъ еще и то преимущество, что изъ сопоставленія цѣлаго ряда картограммъ и сопровождающаго ихъ текста все же можно составить себѣ нѣкоторую картину интенсивности обложенія не только отдѣльныхъ губерній, что въ сущности совершенно безцѣльно, но и отдѣльныхъ группъ населеній, отдѣльныхъ разрядовъ плательщиковъ, чего положительно невозможно почерпнуть изъ всего труда совѣщанія. Такъ, изъ картограммы № 13 атласа мы видимъ наприм., что на десятину земли въ Рязанской губерніи падаетъ поземельныхъ сборовъ свыше 40 к., что свыше 70% всей площади частновладѣльческой земли этой губерніи заложены въ кредитныхъ учрежденіяхъ, причемъ размѣръ ссуды на 1 десятину колеблется въ предѣлахъ 50—70 руб., что въ общемъ, слѣдовательно, составляется платежей свыше 2 рублей съ десятины. Изъ послѣдующихъ картограммъ того же атласа мы видимъ далѣе, что на ту же Рязанскую губернію упадаетъ свыше 2 милл. руб. выкупныхъ платежей съ надѣль-

ныхъ земель на 1,827 тысячъ жителей обоего пола по переписи 1897 г., что на каждаго жителя Рязанской губерніи приходится 21 градусъ потребленія спирта, что̀ составляетъ 2 руб. 10 коп. акциза и т. д. Въ общемъ обрисовывается, хотя и слабыми штрихами, картина обложенія отдѣльныхъ разрядовъ плательщиковъ.

Интересующійся обложеніемъ торговли и промысловъ въ губерніи почерпнетъ изъ того же атласа, что Рязанская губернія уплачиваетъ (въ то время) всего торговыхъ сборовъ до 367 тыс. руб., тогда какъ размѣры производства ея фабрично-заводской промышленности укладываются въ предѣлы 10—30 милл. руб. и т. д.

Мы далеки отъ мысли ставить въ образецъ научныхъ изслѣдованій и трудовъ этотъ атласъ; мы лишь указываемъ, что если прибѣгать къ широкому пользованію картограммами и діаграммами для нагляднаго изображенія финансоваго или экономическаго положенія отдѣльныхъ районовъ имперіи, то слѣдуетъ составлять картограммы эти полнѣе и подробнѣе, чтобы изъ нихъ дѣйствительно обрисовывалось положеніе какъ самой отрасли народнаго хозяйства, такъ и интенсивности ея обложенія, чего далеко нельзя сказать про діаграммы и таблицы совѣщанія.

Еще въ началѣ статьи мы указывали, что совѣщаніе въ своемъ стремленіи доказать угнетенное экономическое положеніе центрально-черноземныхъ губерній переходитъ границу и, проникшись ошибочнымъ сочувствіемъ не только къ дѣйствительно угнетеннымъ отраслямъ земледѣльческаго хозяйства, но и ко всей вообще экономической дѣятельности этого района, въ чемъ бы она ни проявлялась, будь то фабрично-заводская или торгово-промышленная индустрія, восклицаетъ: «вниманіе останавливается на угнетенномъ положеніи центрально-черноземныхъ губерній, которымъ отмѣчаются для нихъ всѣ виды торгово-промышленной предпріимчивости и въ смыслѣ размѣровъ ея и въ смыслѣ движенія».

Этого сочувствія мы совершенно не раздѣляемъ, ибо находимъ, что оно не соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Да и вопросъ еще, насколько желателенъ вообще быстрый ростъ торгово-промышленной дѣятельности въ районахъ по преимуществу земледѣльческихъ. Правда, изъ діаграммъ, приложенныхъ къ изслѣдованію, мы видимъ, что по относительнымъ размѣрамъ оборотовъ торгово-промышленныхъ гильдейскихъ предпріятій (на 1 жителя за 1890—98 гг.) центрально-черноземныя губерніи стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ; по прибылямъ акціонерныхъ предпріятій—на предпослѣднемъ, а по оборотамъ торгово-промышленныхъ негильдейскихъ предпріятій—на пятомъ отъ конца, опередивъ сѣверный Кавказъ, восточныя губерніи, малороссійскія и сѣверныя. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что высокими оборотами вообще отмѣчаются лишь столичныя, польскія, прибалтійскія и южныя губерніи; остальные районы, не исключая и *промышленнаго*, разнятся между собой лишь немного, и если на 1 жителя центрально-черноземныхъ губерній приходится за 1898 г. 16 руб. оборота торгово-гильдейскихъ предпріятій, то въ промышленномъ и мало-

россійскомъ районахъ его приходится 20 руб., въ восточномъ и сѣверо-западномъ—19 руб. и въ сѣверномъ—17 руб.; если на жителя центрально-черноземныхъ губерній за тотъ же 1898 годъ приходится оборота промышленно-гильдейскихъ предпріятій—5 руб., то въ промышленномъ районѣ его приходится 11 руб., а въ юго-западныхъ, малороссійскихъ, восточныхъ и сѣверныхъ всего лишь по 4 руб. Въ предпріятіяхъ негильдейскихъ картина еще рельефнѣе: въ центрально-черноземномъ районѣ на жителя приходится за 1898 годъ 5 руб. торговаго оборота и 0,65 руб. промышленнаго, по промышленнымъ губерніямъ соотвѣтствуютъ цифры—6,1 руб. и 1,1 руб., по сѣверному Кавказу—4,8 и 0,8 руб., по восточнымъ губерніямъ—4,8 и 0,7 руб., по Малороссіи—4,4 и 0,9 и, наконецъ, по сѣвернымъ—2,8 и 0,2 руб.

По прибылямъ акціонерныхъ предпріятій и восточныя, и черноземныя, и сѣверныя губерніи находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи.

Замѣтимъ далѣе, что цифры оборотовъ торгово-промышленныхъ предпріятій, какъ абсолютныя, такъ и относительныя, въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ годъ отъ году возрастаютъ, наприм., по гильдейско-торговымъ съ 10 руб. за 1890 г. до 16 руб. за 1898 г. на жителя и по промышленнымъ съ 2 руб. до 5 руб.; по негильдейско-торговымъ съ 3,1 до 5 руб. и по непромышленнымъ съ 0,4 до 0,65 руб. на жителя; по акціонернымъ предпріятіямъ торговымъ съ 3 до 7 руб.; промышленнымъ съ 1 до 2 руб. на 100 жителей, за тотъ же періодъ; между тѣмъ и по сѣвернымъ и даже по промышленнымъ губерніямъ уровень гильдейскихъ оборотовъ упалъ за этотъ періодъ съ 22 руб. за 1894 годъ до 20 руб. за 1898 годъ, по сѣвернымъ съ 19 руб. за 1894 годъ до 17 руб. за 1898 годъ и т. д.

На чемъ же основываетъ совѣщаніе свои выводы объ угнетенномъ положеніи торгово-промышленной дѣятельности центрально-черноземныхъ губерній? Гдѣ доказательства, гдѣ основанія и мотивы его сочувствія? Мы смѣло утверждаемъ, что этихъ доказательствъ у него нѣтъ, что положеніе торговли и промысловъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ вполнѣ нормальное, что ростъ этой отрасли народнаго хозяйства идетъ естественнымъ путемъ и никакихъ искусственныхъ мѣръ поощренія не требуетъ. Столичные и другіе районы кипучей фабрично-заводской и торговой дѣятельности не могутъ идти въ сравненіе съ мѣрнымъ и тихимъ ходомъ жизни земледѣльческихъ мѣстностей.

А. Еропкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о черноморскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года я напечаталъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* нѣсколько замѣтокъ о Черноморьѣ и черноморскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Эти замѣтки вызвали обширное возраженіе г. Щербины, появившееся тоже въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. На мой отвѣтъ послѣдовало новое возраженіе г. Щербины.

Въ общихъ чертахъ наше разногласіе заключается въ слѣдующемъ.

Для оживленія благодатнаго побережья отъ Новороссійска до Сухума предполагается провести здѣсь желѣзную дорогу. Признавая не только пользу, но и необходимость постройки этого рельсоваго пути, я говорю, что эта длинная вѣтвь (шестьсотъ верстъ) встрѣтитъ большія техническія трудности и, конечно, будетъ стоить дорого. Въ интересахъ Кубанской области и Черноморской губерніи чрезвычайно важна недлинная (двѣсти съ небольшимъ верстъ) и дешевая,—такъ какъ она прошла бы главнымъ образомъ по ровной степи,—линія Туапсе—Майкопъ—Армавиръ. Послѣдній пунктъ—станція владикавказской дороги, второй—центръ уже теперь значительной торговли; Туапсе—лучшая якорная стоянка и единственный хорошій портъ (еще какъ слѣдуетъ не оборудованный) на всемъ побережьѣ отъ Новороссійска до Сухума. Въ настоящее же время товары (хлѣбъ, табакъ и др.) двигаются по дорогамъ, которыя послѣ снѣга и дождей почти непроходимы. Въ началѣ декабря прошлаго года я ѣхалъ на четверкѣ лошадей отъ Майкопа до Армавира (сто съ небольшимъ верстъ) три дня, два раза ночевалъ въ дорогѣ. Провезти пудъ клади на этомъ разстояніи при такихъ условіяхъ стоитъ 40—60 копеекъ. Встрѣченный мною рыбный торговецъ (онъ везъ керченскую сельдь) подрядилъ фуры отъ Армавира до Майкопа по семидесяти копеекъ за пудъ.

Г. Щербина стоитъ за береговую желѣзную дорогу, хотя и говоритъ: «Съ точки зрѣнія наибольшаго привлеченія грузовъ предпочтительнѣе передъ другими указанное В. А. Гольцевымъ въ № 29 *Русскихъ Вѣдомостей* направленіе Армавиръ — Майкопъ — Туапсе». На это я возразилъ: «Такъ какъ желѣзныя дороги строятся главнымъ образомъ (помимо стратегическихъ соображеній и дорогъ пригородныхъ, дачныхъ) именно для

перевозки грузовъ, то за указанное направленіе является такимъ образомъ рѣшающій аргументъ».

«Г. Щербина стоитъ за линію Новороссійскъ—Сухумъ. Эта очень большая, дорого стоящая и весьма важная линія отнюдь не можетъ противополагаться линіи Армавиръ—Туапсе. Если она будетъ построена,—что необходимо,—то этимъ вовсе не упраздняется вторая линія. Береговая дорога ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить рельсоваго пути, къ ней перпендикулярнаго, прорѣзывающаго Кубанскую область и Черноморскую губернію».

Осуждая линію Армавиръ—Туапсе, г. Щербина говоритъ, что по ней будутъ вывозиться сырье и предметы естественнаго богатства (напримѣръ, лѣсъ), а этимъ,—продолжаетъ авторъ,—«мы и безъ того соримъ крайне неразсчетливо, въ ущербъ внутреннимъ интересамъ страны». Но какіе же фабрикаты будутъ возиться изъ Сухума въ Новороссійскъ? Лѣса въ Черноморьѣ истреблены жестоко до проведенія какой-либо желѣзной дороги, и если этому будетъ содѣйствовать дорога Армавиръ—Туапсе, только пересѣкающая хребетъ, идущая большею частью по плодородной степи, почему не окажетъ такого содѣйствія линія въ шестьсотъ верстъ, параллельная покрытому лѣсами хребту?»

Я ссылался на мнѣніе такого компетентнаго лица, какъ начальникъ кавказскаго округа путей сообщеній, г. Статковскій, который находитъ, что устройство порта въ Туапсе имѣло бы громадныя выгоды: «Мы имѣли бы,—говоритъ г. Статковскій,—почти посрединѣ черноморскаго побережья, между Новороссійскомъ и Сухумомъ, третій портъ, который бы вполнѣ и съ большею выгодою, чѣмъ Сухумъ, удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ Сѣвернаго Кавказа, а также и серединной части черноморскаго побережья».

Слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что отъ Петровска черезъ Армавиръ до Туапсе будетъ на 140 верстъ короче, чѣмъ черезъ Тихорѣцкую—Новороссійскъ.

На это г. Щербина опять возражалъ, и очень странно. «Г. Гольцевъ,—пишетъ онъ,—отдаетъ предпочтеніе направленію дороги Армавиръ—Туапсе передъ направленіемъ Новороссійскъ-Сухумъ *исключительно* съ точки зрѣнія провоза транзитныхъ грузовъ, наибольшаго притока ихъ къ Туапсе. Я же полагаю, что не только Черноморская, но и всякая другая дорога, примыкающая къ магистрали, должна строиться прежде всего въ видахъ обслуживанія *мѣстныхъ нуждъ*».

Откуда взялось это *исключительно?* О транзитныхъ грузахъ я упомянулъ мимоходомъ только разъ, въ концѣ возраженія г. Щербинѣ. По линіи Армавиръ-Туапсе возились бы именно *мѣстные* грузы: хлѣбъ, табакъ, скотъ, и т. п.

На этотъ разъ и г. Щербина *сомнѣвается*, какіе фабрикаты будутъ возиться изъ Сухума въ Новороссійскъ, но это сомнѣніе распространяется только на южную часть губерніи. Въ сѣверной части ея уже сильно развиваются заводы, здѣсь процвѣтаетъ винодѣліе, и т. д. И увы: оказы-

вается, *«безъ натяжки можно сказать»* лишь слѣдующее: «въ районѣ Новороссійскъ-Геленджикъ, примѣрно на протяженіи 40 верстъ прибрежной полосы (*это изъ шестисотъ-то!*) желѣзная дорога сразу же будетъ окупаться одними мѣстными грузами—цементомъ, строительными матеріалами, желѣзомъ, винами, хлѣбомъ, принадлежностями винодѣльческаго хозяйства, табачными грузами и проч. Ничего подобнаго нельзя ожидать на южныхъ участкахъ проектированной дороги, которая обѣщаетъ быть исключительно дачной и курортной».

Нельзя сказать, чтобы это было удачной защитой... Я много лучшаго мнѣнія объ этой дорогѣ.

Г. Щербина говоритъ далѣе, что «спеціалистами, не производившими техническихъ изысканій, можно лишь людей пугать, а не вопросы рѣшать». Мнѣніемъ г. Щербины людей, конечно, пугать нельзя, но и для разрѣшенія техническихъ вопросовъ оно также не годится. Я ссылался на докладныя записки нѣкоторыхъ инженеровъ, на людей, давно живущихъ на побережьѣ, изучившихъ его. По поводу моей полемики съ г. Щербиною я получилъ письмо отъ г. Ясакова, изъ Сочи. Въ немъ указывается на страшные зимніе ливни и неустойчивость береговой полосы. Давніе колонисты между Туапсе и Сочи также указываютъ на техническія трудности, отрицаемыя г. Щербиною. Основательнѣе всего въ его возраженіи то, что онъ, опираясь на отсутствіе изысканій, высказывается и за отсутствіе всѣхъ такихъ трудностей...

Но, покуда идетъ этотъ споръ, появилось извѣстіе, что владикавказская желѣзная дорога производитъ изысканія, что путь намѣченъ отъ Екатеринодара (станція Энемъ) на Джубгу и далѣе берегомъ (Туапсе-Сухумъ-Новосенаки). Это направленіе краю совсѣмъ не нужно, оно въ интересахъ только владикавказской дороги, будетъ охранять ея грузы. Дорога предполагается по самому берегу, она уничтожитъ портъ въ Туапсе и морскія купанья на побережьѣ. Денегъ понадобится очень много, дохода никакого не предвидится. Проектируемая вмѣстѣ съ этимъ вѣтвь Энемъ-Майкопъ также послужитъ преимущественно владикавказско-тихорѣцкой дорогѣ, притягивая къ ней грузы Кубанской области. Объ интересахъ края при этомъ и рѣчи быть не можетъ. Самый выгодный участокъ—Новороссійскъ-Туапсе, устраняется.

В. Гольцевъ.

О послѣднихъ годахъ жизни Н. П. Огарева.

† 31 мая 1877 г.

---

31 мая нынѣшняго года минетъ ровно *двадцать пять лѣтъ* съ того дня, когда далеко отъ горячо-любимой родины, на холодной чужбинѣ—въ Гринвичѣ, скончался нашъ извѣстный поэтъ, Николай Платоновичъ Огаревъ. Только одна родная душа склонялась въ послѣднія минуты надъ изголовьемъ умирающаго старика (Огаревъ умеръ 63-хъ лѣтъ),—это была старшая дочь покойнаго друга, Наталья Александровна Герценъ, или, какъ ее называли всѣ близкіе, «Тата». Огаревъ любилъ Тату; онъ цѣнилъ въ ней не только хорошаго человѣка, но и талантливаго живописца-художника. Въ его комнатѣ постоянно висѣли портреты ея работы: висѣлъ портретъ Галилея, передъ которымъ Огаревъ часто застаивался подолгу; портретъ младшей дочери Герцена, Лизы... Послѣдній былъ ему дорогъ потому, что *онъ* одновременно хорошо напоминалъ обоихъ дорогихъ его сердцу людей: ея мать и отца. Когда Огаревъ услыхалъ, что «Тата» бросаетъ живопись, онъ не могъ удержаться, чтобы не обратиться къ ней съ сердечнымъ увѣщаніемъ: не дѣлать этого, не бросать занятія, не пренебрегать такимъ драгоцѣннымъ даромъ, которымъ такъ богато надѣлила ее природа со стороны матери. Онъ на эту тему обращался къ ней даже въ стихахъ:

... И увидишь, что плодъ принесетъ этотъ трудъ
И много, и много отрадныхъ минутъ.

Онъ боялся, что, отказавшись отъ живописи, она должна будетъ погрузиться въ обыденную жизнь съ ея затягивающими мелочами и пошлостью; зналъ, что эта жизнь уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей дать минутъ высшаго наслажденія.

А если займешься въ тоскѣ, хоть безгнѣвной,
Ты жизнью обычной, пустой, ежедневной,
Увидишь, что просто пропала мечта
О томъ, что есть радость и есть красота.

Онъ говоритъ съ ней, какъ съ родной дочерью, уговариваетъ, какъ свое родное дитя, и при этомъ называетъ ее: «Тата, *моя Тата*». Эта дочь Герцена, а также и Лиза—были его любимицами.

Наталья Александровна не оставалась въ долгу у Огарева за это чувство, она платила старому «Ага» теплой привязанностью. Достаточно было ей въ маѣ 1877 года услыхать, что «Ага» опасно заболѣлъ, слегъ въ постель, чтобы, несмотря на дальность разстоянія, сейчасъ же собраться въ дорогу и ѣхать къ нему въ Гринвичъ. Она поспѣла вò-время къ умирающему: Огаревъ еще былъ въ сознаніи, онъ узналъ свою «Тату», но тутъ же скоро впалъ въ безпамятство.

Когда Ник. Плат. испустилъ послѣдній вздохъ, Наталья Александровна вручила англичанкѣ Мери,—которая уже давно жила при Огаревѣ и ходила за нимъ,—необходимыя деньги на похороны и на всѣ неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ расходы, сама же не осталась дожидаться похоронъ, а захвативъ всѣ «старыя тетради», отказанныя покойнымъ поэтомъ «дѣтямъ Герцена», простилась съ покойникомъ и поспѣшила уѣхать домой, предоставивъ «мертвымъ хоронить мертвыхъ». Ее пугало общество Мери,—этой грубой, необразованной и довольно распущенной женщины, съ которой у Н. А. не могло быть ничего общаго; поэтому, чтобы избѣжать возможныхъ непріятностей, какихъ-нибудь неожиданностей, Нат. Ал. поспѣшила уѣхать, какъ только въ Гринвичѣ не стало того, для кого она пріѣхала съ континента.

И мертвые хоронили мертвыхъ!

Одна Мери была при той торжественной минутѣ, когда нашего русскаго поэта опускали въ могилу на Гринвичскомъ кладбищѣ: *Greenwich burial board—№ 469.* Ни экипажей, ни провожатыхъ, ни вѣнковъ, ни друзей, ни родныхъ, ни знакомыхъ,—одна только Мери составляла весь похоронный кортежъ... Похороны были сиротливыя, холодныя! Онѣ служатъ эмблемой той трагедіи, какую представляютъ «послѣдніе годы жизни» нашего поэта,—эмблемой того разительнаго контраста, какимъ является его печальный «*закатъ*», по сравненію съ счастливымъ «*разсвѣтомъ*»—«раннимъ дѣтствомъ» и юностью.

Вотъ два портрета, представляющіе ту и другую эпоху. Юность,—эпоху «разсвѣта»,—прекрасно передаетъ его молодой портретъ (онъ до сихъ поръ хранился въ Старомъ Акшинѣ),—писанный масляными красками однимъ изъ крѣпостныхъ художниковъ его отца. Поэтъ изображенъ здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, счастливый, радостный, красивый, съ большими, довѣрчивыми, голубыми глазами, которые радостно и увѣренно смотрятъ на міръ. Поэтъ только что женился на М. Л. Панчулидзовой и представленъ въ костюмѣ новобрачнаго—во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ высокихъ, подпирающихъ подбородокъ воротничкахъ, безъ усовъ и бороды, съ едва пробивающимися бакенбардами и прической, напоминающей Грибоѣдова. Онъ весь—счастіе! Юная жизнь окружена роскошью, богатствомъ, дружбой, любовью, возвышенными надеждами... Тѣмъ трагичнѣе, тѣмъ ужаснѣе кажется послѣ этого его одинокій «*закатъ*»; тѣмъ сильнѣй поражаетъ послѣ радостнаго портрета—послѣдняя карточка Николая

Платоновича, снятая въ Женевѣ, на которой онъ изображенъ старымъ старичкомъ. Снявъ съ головы шляпу, онъ опустился на стулъ и смотритъ горькимъ, безотраднымъ, ничего не ждущимъ отъ жизни взоромъ. Старика съ обѣихъ сторонъ обступили деревья; за нимъ, вдали, виднѣется озеро съ лебедями... небо... воздухъ... и никого кругомъ. Поникшая фигура поэта, обстановка, безотрадный взглядъ,—все краснорѣчиво и внушительно говоритъ о томъ тяжеломъ сиротствѣ, гнетущемъ, безотрадномъ застоѣ и одиночествѣ, среди которыхъ послѣ смерти друга пришлось очутиться Николаю Платоновичу—и притомъ съ подорванной вѣрой въ общее дѣло, съ цѣлымъ сонмомъ недуговъ и непріятностей: тутъ и припадки падучей болѣзни, и безпрестанные бронхиты, и сломанная нога, требующая ухода,—и новое, чуждое ему поколѣніе русскихъ людей, съ которыми уже трудно сойтись и которые смотрятъ на васъ, какъ на врага; наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было изданія, въ которомъ бы можно было работать, и въ довершеніе всего бѣдность,—бѣдность, доходящая до полнѣйшей нищеты!

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ Огаревъ изъ богатѣйшаго помѣщика превратился въ нищаго, потому что эта тема завела бы меня къ подробной оцѣнкѣ благороднѣйшаго и добрѣйшаго сердца Ник. Пл.,—что̀ не входитъ въ мой планъ. Я скажу только, что, уѣзжая въ послѣдній разъ за границу съ своей второй женой, Н. А. Огаревой, онъ продалъ на честное слово, безъ всякихъ документовъ свои имѣнія Н. Ф. Павлову и еще одному другу и родственнику, Х.—Ник. Фил. Павловъ выплатилъ ему 17 тыс. руб. еще въ Россіи, а Х. обѣщалъ ежегодно высылать въ уплату по 3 тыс. руб. за границу.

Полученныя 17 тысячъ, которыя составляли теперь все его наличное богатство и достояніе, Огаревъ привезъ съ собой въ Лондонъ и вручилъ ихъ своему другу, Герцену, ставшему съ этихъ поръ его казначеемъ. А. И. Герценъ вплоть до своей смерти содержалъ Николая Платоновича, выдавалъ ему ежегодную необходимую сумму денегъ на жизнь и на всѣ прочіе расходы. Обѣщанныя же три тысячи хотя и высылались изъ Россіи, но высылались аккуратно только въ первое время, а чѣмъ дальше, тѣмъ высылка становилась все неаккуратнѣе и неаккуратнѣе, а наконецъ и совсѣмъ прекратилась. По словамъ Н. А. Огаревой, Х. высылалъ иногда деньги и послѣ смерти А. И. Герцена.

При жизни друга Огареву не приходилось отъ этого страдать, потому что кошелекъ Герцена всегда былъ къ его услугамъ. Послѣ же смерти Ал. Ив., это нарушеніе даннаго обѣщанія ставило Огарева въ положеніе нищаго, у котораго не было никакой собственности. «Я вовсе не rentier,—писалъ онъ въ 1876 г. въ отвѣтъ на требованіе пошлинъ со стороны женевскаго бюро сбора податей,—я только русскій изгнанникъ, и *если* у меня въ квартирѣ, которую я нанимаю, *есть кое-какая старая мебель, то это, благодаря только моему покойному другу—Герцену*. Я не думаю, чтобы я былъ обязанъ вносить пошлины, *да я и не въ состояніи этого сдѣлать*, и я надѣюсь, что вы меня отъ этого избавите».

И если бы не дѣти покойнаго друга, которыя присылали ему на содержаніе, то Огаревъ—больной, лишенный возможности работать,—могъ бы теперь умереть съ голоду. «*Съ моего достоянія*,—писалъ онъ сестрѣ, А. П. Плаутиной, которая въ этотъ періодъ тоже стала ему помогать, — *я ничего не получаю*, но дѣти Герцена меня поддерживаютъ ежемѣсячно, усердно, такъ что я жить еще могу». Сестра предлагала, что она повѣдетъ дѣло противъ того, кто нарушилъ данное обѣщаніе, но Огаревъ отвергъ это предложеніе: «документа у меня нѣтъ, и, вѣроятно, тамъ ничего не выкроешь, такъ что едва ли не лучше и не хлопотать».

И бывшій богатѣйшій русскій помѣщикъ, дававшій деньги всѣмъ друзьямъ, которые имѣли въ нихъ нужду,—отпустившій на волю болѣе восьми тысячъ крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы, надѣлившій послѣднихъ и лѣсомъ, и лугами,—продавшій на честное слово свои богатыя имѣнія,—теперь, подъ старость лѣтъ, былъ принужденъ протягивать руку: просить у сестры то по 200, то по 400 франковъ!...

Какъ же было послѣ этого и послѣ всѣхъ неудавшихся надеждъ не потерять свѣтлаго взгляда на жизнь, на міръ, на людей и даже на самого себя? И Огаревъ часто именуетъ себя «лишнимъ человѣкомъ», «изношеннымъ поэтомъ», а въ стихотвореніи «Проклятье»,—когда все обмануло—и жизнь, и люди, когда разбилось и то, къ чему стремился, онъ говоритъ:

„... Затѣмъ ли мысль кипучая таилась,
Туда-ль меня поэзія влекла?
Стою печально предъ дверями гроба,
Куда уже сошелъ мой лучшій другъ,
И сердце мнѣ томитъ нѣмая злоба,
И мысль мою—безвыходный недугъ
На родъ людской, на землю и на волю
Уже давно совсѣмъ надежды нѣтъ,
Умру, оставя на плохую долю
Подругу нищую преклонныхъ лѣтъ.

Таково было положеніе Огарева послѣ смерти его «лучшаго друга». Не разъ онъ самъ прямо говоритъ, что ему послѣ него стало тяжело жить. «Мнѣ послѣ смерти Герцена *такъ* осталось *трудно*, и *дѣла нѣтъ*, и *многое плохо*».

И, оставшись въ 70-е годы одинъ съ англичанкой Мери,—когда по его словамъ:

Друзья покинули меня,
А, можетъ, ихъ покинулъ я,—

онъ постоянно вспоминаетъ умершаго друга, то въ прозѣ, то въ стихахъ; говоритъ, что со смертью Герцена вся жизнь для него утратила свой смыслъ, *обратилась въ ничто*.

Его любилъ я такъ, какъ любятъ брата,
А дочь его, какъ бы родную дочь,
И умеръ онъ, и для меня утрата
Всю жизнь въ ничто обрушило точь въ точь.

При этомъ его беретъ тяжелое раздумье о томъ, какъ разбиваются мечты лучшихъ людей:

И думалъ онъ, что плодъ онъ принесетъ,
И юношей къ свободѣ разовьетъ,
А жизнь пошла по тяжкой волѣ рока,
И умеръ онъ до старческаго срока.

А почему? За что ему,—Огареву,—суждено судьбой пережить самыхъ близкихъ душѣ людей?

Съ какихъ заслугъ, съ какихъ огромныхъ силъ
Я въ жизни ихъ во старость пережилъ?...

Оставшіеся же люди не только не удовлетворяютъ, но даже больше—они противны ему.

«Мнѣ становятся противны болѣе девяти-десятыхъ личностей, а упованіе на общее колеблется».

И въ такія минуты его какъ бы охватываетъ несвойственное его натурѣ—отчаяніе; но онъ борется съ нимъ, не заминая правды, не закрывая на нее глазъ, рѣшительно сознаетъ, что нѣтъ спасенія въ упадкѣ духа.

А все же видно, господа,—

говоритъ онъ въ III-й части «Юмора», которую набрасывалъ именно въ этотъ періодъ.

Что не дойдемъ мы никуда.
Останутся все тѣ же драки,
И короли, и нищета,
Все тѣ же гробовые мраки
И жертвъ тяжелая тщета.
Какъ это скучно все и сложно,
Какъ оскорбительно и ложно,
Но каждый пустъ впередъ идетъ,
Самоубійство не спасетъ.

Послѣдними же словами отвѣчаетъ и какому-то пріятелю, когда тотъ доходитъ до подобнаго отчаянія, что готовъ броситься съ колокольни.

«Хоть и скучновато жить,—да что-жъ дѣлать? Всѣ обстоятельства устраиваются по *необходимымъ-необходимостямъ*»,—не разъ пишетъ онъ въ такомъ духѣ сестрѣ; но каково у него должно было быть на душѣ отъ сознанія такой неизбѣжности, можно догадываться по слѣдующимъ и другимъ подобнымъ строкамъ:

„Сѣрыя облаки по небу тянутся,
Зимняя сырость по улицамъ стелется,
Сѣрыя кажутся стѣны домовыя...
Окна свинцовыя, лужи свинцовыя,
Тополь безлистная, почва подгнившая,
Внутренно дума—сѣдая, отжившая. („Съ утра до ночи“.)

Но это чувство—далеко не отчаяніе.

Постоянная хворь, усиливающіеся припадки, больная нога... конечно,

не позволяли глядѣть радостно на міръ, но все же работа, къ которой онъ прибѣгалъ, какъ къ лучшему лѣкарству, смягчала и лѣчила недуги. Какъ бывало въ лѣта юности, такъ и теперь, уже въ силу вкоренившейся привычки, онъ былъ полонъ литературныхъ проектовъ, новыхъ плановъ, и такъ же, какъ въ лѣта юности, чаще начиналъ, чѣмъ доводилъ работу до конца. То онъ начинаетъ или же только хочетъ начать «Желѣзнодорожную симфонію», то пишетъ «Послѣднее проклятіе», то намѣревается писать комедію съ эпиграфомъ, что «у человѣка два возраста: одинъ—гдѣ онъ до ума не достигъ, а другой—гдѣ онъ изъ ума выжилъ»; то собирается писать записки: «Much about nothing» («Многое ни о чемъ») и т. д. Но все это только проекты. Да и какая же будетъ охота писать, когда помѣщать некуда, когда не стало ни друзей, ни сотрудниковъ?

«Многое хочется перемѣнить,—писалъ онъ сестрѣ,—да силъ не хватаетъ. Кажется, что будетъ еще возможность работать, страстно бы хотѣлось, да не знаю, удастся ли. Съ твоимъ пособіемъ матеріальное положеніе стало совершенно хорошо, а вопросъ о жизни и работѣ—другого рода. Содѣйствователей мало, средствъ для изданій тоже немного, работать хочется, и не придешь къ чему-нибудь вѣрному. Лучшіе друзья, сотрудники перемерли, у другихъ тоже средствъ не хватаетъ. Не знаешь, что начать».

Но, тѣмъ не менѣе, онъ все же старается работать, старается сидѣть у письменнаго стола съ перомъ въ рукахъ, такъ какъ онъ самъ находитъ, что работа—лучшее лѣкарство отъ всѣхъ недуговъ, не только душевныхъ, но и физическихъ. «Что я дѣлаю, старый другъ?—пишетъ онъ въ 1876 г. 3 февраля.—Да все на свѣтѣ: перевожу, сочиняю, стихотворствую, хромаю изъ угла въ уголъ комнаты и улицы, но я думаю, что на все это скоро силъ не хватитъ. Kommt Zeit, Kommt nе Rath, a Grab» *).

А когда нечего сочинять, онъ принимается переписывать въ записную тетрадь любимыя и подходящія подъ настроеніе этого періода стихотворенія Пушкина и Лермонтова; напримѣръ: «Я васъ любилъ», «Даръ напрасный, даръ случайный», «И скучно, и грустно», «Я, матерь Божія, передъ твоимъ образомъ» и т. д. Переписавши, принимается ихъ же переводить на англійскій языкъ, а то снова переписываетъ,—такъ стихотвореніе: «Даръ напрасный» встрѣчается переписаннымъ чуть ли не четыре раза.

Судя по тетрадямъ послѣднихъ годовъ, видно, что жизнь Н. П. все меньше и меньше давала внѣшнихъ впечатлѣній, удерживая больного старика въ четырехъ стѣнахъ, иногда прикованнымъ къ дивану. Откуда же тутъ было набраться мыслей и темъ для литературныхъ работъ. И потому неудивительно, что у него начинаютъ встрѣчаться стихотворенія съ заглавіями изъ обыденной, повседневной жизни, напримѣръ: «Муха въ моей комнатѣ», «Посланіе къ сосѣднему псу», «Моя кошка»,—которая, по его

*) Переводъ: „Приближается время, подходитъ не совѣтчикъ, а могила".

словамъ, любила его «съ человѣческой привязанностью»,—«Моей старухѣ», т.-е. Мери и т. д.

Въ послѣднемъ стихотвореніи говорится:

Будущее глухо,
Счастья нѣтъ слѣда,
Что моя старуха?
Въ жизни все бѣда!
. . . . . .
. . . . . .
Люди незамѣтно
Стали намъ врагами.

Дѣйствительно, многіе изъ друзей и знакомыхъ избѣгали еще въ Женевѣ бывать у Огарева, благодаря неподходящему обществу, каково было общество Мери, которую Огаревъ старался передо всѣми защищать. Онъ не пропускалъ ни одного письма,—писалъ ли къ сестрѣ, А. А. Плаутиной, къ дѣтямъ ли Герцена, или къ П. А. Лаврову, или къ другимъ старымъ далекимъ друзьямъ,—чтобы ни высказать своей благодарности въ сторону Мери за ея доброту къ нему, за ея усердный уходъ за нимъ, несмотря на ея собственную серьезную болѣзнь. «Мери за мной ходитъ,—писалъ онъ сестрѣ,—съ перевязываніе больныхъ ногъ до всѣхъ подробностей жизни и, благодаря этому, я могу жить». Она, по его словамъ, развела для него садикъ на дворѣ, она же не забываетъ «понаблюдать за нимъ» въ то время, когда видитъ у него признаки приближающагося припадка. Потому, хотя припадки и не стали теперь рѣже, хотя и теперь Огаревъ не переставалъ во время ихъ падать, но, благодаря заботливому наблюденію Мери, припадки уже не грозили ему больше тяжкими поврежденіями, какъ то бывало прежде, когда не было этого наблюденія. Навѣрно, многіе изъ читателей помнятъ о томъ злосчастномъ припадкѣ, который сдѣлался съ Огаревымъ на улицѣ, въ Женевѣ, вслѣдствіе чего онъ упалъ, свалился въ канаву и сломалъ себѣ ногу. Эта нога и теперь болѣла, и ее-то и перевязывала Мери.

За всѣ эти заботы Огаревъ платилъ своей подругѣ всѣмъ, чѣмъ могъ. Кромѣ расточаемыхъ ей благодарностей въ письмахъ, онъ наблюдалъ, направлялъ и воспитывалъ ея сына, Генри, чуть ли не съ его 5-лѣтняго возраста, и достигъ того, что Генри, теперь молодой человѣкъ, имѣлъ уже дипломъ учителя и могъ содержать самого себя. Послѣднее очень радовало Огарева, а еще болѣе то, что Генри «остался ко мнѣ въ сыновней любви и въ моемъ направленіи», писалъ Н. П. Мысль же, что будетъ съ Мери послѣ него? чѣмъ она будетъ жить? сильно безпокоила больного старика, и онъ не разъ писалъ объ этомъ и въ письмахъ къ роднымъ, близкимъ, и въ стихахъ, просилъ, чтобы не оставили Мери послѣ его смерти.

Умру-то я скоро, но послѣ меня
Не забудьте же вы моей преданной Мери.

Но Мери въ одно и то же время была для Огарева какъ добрымъ геніемъ, избавлявшимъ его отъ житейскихъ мелочныхъ заботъ и хлопотъ, такъ и злымъ, отталкивавшимъ отъ него всѣхъ друзей своимъ невѣжествомъ, грубостью и неразвитостью.

Удрученный недугами, оставленный друзьями, Огаревъ, несмотря на постоянную хворь, продолжалъ читать книги и интересоваться Россіей. Изъ русскихъ книгъ онъ читалъ журналъ *Знаніе,* интересовался *Русской Стариной, Русскимъ Архивомъ,* каждый день прочитывалъ газеты и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за сербской и начавшейся болгарской войной. Мери же и всѣ ея разговоры могли, конечно, только суживать и понижать его интересы. Ея постояннымъ, любимымъ занятіемъ, кромѣ заботъ по хозяйству, было — гаданіе на картахъ, разсказы о видѣнныхъ снахъ, разспросы о томъ же Н. П. и т. п. Такіе разговоры, разумѣется, понижали. Старинныя записныя тетради Огарева даютъ этому не мало доказательствъ: не только въ самыхъ послѣднихъ, но и въ другихъ тетрадяхъ не разъ попадаются записанные Н. П. сны, которые онъ нерѣдко излагаетъ даже въ стихахъ.

Вотъ сонъ: въѣзжаю съ Мери въ край родной,
Дней юныхъ... старый городъ мой,
И мы идемъ на площадь, гдѣ былъ садъ—
Все голыхъ липъ двойной унылый рядъ,
Насупротивъ—домá, живутъ тамъ баре,
А я узналъ на грязномъ тротуарѣ
Знакомца прежнихъ лѣтъ въ солдатѣ старомъ,
Съ метлою нищаго . . . . . .
Я ровъ, какъ юноша, перепрыгнулъ
И подошелъ, и руку протянулъ...

(5 янв. 1877 г.).

Н. П. даже разсказываетъ о снахъ въ письмахъ къ сестрѣ, прибавляя при этомъ, что Мери очень любитъ слушать его сны.

Вотъ на какой почвѣ могъ Н. П. обмѣниваться съ Мери своими мыслями, а Мери въ Гринвичѣ, вѣдь, составляла все его общество!

Невольно хочется сказать: и зачѣмъ, для чего онъ промѣнялъ Женеву на Англію? Въ Швейцаріи у него все же были люди—и близкіе, и старые знакомые.

Да по своей волѣ онъ, можетъ быть, и не уѣхалъ бы изъ Женевы, хотя городской шумъ, пустая людская болтовня давно ему наскучили.

Давно наскучилъ шумъ людской
И мелкихъ завистей попытки,
Весь трескъ и лепетъ городской—
Звукъ оглушительнѣе пытки;
Уйти—куда-жъ? Какой тропою?
И нѣтъ особенной калитки
А крикъ и свистъ, и болтовня—
Гнетъ обыденный для меня.

Подчасъ—признаться даже, мнѣ
Хотѣлось бы въ родныя степи,
Къ раздольной вольной тишинѣ...
. . . . . .
И въ безпредѣльной тишинѣ
Мнѣ мѣста не сыскать,
Гдѣ бы я жизнь закончить могъ
Безъ оскорбленій и тревогъ.

Но всетаки одного этого желанія было недостаточно, чтобы сняться съ давно насиженнаго гнѣзда, нужна была какая-нибудь внѣшняя сила, какой-нибудь внѣшній толчокъ, чтобы въ старческіе годы,—если еще и недряхлые: ему было всего 62 года во время переѣзда, но его очень состарила болѣзнь,—сняться съ якоря, покинуть хорошо знакомую Женеву и уѣхать въ совершенно чужую, холодную Англію. Этотъ толчокъ былъ данъ швейцарскимъ правительствомъ. Оно въ 1874 г. обратилось къ нему и къ другимъ русскимъ, давно проживавшимъ въ Швейцаріи, съ предложеніемъ выѣхать изъ страны, если не въ Россію, то куда хотятъ.

Это предложеніе оскорбило Огарева, онъ не ожидалъ подобнаго отъ Швейцаріи. Да и сама Швейцарія черезъ нѣсколько времени одумалась и поспѣшила отмѣнить сдѣланное распоряженіе, предложила русскимъ остаться. Но Огаревъ уже былъ оскорбленъ и оставаться ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ, несмотря на всѣ неудобства переѣзда съ континента и несмотря на сопряженные съ этимъ переѣздомъ расходы.

Отправивъ въ 1876 году впередъ весь багажъ черезъ посредство какого-то транспортнаго общества, онъ вслѣдъ за багажомъ двинулся и самъ вмѣстѣ съ Мери. Давно желая уединенія и тишины, онъ, понятно, не Лондонъ выбралъ мѣстомъ своего жительства, а маленькій, захолустный городокъ Англіи—Ньюкастль, гдѣ съ первыхъ же дней дали себя чувствовать неудобства жизни въ захолустьѣ.

Огареву, какъ только онъ пріѣхалъ на новое мѣсто, понадобилось купить сапогъ для больной ноги, а также и перевязь для Мери; но сколько онъ ни искалъ, сколько ни ходилъ по лавкамъ и сапожникамъ, въ Ньюкастлѣ ничего подходящаго найти не могъ. Это обстоятельство обезкуражило ихъ обоихъ. А тутъ еще безпокойство за потерю багажа: они уже давно въ Ньюкастлѣ, а багажа все нѣтъ! Послѣднее обстоятельство сильно встревожило Н. П., онъ боялся за потерю своихъ книгъ и бумагъ; общество же, взявшее на себя страховку багажа, обязывалось уплатить за потерю только «въ случаѣ кораблекрушенія». Но опасенія оказались напрасны: рано ли, поздно ли, а багажъ прибылъ въ цѣлости.

Однако указанныя неудобства Ньюкастля заставили покинуть захолустный городокъ, промѣнять его на Гринвичъ, который отстоитъ отъ Лондона всего на четверть часа ѣзды. Такая близость давала всѣ удобства столицы и въ то же время избавляла отъ столичной суеты и шума. И они переѣхали въ Гринвичъ. Городокъ понравился Огареву, понравился и его лѣнистый паркъ, гдѣ Н. П. могъ найти давно желанную тишину и уеди-

пеніе. Но, какъ извѣстно, онъ нашелъ здѣсь больше этого, онъ нашелъ въ Гринвичѣ *вѣчную* тишину и *вѣчный* покой.

Въ своихъ записныхъ тетрадяхъ онъ не разъ говорилъ, что для него возможенъ только одинъ отдыхъ—это смерть. Но въ то же время удивлялся:

Что за странное, странное дѣло,
Жить мнѣ давно надоѣло,
Смерть же какъ будто бѣда,
Нѣтъ въ ней нужды никогда.

Онъ не искалъ, не желалъ смерти; но разъ она надвигалась все ближе, разъ приходъ ея становился все неизбѣжнѣе, онъ сживался съ мыслью о ней, привыкалъ, причемъ въ его душѣ выростало одно желаніе, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось упорнѣе и неотвязнѣе, это желаніе было—умереть и быть похороненнымъ «*въ родной сторонѣ*». Огаревъ такъ любилъ родину, что жизнь за границей считалъ для себя не иначе, *какъ ссылкою:* «А заграничное житье, сколько ни сладостно, я все же *считаю ссылкой*, хотя и самъ не знаю, какъ и почему,—говорилъ онъ раньше,—хотѣлось бы на Русь». А теперь эта мысль становилась все неотвязнѣе, все неотразимѣе, онъ прогнать ее не могъ.

Новое раздумье.

Шибко мысль копошится въ мозгу,
Я ея позабыть не могу,
Что привольнѣе было бы мнѣ—
Умереть на родной сторонѣ,
Хоть въ травѣ на рѣчномъ берегу,
Иль зимой на блестящемъ снѣгу;
Умирая узналъ бы я тутъ
Старый дѣтскій, любимый пріютъ.

Выпадаетъ ли снѣгъ, онъ съ благоговѣйной радостью смотритъ на его бѣлую пелену, потому что снѣгъ напоминаетъ отчизну.

И на него привѣтно я взглянулъ,
Онъ такъ былое сердцу помянулъ,
Что по роднымъ я совершаю тризну.

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что снѣгъ напомнилъ ему:

Юныхъ дней радость и прежнее горе,
И страданье былое, и былую любовь.

Его мысли настолько заняты родиной, что родина ему даже грезится во снѣ. Стоитъ завести глаза, какъ грёзы уносятъ его вмѣстѣ съ Мери въ желанную даль. То видитъ онъ,—какъ было сказано ранѣе, что онъ въ Пензѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Мери ходитъ по городу; то видитъ во снѣ своего московскаго доктора Лясковскаго; то во снѣ получаетъ письмо изъ Петербурга отъ П. В. Анненкова; то, наконецъ, чуть не наканунѣ смерти записываетъ въ тетрадку свой сонъ о томъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Россію, къ

себѣ домой, въ деревню, и какъ сталъ ѣздить по сосѣдямъ-помѣщикамъ, чтобы переговорить о крестьянахъ, какъ разговаривалъ съ крестьянами...

Этотъ сонъ вмѣстѣ съ грустнымъ двустишіемъ, написаннымъ всего за два мѣсяца до смерти—

Осталось жить уже недолго мнѣ—
Похоронятъ меня на чужой сторонѣ,—

показываетъ, гдѣ были мысли русскаго поэта, умиравшаго на чужбинѣ, куда рвалась его душа и какимъ трагизмомъ были исполнены послѣдніе дни его печальнаго «заката», лишеннаго всѣхъ радужныхъ красокъ вечерней зари, которыя нѣкогда такъ хорошо предвѣщалъ его яркій, радостный, богатый «разсцвѣтъ».

Е. Некрасова.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Распространеніе фабричной инспекціи на Кутаисскую и Черноморскую губ. — Проекты минист. финанс.: 1) Объ отвѣтственности предпринимателей, 2) объ обезпеченіи рабочихъ врачебной помощью, 3) о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ. — Новый органъ горнопромышленниковъ и устройство ими центральнаго агентства.—Кустарный съѣздъ въ Петербургѣ.—Убійство министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина и назначеніе на его мѣсто В. К. фонъ-Плеве. — Увольненіе П. С. Ванновскаго и назначеніе управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія д. с. с. Зенгера.—Занятія особаго совѣщанія о ссудахъ сельско-хозяйственной промышленности.—О ходѣ продовольственной кампаніи.—Изъ жизни провинціи. — † А. М. Лазаревскій.

Закономъ 26 ноября 1901 года включены двѣ губерніи кавказскаго края—Кутаисская и Черноморская, въ районъ дѣйствія фабричнаго законодательства. Эта мѣра обусловлена ненормальными отношеніями предпринимателей и рабочихъ въ этомъ районѣ (*Вѣстн. Финанс.* 1902 г., № 3). Въ этомъ органѣ мы читаемъ, что «въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Тифлисѣ на почвѣ рабочаго вопроса возникъ рядъ волненій, выясненіе причинъ которыхъ обыкновенно показывало, что въ большинствѣ случаевъ основаніемъ ихъ служило совершенно неудовлетворительная обстановка условій труда». Результаты разслѣдованія по болѣе крупнымъ стачкамъ показали, что было достаточно поводовъ къ основательнымъ неудовольствіямъ рабочихъ и потому вопросъ о правильной постановкѣ труда все болѣе выдвигался и осложнялся.

Въ настоящее время надзору фабричной инспекціи подлежатъ всѣ 60 губерній Европейской Россіи, и штатъ фабричныхъ инспекторовъ до послѣдняго времени все усиливался и усиливается; такъ, въ 1884 году полагалось 20 инспекторовъ, по штату 1891 г.—36, по штату 1897 года—171, наконецъ, по 1899 г.—251. Это увеличеніе штата, конечно, дѣлаетъ надзоръ за фабриками дѣйствительнѣе, такъ какъ облегчаетъ работу для фабричной инспекціи, распредѣляя ее между большимъ количествомъ лицъ. Въ 1885 году на одного инспектора приходилось 1,295 промышленныхъ заведеній съ 43,491 рабочимъ, въ 1894 г. — 180 заведеній съ 8,126 рабочихъ, а въ 1899 году лишь 80 заведеній съ 5,520 рабочими.

Мы не можемъ не привести здѣсь любопытныхъ разсужденій, высказанныхъ К. П. Побѣдоносцевымъ по фабричному законодательству и приведенныхъ въ «Отчетѣ госуд. совѣта». Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: «Не излагая всѣхъ высказанныхъ въ совѣщаніи мнѣній, статсъ-секретарь Витте привелъ слѣдующія сужденія предсѣдателя совѣщанія (К. П. Побѣдоносцева) по означенному вопросу для свѣдѣнія департаментовъ. Вопросу о нормировкѣ рабочаго дня дана не совсѣмъ правильная постановка и вообще на него надо взглянуть проще. Ходатайства со стороны фабрикантовъ объ установленіи обязательной для всѣхъ фабрикъ и заводовъ высшей предѣльной нормы продолжительности работы стали возбуждаться съ начала восьмидесятыхъ годовъ. Фабриканты сами сознали, что чрезмѣрная продолжительность занятій рабочихъ не согласуется съ правильно-понимаемыми интересами хозяевъ и рабочихъ, и многіе изъ нихъ, по собственному почину, облегчили трудъ послѣднихъ. «Законъ необходимъ потому, что онъ вызывается нравственными побужденіями—человѣколюбіемъ, милосердіемъ, заботливостью о слабыхъ. Опасеніямъ за послѣдствія закона не слѣдуетъ придавать значенія» *).

Министерство финансовъ какъ будто начинаетъ сознавать важность положительныхъ мѣръ по улучшенію положенія рабочихъ, и результатомъ этого являются проекты объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и тѣлесныя поврежденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и проектъ о врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ. Первымъ проектомъ устанавливается отвѣтственность владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій—частныхъ, казенныхъ, земскихъ за несчастные случаи съ рабочими, и дѣйствіе законопроекта распространяется на 1) заведенія, занимающіяся изготовленіемъ взрывчатыхъ или ядовитыхъ веществъ при всякомъ числѣ рабочихъ, 2) на заведенія, употребляющія механическіе двигатели съ числомъ рабочихъ болѣе 10 и 3) заведенія, не употребляющія механическихъ двигателей, при числѣ рабочихъ болѣе 25. Отвѣтственность за несчастные случаи лежитъ на владѣльцѣ промышленнаго предпріятія—безразлично, произошли ли они въ самомъ заведеніи, или внѣ заведенія, если только они произошли при занятіи за счетъ и по порученію владѣльца; если же какія-либо работы отданы были съ подряда третьему лицу, всетаки обязанность вознаградить потерпѣвшаго лежитъ на владѣльцѣ предпріятія. Отъ обязанности вознаграждать потерпѣвшихъ владѣльцы предпріятій освобождаются лишь тогда, когда они докажутъ, что причиной несчастія было преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ, или злой умыселъ потерпѣвшаго; слѣдовательно, этимъ законопроектомъ устанавливается отвѣтственность предпринимателя и за профессіональный рискъ.

Въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій, которыя лишаютъ возможности рабочаго продолжать работу, потерпѣвшіе вознаграждаются денежными выдачами въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго заработка, и эти выдачи

*) Отчетъ по дѣлопроиз. госуд. совѣта за сессію 1896—97 гг., стр. 189—191.

продолжаются до возстановленія работоспособности. Въ случаѣ же такихъ поврежденій, которыя влекутъ за собой потерю работоспособности навсегда, потерпѣвшіе вознаграждаются пожизненными выдачами въ размѣрѣ $^2/_3$ годового содержанія. Годовое же содержаніе опредѣляется по среднему заработку потерпѣвшаго, умноженному на 280.

Въ случаѣ смерти рабочаго, послѣдовавшей отъ несчастнаго случая, вознагражденіе дается вдовѣ или вдовцу въ видѣ пожизненныхъ или ежегодныхъ выдачъ въ размѣръ 30% годового содержанія умершаго. Малолѣтнимъ дѣтямъ до достиженія ими 15-лѣтняго возраста дѣлается ежегодная выдача въ размѣрѣ 15% каждому, если одинъ изъ родителей еще живъ, и въ размѣрѣ 25%, если дѣти остаются круглыми сиротами. Родственникамъ умершаго по восходящей линіи (родители, дѣдъ) выдается по 15% каждому, братьямъ и сестрамъ, круглымъ сиротамъ, находившимся на иждивеніи умершаго—до достиженія ими 15-лѣтняго возраста—по 15% каждому. Кромѣ того, выдается въ возмѣщеніе расходовъ на погребеніе по 30 р. на погребеніе взрослыхъ и по 15 р. на малолѣтнихъ. Но всѣ эти выдачи въ совокупности не должны превышать 60% послѣдняго годового содержанія умершаго лица, и родственники по восходящей линіи и братья и сестры тогда только имѣютъ право на вознагражденіе, когда выдачи остальнымъ членамъ семьи не достигаютъ 60%.

Сроки уплаты этихъ вознагражденій опредѣляются соглашеніемъ сторонъ, но если такого соглашенія не было, то уплата производится ежемѣсячно. Въ случаѣ закрытія предпріятія, добровольной или принудительной ликвидаціи его, всѣ выдачи, лежащія на предпріятіи, капитализуются въ размѣрѣ суммы, необходимой для обезпеченія правильнаго выплачиванія платежей путемъ застрахованія доходовъ, соотвѣтствующихъ симъ платежамъ. Всякого рода соглашенія сторонъ о пониженіи размѣра вознагражденій, имѣвшія мѣсто какъ до несчастнаго случая, такъ и послѣ него, необязательны для лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе. Лицамъ, ищущимъ вознагражденія, предоставляется пользоваться правомъ бѣдности безъ особаго ходатайства объ этомъ.

Потерпѣвшее лицо имѣетъ право требовать отъ отвѣтчика, чтобы вознагражденіе ему выслалось почтою или другимъ способомъ, и, въ случаѣ пропуска срока отвѣтчикомъ, послѣдній въ первый разъ уплачиваетъ пеню, а во второй, кромѣ пени, долженъ выдать причитающіеся потерпѣвшему повременные платежи за годъ впередъ, если выдача производится болѣе одного раза въ годъ; въ случаѣ же третьей просрочки отвѣтчикъ обязанъ обезпечить правильную выплату выдачъ путемъ застрахованія соотвѣтствующихъ симъ выдачамъ доходовъ въ одномъ изъ дѣйствующихъ въ Россіи страховыхъ обществъ.

Хорошей стороной этого законопроекта является то, что отвѣтственность предпринимателей устанавливается при *всѣхъ* несчастныхъ случаяхъ, и тѣмъ самымъ вводится отвѣтственность предпринимателей и за опасности, связанныя съ профессіональнымъ рискомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда болѣзнь, увѣчье или смерть рабочаго происходятъ по винѣ послѣдняго, то и здѣсь эта вина является только однимъ изъ факторовъ несчастья, тогда какъ другимъ факторомъ является опасность самой работы. Во многихъ случаяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-либо винѣ со стороны промышленника, но здѣсь можно говорить, по словамъ одного офиціальнаго документа, о винѣ промышленности, о винѣ, такъ сказать, въ экономическомъ смыслѣ, и потому отвѣтственность за такого рода вину должна лежать на всей промышленности въ лицѣ ея представителей, т.-е. на предпринимателяхъ, которые уже сами эти расходы по этой статьѣ переносятъ въ счетъ издержекъ производства.

По германской статистикѣ, основанной на большомъ количествѣ данныхъ, оказывается, такого рода несчастные случаи, въ которыхъ ни рабочіе, ни предприниматели не виновны, составляютъ 43,4%, тогда какъ на счетъ вины владѣльца промышленнаго предпріятія можетъ быть отнесено 19,76% всѣхъ несчастныхъ случаевъ и на счетъ вины рабочаго 25,64%. Данныя, собранныя фабричной инспекціей округа Берлинъ - Шарлоттенбургъ, опредѣляютъ процентъ несчастныхъ случаевъ, которыхъ нельзя предотвратить и корень которыхъ лежитъ въ профессіональномъ рискѣ и въ которыхъ неповинны ни рабочіе, ни владѣльцы промышленныхъ предпріятій,—въ 46%. И включеніе профессіональнаго риска въ законопроектъ, конечно, въ сильной степени расширяетъ право рабочихъ на вознагражденіе: по собраннымъ министерствомъ юстиціи матеріаламъ въ губерн.: Петербургской, Московской, Варшавской, Владимірской и Петроковской объ исходѣ исковыхъ дѣлъ о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ увѣчья и смерть вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, съ 1 января 1890 г. по 1 іюня 1893 г. оказывается, что изъ 519 исковъ, возбужденныхъ рабочими и членами ихъ семействъ, были удовлетворены лишь 138, т.-е. 26,5% всего числа исковъ. Слѣдовательно, при существующей постановкѣ этого вопроса оказывается, что только очень небольшое число потерпѣвшихъ имѣетъ право на вознагражденія, большая же часть лишена этого права, и, слѣдовательно, существующій порядокъ не отвѣчаетъ интересамъ многочисленнаго, все болѣе и болѣе растущаго у насъ рабочаго класса. Въ настоящее время у насъ около 2,5 милліоновъ человѣкъ занято фабрично - заводской промышленностью.

Такъ же одобрительно нужно отнестись и къ тому постановленію, по которому владѣлецъ предпріятія лишь тогда освобождается отъ отвѣтственности, когда *онъ докажетъ*, что причина происшедшаго несчастія были злой умыселъ потерпѣвшаго или преступленіе и проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ, слѣдовательно, доказательство лежитъ здѣсь на предпринимателѣ. Извѣстно, какъ трудно въ настоящее время рабочему доказывать вину предпринимателя и какъ часто вслѣдствіе этой трудности рабочіе теряютъ иски, свидѣтели, ихъ товарищи-рабочіе, нерѣдко боятся давать показанія, — боятся увольненія за показанія, данныя въ пользу рабочихъ и противъ предпринимателя, и по-

тому перенесеніе обязанности доказывать съ рабочаго на предпринимателя является хорошей стороной законопроекта.

Законопроектъ устанавливаетъ отвѣтственность предпринимателей за смерть и тѣлесныя поврежденія рабочихъ, но не за профессіональныя болѣзни, что установлено швейцарскимъ закономъ 1881 г. Отвѣтственность предпринимателей за профессіональныя болѣзни устраняется законопроектомъ вслѣдствіе трудности опредѣленія, что должно понимать подъ профессіональной болѣзнью, и на практикѣ часто совершенно невозможно опредѣлить, даже приблизительно, до какой степени та или другая болѣзнь развивалась подъ вліяніемъ той или другой профессіи, или тѣхъ или иныхъ условій жизни рабочихъ,— условій, иногда ничего общаго съ профессіей не имѣющихъ. Кромѣ того, при отвѣтственности индивидуальной, а не коллективной (въ видѣ страхованія), отвѣтственность предпринимателей—говорится въ одномъ официальномъ изданіи—за профессіональныя болѣзни вообще представляется неудобной: рабочіе у насъ часто мѣняютъ мѣсто, потому что предприниматели мало дорожатъ постояннымъ контингентомъ рабочихъ, и болѣзнь можетъ развиться у рабочаго, когда онъ работалъ въ одномъ заведеніи, а отвѣтственнымъ за нее могъ бы явиться другой предприниматель, гдѣ уже въ данное время въ моментъ обнаруженія болѣзни находится рабочій. Да и это могло бы повести къ разнаго рода ухищреніямъ со стороны предпринимателей—постараться сплавить рабочаго, готоваго заболѣть профессіональной болѣзнью, въ другое предпріятіе и тѣмъ самымъ сложить свою отвѣтственность на другое лицо. Эти трудности заставляютъ изъять профессіональныя заболѣванія изъ подъ отвѣтственности предпринимателей. Съ другой стороны, это уже ставитъ на видъ, насколько лучше обезпеченность рабочихъ можетъ быть достигнута путемъ *государственнаго страхованія,* а не отвѣтственностью предпринимателей. При государственномъ страхованіи могло бы быть проведено вознагражденіе рабочихъ и на случай профессіональныхъ заболѣваній, и это не возбуждало бы никакихъ сомнѣній или затрудненій; а между тѣмъ цѣлыя огромныя категоріи производствъ соединены въ настоящее время съ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ профессіональныхъ болѣзней, напримѣръ, производство спичекъ, производства, связанныя съ обработкой свинца, и т. д. Картины несчастныхъ рабочихъ, потерявшихъ свое здоровье при этихъ производствахъ, ужасны, а между тѣмъ и при вступленіи новаго законопроекта въ силу, они останутся безъ вознагражденія, будутъ обременять своимъ существованіемъ своихъ родственниковъ, сельскія общества, а между тѣмъ, несомнѣнно, отвѣтственность за эти заболѣванія должна лежать на всей промышленности или лучше на всемъ обществѣ, пользующемся продуктами этихъ тружениковъ. Вѣдь суммы, нужныя на это вознагражденіе, легко могли бы быть покрыты незначительнымъ повышеніемъ цѣнъ продуктовъ, а, вѣрнѣе всего, такое повышеніе цѣнъ не имѣло бы мѣста, такъ какъ хорошій рабочій, обезпеченный въ своемъ существованіи, сталъ бы бодрѣе, веселѣе и продуктивнѣе работать, и издержки по обезпеченности

его существованія съ лихвой стали бы покрываться подъемомъ производительности его труда.

Другой проектъ мин. фин. касается врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ. Въ 1866 г. было постановлено, чтобы при фабрикахъ и заводахъ были устроены больничныя помѣщенія, смотря по числу рабочихъ, по разсчету 1% на 100 человѣкъ, и это постановленіе до сихъ поръ остается основаніемъ всѣхъ требованій по устройству врачебной помощи фабричнымъ рабочимъ. До 1886 г., когда были учреждены присутствія по фабричнымъ дѣламъ, на большинствѣ фабрикъ этотъ законъ вовсе не исполнялся. Кромѣ того, самый законъ порождаетъ много недоразумѣній: на каждыхъ 100 рабочихъ требовалось по 1 кровати, но если на фабрикѣ менѣе 100 рабочихъ, то возникалъ вопросъ, обязаны ли фабриканты строить больницу, и можно было думать, что законъ не распространяется на фабрики и заводы, гдѣ число рабочихъ менѣе 100, такъ какъ упомянутый законъ не предвидѣлъ соглашенія между собой нѣсколькихъ мелкихъ фабрикъ.

По имѣющимся даннымъ относительно 60 губ. и областей, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи мин. фин. изъ общаго числа 19,292 промышленныхъ заведеній врачебная помощь рабочимъ въ томъ или иномъ видѣ оказывается только на 3,488 фабрикахъ и заводахъ, т.-е. на 18% всего ихъ числа. Притомъ болѣе крупныя фабрики лучше обезпечиваютъ врачебную помощь; такъ, изъ 194 фабрикъ, имѣющихъ каждая 1,000 и болѣе рабочихъ, послѣдніе не получаютъ врачебной помощи только на 9 фабрикахъ, т.-е. на 4,6% всего числа, тогда какъ на самыхъ мелкихъ фабрикахъ, имѣющихъ каждая не болѣе 15 рабочихъ, врачебная помощь дается лишь на 155 изъ 8,623, т.-е. всего въ 2%. По количеству рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ — съ 1,000 и болѣе рабочихъ на каждой — врачебной помощью обезпечены около 95% рабочихъ, а на мелкихъ фабрикахъ, съ числомъ рабочихъ менѣе 15 на каждой, ею обезпечены менѣе 3%.

При такой организаціи, носящей исключительно индивидуальный характеръ, конечно, организація врачебной помощи дороже обходится мелкимъ фабрикамъ, чѣмъ крупнымъ; такъ, для большихъ фабрикъ, имѣющихъ свыше 1,000 рабочихъ каждая, она обходится по 3 р. 68 к. на каждаго рабочаго, а для мелкихъ фабрикъ, имѣющихъ не болѣе 15 рабочихъ, она стоитъ почти вчетверо дороже и доходитъ до 13 руб. 24 коп.

Существующія правила, какъ мы видимъ, представляютъ крупныя неудобства, такъ какъ, благодаря имъ, расходы по обезпеченію рабочихъ врачебной помощью ложатся крайне неравномѣрно по отдѣльнымъ предпріятіямъ и, кромѣ того, мелкія предпріятія поставлены въ очень затруднительное положеніе въ сферѣ обезпеченія своихъ рабочихъ врачебною помощью, такъ какъ законъ не предусматривалъ возможности соглашенія мелкихъ фабрикъ между собою, и навстрѣчу этому-то и идетъ новый законопроектъ.

По этому законопроекту на владѣльца промышленнаго предпріятія возлагается обязанность пользовать рабочихъ лѣченіемъ. Для выполненія этой

обязанности владѣльцы промышленныхъ предпріятій должны входить въ соглашенія съ городскими общественными управленіями, съ земствами и равнозначащими имъ установленіями въ неземскихъ губерніяхъ, оплачивая всѣ расходы по оказанію врачебной помощи рабочимъ. Притомъ размѣръ денежныхъ сборовъ съ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій въ пользу этихъ учрежденій опредѣляется на извѣстный срокъ городскими думами, губернскими земскими собраніями и т. д. и утверждается главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ. Но самыя соглашенія, кромѣ того, подлежатъ утвержденію присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, причемъ послѣднія принимаютъ во вниманіе разстояніе промышленныхъ предпріятій отъ данныхъ лѣчебныхъ заведеній, пути сообщенія и другія условія, могущія вліять на удобство пользованія рабочими врачебной помощью. Если эти соглашенія, по только что указаннымъ сейчасъ условіямъ, не могутъ имѣть мѣста, то владѣльцы промышленныхъ предпріятій могутъ входить въ соглашенія съ учрежденіями «Краснаго Креста» или организовать врачебную помощь на свой счетъ.

При установленіи размѣра денежныхъ сборовъ съ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій въ пользу городскихъ управленій, земскихъ собраній и т. д. должно приниматься во вниманіе вѣроятное количество больныхъ рабочихъ, условія рода производства, усиливающія заболѣваемость рабочихъ данной фабрики, и прочія мѣстныя условія, могущія вліять на количество больныхъ и стоимость лѣченія. Въ случаѣ же принятія врачебной помощи въ формѣ натуральной повинности на себя владѣльцемъ промышленнаго предпріятія единолично или въ соглашеніи съ другими владѣльцами такихъ же предпріятій *высшимъ* предѣломъ требованій по отношенію устройства больницы принимается разсчетъ изъ 1% кроватей на 100 рабочихъ.

Такимъ образомъ этими правилами устанавливается обязательность соглашеній владѣльцевъ предпріятій съ городскими и земскими управленіями, и оплата услугъ этихъ послѣднихъ таксируется; но если по какимъ бы то ни было условіямъ промышленныя предпріятія не могутъ воспользоваться услугами этихъ послѣднихъ, то имъ предоставляется входить въ соглашенія съ другими учрежденіями, какъ-то: благотворительными обществами, обществомъ «Краснаго Креста» и т. д.; притомъ, такъ какъ подобныя соглашенія носятъ добровольный характеръ, то и оплата услугъ этихъ послѣднихъ покоится на добровольномъ соглашеніи и уже нормированію со стороны правительственныхъ властей не подлежитъ. Кромѣ того, промышленныя предпріятія могутъ и сами (единолично или нѣсколько предпріятій), согласившись между собой, устраивать свои собственныя лѣчебницы и обезпечивать врачебную помощь своими силами, и здѣсь-то удержана старая норма: одна кровать на 100 рабочихъ.

Новыя правила, конечно, будутъ содѣйствовать болѣе равномѣрному распредѣленію расходовъ по обезпеченію врачебной помощью по отдѣльнымъ предпріятіямъ, и особенно въ значительной степени облегчатъ не-

сеніе этого бремени для мелкихъ предпріятій, которыя, какъ мы видѣли, несутъ его иногда въ четверномъ размѣрѣ сравнительно съ крупными предпріятіями. Кромѣ того, вслѣдствіе трудности въ настоящее время для мелкихъ предпріятій обезпечить рабочихъ медицинскою помощью, фактически это иногда не выполнялось; теперь же съ облегченіемъ организаціи врачебной помощи несомнѣнно, казалось бы, болѣе широкій кругъ рабочихъ въ состояніи будетъ ею воспользоваться.

Но крупнымъ недостаткомъ новаго законопроекта нужно отмѣтить ту его статью, которой предусматривается, что промышленныя предпріятія съ числомъ рабочихъ менѣе 500—въ случаѣ невозможности соглашенія съ земскими и городскими обществами и другими учрежденіями, вслѣдствіе незаселенности или малонаселенности мѣста, не допускающей для указанныхъ учрежденій надлежащаго устройства врачебной помощи безъ чрезмѣрныхъ затратъ, а также въ случаѣ невозможности соглашенія съ другими промышленными предпріятіями для совмѣстнаго съ ними устройства больницы и отказа отъ соглашеній благотворительныхъ учрежденій,—освобождаются отъ обязательнаго устройства собственныхъ больницъ и тогда они должны оказывать своимъ рабочимъ только первоначальную помощь, обезпечить амбулаторное лѣченіе и нѣкоторыя другія формы помощи. Владѣльцы промышленныхъ предпріятій съ числомъ рабочихъ менѣе 100 освобождаются отъ этого обязательнаго устройства собственныхъ больницъ мѣстными присутствіями по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, а владѣльцы промышленныхъ предпріятій съ числомъ рабочихъ отъ 100 до 500—главнымъ присутствіемъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Между тѣмъ по даннымъ 1897 г. свыше половины всѣхъ рабочихъ выпадаетъ на долю промышленныхъ предпріятій, имѣющихъ менѣе 500 рабочихъ; слѣдовательно болѣе половины рабочихъ, если новому проекту суждено будетъ сдѣлаться закономъ, быть можетъ, совсѣмъ будутъ лишены медицинской помощи. Надо принять во вниманіе, что въ фабричномъ присутствіи интересы представителей промышленности очень сильно защищены и ходатайство предпринимателей объ освобожденіи ихъ отъ обязательства имѣть собственныя больницы едва ли тамъ будетъ встрѣчать достаточный отпоръ. И въ этомъ отношеніи министерство финансовъ слишкомъ бережливо относится къ интересамъ предпринимателей и этой статьей 6-й законопроекта дѣлаетъ крупный шагъ назадъ. Кромѣ того, въ законопроектѣ не установлено никакихъ наказаній за неисполненіе будущаго закона, слѣдовательно тѣмъ самымъ выполненіе его дѣлается чрезвычайно проблематичнымъ. *Русскія Вѣдомости* совершенно справедливо замѣчаютъ (29 марта), что министерство финансовъ сосредоточило все свое вниманіе въ данномъ законопроектѣ на охранѣ матеріальныхъ интересовъ предпринимателей, какъ бы забывъ о всей неудовлетворительности фабричной медицины въ Россіи.

Министерство финансовъ разрабатывало въ настоящее время законопроектъ о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ, техниче-

скихъ и ремесленныхъ курсахъ въ цѣляхъ подготовки для фабрично-заводской промышленности свѣдущихъ рабочихъ и для распространенія техническихъ свѣдѣній и практическаго умѣнья среди ремесленниковъ и рабочихъ. Цѣль—похвальная, но замѣтимъ, что нельзя сдѣлать руки ловкими и оставить голову въ потьмахъ, а потому прежде всего нужно озаботиться подъемомъ *общаго* образованія среди рабочихъ и ремесленниковъ или лучше среди всего населенія, изъ котораго рекрутируются рабочіе. Умственное развитіе рабочихъ играетъ все бо̀льшую и бо̀льшую роль въ современной промышленности, такъ какъ послѣдняя требуетъ бо̀льшаго вниманія и бо̀льшаго напряженія ума. Помимо того, что умственное развитіе поднимаетъ производительность труда, оно, какъ показываетъ опытъ, и лучше оберегаетъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ: развитой рабочій осторожнѣе обращается съ машинами, умѣетъ во̀-время предпринять мѣры противъ грозящей ему опасности, а потому и съ этой стороны умственное развитіе было бы выгодно промышленности, такъ какъ облегчало бы бремя отвѣтственности, которое по новому законопроекту возлагается на предпринимателя.

Положеніемъ о техническихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсахъ имѣется въ виду чисто практическій характеръ обученія, и открытіе такого рода мастерскихъ и курсовъ предоставляется фабрикантамъ и заводчикамъ, товариществамъ и акціонернымъ обществамъ, городамъ, земствамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ на частныя средства.

Никакихъ средствъ министерство финансовъ на это не ассигнуетъ, такъ что все дѣло здѣсь въ томъ, что открывается просторъ для примѣненія на этомъ поприщѣ частной иниціативы и самодѣятельности, просто лицамъ, заинтересованнымъ въ созданіи такого рода образовательныхъ учрежденій, развязываются руки. Въ 1896 году частной иниціативѣ было предоставлено открытіе разнаго рода коммерческихъ училищъ и торговыхъ классовъ, и въ теченіе 5 лѣтъ частная иниціатива дала благіе результаты: именно за этотъ періодъ времени на частныя средства основано и успѣшно функціонируетъ 42 коммерческихъ училища, 30 торговыхъ школъ, 26 торговыхъ классовъ и 21 курсъ коммерческихъ знаній, на которыхъ обучается свыше 20 тыс. учениковъ, причемъ на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній обществами и частными лицами уже теперь, когда еще многія заведенія открыты не въ полномъ составѣ классовъ, расходуется свыше 2,5 милліоновъ рублей. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ финансовъ, на средства фабрикантовъ и заводчиковъ существуетъ въ настоящее время 446 общеобразовательныхъ школъ съ 47 тыс. учащихся для школьнаго обученія рабочихъ, и общій расходъ фабрикантовъ по содержанію этихъ школъ превышаетъ 1 милліонъ рублей.

Такіе благотворные результаты обращенія къ частной иниціативѣ, какъ только что было указано относительно созданія у насъ коммерческаго образованія, побудили министерство финансовъ и въ сферѣ элементарнаго техническаго обученія вступить на тотъ же путь, тѣмъ болѣе, что и

средствъ на это не приходится затрачивать изъ государственнаго казначейства. Дешево и сердито...

Замѣтимъ, что это обученіе будетъ носить исключительно практическій характеръ, но при этихъ техническихъ школахъ можетъ быть открываемъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, подготовительный курсъ въ объемѣ не ниже одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Обученіе безплатно, но, повторяемъ, техническое образованіе можно поставить хорошо только на почвѣ хорошаго общаго образованія. Въ офиціальной запискѣ, сопровождавшей проектъ, мы находимъ жалобы на недостатокъ у насъ умѣлыхъ рабочихъ, способныхъ къ отвѣтственной работѣ, и что это вызываетъ чрезвычайно много издержекъ по надзору и управленію работами; здѣсь читаемъ мы: на русскихъ лучшихъ прядильныхъ фабрикахъ требуется на 1,000 миткалевыхъ веретенъ 12—13 рабочихъ, тогда какъ въ Германіи достаточно 8,9, а въ Англіи 8,5 для ватернаго пряденія и 6,5 для мюльнаго пряденія. Въ Англіи рабочему поручаютъ до 4 самоткацкихъ миткалевыхъ станковъ, въ Америкѣ — 6, тогда какъ на нашихъ фабрикахъ ткачъ управляется только съ 2 станками, а нерѣдко работаетъ только на одномъ станкѣ. У насъ на 4—6 тыс. веретенъ требуется 1 надзиратель, въ Англіи такого надзирателя вовсе не требуется. Стоимость управленія у насъ по сравненію съ Англіей чрезвычайно велика: на 1,000 веретенъ—по 230 руб., а въ Англіи — 7 руб. По этому одинъ фунтъ пряжи обходится англійскому промышленнику дешевле, чѣмъ русскому...

Но если трудъ англійскаго и нѣмецкаго рабочаго производительнѣе русскаго, и если это въ значительной степени зависитъ отъ лучшей технической подготовки иностраннаго рабочаго, то самая эта подготовка производится тамъ на почвѣ широкаго общаго образованія. И безъ этого условія едва ли какія бы то ни было *исключительно* техническія и ремесленныя учебно-мастерскія и курсы помогутъ дѣлу: нужно начинать съ начала, а не съ конца.

Крайне желательно, чтобы были приняты мѣры къ развитію иниціативы и самодѣятельности среди рабочихъ и ремесленниковъ, потому что лишь на такомъ матеріалѣ можетъ развиваться современная промышленность, а для этой цѣли нужно было бы открыть широкое поле для рабочихъ и ремесленниковъ путемъ разрѣшенія всякаго рода между ними ассоціацій и единеній: рабочихъ клубовъ, кассъ взаимопомощи и т. д. Притомъ такого рода единенія не должны быть навязываемы ихъ участникамъ, не должны находиться подъ ферулой предпринимателей, а должны вытекать изъ среды самихъ рабочихъ, поддерживаться исключительно ихъ энергіей, и завѣдываніе такими учрежденіями должно находиться исключительно въ рукахъ участниковъ: только при этихъ условіяхъ разнообразныя формы такого рода единеній откроютъ широкое поприще для развитія иниціативы и самодѣятельности среди рабочихъ и ремесленниковъ.

Недавно появились труды 26-го съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. На этомъ съѣздѣ обсуждался между прочимъ любопытный вопросъ о созданіи горнопромышленниками своего собственнаго политическаго и общественнаго органа печати. Такъ, членъ совѣта съѣзда инженеръ И. И. Ясюковичъ, указавъ на съѣздѣ на важное значеніе періодической печати, на ея вліяніе на общественное мнѣніе и на правительственныя сферы, высказалъ, что русская періодическая пресса, въ противоположность заграничной, совершенно не понимаетъ общегосударственнаго значенія горной промышленности и ограничивается лишь несправедливыми нападками и упреками по ея адресу. Въ виду этого Ясюковичъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы съѣздъ, высказавшись принципіально за необходимость изданія совѣтомъ съѣзда политико-экономическаго, общественнаго и литературнаго органа, поручилъ совѣту съѣзда разработать этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ, дабы на предполагаемомъ экстренномъ съѣздѣ окончательно вырѣшить его (Засѣданіе 16 ноября, протоколы, стр. 96 и далѣе).

Представитель конторы желѣзозаводчиковъ г. Рагозинъ, высказавъ, что нападки прессы на горнопромышленность представляютъ собой лишь частный случай враждебнаго отношенія печати къ промышленности вообще и что въ настоящее время горная промышленность сравнительно съ другими отраслями промышленности является наиболѣе излюбленнымъ объектомъ нападокъ печати, заявилъ, что для достойнаго и цѣлесообразнаго отраженія этихъ нападокъ необходимъ *ежедневный* органъ *общаго,* а не спеціальнаго характера. Кромѣ того, г. Рагозинъ указалъ, что задачей будущаго органа должна являться борьба съ возрождающимся фритредерствомъ.

По окончаніи преній съѣздъ постановилъ слѣдующее: съѣздъ, высказываясь принципіально за изданіе совѣтомъ съѣзда политико-экономическаго, общественнаго и литературнаго органа съ широкой программой въ цѣляхъ выясненій истиннаго значенія русской горной и горно-заводской промышленности, поручаетъ совѣту съѣзда разработать детально это дѣло ко времени имѣющаго быть экстреннаго съѣзда...

Такимъ образомъ промышленный классъ созналъ у насъ значеніе прессы и хочетъ обзавестись своимъ собственнымъ органомъ печати, гдѣ онъ будетъ проводить свои воззрѣнія, свои интересы.

И теперь онъ пользуется крупнымъ вліяніемъ: его интересы идутъ впереди другихъ интересовъ, къ его голосу прислушиваются, министерство финансовъ спрашиваетъ у него указаній, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, напр., на послѣднемъ совѣщаніи винокурщиковъ мы видимъ, какъ предсѣдатель совѣщанія В. Коковцевъ благодаритъ винокурщиковъ за полученныя указанія. Министерство финансовъ, наприм., желаетъ получить *указанія* съѣзда винокурщиковъ, какъ относиться къ новымъ возникающимъ заводамъ (*Торг.-Пром. Газета,* № 68). Итакъ, и теперь вліяніе этихъ группъ огромно, когда же онѣ обзаведутся своей собственной прессой, притомъ прессой общаго характера, вліяніе ихъ несомнѣнно усилится.

Горнопромышленники юга Россіи, изыскивая способы для достиженія

большей доходности, остановились на мысли устройства общаго агентства для исключительной продажи производимыхъ ими металловъ и издѣлій. Всякое горнопромышленное общество, приступившее къ этому соглашенію, обязуется передать этому агентству или, лучше сказать, сѣти агентствъ исключительное право продажи всѣхъ вырабатываемыхъ имъ металловъ и издѣлій. Всѣ заказы должны поступать въ эти агентства, и здѣсь они распредѣляются между заводами въ пропорціяхъ, заранѣе установленныхъ взаимнымъ соглашеніемъ договаривающихся обществъ. При этомъ принимается во вниманіе родъ металловъ и издѣлій, вырабатываемыхъ каждымъ обществомъ. Со времени утвержденія такихъ агентствъ общества не имѣютъ права принимать непосредственно ни отъ кого заказовъ и должны всѣхъ заказчиковъ отсылать въ соотвѣтствующія агентства, и общества отвѣчаютъ на получаемые запросы только чрезъ агентства. Если же какое-либо общество приметъ заказъ или продастъ издѣлія безъ посредства агентства, то такое общество уплачиваетъ управляющему харьковскимъ центральнымъ агентствомъ неустойку въ размѣрѣ одного рубля за каждый проданный при такихъ условіяхъ пудъ металловъ и издѣлій.

Для производства заказовъ въ кредитъ размѣры кредита для отдѣльныхъ покупателей опредѣляются соглашеніемъ обществъ, и для покрытія убытковъ по такимъ кредитамъ, если заказчики не оправдаютъ довѣрія, образуется фондъ, путемъ отчисленія извѣстнаго процента съ чистой суммы всѣхъ безъ исключенія по каждому агентству фактуръ, и изъ этого фонда потерпѣвшія общества вознаграждаются.

Для установленія цѣнъ на металлы и издѣлія и опредѣленія размѣровъ кредитовъ—представители обществъ, вступившихъ въ соглашенія, должны прибывать не менѣе 6 разъ въ годъ, а то и чаще въ харьковское агентство. Здѣсь и устанавливаются цѣны. Всѣ счеты и разсчеты съ заказчиками производятся чрезъ агентство, которое имѣетъ право на покрытіе своихъ расходовъ удерживать извѣстный процентъ. Кромѣ того, управляющій харьковскимъ агентствомъ имѣетъ право отчислять въ свою пользу съ суммы каждой фактуры извѣстный процентъ или коммиссіонное за продажу металловъ и издѣлій вознагражденіе.

Итакъ, здѣсь мы видимъ, что общества, которыя вступятъ въ это соглашеніе, должны будутъ отказаться отъ всякаго сношенія съ заказчиками помимо агентства, и цѣны на металлы и издѣлія исключительно будутъ устанавливаться агентствомъ; конечно, можно предполагать, что это поведетъ къ повышенію цѣнъ на металлы, и сами горнопромышленники, повидимому, не скрываютъ этого; въ объяснительной запискѣ къ этому договору мы читаемъ, что «намѣченныя организаціи не могутъ вызвать *особенно* убыточнаго для потребителей повышенія продажныхъ цѣнъ». Слѣдовательно, убыточное повышеніе цѣнъ для потребителя они сами признаютъ и отрицаютъ, повидимому, только особенно убыточное повышеніе, и далѣе они говорятъ, что будто при такой организаціи будутъ понижены торговые расходы, этимъ будетъ достигнуто лучшее распредѣленіе заказовъ въ зависимости

отъ мѣстоположенія заводовъ, а сокращеніе перевозокъ неминуемо поведетъ къ уменьшенію стоимости, и опять прибавляютъ они, что это будетъ достигнуто безъ «особаго» повышенія продажныхъ цѣнъ. Составители проекта говорятъ, что такія общія конторы въ состояніи будутъ изучить рынки, проникнуть къ нимъ и вообще расширить сбытъ продуктовъ въ такой мѣрѣ, какая недоступна нынѣ существующимъ отдѣльнымъ агентствамъ, но, замѣтимъ мы, совмѣстное изученіе рынковъ возможно было бы и безъ регулированія цѣнъ. Вотъ этотъ-то послѣдній моментъ и внушаетъ большія опасенія; наприм., недавно (5 ноября 1901 г.) у насъ былъ утвержденъ союзъ писчебумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи (*Вѣст. Фин.*, № 51). Этотъ союзъ имѣетъ цѣлью усовершенствованіе писчебумажной промышленности путемъ практическихъ и теоретическихъ изслѣдованій, въ частности же обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся техники, устройства испытательныхъ станцій и лабораторій, устройства музеевъ и выставокъ, по всѣмъ предметамъ, касающимся производства, организацію мѣстныхъ и центральныхъ бюро для собиранія статистическихъ данныхъ по писчебумажной промышленности. Казалось бы о цѣнахъ здѣсь вовсе не упоминается, а между тѣмъ союзъ первые же свои шаги,—по газетнымъ сообщеніямъ,—ознаменовалъ повышеніемъ цѣнъ на бумагу. Очевидно, на языкѣ союза повышеніе цѣнъ равносильно усовершенствованію писчебумажной промышленности. Если же союзъ писчебумажныхъ фабрикантовъ, разрѣшенный совершенно съ другими цѣлями, тотчасъ же принялся за регулированіе цѣнъ въ своемъ интересѣ, то агентства металлургическихъ заводовъ, конечно, не преминутъ воспользоваться своимъ единеніемъ для тѣхъ же цѣлей.

Изъ другихъ средствъ поднять сбытъ желѣза горнопромышленники указывали на усиленіе постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на развитіе судостроенія въ Россіи и на развитіе болѣе мелкаго потребленія продуктовъ желѣзной промышленности среди населенія, но совершенно справедливо здѣсь указывалось, что отсутствіе организаціи мелкаго кредита для крестьянъ суживаетъ емкость крестьянскаго рынка для желѣза, и съѣздъ постановилъ ходатайствовать о развитіи мелкаго кредита крестьянамъ и кустарямъ. Итакъ, горнопромышленники подъ вліяніемъ собственныхъ интересовъ столкнулись здѣсь съ вопросомъ о необходимости подъема кустарныхъ промысловъ и организаціи мелкаго кредита.

На кустарномъ съѣздѣ, происходившемъ недавно въ Петербургѣ, подверглось разсмотрѣнію много вопросовъ, касающихся поднятія кустарныхъ промысловъ въ Россіи: о распространеніи между кустарями улучшенныхъ орудій, объ организаціи для нихъ кредита, о примѣненіи кооперативнаго начала къ кустарному дѣлу, объ облегченіи сбыта кустарныхъ издѣлій и т. д. При этомъ единогласно было признано, что главнымъ факторомъ въ поднятіи кустарныхъ промысловъ должно быть развитіе самодѣятельности самого кустаря. Къ сожалѣнію, ни общія условія нашей жизни, ни особенныя,—деревенской жизни,—не содѣйствуютъ развитію этой самодѣятель-

ности: обо многомъ деревня даже не знаетъ, что она могла бы утилизировать въ своихъ интересахъ, наприм., о законѣ 1 іюня 1895 года о кредитныхъ товариществахъ, о законѣ, открывающемъ большой просторъ для проявленія народной самодѣятельности (Беретти).

Организовать кредитъ, устраивать сбытъ, снабжать кустарей сырымъ матеріаломъ—дѣло довольно сложное, и для этого на мѣстахъ должны быть люди, хорошо знающіе мѣстныя условія, которые могли бы создать должныя организаціи, соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ. Создать таковыя организаціи самъ крестьянинъ не можетъ: его нужно направить, ему нужно показать, наконецъ, его нужно воспитать для организаціи, а направлять и воспитывать нельзя изъ Петербурга; для этого, повторяемъ, нужны люди, живущіе на мѣстахъ и прекрасно знающіе окружающую обстановку. Только при этихъ условіяхъ и можно мало-по-малу вызвать самодѣятельность въ самомъ населеніи. Но кто же можетъ взяться за это дѣло? Центральные органы встрѣчаютъ съ большимъ недовѣріемъ всякую иниціативу отдѣльныхъ дѣятелей; у земства въ настоящее время нѣтъ и средствъ для этого, да и съ умаленіемъ его функцій отпадаетъ у лучшихъ земскихъ дѣятелей охота работать. Нѣтъ денегъ у земствъ на народное образованіе, а безъ этого нельзя, конечно, развивать самодѣятельность; да и общество, встрѣчая постоянное недовѣріе, разучивается работать, и на съѣздѣ совершенно справедливо проф. В. Кузьминъ-Караваевъ говорилъ, что если земство не вполнѣ справляется теперь съ своими задачами, то это зависитъ отъ ненормальнаго положенія земства, и никакіе палліативы, предлагаемые теперь для отдѣльныхъ отраслей земскаго дѣла, не оживятъ земской дѣятельности, пока не упразднятся общія коренныя причины, стѣсняющія, подавляющія его работу. Совершенно справедливо секція съѣзда приняла слѣдующую резолюцію. 1) «Подъемъ и развитіе кустарной промышленности могутъ быть достигнуты исключительно при живомъ участіи учрежденій общественнаго самоуправленія. Дать же наиболѣе плодотворные результаты эти учрежденія могутъ лишь при условіи широкаго, обнимающаго всѣ слои населенія избирательнаго права и широкой самостоятельности. Только при этихъ условіяхъ могутъ оказать существенную пользу и болѣе мелкія, чѣмъ уѣздъ, самоуправляющіяся организаціи. 2) Сверхъ сего, спеціально по отношенію къ мелкимъ земскимъ самоуправляющимся единицамъ, основнымъ условіемъ ихъ осуществленія и плодотворной дѣятельности является полное и всестороннее уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями въ ихъ правахъ вообще, въ порядкѣ суда и управленія—въ частности. 3) Для подъема промышленнаго духа населенія и развитія въ немъ самодѣятельности необходимо прежде всего свободное развитіе личности, а для достиженія этого необходимы: а) широкое развитіе просвѣщенія на основахъ всеобщаго начальнаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія; б) обезпеченный правопорядокъ; в) свободное устройство образовательныхъ, техническихъ и промышленныхъ союзовъ» (*Русск. Вѣд.*).

Далѣе для успѣшной дѣятельности въ дѣлѣ развитія кустарныхъ промысловъ одна изъ секцій признала необходимость періодическихъ какъ районныхъ, такъ и всероссійскихъ съѣздовъ представителей земствъ.

Характерно, что такія же «рѣчи о широкихъ общественныхъ реформахъ въ интересахъ трудящихся классовъ, рѣчи о необходимости иного правового порядка въ деревнѣ, всеобщемъ обученіи встрѣчались бурными и долго несмолкавшими апплодисментами» и на полтавскомъ кустарномъ съѣздѣ, происходившемъ въ концѣ сентября и началѣ октября минувшаго года въ Полтавѣ («Саратовская земск. недѣля» № 2, стр. 84). Такая же резолюція была предложена и общему собранію петербургскаго съѣзда, но предсѣдательствующій Д. А. Тимирязевъ протестовалъ противъ включенія ея въ общій сводъ резолюцій: 1) «Подъемъ и развитіе кустарной промышленности могутъ быть достигнуты исключительно при живомъ участіи учрежденій общественнаго самоуправленія. Дать наиболѣе плодотворные результаты эти учрежденія могутъ лишь при условіи широкаго, обнимающаго всѣ слои населенія избирательнаго права, самостоятельности, общественнаго и судебнаго контроля. Только при этихъ же условіяхъ могутъ оказать существенную пользу и болѣе мелкія, чѣмъ уѣздъ, самоуправляющіяся организаціи.

Сверхъ сего, спеціально по отношенію къ мелкимъ земскимъ самоуправляющимся единицамъ, основнымъ условіемъ ихъ осуществленія и плодотворной дѣятельности является полное и всестороннее уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями въ правахъ вообще, въ порядкѣ суда и управленія въ частности.

Для подъема промышленнаго духа населенія и развитія въ немъ самодѣятельности необходимо прежде всего свободное развитіе личности, а для достиженія этого необходимы: а) широкое развитіе просвѣщенія на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія; б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройство образовательныхъ техническихъ и промышленныхъ союзовъ».

Конечно, не важно, что эта резолюція не была включена въ общій сводъ резолюціи, но важно уже то, какъ говорилъ г. министръ земледѣлія, что это было сказано...

Насколько единеніе дѣятелей земствъ на этомъ поприщѣ важно, видно хотя бы изъ того, что въ настоящее время маслодѣламъ Кургана клепка доставляется изъ Швеціи, ящики для яицъ въ кіевскій районъ получаются изъ Австріи (*Торгово-Промышленная Газета*, 1902 г., № 67), и это происходитъ у насъ при томъ обиліи лѣсовъ, которымъ обладаетъ Россія, и конечно, обусловливается неосвѣдомленностью разныхъ кустарныхъ районовъ другъ о другѣ.

Чрезвычайно важный вопросъ для развитія кустарной промышленности—это организація кредита, и здѣсь всего желательнѣе было бы, чтобы государственныя сберегательныя кассы удѣляли часть своихъ средствъ на

поддержаніе «кустарной» Россіи. Намъ уже не разъ приходилось указывать на отсутствіе чуткости со стороны центральныхъ органовъ къ нуждамъ кустарей.

Не только центральные органы иногда отказываютъ въ самыхъ минимальныхъ субсидіяхъ, но иногда прямо тормозятъ развитіе кустарныхъ промысловъ; такъ, наприм., горное вѣдомство до послѣдняго времени запрещало устраивать на Уралѣ въ районахъ казенныхъ горныхъ заводовъ кустарныя кузницы, подъ предлогомъ заботъ о сбереженіи лѣсовъ, и только сенатъ отмѣнилъ это распоряженіе горнаго вѣдомства. Еще въ 1888 году пермское губернское земское собраніе ходатайствовало о дозволеніи мѣстному заводскому населенію возводить въ мѣстностяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ огнедѣйствующія мастерскія на общихъ основаніяхъ. Къ ходатайству присоединился и пермскій губернаторъ, но горное вѣдомство увѣдомило земство, что устройство кустарныхъ заведеній не будетъ встрѣчать съ его стороны препятствій въ томъ только случаѣ, если кустари перейдутъ на минеральное топливо, которое на Уралѣ и до сихъ поръ почти совершенно отсутствуетъ (*Россія*, 1901 г. декабря 2). Теперь по слухамъ министерство земледѣлія занято составленіемъ проекта объ устраненіи стѣсненій, которыми обставлено на Уралѣ занятіе кустарными промыслами. Давно бы пора! Но выйдетъ ли что изъ этого? Вѣдь интересы крупныхъ промышленниковъ у насъ играютъ огромную роль. Правда, за послѣднее время, подъ вліяніемъ кризисовъ желѣзодѣлательной промышленности, и сами горнопромышленники начинаютъ сознавать, что развитіе кустарныхъ промысловъ, перерабатывающихъ металлы, было бы не безвыгодно и для нихъ, такъ какъ это расширило бы емкость внутренняго рынка.

О.

---

3 апрѣля въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе отъ 2 апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Сегодня, около часа дня, при входѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ помѣщеніе комитета министровъ, въ Маріинскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причемъ двумя пулями тяжело ранилъ егермейстера Сипягина. Раненому, по перенесеніи въ Максимиліановскую лѣчебницу, была немедленно подана медицинская помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ, но, несмотря на это, егермейстеръ Сипягинъ черезъ часъ скончался. Слѣдствіе производится, и установлено, что задержанный преступникъ, не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру».

5 апрѣля указомъ правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ государственный секретарь министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго сенаторъ д. т. с. фонъ-Плеве, ко-

торому повелѣно впредь до Высочайшаго распоряженія сохранить и должность министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго.

Вновь назначенный министръ, на основаніи 1 п. ст. 17 Высочайше утвержденнаго Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, призналъ необходимымъ дѣло объ убійствѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина передать на разсмотрѣніе военнаго суда съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени.

---

12 апрѣля уволенъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью отъ должности министра народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ Ванновскій. Вмѣстѣ съ нимъ уволенъ, согласно прошенію, товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ тайный совѣтникъ Мѣщаниновъ.

Управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія указомъ отъ того же 12 апрѣля назначенъ товарищъ министра д. с. с. Зенгеръ.

Одновременно въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* былъ опубликованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя генерала Ванновскаго:

«Петръ Семеновичъ! Призывая васъ къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я руководился увѣренностью, что опытъ и знаніе въ области воспитанія юношества, входившаго въ кругъ вашей многолѣтней военной и государственной дѣятельности, помогутъ вамъ въ осуществленіи задачи, Мною вамъ довѣренной. Нынѣ, по разстроенному отъ усиленныхъ трудовъ здоровью, вы обратились ко Мнѣ съ просьбою объ увольненіи васъ отъ должности, Мною на васъ возложенной. Снисходя съ сожалѣніемъ къ вашей просьбѣ и увольняя васъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ должностей и званій, Я въ то же время изъявляю вамъ Мою искреннюю благодарность за преданность вашу Мнѣ, побудившую васъ, не взирая на преклонные ваши годы, принять на себя столь трудную дѣятельность. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный». На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «и глубоко уважающій васъ *НИКОЛАЙ*».

12 же апрѣля изданъ былъ слѣдующій прощальный приказъ генералъ-адъютанта Ванновскаго.

По именному Высочайшему указу, данному 24 марта 1901 г., послѣдовало назначеніе меня на должность министра народнаго просвѣщенія.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ, я въ приказѣ отъ 2 апрѣля 1901 года за № 2 высказалъ увѣренность, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на меня Высочайшею волею порученія и приглашалъ ихъ къ совмѣстной, трудной и неустанной работѣ по пути осуществленія данной мнѣ Государемъ Императоромъ программы, изложенной въ милостивомъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества отъ 25 марта того же года.

Нынѣ именнымъ Высочайшимъ указомъ, воспослѣдовавшимъ въ 11-й день сего апрѣля, я увольняюсь отъ должности министра народнаго просвѣщенія.

Оставляя свой постъ и прощаясь съ сослуживцами, въ священную обязанность себѣ вмѣняю засвидѣтельствовать, что всѣ они по мѣрѣ возможности старались исполнить пожеланія мои, выраженныя въ упомянутомъ приказѣ за № 2. Не щадя силъ, они неустанно работали подъ ближайшимъ моимъ руководствомъ, въ точности исполняя данныя имъ мною указанія; по первому моему призыву они охотно брались за непосильную иногда работу, на нихъ мною возлагаемую помимо исполненія прямыхъ по должности каждаго изъ нихъ служебныхъ обязанностей, а такой работы было много, и почти вся она была неотложно спѣшная.

Особенно же благодарю я товарища моего сенатора Мѣщанинова, значительно облегчившаго мнѣ детальную работу по управленію министерствомъ.

Выражаю глубокую благодарность предсѣдателю ученаго комитета, тайному совѣтнику Сонину за его энергичную дѣятельность по дѣламъ комитета.

Благодарю бывшаго попечителя варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Зенгера и попечителей округовъ: петербургскаго—тайнаго совѣтника Анрепа, рижскаго—тайнаго совѣтника Шварца, западно-сибирскаго—тайнаго совѣтника Лаврентьева, московскаго—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Некрасова, казанскаго—тайнаго совѣтника Спѣшкова, одесскаго—тайнаго совѣтника Сольскаго, оренбургскаго—тайнаго совѣтника Ростовцева, виленскаго—тайнаго совѣтника Попова, харьковскаго—тайнаго совѣтника Алексѣенко и кавказскаго—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Завадскаго, а также ректоровъ университетовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній за ихъ усиленные труды и понесенныя заботы къ тому, чтобы дать возможность желавшимъ студентамъ продолжать ихъ занятія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я съ особымъ чувствомъ глубокой благодарности отношусь къ многотрудной дѣятельности начальства и профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній города С.-Петербурга.

Тайнаго совѣтника Анрепа прошу принять мою особливую признательность за мощное содѣйствіе, оказанное имъ при выполненіи особо порученной ему работы; такую же признательность объявляю я всѣмъ гг. предсѣдателямъ и членамъ подкоммиссій по той же работѣ, исполнившихъ быстро, глубоко обдуманно и вполнѣ основательно возложенную на нихъ мною задачу, а въ особенности тайныхъ совѣтниковъ Баранова и Мамантова, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Фохта, Гуревича, В. А. Латышева, Смирнова и коллежскаго совѣтника Готлиба.

Сердечно благодарю директора департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рахманова, управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Та-

вилдарова, гг. вице-директоровъ и всѣхъ чиновъ центральнаго управленія за понесенные ими труды и безсонныя ночи, проведенныя въ кропотливой работѣ.

Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю я и то отзывчивое отношеніе, которое было проявлено къ моимъ требованіямъ и ходатайствамъ со стороны лицъ, мнѣ не подвѣдомственныхъ, принявшихъ участіе въ моихъ работахъ и несшихъ труды наравнѣ съ подвѣдомственными мнѣ чинами.

Уповаю, что вопросы, разработанные въ мое управленіе, принесутъ хотя нѣкоторую пользу учебнымъ заведеніямъ и разовьютъ въ учащихся чувства глубокой любви къ Россіи и ея Монарху.

Генералъ-Адъютантъ *Ванновскій*.

Перемѣна въ составѣ высшихъ чиновъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія вызвала оживленные толки и гаданія относительно будущей судьбы преобразовательныхъ начинаній, намѣченныхъ къ осуществленію въ школьномъ дѣлѣ въ бытность министромъ П. С. Ванновскаго. Въ извѣстной мѣрѣ отвѣтъ на эти вопросы даетъ рѣчь, произнесенная новымъ министромъ при представленіи ему чиновъ министерства. Читатели знаютъ ее изъ газетъ.

---

27 марта появилось обширное правительственное сообщеніе о ходѣ работъ въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ первомъ же засѣданіи совѣщанія 2 февраля поставленъ былъ вопросъ объ объемѣ работъ его и порядкѣ занятій. Предсѣдатель совѣщанія министръ финансовъ Витте, открывая его занятія, замѣтилъ, что съ сельскимъ хозяйствомъ прямо или косвенно связаны почти всѣ стороны государственной жизни; однако, слишкомъ широкая постановка вопроса можетъ свести совѣщаніе съ практическаго пути, затянуть работу на многіе годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ надолго отсрочить удовлетвореніе ближайшихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Но такъ какъ совѣщанію всетаки нельзя будетъ избѣгнуть вопросовъ общегосударственной важности, то, по мнѣнію г. Витте, по этимъ вопросамъ надо ограничиться представленіемъ предположеній совѣщанія на Высочайшее усмотрѣніе. Прямая же и непосредственная задача совѣщанія должна заключаться въ выясненіи *ближайшихъ* нуждъ сельскаго хозяйства и выработкѣ мѣръ, *непосредственно* направленныхъ на пользу этого хозяйства (напримѣръ, распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, устройство земледѣльческихъ союзовъ, способы къ улучшенію культуры земли, организація сельскаго кредита и т. д.). По этимъ вопросамъ должна быть составлена программа, которая потомъ можетъ быть дополняема и измѣняема, сообразно ходу занятій совѣщанія.

Затѣмъ по каждому отдѣльному вопросу будетъ составляться краткая записка, по обсужденіи которой дальнѣйшая разработка должна будетъ передаваться въ особыя подготовительныя коммиссіи; въ составъ этихъ

коммиссій будутъ приглашаться спеціалисты даннаго предмета и мѣстные дѣятели. Выработанные коммиссіями проекты будутъ представляться на окончательное обсужденіе совѣщанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду серьезности задачи, возложенной на совѣщаніе, и той нравственной отвѣтственности, которая ляжетъ на послѣднее за результатъ его трудовъ, предсѣдатель рекомендовалъ предложить мѣстнымъ учрежденіямъ и дѣятелямъ представить свои соображенія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и способахъ ихъ удовлетворенія.

Съ этими мнѣніями согласились министры внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, причемъ послѣдній указалъ, что уже самымъ учрежденіемъ совѣщанія признается первостепенное значеніе сельско-хозяйственной промышленности, какъ коренного занятія населенія Россіи и основы народнаго благосостоянія. Этимъ, по мнѣнію д. т. с. Ермолова, обусловливается обширность задачъ совѣщанія, затрогивающихъ почти всѣ стороны государственной жизни. Поэтому при установленіи предѣловъ возложенной на совѣщаніе работы необходимо среди подлежащихъ его разсмотрѣнію многочисленныхъ вопросовъ различать такіе, которые имѣютъ болѣе общее, но все же существенное для сельскаго хозяйства значеніе, отъ тѣхъ, коими непосредственно затрогиваются интересы сельско-хозяйственной промышленности. Къ тѣмъ и другимъ вопросамъ отношеніе можетъ быть различное, главнымъ образомъ по степени дальнѣйшей ихъ разработки: по отдѣльнымъ вопросамъ, быть можетъ, будетъ достаточно признать лишь крайнюю важность ихъ разрѣшенія, и это должно вызвать немедленную разработку ихъ подлежащимъ вѣдомствомъ; по другимъ, можетъ быть, окажется полезнымъ дать руководящія общія указанія, коимъ, въ случаѣ утвержденія ихъ Высочайшею властью, и должно будетъ слѣдовать данное вѣдомство при детальной разработкѣ этихъ вопросовъ. Крайнее разнообразіе всѣхъ названныхъ вопросовъ указываетъ на важное значеніе, какое имѣетъ составленіе общей программы подлежащихъ вѣдѣнію совѣщанія предметовъ. Но, дабы программа эта дѣйствительно обнимала весь кругъ подвѣдомственныхъ совѣщанію дѣлъ, необходимо, чтобы она представляла собою одно систематическое цѣлое съ распредѣленіемъ всѣхъ вопросовъ по точно опредѣленнымъ категоріямъ. Въ этомъ отношеніи выдвигаются прежде всего двѣ группы имѣющихъ близкое отношеніе къ сельскому хозяйству вопросовъ, а именно вопросы техническіе и экономическіе. Техника сельскаго хозяйства за послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлала весьма большіе успѣхи даже въ увеличеніи производительности земли, и если тѣмъ не менѣе сельское хозяйство находится въ тяжеломъ положеніи, то это является результатомъ экономическихъ условій, неблагопріятно складывающихся для сельскаго хозяйства. Отсюда слѣдуетъ, что вопросы экономическіе должны быть выдвинуты на первый планъ. Къ числу ихъ должны быть отнесены: общія мѣры къ улучшенію экономическихъ условій русской сельско-хозяйственной промышленности, мѣры къ улучшенію положенія землевладѣнія, какъ крупнаго, помѣщичьяго, такъ и мел-

каго, крестьянскаго; далѣе къ вопросамъ второй группы слѣдуетъ отнести мѣры къ изученію условій русскаго земледѣлія, мѣры къ поднятію техники сельскаго хозяйства, мѣры къ распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній и умѣній и, наконецъ, мѣры, направленныя къ улучшенію естественныхъ физическихъ условій русскаго земледѣлія.

Приведенныя мнѣнія министровъ объ объемѣ работъ совѣщанія и порядкѣ его занятій всецѣло приняты были совѣщаніемъ, которое поручило составленіе программы т. с. Ковалевскому.

Затѣмъ совѣщаніе высказалось за безусловную необходимость опроса мѣстныхъ людей и учрежденій. «Совѣщаніе нашло, что въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны».

Обратившись къ вопросу о томъ, какія именно учрежденія и лица должны быть опрошены, совѣщаніе не нашло необходимости въ опросѣ земскихъ учрежденій. Рѣшеніе это совѣщаніе мотивировало тѣмъ, что учрежденія эти были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 г. министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ отзывахъ своихъ, доставленныхъ къ началу 1898 г., земства, помимо непосредственныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, представили въ нѣкоторыхъ случаяхъ подробныя данныя, освѣщающія общее состояніе сельско-хозяйственной промышленности и экономическое положеніе отдѣльныхъ губерній и выясняющія различныя условія, въ зависимости отъ которыхъ находится развитіе сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ въ этомъ обширномъ и цѣнномъ матеріалѣ выражены уже основные взгляды земскихъ учрежденій на нужды сельскаго хозяйства. А такъ какъ за три года не измѣнились мѣстныя условія и, слѣдовательно, не измѣнились и взгляды земства, то трудно, по мнѣнію совѣщанія, ожидать, чтобы новый опросъ земскихъ учрежденій прибавилъ что-нибудь цѣнное къ собраннымъ матеріаламъ. Между тѣмъ такой опросъ могъ бы затянуть работу совѣщанія, такъ какъ предыдущее изслѣдованіе, предпринятое министерствомъ земледѣлія, потребовало отъ земства цѣлыхъ три года. Кромѣ того совѣщаніе нашло, что для полнаго освѣщенія вопроса необходимо выяснить взгляды на дѣло не однихъ только земскихъ дѣятелей, но и мѣстной администраціи, помѣстнаго дворянства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и даже отдѣльныхъ мѣстныхъ знатоковъ того или другого предмета. При этомъ совѣщаніе нашло, что было бы слишкомъ сложно производить особые опросы всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ, да и отвѣты ихъ дали бы разнохарактерный и несогласованный матеріалъ, а возникшія при этомъ разногласія трудно было бы выяснить въ центрѣ на основаніи однихъ поименныхъ отзывовъ. Поэтому совѣщаніе остановилось на предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи на мѣстахъ, въ губерніяхъ, особыхъ комитетовъ подъ предсѣдательствомъ гу-

бернаторовъ, изъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющихъ казенной палатой и государственными имуществами, уполномоченныхъ по сельско-хозяйственной части, предсѣдателей сельско-хозяйственныхъ обществъ и всѣхъ лицъ, участіе которыхъ будетъ найдено полезнымъ губернаторомъ или особымъ совѣщаніемъ. Въ виду же того, что губернія представляетъ собою слишкомъ крупную единицу, между тѣмъ какъ важно возможно точнѣе выяснить мнѣніе тѣхъ, кто непосредственно соприкасается съ сельско-хозяйственной промышленностью, совѣщаніе нашло необходимымъ рядомъ съ губернскими образовать уѣздные комитеты подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства въ составѣ предсѣдателей и членовъ уѣздной земской управы и другихъ лицъ по приглашенію предсѣдателя. Отзывы уѣздныхъ комитетовъ со всѣми матеріалами поступаютъ въ губернскіе комитеты, которые со своими заключеніями представляютъ ихъ въ особое совѣщаніе.

Что жъ касается губерній, гдѣ нѣтъ земскихъ и дворянскихъ учрежденій, то опредѣленіе состава комитетовъ въ нихъ совѣщаніе поручило предсѣдателю по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Имъ же поручено опредѣлить, въ какихъ именно губерніяхъ производить опросъ, такъ какъ совѣщаніе признало излишнимъ производить опросъ во всѣхъ мѣстностяхъ.

Обращаясь къ самой формѣ опроса, совѣщаніе нашло, что комитетамъ слѣдуетъ предложить общій вопросъ о нуждахъ сельской промышленности и о мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію. Кромѣ того имъ слѣдуетъ предложить программу совѣщанія съ просьбой указать на ея пробѣлы. Въ дальнѣйшемъ ходѣ занятій при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ совѣщаніе имѣетъ также въ виду приглашать мѣстныхъ дѣятелей къ участію въ подготовительныхъ коммиссіяхъ.

Всѣ эти предположенія совѣщанія 22 марта удостоились Высочайшаго утвержденія.

Вслѣдъ за этимъ, согласно рѣшенію совѣщанія, министрами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія опредѣленъ былъ составъ комитетовъ въ губерніяхъ, гдѣ не производятся дворянскіе выборы и не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Такіе комитеты постановлено образовать: губернскіе—въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской, Ставропольской, девяти западныхъ, прибалтійскихъ, привислинскихъ, закавказскихъ—Тифлисской и Кутаисской, сибирскихъ и областяхъ: Войска Донского, Кубанской и Терской,—предоставивъ учрежденіе этихъ комитетовъ и опредѣленіе ихъ состава въ прочихъ закавказскихъ губерніяхъ непосредственному усмотрѣнію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ; уѣздные—въ уѣздахъ губерній: Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, девяти западныхъ, а также въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи и окружные комитеты въ области Войска Донского, предоставивъ архангельскому, астрахан-

скому, оренбургскому, ставропольскому, тобольскому, томскому, енисейскому и иркутскому губернаторамъ какъ учрежденіе уѣздныхъ комитетовъ, такъ и опредѣленіе ихъ состава.

Губернскіе комитеты образованы подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ изъ предводителей дворянства и лицъ, принадлежащихъ къ составу мѣстной администраціи; уѣздные же подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уѣздныхъ съѣздовъ или предводителя дворянства изъ должностныхъ лицъ, указанныхъ губернаторомъ и частныхъ, приглашенныхъ предсѣдателемъ.

Такимъ образомъ составъ комитетовъ будетъ преимущественно бюрократическій и въ этомъ нельзя усмотрѣть противорѣчія основному принципу, установленному самимъ совѣщаніемъ, что «въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны». Сообразно съ этимъ комитеты и должны были быть составлены не столько изъ должностныхъ лицъ, сколько изъ мѣстныхъ людей, непосредственно соприкасающихся съ сельско-хозяйственной промышленностью, причемъ цѣлесообразнѣе всего было самый выборъ этихъ лицъ предоставить мѣстнымъ земскимъ и дворянскимъ учрежденіямъ, а не предопредѣлять это заранѣе. При такой организаціи можно было бы разсчитывать, что комитеты, дѣйствительно, выяснятъ нужды сельскаго хозяйства, не руководствуясь никакими посторонними соображеніями или заранѣе установленными взглядами, которыми волей-неволей приходится руководствоваться должностнымъ лицамъ. Разумѣется, и при настоящей организаціи комитеты могутъ немало способствовать выясненію нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, если только всякому искреннему и независимому мнѣнію будетъ предоставлена свобода высказаться во всей полнотѣ.

Земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ новыя свѣдѣнія о ходѣ продовольственной кампаніи за время съ 15 февраля по 27 марта. Приводимъ вкратцѣ наиболѣе важныя данныя.

Въ *Тамбовской* губ. доставка ржи и сѣменного зерна уже заканчивается. Весьма великъ недостатокъ корма для скота. Для организаціи населенію помощи въ этомъ отношеніи министерствомъ отпущено въ распоряженіе губернатора 100,000 руб. При выдачѣ ссудъ изъ магазиннаго хлѣба, крестьянскія общества, по заявленію губернатора, стремятся къ поголовному раздѣлу между всѣми принадлежащаго обществу запаса, чѣмъ причиняютъ затрудненія въ правильной выдачѣ ссудъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣются больные тифомъ. Въ виду смерти двухъ земскихъ врачей и затрудненій губернской управы въ пріисканіи новыхъ, губернаторъ обратился въ общество Краснаго Креста съ ходатайствомъ о командировкѣ хотя бы одного врача для усиленія медицинской организаціи въ губерніи.

Въ *Воронежской*—доставка сѣменного хлѣба на желѣзнодорожныя стан-

ціи не вполнѣ закончена, а гужевая развозка его затрудняется порчей пути. Повышеніе заболѣваемости тифомъ замѣчено въ Богучарскомъ уѣздѣ, куда командированъ отрядъ Краснаго Креста изъ 1 врача, 2 фельдшеровъ и 2 сестеръ милосердія. Въ томъ же уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Валуйскаго и Острогожскаго уѣздовъ замѣчены случаи цынги. Обществомъ Краснаго Креста направлены въ эти селенія запасы капусты и картофеля.

Въ *Харьковской* и *Таврической* губерніяхъ въ Купянскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ замѣчены случаи заболѣванія цынгою.

Въ *Екатеринославской* губерніи, по случаю продолжительной распутицы, нѣсколько замедлилась доставка сѣменного хлѣба агентами министерства финансовъ для Новомосковскаго уѣзда. Случаи заболѣванія цынгою въ Маріупольскомъ уѣздѣ немногочисленны и встрѣчаются преимущественно среди греческаго населенія, подверженнаго этой болѣзни и въ годы урожая. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ появилась глазная болѣзнь—куриная слѣпота; болѣзнь эта, несомнѣнно, указываетъ, какъ сообщилъ губернаторъ, на отсутствіе нормальнаго питанія.

Изъ губерній приволжскихъ—въ губерніи *Самарской* по тремъ уѣздамъ Бугульминскому, Николаевскому и Ставропольскому, сѣмена на яровой посѣвъ не были доставлены своевременно агентами министерства финансовъ; губернаторъ поручилъ произвести закупку сѣменного зерна на мѣстахъ мѣстнымъ земскимъ начальникамъ за счетъ агентовъ названнаго выше министерства. Что касается санитарнаго положенія губерніи, то въ Бузулукскомъ уѣздѣ не вполнѣ прекратился начавшійся еще въ ноябрѣ тифъ, и больныхъ нынѣ числится въ 9-ти селеніяхъ—39 человѣкъ; въ Бугурусланскомъ тифозныхъ больныхъ—25; за симъ въ Самарскомъ уѣздѣ, въ селѣ Владиміровкѣ, заболѣли цынгою и малокровіемъ—64 человѣка, несмотря на то, что въ этомъ селѣ открыты уже 2 общихъ столовыхъ на 154 человѣка и одна дѣтская, при школѣ, для 120 душъ. Далѣе, больныхъ цынгою числится въ уѣздѣ Ставропольскомъ—24, въ Бугульминскомъ—72, въ Бугурусланскомъ же и Николаевскомъ—115 и Новоузенскомъ—5.

Въ губерніи *Саратовской* пшеница для сѣменныхъ ссудъ развезена уже въ мѣста нужды, а доставка сѣменного овса нынѣ уже почти закончена.

Въ *Казанской* губерніи число заболѣваній цынгою за истекшій мѣсяцъ значительно возросло, и въ настоящее время больныхъ числится: въ Тетюшковскомъ уѣздѣ—2,113, въ Спасскомъ—645, въ Мамадышскомъ—264, Лаишевскомъ — 158, Чистопольскомъ — 112, Свіяжскомъ — 3, Чебоксарскомъ—2. Помощь оказывается какъ земскимъ медицинскимъ персоналомъ, такъ и средствами Краснаго Креста.

Въ губерніи *Симбирской* случаевъ заболѣваній цынгою, и притомъ не эпидемическаго характера, обнаружено по 15 марта лишь 62 въ трехъ уѣздахъ; больныхъ тифомъ въ восьми уѣздахъ считается 92.

Въ *Вятской* губерніи случаи заболѣваній цынгою обнаружены лишь въ Глазовскомъ уѣздѣ (57 больныхъ).

Въ *Оренбургской* губерніи, по изслѣдованіи санитарнаго положенія восьми наиболѣе пострадавшихъ волостей Оренбургскаго уѣзда, признано было необходимымъ ходатайствовать о посылкѣ на мѣсто отряда Краснаго Креста изъ Петербурга для борьбы съ тифомъ.

Въ *Уфимской* губ. санитарное положеніе Мензелинскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, объявленныхъ неблагополучными, а равно Бирскаго, весьма неудовлетворительно, такъ какъ распространеніе цынги и тифа приняло широкіе размѣры. Въ одномъ Мензелинскомъ уѣздѣ нынѣ насчитывается больныхъ цынгою въ 198 селеніяхъ 3,890 человѣкъ, а тифозныхъ въ 19 селеніяхъ—63, причемъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и одинъ изъ земскихъ врачей. Дѣятельность трехъ отрядовъ Краснаго Креста и усиленная медицинская помощь мѣстнаго земства оказываются недостаточными, и нынѣ командированы въ уѣздъ еще два отряда Краснаго Креста изъ 5 врачей и 5 сестеръ милосердія въ каждомъ. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ больныхъ цынгою—579 человѣкъ, а тифомъ — 103, и въ этомъ уѣздѣ работаютъ одинъ отрядъ Краснаго Креста и особый эпидемическій отрядъ губернскаго земства. Наконецъ, въ послѣдніе дни появилась цынга и въ уѣздѣ Бирскомъ, и число больныхъ достигло уже 530 человѣкъ, помощь которымъ оказывается земствомъ, имѣющимъ средства на усиленіе своей медицинской организаціи.

Въ виду возникшихъ въ *Томской* губерніи серьезныхъ осложненій въ дѣлѣ снабженія нуждающагося населенія посѣвнымъ зерномъ и опасенія за своевременность его доставки, въ губернію эту командированъ, для лучшаго выясненія на мѣстѣ потребностей продовольственнаго дѣла и соотвѣтствующихъ, по соглашенію съ губернаторомъ, распоряженій къ устраненію всякой медленности по оказанію правительственной помощи населенію, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-лейтенантъ Томичъ.

Въ *Тобольской* губ. для поддержки скота по случаю обострившейся въ послѣднее время безкормицы, губернатору поручено организовать выдачу кормовыхъ ссудъ населенію и на этотъ предметъ предположено пріобрѣсти до 75,000 пудовъ овса, обративъ на эту потребность, прежде всего, зерно, забракованное въ качествѣ сѣменного.

Въ *Акмолинской* области доставка сѣменного хлѣба нѣсколько замедлилась; для наблюденія же за надлежащей организаціей гужевой перевозки зерна командированъ въ Кокчетавъ вице-губернаторъ. Эпидемія цынги въ Акмолинскомъ уѣздѣ не прекратилась, и больныхъ этою болѣзнью числится 1,902; въ Омскомъ уѣздѣ цынготныхъ насчитывается 131, въ Петропавловскомъ—52. Объ усиленіи медицинской помощи населенію со стороны общества Краснаго Креста и снабженіи пораженныхъ уѣздовъ запасами консервированныхъ овощей, министерство внутреннихъ дѣлъ входило въ сношеніе съ главнымъ управленіемъ названнаго общества, которымъ, независимо отъ принятыхъ уже мѣръ, сдѣланы распоряженія о командированіи въ Акмолинскую область врачей, фельдшеровъ и сестеръ милосердія

и о высылкѣ въ эту область новыхъ запасовъ питательныхъ консервовъ. Для помощи киргизскому населенію области, оказавшемуся въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе отсутствія кормовъ, въ распоряженіе степного генералъ-губернатора отпущено по его ходатайству 50,000 руб.

Изъ губерніи *Енисейской* и области *Семипалатинской* тревожныхъ извѣстій не получено, и положеніе этихъ мѣстностей въ продовольственномъ и санитарномъ отношеніяхъ, за всѣми принятыми къ оказанію помощи переселенческому населенію Енисейской губерніи, а засимъ, киргизамъ и мѣщанамъ Павлодарскаго уѣзда, мѣрами, признается мѣстнымъ начальствомъ удовлетворительнымъ, и печальнымъ слѣдствіемъ тяжелаго года является лишь значительная, по случаю безкормицы, убыль скота въ Семипалатинской области, выражающаяся въ потерѣ до 10,000 головъ.

Не всѣ, однако, пострадавшія мѣстности получили правительственную помощь. Не получилъ ея, наприм., Тюкалинскій уѣздъ, хотя еще съ осени выяснилось, что ему безъ помощи не обойтись. И вотъ въ какомъ положеніи, по словамъ *Восточнаго Обозрѣнія*, очутился теперь этотъ уѣздъ.

Въ каждомъ селеніи имѣются такъ называемые общественные хлѣбозапасные магазины, въ которые издавна установлена повинность—съ каждой ревизской души мужского пола засыпать опредѣленное количество ржи на случай голода, какъ временная поддержка до выдачи правительственной ссуды.

«Въ прошломъ году, также по случаю недорода, изъ этихъ магазиновъ было выдано въ ссуду бѣднѣйшему населенію около четверти общаго количества хлѣба, такъ что къ наступившей осени текущаго года (голоднаго) на нужды населенія осталось три четверти, къ выдачѣ которой и было приступлено съ октября сего года по 30 ф. въ мѣсяцъ на каждую неспособную къ труду душу. Лица мужского пола отъ 18 до 55-лѣтняго возраста считаются способными къ труду, могущими пропитаться не только безъ правительственной помощи, но даже и безъ общественной и, слѣдовательно, на нихъ хлѣбной ссуды не полагается, не полагается также ссуды и на дѣтей до 2-лѣтняго возраста. А гдѣ эти заработки?... Гдѣ тотъ трудъ, которымъ они должны пропитать себя и даже семью.

Странно еще болѣе, что теперь въ моментъ самой крайности выдача хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ воспрещена совсѣмъ. Мотивомъ такого распоряженія служитъ то обстоятельство, что въ магазинахъ должна остаться четвертая часть общаго количества хлѣба и что собственно голода нѣтъ. Правда, крестьяне съ голода еще не «пухнутъ», не умираютъ, но живутъ въ хроническомъ недоѣданіи, истощаютъ организмъ и подготовляютъ богатую почву для лѣтнихъ эпидемій. Мы знаемъ много семей, которыя живутъ не только на одномъ хлѣбѣ съ чаемъ, но на одномъ картофелѣ, запасы котораго также истощаются. Скотъ голодаетъ,—нѣтъ сѣна, нѣтъ и денегъ купить его, и хлѣба; нѣтъ ихъ потому, что въ февралѣ при разсчетѣ въ общественныхъ маслодѣльныхъ заводахъ удержана цѣликомъ вся разсчетная сумма въ подать. Лошади падаютъ не единицами, а цѣлыми

десятками, и дѣло доходитъ уже до массоваго падежа, которому, между прочимъ, способствовало еще то обстоятельство, что съ недѣлю тому назадъ всѣмъ жителямъ пришлось ѣхать въ Омскъ за хлѣбомъ на обсѣмененіе полей. При отсутствіи корма, лошади выбились изъ силъ, и тѣ изъ нихъ, которыя еще останутся въ живыхъ, буквально непригодны будутъ къ весеннимъ работамъ.

Въ виду всего этого крестьянская мысль выработала оригинальныя формы самодѣятельности. Въ д. Соснинской, Серебревской волости, крестьяне отстранили всѣхъ мѣстныхъ сельскихъ властей и разобрали общественный хлѣбозапасный магазинъ... Вотъ тебѣ и четвертая часть!... Кто будетъ правъ, кто виноватъ въ этой конечной исторіи, покажетъ будущее. Мнѣ передаютъ слухъ изъ сосѣдней Локтинской волости (нашего же участка), что крестьяне-колонисты разбили магазинъ, въ которомъ хранили хлѣбъ отъ правительства и по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ не выдавался. Со стороны крестьянскаго начальника было сдѣлано распоряженіе сельскому старостѣ арестовывать по 10 человѣкъ и отправлять въ каталажку. Староста представляетъ арестованныхъ, а за ними и всѣ ихъ семьи свыше ста душъ. Получилась чудная картина въ зданіи волостного правленія: ревъ, вой, писк дѣтей, визгъ женщинъ и всевозможные ароматы».

По сравненію съ прошлыми неурожайными годами въ газетахъ появляется крайне мало извѣстій о положеніи пострадавшихъ мѣстностей, но тѣ извѣстія, что появляются, рисуютъ безотрадныя картины. Особенно много такихъ извѣстій изъ Сибири, Уфимской и Пермской губ.

Въ прошломъ обозрѣніи мы привели образецъ блестящаго стиля чернскаго предсѣдателя дворянства г. Сухотина. Читатель помнитъ, что тамъ рѣчь шла о докладѣ, который г. Сухотинъ предназначалъ для очередного тульскаго губернскаго земскаго собранія и въ которомъ онъ предлагалъ изъять изъ земскаго книжнаго склада портреты гр. Толстого. Нынѣ *Смоленскій Вѣстникъ* знакомитъ насъ съ образцомъ ораторскаго таланта г. Сухотина и разсказываетъ исторію о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ повело краснорѣчіе чернскаго предводителя дворянства. Какъ самый образецъ краснорѣчія, такъ и исторія, разсказываемая газетой, настолько интересны и характерны для переживаемаго нами момента, что на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Необходимо прежде всего знать,—говоритъ *Смоленскій Вѣстникъ*,—что г. Сухотинъ одержимъ ораторскими наклонностями. Больше всего въ мірѣ онъ любитъ произносить рѣчи — и очень пространныя. Содержаніе этихъ рѣчей при всей ихъ многочисленности крайне однообразно. Въ нихъ неизмѣнно прославляется принципъ субординаціи и предается проклятію принципъ равенства. Гдѣ бы онъ ни находился—въ семьѣ, среди друзей, на земскомъ ли или въ дворянскомъ собраніяхъ, на ревизіи ли уѣзда— г. Сухотинъ вездѣ и всюду ораторствуетъ на свою излюбленную тему. Произнесъ онъ подобную же рѣчь, обращенную къ волостнымъ старши-

намъ, въ одномъ изъ засѣданій административнаго присутствія чернскаго уѣзднаго съѣзда, причемъ отпечалъ ее на гектографѣ и разослалъ по волостнымъ правленіямъ. Въ этой своей рѣчи г. Сухотинъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Старшины, вы есть ближайшіе сотрудники земскихъ начальниковъ и ближайшіе наблюдатели во всемъ, что происходитъ въ жизни ввѣреннаго вамъ населенія, почему и нахожу, что ваша священная обязанность заключается не въ одномъ изученіи только одной формальной стороны вашихъ обязанностей, но и въ изученіи внутренней жизни каждаго домохозяина ввѣреннаго вамъ населенія; я думаю, многіе изъ васъ, служащихъ въ должности старшинъ со дня реформы 1889 года, давно уже сознали необходимымъ это знать, такъ какъ земскому начальнику, на обязанности котораго лежитъ хотя та же обязанность, немыслимо подобнаго рода изученіе ввѣреннаго ему населенія, имѣя въ своемъ распоряженіи 20,000 человѣкъ, да разбросанныхъ еще на пространствѣ 60 верстъ въ окружности, и въ изученіи ввѣреннаго вамъ населенія настолько близко, чтобы во всякое данное время вы могли бы дать полный отчетъ о каждомъ, каковъ данный человѣкъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Изучивъ только такимъ образомъ ввѣренное вамъ населеніе, вы можете быть дѣйствительно полезными сотрудниками и помощниками вашихъ земскихъ начальниковъ. Я позволилъ бы себѣ посовѣтовать вамъ, старшинамъ: 1) почаще просматривать тѣ законоположенія, которыми вы должны руководствоваться для достиженія этой цѣли, и 2) обратить ваше особенное вниманіе на слѣдующіе главные пункты, отъ которыхъ зависитъ, по моему мнѣнію, упорядоченіе ввѣреннаго вамъ населенія въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ: 1) самое важное — это вселеніе въ населеніе сознанія, что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное уваженіе старшему себѣ по лѣтамъ, по положенію извѣстному и т. п. причинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а потому всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные, а потому другъ съ другомъ мы должны быть за панибрата, есть не что иное, какъ пустой разговоръ, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своимъ сословіемъ; такъ, напримѣръ, крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіей, почему же послѣ этого происхожденіе, либо извѣстное общественное положеніе не можетъ требовать со стороны младшихъ себя и не пользующихся положеніемъ этимъ извѣстнаго уваженія? Вы спросите меня, какимъ путемъ достигнуть этого? А вотъ какимъ: воспитаніемъ и образованіемъ ввѣреннаго вамъ населенія. Вы спросите меня, какъ же вы сдѣлаете теперь, когда воспитанія въ этомъ направленіи до сихъ поръ не было? А вотъ какъ: почаще вызывайте къ себѣ сельскихъ старостъ, читайте имъ ихъ обязанности, указанныя 58 и 60 ст. общ. пол., а также уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, правила, которыя проповѣдуете

на каждомъ волостномъ сходѣ; внушайте имъ о томъ, чтобы они объясняли своимъ односельчанамъ необходимость въ оказаніи вообще уваженія другъ къ другу какъ къ личности, къ должностнымъ лицамъ, такъ равно и къ чужому имуществу, а тѣмъ паче къ старшимъ себя; такъ, напримѣръ, дѣтей къ отцамъ, матерямъ и другимъ ближайшимъ старшимъ родственникамъ своимъ, къ нему, сельскому старостѣ, и т. д., всѣмъ властямъ, и тѣхъ крестьянъ, которые не будутъ подчиняться этимъ внушеніямъ, не въ силу непониманія, а въ силу умышленнаго желанія оказать неуваженіе къ старшимъ, чтобы они подвергали такихъ лицъ дисциплинарному наказанію въ предѣлахъ, указанныхъ въ 48 ст. общ. полож., какъ добрый отецъ и мать поступаютъ съ непослушнымъ своимъ ребенкомъ, на которое ни слово, ни увѣщеваніе не дѣйствуютъ, право, которое вамъ дано со дня выхода вашего изъ крѣпостной зависимости, но правомъ, которымъ вы до сего времени не пользовались. Внушайте убѣжденіе въ старостахъ, что не общество есть у него начальство, а онъ, староста, самъ начальникъ надъ ввѣреннымъ ему обществомъ, и постарайтесь вывести изъ разговоровъ подобные неумѣстные отвѣты старостъ: «такъ приказало общество». Правда, есть вопросы хозяйственные у общества, гдѣ оно можетъ распоряжаться само, но опять-таки и не во всѣхъ дѣлахъ хозяйственныхъ, такъ, напримѣръ, общество желаетъ постановить приговоръ не взыскивать повинностей, а начальство будетъ требовать взыскивать, конечно, тутъ является передъ начальствомъ отвѣтственное лицо не общество, а сельскій староста, а потому онъ долженъ считаться въ данномъ случаѣ хозяиномъ надъ обществомъ и можетъ въ свое оправданіе говорить, что онъ не исполняетъ приказанія власти потому, что общество это приказало; что же касается поддержанія уваженія, порядка благочинія и власти въ средѣ общества, то тутъ старосты должны быть полные хозяева надъ ввѣренными имъ обществами и вся отвѣтственность за непринятіе мѣръ къ вселенію въ обществахъ сознанія, что у нихъ староста есть хозяинъ, должно влечь за собою къ признанію такого старосты несоотвѣтствующимъ своему званію, а потому подлежащимъ увольненію отъ должности. Старшины, я думаю, что если не всѣмъ, то развѣ немногимъ вамъ я лично извѣстенъ, и вы знаете хорошо, что я былъ мировымъ судьею 9 лѣтъ въ уѣздѣ, изъ нихъ 3 года былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей и послѣднія 7 лѣтъ былъ земскимъ начальникомъ, т.-е. провелъ 20 лѣтъ жизни въ соприкосновеніи съ вами въ качествѣ хозяина и должностного лица, а, слѣдовательно, могъ изучить народъ со всѣхъ сторонъ и скажу вамъ изъ практики, что народу нужна съ нашей стороны свободная доступность и одновременно извѣстная и строгость, и строгости этой онъ не боится, такъ же какъ не боится каждый солдатъ строгаго начальника, а боится онъ несправедливости, въ доказательство чего могу привести своихъ бывшихъ старшинъ, которые здѣсь налицо и которые могутъ подтвердить, что, несмотря на всю мою строгость, населеніе бывшаго ввѣреннаго мнѣ участка меня любитъ, и я горжусь этою любовью, такъ какъ я дѣйствительно былъ строгъ, но былъ

строгъ съ тѣми, съ кѣмъ нужно было быть строгимъ, а потому совѣты мои вы должны принять и во вниманіе той практики, которую я получилъ за 20 лѣтъ служенія уѣзду въ разныхъ должностяхъ. При этомъ могу еще подтвердить, что совѣтамъ моимъ, уже какъ предводителя дворянства, вы можете вѣрить и слѣдовать еще и потому, что совѣты эти исходятъ изъ желанія моего единственнаго благополучія для населенія. Думаю, что всѣ вышеуказанные совѣты вы не одинъ разъ уже слышали отъ своихъ гг. земскихъ начальниковъ, и мои совѣты есть только повтореніе всего того, чтобы еще болѣе укрѣпить въ васъ увѣренность въ справедливости совѣтовъ, дѣлаемыхъ вамъ гг. земскими начальниками въ томъ направленіи. Оканчивая свою рѣчь, надѣюсь на васъ, старшины, что вы поняли цѣль моего созыва вашего и все то, о чемъ я вамъ говорилъ, и увѣренъ въ томъ, что совѣты мои не останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Приведенная рѣчь была, какъ сказано, отлитографирована и разослана Сухотинымъ всѣмъ волостнымъ старшинамъ съ предложеніемъ принять все изложенное въ ней къ непремѣнному руководству и объявить содержаніе ея на сельскихъ волостныхъ сходахъ.

Земскій начальникъ Карповъ, какъ, вѣроятно, и нѣкоторые другіе земскіе начальники Чернскаго уѣзда, не совсѣмъ сочувственно отнесся къ программѣ г. Сухотина. Г. Карповъ никакъ не могъ согласиться, чтобы старшинамъ могли быть кѣмъ бы то ни было предоставлены новыя права и чтобы на нихъ можно было возложить новыя обязанности сверхъ тѣхъ правъ и обязанностей, которыя указаны въ законѣ. Кромѣ того, г. земскій начальникъ не могъ признать себя солидарнымъ съ мыслью г. Сухотина, будто равенство всѣхъ передъ Богомъ, этотъ основной догматъ христіанской морали, есть «лжеученіе» и «пустой разговоръ», и, быть можетъ, даже, во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній, старался дать понять крестьянамъ и въ частности старшинамъ, что «распубликованная» г. Сухотинымъ «программа» далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ и должна быть приведена въ исполненіе.

Г. Сухотинъ не могъ, конечно, не узнать о такомъ отношеніи земскаго начальника въ его «программѣ» и вознегодовавъ на г. Карпова, заподозрилъ въ немъ «разрушителя основъ», зараженнаго либерализмомъ, послѣ посѣщенія имъ одной изъ школъ (сукмановской), находящихся въ участкѣ г. Карпова. Посѣщеніе названной школы сопровождалось невѣроятнымъ обстоятельствомъ: когда г. Сухотинъ подъѣхалъ къ школѣ, земскій начальникъ Карповъ остался въ стѣнахъ ея и не вышелъ его встрѣчать вмѣстѣ съ священникомъ. Вскорѣ послѣ этого г. Карповъ получилъ отъ г. Сухотина письмо, въ которомъ послѣдній предлагалъ ему выйти въ отставку, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ обратиться къ начальнику губерніи и губернскому предводителю дворянства съ просьбой удалить г. Карпова отъ должности земскаго начальника. Тогда г. Карповъ обратился съ жалобой въ сенатъ на неправильный образъ дѣйствій г. Сухотина, причемъ къ жалобѣ приложилъ и текстъ вышеприведенной отлито-

графированной рѣчи предводителя дворянства. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что письмо г. Сухотина заключаетъ въ себѣ рядъ указаній на неправильныя, по мнѣнію его, дѣйствія земскаго начальника Карпова, и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляются неумѣстными даже въ сношеніяхъ начальника съ подчиненными. За симъ изъ сопоставленія предупрежденія Сухотина о томъ, что онъ вынужденъ будетъ при неподчиненіи Карпова требованіямъ начальства просить объ увольненіи его отъ должности, съ заключительной частью: «Я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому и просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія», можетъ быть сдѣланъ тотъ единственный выводъ, къ коему пришелъ и жалобщикъ, т.-е., что ему, Карпову, Сухотинъ предлагаетъ выйти въ отставку. Между тѣмъ на основаніи 66-й ст. Полож. зем. нач., земскіе начальники подчиняются надзору и руководству мѣстныхъ губернаторовъ и губернскаго присутствія и подвергаются удаленію отъ должности въ порядкѣ, указанномъ статьями 132—142 того же положенія; уѣзднымъ же предводителямъ дворянства по силѣ ст. 101 того же положенія предоставляется лишь ревизировать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ послѣднимъ волостныхъ и сельскихъ управленій, съ представленіемъ въ подлежащихъ случаяхъ своего заключенія по такимъ ревизіямъ на усмотрѣніе губернскаго присутствія. Засимъ ни въ Высочайшемъ указѣ 1889 года іюля 13-го (собр. узак. 1889 г. ст. 690), ни въ Положеніи о земскихъ начальникахъ, ни въ другихъ частяхъ Свода Законовъ не установлено подчиненности земскихъ начальниковъ уѣздному предводителю дворянства, какъ начальнику, имѣющему право поставлять на видъ своимъ подчиненнымъ упущенія въ исполненіи ими своихъ обязанностей и предупреждать о возможности удаленія отъ должности. По всѣмъ симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что предводитель дворянства Сухотинъ, обращаясь къ земскому начальнику Карпову съ вышеуказаннымъ письмомъ, тѣмъ самымъ вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него по закону обязанностей. Равнымъ образомъ представляются неумѣстными какъ тѣ разъясненія и наставленія, касающіяся ученія православной церкви, съ коими Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства, такъ и разсылка волостнымъ старшинамъ литографированныхъ экземпляровъ его рѣчи для прочтенія на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, какъ программы его дѣйствій по должности предводителя дворянства, въ виду того, что основаніемъ дѣятельности всѣхъ состоящихъ на службѣ государственной или общественной должностныхъ лицъ должны служить должностныя указанія, а также законныя распоряженія высшей власти и ближайшаго начальства, «и посему, не усматривая въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: поставить чернскому уѣздному предводителю дворянства статскому совѣтнику Сухотину на видъ его

неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову».

Таковъ урокъ, полученный г. Сухотинымъ отъ сената. Послужитъ ли онъ ему на пользу?

Недурной урокъ получилъ и инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи г. Панаженко отъ извѣстнаго нашего писателя В. Г. Короленка. Нѣсколько времени тому назадъ г. Короленко помѣстилъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* фельетонъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ», въ которомъ рядомъ интересныхъ примѣровъ мѣтко иллюстрировалъ мысль о томъ, какъ часто у насъ склонны считать запрещеннымъ то, что не «одобрено» спеціально, и какіе ненужные и нерѣдко безсмысленные тормозы встрѣчаетъ поэтому общество на пути осуществленія самыхъ законныхъ и невинныхъ начинаній. Фельетонъ этотъ очень обидѣлъ г. Панаженка, фигурировавшаго въ одномъ изъ приведеннымъ г. Короленкомъ примѣровъ. Разсерженный инспекторъ, какъ водится, счелъ нужнымъ выступить съ «опроверженіемъ» вызывающаго тона и при томъ не въ той газетѣ, гдѣ фельетонъ былъ помѣщенъ, а въ другой, а именно въ *Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, что ужъ совсѣмъ не водится.

«Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Русскихъ Вѣдомостей* за текущій мѣсяцъ,—пишетъ г. Панаженко,—какимъ-то полтавскимъ обывателемъ напечатана корреспонденція подъ заглавіемъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ», касающаяся, между прочимъ, школьной елки, устроенной въ Полтавѣ городской управой въ первый день минувшихъ рождественскихъ праздниковъ для учащихся въ городскихъ училищахъ.

«Въ ней истина настолько извращена, а я, какъ должностное лицо, такъ глубоко и незаслуженно оскорбленъ, что нахожу себя вынужденнымъ заявить печатно, что неизвѣстный мнѣ авторъ (корреспонденція подписана иниціалами В. К.), незнакомый, очевидно, съ законоположеніями о народныхъ училищахъ и защищающій въ сущности хозяйничанье въ чужомъ огородѣ, на елкѣ самъ не присутствовалъ, а описалъ ее по чужимъ впечатлѣніямъ, легкомысленно довѣрившись клеветѣ и злорѣчію.

«И въ самомъ дѣлѣ: если бы авторъ присутствовалъ, то не могъ бы, конечно, не замѣтить отсутствія образовательно-воспитательнаго и эстетическаго элемента на елкѣ, устроенной, кстати сказать, безъ вѣдома и участія тѣхъ лицъ, коимъ поручено завѣдываніе этой стороной школьнаго дѣла, и не могъ бы утверждать, будто «елка удалась превосходно», будто я, «вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, остановилъ раздачу дѣтямъ книгъ и сталъ ихъ просматривать» и тѣмъ вызвалъ будто бы «крайнее замѣшательство и самое тяжелое недоумѣніе». Я утверждаю, что раздача дѣтямъ книгъ на елкѣ была для меня полной неожиданностью, ибо я узналъ объ этотъ только за нѣсколько минутъ до раздачи, что просматривать книги я сталъ также до раздачи, а когда она началась, то производилась безъ перерыва и безъ всякаго замѣшательства среди дѣтей и ихъ учительницъ. Я утверждаю, что живописно нарисованная авторомъ

корреспонденціи картина всеобщаго смущенія съ «потупленными глазами учительницъ» и «недоумѣлыми взглядами дѣтей» есть плодъ его фантазіи. Далѣе, если бы авторъ присутствовалъ на елкѣ и видѣлъ тогда же книги, выдѣленныя мною для возвращенія городской управѣ, то не сталъ бы указывать, напримѣръ, на «Смерть Шарика», какъ на книгу, признанную мною будто бы непригодной для дѣтскаго чтенія...

«Такъ или иначе, но оставляя пока въ сторонѣ обстоятельную оцѣнку названной корреспонденціи, нынѣ въ цѣляхъ полнаго выясненія истины я взываю къ чувству чести автора, позволившаго себѣ глумиться моимъ именемъ и прошу его открыть свое имя и на этихъ же страницахъ отвѣтить мнѣ, присутствовалъ ли онъ на описанной имъ елкѣ. Умолчаніе сочту за поводъ утверждать, будто авторъ способенъ кидать грязью только изъ-за угла.

Инспекторъ народныхъ училищъ *И. Панаженко*».

На это письмо г. Короленко помѣстилъ слѣдующій отвѣтъ въ тѣхъ же *Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

«Въ 70-мъ нумерѣ *Полт. Губ. Вѣд.* я (признаюсь, не безъ удивленія) прочелъ письмо инспектора народныхъ училищъ, г. И. Панаженка, вызванное извѣстнымъ «инцидентомъ на елкѣ» и моей замѣткой по этому поводу (въ № 78 *Русскихъ Вѣдом.*). Въ письмѣ этомъ г. И. Панаженко требуетъ, съ нѣкоторой даже строгостью, чтобы я сообщилъ (и притомъ непремѣнно на страницахъ *Полтавскихъ Вѣдомостей*) свою полную фамилію. Я могъ бы сказать, что считаю это требованіе совершенно неосновательнымъ. Законъ даетъ г. Панаженку возможность найти (посредствомъ обращенія къ суду) лицо, отвѣтственное за сообщеніе факта; затѣмъ, дѣло не въ фамиліи автора, а въ самомъ фактѣ; наконецъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы въ небольшомъ городѣ, какъ Полтава, инициаловъ имени и фамиліи не было достаточно для точнаго установленія личности автора, да и вообще терминъ «изъ-за угла» едва ли приложимъ къ гласному сообщенію о всѣмъ извѣстномъ событіи. Какъ бы то ни было, однако, я готовъ исполнить желаніе г. Панаженка и на вызовъ, сдѣланный мнѣ на страницахъ *Полтавскихъ Вѣдомостей*, имѣю отвѣтить г. Панаженку слѣдующее:

Прежде всего самый фактъ. 25 декабря прошлаго года въ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей была устроена городской управой елка для учащихся въ городскихъ училищахъ. Г. инспекторъ былъ приглашенъ на нее въ качествѣ гостя. Когда началась раздача подарковъ и книгъ, г. Панаженко счелъ нужнымъ пріостановить выдачу нѣкоторыхъ изъ нихъ (около 70-ти), вслѣдствіе чего часть дѣтей книгъ не получила.

Что же собственно опровергаетъ г. Панаженко? Прежде всего онъ упрекаетъ меня въ незнаніи «законоположеній». Это очень можетъ быть, и точное указаніе г. Панаженка на законы, которые бы воспрещали раздачу на елкѣ книгъ, дозволенныхъ къ обращенію въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (да еще послѣ строгаго выбора компетентными людьми), могло бы содѣйствовать если не опроверженію факта, то разъясненію самаго вопроса.

Боюсь однако, что г. Панаженко самъ смѣшиваетъ «законоположенія», публикуемыя ко всеобщему свѣдѣнію и исполненію, съ «циркулярами» тѣхъ или другихъ инстанцій, всегда требующими въ примѣненіи особеннаго такта. Вся цѣль моей замѣтки состояла именно въ указаніи на это (очень распространенное) смѣшеніе понятій, и кажется мнѣ, что своимъ письмомъ г. Панаженко только еще разъ наглядно иллюстрировалъ мою мысль.

Вообще я не могу понять, въ чемъ собственно г. Панаженко усматриваетъ нанесенное ему мною оскорбленіе. Основного факта онъ не отрицаетъ, и тѣ немногія возраженія, которыя онъ приводитъ, касаются лишь его послѣдствій. Такъ, г. Панаженко утверждаетъ, что картина замѣшательства и смущенія, нарисованная въ замѣткѣ, есть лишь «плодъ фантазіи автора». Я, конечно, могъ бы сказать, что г. Панаженко, весь погруженный въ сортировку книгъ, могъ и не замѣтить впечатлѣнія, которое это производило на окружающихъ, что, затѣмъ, невѣроятно, чтобы такое внезапное вмѣшательство и публичное изъятіе «недозволенныхъ» книгъ могло обойтись безъ замѣшательства и смущенія. Однако, у меня есть и болѣе убѣдительныя доказательства. По этому спорному пункту мы имѣемъ три показанія *). Первое гласитъ, будто «нѣкоторыя лица» проявили «явное недовольство и возбужденіе» и что г. инспекторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ во избѣжаніе «сенсаціи» «оставить залу празднества и неодобренныя (sic) книги въ рукахъ товарища городского головы». Показаніе это официальное, принадлежитъ г. Панаженку и, кажется мнѣ, значительно преувеличиваетъ дѣйствительность. Второе (печатное) показаніе гласитъ, что не было уже ни замѣшательства, ни даже «потупленныхъ глазъ», ни недоумѣлыхъ взглядовъ. Оно (увы!) принадлежитъ тому же г. Панаженку и кажется мнѣ уже слишкомъ ослабленнымъ. Между этими крайними противоположностями мое скромное среднее мнѣніе, не констатирующее никакого возбужденія, а лишь ту самую «сенсацію», возможность которой «предвидѣлъ» и самъ г. Панаженко, кажется мнѣ, пріобрѣтаетъ силу полной доказательности.

Мнѣ остается еще отвѣтить (на вопросъ г. И. Панаженка), — что я, благодаря любезному приглашенію распорядителей на елкѣ присутствовалъ лично и видѣлъ самъ «изъятыя» книги. Что касается злополучнаго «Шарика», то это скромное животное, очевидно, ускользнуло теперь изъ памяти г. Панаженка, потому что находится подъ одной обложкой съ «Великодушнымъ Голіаѳомъ», несомнѣнно попавшимъ въ число изъятыхъ.

Кажется, все. Считаю излишнимъ спорить съ г. Панаженкомъ по вопросу объ удачѣ или неудачѣ елки. Я и не описывалъ особеннаго «порядка» и дидактичности, а говорилъ, наоборотъ, о бившемъ черезъ край дѣтскомъ веселье, которое вначалѣ даже озадачило учительницъ. По моему, это юное веселье и есть «удача». По мнѣнію г. Панаженка, это—

*) Въ официальной бумагѣ 5-го февраля № 1336, имѣющейся въ дѣлахъ городской управы.

лишь предосудительный безпорядокъ. Дѣло взгляда,—какъ и другое наше разнорѣчіе: я полагаю, что все прямо не запрещенное слѣдуетъ считать дозволеннымъ. Такъ думаютъ многіе, и въ этомъ главная тема моей статьи. Г. Панаженко съ этимъ не согласенъ и, повидимому, держится мнѣнія, которое я стараюсь опровергнуть, — что, наоборотъ, все не получившее спеціальнаго «одобренія» считается запрещеннымъ, и такимъ образомъ рекомендація нѣкоторыхъ книгъ для библіотекъ означаетъ запрещеніе всѣхъ остальныхъ на елкахъ. Точно также мы расходимся съ г. Панаженкомъ во взглядѣ на вопросъ: кто собственно «распоряжался въ чужомъ огородѣ» 25 декабря. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но продолжаю думать, что для мѣстнаго общества (и, значитъ, для его представителей) учащіяся дѣти, его собственныя дѣти ни въ какомъ отношеніи съ «чужимъ огородомъ» сравниваемы быть не могутъ. Къ сожалѣнію, г. Панаженко и по этому вопросу думаетъ иначе.

Надѣюсь, послѣ всего сказаннаго, я могу со всею подобающей вѣжливостью возвратить въ полное распоряженіе г. Панаженка нѣкоторыя слова, вродѣ «легкомыслія», «клеветы», «киданія грязью» и т. д., которыя онъ счелъ возможнымъ употребить по моему адресу. Не прибѣгая, съ своей стороны, къ подобнымъ выраженіямъ, позволю себѣ только напомнить г. Панаженку, что слова эти очень «острыя» и требуютъ осторожнаго обращенія.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи *Влад. Короленко.*»

Не разъ встрѣчали мы «опроверженія», лишь подтверждающія то, что авторы ихъ опровергаютъ, но все же развязность г. Панаженка должна быть признана не совсѣмъ обычной.

Кстати, о г. Панаженко и его просвѣщенной дѣятельности. По постановленію послѣдняго полтавскаго земскаго собранія, мѣстная управа возбудила ходатайство о разрѣшеніи созвать съѣздъ учителей Полтавскаго уѣзда. На расходы ассигновано 600 р. Почти всѣ учителя прислали списокъ вопросовъ, которые желательно подвергнуть обсужденію на съѣздѣ. Управа по уполномочію училищнаго совѣта выработала программу, которую и представила г. Панаженку. Само собою разумѣется, что программа эта самаго скромнаго и невиннаго характера. Она содержитъ, напримѣръ, такіе вопросы: «Какія классныя письменныя работы возможны въ народной школѣ? Сколько лѣтъ могутъ служить одни и тѣ же учебники? и т. п. Тѣмъ не менѣе корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ, что подобная программа была въ прошломъ году выработана зеньковской земской управой, но г. Панаженко исключилъ почти половину вопросовъ на томъ основаніи, что они выходятъ будто бы изъ круга компетенціи преподавателей начальныхъ школъ.

Въ сущности, какъ ни различны приведенные нами факты о гг. Сухотинѣ и Панаженкѣ, но при нѣкоторомъ вниманіи не трудно въ нихъ узнать явленія одного и того же порядка.

А. С.

Въ лицѣ скончавшагося 31 марта въ Кіевѣ Александра Матвѣевича Лазаревскаго сошла въ могилу крупнѣйшая общественная и учено-литературная сила украинскаго юга. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы въ Малороссіи, образцовый членъ судебной палаты, онъ былъ лучшимъ историкомъ старой Малороссіи, особенно XVIII вѣка, и оставилъ въ этой области рядъ капитальныхъ трудовъ.

Потомокъ старинной малорусской фамиліи, уроженецъ Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи, А. М. учился въ Петербургѣ, гдѣ и кончилъ университетъ по историко-филологическому факультету. Онъ развивался въ лучшихъ научно-литературныхъ кружкахъ того времени; особенно на его міровоззрѣніе повліялъ кружокъ Шевченка, къ которому принадлежали его старшіе братья. Страстный украинскій патріотизмъ онъ умѣлъ соединять съ широтою и полнотою общественныхъ и научно-литературныхъ интересовъ; въ его міровоззрѣніи была яркая демократическая окраска. Все свободное отъ служебныхъ обязанностей время онъ посвящалъ научнымъ трудамъ, почти исключительно по малорусской исторіи. Два изъ нихъ были удостоены Уваровской преміи. Его интересовали, главнымъ образомъ, исторія землевладѣнія въ Малороссіи, такъ сказать экономическая подпочва жизни стараго украинскаго общества, процессъ закрѣпощенія свѣже испеченнымъ малорусскимъ дворянствомъ еще хорошо помнившаго свою свободу вольнаго крестьянства и казачества. Среди малорусскаго дворянства изслѣдованія Лазаревскаго, богатыя фактами, доказательныя, но безотрадныя по рисуемой имъ картинѣ безправія и грубаго сословнаго эгоизма,—обыкновенно вызывали много недоброжелательства и протестовъ. Особенно послѣдовательно развѣнчивалъ онъ наивныя аристократическія претензіи не очень уже дальнихъ потомковъ «рейстровыхъ» казаковъ, мѣщанъ и духовенства, сумѣвшихъ разбогатѣть, выдвинуться, насочинять фальшивыхъ генеалогій и постаравшихся слишкомъ скоро забыть свое болѣе чѣмъ скромное происхожденіе. Покойному не разъ грозили даже дуэлью, о чемъ онъ иногда разсказывалъ съ типическимъ украинскимъ юморомъ...

Экономическая основа его историческаго міровоззрѣнія возникла совершенно самостоятельно, задолго до извѣстныхъ антинаучныхъ увлеченій послѣдняго времени, и никогда не переходила въ крайность и односторонность.

Покойному принадлежало лучшее во всей Россіи собраніе относящихся къ Малороссіи книгъ, рукописей и портретовъ. Страстный библіофилъ, А. М. безъ всякихъ колебаній давалъ рѣдчайшіе экземпляры своей библіотеки каждому, въ комъ видѣлъ интересъ къ дѣлу и желаніе потрудиться на пользу родной науки. Къ вліянію его личности нужно отнести и то, что, при всей безалаберности русскаго человѣка на этотъ счетъ и при общей некультурности отношеній къ книгѣ, почти не было случая, чтобы такъ охотно и свободно имъ раздаваемое не возвращалось въ его библіотеку.

Незадолго до смерти Лазаревскій передалъ эти сокровища университету св. Владиміра.

Какъ личность, онъ былъ чрезвычайно своеобразенъ и привлекателенъ. Натура прямая, кристально честная, иногда немного рѣзкая и угловатая—для тѣхъ, кто не подходилъ къ его очень высокимъ нравственнымъ требованіямъ—онъ былъ необыкновенно мягокъ, отзывчивъ и предупредителенъ въ кругу людей, которыхъ имѣлъ основанія любить и уважать. Въ его умѣ была характерная складка немного скептической остроты, много тонкой наблюдательности и умѣнія схватывать фальшь чужого настроенія, односторонность или неискренность чужой мысли. Кто зналъ его, тотъ, конечно, никогда не забудетъ его совсѣмъ молодыхъ для 70-лѣтняго почти старика глазъ, въ которыхъ свѣтилось подчасъ столько привѣтливой доброты, лукаваго юмора, вдумчивой пытливости, столько живой, оригинальной и энергичной мысли, всегда ясной и прозрачной...

Человѣкъ рѣдко одаренный и талантливый, А. М. отличался изумительнымъ трудолюбіемъ и совсѣмъ не малорусской продуктивностью. Въ теченіе многихъ десятилѣтій онъ неустанно работалъ; его литературный формуляръ долженъ быть необъятныхъ размѣровъ. Многое подписано иниціалами, многое не подписано совсѣмъ. Покойный вообще отличался скромностью, не совсѣмъ охотно, какъ-то вскользь и случайно, упоминалъ о своихъ трудахъ, часто даже какъ бы умалялъ, безъ всякой рисовки, свою личность.

Малорусское общество Лазаревскаго, конечно, не забудетъ, но хотѣлось бы думать, что его память будетъ связана съ какимъ-либо дѣломъ «на благое просвѣщеніе» родного ему края, для котораго онъ самоотверженно, неустанно и плодотворно работалъ цѣлую жизнь...

К.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общіе парламентскіе выборы во Франціи окончились побѣдою кабинета Вальдека Руссо. Кандидаты высказывались опредѣленно или *за*, или *противъ* министра-президента. Коалиція клерикаловъ, монархистовъ, бонапартистовъ и мелинистовъ въ общемъ потерпѣла пораженіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, въ особенности въ Парижѣ, побѣда доставалась и на ея долю, но не выбраны вновь такіе вожаки этихъ партій, какъ Піу, Кассаньякъ, Дрюмонъ. Подъ вліяніемъ враждебнаго правительству духовенства, многія богатыя женщины давали огромныя деньги на избирательную агитацію. Агитація эта велась искусно и настойчиво. Въ Парижѣ, напримѣръ, въ округѣ, представителемъ котораго былъ ненавистный реакціонерамъ Бриссонъ, задолго началась съемка квартиръ для поселенія въ нихъ противниковъ знаменитаго государственнаго человѣка. Бриссонъ попалъ въ перебаллотировку. Тогда ему предложенъ былъ одинъ изъ округовъ Марселя, гдѣ онъ и избранъ. Другимъ знаменательнымъ избраніемъ была побѣда, тоже на перебаллотировкѣ, Мильерана. Противъ него голосовали соціалисты-революціонеры. Избранъ Жоресъ, не попавшій въ прежнюю палату, зато забаллотированъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ лѣвой, Вивіани.

Выборы еще разъ обнаружили неудобства избирательной системы по отдѣльнымъ округамъ (arrondissement), а не по списку, общему для всего департамента. Мѣстныя вліянія и случайности нерѣдко давали о себѣ знать. Только при окружныхъ выборахъ возможны продѣлки, жертвою которыхъ чуть не сдѣлался Бриссонъ.

Французскія газеты отмѣчаютъ, что выборы прошли относительно спокойно и что въ нихъ на этотъ разъ участвовало много избирателей. При совокупности условій, составъ новаго парламента, гдѣ значительно усилилось правительственное большинство, является знаменательнымъ. Надо прибавить, что большинство это должно оказаться и болѣе устойчивымъ, потому что борьба велась главнымъ образомъ за или противъ кабинета Вальдека-Руссо, который открыто порвалъ съ мелинистами. Важнымъ торже-

ствомъ для нынѣшняго правительства является и разгромъ антисемитовъ въ Алжирѣ.

Новое большинство французской палаты депутатовъ заключаетъ въ себѣ довольно разнородные элементы, начиная съ умѣренныхъ республиканцевъ-прогрессистовъ и кончая соціалистами-прогрессистами, какъ Мильеранъ и Жоресъ. Интересно всмотрѣться въ заявленія и программы вождей партій въ новой палатѣ.

Бриссонъ въ своемъ избирательномъ воззваніи писалъ, что его выбирали непрерывно тридцать лѣтъ и онъ опять желаетъ получить мѣсто для парламентской борьбы. Въ теченіе этихъ лѣтъ республика, на развалинахъ плебисцитарнаго режима, строитъ новое общество, все болѣе и болѣе вводя въ него равенство, братство, правосудность, солидарность. Она сдѣлала уже много, и сдѣлала въ свободѣ. Отъ этой творческой работы ее постоянно отвлекаютъ происки внутреннихъ враговъ, ихъ ожесточенныя нападенія. Стараются возстановить противъ республики армію, осыпаютъ оскорбленіями президента республики и правительство. Претенденты на престолъ держатся близъ французской границы, вожди клерикаловъ, какъ патеры Олливье и Дидонъ, произносятъ пламенныя рѣчи, открыто призывающія къ возмущенію и насиліямъ. Наслѣдники легитимистовъ 24 мая 1873 г., наслѣдники орлеанистовъ 16 мая 1877 г., буланжистовъ 1888 года, создаютъ *націонализмъ* и лигу *Французское Отечество*. Вождями ихъ являются герцогъ Брольи и графъ де-Мёнъ, сзади которыхъ стоятъ католическія конгрегаціи. Бриссонъ призываетъ избирателей отвергнуть кандидатовъ іезуитовъ. Республика вновь поведетъ впередъ, съ каждымъ днемъ увеличивая безопасность и достоинство всѣхъ гражданъ. «Да здравствуетъ демократическая республика!»

Temps указываетъ, что республиканцы послѣдовали совѣту Анри Бриссонъ, что даже Мелинъ ожесточенно выступилъ противъ своего соперника—націоналиста. *Temps* призываетъ къ единенію и концентраціи республиканцевъ. *Опытъ Мильерана* долженъ кончиться, потому что коллективисты компрометируютъ республику, тогда какъ націоналисты стремятся къ ея погибели.

Жоресъ, выступая кандидатомъ въ Альби (Тарнъ), напомнилъ, что четыре года назадъ насиліе и клевета вырвали у него этотъ постъ. Онъ проситъ депутатскаго полномочія, чтобы защищать республику, укрѣплять демократію, организовывать и сдѣлать независимыми фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ. На Жореса сыпались лживыя и оскорбительныя обвиненія за его живое участіе въ пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. Теперь вся просвѣщенная Франція, говоритъ онъ, раздѣляетъ его образъ мыслей по этому дѣлу. Чтобы дать отпоръ врагамъ реакціи, умѣренные республиканцы, радикалы и соціалисты объединились; но первые и вторые вовсе не принимали соціалистической программы, а соціалисты не отказывались ни отъ одного изъ своихъ стремленій. Всѣ они утверждаютъ, что республиканская свобода есть общее достояніе, что она является необходимымъ

условіемъ правильнаго развитія демократіи. Жоресъ высказывается за преобразованіе податной системы, сокращеніе военной службы. Онъ стоитъ за полную свободу совѣсти и противъ какого-либо насильственнаго вмѣшательства въ вопросы вѣры, за отдѣленіе церкви отъ государства.

Побѣжденный Жоресомъ противникъ, бывшій депутатъ Соляжъ, въ своемъ избирательномъ воззваніи говорилъ, что будетъ всегда въ парламентѣ за интересы рабочихъ, за максимумъ удовлетворенія ихъ нуждъ, согласимый съ хорошимъ ходомъ крупной промышленности. Соляжъ высказывается и за республику, и за реформы во имя справедливости и солидарности. Избиратели предпочли Жореса, не повѣривъ обѣщаніямъ его соперника, убѣдившись на четырехлѣтнемъ опытѣ въ ихъ неискренности.

Морской министръ, Ланессанъ, выступая кандидатомъ въ Ліонѣ, напомнилъ избирателямъ, что на выборахъ 1898 г. они дали ему полномочіе защищать республиканскія учрежденія отъ многочисленныхъ внутреннихъ враговъ и выступить на путь общественно-экономическихъ реформъ. Трехлѣтнее исполненіе Ланессаномъ обязанностей морского министра въ кабинетѣ Вальдека-Руссо должно убѣдить избирателей, что данное ему полномочіе онъ исполнилъ. Правительство, успокоивъ общественное мнѣніе, приступило къ важнымъ законодательнымъ мѣрамъ, ввело значительныя улучшенія въ податной системѣ и во флотѣ, поставило двѣ обширныя задачи: обезпеченіе рабочихъ на старость и измѣненіе отношеній между государствомъ и римско-католическою церковью. Первымъ шагомъ въ послѣднемъ отношеніи является принятый парламентомъ законъ, подчиняющій религіозныя общества,—обширныя и располагающія громадными средствами,—дѣйствительному контролю со стороны государства.

Президентъ бывшей палаты депутатовъ, Поль Дешанель, выступалъ съ рѣчью въ Ноженъ-ле-Ротру. Онъ началъ съ заявленія, что по рожденію, по сердцу и по разуму принадлежитъ къ республиканцамъ и чувствуетъ ненависть къ личной власти. Дешанель свидѣтельствуетъ о своей преданности демократіи, о томъ, что, рекомендованный Гамбеттой, онъ вѣрно и твердо служилъ республиканскимъ принципамъ. Изучивъ на мѣстѣ сѣверо-американскія учрежденія, Дешанель рѣшительно высказывается противъ избранія во Франціи президента республики не конгрессомъ соединенныхъ сената и палаты депутатовъ, какъ теперь, а плебисцитомъ, всеобщимъ народнымъ голосованіемъ. Опытъ съ Наполеономъ III показалъ, что послѣдній порядокъ избранія въ такой странѣ, какъ Франція, черезчуръ централизированной, ведетъ къ диктатурѣ.

Дешанель, вѣроятно, выступитъ опять кандидатомъ на постъ президента палаты депутатовъ; но на этотъ разъ очень серьезнымъ соперникомъ ему можетъ быть Бриссонъ.

Не безынтересна и рѣчь, произнесенная въ Олоронѣ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Барту. Онъ указалъ, что на основаніи постановленія турскаго конгресса соціалистовъ и разъясненій Жореса, Мильеранъ съ началомъ засѣданій новой палаты долженъ выйти изъ кабинета Валь-

дека Руссо. Это должно повести, по мнѣнію Барту, къ привлеченію въ новое министерство выдающихся вождей болѣе умѣренныхъ республиканскихъ фракцій. Барту возставалъ противъ націоналистовъ и съ большимъ уваженіемъ и похвалою говорилъ о Вальдекѣ-Руссо, который сталъ во главѣ правительства при исключительно тревожныхъ обстоятельствахъ, оставался у власти дольше, чѣмъ всѣ остальные министры-президенты республики, и въ значительной мѣрѣ умиротворилъ страну. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Барту рѣшительно протестуетъ противъ проектовъ Мильерана. Барту обѣщаетъ остаться противникомъ націонализма, болѣе или менѣе клерикальнаго, и коллективизма, болѣе или менѣе революціоннаго.

До созыва палаты остается не много дней. Если Мильеранъ выйдетъ въ отставку, то въ кабинетъ вступитъ, вѣроятно, одинъ изъ вождей радикаловъ,—Леонъ Буржуа, напримѣръ.

Въ Испаніи кончилось регентство королевы-матери: Альфонсъ XIII достигъ совершеннолѣтія, т.-е. только шестнадцатилѣтняго возраста.

Положеніе Испаніи печально. Блестящія торжества, бой быковъ ознаменовали начало царствованія юнаго короля; но недовольство населенія велико, республиканское движеніе усиливается, опасность карлистскаго возстанія далеко не миновала. Король не принялъ отставки престарѣлаго вождя либеральной партіи, Сагасты, и поручилъ ему оставаться во главѣ кабинета; но Сагаста не успѣлъ ничего сдѣлать для умиротворенія и благосостоянія Испаніи, и едва ли отъ него можно ожидать рѣшительныхъ шаговъ въ будущемъ. Непримиримая вражда испанскаго клерикализма съ свободомыслящими теченіями, особенно сильными въ Каталоніи, глубоко разъединяетъ страну.

По природнымъ условіямъ Испанія—страна не бѣдная. Но реакціонная политика и слабое развитіе просвѣщенія страшно тормозятъ развитіе производительныхъ силъ. Несчастная война съ Соединенными Штатами и потеря почти всѣхъ колоній нанесли тяжелый и острый ударъ экономическому положенію населенія. Кредитъ Испаніи страшно упалъ.

Манифестаціи противъ клерикализма вообще и іезуитовъ въ особенности множатся. На театральной сценѣ бурное движеніе вызываютъ *Электра* и написанная патеромъ Пеи Ордеиксъ *Paternidad* *) (въ Барселонѣ). Въ Сарагосѣ католическая процессія, во главѣ которой шелъ карлистскій генералъ, вызвала нападенія. Подобныя демонстраціи повторялись и въ другихъ мѣстахъ. Населеніе раздражено противъ іезуитовъ и католическихъ конгрегацій и потому, что, скопивши въ своихъ рукахъ огромныя богатства, они ускользаютъ отъ платежа податей. Я уже упоминалъ, что французскій законъ о конгрегаціяхъ возбудилъ въ этомъ же направленіи движеніе и въ Испаніи. Министерство заявило въ прошломъ, что готовится вступить по этому поводу въ переговоры съ Ватиканомъ. Въ дѣйствительности ничего

*) О немъ говорилось уже въ иностранномъ обозрѣніи.

не было достигнуто. Шестнадцать епископовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, при дружной поддержкѣ всѣхъ клерикаловъ, парализировали усилія правительства. Они перешли даже въ наступленіе, требуя полнаго подчиненія школы католической церкви. Напрасно Сагаста доказывалъ, что конкордатъ съ Римомъ, заключенный въ 1851 году, не удовлетворяетъ современнымъ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ. Епископы обратились къ папѣ съ адресомъ, на который получили отъ кардинала Рамполы весьма благосклонный отвѣтъ. Пидаль, испанскій посланникъ при папѣ Львѣ XIII, сообщилъ своему правительству, что католическія убѣжденія мѣшаютъ ему вести желательные кабинету переговоры съ Ватиканомъ, и подалъ въ отставку. Отсутствіе энергіи у Сагасты повело къ полному крушенію его плановъ.

Въ заслугу кабинета Сагасты должно поставить, что онъ, несмотря на ожесточенную оппозицію консерваторовъ въ кортесахъ, провелъ значительное увеличеніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія: съ 17 милліоновъ пезетъ въ 1901 г. до 43 милліоновъ для текущаго года *). Министръ народнаго образованія, Романонесъ, ввелъ серьезныя улучшенія въ университеты, расширивъ ихъ самоуправленіе.

Денегъ требуютъ военный и морской министры, первый—для увеличенія состава арміи, для ея перевооруженія, для крѣпостей, второй—для созданія флота, уничтоженнаго сѣверо-американцами. Естественно, что такія затраты не по силамъ полуразоренному населенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи потребленіе мяса почти исчезло. Въ Аркосъ де ла Фронтеро, напримѣръ, въ недѣлю, для населенія въ 14,000 человѣкъ, было убито 12 барановъ, 5 козъ, 9 свиней и ни одной коровы. Школъ очень мало. Въ Херезѣ, городѣ съ 70,000 жителей, только девять начальныхъ школъ. При такихъ условіяхъ начинается царствованіе Альфонса XIII.

Важное движеніе происходитъ въ Бельгіи. Оно направлено въ пользу введенія всеобщей подачи голосовъ. Соціалисты поняли, какую ошибку сдѣлали они, отказавшись на послѣднихъ выборахъ отъ всякаго соглашенія съ либеральною партіею: въ результатѣ получилось въ парламентѣ клерикально-консервативное большинство, отвергающее всѣ реформы. Одно время движеніе приняло бурный характеръ, выражаясь стачками рабочихъ и уличными демонстраціями. Но вождямъ рабочихъ удалось ихъ успокоить. И соціалисты, и либералы обращаются къ королю, чтобы онъ уладилъ столкновеніе, повліялъ на консервативное большинство, отвергнувшее проектъ введенія всеобщей подачи голосовъ. Но король, повидимому, не желаетъ взять на себя эту роль.

О католической пропагандѣ на Балканскомъ полуостровѣ, въ особенности въ Босніи и Герцеговинѣ, намъ приходилось уже не разъ говорить. Эта пропаганда усложняетъ здѣсь положеніе вещей, и безъ того довольно

---

*) Пезета равняется франку.

тревожное. Старо-чешская *Politik* недавно отмѣчала, что безпорядки на Балканскомъ полуостровѣ со дня на день увеличиваются и въ числѣ, и въ размѣрахъ. Турецкое правительство сосредоточиваетъ войска въ Албаніи и Македоніи, упорно не желая вводить туда давно и торжественно обѣщанныхъ реформъ. Болгарское правительство, подъ вліяніемъ Россіи и Австро-Венгріи, сдерживаетъ въ княжествѣ стремленіе къ дѣятельному вмѣшательству въ македонскія дѣла, но это стоитъ ему тяжелыхъ усилій и едва ли можетъ долго продолжаться. Уже много лѣтъ,—говоритъ *Politik*,—македонскій и албанскій вопросы требуютъ въ болѣе или менѣе острой формѣ ихъ разрѣшенія и во многихъ отношеніяхъ они связаны между собою. Арнауты оказывали упорное сопротивленіе и Австро-Венгріи, когда она занимала войсками Боснію и Герцеговину, и Черногоріи, которой по берлинскому договору отошли нѣкоторыя албанскія мѣстности. Вслѣдствіе морской демонстраціи европейскихъ державъ у Дульчиньо Порта вооруженною силою водворила спокойствіе въ Албаніи, но это вынужденное спокойствіе было непрочно, глубокое недовольство оставалось среди албанцевъ.

Благодатный край, Македонія, страшно терпитъ отъ турецкаго управленія и отъ ожесточеннаго соперничества населяющихъ ее болгаръ, сербовъ и грековъ. Большую часть населенія составляютъ болгары. Бывшій предсѣдатель македонскаго комитета, который доставляетъ столько тревогъ европейскимъ державамъ, Борисъ Сарафовъ, выработалъ проектъ дѣлежа, по которому къ Сербіи должна отойти Старая Сербія, къ Греціи Эпиръ, а остальную, большую часть получила бы Болгарія. Но нѣтъ надежды на осуществленіе такого плана, такъ какъ ни греки, ни сербы имъ не удовлетворены, а потому все христіанское населеніе Македоніи должно страдать подъ игомъ турецкаго владычества. Султанъ желалъ бы, чтобы подписавшія берлинскій договоръ государства предоставили ему полную свободу расправиться съ Македоніей и Болгаріей; но такого согласія не могутъ ему дать эти государства, потому что оно вызвало бы ужасающее кровопролитіе и вооруженное вмѣшательство ближайше заинтересованныхъ державъ, подняло бы на Балканскомъ полуостровѣ общій пожаръ. Недостаточно сдерживать болгарское и сербское правительства, необходимо потребовать отъ турецкаго постановленныхъ въ Берлинѣ реформъ.

Каково турецкое правленіе, объ этомъ можно судить по слѣдующей замѣткѣ, напечатанной въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: Мешверету* пишутъ изъ Константинополя, что, вслѣдствіе опубликованія въ этой газетѣ письма одного турецкаго генерала, въ Константинополѣ арестовано нѣсколько генералъ-адъютантовъ и три маршала.

Въ письмѣ генерала дѣлается, между прочимъ, слѣдующее разоблаченіе: «Предъ избіеніемъ армянъ султанъ созвалъ чрезвычайный совѣтъ, на которомъ присутствовали всѣ министры съ портфелемъ и безъ портфеля, маршалы, генералъ-адъютанты и нѣкоторые вали анатолійскихъ областей, также и глава мусульманскаго духовенства—шейхъ-юль-исламъ. Когда всѣ

были въ сборѣ, султанъ открылъ засѣданіе рѣчью: «Эфендилеръ! Вамъ извѣстно, что мои подданные армяне совсѣмъ взбѣсились. Никакія угрозы не могутъ ихъ образумить. Разумъ ихъ помутился до того, что не смѣвшіе въ теченіе 5 вѣковъ носить въ карманѣ перочиннаго ножичка для очистки яблока, они начали вдругъ вооружаться кинжалами и револьверами, чтобы ими истреблять правовѣрныхъ. Несомнѣнно, они всѣ помѣшались. Я считаю большою опасностью для своей имперіи оставлять на свободѣ буйныхъ сумасшедшихъ. Поэтому рѣшилъ отдать приказаніе къ ихъ поголовному истребленію. Что вы на это скажете?»

Произнесенныя въ порывѣ сильнаго раздраженія слова Абдулъ-Гамида какъ громомъ поразили всѣхъ. Никто не нашелся ему отвѣтить. Когда султанъ властно повторилъ свой вопросъ, шейхъ-юль-исламъ заплакалъ, говоря, что «устами пророка Аллахъ сказалъ всѣмъ вѣрующимъ не убивать безвинныхъ божьихъ тварей, тогда когда человѣкъ не можетъ создать и ничтожной мошки». Видимо, султанъ страшно разгнѣвался за дерзновенное поученіе, но воздержался отъ вспышки и обратилъ взоръ на маршала Фуада-пашу. Пылкій черкесъ вскочилъ и, стоя въ смѣлой позѣ, сказалъ султану: «Государь! Я награжденъ вашимъ величествомъ этими эполетами и орденами за мои боевые подвиги. Достоенъ ли я носить ихъ, достойны ли мои товарищи полученныхъ регалій, будетъ ли достойна доблестная армія вашего величества своего славнаго имени, если намъ придется употребить оружіе не противъ грознаго врага, а противъ стада барановъ, мизернаго райи, котораго возбуждаютъ къ мятежу нѣсколько десятковъ негодяевъ? Повѣсимъ этихъ негодяевъ, и волненіе райи утихнетъ. Райя же нуженъ намъ для обработки нашихъ полей и развитія торговли и промышленности государства. Что скажетъ Россія, что скажетъ Европа, если мы поступимъ, какъ ваше величество говоритъ?»—«Ты много мудрствуешь, Фуадъ,—возразилъ султанъ.—Московъ ничего не скажетъ. Я увѣрилъ его, что вскорѣ заключу съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ. Европа поворчитъ, какъ беззубая старуха, и перестанетъ. Итакъ, моя воля да будетъ свято исполнена. Всякій изъ васъ долженъ сдѣлать все для точнаго исполненія моего приказанія. Засѣданіе закрыто».

Послѣ этого,—по разсказу генерала,—нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на засѣданіи сговорились отправиться къ шейхъ-юль-исламу и убѣдить его издать февту о низложеніи султана. Глава мусульманскаго духовенства на это не согласился. Онъ только поклялся кораномъ, что не напишетъ своимъ подчиненнымъ ни одного слова объ истребленіи христіанъ въ Анатоліи. При этомъ онъ выразилъ увѣренность, что само мусульманское населеніе спасетъ армянъ отъ поголовнаго избіенія войсками и курдами. Такъ оно и было: вмѣсто того, чтобы вырѣзать слишкомъ 2.500,000 христіанъ, было перебито *только* 300,000. Во всѣхъ городахъ и селахъ мусульмане скрывали своихъ преслѣдуемыхъ сосѣдей и проклинали султана за его вопіющее злодѣяніе».

Это сообщеніе было напечатано въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* еще 18 апрѣля, и не вызвало никакого опроверженія.

Кризисъ, который давно уже переживаетъ Австро-Венгрія, вновь принялъ острый характеръ. На этотъ разъ на первый планъ выступаетъ соглашеніе между Цислейтаніею и Транслейтаніею. Венгрія не желаетъ въ финансовомъ отношеніи быть половиною государства, а лишь третью его, и вмѣстѣ съ тѣмъ первенствовать въ габсбургской монархіи, оказывая преобладающее вліяніе на ея иностранную политику. Кабинетъ Кёрбера не можетъ пойти на такія уступки, которыя вызовутъ негодованіе и нѣмцевъ, и славянъ.

И при этихъ условіяхъ милитаризмъ продолжаетъ поглощать въ Австро-Венгріи громадныя суммы. Въ счетъ текущаго года на новый артиллерійскій матеріалъ издержано уже 38 милліоновъ кронъ. Въ утѣшеніе плательщиковъ податей обѣщано на будущій годъ истратить съ этою цѣлью не менѣе 40 милліоновъ. И слѣдуетъ прибавить, что правительство не спросило у парламента предварительнаго разрѣшенія на такія траты.

А въ это время продолжаетъ тихо работать благородная мысль друзей мира. Въ апрѣлѣ въ Монте-Карло происходили засѣданія конгресса мира. Всѣ делегаты, за исключеніемъ десяти германскихъ, высказались за разоруженіе. Конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы державы, подписавшія берлинскій договоръ, понудили турецкое правительство исполнить его обязательства по отношенію къ Арменіи. Медленно, но упрямо прокладываетъ себѣ дорогу антимилитарное теченіе, и недалеко, быть можетъ, время, когда оно дастъ себя фактически почувствовать.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1902 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика. — Исторія, исторія литературы. — Критика. — Политическая экономія, статистика. — Юридическія книги. — Изданія для народа. — Книги для дѣтей. — Справочныя книги II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го апрѣля по 1-е мая 1902 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. — *К. А. Ковальскій.* „Вечернія пѣсни“. — *М. Горькій.* Разсказы. Т. V. Мѣщане. Драматическій эскизъ. — *П. В. Шумахеръ.* Стихи и пѣсни.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Изданіе книжнаго магазина С. Куринъ и К°. М., 1902 г. Лучшее достоинство разсказовъ г. Тищенка—это проникающая ихъ теплота и задушевность, сдерживаемая однако спокойнымъ теченіемъ незамысловатой фабулы. Авторъ умѣетъ сочетать внутренній лиризмъ и эпическій тонъ въ своеобразное цѣлое нѣсколько наивнаго и трогательнаго характера. Особенно хорошо рисуетъ онъ детали гнетущей нужды и то настроеніе, которое она вызываетъ въ своихъ жертвахъ. „Заработать дѣткамъ на башмачки“, эта мечта одного изъ героевъ г. Тищенка,—вотъ господствующая нота его произведеній. Разсказъ „Хлѣбъ насущный“, гдѣ вымысла и чистой художественности нѣтъ, „правдивая повѣсть о бѣдствіяхъ сельскаго учителя“, производитъ необыкновенно сильное, душу разрывающее впечатлѣніе именно своею правдивостью: фотографически точно изображается передъ нами безплодное исканіе заработка скромнымъ интеллигентомъ, у котораго голодная семья, который съ фатальной неизбѣжностью доходитъ до того, что протягиваетъ свою, когда-то рабочую руку за подаяніемъ. Г. Тищенко—писатель ненасыщенныхъ блѣдныхъ дѣтей, писатель голода и мелкой, изнурительной и унизительной борьбы съ бѣдностью; сосчитанные кусочки хлѣба и сахару, жиденькій чай, копейки, которыхъ нѣтъ и которыя нужны для самой элементарной потребности, „сердитое, злое желаніе ѣсть“, которое заставляетъ чиновника красть и обмѣнивать на пищу гербовыя марки,—всѣ эти аксессуары и спутники упорной нужды занимаютъ очень видное мѣсто на страницахъ его книги. Но все это описываетъ онъ безъ сантиментальности и озлобленія, и дѣйствіе этихъ потрясающихъ въ своемъ будничномъ драматизмѣ картинъ,—дѣйствіе, осуществляемое простыми средствами, умѣряется любовью къ человѣку, вѣрой въ его чистоту и благородство: такой взглядъ на человѣка составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей автора. Отецъ чиновника Леонова получаетъ по 8 рублей въ мѣсяцъ пенсіи и всѣ

деньги отдаетъ на обширную семью сына, а самъ старается въ трудные дни по возможности ничего не ѣсть; „онъ геройски готовъ отказаться отъ своего куска хлѣба въ пользу дѣтей, но не можетъ устоять передъ соблазномъ попить чаю съ сахаромъ и согрѣть свое старое, ноющее тѣло“ (стр. 227). Крестьянскій защитникъ Иванъ Ивановичъ, тотъ самый, которому нужно заработать дѣткамъ на башмачки, безкорыстно трудится для своихъ неблагодарныхъ кліентовъ и не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь безвинно пострадалъ. И даже привычный къ чужому горю еврей-ростовщикъ деликатно даритъ бывшему сельскому учителю Лавренку пятьдесятъ копеекъ, не хочетъ брать за нихъ подъ залогъ крестика, которымъ тотъ крестилъ всѣхъ своихъ дѣтей. Г. Тищенко очень внимателенъ къ горю маленькаго, незамѣтнаго человѣка, и такъ тепло, напримѣръ, рисуетъ онъ веселую, милую дѣвушку, которой суждено зачахнуть и потухнуть въ атмосферѣ скучной канцелярской работы, въ мертвомъ одиночествѣ, горестномъ для ея любящей и жаждущей натуры („Бѣдняжечка“). Жаль, что въ сборникъ своихъ произведеній г. Тищенко почему-то не внесъ одного своего трогательнаго разсказа: „Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка“. Слабѣе всего въ книгѣ нашего автора деревенская быль „Семенъ-сирота и его жена“: тонъ ея не выдержанъ,—сначала мы слышимъ какъ будто разсказъ для крестьянъ, нечуждый поучительнаго оттѣнка, а потомъ этотъ специфическій характеръ „были“ испаряется.

К. А. Ковальскій. Вечернія пѣсни. Разсказы, очерки, наброски. Серіи: Пастели. Зимнія мелодіи. Тернистыя стези. Ищутъ. Изъ воспоминаній о жизни въ Закавказьѣ. М., 1902 г. Ц. 1 руб. Большимъ недостаткомъ этой маленькой книжки является ея напыщенность. Уже въ риторическомъ предисловіи авторъ сообщаетъ намъ, что его credo—„идеалистическій реализмъ“, что „художественное произведеніе должно быть результатомъ сплава четырехъ расплавленныхъ въ горнѣ творчества элементовъ: идеи, формы, настроенія и правды жизни“, что „искусство—огромный огонь, жизнь—океанъ воды. Изъ соприкосновенія, изъ борьбы перваго со второй—получаются остро-ароматные пары, неудержимо летящіе къ небесамъ, а въ нихъ—радуга“. Въ заключеніе г. Ковальскій говоритъ, что если читатели найдутъ хотя бы въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ успѣшное сліяніе перечисленныхъ имъ элементовъ искусства, то „это находка будетъ лучшей наградой автору за строительство хижинъ мысли и чувства“. Непріятно-повышенный тонъ вычурной рѣчи не покидаетъ г. Ковальскаго и на дальнѣйшихъ страницахъ его книги, и часто звонкое обиліе словъ, роскошное изліяніе несдержаннаго лиризма, образуетъ у него странный контрастъ съ незначительностью фабулы. Зато пристрастіе къ красочнымъ выраженіямъ и словесной живописи дѣлаетъ яркими и колоритными пейзажи автора,—напримѣръ, его крымскіе виды. Есть у него и трогательные жанры („Камень“, „Кухаркинъ мужъ“), удачно подмѣченныя сцены („Фонтанъ горитъ“); но эти спорадическія хорошія вещицы блѣднѣютъ передъ разсказами надуманными и неестественными (какова, напримѣръ, „Иронія“). Каждое произведеніе г. Ковальскаго, или сплошь, или въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, представляетъ собою стихотвореніе въ прозѣ, что въ большомъ количествѣ и при среднемъ качествѣ—вещь утомительная. Автору слѣдуетъ пожелать возможно больше простоты; теперь она у него въ загонѣ,—вотъ почему и книжка его, несмотря на отдѣльныя счастливыя мѣста, производитъ впечатлѣніе манерности.

М. Горькій. Разсказы. Т. V. Изданіе т—ства „Знаніе“. Ц. 1 р. Спб., 1901 г. Мѣщане. Сцены въ домѣ Безсѣменова. Драматическій эскизъ въ 4 акт. Изд. т—ства „Знаніе“. Ц. 60 к. Спб., 1902 г. Пятый томъ сочиненій г. Горькаго, кромѣ полуторы страничекъ „Пѣсни о буревѣстникѣ“, весь занятъ повѣстью „Трое“. Большинству читателей она, безъ сомнѣнія, извѣстна; ее съ волнующимъ интересомъ читали, когда она появлялась въ *Жизни*, а теперь, въ отдѣльной книгѣ, эта эпопея бѣдности и горя, написанная порою въ высшей степени колоритно и ярко, снова обратила на себя общее вниманіе. Безспорно, однако, что послѣднимъ она обязана не своей художественной и психологической цѣнности. Напротивъ, въ эстетическомъ отношеніи повѣсть г. Горькаго очень слаба, и несмотря на ея серьезный и глубокій замыселъ, на ея пессимистическое настроеніе, которое иногда властно заражаетъ читателя,—въ ней есть крупные и роковые для автора изъяны. То фактическое и образное, во что г. Горькій облекаетъ свои завѣтныя идеи, не всегда выдержано, и каждому бросаются въ глаза расплывающіеся и блѣдные штрихи, внутреннія противорѣчія, отсутствіе жизненности. Въ *Троихъ* не мало сочиненнаго и выдуманнаго; въ жертву фантазіи, хотя бы и красивой, принесена реальная правда. Повѣсть крайне растянута, и надобно усиліе, чтобы не пропустить нѣкоторыхъ страницъ ея. Дѣйствіе подвигается вяло и медленно, и вы чувствуете, что здѣсь не въ дѣйствіи сила: оно необходимо лишь какъ поводъ и предлогъ для рефлексіи,—точно всякій поступокъ героевъ имѣетъ для автора значеніе не самъ по себѣ, а какъ иллюстрація извѣстной мысли и удобный діалектическій переходъ къ дальнѣйшему разсужденію. Всѣ „трое“ не столько живутъ, не столько дѣлаютъ жизнь, сколько думаютъ о ней и тоскуютъ; они почти ни о чемъ другомъ и не разговариваютъ между собою, какъ о Богѣ, о мірѣ, о правдѣ,—всѣ ищутъ этой правды, и ищутъ не стихійно и непосредственно, а въ вооруженіи философскаго сознанія и анализа. У нихъ очень мало обычной свѣжести и наивности впечатлѣній,—мелкое, обыденное и внѣшнее не занимаетъ ихъ въ своемъ непосредственномъ содержаніи; всѣ они, особенно Илья и Яковъ, мистически прислушиваются къ внутреннимъ голосамъ своего духа и жизни вообще. Это не живые люди, погибшіе въ неравной борьбѣ, сломленные и чужой силой, и собственной слабостью, подавленные дерзновеніемъ собственнаго подвига: нѣтъ, это блѣдныя схемы, отвлеченные носители тоски и помысловъ. Если Павелъ, въ изображеніи автора, больше похожъ на обыкновеннаго человѣка своей среды, то какъ бы въ видѣ поправки къ этой безхитростной ординарности онъ надѣленъ поэтическимъ даромъ. *Трое* не привыкаютъ къ своему положенію, всегда чувствуютъ себя несчастными и постоянно сравниваютъ свою бѣдность и горе съ чужимъ богатствомъ и довольствомъ. Если вѣрить г. Горькому, они—вѣчные зрители самихъ себя и каждый мигъ сознаютъ свое несчастье, разбираютъ его, носятся съ нимъ. Авторъ забылъ о глубокомъ жизненномъ явленіи, о „замѣнѣ счастья“—привычкѣ къ несчастію. Безконечная власть привычки миритъ людей съ ихъ положеніемъ, и во всякомъ случаѣ они не могутъ, какъ это невѣрно изображено у г. Горькаго, все время, безъ отдыха и сроку, безъ единой минуты забвенія, чувствовать себя бѣдными, униженными, обиженными. Типичности и жизни поэтому въ *троихъ* нѣтъ. Правда, и рисуетъ ихъ авторъ, особенно Лунева, выше человѣческаго роста и не знаетъ мѣры своей незаслуженной идеализаціи. Луневъ убиваетъ старика (сцена, написанная чрезвычайно ярко, при всей экономіи красокъ), но угрызеній совѣсти онъ никогда не чувству-

етъ, мысль о покаяніи злобно отталкиваетъ отъ себя и плюетъ на могилу убитаго; онъ считаетъ себя не убійцей мѣнялы, а его карателемъ, и когда Ильѣ улыбнулось счастье и онъ видитъ близкое осуществленіе своей мечты о „чистой жизни“, то это „судьба проситъ у него прощенія“. Въ чемъ прощенія? Вѣдь личная доля Лунева, собственно говоря, сложилась очень недурно. А то, что онъ убилъ старика, — такъ вѣдь надо еще доказать, что судьба неминуемо привела его къ этому дикому шагу. Психологическую обоснованность „сверхъ-человѣческихъ“ ощущеній Ильи авторъ не показалъ, и притязанія Луневы смѣшны. Тонкій обличитель чужой неправды, онъ не понимаетъ однако, въ чемъ грѣхъ торгашества, не понимаетъ упрековъ Софьи Николаевны; онъ—большой практикъ и въ объятіяхъ Автономовой думаетъ о томъ, что̀ хорошаго можетъ дать ему эта выгодная связь. То оскорбительное ощущеніе, которое вызываетъ у читателя фальшивая идеализація, вообще нерѣдко при чтеніи повѣсти г. Горькаго. Напримѣръ, красивый образъ Олимпіады поражаетъ своей сочиненностью, и когда эта уличная дѣвушка говоритъ про себя: „Если я захочу погасить солнце, такъ влѣзу на крышу и буду дуть на него, пока не испущу послѣдняго дыханія“ (стр. 142), то читателю становится совѣстно за автора. Все грубо вымышленное непріятно, а у Горькаго, при всемъ его реализмѣ, оно встрѣчается не разъ. Мальчикъ Яковъ молится Богу по ночамъ вотъ отчего: „Я маленькій, днемъ мою молитву Богу не слышно“ (стр. 52). Въ „Троихъ“ сказалась и свойственная г. Горькому страсть къ накопленію внѣшнихъ ужасовъ: напримѣръ, онъ бьетъ читателя по нервамъ, когда заставляетъ Машу разсказывать, какимъ утонченнымъ пыткамъ подвергаетъ ее мужъ. Читатель содрогается, но всетаки недоумѣваетъ, за что обыкновенный старый купецъ такъ изысканно терзаетъ свою ни въ чемъ неповинную жену и гдѣ здѣсь внутреннее правдоподобіе и необходимость. У г. Горькаго „жестокій талантъ“, но иного порядка, чѣмъ у Достоевскаго: послѣдній обнажаетъ передъ нами внутреннія, душевныя муки; г. Горькій безпощадно рисуетъ страданія физическія. Отмѣтимъ невнимательное отношеніе автора къ своимъ героямъ,—на стр. 272 мы читаемъ: „старикъ-мужъ ревнуетъ и мучаетъ Машу. Онъ никуда, даже въ лавку не выпускаетъ ее: *она сидитъ въ комнатѣ* съ дѣтьми и, не спросясь старика, не можетъ выйдти даже на дворъ. *Дѣтей* старикъ куда-то *сбылъ*, кому-то отдалъ, и *живетъ одинъ съ Машей*“. Какъ же это: и съ дѣтьми, и безъ дѣтей одновременно, на протяженіи трехъ строчекъ?... Почти всѣ лица говорятъ у г. Горькаго одинаково, и говорятъ красивыми прибаутками и пословицами, выразительно и остро. Хороши второстепенные образы Перфишки, Кирика, Гаврика, рыботорговца,— хорошо все, что г. Горькій не сочиняетъ, что не служитъ для него аргументами идей, а занимаетъ его своей непосредственной жизненностью и правдой. Къ сожалѣнію, въ „Троихъ“ преобладаетъ сочиненное, и слова тамъ сильнѣе, чѣмъ люди, и обнаженная, не очень глубокая мысль преобладаетъ надъ художественной выразительностью и реализмомъ.

То же приходится сказать и о новѣйшемъ произведеніи г. Горькаго „Мѣщанахъ“. Въ этой драмѣ меньше всего драматизма, живого дѣйствія и живыхъ людей. Передъ нами скорѣе рядъ афоризмовъ и сентенцій,—иногда остроумныхъ и мѣткихъ, иногда сомнительной глубины и несомнѣнной притязательности. Если бы эти изреченія не были вложены въ уста героевъ и героинь, а просто собраны въ отдѣльную книжку подъ заглавіемъ „Афоризмы Максима Горькаго“, на подобіе афоризмовъ

Ла-Рошфуко или Ницше, то это представляло бы для читателя значительно бо̀льшее удобство: такую книжку можно открыть на любой страницѣ, закрыть ее когда и гдѣ угодно, прочесть изъ нея одно, пропустить другое,—ничто не связываетъ насъ въ этой преднамѣренно-безсистемной мозаикѣ. Но когда изреченія и сентенціи философскаго характера заполняютъ собою *драматическое* произведеніе, которое по самому существу своему должно представлять нѣчто цѣльное, единое и законченное; когда они тормозятъ непосредственную напряженность дѣйствія, замедляютъ его ходъ и отвлекаютъ отъ него любопытство и вниманіе читателя, то, какъ бы интересны ни были они сами по себѣ, какъ бы ни интересно было, съ другой стороны, самое дѣйствіе, наше впечатлѣніе во всякомъ случаѣ раздвоивается, блѣднѣетъ, и авторъ оставляетъ насъ неудовлетворенными. А въ пьесѣ г. Горькаго, къ тому же, и афоризмы не очень блестящи, и дѣйствіе не очень значительно. Разговаривающія (а не дѣйствующія) лица „Мѣщанъ“ ведутъ свои длинныя бесѣды ровно, медленно, неторопливо,—они, положимъ, никуда и не спѣшатъ, а вотъ читателю некогда: читателю нужна бо̀льшая энергія и сосредоточенность движенія, быстрое развитіе характеровъ и сюжета. Несчастная любовь Татьяны къ Нилу, похоронившая послѣднюю надежду бѣдной дѣвушки, не расцвѣтшая и отцвѣтшая любовь Тетерева къ Полѣ—все это могло бы послужить благодарной темой для драматическаго произведенія, если бы эти живые штрихи не тонули въ безконечномъ и тягучемъ резонерствѣ. Г. Горькій хотѣлъ изобразить скуку безсѣменовскаго дома и приложилъ къ этому всѣ старанія; эффекты скучнаго собраны имъ въ изобиліи, вплоть до угнетающей мебели и тиканья часовъ. И что же? Результатъ получился самый неожиданный и печальный: скучнымъ оказался не только домъ Безсѣменова, скучной вышла и пьеса г. Горькаго. Скуку надо живописать интересно, — авторъ этого не сумѣлъ и скуку описалъ скучно. Сами герои такъ часто и пространно жалуются на скуку, а Елена такъ часто называетъ себя веселой, что утомленный читатель вполнѣ заражается настроеніемъ первыхъ. Тѣ выводы изъ мѣщанской бытовой картины, которые долженъ былъ бы сдѣлать читатель пьесы, герои ея дѣлаютъ сами и усердно ставятъ надъ каждымъ і огромныя точки: это тоже не способствуетъ увлекательности произведенія и мало интригуетъ... Всѣ разговаривающія лица упорно острятъ и каламбурятъ,—иногда недурно, иногда плоско, во всякомъ случаѣ одинаково. Г. Горькій вообще слабо индивидуализируетъ языкъ своихъ героевъ, и смѣшать ихъ другъ съ другомъ не трудно. Замыселъ пьесы, не новый и не оригинальный, всетаки хорошъ. Домъ Безсѣменовыхъ—символъ всяческой пошлости и буржуазнаго крохоборства. Но домъ этотъ очень обширенъ, и въ немъ прекрасно и дружно размѣщаются и необразованные отцы, и образованныя дѣти, такъ что изображаемый въ пьесѣ конфликтъ между невѣжествомъ и образованіемъ, между старыми и молодыми, психологически необоснованъ. Петръ такой же мѣщанинъ, какъ и его отецъ: это хорошо понимаетъ г. Горькій, объ этомъ хорошо говоритъ Тетеревъ. Но эстетическая ошибка автора заключается въ слѣдующемъ: старикъ Безсѣменовъ изображенъ такимъ умнымъ человѣкомъ, что онъ самъ не можетъ не сознавать всей духовной близости своей съ Петромъ; онъ насквозь видитъ сына и долженъ чувствовать, что они—одного поля ягоды; а въ такомъ случаѣ, гдѣ основанія для конфликта и не смѣшно ли, что въ пьесѣ придается фатальная и преувеличенная роль образованію, которое на самомъ дѣлѣ между Безсѣменовымъ-отцомъ и Безсѣменовымъ-сыномъ составляетъ лишь очень тонкую и хрупкую перегородку? Да и

Татьяна, если бы ей удалось выйти за Нила, не очень бы отклонилась отъ мѣщанской удовлетворенности. Драматизмъ въ положеніи Безсѣменова непонятенъ. Намъ, вѣроятно, придется еще говорить о „Мѣщанахъ“, и мы тогда глубже вникнемъ въ проповѣдь Тетерева, этого enfant terrible безсѣменовскаго дома и любимаго дѣтища г. Горькаго (по крайней мѣрѣ, во всѣхъ произведеніяхъ послѣдняго Тетеревъ и его разновидности—налицо). На этотъ разъ отмѣтимъ лишь, что Тетеревъ пьетъ водку и считаетъ себя очень сильнымъ и на стр. 68 выражается такъ: „природа—хитра. Ибо, если къ силѣ моей прибавить злобу,—куда бѣжишь ты отъ меня?“; а на стр. 32 онъ же говоритъ про себя совсѣмъ иное и болѣе справедливое: „я просто—пьяница, не больше. Пьяницъ у насъ любятъ. Ибо всегда удобнѣе любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чѣмъ что-либо крупное, хорошее“. Такъ что же Тетеревъ—сила или мелочь? Рѣшить это было бы легко и читателямъ, и самому автору, если бы г. Горькій лучше зналъ своихъ собственныхъ персонажей и рисовалъ ихъ не придуманными, а живыми красками, если бы онъ не морализировалъ и не резонировалъ, если бы онъ воспроизводилъ только жизнь, а не свободный полетъ своей мысли. Вѣдь умѣетъ же онъ не одни слова говорить; вѣдь и въ „Мѣщанахъ“, на-ряду съ сочиненнымъ, есть настоящее дыханіе жизни, прекрасное дыханіе таланта. Напримѣръ, какъ естественно и тепло нарисованъ милый образъ Поли, какъ хорошъ ея отецъ, какъ сильна и драматична сцена, когда Безсѣменовъ выгоняетъ Перчихина! А съ другой стороны, какъ много въ пьесѣ лишняго, какъ тягостенъ весь четвертый актъ, ни на что ненужный (весь сюжетъ завершился въ третьемъ, и всѣ дальнѣйшіе разговоры можно было предвидѣть уже въ немъ), какъ непріятна въ этомъ четвертомъ актѣ сумбурная сцена, когда всѣ вмѣстѣ говорятъ и кричатъ, и суетятся! Да, двѣ души живутъ въ груди М. Горькаго — душа художника и душа резонера...

П. В. Шумахеръ. Стихи и пѣсни. М., 1902 г. Въ этотъ сборникъ стиховъ, приготовленный къ печати самимъ авторомъ, вошла, по словамъ издателя, лишь небольшая часть стихотвореній Шумахера: „къ сожалѣнію,—сказано въ предисловіи,—весьма многое изъ оставленнаго П. В. Шумахеромъ еще не подлежитъ оглашенію“. Мы помнимъ небольшую книжечку стихотвореній Шумахера, изданную въ Берлинѣ, если не ошибаемся, лѣтъ 20—25 назадъ; она несравненно интереснѣе выпущеннаго теперь сборника, въ которомъ преобладаютъ старчески-игривые, подчасъ совсѣмъ непристойные стишки о разныхъ Анютахъ и Машкахъ. Изъ тѣхъ сатирическихъ стихотвореній, полныхъ живого юмора и ѣдкаго остроумія, которыя когда-то ходили по рукамъ и доставили Шумахеру извѣстность въ нѣкоторыхъ кругахъ московскаго и петербургскаго общества, въ этотъ сборникъ попали лишь немногія; образчиками ихъ могутъ служить „Послѣдній изъ могиканъ“, „Свѣжо преданіе“ и др.; вотъ одно изъ нихъ:

Тятька, звонъ, что народу
Собралось у кабака:
Ждутъ каку-то все слободу.
Тятька, кто она така?

— Цыцъ! нишкни! пущай гуторятъ,
Наше дѣло сторона;
Какъ возьмутъ тебя да вспорютъ,
Такъ узнаешь, кто она!

Шумахеръ обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ: стихъ его, даже во многихъ пустыхъ эротическихъ пьескахъ, силенъ и изященъ; но это дарованіе размѣнялось на мелочи, на шутки и остроты. Что могъ бы дать намъ этотъ поэтъ при иныхъ условіяхъ, показываютъ такія глубоко-прочувствованныя и очаровательныя по формѣ стихотворенія, какъ „Романсъ къ Лавиніи“ или „Стонъ“; о сжатой мѣткости его стиха можетъ дать представленіе хотя бы восьмистишіе „На петровское двухсотлѣтіе“:

Покорна генію Петра,
Отъ сна Россія пробудилась,
Остриглась, выбрилась, умылась
И бойко вышла со двора.
Судить дѣянія его
Я слабымъ разумомъ не смѣю;
Я предъ Петромъ благоговѣю
За *женщинъ* болѣе всего.

Стихи, вошедшіе въ этотъ сборникъ, обнимаютъ періодъ почти въ полвѣка (съ 1842 по 1887 г.). Шумахеръ умеръ въ 1891 г. въ весьма преклонныхъ лѣтахъ; его небольшой талантъ до конца сохранилъ всю свою свѣжесть, простоту и искренность. Читатель, вѣрно, не посѣтуетъ на насъ, если мы въ заключеніе приведемъ одно изъ послѣднихъ (1886 г.) стихотвореній Шумахера—„Flor fina“:

Ненастной осенью съ житейскаго базару
Вернулся я домой, присѣлъ у камелька
И съ чувствомъ закурилъ тончайшую сигару,
Вдыхая нѣжный духъ съ любовью знатока.

И думалося мнѣ, въ чемъ кроется причина,
Что прежнихъ дѣвственныхъ почти что нѣтъ сигаръ,
Какъ въ высшемъ обществѣ—бояръ съ душой flor fina:
Все больше внѣшность, фальшь, вонь, копоть и угаръ!

Испепелилася до тла моя гаванна,
Но чуденъ ароматъ, хотя ея ужъ нѣтъ...
Блаженъ тотъ мужъ, чья жизнь прошла благоуханно,
Оставивъ по себѣ намъ свой душистый слѣдъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ Новое время. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). — *З. Чичинадзе.* Переходъ грузинъ въ исламъ. — *Алексѣй Веселовскій.* Байронъ. Біографическій очеркъ. — *Е. Н. Опочининъ.* Театральная старина.—Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ. Сост. *Б. Сосницкій.—Б. Л. Модзалевскій и* Е. В. Великопольскій.

Е. В. Тарле. Исторія Италіи въ новое время (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицскаго). Спб., 1901 г. Дать на небольшомъ числѣ страницъ хорошій общій очеркъ исторіи цѣлой страны за нѣсколько вѣковъ,—задача очень нелегкая. Помимо глубокаго знакомства съ предметомъ, для этого требуется еще особая способность изъ необозримой массы матеріала выбрать рядъ данныхъ, наиболѣе ха-

рактерныхъ и общихъ, и изложить ихъ въ формѣ, одинаково далекой отъ чрезмѣрной отвлеченности и излишней фактичности. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если автору разбираемой книги не удалось вполнѣ удачно разрѣшить такую задачу. Книга г. Тарле представляетъ значительный интересъ больше по своему сюжету, чѣмъ по способу его разработки. Слишкомъ ужъ замѣтны на ней слѣды спѣшной работы. Повидимому, авторъ не настолько освоился съ предметомъ, чтобы дать вполнѣ продуманный очеркъ его въ цѣломъ, и потому, вмѣсто исчерпывающей общей характеристики, долженъ довольствоваться описаніемъ отдѣльныхъ сторонъ и частей. Сами по себѣ описываемыя явленія нерѣдко очень интересны, но, не сведенныя въ одно стройное цѣлое, они оставляютъ въ умѣ читателя довольно смутное впечатлѣніе. Свое изложеніе авторъ разбиваетъ на нѣсколько отдѣловъ, но дѣленіе это оказывается нѣсколько искусственнымъ, и потому, наприм., объ итальянскихъ войнахъ ему приходится говорить въ концѣ отдѣла о XIV—XV вѣкахъ и въ началѣ главы о XVI — XVII столѣтіяхъ; а разсказы о Сикстѣ V и Мазаніелло, неизвѣстно почему, оказываются въ отдѣлѣ о XVIII вѣкѣ. Особенно любопытна судьба параграфовъ, излагающихъ внѣшнюю исторію. Событія ея представляютъ нѣкоторый интересъ только подъ условіемъ достаточно подробнаго ихъ изложенія, для котораго въ данномъ случаѣ нехватало мѣста; поэтому автору приходилось ограничиться общей характеристикой ихъ хода, но онъ предпочелъ просто перечислять главнѣйшія изъ нихъ, отчего впечатлѣніе получилось довольно спутанное. Обще - историческіе взгляды автора представляются иногда нѣсколько устарѣлыми. Такъ, на стр. 20 онъ говоритъ: „За долгую тысячелѣтнюю культурную ночь, которая продолжалась всѣ средніе вѣка, не было ничего изобрѣтено, написано, вылѣплено, что могло бы стать хоть въ отдаленнѣйшее сравненіе съ античной мыслью и античнымъ искусствомъ; ни одной новой, свѣжей мысли не было пущено въ оборотъ, ни одного усилія художественнаго творчества, ни одного порыва фантазіи,—все равно, поэтической или философской“. Такъ отзываться о среднихъ вѣкахъ можно было только въ эпоху „просвѣщенія“ XVIII ст., когда они представлялись въ видѣ ветхихъ обломковъ, стѣснявшихъ дальнѣйшее движеніе. Изъ курьезныхъ частностей отмѣтимъ одну: авторъ все еще слѣдуетъ старой легендѣ о пощечинѣ, данной Бонифацію въ Ананьи, легендѣ, давно уже опровергнутой Ренаномъ,—но виновникомъ оскорбленія здѣсь (стр. 17—32) неожиданно оказывается уже не Колонна, а Ногаре. Что касается самаго изложенія, то удобопонятности его нѣсколько вредитъ употребленіе безъ особой нужды и безъ всякаго поясненія иностранныхъ словъ (интерпретація, девотки, анналисты, понтификатъ, деташементъ, инсуррекція, нюансъ, кульминація и т. п.). Странно также отсутствіе мало-мальски подробнаго оглавленія. Перечь „важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей Италіи XIV—XIX вв.“ составленъ довольно неудачно. Половина его состоитъ изъ итальянскихъ сочиненій, для нашего читателя почти совсѣмъ недоступныхъ; изъ русскихъ книгъ то же можно сказать о „Быломъ и Думахъ“; сочиненія Добролюбова въ публичныя библіотеки не допускаются. Далѣе, книга Сорена очень плоха, трудъ Карѣева („Зап. Евр. въ новое время“) слишкомъ объемистъ, да и не указано, гдѣ въ пяти большихъ томахъ его искать главъ объ Италіи. Такимъ образомъ читателю остается только I-й томъ „Исторіи объединенія Италіи“ Больтона Кинга. Жаль, что въ перечнѣ не указанъ русскій переводъ классическихъ трудовъ, Ранке о римскихъ папахъ и Буркхард-

та о культурѣ Возрожденія въ Италіи. Приложенныя къ книгѣ карточки Италіи въ новое время исполнены недурно, но слишкомъ миніатюрны.

З. Чичинадзе. Переходъ грузинъ въ исламъ. Тифлисъ, 1902 г. Вопросъ о переходѣ грузинъ въ исламъ въ XVII—XVIII вв. до настоящаго времени остается весьма мало обслѣдованнымъ. Въ послѣдніе годы за сообщеніе свѣдѣній о постоянномъ исчезновеніи грузинскаго языка въ Ахалцихско-Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Батумской области, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Карсу, и въ иныхъ пунктахъ, взялся энергичный издатель грузинскихъ книгъ, библіографъ и народникъ Захарій Чичинадзе. Этому безкорыстному и благородному труженику удалось побывать во всѣхъ почти омусульманившихся мѣстахъ въ предѣлахъ Тифлисской и Кутаисской губ., а также Батумской и Карсской областяхъ, и собрать весьма цѣнныя свѣдѣнія о насильственномъ водвореніи ислама среди грузинъ-христіанъ. Всѣ данныя по этому скорбному вопросу онъ записывалъ съ устъ почтенныхъ старцевъ, являвшихся свидѣтелями вытѣсненія грузинскаго языка османскимъ, или же слышавшихъ объ этомъ отъ своихъ предковъ. Процессъ усиленія турецкаго вліянія въ предѣлахъ Западной Грузіи сопровождался двумя печальными послѣдствіями: 1) исчезновеніемъ христіанства и водвореніемъ ислама и 2) замѣной грузинскаго языка османскимъ среди грузинскаго населенія. Авторъ исходилъ и обозрѣлъ окрестности Карса, когда-то заселенныя грузинами, Артвинъ, Мургули, Шавшети, Девескельское ущелье, Ливанъ, Имерхеви, Схамиское ущелье, Мачахли, Адчару, Лазистанъ, Чакви, Кинтрими-Кобулеты, Джавахетіи, Самцхе и др. Вездѣ онъ прослѣживалъ по возможности начало водворенія ислама и постепенное исчезновеніе грузинскаго языка. Прежде всѣхъ мусульманство водворилось въ ахалцихо-ахалкалакскомъ районѣ, за нимъ уже послѣдовали другія мѣстности. Точно также грузинскій языкъ сначала въ Месхетіи былъ замѣненъ османскимъ, а затѣмъ въ Аджарѣ и др. Грузинская рѣчь была строго запрещена, ослушниковъ подвергали суровымъ наказаніямъ. Нынѣ среди подховскихъ грузинъ-мусульманъ по-грузински уже не говорятъ, но въ Зечалѣ, гдѣ около 120 деревень, въ Батумской и въ Аджарѣ грузинская рѣчь еще господствуетъ. Въ Артвитѣ, Ардаганѣ, Карсскомъ и Ольшинскомъ округахъ грузинскій языкъ слышится очень рѣдко.

Въ XVIII в. царевичъ Вахумтъ въ своей географіи упоминаетъ, что въ Месхетіи прочно водворился исламъ, но грузинская рѣчь еще слышится. Нынѣ, помимо господства мечети тамъ, гдѣ процвѣтало христіанство, и грузинскій языкъ становится рѣдкимъ явленіемъ. Знаменитые храмы въ Анчи, Пархали, Онихи и др. заброшены и разрушены, свѣдѣнія объ нихъ исчезаютъ, какъ поглощаются грузинскій и христіанскіе элементы мусульманскимъ и османскимъ. Какіе громадные успѣхи дѣлаетъ здѣсь вліяніе Турціи, видно изъ того, что лишь десятая часть изъ омусульманившихся грузинъ владѣетъ грузинскимъ языкомъ. Такъ искажается районъ, гдѣ родился Шата Руставели и откуда происходилъ св. Георгій Мтауминденъ, перелагатель священнаго писанія на грузинскій языкъ. То, что должно быть сдѣлано для этого края усиліями цѣлаго общества, предпринимается однимъ человѣкомъ, З. Чичинадзе, на свои средства и свой рискъ. Помимо изданной книжки, авторъ ея приготовилъ еще рядъ работъ, основанныхъ на матеріалахъ, касающихся перехода самцхійскихъ атабеговъ (Джакели) въ исламъ 1630 г. Одна любопытная подробность должна быть отмѣчена въ изданной книжкѣ З. Чичинадзе. Причины, способствующія усиленію ислама въ Гуріи, отчасти нашлись въ условіяхъ исторической среды. Гурійскіе помѣщики

притѣсненіемъ своихъ крѣпостныхъ способствовали бѣгству послѣднихъ въ предѣлы турецкихъ владѣній, гдѣ ихъ освобождали отъ крѣпостного ига. Съ другой стороны продажа крѣпостныхъ въ Турцію также увеличивала составъ грузинъ среди османскаго населенія, въ силу сложившихся обстоятельствъ принимавшихъ исламъ. Въ Батумѣ существовалъ базаръ, гдѣ родители занимались продажей дѣтей, какъ обычныхъ товаровъ. Извѣстно, что противъ плѣнопродавства возставали представители церкви Западной Грузіи и довольно безуспѣшно громили отступниковъ отъ ихъ проповѣди. Но самымъ сильнымъ стимуломъ къ переходу въ исламъ служили забота о самосохраненіи и вопросъ существованія: или жизнь и присоединеніе къ ученію Магомета, или вѣрность Христу и мученическая смерть. Такова была дилемма, стоявшая предъ грузинами, очутившимися во владѣніяхъ турокъ, и лишь немногіе предпочитали терновый вѣнецъ преходящимъ благамъ земной жизни. Кто же можетъ требовать отъ всѣхъ быть праведниками и стойкими носителями религіозныхъ вѣрованій? Какъ бы то ни было, положеніе грузинъ-мусульманъ печально.

Алексѣй Веселовскій. Байронъ. Біографическій очеркъ. Съ двумя фототипіями, работы Л. А. Фишера. М., 1902 г. Ц. 1. р. 75 к. Есть книги, заглавіе которыхъ такъ скромно, что сразу парализуетъ рецензента и мѣшаетъ ему предъявить къ автору сложныя требованія, вызываемыя избранной темой. Біографическій очеркъ! Довольно большой томъ, написанный рукой ученаго, который посвятилъ не мало времени изученію жизни и твореній многострадальнаго поэта, который и прошелъ въ своихъ путешествіяхъ почти всюду по слѣдамъ Байрона, чтобы на мѣстѣ многое провѣрить и объяснить себѣ въ фактахъ его жизни и творчествѣ,—этотъ томъ дастъ читателю, конечно, несравненно болѣе, чѣмъ можно требовать отъ біографическаго очерка. Съ такими ожиданіями мы и приступили къ чтенію новой книги о Байронѣ. Странно сказать: поэту, который въ теченіе крупнаго періода времени былъ „властителемъ“ европейской поэзіи, посвящено очень немного обстоятельныхъ работъ, несмотря на то, что уже недолго ждать столѣтней годовщины его смерти. Проклятіе, которымъ проводило англійское общество гордаго изгнанника, до сихъ поръ еще тяготѣетъ надъ его прахомъ. Англійскіе ученые не любятъ заниматься Байрономъ. Стоитъ просмотрѣть прекрасный библіографическій указатель, приложенный къ недавно вышедшей книгѣ Ackermann'a („Lord Byron, Heid“, 1901), и насъ поразитъ незначительное количество англійскихъ изслѣдованій о Байронѣ; да и изъ существующихъ, особенно болѣе раннихъ, большинство дышитъ такой ненавистью къ творцу „Чайльдъ-Гарольда“, такъ ярко окрашено враждебной поэту тенденціей, что ими нельзя пользоваться безъ строгой критики. Ученые больше занимались біографіей поэта, чѣмъ выясненіемъ его значенія. Чисто сказочныя приключенія, еще при жизни поэта породившія легенды, клеветы и нелѣпые разсказы, которыми зависть и лицемѣрный пуризмъ старались скрыть истинную личность поэта, представляютъ заманчивый матеріалъ для поклонниковъ автора „Каина“, горячо принявшихся за его реабилитацію. Для Байрона уже настало то время, когда главный фактическій матеріалъ, относящійся къ его жизни и творчеству, можно считать въ значительной степени разработаннымъ и установленнымъ. Нельзя того же сказать объ идейномъ значеніи его твореній. Нѣтъ ни одной работы, которая разъяснила бы вполнѣ колоссальное культурно-историческое и общечеловѣческое значеніе литературнаго наслѣдія, завѣщаннаго міру знаменитымъ поэтомъ. До сихъ поръ не открыты всѣ

нити, связующія великаго скорбника съ предшествующимъ вѣкомъ революціи и съ послѣдующимъ вѣкомъ трезвой соціальной работы. Байронъ—крупнѣйшая фигура періода скорби и романтическихъ грезъ, который смѣнилъ работу скороспѣлыхъ обобщеній энциклопедистовъ.

Отъ всякаго новаго изслѣдователя мы въ правѣ ждать новыхъ обобщеній и выводовъ въ этомъ направленіи. Имя проф. Веселовскаго слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы мы могли повѣрить автору въ томъ, что онъ ограничитъ свою задачу чисто-біографическими данными. Къ сожалѣнію, авторъ строго удержался въ предѣлахъ поставленной задачи. Предъ нами дѣйствительно біографія, красиво и изящно написанная, притомъ написанная рукой любящаго человѣка, не скрывающаго недостатковъ своего героя, но умѣющаго оправдать и простить ихъ. Байронъ-человѣкъ заслоняетъ собою Байрона-поэта. Политическіе перевороты мірового значенія, мелкія семейныя непріятности и впечатлѣнія, навѣваемыя швейцарскими горами,—все это въ книгѣ г. Веселовскаго превращается въ явленія равной цѣнности, всѣ они одинаково дороги біографу, такъ какъ всѣ они, такъ или иначе, отражались въ душѣ его избранника. Кое-гдѣ мелькнетъ имя Руссо, этого великаго предшественника Байрона, такъ же страстно какъ и онъ, ненавидѣвшаго оковы цивилизаціи, такъ же жадно искавшаго общенія съ первобытной нетронутой природой. Кое-гдѣ промелькнетъ упоминаніе объ ужасахъ реакціи, свирѣпствовавшей по всей Европѣ. Но эти бѣглыя упоминанія, позволяющія намъ вспомнить, что Байронъ былъ не только интересной личностью, что онъ жилъ и болѣлъ думами своего вѣка,—эти бѣглыя упоминанія стушевываются предъ галлереей женскихъ фигуръ, ярко обрисованныхъ возлюбленныхъ поэта, предъ описаніями швейцарской природы, итальянскихъ городовъ съ „царицей лагунъ“ Венеціей во главѣ. Біографія Байрона читается какъ интересный романъ или какъ художественныя письма любознательнаго и образованнаго туриста. А что же безсмертныя творенія поэта? спроситъ читатель. О нихъ г. Веселовскій говоритъ не мало, онъ ярко передаетъ содержаніе произведеній, въ большинствѣ случаевъ мало знакомыхъ русской публикѣ, проявляетъ не мало эстетическаго вкуса при оцѣнкѣ ихъ красотъ, даетъ яркія характеристики типовъ. Но и творенія Байрона интересуютъ автора книги прежде всего какъ біографа; онъ жадно ищетъ въ нихъ отголосковъ думъ и настроеній поэта, рѣдко заглядывая въ тѣ милліонныя массы, которыя расхватывали эти творенія и зачитывались ими. Творенія поэта—такіе же факты байроновской біографіи, какъ и все остальное. Путевыя впечатлѣнія Байрона и описанія природы въ его поэмахъ тѣсно сливаются въ одну цѣлую красивую картину, въ которой трудно разсмотрѣть, гдѣ начинается фантазія и гдѣ кончается дѣйствительность. Мы приведемъ одинъ примѣръ, ярко характеризующій описательную манеру, которой держится авторъ лежащей передъ нами книги. „Отзывчивая гуманная поэзія „Гарольда“,—говорится на 80 стр.,—еще дальше отодвинулась въ прошлое, хотя общественныя и политическія убѣжденія поэта ни въ чемъ не измѣнились. Соблазны успѣха, славы, честолюбія увлекаютъ его къ невѣдомымъ берегамъ фантастическаго царства. Но *такъ* (курсивъ г. Веселовскаго) не можетъ долго продержаться это насиліе надъ собой. Еще одна феноменальная, все затмевающая удача—созданіе „Корсара“, и настанетъ упадокъ, отливъ. Все, что было болѣзненнаго, сумрачнаго, односторонняго, ультра-нервнаго въ принятомъ направленіи,—все это возьметъ верхъ и приведетъ по наклонной плоскости въ непостижимо-таинственныя дебри „Лары“. Такое объясненіе возникновенія художественныхъ

произведеній можетъ имѣть только біографическое значеніе, оно не разъясняетъ ни культурно-историческаго, ни общечеловѣческаго значенія байроновскихъ твореній. Байронъ взялся за романтическія поэмы, потому что его увлекалъ соблазнъ успѣха, онъ бросилъ писать ихъ, потому что *такъ* не могло продолжаться долго. Если бы Байронъ написалъ еще нѣсколько восточныхъ поэмъ, мы рѣшили бы, что романтическаго пороху у него хватило и дальше. Эта описательная манера, при которой творенія поэта получаютъ значеніе только для характеристики его случайныхъ настроеній въ тотъ или другой моментъ жизни, является преобладающей въ книгѣ г. Веселовскаго.

Заканчивая свою замѣтку, не можемъ не признаться, что мы ждали бо́льшаго отъ новой біографіи великаго поэта „Біографическій очеркъ“: такъ скромно назвалъ свой трудъ проф. Веселовскій. Но если публика привыкла находить часто безсодержательную болтовню за громкими заглавіями, то есть авторы, у которыхъ онъ ожидаетъ встрѣтить больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. „Біографическій очеркъ“ можетъ также пролить свѣтъ на многіе вопросы, если широко понимать слово „біографія“. Повторяемъ, авторъ строго, даже быть можетъ слишкомъ строго, держался предѣловъ поставленной себѣ задачи.

Е. Н. Опочининъ. Театральная старина. М., 1902 г. Книга г. Опочинина имѣетъ довольно своеобразный подзаголовокъ: „историческіе очерки и курьезы“. „Театральная старина“—довольно пестрый сборникъ, въ которомъ г. Опочининъ перепечаталъ свои статьи и замѣтки по исторіи русскаго театра. Среди нихъ есть популярный очеркъ: „Начальные годы театра въ Россіи“, составляющій пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ относительно драматическихъ элементовъ въ народномъ обрядѣ, мистеріальныхъ представленій (собственно, школьная драма) въ Малороссіи и Великороссіи, театръ Грегори и Куншта; очень банальная біографія Волкова; рядъ „очерковъ по документамъ“—„изъ театральной старины“, на самомъ дѣлѣ нѣсколько случайно выхваченныхъ, совсѣмъ не обработанныхъ, сырыхъ данныхъ по исторіи нашего стараго театра, то представляющихъ анекдотическій интересъ, то не имѣющихъ рѣшительно никакого значенія. Очень интересенъ текстъ народной пьесы объ „Алешкѣ маломъ и баринѣ голомъ“. Она возникла на почвѣ крѣпостныхъ отношеній и въ общемъ очень характерна. Діалогъ мѣстами не лишенъ соли и перцу. „—Напоилъ ли коней?“—Напоилъ, сударь, напоилъ“.—„А что у нихъ губа суха?“—„Колода, сударь, высока“.—„Ты бы колоду подрубилъ!“—„И такъ, сударь, у всѣхъ лошадей ноги обрубилъ...“—„Я тебя, с... с..., закатаю“.—„Я, сударь, радъ кататься...“—„Богато ли мои крестьяне живутъ?“—„Богато, сударь, богато!“—„А какъ они богаты?“—„У десятка мужиковъ по парѣ топоровъ, да и то безъ топорища...“—„Урожай ли у нихъ хлѣба?“—„Урожай, сударь, сильный урожай“.—„А какъ урожай?“—„Колосъ отъ колоса не чуть (слышно) человѣчьяго голоса, груда отъ груды на день ѣзды, суслонъ отъ суслона—какъ отсель до Ростова...“ Такъ крѣпостной рабъ высмѣивалъ своего вѣковѣчнаго врага.

Книга г. Опочинина разсчитана, повидимому, на большую публику и можетъ быть прочтена ею если и безъ особенной пользы, то и безъ особенной скуки. Ей, конечно, не мѣшаетъ еще разъ вспомнить, какъ медленно и трудно вырабатывался русскій театръ, и какъ низко было еще недавно общественное положеніе нашего актера, надъ которымъ не издѣвался и не измывался только лѣнивый. При нѣкоторыхъ статьяхъ приложены довольно удачные портреты нашихъ прежнихъ актеровъ и актрисъ. Съ внѣшней стороны книга издана хорошо.

Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ съ біографическими и пояснительными примѣчаніями. Составилъ А. Сосницкій. Изд. 2-е, значит. дополненное. М., 1902 г. Поэтическіе изборники—книга очень важная для школы и средняго читателя. Полныя собранія сочиненій писателей недоступны имъ по цѣнѣ, неинтересны для нихъ въ цѣломъ своемъ составѣ. Сообщая ранніе опыты, наброски и слабыя произведенія, они могутъ даже „расхолаживать" малоподготовленнаго читателя и создать въ немъ неправильное отношеніе къ авторамъ. Сборники избранныхъ произведеній требуютъ большого такта, вкуса и глубокаго изученія писателей—иначе выборъ можетъ быть и произвольнымъ, и слишкомъ субъективнымъ. Выбирая изъ многаго немногое, нужно соблюдать чувство мѣры, пропорціональность и полную объективность. Отдавая должную справедливость большому труду, затраченному г. Сосницкимъ на собираніе матеріала, и цѣнности многаго изъ собраннаго имъ, мы не можемъ согласиться съ цѣлымъ рядомъ особенностей его сборника. Начать „Русскую поэзію", по нашему мнѣнію, слѣдовало не съ Жуковскаго, а съ Карамзина и Дмитріева,—для цѣльности впечатлѣнія. Нужно было затѣмъ дать хоть одну сатиру кн. Горчакова, стихотворенія В. Туманскаго, К. Павловой и нѣкот. друг. Для этого можно было сократить Бенедиктова, Розенгейма и не давать банальныхъ, помѣщаемыхъ въ каждой хрестоматіи стихотвореній. Нельзя согласиться во многомъ и въ самомъ выборѣ матеріала. Для кн. Вяземскаго взяты наименѣе характерныя для него стихотворенія: нѣтъ ни „Русскаго Бога", ни пародій на Хвостова, ни прекраснаго стихотворенія на смерть Пушкина. Въ общемъ неудаченъ подборъ стихотвореній Жуковскаго, Языкова и нѣк. друг. Все это, конечно, не лишаетъ книгу г. Сосницкаго извѣстнаго интереса и значенія: сравнительно съ другими подобными сборниками, въ нее введенъ новый, свѣжій матеріалъ; во многихъ случаяхъ выборъ вполнѣ удаченъ.

Б. А. Модзалевскій. И. Е. Великопольскій. Сбп., 1902 г. Нѣкоторые историки русской литературы въ послѣдніе годы занялись очень плодотворной работой — тщательнымъ научнымъ изученіемъ второстепенныхъ, третьестепенныхъ авторовъ XVIII и первой половины XIX вв. До сихъ поръ въ историко-литературныхъ построеніяхъ, за рѣдкими исключеніями, ограничивались изученіемъ произведеній корифеевъ литературы, благодаря чему выводы получались односторонніе и произвольные; теперь начинается детальная разработка почвы, на которой и изъ которой возникали геніальныя и высокоталантливыя произведенія. Конечно, это единственно-научный пріемъ, который только и можетъ привести къ правильному выясненію литературной эволюціи. Г. Модзалевскій далъ уже нѣсколько прекрасныхъ работъ въ этомъ направленіи о Рубанѣ, Я. Толстомъ и друг. Послѣдняя его работа посвящена мало замѣтному, но очень характерному поэту 20—50-хъ гг., И. Е. Великопольскому, довольно близко сошедшемуся съ Пушкинымъ въ періодъ его заключенія въ Михайловскомъ и потомъ порвавшему съ нимъ отношенія изъ-за *литературно-карточнаго* недоразумѣнія. Пользуясь печатными и рукописными данными, г. Модзалевскій обстоятельно возстановляетъ біографію Великопольскаго, характеризуетъ его творчество и литературныя отношенія и рельефно намѣчаетъ основныя черты его своеобразной личности. Книга издана прекрасно, написана живо и интересно и заслуживаетъ поэтому полнаго вниманія читающей публики.

КРИТИКА.

Томасъ Карлейль. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета, 2 апр. 1866 г.—*Волжскій.* Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ.

Томасъ Карлейль. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета, 2 апрѣля 1866 г. Перев. съ англ. Н. Горбова. М., 1902 г. Ц. 25 к. Не „пошлый опытъ, умъ глупцовъ“, но глубокая мудрость одного изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ XIX вѣка запечатлѣла это обращеніе семидесятилѣтняго старика къ юношамъ, и такъ обаятеленъ ея сильный и вмѣстѣ мягкій голосъ, что невозможно оторваться отъ этихъ страницъ, пока не дочитаешь ихъ до конца. Мы не будемъ излагать ихъ содержанія, но посовѣтуемъ каждому купить эту книжку, и не только прочитать, но и перечитывать ее не разъ. „Есть много—и число ихъ увеличивается въ устрашающемъ размѣрѣ—книгъ, которыя рѣшительно не полезны для читающихъ ихъ,—говоритъ Карлейль эдинбургскимъ студентамъ.—Но вдумчивый читатель легко увидитъ также, что нѣкоторое число книгъ было написано людьми высоко благородными; небольшое количество книгъ, но всетаки количество, способное занять всю вашу дѣятельность читателя, принадлежитъ болѣе или менѣе къ этому роду. Нѣкоторыя, немногія книги поднимаются кверху и влекутъ насъ кверху, къ небу; онѣ разсчитаны, я думаю, чтобы быть безцѣннымъ пособіемъ для образованія. Другія, подавляющее, страшное большинство, падаютъ все ниже, ниже, причиняя постоянно все большій, все обширнѣйшій, все ужаснѣйшій вредъ“. Однимъ изъ такихъ „безцѣнныхъ пособій для образованія“ и является, по нашему мнѣнію, рѣчь Карлейля. Переводъ ея выше всякой похвалы; онъ самъ по себѣ—художественное произведеніе.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. И. Успенскій. II. Кто виноватъ? (Ученіе Ѳ. М. Достоевскаго объ отвѣтственности.) Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ авторъ даетъ литературную характеристику Г. И. Успенскаго и устанавливаетъ, какъ онъ выражается, его „художественное a priori“. Послѣднее г. Волжскій, опираясь на извѣстную статью Н. К. Михайловскаго, видитъ въ стремленіи къ равновѣсію внутренняго человѣческаго существа, къ гармоніи долга, воли и дѣла. На цѣломъ рядѣ примѣровъ и цитатъ изъ Успенскаго онъ доказываетъ эту коренную мысль и раскрываетъ діалектическій путь, по которому развивалась „система“ Успенскаго: „безсознательная гармонія народной правды, какъ тезисъ, дисгармонія интеллигентской неправды, какъ антитезисъ, и сознательная гармонія идеала, какъ синтезъ“ (стр. 73). Можно спорить противъ умѣстности этой философской терминологіи, можно удивляться сопоставленію опредѣленной „народной правды“, опредѣленной „интеллигентской неправды“—и неопредѣленнаго „идеала“ вообще; но основной взглядъ автора правиленъ, какъ правильно подмѣчаетъ онъ въ усопшемъ писателѣ-страдальцѣ и неугомонную „работу совѣсти“. Подзаголовокъ второй статьи не долженъ, хотя и можетъ, вводить въ заблужденіе: не съ юридической точки зрѣнія разсматриваетъ г. Волжскій проблему отвѣтственности, а съ нравственной. Кто виноватъ въ міровомъ злѣ? Этотъ вопросъ мучилъ Достоевскаго всю жизнь, и, по мысли автора, великій писатель отвѣчалъ на него страстнымъ чувствомъ покаянія, чувствомъ собственной вины, мукой самообвиненія. Покаянное настроеніе, естественно, было у Достоевскаго органически связано съ признаніемъ сво-

боды человѣческихъ дѣйствій. И эта свобода рисовалась ему въ антиноміи съ міровой необходимостью, предъ нимъ возникала грандіозная задача Канта. Сближеніе Достоевскаго, который училъ, что человѣкъ, вступая въ міръ, пріобщается всему міровому грѣху,—сближеніе его съ творцомъ „Критики практическаго разума“ было бы въ этомъ пунктѣ интересно (еще важнѣе было бы сравненіе съ Шопенгауэромъ); къ сожалѣнію, г. Волжскій, авторъ этого удачнаго замысла, знаетъ Канта дилеттантски и весьма неточно излагаетъ его ученіе; нельзя, напримѣръ, прямо отожествлять понятія „феноменальный міръ“ и „эмпирическій характеръ“, какъ это на 187 стр. дѣлаетъ г. Волжскій. Въ общемъ, изъ двухъ очерковъ автора, послѣдній болѣе самостоятеленъ и лучше задуманъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

Гансъ Ностицъ. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи.—Проф. *Теодоръ фонъ-деръ-Гольцъ.* Аграрные вопросы и аграрная политика.—*В. Г. Виленцъ.* Задачи и дѣятельность центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи.—Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству.—*П. А. Вихляевъ.* Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности.

Гансъ Ностицъ. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи. Изъ общественной исторіи нашего времени. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1902 г. Ц. 3 р. Предъ нами обширная и прекрасная работа Ностица по исторіи развитія рабочаго класса въ Англіи. Авторъ рисуетъ положеніе рабочихъ въ началѣ XIX вѣка (стр. 11). Положеніе вещей было таково, что бывшій пресвитеріанскій священникъ Стеффенсъ грозно заявлялъ, что городъ долженъ вспыхнуть огромнымъ костромъ, потушить который можетъ только кровь всѣхъ тѣхъ, которые защищаютъ законъ о бѣдныхъ (стр. 19). Но Англія вступила на путь соціальныхъ реформъ и тѣмъ самымъ счастливо пережила этотъ періодъ. Справедливо говоритъ авторъ, что Англія безъ рабочихъ союзовъ была бы иной. Рабочіе союзы создали возможность мирнаго улучшенія положенія рабочихъ. Правда, на первыхъ порахъ организаціи рабочихъ были встрѣчены страшнымъ протестомъ со стороны предпринимателей, но позднѣе и сами предприниматели находили, что для нихъ гораздо удобнѣе обсуждать спорные вопросы съ чиновниками союзовъ, чѣмъ съ самими рабочими, что съ появленіемъ союзовъ установились лучшія отношенія между работодателями и рабочими и что количество недоразумѣній уменьшилось (стр. 269). Каковы отношенія въ настоящее время организованныхъ рабочихъ, можно судить по тому, что когда недавно былъ поднятъ вопросъ о таможенной политикѣ въ Индіи, то фабриканты Ланкашира пригласили на совѣщаніе представителей рабочихъ союзовъ текстильной промышленности и этимъ доказали, какое значеніе они придаютъ имъ. Маркизъ Бьютъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ копей во всемъ мірѣ, пригласилъ въ 1895 г. конгрессъ рабочихъ союзовъ на свой корабль. Графъ Варвикъ распорядился, чтобы въ его копяхъ не принимали никакой важной мѣры, не сообщивъ объ этомъ рабочему союзу и не узнавъ его мнѣнія. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ, которыя бы показали точно, насколько рабочіе союзы содѣйствовали увеличенію заработной платы, но тамъ, гдѣ рабочіе союзы сильны (Нортумберлэндъ и Дургэмъ), заработная плата выше и рабочій день меньше сравнительно съ Уэльсомъ, гдѣ рабочіе союзы гораздо слабѣе. Въ фабричномъ законодательствѣ рабочихъ союзовъ противники видѣли чуть ли не революю-

цію, но въ настоящее время оно сдѣлалось общимъ достояніемъ. Борцы за улучшеніе положенія рабочихъ подвергались массѣ инсинуацій. Въ 1845 году лордъ Шефтсбюри, борецъ за улучшеніе положенія фабричнаго законодательства, писалъ въ своемъ дневникѣ: „Богачи ненавидятъ меня какъ аристократа, землевладѣльцы ненавидятъ меня, какъ демократа, богатые всѣхъ направленій — какъ представителя вредныхъ принциповъ, трактаріане проклинаютъ меня какъ крайняго протестанта, диссиденты — какъ церковника, высокая церковь считаетъ меня отвратительно свободнымъ, а низкая церковь полагаетъ, что я ужъ черезчуръ строгъ. Такимъ образомъ никто не одобряетъ и не помогаетъ мнѣ. Люди всѣхъ круговъ, мнѣній, классовъ и профессій, колеблющіеся и не любящіе того, что они сами называютъ святымъ, соединяются въ ненависти и радуются этому. Всѣ сословія и всѣ партіи противъ меня“. Противники топтали въ грязь даже личную семейную жизнь защитниковъ рабочихъ, называли ихъ революціонерами; законы, отстаиваемые ими, называли законами Жака Кеда, по имени предводителя возставшихъ крестьянъ. Лордъ Мельбурнъ на одномъ придворномъ обѣдѣ назвалъ Шефтсбюри величайшимъ якобинцемъ. Если съ такой враждой пришлось бороться лорду Шефтсбюри, бывшему въ родствѣ и свойствѣ со всей знатью Англіи, то легко понять, какъ осуждали другихъ вождей и какъ нападали на нихъ: они вѣдь не принадлежали къ классу привилегированныхъ и уже по тому самому ихъ всегда могли подозрѣвать въ дурномъ политическомъ настроеніи (стр. 385—387). Предприниматели при каждомъ законопроектѣ по улучшенію положенія рабочихъ говорили, что имъ невозможно будетъ существовать, и Диккенсъ въ одномъ изъ своихъ романовъ такъ осмѣивалъ представителей промышленности тогдашняго Лондона: „Конечно, никогда не было болѣе хрупкаго матеріала, какъ тотъ, изъ котораго сдѣланы фабриканты Шлотгейма; какъ бы нѣжно вы ни дотронулись до нихъ, они разбиваются очень легко. Такъ что поневолѣ приходится подозрѣвать, что у нихъ уже и раньше была трещина. Они погибаютъ, если имъ приходится отправлять дѣтей изъ фабрики въ школу, они погибаютъ, когда для надзора за фабриками назначаются инспектора, они погибаютъ, если эти фабричные инспектора не считаютъ вполнѣ справедливымъ, чтобы ихъ машины увѣчили рабочихъ. Когда шлотгеймецъ видитъ, что его хотятъ сдѣлать хоть сколько-нибудь отвѣтственнымъ за послѣдствія его поступковъ, онъ сейчасъ же начинаетъ угрожать, что броситъ лучше все свое состояніе въ воду. Это часто пугаетъ до смерти государственнаго секретаря. При всемъ томъ, шлотгеймецъ такъ практиченъ, что состояніе свое въ морѣ онъ не броситъ, а наоборотъ очень бережетъ его. И вотъ оно лежитъ себѣ да лежитъ на бережку и процвѣтаетъ, и множится“ (стр. 393). Предприниматели того времени, выйдя изъ низшихъ классовъ населенія, были лишены образованія; съ безжалостной суровостью смотрѣли они на своихъ бывшихъ товарищей, не имѣвшихъ удачи, только какъ на „руки“, которыя должны были производить товары съ наименьшими расходами. Жизнь ихъ проходила въ шумныхъ удовольствіяхъ, чувственныхъ наслажденіяхъ и оргіяхъ (стр. 389).

Несмотря на эти протесты, Англія вступила на путь реформъ, такъ какъ съ одной стороны такая бѣдность могла сдѣлаться очагомъ заразы (стр. 388), съ другой стороны такая система порождала громадную массу легко воспламеняемаго матеріала, ждавшую только искры, чтобы произвести ужасный взрывъ (стр. 382). И въ настоящее время въ Англіи дефекты въ отношеніи рабочихъ къ предпринимателямъ нерѣдко припи-

сываются несовершенству организаціи труда. Такое заявленіе было сдѣлано сэромъ Гиксъ-Бичемъ на годичномъ банкетѣ въ бристольской торговой палатѣ въ 1890 г. (стр. 277). Даже консервативный *Стандартъ* заявляетъ въ настоящее время, что наиболѣе ожесточенныя стачки въ Англіи происходятъ тамъ, гдѣ стачечники не являются членами союзовъ, а соединяются только временно для стачки. Чѣмъ лучше организованъ промыселъ, тѣмъ меньше опасность стачки, и мы не сомнѣваемся, что не только въ Англіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ, лучшее рѣшеніе великой проблемы нашего времени состоитъ въ полной организаціи рабочихъ (стр. 297). Въ результатѣ рабочій классъ въ Англіи получилъ особую окраску; такъ, Бернштейнъ говоритъ о немъ: „рабочій классъ въ Англіи увеличитъ свои требованія, но не потребуетъ ничего, необходимость чего и осуществимость чего не была бы доказана и не стояла бы выше всякихъ сомнѣній (стр. 718). Въ настоящее время въ Англіи ни одинъ благоразумный соціалистъ не мечтаетъ о близкой побѣдѣ при посредствѣ катастрофы, зато все болѣе и болѣе возлагается надеждъ на общины и другія самоуправляющіяся корпораціи, и прежнее пренебреженіе къ движенію рабочихъ союзовъ брошено. Прежде,—говоритъ Джонъ Бернсъ,—бѣдностью и легковѣріемъ рабочаго часто пользовались политическіе интриганы для своихъ цѣлей; ихъ успокаивали филантропическими пластырями и примочками, а по большей части, преднамѣренно и даже опираясь якобы на науку, не замѣчали и никогда не считали ихъ частью государственнаго организма (стр. 697). Теперешній же безработный сдѣланъ изъ совершенно другого матеріала, онъ чувствуетъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ и думаетъ о томъ, какъ бы помочь дѣлу; настало время, когда Самсонъ труда сорвалъ повязки, наложенныя на него классовымъ господствомъ, тупостью и его собственнымъ невѣжествомъ. Въ заключеніе авторъ рисуетъ то, чего достигъ рабочій классъ XIX столѣтія: заработная плата поднялась, жизненные продукты удешевились, рабочее время сократилось, образованіе поднялось, рабочій все болѣе и болѣе признается равноправнымъ съ работодателемъ, хотя, правда, и теперь обширные слои рабочихъ живутъ въ дурныхъ экономическихъ условіяхъ и авторъ не закрываетъ глазъ на факты этого рода. Въ общемъ надо сказать, что книга Ностица представляетъ чрезвычайно серьезный, спокойный и объективно написанный трудъ, охватывающій почти всесторонне исторію рабочаго класса въ Англіи за XIX вѣкъ, и искренне можно привѣтствовать появленіе этой работы на русскомъ языкѣ.

Проф. Теодоръ фонъ-деръ-Гольцъ. Аграрные вопросы и аграрная политика. Пер. Д. Флексора. Спб., 1902 г. Эта работа пользуется заслуженной извѣстностью въ Германіи и хотя она не отличается оригинальностью, но представляетъ трезвое и толковое изложеніе основныхъ вопросовъ аграрной политики. Авторъ отмѣчаетъ тотъ глубокій интересъ, который сельское хозяйство имѣетъ въ процвѣтаніи промышленности, такъ какъ съ развитіемъ послѣдней поднимаются цѣны на сельскохозяйственные продукты. Эта общность интересовъ,—говоритъ авторъ,—находитъ себѣ полное подтвержденіе въ повседневно наблюдаемыхъ фактахъ: сельское хозяйство терпитъ нужду преимущественно тамъ, гдѣ промышленность мало развита и гдѣ замѣчается вообще рѣдкое промышленное и городское населеніе (стр. 72). Аграрная политика государства, по мнѣнію Гольца, должна носить преимущественно воспитательный характеръ: государство должно стремиться къ тому, чтобы пріучать и по возможности подготовить сельскихъ хозяевъ къ полной самостоя-

тельности и къ широкой свободѣ, по распоряженію своими дѣлами и защитѣ своихъ интересовъ (стр. 83). Этотъ призывъ къ самодѣятельности особенно полезенъ въ данное время у насъ. Авторъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на сельско-хозяйственномъ образованіи въ Германіи, въ особенности на зимнихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ: чрезъ эти школы проводятся элементарныя сельско-хозяйственныя знанія, притомъ учителя такихъ школъ, будучи свободны отъ занятій въ лѣтнее время, объѣзжаютъ свои округа, читаютъ публичныя лекціи, даютъ различные совѣты и указанія и вообще всѣми способами приходятъ на помощь крестьянамъ въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ (стр. 192).

Авторъ отрицаетъ, что введеніе золотой валюты будто бы вызвало общее паденіе цѣнъ и въ частности на сельско-хозяйственные продукты. Здравое сужденіе автора, его призывъ къ самодѣятельности и энергіи для выхода изъ тѣхъ затрудненій, которыя въ настоящее время угнетаютъ сельское хозяйство, оставляютъ прекрасное впечатлѣніе на читателѣ, и мы охотно рекомендуемъ эту книгу. Хотя Гольцъ и является несомнѣннымъ аграріемъ, но, какъ совершенно справедливо говоритъ переводчикъ, онъ долженъ быть причисленъ къ наиболѣе трезвымъ и разумнымъ ихъ представителямъ.

В. Г. Виленцъ. Задачи и дѣятельность центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи. № 2-й изданій справочнаго бюро техническаго музея содѣйствія труду. М., 1902 г. Ц. 10 к. Состоящій при московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества „Техническій музей содѣйствія труду“, въ томъ видѣ, какъ онъ задуманъ, является учрежденіемъ совершенно новымъ у насъ въ Россіи. Изъ § 3-го „Программы дѣятельности“ музея видно, что однимъ изъ первыхъ его „отдѣловъ“ должно явиться „бюро для выдачи справокъ и совѣтовъ“ какъ по вопросамъ, не требующимъ предварительной обработки, такъ и по болѣе сложнымъ вопросамъ, разсмотрѣніе которыхъ можетъ быть поручено лишь спеціалистамъ, для чего изъ этихъ послѣднихъ могутъ организоваться при музеѣ особыя секціи. Самые же справки и совѣты должны обнимать собою кругъ вопросовъ, касающихся улучшенія техники труда, а также матеріальнаго и нравственнаго быта трудящагося люда. При дальнѣйшемъ, такъ сказать идеальномъ, развитіи того же учрежденія предусматривается, кромѣ того, устройство: 1) постоянной выставки всякаго рода таблицъ, предметовъ и коллекцій, долженствующихъ демонстрировать современныя условія труда и различные пріемы его улучшенія; 2) библіотеки и читальни; 3) лабораторіи для производства испытаній и изслѣдованій и даже 4) мастерской для изготовленія моделей предохранительныхъ приборовъ и проч. Отсюда видно, что организація музея въ полномъ видѣ—дѣло не только чрезвычайно сложное, но и стоящее большихъ денегъ и слѣдовательно, посильное только для общественныхъ или правительственныхъ учрежденій, а не для частныхъ лицъ или учрежденій. Между тѣмъ, уже выполненіе одной только задачи, поставленной на первую очередь, не требуя значительныхъ расходовъ, нуждается, однако, въ массѣ рабочихъ силъ и можетъ само по себѣ принести значительную и существенную пользу всякаго рода труженикамъ. Выясненію этого послѣдняго вопроса и посвящена брошюра В. Г. Виленца, воспользовавшагося данными о чрезвычайно интересной и широкой дѣятельности германскаго „Центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду“—за 10 послѣднихъ лѣтъ его существованія. Задачи этого бюро, по уставу, заключаются: 1) въ собираніи, изученіи, классификаціи, описаніи уставовъ, отчетовъ

и вообще матеріаловъ, рисующихъ дѣятельность учрежденій, предназначенныхъ для улучшенія положенія необезпеченныхъ классовъ населенія; 2) въ выдачѣ разнаго рода справокъ и совѣтовъ по вопросамъ, относящимся до тѣхъ же учрежденій и 3) въ сообщеніи о всѣхъ выдающихся явленіяхъ изъ той же области. Всѣ эти задачи поставлены въ программу дѣятельности „Справочнаго бюро“ московскаго „музея“, а потому въ высшей степени интересными и назидательными являются приводимыя авторомъ брошюры свѣдѣнія о широкой, плодотворной и богатой дѣятельности названнаго германскаго бюро. Не касаясь здѣсь всѣхъ этихъ цѣнныхъ подробностей и отсылая читателя, желающаго съ ними ознакомиться, къ самой брошюрѣ, замѣтимъ, что въ основаніи центральнаго бюро приняло участіе прусское министерство торговли и промышленности, къ которому вскорѣ присоединились министерства: военное, народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, сельскаго хозяйства, лѣсное, морское, почтовое и страховое. Вслѣдъ затѣмъ, въ члены бюро вступило большинство правительственныхъ и общественныхъ учрежденій союзныхъ государствъ, почти всѣ города Германіи, разнаго рода промышленныя и торговыя камеры, всѣ крупные ферейны и общества. Дружное взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ элементовъ высоко-культурной націи, конечно, должно было дать блестящіе результаты. Намъ, конечно, долго придется ждать того времени, когда частная иниціатива и добрый починъ будутъ пользоваться столь единодушной и дружной поддержкой со стороны различнаго рода офиціальныхъ сферъ; но не слѣдуетъ забывать и того, что наша частная иниціатива и безъ такой поддержки (а иногда, наоборотъ, при цѣлой массѣ всякаго рода помѣхъ) умѣетъ дѣлать чудеса, разъ только въ общественное сознаніе проникло ясное представленіе о пользѣ и необходимости для націи и родины практическаго осуществленія данной идеи. Одной изъ такихъ идей несомнѣнно является давно назрѣвшая и настоятельная необходимость „помощи труду“. Слѣдуетъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи вновь возникшее въ Москвѣ учрежденіе найдетъ себѣ и помощь и поддержку, а также и энергичное содѣйствіе со стороны всѣхъ лучшихъ элементовъ нашей страны. Справочное бюро музея помѣщается на Никитскомъ бульварѣ, въ д. Макѣевой, кв. № 11, откуда и можно выписывать настоящую брошюру.

Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству. Москва, 1901 г. Созвавши первый съѣздъ русскихъ мѣстныхъ агрономовъ въ февралѣ 1901 г., Императорское Московское общество сельскаго хозяйства доказало свои права на названіе настоящаго всероссійскаго общества. Участники съѣзда долго не забудутъ той живой общественной атмосферы, которая господствовала на этомъ съѣздѣ и которая, къ сожалѣнію, далеко не часто встрѣчается на нашихъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ. Мѣстныхъ агрономовъ нельзя было заподозрить въ недостаточномъ вниманіи къ техникѣ сельскаго хозяйства, и однако же сила вещей заставила на первый планъ съѣзда выдвинуть вопросы не техническіе. Это естественно: техническія мѣропріятія могутъ обсуждаться только съ соотвѣтственнымъ пріурочиваніемъ къ требованію времени и мѣста, и такіе вопросы, какъ образованіе, право ассоціаціи, кредитъ, имѣютъ самое серьезное значеніе.

Довольно быстро (въ десятимѣсячный срокъ) и въ то же время весьма обстоятельно исполнилъ свою сложную работу редакторъ трудовъ съѣзда В. Г. Бажаевъ, докладъ котораго въ московскомъ обществѣ (въ декабрѣ 1898 года) и послужилъ первымъ толчкомъ къ осуществленію

съѣзда. Первая часть трудовъ содержитъ журналы и доклады съѣзда (всего было представлено 65 докладовъ); во второй части помѣщены обзоры мѣстной агрономической дѣятельности по 28 губерніямъ (обширный систематическій экстрактъ изъ этихъ обзоровъ внесенъ и въ первую часть). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что работа второго съѣзда мѣстныхъ агрономовъ значительно облегчится своевременнымъ выходомъ въ свѣтъ огромнаго тома трудовъ перваго съѣзда. Для земскихъ дѣятелей это прямо незамѣнимая справочная книга.

П. А. Вихляевъ. Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 20 к. Сельско-хозяйственная статистика въ Россіи небогата оригинальными изслѣдованіями; бо̀льшая часть нашихъ изслѣдованій запрятана въ текстѣ сборниковъ, издаваемыхъ земскою статистикою, кое-что находитъ себѣ мѣсто на столбцахъ журналовъ общихъ и сельско-хозяйственныхъ, и лишь очень рѣдко появляются въ свѣтъ отдѣльныя книги, подобныя книгѣ П. А. Вихляева. Это—выдающійся образецъ примѣненія *статистическаго* метода къ изученію нѣкоторыхъ условій и пріемовъ русскаго сельскаго хозяйства. Главное вниманіе автора обращено на рабочій скотъ, въ частности—на лошадей, количество и распредѣленіе которыхъ составляли уже предметъ изслѣдованій автора, раньше напечатанныхъ въ журналахъ и вошедшихъ въ составъ „Очерковъ“. Но большая часть книги представляетъ собою совершенно новые этюды, весьма поучительные для русской сельско-хозяйственной и обще-экономической литературы. Путь, избранный г. Вихляевымъ, не легокъ и лишенъ блеска: авторъ занимается сопоставленіемъ количественныхъ наблюденій надъ фактами тамъ, гдѣ другіе сплошь и рядомъ предпочитаютъ громкія фразы и широкіе выводы изъ предвзятыхъ мнѣній. Жаль, что въ концѣ книги авторъ не подвелъ итоговъ тѣмъ интереснѣйшимъ частнымъ выводамъ, которые сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ работы. Изъ пробѣловъ литературы отмѣтимъ отсутствіе ссылокъ на статью Р. Ѳ. Асѣева о безлошадныхъ (въ *Русской Мысли* 1900 г.).

Тотъ, кто хочетъ получить представленіе о пріемахъ научной обработки матеріала въ сельско-хозяйственной статистикѣ, можетъ съ большою пользою для себя обратиться къ внимательному чтенію книги П. А. Вихляева.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб., 1902 г. Новое изслѣдованіе извѣстнаго автора „Эмпирическихъ законовъ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ“ пришлось какъ нельзя болѣе кстати: извѣстная рѣчь М. А. Стаховича, произнесенная на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ, недавнее дѣло павловскихъ сектантовъ, цѣлый рядъ другихъ случаевъ столкновенія между православнымъ населеніемъ и сектантами, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, синодское постановленіе о гр. Толстомъ, — всѣ эти факты, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, привлекли усиленное вниманіе общества къ вѣроисповѣдному вопросу. Самъ авторъ книги видитъ въ перечисленныхъ фактахъ опасный симптомъ надвигающагося распаденія русскаго общества на два враждебные лагеря на почвѣ вопроса о свободѣ совѣсти.

Читатель не найдетъ въ книгѣ А. М. Бобрищева-Пушкина теорети-

ческаго рѣшенія больного вопроса; во-первыхъ, авторъ, по весьма понятнымъ причинамъ, вынужденъ былъ при разсмотрѣніи вопроса держаться строго опредѣленныхъ рамокъ и все время тщательно слѣдить за собой, чтобъ какъ-нибудь не выйти изъ нихъ, во-вторыхъ, непосредственное рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти и не входитъ въ задачи изслѣдователя. Его прямая задача состоитъ въ опредѣленіи взаимоотношеній между законодательствомъ и судомъ, съ одной стороны, и раскольниками-сектантами, съ другой. Тѣмъ не менѣе для правильнаго рѣшенія этой задачи авторъ считаетъ необходимымъ предварительно установить нѣкоторыя общія положенія по вопросу о свободѣ совѣсти. Эти общія положенія состоятъ въ томъ, что „во имя свободы исповѣданія вѣры никто не въ правѣ считать себя свободнымъ отъ повиновенія законамъ даннаго государства, не вправѣ нарушáть чьи-либо законные интересы; съ другой стороны, въ *правовомъ государствѣ* столь же несомнѣнно право личности избирать или не избирать какую-либо вѣру, переходить изъ одной въ другую и совершать по правиламъ своей вѣры домашнее богослуженіе. Всякія дальнѣйшія ограниченія въ этой сферѣ уже явятся посягательствомъ на свободу совѣсти личности, такъ какъ въ защиту такихъ ограниченій не можетъ быть выставленъ какой-либо публичный интересъ“ (стр. 3—4). Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ указываетъ на необходимость разграниченія въ данномъ вопросѣ точки зрѣнія государства и церкви: у каждаго изъ этихъ факторовъ есть свои, независимые другъ отъ друга интересы и обязанности, и смѣшеніе въ цѣляхъ и дѣятельности обоихъ факторовъ нерѣдко вызываетъ опасныя послѣдствія. При этомъ А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ сочувственно цитируетъ изъ статьи М. А. Рейснера „Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону“ (*Вѣстникъ Права*, 1900 г., №№ 4, 5, 8 и 10) слѣдующія слова: „Даруя всеобщую свободу исповѣданія, государство достигнетъ также не только политическихъ, но и глубоко-нравственныхъ цѣлей. Оно здѣсь, прежде всего, конечно, спасаетъ себя и свой принципъ отъ громадной опасности. Оно знаетъ, что смѣшивая религію и государственный принципъ, оно тѣмъ самымъ осуждаетъ себя на политическія осложненія, каждый разъ какъ возникнутъ религіозные споры и сомнѣнія. Каждый еретикъ, отрицая истину государственной церкви, невольно будетъ отрицать и само государство. Гдѣ церковь и государство слиты, тамъ невольно и неизбѣжно рождается мысль, что не церковь, а государство проповѣдуетъ и защищаетъ данную истину, а слѣдовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое ее проповѣдуетъ. Здѣсь церковь какъ бы скрывается за государство, и въ глазахъ еретика не церковь оказывается заблуждающейся и неправой, а само государство. Трудно предвидѣть тѣ страшныя опасности, которыми грозитъ государственному строю подобное положеніе дѣлъ. Основы государственной жизни должны стоять внѣ щекотливой сферы религіозныхъ убѣжденій и не должны компрометировать свою устойчивость зависимостью отъ тѣхъ или иныхъ вѣрованій и мнѣній. Государство должно стоять выше среды богословскихъ смутъ и церковныхъ раздоровъ“.

Это положеніе авторъ подкрѣпляетъ краткимъ историческимъ очеркомъ развитія нашего сектантства и, главнымъ образомъ, штундизма, за послѣднія десятилѣтія. Этотъ очеркъ указываетъ, между прочимъ, на чрезвычайно быстрое развитіе сектантства. Уже къ 1878 г. покойный Юзовъ опредѣлялъ количество сектантовъ возросшимъ до 13 милліоновъ. Каково число ихъ въ настоящее время, опредѣлить трудно.

То же положеніе о необходимости раздѣленія государства и церкви

въ ихъ дѣятельности по расколу авторъ подкрѣпляетъ и обзоромъ нашего законодательства о сектантахъ, которое, въ общемъ, всегда старалось проводить политику терпимости и мягкости по отношенію къ раскольникамъ; къ сожалѣнію только, виды и намѣренія высшаго правительства нерѣдко искажались на мѣстахъ низшими органами администраціи и воинствующимъ клиромъ.

Среди различныхъ сектъ, въ разное время возникавшихъ у насъ, особенное вниманіе правительства обратилъ на себя такъ называемый штундизмъ. Законъ 4 іюля 1894 г., воспретившій послѣдователямъ этой секты собираться для богомоленія, опредѣлилъ и признаки штундизма какъ антирелигіозные, такъ и антигосударственные. По смыслу закона 1894 г. секта эта отрицаетъ всѣ таинства и обряды, не признаетъ никакихъ властей, отрицаетъ присягу и военную службу, проповѣдуетъ соціалистическіе принципы: общее равенство, раздѣлъ имущества и т. п. Законъ этотъ представляетъ собою, собственно говоря отголосокъ мнѣній антисектантскихъ дѣятелей. Между тѣмъ, сами эти дѣятели откровенно признаютъ, что точное опредѣленіе догмы штундистовъ представляется въ высшей степени затруднительнымъ. Каждый изъ нихъ по своему толкуетъ штундизмъ, причемъ съ послѣднимъ нерѣдко смѣшиваются баптизмъ, пашковщина и другія секты. Различно опредѣляли штунду и миссіонерскіе съѣзды, изъ которыхъ второй въ опредѣленіе штунды ввелъ, напр., такіе, совершенно неопредѣленные признаки: фарисейское воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ или повиновеніе правительству и закону не за совѣсть, а страха ради и т. п. Неудивительно поэтому, что многіе юристы съ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя, точно ли существуетъ штунда, и если существуетъ, то въ чемъ же ея признаки.

Такъ какъ на почвѣ закона 4 іюля 1894 г. возникли репрессивныя мѣропріятія противъ штундистовъ и такъ какъ догматическая часть штундизма, какъ мы видѣли, не можетъ быть точно опредѣлена, то правительствующій сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Головко (№ 1, за 1900 г.), пересмотрѣвъ подробно всѣ позднѣйшіе законы и сенатскія рѣшенія по расколо-сектантскимъ дѣламъ, призналъ, что одной теоретической экспертизы недостаточно для примѣненія закона 1894 г., а нужна наличность извѣстныхъ фактовъ и дѣяній, указывающихъ на антигосударственный характеръ секты. Между тѣмъ, эксперты, вызываемые въ судъ, постоянно обнаруживаютъ склонность къ опредѣленію штундизма именно по догматическимъ признакамъ, которые въ высшей степени неопредѣленны и часто неумѣстны. Кромѣ того, эксперты, большей частью миссіонеры, являются и заинтересованной стороной въ дѣлѣ и вносятъ въ него немало излишняго пристрастія. Поэтому рѣшенія, основанныя на заключеніи экспертовъ, сплошь и рядомъ страдаютъ существенными нарушеніями закона и въ большомъ количествѣ отмѣняются сенатомъ, если они до него доходятъ. Въ настоящее время суды и съѣзды, убѣдившись въ полной несостоятельности экспертизы, почти уже не приглашаютъ экспертовъ, даже по просьбѣ обвиняемыхъ, которымъ иногда отказываютъ и въ обращеніи къ духовной консисторіи за отзывомъ; такъ, сенатъ призналъ, что и отзывъ консисторіи не можетъ служить предустановленнымъ доказательствомъ. Съ своей стороны, и г. Бобрищевъ-Пушкинъ признаетъ совершенно излишней въ сектантскихъ дѣлахъ духовную экспертизу: наказуемо, какъ это твердо установлено практикой сената, не самое исповѣданіе извѣстнаго религіознаго ученія, а лишь *жизненное проявленіе* секты, учиненіе ея послѣдователями *дѣйствій*, несовмѣстныхъ съ интересами частныхъ лицъ или основными требованіями обще-

ственной нравственности. Для оцѣнки же такихъ дѣйствій духовный экспертъ, очевидно, не нуженъ.

Книгу г. Бобрищева-Пушкина съ интересомъ прочтетъ не только юристъ, но и всякій, кто слѣдитъ за вопросами нашей общественной жизни, среди которыхъ вопросъ о свободѣ совѣсти представляетъ собою, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ больныхъ. Основныя положенія, раздѣляемыя въ этомъ вопросѣ лучшей частью русскаго общества и печати, находятъ въ нашемъ авторѣ стойкаго и убѣжденнаго защитника, спокойное и безпристрастное слово котораго, подкрѣпляемое обильнымъ фактическимъ и, между прочимъ, судебнымъ матеріаломъ, безспорно, должно имѣть извѣстное значеніе.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Новыя изданія „Посредника“. *Народное Благо*, № 1—8, 1902 г.

Ю. Вагнеръ. 1) Разсказы о животныхъ. 2) О томъ, какъ устроены растенія. 3) О воздухѣ. 4) О водѣ. 5) Объ огнѣ. 6) О землѣ. Ц. по 15 к. 7) И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Горбунова, В. Лукьянская. Кругомъ свѣта. Географическая хрестоматія. Ц. 1 р. 60 к., въ папкѣ 1 р. 80 к. 8) И. Горбуновъ-Посадовъ. Рохъ и его собака, Ц. 1½ к. 9) Его же. Христіаночка. Ц. 1½ коп. 10) П. Бирюкова. Робинзонъ. Ц. 5 коп. 11) С. Т. Семеновъ. Дѣдъ Аверьянъ. Ц. 1½ к. 12) Его же. Васька. Ц. 3 коп. 13) Артабанъ Мидянинъ. Сказаніе. Съ англ. Ц. 1½ коп. 14) Бѣдные люди. Жаба. По В. Гюго. Изложъ. В. Микуличъ. 15) Въ поѣздѣ. Телка. Ц. 1½ к. 16) И. Данилинъ. Искра любви. Передъ праздникомъ. Ц. 1½ коп. 17) Н. Николаевичъ. Отслужилъ. Разск. Ц. 3 к. 18) Н. Темный. Наслѣдство. Очеркъ. Ц. 3 к. 19) Н. Телешовъ. Съ Богомъ! Разсказъ изъ жизни переселенцевъ. Ц. 1½ к. 20) Лихой годъ. Ц. 1½ к. 21) Шиллеръ. Разбойники. Трагедія. Перев. С. Порѣцкаго. Ц. 15 коп. 22) Дж. Элліотъ. Золото и любовь. Ром. Пер. Е. Б. Ц. 15 к. 23) М. Серао. Любовь убійцы. Разск. Ц. 15 к. Изъ всѣхъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ фирмъ, ставящихъ своею задачей качественное и количественное развитіе народной литературы, первое мѣсто несомнѣнно должно быть отведено „Посреднику“. За 17—18 лѣтъ своего существованія фирма эта пустила въ оборотъ около пятисотъ названій книгъ самаго разнообразнаго содержанія и въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, которые нужно считать не только милліонами, но даже десятками милліоновъ. Изданныя „Посредникомъ“ книги захватили такіе широкіе круги читателей, которыхъ не захватывала до сего времени ни одна интеллигентная издательская фирма. Можно сказать, что районъ сбыта изданій „Посредника“—вся мало-мальски грамотная Россія, отъ низшихъ до высшихъ читательскихъ круговъ, отъ полуграмотныхъ крестьянъ до выдающихся представителей интеллигенціи. Изданія „Посредника“ встрѣчаются въ такихъ глухихъ углахъ русской земли, куда не проникало до сего времени почти никакихъ книгъ, считая въ томъ числѣ лубочныя листовки и календари. „Посредникъ“ владѣетъ, можно сказать, всѣмъ пространствомъ россійской имперіи, отъ „твердыни византійской до страны гиперборійской“, отъ Галиціи до Камчатки. И во всѣ эти мѣста изданія „Посредника“ несутъ гуманное настроеніе, проповѣдуютъ дѣятельную любовь къ людямъ, самоотверженную работу на пользу ближняго, проповѣдуютъ „все то, что соединяетъ людей любовью, а не насиліемъ“, братство людей, зовутъ читателей къ духовному воз-

рожденію. Бросая общій взглядъ на всю свою восемнадцатилѣтнюю дѣятельность, „Посредникъ“ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ, что ни разу онъ не отступилъ отъ своихъ идеаловъ и не сдѣлалъ ни одного ложнаго шага въ сторону; издательская физіономія этой фирмы выдержана болѣе чѣмъ какія-либо другія, и взявъ въ руки изданіе „Посредника“, обозрѣватель, какъ и читатель, заранѣе знаетъ, что̀ онъ можетъ найти въ этомъ изданіи и чего онъ не можетъ встрѣтить тамъ. Проповѣдь національной, классовой и всякой иной вражды, человѣконенавистничества, насилія, во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ во внутренней и внѣшней жизни, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и человѣчества, совершенно чужда изданію „Посредника“: напротивъ, съ такою проповѣдью борется онъ. Борьба съ насиліемъ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ — главный девизъ фирмы, который на первыхъ его изданіяхъ былъ выраженъ въ очень опредѣленной и сильной формѣ: „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. Можно иной разъ не согласиться съ той или иной тенденціей посредниковскихъ изданій, можно отрицательно относиться къ его одностороннему пониманію того значенія, какое имѣли и должны имѣть государственныя учрежденія въ жизни человѣчества, къ нѣкоторому мистическому элементу, проявляющемуся то въ той, то въ другой книжкѣ, къ чрезмѣрной поучительности иныхъ его изданій,—поучительности, идущей иногда, какъ мы это дальше увидимъ, прямо въ ущербъ жизненной правдѣ и художественности,—тѣмъ не менѣе нельзя не признавать, что всѣ изданія „Посредника“ проникнуты живымъ духомъ, во всѣхъ нихъ то ярко пылаетъ, то мерцаетъ, но непремѣнно существуетъ Божья искорка, которая никогда не причинитъ людямъ зла, а можетъ лишь принести добро. Предъявляемое къ „Посреднику“ обвиненіе въ тенденціозной проповѣди пассивнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности не выдерживаетъ критики въ виду опредѣленно выраженной тенденціи къ дѣятельному и самоотверженному служенію идеаламъ добра и правды. Обвиненіе въ слащавой поучительности не можетъ имѣть мѣста по отношенію ко всѣмъ изданіямъ „Посредника“; что касается до нѣкоторыхъ поучительныхъ книжекъ, то эти послѣднія, при всей ихъ несуразности, съ нашей точки зрѣнія, имѣютъ нѣкоторое оправданіе въ виду наличности такой категоріи читателей,—и категоріи весьма обширной,—которая, будучи воспитана на назидательной духовной литературѣ, лишь теперь понемногу привыкаетъ къ литературѣ свѣтской и къ этой послѣдней предъявляетъ вполнѣ искренне свои опредѣленныя требованія; наличность поучительнаго элемента въ изданіяхъ „Посредника“ лишь помогаетъ расширенію кругозора этой группы читателей. Разумѣется, можно желать, чтобы поучительность поскорѣе исчезла изъ народной книжки, можно отрицать эту поучительность въ принципѣ, но врядъ ли можно отрицать ея практическое *переходное* значеніе. Кто имѣлъ случай сталкиваться съ полуграмотнымъ читателемъ-крестьяниномъ, воспитаннымъ на „Пришествіяхъ антихриста“ и „Размышленіяхъ безобразнаго грѣшника“ и т. п., тотъ знаетъ, какъ относится этотъ читатель къ поучительному элементу въ книжкѣ. Изученіе читающей толпы болѣе всего другого, даже болѣе исторіи литературы, помогаетъ пониманію того значенія, которое имѣетъ данная книжка въ тотъ или иной историческій моментъ. По опредѣленному отношенію опредѣленной общественной группы читателей къ такой-то книгѣ можно судить какъ объ этой книгѣ, такъ и объ этой группѣ читателей. Всякой группѣ читателей соотвѣтствуетъ своя обширная группа любимыхъ или подходящихъ книгъ; какъ книги, такъ и читатели, представляютъ собою

нѣкоторымъ образомъ *лѣстницы*, по которымъ читающая толпа чрезвычайно быстро поднимается вверхъ; изъ желательности существованія верхнихъ ступеней еще не слѣдуетъ нежелательность низшихъ; заботиться надо лишь о томъ, чтобы люди не засиживались на низкихъ ступенькахъ лѣстницы, а стремились ввысь; а такого засиживанія, какъ показываетъ непосредственное наблюденіе, не только нѣтъ, но и быть не можетъ: допустите до любого читателя побольше книгъ, и онъ быстро научится сравнивать ихъ, и цѣнить, и самъ выдѣлитъ лучшихъ отъ худшихъ. „Посредникъ“, какъ извѣстно, поставилъ своей задачей захватить своими изданіями главнымъ образомъ *наименьше* подготовленныхъ читателей, и, имѣя это въ виду и зная своихъ читателей, онъ даже не *могъ* изгнать изъ своихъ изданій поучительный элементъ. Достойно замѣчанія, что наиболѣе поучительныя книжки среди всѣхъ изданій „Посредника“ принадлежатъ перу Л. Н. Толстого („Чѣмъ люди живы“, „Богъ правду видитъ“, „Иванъ дуракъ“ и т. д.), котораго прекрасно знаетъ „читатель изъ народа“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что поучительность изданій „Посредника“ не имѣетъ ничего общаго съ „поучительностью“ такихъ фирмъ, какъ, напримѣръ, „Постоянная коммиссія народныхъ чтеній“ въ С.-Петербургѣ или „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ въ Москвѣ. При чтеніи нѣкоторыхъ изданій этихъ двухъ фирмъ безхитростному и искреннему читателю тошнехонько становится; онъ слышитъ, что изъ книжки звучитъ голосъ, зудящій на прописныя темы: „Будь честенъ, водку не пей, слушайся „благодѣтелей“, повинуйся“ и т. п. Поучительность изданій „Посредника“ слишкомъ безхитростна, слишкомъ чужда какой-либо корысти, и потому они внушаютъ къ себѣ полное довѣріе своихъ читателей. „Посредникъ“ дѣйствительно знаетъ и изучилъ своихъ читателей. Это одна изъ крупныхъ и важныхъ особенностей почтенной фирмы. Этой же особенностью, знаніемъ деревни и мужика, объясняется тотъ успѣхъ, который имѣютъ въ крестьянской средѣ сельско-хозяйственныя и медицинскія изданія „Посредника“, большею частью прекрасно приспособленныя къ деревнѣ и ея нуждамъ. Меньшими достоинствами обладаютъ научно-популярныя изданія „Посредника“, какъ и должно было ожидать, потому что гораздо легче написать большую строго-научную книгу, чѣмъ маленькую научную брошюрку, которая была бы вполнѣ понятна и интересна читателямъ, получившимъ образованіе только въ первыхъ отдѣленіяхъ начальной школы. Много издано научныхъ книгъ для народа за послѣднее время, но немногія, даже очень немногія научныя книжки способны захватить читательскіе „низы“. Къ этимъ послѣднимъ не принадлежатъ, къ сожалѣнію, книжки проф. Ю. Вагнера (Разсказы „О воздухѣ“, „Объ огнѣ“, „О водѣ“, „О землѣ“ и т. д.). Эти книжки, впервые появившіяся въ миніатюрныхъ изданіяхъ „Игрушечки“ и предназначенныя для дѣтскаго чтенія, сохранили свои особенности и въ изданіи для народа. Довольно отвлеченный языкъ, обиліе словъ, имѣющихъ въ глазахъ деревенскаго читателя совсѣмъ другой смыслъ („явленіе“, „тѣло“, „матерія“ и т. п.), бѣглость мысли, огромное количество неясныхъ и почти неразъясненныхъ фактовъ и теорій (тѣмъ болѣе такихъ, какъ теорія свѣта Френеля), полное отсутствія образности, неудачный выборъ нѣкоторыхъ примѣровъ, самая манера изложенія—все это дѣлаетъ то, что книжки проф. Ю. Вагнера для деревенскихъ читателей остаются почти непонятными въ ихъ цѣломъ; ихъ могутъ читать только тѣ читатели, которые уже умѣютъ читать научныя книжки и имѣютъ нѣкоторый запасъ научныхъ познаній изъ области естественныхъ наукъ. Для этихъ послѣднихъ читателей

книжки проф. Ю. Вагнера были бы не лишними, если бы въ нихъ не встрѣчались мѣстами нѣкоторыя научныя неточности. Наприм., авторъ невѣрно объясняетъ одной привычкой тотъ фактъ, что люди не чувствуютъ давленія воздуха на ихъ тѣло (разск. „О воздухѣ“, стр. 8), забывая сказать объ уравновѣшеніи внѣшняго давленія внутреннимъ. На стр. 20 авторъ забываетъ упомянуть о важной подробности, что чашечка ртутнаго барометра должна быть открыта доступу воздуха. Происхожденіе инея, который образуется исключительно вслѣдствіе быстрой перемѣны температуры, т.-е. быстраго охлажденія водяныхъ паровъ, объяснено на стр. 52 невѣрно. На стр. 39 („Разск. о водѣ“) дано такое опредѣленіе минеральныхъ водъ: „Если вода источниковъ имѣетъ особый вкусъ, то источники называются минеральными“. Можно было бы указать, особенно въ книжкѣ „Разсказы о землѣ“, еще рядъ погрѣшностей, которыя портятъ общее впечатлѣніе отъ книжекъ проф. Вагнера. Въ общемъ, его книжки, особенно о растеніяхъ и животныхъ, должны быть признаны недурными популяризаціями *для дѣтей*, и въ гораздо меньшей степени *для народа,* для котораго авторъ, впрочемъ, и не предназначалъ своихъ трудовъ, когда писалъ ихъ и котораго, повидимому, онъ совсѣмъ не знаетъ. Прекраснымъ вкладомъ въ народную библіотеку должна быть признана географическая хрестоматія „Кругомъ свѣта“, составленная И. Горбуновымъ-Посадовымъ, Е. Горбуновой и В. Лукьянской. Эта хрестоматія можетъ быть рекомендована также какъ весьма полезное пособіе при обученіи географіи въ школѣ и дома. Вышла первая часть ея („Земля—жилище человѣка“). Въ нее вошли отрывки, заимствованные изъ произведеній разныхъ авторовъ, систематически подобранные и распредѣленные по такимъ рубрикамъ: Вступленіе (первоначальныя понятія по космографіи). Жаркія страны. Умѣренныя страны. Холодныя страны. Равнины. Рѣки. Горы. Океанъ. Нѣдра земли. Атмосфера. Подборъ матеріала въ каждомъ отдѣлѣ болѣе или менѣе систематиченъ, хотя съ большими и существенными пропусками; наприм., въ отдѣлъ „Нѣдра земли“ не вошла статья, которая давала бы понятіе о геологическихъ напластованіяхъ и характеристику такихъ горныхъ породъ, какъ, наприм., песчаникъ, глина. Матеріалъ заимствованъ большей частью изъ хорошихъ источниковъ. Составители полагаютъ своею задачей не только дать понятіе о природѣ, сообщить знанія о ней, но и возбудить *любовь* къ ней, помочь развитію *чувства природы*, и съ этой цѣлью въ книгу введено множество отрывковъ изъ произведеній поэтовъ и беллетристовъ. Мысль эту (хотя и не новую) слѣдуетъ признать вполнѣ удачной. Другою особенностью хрестоматіи должно быть признано стремленіе составителей приводить *тѣ или иныя особенности природы въ соотношеніе, связь съ жизнью человѣка, съ его положеніемъ въ природѣ.* Идея книги выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи И. Г.-П. „Для вѣчнаго мира, для вѣчнаго братства земля намъ дана! Не силой, не славой, не блескомъ богатства,—любовью святою одною полна да будетъ она!“ Хрестоматія даетъ массу матеріала, представляя собою большой томъ (болѣе 500 страницъ), украшенный множествомъ рисунковъ и чертежей. Статьи, введенныя въ хрестоматію, болѣе или менѣе переработаны составителями, языкъ сильно упрощенъ, иностранныя слова или выброшены, или объяснены. Цѣна книги очень дешевая (въ переплетѣ 1 р. 80 к.), особенно если принять въ соображеніе высокія цѣны на другія изданія (напримѣръ, г. Полубояринова).

За послѣдній годъ „Посредникъ“ выпустилъ въ свѣтъ цѣлый рядъ листовокъ и другихъ книжекъ по беллетристикѣ. Распредѣляя всѣ эти

книжки по тремъ категоріямъ читателей, начиная отъ самыхъ неподготовленныхъ, мы получаемъ слѣдующую картину. Къ *первой* категоріи (для полуграмотныхъ) должны быть отнесены книжки: И. Горбунова-Посадова „Рохъ и его собака“, назидательно-поучительный разсказъ о самоотверженномъ служеніи рыцаря Роха на пользу ближнимъ во время чумы (XIV в.). Его же: „Христіаночка“, разсказъ о самоотверженной дѣвушкѣ, которая утонула 19 іюня 1890 г. въ Любани, спасая свою горничную. „Робинзонъ“, очень сокращенная и очень вольная передѣлка извѣстнаго произведенія Даніэля Дефо. На примѣрѣ Робинзона составительница П. Н. Бирюкова дѣлаетъ попытку нарисовать свою теорію упрощенія жизни, до вегетаріанства включительно (стр. 40). На стр. 42 Робинзонъ ловитъ дикую козу“, лишаетъ ее свободы, на томъ основаніи, что „она теперь еще не знаетъ, что ей будетъ хорошо у меня“. Робинзонъ доитъ козу, но чувствуетъ себя нѣсколько виноватымъ передъ козлятами“ (стр. 44). Пятница попадаетъ на островъ потому, что бѣжитъ отъ людей (стр. 67) и т. д. Въ передѣлкѣ г-жи Бирюковой произведеніе Дефо потеряло значительнѣйшій элементъ своей красоты, силы и таланта. Разсказы писателя-крестьянина С. Т. Семенова рисуютъ во всей ихъ простотѣ и реальности два самыхъ обыденныхъ случая изъ деревенской жизни: смерть старика, проработавшаго весь свой вѣкъ („Дѣдъ Аверьянъ“) и болѣзнь ребенка, шестилѣтняго Васютки („Васька“). Послѣдній разсказъ очень растянутъ. Въ „Сказаніи объ Артабанѣ Мидянинѣ“, одномъ изъ халдейскихъ волхвовъ, проводится та мысль, что доброе дѣло выше внѣшняго поклоненія божеству („что ты сдѣлалъ братіямъ моимъ меньшимъ, то ты сдѣлалъ Мнѣ“). Разск. В. Гюго „Бѣдные люди“ (въ передѣлкѣ В. Микуличъ) рисуетъ картину изъ жизни бѣдныхъ французскихъ рыбаковъ, которые, несмотря на свою крайнюю бѣдность, усыновляютъ двухъ малолѣтнихъ ребятишекъ, оставшихся послѣ умершей сосѣдки. Вошедшій въ ту же книжку разсказъ „Жаба“ учитъ, впрочемъ, довольно искуственнымъ пріемомъ, состраданію къ животнымъ (оселъ отказывается раздавить измученную жабу). Разсказъ „Въ поѣздѣ“ (безъ имени автора) не новинка въ названной литературѣ и тоже не лишенъ искусственной тенденціозности, черезчуръ далекой отъ жизненной правды. Въ эту же книжку вошелъ разсказъ „Телка“, гдѣ неизвѣстный авторъ просто, безъ прикрасъ рисуетъ трогательную картину, какъ мужикъ продаетъ изъ крайней нужды послѣднюю телку кулаку; кулакъ въ ту же ночь видитъ поучительно-назидательный сонъ насчетъ выгодной покупки, но телку все же оставляетъ за собою. Ко *второй* категоріи должно отнести, во-первыхъ, слѣдующіе разсказы изъ жизни фабричныхъ рабочихъ: И. Данилина: „Искра любви“, „Передъ праздникомъ“. Н. Николаевичъ: „Отслужилъ“. Н. Темнаго: „Наслѣдство“. Всѣ эти 3 книжки должны быть отнесены къ числу лучшихъ изданій „Посредника“, появившихся за послѣднее время. Особенно трогателенъ разсказъ Н. Николаевича о старомъ фабричномъ рабочемъ Архипычѣ, котораго прогоняютъ съ завода „за старостью“. Картинки, нарисованныя въ этихъ трехъ книжкахъ, сами за себя говорятъ. Разсказы Н. Телешова „Съ Богомъ“ и неизвѣстнаго автора „Лихой годъ“ рисуютъ картинки изъ жизни современнаго крестьянства, съ его „проклятымъ вопросомъ“ о землѣ, неурожаяхъ и переселеніяхъ. Нѣсколько странны и неумѣстны нападки автора второго разсказа на земскія управы и на земцевъ за ихъ неумѣлыя дѣйствія во время голоднаго года. Къ *третьей* категоріи послѣднихъ изданій „Посредника“ должны быть отнесены переводныя книжки съ крашеными обложками, извѣстныя произведенія извѣстныхъ авторовъ, уже имѣющіяся на книжномъ рынкѣ: „Разбойники“ Шиллера,

въ хорошемъ, хотя нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ переводѣ С. Порѣцкаго (имѣется уже въ изданіи А. Суворина); „Золото и любовь“ Д. Элліота (тоже, что „Сила Марнеръ“, изданіе Сытина и *Міра Божьяго* 1892 г.). „Любовь убійцы“ М. Серао (тоже, что „Рыжакъ“ изд. харьк. общ. грамотн.). Всѣ три книжки безусловно желательныя гостьи на рынкѣ дешевыхъ народныхъ изданій.

Народное Благо, 1902 г. №№ 1 — 8. Вышедшіе до конца марта восемь №№ *Народнаго Блага* производятъ симпатичное впечатлѣніе. Обновленная редакція журнала, видимо, прилагаетъ всѣ усилія для удовлетворенія духовныхъ запросовъ того сѣраго народнаго читателя, котораго она имѣетъ въ виду. Этому читателю она предлагаетъ вполнѣ здоровый, литературный матеріалъ. Въ вышедшихъ №№ начаты печатаніемъ разсказы и повѣсти гг. Боборыкина, Михеева, Вас. И. Немировича-Данченко и др., и перепечатаны разсказы Чехова, Джерома-Джерома и Гюи-де-Мопассана. Кромѣ того, обѣщано участіе другихъ извѣстныхъ беллетристовъ: гг. Станюковича, Анненковой-Бернаръ, Гославскаго. Изъ статей напечатаны: „Музей труда“ проф. Озерова, „Образовательное значеніе естествознанія“ проф. Линдемана, „Отчего происходятъ землетрясенія“ г. Тихоновича; обѣщаны также статьи проф. Вернера, проф. Кизеветтера, проф. Левицкаго, проф. Стороженка. Разнообразно составляется отдѣлъ „Изъ жизни“, въ которомъ редакція даетъ откликъ на текущіе вопросы современности. Журналъ удѣляетъ много вниманія нашимъ писателямъ-самородкамъ. Въ вышедшихъ №№ напечатано нѣсколько стихотвореній поэтовъ-самородковъ, очень недурныхъ, и интересная статья В. Е. Ермилова о самородкахъ. Въ №№ 5 — 8 напечатанъ рядъ статей о Гоголѣ: гг. Аксакова „Дѣтскіе годы Гоголя“, Ермилова „Праздникъ Гоголя въ крестьянской семьѣ“ и др. Обращаетъ еще на себя вниманіе отдѣлъ „Вопросы и отвѣты“, въ которомъ редакція отвѣчаетъ на обращенные къ ней вопросы читателей по поводу различныхъ случаевъ, возникающихъ въ ихъ обыденной жизни.

Всѣ №№ журнала украшены различными рисунками, портретами и иллюстраціями.

Дѣло изданія народнаго журнала—дѣло новое у насъ и трудное. Намѣреваясь давать своимъ читателямъ вполнѣ литературный матеріалъ, редакція обнаруживаетъ правильное пониманіе своихъ задачъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. „Что разсказывала мама“.—*Уйда.* „Садикъ маленькаго Гарри“. Разсказъ.—*Кэтъ Дугласъ-Виггинъ.* „Счастье бѣднаго малыша“. Разсказъ.—*Ея же.* „Веселая рѣчка или Тимошины поиски“.

Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М., 1901 г. „Что разсказывала мама“, Разсказы для младшаго возраста. Съ англійск. перев. В. Величкина. Съ 52 рисунк. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к. Уйда. „Садикъ маленькаго Гарри“. Разсказъ Пер. съ англ. П. А. Буланже. Съ рисун. Ц. 20 к. Кэтъ Дугласъ-Виггинъ. „Счастье бѣднаго малыша“. Разсказъ. Съ англ. перев. Е. Б. Съ рисун. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к. Кэтъ Дугласъ-Виггинъ. „Веселая рѣчка или Тимошины поиски“. Разсказъ Съ рис. Оливера Герфорда. Съ англ. перев. Е. Б. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к. Вышеозначенныя книжечки могутъ служить образчиками англійской дѣтской литературы. Ихъ общей чертой является болѣе или

менѣе скрытая тенденція: авторы сильно стараются поучать своихъ маленькихъ читателей. Съ точки зрѣнія художественности эта черта, конечно, служитъ недостаткомъ, но тѣмъ не менѣе указанныя книги могутъ смѣло попасть въ руки дѣтей, причемъ послѣднія не только извлекутъ пользу отъ этого чтенія, но и не поскучаютъ надъ нимъ, такъ какъ тенденціозность и нѣкоторая искусственность разсказовъ на сей разъ не помѣшали занимательности ихъ. Книга „Что разсказывала мама“ предназначается для дѣтей младшаго возраста. Въ беллетристической формѣ авторъ даетъ 20 описаній различныхъ предметовъ изъ обыденной жизни, какъ, напримѣръ: губки, мыла, соли, свѣчей, стекла и т. п. Описанія ведутся простымъ языкомъ, даютъ достаточно яркое представленіе о предметахъ и сопровождаются подходящими иллюстраціями. Крупный шрифтъ доказываетъ, что издатель съ своей стороны позаботился объ интересахъ малютокъ. Содержаніе разсказа Уйда: „Садикъ маленькаго Гарри“, предполагаетъ уже читателя средняго возраста. Суть разсказа заключается въ слѣдующемъ: маленькій подкидышъ Гарри, жившій въ богадѣльнѣ со своей пріемной, горячо имъ любимой, бабушкой, узнаетъ, что всему населенію ихъ пріюта грозитъ опасность лишиться незаконнымъ образомъ земли, на которой они жили и на которой стараніями мальчика былъ устроенъ хорошенькій садъ. Умный мальчикъ, узнавъ о томъ, что нужно искать защиты у перваго министра, рѣшается самолично выполнить это предпріятіе. Послѣ цѣлаго ряда затрудненій оно ему удается, и онъ дѣлается героемъ въ глазахъ окружающихъ. Въ разсказѣ замѣтна сильная идеализація отдѣльныхъ чертъ мальчика: подобная смѣлость, великодушіе и сообразительность трудно допустить въ мальчикѣ 7-ми лѣтъ; однако, такъ сумѣлъ Уйдъ ярко очертить образъ мальчика, что онъ несомнѣнно завоюетъ симпатіи читателей. Большимъ недостаткомъ разсказа является нѣсколько необъясненныхъ отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ тирадъ. Этотъ пробѣлъ нужно отнести къ винѣ переводчика—быть можетъ, маленькіе англичане получаютъ настолько практическое воспитаніе, что сами сумѣютъ разобраться въ томъ, кто такой первый министръ, что такое городскіе доходы, отчужденіе дома и т. п.; но для русскихъ дѣтей эти термины—пустой звукъ. Совершенно же неумѣстными въ книгѣ для дѣтей являются такія выраженія: „они идутъ вразрѣзъ съ духомъ времени“, или: „ты, должно быть, будешь анархистомъ, если не будешь съ почтеніемъ относиться къ такимъ большимъ людямъ“. Обѣ слѣдующія книги принадлежатъ перу Кэтъ Дугласъ-Виггинъ и вполнѣ доступными могутъ быть только для дѣтей старшаго возраста. Несмотря на порядочную дозу сантиментальности и нравоучительности, оба разсказа написаны талантливо и читаются съ захватывающимъ интересомъ. Разсказъ „Счастье бѣднаго малыша“ представляетъ психологію ребенка, уже искалѣченнаго жизнью и нравственно и физически. Возрожденіе его души въ атмосферѣ любви и заботы въ воскресной школѣ описано очень трогательно, хотя и не безъ сентенціозности. Въ произведеніи „Веселая рѣчка“ искусственность построенія разсказа выкупается выпуклымъ изображеніемъ отдѣльныхъ персонажей, которые въ воображеніи читателей встаютъ совершенно живыми личностями. Содержаніемъ служитъ описаніе похожденій двухъ заброшенныхъ дѣтей, изъ которыхъ мальчикъ Тимоша является защитникомъ и спасителемъ своей маленькой подруги. Послѣ различныхъ скитаній они попадаютъ въ домъ одинокихъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ, сухая старая дѣва, долго не можетъ рѣшиться оставить дѣтей у себя, но ихъ трогатель-

ная взаимная привязанность, чарующая прелесть дѣвочки и серьезность талантливаго мальчика побѣждаютъ, наконецъ, ея черствое сердце и дѣти находятъ себѣ постоянный кровъ. Хорошо въ разсказѣ очерчены характеры дѣвушекъ: одна изъ нихъ—олицетвореніе веселья и материнской нѣжности, а другая—настоящая сухая англійская миссъ, у которой хорошія черты скрываются подъ холодною, чопорною внѣшностью. По манерѣ письма авторъ немного напоминаетъ Диккенса, хотя, конечно, мы этимъ не хотимъ ихъ сравнивать по силѣ таланта. Такъ же, какъ и у Диккенса, въ разсказѣ Кэтъ Дугласъ-Витгинъ, сантиментальный тонъ переплетается съ юмористическимъ, что придаетъ изложенію живость. Съ внѣшней стороны изданія Горбунова-Посадова заслуживаютъ полнаго одобренія.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

В. П. Магнуссенъ и Левъ Уманецъ. Справочная книга. „Окрестности Москвы".

В. П. Магнуссенъ и Левъ Уманецъ. Справочная книга „Окрестности Москвы". Спутникъ дачника, велосипедиста, фотографа и проч. М., 1902 г. Ц. 75 к. Въ пользѣ и необходимости подобнаго „Спутника" едва ли можно сомнѣваться: потребность въ немъ растетъ, можно сказать, ежечасно вмѣстѣ съ ростомъ подвижности населенія, вызываемымъ развитіемъ различныхъ способовъ сообщенія. Среди послѣднихъ начинаетъ въ послѣднее время играть важную роль и велосипедъ. Изданный указанными авторами „Спутникъ" впервые приходитъ на помощь экскурсантамъ, довольно подробно перечисляя населенные пункты окрестностей Москвы, съ указаніемъ маршрутовъ къ нимъ, характеристикой выдающихся въ какомъ-нибудь отношеніи отдѣльныхъ мѣстностей и др. свѣдѣніями практическаго характера. Въ виду того, что кромѣ красотъ мѣстной природы, многія изъ окрестностей древней столицы представляютъ большой интересъ и по находящимся въ нихъ различнымъ историческимъ памятникамъ, не говоря уже о литературныхъ воспоминаніяхъ, посѣщеніе этихъ окрестностей является весьма назидательнымъ и поучительнымъ. Всякое содѣйствіе въ этомъ отношеніи можетъ поэтому встрѣтить лишь полное сочувствіе. Заслуживаетъ его всецѣло и трудъ гг. Магнуссена и Уманца. Приступая къ обзору окрестностей Москвы въ предѣлахъ окружности до 40 верстъ, составители настоящаго справочника распредѣляютъ весь матеріалъ по отдѣльнымъ главамъ, придерживаясь радіусовъ (или ихъ группъ), по которымъ проходятъ главные пути—желѣзно-дорожные и шоссейные, съ боковыми ихъ вѣтвями. Затѣмъ слѣдуетъ перечень расположенныхъ по этимъ путямъ мѣстностей, съ указаніемъ ихъ разстояній отъ ближайшихъ станцій и друг. пунктовъ. Попутно авторы сообщаютъ краткія историческія свѣдѣнія и воспоминанія о замѣчательныхъ дѣятеляхъ и событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ селеніяхъ, упоминаютъ о находящихся тамъ памятникахъ, отмѣчаютъ выдающіяся красоты природы и проч. На-ряду съ достойными вниманія мѣстностями, авторы тутъ же добросовѣстно перечисляютъ и всѣ сосѣднія села и деревни, не имѣющія особаго значенія, и тѣмъ въ значительной мѣрѣ мѣшаютъ читателю ориентироваться въ данномъ районѣ. Въ одномъ же случаѣ (радіусъ 25-й—брянская жел. дорога) все дѣло ограничивается лишь весьма простымъ перечнемъ станцій и платформъ съ указаніемъ двухъ-трехъ „дачныхъ мѣстностей". Въ самыхъ описаніяхъ отдѣльныхъ

мѣстностей встрѣчаются неточности. Такъ, на Ходынскомъ полѣ, по справочнику, имѣется всего лишь *одно* зданіе скачекъ; Петровскій паркъ представляетъ собой „роскошную липовую и сосновую рощу“, находящійся тамъ дворецъ окруженъ „огромнымъ“ паркомъ; „Головино“ (монастырь) будто бы „славится своей привлекательной мѣстностью“, а Мазилово является „хорошенькимъ“ дачнымъ мѣстечкомъ. Зато про замѣчательно красивую природу Саввинскаго монастыря не сказано ни слова. Въ Марьиной слободкѣ (роща) „многіе проводятъ всю зиму“, въ виду „удобства“ сообщенія съ центромъ города, хотя извѣстно, что названная роща обратилась давно уже въ чисто-городское поселеніе и *никакихъ* удобствъ сообщенія съ центромъ до сего времени не существуетъ, кромѣ, конечно, примитивныхъ извозчиковъ. Далѣе отстали свѣдѣнія о Перловкѣ и о количествѣ воды, получаемой Москвой изъ Мытищъ (по „Справочнику“—всего 350,000 ведеръ въ сутки). Говоря про с. Абрамцево (71 стр.) авторы отмѣчаютъ, что оно принадлежало когда-то С. Т. Аксакову, писавшему здѣсь свои „Записки объ уженіи рыбы“, что имѣніе это посѣщалось многими писателями той эпохи и между прочимъ Н. В. Гоголемъ, для котораго тамъ была отведена даже особая комната; „удобства окружавшія его здѣсь“ (добавляютъ изслѣдователи) *облегчали ему тяжелый процессъ его болѣзненнаго творчества* (?!). Про Перервы, лежащія вдоль полотна курской жел. дороги, съ гремящими ежечасно поѣздами, сказано, что это—„мѣстность *довольно тихая*“; сообщеніе села Коломенскаго съ городомъ производится на извозчикахъ, а „также по курской жел. дор.“ (?); Нескучный садъ находится будто бы за самой Калужской заставой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ садъ лежитъ въ чертѣ города по эту сторону заставы. Всѣ перечисленныя неточности легко могутъ быть исправлены при послѣдующихъ изданіяхъ и въ общемъ итогѣ не помѣшаютъ, конечно, той пользѣ, которую принесетъ это изданіе, нуждающееся кромѣ того и въ болѣе тщательной редакціи текста. Можно бы также пожелать болѣе изящной внѣшности и большаго разнообразія въ шрифтахъ, что̀ для всякаго справочника весьма важно.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 апрѣля по 1 мая 1902 г.

Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. М., 1902 г. Ц. 30 к.

Азбелевъ, Н. П. Общедоступныя лекціи. Единство въ устройствѣ вселенной. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Андреевъ, Л. Разсказы. Т. 1-й, изд. 2-е. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, В. Общія черты агрономической техники и с.-хоз. экономики крестьян. хозяйствъ Херсонскаго у. Изд. херс. уѣздн. земства. Херсонъ, 1902 г.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Т. III. Предисловіе и примѣчанія В. Б. Бильбасова. Спб., 1902 г.

Бертенсонъ, В. Виноградарство на сѣверѣ. Одесса, 1902 г. Ц. 20 к.

Бехли, Д. Мѣропріятія нижегор. губ. земства по воспособленію кустарной промышленности 1895—1902 гг. Изд. нижегород. губ. земства. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Буксгевденъ, А. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. 1-й Пекинскій договоръ 1860 г. Изд. кн. склада „Новый Край“. Портъ-Артуръ, 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бунинъ, Ив. Разсказы. Т. 1-й. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Бычихинъ, А. 1) Результаты опытовъ удобренія виноградниковъ Бессарабіи минеральными туками въ 1901 г. 2) Труды комитета виноградарства Имп. общ. сельск. хозяйства южной Россіи. Вып. 1-й. Одесса, 1901 г.

Вагнеръ, Вл. Психологія животныхъ (популярныя лекціи). Изданіе 2-е. М., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Василенко, В. Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губерніи. Вып. I. Пряденіе и ткачество въ Зѣньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Полтава, 1900 г.

Van der Broght, R. Торговля и торговая политика. Пер. съ нѣм. подъ редакц. В. И. Рагозина. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Виленцъ, В. Г. Задачи и дѣятельность центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи. М., 1902 г. Ц. 10 к.

Воскресенскій, Е. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1902 г. Ц. 20 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 1 томѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Грабина, А. Т. Прежденогибшіе. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

Дебольскій, В. Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географич. источникъ. Спб., 1902 г.

Дорофеевъ, Г. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ, 1902 г. Ц. 60 к.

Евзлинъ, Е. Коммерческая корреспонденція. Теорет. и практ. руководство для изученія торгово-промышл. корреспонденціи. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

Евреиновъ, И. Артельныя избы и центральная артельная палата, какъ посредническіе органы труда. Спб., 1902 г.

Зиминъ, Н. 1) Къ вопросу объ устройствѣ городск. противопожарн. водопроводовъ. Ц. 20 к. 2) Новыя направленія въ дѣлѣ очищенія большихъ количествъ водъ для городскихъ водоснабженій. Ц. 30 к. М., 1902 г.

Извѣстія о состояніи сельск. хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 г. (іюнь—августъ). Полтава, 1901 г.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 г. Осень и состояніе озимыхъ посѣвовъ. Кременчугъ, 1902 г.

Иллюстр. географ. сборникъ „Африка“. Изд. т-ва И. Н. Кушнерева и К°. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Иноземцева, А. Внѣ почвы. Драма въ 5-ти дѣйств. Н.-Новгородъ, 1902 г. Ц. 50 к.

Іорданскій, Н. Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ въ 1901 г. Н.-Новгородъ, 1902 г.

Карлейль, Т. 1) Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета, 2-го апрѣля 1866 г. Ц. 25 к. 2) Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека въ 3-хъ книгахъ Ц. 2 р. 50 к. М., 1902 г.

Четуракисъ. Въ Америку. Комедія въ 3-хъ дѣйств.. Изд. инженера А. К. Мацѣевскаго. Вильна, 1902 г. Ц. 25 к.

Клементцъ, К. Всего понемногу. М., 1902 г. Ц. 60 к.

Крымскый, А. Изъ повистокъ и эскизивъ. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Кублицкій, К. „Родные углы“. Кусково. Вып. 1-й. Спб., 1902 г. Ц. 30 к.

Кузнецовъ, Н. Систематическій сводъ указовъ правит. сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ 1866—1900 гг. Спб., 1902 г. Ц. 4 р.

Кустари и ремесленники Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 гг. Полтава, 1901 г.

Лекки, В. Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. Перев. съ англ. Л. Лакіера. Издан. Ф. Павленкова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лесевичъ, В. В. Буддійскія легенды и ихъ соотношеніе съ буддійск. догматами. Одесса, 1902 г. Ц. 25 к.

Липпсъ, Т. Основы логики. Пер. съ нѣм. Н. О. Лосскаго. Изд. О. Е. Поповой. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Лирическія стихотворенія Квинта Горація Флакка. Издан. 2-е. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лисенко, С. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавск. губ. Вып. 2-й. Роменскій уѣздъ. Одесса, 1900 г.

Литке, А. Альбомъ монограммъ для мѣтки бѣлья, гравированія, рѣзьбы, штампованія, вышиванія, отливки, чеканки и пр. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Луговой, А. Pollice verso — „добей его!“ Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.

Лункевичъ, В. 1) Земля. Ц. 14 к. 2) Небо и звѣзды. Ц. 14 к. 3) Громъ и молнія. Ц. 12 к. 4) Жизнь въ каплѣ воды. Ц. 8 к. 5) Невидимые друзья и враги людей. Ц. 16 к. 6) Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ. Ц. 16 к. 7) Законъ жизни среди животныхъ и растеній. Ц. 24 к. 7) Подземное царство. Ц. 32 к. 9) Исторія земли. Ц. 28 к. 10) Каменный уголь. Ц. 20 к. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1902 г.

Львовъ, Т. Н. Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1902 г. Ц. 60 к.

Львовъ, Вл. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскресныхъ и начальныхъ школъ. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. М., 1902 г.

Магнуссенъ, В. и Уманецъ, Л. Справочная книга „Окрестности Москвы“. М., 1902 г. Ц. 75 к.

Малинка, А. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору (Черниг., Волынск., Полт. и др. губ.). Черниговъ, 1902 г.

Матеріалы для оцѣнки земель Херс. губ. по закону 8-го іюня 1893 г. Вып. II. Изд. херс. губ. земск. управы. Херсонъ, 1902 г.

Мачтетъ, Гр. А. Послѣдніе разсказы и письма изъ Ганолулу. Изд. кн. маг. „Трудъ“. Житомиръ, 1902 г. Ц. 40 к.

Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическ. и общ. быта старой Малороссіи, подъ редакц. Н. П. Василенка. Вып. 1 и 2-й. Черниговъ, 1901 и 1902 гг. Ц. по 1 р. за выпускъ.

Мижуевъ, П. Школа и общество въ Америкѣ. Изд. ред. журн. „Техническое Образованіе“. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.

Минцловъ, С. Кладъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.

Митропольскій, И. Пестрыя страницы. Повѣсти и разсказы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко. Спб., 1902 г.

Мигулинъ, П. 1) Русскій государств. кредитъ. Т. III, вып. II. Ц. 1 р. 50 к. 2) Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ. Ц. 1 р. Харьковъ, 1902 г.

Мокринскій, С. Наказаніе, его цѣли и предположенія. Ч. 1 и 2. М., 1902 г. Ц. за 2 ч. 2 р.

М. П. С. Отчетъ о воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ для служащихъ и рабочихъ на юго-западныхъ казенныхъ жел. дор. за 1899—1900 и 1900—1901 гг. Кіевъ, 1902 г.

„Народный университетъ“. Сборникъ общедост. статей по самообразованію, подъ ред. В. В. Битнера. 1) Доисторическій человѣкъ. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

„Народный университетъ“. Мозгъ, какъ органъ мышленія. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Нефедьевъ, Е. Курсъ гражданскаго судопроизводства. Вып. 1-й. М., 1902 г. Ц. 35 к.

Новиковъ, А. Записки о сельской школѣ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Нордау, М. Новые парадоксы. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

Опочининъ, В. Театральная стари-

на. Историческіе очерки и курьезы. М., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Осовскій, С. Стихотворенія „На досугѣ“. Владикавказъ, 1901 г. Ц. 50 к.

Отчетъ Аккерманск. общ. библіотеки за 1900—1901 г. Аккерманъ, 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности нижегород. гор. „Пушкинской“ безплатн. нар. читальни за 1901 г. Н.-Новгородъ, 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ. М., 1902 г.

Отчетъ симбирской безплатной народной библіотеки въ память И. А. Гончарова за 1900 и 1901 гг. (8 и 9 отчетн. годъ). Симбирскъ, 1902 г.

Отчетъ сарат. общ. вспомоществ. нуждающимся литераторамъ съ 26-го апрѣля 1898 г. по 2 декабря 1901 г. Саратовъ, 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности екатеринославск. научн. общ. за 1901 годъ, протоколы общихъ собраній и списокъ членовъ научнаго общества.—Уставъ екатеринослав. научнаго общ. 6 мая 1901 г. Екатеринославъ, 1902 г.

Пастуховъ, А. Дружокъ. Азбука и первая послѣ азбуки книга. Годъ 1-й. Съ 125 рис. и картинками. М., 1901 г. Ц. 27 к.

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 г. по 1 іюля 1900 г. Вып. 1-й. Полтава, 1900 г.

Пермскій кустарно-промышленный банкъ губернскаго земства. Пермь, 1902 г.

Покровская, М. Женщины и дѣти. Спб., 1902 г. Ц. 30 к.

Поповъ, П. Сборникъ ариѳм. задачъ при обученіи глухонѣмыхъ ариѳметикѣ. Вып. 1-й. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Приложеніе къ сельско-хозяйств. обзору по Орловской губ. за 1901 г. Орелъ, 1902 г.

Прохоровъ, Н. Техника тонкорунаго овцеводства въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа. Спб., 1902 г.

П—скій, Н. Къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права. М., 1902 г. Ц. 20 к.

Работы гидробіологической станціи, учрежденной на глубокомъ озерѣ отдѣломъ ихтіологіи. Кн. 1. М., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Рождествинъ, А. Николай Ивановичъ Пироговъ, какъ педагогъ. Казань, 1902 г. Ц. 30 к.

Рославлевъ, А. „Видѣнья“. Мелкія стихотворенія. Вып. 1-й. М., 1901 г. Ц. 20 к.

Руданськый, Ст. Творы. Т. 1-й. Кыивъ, 1902 г. Ц. 50 к.

Саводникъ, В. Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. М., 1902 г. Ц. 60 к.

Сборникъ „Литературное Дѣло“. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и заграницей. Вып. III. М., 1901 г.

Сельско-хоз. обзоръ Самарской губ. за 1899—1900 г. Изд. самар. губ. земской управы. Самара, 1902 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1901 г. Вып. IV. Вятка, 1902 г.

„Сельскій трудъ“. 1) Клеверъ и тимофеевка. Ц. 5 к. 2) Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею. Ц. 4 к. 3) Грибныя болѣзни хлѣбовъ, картофеля, капусты и яблони. Ц. 8 к. 4) Бесѣды о вредн. насѣкомыхъ. Ц. 8 к. Изд. с.-петерб. собранія сельскихъ хозяевъ. Спб., 1902 г.

Сеньобосъ, Ш. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Пер. съ фр. подъ ред. П. С. Когана. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Скиталецъ. Расказы и пѣсни. Т. 1-й. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Софоклъ. 1) Эдипъ-царь. Ц. 40 к. 2) Эдипъ въ Колонѣ. Ц. 40 к. 3) Антигона. Ц. 40 коп. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г.

Сѣверные цвѣты на 1902 г., собранные книгоиздательствомъ Скорпіонъ. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Тарасовъ, И. Очеркъ политической экономіи. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Тарановскій, Ѳ. Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в. Варшава, 1902 г. Ц. 25.

Тиханова, Е. Разсказы и повѣсть. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Тихомировъ, Д. И. Жизнь и труды В. А. Жуковскаго. Чтеніе для школъ и народа, съ рис. и портр. Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе“. М., 1902 г. Ц. 10 к.

Фаресовъ, А. И. Мой отвѣтъ (изъ литературной полемики). Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Фармаковскій, Н. Врачи и общество. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

Фругъ, С. Г. Сіониды и друг. стихотворенія. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хоткевичъ, Гнатъ. Поэзія въ прозѣ. Харьковъ, 1902 г. Ц. 75 к.

Чайковскій, М. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II, вып. XVI. Изд. П. Юргенсона. М., 1902 г. Ц. 40 к.

Черниховскій, М. Ченцза. Разсказъ изъ русско-маньчжурскаго быта. Изд. газеты „Новый Край“. Портъ-Артуръ, 1901 г. Ц. 50 к.

Шляпошниковъ, М. 5-й всемірно-европейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Изд. книгоиздательства „Улей“. Харьковъ, 1902 г. Ц. 25 к.

Шмидтъ, О. Павловскій стале-слесарный районъ Горбат. у., Нижегор. губ. Вып. 1-й. Изд. нижегор. губ. земства. Н.-Новгородъ, 1902 г.

Шнауссъ, Г. Руководство къ изготовленію діапозитивовъ. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Шуфъ, Вл. Гибель Шемахи. Поэма. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Ш.-Ц. 1) Рѣчь Макса Нордау на 5-мъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ. Ц. 5 к. 2) Рѣчь д-ра Герцля на 5-мъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ. Ц. 3 коп. Изд. книгоиздательства „Улей“. Харьковъ, 1902 г.

Эварницкій, Д. Какъ побѣждали запорожцы мусульманъ. Изд. „Вѣстника Казачьихъ войскъ“. Спб., 1902 г.

Эврипидъ. 1) Ипполитъ. Ц. 40 коп. 2) Медея. Ц. 40 к. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г.

Энгельгардтъ, М. Лѣса и климатъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Энгельгардтъ, А. Черноземная Россія. Очеркъ экономич. положенія края. Саратовъ, 1902 г. Ц. 2 р.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 30 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Ѳ. Тищенко.* Разсказы.—*К. А. Ковальскій.* „Вечернія пѣсни".—*М. Горькій.* Разсказы. Т. V. Мѣщане. Драматическій эскизъ.—*П. В. Шумахеръ.* Стихи и пѣсни 135

Исторія, исторія литературы: *Е. В. Тарле.* Исторія Италіи въ новое время. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). — *З. Чичинадзе.* Переходъ грузинъ въ исламъ. — *Алексѣй Веселовскій.* Байронъ. Біографическій очеркъ.—*Е. Н. Опочининъ.* Театральная старина.—Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ. Сост. *Б. Сосницкій.* — *Б. Л. Модзалевскій.* Е. В. Великопольскій 141

Критика: *Томасъ Карлейль.* Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета, 2 апр. 1866 г.—*Волжскій.* Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ 148

Политическая экономія, статистика: *Гансъ Ностицъ.* Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи.—Проф. *Теодоръ фонъ-деръ-Гольцъ.* Аграрные вопросы и аграрная политика.—*В. Г. Виленцъ.* Задачи и дѣятельность центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи.—Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству.—*П. А. Вихляевъ.* Очерки изъ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности 149

Юридическія книги: *А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.* Судъ и раскольники-сектанты 154

Изданія для народа: Новыя изданія „Посредника". — „Народное Благо". №№ 1—8, 1902 г. 157

Книги для дѣтей: Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. „Что разсказывала мама".—*Уйда.* „Садикъ маленькаго Гарри". Разсказъ. — *Кэтъ Дугласъ-Вигинъ.* „Счастье бѣднаго малыша". Разсказъ.—*Ея же.* „Веселая рѣчка или Тимошины поиски" 162

Справочныя книги: *В. П. Малиуссенъ и Левъ Уманецъ.* Справочная книга. „Окрестности Москвы" 164

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1902 г.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

находящіяся при конторѣ журнала
(*Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., домъ Аплаксиной*).

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 коп.

II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.

III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 руб.

IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Допущена въ народныя библіотеки и читальни.

VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. Ив.** Драма за сценой. Ц. 1 р.

VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

IX. **Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.

XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.

XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.

XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.

XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Дружинина). Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. А. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юно́ша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя би-

бліотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безпл. народн. библіот. и читальни.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*) 92 стр. Ц. 20 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Нар. Пр.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Открыта подписка на общественную и литературную газету

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

1902 г. (ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Восточный Вѣстникъ" выходитъ въ г. Владивостокѣ въ форматѣ большихъ газетъ по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Передовыя статьи.—4) Хроника.—5) Письма и корреспонденціи.—6) Статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся интересовъ русской восточной окраины и жизни сосѣднихъ странъ: Китая, Японіи и Кореи.—7) Обзоръ заграничной жизни: Китай, Японія и Корея. - 8) Обзоръ внутренней жизни. Сибирская хроника. Русская жизнь.— 9) Литературное и научное обозрѣніе. — 10) Критика и библіографія. — 11) Фельетонъ. — 12) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. — 13) Промышленность и торговля.— 14) Справочный отдѣлъ.—15) Объявленія.

Газета выходитъ четыре раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ №№; по вторникамъ и пятницамъ—отдѣльныя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою: за годъ **8** р., за полгода **4** р., за 3 мѣсяца **3** р., за **1** мѣсяцъ **1** р. **Для иногородныхъ,** съ пересылкою: за годъ **9** р., за полгода **4** р. **50** к., за 3 мѣсяца **3** р. **50** к., за **1** мѣсяцъ **1** р. **50** к.

За перемѣну адреса 30 коп. ‖ Розничная продажа—10 к. №.

Адресъ: г. Владивостокъ, редакція газеты „Восточный Вѣстникъ".

Редакторъ-Издатель **В. Сущинскій.**

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д

ГОДЪ VII-й.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1902 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ и ГЕОГРАФІЯ.

ГОДЪ VII-й.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня — іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ. **Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ** за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. **Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари,** проф. **И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій,** проф. **А. Ѳ. Брандтъ, В. В. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій,** проф. **С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ,** проф. **В. Я. Даниловскій,** проф. **А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ,** проф. **В. В. Заленскій,** проф. **Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій,** проф. **Н. Ѳ. Кащенко,** проф. **Н. И. Кузнецовъ,** проф. **М. И. Коноваловъ,** проф. **И. А. Каблуковъ,** проф. **Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ,** проф. **А. Н. Красновъ,** проф. **Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій,** проф. **В. И. Палладинъ,** проф. **А. П. Павловъ, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ,** проф. **В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, М. М. Сіязовъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ,** проф. **К. А. Тимирязевъ,** проф. **А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ,** проф. **Н. А. Холодковскій,** проф. **В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ** и нѣкоторые другіе.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою **4** руб. **50** коп., безъ доставки **4** руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп.; за границу **7** руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг.

Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ **75** коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **20** коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Контора редакціи: Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго института, кв. 2.

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

Вышла майская книжка 1902 г. (№ 5) ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

и

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Тридцать четвертый годъ изданія.

Содержаніе майской книжки (№ 5) „Дѣтскаго Чтенія“ 1902 года.

I. Императоръ Александръ II. По поводу двадцатипятилѣтія Русско-Турецкой войны (1877—1902 гг.). Портретъ на отдѣльномъ листѣ. II. Антонъ-баба и Соломонида-мужикъ. Изъ разсказовъ о прошломъ. *С. Елпатьевскаго.* III. Пѣсня кузнецовъ. Стихотвореніе. *И. А. Бѣлоусова.* IV. „Два друга“. Повѣсть. *Амаліи Скрамъ.* Гл. VIII—IX. Съ норвежскаго. *О. Аносовой.* V. Пѣсенка моря. Стихотвореніе. *К. А. Ѳедорова-Давыдова.* Съ рисунк. VI. Артемовы питомцы. Разсказъ. *Ив. Ив. Митропольскаго.* VII. О чемъ молиться? Стихотвореніе. Изъ М. Конопницкой. *Н. Новича.* VIII. Удивительныя приключенія муравья Сангвина, имъ самимъ разсказанныя. Глава вторая. Фурми учитъ меня находить дорогу въ Кучѣ. Мое „геройство“ на Кручкѣ. Разсказы Фурми о жизни работниковъ-муравьевъ. Непріятное знакомство. *Гнат. Хоткевича* (*Галайда*). IX. Моя тетя Верника. *Эдмонда Франка.* Съ французск. *Е. Гольдмана.* X. За работой. Стихотвореніе. *Ѳ. Гаврилова.* XI. Орлиная скала. Кавказская легенда. *Л. Ѳ. Черскаго.* XII. „Мопсъ“. Разсказъ *Эрнста фонъ-Вильденбруха.* Съ нѣмецк. *Макса Ли.* XIII. Весна! Какъ весело кругомъ! Стихотвореніе. *С. Д. Дрожжина.* XIV. Съ далекаго сѣвера. V. *В. И. Маноцкова.* Съ 4 рисунками. XV. Памятники. *А. Николаева.* Съ 5 рисунк. XVI. Икаръ. Стихотвореніе. *Ел. А. Буланиной.* XVII. За свободу братьевъ-славянъ. I. Передъ войной. II. На Дунаѣ. III. Переправа черезъ Дунай. *Е. Т.* Съ 4 рис. XVIII. Джіакометта. Историческій разсказъ. *Ѳ. Е. Зарина.* Окончаніе. XIX. Деревня на воздухѣ. Повѣсть Жюль Верна. Гл. I. Въ дорогѣ. Гл. II. Блуждающіе огоньки. Съ 3 рис. XX. Изъ литературы и жизни. Счастливый Куспанъ.— Родственникъ Родищева въ плѣну у горцевъ. *Е. Т.* XXI. Изъ жизни растеній. Свѣтящіяся растенія. Какъ защищаются растенія отъ нападеній животныхъ. Кашляющее и чихающее растеніе. *Е. Т.* XXII. По бѣлу-свѣту. Патріархальный городъ. Съ рис. Поселеніе золотоискателя. Съ рис. Замѣчательныя постройки послѣдняго времени. Оригинальный телеграфъ. *Е. Т.* XXIII. Смѣхъ не грѣхъ. Веселыя странички. Загадки. Задача слоговъ. Задача буквъ. Ребусъ безъ картинъ. Чернушина доля. Изъ жизни бѣднаго Вороненка. *А. Дорова.* Съ рис. А. А. Кучеренко. XXIV. Рѣшенія. XXV. Объявленія.

Содержаніе пятой книжки „Педагогическаго Листка“, 1902 г.

I. Жидкій воздухъ. III—IV. *В. А. Челинцева.* Съ 4 рис.—II. Введеніе въ политическую географію. Гл. XII. Торговля. Колонизація. Культура. *Д. А. Коропчевскаго.*— III. Образовательная поѣздка ученицъ Екатеринославской женской гимназіи въ Москву. Рефераты воспитанницъ о поѣздкѣ въ Москву. *С. К. Павловой.*— IV. Бесѣды по физіологіи. Пищевареніе. *Д-ра В. Е. Игнатьева.*— V. Бесѣды по правовѣдѣнію. Финансовое право. IX—X. *В. А. Гольцева.*—VI. Естественно-историческія экскурсіи въ начальномъ народномъ училищѣ. *С. М.*—VII. Первая казенная женская гимназія въ Москвѣ. *Ан.* — VIII. Викторъ Петровичъ Острогорскій. Некрологъ. *Д. И. Т.*— IX. Письмо-завѣщаніе В. П. Острогорскаго.—X. Среди журналовъ. Городскія училища. В. Я. Гебеля.—Что намъ нужно. Шишкова. *Н. В. Тулупова.* XI. Библіографія. XII. Книги и пособія, разсмотрѣнныя Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ. XIII. Объявленія.

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересылкой 5 р., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкой 2 руб. Плата за объявленія: за страницу 20 р., $^1/_2$ стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ — 30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Дм. Ив. Тихомировъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г.

НА

„АМУРСКУЮ ГАЗЕТУ".

Политическій, общественный и литературный органъ

СЪ ИЛЛЮСТРИР. ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ,

выходящую въ г. Благовѣщенскѣ.

VIII годъ изданія.

„Амурская Газета" съ 1-го января 1902 года будетъ выходить по прежней программѣ и въ прежнемъ форматѣ три раза въ недѣлю, а въ остальные дни подписчики будутъ получать телеграфные бюллетени.

„Амурская Газета" съ 1-го января 1902 года будетъ давать при воскресныхъ номерахъ особое **иллюстрированное приложеніе** съ беллетристическимъ и научнымъ содержаніемъ. Иллюстраціи имѣютъ цѣлью наглядное ознакомленіе читателей съ странами Дальняго Востока, Приамурскаго края и жизнью ихъ обитателей, а также и съ главнѣйшими текущими событіями на Дальнемъ Востокѣ. Помимо этого будутъ помѣщаться портреты важныхъ дѣятелей всего цивилизованнаго міра и событій, имѣющихъ общерусскій или общеевропейскій интересъ...

„Амурская Газета" ставитъ на первый планъ разработку мѣстныхъ вопросовъ, но въ виду особой зависимости развитія мѣстной жизни отъ положенія дѣлъ въ сопредѣленныхъ странахъ Дальняго Востока и отъ общаго состоянія международной политики, „Амурская Газета" будетъ съ должнымъ вниманіемъ слѣдить за иностранной жизнью и вопросами международной политики.

„Амурская Газета" для любителей легкаго чтенія будетъ помѣщать фельетоны, разсказы, стихотворенія и каррикатуры, по возможности изъ мѣстной жизни и жизни странъ Дальняго Востока.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой телеграммъ на домъ за годъ—**11** руб., за полгода—**6** руб., за 1 мѣсяцъ—**1** руб. **Для иногородныхъ подписчиковъ:** съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи за годъ—**9** руб. **50** коп., за полгода—**5** руб., за 1 мѣсяцъ—**1** руб., за границу въ годъ—**11** руб.

Объявленія: впереди текста—20 к., позади текста—10 к. за строчку петита по занимаемому мѣсту. При повтореніи тѣхъ же объявленій безъ измѣненія дѣлается уступка по соглашенію и въ зависимости отъ числа повтореній.

Подписка принимается. Въ г. Благовѣщенскѣ: въ конторѣ редакціи. Въ магазинахъ: Григорія Прокопьевича Косицына, Отто-Тимъ, Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ и К°. На Зеѣ-Пристани: магазинъ Чуринъ и К°.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Благовѣщенскъ, Амурская Газета.**

Редакторъ-издатель **А. В. Кирхнеръ.**

Вышла и разсылается подписчикамъ 4-я книжка историческаго журнала

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

(за апрѣль).

Содержаніе: 1) *Василенко*—Къ библіографіи Котляревскаго; 2) Письма Кулиша къ Кистяковскому (оконч.); 3) *Гринченко, Б.*—Пидъ тыхымы вербамы, повисть (оконч.); 4) *Милорадовичъ*—Житье-бытье; 5) *Тумасовъ*—Исторія Кіевской 2-й гимназіи (прод.); 6) *Нейманъ*—Разграбленіе кургана; 7) Документы, извѣстія и замѣтки; 8) Библіографія; 9) Текущія извѣстія; 10) Археологическая лѣтопись Южной Россіи.

Подписка на 1902 годъ продолжается; подписная цѣна на годъ съ пересылкой **10** руб.; подписка принимается въ г. Кіевѣ, въ редакціи журнала *Кіевская Старина* (Маріинско-Благовѣщенская, 60) и въ книжной торговлѣ *Кіевская Старина* (Безаковская, 14).

На 1902 годъ (III-й годъ).

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Кавказскій Вѣстникъ“ даетъ ежегодно около 3,000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск., и съ европ. яз.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала были помѣщены: 1) Беллетристическія произведенія: К. С. Баранцевича, П. П. Гнѣдича, Д. К. Ведребисели, Ивановича, Д. Л. Мордовцева, К. В. Назарьевой, Раффи, Гр. Церетели, Прошьяна, Папазьяна, Патканьина, Ниношвили, Клдіашвили, Агароньяна, Л. Кипіяни, Иванъ да Марьи, П. А. Опочинина, Д. С. Мережковскаго, Арагвиспирели, кн. Орбеліани, Хетагурова, Ак. Церетели, А. П. Андреева, Н. Бердяева, Оссовскаго и друг. 2) Научныя статьи: Н. Н. Баратова, П. О. Бобровскаго, Г. А. Эзова, А. Д. Ерицова, А. Ф. Кипшидзе, проф. Н. Я. Марра, проф. А. С. Хаханова, К. Ф. Гана, проф. Н. Ф. Катанова, проф. В. Ѳ. Миллера, проф. К. И. Лисенко, А. А. Калантара, кн. Масальскаго, В. Е. Романовскаго, А. В. Мдивани, Ахмедъ-бекъ Агаева, проф. А. Н. Краснова, проф. А. Н. Веселовскаго, Юр. А. Веселовскаго, Г. В. Басва, Я. В. Абрамова, М. И. Тамамшева, Л. Исарлова, Гашимъ-бекъ Везирова, С. И. Уманца, Е. С. Такаишвили, А. И. Хатисова, Г. П. Меликъ-Каракозова, П. М. Кара-Мурзы, М. Джанашвили, Х. А. Вермишева, М. В. Глушакова и др. 3) Письма и записки: Гр. Евдокимова, Католикоса Нерсеса V, А. Бенкендорфа, А. Дурново, декабриста Бѣляева, гр. М. С. Воронцова, гр. Гудовича, И. Айвазовскаго, арх. Іосифа Аргутинскаго, Ермолова, И. Тургенева и др. 4) Рисунки: Царь Грузинскій Георгій XII, Царевичъ Грузинскій Давидъ Георгіевичъ, А. Суворовъ, Шарденъ, Карта Ахалцихскаго уѣзда, Развалины церкви Чаба-Эрда, Мцхетскій соборъ Свети-Цховели, И. И. Свѣдѣнцовъ, Кн. Р. Д. Эристовъ, Раффи, Виды Тифлиса, Эривани, Эчміадзина въ 1673 году, Пиръ въ Тифлисѣ въ XVII вѣкѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	въ годъ.	1/2 года.
Для городскихъ подписчиковъ	9 руб.	5 руб.
„ иногородныхъ	10 „	6 „

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магазинамъ ком. ск. 10%.

Адресъ редакціи и конторы: Тифлисъ, Тургеневская, 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленіи конторы: Тифлисъ, Голов. пр., № 1 (книжный маг. Хиддекель).

Полный экземпляръ „Кавказскаго Вѣстника“ за 1900 г. можно получить въ конторѣ журнала за 11 р.; за 1901 г.—10 р.

Годовые подписчики получатъ въ 1902 г. приложеніемъ къ „Кавказскому Вѣстнику“ романъ М. С. Хатисовой **По новому пути.**

Редакторъ-издатель **В. Д. Коргановъ.**

45—46 ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1902 г. на

ИРКУТСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ 1-го іюля 1900 г. газета издается по особой программѣ, съ расширенною неофиціальною частью, и выходитъ **ежедневно**, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная плата:

	на годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 м.
Съ доставкой въ г. Иркутскѣ . .	6 руб.	5 руб.	3 р. 60 к.	2 р. — к.	70 к.
„ пересылк. въ угіе города . .	7 „	6 „	4 „ 10 „	2 „ 65 „	1 р.

За печатаніе частныхъ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—15 к., позади текста—8 к. При повтореніи объявленій дѣлается скидка, по соглашенію, до 50%.

Подписка принимается въ редакціи и книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, въ Иркутскѣ.

Редакторъ **А. И. Виноградовъ.**

11-й годъ изданія.

Принимается подписка на 1902 годъ
НА ГАЗЕТУ
ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

Въ газетѣ „Дальній Востокъ“ имѣются слѣдующія отдѣлы:
1) Общія распоряженія правительства, касающіяся Сибири, мѣропріятія областной (Приамурской) администраціи, 2) телеграммы, 3) статьи по мѣстнымъ вопросамъ: 4) хроника областной жизни; 5) судебная хроника; 6) театръ и музыка; 7) корреспонденціи; 8) внутренняя и заграничная хроника, 9) литература азіатскаго востока (Китай, Корея и Японія); 10) фельетонъ; 11) смѣсь; 12) справочный отдѣлъ; 13) объявленія.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Во Владивостокѣ	9 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. 25 к.
Для иногородныхъ	10 „	6 „	3 „ 50 „	1 „ 50 „

Форматъ газеты отъ 1/2 до 1 печатнаго листа.

При газетѣ собственная типографія.

Редакторъ-издательница **Е. А. Панова.**
Редакторъ **В. А. Пановъ.**

Гор. Владивостокъ, Приморской области.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИЛОЖЕНІЕ“

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

издаваемую по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по общественнымъ вопросамъ. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Хроника. 5) Городская жизнь. 6) Судебная хроника. 7) Заграничныя извѣстія. 8) Научныя извѣстія. 9) Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода—3 р., на 2 мѣсяца—1 р., на 1 мѣсяцъ—50 к.

Для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ и для учрежденій попечительства о народной трезвости цѣна газеты съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ.

По соглашенію губернскаго начальства съ епархіальнымъ начальствомъ и попечителемъ казанскаго учебнаго округа „Приложеніе къ Вят. Губ. Вѣд.“ допущено къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ Вятской губ. (Циркуляръ г. вятскаго губернатора отъ 17 февраля 1901 г., за № 825).

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПУБЛИКАЦІИ:

на послѣдней страницѣ за строку газетнаго шрифта 1 разъ—8 к., 2 раза—15 коп., 3 раза—18 к. и за каждую строку болѣе 3 разъ—5 к.; при заказѣ на сумму свыше 10 р.—скидка 25%, на первой страницѣ—плата удваивается, а скидка при заказѣ на сумму свыше 10 р. дѣлается также въ размѣрѣ 25%.

Подписка принимается въ Вяткѣ, въ редакціи *Приложенія* (зд. Губернскаго правленія), въ земскомъ книжномъ складѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Златоустѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, Нолинскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Яранскѣ и Орловѣ.

Редакторъ **Н. Озеровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на ежедневную газету

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

На годъ 7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р.; 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 руб. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяцъ, до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—„въ разсрочку“, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50—25%, 60 разъ—30%, 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ уступка 50%. За адресы въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ 150 разъ, 6 р.—за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1,000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ. Въ конторѣ *Орловскаго Вѣстника*, Зиновьевская ул., д. № 2 и въ отдѣленіи ея—Московская улица, аптекарскій магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

ВЪ ЕЛЬЦѢ—на Соборной ул., д. Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ, рядомъ съ Преображенской церковью; В. Д. Лукашовъ. ВЪ БРЯНСКѢ—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Ѳедоровъ.

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

Въ Москвѣ—Петров. лин., книжн. торг. Анисимова; **въ Ельцѣ**—у газетчика М. И. Давыдова; **въ Брянскѣ**—въ библіот. гг. М. И. Юдина и Ѳедорова; **въ Карачевѣ**—въ магазинѣ А. Н. Хализева; **въ Ливнахъ**—библіотека г. Крафтъ; **въ Болховѣ** — Ново-Московская аптека Р. Г. Вольперта; **въ Рославлѣ**—писче-бумажный маг. Д. В. Рафаилова; **въ Липецкѣ**—книжный магазинъ А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель **А. И. Аристовъ.**

Считая необходимымъ замѣнить прекращающійся журналъ „Врачъ“ новымъ органомъ и отвѣчая этимъ на многократное желаніе многихъ подписчиковъ „Врача“, О. А. Риккеръ приступаетъ съ 1 января 1902 года къ изданію новаго медицинскаго журнала.

Русскій Врачъ,

органъ, основанный въ память В. А. МАНАССЕИНА.

подъ редакціею

проф. В. В. Подвысоцкаго и д-ра С. В. Владиславлева.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Статьи оригинальныя и переводныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены, съ рисунками и таблицами. 2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта. 3) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины. 4) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, о докторскихъ диспутахъ и вообще о всѣхъ событіяхъ, касающихся врачей. 5) Письма изъ главнѣйшихъ западно-европейскихъ культурныхъ центровъ о состояніи медицинскихъ и врачебныхъ вопросовъ въ иностранныхъ государствахъ. 6) Рецензіи и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ. 7) Корреспонденціи, письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта. 8) Мелкія извѣстія, новости, слухи и т. дал., касающіеся врачебныхъ вопросовъ. 9) Жизнеописанія и некрологи съ портретами выдающихся лицъ на поприщѣ медицины. 10) Списокъ защищенныхъ диссертацій въ русскихъ медицинскихъ факультетахъ. 11) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и по гражданскому вѣдомствамъ. 12) Приложеніе: краткое содержаніе текущей литературы за истекшія недѣли и мѣсяцы.

Срокъ выхода журнала въ свѣтъ еженедѣльный.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 9 рублей.

„РУССКІЙ ВРАЧЪ“ будетъ придерживаться тѣхъ принциповъ, которыми руководился покойный редакторъ „ВРАЧА“. Но, сохраняя въ общемъ характеръ „ВРАЧА“, новый органъ расширяетъ его программу введеніемъ нѣсколькихъ новыхъ отдѣловъ, изъ коихъ письма изъ Запада и краткое содержаніе текущей журнальной литературы представляетъ особенный интересъ.

Рукописи статей и писемъ въ редакцію, а также отдѣльные оттиски и книги, предназначаемыя для „РУССКАГО ВРАЧА“, просятъ присылать одному изъ редакторовъ его: или проф. **В. В. Подвысоцкому** (Одесса, Университетъ), или д-ру **С. В. Владиславлеву** (С.-Петербургъ, Ивановская, № 4).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **О. А. Риккеръ** въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА

ОЛОНЕЦКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Олонецкія Губернскія Вѣдомости въ 1902 г. будутъ выходить по *расширенной программѣ*, три раза въ недѣлю, причемъ особое вниманіе обращено на неофиціальную часть.

Всѣ выдающіяся событія мѣстной и отечественной жизни, все представляющее интересъ въ литературномъ или научномъ отношеніяхъ, вопросы народнаго образованія, дѣятельность общественныхъ учрежденій, прошлая и настоящая жизнь губерніи въ историческомъ, топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и пр., все это будетъ находить мѣсто въ неофиціальной части и сообщаемо съ возможною тщательностью и полнотою.

Подписка принимается въ г. Петрозаводскѣ при губернскомъ правленіи.

Подписная цѣна на годъ 5 р., на полгода—3 р.

Редакторъ *С. Левитскій*.

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ГАЗЕТУ

КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ,

издающуюся десятый годъ въ гор. Ялтѣ.

Газета теперь выходитъ ежедневно и даетъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія, имѣя въ виду интересы не только мѣстныхъ обывателей, но и пріѣзжей курортной публики.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы. Между прочимъ, въ газетѣ помѣщаются повѣсти, разсказы, стихотворенія, фельетоны изъ мѣстной и русской общественной жизни на вопросы дня. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ мѣстныхъ корреспонденцій изъ крыма.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 руб., полгода—4 руб., 3 мѣсяца—2 р. 50 к., 1 мѣсяцъ—1 руб. За пересылку за границу доплачивается къ установленной платѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Редакторъ-издательница **Н. Р. Лупандина.**

Подписка адресуется: Гор. Ялта, въ редакцію газеты „Крымскій Курьеръ".

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета

выходящая въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.

За пять лѣтъ существованія *Южное Обозрѣніе* вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признаавли, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № *Южнаго Обозрѣнія* помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ), русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе":

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 80 к., на 1 м.—60 к. На города (съ перес.) на годъ 8 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р., на 1 м.—1 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты *Южное Обозрѣніе*, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная улица, собств. домъ.

Редакторъ Н. П. Цакни. **Издатель Г. М. Бейленсонъ.**

ВЫШЛО въ СВѢТЪ

НОВОЕ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО

ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

на 190½ г.

подъ редакціей д. с. с. **А. И. ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА.**

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Продажная цѣна 3 р. 50 к.

Главный складъ: Москва, Т-во И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., собственный домъ.

С.-Петербургскій складъ: Типографія Министерства Путей Сообщенія, Фонтанка, 117.

Выписывающіе книгу изъ склада за пересылку не платятъ; книгопродавцамъ обычная уступка.

Главноуполномоченный ***В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.***

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Гродненскій, 13.

Пріемъ объявленій отъ торгово-промышленныхъ фирмъ на изданіе 190⅔ г.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

Стр.

XVIII. КЪ ВОПРОСУ О ЧЕРНОМОРСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.—**В. А. Гольцева.** 202

XIX. О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. П. ОГАРЕВА.—**Е. С. Некрасовой.** 205

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Распространеніе фабричной инспекціи на Кутаисскую и Черноморскую губ.—Проекты министра финансовъ: 1) Объ отвѣтственности предпринимателей, 2) объ обезпеченіи рабочихъ врачебной помощью, 3) о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ.—Новый органъ горнопромышленниковъ и устройство ими центральнаго агентства.—Кустарный съѣздъ въ Петербургѣ.—Убійство министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина и назначеніе на его мѣсто В. К. фонъ-Плеве.—Увольненіе П. С. Ванновскаго и назначеніе управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія д. с. с. Зенгера.—Занятія особаго совѣщанія о ссудахъ сельско-хозяйственной промышленности.—О ходѣ продовольственной кампаніи.—Изъ жизни провинціи.—† А. М. Лазаревскій 216

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 253

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Критика.—Политическая экономія, статистика.—Юридическія книги.—Изданія для народа.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1902 г.** 135

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагается объявленіе книгоиздательства Товарищества „Общественная Польза“ (С.-Петерб., Большая Подъяческая, 39). Лица, не получившія объявленія, благоволятъ сообщить о семъ Товариществу.

Редакція журнала „Русская Мысль“ предприняла изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ

Генрика Сенкевича

въ переводѣ **В. М. Лаврова.**

Въ настоящее время открыта подписка на первую серію, заключающуюся въ 6 томахъ романовъ:

I) Камо грядеши? (Quo vadis?)
II) Безъ Догмата.
III) Огнемъ и мечомъ.
IV и V) Потопъ.
VI) Панъ Володіевскій.

Цѣна за всѣ 6 томовъ (около 180 печатныхъ листовъ) 5 руб.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной, кв. № 9.

Можно подписываться и на отдѣльные тома.

Цѣна I, II и VI тома по **1** р., III-го — **1** р. **25** к., IV и V-го — **1** руб. **75** коп.

I и II томъ выйдутъ въ концѣ мая, III — въ августѣ, IV и V — въ сентябрѣ и VI въ октябрѣ. Послѣ выхода послѣдняго тома цѣна будетъ повышена.

Пересылка по разстоянію.

Продолжается подписка на 1902 годъ

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 25 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной, кв. № 9.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ,

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„НОВАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой *Индо-Китая* и рисунками въ текстѣ. 115 стр. **Ц. 25 к.** Допущено въ безпл. народн. библ. и читальни, въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. заведен. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. **Ц. 20 коп.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Жилтейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 170 стр. **Ц. 30 к.**

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой. 178 стр.* **Ц. 35 к.** Допущ. въ безпл. нар. библ. и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. **Ц. 20 к.**

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. **Ц. 20 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблицей діаграммъ въ краскахъ. **Ц. 15 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учит. сельскія библ. низш. учеб. зав.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. **Ц. 10 к.**

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. **Ц. 20 к.** Допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Народ. Просв.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Круппа*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. **Ц. 15 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки.—Въ мастерской. *И. А. Данилина.*—Преступники. *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. **Ц. 40 к.**

Разсказы. *Петра Розеггера.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. **Ц. 15 к.**

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой.* 135 стр. **Ц. 25 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. **Башка.** (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. **Ц. 10 к.**

А. И. Эртель. **Офицерша.**—**Подъ шумъ вьюги.** 77 стр. **Ц. 15 к.**

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячкова.* 91+IV стр. **Ц. 16 к.**

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Съ рисунками. 200 стр. **Ц. 50 к.**

90/3148

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1902.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ.—**П. Д. Боборыкина.** *Продолженіе* . . .	1
II. EUTHANASYA. **Севера.** (Переводъ съ польскаго).—**В. М. Л.**	44
III. ПОХОРОННЫЯ ДЕНЬГИ. Повѣсть.—**М. С. Серафимова.** . .	60
IV. РАЗВѢ ЭТОГО МАЛО? **Августа Стринберга.**—**Е. О.**	103
V. ОТРАВА.—**Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.**	109
VI. БРАТИШКА. Романъ изъ семейной жизни. **Густава Гейерстама.**—Переводъ съ шведскаго **А. и П. Ганзенъ**	152
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**А. Лукьянова**	188
VIII. СПРУТЪ. Калифорнскій романъ. **Франка Норриса.** Перев. съ англ.—**А. Г.** *Продолженіе*	189
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Мировичъ**	214
X. ОБЪ УПАДКѢ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕГО НУЖДАХЪ.—**А. В. Еропкина.** *Продолженіе*	1
XI. Н. В. ГОГОЛЬ И ЕГО ПИСЬМА.—**В. В. Каллаша.** *Окончаніе.*	19
XII. НЕСЧАСТІЕ КАВКАЗА.—**Ивановича.** (**И. И. Свѣдѣнцова**). *Окончаніе.*	48
XIII. ЗАМѢТКИ О ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. (Melchior de Polignac: «Notes sur la littérature hongroise»).—**М. П.**	68
XIV. ПЕРЕДОВАЯ СТРАНА.—**П. Г. Ганзена.**	90
XV. СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—**Веталиса**	111
XVI. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЧАСТКОВЫХЪ САНИТАРНЫХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВАХЪ.—**М. С. Толмачева.**	117
XVII. КЪ ВОПРОСУ О СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ.—**В. Ѳ. Тотоміанца.**	146

Стр.

XVIII. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. II. **Вальдекъ Руссо и дѣло Дрейфуса.**—**Х. Г. Инсарова**. *Продолженіе* . . 155

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Круговая порука и общинное землевладѣніе. — Продовольственная кампанія. — Временные педагогическіе курсы.—Изъ жизни провинціи. 180

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 197

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги**: Беллетристика.—Философія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, библіографія.—Статистика.—Географія, этнографія, археологія.—Искусство.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Изданія для народа.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1902 г.** 171

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

ВѢЧНЫЙ ГОРОДЪ *).

VII.

Какъ живется въ Римѣ?

Римъ, какъ зимняя станція. — Климатъ. — Погода четырехъ временъ года. — Новые кварталы и ихъ отели.—Расходы иностранца.—Какъ проходитъ римскій день.—Міръ удовольствій.—Театръ.—Его недочеты.—Публика.—Бѣдность музыкальной жизни.—Итальянское искусство.—Живописцы Маккàри и Микѣтти.—Скульпторъ Монтеверде.—Чисто-умственныя развлеченія.—Смерть карнавала.—Къ чему сводится карнавальная недѣля?—Общество туземцевъ.—Знакомства въ разныхъ слояхъ его.—Пріемы въ знатныхъ домахъ. — Литературный міръ. — Жалобы самихъ итальянцевъ. — Недовольство русскихъ.—Любятъ ли насъ въ Италіи?—Высшая интеллигенція въ сенатѣ и университетѣ.—Старое и молодое поколѣніе въ беллетристикѣ.—Капуàна и Габріеле д'Аннунціо.—Литературные салоны въ свѣтѣ.—Обаяніе языка и общаго склада римской жизни.

Не берусь отвѣчать на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ, за *всѣхъ*, еще менѣе за коренныхъ римлянъ или только проживающихъ въ немъ итальянцевъ.

Въ Римѣ, — какъ вы знаете, — я, что называется, «жилъ» два раза. Первая моя поѣздка въ 1870 г. — не въ счетъ. Вторая половина сезона 1874 г., проведенная мною въ Римѣ, была слишкомъ неудачна — я почти все время проболѣлъ. Но всетаки я могу, прикидывая тогдашній Римъ къ теперешнему, къ Риму зимы 1897—98 гг., поставить вторичную, высшую отмѣтку.

Для житья въ смыслѣ удобствъ, какъ въ другихъ столицахъ и крупныхъ городахъ Европы, Римъ сталъ удобнѣе и пріятнѣе — во всемъ, что составляетъ привычки культурнаго европейца. Какъ къ нему ни придирайся за то, что онъ попалъ въ столицы Италіи, жить въ немъ положительно лучше, чѣмъ было еще двадцать пять лѣтъ назадъ. О жизни папскаго времени, пятидесятыхъ и тридцатыхъ го-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1900 г.
книга VI, 1902 г.

довъ—вздыхать нечего. Ея нигдѣ уже нѣтъ и въ остальной Италіи. Но въ этомъ отношеніи и теперешній Римъ, если только въ немъ устроиться, окажется дешевле Парижа,—и на много,—и Берлина, и Вѣны, и Петербурга съ Москвой.

Куда, въ какую столицу Европы, поѣдете вы проводить зиму съ достаточно мягкимъ климатомъ? Такой, какъ Римъ—поищете! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ столица, маляріи—осенью, зимой и даже весной—нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, она не гнѣздится, какъ въ доброе старое время, когда нельзя было въ сумерки показать носу въ извѣстныхъ улицахъ, чтобы не схватить лихорадки.

Я ѣхалъ въ октябрѣ 1897 г. съ вопросомъ: не воскреснутъ ли микробы моей маляріи 1874 г. на римской почвѣ? Но ничего не случилось, если не считать за нѣкоторое предостереженіе испарину головы по ночамъ, которая прошла отъ нѣсколькихъ пріемовъ хины съ мышьякомъ. И потомъ—въ моихъ ежедневныхъ экскурсіяхъ по городу и за стѣнами его—я не схватывалъ никакихъ припадковъ. Иностранцы прежде фатально попадали въ тотъ кварталъ, гдѣ Piazza di Spagna. Его признавали еще болѣе здоровымъ; но его нельзя и сравнивать съ той высокой мѣстностью Рима, гдѣ теперь цѣлый новый городъ, въ окрестностяхъ центральнаго вокзала и по той артеріи, которая ведетъ сначала отъ *Porta Pia*, мимо министерства финансовъ и, заворачивая вправо, ведетъ на прекрасную, широкую, залитую свѣтомъ *Via Buon compagni-Ludovisi,* гдѣ я прожилъ весь сезонъ, сначала въ Hôtel Eden, а потомъ въ Hôtel Beau-Site.

Источникъ тѣлесной, а стало и душевной бодрости—климатъ въ Римѣ мягкій, менѣе теплый, чѣмъ на Ривьерѣ; зато лишенный тѣхъ вѣтровъ, которые васъ донимаютъ въ Ниццѣ.

Мнѣ привелось,—за всѣ мои пребыванія въ Римѣ,—жить во всѣ четыре времени года. Главный сезонъ для пріѣзжихъ—зима, здѣсь не такая благодатная, какъ въ Сициліи или на самыхъ защищенныхъ пунктахъ Ривьеры; но, въ общемъ, равняется нашей хорошей ранней осени, съ рѣдкими и слабыми морозами. При мнѣ, въ зиму 1897—98 г., не выпало ни одной порошинки снѣгу. Въ бассейнахъ Виллы Боргезе раза два утромъ я видѣлъ замерзшую воду. Но не слѣдуетъ думать, что римская зима безусловно пріятна. Перемѣны температуры быстры; въ сумерки дѣлается сыровато; мостовая часто влажная. Южный вѣтеръ,—сирокко,—иногда чуть замѣтенъ; но на нервныхъ людей дѣйствуетъ подавляюще. Сѣверный и сѣверо-восточный безпокоятъ немного; но послѣ Петербурга покажутся зефиромъ. До второй половины ноября стоитъ прекрасная погода; потомъ перепадаютъ дожди; декабрь и январь довольно ясные, февраль уже похожъ

часто на нашъ апрѣль; въ началѣ марта можетъ опять дождить. Весна считается лучшимъ сезономъ Рима. Въ прежнія времена богатые Римляне оставались въ городѣ до конца іюля и только на нестерпимыя жары,—августъ и сентябрь,—переѣзжали на свои виллы.

Всю зиму вы видите въ паркахъ и скверахъ зелень деревьевъ: пиній, перцоваго дерева, кипарисовъ, оливъ, дубовъ (Quercus ilex) эвкалиптусовъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, кактусы всѣхъ тѣхъ породъ, какія разводятъ на Ривьерѣ. Пальмъ въ Римѣ мало; но онѣ сохраняются очень хорошо и ихъ вѣтви зеленѣе, чѣмъ въ Ниццѣ, гдѣ ихъ сушитъ и желтитъ вѣтеръ. Съ января уже зацвѣтаютъ миндальныя деревья, и эти фіолетовые цвѣты радостно тѣшатъ взглядъ на всѣхъ склонахъ, гдѣ пріютились сады и огороды.

Но климатъ Рима для нетуземцевъ можетъ оказаться и «предательскимъ», если не быть на сторожѣ. Сумерки—вездѣ на югѣ опасное время. И нѣтъ ничего легче какъ схватить простуду только отъ того, что вы, послѣ ходьбы по музею, взяли извозчика и проѣхались въ легкомъ пальто. Вопросъ верхняго платья для насъ, русскихъ, цѣлая наука въ Римѣ. До послѣдняго житья, я еще не попадалъ въ Римъ ранней осенью. Пріѣхалъ я 1-го нашего октября и весь октябрь, до пяти часовъ, стояли яркіе, теплые, иногда даже жаркіе дни, но съ быстрымъ охлажденіемъ. Вы—въ постоянной транспираціи и заходите домой, съ 9-ти часовъ утра до 5-ти пополудни, раза два перемѣнить бѣлье. И въ первыя недѣли вамъ будетъ трудно примѣниться къ тому,—въ чемъ выйти изъ дому,—въ одномъ ли пиджакѣ, или въ пальто, и какое пальто надѣть послѣ обѣда—легкое или толстое драповое.

Римляне, и вообще всѣ итальянцы (особенно пьемонтцы) поражаютъ насъ своей выносливостью: и въ дождь, и въ сырость, и въ морозъ они ходятъ и даже ѣздятъ налегкѣ. Зимой не только днемъ, а и ночью мнѣ сотни разъ случалось видѣть на улицахъ не простолюдиновъ, а изящно одѣтыхъ молодыхъ и пожилыхъ господъ въ одномъ пиджакѣ или сюртукѣ. А вы ѣдете въ каретѣ, на васъ мѣховое пальто—и вамъ, какъ у насъ говорится: «только что такъ». Но и туземцы ловятся. Зима 1897—98 г. выдалась обильная болѣзнями. Инфлюэнцей переболѣло полгорода, и во всѣхъ слояхъ общества; иностранцы въ отеляхъ заболѣвали цѣлыми серіями. Это можетъ всегда случиться, даже и на благословенной Ривьерѣ. Поводовъ къ простудѣ особенно много въ Римѣ—для туриста, отъ рысканья по городу въ экипажѣ, усиленной ходьбы, испарины, холодныхъ залъ въ галлереяхъ, отъ катакомбъ и развалинъ, отъ всего обихода каждаго любознательнаго иностранца.

Но и болѣть въ Римѣ стало менѣе опасно, чѣмъ прежде. Я помню, какъ мнѣ приходилось, когда я схватилъ малярію. Къ итальянскимъ врачамъ обращались поневолѣ, а иностранныхъ было еще мало. Теперь все это гораздо болѣе на европейскій ладъ. Нѣмцы, овладѣвающіе Италіей, наслали своихъ докторовъ и аптекарей. Нѣтъ уже той первобытности и небрежности, отъ которыхъ мы всѣ когда-то терпѣли. Кто, бывало, искалъ тепла въ комнатахъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце, мириться съ плохими каминишками и съ холодными корридорами и сѣнями не однихъ квартиръ и меблировокъ, а и самыхъ лучшихъ отелей. Теперь во многихъ и недорогихъ гостиницахъ отопляютъ сѣни и корридоры и ставятъ въ номера печки, вродѣ нѣмецкихъ, или болѣе глубокіе камины, удерживающіе тепло.

Нѣсколько зимъ провелъ я въ Ниццѣ, и ни одна не сошла для меня такъ легко и пріятно, какъ въ Римѣ, по части комнатнаго тепла. Въ Ниццѣ приводилось цѣлыми днями растапливать каминъ, даже въ квартирахъ «en plein midi». А въ Римѣ, въ комнатахъ на юго-западъ мы топили такъ рѣдко, что во весь сезонъ врядъ ли потратили больше трехъ-четырехъ корзинъ дровъ.

И тридцать лѣтъ назадъ, и двадцать пять, кромѣ двухъ-трехъ отелей съ европейскимъ комфортомъ, вы должны были мириться съ итальянскимъ «Albergo», съ его грязцею и холодомъ, плохими постелями и ѣдой на постномъ маслѣ. Квартиры и меблированныя комнаты, кромѣ самыхъ дорогихъ, у иностранцевъ—только и брали, что дешевизной. Но устроиться можно было съ большими уступками мѣстной первобытности: темныя сѣни, крутыя, грязныя лѣстницы, спальни безъ каминовъ, отсутствіе ватерклозетовъ, безпорядочная прислуга, трудность найти сносную кухарку. Все это еще преобладало, когда мы жили квартирой въ 1874 году.

Теперь вы можете поселиться въ любомъ отелѣ, изъ второстепенныхъ, въ новомъ кварталѣ, на высотахъ Пинчіо, и за 10 ф. въ день—жить гораздо лучше, чѣмъ въ Парижѣ и Петербургѣ. И квартирку или комнату вы найдете съ большими удобствами. Завтракать и обѣдать безъ претензій можно, до сихъ поръ, не дорого въ ресторанахъ средней руки. А тѣ, кто хочетъ тратить много—найдетъ въ нынѣшнемъ Римѣ роскошные отели, вродѣ Grand-Hôtel, Continental, Quirinale—гдѣ царствуетъ міръ титулованныхъ и финансовыхъ «растакуэровъ». Но по части кулинарнаго искусства Римъ все еще стоитъ ниже другихъ столицъ, въ томъ числѣ Берлина. Лучшая ѣда—въ дорогихъ отеляхъ. А ресторановъ, вродѣ парижскихъ и даже петербургскихъ—всего-то два-три, и ни одинъ изъ нихъ, даже и Café de Rome, считающійся лучшимъ, нельзя и сравнивать ни съ парижскими

ресторанами, ни съ нашимъ Донономъ, ни съ московскимъ Эрмитажемъ или Тѣстовымъ.

Для человѣка скромнаго, который цѣнитъ въ Римѣ то, что не даетъ никакой другой городъ, можно всетаки устроиться положительно дешевле, чѣмъ въ любой большой столицѣ. Я бывалъ у художниковъ и молодыхъ ученыхъ, живущихъ не въ гостиницахъ и не въ пансіонахъ по нѣскольку лѣтъ. У нихъ обыкновенно одна просторная комната,—она же служитъ и мастерской,—порядочно меблированная, цѣной отъ 40 до 50 франковъ въ мѣсяцъ; часто съ чуднымъ видомъ, гдѣ-нибудь на высотахъ Капитолія, или Квиринала, или другихъ холмовъ. Цѣны въ кафе и простенькихъ ресторанахъ—до сихъ поръ такія, какихъ уже давно нѣтъ въ Парижѣ. Есть не мало такъ называемыхъ «pasticerie» и bottiglierie, гдѣ все, что вы спрашиваете, въ томъ числѣ стаканчики разнаго вина,—марсалы, вермута,—стоитъ два су. Для отдѣльныхъ порцій въ тратторіяхъ, гдѣ недурно кормятъ, 60—70 сантимовъ—хорошая цѣна. Когда-то въ Римѣ у иностранцевъ славились два кабачка—*Lepre* и *Falcone*. Ни того, ни другого уже нѣтъ. Лепре помѣщался въ *Via Conditti*, близъ *Cafe Greco*, гдѣ цѣлыми десятками собирались художники; а теперь это кафе мало посѣщается; русскіе совсѣмъ не ходятъ туда; а бываютъ поляки, и даже устроили тамъ родъ читальни съ польскими газетами. *Falcone* былъ на площади *S. Eustachio* и имя «Сокола» дали ему изъ-за одного bottegh'и, т.-е. гарсона, съ глазами на выкатъ, какъ у хищной птицы.

Съ бумажкой въ пять франковъ, въ Римѣ и теперь можно очень пріятно провести вечеръ: пообѣдать, выпить поллитра вина, сходить въ кафе, купить мѣсто въ креслахъ какого-нибудь театра (даже не изъ самыхъ дешевыхъ), съѣздить туда и назадъ въ омнибусѣ или электрическомъ трамѣ.

По части передвиженія Римъ (гдѣ какъ разъ надо такъ много двигаться и дѣлать большіе концы), съ тѣхъ поръ какъ онъ метрополія, можетъ соперничать съ любой столицей, исключая развѣ Лондонъ. Въ немъ гораздо привольнѣе для людей съ небольшими средствами, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ омнибусы всегда биткомъ набиты и ходятъ въ нѣкоторыхъ направленіяхъ недостаточно часто. Электрическій трамъ, существующій уже нѣсколько лѣтъ, положительное благодѣяніе для всѣхъ жителей, въ томъ числѣ и для туристовъ. За два, три, пять су вы дѣлаете такіе концы, какъ отъ почты до вокзала и внизъ до *Piazza di Venezia* или отъ этой площади до *S. Paulo fuori le Mura* и *S. Giovanni*. Кромѣ трама болѣе десятка конокъ и простыхъ омнибусовъ бороздятъ Римъ во всѣ концы. Съѣздить за рѣку къ Петру

стоитъ всего два су. Прежде извозчики,—въ папское время,—находились еще въ примитивномъ видѣ; были только коляски, а одноконныхъ купе—почти не водилось. Теперь,—открытыхъ фіакровъ,—сколько хотите, конецъ стоитъ всего 80 сантимовъ; въ закрытой каретѣ—одинъ франкъ, за часъ—два. А захотите поторговаться, на нѣсколько часовъ по городу или за городъ, римскій cocchiere—человѣкъ покладливый, и много нѣмцевъ умудряются дѣлать порядочные концы ниже таксы, за пятьдесятъ сантимовъ. Извозчики гораздо лучше нашихъ, особенно московскихъ, экипажи довольно просторные, на хорошихъ рессорахъ, лошади часто съ побѣжкой.

Прибавьте къ этому, что всякій, туристъ ли, туземецъ ли, любящій подкрѣпить свои силы или просто настроить себя стаканомъ вина, вездѣ, въ каждой изъ безчисленныхъ остерій, найдетъ его за пять, много за семь или восемь су полъ-литра, а такое вино у насъ, даже свое, кахетинское или бессарабское—въ трактирѣ въ четыре раза дороже.

Всего блаженнѣе состояніе пріѣзжаго, котораго Римъ охватитъ сразу своимъ обаяніемъ, первыя четыре-шесть недѣль, когда онъ съ утра до вечера ходитъ и ѣздитъ, смотритъ и восхищается. Но настанетъ такой моментъ, когда чувствуется потребность передышки, и вы оглядываетесь кругомъ на то, какъ идетъ жизнь этого «столичнаго» города, съ чѣмъ его сравнивать, какую дать ему аттестацію и помимо того, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣннаго, въ своихъ памятникахъ старины и художественныхъ хранилищахъ.

На вопросъ уже отчасти поставленный мною выше, въ какой столицѣ Европы пріятнѣе провести зиму изъ-за климата—всякій, вѣроятно, скажетъ—въ Римѣ. Прикиньте его къ другимъ городамъ, съ такой же цифрой населенія, къ столицамъ второго ранга—этотъ аршинъ будетъ самый вѣрный. Тягаться съ Лондономъ, Парижемъ, Берлиномъ, Вѣной и Петербургомъ ему нельзя—какъ столицѣ. Но онъ окажется, при теперешнемъ городскомъ хозяйствѣ, никакъ не многимъ менѣе культурнымъ, чѣмъ второстепенныя столицы Европы и другіе города съ населеніемъ въ 400,000. Стараго Рима еще слишкомъ довольно до сихъ поръ. Сотни улицъ, переулковъ, площадокъ, съѣздовъ—все еще отзываются папской эпохой. Но цѣлыя части города, и самыя оживленныя, нужныя и кореннымъ жителямъ и иностранцамъ, полны капитальныхъ домовъ, съ прекрасной мостовой, многія—съ электрическимъ свѣтомъ. Римъ этихъ кварталовъ гораздо чище и благоустроеннѣе Москвы, если взять ее «на кругъ», какъ выражаются Москвичи. Въ Парижѣ, въ послѣдніе годы, воздухъ

сталъ куда хуже — по улицамъ; чистоты меньше, даже и на бульварахъ, чѣмъ на самыхъ проѣзжихъ улицахъ Рима.

По оживленію, ѣздѣ, массѣ пѣшеходовъ, вечерней публикѣ на улицахъ, прогулкахъ и въ кафе—Римъ болѣе столица, чѣмъ Мюнхенъ, Штутгардтъ, Дрезденъ. Изъ итальянскихъ городовъ только Неаполь, и, въ извѣстныхъ пунктахъ, Миланъ—живутъ бойчѣе, Москва въ одномъ лишь «городѣ»—болѣе столица, чѣмъ Римъ, и не столько столица, какъ торговый центръ. Петербургъ — несмотря на суровость климата — зимой ведетъ *гульливую* жизнь, до позднихъ часовъ ночи; но въ извѣстные часы я не скажу, что онъ болѣе столица, чѣмъ Римъ.

Когда вы обживетесь въ Римѣ и войдете въ колею его даннаго обихода, римскій день въ самый бойкій періодъ—отъ декабря по конецъ апрѣля—проходитъ передъ вами въ слѣдующихъ картинахъ.

Римъ просыпается такъ же рано, какъ Вѣна и Берлинъ, ранѣе Парижа. Въ семь часовъ уже двинулись вагоны электрическаго трама. Въ первые дни, когда я жилъ въ *Hôtel Eden*, мимо котораго вагоны поднимаются по направленію къ вокзалу—меня будило особое гудѣнье, появляющееся всегда при усиленномъ токѣ въ гору. И движеніе трамовъ кругомъ половины всего города, сверху внизъ и обратно, оживляетъ улицы до одиннадцати часовъ ночи, когда городъ вездѣ замираетъ. Все утро и за полдень—вплоть до обѣда, самой бойкой артеріей Рима остается старинная улица *Tritone*—узкая, довольно грязноватая въ дождливую погоду, освѣщенная съ вечера и на всю ночь электрическими шарами. Ея вы не избѣгнете, куда бы вы ни ѣхали изъ верхняго города въ нижній, къ *Piazza di Venezia* и дальше. Самое шумное движеніе отъ *Piazza Barberini* до *Corso*. По ней ѣдутъ и ломовые, фургоны, телѣги винодѣловъ, телѣжки, запряженныя ослами, весь почти промысловой людъ, всѣ поставщики Рима—крупные и мелкіе. Она же внизу, въ томъ кускѣ, который поближе къ Корсо, полна магазиновъ дамскихъ модъ и матерій, гастрономическихъ лавокъ и со всякимъ другимъ товаромъ. И пѣшеходами она всегда набита днемъ, до двухъ, больше простымъ людомъ; къ вечеру, при яркомъ освѣщеніи, барынями и хорошо одѣтыми господами. Послѣ обѣда, по-римски, т.-е. съ девятаго часа, *Via Tritone* пустѣетъ, какъ и вообще весь Римъ; но гораздо меньше, чѣмъ *Корсо*, которую иностранцы, не бывавшіе въ Римѣ, все еще считаютъ главной жизненной артеріей Рима.

Этого вовсе нѣтъ, Корсо немного пошире, чѣмъ Via Tritone, кромѣ двухъ-трехъ площадокъ, уже Гороховой въ Петербургѣ и Тверской въ Москвѣ, не шире Rue Richelieu въ Парижѣ. Когда-то, во вре-

мена реставраціи въ 20-хъ годахъ, Бэль-Стендаль провозгласилъ ее самой великолѣпной улицей въ «Европѣ». Тогда, быть можетъ, она и могла на это претендовать. Но теперь она и въ самомъ Римѣ должна уступить, по ширинѣ и даже оживленію, такимъ улицамъ, какъ *Cavour, Nazionale, Corso-Vittorio Emanuele.* За ней осталась традиція «corso»въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. *гулянья*, по-нашему, пѣшаго и въ экипажахъ. Оно зимой начинается съ четырехъ, когда барская публика, своя, и иностранный людъ движутся, въ коляскахъ и ландо, къ Monte Pincio и обратно. Тогда бываетъ тѣсно и на тротуарахъ и на самой улицѣ. Но это длится до шестого часа. Днемъ, до полудня, только *Piazza Colonna* довольно оживлена. На ней собирается разный людъ—мелкіе промышленники, всякіе маклаки и факины. Въ той же части, что идетъ отъ *Piazza del Popolo* до *Piazza Colonna*, внѣ часовъ гулянья и катанья—очень пусто; вечеромъ къ 10-ти часамъ, хоть шаромъ покати—ни ѣзды, ни ходьбы. Тоже и въ утренніе часы. Удивляться нечего: Корсо вовсе не городская артерія; по ней вверхъ дорога за городъ; и только книзу, къ Piazza di Venezia—обычный конецъ экипажей, да поперекъ во всѣхъ направленіяхъ. Поэтому и въ этой нижней половинѣ Корсо съ десяти часовъ совсѣмъ лишено ѣзды. Пѣшеходы движутся посреднѣ улицы, подъ волнами электрическаго свѣта.

Въ дообѣденные часы ѣзда фіакровъ питается иностранцами. Чиновники, всякій трудовой людъ ѣздятъ въ конкахъ и въ особенности въ трамѣ. Движеніе отъ почты (площадь S.-Silvestro) вверхъ къ вокзалу всегда больше до вечернихъ часовъ. Столичное оживленіе вы находите, кромѣ Via Tritone, на Piazza Venezia, на той площади, гдѣ стоитъ Palazzo квестуры и театръ *Nazionale*, и дальше по *Via Proconsolo* и *Vittorio Emanuele*. Тутъ никакъ нельзя сказать, что это провинціальный городъ. Столичную и очень *барскую* физіономію имѣетъ Римъ и въ часы катанья—и по Корсо, и на Monte Pincio. Здѣшніе баре и вся богатая буржуазія щеголяютъ лошадьми и экипажами. Это—старинный видъ чисто-римскаго тщеславія, и въ Римѣ, конечно, больше барскихъ запряжекъ (по числу жителей), чѣмъ въ Берлинѣ, если не въ Вѣнѣ.

Ничего подобнаго парижскимъ бульварамъ римская жизнь еще не выработала. Кафе и кабачковъ великое множество; но нѣтъ подходящихъ тротуаровъ и аллей. Самый «бульварный» пунктъ это—на тротуарѣ передъ *Cafe Nazionale*. Тутъ и зимой сидятъ за столиками, и цѣлыми большими группами стоятъ мужчины—офицеры, статскіе всякаго званія, и разговариваютъ часами. Эта привычка стоять на площадяхъ и перекресткахъ—общая всѣмъ итальянцамъ—

придаетъ уличной жизни всего больше оригинальности. Послѣ завтрака, передъ обѣдомъ и до девяти часовъ, кафе Nationale—«пупъ» Рима, и внутри, и снаружи. Въ залахъ его, до позднихъ часовъ, идетъ гулъ разговоровъ. Тутъ сборный пунктъ журналистовъ, депутатовъ, чиновниковъ, офицеровъ, дѣльцовъ и туристовъ. Кокотокъ вы почти что не видите ни тутъ, ни въ другихъ кафе. И уличные нравы гораздо скромнѣе и приличнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, не то, что ужъ въ сравненіи съ Парижемъ и Лондономъ, а даже съ Берлиномъ и Петербургомъ.

Съ десяти вечера Римъ вымираетъ. Я уже не говорю про разныя захолустья или новыя улицы, или бѣдные кварталы и пустыри. Ѣзды чрезвычайно мало. Пѣшеходы попадаются только на самыхъ бойкихъ улицахъ. Такъ какъ ни Корсо, ни какая другая улица не сдѣлалась центромъ вечернихъ увеселеній, то и не можетъ быть такого движенія, какъ на парижскихъ бульварахъ или на лондонскомъ *Piccadilly-circus*, или въ Берлинѣ на *Friedrichstrasse*. Театры и кафе-шантаны разбросаны по городу. Не существуетъ ничего похожаго на «sortie de théâtre». И вы возвращаетесь домой по нѣкоторымъ новымъ красивымъ улицамъ, полнымъ электрическаго свѣта, и совершенно пустымъ. А между тѣмъ, зрѣлища кончаются поздно и не начинаются никогда ранѣе девяти. Это противорѣчіе бросается въ глаза каждому иностранцу: поздніе часы театровъ и мертвенность улицъ—въ такіе часы, когда еще такъ оживленно не то, что на парижскихъ бульварахъ, а даже въ Берлинѣ, въ бойкихъ кварталахъ.

За рѣкой, на набережной, въ Трастеверо, на улицахъ Borgo, ведущихъ къ Ватикану и Петру—ѣзда только днемъ довольно большая и почти исключительно поддерживается пріѣзжими. Кореннымъ жителямъ — чиновникамъ, дѣловому люду, не зачѣмъ туда ходить и ѣздить.

По обиходу цѣлаго римскаго дня, поживъ здѣсь мѣсяцъ-другой, и въ разгаръ сезона можно безошибочно опредѣлить его составные элементы: столица довольно большого государства, но безъ собственныхъ экономическихъ рессурсовъ, безъ крупной промышленности и бойкой торговли, безъ большихъ дѣлъ, съ бѣдной буржуазіей и служилымъ людомъ на маленькихъ жалованьяхъ, съ барскими замашками высшаго класса и съ очень большимъ наплывомъ иностранцевъ всякаго рода: и бѣдныхъ, и богатыхъ, и любознательныхъ туристовъ, и свѣтскихъ виверовъ, тузйстыхъ «растакуэровъ», и семейныхъ домовъ, проживающихъ здѣсь цѣлыми сезонами, образуя то, что называется «cosmopolis'омъ».

Своихъ производительныхъ соковъ у этого города мало; но какъ

мѣсто сбора итальянцевъ и чужеземцевъ, онъ и со всѣми своими недочетами, по части столичной интенсивной жизни, всетаки—послѣ Парижа, Лондона, Берлина и Вѣны—самый характерный и оживленный. И онъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался столицей, не утратилъ своей универсальности, все также сборный пунктъ и исходная высшая инстанція для всего христіанства, признающаго папу главой католической церкви.

Прежнему Риму придавалъ живописность религіозный его видъ. Теперь—жалуются любители уличныхъ церемоній и торжествъ,—не видно никакихъ процессій. Это правда. Крестныхъ ходовъ по улицамъ не бываетъ, какъ когда-то. Но процессіи—похоронныя и приходскія, сплошь и рядомъ. Всѣ праздники въ церквахъ остаются въ силѣ. Кто ими интересуется, можетъ цѣлый годъ свой распредѣлить по святцамъ. И народныя сборища попрежнему дозволены; только они теряютъ свою стародавнюю живописность. Народная жизнь, попрежнему, сгустилась въ бѣдныхъ кварталахъ, въ Трастевере, въ бывшемъ Ghetto, на нѣкоторыхъ площадяхъ. Но въ Римѣ нѣтъ такихъ кварталовъ, гдѣ бы трудовой людъ своими массами придавалъ особенную жизнь и движеніе цѣлымъ мѣстностямъ.

Но вотъ кончаетъ свой римскій день туристъ или иностранецъ, который обжился здѣсь, а не пріобрѣлъ знакомыхъ, и такихъ не мало. Большая часть пріѣзжихъ ограничиваются жизнью чужихъ, т.-е. не ищутъ знакомствъ съ итальянцами, не бываютъ въ обществѣ, проводятъ время «сами по себѣ». И такъ проводятъ время не одни только отельные путешественники, кто бы они ни были—англичане, нѣмцы, американцы, русскіе. Въ особенности русскіе, изъ тѣхъ, кто *живетъ* въ Римѣ, учится чему-нибудь, работаетъ. Тѣ и по городу уже не ходятъ, дѣлаются равнодушными къ древностямъ и музеямъ и ведутъ самую однообразную жизнь, какую вели бы на Васильевскомъ островѣ или на Патріаршихъ прудахъ.

Я возьму средняго европейскаго «интеллигента», какой бы онъ ни былъ націи, включая сюда и русскихъ.

Свое утро такой любознательный пріѣзжій наполнитъ до краевъ прогулками по городу, посѣщеніемъ музеевъ и развалинъ или поѣздками въ окрестности. Позавтракаетъ онъ у себя въ отелѣ, а если живетъ на квартирѣ—въ ресторанѣ, смотря по средствамъ: въ Caffé di Roma или гораздо проще у «Фазана», или въ ресторанѣ «Венето» или «Умберто», или въ трактирчикѣ съ тосканской кухней, противъ колонны Марка Аврелія, гдѣ можно очень недурно поѣсть по картѣ и выпить Кіанти за 10 су полъ-литра. Потомъ онъ идетъ пить кофе въ «Aragno», какъ сокращенно зовутъ римляне Caffé Nazionale. Зи-

мой до сумерекъ останется немного времени. Онъ сходитъ еще на что-нибудь посмотрѣть, а въ четвертомъ часу поднимется на Monte Pincio или пойдетъ пѣшкомъ въ виллу Боргезе, оттуда на Корсо поглядѣть на катанье.

Куда дѣваться отъ пяти до семи, если у него нѣтъ знакомыхъ? Это—часы визитовъ, и раньше пяти въ Римѣ заставать кого-нибудь трудно. Всѣ свѣтскія гостиныя, гдѣ принимаютъ, открываются къ пяти часамъ. Пріѣзжій безъ знакомствъ въ городѣ, опять зайдетъ въ кафе или отправится къ себѣ въ номеръ гостиницы. Такъ и дѣлаетъ масса иностранцевъ; особенно цѣлыя толпы англичанокъ, живущихъ по отелямъ и пансіонамъ. Онѣ напьются чаю въ кафе или въ модномъ «Tea-Room» на *Piazza de Spagna*—и домой, почитаютъ, непремѣнно переодѣнутся къ обѣду и спускаются въ гостиную, гдѣ будутъ писать письма до звонка къ обѣду.

Чѣмъ же питается въ Римѣ духовная потребность?

Вопросъ звучитъ странно, не правда ли? Стоитъ вамъ сказать любому нѣмцу, что вы собираетесь ѣхать въ Римъ, онъ сейчасъ же воскликнетъ съ паѳосомъ:

— Was für ein *geistliches* Leben!

И это—не фраза. «Духовныя» наслажденія Рима, какъ огромнаго хранилища человѣческой культуры и изящнаго творчества, ни съ чѣмъ не сравнимы. Но вѣдь не всякій пріѣзжій—археологъ или художникъ, или спеціальный знатокъ искусства. Мы беремъ средняго европейскаго заѣзжаго туриста или человѣка, пріѣхавшаго пріятно и занимательно прожить въ Римѣ зиму. Тутъ у всякаго француза, нѣмца, англичанина, русскаго является сейчасъ же свой критерій. Они непремѣнно сравниваютъ *столицу* итальянскаго государства съ своими столицами и, конечно, не находятъ здѣсь и одной десятой того, что имъ даютъ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вѣна, Петербургъ.

Русскіе всего чаще недовольны бѣдностью Рима по части умственныхъ и художественныхъ впечатлѣній внѣ памятниковъ и хранилищъ. Но и менѣе требовательные иностранцы находятъ, что въ Римѣ трудновато *хорошо* наполнить вечеръ.

Въ разгаръ сезона, до обѣда, отъ четырехъ до шести, бываютъ концерты, и то не особенно часто, да разъ въ недѣлю публичныя чтенія въ *Collegio Romano* для свѣтскаго общества. На тѣхъ и другихъ иногда присутствовала королева. Но этимъ, кажется, и ограничивается программа интеллигентныхъ «удовольствій» для тѣхъ, кто не бываетъ въ обществѣ.

Идете вы по Корсо и на заборѣ, вдоль большой витрины, около *Palazzo Sciarra,* видите цѣлое море яркихъ огромныхъ афишъ,

въ крикливыхъ краскахъ, съ портретами артистовъ и даже сценами изъ пьесъ. Глаза разбѣгутся. Но это болѣе обманъ зрѣнія, чѣмъ что-либо дѣйствительно стоящее.

Зрѣлищъ въ Римѣ не мало, но сорта они всѣ невысокаго. До «карнавала», т.-е. до января, главный оперный театръ *Argentina*—старый, еще папскихъ временъ, получающій субсидію—закрытъ. Прежній «Apollo», гдѣ я еще бывалъ въ 1870 году, давно срытъ. До карнавала бываютъ оперные спектакли и балеты въ театрѣ *Costanzi*, близъ вокзала, построенномъ уже при итальянцахъ. Театръ этотъ весьма большой и красивый, при немъ концертная зала. То, что тамъ даютъ, отъ балетовъ и оперетокъ до представленій мима Фреголи, прославившагося и у насъ, все это—посредственное. Зайдете разъ-другой за весь сезонъ, и больше васъ туда не потянетъ.

Видитъ иностранецъ, любящій театръ, на разноцвѣтныхъ афишахъ заглавія драмъ и комедій на нѣсколькихъ сценахъ. Постоянно дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ, четыре сцены: *Valle, Nazionale* (самый красивый фасадъ), *Metastasio, Quirino*. Читаетъ онъ и вникаетъ во всѣ эти заглавія. Да все это знакомыя ему вещи, исключительно французскія? Тутъ идетъ пьеса Сарду, или Онѣ, тамъ фарсъ изъ Пале-Рояля, въ остальныхъ—бульварныя парижскія мелодрамы. И такъ можетъ тянуться недѣлями и мѣсяцами.

Въ театры я ходилъ много, и всегда съ надеждою что-нибудь найти стоящее, если не въ репертуарѣ, то хоть въ исполненіи. Репертуаръ приводитъ въ неизбѣжное недовольство, если не раздраженіе, оттого, что онъ вамъ вдоль и поперекъ извѣстенъ. За шесть почти мѣсяцевъ моего житья въ Римѣ я видѣлъ всего двѣ или три новыя итальянскія пьесы на двухъ порядочныхъ драматическихъ театрахъ, *Valle* и *Nazionale*. Остальное были или старыя, уже заигранныя вещи, или же переводы съ французскаго. А въ двухъ дешевыхъ театрахъ, *Metastasio* и *Manzoni*, гдѣ спектакли идутъ ежедневно, рядомъ съ избитыми парижскими драмами, вродѣ «Двухъ сиротокъ», или новинками для Рима вродѣ «Les deux gosses», ставятся драмы собственнаго производства изъ столичной жизни, иныя съ соціалистической подкладкой. Это были еще самые интересные спектакли. Остальное—того сорта, что зовется въ Римѣ самими итальянцами: «dramassi», т.-е. «драмищи», жестокія пьесы дешеваго издѣлія.

Иностранецъ можетъ просто придти въ ражъ, видя какъ рѣшительно на всѣхъ театрахъ, въ теченіе цѣлой недѣли, даютъ только обглодки парижской драматургіи. Онъ хочетъ знакомиться съ итальянской драматической литературой; онъ знаетъ, что у итальянцевъ есть же *свой* репертуаръ и послѣ Альфьери и Гольдони, есть пьесы

Косты, Феррари, Кавалотти, новыхъ писателей, какъ Брага, Роветто и др. Онъ видѣлъ переводы нѣкоторыхъ въ Петербургѣ и Берлинѣ. Наконецъ, онъ жаждетъ знать игру такихъ артистовъ, какъ Дузе, Дзакони, Новелли, Густавъ Сальвини, Эмануэль, Лейгебъ, Тина ди Лоренцо, Виталіани.

И ничего-то или почти ничего не получаетъ за цѣлый сезонъ. Не лучше окажется и вокально-драматическая часть вечернихъ удовольствій. Ни одного изъ тѣхъ артистовъ, какихъ онъ слыхалъ въ Петербургѣ и Лондонѣ, онъ не услышитъ въ Римѣ. Они поютъ за границей. Въ *Argentina* вамъ поставятъ одну новинку (въ этотъ карнавалъ шла «La Bohême» моднаго композитора Пуччини); но персоналъ первыхъ силъ только что сносный; постановка средней руки. Точно то же и въ балетахъ. Одна балерина изъ второстепенныхъ, остальное все годно только для массовыхъ эффектовъ. Тутъ уже вы совсѣмъ не чувствуете, что это столица. Сравненіе не то, что съ Берлиномъ или Вѣной, а съ любой второстепенной резиденціей, подавляющее. Въ такой мелкой столицѣ, какъ Карлсруэ, оперный сезонъ, по репертуару, всегда богатѣйшій: идутъ до пятидесяти и больше оперъ, и въ томъ числѣ *весь* Вагнеръ, кромѣ «Парсиваля», потому что его даютъ только въ Байрейтѣ.

И оперетка такого же сорта. Собственнаго творчества въ области легкой музыки въ Италіи что-то не является, кромѣ тѣхъ представленій съ пѣніемъ, которыя ставятся на увеселительныхъ театрикахъ, вродѣ римскаго *Teatro Nuovo*. Это полуфееріи, полуоперетки, съ грубымъ обнаженіемъ женскаго тѣла, съ такой же грубой погоней за дешевыми эффектами. Въ такихъ самодѣльныхъ вокальныхъ представленіяхъ участвуетъ и традиціонное лицо старой итальянской комедіи *Пульчинелло*. Онъ выходитъ въ маскѣ, съ горбатымъ носомъ, въ бѣломъ балахонѣ Пьеро, и безъ всякой связи съ ходомъ дѣйствія, смѣшитъ публику болтовней, съ разными прибаутками и остротами на текущую «злобу дня».

Иностранцу было бы интересно попадать въ такіе спектакли, гдѣ дѣйствовали бы еще маскеры (какъ произносятъ итальянцы), давались бы веселыя комедіи Гольдони или импровизаціи, такъ называемыя commedie dell'arte, или пантомимы безъ рѣчей, или же хорошій театръ маріонетокъ.

Ничего этого онъ не нашелъ бы во весь сезонъ, проведенный мною въ Римѣ. Тѣхъ милыхъ маріонетокъ, которыя такъ подробно описываетъ Стэндаль изъ эпохи Реставраціи, съ изображеніемъ похожденій молодящагося старика и съ остротами и обличеніями сильныхъ міра, давнымъ давно нѣтъ въ Римѣ. Сохранилась только па-

мять о томъ, что самый лучшій театръ тогдашнихъ маріонетокъ помѣщался на Корсо, въ *Palazzo Fiano,* гдѣ когда-то жила madame Récamier.

Мнѣ еще случалось видать прежде, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Неаполѣ цѣлыя пьесы съ куклами въ полроста человѣческаго и съ голосами изъ-за кулисъ искусниковъ, ведущихъ діалогъ. Давались и цѣлые балеты маленькихъ куколъ, красиво одѣтыхъ и чрезвычайно ловко выдѣлывающихъ всякія па.

Такихъ традиціонныхъ итальянскихъ зрѣлищъ не бываетъ уже въ Римѣ по цѣлымъ сезонамъ. Обще-европейскіе вкусы захватили театральную толпу, и вездѣ сталъ господствовать парижско-вѣнскій увеселительный жанръ. Я еще не былъ ни въ одномъ опереточномъ спектаклѣ, который бы по исполненію былъ выше того, что самыя ординарныя труппы даютъ у насъ, въ столицахъ и въ провинціи. У первыхъ сюжетовъ голоса обыкновенно больше, чѣмъ во французскихъ труппахъ; но поютъ они «въ серьезъ», рѣзко, крикливо; примадонны толстыя, безъ граціи, съ плохой игрой, въ безвкусныхъ костюмахъ. Хоры, оркестръ, постановка вродѣ тѣхъ, какіе вы можете найти у насъ на ярмаркахъ, да и то не «у Макарія». И каково бѣдному иностранцу питаться всѣми этими «Боккачіо», «Цыганскими баронами» и «Дочерьми тамбуръ-мажоровъ», которыя онъ на своемъ вѣку слышалъ десятки разъ и въ хорошемъ исполненіи?...

Лучше зайти лишній разъ въ дешевый театръ *Metastasio* или *Manzoni,* посмотрѣть на *dramaccio* мѣстнаго производства, иногда на какую-нибудь болѣе литературную пьесу, оригинальную или переводную. Тамъ даютъ иногда и Зудермана, и Ибсена. Если выбирать изъ двухъ сортовъ вечернихъ зрѣлищъ, то ужъ, конечно, надо ходить въ такіе драматическіе театры. Тамъ вы видите, по крайней мѣрѣ, образчики *своей* дешевой драматургіи. Есть поставщики и у этихъ театровъ, гдѣ вы за *кресло* платите съ *ingresso* (право входа) какую-нибудь лиру, много полторы. Въ труппѣ случаются два-три человѣка съ талантомъ. Суфлера, правда, адски слышно, при постоянной перемѣнѣ афишъ; но темпераментъ дѣлаетъ игру менѣе скучной и банальной, чѣмъ это было бы, наприм., у насъ. Въ такихъ театрахъ верхи и задніе ряды партера самые демократическіе. Сверху внизъ публика переговаривается, смѣется, кричитъ, остритъ или ругаетъ злодѣя драмы. Курятъ во всѣхъ ярусахъ, и внизу также. Зимой тамъ сидятъ въ шляпахъ и въ теплыхъ пальто; и когда занавѣсъ поднимается, со сцены на васъ пахнетъ холодомъ и сыростью, источникъ простуды въ Римѣ. И то же самое, въ холодныя ночи, вы испытываете и въ болѣе благоустроенныхъ театрахъ.

Мѣстнаго театра на діалектѣ Римъ еще не выработалъ, и въ этомъ «столица» Италіи врядъ ли виновата. Папское правительство только терпѣло зрѣлища. Народу оно давало развлеченія въ видѣ церковныхъ церемоній и карнавала. Трастеверинскій народъ, коренные жители вѣчнаго города, считающіе себя потомками «квиритовъ», наравнѣ съ такими фамиліями, какъ Массими, Орсини или Колонна, съ незапамятныхъ временъ говорятъ своимъ, если не діалектомъ, то *жаргономъ*, «il romanesco», какъ они сами называютъ его. Чего же бы естественнѣе ожидать, что на этомъ истинно-римскомъ нарѣчіи создастся и цѣлый театръ; но онъ не создался, и когда «итальянцы» взяли Римъ, не было сцены, гдѣ бы давались настоящія пьесы на «romanesco». Вѣдь существуетъ же въ Вѣнѣ театръ на вѣнскомъ діалектѣ, съ своимъ мѣстнымъ репертуаромъ. Въ каждомъ большомъ областномъ городѣ Италіи—Миланѣ, Венеціи, Туринѣ, Неаполѣ—есть театры на мѣстномъ нарѣчіи, и они вездѣ держатся. Въ Неаполѣ есть даже импрессаріо, главный актеръ и поставщикъ всего репертуара, какъ Мольеръ и Шекспиръ. Онъ пріѣзжалъ въ Римъ на конецъ сезона и его пьесы изъ бытовой неаполитанской жизни буржуазіи и чернаго народа, довольно наивныя, но реальныя по замыслу, лицамъ, а главное по игрѣ, находили и въ Римѣ зрителей. Пьесы эти шли въ театрѣ *Valle* и публика собиралась та же, что ходитъ смотрѣть и общій репертуаръ, и платила цѣны болѣе дорогихъ театровъ.

Тому, кто любитъ Италію, цѣнитъ литературу, искусство, даровитость итальянцевъ, въ особенности ихъ способность къ сценической игрѣ, балету, оперному пѣнію, музыкѣ, обидно бываетъ, живя въ Римѣ, находить въ сферѣ театра такое отсутствіе иниціативы, такой посредственный уровень исполненія и репертуаръ, почти совсѣмъ лишенный оригинальнаго творчества.

На это есть два ряда причинъ: общія и мѣстно-историческія.

Заставьте разговориться съ вами итальянца, знающаго дѣло драматурга, журналиста, образованнаго свѣтскаго человѣка, онъ вамъ приблизительно скажетъ слѣдующее:

— Мы въ Италіи, до сихъ поръ, не можемъ поднять нашего сценическаго дѣла. Національной поддержки у насъ нѣтъ, потому что государство бѣдно и мы подавлены тяжестью налоговъ. Для того, чтобы привлечь литературныя силы къ театру, надо, чтобы авторы могли жить сценой; а для этого нужна большая публика столицы, какъ въ остальной Европѣ. У насъ этого нѣтъ и долго не будетъ. Необходима хоть одна образцовая сцена съ государственной или придворной субсидіей. Ея также нѣтъ. Была попытка создать такую сцену въ Римѣ—*Teatro Nazionale*. И она не удалась, потому что

не было средствъ ее поддерживать. Надъ всѣмъ театральнымъ дѣломъ тяготѣетъ, до сихъ поръ, рутина нашей системы антрепренерства. У насъ каждый актеръ, какъ только онъ немного выдвинулся впередъ, сейчасъ становится «capo-comico», набираетъ труппу и начинаетъ кочевать изъ города въ городъ. И ставятъ пьесы или такія, гдѣ они на первомъ планѣ, или же такія, на которыя ловится толпа. Вотъ почему наши сцены запружены французскими пьесами. Конкурировать съ огромной производительностью Парижа намъ нельзя. Французы мастера писать эффектно, заставлять плакать въ мелодрамахъ и хохотать въ фарсахъ. Итальянская пьеса, если она талантлива, оцѣнится вездѣ; но она стоитъ дороже антрепренеру и онъ всегда предпочтетъ французскій фарсъ, за который заплатитъ небольшой процентъ иностранному агенту и гроши переводчику. У насъ нѣтъ еще *большой* платящей публики и только при дешевыхъ цѣнахъ можно разсчитывать на сборы. Въ послѣдніе десять-двадцать лѣтъ всѣ наши крупнѣйшіе артисты отправляются за границу съ своими труппами, въ объѣзды по Старому и Новому свѣту, а мы должны довольствоваться кое-чѣмъ. Разъ не существуетъ ни одного образцоваго театра, съ постоянной дирекціей, съ труппой, играющей на ней годами—не можетъ быть и рѣчи о художественной постановкѣ. На одной и той же сценѣ въ сезонъ переиграетъ нѣсколько труппъ. Декораціи, аксессуары—все это кое-какое, составляетъ инвентарь хозяина театра, и никогда вы не увидите, чтобы у насъ,—въ какомъ угодно городѣ,—поставили вамъ драму или комедію совсѣмъ заново, какъ это дѣлается всюду въ Европѣ въ хорошихъ театрахъ.

Все это общія причины и тотъ, кто давно знаетъ Италію, согласится, что такъ оно и есть и не предвидится улучшенія до тѣхъ поръ, пока страна не станетъ богаче, пока государство и муниципалитетъ не будутъ создавать образцовыхъ сценъ, пока не рухнетъ теперешняя система антрепризъ и публика, въ столицѣ и большихъ городахъ, не станетъ поддерживать отечественныхъ авторовъ, а не бѣгать только смотрѣть парижскіе мелодрамы и фарсы.

Французы не ладятъ съ итальянцами. Вы не видите нигдѣ никакой духовной и матеріальной солидарности между этими двумя націями. Но въ театрѣ (и значительно въ беллетристикѣ) Италія—данница Франціи, и въ такихъ размѣрахъ, что вчужѣ дѣлается досадно за нее. Не одни плохіе театришки и труппы итальянскихъ городовъ питаются парижскими продуктами. Возьмите вы репертуаръ сценическихъ звѣздъ Италіи—первыхъ актрисъ: Дузе и ея предшественницъ Пеццано-Гвальтьери, Тессеро, Марини и дѣйствующихъ еще и теперь: Маджи-Марки, Виталіани, Тины-ди-Лоренцо—всѣ онѣ выѣзжаютъ и

выѣзжали на героиняхъ Дюма-сына, Сарду, Мельяка, Онѣ, съ прибавкою, въ послѣдніе годы, Зудермана и Ибсена.

Нѣмцы—друзья и союзники итальянцевъ; но ихъ дружба и вліяніе, до сихъ поръ, не сказываются на поднятіи уровня театральнаго дѣла, ни въ драмѣ, ни въ оперѣ, ни даже въ распространеніи общедоступныхъ музыкальныхъ удовольствій. Несмотря на дружбу съ нѣмцами, вы,—живя весь сезонъ въ столицѣ Италіи,—не увидите ни драматической нѣмецкой труппы, ни опереточной, ни даже хорошаго оркестра. Прежде французы объѣзжали Италію, при Викторѣ-Эмануилѣ и позднѣе, а теперь вы и французской-то труппы нигдѣ не найдете.

Въ сценической игрѣ итальянцы могли бы занимать первѣйшее мѣсто въ Европѣ. Отдѣльные таланты рождаются и даже развиваются на итальянской почвѣ, какъ нигдѣ. Такихъ артистовъ, какъ Сальвини или Дузе не было въ остальной Европѣ въ послѣднюю четверть вѣка... И безпрестанно выдвигаются дарованія, совершенно оригинальныя—и въ мужчинахъ и женщинахъ. Тина-ди-Лоренцо не считалась звѣздой первой величины, когда я ее видѣлъ во Флоренціи, въ сентябрѣ 1897 года (платя 1 фр. 50 сант. за стулъ), а Москву она сразу заполонила и превознесена была до небесъ. Всѣ знатоки находятъ Дзакони, Новелли и еще нѣсколько актеровъ—совершенно изъ ряда вонъ. Но общій уровень исполненія ниже того, что вы найдете даже въ большихъ провинціальныхъ городахъ Германіи, Франціи, Россіи, Австріи. Около *capo-comico,*—мужчины или женщины,—собрана кое-какая команда; «читка», съ нестерпимой скороговоркой, рѣзкость тона, неумѣренная жестикуляція. А въ дешевыхъ демократическихъ театрахъ ко всему этому присоединяется нищенская обстановка и жалкіе костюмы, даже въ пьесахъ изъ современнаго быта.

Нельзя сказать, чтобы правительство ничего не дѣлало для сценическаго искусства. И во Флоренціи, и въ Римѣ есть курсы декламаціи; тамъ завѣдуетъ ими бывшій актеръ и писатель Рази; здѣсь директриса, когда-то очень извѣстная актриса Марини, и при ней еще три преподавателя. Съ Марини я лично познакомился и былъ у ней въ консерваторіи (Accademia S. Cecilia), гдѣ есть цѣлый сценическій отдѣлъ.

Причины мѣстныя, чисто римскія, дѣйствующія отрицательно на театральное дѣло, тотъ же итальянецъ, — критикъ или драматургъ, знатокъ или диллетантъ—изложилъ бы въ такихъ доводахъ:

— Римская публика бѣднѣе, чѣмъ, напр., въ Миланѣ или въ Туринѣ. Она, въ папскія времена, увлекалась только оперой и бале-

томъ. Тогда аристократія была богата и любила ѣздить въ театръ. Но драма и комедія и тогда не процвѣтали. У двора, съ тѣхъ поръ какъ Римъ—столица Италіи, нѣтъ своей королевской сцены, а муниципалитетъ платитъ плоховатую субсидію театру *Argentina*; драматическія сцены предоставлены сами себѣ. Сборы даютъ французскія пьесы—и только по обыкновеннымъ цѣнамъ, а при такихъ сборахъ нельзя имѣть знаменитостей. Онѣ не охотно ѣдутъ въ Римъ и предпочитаютъ играть или за границей, или въ Миланѣ, Неаполѣ, Туринѣ, даже Флоренціи и Венеціи.

Вотъ почему,—прибавляю я отъ себя,—вы можете прожить въ Римѣ весь сезонъ и не видать ни одного актера, который васъ интересуетъ. Такъ это случилось и въ сезонъ 1897—98 г. Всего на двѣ на три недѣли пріѣзжала Дузе, послѣ долгаго отсутствія, выступила въ своихъ неизбѣжныхъ «выигрышныхъ» роляхъ—въ «Дамѣ съ камеліями», «Адріеннѣ», «Женѣ Клода», и въ одноактовой пьесѣ д'Аннунціо «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Попавъ во всемірные таланты послѣ парижскихъ успѣховъ предыдущаго года, Дузе наложила на итальянцевъ усиленную контрибуцію. Еще лѣтъ пять назадъ вы могли ее видѣть въ итальянскихъ городахъ за два, за три франка; а въ этотъ пріѣздъ кресло стоило десять и пятнадцать лиръ. Римляне не любятъ такихъ цѣнъ, и всетаки театръ *Valle* бывалъ полонъ.

Но вернемся къ нашему иностранцу. Если онъ видалъ ту же Дузе во всѣхъ ея лучшихъ роляхъ и *по нѣсколько разъ*—ему врядъ ли было особенно привлекательно идти на «Даму съ камеліями» въ столицѣ Италіи и платить пятнадцать лиръ за свое мѣсто. Къ чему же свелись его сценическія впечатлѣнія за весь сезонъ? Посредственное исполненіе двухъ-трехъ оперъ, плохой балетъ (всегда одинъ и тотъ же на цѣлый мѣсяцъ), нѣсколько такихъ же плохихъ опереточныхъ труппъ, двѣ-три драматическихъ труппы, съ переводнымъ репертуаромъ и съ полнымъ отсутствіемъ крупныхъ артистовъ. Изъ актрисъ съ именемъ играла Маджи-Марки; но она уже отяжелѣла для молодыхъ ролей, и опять-таки выѣзжала на героиняхъ Дюма и Сарду.

Куда же ему идти еще—въ какія увеселительныя мѣста? Въ самомъ концѣ сезона заново открылся очень красивенькій театрикъ *Quirino*, въ двухъ шагахъ отъ Корсо, позади *Palazzo Sciarra*. И тутъ опять сказалась бѣдность Рима средствами, вкусомъ, предпріимчивостью и персоналомъ. Стали давать кое-какія оперетки и полуфееріи немного лучше, чѣмъ въ *Teatro Nuovo*.

Холостыхъ мужчинъ въ Римѣ множество и помимо иностранцевъ: чиновниковъ, приказчиковъ, офицеровъ. Какъ же они коротаютъ вечеръ? Кромѣ театровъ, есть нѣсколько кафе-концертовъ. Для туриста,

любящаго «couleur locale» интереснѣе, на первыхъ порахъ, самые дешевые, около разныхъ воротъ, близъ вокзала, и въ другихъ урочищахъ. Но все это, увы, опять-таки характерно только развѣ по публикѣ, а по тому, что поется и дѣлается на эстрадѣ—самаго избитаго, общеевропейскаго пошиба и крайне низменно, въ особенности музыка. Даже въ большихъ театрахъ, какъ *Valle* или *Nazionale*, оркестръ, играющій въ антрактахъ, состоитъ всегда изъ фортепіанъ, двухъ скрипокъ, контрбаса и флейты, съ прибавкою пистона. Потому-то, быть можетъ, и цѣны въ этихъ театрахъ, куда ходитъ весь Римъ, даже довольно элегантный, ниже нашихъ въ три и четыре раза, т.-е., напр., кресло не стоитъ никогда больше трехъ лиръ.

Кафе-шантаны подороже,—*Olympia* и *Variété*,—вблизи Корсо—сколки съ парижскихъ «шантановъ», съ такимъ же репертуаромъ циническихъ пѣсенокъ, разныхъ нелѣпостей или аглицкихъ зрѣлищъ съ клоунами и эквилибристами. Да и тутъ главной приманкой всегда какая-нибудь парижская «звѣзда». И чѣмъ неприличнѣе ея репертуаръ, тѣмъ сборъ больше. И тутъ, стало быть, Франція побиваетъ Италію. Прибавьте къ этому плохой циркъ—тамъ, гдѣ-то въ *Prati Castello*, и вы исчерпаете весь запасъ вечернихъ римскихъ развлеченій. Иностранецъ, ищущій «couleur locale», будетъ не мало огорченъ, не находя въ кафе или ресторанахъ никакихъ національныхъ пѣвцовъ, какъ, наприм., въ Неаполѣ. Только въ самыхъ демократическихъ остеріяхъ или кофейняхъ мнѣ случалось находить уличныхъ артистовъ, исполняющихъ цѣлыя комическія сцены съ пѣніемъ и приплясываніемъ.

Друзья Италіи въ Германіи и Австріи не веселятъ римскую публику и оркестрами, какихъ столько у нѣмцевъ. Въ Римѣ я не нашелъ ни одного зала, гдѣ бы играла порядочная музыка за дешевую входную плату. Только пивная-ресторанъ *Gambrinus*, устроенная въ нѣмецкомъ вкусѣ (она занимаетъ палаццо Русполи на Корсо) выписала не важный оркестръ «вѣнскихъ дамъ», играющій два раза въ день, во время сезона.

Серьезная симфоническая музыка не наполняетъ вечера любителей ея, какъ въ Петербургѣ. Всѣ концерты идутъ днемъ, передъ обѣдомъ и никогда не длятся больше двухъ часовъ. Римскимъ барынямъ (а женщины составляютъ подавляющее большинство) надо къ пяти часамъ быть свободными, дѣлать визиты или принимать у себя. Концерты совсѣмъ не общедоступны по цѣнамъ. Стулья стоятъ 10 лиръ въ залѣ консерваторіи, гдѣ не раньше января даютъ концерты, вродѣ нашихъ симфоническихъ, съ участіемъ иностранныхъ солистовъ. Другое оркестровое общество устраиваетъ музыкальныя утра

въ *Sala Dante,* въ томъ домѣ, къ которому придѣланъ знаменитый фонтанъ Треви, такой эффектный по ночамъ, при свѣтѣ электрическихъ шаровъ. Въ теченіе всего сезона, шли четыре концерта съ произведеніями современныхъ композиторовъ четырехъ національностей: нѣмецкой, французской, русской, итальянской. Русскій концертъ былъ едва ли не первый въ такомъ родѣ. Итальянскіе композиторы оркестровой музыки не плодовиты и ни одинъ изъ нихъ не настолько извѣстенъ въ Европѣ, какъ Брамсъ изъ нѣмцевъ, Сенъ-Сансъ изъ французовъ, Чайковскій, Рубинштейнъ, Римскій-Корсаковъ—изъ русскихъ. Въ залѣ театра *Costanzi*, довольно тѣсной и некрасивой, общество Севастьяна Баха пропагандируетъ его музыку и вообще классическіе вкусы. Имъ руководитъ молодой композиторъ итальянецъ, исполняющій тамъ и свои сочиненія. Тамъ же, въ самомъ концѣ музыкальнаго сезона, французы-пансіонеры Виллы Медичи дали два интересныхъ утра, исключительно французской музыки, и двое изъ нихъ дирижировали. Изъ парижскихъ композиторовъ-виртуозовъ въ консерваторіи (Academia di S. Cecilia) съ большимъ успѣхомъ выступилъ передъ самой избранной римской публикой парижскій профессоръ органа Видоръ, исполнявшій и свои композиціи, какъ дирижеръ оркестра и органистъ.

Общій строй исполненія, сравнительно съ тѣмъ, что можно имѣть въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и Москвѣ—приличный, но не больше, безъ тонкаго пониманія, часто съ невѣрными темпами. Профессіональныхъ музыкантовъ въ Италіи вездѣ много и ничего нѣтъ легче, какъ собрать оркестръ въ 50—60 человѣкъ для оперъ или симфоній. Нѣкоторые инструменты до сихъ поръ вездѣ въ Европѣ—итальянская спеціальность, напр., арфа, контрбасъ, деревянно-духовые инструменты. А уровень всетаки невысокій. Нѣтъ иниціативы, соперничества, поощренія, нѣтъ достаточно вкуса къ серьезной музыкѣ въ массѣ публики, мало музыкальной грамотности и, въ концѣ концовъ, мало лишнихъ денегъ.

Походите вы на римскіе концерты, включая сюда и виртуозные (ихъ несравненно меньше дается, чѣмъ у насъ) и вы убѣдитесь, что почти только свѣтское общество посѣщаетъ ихъ, гораздо болѣе женщины, чѣмъ мужчины, и среди нихъ множество иностранокъ. Мужчины въ пропорціи одного на шесть, на семь дамъ. Итальянцы, по природѣ считаются музыкальными. И вы, даже въ простомъ народѣ, всегда замѣчаете, какъ легко схватывается любая мелодія, какъ всѣ умѣютъ пѣть, не учась. А въ культурномъ классѣ эта прирожденная музыкальность остается въ зародышѣ, не проявляется все большей и большей потребностью слушать хорошую музыку, дѣлать ее доступ-

ной всѣмъ и каждому. Мужчины, особенно въ Римѣ—заняты службой или дѣлами, поэтому ходятъ въ концерты только совсѣмъ свободные, праздные люди. И при дешевизнѣ спектаклей, музыкальныя удовольствія дороги даже сравнительно съ нашими столицами, гдѣ всетаки есть множество болѣе дешевыхъ мѣстъ на хорахъ и за колоннами.

Вагнеризмъ сдѣлался въ Италіи такой же свѣтской модой, какъ и во Франціи. Но парижане, ударившись въ культъ Вагнера и вообще нѣмецкой музыки, производятъ сильную пропаганду—организовали нѣсколько концертныхъ предпріятій en grand, ставятъ вагнеровскія оперы, предаются любительству во всѣхъ слояхъ общества. Ничего подобнаго нѣтъ еще въ Римѣ. И что особенно досадно иностранцу (да и всякому туземцу, ищущему провести вечеръ поизящнѣе въ художественномъ смыслѣ), это — отсутствіе хорошихъ музыкальныхъ удовольствій вечеромъ, въ тѣ часы, когда онъ долженъ довольствоваться плохими театрами и разной дребеденью кафе-шантановъ.

Что же остается для духовной пищи тому, кто проводитъ сезонъ въ Римѣ и пользуется большимъ досугомъ?

Ученыхъ и художниковъ мы выдѣлимъ. Ученые — особенный классъ. Для нихъ Римъ—предметъ культа и въ области археологіи, и въ области исторіи. Они пріѣзжаютъ сюда не за общеевропейскимъ времяпровожденіемъ. И художники, которые поселяются въ Римѣ для работы, могутъ быть менѣе требовательны, чѣмъ обыкновенные туристы. Но вѣдь и тѣмъ и другимъ пуженъ отдыхъ, а отдыхать имъ тоже не очень-то лестно на чемъ-нибудь слишкомъ ординарномъ.

Мы продолжаемъ имѣть въ виду свободнаго чужестранца, пользующагося только тѣмъ, что доступно всякому, имѣющему досугъ и порядочныя средства, безъ знакомствъ, безъ приглашеній на вечера и балы, безъ посѣщеній свѣтскихъ салоновъ.

Кромѣ зрѣлищъ и музыки есть еще художественная жизнь Рима въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. выставки и мастерскія артистовъ—своихъ и иностранныхъ. Когда-то день путешественника, особенно знатнаго и богатаго—былъ наполовину посвящаемъ студіямъ художниковъ, т.-е. мастерскимъ картинъ и objets d'art. И теперь, стоитъ вамъ пожить въ порядочномъ отелѣ дней десять, вы получите по почтѣ печатныя приглашенія посѣтить такую-то галлерею или коллекцію. Хозяева ихъ—купцы. Они торгуютъ и антиками, и старыми картинами, и новыми. Но это входитъ уже въ общую программу туриста: посѣщеніе памятниковъ и хранилищъ. Мастерскихъ живописцевъ и скульпторовъ—множество въ Римѣ; иностранныхъ художниковъ больше,

чѣмъ итальянцевъ. И тотъ, кто ищетъ только первоклассныхъ дарованій, ограничится посѣщеніемъ дюжины студій.

Изъ итальянскихъ современныхъ живописцевъ двое выдвинулись въ послѣдніе годы: Маккари и Микетти. Маккари—тосканецъ, религіозный и декоративный живописецъ, получившій большую извѣстность своими фресками, въ одной изъ залъ сената, изображающими разные моменты исторіи римской республики. Самая сложная изъ этихъ композицій—сцена, когда Цицеронъ обличаетъ Катилину и тотъ сидитъ, всѣми оставленный, съ лицомъ, искаженнымъ яростью и смущеніемъ. У Маккари прекрасная студія, въ видѣ отдѣльнаго павильона, на пустырѣ, гдѣ были когда-то сады Лукуллы. Тамъ онъ работаетъ надъ своими картинами и этюдами для церквей въ Сьенѣ и Лоретто. Этотъ тосканецъ производитъ впечатлѣніе мастеровъ времени Возрожденія своей наружностью и тономъ, скромный, полный любви къ своему дѣлу, разносторонне развитой въ мастерствѣ; онъ для своихъ картоновъ приготовляетъ и архитектурныя модели, и скульптурные орнаменты.

Въ музеѣ современной живописи (въ зданіи выставки, на Via Nazionale) самое крупное произведеніе Микетти «Il voto»—изъ бытовой жизни абруццскихъ крестьянъ—реальная вещь, напоминающая стиль нашего Рѣпина. Самъ Микетти нелюдимъ и рѣдко бываетъ въ Римѣ.

Изъ иностранныхъ живописцевъ самый интересный Вильегосъ, испанецъ изъ Севильи, давно поселившійся въ Римѣ. За *Porta Salaria* у него вилла въ андалузскомъ вкусѣ, и тамъ, въ обширной мастерской, вы всегда найдете нѣсколько картинъ и портретовъ, недоконченныхъ или готовыхъ. Свой домъ съ изящной мастерской и у нашего Семирадскаго, совсѣмъ осѣвшаго въ Римѣ. Нѣмцы, англичане, американцы, скандинавы, венгерцы, поляки—вы найдете десятками студіи художниковъ всѣхъ этихъ расъ и національностей; но въ Римѣ, въ теченіе осенняго сезона, не бываетъ выставокъ, какъ въ Петербургѣ, въ мартѣ. Если не искать случая попасть въ ту или иную студію, вы можете прожить здѣсь съ октября до конца марта и не имѣть понятія о томъ, въ чемъ состоитъ балансъ всего годового творчества своихъ и чужихъ артистовъ.

То же самое и съ скульптурой. Надо знать, что есть цѣннаго и стоящаго въ студіяхъ скульпторовъ и отправляться туда съ карточкой общаго знакомаго или же разсчитывать на любезность хозяина.

Среди итальянскихъ скульпторовъ, первое, какъ національно офиціальное, положеніе занимаетъ Монтеверде, возведенный въ званіе сенатора, членъ associé парижскаго института, наравнѣ съ нашимъ Антокольскимъ. Его студія помѣщается въ собственномъ домѣ, въ

новомъ кварталѣ, близь вокзала на *Piazza dell' Indepedenza* и одни ея размѣры покажутъ вамъ, что хозяинъ ея—«монументальный» художникъ, по преимуществу, много работавшій по заказамъ государства и муниципалитетовъ. Одна изъ удачнѣйшихъ его статуй—статуя министра Мингетти, говорящаго на митингѣ, со шляпой въ рукахъ. Разумѣется, черезъ его руки прошло нѣсколько Викторовъ-Эмануиловъ и разныхъ членовъ королевской фамиліи. Но онъ способенъ и на характерно-бытовые замыслы, какова, наприм., фигура, въ гипсѣ, рабочаго въ блузѣ ткача, съ челнокомъ въ рукѣ.

Самъ Монтеверде—старше лѣтами Маккари—старикъ съ пріятной сѣдой головой, красивыми глазами и мягкимъ тономъ. У себя, въ студіи, онъ носитъ беретъ à la Леонардо да Винчи и длинную живописную блузу той же эпохи.

Кромѣ студій, передобѣденные досуги можно въ Римѣ употребить на посѣщеніе разныхъ засѣданій и лекцій въ академіи художествъ, въ нѣсколькихъ ученыхъ обществахъ, въ *Аркадіи* (гдѣ читаютъ лекціи каждый день съ 5½ до 6½), въ университетѣ. Все это доступно, особенно университетъ, куда вы входите прямо съ улицы, поднимаетесь, на внутреннемъ дворѣ (atrium) во вторую галлерею и входите въ любую аудиторію, выбирая какой угодно факультетъ. Университетъ съ тѣхъ поръ, какъ Римъ—столица Италіи, не чета старому, папскому. Въ немъ наука, духъ положительнаго изслѣдованія царятъ безусловно. Я уже говорилъ, что свобода преподаванія идеальная, нигдѣ не существующая въ Европѣ, въ такихъ размѣрахъ.

И не будучи спеціалистами, всякій иностранецъ или иностранка могутъ наполнить свои утра и часы пополудни, вплоть до 7, на лекціяхъ естественныхъ наукъ, философіи, исторіи, политическихъ и философскихъ каѳедръ. Всего больше посѣщаются чтенія Анджело де-Губернатисъ, по исторіи итальянской литературы, и двухъ другихъ профессоровъ по той же наукѣ, Бардзелотти, читающаго исторію философіи, Лябріоля и Ферри, о которыхъ я уже говорилъ. Много иностранцевъ ходятъ и на засѣданія ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ и къ нѣмцамъ, въ *Palazzo Caffarelli*, гдѣ помѣщается германскій археологическій институтъ. Засѣданія бываютъ разъ въ двѣ недѣли, въ три часа, и добросовѣстные нѣмцы читаютъ свои рефераты непремѣнно по-итальянски.

Словомъ, для человѣка любознательнаго и серьезнаго нѣтъ ничего легче какъ наполнить въ Римѣ свой день. Но повторяю, вечерами онъ будетъ тяготиться, если не пріобрѣтетъ знакомствъ въ обществѣ.

Вечеромъ мало въ Римѣ тѣхъ «интеллигентныхъ» развлеченій,

какими, полонъ, наприм., Петербургъ въ зимній сезонъ, особенно въ посту. Артистическіе клубы существуютъ. И два—изъ самыхъ бойкихъ: международный и нѣмецкій. И тотъ, и другой даютъ вечера праздники, но рѣдко. Пресса, въ своемъ прекрасномъ помѣщеніи общества *Stampa*, скупа на собранія. Лекцій по вечерамъ тамъ почти что не бываетъ. И нѣтъ въ Римѣ ничего подобнаго нашему Соляному городку или аудиторіямъ Политехническаго и Историческаго музеевъ въ Москвѣ. Цѣлыми недѣлями и мѣсяцами будете вы ждать интереснаго вечера, лекціи или «conférence», или сборища въ какомъ-нибудь обществѣ. Клубы не живутъ совсѣмъ увеселительной жизнью. Два самыхъ свѣтскихъ *черный* и *бѣлый*—карточные клубы римскаго свѣтскаго общества и дипломатовъ. Попадать туда надо по особой рекомендаціи, да если вы не желаете заводить свѣтскихъ знакомствъ, они вамъ и не представляютъ ничего занимательнаго.

И выходитъ, что безъ знакомствъ проводить въ Римѣ вечера съ «пользой и удовольствіемъ»—задача менѣе благодарная, чѣмъ въ какой-либо другой столицѣ Европы.

Прежде, карнавалъ былъ для иностранцевъ главной зимней приманкой. Противники теперешнихъ хозяевъ Рима любятъ тыкать въ это пальцемъ и приговаривать:

— Даже этого итальянцы не могли поддержать! Гдѣ карнавалъ? Онъ умеръ. Его похоронили.

Карнавалъ, дѣйствительно, умеръ; но умиралъ онъ понемногу и задолго до взятія Рима итальянскими войсками. Жилъ онъ, по преданію, на свою стародавнюю репутацію. Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ 1787 году, когда его описывалъ Гёте, въ немъ, для болѣе тонкаго и наблюдательнаго иностранца не было той волшебной прелести и красивости, какую любили расхваливать романисты и поэты—по рутинѣ или изъ позы. Но тогда, при папахъ, веселость, дурачество, полная уличная свобода, уничтоженіе всякихъ сословныхъ различій на почвѣ римскихъ *сатурналій*, представляли изъ себя какъ бы отдушину обычному затхлому строю жизни, церковной опекѣ, теократическимъ порядкамъ. Тогда Римъ состоялъ изъ высшаго класса, кое-какой буржуазіи и народа, гдѣ прислуга и приживальщики всякаго рода составляли двѣ трети всей цифры бѣднаго и зависимаго класса. Господа съ тѣхъ поръ стали бѣднѣть, народъ терялъ свою безпечность и умѣнье веселиться. Никто въ этомъ не виноватъ, кромѣ «духа времени». Въ концѣ царствованія Пія IX карнавалъ уже падалъ; на это есть прямыя указанія у тѣхъ, кто о немъ писалъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ еще кое-какъ держался. Карнавалъ 1874 г. я видѣлъ въ Римѣ. Онъ уже потерялъ свою прежнюю обрядность:

шумъ, пестроту, толпы ряженыхъ; но на Корсо еще собирались, ѣздили въ маскахъ, сидѣли на балконахъ, кидали конфетти, тушили мокколи.

Съ каждой зимой карнавалъ уходилъ въ прошлое. Въ послѣдніе годы старались его воскресить, городъ давалъ субсидіи, устраивались процессіи, какъ въ Ниццѣ; но это служило только рекламой разнымъ фирмамъ, а карнавала не воскресило. Въ прошлую зиму еще ѣздили колесницы. А въ карнавалѣ 1898 года не было ровно ничего. И вы могли только по кое-какимъ маскамъ, пѣшимъ и въ коляскахъ, по уличнымъ пѣвцамъ и акробатамъ, догадаться, что идетъ римская масляница.

Ночью, карнавальная недѣля еще не потеряла совсѣмъ своей прежней физіономіи. Въ театрахъ и въ разныхъ залахъ даются костюмированные балы, «veglioni», какъ здѣсь называютъ. Мелкій трудовой людъ веселится, какъ умѣетъ, находитъ вездѣ мѣсто, куда входъ стоитъ 50 сантимовъ, много—лира. По улицамъ до поздней ночи—раздаются смѣхъ, крики, пѣніе; но никакъ нельзя сказать, что весь городъ справляетъ это ночное веселье.

Во весь карнавалъ даютъ два-три большихъ *вельоне*, въ театрахъ *Costanzi* и *Argentina*. Ложи всѣ заняты дамами изъ общества, иностранной колоніей, свѣтскими молодыми людьми, богатой буржуазіей. Внизу пестрая толпа масокъ и мужчинъ шумитъ и толкается, танцуютъ плохонькія гризетки и приказчики. Красивыхъ костюмовъ мало; блеску, остроумія, изящества—не особенно больше. Когда-то не только въ Парижѣ, на оперныхъ балахъ, но и въ Вѣнѣ публичные балы «фашинга» были гораздо веселѣе и богаче женской красивостью и граціей.

Одно можно сказать въ пользу такихъ ночныхъ сборищъ въ карнавалъ—въ нихъ нѣтъ цинизма парижскихъ и берлинскихъ маскарадныхъ баловъ и они все-таки гораздо живописнѣе и богаче темпераментомъ, чѣмъ наши маскарады, въ послѣдніе годы совсѣмъ упавшіе и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ.

Художникъ и писатель, проводя въ Римѣ зиму, сумѣетъ и теперь найти множество бытовыхъ чертъ, лицъ, фигуръ, подслушать разговоры и видѣть сцены во всѣхъ ночныхъ увеселеніяхъ карнавальной недѣли. Но не того классическаго карнавала, когда каждый день отъ *Piazza di Venezia* по Корсо пускали лошадей на перегонки такъ называемое «barberi», и ряженыя толпы бѣсновались съ *конфетти* и *мокколи*. На тотъ карнавалъ надо поставить крестъ... надолго, быть можетъ навсегда, если не суждено сбыться мечтамъ о

возстановленіи папской власти, и тогда надо будетъ вмѣстѣ съ торжественными религіозными процессіями возродить и сатурналіи.

Чтобы знать жизнь разныхъ слоевъ общества въ Римѣ, надо знакомиться. Такъ, случайно, даже если жить и въ бойкомъ отелѣ, а не въ квартирѣ—знакомиться нигдѣ не легко. Вы и въ Парижѣ проживете десять лѣтъ и рискуете такимъ путемъ не завести и десятка стоящихъ знакомствъ. Точно тоже и въ Римѣ. И такихъ пріѣзжихъ, совсѣмъ не проникающихъ въ общество, здѣсь каждый сезонъ множество. Сто человѣкъ на одного или двухъ, которые являются сюда съ рекомендательными письмами.

По моей программѣ, мнѣ нельзя было ограничиться обыкновенной жизнью римскаго туриста. Собранную мною коллекцію писемъ и затерянную въ дорогѣ въ 1895 г. я, къ отъѣзду въ Римъ, осенью 1897 года, возстановилъ и прибавилъ къ ней еще много рекомендацій отъ русскихъ, французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ. И въ Римѣ она еще разрослась, благодаря любезности моихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и той особенно обязательной русской дамы, съ которой я познакомился на письмахъ.

Когда я, наканунѣ отъѣзда, въ концѣ марта, пересмотрѣлъ коллекцію всѣхъ визитныхъ карточекъ, то ихъ оказалось больше сотни, въ томъ числѣ до 30% русскихъ. Но меня интересовали главнымъ образомъ итальянцы: и коренные римляне папскаго времени, и тѣ, что населили городъ съ 1870 г.

У меня были письма или рекоментальныя «petits mots» во всѣ сферы: въ ватиканскую—въ довольно большомъ выборѣ (какъ читатели видѣли по главѣ о Ватиканѣ), въ придворную, въ міръ высшаго и средняго чиновничества, къ сенаторамъ и депутатамъ, въ университетъ, въ ученыя общества, въ литературные кружки, въ артистическій міръ, считая и театръ, въ прессу, въ салоны—въ болѣе серьезные и просто свѣтскіе, и, наконецъ, въ *Космополисъ*, къ иностранцамъ всякихъ національностей, въ томъ числѣ и ко многимъ русскимъ, опять-таки принадлежащимъ къ разнымъ сферамъ.

Изъ нихъ и наши дипломаты обоихъ цвѣтовъ—при Квириналѣ и Ватиканѣ, были мнѣ полезны для знакомства и съ официальными лицами обоихъ міровъ—чернаго и бѣлаго, и съ свѣтскимъ обществомъ Рима. И черезъ другихъ русскихъ мужчинъ и дамъ, я попадалъ въ итальянскіе дома и заводилъ сношенія съ разными выдающимися личностями.

Какъ я сказалъ выше, мнѣ хотѣлось, въ предѣлахъ цѣлаго римскаго сезона, пройти разнообразныя впечатлѣнія «вѣчнаго города», черезъ какія въ другіе годы, проходили или могли проходить русскіе—и писатели, и художники, и просто образованные люди.

Разсказывать во всѣхъ подробностяхъ о моихъ знакомствахъ и встрѣчахъ было бы излишне. Все, что нашлось болѣе интереснаго для моихъ читателей о ватиканской сферѣ, я сообщилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Въ концѣ этой главы и въ послѣднихъ я приведу мои «итоги» и о жизни теперешняго римскаго общества, и о коренныхъ римлянахъ, и объ иностранныхъ колоніяхъ, называя по именамъ только лицъ съ большой извѣстностью, и воздерживаясь отъ ненужныхъ обозначеній именъ и итальянцевъ, и всѣхъ другихъ.

Но прежде чѣмъ набрасывать здѣсь мои «отмѣтки», я долженъ оговориться. Трудно иностранцу въ какой-нибудь одинъ сезонъ представить что-нибудь вполнѣ вѣрно и обстоятельно о жизни цѣлаго большого города и въ немъ разныхъ слоевъ общества, да еще такого *единственнаго въ своемъ родѣ* города, какъ Римъ. Для этого мало и пяти зимъ! Сколько мнѣ приводилось читать воспоминаній и этюдовъ о Римѣ, нравахъ его жителей, жизни его общества за цѣлыхъ два столѣтія, на нѣсколькихъ языкахъ— все это оставляетъ много пробѣловъ и часто сводится къ анекдотамъ и чисто-личнымъ впечатлѣніямъ. Всѣ писатели слишкомъ склонны обобщать и произносить приговоры надъ чужой національностью.

Но изъ этой литературы наблюденій надъ итальянскимъ и спеціально римскимъ обществомъ всетаки же вытекаютъ нѣкоторые итоги. Особенности расы, воспитанія, соціальнаго склада, долгихъ порядковъ управленія, ума, темперамента, привычекъ—кристаллизуются вѣками и вы ихъ находите и теперь, по прошествіи ста и двухъ сотъ лѣтъ. Это черты основныя, *генерическія*, и тутъ вы врядъ ли что скажете новаго, неизвѣстнаго. Для всякаго иностранца, пріѣхавшаго въ Римъ пожить, поглядѣть, поразспросить и поразузнать, первый вопросъ: въ какой степени *трудно* или *легко* будетъ ему войти въ общество, въ разныхъ его слояхъ, какъ вообще чувствуетъ онъ себя, сравнительно съ другими столицами Европы?

Сравненіе здѣсь необходимо. Вы ѣдете въ первый разъ въ Лондонъ на «season». У васъ въ бумажникѣ лежитъ дюжина писемъ къ англичанамъ разныхъ сферъ. Если вы сами не лѣнитесь и выборъ вашихъ будущихъ крестныхъ отцовъ по части изученія Лондона удачный, то вы, навѣрно, къ концу сезона, получите все, что вамъ было нужно, проникните всюду, гдѣ вамъ интересно или нужно бывать.

Въ Парижѣ это будетъ потуже, несмотря на хваленую любезность французовъ. Парижане менѣе точны въ исполненіи правилъ гостепріимства, менѣе широки въ приглашеніяхъ, не считаютъ себя обязанными указывать, съ кѣмъ вамъ слѣдуетъ еще познакомиться. У нѣмцевъ, германскихъ и австрійцевъ, у венгерцевъ, у испанцевъ—

иностранецъ находитъ очень скорый и легкій доступъ всюду, разумѣется, если онъ рекомендованъ. Все это я въ теченіе тридцати лѣтъ заграничныхъ скитаній испыталъ на самомъ себѣ.

Когда-то Римъ считался Эльдорадо пріѣзжихъ. Перечитайте дневникъ Стэндаля и вы увидите тамъ, какъ всякій иностранецъ, даже и не очень богатый, входилъ сейчасъ въ свѣтскій кругъ Рима. Стоило ему пріѣхать съ письмомъ къ своему банкиру (всего чаще князю Торлонья или Киджи) и тотъ его «лянсировалъ», во всѣ дома, гдѣ принимали. То же говорятъ и нѣмцы двадцатыхъ годовъ, наприм., Миллеръ, авторъ интересной книги, составленной изъ писемъ друзьямъ. Тогда «иностранецъ»—*forestiere*—было уже само по себѣ званіе, почетный титулъ, и онъ въ Римѣ изображалъ изъ себя гораздо болѣе видную особу, чѣмъ у себя дома. Тогда во многихъ барскихъ домахъ каждый день давались *conversazioni*, т.-е. разговорные вечера и *academie*, т.-е. вечера съ музыкой и пѣніемъ, кромѣ баловъ у самыхъ богатыхъ принчипе. На всѣ эти сборища иностранецъ могъ являться, какъ ходятъ въ театръ. Представили его въ два-три дома, въ остальные онъ шелъ уже смѣло. Очень часто хозяйка не могла даже назвать его имени своимъ гостямъ. И всѣ вечера онъ проводилъ среди красивыхъ женщинъ, въ изящномъ обществѣ туземцевъ и форестьеровъ.

Теперь это—не совсѣмъ такъ. Рекомендательнаго письма къ одному банкиру уже недостаточно. Надо хлопотать о знакомствахъ, если имѣть ходы въ разные слои общества, во всякіе мірки. И проникать въ *Cosmopolis*, т.-е. въ иностранныя колоніи, окажется легче, чѣмъ къ итальянцамъ, въ ихъ дома, въ ихъ болѣе интимную жизнь, чтобы самому хоть сколько-нибудь наблюдать ихъ нравы, ихъ бытъ, ихъ идеи, вкусы и привычки, характеръ ихъ общежитія.

Въ этомъ случаѣ не мѣшаетъ поразспросить тѣхъ изъ иностранцевъ разныхъ національностей, которые живали и живутъ въ Римѣ и относятся къ итальянцамъ безъ предубѣжденія. Всего менѣе пригодны на это французы. Но дѣльные и болѣе тонко развитые нѣмцы, англичане или русскіе дадутъ вамъ средніе оцѣнки и выводы изъ своего знакомства и съ итальянскимъ обществомъ вообще, и съ болѣе характерными чертами чисто-римской жизни.

Эти оцѣнки и выводы большею частью бываютъ въ такомъ родѣ: съ итальянцами сходиться довольно трудно. Они кажутся вамъ со стороны очень бойкими и общительными, много говорятъ, еще больше жестикулируютъ. Они живутъ много на улицѣ и въ кафе; но къ себѣ домой приглашаютъ неохотно. И между собою они менѣе общительны, чѣмъ англичане, французы, нѣмцы, славяне. Въ Римѣ это

особенно замѣтно. Здѣсь и высшіе классы, и буржуазія—депутаты, чиновники, ученые, художники—живутъ прижимисто, мало принимаютъ у себя, не привыкли угощать, не любятъ посѣщеній за-просто. Иностранецъ, если онъ не очень богатъ и не сбирается кормить и поить «весь Римъ», или не попадетъ въ обширный кругъ здѣшняго космополиса—не можетъ разсчитывать на вполнѣ свободные ходы въ итальянскія сферы. Онъ привезетъ рекомендательное письмо, сдѣлаетъ визитъ, ему его отдадутъ, можетъ быть, пригласятъ бывать въ такой-то день передъ обѣдомъ; но на этомъ знакомство и покончится. Того, что французы зовутъ «urbanité», а русскіе «радушіе»—мало въ характерѣ итальянцевъ, еще менѣе у римлянъ. Прежде, когда здѣшніе аристократы живали широко, они принимали всякаго порядочнаго *forestiere*; но теперь въ очень немногихъ домахъ пріемы—и то какіе: въ пять часовъ или вечеромъ, безъ всякаго угощенія.

Одна остроумная иностранка говорила мнѣ разъ на эту тему:

— Здѣсь угощеніе самое разнообразное въ барскихъ салонахъ: сегодня подаютъ *aqua Felice,* завтра—*aqua Marcia*, послѣ завтра—*aqua Paula*—благо Римъ богатъ отличной ключевой водой.

Отъ людей серьзныхъ, проживающихъ здѣсь въ интересахъ науки или работающихъ какъ художники—въ теченіе сезона вы наслушаетесь довольно разнообразныхъ мнѣній. Иные изъ тѣхъ, что являются сюда съ крупнымъ европейскимъ именемъ, готовы находить здѣшнее общество необычайно любезнымъ, интереснымъ и развитымъ. Нѣмцы, вообще, благодушнѣе и мягче въ своихъ оцѣнкахъ. И ихъ, и нѣкоторыхъ англичанъ слишкомъ подкупаетъ Римъ, самъ по себѣ, его исторія, памятники, художественныя сокровища, и они поэтому настраиваютъ себя на восторженный или хвалебный ладъ. У иныхъ любителей итальянской жизни есть прямо неизсякаемая нѣжность ко всему, что они видятъ въ Римѣ, и чѣмъ оно болѣе архиримское, тѣмъ они сильнѣе восхищаются. Къ этой категоріи иностранцевъ принадлежалъ когда-то и Гоголь. Онъ приходилъ въ умиленіе отъ всякаго долгополаго патера въ шляпѣ съ широкими полями, отъ каждаго оборванца или ослика, навьюченнаго разной дрянью. Не даромъ поэтъ Языковъ, гостившій у него въ Римѣ, въ письмахъ домой, изумляется такому обожанію всего римскаго.

Далеко не всѣ трудовые иностранцы, подолгу живущіе въ Римѣ такъ настроены. Они любятъ Римъ, но не его жителей.

Станете вы разспрашивать иного археолога, историка, художника о его знакомствахъ въ Римѣ—онъ вамъ отвѣтитъ:

— Да я не бываю въ здѣшнемъ обществѣ.

— Почему?

— Въ итальянцахъ, и пришлыхъ, и уроженцахъ Рима нѣтъ ничего для меня пріятнаго. Мужчины сухи, ограничены въ своихъ взглядахъ, равнодушны къ тому, что внѣ ихъ прямыхъ интересовъ. Иностранцевъ они не любятъ и часто не понимаютъ ихъ. Женщины мало развиты, безъ граціи и безъ тонкости въ разговорѣ—въ кружкахъ интеллигенціи; а свѣтской жизни я не веду.

Въ особенности вы услышите такіе отзывы отъ русскихъ.

Вовсе не рѣдкость такой русскій молодой ученый или художникъ, который годами не бываетъ нигдѣ, кромѣ ватиканскаго архива, библіотеки, засѣданій ученыхъ обществъ, своей студіи, кофейни, трактиріи и вечеромъ, театра или кафе-шантана.

И вы отъ него почти всегда услышите одно и то же:

— Бывалъ я прежде въ обществѣ. Но итальянцы мнѣ не интересны. У нихъ нѣтъ пріятной жизни въ ихъ семействахъ. Съ ними скучно—и съ мужчинами, и съ женщинами. Въ интеллигенціи жизнь вялая, нѣтъ ни сборищъ, ни бесѣдъ, ни вечеровъ съ интересной программой. Нѣтъ умственныхъ центровъ, ни въ прессѣ, ни въ писательскомъ мірѣ, ни въ профессорскомъ, ни въ художественномъ. То, что и оживляетъ сезонъ—идетъ больше отъ иностранцевъ.

Вы можете и не повѣрить такимъ оцѣнкамъ, найти ихъ слишкомъ строгими и брезгливыми. Поживя и расширивъ свои знакомства среди итальянцевъ, вы станете бесѣдовать о римской жизни, обращаясь къ туземцамъ, съ болѣе свѣжей головой, съ болѣе развитымъ вкусомъ и запросами, которые нигдѣ не были бы слишкомъ требовательны.

Какой-нибудь коренной римлянинъ—баринъ съ титуломъ, считающійся здѣсь знатокомъ литературы и искусства, съ большими связями въ парижскомъ мірѣ писателей, романистовъ и драматурговъ, у котораго бываетъ «весь Римъ», принадлежащій къ свѣтской интеллигенціи—скажетъ вамъ, иностранцу, чуть не съ перваго слова:

— Вещи здѣсь интересны; но люди—нѣтъ. У насъ бѣдная, мало занимательная жизнь. Нѣтъ талантовъ, мало интересныхъ женщинъ, никто не умѣетъ ничего устроить и оживить сезонъ.

Это уже «свидѣтельскія показанія» римлянъ, а не брезгливыхъ иноземцевъ.

Разспросите самыхъ молодыхъ ученыхъ, педагоговъ, чиновниковъ, депутатовъ, литераторовъ, художниковъ, — исключительно итальянцевъ,—и отзывы все съ этой же окраской:

— Римъ не живетъ, а прозябаетъ. Здѣсь нѣтъ литературной среды. Лучшіе наши писатели живутъ внѣ столицы. Здѣсь очень мало пишется, и еще менѣе издается. Редакціи—лавочки. Салоновъ, гдѣ бы собиралась такъ называемая «république des lettres», два-три; да и

то въ нихъ порядочная скука. Нѣтъ внутренней жизни. Пресса—мелкая и не разнообразная. Вы найдете журналистовъ въ кафе, но они не сходятся ни въ клубѣ, ни въ гостиныхъ. У художниковъ есть общества; но человѣкъ болѣе развитой, съ болѣе тонкими запросами не найдетъ въ ихъ обществахъ ничего занимательнаго. Еще болѣе оживлено на вечерахъ и обѣдахъ въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ интересуются политикой, гдѣ бываютъ депутаты, сенаторы и министры. Но такъ, запросто, вамъ почти некуда дѣваться, если вы желаете находить пріятное и развитое общество, живущее высшими интересами.

Молодые писатели съ новыми идеями и вкусами, какихъ вы заставите говорить на эту тему—будутъ повторять вамъ, что въ Римѣ они чувствуютъ себя одинокими и живутъ вразсыпную, что до сихъ поръ нѣтъ такихъ кружковъ, гдѣ бы интересъ къ литературѣ, театру, искусствамъ—поднимался надъ общимъ банальнымъ уровнемъ.

О жизни свѣтскаго римскаго общества,—не *cosmopolis'a*, а итальянскаго,—вы наслушаетесь отзывовъ въ такомъ же родѣ и вовсе не отъ иностранцевъ, а отъ своихъ. Кто изъ коренныхъ римлянъ проводилъ сезоны въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ или Петербургѣ—нисколько не стѣсняясь, станетъ сѣтовать на то, что въ Римѣ свое общество не умѣетъ или не хочетъ бойко жить, обѣдняло, сжалось, что безъ богатыхъ форестьеровъ и дипломатическаго корпуса въ Римѣ было бы чрезвычайно тихо и провинціально, что пріятныхъ салоновъ не то что уже для вечеровъ, а хоть для five o'clock'овъ въ чисто итальянскомъ обществѣ не насчитать и полдюжины.

Къ концу сезона, я слышалъ въ одной гостиной, у иностранцевъ, блестящую и безпощадную характеристику римскихъ свѣтскихъ женщинъ и вообще женщинъ здѣшняго высшаго класса. И эту прокурорскую обвинительную рѣчь произносилъ не французъ, не русскій и не англичанинъ, а итальянецъ—титулованный, свѣтскій человѣкъ, холостякъ, очень развитой, много ѣзжавшій по Европѣ. Онъ пріѣхалъ въ Римъ на весь сезонъ и до того времени не живалъ здѣсь по долгу. Поселился онъ въ одномъ изъ тѣхъ отелей Рима, гдѣ проводятъ зиму иностранныя колоніи. Онъ сошелся всего больше съ русскими фамиліями, и въ его оцѣнкѣ римскихъ салоновъ и дамъ мѣриломъ служили мои соотечественники и ихъ жены, дочери и сестры.

Произнесъ онъ какъ бы цѣлую «конференцію», очень образно, со множествомъ фактовъ, наблюденій, именъ, деталей. Свое время онъ биткомъ набивалъ, цѣлыхъ полгода, вечерними пріемами, визитами, балами, чайными журфиксами, перезнакомился со всѣми, что только есть въ Римѣ сколько-нибудь интересныхъ мужчинъ и жен-

щинъ и продолжалъ постоянно сравнивать римскій свѣтъ съ космополисомъ разныхъ націй.

Эта картина, разыгранная въ лицахъ очень ярко и образно, показывала всѣ недочеты и изъяны римской свѣтской жизни. Бывалый холостякъ, сравнивая здѣшнихъ дамъ съ иностранками, особенно съ русскими, находилъ ихъ очень мало развитыми, и чѣмъ онѣ болѣе кичатся древностью своего рода, тѣмъ менѣе образованы. Не прощалъ онъ имъ отсутствіе блеска и граціи въ разговорѣ, ихъ малую привѣтливость и умственную ординарность. Представлялъ въ забавныхъ фразахъ—какую монотонную, скучную и безсодержательную жизнь онѣ ведутъ.

— Помилуйте!—восклицалъ онъ, расходившись.—Онѣ ничего ровно не дѣлаютъ! Ничѣмъ не интересуются, сидятъ по цѣлымъ днямъ у себя, въ холодныхъ, запыленныхъ своихъ палаццо. Вся ихъ жизнь сводится къ тому, чтобы одѣться къ четыремъ часамъ и ѣхать на Корсо и Монте-Пинчіо. Вотъ и все! Ихъ и сравнивать нельзя съ тѣми милыми англичанками и русскими, какихъ встрѣчаешь здѣсь въ обществѣ. Съ иностранцами римскій свѣтъ любезенъ тогда только, если они очень богаты. О! тогда онъ забываетъ о своихъ родословныхъ и бросается на обѣды и балы всякаго авантюриста, только бы онъ хорошо кормилъ и тратилъ сотни тысячъ на свои пріемы. И всѣ здѣшніе молодые люди только о томъ и мечтаютъ, чтобы подцѣпить милліонщицу-американку, чтобы позолотить свой гербъ.

Обращаясь ко мнѣ, этотъ строгій и смѣлый итальянецъ назвалъ имена двухъ русскихъ дамъ, съ которыми онъ всего чаще проводилъ время. Случилось такъ, что я ихъ встрѣчалъ. Такихъ барынь у насъ есть десятки и сотни въ такъ называемомъ «порядочномъ» кругу.

Не разъ случалось мнѣ выслушивать и болѣе интимныя мнѣнія иностранокъ, знающихъ давно Римъ. Ихъ оцѣнки были,—хоть и въ болѣе мягкихъ формахъ,—близки съ обличительной рѣчью бывалаго итальянца. О мужчинахъ римскаго салона одна изъ такихъ дамъ говорила:

— Или они ищутъ богатыхъ невѣстъ, или же ѣздятъ съ самымъ явнымъ намѣреніемъ добиться... вы понимаете чего. Разговора, такого, какого съ умнымъ и воспитаннымъ русскимъ, англичаниномъ, нѣмцемъ, даже французомъ здѣсь трудно имѣть. Они будутъ къ вамъ ѣздить, если вы очень открыто живете, даете обѣды и балы. Но съ глазу-на-глазъ, во второй же разъ, они сейчасъ же приступаютъ къ объясненію. А если видятъ, что ничего не добьются—прекращаютъ свои посѣщенія или дѣлаются совершенно неинтересными.

Провѣрить такія болѣе интимныя «свидѣтельскія показанія»—

довольно трудно. Но въ правдивости тѣхъ, отъ кого приводилось ихъ получать, нѣтъ никакого повода сомнѣваться.

Послѣ такого «опроса» приведу и нѣсколько своихъ наблюденій, воздерживаясь отъ рѣшительныхъ приговоровъ.

Прежде всего не надо забывать, что иностранецъ не можетъ судить вполнѣ объективно, т.-е. отрѣшаясь отъ своего особеннаго мѣрила, и судить разносторонне и безпристрастно о чужой жизни, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Но онъ можетъ провѣрять въ предѣлахъ своего знанія города и общества то, что другіе до него высказывали и что, въ голосъ, говорятъ сами туземцы.

Многое изъ того, что я привелъ выше, кажется очень похожимъ на правду. И, чтобы не повторять одного и того же, скажемъ: римская жизнь, въ смыслѣ столичнаго оживленія и рессурсовъ общества—не можетъ тягаться не только съ Парижемъ или Лондономъ, но даже, во многомъ, съ Берлиномъ и съ Петербургомъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что русскія семьи, попавъ сюда на всю зиму, скоро начинаютъ тосковать и повторяютъ на разные лады, что у себя, въ Петербургѣ, онѣ имѣли бы неизмѣримо больше всякаго рода развлеченій, и не однихъ только пустыхъ выѣздовъ и баловъ, а всякихъ лекцій, засѣданій, концертовъ, оперныхъ и драматическихъ спектаклей, на разныхъ языкахъ.

Но вѣдь въ чужомъ городѣ, да еще такомъ, какъ Римъ, надо искать совсѣмъ не того, что даетъ петербургская зима. Если вы составили разнообразную программу вашего римскаго сезона и, кромѣ *вещей*, видѣли и не мало *людей*—вы врядъ ли имѣли время много скучать.

Изъ моихъ личныхъ отношеній съ людьми всякихъ сословій, профессій, сферъ и кружковъ вынесъ я, во-первыхъ, преобладающее впечатлѣніе неизмѣнной вѣжливости, культурной обходительности жителей Рима, кто бы они ни были и куда бы вы ни пошли. Нельзя требовать непремѣнно, чтобы всѣ принимали васъ съ распростертыми объятіями. Но весьма пріятно нигдѣ не наталкиваться на безцеремонность и колкость, что очень часто приходится испытывать не то, что въ Берлинѣ, но и въ Парижѣ. Французы, въ послѣднюю четверть вѣка, особенно въ Парижѣ, стали въ массѣ гораздо менѣе вѣжливы и обходительны, чѣмъ итальянцы, и римляне, въ томъ же числѣ.

Затѣмъ, въ Римѣ, ни въ какой сферѣ, вы не чувствуете такъ слащавой приторности, прикрывающей сухость и пустоту содержанія. Нѣтъ особаго радушія, но нѣтъ и банальной трескотни ничего не стоящихъ любезностей. Тонъ разговора проще, если хотите рѣзче, горячность звука и живость жестовъ не вводятъ васъ въ обманъ.

Васъ не будутъ водить безъ надобности и не откажутъ вамъ въ услугѣ; только все это будетъ *потуже*, чѣмъ, напр., у англичанъ и воспитанныхъ нѣмцевъ. Добродушія въ интеллигенціи,—въ служебномъ, дѣловомъ мірѣ и въ свѣтѣ,—немного, того добродушія, которымъ мы, славяне, черезчуръ уже кичимся.

Русскому нельзя разсчитывать на широкое гостепріимство. Мнѣ многіе повторяли, что насъ здѣсь очень не любятъ, особенно съ абиссинской катастрофы. Умышленной сухости или желанія сказать что-нибудь непріятное я не замѣчалъ, а бывалъ во всякихъ обществахъ. *Мы для нихъ—слишкомъ чужіе.* Они насъ, до сихъ поръ, очень мало знаютъ, а, главное, весьма мало интересуются нами. Конечно, среди очень образованныхъ людей, вы встрѣтите такихъ, кто можетъ свободно говорить о Толстомъ и Достоевскомъ, но слишкомъ многаго не ждите. Гоголь для нихъ,—пустой звукъ,—я въ томъ убѣдился! И Пушкинъ—почти тоже. Вы чувствуете, что между нами и ими гораздо болѣе толстая заслонка. Но, право, лучше видѣть въ нихъ отсутствіе напускного *русофильства* парижанъ, подъ которымъ сидитъ только «реваншъ» и возгласъ: «Prenez mon ours!»

Я нѣсколько разъ испытывалъ огромную разницу въ сношеніяхъ съ ними, и съ англичанами, и всего больше съ нѣмцами. Когда мнѣ приходилось попадать въ нѣмецкое общество (а нѣмцами Римъ кишитъ), обѣдать съ молодыми художниками, учеными, писателями—сейчасъ же установится общій тонъ, образуется атмосфера одного давленія. Это отъ того, что мы связаны съ ними нашимъ ученьемъ, университетскими порядками, знаніемъ ихъ жизни, литературы, науки. А итальянцы отъ насъ еще очень далеки и тутъ нельзя сваливать всю вину на нихъ. Но русскому, любящему Италію, бываетъ дѣйствительно грустно видѣть, что здѣсь какъ бы совсѣмъ не знаютъ, что всѣ лучшія стремленія итальянцевъ, за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, находили въ русскомъ передовомъ обществѣ полнѣйшее сочувствіе. Они знаютъ точно одну офиціальную Россію и «патріотовъ», желающихъ всѣхъ покорить «подъ нози».

Въ какія я сферы ни попадалъ въ Римѣ—я вездѣ находилъ людей природно умныхъ, культурныхъ, прекрасно говорящихъ, почти всегда знающихъ по-французски. По наукамъ и творчеству вообще, Италія конца XIX вѣка—уступаетъ другимъ странамъ Европы; но не слѣдуетъ забывать, что въ ней на тридцать съ небольшимъ милліоновъ жителей—*тридцать* университетовъ. Положимъ, многіе изъ нихъ еле дышатъ, а всетаки число университетски-образованныхъ людей—сравнительно не малое. Да и вся вѣковая культура этой страны просачивается еще до сихъ поръ.

Перебирая въ памяти моей встрѣчи, знакомства и сношенія всякаго рода я не могу жаловаться на тѣхъ, къ кому имѣлъ поводъ обращаться, съ той оговоркой, что при общихъ свойствахъ итальянцевъ и складѣ ихъ жизни, надо было довольствоваться меньшимъ, чѣмъ въ другой странѣ и въ другой столицѣ.

Вмѣсто обобщеній, я приведу здѣсь отдѣльные эпизоды изъ моихъ экскурсій, отмѣчая знакомства съ выдающимися личностями.

Въ интеллигенціи, — среди профессоровъ, писателей, журналистовъ и художниковъ, — я познакомился не съ однимъ десяткомъ итальянцевъ, постоянно живущихъ въ Римѣ.

Изъ университетскихъ профессоровъ одинъ оказался моимъ старымъ знакомымъ по Флоренціи. У его жены бываютъ пріемы днемъ, каждую недѣлю. Тамъ я всегда находилъ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ (какъ во всѣхъ гостиныхъ Рима отъ 5-ти до 7-ми), и въ этой гостиной иностранецъ можетъ встрѣчать болѣе серьезное общество, интересующееся не одними слухами и сплетнями. Въ этомъ домѣ, при мнѣ, чествовали за обѣдомъ критика Брандеса, пріѣзжавшаго въ Римъ уже не въ первый разъ. На обѣдѣ было нѣсколько сенаторовъ, что въ Италіи, какъ извѣстно, совсѣмъ не обозначаетъ судебныхъ чиновниковъ и даже не политическихъ только представителей, а больше людей, сдѣлавшихъ себѣ имя въ наукѣ, преподаваніи, искусствѣ, литературѣ. Тутъ я, между прочимъ, познакомился и съ скульпторомъ Монтеверде.

Сѣли мы поздно, потому что хозяева просили подождать Кардуччи—маститаго поэта Италіи. Онъ часто бывалъ въ Римѣ; но мнѣ еще не случилось съ нимъ встрѣтиться; а когда я проѣзжалъ Болоньей, гдѣ онъ читаетъ въ университетѣ—его не было. Поджидая его, гости пересмѣивались между собою. Отъ хозяевъ они узнали, что поэтъ поѣхалъ утромъ въ Альбано или Фраскати, а Castelli Romani славятся своими дешевыми и довольно-таки забористыми винами, особенно Фраскати. Ни для кого не тайна по всей Италіи, что Кардуччи—поклонникъ Бахуса, и въ такихъ размѣрахъ, что это вошло чуть не въ пословицу. Итальянцы скорѣе трезвый народъ, и встрѣтить сильно пьянаго—не легко, даже и въ Римѣ, гдѣ буквально каждые двадцать шаговъ—остерія или трактиръ съ продажею этого самаго «Vino di Castelli». Популярнѣйшій поэтъ Италіи—свой человѣкъ и у королевы въ Квириналѣ, и у тѣхъ римскихъ матронъ, которыя собираютъ у себя знаменитостей. И тамъ ему непремѣнно ставятъ бутылку краснаго, и каждый вечеръ онъ неизмѣнно веселъ. При общей трезвости или привычкѣ къ виноградному вину—какъ хотите—такая нѣмецко-славянская слабость Кардуччи—предметъ постоянныхъ, но

добродушныхъ шутокъ. Такъ и тутъ, ждали его въ очень веселомъ настроеніи, зная впередъ, что онъ явится уже «на взводѣ». Но прошелъ часъ прихода послѣдняго поѣзда. Кардуччи нѣтъ и въ восемь часовъ. Тогда сѣли за столъ и не сразу прекратился разговоръ о немъ. Такъ мнѣ и не привелось его видѣть.

Чествованіе Брандеса на этомъ обѣдѣ, послѣ котораго пришла и депутація студентовъ и поднесла критику адресъ—показывало, что его достаточно знаютъ и цѣнятъ, по крайней мѣрѣ въ университетской и литературной сферахъ. Но французовъ всетаки знаютъ гораздо больше, и когда Брюнетьеръ или виконтъ Мельхіоръ де-Вогюэ заѣдутъ въ Римъ (Брюнетьеръ былъ въ началѣ сезона), то въ свѣтскихъ, особенно *черныхъ*, салонахъ съ ними носятся. И тотъ, и другой заигрываютъ съ Ватиканомъ и проповѣдуютъ возрожденіе католичества. Та среда, гдѣ я познакомился съ Брандесомъ, совсѣмъ другая: либеральная въ политикѣ, патріотическая и свободомыслящая.

Въ ней всего удобнѣе было знакомиться и съ «свѣтилами» науки. Но свѣтилъ въ Римѣ немного. Есть очень почтенныя имена на разныхъ спеціальностяхъ: археологи, историки литературы, натуралисты, члены медицинскаго факультета. Но напримѣръ, писателя-историка съ репутаціей старика Вилляри въ Римѣ что-то нѣтъ. Онъ, если хотите, сенаторъ и даже вице-президентъ сената—стало принадлежитъ столицѣ; но почти никогда не живетъ въ Римѣ, а сидитъ постоянно въ своемъ виллино, во Флоренціи.

Отъ него получилъ я нѣсколько рекомендацій къ людямъ, выдающимся по своей интеллигенціи—сенаторамъ изъ ученыхъ и публицистамъ, стоящимъ на виду, масонамъ, свѣтскимъ людямъ изъ дворянскаго круга, занимающимся наукой. Всѣ эти люди серьезные, по-своему интересные; но живутъ они плохо, нѣкоторые очень заняты, если принимаютъ, то небольшой кружокъ. Самые талантливые лекторы въ *Сапіенцѣ* тѣ, о которыхъ я уже упоминалъ, съ прибавкою профессора Вентури, читающаго исторію живописи. Онъ недавно ѣздилъ въ Россію изучать нашъ Эрмитажъ, музеи и частныя коллекціи Петербурга и Москвы. Въ свѣтскихъ салонахъ и въ гостиныхъ средняго общества профессоровъ вы видите гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, въ нашихъ столицахъ, хотя университетскія лекціи мало интересуютъ публику, имѣющую вездѣ свободный доступъ. Дамы ѣздятъ на чтенія въ Collegio Romano, потому что тамъ бываетъ королева и туда приглашаются часто писатели съ репутаціей.

Писателей, сколько-нибудь крупныхъ, вы долго поищете въ Римѣ. Я старался знакомиться съ персоналомъ извѣстностей и съ кружками молодыхъ людей, стремящихся образовать новую школу. Въ Ри-

мѣ не живутъ тѣ романисты и драматурги, какихъ знаютъ за границей и у насъ. Римъ—совсѣмъ не центръ изящной литературы. Даже любимецъ парижскаго общества, увлекающій и нашихъ читателей, Габріэле д'Аннунціо — только тогда сталъ подольше оставаться въ столицѣ, какъ попалъ въ депутаты.

Съ нимъ меня познакомилъ одинъ изъ его ближайшихъ пріятелей, издававшій нѣсколько лѣтъ періодическій литературно-художественный сборникъ: «Convito»—де-Бозисъ—переводчикъ Шелли и греческихъ трагиковъ, самый убѣжденный защитникъ новыхъ идей, расширенія области литературы въ сторону, если не декадентства, то символизма и *идейнаго* творчества. Къ сторонникамъ этой школы и почитателямъ д'Аннунціо принадлежитъ и молодой писатель Ojetti, желающій создать себѣ имя и какъ критикъ, и какъ беллетристъ. Онъ природный римлянинъ, началъ съ портретовъ современныхъ итальянскихъ писателей и поддерживалъ полемику съ представителемъ школы реалистовъ—старикомъ Капуàна, романистомъ школы Золя и критикомъ того же направленія. Такихъ романистовъ въ Италіи зовутъ *веристами*.

Д'Аннунціо и Капуана судьба свела въ Римѣ точно затѣмъ, чтобы представить въ образѣ живыхъ писателей два лагеря: одинъ съ знаменемъ субъективнаго искусства, на подкладкѣ чувственнаго спиритуализма; другой—съ лозунгомъ трезвой художественной объективности, не льстящей ни моднымъ увлеченіямъ, ни извращеннымъ инстинктамъ всякихъ неврастениковъ и психопатовъ духа и плоти.

И личности этихъ писателей двухъ эпохъ и направленій очень похожи на ихъ произведенія.

Д'Аннунціо—литературный фешенебль, долго слывшій за опаснаго мужчину, въ жизни котораго было и будетъ много романовъ. Наружность его красивенькая, но испорченная фатоватыми усами, прической и всей манерой держаться—еще очень моложавый, кромѣ сильно порѣдѣвшихъ волосъ на лбу. Онъ небольшого роста, русый, всегда улыбающійся, говоритъ тихо, почти безъ жестовъ и безъ той энергіи и простоты, какая есть у большинства итальянцевъ. Обхожденіе его—вѣжливо-суховатое. Онъ очень избалованъ своей «всемірной» репутаціей, особенно тогда, послѣ пріема, какой ему сдѣлали въ Парижѣ, куда онъ ѣздилъ ставить свою пьесу «Мертвый городъ». Пьеса успѣха не имѣла; но автора ея «фетировали», какъ бы въ пику всѣмъ тѣмъ итальянцамъ, которые не любятъ д'Аннунціо. Въ Парижѣ теперь всѣ, въ свѣтѣ и въ академическихъ салонахъ, въ *Figaro* и въ кружкахъ декадентской молодежи сочувствуютъ всякой охранительной фразѣ и рисовкѣ; а д'Аннунціо и въ депутаты пошелъ съ желаніемъ

засѣдать среди крайней правой. Въ Римѣ имъ занимаются вездѣ—и въ прессѣ, и въ салонахъ; *но не любятъ его.* Къ нему относятся съ явной брезгливостью, не столько къ писателю, сколько къ частному человѣку. Большинство критиковъ и рецензентовъ не признаютъ его. Въ прессѣ злорадно ликовали, когда получились депеши и корреспонденціи изъ Парижа о томъ, что его «Мертвый городъ» показался парижской публикѣ скучной, если не совсѣмъ нелѣпой вещью.

Ни у кого вѣдь нѣтъ безусловнаго мѣрила въ дѣлѣ творчества и художественнаго совершенства. Я не стану здѣсь ни оспаривать таланта д'Аннунціо, ни восторгаться имъ. Его писательское «profession de foi» можетъ еще нѣсколько разъ измѣниться. То, что онъ дѣлаетъ изъ своего таланта, во всякомъ случаѣ, достойно и другого употребленія. Всякій любящій правду въ творчествѣ не станетъ въ ряды поклонниковъ этого «льва» современной европейской беллетристики.

Его антиподъ—Капуана, постоянно живущій въ Римѣ, быть можетъ и не пойдетъ уже дальше въ своей работѣ романиста; но, какъ критикъ, онъ стоитъ на прочной почвѣ. Въ своей книжкѣ о разныхъ «измахъ» современной литературы онъ высказалъ нѣсколько чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній о романахъ д'Аннунціо, о вліяніи на него Достоевскаго, Толстого, француза Вилье де-Лиль-Аданъ и даже пресловутаго Саръ Пеладана.

Капуана, имѣвшій довольно крупный успѣхъ и какъ повѣствователь, и какъ драматургъ, живетъ теперь очень скромно; его мало знаютъ и въ Римѣ. Онъ южанинъ, сѣдой старикъ, ласковый и радушный, не огорченный и не слащавый, охотно вступающій съ вами въ бесѣду, и гораздо менѣе о себѣ, чѣмъ о своихъ молодыхъ сверстникахъ, о школѣ символистовъ, о тѣхъ молодыхъ критикахъ, которые съ нимъ воюютъ.

Въ ихъ рядахъ, впереди многихъ—Ойетти. Черезъ одного изъ его пріятелей я попалъ и къ Капуана. Старикъ говоритъ о ихъ нападкахъ на его взгляды просто, безъ раздраженія, тихо и съ твердымъ убѣжденіемъ въ преимуществахъ хорошаго творческаго реализма. Не желая ему поддакивать, я—въ тѣ бесѣды, какія имѣлъ съ нимъ—соглашался со всѣми его доводами.

Живетъ онъ одинъ, въ небольшой чистенькой квартиркѣ, и пишетъ полегоньку, не гоняясь за громкимъ успѣхомъ.

Я мало видалъ на своемъ вѣку пожилыхъ писателей, такъ честно и достойно доживающихъ свой вѣкъ, не бросая пера. Капуана читаетъ эстетику на римскихъ высшихъ курсахъ для молодыхъ женщинъ—учрежденіи вродѣ нашего петербургскаго.

Его противникъ по литературнымъ принципамъ и идеямъ—Ойетти, когда былъ еще репортеромъ, составилъ очень интересную книжку съ «интервью» у всѣхъ извѣстныхъ писателей Италіи, и въ этой коллекціи Капуана—едва ли не самый симпатичный старый боецъ *веризма*.

Молодыхъ людей кружка «Convito» я видалъ довольно часто. Ихъ еще мало и они постоянно жалуются на то, что въ Римѣ нѣтъ литературнаго «ambiente», то-есть по нашему «среды». Они пописываютъ въ журналахъ и газетахъ, но считаютъ преобладающій складъ всего, что появляется въ беллетристикѣ и критикѣ, отжившимъ, рутиннымъ, тенденціознымъ. Они равнодушны къ политикѣ и общественнымъ нуждамъ, о соціализмѣ говорятъ съ брезгливой миной, однако, не всѣ: опять тотъ же Ойетти, несмотря на защиту «д'аннунціады», стоитъ за необходимость коренныхъ реформъ. Въ тѣхъ салонахъ, гдѣ бываютъ старыя извѣстности, они не любятъ показываться. Къ такимъ «столпамъ» поэзіи, какъ Кардуччи и его поэтикѣ, взглядамъ и приговорамъ они относятся весьма отрицательно. Кардуччи когда-то пустилъ въ ходъ стихотворенія д'Аннунціо, а теперь не выноситъ его всесвѣтной славы.

Редакціи газетъ и журналовъ не играютъ въ Римѣ роли литературныхъ салоновъ. Теперешній издатель самаго лучшаго еженедѣльнаго обозрѣнія *Nuova Antologia*, бывшій министръ, теперь депутатъ, долго жившій въ Германіи и Англіи, серьезный и разносторонне образованный публицистъ, не держитъ салона. Онъ принималъ даже не въ помѣщеніи журнала, а въ библіотечной залѣ палаты.

Куда я попадалъ въ редакціи—я находилъ тѣсноватые кабинеты редакторовъ и обычную спѣшную работу. Про что-нибудь похожее на пріемы парижскихъ богатыхъ газетъ—здѣсь и не слышно. Своимъ клубомъ «Stampa» пишущая братія Рима совсѣмъ не пользуется и свободные часы проводитъ въ кафе. Вообще пресса въ Римѣ еще не добилась почетнаго положенія. Средства газеты какъ Миланское *Secolo* врядъ имѣетъ хотъ одна римская. Соціалисты крайняго лагеря издаютъ *Avanti*. *Tribuna* играетъ ту роль, что въ Парижѣ *Figaro*. Есть и демократическій листокъ—въ рукахъ всѣхъ извозчиковъ и факкино. Литературнѣе издается *Донъ-Кихотъ*—одна изъ тѣхъ римскихъ газетъ, которыя послѣ паденія Криспи быстро превратились въ органы, занимающіеся травлей эксъ-диктатора. Выдающихся именъ въ римской прессѣ мало, заработки не могутъ быть такіе, какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, даже Петербургѣ. И въ обществѣ представители ежедневной прессы не играютъ роли. Очень рѣдко видите вы ихъ въ тѣхъ гостиныхъ, гдѣ принимаютъ интеллигенцію. Сбли-

жаться съ этой средой иностранцу, даже при его искреннемъ желаніи—вовсе не легко, потому что нѣтъ центровъ, нѣтъ «ambiente», беря опять это всеобъемлющее итальянское слово.

Теперь пойдемте въ два-три дома изъ тѣхъ, гдѣ постоянно принимаютъ. Возьму одинъ домъ изъ круга высшей администраціи и представительства, съ прибавкою учено-литературныхъ элементовъ. Хозяинъ—очень старый человѣкъ, титулованный, изъ хорошаго провинціальнаго дворянства, но небогатый, женатъ на женщинѣ средняго круга, очень бойкой и рѣчистой. Они принимаютъ каждую недѣлю, по вечерамъ, и въ тотъ же день у нихъ бываютъ званые обѣды. Хозяинъ—бывшій министръ, патріотъ, преданный династіи, либеральный, еще очень свѣжій умомъ, несмотря на свой преклонный возрастъ. За обѣдомъ вы непремѣнно познакомитесь съ парой министровъ и нѣсколькими сенаторами и депутатами. Вечеромъ бываютъ профессора, пожилые военные, редакторы, заслуженные артисты. Свѣтскихъ дамъ—мало. Всегда какая-нибудь писательница или женщина, участвующая въ общественной жизни. И за обѣдомъ, и вечеромъ разговоръ шумный, иногда даже очень шумный, несмолкаемый; общій тонъ непринужденный, съ буржуазнымъ оттѣнкомъ. Хозяйка своимъ темпераментомъ держитъ высокую температуру бесѣды. Обѣдъ—сытный, безъ тонкостей сервировки. Комнаты съ приличной отдѣлкой, но безъ барскаго пошиба старыхъ палаццо. И вечеромъ, вмѣсто aqua Marcia или aqua Felice—въ столовой чай, пуншъ, вино, сладости. Расходятся—послѣ одиннадцати, какъ вездѣ въ Римѣ, съ простыхъ вечеровъ. Для иностранца, желающаго знать серьезный Римъ, такіе дома полезнѣе, чѣмъ тѣ салоны, гдѣ бываетъ болѣе блестящій «мондъ», на половину состоящій изъ иностранцевъ.

Всякому, кто будетъ интересоваться въ Римѣ умными салонами навѣрно укажутъ два самыхъ извѣстныхъ.

Хозяйка одного—жена титулованнаго сенатора, не изъ римской аристократіи, но стариннаго дворянства, съ репутаціей очень образованнаго, даже ученаго человѣка. Но онъ не бываетъ на пріемахъ своей супруги, на ея пятичасовомъ «чаѣ». Она считается самою развитою свѣтской женщиной, любитъ на своихъ пріемахъ вести бойкія бесѣды на всякія темы, даже экономическія, занимается благотворительностью, пишетъ брошюры, распространяетъ въ народѣ евангеліе на итальянскомъ языкѣ, что до сихъ поръ не въ особенномъ ходу у тѣхъ, кто считаетъ себя добрыми католиками. Пріемы—въ барскихъ покояхъ одного изъ самыхъ старыхъ палаццо. Вы на этихъ five o'clock'ахъ увидите и разныхъ дуковъ и принчипе, и дамъ благотворительницъ, сенаторовъ, депутатовъ, а въ особенности иностран-

ную колонію, особенно англичанокъ и американокъ. Разговоръ ведетъ хозяйка на трехъ языкахъ, говоритъ обо всемъ, горячо отстаиваетъ свои взгляды, au courant всего, что пишется въ Европѣ, защищаетъ романы, даже пьесы д'Аннунціо, одна изъ страстныхъ почитательницъ Дузе—и во время ея спектаклей разговоръ объ этихъ двухъ итальянскихъ знаменитостяхъ былъ неизбѣженъ.

Второй умный салонъ—болѣе установившійся и авторитетный. Каждаго пріѣзжаго въ Римѣ иностранца съ репутаціей въ литературѣ и наукѣ—туда везутъ. Хозяйка—вдова, изъ герцогской фамиліи, сама титулованная, съ остатками большого благообразія, при двухъ дочеряхъ. По вечерамъ она *постоянно* дома. Это—старая традиція римскихъ барскихъ домовъ. Больше къ ней ѣздятъ въ извѣстные дни недѣли; но она принимаетъ всякій вечеръ къ девяти. Въ Римѣ собираются гораздо раньше, чѣмъ въ Петербургѣ. Эта дама живетъ въ собственномъ старинномъ домѣ. Прислуга старая, передняя въ старомъ вкусѣ, обширная. Двѣ гостиныхъ, но сидятъ и стоятъ во второй. Вообще, на многолюдныхъ пріемахъ въ Римѣ, въ обычаѣ стоять, группами по цѣлымъ вечерамъ, что русскіе считаютъ очень утомительнымъ. По воскресеньямъ и четвергамъ—больше народу. Дамъ мало, пять-шесть, и мало замѣтныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, болѣе молодыхъ и изящныхъ иностранокъ. Мужчины—интеллигенція: старые археологи (хозяйка сама занимается римскими древностями), поэтъ Кардуччи, когда пріѣзжаетъ въ Римъ, профессора, иностранные писатели и даже корреспонденты, старые сенаторы изъ ученыхъ и художниковъ, молодые люди изъ стариннаго римскаго дворянства, особенно тѣ, кто интересуется искусствомъ или что-нибудь пописываетъ. Словомъ, «сборъ всѣмъ частямъ», какъ острятъ въ Петербургѣ, говоря о гостиныхъ въ такомъ вкусѣ. Но у насъ, ни въ старой, ни въ новой столицѣ *нѣтъ такой гостиной, въ высшемъ свѣтѣ*. Прежде бывали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, а теперь не водятся.

Общій разговоръ въ этомъ салонѣ завязывается рѣдко, больше въ отдѣльныхъ группахъ. Кто ищетъ блеска, туалетовъ, веселой болтовни—тому покажется здѣсь слишкомъ серьезно. Зато всякій трудовой человѣкъ съ репутаціей, котораго представятъ хозяйкѣ, свой или, иностранецъ—можетъ являться и не во фракѣ, при бѣломъ галстукѣ, а въ суртукѣ и даже въ визиткѣ, чѣмъ нѣкоторые, особенно заѣзжіе нѣмцы, и пользуются. Угощенія въ этихъ тихихъ покояхъ почти никогда не бываетъ.

Чисто свѣтскихъ салоновъ, въ разгарѣ сезона—сотни и стоитъ только впрячь себя въ хомутъ дѣланья визитовъ—каждый день, къ пяти часамъ, вы будете дѣлать концы по Риму—на пріемы съ чашкой

чаю. Вечерніе пріемы въ римскихъ старыхъ домахъ,—по общему отзыву,—стали нынче рѣдки. О такихъ балахъ, какъ въ былое время у Торлонья и другихъ очень богатыхъ людей—совсѣмъ не слышно. Оживляется свѣтская жизнь не римлянами, а иностранцами. И балы, и обѣды задаютъ почти всегда американскія фамиліи. Рауты и «ricevimenti», гдѣ вы увидите такъ называемые «сливки» общества—всего чаще у дипломатовъ, если они женаты и «держатъ салонъ».

Высидите вы два часа на любомъ дообѣденномъ пріемѣ, даже въ итальянскомъ домѣ и считайте про себя тѣхъ, кто входитъ—мужчинъ и женщинъ; навѣрно вторыхъ будетъ больше, чѣмъ первыхъ. Мужчины, — и штатскіе, и военные, — гораздо меньше посѣщаютъ такіе пріемы, чѣмъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ. А изъ дамъ двѣ трети окажутся иностранками англо-саксонской и славянской расъ. Француженокъ меньше всего въ римскомъ космополисѣ.

Тому, кто желаетъ сколько-нибудь изучить общество, надо бывать вездѣ. И на вопросъ, какой вамъ часто задаютъ русскіе передъ вашимъ отъѣздомъ:

— Скажите откровенно: развѣ васъ тянуло здѣсь бывать въ однихъ и тѣхъ же гостиныхъ?—отвѣчать приходится такъ:

Въ свѣтской жизни Рима, какъ итальянскаго города, нѣтъ той привлекательности, какую находятъ въ Парижѣ и Лондонѣ, блеска и живости французовъ и широкаго гостепріимства англичанъ, даже и въ буржуазіи. Въ женщинахъ больше красоты, чѣмъ граціи, нѣтъ обаятельной красивости англичанокъ и экспансивной живости умной и развитой русской. Но всетаки почти во всѣхъ чувствуется раса. Онѣ не изломаны, какъ парижанки; а когда горделивы, то ужъ на римскій ладъ. Но такія *принчипессы* почти и не ѣздятъ въ теперешній свѣтъ; онѣ принадлежатъ фамиліямъ, оставшимся вѣрными Ватикану.

Мужчины, въ общемъ, красивѣе, барственнѣе и образованнѣе женщинъ, сказалъ бы я, еслибъ не боялся обобщать. Всѣ тѣ знатные римляне, съ какими я встрѣчался, были люди тонкіе, много ѣзжавшіе, начитанные, съ тѣмъ оттѣнкомъ наслѣдственной независимости, какая замѣчается только у англійскихъ лордовъ.

На строгій аршинъ иностранца, избалованнаго лондонскимъ *сѣзономъ* и парижскимъ сезономъ—въ римскихъ гостиныхъ, пожалуй, и очень не много притягательнаго. Мнѣ что-то совсѣмъ не попадались такіе *форестьеры*, кто бы, какъ бывало Стендаль, восторгались всѣмъ въ итальянскомъ обществѣ, а превыше всего женщинами.

Но послѣ Рима, его палаццо съ фамильными галлереями, старинныхъ гостиныхъ, пріемовъ, въ извѣстномъ тонѣ, выправки прислуги,

сотни подробностей культуры, отъ которой пошло на всю Европу умѣнье красиво и барственно жить,—вамъ и самые роскошные свѣтскіе дома Парижа покажутся чѣмъ-то слишкомъ *растаквэрскимъ*,—употребляя уже избитый жаргонный терминъ. Это все равно, что впечатлѣніе отъ Парижа послѣ Лондона. Онъ вамъ непремѣнно покажется мелкимъ, несмотря на претензію быть первой «столицей міра».

А ужъ не въ обиду будь сказано намъ, русскимъ,—послѣ римскихъ домовъ и гостиныхъ,—наша комнатная элегантность будетъ отзывать магазиномъ Кумберга, за самыми небольшими исключеніями. Но и въ чертогахъ нашихъ баръ и богачей нѣтъ наслоеній вѣковой культуры и культа красоты, того стиля, который вырабатывался тутъ же, на мѣстѣ, а не сдѣланъ по заказу.

А языкъ? Развѣ итальянская рѣчь, да еще «in bocca romana»—не придаетъ изящества, музыкальности и вѣскости каждому разговору, даже не очень занимательному? Приходится пожалѣть лишь о томъ, что нынче въ Римѣ,—и въ свѣтѣ, и въ буржуазіи,—слишкомъ многіе знаютъ иностранные языки и балуютъ форестьеровъ и въ своихъ гостиныхъ, и въ гостяхъ, черезчуръ охотно говоря и по-французски, и по-англійски. Это удобно для иностранцевъ; но лишаетъ римскую гостиную ея главной прелести.

П. Боборыкинъ.

EUTHANASYA.

Севера.

(Переводъ съ польскаго).

I.

Звѣзды одна за другою загорались на темномъ сафирѣ неба, вѣтеръ утихъ, волны озера, мало-по-малу усмиряясь, легко и ласково ударяли о каменистый берегъ.

Изъ-за вершинъ Альпъ показалась луна, серебря бѣлые снѣга, зеленые пригорки и голубыя воды. Разбросанные по берегу виллы и деревянные домики отражались въ водѣ.

На террасѣ, обвитой виноградомъ и плющомъ, углубившись въ кресло и закутавшись въ шаль, сидѣла молодая дѣвушка. Ея темные глаза вглядывались въ воды озера, въ бѣлыя облачка, блуждавшія по небу, и лунные лучи, набрасывавшіе на нее радугу мягкихъ красокъ. Она вслушивалась въ музыку вечера, которая слагалась изъ плеска воды, бьющейся о берегъ, изъ жужжанья насѣкомыхъ и неясныхъ, едва слышныхъ звуковъ, наплывающихъ съ юга. Голову она прислонила къ спинкѣ кресла, пульсъ ея тревожно бился, сердце дрожало, а по ея тѣлу отъ времени до времени пробѣгала дрожь, возбуждая неопредѣленную жалость и грусть.

Длинные, протяжные оклики рыбаковъ доносились съ противоположнаго берега, отражались отъ поверхности воды, разливались въ воздухѣ и смолкали.

Взглядъ молодой дѣвушки рвался къ этимъ чарамъ природы, слухъ жадно ловилъ всѣ голоса, а мысли летѣли за предѣлы міра и снова возвращались на землю,—и была она полна тоски и неясныхъ желаній.

Дверь, ведущая на террасу, слегка пріотворилась. Старушка, освѣщенная свѣтомъ лампы, горящей въ сосѣдней комнатѣ, торопливо подошла къ дѣвушкѣ и безпокойно приложила руку къ ея лбу.

Дѣвушка отклонила руку матери и нѣжно прижала ее къ себѣ.

— Мнѣ хорошо,—прошептала она, боясь, чтобъ ей не приказали уйти.—Тепло, тихо, весна чаруетъ своимъ благоуханіемъ и свѣжестью молодости. Здѣсь такъ хорошо, мама, что хочется расплыться въ бѣломъ туманѣ и подняться на лунныхъ лучахъ по синему эѳиру прямо къ небу.

И она весело прибавила:

— Ну, что-жъ, мама приказываетъ жить, значитъ нужно жить, любить и страдать. Мама приказываетъ идти замужъ,—нужно искать мужа, и, отыскивая его, избѣгать холода и жара, избѣгать волненій, не сердиться, не плакать, хотя мужъ, можетъ быть, и не отыщется.

Мать наклонилась и поцѣловала ее въ лобъ.

— Только ты-то была бы здорова,—хотѣла сказать она, но не сказала. Она боялась громко высказать причину своихъ опасеній.

Дѣвушка, должно быть, отгадала мысль матери и продолжала:

— Здѣсь такъ уютно и намъ живется такъ хорошо, что мы ни чѣмъ другимъ не интересуемся. Ничѣмъ, мама; мы наслаждаемся чарами весны, самими собою, лучами луны, радугами, мерцающими на бѣлыхъ тучахъ, и красотою горъ, покрытыхъ снѣгомъ. Какъ тамъ должно быть холодно и страшно, какіе вихри тамъ воютъ, а кажется, что это такъ близко, тихо и ясно. Кажется, что тамъ царитъ вѣчная весна смерти. Какая-то сила притягиваетъ на эти высоты и еслибъ у меня хватило настолько отваги...

Она не докончила. Звукъ шаговъ и красные огоньки привлекли вниманіе женщинъ. Шаги и красный свѣтъ все приближались и приближались. На заворотѣ дороги показался горецъ, державшій въ рукахъ факелъ. За нимъ мѣрно шествовали четверо его товарищей и несли на плечахъ носилки, связанныя изъ вѣтвей. На носилкахъ лежалъ человѣкъ, покрытый буркой. Красноватые лучи факела бросали свѣтъ на его блѣдное лицо, закрытые глаза и золотистые волосы. Теперь процессія поравнялась съ террасой. Испуганная дѣвушка встала съ мѣста, прижалась къ матери и не спускала глазъ съ необычнаго зрѣлища.

— Мертвый,—прошептала она. Въ голосѣ ея чувствовалась жалость и тревога.

— Только не волнуйся, дитя мое.

Она не слышала просьбы матери и все всматривалась въ лицо молодого человѣка.

Процессія остановилась передъ террасою, проводникъ отдалъ факелъ одному изъ своихъ спутниковъ.

— Это онъ, мама.

— Кто?

— Молодой человѣкъ, который два дня живетъ въ этомъ домѣ.

— Ты видѣла его?

— Видѣла.

Прибѣжала хозяйка и въ ужасѣ остановилась надъ своимъ постояльцемъ.

— Живъ онъ?—спросила дѣвушка, наклоняясь черезъ балюстраду террасы.

— Не знаю,—отвѣтилъ горецъ,—часъ тому назадъ былъ живъ.

По данному знаку носильщики сняли съ плечъ свою ношу. Молодой человѣкъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на окружающихъ людей какъ на сонныя видѣнія, и рѣсницы его снова сомкнулись, какъ будто не могли вынести собственной тяжести.

— Живъ!—крикнули мать и дочь.

— Живъ!—повторилъ проводникъ, а за нимъ и носильщики.

Хозяйка обратилась къ матери и дочери:

— Благодареніе Богу,—сказала она и, собирая энергію, начала распоряжаться.—Несите бѣдняжку туда, кверху, да осторожнѣй. Послать за докторомъ.

Носильщики подняли носилки, проводникъ свѣтилъ факеломъ, и процессія исчезла за стѣнами дома.

Мать и дочь смотрѣли и слушали. Отблескъ огня показывалъ дорогу шествія.

Въ окнахъ перваго этажа сдѣлалось свѣтло. Было видно, какъ по комнатѣ снуютъ тѣни передвигающихся людей. Горцы вскорѣ возвратились назадъ. За ними шелъ проводникъ. Женщины невольно приблизились къ нему. Онъ остановился.

— Тяжелый случай,—заговорилъ онъ, опираясь о каменную балюстраду.—Тяжелый случай, всего въ третій разъ въ моей жизни. Мы предприняли трехдневную экспедицію. Человѣкъ добрый, отважный, сердечный, какъ всякій полякъ.

— Полякъ?—переспросили мать и дочь.

— Да, мы подружились.

— Что же именно случилось?—неспокойно перебила дѣвушка.

— Кто же зналъ, что на высотѣ восьми тысячъ футовъ у него закружится голова и кровь пойдетъ горломъ. Онъ упалъ и страшно разбился.

Проводникъ дотронулся рукой до шляпы и ушелъ.

— Мама, пойдемъ туда,—говорила взволнованная дѣвушка, стискивая руку матери.—Полякъ... одинъ... наша обязанность быть возлѣ него. На чужбинѣ мы всѣ—одна семья.

— Хорошо, но это завтра, дитя мое. Сегодня ты изнервничалась и утомилась.

— Мама, онъ одинъ, безъ призора. Смотри, ужъ ни одна тѣнь не двигается по его комнатѣ, возлѣ него никого нѣтъ. Что бы ты сказала о людяхъ, еслибъ подобное несчастіе случилось со мною и всѣ покинули меня?

— Хорошо, пойдемъ, но только тогда, когда придетъ докторъ. А пока поди въ комнаты, отдохни,—упрашивала мать, подводя дочь къ открытой двери.

Дѣвушка, расхаживая по освѣщенной гостиной, сбросила съ плечей шаль. Ея стройная фигура, темные волосы, большіе глаза, свѣтившіеся необычнымъ блескомъ, и безпокойныя движенія обличали ея энергію и разстроенные нервы.

Она закашлялась, мать посмотрѣла на нее испуганными глазами.

Дѣвушка не обратила вниманія на это, охваченная мыслью о помощи пострадавшему.

— Отчего докторъ такъ долго не приходитъ!—нетерпѣливо воскликнула она.

— Придетъ, придетъ,—успокоивала ее мать.—Сядь, отдохни.

— Мама, я вовсе не уморилась. Жизнь была бы ужасною тяжестью, если бы нужно было заботиться только о поддержаніи ея. Жить, какъ автоматъ, безъ волненій, безъ радости, безъ желаній, потому, что на тебя два раза въ день нападаетъ кашель, стоитъ ли это?—проговорила она рѣшительнымъ тономъ.

Но потомъ ей стало жалко матери, она подбѣжала и поцѣловала ее.

— Не бойся за свою любимицу,—весело заговорила она—ничего ей не будетъ.—Въ эту минуту я чувствую въ себѣ столько силы, что взялась бы переплыть озеро и дойти пѣшкомъ до Вэвэ.

Она задумалась и прибавила:

— А этотъ бѣднякъ все одинъ въ своей комнатѣ.

— Ты видѣла его?—спросила мать, стараясь быть спокойной.

— Только одинъ разъ во время его пріѣзда. Я не думала, что онъ полякъ, и тогда онъ меня мало интересовалъ.

— А сейчасъ интересуетъ?

Дѣвушка слегка покраснѣла.

— Насъ интересуетъ его участь. Мама, вѣдь мы не эгоистки, и не потому хотимъ ухаживать за нимъ, что онъ насъ интересуетъ. Правда? Вѣдь не для того?

Стукъ колесъ кабріолета прервалъ разговоръ. Дѣвушка подбѣжала къ окну.

— Докторъ... наконецъ...

— Подождемъ минуту,—успокоивала мать, дадимъ ему время осмотрѣть больного.

Въ домѣ поднялось движеніе, торопливый говоръ и отрывистый шепотъ. Дѣвушка вслушивалась съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Пойдемъ,—наконецъ, рѣшительно сказала она.

Мать не имѣла силы протестовать.

— Дитя мое, меньше экзальтаціи и побольше спокойствія.

— Мама, отчего не больше экзальтаціи и поменьше спокойствія?

Она улыбнулась и тихо начала спускаться по лѣстницѣ; мать послѣдовала за ней.

Двери были открыты. Хозяйка, серьезная и задумчивая, стояла возлѣ постели больного, докторъ держалъ его за руку и считалъ пульсъ. Молодой человѣкъ лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ; на блѣдномъ его лицѣ выступали капли пота.

— Ну, что,—прошептала дѣвушка, подходя на цыпочкахъ, надежда?

— Положеніе угрожающее,—также тихо отвѣчалъ докторъ.— Больной требуетъ большой заботливости и ухода.

— Я готова,—дѣвушка сбросила съ плечъ шаль.—Приказывайте, что мнѣ дѣлать.

— Вы, всю ночь, и одна?—докторъ вопрошающе посмотрѣлъ на мать.

Мать движеніемъ головы и взглядомъ просила его дать отрицательный отвѣтъ.

— Это невозможно, помочь вы мало поможете, а силы свои надорвете.

— Значитъ, у меня настолько мало силъ, что я не могу подать больному лѣкарство или стаканъ воды? Это ужасно,—она перенесла взглядъ съ доктора на мать.

— Вопросъ не въ томъ, но безсонная ночь...—объяснялъ докторъ.

— У меня остается день.

— Дни принадлежатъ вамъ.

— Съ завтрашняго дня я буду принадлежать больному. Этотъ человѣкъ—нашъ соотечественникъ.

— Хорошо, я останусь здѣсь на ночь,—сказалъ швейцарецъ.— Есть опасеніе, что припадокъ повторится.

Мать посмотрѣла на доктора съ признательною улыбкой. Дѣвушка, задумчивая и грустная, всматривалась въ лицо молодого человѣка и прислушивалась къ его тяжелому дыханію.

Хозяйка принесла ей кресло, она сѣла. Ею овладѣвало полнѣйшее физическое изнеможеніе. Но тѣмъ не менѣе, она смотрѣла на окружающихъ съ оттѣнкомъ неудовольствія, какъ будто хотѣла сказать имъ:

— Отойдите, дайте мнѣ свободу дѣйствовать, теперь моя очередь.

Густые русые волосы больного крупными прядями падали на его прямой и широкій лобъ. Золотистая борода, усы и брови, болѣе темнаго оттѣнка, придавали его худому лицу съ тонкими чертами выраженіе меланхоліи, соединенной съ энергіей. Это въ особенности бросилось въ глаза дѣвушкѣ. Она ждала въ надеждѣ, что вотъ-вотъ онъ откроетъ глаза. Ей казалось, что отъ него исходитъ какой-то блескъ. Любопытство и зарождающееся влеченіе приковывали ее къ мѣсту.

Докторъ распахнулъ окно, лампу прикрыли темнымъ абажуромъ; въ комнату ворвался свѣжій, влажный воздухъ, а съ нимъ вмѣстѣ ласковый шумъ волнъ, бьющихся о каменистые берега, далекій грохотъ мчащагося поѣзда и удары колесъ мимоидущаго парохода.

Мать легко положила руку на плечо дѣвушки. Та очнулась и посмотрѣла на нее своими большими глазами.

Въ то же время къ ней подошелъ и докторъ.

— Пульсъ дѣлается яснѣй, лихорадка уменьшается, тревожное состояніе проходитъ, и есть надежда, что наступитъ реакція. Вы утомлены и измучены сегодняшними впечатлѣніями, подите, отдохните, я останусь здѣсь до зари.

Дѣвушка уступила просьбамъ матери и настояніямъ доктора.

II.

Солнце поднялось высоко, снѣжныя вершины горъ купались въ золотыхъ лучахъ и посылали въ долины волны охлажденнаго воздуха. Въ природѣ царила тишина, лодки у берега колыхались, точно ихъ убаюкивали ко сну, листья на деревьяхъ шевелились съ еле слышнымъ шумомъ и сейчасъ же замолкали. На небѣ ни одной заблудившейся тучки; темноголубой сводъ сливался съ вершинами Альпъ, замыкавшими горизонтъ. Молодая дѣвушка смотрѣла въ открытое окно и испытывала такое чувство, будто въ долинѣ Женевскаго озера свѣтъ и начинается, и кончается.

Шумъ въ комнатѣ заставилъ ее вздрогнуть, она повернула голову.

Больной заворочался, тяжело вздохнулъ и раскрылъ глаза.

У нея страшно забилось сердце, она не могла выговорить ни слова. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее, и глаза его не были такъ страшны, какъ при свѣтѣ факела, и не такъ свѣтились.

Онъ хотѣлъ сказать что-то. Дѣвушка пересилила минутное волненіе и первая заговорила:

— Докторъ запретилъ; ни одного слова. Потомъ, потомъ вы будете говорить долго, много, и вознаградите себя за потерянное время,— она говорила по-польски и дѣлала усилія, чтобъ улыбнуться.

Родной языкъ чудодѣйственно повліялъ на больного. Выраженіе его лица измѣнилось, на глаза набѣжали слезы.

— Я видѣлъ васъ когда-то ночью при свѣтѣ факела и понялъ васъ. Когда на меня нападалъ тяжелый сонъ, вы стояли возлѣ меня и клали руку ко мнѣ на лобъ. Мнѣ было хорошо, тогда я стоялъ на порогѣ вѣчности.

— Довольно... не говорите больше,—просила она и, желая восторжествовать надъ его волей, прикоснулась рукой къ его лбу.

Больной мягко и добродушно улыбнулся и замолчалъ. Дѣвушка чувствовала, что нужно словами прервать тишину, пустоту наполнить жизнью, музыкою словъ.

— Голова не особенно горяча, но, должно быть, у васъ жажда (она подала ему стаканъ съ питьемъ). Я была увѣрена, что сегодня вы придете въ себя,—предчувствіе не обмануло меня. Мы боялись за васъ,—я и мама,—кажется, и докторъ боялся, но только не говорилъ ничего, чтобъ не огорчить и не испугать насъ. Теперь опасность ушла далеко, далеко, вонъ за тѣ высокія горы... Силы ваши будутъ прибавляться съ каждымъ днемъ...

Утомленная долгою рѣчью, она замолчала; больной не спускалъ съ нея взгляда, въ которомъ симпатія и признательность сливались вмѣстѣ.

Она была не въ состояніи вынести этого взгляда и отошла къ окну.

— Чудесный день,—заговорила она опять.—Вамъ нельзя долго смотрѣть на воды озера, на зеленые луга и на деревушки, прижавшіяся къ берегу. Слишкомъ много свѣта. Красныя кровли домовъ такъ и горятъ на солнцѣ, церковныя башни стремятся къ небу.

Больной усиливался приподняться. Она замѣтила это и крикнула:

— Нельзя,—но прежде, чѣмъ она подбѣжала къ нему, голова молодого человѣка опустилась на подушки, самъ онъ поблѣднѣлъ и глаза его сомкнулись.

Дѣвушка позвонила. Прибѣжала ея мать и хозяйка дома. Больной нашелъ въ себѣ настолько силъ, что могъ открыть глаза. Ему подали подкрѣпляющее питье, онъ успокоился подъ его вліяніемъ и почувствовалъ радость, что видитъ возлѣ себя людей. Онъ былъ радъ, что можетъ смотрѣть и слѣдить взглядомъ за своею молодой сестрой мило-

сердія. Дѣвушка не избѣгала его взгляда и съ такою же симпатіей вглядывалась въ его худое и блѣдное лицо.

Мать замѣтила этотъ обмѣнъ взглядовъ, учуяла пробуждающееся чувство, и сердце ея сжалось отъ боли и горести. Она боялась отгадать все, смотря на дочь, на ея свѣтящіеся глаза, блѣдныя щеки и и на румянецъ, который то сразу появлялся, то столь же быстро исчезалъ. Она боялась отгадывать, смотря на лицо молодого человѣка, утопающее въ подушкахъ. Мысль, что этотъ обреченный на смерть привлекъ любовь ея дочери, страшила ее. Она была бы рада оттолкнуть эту мысль, но та упорно возвращалась къ ней. Передъ глазами ея души вырасталъ образъ съ неясными и неопредѣленными очертаніями. Она хотѣла бѣжать отъ него, но образъ становился все болѣе и болѣе яснымъ.

Пришелъ докторъ и своимъ юморомъ и швейцарской безцеремонностью разогналъ тяжелыя думы матери.

Вечеромъ обѣ женщины оказались однѣ.

У матери нехватало отваги возбудить важный вопросъ дня, она не знала, какъ начать разговоръ. И только послѣ долгой внутренней борьбы она рѣшилась спросить:

— Есть надежда, что этотъ молодой человѣкъ выздоровѣетъ?

— Не имѣю никакого понятія,—отвѣтила дѣвушка.

— Онъ произвелъ на тебя впечатлѣніе.

— Впечатлѣніе несчастія, милая мама.

— Ты чувствуешь къ нему симпатію?

— Да, и очень рада, что, когда исполняю свою обязанность, то это соединяется съ чувствомъ, которое порождаетъ симпатію.

Мать колебалась съ минуту.

— Дѣточка моя, скажи мнѣ, но только истинную правду...

— Мама! — грустно отвѣтила дѣвушка, — я только и живу правдою.

— Я не обвиняю тебя, но есть различные оттѣнки, съ которыми говорятъ правду.

— Ты не научила меня скрывать передъ тобой мои мысли.

— Тебѣ жалко было бы покинуть Монтрэ?

— Теперь было бы очень жалко.

— Почему?

— Здѣсь мнѣ хорошо, и если я не могу жить на родинѣ, то я съ радостью останусь здѣсь.

— Мы могли бы воспользоваться хорошею погодою и возвратиться сюда.

— Хорошо, но тогда больному помощь будетъ уже не нужна.

Мать боялась вынудить у дочери признаніе, но она всетаки добавила:

— Прежде ты такъ и рвалась отсюда.

— Мнѣ было скучно безъ дѣла.

Онѣ обѣ замолчали. Имъ было ясно, что онѣ не могутъ быть искренними и откровенными. Каждая изъ нихъ на днѣ сердца скрывала невысказанныя мысли.

Молчаніе было тягостно и надрывало нервы обѣихъ. Мать задумавшись сидѣла въ креслѣ, дѣвушка ходила по комнатѣ, останавливалась у окна и смотрѣла на лодки, скользившія по поверхности воды. Вдругъ она обернулась и сдѣлала шагъ впередъ; мать навстрѣчу ей открыла объятія.

— Мама!—шептала она, прижимаясь къ ней,—какая-то сила привязываетъ мои мысли къ его постели, я съ восторгомъ смотрю на это худое лицо, его шепотъ до сихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ, и я чувствую огонь его глазъ на моемъ лицѣ.

— Поѣдемъ!—воскликнула мать.

— Зачѣмъ? Судьба бросила насъ на его дорогу, подождемъ, что она дастъ еще. А если это его послѣднія минуты... онъ ничего отъ насъ не требуетъ, кромѣ того, чтобы мы положили руку на его горящую голову... и тутъ бѣжать? Мама, я не боюсь смерти, и если она придетъ...

— Ты полюбишь его,—сказала мать.

— До сихъ поръ еще никто не добивался моей любви.

— До сихъ поръ ты была ребенкомъ.

— Если я потеряю его, то... не на долго,—хотѣла было сказать она, но удержалась.—Мама! мы столько потеряли на свѣтѣ, столько надеждъ, столько любимыхъ людей.

— Такъ зачѣмъ же еще...—шепнула мать.

— Правда, но бѣжать—это значитъ измѣнить нашимъ чувствамъ и нашимъ правиламъ. Мы стыдились бы заглянуть въ лицо другъ другу. Нѣтъ, мы не убѣжимъ, и пусть будетъ то, что скажетъ судьба.

Въ дверяхъ показалась горничная и объявила, что докторъ и больной просятъ барышню пожаловать.

Дѣвушка слегка покраснѣла.

— Слышишь, мама, а ты хотѣла бѣжать. Мы нужны, безъ насъ обойтись не могутъ.

Она поцѣловала мать въ лобъ и убѣжала.

III.

Послѣ восьми долгихъ дней и еще болѣе долгихъ ночей кровать больного придвинули къ открытому окну.

Молчаливыя, замерзшія Альпы стояли на стражѣ съ юга, наподобіе сплотившихся, окаменѣвшихъ гигантовъ; озеро у ихъ ногъ отражало яркіе, вѣчно мѣняющіеся лучи солнца.

Больной смотрѣлъ на эту вѣчную игру огня и воды, освѣщенной солнцемъ.

— Когда мы поднимаемся на высоты, съ которыхъ не видно ничтожной, мелочной борьбы, а только ея результаты, мы въ ту же минуту чувствуемъ гармонію этого міра,—говорилъ молодой человѣкъ, смотря на бѣлыя, снѣжныя вершины и голубое пространство, сливающее въ одно цѣлое воду съ небеснымъ сводомъ.

— Какъ поклонники гармоніи, будемъ на высотахъ, — весело отвѣтила дѣвушка.

Молодой человѣкъ перенесъ на нее взглядъ своихъ голубыхъ глазъ, большихъ и свѣтящихся еще неугасшимъ страданіемъ.

— Для этого должны быть крылья, — отвѣтилъ онъ. — У васъ они созданы изъ прекраснѣйшихъ перьевъ фантазіи и оптимизма, доброты и вѣры въ людей. Взгляните въ зеркало и убѣдитесь, насколько они велики.

Дѣвушка невольно посмотрѣлась въ зеркало.

— Я не вижу ихъ,—сказала она съ улыбкой.

— А я вижу, точно такъ же, какъ видѣлъ, въ теченіе долгихъ ночей, когда вы клали свою руку на мою воспаленную голову. Тогда я не проклиналъ судьбу за то, что она возвратила меня къ жизни.

— А теперь проклинаете?

— Нѣтъ,—искренно отвѣтилъ онъ.—Когда надежда снова зажигаетъ передъ нами свои огни, то и желанія пробуждаются вновь, хотя по временамъ тоскуешь по вѣчному сну, безъ грезъ и пробужденія.

— Вы тоскуете,—повторила дѣвушка.

Въ голосѣ ея слышалось сожалѣніе.

— Трудно сразу забыть недавнія желанія и мечты.

— Вы были несчастны въ жизни?

— Былъ ли я несчастливъ? Не знаю. Случилось только то, что должно было случиться, тогда какъ я былъ увѣренъ, что произойдетъ совсѣмъ иное. Я вычеркнулъ эгоизмъ и грубую силу изъ обихода моей жизни и замѣнилъ ихъ справедливостью. Отсюда и источникъ моего несчастія. Справедливость побѣждаетъ силу и эгоизмъ и наказываетъ обидчиковъ лѣтъ черезъ сто, когда обиженныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Несмотря на то, разочарованія всетаки доставляютъ мученія.

— Я проигралъ жизнь,— продолжалъ онъ.—Я смотрѣлъ, какъ мои идеалы одинъ за другимъ сходили въ гробъ. Нужно ли удивляться, что и я жаждалъ послѣдовать за ними?

— Но теперь уже не жаждете. Когда одни идеалы падаютъ, мы должны создавать другіе. Это—исторія нашихъ сердецъ.

— На это нужно имѣть силу.

— Сила найдется! — воскликнула дѣвушка и сама устыдилась своей горячности. — Сегодня вы уже хотите жить, а безъ идеаловъ вамъ было бы тяжело и скучно,—значитъ надо искать ихъ.

— А вы поможете мнѣ?

— Не думаю, чтобы моя помощь была вамъ нужна. На свѣтѣ такъ много дѣла!

Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ симпатіи, грусти и опасенія.

Дѣвушка не вынесла его взгляда; она была увѣрена, что онъ обладаетъ даромъ читать въ ея сердцѣ.

— Смотрите, — отозвалась она, чтобъ отвлечь его вниманіе,— приближается пароходъ, колеса волнуютъ воду и разбиваютъ ее въ кристальные брызги. На палубѣ веселье, даже смѣхъ доносится до насъ.

Молодой человѣкъ повернулъ голову, смотря на все съ пробуждающейся жаждою жизни. Съ палубы послышались звуки музыки и благодѣтельно подѣйствовали на его нервы и мысли. Онъ взялъ руку дѣвушки и поднесъ ее къ своимъ устамъ.

— Вы благодарите меня? За пароходъ, пристающій къ берегу? Я не приказывала ему подходить. За музыку, можетъ быть, но я и музыку не заставляла играть.

— За спасенную жизнь,—отвѣтилъ онъ.

— Да, этотъ міръ, если на него смотрѣть съ нѣкотораго разстоянія, прекрасенъ. Если у насъ нѣтъ крыльевъ, будемъ смотрѣть на него съ высоты нашего разума.

— На разстояніи нашего снисхожденія,—закончилъ онъ.

— Называйте это, какъ вамъ угодно, но мы будемъ смотрѣть на него съ высоты нашихъ добрыхъ чувствъ, инстинктовъ, склонности къ прощенію.

— Если бы это было возможно... Живя, и мы должны стать въ ряды другихъ и бороться рядомъ съ ними.

— Становиться въ чьи-нибудь ряды нѣтъ необходимости,—борьба борьбѣ рознь.

Молодой человѣкъ улыбнулся, какъ улыбаются ребенку, который вслухъ высказываетъ свои мечтанія.

Пароходъ отошелъ, вѣтеръ унесъ музыку за скалистые берега юга, заходящее солнце бросало снопы теплыхъ и яркихъ лучей. Въ долинѣ воцарилась тишина; рѣсницы молодого человѣка отяжелѣли, онъ сомкнулъ ихъ, упоенный свѣжестью воздуха и радостью жизни. Дѣвушка стояла возлѣ него, смотря на его блѣдное лицо и прислушиваясь къ его учащенному, но спокойному дыханію... Если бы она была увѣрена, что онъ заснулъ, то положила бы ему руку на лобъ и держала бы долго съ вѣрою, что это прибавитъ ему силъ.

Она представляла его себѣ здоровымъ и сильнымъ, полнымъ энергіи и энтузіазма, примиреннымъ съ жизнью, стремящимся къ великимъ идеаламъ, о которыхъ она скажетъ ему. И къ ней вмѣстѣ съ лучами солнца спускалась надежда, а жизнь улыбалась чарами природы.

Дверь тихо отворилась, вошла мать. Дѣвушка сдѣлала ей знакъ быть потише и подозвала къ себѣ.

— Вотъ мое дѣло, — шепнула она и, сіяющая, сконфуженная, спрятала голову на ея груди.

— Кто онъ?—спрашивала ее мать послѣ захода солнца на дорогѣ, обрамлявшей озеро.

— Добрый человѣкъ,—отвѣтила дѣвушка.—Что другое можетъ интересовать насъ?

— Все, дитя мое.

— Но это уже не измѣнитъ теченія событій. Я ничего больше не хочу знать и не стану разспрашивать ни о чемъ. Можетъ быть, и лучше, что передъ нами онъ стоитъ только со своимъ будущимъ, — задумчиво добавила она.—Въ прошломъ онъ утратилъ все, теперь передъ нимъ открывается новая дорога и при ея началѣ онъ находитъ только одну меня. Мама, не будемъ думать о будущемъ, не станемъ интересоваться прошлымъ, настоящее такъ улыбается намъ, будемъ жить настоящимъ. Наша жизнь до сихъ поръ складывалась изъ тяжелыхъ воспоминаній и изъ опасеній передъ завтрашнимъ днемъ. Отдохнемъ хоть теперь, съ этими радостными часами, которые протекаютъ для насъ, и совѣтуютъ, и просятъ радоваться вмѣстѣ съ ними. Скажемъ сами себѣ: довольно этихъ опасеній и тревогъ! Смотри, на сѣверѣ уже зажглись звѣзды, на западѣ—послѣдній блескъ солнца, ночь охватываетъ насъ. Отдохнемъ въ ея тишинѣ, упьемся ея величіемъ. «Сегодня» раскрываетъ намъ объятія, зачѣмъ намъ бѣжать къ неизвѣстному «завтра», къ этой грозной, неумолимой судьбѣ? Отдохнемъ,—и она прижалась головой къ груди матери.

IV.

Больной мало-по-малу поправлялся, дѣвушка не покидала его, слѣдя за тихою борьбой, какую вели молодость и ея право на жизнь съ изможденнымъ тѣломъ. Она научилась думать вслухъ въ его присутствіи и вѣрила, что указываетъ ему незнакомые пути, во имя которыхъ онъ возстанетъ и возьмется за новый трудъ.

Она утѣшала себя и этой увѣренностью, и настоящей минутой, и красотами природы, облекающейся все въ новый и новый блескъ.

Молодой человѣкъ теперь уже ходилъ, лицо его утратило свою поражающую блѣдность и смягчалось огнемъ голубыхъ глазъ, ясностью духа, и улыбкой, блуждавшей по его устамъ.

Стояла лѣтняя безлунная ночь, бѣлый туманъ окутывалъ озеро, виноградники и прибрежные домики, медленно поднимаясь къ темному своду небесъ, искрящихся звѣздами.

Осѣненные широкими листьями клена, они всматривались въ бѣлое море тумана, подкрадывавшееся къ ихъ ногамъ, и въ ясныя звѣзды, горѣвшія на небѣ. Они напрягали слухъ, имъ все казалось, что въ тишинѣ, царящей вокругъ, они слышатъ отголосокъ своихъ мыслей.

А за сосѣдней стѣной послышались чьи-то слова и прозвучали въ воздухѣ.

— И здѣсь, — говорилъ докторъ своему пріятелю,— два смертныхъ приговора подписаны и неотвратимы, какъ судьба. Неумолимая природа знаетъ только свои законы. Онъ движется только затѣмъ, чтобы рухнуть; но она предупредитъ его. У нея сердце остановится и уснетъ... такъ должно быть...

Молодой человѣкъ вскочилъ на ноги, обнялъ дрожащую дѣвушку за талію и прижалъ къ себѣ.

— Такъ должно быть,—повторила она.—Приговоръ подписанъ и неотвратимъ, какъ судьба. Природа не знаетъ жалости. У насъ отняли послѣднюю минуту заблужденія.

— Тѣмъ лучше, — перебилъ онъ ее, — тѣмъ лучше. Заблужденіе—это удѣлъ слабыхъ; усиліе продлить жизнь продлило бы только борьбу, въ которой мы всетаки проиграли бы. Осужденные на вѣчныя терзанія, на вѣчныя опасенія, мы понапрасну растратили бы остатокъ силъ, страхъ разстроилъ бы намъ нервы и опошлилъ бы насъ. Мы боялись бы холоднаго дуновенія вѣтра, жаркихъ лучей солнца, малѣйшаго напряженія голоса, глубокой мысли, порожденной трудомъ нашего мозга,— для того чтобы продлить нашу бѣдную жизнь. Все это было бы мелко и страшно эгоистично. Свершилось; неотразимая судьба написала на нашемъ лицѣ приговоръ смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ освободила насъ отъ узъ этого міра. Смотри, ту-

манъ окуталъ землю; предъ нами безконечность, всесуществованіе, вѣчная гармонія.

Дѣвушка подъ вліяніемъ очарованія музыки словъ возлюбленнаго, вглядывалась въ бѣлую мглу, которая окутывала долину, и въ темное небо, которое искрилось звѣздами.

— Можетъ быть, и лучше,—прошептала она. Если бы только мать, моя бѣдная мать, не слыхала этого!—она обернулась, напрягая взоръ въ темнотѣ.—Можетъ быть, и лучше. Мы хотѣли отдать міру нашу молодость, силы, наши желанія, мысли, все,—онъ отталкиваетъ насъ.

Ее охватила дрожь. Молодой человѣкъ почувствовалъ это, прижалъ ее къ сердцу и коснулся устами ея лба.

— Ты призвала меня къ жизни, чтобы я полюбилъ тебя и сопровождалъ въ теченіе твоей короткой дороги. Пусть она для насъ будетъ радостью, улыбкою, которую даетъ любовь, освобожденная отъ всякихъ заботъ. Во всемъ мірѣ нѣтъ никого; только мы двое, окруженные красотою природы, сознательно вступаемъ въ безконечность, шагъ за шагомъ, все ближе и ближе вглядываясь въ ея лицо до тѣхъ поръ, пока она насъ не обниметъ и не поглотитъ. Мы только предупреждаемъ человѣчество, вселенную на цѣлые милліоны вѣковъ и прежде всѣхъ становимся у берега.

— Мама, бѣдная моя мама,—отозвалась дѣвушка.

Въ ея голосѣ слышалась тоска и сожалѣніе.

— Мы предупреждаемъ ее на одно мгновеніе ока, на одинъ вздохъ, на одинъ проблескъ мысли. Что такое предъ лицомъ вѣчности одинъ день, одинъ вѣкъ или тысяча вѣковъ? Что такое страданіе, какъ не воспоминаніе, которое утонетъ въ тиши безконечнаго?

Подчиняясь полету мысли молодого человѣка, она склонила голову къ нему на грудь.

— Чѣмъ мы будемъ?—спросила она.—Лучомъ луны, радугой на небѣ, или каплею росы?

— Силою, расплывающеюся въ пространствѣ міровъ, волною эѳира, или мыслью мудреца,—отвѣтилъ онъ.

— Только вмѣстѣ. Не оставляй меня одну никогда, никогда! Поклянись, что не оставишь. Мы будемъ плыть по безконечности, но только рядомъ другъ съ другомъ. Когда ты покинешь меня одну на дорогѣ вѣчности, я стану бояться, все вокругъ меня будетъ пусто, грустно, страшно. Поклянись, что ты не убѣжишь отъ меня.

Дѣвушка не была въ состояніи выйти изъ границъ своей личности. Она рада была бы преобразиться въ лучъ луны, въ каплю росы, но вѣрила, что не перестанетъ быть собою.

— Клянусь!

Струя свѣта, которая вырвалась сквозь растворившуюся дверь, облила двухъ молодыхъ людей, прижавшихся другъ къ другу. Въ дверяхъ стояла мать.

— Мама, ты слышала клятву?

— Слышала.

— И вѣришь ей?

— Вѣрю.

— Онъ не покинетъ меня, мы вѣчно будемъ вмѣстѣ. Онъ не оставитъ меня одну, не уйдетъ никогда, никогда! Благослови своихъ дѣтей.

Мать молча соединила ихъ руки, обняла ихъ и поцѣловала въ лобъ.

— Благословляю васъ на жизненную дорогу. Пусть вы свершите ее съ улыбкою радости.

V.

На землю спускалась осень, знаменуя свое шествіе тишиной въ природѣ, окраской своихъ одеждъ и грустью своего сѣраго колорита.

На видъ ничего не измѣнилось. О близкомъ концѣ ихъ дороги говорило болѣе короткое дыханіе, болѣе быстрое біеніе сердца, прозрачный цвѣтъ лица, да глубокій взглядъ расширенныхъ глазъ. Мысли ихъ плыли въ безконечность, прокладывая путь молодой парѣ.

Они стояли надъ берегомъ озера. Его зеркальная поверхность отражала бѣлыя тучки, плывшія по небу.

Ея силы убѣгали. Она оперлась на его руку и просила, чтобъ онъ обнялъ ее.

— Если бы не наше сознаніе,—говорила она,—еслибъ не твое мужество и спокойствіе, то послѣдніе дни наши были бы наполнены муками борьбы и страха. А теперь это только тихое ожиданіе.

— Мы ждемъ освобожденія духа; мы ждемъ, чтобъ наши силы растворились въ безконечности, мы ждемъ сліянія со вселенной, вѣчнаго сна и забвенія.

— Моя бѣдная мать теряетъ дочь, наша бѣдная страна теряетъ двѣ силы, два добрыхъ сердца.

— Фатумъ убиваетъ благородныхъ и покровительствуетъ сильнымъ, съ твердыми черепами и желѣзными мускулами. Греки погибли, римляне остались. Тебѣ жалко жизни?

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣтила она,—мнѣ жаль тѣхъ, кото-

рые остаются. Красота природы, ея грусть, разливающаяся вокругъ, чаруютъ меня, а безконечность притягиваетъ. Возлѣ тебя и съ тобою я спокойно жду приближенія вѣчности,—она обвила руки вокругъ его шеи.—Голова у меня болитъ.

Онъ взялъ ее на руки, отнесъ въ лодку и отвязалъ цѣпь. Незамѣтное дуновеніе вѣтра и невидимыя волны влекли ихъ лодку на середину озера.

— Мы плывемъ въ безконечность, кровь моя застываетъ, я вижу только тебя да надъ тобою лазурь неба. Прижми меня къ себѣ, поцѣлуй. Видишь, я ухожу одна, и бѣдная моя одинокая душа груститъ и сердце мое болитъ... величіе вѣчности устрашаетъ меня.

— Нѣтъ, ты одна не уйдешь,—шепталъ онъ, и прижималъ ее къ себѣ, и согрѣвалъ ее теплотою своего тѣла.

— Ты не оставишь меня? Говорятъ, что душа, прежде чѣмъ уйти куда-нибудь, носится надъ тѣломъ. Я буду ждать, но спѣши, если хочешь увидать мою душу, слиться съ ней и идти вмѣстѣ. Я не знаю, какъ долго я могу ждать тебя...

— Я приду,—отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ и такъ сердечно, что дѣвушка повѣрила.

— Добрая судьба привела меня сюда, къ подножію этихъ горъ. Предчувствіе говорило мнѣ: ты уйдешь, но не одна, не сиротою. Обними меня... Мама, мама!

Руки ея повисли, румянецъ на щекахъ угасъ, но тѣнь улыбки осталась на устахъ.

— Подожди,—шепталъ онъ,—подожди!

Горе и тоска охватывали его, какъ ночь, спускающаяся въ долину.

Луна выкатилась изъ-за вершинъ горъ и, плывя между разорванными облаками, вела за собою лодку. Онъ разостлалъ на днѣ лодки шаль, положилъ на нее усопшую дѣвушку и началъ вглядываться въ ея блѣдное лицо и улыбку, мало-по-малу гаснувшую на ея устахъ.

Лодка, движимая вѣтромъ, плыла тихо, и глубокое горе затуманило его взоръ. Онъ пришелъ въ себя, замкнулъ ея рѣсницы, поцѣловалъ, окуталъ шалью, какъ бы изъ опасенія, чтобы ей не было холодно, и съ наслажденіемъ ждалъ приближенія безпробуднаго сна, который увелъ бы его въ безконечность...

Лодка, вслѣдъ за лунными лучами, подвигалась все болѣе и болѣе на востокъ и, какъ бы желая скрыть свой драгоцѣнный грузъ, углубилась въ лѣсъ тростника, разросшійся на берегу озера...

В. Л.

ПОХОРОННЫЯ ДЕНЬГИ.

Повѣсть.

I.

— Тряпокъ, старья!... старыхъ тряпокъ покупаемъ!—выкрикивалъ, везя за собой телѣжку съ тряпьемъ, болѣзненнаго вида старикъ; проходилъ онъ по длинному и грязному двору, застроенному полусгнившими хибарками; голосъ его, слабый и надорванный, старчески дрожалъ и обрывался; встрѣчавшіяся ухабины останавливали телѣжку, застревавшую передкомъ; тогда старикъ понатуживался, грудь его начинала порывисто дышать, онъ съ усиліемъ дергалъ за оглобельки, телѣжка выскакивала изъ ухабины, и снова по двору раздавался слабенькій, дрожащій тенорокъ:

— Тряпокъ, старья!... старыхъ тряпокъ покупаемъ!

Изъ нѣкоторыхъ оконъ высовывались любопытныя головы бабъ, останавливали «купца», но, узнавъ о предметѣ его покупки, снова прятались, пренебрежительно махнувъ рукой.

Пройдя въ глубь двора, старикъ свернулъ за уголъ къ сараямъ, гдѣ тотчасъ же былъ окруженъ оравой игравшихъ въ чехарду мальцевъ.

— Едесій Иванычъ, Едесій Иванычъ!—подняли крикъ знакомцы, окружая остановившуюся телѣжку и съ любопытствомъ заглядывая въ ящикъ на лежавшіе въ уголкѣ, поверхъ тряпья, пузырьки и кости; болѣе же храбрые, разсчитывая на безнаказанность, быстро влѣзли въ экипажъ и усѣлись, поджавъ ноги, съ намѣреніемъ прокатиться.

— Э-э, пѣсельники, вы того... прошу покорно вылѣзайте!—запротестовалъ Едесій Иванычъ, добродушно поглядывая на жизнерадостныя лица самодовольныхъ сѣдоковъ.

— Покатайте пасъ, Едесій Иванычъ, ей-Богу, покатайте!

Старикъ тихо засмѣялся, хотѣлъ было что-то возразить, но, взглянувъ на просящія лица, раздумалъ, молча влегъ въ оглобельки и суетливо повезъ телѣжку вдоль сараевъ; съ поощрительными восклицаніями послѣдовала за нимъ и вся остальная компанія, подталкивавшая экипажъ сзади. Сдѣлавши два конца, Едесій Иванычъ остановился и, тяжело дыша, опустился на землю.

— Эхъ вы, пѣсельники, пѣсельники!—закачалъ онъ сѣдой головой,—не жалѣете вы Едесія Иваныча, прошу покорно... А его нужно пожалѣть, потому Едесій Иванычъ старенькій, Едесій Иванычъ бѣдненькій человѣкъ и совсѣмъ-таки больной: грудь болитъ, прошу покорно...

Старикъ вдругъ покачнулся и закашлялся; долго онъ кашлялъ, обхвативъ согнутыя колѣни костлявыми руками; маленькая голова его, покрытая, несмотря на лѣто, старой мѣховой шапкой, болѣзненно тряслась на вытянувшейся тонкой шеѣ; напряженныя жилы вздувались и блѣдное лицо, со впалыми и, казалось, съ присохшими къ кости щеками, покрылось красными пятнами.

Разглумившіеся было мальцы притихли и какъ-то виновато стали посматривать на задыхавшагося отъ кашля старика; самодовольные сѣдоки, съ такой честью провезенные вдоль сараевъ, поспѣшно вылѣзли изъ ящика и, смущенные, съ смутнымъ сознаніемъ своей вины, подошли къ сидѣвшему на землѣ тряпичнику.

Среди мальцовъ послышался ропотъ.

— Это черезъ тебя, Гринька! чего ты въ ящикъ полѣзъ?

Нѣсколько кулаковъ энергично потянулись впередъ и съ должнымъ внушеніемъ коснулись спины провинившагося; мальчикъ качнулся всѣмъ тѣломъ, но не обернулся назадъ, не далъ «сдачи», какъ непремѣнно поступилъ бы при другихъ условіяхъ, но еще ближе подошелъ къ старику и опустился на корточки.

Наконецъ, старикъ перекашлялъ и сталъ вытирать проступившія слезы; приступъ кашля, мучительный и долго не прекращавшійся, обезсилилъ его; прислонившись спиной къ телѣжкѣ, онъ безпомощно свѣсилъ голову на грудь и затихъ, отдыхая; мѣховая шапка, съ дырами въ нѣсколькихъ мѣстахъ, игравшихъ роль отдушинъ, не выдержала быстраго наклоненія головы и скатилась къ ногамъ; сидѣвшій на корточкахъ мальчикъ поспѣшно поднялъ упавшую шапку и снова покрылъ голову старика.

— Едесій Иванычъ, а Едесій Иванычъ!—тихо зашепталъ онъ и сталъ заискивающе засматривать въ лицо.—Я вамъ, Едесій Иванычъ, тряпочекъ насбиралъ и хорошихъ такихъ тряпочекъ, мытыхъ.

— Гринька, отойди, не тронь! Пускай отдохнетъ.

Нѣсколько рукъ потянулось къ красному вороту Гриньки; мальчикъ упалъ на спину, но тотчасъ же поднялся и снова подсѣлъ къ старику.

— Хорошія тряпки, Едесій Иванычъ, мытыя... ей-Богу!...

Старикъ поднялъ голову и печальными глазами посмотрѣлъ на говорившаго.

— Мытыя?...

— Ну, да, мытыя!—нѣсколько обиженнымъ тономъ подтвердилъ Гринька, словно возмущаясь, что его могли заподозрить въ неправдѣ.—Самъ мылъ... въ сараѣ... И хорошія же вышли—первый сортъ! Я вамъ ихъ, Едесій Иванычъ, даромъ отдамъ!

Расположившійся вокругъ ареопагъ недовѣрчиво воззрился на говорившаго, повидимому, не довѣряя столь рѣдкому великодушію.

Гринька понялъ взгляды и рѣшительно мотнулъ головой.

— Ей-Богу, даромъ! потому Едесій Иванычъ черезъ меня кашлялъ.

Старикъ ласково посмотрѣлъ на взволнованное лицо пожалѣвшаго его мальца, и улыбнулся.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, прошу покорно... Я не хочу даромъ: всѣ мы трудимся, и потомъ мытыя.

— Ладно, Гринька, не бахвалься! даешь, такъ неси, что-ль!

Мальчикъ вскочилъ и, весь красный отъ охватившаго волненія, юркнулъ въ одинъ изъ отворенныхъ сарайчиковъ; чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился, неся объемистую охапку разноцвѣтнаго тряпья; торопливо подойдя къ старику, онъ, какъ побѣдный трофей, опустилъ къ его ногамъ свой безкорыстный даръ.

— Берите, Едесій Иванычъ, даромъ берите... ей-Богу...

Старикъ оживился, глаза его, до того безучастные и печальные, съ благодарностью посмотрѣли на великодушнаго даятеля.

— Спасибо, то-есть, вотъ какое спасибо!—съ чувствомъ заговорилъ онъ, дрожащей рукой разгребая разбросанную кучу.—Хорошія тряпочки, мытыя, это вѣрно... На пятіалтынный, почитай... Спасибо за нихъ, а еще вотъ за то, что пожалѣли вы меня, старика... Кашель у меня, сильный кашель, прошу покорно... силы отбираетъ. А ходить нужно, потому кто же Едесія Иваныча кормить будетъ?... Вотъ и у Анисьи Трофимовны, хозяйки моей, съемщицы, тоже кашель, а ее за то ругаютъ, что она де жильцамъ спать ночью не даетъ. А за что тутъ, прошу покорно, ругать, коли пожалѣть болѣзнаго нужно, словомъ участливымъ отогрѣть, ну, и прочее... А тебѣ, пѣсельничекъ, спасибо: хороши твои тряпочки, больно хороши, а чувство твое доброе еще лучше: словно солнышкомъ обогрѣло оно меня

и того... расчувствовало, прошу покорно... Потому и то сказать: Едесій Иванычъ бѣдненькій человѣкъ, Едесій Иванычъ старенькій человѣкъ и никому-то онъ не нуженъ, никому-то за него не больно, коли обижаютъ его... Вотъ и цѣнитъ онъ, ежели кто взглядомъ ласковымъ посмотритъ, словомъ привѣтливымъ обогрѣетъ... Но тряпочки эти, пѣсельничекъ, я даромъ не возьму: много тутъ труда пошло и потомъ же мытыя... Вотъ получай три копеечки, половинную хотя часть, прошу покорно.

Старикъ досталъ изъ кармана обтрепавшихся брюкъ красный носовой платокъ, развязалъ узелокъ, взялъ одинъ изъ лежавшихъ тамъ мѣдяковъ и подалъ мальчику.

— Ну, ладно... я возьму; только это пускай будетъ задатокъ за другія, что съ воскресенья соберу. А теперь я вамъ, Едесій Иванычъ, тряпочки въ ящикъ сложу и телѣжку вашу мы поможемъ за ворота выкатить.

Нѣсколько мальцевъ бросилось къ кучѣ и стали бережно переносить и складывать тряпье въ ящикъ.

Едесій Иванычъ поднялся съ земли и, улыбаясь своимъ старавшимся друзьямъ, сталъ распоряжаться укладкой.

Когда все было сложено, мальцы впряглись въ телѣжку и покатили ее къ воротамъ; но видно ихъ доброму дѣлу не суждено было довершиться до конца. Когда процессія, замыкаемая едва поспѣвавшимъ за нею старикомъ, выкатила изъ-за сараевъ,—ея свободный путь преграждала, стоявшая среди двора, группа: околоточный надзиратель съ чувствомъ такта и степенности, дѣловито размахивалъ руками, доказывая высокой и злой на видъ дамѣ, повидимому, домовладѣлицѣ, антисанитарное содержаніе ея двора, между тѣмъ какъ другой членъ карательной коммиссіи молчаливымъ, но краснорѣчивымъ жестомъ указывалъ ей на грязную, издававшую зловоніе лужу, со всѣми признаками вылитаго и мирно пребывавшаго въ ней селедочнаго разсола. Дама молніеносно перебѣгала негодующимъ взглядомъ по лицамъ, такъ предательски нагрянувшаго, дозора и обдавала «коммиссію» шумнымъ каскадомъ малоговорящаго краснорѣчія, силясь доказать свою полнѣйшую въ данномъ случаѣ невиновность. «Члены» выслушивали молча, но на ихъ многодумныхъ лицахъ ясно читалась торжествующая фраза: «Ага, попалась!» Дама кончила; очередь дать заключеніе оставалась за околоточнымъ.

— Никакъ, сударыня, невозможно!— сановито заговорилъ онъ и сдѣлалъ рѣшительный жестъ рукой.— Войти въ ваше положеніе также невозможно: мы непреклонно должны карать всякое нарушеніе санитарныхъ постановленій, не входя при этомъ въ разсмотрѣніе при-

чинъ, обусловливающихъ это нарушеніе. Согласитесь сами, что стоять надъ этой зловонной лужей ни вамъ, дамѣ, ни мнѣ, мужчинѣ, нельзя... А потому на насъ не пеняйте... Если бы еще это безобразіе въ провинціи, а то этакаго вонючаго безобразія въ столицѣ допустить никакъ не могу!

Поводъ былъ слишкомъ убѣдителенъ; хотя онъ и влекъ за собою составленіе протокола со всѣми его нежелательными послѣдствіями, но дама молчала; только лицо ея изъ желто-глинистаго сдѣлалось багровымъ.

Коммиссія откланялась и пошла къ воротамъ.

Проводивъ своихъ «враговъ» злобнымъ взглядомъ, домохозяйка повернулась и увидѣла стараго тряпичника, почтительно, со снятой шапкой въ рукѣ, остановившагося у своей телѣжки; молодые друзья его, завидѣвъ коммиссію, поспѣшно улепетнули обратно, оставивъ старика на произволъ грозившей ему опасности.

— Это еще что такое?... Безъ спросу въѣзжать во дворъ... ты кто такой?... что это у тебя въ ящикѣ?—возвысила голосъ разсерженная дама и подскочила вплотную къ пятившемуся старику.

— Это... это тряпочки, прошу покорно, на фабрику... мытыя,—виноватымъ голосомъ залепеталъ Едесій Иванычъ и сталъ испуганно пятиться за свою телѣжку.

— Тряпки?!—взвизгнула дама.—И ты осмѣлился заѣхать съ ними во дворъ и заражать здѣсь воздухъ?!... Дворникъ, дворникъ!—понесся пискливый зовъ совсѣмъ ополоумѣвшей женщины.

На визгливыя стенанья своей повелительницы не замедлилъ явиться одутловатый парень.

— Ванька! ты чего-жъ тутъ смотришь, а?... Въ шею вотъ эту старую скотину! Гони ее со двора!

Дворникъ подскочилъ къ Едесію Иванычу и довольно развязно толкнулъ его въ спину.

— Съѣзжай по чести, хамло! Изъ-за васъ, чертей, и насъ бьютъ, съѣзжай!

Старикъ растерялся, испуганно посмотрѣлъ на дворника и побѣжалъ-было къ воротамъ, на ходу надѣвая свою рваную мѣховую шапку.

— Куда ты? а телѣжку я, что-ль, повезу?—грозно остановилъ его парень и, рванувши за руку, вернулъ къ оставленному товару.

Едесій Иванычъ схватился за оглобельки, налегъ задыхавшейся грудью въ лямку и, спотыкаясь, потащилъ телѣжку къ воротамъ, сопровождаемый понудительными пинками слѣдовавшаго по пятамъ дворника.

У самыхъ воротъ старикъ вдругъ остановился, не будучи въ силахъ двигаться дальше и просяще посмотрѣлъ на своего мучителя. Больная грудь его порывисто дышала и полуоткрытый ротъ не успѣвалъ пропускать чрезъ слабыя легкія нужнаго количества воздуха; онъ задыхался, слезящимися глазами смотря на старательнаго исполнителя хозяйскихъ приказаній.

— Вы меня не бейте, прошу покорно... Едесій Иванычъ самъ уѣдетъ, ей-Богу, уѣдетъ... Старый онъ и совсѣмъ-таки больной человѣкъ, прошу покорно...

— Съѣзжай, не разговаривай!—крикнулъ разсвирѣпѣвшій дворникъ и съ силой толкнулъ старика въ плечи.

Едесій Иванычъ пошатнулся, слабая голова его замоталась отъ внушительнаго толчка. Онъ испуганно схватилъ оглобли и, не обращая вниманія на свалившуюся шапку, почти бѣгомъ, увлекая за собой телѣжку, выѣхалъ на улицу. Охватившій его испугъ, казалось, придавалъ ему силы; нѣсколько минутъ онъ торопливо, не замѣчая никого, бѣжалъ по мостовой вдоль тротуара; но подъема силъ хватило ненадолго. Вдругъ онъ закашлялся и, остановившись, сталъ тихо опускаться на землю у своей телѣжки. Приступъ кашля долго не прекращался; когда онъ мало-по-малу стихъ, старикъ опустилъ лицо на согнутыя колѣнки и мучительно, глухо зарыдалъ. Никто не обращалъ на него вниманія и не безпокоилъ разспросами. Прохожихъ было мало. Улица, примыкавшая къ заставѣ, была сравнительно тиха съ слабымъ и рѣдкимъ движеніемъ. Да и кому какое дѣло было до горя плачущаго старика. Тѣ изъ болѣе сердобольныхъ прохожихъ, которые случайно обращали на него вниманіе, были такіе же бѣдняки, отягченные своимъ личнымъ горемъ, какъ и онъ, плачущій. Остановившись на минуту, они вопросительно смотрѣли на склоненную, непокрытую голову Едесія Иваныча; иные, болѣе любознательные, заглядывали въ телѣжку и, удовольствовавшись осмотромъ, шли дальше, черезъ десятокъ шаговъ забывая о своей встрѣчѣ.

Долго сидѣлъ старикъ, глубоко потрясенный и обиженный. Давно ужъ пересталъ онъ плакать и сидѣлъ, безучастный къ людской суетолокѣ, давая возможность отдохнуть своей больной, тяжело дышавшей груди. Облокотившись на ящикъ телѣжки, грустно смотрѣлъ онъ на свои разноцвѣтныя тряпочки, пожертвованныя сострадательнымъ поставщикомъ Гринькой.

Съ подавленнымъ вздохомъ поднялся Едесій Иванычъ съ земли и только тутъ обнаружилъ отсутствіе своего головного убора. Жалко ему стало шапки, но идти за ней онъ не рѣшался. Печально посмотрѣлъ старикъ по направленію мѣста своего несчастія и, уныло по-

нурившись, подошелъ къ телѣжкѣ; обойдя кругомъ, онъ внимательно осмотрѣлъ ее, постукалъ камешкомъ по колесамъ, потомъ поправилъ сдвинувшійся ящикъ съ товаромъ, поднялъ оглобельки и тихотихо, едва передвигая уставшія ноги, потащилъ телѣжку вдоль улицы, направляясь къ своему убогому пристанищу.

II.

Была уже ночь, когда Едесій Иванычъ доплелся, наконецъ, до своего переулка, населеннаго преимущественно столичной бѣднотой, и въѣхалъ въ узенькій дворъ съ коечно-каморочными квартирами, гдѣ у съемщицы Анисьи Трофимовны, древней старушки, снималъ онъ зимой койку, а лѣтомъ чуланъ подъ наружной лѣстницей, въ которомъ находился и собираемый имъ товаръ. Еле передвигаясь отъ усталости, изстрадавшись душевно и тѣлесно, подкатилъ онъ свою телѣжку къ ветхому, деревянному флигельку, съ надстройкой въ видѣ мезонина наверху и, стараясь не шумѣть колесами, сталъ устанавливать ее подъ лѣстницей. Двери флигелька были открыты и чрезъ узенькія, грязныя сѣни, заваленныя всякой рухлядью, несся изнутри отдаленный шумъ голосовъ. Небольшое оконце кухоньки, занимаемой самой хозяйкой, выходило подъ лѣстницу. Старая съемщица еще не спала и въ ея помѣщеніи свѣтился огонь. Маленькая жестяная лампочка стояла на подоконникѣ; слабый свѣтъ, бросаемый ею въ пространство подъ лѣстницу, давалъ возможность Едесію Иванычу разглядѣть мѣсто и установить свой экипажъ. Но какъ ни старался старикъ, по мѣрѣ возможности, не шумѣть и не быть замѣченнымъ, а мягкое шуршанье колесъ и легкій стукъ устанавливаемой телѣжки проникли чрезъ отворенное окно въ кухоньку и выдали его. Костлявая рука подняла лампочку и въ окно просунулось, присматриваясь къ темнотѣ, сморщенное лицо совсѣмъ дряхлой на видъ старушки.

— Едесій Иванычъ, это ты, что-ль, пріѣхалъ, а?

— Я, Анисья Трофимовна, я, матушка... Вотъ телѣжку устанавливаю,—уставшимъ голосомъ отозвался старикъ и вышелъ изъ темноты въ полосу падавшаго свѣта.

— Долго тебя не было, долго,—зашамкала старушка, силясь разглядѣть стоявшую фигуру.—Да никакъ ты безъ шапки, а?

Старикъ смутился, отвернулся и дрожавшими руками сталъ отпирать дверь низенькаго чулана своей лѣтней резиденціи подъ гостепріимной лѣстницей.

— Аль я со слѣпу?... Едесій Иванычъ, со слѣпу я, аль и впрямь?

— Впрямь, Анисья Трофимовна, впрямь, матушка... Безъ шапки я домой пріѣхалъ, лишился ее на сбору... Несчастіе со мной приключилось,—совсѣмъ упавшимъ голосомъ объявилъ старикъ и, не отперевъ чулана, уставшій и измученный, опустился у дверей.

— Ото, Господи! Да какъ же, а?... Да чего ты тамъ сѣлъ?... Да иди сюда, Бога ради, отдохни... Я тебѣ и чайку попить оставила. Ну, иди же, подымайся! Тутъ и про несчастье поговоримъ... Иди, что-ль!...

Старушка заметалась, поставила лампу на столъ, достала ухватомъ изъ печи горшокъ съ кипяткомъ, заварила чай, поставила чайникъ на столъ и, плотно прикрывши его полотенцемъ, вышла къ своему отдыхавшему жильцу.

— Едесій Иванычъ, вставай, батюшка, вставай! Я тебѣ и чаекъ приготовила, попей и полегчаетъ...

Старикъ сдѣлалъ попытку подняться, но переутомившіеся члены отказывались служить; кости болѣзненно ныли и все тѣло казалось разбитымъ.

— Охъ, умаялся за день-то... Посижу еще маленько, отдохну... А васъ, Анисья Трофимовна, прошу покорно не гнѣваться... Однѣ только вы Едесія Иваныча и жалѣете, да вотъ еще Гринька, а больше некому... Полгорода исходилъ и того... обидѣли меня, прошу покорно... Но Едесій Иванычъ на нихъ сердца не имѣетъ, нѣтъ! не знаютъ убо, что творятъ... Только вотъ душа ноетъ, печалится...

Старикъ смолкъ и тоскливо поникъ на грудь головой.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, подперевъ морщинистую щеку рукой, безмолвно стояла надъ нимъ Анисья Трофимовна, сострадательно поглядывая на своего жильца.

— Бѣдный ты мой, бѣдный, безталанный,—зашептала она, помолчавъ.—Кто не хочетъ, тотъ тебя и не обидитъ... Тяжело на свѣтѣ, охъ, какъ тяжело! А еще тяжелѣй, вотъ такимъ, какъ мы съ тобою, Едесій Иванычъ... Старенькіе мы, безпомощные; но въ богадѣльню мы съ тобой не пойдемъ, нѣтъ! Не такіе мы, чтобъ милостынькой жить... Поколь Богъ грѣхамъ терпитъ—сами перебьемся: ты, Едесій Иванычъ, тряпочками, а я моими коечниками... Охъ, тяжело мнѣ съ ними, одинъ Богъ видитъ, какъ тяжело! Но потерпимъ, что-жъ дѣлать?... Вонъ господинъ майоръ меня уже «Божьей коровкой» зоветъ: а что ему скажешь? Всякія имена сочинялъ, а теперь вотъ коровкой называетъ; оно хотя и Божьей, а все же обидно и душа болитъ... А терпѣть нужно, потому онъ человѣкъ образованный и даромъ слово не скажетъ; ну, а потомъ жилецъ онъ исправный, хотя пьющій и шумливый, но человѣкъ вѣрный. «Вотъ тебѣ, гово-

ритъ, Божья коровка, три цѣлкаша за койку, принимай и цѣни». Ну и цѣнишь, потому другіе... сами знаете, Едесій Иванычъ, какой у меня народъ!... Ну, Богъ съ ними!... А вотъ тебя мнѣ жалко...

Старикъ поднялъ голову и съ нѣмой благодарностью посмотрѣлъ на говорившую.

Наступило молчаніе. Изъ-за притворенной двери слышался шумъ голосовъ и по временамъ взрывъ веселаго смѣха.

— Это ихъ майоръ потѣшаетъ,—уронила старушка,—завтра, сказываетъ, именинникъ и именины здѣсь справлять будетъ. «Всѣхъ, говоритъ, коечниковъ изъ залы выгоню!» Это онъ нашу хибарку залой величаетъ: что значитъ благородный человѣкъ!... «Залу, говоритъ, приберемъ по-праздничному: койки вынесемъ... А на пиршество только избранныхъ...» Ну, Едесій Иванычъ, подводись, подводись, батюшка!...

Старикъ зашевелился, уперся руками въ землю и съ усиліемъ поднялся на ноги; войдя въ кухоньку, онъ сѣлъ на придвинутую хозяйкой скамью и печально потупился. Наливъ ему чаю, Анисья Трофимовна примостилась напротивъ, подперлась рукой и соболѣзнующе уставилась на гостя своими больными, поминутно моргавшими глазами.

— Ну, Едесій Иванычъ, разскажи теперь, батюшка, гдѣ это ты свою шапочку дѣлъ, а?

Старикъ поднялъ голову, смущенно взглянулъ на вопрошавшую и снова потупился.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, Анисья Трофимовна, — смиренно прошепталъ онъ.

— Вотъ тебѣ и на! То-есть какъ же это?... Такую шапку!— ужаснулась хозяйка и, изумленная, закачала изъ стороны въ сторону своей маленькой, сѣдой головой.—Такъ какъ же ты теперь безъ шапки будешь, а?

— И самъ не знаю, какъ теперь мнѣ, старому, и быть, прошу покорно... Знаю только, что ужъ не имѣть мнѣ такой шапки, какъ Богъ-святъ, не имѣть!... И почнетъ снова у Едесія Иваныча голова болѣть и ревматизмы откроются...

— Вотъ горе-то! Да скажи ты мнѣ на милость, что тамъ съ тобою сталось, а?

Старикъ молчалъ. Вдругъ лицо его передернулось, голова нервно задергалась, и по морщинистымъ щекамъ заструились неудержимыя слезы.

Анисья Трофимовна смутилась, поднялась со скамьи, обдернула головной платокъ и снова сѣла.

— Едесій Иванычъ, ты что-жъ это, батюшка, плачешь, а?

— Плачу, Анисья Трофимовна, и того... прошу покорно... сердце у меня щемитъ, духъ сокрушается...

— Да что съ тобой, скажи ты мнѣ, Бога-ради!

И старикъ со слезами обиды на глазахъ разсказалъ, что съ нимъ случилось.

— Ото, Господи!—пригорюнилась старушка.—Вижу, что понапрасну изобидѣли... И какъ только такихъ людей сыра-земля держитъ!... Но ты, слышь, Едесій Иванычъ, не горюй, попей вотъ чайку, отопьешься...

— Спасибо вамъ, Анисья Трофимовна, что хоть вы Едесія Иваныча жалѣете, прошу покорно... Убогій онъ и совсѣмъ-таки безполезный человѣкъ, но и его вѣдь обижать нельзя, потому и у него тоже душа болитъ и слезы вотъ...

Старикъ заморгалъ вѣками, смахнулъ повисшую на рѣсницѣ слезу и, наливши въ блюдечко чаю, сталъ жадно пить, поминутно вытирая беззубый ротъ кончикомъ красненькой тряпочки, замѣнявшей платокъ.

Хозяйка молчала и не мѣшала гостю разговоромъ.

Выпивши безъ передышки три чашки, старикъ поднялся, помолился на икону и поблагодарилъ за угощеніе.

— Ну, что, Едесій Иваничъ, отпился?—участливо спросила хозяйка, прибирая чашку.

— Теперь ничего, какъ будто полегче стало, прошу покорно...

— Ну, и слава Богу! Только ты, слышь, Едесій Иванычъ, не скорби! Забытые мы люди, это вѣрно; никто о насъ не вспомнитъ, никто насъ не пожалѣетъ, но зато сами мы себя жалѣть должны и скорбью не сокрушать...

Жестяная лампочка стала тухнуть; старушка полѣзла къ образамъ, засвѣтила лампадку и потушила начавшій нагорать свой убогій свѣточъ.

По кухонькѣ разлился слабый свѣтъ; угловатость предметовъ стушевалась и все вокругъ какъ будто принарядилось.

Покончивъ съ огнемъ, хозяйка сѣла на свое мѣсто и тоскливо пригорюнилась.

— Старые мы съ тобой, Едесій Иванычъ, малопомощные... Но ты не скорби, все же мы еще ничего... Ты только вспомни, Едесій Иванычъ, что мы съ тобой свой хлѣбъ ѣдимъ, не чей-нибудь, а свой! Ты отъ тряпочекъ, а я отъ коечниковъ... да... И въ богадѣльню мы не попросимся, нѣтъ! Не такіе мы съ тобой люди... А за все это всякія скорби перенести можно... да... Только что-жъ это ты, Едесій

Иванычъ, а? Снова плачешь, что-ль, или это мнѣ такъ, мерещится? Мерещится, спрашиваю, или взаправду?

И старушка подслѣповатыми глазами стала приглядываться въ темнотѣ.

— Взаправду, Анисья Трофимовна... Я о томъ, прошу покорно, о сиротствѣ моемъ, объ одиночествѣ... Слабый сталъ... Ну, что, думаю, коли я еще не скоро помру, а силы меня того... возьмутъ да и покинутъ, такъ что ужъ и тряпочекъ не смогу собирать, ноги, значитъ, не понесутъ, ну, что тогда будетъ, а? Неужели-жъ Едесій Иванычъ на концѣ дней своихъ въ богадѣльню пойдетъ, чужинкой жить будетъ?

Голосъ старика дрогнулъ и оборвался.

Анисья Трофимовна безпокойно заворочалась и замахала на него руками.

— Да что ты, Едесій Иванычъ, что ты! Да никогда этого съ тобой не приключится: по гробъ доски свой трудовой ѣсть будешь, въ потѣ, значитъ, лица... Знаю я это, какъ «Отче нашъ» знаю! И ты, слышь, не скорби, брось! Потому отъ скорби могутъ и ноги отняться... Да-а... Такъ-таки и знай: по гробъ доски—свой хлѣбъ! — вдохновенно заключила старушка.

— Далъ бы то Богъ!—съ замѣтной надеждой и радостью откликнулся тряпичникъ, и печальное лицо его немного оживилось.—А то боязно что-то, ухъ, какъ боязно! чтобъ ноженьки когда служить не отказались. Теперь вотъ Едесій Иванычъ бариномъ живетъ, собираетъ себѣ тряпочки помаленьку, продаетъ ихъ на фабрику-кормилицу и тѣмъ пропитаніе снискиваетъ; а его все-жъ люди бьютъ, прошу покорно, его со двора гонятъ, со здоровыми ногами гонятъ. Такъ что-жъ, думаю, тогда будетъ, коли слягу... Охъ, страшно и подумать!

— А ты не думай, отгоняй мысли-то! Вотъ только насчетъ похоронъ подумать нужно, это вѣрно, чтобъ, значитъ, не пришлось бы тебя, бобыля, казеннымъ счетомъ на Ваганьково тащить... Не доведи насъ, Господи, до такого посрамленія!

Анисья Трофимовна остановилась и, уставившись на собесѣдника, понизила голосъ до шепота.

— Скажи ты мнѣ, Едесій Иванычъ, по-правдѣ, по-истинѣ, какъ, значитъ, на духу: припасъ ли ты себѣ похоронныя? Скопилъ ли, спрашиваю, на смерть или нѣтъ?

Тряпичникъ смутился: неожиданный вопросъ засталъ его врасплохъ. Наступило молчаніе. Старушка, не перемѣняя позы, пристально смотрѣла ему въ лицо.

— Ну, такъ какъ же, а? Не скрывай, Едесій Иванычъ! Вѣдь я

тебѣ не врагъ, не супостатъ... Не спрашивала раньше, потому видѣла, что ты еще телѣжку таскалъ, а вотъ какъ пришелъ сегодня, да какъ поглядѣла я на тебя, словно съ креста снятаго, такъ сейчасъ же объ этомъ самомъ и подумала... У меня, какъ и самъ знаешь, есть на смерть, не скрываю,—похоронятъ, коли умру—хоть и по послѣднему разряду, зато по-христіански; даже, не скрою, и на сорокоустъ останется... А вотъ ты какъ пришелъ, да какъ взглянула я на тебя, болѣзнаго, такъ ажъ въ душѣ похолонуло. Ну что, думаю, ежели конецъ его недалеко, скопилъ ли онъ себѣ похоронныя. И тутъ же рѣшила спросить... Такъ какъ же, Едесій Иванычъ, а? Не скрывай, говорю, не супостатъ я тебѣ, а доброжелатель... Скопилъ или нѣтъ?

— Скопилъ,—едва слышно уронилъ старикъ.

— Ну, слава Богу! — перекрестилась Анисья Трофимовна.— Теперь и мнѣ будетъ легче. Знаю, что великое для тебя сокрушеніе было бы, если бы ихъ не было... А гдѣ ты ихъ сберегаешь? не украли бъ... Мои въ сохранномъ мѣстѣ, за образами... А ты смотри: народъ-то у насъ какой... А сколько?

— Двадцать...

Собесѣдница одобрительно закачала головой.

Весь разговоръ велся шепотомъ, съ необходимой осторожностью: лица были серьезны и таинственны.

— Пять лѣтъ копилъ, — едва слышно заговорилъ Едесій Иванычъ,—по пятачку, по копеечкѣ откладывалъ; не доѣдалъ, не допивалъ,—о кончинѣ думалъ, прошу покорно... Какъ подумаю бывало о березовомъ, казенномъ гробикѣ, такъ даже въ жаръ броситъ, ну, и копилъ... Захочется иногда лишній разъ чайку попить, свое, значитъ, старческое тѣло разогрѣть, а какъ вспомнишь о казенномъ, такъ и бросишь думать о роскошествѣ... Зато, какъ зашилъ въ поддевку двѣ красненькихъ, такъ прямо-таки, прошу покорно, хе-хе!...

Старикъ тихо-тихо засмѣялся и, казалось, забылъ въ эту минуту о своей житейской невзгодѣ; лицо его прояснилось и въ голосѣ прозвучали счастливыя нотки пріятнаго сознанія своей обезпеченности.

— Вѣрно, Едесій Иванычъ, и я тоже самое испытывала,—оживилась Анисья Трофимовна. — Сладостное чувство и веселящее... А вотъ помню, какъ мы съ старикомъ моимъ покойнымъ собрали первый разъ въ жизни тридцать рублей, такъ не знали, что съ ними и дѣлать. Ночи не спимъ—боимся, чтобъ свой же братъ, мастеровой, не ограбилъ и самихъ не придушилъ; въ гости ли идемъ—другъ дружкѣ не довѣряемъ—кому деньги нести: ему или мнѣ, а оставить дома боимся... Никогда-то мы и въ жизнь не ругались, а тутъ ругаться

начали. Прямо грѣхопаденіе одно, да и только! Тогда и покой почувствовали, когда отъ суммы избавились... А теперь вотъ опять толику собрала, на смерть, да все своихъ коечниковъ боюсь; не пропюхали бъ, да за образа не полѣзли бы... Ну, а ты, Едесій Иванычъ, смущаешься, а?

— Смущаюсь, Анисья Трофимовна... Иной разъ такъ прямо, прошу покорно, оторопь возьметъ, а потомъ сомнѣніе: да неужели-жъ, думаю, я такой суммой владычествую. Подумаю это и начну удостовѣряться: выйму поддевочку, найду зашитое, пощупаю,—шелеститъ...

И измученный старикъ даже привсталъ и благоговѣйно сложилъ на груди руки; въ поднятыхъ къ потолку глазахъ блистали благодарныя слезы. Чувства, наполнявшія въ эту минуту душу Едесія Иваныча, передались, казалось, и его хозяйкѣ; широкая улыбка расплылась на ея добродушномъ старческомъ лицѣ; подслѣповатые глаза щурились и старались разглядѣть въ полумракѣ стоявшую передъ ней фигуру.

— Едесій Иванычъ, а ну, шагни поближе... Ну, такъ и есть— красное... Чего это ты раскраснѣлся, а?

Прозаическій вопросъ очнулъ старика.

— Я то чего?... Знобитъ меня маленько, Анисья Трофимовна, лихорадитъ, прошу покорно... А вотъ теперь какъ будто въ жаръ бросило... Ну, и того... обидѣли меня сегодня, а потомъ безъ шапки...

Печальныя воспоминанія снова охватили его; радостное выраженіе сбѣжало съ лица; онъ сѣлъ и грустно потупился.

— Ишь вѣдь!—заволновалась и Анисья Трофимовна.—А какъ же ты теперь, болѣзный, безъ шапки будешь, а? Объ обновкѣ, чай, и не думаешь: средства-то твои какія!... Но ты, слышь Едесій Иванычъ, не скорби! Я завтра къ майору обращусь и у него для тебя старую шапку попрошу; человѣкъ онъ благородный и подѣльчивый, можетъ и дастъ... У него, слышь, новая шляпа появилась, касторовая, пирожкомъ, говоритъ, что барыня какая-то подарила, такъ онъ еще и перо вставилъ да такъ и носитъ. По моему выходитъ на манеръ женской націи, а онъ, майоръ, даже божился, что въ прежни вѣки всѣ графы такъ ходили... Ну, кто ихъ тамъ разберетъ: ходили или нѣтъ! Такъ вотъ старая-то его шапка теперь безъ дѣла виситъ, а хорошая шапочка, манчестеровая и на ватѣ. Попрошу, можетъ и смилостивится, на убожество на твое глядя.

— Спасенная вы душа, Анисья Трофимовна! только вы, прошу покорно, Едесія Иваныча и жалѣете...

— Ты погоди благодарить-то!—замахала на него руками старушка.—Можетъ, еще и не дастъ, а коли дастъ, то дѣло это только

къ вечеру оборудовать можно. А вотъ, какъ ты завтра безъ шапки по тряпичному сбору пойдешь, а? Объ этомъ подумать нужно.

— Нѣтъ, Анисья Трофимовна, видно ужъ того... не пойду завтра, прошу покорно: знобитъ что-то, лихорадитъ... Потомъ вотъ кашель одолѣваетъ, коли это я телѣжку тяну... Попраздную завтра, отдохну, хотя денекъ отдохну... а? какъ вы думаете, Анисья Трофимовна?

— Ну, что жъ! и отдохни, и отдохни на здоровье!

Старикъ всталъ.

— Идешь, Едесій Иванычъ?

— Иду, Анисья Трофимовна. Спасибо вамъ за ласку; обогрѣли вы меня и того... шапочкой порадовали, прошу покорно.

— Да погоди, погоди благодарить-то!... Ну, ступай съ Богомъ... А шапочку я тебѣ выпрошу, ты ужъ будь покоенъ! Да не скорби душой-то, не крушись!... Все же у насъ, что тамъ ни говори, а похоронныя есть... Обезпеченіе!

III.

Простившись съ хозяйкой, Едесій Иванычъ вышелъ изъ кухоньки и, войдя въ чуланъ, плотно притворилъ за собою дверь; нащупавъ на землѣ убогое ложе, онъ помолился и легъ, измученный болѣзнью и треволненіями прожитаго дня; старая дерюга, покрывавшая разостланное тряпье, давила его костлявое тѣло, но старикъ лежалъ неподвижно, не будучи уже въ силахъ шевелиться, и тоскливыми, несмыкавшимися глазами смотрѣлъ вверхъ, въ непроглядную темноту чулана.

Долго такъ лежалъ онъ, знобимый начавшейся лихорадкой, но спать не могъ. Усталость парализовала его слабое, переутомившееся тѣло; руки безпомощно, какъ плети, вытянулись вдоль; приставшія ноги, выхаживавшія каждый день чуть ли не треть города, болѣзненно ныли и грозили хозяину скорой отставкой. Но острое чувство боли давно уже притупилось въ старомъ тряпичникѣ.

Много вынесъ и натерпѣлся Едесій Иванычъ въ продолженіе своей долгой и многотрудной жизни; все въ ней складывалось такъ, чтобъ озлобить и осквернить его душу; но въ самыя ужасныя минуты, онъ черпалъ откуда-то нужныя силы и устаивалъ тамъ, гдѣ падали другіе.

Одинокій и униженный, брелъ Едесій Иванычъ среди мятущейся толпы, радуясь каждому доброму слову, хотя бы и не ему предназначенному, каждому привѣтливо посмотрѣвшему на него лицу прохо-

жаго. Но когда ему становилось уже не подъ силу пробираться въ этой безконечной толпѣ живыхъ мертвецовъ, онъ останавливался, пугливо забивался куда-нибудь подальше и ждалъ; чего, собственно, ждалъ, онъ и самъ не могъ разобраться въ этомъ, но сидѣлъ въ своемъ одиночествѣ до тѣхъ поръ, пока свѣтлая вѣра, много разъ уже утрачиваемая, вѣра въ людское состраданіе не зарождалась въ душѣ; тогда онъ снова выходилъ, робко, съ замираніемъ сердца. Но попрежнему всюду было мрачно, тоскливо, безысходно... Идти дальше, одинокому и забитому было некуда. Оставался одинъ исходъ—вѣками проторенная, широкая дорога въ родимый кабакъ. Безконечной, но удрученной толпой, двигались туда, манимыя гостепріимно распахнутыми дверями, надъ которыми не красовалась обычная надпись: «ходъ воспрещенъ», текущія волны народа, безвозвратно скрывавшіяся за протертымъ лаптями порогомъ.

Но не пошелъ туда Едесій Иванычъ, устоялъ.

Откуда же онъ, этотъ затерявшійся въ толпѣ человѣкъ, черпалъ необходимыя силы?

Сколько помнитъ себя Едесій Иванычъ, онъ всегда былъ одинъ, безпомощный и забитый. Въ тяжело прожитомъ дѣтствѣ всѣ его травили,—кто не хотѣлъ, тотъ только и не обижалъ; но послѣднихъ, т.-е. нежелающихъ, было слишкомъ мало; всѣ же, кто проходилъ мимо, считали чуть ли не обязанностью сдѣлать непріятное травленному, но не огрызавшемуся волчонку. Кто его привезъ изъ деревни и отдалъ въ кондитерскую, Едесій не помнитъ; помнитъ только, что тамъ зло шутили надъ нимъ, неразумнымъ мальцомъ, заставляя его, подъ угрозой наказанія, мыть до бѣла коксъ,—работа, надъ которой онъ проводилъ, на потѣху старшихъ, цѣлые часы, стирая до крови пальцы и ежеминутно ожидая страшнаго возмездія за неточное выполненіе данной работы. Но чудное дѣло: очевидная людская несправедливость, преслѣдовавшая его цѣлую жизнь, не озлобила его усталую душу. И много съ тѣхъ поръ пережилъ онъ и испыталъ.

Съ кожаной котомкой на сутуловатой спинѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ, двадцать лѣтъ бродилъ Едесій Иванычъ по городамъ и весямъ необъятной родины. И только здѣсь, въ долгій періодъ своего скитанія, онъ иногда воскресалъ душой, встрѣчая по пути и безкорыстную дружбу, и братскую любовь къ страждущему отъ такого же бродячаго горемыки, какъ и самъ. Здѣсь на глухихъ перекресткахъ и проселкахъ, при случайныхъ встрѣчахъ и разговорахъ, Едесій Иванычъ ожилъ, воспрянулъ духомъ.

Но прошли для Едесія Иваныча молодые годы: надвигалась старость; слабое тѣло подламывала болѣзнь. И вотъ, подобрали его од-

нажды на улицѣ въ припадкѣ падучей и водворили въ больницѣ; цѣлый годъ пролежалъ онъ тамъ, удивляя соприкасавшихся съ нимъ своимъ страннымъ, на первый взглядъ, поведеніемъ: подходила ли къ нему сидѣлка, привѣтливо освѣдомляясь о его здоровьѣ, Едесій Иванычъ виновато смотрѣлъ на нее, ловилъ ея руку и со слезами на глазахъ начиналъ благодарить ее за участіе; заглядывалъ ли въ палату врачъ, Едесій Иваничъ, сбиваясь и захлебываясь отъ волненія, просилъ его простить ему, что онъ, безполезный человѣкъ, безпокоитъ занятыхъ людей своей болѣзнью.

Выйдя изъ больницы, безсильный и безпомощный, Едесій Иванычъ очутился на улицѣ шумной столицы безъ всякаго пристанища и возможности какого-либо заработка. Всю жизнь онъ существовалъ своимъ лишь трудомъ, неужели-жъ теперь, на склонѣ лѣтъ, онъ протянетъ руку. Въ жаръ и трепетъ бросало старика отъ мрачныхъ безысходныхъ думъ. Голодный и труждающійся, цѣлый день пробродилъ онъ по окраиннымъ улицамъ столицы. Заснулъ онъ въ какой-то пустоши, служившей для свалки мусора. Проснувшись раннимъ утромъ, онъ увидѣлъ сидѣвшую не вдалекѣ старуху, что-то старательно отыскивавшую въ разрываемыхъ кучахъ мусора; тутъ же, подлѣ ней, лежалъ мѣшокъ, наполовину уже наполненный. Старуха, какъ оказалось, была тряпичница, сбиравшая, гдѣ приходилось, тряпки и сбывавшая свой товаръ болѣе солиднымъ тряпичникамъ, которые, въ свою очередь, сбывали его «тряпичнымъ фирмамъ», а тѣ ужъ имѣли непосредственное сношеніе съ фабрикантами. Нечаянный случай натолкнулъ Едесія Иваныча на его призваніе, на работу, которая была въ пору его утраченнымъ силамъ.

Забывши ощущеніе томившаго его голода, Едесій Иванычъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ старуху, съ любезной готовностью и въ пространномъ изложеніи познакомившую его съ немногосложнымъ, но дающимъ вѣрный заработокъ, тряпичнымъ дѣломъ.

Набравши, въ видѣ перваго урока, полный мѣшокъ тряпокъ, Едесій Иванычъ помогъ старухѣ доставить его по назначенію, и съ тѣхъ поръ, раздобывшись своимъ мѣшкомъ, сдѣлался профессіональнымъ тряпичникомъ. Какіе только съ того времени сорники и мѣста свалки мусора не видали сутуловатой фигуры Едесія Иваныча! Съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, съ тихой и радостной улыбкой на добромъ лицѣ, выходилъ онъ каждое утро на промыселъ. Каждая находимая тряпка, каждый кусокъ пригодной для сбыта кости, надъ которыми приходилось работать еще и дома, радовали старика.

Года четыре проработалъ такъ Едесій Иванычъ, поколь добился

болѣе обезпеченнаго положенія и могъ уже самъ покупать товаръ по дворамъ и отъ мелкихъ тряпичниковъ, и ужъ, конечно, гораздо лучшій, чѣмъ собираемый безвозмездно.

Но четыре года усиленнаго труда и пребыванія среди грязи и зараженныхъ всевозможными міазмами мусорныхъ ямъ и сорниковъ, окончательно подломили слабое здоровье старика; впалая грудь его стала побаливать; появился и кашель. Надломленныя силы не позволяли уже таскать мѣшки съ тряпьемъ, и старикъ принужденъ былъ завести телѣжку, которую и возилъ за собою по дворамъ, складывая въ нее покупаемый товаръ. Останавливаясь среди двора, онъ слабо, и не такъ внятно, какъ прежде, выкрикивалъ о предметѣ своей покупки, вѣрнѣе—слова его теперь сливались и разобрать, что̀ именно выкрикивалъ этотъ старикъ, съ цѣлой шапкой сѣдыхъ волосъ на головѣ, было трудно; но встрѣчавшіе Едесія Иваныча каждый день не только знали о его смиренной профессіи, но были и духовно знакомы съ старымъ тряпичникомъ.

Съ появленіемъ кашля, мрачныя думы стали все чаще и чаще посѣщать старика. И часто лежа на своей узенькой койкѣ, среди шума и гама коечно-каморочныхъ обитателей убогаго съема Анисьи Трофимовны, онъ съ тоскливымъ замираніемъ сердца думалъ о томъ, что если болѣзнь продолжится такъ и дальше, то въ одинъ несчастный день очутится онъ, Едесій Иваничъ, обузой для другихъ. Даже тогда, когда немного оправившись, онъ принялся за работу, мысль эта не давала ему покоя; старикъ безпокойно подымалъ голову, руки его, перебиравшія тряпки, дрожали и мертвенная блѣдность покрывала осунувшееся лицо. Одно утѣшало его: это мысль о скопленныхъ тяжелымъ пятилѣтнимъ трудомъ и лишеніями 20 руб. на гробъ, на свой, а не казенный гробъ.

— Что съ тобою, Едесій Иванычъ?—участливо спрашивала сидѣвшая тутъ же, подъ лѣстницей, Анисья Трофимовна, занятая своей спеціальностью, — штопаньемъ чулочной пятки, оттопыренной для успѣшности работы всунутой ложкой.

— Ничего, прошу покорно... Мысли все въ голову лѣзутъ и какъ будто этакія несуразныя, пугливыя,—пояснялъ старикъ и высоко подымалъ къ свѣту разсматриваемую тряпку.—Кажись, шерстяная... Нѣтъ, маделоламъ... Эту вотъ въ ту кучечку... Да, Анисья Трофимовна, пугливыя мысли, безпокойныя... Боюсь я, что силенки моей скоро не хватитъ телѣжку возить... А что-жъ тогда я дѣлать буду, а? О-охъ! Боюсь и подумать, боюсь пуще черной немощи, чтобъ не быть государству обузой и не ввести казну въ трату.

Старый тряпичникъ всѣ безъ исключенія благотворительныя учрежденія считалъ казенными.

Цѣлое лѣто протаскалъ Едесій Иванычъ свою телѣжку; грудь болѣла, а онъ все везъ и везъ, быстрыми шагами приближаясь къ концу.

Случай съ сумасбродной владѣлицей антисанитарнаго подворья глубоко поразилъ старика; шея его и плечи до сихъ поръ ныли отъ внушительныхъ толчковъ исполнительнаго дворника. И больно, мучительно больно было старому тряпичнику.

Только къ утру заснулъ Едесій Иванычъ, но и во снѣ не было покоя старику: снилось ему, что выгонявшій его дворникъ, не удовольствовавшись пинками, подскочилъ къ телѣжкѣ и разбросалъ всѣ его мытыя тряпки.

Съ глухимъ крикомъ проснулся старикъ. Въ дверь чулана стучали.

IV.

— Едесій Иванычъ, выходи, батюшка! будетъ спать-то, проснись! Я тебѣ шапку принесла!—кричала изъ-за двери Анисья Трофимовна, постукивая по доскамъ палкой.

Старикъ не разслышалъ словъ, но по радостному тону догадался, что шапочная миссія была блистательно выполнена.

— Съ добрымъ утромъ, Анисья Трофимовна.

Но отвѣтъ на обычное поздравленіе былъ слишкомъ мелоченъ предъ тѣмъ истрепаннымъ предметомъ, который торжествующая старушка держала въ рукахъ.

— Принимай, батюшка, шапку-то, принимай! Майоръ на бѣдность твою жертвуетъ... Спасенная душа! Да нагнись-то, нагнись! небось отъ радости вытянулся. Я обнову тебѣ сама примѣряю.

Шапка была не изъ новыхъ, мѣстами покрывавшій ее манчестеръ полопался и обнажалъ вату.

Едесій Иванычъ молчалъ, не будучи въ силахъ произнести подобающаго слова; преисполненный чувствомъ благодарности, онъ признательно смотрѣлъ на добродѣтельную Анисью Трофимовну.

— Ну, что, Едесій Иванычъ, какъ, хороша?

— Хороша, Анисья Трофимовна, больно хороша!... Всякое, прошу покорно, даяніе благо... Пожалѣли вы Едесія Иваныча, спасибо вамъ... Спасибо и его благородію господину майору, прошу покорно... Слабый я теперь человѣкъ сталъ, трогательный...

Старикъ бережно снялъ подарокъ, умильно посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на хозяйку и прослезился.

— Да ты чего это, а? отъ радости, что-ль?

— Отъ радости, Анисья Трофимовна... И все-то меня теперь трогаетъ: бьютъ Едесія Иваныча, жалѣютъ ли Едесія Иваныча, все равно душа у него плачетъ, волнуется, и отъ горя, значитъ, и отъ радости, прошу покорно...

Старикъ снова надѣлъ шапку и сталъ бережно ее ощупывать руками. Анисья Трофимовна обошла его вокругъ, внимательно осмотрѣла со всѣхъ сторонъ и, найдя, что обнова заломилась немного набокъ, поправила прямѣе.

— Ну, теперь хорошо... вотъ такъ и носи... А за шапочку майора поблагодари; сейчасъ онъ въ городъ ушелъ; именинникъ онъ сегодня, и тебя, Едесій Иванычъ, тоже на именины звалъ; ей-Богу правда! Такъ ты, батюшка, чести этой ради, принарядись, принарядись маленько!... И всѣ мы нашего именинника честь-честью встрѣтимъ, какъ и подобаетъ... А теперь я пойду, на именинный пирогъ погляжу: онъ у меня уже въ печкѣ...

И засуетившаяся Анисья Трофимовна заковыляла въ кухоньку.

Удача съ шапкой подбодрила старика, лицо его повеселѣло; глаза выглядѣли жизненнѣй и даже сгорбившаяся фигура, казалось, выпрямилась и подтянулась.

Утро Едесія Иваныча начиналось очень счастливо, а впереди еще предвидѣлись именины, приглашеніе на которыя несказано льстило ему и льстило тѣмъ болѣе, что не всѣ изъ коечниковъ Анисьи Трофимовны были удостоены этой чести, а его, убогаго, отличили, да еще заранѣе шапочкой порадовали, данной не отъ избытка, а отъ скудости господина майора.

Волнуемый чувствомъ благодарности и душевнаго умиленія, облекался Едесій Иванычъ въ свою новую поддевку, отличавшуюся отъ старой не новизной, но лишь отсутствіемъ предательскихъ дыръ. Одно лишь обстоятельство немного смущало старика: отъ природы онъ былъ не то, чтобъ необщителенъ, но тихъ и робокъ, что для именинника гостя было не совсѣмъ къ лицу, при столь знаменательномъ для всего съема событіи.

— Едесій Иванычъ, иди, батюшка!

Захлопнувъ дверь чулана, старикъ послѣдовалъ внутрь квартиры за несшей впереди пирогъ Анисьей Трофимовной.

Большая комната, населенная двѣнадцатью коечниками съ ихъ чадами, была приведена въ болѣе приличный, чѣмъ обыкновенно, видъ; очевидно, именинникъ пользовался здѣсь большимъ почетомъ, если обитатели пожертвовали для него личнымъ спокойствіемъ и выселились кто куда могъ: на дворъ подъ лѣстницу, въ сѣни, или еще

проще — подъ койки. Вся средина комнаты была расчищена и тамъ стоялъ широкій столъ, покрытый листами газетной бумаги.

При входѣ хозяйки съ пирогомъ, игравшая на полу дѣтвора шарахнулась въ сторону и, разсыпавшись по койкамъ, стала съ любопытствомъ слѣдить за необычнымъ зрѣлищемъ. Изъ приглашенныхъ Едесій Иванычъ былъ первымъ; усѣвшись на указанную у стола скамью, онъ оглядѣлся кругомъ и постарался подавить охватившее его волненіе. Изъ полумрака угловъ и изъ-подъ коекъ на него съ испугомъ уставились нѣсколько дѣтскихъ лицъ, не узнавшихъ въ принарядившемся старикѣ всѣмъ доступнаго Едесія Иваныча. Суетившаяся Анисья Трофимовна погрозила на нихъ пальцемъ; головы спрятались, но вскорѣ снова появились, направляя уже жадные взгляды на содержимое стола.

— Василій Павлычъ Рокотаевъ здѣсь жительствуетъ? — послышалось изъ сѣней, и вслѣдъ за вопросомъ въ комнату вошелъ осанистый господинъ въ черномъ полукафтаньѣ и въ черномъ же картузѣ съ бархатнымъ околышемъ.

Вошедшій былъ, повидимому, одинъ изъ званыхъ.

— Пожалуйте, пожалуйте, здѣсь!—бросилась навстрѣчу Анисья Трофимовна.

Господинъ остановился и пытливымъ, подозрительнымъ взглядомъ оглядѣлся кругомъ.

— Вамъ, батюшка, нашего майора надобно?

Не удостоивъ хозяйку взглядомъ, горделивый гость прошелъ къ почтительно поднявшемуся Едесію Иванычу.

— Съ кѣмъ, напримѣръ, имѣю честь?

— Съ Едесіемъ Иванычемъ, прошу покорно... Окороковымъ по прозванью,—поклонился старикъ и заволновался.

Торжественность именинной обстановки и официальный вопросъ гостя, вмѣстѣ съ его внушительной фигурой, смущали старика, очутившагося первый разъ въ жизни въ невѣдомой ему прежде атмосферѣ.

Низкій поклонъ и замѣтное смущеніе пріятно подѣйствовали на гостя.

— А я, милый человѣкъ, Галдарейкинымъ прозываюсь, а по профессіи, напримѣръ, старшимъ факельщикомъ при похоронномъ бюро состою и всей, значитъ, церемоніей заправляю. Ну, а именинникъ же нашъ гдѣ?

Вопросъ этотъ предназначался стоявшей въ сторонѣ Анисьѣ Трофимовнѣ.

— Въ городъ изволилъ уйти, батюшка, за покупками, — доло-

жила хозяйка и поклонилась, считая прибывшее лицо за человѣка требовательнаго и солиднаго.

Въ комнату вошли еще двое новоприбывшихъ. Одинъ былъ ночной сторожъ, въ форменной синей блузѣ и въ фуражкѣ «полицейскаго вѣдомства», другой—смиренный клирикъ Михеичъ, изъ приходской церкви. Новоприбывшіе вошли какъ старые знакомые и люди неоднократно здѣсь бывавшіе. Встрѣченные хозяйкой, они поговорили съ ней о погодѣ и, пройдя къ столу, усѣлись рядомъ съ любезно потѣснившимся Едесіемъ Иванычемъ на одну скамью, бросивъ вопросительный взглядъ на факельщика.

— Едесій Иванычъ, а кто они будутъ? — полюбопытствовалъ клирикъ Михеичъ, кивнувъ въ сторону величественно возсѣдавшаго незнакомца.

— Галдарейкинъ, прошу покорно...

Но какъ ни старались старички говорить шепотомъ и не обратить на себя вниманія, а наклоненіе головъ не укрылось отъ зоркаго глаза гостя; онъ тихо повернулся и обдалъ ихъ мрачнымъ взглядомъ.

— Ежели, напримѣръ, вы въ гостяхъ и удостоились чести быть на майоркиныхъ именинахъ, то вы не должны по сему поводу секреты заводить и мое, напримѣръ, спокойствіе смущать!

Застигнутые врасплохъ, старички смутились; клирикъ замигалъ вдругъ заслезившимся лѣвымъ глазомъ и сталъ, не спѣша, поводить мизинцемъ по багровой переносицѣ.

Едесій Иванычъ приподнялся, поклонился зачѣмъ-то факельщику, словно благодарилъ его за замѣчаніе, и снова сѣлъ, отодвинувшись на конецъ сидѣнья.

Не смутился лишь представитель администраціи: онъ заискивающе посмотрѣлъ на «бюро» и съ снисходительной улыбкой мигнулъ въ сторону старичковъ.

— Старина-фартификація!

— То-есть, скажу вамъ, прямо-таки неприличіе! Никакого, напримѣръ, знанія и этикетнаго понятія!... Общественные секреты это, это ужъ послѣднее дѣло!

Но тутъ ораторъ вдругъ оборвался и прислушался.

V.

— Смирно!—раздался вдругъ на дворѣ раскатистый басъ.

Присутствующіе переглянулись.

— Вы, коечная команда, слышите? Сюда не соваться! У меня

здѣсь гости и вамъ не чета, не-то—въ шею! Рокотаева знаете? То-то!—послышалось уже въ сѣняхъ.

Гости поднялись и столпились у стола въ почтительномъ ожиданіи. Въ дверяхъ показалась высокая фигура страннаго по виду субъекта; выразительное лицо, наполовину заросшее волосами, широко улыбалось присутствующимъ; большая голова, съ длинными, всклокоченными волосами, была едва прикрыта небольшой черной шляпой «пирожкомъ» съ приколотымъ къ лѣвой сторонѣ чернымъ перомъ. Широчайшая крылатка, цвѣта «бурдо», безъ верхняго капюшона, походившая скорѣе на плащъ, ниспадала съ богатырскихъ плечъ, облекая небрежными обхватами весь корпусъ.

Перешагнувъ порогъ, вошедшій остановился и медленнымъ взглядомъ оглядѣлся кругомъ. Видъ былъ торжественно-серьезный. Оставшись, повидимому, доволенъ обзоромъ, онъ повернулся къ стоявшей компаніи и осклабился.

— Многоуважаемый Василій Павлычъ, имѣемъ честь поздравить васъ съ днемъ ангела. Дай вамъ Богъ счастія и здоровья, и того, чего и вы желаете!—хоромъ поздравили гости.

Именинникъ шагнулъ къ столу и распахнулъ плащъ.

— Садитесь, господа!—величественнымъ жестомъ усадилъ онъ стоявшихъ. — Несказанно тронутъ выраженнымъ пожеланіемъ... Я не ошибся въ васъ, господа! Въ столь знаменательный для меня день, я пригласилъ васъ раздѣлить со мной мою скудную трапезу, васъ, представителей корпорацій моей многострадальной родины. Въ вашемъ смиренномъ лицѣ, достопочтенный клирикъ Михеичъ, я вижу представителя духовнаго міра, притекшаго на скромное торжество забубеннаго майора Рокотаева. Дальше. Въ твоемъ лицѣ, Едесій Иванычъ, въ лицѣ, на которое я безъ слезъ не могу смотрѣть, я вижу представителя нашей отечественной промышленности вообще, и мануфактуры въ частности. Хвала тебѣ, безызвѣстный тряпичникъ, ты разрушилъ нашу вѣковую косность, ты двинулъ впередъ предпріимчивость! О васъ, малоуважаемый Гаведдай Семенычъ, я умалчиваю: ваши административные канты краснорѣчиво говорятъ о томъ вѣдомствѣ, представителемъ котораго вы здѣсь пребываете. Комментаріи излишни. Что же касается васъ, мистеръ Галдарейкинъ, то я переполненъ неопредѣленными чувствами къ представителю похороннаго министерства... Въ заключеніе не могу не отдать дани должнаго нашей всеуважаемой Божьей коровкѣ, добродушнѣйшей Анисьѣ Трофимовнѣ, этой истинно русской женщинѣ, умѣющей любить, терпѣть и вѣрить. Ура!—гаркнулъ именинникъ и вытащилъ изъ-подъ плаща на столъ три бутылки съ «выпивкой».

Всѣ поименованныя лица, послѣ произнесеннаго къ нимъ похвальнаго слова, поочередно вставали и кланялись оратору. Анисья Трофимовна расчувствовалась. Всенародное восхваленіе ея заслугъ вызвало даже слезы.

— Батюшка, Василій Павлычъ!... именинничекъ вы нашъ желанный... Да какъ же обогрѣли вы меня, сироту, словомъ своимъ похвальнымъ!... Должница я теперь ваша, по гробъ доски должница... Вотъ и Едесій Иванычъ тоже самое говоритъ, за шапочку дарованную благодарность принести желаетъ... Едесій Иванычъ, подымайся, батюшка, благодари его благородіе!

Старый тряпичникъ смущенно поднялся, хотѣлъ что-то сказать, но запнулся и смолкъ. Даръ краснорѣчія, отсутствовавшій всю жизнь, не появился и въ эту торжественную минуту.

— Ты что это, старина, бѣдствуешь, а?—пришелъ на помощь имениннику.

— Бѣдствую, прошу покорно...

— Потерпи, и я бѣдствовалъ...

Едесій Иванычъ ободрился.

— Покорно благодарю, Василій Павлычъ... Я того, прошу покорно, преисполненъ... Обрадовали вы меня шапочкой вашей, вотъ какъ обрадовали!...

Старикъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и остановился; продолжать дальше онъ не могъ: подступившія слезы, слезы благодарности душили его.

— Милѣйшій Едесій Иванычъ, я польщенъ и тронутъ, а потому садитесь и не волнуйтесь,—усадилъ его майоръ и повернулся къ гостямъ.—Господа, передъ нашей скромной трапезой позвольте сказать краткое слово. Много, господа, на Москвѣ есть людей (не человѣковъ, а только людей, запомните), много среди нихъ у Рокотаева было и есть знакомыхъ, но изъ всѣхъ ихъ избраны только вы, господа...

— По Евангельской истинѣ: много званыхъ, да мало избранныхъ,—ввернулъ клирикъ Михеичъ.

— Вродѣ этого... Теперь отвѣтствуйте: цѣните или нѣтъ?

— Цѣнимъ,—хоромъ отвѣтили гости.

— Я не ошибся въ васъ, господа... Приступимъ же... Анисья Трофимовна, повѣсьте, хозяюшка, мой максимиліановскій плащъ надъ моей койкой на подобающемъ ему мѣстѣ и шляпу съ перомъ водрузите тамъ же... Помните, мистеръ Галдарейкинъ, какъ Мефистофель говоритъ оробѣвшему Фаусту: чего ты, молъ, дуракъ, испугался? Я явился къ тебѣ, какъ испанскій грандъ со шпагой и шляпой съ перомъ...—Майоръ величественнымъ движеніемъ сбросилъ свой плащъ

на руки засуетившейся Анисьѣ Трофимовнѣ.—Этотъ плащъ, господа... или, вѣрнѣе, исторія пріобрѣтенія этого плаща весьма назидательна. Я вамъ ее повѣдаю... Но сперва выпьемъ и закусимъ.—Именинникъ крякнулъ и налилъ полныя рюмки.—Въ смутное время, господа,—началъ онъ, когда гости «заложили фундаментъ»,—которое, то-есть смутное время, бываетъ не только въ исторіи цѣлаго народа, но и въ исторіи отдѣльнаго лица, пришлось мнѣ, Рокотаеву, играть на Рождествѣ, въ балаганѣ на Дѣвичьемъ полѣ, всепочетнѣйшую роль царя Максимиліана, въѣзжавшаго къ своимъ вѣрноподданнымъ на бѣлой ослицѣ, съ короной на головѣ и въ пурпуровомъ плащѣ на царственныхъ плечахъ. Дѣла нашей антрепризы шли плохо; артистамъ, и даже царю Максимиліану, не было уплачено условленное жалованье, честно заработанное при двадцатиградусномъ морозѣ, свирѣпствовавшемъ въ балаганѣ во время царскихъ выѣздовъ. Артисты разбрелись, сложивъ къ ногамъ павшаго духомъ антрепренера свои средневѣковые костюмы. Одинъ лишь царь Максиміліанъ гордо прошелъ мимо и вышелъ на улицу, прикрытый легкой тканью своего царственнаго плаща. Гонораръ былъ взятъ натурой. И съ того достопамятнаго дня мы съ нимъ неразлучны. Летучее время унесло, со дня моего перваго и послѣдняго дебюта, пять долгихъ лѣтъ; мой максиміліановскій плащъ и его хозяинъ успѣли состариться; изъ ярко-пурпуроваго онъ, мой товарищъ, не измѣняющій мнѣ, въ назиданіе женщинамъ, ни зимой, ни лѣтомъ, успѣлъ окраситься въ менѣе благородный цвѣтъ «бурдо». Но я не ропщу, подчиняясь законамъ природы... Друзья мои! когда я умру—заверните меня въ мой плащъ, пусть онъ сгніетъ вмѣстѣ со мной, если не успѣетъ до того желаннаго часа сгнить на моихъ плечахъ.

Гости зашевелились, можетъ быть, выражая этимъ свою готовность исполнить желаніе завѣщателя.

Майоръ молчаливымъ наклоненіемъ головы поблагодарилъ ихъ и снова наполнилъ рюмки.

— Господа, навѣрно кто-нибудь изъ васъ упрекнулъ меня въ душѣ за мой поступокъ съ антепренеромъ. Объяснимся. Лично мнѣ и теперь глубоко жаль нашего милѣйшаго Сысоя Иваныча, этого истинно русскаго неудачника-предпринимателя, неизсякаемая энергія котораго достойна была поощренія, а не пятирублевыхъ сборовъ; онъ бился, какъ рыба объ ледъ, но не находилъ ни у кого ни сочувствія, ни поддержки. Братья, кто изъ васъ, послѣ всего разсказаннаго, броситъ камень въ русскаго предпринимателя? Никто. Похвально. Я въ васъ не ошибся. Что же касается плаща, то я поступилъ, строго согласуясь съ зимней атмосферой, леденящее давленіе которой доходи-

ло до безобразнѣйшей нормы и мое, облаченное въ одинъ пиджакъ, тѣло не выносило подобныхъ градусовъ. Господа, каждый изъ васъ, будучи на моемъ мѣстѣ и обладая моей, внушающей невольное уваженіе, фигурой, поступилъ бы такъ же, тѣмъ болѣе, что у Сысоя Иваныча осталось на разживу еще пять, хотя и не такихъ, но все же средневѣковыхъ плащей.

Слушатели не могли не согласиться. Любезный именинникъ предложилъ здравицу за гостей, за всѣхъ въ совокупности. Послѣ здравицы именинный пирогъ съ творогомъ былъ торжественно разрѣзанъ на равныя части и распредѣленъ между трапезовавшими. Нѣкоторое время, занятые ѣдой, гости молчали, и вскорѣ отъ имениннаго пирога остались одни лишь пріятныя воспоминанія.

Когда бутылки изсякли и на лицо близъ сидѣвшаго факельщика легла замѣтная тѣнь недовольства, майоръ вытащилъ изъ широчайшаго кармана «резервъ», своевременное появленіе котораго сразу сгладило морщинки на многодумномъ челѣ почтеннаго представителя похороннаго бюро. Разговоръ, подогрѣтый рябиновкой, оживился и сдѣлался общимъ. Повеселѣвшій Едесій Иванычъ, забывъ на время и недугъ, и свои житейскія невзгоды, выглядѣлъ по праздничному и не такимъ болѣзненно-подавленнымъ, какимъ привыкли его видѣть. Какъ человѣкъ, любившій Господа, онъ придвинулся къ своему сосѣду по трапезѣ, клирику Михеичу, и велъ съ нимъ душеспасительный разговоръ. Ночной сторожъ, Гаведдай Семенычъ, старательный по службѣ до умопомраченія, горячо повѣствовалъ Анисьѣ Трофимовнѣ, какъ обошло его начальство и обдѣлило «селедкой», то-есть саблей городового, а, слѣдовательно и сопряженной съ ней должностью; внимательно слушавшая разсказъ старушка соболѣзнующе качала головой и весьма сожалѣла о томъ, что не случилось это въ то время, когда жила она въ няняхъ у пристава, черезъ посредство котораго можно было бы сдѣлать многое. Гаведдай Семенычъ горячо благодарилъ ее и съ своей стороны сожалѣлъ, что не случилось этого тогда.

Въ то время, какъ на одномъ концѣ стола шли чисто служебные разговоры, на другомъ расходившійся факельщикъ громилъ необразованность въ лицѣ клирика Михеича и тряпичника Едесія Иваныча. Повѣдавъ майору о допущенномъ вышеназванными лицами секретномъ о немъ шушуканьи, отнюдь не допускаемомъ не только въ порядочномъ обществѣ, но даже и на похоронахъ послѣдняго разряда, господинъ Галдарейкинъ рѣшительно потребовалъ отъ именинника его просвѣщеннаго воздѣйствія на провинившихся.

Пристально, подперевъ свою мохнатую голову руками, смотрѣлъ на говорившаго Рокотаевъ. Подъ упорно устремленнымъ на него взгля-

домъ факельщикъ потерялъ самоувѣренность въ правотѣ своихъ требованій и смолкъ. Тогда майоръ нагнулся къ нему и что-то шепнулъ на ухо. Почтенный представитель похороннаго бюро въ ужасѣ отшатнулся и, сдѣлавъ безнадежный жестъ рукой, смолкъ безъ возраженій. Но временное оцѣпенѣніе продолжалось не долго; минутъ черезъ десять молчаливаго созерцанія, пользуясь тѣмъ, что вниманіе именинника было отвлечено разговоромъ съ хозяйкой, онъ подсѣлъ къ Едесію Иванычу и, вмѣшавшись въ его разговоръ съ Михеичемъ, сталъ прекословить и не соглашаться съ высказываемыми душеспасительными истинами. Когда же смущенные старички, разбитые на всѣхъ пунктахъ, смолкли, господинъ Галдарейкинъ ядовито ухмыльнулся и спросилъ Едесія Иваныча:

— А какой ты, напримѣръ, профессіи? По занятію, спрашиваю, чѣмъ будешь?

— Тряпичникъ, прошу покорно...

Факельщикъ фыркнулъ и сталъ смѣяться надъ низкимъ занятіемъ человѣка, попавшаго не въ свое общество.

Когда къ насмѣхавшемуся факельщику присоединился и Гаведдай Семенычъ, Едесій Иванычъ заскорбѣлъ душой и глубоко обидѣлся за свое честное дѣло собиранія тряпокъ, за дѣло, которое дало ему возможность не только существовать своими силами и не быть обузой для ближнихъ, но и собрать «похоронныя».

— Не смѣйтесь, прошу покорно,—просящимъ тономъ, опустивъ голову, тихо заговорилъ старикъ.—Едесій Иванычъ маленькій человѣкъ, Едесій Иванычъ бѣдненькій человѣкъ, но Едесій Иванычъ себѣ на умѣ, и вы, прошу покорно... не смѣйтесь, потому, кто знаетъ, до какихъ особъ дѣло его рукъ доходитъ.

Факельщикъ снова фыркнулъ, поддержанный неотстававшимъ Гаведдаемъ Семенычемъ.

— До особъ?!... Ахъ ты, тряпичная душа, вишь куда хватилъ: до особъ! Да знаешь ли ты, сорниковая ты яма, что каждая особа ниже генеральскаго чина не спускается, знаешь? Твои же дѣлишки дальше чѣмъ отъ сорника до послѣдней, что ни на есть, вонючей фабрики не идутъ. Да-а... А ты—до особъ!

И огорченный до глубины души Галдарейкинъ съ чувствомъ искренняго негодованія сплюнулъ на полъ.

Но Едесій Иванычъ на этотъ разъ не потерялся: позорили его дѣло и онъ рѣшилъ его защищать.

— Прошу покорно, это вы напрасно,—смиренно заговорилъ онъ, не подымая глазъ на озлобленное лицо своего уничижителя.—До высокихъ особъ, оно правильно, я не дерзну, но дѣло моихъ рукъ то-

го... доходитъ, ей-Богу правда... Вы не серчайте только, потому я ничего... Вотъ вы давеча сказали: дальше сорниковъ ни-ни! Ну, хорошо, скажемъ, что и такъ. Но все же разберемъ... При каждомъ, примѣромъ скажемъ, домѣ сорничекъ есть, а въ немъ тряпочки случаются, хотя и въ скудномъ количествѣ, но все же случаются... Ну, хорошо... А изъ этого выходитъ, что Едесій Иванычъ тряпки собираетъ, да, собираетъ... Но на что, спрашивается, онъ ихъ собираетъ? Ради пропитанія, прошу покорно? Да, но не совсѣмъ такъ, потому что, кромѣ хлѣба насущнаго, Едесій Иванычъ изъ ничтожества своего и о государствѣ помышляетъ и ему свою долю пользы приноситъ, да, приноситъ... Вы, прошу покорно, не смѣйтесь, потому Едесій Иванычъ весь тутъ и вы его не собьете!—рѣшительно заявилъ старикъ и, поднявъ голову, сталъ безъ обычной робости присматриваться къ смѣющимся лицамъ.

Съ дальней койки, едва вырисовывавшейся въ полумракѣ угла, кто-то старательно шикалъ оратору.

— Вотъ вы и смѣетесь, вы опять, прошу покорно, смѣетесь,— съ нотками душевной боли заговорилъ старикъ. — Но зря, скажу вамъ, вы смѣетесь, потому не знаете, какимъ это манеромъ Едесій Иванычъ свою маленькую пользу великому государству приноситъ...

Старикъ вдругъ остановился и закашлялся: багровыя пятна покрыли его лицо; онъ схватился рукою за грудь и просяще уставился на своихъ оппонентовъ, словно прося ихъ не возражать и дать ему высказаться.

Смѣхъ сразу оборвался и стихъ. Тѣнь минутнаго смущенія пробѣжала по лицамъ. Едесій Иванычъ перекашлялъ и тяжело перевелъ духъ.

Майоръ вдругъ рванулся съ мѣста и потянулся къ нему черезъ столъ.

— Братъ мой, другъ! ты не краснорѣчивъ, но я тебя понимаю... Се человѣкъ!... Я одинъ тебя понимаю, но... не бросай бисера передъ свиньями... А, впрочемъ, валяй!

Майоръ безнадежно махнулъ рукой и грузно опустился на скамью. Выпитое начинало дѣйствовать, и именинникъ замѣтно хмѣлѣлъ.

— Покорно благодаримъ, — прояснился старикъ, подбодренный сочувствующими словами.—Но я, Василій Павлычъ, все-жъ докажу, потому нельзя, прошу покорно... Все же они,—тряпочки, какъ хотите... Коли-бъ изъ нихъ дѣло не дѣлали, то зачѣмъ же ихъ тогда покупать, да еще по-пудно? Вотъ тутъ-то и заковычка, вотъ тутъ-то мы и разберемъ, прошу покорно...

Старикъ всталъ и вдохновеннымъ шепотомъ заговорилъ, постепенно повышая голосъ.

— Начнемъ хотя бы съ того, что вотъ, прошу покорно, Едесій Иванычъ тряпочки собираетъ, разныя тамъ такія тряпочки: ситцевыя, шерстяныя, мадеполамъ, всякія случаются, и на фабрику ихъ сбываетъ черезъ фирму, а тѣмъ пропитаніе снискиваетъ. Ну, хорошо... Но на этомъ дѣло не останавливается, да, не останавливается, потому не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ... ну, и тому подобное, какъ въ св. Писаніи сказано... Такъ вотъ, разбираетъ Едесій Иванычъ тряпочки, отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ, а самъ и думаетъ: «Господи Боже мой, бѣдненькій у Тебя рабъ Едесій Иванычъ, и никому-то онъ полезенъ не можетъ быть по убожеству и скудоумію своему. Но среди мелкоты своей дерзаетъ онъ на возвышенныя мысли. Сотвори же такъ, Господи, чтобъ изъ тряпочекъ вотъ этихъ самыхъ, моихъ, бѣлоснѣжную бумагу сдѣлали, а та чтобъ бумага къ его превосходительству г. министру попала и чтобъ онъ на ней приказъ написалъ, не какой-нибудь такой приказъ, а пользительный, всеблагой... А когда это самое благо для народа выйдетъ, то и Едесій Иванычъ что-нибудь да будетъ въ немъ значить, прошу покорно! Вотъ! Такъ какъ же теперь, а? Будетъ, спрашиваю, что-нибудь Едесій Иванычъ значить или нѣтъ?

Но вмѣсто отвѣта снова раздался смѣхъ. Съ дальней койки невидимый протестантъ неистово зашикалъ и, вдругъ оборвавъ, сталъ кудахтать. Выдворенные на дворъ коечники, привлеченные смѣхомъ, столпились у дверей и поддержали своего кудахтавшаго товарища.

— Вы, коечная команда, смир-рно!—рявкнулъ майоръ и соскочилъ со скамьи.

VI.

Дверь очистилась. Внушительная фигура Рокотаева произвела надлежащее дѣйствіе. Въ комнатѣ снова водворилась тишина и спокойствіе. Но ораторъ смолкъ и, изнеможенный, опустился на скамью. Сраженіе, несомнѣнно, было проиграно, и одинокій воинъ безнадежно поникъ, уронивъ на грудь свою побѣдную голову. Первый разъ въ жизни пришлось говорить Едесію Иванычу въ обществѣ людей, стоявшихъ въ общественномъ положеніи гораздо выше его.

Но не сошла бы такъ легко Едесію Иванычу его смѣло высказанная мысль, если бы грозный взглядъ захмѣлѣвшаго майора не останавливалъ вò-время злобствующаго факельщика и увѣсистый кулакъ не высовывался изъ-подъ стола въ самыя рѣшительныя минуты.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Сердобольный клирикъ Михеичъ молча отеръ сочувствующую слезу. Жалѣла побѣжденнаго и Анисья Трофимовна; подперевъ щеку рукой, молча глядѣла она на старика, поминутно вздыхая и покачивая головой. Выгнанные майоромъ коечники снова столпились у дверей, но уже чинно и благородно; постоявъ немного и видя, что именинная компанія удрученно молчитъ, они, молча, вошли въ комнату и разсыпались по койкамъ.

Майоръ сидѣлъ неподвижно, угрюмо опустивъ на руки свою всклокоченную голову; чѣмъ больше онъ хмѣлѣлъ, тѣмъ становился все грустнѣе; воинственность его изсякла и всегда приподнятый тонъ рѣчи сдѣлался естественнѣй; вдругъ онъ поднялъ голову и обвелъ присутствовавшихъ продолжительнымъ взглядомъ. Компанія насторожилась и не безъ робости взглянула на именинника; лицо майора было мокро отъ слезъ; онъ порывисто всталъ, подошелъ къ Едесію Иванычу, столкнулъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ факельщика и сѣлъ, положивъ свою увѣсистую руку на вздрогнувшее плечо старика.

— Братъ мой, другъ!—заговорилъ онъ прерывавшимся голосомъ.—Не скорби... Я понялъ тебя, одинъ я понялъ тебя, а потому на похоронную и крючковскую души наплевать! Азъ есмь червь, животина, скотъ,—это про нихъ сказано; они свое получили, а потому и на смарку ихъ!... Но ты не печалься... слышишь? Жаль мнѣ тебя, старина, отъ души жаль, но дѣлать нечего—потерпи! не много ужъ тебѣ осталось... «И вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ»... Но на чело наплевать!... Человѣка я въ тебѣ вижу, вотъ что! Пожалѣлъ я тебя и ты меня пожалѣй... Никогда я у двуногаго скота жалости не просилъ, погибалъ, голодалъ, царя Максимиліана на морозѣ представлялъ, а не просилъ: зналъ я, что состраданія въ немъ нѣтъ, а роли вопіющаго въ пустынѣ исполнять не желалъ!... Да, не желалъ. А теперь вотъ человѣка нашелъ, и запросила душа участія ближняго... Ну, такъ какъ же, а? Жалѣешь меня вотъ такимъ, какимъ видишь: забулдыгу въ максимиліановскомъ плащѣ и въ шляпѣ съ перомъ?...

Едесій Иванычъ поднялъ голову и печальными, полными слезъ глазами посмотрѣлъ на майора.

— Жалѣю, прошу покорно...—едва слышно вырвалось у него.

— Вижу, по глазамъ вижу, спасибо... Не обнимаю, потому наплевать, не въ этомъ дѣло... А пожалѣть меня есть за что: несчастный я, старина, глубоко несчастный человѣкъ; жалѣй меня, всѣми силами твоей благородной души жалѣй, можетъ, мнѣ легче будетъ... Скоморохъ я теперь, паяцъ, добровольный Діогенъ, и вотъ эти четыре бутылки выпивки скоморошьимъ ремесломъ заработалъ: подгуляв-

шаго купца потѣшалъ и ему бой быковъ въ Севильѣ изображалъ. Подъ машину, игравшую маршъ Тореодора, я мычалъ по бычьи, бодалъ купца рогами, а отъ него, замоскворѣцкаго тореодора, получалъ по лбу удары кулака, до тѣхъ поръ, пока не свалился на полъ, но и тутъ роль не была окончена, и я долженъ былъ корчиться въ предсмертной агоніи, жалобно мычать и дрыгать ногами, стараясь сбросить насѣвшаго тореодора... Кто же все это дѣлалъ, кто дошелъ до этого? Я, Рокотаевъ... О, Господи!...

Майоръ остановился, закрылъ лицо руками и съ минуту оставался въ этомъ положеніи. Потомъ, придвинувшись къ Едесію Иванычу, обнялъ его.

— Братъ мой, другъ, пожалѣлъ ты меня, и я снова почувствовалъ себя человѣкомъ, я... скоморохъ... спасибо...

Майоръ сидѣлъ задумчиво и, казалось, не замѣчалъ отсутствія нѣкоторыхъ изъ ушедшихъ гостей; видъ его былъ мрачный и крайне удрученный; обросшее волосами лицо замѣтно поблѣднѣло и время отъ времени болѣзненно подергивалось. Просидѣвъ такъ минутъ пять, онъ поднялъ голову; лицо его немного прояснилось; большіе голубые глаза, обыкновенно мало что выражавшіе подъ маской напускного бахвальства, глядѣли печально и вдумчиво.

Рокотаевъ вылилъ остатокъ коньяку въ рюмку, выпилъ залпомъ и, протянувъ руки къ слушателямъ, всталъ.

— Друзья мои, жалѣйте, жалѣйте, если можете... А ты, старикъ, плачь, плачь сочувствующими, братскими слезами: ты лучше другихъ... «Были дни нашего счастья и этого счастья не стало»,— запѣлъ вдругъ Рокотаевъ довольно сохранившимся баритономъ, но послѣднее слово у него уже вырвалось съ плачемъ; онъ грузно опустился на скамью, уронилъ голову на столъ и зарыдалъ, громко и страждуще всхлипывая.

VIII.

Поздно на слѣдующій день проснулся въ своемъ чуланѣ Едесій Иванычъ. Временнаго подъема силъ едва хватило на знаменательныя въ его жизни «майоркинскія» именины, къ концу которыхъ, обезсиленный и духомъ, и тѣломъ, онъ едва сидѣлъ, успокаивая по мѣрѣ своихъ силъ страждущаго именинника:

— Вы того... прошу покорно, не плачьте; все же вы, слава Богу, майоръ и потомъ на кораблѣ плавали, прошу покорно,—обнимая всклокоченную голову своего плачущаго друга, утѣшалъ Едесій Иванычъ, но, тѣмъ не менѣе, плакалъ и самъ.

Разстались они друзьями, въ заключеніе захмѣлѣвшій майоръ объявилъ смиренно-возсѣдавшимъ коечникамъ, что если кто изъ нихъ дерзнетъ теперь посягнуть на личность Едесія Иваныча, или обидѣть его словомъ, то будетъ имѣть дѣло лично съ нимъ. Заявленіе воли диктатора было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ, говорившимъ о принятіи сказаннаго безъ преній.

Давно проснулся Едесій Иванычъ, но не встаетъ: неможется старику; больная грудь ноетъ; дыханіе, нервное и слабое, затрудняется какимъ-то подозрительнымъ клокотаньемъ внутри. По лѣстницѣ, ступени которой служатъ потолкомъ для чулана, ходятъ, стучатъ.. На лицо лежащаго сыплется сверху пыль и кусочки гніющаго дерева; но онъ лежитъ, даже не шевелится, давая возможность «отлежаться» отработавшимъ членамъ. Въ досчатыя стѣны сквозитъ, въ узкія щели пробивается свѣтъ, еле освѣщая внутренность чулана, заваленнаго мѣшками, набитыми тряпьемъ, уже приготовленнымъ для сдачи «фирмѣ». Атмосфера удушливая и зловонная, даже мухи и тѣ отсутствуютъ, находя пребываніе на дворѣ болѣе цѣлесообразнымъ. А Едесій Иванычъ покорно лежитъ на своемъ тряпичномъ ложѣ, только повернулся лицомъ къ щели и ловитъ полуоткрытымъ, запекшимся ртомъ пробивающуюся струю чистаго воздуха.

Изъ-за двери послышался тихо-зовущій голосъ.

Старикъ приподнялся, застегнулъ отстегнутый воротъ рубахи и позвалъ:

— Пожалуйте, Анисья Трофимовна, двери не заперты, прошу покорно...

— Заспался, батюшка, заспался... Ты вотъ тутъ лежишь, а на дворѣ у насъ несчастіе,—тревожно заговорила старуха, садясь на порогъ чулана.—Вотчинница бѣдноту-то нашу бездольную, кривого Павлыча съ дѣтишками изъ хибарки гонитъ.

— Совсѣмъ?—заволновался старикъ.

— Совсѣмъ, Едесій Иванычъ, со скарбомъ, значитъ, и дѣтишками... Вчерашняго еще числа срокъ кончился... Мировой-то по доброму двѣ недѣли сроку на очистку завалюшки далъ. Ну, двѣ недѣльки-то эти въ слезахъ да горѣ прошли; Павлычъ, какъ самъ знаешь, безъ дѣла; на Успенье ровно полгода минуло, какъ мѣста лишился. Да и то сказать: кто-жъ его, хвораго, на кухню пуститъ? Бѣда! Бѣгалъ, бѣгалъ, по всѣмъ, говоритъ, коечнымъ квартирамъ ходилъ, нигдѣ безъ задатка не принимаютъ, а задатку-то рубль-цѣлковый. Пришелъ—плачетъ, дѣтишки ревутъ, и голодныя, и обиженныя... А вотчинница одно несетъ: «Черезъ два часа, чтобъ вашего и духу не было, не то полиціи донесу и васъ законнымъ порядкомъ на пожарный

дворъ водворятъ, гдѣ за сутки по пятьдесятъ копеекъ штрафныхъ платить будете». Вотъ оно, горе-то! Сидитъ Павлычъ и, словно помѣшанный, глазами поводитъ. Жалко мнѣ его стало, такъ жалко, что ажъ въ сердце будто иголками закололо. «Позвольте ему,—прошу вотчинницу,—пока что, ко мнѣ на койку перебраться». А она какъ взбѣленилась: «И ты—кричитъ—меня ограбить хочешь? Одинъ на десять цѣлковыхъ ограбилъ... Чѣмъ ты мнѣ платить будешь, коли безданно-безпошлинныхъ напустишь, а?» Ну, что ты съ такой людиной подѣлаешь?—и не позволила...

Старикъ внимательно слушалъ, обхвативъ колѣнки руками. Печальное извѣстіе дѣйствовало на него удручающе. Зналъ онъ, что не лѣнивый, не пьющій человѣкъ былъ выгоняемый Павлычъ, по ремеслу поваръ, а жизненныя неудачи, постоянныя болѣзни довели его до настоящаго положенія. Тихій по природѣ, да еще забитый жизнью, онъ ходилъ, словно виноватый передъ всѣми, боясь даже своей тѣни и вздрагивая при каждомъ неожиданно-обращенномъ къ нему словѣ. Жилъ когда-то Павлычъ бариномъ, ходилъ щеголемъ и всякія удовольствія имѣлъ. Всѣ эти житейскія блага, какъ съ неба на него свалились, такъ неожиданно явились они, вмѣстѣ съ женитьбой на графской горничной, принесшей мужу сверхъ приданаго двухъ хорошенькихъ мальчиковъ. И зажилъ Павлычъ въ свое удовольствіе. Изъ кухонныхъ мужиковъ сразу повысили его чиномъ и сдѣлали младшимъ поворомъ. Но недолговременно было его счастіе. Послѣ смерти стараго барина, молодой наслѣдникъ разсчиталъ Павлыча; жизнь пошла труднѣе; сталъ прихварывать Павлычъ; молодая жена умерла, оставивъ ему двухъ своихъ сиротокъ, и не покинулъ ихъ сердобольный отчимъ, любилъ, какъ своихъ... Приходя со службы изъ какой-нибудь народной кухмистерской, усталый и измученный, онъ бралъ дѣтей на руки, ласкалъ ихъ, плакалъ съ ними, когда плакали они, вспоминая мать... Но вотъ ужъ съ полгода, какъ Павлычъ не могъ найти никакой работы. Болѣзненный, изможденный видъ просителя о мѣстѣ говорилъ нанимателю о немъ, какъ о плохомъ, слабосильномъ работникѣ. Все, что можно было обратить въ деньги, все было спущено и съѣдено за время безработицы, за хибарочку у конюшни задолжали. На предложеніе домовладѣлицы очистить «жилое помѣщеніе», Павлычъ отвѣтилъ слезами и возваніемъ къ людскому милосердію. Но послѣднее было не въ разсчетѣ практичной владѣлицы разрушающагося майората. Глубоко было жаль старику бѣднаго горемыку Павлыча, часто съ нимъ отводилъ онъ душу, жалуясь на свои мыканья.

— Я, Анисья Трофимовна, того... пойду къ нимъ, прошу покорно...

— Пойди, батюшка, пойди,—поднялась старушка съ порога.— Только, слышь, больно на нихъ смотрѣть... Да и два часа срочныхъ-то уже почитай прошли, сейчасъ выгонять будутъ.

Надѣвъ шапку и не забывъ при ея видѣ благодарно помянуть великодушнаго майора, старикъ торопливо заковылялъ по грязнымъ задворкамъ, мимо вросшихъ въ землю низенькихъ сараевъ, къ виднѣвшейся въ глубинѣ двора полусгнившей хибаркѣ. Одна часть этого строенія была занята конюшней, другая же, меньшая, приспособлена подъ «жилое помѣщеніе», состоявшее изъ одной комнатки съ окномъ и дверью, въ данную минуту выставленной. Но принудительное средство это, для выдворенія несговорчиваго квартиранта, не было цѣлесообразнымъ въ виду жаркаго лѣта и отсутствія даже дождей.

Тонкая досчатая стѣнка раздѣляла обѣ половины; изъ конюшни, вслѣдствіе пропускной способности стѣны, просачивалась жижа, а потому въ комнатѣ было «немного сыро», какъ говорила нанимателямъ хозяйка.

Едесій Иванычъ остановился у открытой двери и прислушался: въ комнатѣ было тихо, только откуда-то изъ глубины слышался сдержанный, тоскливый дѣтскій плачъ. Шагнувъ черезъ порогъ, старикъ остановился и сталъ приглядываться къ царившему кругомъ полумраку, при его входѣ плачъ затихъ, и изъ противоположнаго угла послышался болѣзненный голосъ:

— Это вы, Едесій Иванычъ?

— Я, Павлычъ, я, прошу покорно... навѣстить пришелъ и вотъ дѣткамъ гостинца... ситничка принесъ.

Изъ темнаго угла вышелъ человѣкъ, блѣдный и измученный. Несмотря на свои еще молодые годы, онъ выглядѣлъ полуумирающимъ старикомъ. Изъ другого угла показались два дѣтскихъ личика, красивыхъ, но худыхъ и блѣдныхъ, большіе голубые глаза жадно устремились на принесенный гостемъ хлѣбъ. Едесій Иванычъ разломилъ «гостинецъ» на двѣ равныя половины и передалъ по назначенію; мальчики поблагодарили и, усѣвшись на тюфячкѣ, принялись ѣсть. Павлычъ пригласилъ гостя сѣсть на сундукъ, сѣлъ съ нимъ рядомъ и отеръ скатившуюся слезу.

— Выгоняютъ,—съ трудомъ заговорилъ онъ,—часъ мой насталъ... По закону выгоняютъ: мировой присудилъ... Ничьей я копейки за всю жизнь не занесъ, а теперь вотъ—десять рублей!... Себя не жалко: куда я, что я?... А вотъ ихъ... дѣтокъ жаль, все-жъ они, какъ хотите, благородной крови, а каково-то имъ, ангелочкамъ при-

ходится!... Старшенькій,—шестой годокъ ему,—тотъ уже все понимаетъ: обниметъ меня рученкой и плачетъ, горькими, понятливыми слезами плачетъ... А вотъ младшій, такъ тотъ все супу проситъ и на Арбатъ въ большой домъ, съ большими окнами идти приказываетъ... Дитятко бѣдное, несчастное...

Говорившій захлебнулся и смолкъ. За стѣнкой, въ конюшнѣ, сыто фыркали лошади, стуча порой о перегородку. Едесій Иванычъ молчалъ, сердце его тоскливо сжималось, слова утѣшенія не шли на умъ.

— И мать ихняя тоже такая несчастная была,—снова заговорилъ Павлычъ, понижая голосъ до шепота,—кроткая, ласковая и, думаю, не простая, потому—красавица писаная... Видно этимъ кроткимъ да привѣтливымъ все такъ на вѣку приходится... По ней и дѣтки такія же. Вонъ дворовые мальчишки озорничаютъ, веселятся по-своему, а они стоятъ, издали смотрятъ: ударитъ ли ихъ, обидитъ кто—все сносятъ: чуютъ сиротки, что заступиться за нихъ некому, что бездольные они, покинутые... А теперь вотъ, коли выгонятъ отсюда, куда я съ ними пойду? Нигдѣ безъ денегъ пріюта не даютъ... И стыдно мнѣ-то, стыдно! Двойной стыдъ зашибаетъ: за квартиру вотъ долженъ, а потомъ еще и выгонять будутъ, всенародно выгонять, публично... Все же я человѣкъ, хоть и послѣдній, и нищенскій, а совѣстливый; коли-бъ еще пьяницей былъ, такъ не такъ бы оно чувствительно было... Ну, а потомъ, дѣтокъ вотъ жаль: боязливыя они ужъ очень... Какъ-то они, бѣдненькія, за дворникомъ пойдутъ, со двора выгоняемыя? Мальчишки смѣяться почнутъ, а старшіе за ними: народъ-то теперь какой, ни жалости, ни милосердія... Я, можетъ и снесу, потому—кто я, что я?... И имущество уже собрали, сундучекъ приготовили, тюфячки связали, сидимъ, дожидаемся... Они вотъ только плакать начали, боятся. И я боюсь, Едесій Иванычъ, боюсь и за нихъ, и за себя боюсь: на бѣдность просить не могу, душа не наляжетъ, да и передъ дѣтками совѣстно: чему я ихъ научу, какой примѣръ покажу... Сижу и думаю объ этомъ; слышу кто-то идетъ, подумалъ, что за нами пришли, часъ уже насталъ, притаился и духъ захватило, дѣлаю это мальцамъ знаки, чтобъ не хныкали—не видятъ... Но, слава Богу, что это вы, Едесій Иванычъ, пришли; какъ-то на душѣ полегчало и словно не такъ боязно... Жалѣете вы насъ, Едесій Иванычъ, мальцевъ вотъ ситничкомъ балуете. Видно голодный голоднаго только и разумѣетъ.

Болью отзывались эти слова въ сердцѣ пригорюнившагося слушателя. И вдругъ стыдно, до боли стыдно сдѣлалось Едесію Иванычу; вспомнилъ онъ про свои «похоронныя», подумалъ и о томъ, что

вѣдь онъ богачъ, въ сравненіи съ этимъ бѣднякомъ, выгоняемымъ на улицу. Еще ниже опустилъ старикъ склоненную голову.

— Стыдишь ты меня, Павлычъ, жалостью моею стыдишь; потому, развѣ такъ людей жалѣютъ? Сердце, правда, болитъ, умомъ и душой, всѣмъ значитъ, я горе твое понимаю, но этого вѣдь мало, чувствую, что мало... И стыдно мнѣ, стыдно, прошу покорно. Вотъ вчерась, такъ это вѣрно, жалостливаго я человѣка встрѣтилъ, майоромъ Рокотаевымъ прозывается, койку у насъ тамъ снимаетъ. Лишился я шапки, а онъ мнѣ свою бархатную подарилъ и совсѣмъ еще хорошую—зимы двѣ выноситъ... Вотъ! А я что? Стяжательный я теперь человѣкъ сталъ, похоронный... Такъ ты, Павлычъ, того... не конфузь меня, прошу покорно...

На дворѣ раздались приближавшіеся шаги.

— Идутъ!—въ ужасѣ прошепталъ Павлычъ и, поднявшись, замеръ въ ожиданіи.

IX.

Въ комнату быстро вошелъ сухопарый господинъ, облаченный въ обтрепавшуюся пиджачную пару, оказавшійся сыномъ домовладѣлицы и исполнявшій много говорившую за него роль выдворителя; вслѣдъ за нимъ показались два дворника.

— Гдѣ онъ тутъ, неплатежная каналья, гдѣ?—грозно окрикнулъ вошедшій и, шагнувши впередъ, натолкнулся на сидѣвшихъ на землѣ перепуганныхъ дѣтей.

— Гдѣ отецъ?

— Я здѣсь, Иванъ Аѳанасьичъ,— едва слышно откликнулся Павлычъ.—Не сердитесь, Иванъ Аѳанасьичъ, я ей-Богу отдамъ... Развѣ я задержалъ бы, о, Господи! Болѣзнь у меня, ну, и прочее... Потомъ вотъ дѣтки, все же ихъ жалко... Я ей-Богу отдамъ... Вы только не извольте сердиться, Иванъ Аѳанасьичъ...

— Ну, ну, ладно, запѣлъ! Знаю я васъ, коечную команду! Убирайся-ка по добру, по здорову, коли цѣлымъ выпускаютъ... А наши десять цѣлковыхъ бери ужъ себѣ, грабитель, разживайся ими!...Ребята, забирайте-ка потроха, да несите къ воротамъ, сложите тамъ въ кучу, но только чтобъ проѣзду не мѣшали... Чего стоите-то? Забирайте, что-ль!

Дворники бросились къ скарбу; одинъ взвалилъ на спину сундучокъ, другой захватилъ тюфячки и ведерко для воды и, наконецъ, всѣ двинулись на дворъ, сопровождаемые плачемъ поспѣшавшихъ сзади дѣтей.

Выйдя на длинный дворъ, процессія, окруженная толпой волновавшихся жильцовъ коечно-каморочнаго подворья, медленно направилась къ воротамъ.

Стиснувъ руками несомый имъ чайникъ, торопливо ковылялъ сбоку Павлычъ, просяще-посматривая на дворника, несшаго сундукъ. Онъ, казалось, совсѣмъ потерялъ способность соображать и зеленый сундучокъ, хранившій жалкія пожитки, повидимому, больше всего остального интересовалъ его; онъ забѣгалъ направо, дотрогивался рукой до угла, потомъ бѣжалъ назадъ, на лѣвую сторону, съ которой удобнѣй было слѣдить за выраженіемъ лица дворника, и начиналъ заискивающе засматривать ему въ глаза.

Окружавшая ихъ толпа волновалась; слышались сочувствующія восклицанія. Какая-то сердобольная баба взяла на руки младшаго мальчика, нѣсколько разъ падавшаго по пути, и понесла. Павлычъ оглянулся на нее, остановился, поласкалъ мальчика, отеръ ему своей закорузлой рукой мокрое лицо и снова побѣжалъ за дворникомъ, вытирая кулакомъ застроившіяся вдругъ слезы.

— Павлычъ, вы того... не плачьте, прошу покорно,—дернулъ его сзади Едесій Иванычъ и остановился.

Понялъ старикъ, что вздоръ говоритъ онъ, что не этимъ нужно помочь обездоленному собрату по несчастію. Правда, бѣденъ и онъ, но его не гонятъ, у него есть «похоронныя», а нужда въ нихъ когда еще будетъ, можетъ черезъ годъ на похороны потребуются... А здѣсь развѣ не похороны? Вѣдь это живыхъ людей хоронятъ, на улицу выбрасываютъ... Вотъ и во взглядѣ, кинутомъ на него Павлычемъ, увидѣлъ онъ, что такъ живые люди не смотрятъ, что взглянулъ это мертвецъ.

— Стой, ни съ мѣста! Что за процессія?—раздался вдругъ внушительный басъ, и изъ-за угла показался Рокотаевъ въ своемъ неизмѣнномъ, максимиліановскомъ плащѣ. Пройдя впередъ, майоръ остановился и съ рѣшительнымъ видомъ преградилъ путь.—Ни съ мѣста!—повторилъ онъ,—впредь до обстоятельнаго объясненія!... Я слышу плачъ дѣтей и смѣхъ толпы холодной... Едесій Иванычъ, и ты тутъ, другъ Горація? Объясни! «Мужъ и жена въ слезахъ несутъ боговъ домашнихъ и чадъ, прижавшихся къ груди!...» Что все это значитъ?

Голосъ и фигура майора были до обаянія внушительны и рѣшительны: несшіе пожитки дворники остановились и опустили ноши на землю.

Многіе въ толпѣ узнали Рокотаева; послышались привѣтственныя восклицанія и слова:

— Не выдайте, ваше благородіе!

Господинъ въ обтрепавшейся парѣ протискался впередъ, окинулъ презрительнымъ взглядомъ и въ нищетѣ величественную фигуру майора и процѣдилъ:

— Это не ваше дѣло! Я—хозяйскій сынъ!... За неплатежъ квартирныхъ высылаются.

— Куда?

— Къ воротамъ пока... Но это, опять-таки, не ваше дѣло!

— Не позволю!—возвысилъ голосъ Рокотаевъ и шагнулъ къ сундучку.—Не позволю срамить человѣчества! Впредь до обстоятельнаго выясненія—назадъ! Дворники, забирайте вещи и назадъ, въ квартиру, живо!

«Хозяйскій сынъ» бросился было къ тюфячкамъ, но майоръ повернулъ его за шиворотъ въ противоположную сторону. Дворники запротестовали. Раздались крики сражавшихся и восторженныя восклицанія толпы по поводу блистательно-одержанной майоромъ побѣды. Видя, что дальнѣйшее сопротивленіе немыслимо, побѣжденные бросились на улицу и черезъ нѣсколько минутъ явились съ двумя ночными сторожами и случившимся у поста околоточнымъ надзирателемъ.

Побѣдитель мирно сидѣлъ на сундукѣ и успокаивалъ плачущихъ дѣтей.

— Ты кто такой? Кто ты такой, а?—наскочилъ на него околоточный, желая, повидимому, неожиданностью вопроса смутить и отбить всякую охоту къ дальнѣйшему сопротивленію.

Рокотаевъ величественно поднялся, вытянулся во весь ростъ и посмотрѣлъ внизъ на храбрившагося полицейскаго чина.

— Я кто?... Человѣкъ!—не безъ гордости отвѣтилъ майоръ и слегка приподнялъ свою «шляпу съ перомъ».

— Городовой! сторожа! Отведите этого субъекта въ участокъ... А вы, ребята, дѣлайте свое дѣло,—обернулся чинъ къ дворникамъ, снова поднявшимъ свои ноши.

Къ Рокотаеву съ соотвѣтствующими жестами подошла охрана.

— Меня въ участокъ?—запротестовалъ онъ. — Несправедливо! А, впрочемъ... пропадай Россія! я умываю руки... Слезы ихъ на васъ и на дѣтяхъ вашихъ!

Майоръ запахнулся въ свой плащъ и угрюмо послѣдовалъ за конвоирами, зная по опыту, во что̀ могло обойтись ему дальнѣйшее сопротивленіе.

Когда его фигура скрылась за воротами и опасность съ его удаленіемъ миновала, околоточный побѣдоносно прошелся передъ почти-

тельно-притихшей толпой, далъ ей совѣтъ въ другой разъ при подобномъ случаѣ не собираться, «потому что это не комедія», и, посовѣтовавъ выселяемому Павлычу озаботиться немедленнымъ пріисканіемъ квартиры и своими пожитками не занимать тротуара, ушелъ.

Толпа мало-по-малу разошлась. Дворники снесли пожитки Павлыча къ открытымъ воротамъ, сложили ихъ въ уголокъ, къ стѣнкѣ, но такъ, что они очутились какъ разъ на границѣ частныхъ и городскихъ владѣній, и убрались во свояси до новыхъ распоряженій.

Сердобольная баба, несшая младшаго мальчика, усадила его рядомъ съ братомъ на тюфячокъ и ушла, считая свою миссію оконченной.

Не уходилъ пока одинъ Едесій Иванычъ.

Дѣти перестали плакать и только боязливо поглядывали съ тюфячка на останавливавшихся по временамъ и съ недоумѣніемъ смотрѣвшихъ съ тротуара прохожихъ.

Не выпуская изъ рукъ жестяного чайника, словно боясь, чтобъ его кто не отнялъ, сидѣлъ на сундукѣ убитый Павлычъ; непокрытая голова низко опустилась на грудь и, порой, вздрагивала.

Молча смотрѣлъ на него Едесій Иванычъ и думалъ свою тяжелую думу,—силъ не было у старика отойти прочь и оставить этихъ бѣдняковъ однихъ; бѣдняковъ, которымъ отданъ приказъ не занимать тротуара.

X.

Былъ уже вечеръ, когда Едесій Иванычъ оставилъ друзей, купивъ имъ предварительно хлѣба и набравъ въ чайникъ воды. Подавленный и смущенный всѣмъ случившимся, пришелъ онъ въ свой чуланъ и въ изнеможеніи опустился на груду тряпокъ, изображавшихъ ложе. Спать онъ не могъ, больная грудь тяжело дышала, ноги ломило и во всемъ тѣлѣ чувствовался ознобъ.

Но не слышалъ всего этого старикъ: боль душевная превозмогала; чутко прислушивался онъ къ тоскливымъ замираніямъ сердца.

Едесій Иванычъ переживалъ рѣшительныя минуты.

Полдня просидѣли выселенные у воротъ, не возбудивъ ни у кого состраданія; всѣ проходили мимо. Неужели-жъ онъ поступитъ такъ же и, имѣя возможность помочь, пройдетъ мимо и не поможетъ? «Похоронныя!» Правда, тяжелыми испытаніями онъ собралъ ихъ, трудовымъ пòтомъ облилъ каждую копейку, предназначая ее на великое дѣло погребенія своей скромной особы на свой собственный счетъ.

Но развѣ это отговорка, чтобъ безучастно пройти мимо умирающаго, выброшеннаго подъ открытое небо, и не помочь ему? Да и то сказать: неужели-жъ собранныя похоронныя такъ-таки будутъ у него послѣдними и онъ не сможетъ собрать другихъ? Конечно, можетъ. Дѣла его идутъ хорошо, лучше и желать не нужно: недавно «фирма» (въ лицѣ единственнаго представителя, ярославскаго смышленаго мужика), пятачокъ на каждый пудъ надбавила и надбавила только ему, Едесію Иванычу, за его добросовѣстное къ дѣлу отношеніе. Твердо теперь стоитъ онъ на своемъ тряпичномъ дѣлѣ! Теперь ужъ не черезъ пять лѣтъ, а черезъ годъ даже можно собрать ту же сумму... Вотъ только здоровье... Правда, плоховато оно у него: еле ноги ужъ двигаются и грудь что-то ужъ очень... Но никто, какъ Богъ! Неужели-жъ онъ и года не протянетъ? Сухое дерево, говорятъ, скрипитъ да скрипитъ... Ну, конечно, протянетъ; тянулъ же до сихъ поръ, протянетъ и еще немного, и будутъ у него новыя похоронныя.

Старикъ рѣшился.

И чувствуетъ Едесій Иванычъ, что сердце его перестало ныть; по всему тѣлу пробѣжалъ радостный трепетъ.

Старикъ приподнялся и сѣлъ. Въ полуотворенную дверь просунулась голова Анисьи Трофимовны.

— Ты тутъ, что-ль, а?

— Тутъ, Анисья Трофимовна, тутъ, прошу покорно.

Старушка распахнула дверь и присѣла на порогъ.

— Майоръ вернулся,—объявила она, помолчавъ,—выпустили къ вечеру-то. Сидитъ теперь съ горюномъ Павлычемъ и дѣтокъ успокаиваетъ, разсказываетъ имъ про моря съ островами, про лѣса и звѣрье, кои, значитъ, на тѣхъ островахъ находятся... хорошо разсказываетъ! Я, старая, и то заслушалась. А дѣтки даже ротики разинули, личики свои изморенныя вытянули и слушаютъ... Младшій у майора на колѣняхъ сидитъ, а старшенькій прикорнулъ на тюфячкѣ и глазъ съ него не спускаетъ, слушаютъ, о долѣ своей горькой позабыли... Да оно, можетъ, майоръ затѣмъ и началъ, чтобъ душеньки ихъ напуганныя успокоить!... Добрый человѣкъ! даромъ, что баринъ, а ласковый и сострадательный... Коли-бъ вотъ хоть малость народу такого было, и то куда-бъ лучше жилось!... Оно, правда, Павлычу не до морей теперь: сидитъ, горемычный, и только глаза одни смотрятъ; но дѣтки другая статья—ожили они, руками машутъ, коли это тигра въ разсказѣ изъ лѣсу выходитъ, или тамъ буря на океанѣ корабль подбрасываетъ...

Старушка замолчала и посмотрѣла на клочокъ виднѣвшагося изъ-подъ лѣстницы неба.

Дождь собирается,—съ ноткой сожалѣнія проговорила она.—Павлыча смочитъ.

Изъ-за угла послышалось басистое покашливанье, и вслѣдъ за этимъ показалась могучая фигура Рокотаева.

— Едесій Иванычъ, другъ! Гдѣ ты тамъ?—окликнулъ майоръ, заглядывая въ чуланъ.

— Я здѣсь, Василій Павлычъ, здѣсь, прошу покорно.

— Ты все спишь,—съ укоризной заговорилъ Рокотаевъ, присаживаясь на скамеечкѣ у порога;—такъ ты и царство небесное проспишь, даю тебѣ въ томъ мое слово!... Тамъ плачутъ, тамъ скорбятъ, а ты тутъ спишь,—стыдись! Вотъ и дождь собирается оросить ихъ... Но птенцовъ я прикрылъ своимъ плащомъ.

Старикъ съ усиліемъ поднялся съ ложа и вышелъ къ своимъ гостямъ, рѣшившись тутъ же повѣдать имъ о предпринятомъ имъ шагѣ; но охватившее его волненіе было настолько сильно, что онъ не могъ проговорить ни одного слова, только правая рука дѣлала неопредѣленныя движенія въ воздухѣ.

— Собиралъ... пять лѣтъ собиралъ,—наконецъ, заговорилъ онъ, взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ,—по копеечкѣ, по пятачку собиралъ... Не любостяжатель я, нѣтъ! на смерть собиралъ, похоронныя... Крѣпился, боялся отдавать, потому кашель, но теперь отдамъ, всѣ отдамъ, а себѣ другія соберу... Какъ понесли это тюфячки, да какъ взглянулъ онъ на меня, такъ сердце словно оборвалось, заныло оно, затомилось... Знаю—совѣстливый и болѣзненный онъ человѣкъ, не вынесетъ... А куда-жъ тогда дѣтки, а? Вѣдь не простыя они, а судьба-то ихъ какая, прошу покорно... Въ чемъ они-то виноваты, передъ кѣмъ провинились?... Всѣ отдамъ, всѣ двадцать, только бы дождь ихъ не мочилъ, ну, и прочее... А себѣ соберу: дѣла, слава Богу, и потомъ надбавка—цѣлый пятачокъ, шутка ли сказать! Вотъ только кашель, ну, и того... ноги, но я все-жъ соберу, прошу покорно...

Едесій Иванычъ вдругъ схватился за грудь и глухо закашлялся.

— Другъ мой, братъ!... самарянинъ!...—прочувствованно воскликнулъ Рокотаевъ и обнялъ задыхавшагося отъ кашля старика.

Едесій Иванычъ плакалъ радостными, счастливыми слезами.

— Теперь вотъ каморку найти нужно... Потомъ того... на мѣсяцъ харчами обезпечить, поколь, значитъ, Павлычъ оправится... А я ужъ соберу, вы будьте покойны, прошу покорно...

Съ предложеннымъ согласились, и вдругъ всѣ разомъ заговорили, никто никого въ дѣйствительности не слушая, но каждый, въ частности, предлагая одно и то же. Оживленіе сдѣлалось общимъ. Раска-

тисто погромыхивалъ басъ майора, торопливо, словно боясь опоздать, шамкала, безъ надежды быть услышанной, Анисья Трофимовна и позади ужъ всѣхъ что-то продолжалъ пояснять взволнованный Едесій Иванычъ.

Сбиравшіеся на ночлегъ коечники, видя неурочное и столь говорливое засѣданіе, почтительно сторонились, бочкомъ пробираясь мимо предсѣдательствующаго майора и, заинтересованные, проскальзывали во дворъ. Желающихъ же остановиться и узнать причину, взволновавшую почетныхъ представителей коечно-каморочнаго съема, Рокотаевъ величественнымъ движеніемъ десницы отпускалъ съ миромъ; противиться этому никто не рисковалъ, а потому засѣдавшіе, мало тревожимые, продолжали обсуждать предпринятое на завтрашній день. Рѣшено было, вставши чуть свѣтъ, отправиться на поиски каморки; миссію эту бралъ на себя Рокотаевъ, какъ болѣе расторопный и выносливый на ноги.

Далеко за полночь сидѣли друзья, мирно и оживленно бесѣдуя.

Рано на слѣдующее утро проснулся Едесій Иванычъ. Бѣлесоватый разсвѣтъ едва проникалъ въ щели, слабо освѣщая мѣшки съ тряпьемъ и самого хозяина. Неприглядно было въ чуланѣ, но зато на душѣ старика было умиротворяюще тихо и отрадно.

Полежавъ немного, старикъ одѣлся, полуотворилъ дверь и сталъ ожидать. Вскорѣ въ чуланъ, согнувшись, вошелъ Рокотаевъ, вооруженный ножницами. Перекинувшись нѣсколькими словами, друзья вытащили изъ-за мѣшковъ сундучокъ съ пожитками хозяина и, вынувъ старенькую поддевку, стали осторожно распарывать подкладку полы. Майоръ искусно дѣйствовалъ ножницами, Едесій Иванычъ поддерживалъ; руки старика, державшія полу его праздничнаго наряда, нервно дрожали; глаза, глядѣвшіе обыкновенно печально и боязливо, оживились и испитое лицо, со вздрагивающими безкровными губами, выглядѣло не такимъ измученнымъ и тоскливымъ, какъ всегда.

Работа близилась къ концу. Изъ-подъ отпоротой подкладки выглянулъ правильно сложенный квадратикъ газетной бумаги, тщательно перевязанный красненькой тесемкой.

— Вотъ они... похоронныя!—прошепталъ старикъ и дрожащими пальцами вытащилъ свой кладъ.

Черезъ нѣсколько минутъ друзья были у воротъ. Дѣти спали, прикорнувъ на тюфячкѣ, прикрытыя плащомъ. Павлычъ сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, на сундукѣ, и тупо глядѣлъ передъ собою; казалось, что бѣднякъ ничего не замѣчалъ и не видѣлъ вокругъ: все въ немъ было притуплено и убито; вѣсть о дружеской помощи немного оживила его; въ глазахъ показался проблескъ интереса жизни,

и, наконецъ, мало-по-малу охватившее его отчаяніе уступило мѣсто возрождающей надеждѣ. Когда же черезъ часъ явился Рокотаевъ съ извѣстіемъ, что нанялъ каморку и что можно уже отправляться на мѣсто новаго и болѣе счастливаго жительства,—Павлычъ совсѣмъ ожилъ, забѣгалъ вокругъ своего жалкаго скарба и, бросившись цѣловать дѣтей, далъ имъ торжественное обѣщаніе, что ужъ теперь онъ непремѣнно раздобудетъ должность и подобнаго несчастія съ ними ужъ больше не повторится.

Радость была общая, всезахватывающая.

Предложеніе Едесія Иваныча о наймѣ ломовика для перевозки вещей было отвергнуто Рокотаевымъ.

— Другъ мой, не надо! ломовикъ для перевозки тюфячковъ—это роскошь... А Рокотаевъ тогда на что?...

Майоръ сбросилъ свой плащъ, чтобъ не мѣшалъ, опоясался имъ вокругъ стана, взвалилъ на лѣвое плечо сундукъ, правой рукой захватилъ тюфячки и двинулся по улицѣ, сопровождаемый Павлычемъ, съ чайникомъ въ рукахъ, и Едесіемъ Иванычемъ, ведшимъ мальчиковъ.

Вышла провожать Павлыча и Анисья Трофимовна; до перваго переулка поспѣшала старушка за двигавшейся процессіей, потомъ перекрестила шедшихъ и стала отставать, не выпуская ихъ изъ виду, покуда не скрылись они за поворотомъ.

Сановито шагалъ майоръ съ своей ношей, подбадривая отставшаго Едесія Иваныча; Павлычъ ковылялъ сбоку, поддерживая уголокъ тюфячка.

Вышедшіе на утреннюю очистку улицы, дворники оставили свои метлы и съ удивленіемъ провожали глазами проходившее мимо шествіе. Богатырскій ростъ Рокотаева, нагруженнаго скарбомъ, и радостно, счастливо улыбавшіяся лица переселявшихся бѣдняковъ, невольно останавливали на себѣ вниманіе.

Только къ вечеру явился Едесій Иванычъ домой; измученное лицо его было мертвенно-блѣдно; уставшія ноги еле передвигались.

— Едесій Иванычъ, да что съ тобой?—всплеснула руками встрѣтившая его Анисья Трофимовна.—Ты, батюшка, словно съ креста снятый, какъ бы не живой,—поясняла она.

— Ничего, прошу покорно...—постарался улыбнуться старикъ и въ изнеможеніи опустился у порога.—Переѣхали, слава Богу... Каморочка свѣтленькая съ окномъ, и люди, кажись, ничего... За два мѣсяца впередъ отдали, дѣткамъ полусапожки купили,—рады-то, рады... Все же они не простыя, а какъ-то имъ, горькимъ, приходится, прошу покорно...

Старикъ схватился за грудь и закашлялся, блѣдное лицо его покрылось красными пятнами.

Старушка молча и сострадательно смотрѣла на него, тихо покачивая сѣдою головой.

— Кровь шла у меня, Анисья Трофимовна, съ кашлемъ вышла,— объявилъ, передохнувши, Едесій Иванычъ и, вдругъ пристально взглянувъ ей въ лицо, спросилъ задыхавшимся шепотомъ:—А какъ вы думаете, отчего это, а? Вѣдь прежде не было, прошу покорно...

Старушка смутилась, но нашлась:

— Жилка лопнула... отъ натуги, значитъ...

Едесій Иванычъ заволновался и сталъ безпокойно поглядывать на говорившую.

— Ишь вѣдь жилка,—зашепталъ онъ, и безкровныя губы его стали вздрагивать, какъ у плачущаго ребенка.—И что бы значила одна жилка... Надо будетъ майора спросить... По дорогѣ это случилось, когда сюда шелъ... А можетъ я теперь того... не соберу похоронныхъ, а? Ноги подкашиваются и потомъ вотъ жилка... А чего бы ей такъ,—вѣдь вотъ же держалась, а теперь возьми и того... оборвалась, прошу покорно... А собрать можно, за годъ теперь можно, потому надбавка, какъ хотите: шутка ли сказать—пятачокъ на пудъ!...

Едесій Иванычъ остановился и глаза его какъ будто оживились, но не надолго; проблескъ жизни мелькнулъ, но тотчасъ же и погасъ.

— А какъ не успѣю, да помру?—хрипомъ вырвалось у него.— Какъ же тогда похоронныя, а? прошу покорно...

Старикъ вопросительно взглянулъ на Анисью Трофимовну, и на лицѣ его изобразился ужасъ.

Черезъ нѣсколько дней Едесія Иваныча нашли утромъ въ его чуланѣ мертвымъ. Старикъ лежалъ на кучѣ тряпокъ, покрытыхъ старой дерюгой и, казалось, спалъ; тихая улыбка застыла на его добромъ лицѣ; отработавшія руки крестообразно покоились на груди. Къ вечеру онъ былъ взятъ и, какъ безродный бѣднякъ, похороненъ на «казенный счетъ».

Случилось именно то, чего боялся Едесій Иванычъ.

Тѣло его положили въ бѣлый березовый гробъ и полупьяный ломовикъ отвезъ его на кладбище.

М. С. Серафимовъ.

РАЗВѢ ЭТОГО МАЛО?

Августа Стриндберга.

Едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что богатый юноша не спросилъ у Христа, что̀ ему дѣлать, чтобы постигнуть загадку жизни: Христосъ могъ бы ему отвѣтить такъ же, какъ и на вопросъ о достиженіи блаженства: «Пойди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ». Скорѣе слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что богатый юноша не исполнилъ этого, особенно же, что ему не пришлось, въ жалкомъ образѣ шестидесятилѣтняго зеленщика, въ жгучій іюньскій день тащить тяжелую телѣжку внизъ по Avenue de Neuilly, безпрестанно выкрикивая, голосомъ, дрожащимъ отъ старости и отъ голода: «Овощи! Салатъ свѣжій! Два су пучокъ!»

Старикъ направился по лѣвой аллеѣ, останавливаясь у каждой двери; привратницы отрицательно покачивали головою старику, такъ какъ продавцы помоложе и посильнѣе его поднялись раньше и успѣли снабдить ихъ на весь день всѣмъ необходимымъ. Онъ добрался до Porte Maillot и смотритъ вдоль проспекта, который представляется ему безконечнымъ и тянется вплоть до Сены. Снявъ съ головы черную фуражку, онъ утираетъ потъ со лба рукавомъ своей синей блузы. Повернуть ли ему назадъ и пройти по правой аллеѣ, или же отважиться въ Парижъ? Можетъ быть, тамъ ему улыбнется счастіе—великое счастіе заработать тѣ гроши, которые дадутъ ему силу тащить и завтра свою телѣжку съ зеленью? Не рискнуть ли ему послѣднимъ франкомъ на уплату въѣздной пошлины и затѣмъ довѣриться невѣдомой судьбѣ? Да, онъ рѣшается на эту пробу; уплачиваетъ octroi и вступаетъ въ самую Avenue de la Grande Armée.

Солнце поднялось уже высоко, а камни мостовой не успѣли остыть еще со вчерашняго дня; изящный городъ пропитанъ воздухомъ провѣтриваемыхъ спаленъ, котораго не приводитъ въ движеніе ни малѣйшій вѣтерокъ; отъ выброшенныхъ на улицу кухонныхъ остат-

ковъ дымится паръ, пронизываемый солнечными лучами; окурки сигаръ и плевки табаку, конскій навозъ и апельсинныя корки, стебли сельдерея и кучи бумажекъ—все это несется въ томъ грязномъ потокѣ воды, которымъ метельщикъ улицъ, при помощи водопроводной кишки, смываетъ застрявшія кучи сора къ водосточной рѣшеткѣ.

Старикъ продолжаетъ выкрикивать свою зелень, но голосъ его заглушается шумомъ омнибусовъ и телѣгъ; никто у него не покупаетъ. Усталый и одинокій, онъ садится на скамью подъ платанами. Но солнце добирается до него и жжетъ его сквозь пыльную листву. Зной томитъ его измученное тѣло; онъ хотѣлъ бы, чтобы тучи заволокли небо, чтобы проливной дождь унялъ нестерпимую жару, отнимающую у него послѣднія силы.

Но палящій зной не можетъ заглушить въ немъ мукъ голода и заботы о завтрашнемъ днѣ. Онъ встаетъ, берется снова за телѣжку и тащитъ ее вверхъ по тяжелому подъему къ Тріумфальнымъ воротамъ, все время выкрикивая: «Два су пучокъ!»

У послѣдняго перекрестка какая-то швея покупаетъ два пучка.

Далѣе онъ направляется черезъ Елисейскія поля; здѣсь онъ встрѣчаетъ богатаго юношу, который, въ сопровожденіи англичанина-кучера, ѣдетъ въ Булонскій лѣсъ поразмыслить о цѣли бытія. А дворецъ и большіе рестораны ничего не покупаютъ; между тѣмъ, солнце начинаетъ припекать салатъ, и листья цвѣтной капусты свѣшиваются по сторонамъ, какъ длинныя зеленыя уши; старикъ принужденъ обрызгать ихъ водой у фонтана на Rond-Point.

Уже наступилъ полдень, когда онъ, миновавъ площадь Согласія, добирается до набережной. На тротуарахъ завтракаютъ господа; нѣкоторые уже позавтракали и пьютъ кофе. Видъ у нихъ сытый, но озабоченный, какой бываетъ при исполненіи печальной, горькой обязанности, отъ которой зависитъ существованіе. Но старикъ видитъ въ нихъ смертныхъ, вкушающихъ блаженство, между тѣмъ какъ его собственное существо—онъ это чувствуетъ—ссыхается, какъ сморщившееся на вѣткѣ яблоко.

Телѣжка стучитъ по мостовой, мимо Pont-Neuf; онъ чувствуетъ, какъ всякій ударъ камня о колеса отдается въ мускулахъ и нервахъ его усталыхъ рукъ. Онъ съ утра ничего не ѣлъ и не пилъ, и его голосъ сталъ тонкимъ, какъ у чахоточнаго; его крикъ звучитъ теперь, какъ вопль или стонъ глубокой душевной муки. Ноги горятъ, руки дрожатъ; спина нагрѣлась до того, что спинной мозгъ какъ бы готовъ растопиться, и кровь неровно стучитъ въ вискахъ, когда онъ поворачиваетъ по направленію къ Cité и ищетъ тѣни на Quai de l'Horloge.

На площади Parvis онъ останавливается передъ трактиромъ,

обдумывая, не выпить ли ему на свои гроши стаканъ вина; но затѣмъ собирается вновь съ духомъ и тащится дальше, минуя соборъ Notre-Dame до самой Morgue. Онъ не можетъ пройти мимо этого таинственнаго одноэтажнаго домика, гдѣ разрѣшается загадка стольких жизней,—онъ входитъ.

Какъ прохладно, какъ хорошо здѣсь, гдѣ мертвые лежатъ на мраморѣ, будто каждый изъ нихъ—богатый юноша, и гдѣ иней на ихъ волосахъ и бородѣ блеститъ, какъ въ ясный зимній день! Нѣкоторые кажутся недовольными — непріятно было, когда вода заливала легкія, или когда ножъ проникалъ въ сердце или въ животъ; одинъ улыбается, какъ бы радуясь тому, что пришелъ конецъ; другой кажется совершенно равнодушнымъ, точно не ощущаетъ никакой перемѣны; но какъ бы то ни было, для нихъ задача рѣшена: каждый дожилъ до смерти. Нѣтъ ни заботъ, ни горя. Всѣ они достигли высшаго блага жизни: покоя, котораго не могутъ уже нарушить ни нужда, ни неурожай, ни болѣзнь, ни смерть, ни война со всѣми ея бѣдствіями, ни привозъ американской пшеницы, ни жестокій законъ о заработной платѣ... Спать безъ сновидѣній—какая нѣга! И безъ пробужденія—какое блаженство!

Старикъ, вѣроятно, позавидовалъ имъ, такъ какъ, уходя, онъ обернулся, чтобы еще разъ порадовать свой взоръ видомъ этихъ счастливыхъ людей, спавшихъ въ холодкѣ, за большими стеклянными рамами.

Затѣмъ онъ двинулся по ту сторону большого собора, къ главному его входу. Тутъ онъ попросилъ торговца образками присмотрѣть за телѣжкой, и вошелъ въ храмъ. Правой рукой онъ дотрогивается до святой воды и освѣжаетъ себѣ ею лобъ и губы. Внутри собора прохладно, солнце не проникаетъ туда сквозь расписныя окна. На каѳедрѣ стоитъ маленькій свѣже-выбритый аббатъ, со слѣдами пудры на синеватыхъ щекахъ. Онъ говоритъ, а старикъ слушаетъ.

— Взгляните на лиліи въ полѣ,—говорилъ онъ,—онѣ не шьютъ и не прядутъ; но и Соломонъ во всей славѣ своей не могъ сравниться съ любой изъ нихъ! Взгляните на птицы небесныя: онѣ не сѣютъ и не собираютъ въ житницы, и Отецъ нашъ небесный питаетъ и ихъ. Насколько же вы лучше ихъ!

— Насколько же мы лучше ихъ!—вздыхаетъ старикъ.

— Ищите сперва царствія Божія и правды его,—говоритъ аббатъ,—все остальное приложится вамъ!

— Все остальное!—вздыхаетъ старикъ,—все остальное! Сперва царствія Божія, а затѣмъ все остальное!

У колонны въ боковомъ придѣлѣ стоитъ богатый юноша съ Беде-

керомъ въ рукѣ и пытается прослѣдить, какъ отразились въ архитектурѣ минувшихъ временъ ходъ развитія и сущность жизни. Онъ погруженъ въ размышленія о смыслѣ бытія и не можетъ постигнуть, съ какою цѣлью люди такъ силятся убить время и непремѣнно прожить свои семьдесятъ—самое большое—восемьдесятъ лѣтъ. Если бы приличіе позволило, юноша подошелъ бы къ старику и сказалъ бы ему, достигшему положеннаго природой предѣла:

— Открой мнѣ загадку жизни!

И если бы старикъ еще не умеръ въ ту минуту отъ голода и жажды, онъ отвѣтилъ бы:

— Загадкою жизни, надъ рѣшеніемъ которой я трудился до сихъ поръ, было поддержаніе жизни.

— И только?—спрашиваетъ богатый юноша съ удивленіемъ.

— Только? Развѣ этого мало?—спрашиваетъ старикъ.

— Мы не понимаемъ другъ друга,—говоритъ богатый юноша.

— Да, мы не понимаемъ другъ друга,—повторяетъ старикъ;—мы никогда не понимали другъ друга.

— А все потому, что ты—старый эгоистъ, который жилъ лишь для себя,—продолжаетъ богатый юноша.—Но родъ, человѣчество...

— Я тоже жилъ для рода,—отвѣчаетъ старикъ,—для него я взростилъ и вскормилъ дѣтей; эта задача была, пожалуй, потруднѣе вашей, рѣшеніе которой вы можете купить готовымъ въ любой книжной лавкѣ. Да, господинъ, пойди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, тогда увидишь, хватитъ ли твоей жизни еще на что-нибудь другое!

Но богатый юноша предпочиталъ оставить задачу нерѣшенной и удержать свое богатство; поэтому онъ продолжалъ читать въ своей книжкѣ и не спросилъ вовсе бѣднаго зеленщика о задачѣ жизни.

Старикъ же вышелъ изъ церкви, унося въ душѣ утѣшительное слово аббата: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ», впрягся въ свою телѣжку и двинулся на лѣвый берегъ Сены.

На углу бульвара St.-Michel ему удается продать на двѣнадцать су зелени, но ниже ея стоимости. Затѣмъ онъ продолжаетъ путь и въѣзжаетъ въ улицу Bonaparte. Стоитъ послѣобѣденное время, самая безотрадная пора дня, когда солнце близится къ закату, а ночная тьма еще не спустилась, не принесла успокоенія усталымъ людямъ, которымъ теперь какъ разъ бы отдохнуть и поиграть, прежде нежели отойти на свое ложе мучительныхъ сновъ и воспоминаній.

Онъ садится на скамейку и считаетъ деньги. Восемьдесятъ сантимовъ; двадцати сантимовъ нехватаетъ до того франка, который онъ уплатилъ у городскихъ воротъ. Откуда взять шесть франковъ

для уплаты огороднику? Что онъ будетъ ѣсть и пить и какъ доберется до ночи назадъ въ Сюрэнъ? Онъ вспоминаетъ безконечныя Елисейскія поля, длинный проспектъ Avenue de la Grande Armée, ужасную Avenue de Neuilly. Нѣтъ, слишкомъ далеко ворочаться назадъ, слишкомъ далеко...

Онъ озирается кругомъ, словно ища чего-то; въ его мутные глаза ударяетъ свѣтъ синихъ и красныхъ стеклянныхъ шаровъ, искрящихся подъ лучами солнца въ окнахъ аптеки по ту сторону улицы. Тамъ выставлены цѣлые ряды склянокъ и коробокъ: есть и лѣкарства отъ дурного пищеваренія, и пилюли для возбужденія аппетита, и порошки для успокоенія разгоряченнаго мозга, который слишкомъ долго работалъ надъ разрѣшеніемъ задачи бытія; тамъ лежатъ средства противъ чрезмѣрнаго роста населенія и увеличенія бѣдности; карандаши отъ мигрени для людей, рѣшающихъ соціальные вопросы, бѣлила и румяна для проводящихъ безсонныя ночи, пастилки для лицъ, страдающихъ нервами и матеріально-обезпеченныхъ. Тамъ все найдется.

Старикъ поспѣшно встаетъ, какъ будто его поманилъ къ себѣ покупатель, и входитъ въ аптеку.

— Будьте такъ добры, отпустите мнѣ на двѣнадцать су опіума,—говоритъ онъ,—жена моя мучается судорогами.

Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ поднимаетъ правую руку, чтобы показать аптекарю и убѣдиться самому, что на безыменномъ пальцѣ ея надѣто обручальное кольцо. Но на загорѣломъ пальцѣ вмѣсто кольца видна лишь блѣдная полоска въ видѣ углубленія.

Аптекарь, который, можетъ быть, въ свою очередь ждалъ съ нетерпѣніемъ покупателей, не обращаетъ на это никакого вниманія; онъ наполняетъ требуемой жидкостью небольшую склянку, закупориваетъ ее пробкой, наклеиваетъ ярлыкъ, беретъ протянутыя деньги и затѣмъ снова погружается въ свою фармакопею, точно хочетъ сказать: «мнѣ-то какое дѣло?»

Со склянкой въ карманѣ старикъ выходитъ изъ аптеки, снова берется за свою телѣжку и тащитъ ее нѣсколько шаговъ вверхъ по улицѣ. Противъ книжной лавки онъ останавливается, и, словно желая испытать счастіе, въ которое онъ уже больше не вѣритъ, кричитъ въ послѣдній разъ: «два су пучокъ! два су пучокъ!» Затѣмъ, точно опасаясь, какъ бы кто-нибудь въ отвѣтъ не подозвалъ его, онъ быстро приставляетъ пузырекъ къ губамъ и проглатываетъ темно-красную жидкость, жадно, точно желая утолить палящую жажду. Зрачки его глазъ сокращаются, словно ослѣпленные солнечнымъ свѣтомъ;

яркій румянецъ покрываетъ щеки, колѣна подгибаются, и онъ падаетъ на край тротуара. Сначала слышится храпѣніе, какъ будто онъ впалъ въ глубокій сонъ; кожа покрывается обильной испариной, ноги судорожно вздрагиваютъ. Когда подоспѣваетъ полиція, онъ лежитъ уже совсѣмъ тихо, а на лицѣ его можно прочесть его послѣднія мысли: «жизнь иногда бывала хороша, бывала и плоха; но все же лучшее въ ней—конецъ. Задачу жизни я рѣшалъ, какъ умѣлъ; это былъ нелегкій трудъ, хотя богатый юноша и находитъ, что этого было мало. Мы съ нимъ другъ друга не поняли. Жаль, что людямъ не суждено понимать другъ друга.»

Е. О.

ОТРАВА.

I.

У подъѣзда гостиницы, идущаго полукругомъ, стояла щегольская викторія, очень глубокая — по модѣ. Кучеръ сдерживалъ лошадей, нетерпѣливо бьющихъ копытомъ объ асфальтъ мостовой. Дверь отворилась, выскочилъ швейцаръ и вытянулся въ струнку возлѣ экипажа, съ готовностью подсадить. Второй швейцаръ держалъ дверь, распахнувъ ее передъ Жанной.

Жанна пропустила Засѣкина мимо себя и остановилась на подъѣздѣ, застегивая перчатки.

Стоя такъ, гибкая и стройная въ своемъ длинномъ свѣтло-сѣромъ пальто и огромной черной шляпѣ съ перьями, она была очень красива и сознавала это. Ей стоило посмотрѣть на лицо откровенно любующагося ею Засѣкина,—на нѣсколькихъ мужчинъ, завтракающихъ тутъ же у гостиницы за отдѣленными трельяжемъ столиками,—чтобы убѣдиться въ своемъ обаяніи, — и на ея губахъ играла спокойная, почти счастливая улыбка.

Она и была счастлива въ эту минуту.

Ярко-голубое небо, весь этотъ клочекъ Москвы, болѣе напоминающій Европу, чѣмъ другія улицы; великолѣпные засѣкинскіе рысаки; самъ онъ въ цилиндрѣ, съ гвоздикой въ петличкѣ,—все вмѣстѣ взятое настраивало ее весело, казалось нарядным и радостным. Она обвела вокругъ себя довольнымъ взглядомъ, а встрѣтившись глазами съ Засѣкинымъ, прямо улыбнулась ему и сказала:

— Ну, ѣдемъ!

Онъ не далъ швейцару подсадить ее въ коляску, а самъ помогъ ей, почти поднялъ ее на рукахъ до подножки и незамѣтно сжалъ ея талію. Въ этомъ мимолетномъ жестѣ онъ лишній разъ выказалъ наполнявшее его влеченіе къ ней, а ей и въ голову не пришло обидѣть-

ся. Она откинулась на кожаную подушку, прикрѣпленную съ правой стороны къ спинкѣ викторіи, и приказала:

— На Дѣвичье Поле.

— Слышалъ, Степанъ?

Засѣкинъ сѣлъ рядомъ, и лошади сразу взяли крупной рысью. Покойный экипажъ благодаря шинамъ мягко и неслышно катился по неровной мостовой.

— Отдохнули вы?—заботливо спросилъ Засѣкинъ, вглядываясь въ свѣжее, нѣжно-розовое лицо Жанны.—Впрочемъ, нечего и спрашивать: у васъ такой видъ!

— Я еще въ дорогѣ чудно отдохнула. Для меня разстояніе отъ Петербурга до Москвы незамѣтно. Спальный вагонъ, отдѣльное купэ... Я совсѣмъ раздѣваюсь и сплю, какъ убитая. Я даже люблю эти поѣздки, по крайней мѣрѣ, рано ложишься спать и рано встаешь.

— Да, вы говорили мнѣ, что только въ вагонѣ начинаете вести «правильный образъ жизни!»

Оба засмѣялись.

Она дѣйствительно только что пріѣхала съ курьерскимъ поѣздомъ. Засѣкинъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ, отвезъ въ гостиницу и по ея повелѣнію возвратился за ней къ 12 часамъ. Она успѣла взять душъ и переодѣться; они рѣшили поѣхать на Дѣвичье Поле, а ужъ оттуда завтракать.

Завтракъ въ перспективѣ былъ пріятный. Засѣкинъ любилъ и умѣлъ поѣсть и высоко ставилъ въ женщинѣ легкую «gourmandise».

— Ненавижу женщинъ, которыя не понимаютъ, что ѣдятъ!—говорилъ онъ.—Дайте ей вареный картофель, дупеля, прэ-сале или маринованную калошу, она не разберетъ. Воля ваша, въ этомъ видно отсутствіе извѣстной утонченности! У настоящей жинщины всѣ пять чувствъ должны быть развиты и аффинированы!

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Жанна вполнѣ удовлетворяла его вкусу.

Этотъ завтракъ долженъ былъ вознаградить ихъ за ту немножко непріятную поѣздку, которую предприняла Жанна: пріѣхавъ на мѣсяцъ въ Москву, она рѣшила навѣстить бѣднаго Макса въ лѣчебницѣ.

Конечно, это не обѣщало ничего веселаго, — такой визитъ, особенно при ея нервности,—но она чувствовала своимъ долгомъ повидать бѣднягу.

— Удивляюсь я вашему желанію... ѣхать къ этому несчастному Максу... — сказалъ ей Засѣкинъ, когда они выѣхали на Садовую и мчались между двумя линіями садовъ, запыленныхъ палисадниковъ и домовъ большей частью стариннаго типа.—Только разстроите себя.

— Что же дѣлать!—принимая не безъ легкаго усилія грустный видъ, отвѣтила Жанна.—Это будетъ доброе дѣло. Нельзя же думать только о себѣ. Онъ былъ моимъ другомъ.

— Подозрительная дружба!—съ проснувшимся ощущеніемъ ревности къ прошлому,—пробормоталъ Засѣкинъ.

— Почему это?—холоднѣе спросила Жанна.

— Знаете, какъ-то плохо вѣрится въ *дружбу*... между красивымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ былъ Максъ, и такой женщиной, какъ вы.

— И, однако, это такъ было.

Жанна взглянула на него съ едва уловимымъ презрительнымъ оттѣнкомъ и продолжала:

— Вы, мужчины, удивительный народъ. Повѣрить въ существованіе какихъ бы ни было чистыхъ чувствъ и отношеній для васъ совершенно невозможно. Вы еще можете сдѣлать видъ, что повѣрили, если это вамъ выгодно, но не больше. Тѣмъ не менѣе Максъ былъ только моимъ другомъ.

Она помолчала.

— Скажу вамъ больше... если бы мы встрѣтились при иныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть... почти навѣрно, это и было бы иначе. Но когда мы съ нимъ познакомились, онъ весь былъ полонъ любовью къ другой, такъ что у насъ сразу установились только пріятельскія отношенія. Она его бросила, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Я стала его утѣшать, какъ брата, и никогда ничего другого въ немъ не видѣла. Но онъ очень любилъ меня, это правда,—правда и то, что вѣроятно, будь я стара и безобразна, онъ бы не чувствовалъ ко мнѣ такой... какой-то нѣжности, не баловалъ бы меня, какъ онъ это дѣлалъ. Онъ всегда старался исполнить малѣйшее мое желаніе, а отъ меня не требовалъ *ничего*. Такое отношеніе къ себѣ я видѣла настолько рѣдко, что не могла не цѣнить его. А теперь, когда онъ погибъ, я должна хоть навѣстить его... Это будетъ однимъ изъ немногихъ добрыхъ дѣлъ, которыя мнѣ зачтутся!—заключила она.

— Убѣжденъ... и побѣжденъ!—отвѣтилъ Засѣкинъ.—Преклоняюсь передъ милосердіемъ доброй самарянки. Теперь я, по крайней мѣрѣ, спокоенъ за себя.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ томъ, что если я кончу, какъ бѣдный Максъ, то вы и меня не забудете, не правда ли?

— Ни за что, обѣщаю вамъ!—серьезно отвѣтила Жанна, и опять оба засмѣялись. Всякая мысль о несчастіи, казалось, отъ нея такъ

далека въ этотъ яркій и веселый день. Такъ же мало, вѣроятно, думаютъ о несчастіи пассажиры поѣзда за минуту до крушенія.

Жанна Меранжи была дочерью маленькой французской актрисы и извѣстнаго русскаго тенора Заблоцкаго.

Мать ея, Розу Меранжи, привезла въ Петербургъ кузина, знаменитая въ то время актриса Михайловскаго театра, Инэсъ Легранъ.

Красавица Инэса, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, составила себѣ хорошую пожизненную ренту, пріобрѣла виллу въ Ниццѣ и бриллианты, извѣстные отъ Невы до Сены. То же самое проектировала она и для своей юной кузины, дочери честныхъ парижанъ «rentiers», которые вовсе были не прочь, чтобы ихъ хорошенькая Роза заработала себѣ приданое. Но къ страшному негодованію Инэсы, ея легкомысленная кузина, вмѣсто того чтобы оправдать ожиданія родственниковъ, влюбилась безъ памяти въ молодого опернаго пѣвца «un cabot», да, къ тому же, еще и женатаго. Она отвергла ухаживанія блестящаго гвардейца барона Линде, «trois fois millionnaire», и ушла къ своему тенору, заявивъ кузинѣ, что «будетъ ему принадлежать, пока бьется ея сердце».

Инэса пришла въ бѣшенство, но въ концѣ концовъ, видя, что дѣла не поправишь, какъ женщина умная, махнула на все рукой и только совершенно перемѣнила свое отношеніе къ Розѣ. Роза изъ «mon petit chou adoré» превратилась въ «cette malheureuse insensée», а когда черезъ годъ послѣ этого ея теноръ поссорился съ дирекціей и уѣхалъ въ провинцію, заставивъ Розу бросить службу и ѣхать за нимъ, то Инэса сказала:

— Je lui avais toujours predit que cela va mal finir! — и окончательно выкинула изъ сердца неблагодарную кузину.

Такимъ образомъ прекратилась артистическая карьера Розы, потому что въ провинціи, по которой она ѣздила съ Заблоцкимъ, никакихъ труппъ французскихъ не было, по-русски же хотя она и быстро,—какъ каждая женщина на языкѣ любимаго человѣка,—научилась говорить, но говорила съ сильнымъ акцентомъ, такъ что играть бы не могла. Да ей было и не до игры. Она вся ушла въ безумное, болѣзненное чувство къ Заблоцкому.

Красавецъ-теноръ пользовался страшнымъ успѣхомъ, и когда они жили въ крупныхъ городахъ—Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани, гдѣ бы онъ ни пѣлъ, его преслѣдовали раздушенныя записки, посыльные, вѣнки и т. д., и т. д., а бѣдная Роза сходила съ ума отъ ревности.

Первымъ яснымъ воспоминаніемъ Жанны былъ «роскошный» но-

меръ провинціальной гостиницы, съ ярко-синей триповой мебелью, зеркалами до потолка и пыльными цвѣтами. По стѣнамъ развѣшены высохшіе лавровые вѣнки, лиры и т. п., а на этажеркѣ стоятъ футляры отъ подношеній, чаще всего пустые, потому что подношенія обыкновенно закладывались: хоть денегъ было много, но расходовались онѣ безъ толку, и къ концу мѣсяца семья сидѣла безъ гроша.

Въ этой комнатѣ мать Жанны, красивая, хотя и очень худенькая, съ растрепанными волосами, съ красными пятнами на щекахъ, въ растерзанномъ капотѣ, мечется изъ угла въ уголъ, какъ львица въ клѣткѣ. Отецъ, красивый, чисто выбритый, съ улыбкой на румяныхъ губахъ, стоитъ передъ зеркаломъ и кончаетъ одѣваться.

— Чѣмъ безъ основанія изводиться, завяжи-ка мнѣ лучше галстукъ, Розиночка!—миролюбиво говоритъ онъ.

Мать вспыхиваетъ.

— Чтобы я своими руками стала завязывать тебѣ галстукъ, когда ты идешь на свиданіе?

— Ты съ ума сошла.

— Да, если еще не сошла, то это чудо, но ты скоро сведешь меня. Развѣ я не знаю, куда ты идешь, и зачѣмъ приходилъ посыльный, и отъ кого записка? Но ты напрасно думаешь, что я тебя пущу. Ты не пойдешь къ этой твари!—сильно грассируя, вскрикиваетъ она.

— Роза, брось!—приказываетъ отецъ.

— Не брошу! Я не позволю ей разрушать мое счастье. Я не позволю насмѣхаться надо мной какой-нибудь распутной бабенкѣ!

— Да ты кто такая сама?—Отецъ поворачивается къ ней. Глаза у него свѣтлые-свѣтлые и холодные, какъ вода, когда онъ взбѣшенъ.—Какое ты имѣешь право пускать меня или не пускать, позволь тебя спросить? Что ты—жена мнѣ, что ли?

Мать широко раскрываетъ глаза и хватается за сердце. Пятна на ея щекахъ становятся ярче.

— Ты должна быть еще довольна, что я тебя держу и кормлю, милая моя, и что люди считаютъ тебя моей женой. И такъ ты веревка на моей шеѣ!

— Ah! Misérable! lâche! lâche!—вскрикиваетъ мать, отыскавъ голосъ и переходя на французскій языкъ, какъ всегда въ минуты возбужденія. Je te suis de trop? Mais tue-moi! Tue moi alors, tu n'as que cela à faire. Oh, maudit soit le jour quand je t'ai vu pour la première fois!

Ея голосъ дрожитъ истерическими нотами, она близка къ рыданіямъ: со своимъ южнымъ темпераментомъ, легко воспламеня-

ющимся, она теперь внѣ себя. Она распахиваетъ капотъ и, подставляя худенькую грудь подъ воображаемый кинжалъ, кричитъ:

— Mais tue-moi donc, misérable! tue-moi donc!...

— Убивать я тебя не стану,—кричитъ въ свою очередь отецъ, съ сжатыми кулаками и совершенно багровый отъ гнѣва,—а прибить прибью, если ты не бросишь свои штуки. Молчи, сумасшедшая баба! Слышишь, дай мнѣ дышать, не то...

Онъ хватаетъ ее за руку, стискиваетъ до боли и швыряетъ на полъ, а самъ выбѣгаетъ изъ номера, хлопнувъ дверьми; онъ весь дрожитъ и бормочетъ:

— Изволь тутъ беречь голосъ!

— Jean!—съ отчаяніемъ и ужасомъ вскрикиваетъ мать и, не поднимаясь съ пола, съ безумными глазами, начинаетъ тихо шептать,—ея слова звучатъ какъ жалоба ребенка:

— Il m'a frappée! Lui, mon Jean! Il m'a frappée, oh!...

Тогда Жанна выползаетъ изъ своего угла за печкой, гдѣ она сидѣла, притаившись, какъ мышка, широко раскрывъ свои огромные, такіе же синіе какъ у матери, глаза. Ея сердчишко переполнено жалостью и страхомъ. Она тихонечко подбирается къ матери и, протягивая къ ней ручки, шепчетъ:

— Maman! ma petite maman!

Мать вздрагиваетъ. Видъ испуганнаго ребенка ярко воскрешаетъ передъ ней сцену ея униженія. Она рѣзко вскрикиваетъ:

— Va-t'en, enfant de malheur!

И разражается рыданіями.

Тогда Жанна, чувствуя себя несчастной и взволнованной, быстро проскальзываетъ въ дверь, въ коридоръ. Она боится разсердить мать, потому что ей въ такомъ случаѣ достанется не одинъ пинокъ или шлепокъ, а мама послѣ того, какъ поссорится съ папой и поплачетъ, бываетъ очень сердитой. Потому Жанна рѣшаетъ, что безопаснѣе ей побродить въ коридорѣ.

Съ первыхъ дней своего сознанія, она ничего кромѣ номеровъ и коридоровъ не видѣла, и привыкла къ нимъ. Она думаетъ, что всѣ дома такіе, и что всѣ маленькія дѣвочки спятъ за темными перегородками, гдѣ наставлены корзины и сундуки, и гуляютъ по длиннымъ коридорамъ, гдѣ разостланы сѣрыя дорожки съ красными коймами. Естественнымъ ей кажется и зайти въ буфетную, гдѣ на нее прислуга смотритъ, какъ на ручного звѣрька.

— Ты что, Женя, бродишь?—спрашиваетъ ее какая-нибудь горничная,—такъ онѣ передѣлываютъ ея имя.

— Опять баталія была!—равнодушно отзывается коридорный.

— О! И какъ это имъ не надоѣстъ?—возмущается другая горничная.—Да, ужъ нечего сказать! Одно слово, что господа, а больше нашего промежъ себя скандалятъ. Утромъ тринадцатая въ двадцать перваго-то блюдцемъ запустила.

— Ну-у?

— Ей Богу!

Дворня хохочетъ. Нѣсколько времени перемываютъ косточки постояльцамъ. Жанна узнаетъ, что къ «десятой» мужъ пріѣхалъ, а у ней въ гостяхъ офицеръ: былъ скандалъ. Что «шестнадцатому» хозяинъ хочетъ отказать, потому что онъ все барышенъ къ себѣ водитъ,—да бѣда: солидный гость и платитъ хорошо. Все это Жанна слушаетъ: присутствіемъ ея не стѣсняются. Потомъ Марѳуша вспоминаетъ о ней.

Марѳушу Жанна любитъ: она такая хорошенькая, отъ нея пахнетъ духами и юбки у нея шелестятъ, не какъ у горничной. Она гладитъ дѣвочку по кудрявой головѣ и даетъ ей конфету изъ стащенныхъ у «пятой».

— Ей ея старикашка что ни день пять фунтовъ привозитъ, куды ей всѣ, не объѣсться, небось. На, ѣшь, Женя.

— А ну-ка, Женя, представь, какъ папаша поетъ?

Жанна рада сдѣлать своимъ друзьямъ удовольствіе. Она нѣсколько разъ видѣла отца въ театрѣ. Слухъ у нея удивительный. Она схватываетъ пыльную метелку вмѣсто меча и начинаетъ пѣть, размахивая метелкой.

— Пускай же кро-о-овь пролье-о-о-отся!

Она путаетъ слова, переходитъ съ аріи на арію, поетъ, копируя отца: «О-о, повтори слова любви-и-и!» Потомъ взмахиваетъ метелкой и выскакиваетъ въ «окно», т.-е. черезъ скамью.

Прислуга хохочетъ.

— А ну, представь, какъ мамаша въ обморокъ падаетъ?

Жанна вскрикиваетъ и падаетъ навзничь съ истерическими рыданіями. Она не сознаетъ, что это нехорошо, и кто бы ей это объяснилъ?

Прислуга въ полномъ восторгѣ.

— Занятное дитя!

Коридорный подхватываетъ ее на руки и качаетъ.

Жанна визжитъ и смѣется отъ удовольствія.

Въ это время раздается звонокъ, другой.

— Тебѣ, Марѳуша! «Пятнадцатый»!

— О, ч-чортъ! раззвонился!—въ сердцахъ говоритъ горничная, вставая.

— И я съ тобой!—и, держась за юбку своей любимицы, Жанна отправляется съ ней.

Когда онѣ приходятъ къ незнакомому господину, тотъ смотритъ на хорошенькаго ребенка, стоящаго въ дверяхъ.

— Это чья дѣвочка?

— Это-съ... тутъ... г. Заблоцкаго-съ... и одной француженки!— понижая тонъ, объясняетъ Марѳуша, но дѣвочка отлично слышитъ. Она давно уже знаетъ, что ее такъ называютъ, и сама не понимаетъ почему—потому ли, что это говорится въ пониженномъ тонѣ и слегка сконфуженно,—но ей чего-то становится стыдно, когда она слышитъ эту фразу, и ея 5-лѣтнее сердечко инстинктивно сжимается.

Обыкновенно ее подзываютъ, ласкаютъ, угощаютъ чѣмъ-нибудь. Она не дичится. Она привыкаетъ смотрѣть на поцѣлуи и на ласки, какъ на что-то, что легко можно давать всѣмъ. Когда Марѳуша убираетъ чей-нибудь номеръ, а она къ ней примажется, то она видитъ, какъ Марѳуша спокойно отливаетъ себѣ духовъ, отсыпаетъ пудры, кладетъ въ карманъ конфеты и прибавляетъ:

— Отчего не взять? У нихъ всего много.

Такимъ образомъ она развиваетъ въ дѣвочкѣ взглядъ на пользованіе чужой собственностью, какъ на вещь естественную, и по-своему примѣняетъ прудоновское правило: «La propriété c'est le vol».

Иногда отецъ, возвращаясь, застаетъ Жанну въ коридорѣ.

— Ахъ ты, Боже мой!—сердится онъ.—Даже за ребенкомъ не можетъ присмотрѣть. Что ты тутъ дѣлаешь, Жанна? Пойдемъ! Онъ беретъ ее на руки и вдругъ обращаетъ на нее вниманіе.

— Да ты у меня прехорошенькій чертенокъ! Любишь мармаладъ?

— Люблю.

— А шоколадъ?

— Люблю.

— Что больше?

— Оба больше.

— Завтра у тебя все будетъ!

Войдя въ номеръ, онъ особенно долго нѣжничаетъ съ ней, словно желая уязвить этимъ мать. Онъ играетъ съ ребенкомъ, цѣлуетъ его, щекочетъ, напѣваетъ что-то. Жанна въ восторгѣ. Она тянется къ нему всѣмъ тѣльцемъ, визжитъ, хохочетъ, наслаждается, какъ котенокъ на солнцѣ. И только ей становится неловко, когда она видитъ вдругъ почти враждебный взглядъ синихъ глазъ матери. Она дѣтскимъ чутьемъ соображаетъ, что что-то неладно, и, осмѣлившаяся, раскраснѣвшаяся отъ игры, бѣжитъ къ матери и тянетъ ее за руки:

— Maman! Viens jouer avec nous!

— Va!—рѣзко отталкиваетъ ее мать.—Va chez ton père!—И съ плохо скрытой злобой въ сторону говоритъ:—Il enjôle même sa fille!

Если отецъ въ духѣ, то онъ не поднимаетъ реплики, а говоритъ ей: «Viens, viens, Rosinette! Donne moi vite un bon baiser»!

Онъ знаетъ ея слабую струнку. И дѣйствительно, отъ ласковыхъ словъ на родномъ языкѣ она мѣняется, какъ по волшебству. Она бросается къ нему... Въ одну минуту она уже на колѣняхъ возлѣ него и льнетъ къ нему всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ, и дрожитъ, и смѣется, и плачетъ, повторяя: «Vrai? Alors tu m'aimes encore un peu? Méchant, méchant»!... и цѣлуетъ его лицо, глаза, руки...

Изъ дождя этихъ поцѣлуевъ перепадаетъ и Жаннѣ. Они сидятъ всѣ трое, обнявшись, умиленные, счастливые...

Жанну ранно отсылаютъ спать и просятъ Марѳушу присмотрѣть за ней; а мама надѣваетъ большую шляпу, нарядную накидку—и улыбающаяся, красивая, похожая на шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, подъ руку съ папой уходитъ.

На ночь Жанна молится. Молится она по-русски: ее научила молитвамъ Марѳуша. Когда-то мама учила ее: «notre père qui êtes aux cieux»... Но Жаннѣ больше нравится по-русски. Что-то таинственное есть въ непонятныхъ для нея славянскихъ словахъ... и она произноситъ ихъ, какъ заклинаніе, а потомъ прибавляетъ свою молитву о разныхъ вещахъ и главное—чтобы папа и мама всегда были такіе добрые и ласковые, какъ сегодня...

А на завтра повторяется то же.

Иногда къ ночи они не успѣютъ помириться и тогда всю ночь напролетъ спорятъ и ссорятся. Жанна слышитъ заглушенныя рыданія матери, жестокія слова, угрожающій шепотъ, вскрикиванія, обиды, взаимныя оскорбленія... И всю ночь не спитъ. Она лежитъ съ сухими, испуганными глазами и чувствуетъ странную горечь, почти озлобленіе, почти ненависть въ эти минуты,—къ кому, къ чему—сама хорошенько не понимаетъ.

Иногда отецъ не ночуетъ дома. Тогда мать мечется, какъ безумная, по комнатѣ и громко, и безсвязно говоритъ сама съ собою. То она его проклинаетъ, такъ что страшно дѣлается, то начинаетъ думать, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье. Тогда она бросается на землю и кричитъ: «Sainte Vierge! Sauvez le moi»!

Но когда утромъ онъ возвращается здоровый и невредимый, то вмѣсто того, чтобы радоваться этому—она опять начинаетъ проклинать его.

Никогда Жанна не забудетъ одной сцены...

Отецъ пришелъ въ одиннадцать часовъ утра съ красными глаза-

ми, небрежно завязаннымъ галстукомъ. Не поздоровавшись съ матерью, онъ прошелъ прямо въ спальню. Мать судорожно схватила испуганную Жанну на руки. Она была такая хрупкая и слабенькая, что обыкновенно не могла поднять дѣвочки, но сейчасъ подняла ее, какъ перышко.

Она вскрикнула:

— Maintenant je sais ce qui me reste à faire!—въ одно мгновеніе вскочила на большое окно въ гостиной и съ возгласомъ:—Adieu! распахнула его.

Жанна сразу поняла, что мать хочетъ выброситься въ окно. Она часто пугала этимъ отца... и крохотная дѣвочка все сообразила. Въ смертельной тоскѣ она крѣпко ухватилась одной ручонкой за шею матери, словно могла удержать ее, другой—за перекладину окна, и закричала:

— Non, non, maman, je ne veux pas!...

Но мать уже занесла одну ногу за подоконникъ. Съ высоты третьяго этажа передъ Жанной виднѣлась площадь, камни мостовой... Въ это время отецъ, полураздѣтый, успѣлъ добѣжать до нихъ и схватить обѣихъ. Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, но Жаннѣ онѣ показались нѣсколькими часами... Отецъ почти грубо стащилъ мать на полъ, а самъ взялъ Жанну на руки и, задыхаясь, повторялъ:

— Безумная!...

Онъ былъ очень блѣденъ. Жанна судорожно вздрагивала и плакала, прижимаясь къ отцу, а мать упала на кресло и лежала, тяжело дыша и такъ смотря блуждающими глазами, словно ничего не видѣла.

— О, Господи! Господи!...—шепталъ отецъ.

На другой день они помирились, какъ будто ничего и не случилось. У нихъ были гости, всѣ пили, пѣли, смѣялись.

Жаннѣ дали шампанскаго цѣлую рюмку! Хохотали надъ тѣмъ, что она опьянѣла, и заставили ее пѣть куплеты. И мужчины и дамы восхищались ею и цѣловали ее. Она переходила съ рукъ на руки. Толстый басъ схватилъ ее и началъ высоко подбрасывать въ воздухъ, говоря:

— А вотъ я тебя выброшу! У-у! Возьму и выброшу!

И вдругъ Жанна вспомнила, какъ вчера ее мама хотѣла въ окно выбросить. Она затряслась всѣмъ тѣломъ и закричала:

— Не хочу! Боюсь, боюсь!...

Съ ней сдѣлалась первая истерика. Растерявшійся басъ спустилъ ее съ рукъ. Мать, совершенно забывшая вчерашнюю сцену, дала ей сердитаго шлепка и отправила спать, а отецъ смѣялся.

— Въ шесть лѣтъ уже истерика! Вотъ это настоящая женщина.

Жанна долго въ темнотѣ всхлипывала и дрожала; ей представлялось высокое окно, и куда-то внизъ, на камни, мама ее бросала... И она вскрикивала и сердце у нея разрывалось отъ страху, а въ сосѣдней комнатѣ слышался хохотъ, игра на рояли и звонъ тарелокъ.

Такъ у нихъ часто собирались гости, ужинали, обѣдали, играли въ карты; а иногда въ домѣ вовсе не было денегъ. Особенно это не чувствовалось, потому что жили въ гостиницѣ и имъ отпускали въ кредитъ, но бывало такъ, что отецъ привозилъ ей десятифунтовую коробку шоколаду и мармаладу, а она ходила въ дырявыхъ башмачкахъ.

Такъ шло время.

Жаннѣ минуло девять лѣтъ, когда отецъ уѣхалъ отъ нихъ. Онъ воспользовался предлогомъ, что Жаннѣ надо учиться и объявилъ матери, что онѣ должны основаться въ томъ самомъ городѣ, гдѣ сейчасъ находились.

Послѣ неимовѣрныхъ сценъ съ обѣихъ сторонъ, онъ поставилъ на своемъ. Жанну отдали въ гимназію. Онъ обѣщалъ платить за нее и кромѣ того высылать имъ по двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Самъ онъ уѣхалъ съ труппой, давъ слово вернуться постомъ.

Разстался онъ съ обѣими очень нѣжно, успокаивая Розу, говоря ей, что это все дѣлается для блага ихъ дочки, что нельзя же дѣвочку таскать за собою, не думая о ея будущемъ, а что онъ будетъ работать для нихъ и думать только о нихъ...

Мать послѣ его отъѣзда нѣсколько дней лежала замертво; потомъ стала оправляться—и къ удивленію Жанны начала обращаться съ ней гораздо мягче. Иногда она точно шла къ дочери за лаской.

Года два прошли монотонно, однообразно, разнообразясь только рѣдкими наѣздами отца. Онѣ остались жить въ той же гостиницѣ, гдѣ жили съ отцомъ, только взяли дешевле номеръ: Роза и подумать не могла о хозяйствѣ и о чемъ-либо подобномъ. Привыкшая къ бурямъ и волненіямъ семейной жизни, теперь она становилась вялой и апатичной. Ходила не одѣваясь, не причесываясь, жила отъ письма до письма, гадая на картахъ, грызя леденцы и перечитывая романы Фелье и Сàля... Общества у нея не было никакого: всѣ ея знакомые по труппѣ, гдѣ служилъ Заблоцкій, отхлынули вмѣстѣ съ нимъ. Не считая жившей въ той же гостиницѣ массажистки, да оставшейся въ этомъ городѣ француженки, опереточной пѣвички, нашедшей покровительство въ образѣ богатаго банкира,—она никого не знала. Только когда пріѣзжалъ Заблоцкій, она оживлялась. За мѣсяцъ до этого она всѣмъ, не исключая и коридорнаго, разсказывала: «Мой мужъ пріѣзжаетъ... Когда мой мужъ пріѣдетъ» и т. д.

И тѣ нѣсколько дней, что онъ пріѣзжалъ, она проводила, какъ въ чаду, похорошѣвшая, нарядная... Потомъ страстная истерика передъ его отъѣздомъ—и опять монотонное существованіе...

Тѣмъ временемъ Жанна училась въ гимназіи. Училась она превосходно и быстро развивалась, но гимназія не приносила ей большой радости.

Если у нея и были двѣ-три подруги, съ которыми она сдружилась, ходя обнявшись и разговаривая на рекреаціяхъ—то какъ только она звала ихъ придти къ ней, онѣ отвѣчали: «я спрошу маму».

И всегда оказывалось, что нельзя.

Одна изъ нихъ, болѣе откровенная, чѣмъ другія, дочь богатаго инженера, сказала ей причину:

— Мама не позволяетъ мнѣ ходить къ тебѣ, потому что у тебя нѣтъ папы... и ты живешь въ гостиницѣ... и она не можетъ познакомиться съ твоей мамой...

Изъ двухъ разговаривавшихъ наиболѣе была смущена она, потому что у Жанны только глаза засверкали, какъ у волченка, и она, сжавъ губы, отошла отъ подруги.

Этотъ случай заставилъ ее сторониться всѣхъ остальныхъ, изъ боязни натолкнуться на такую обиду,—и въ гимназіи она держалась особнякомъ.

Изъ маминыхъ знакомыхъ она больше любила хорошенькую, веселую пѣвицу. Та сама привязалась къ дѣвочкѣ, баловала ее, постоянно дарила ей разныя бездѣлушки, возила съ собой кататься и т. д.

Классныя дамы и учительницы, часто видя маленькую Меранжи на рысакахъ рядомъ съ хорошенькой m-me Флерэ съ ея накрашенными волосами, съ сожалѣніемъ покачивали головами и, поджимая губы, пріучались заранѣе видѣть будущее прелестной дѣвочки въ извѣстномъ свѣтѣ.

Пріятельницы при Жаннѣ не стѣснялись, и часто, сидя за столомъ и уча свои уроки, она вслушивалась и въ ихъ откровенные разговоры. Имена рѣкъ и заливовъ, Бискайскаго, Гасконскаго... переплетались въ ея головѣ съ вольными анекдотами и воспоминаніями о веселыхъ дняхъ въ Парижѣ.

Изъ всѣхъ этихъ бесѣдъ,—особенно за чаемъ съ ликерами на французскій манеръ,—Жанна выносила много аксіомъ и уроковъ. Уроки эти были иного свойства, чѣмъ гимназическіе, но произносились такимъ авторитетнымъ тономъ и съ такой непреложностью, что невольно возбуждали къ себѣ довѣріе.

Напримѣръ:

«Для женщины красота—это все. Только красотой и шикомъ и можно привязать къ себѣ это неблагодарное животное: мужчину».

Или:

«Та, которая не сумѣетъ воспользоваться своей прелестью и пропуститъ удобный случай добыть себѣ капиталъ—une cruche, une idiote achevée».

Или:

«Добродѣтельны только или женщины очень глупыя, или очень некрасивыя»!

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

— En voilà une qui n'aura pas froid aux yeux!—кивала m-me Флерэ на свою маленькую пріятельницу, склонившуюся надъ географической картой.

— Да! если захочетъ, не одинъ изъ-за нее застрѣлится!—съ жирнымъ смѣхомъ подтверждала румяная массажистка, опрокидывая стаканчикъ ликера шутя.

— Ah, oui, ma fille! Tache de ne pas être si bête que ta mère!—вздыхала Роза.—Si je voulais pourtant...

Тутъ начинали воспоминаться проекты Инэсъ Легранъ, баронъ «trois fois millionnaire» и т. д.

Такъ дни шли, когда вдругъ Роза узнала, что Заблоцкій овдовѣлъ и немедленно женился на молоденькой барышнѣ изъ общества...

Онъ самъ сообщилъ это Розѣ, въ необыкновенно ласковомъ письмѣ, просилъ принять это спокойно, признавался, что онъ не могъ не жениться, но что никогда онъ не забудетъ ихъ и попрежнему будетъ о нихъ заботиться.

Когда Роза узнала, что онъ для нея безвозвратно потерянъ, она отравилась.

Жанна, которой уже было 13 лѣтъ, не растерялась, услышавъ отъ матери:

— Adieu, ma fille! Je me suis empoisonnée!

Она немедленно разбудила массажистку, разослала прислугу за докторами, телефонировала m-me Флерэ, и мать отходили.

Послѣ этого онѣ какъ-то совершенно перемѣнились ролями. Жанна въ одну ночь выросла и стала взрослой дѣвушкой. Роза—совсѣмъ превратилась въ ребенка, безпомощная, слабая, не интересующаяся тѣмъ, что съ ней дѣлалось.

Какъ-то вечеромъ, когда она уже начала оправляться, она лежала и тихо разговаривала съ Флерэ. M-me Флерэ ухаживала за ней во

время ея болѣзни такъ усердно, что даже волосы забывала подкрашивать.

На этотъ разъ ихъ бесѣда не носила никакой примѣси гривуазности.

Роза говорила какимъ-то не своимъ голосомъ, тихимъ, усталымъ.

Жанна, за перегородкой, у стола, на которомъ шумѣлъ остывающій самоваръ, учила урокъ исторіи. И сжавъ виски обѣими руками, старалась запомнить хронологію германскихъ королей, а сама невольно вслушивалась въ тихій разговоръ.

— Знаешь,—говорила ея мать.—Мнѣ больно не столько то, что онъ бросилъ меня, сколько то, что онъ даже мысли не допустилъ, что это было *мое* право—стать его женой. Его настоящая жена скончалась... Вѣдь я никогда ей дурного не дѣлала... Когда я его узнала, онъ съ ней уже разошелся... Я не настаивала ни на разводѣ, ни на чемъ!... Я просто повѣрила ему—и отдала ему и себя, и свою жизнь. А я была честной дѣвушкой, Маргарита! И я ему родила ребенка... такого прекраснаго ребенка!...

Жанна вздрогнула. Это слово въ устахъ ея матери такъ и пронизило ее. Такъ мать ее любила?...

— И что же?—продолжала Роза.—Когда онъ освободился, то вмѣсто того, чтобы вознаградить меня за эти 14 лѣтъ, чтобы дать имя и честную будущность нашей дочери, онъ поспѣшилъ обвѣнчаться съ той! Онъ пишетъ: «она была невинной дѣвушкой, я иначе не могъ поступить». Но вѣдь и я была молода и невинна, только онъ успѣлъ позабыть это!...

И она заплакала тихими слезами, не похожими на ея обычные истерическіе вопли, и Флерэ заплакала съ ней.

— Потому что эта «дѣвушка изъ общества»! Изъ общества!—воскликнула Роза.—О, и потому «cette malheureuse enfant est née pour être déclassée!»

Жанна отодвинулась отъ лампы и застыла надъ своимъ учебникомъ. Въ ея душѣ смутно, неясно, но все сильнѣе закипала вражда къ тому *обществу,* изъ котораго она ясно сознавала себя почему-то исключенной, отверженной; къ тому *обществу,* изъ-за котораго бросилъ ихъ отецъ; къ тому *обществу*, изъ-за котораго плакала ея мать.

И къ этому бросившему ихъ отцу росло въ ней враждебное чувство. Вспоминала она о немъ часто, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ это дѣлать рѣдко. Онъ все неаккуратнѣе высылалъ имъ деньги; имъ случалось терпѣть нужду.

Жанна узнала дорогу въ ломбардъ. Часто она ходила туда и сто-

яла въ шеренгѣ бѣдняковъ съ утомленными лицами, съ жалкими узелочками приходившихъ закладывать послѣдніе пожитки. И все лучше и лучше видѣла жизнь, какъ она есть. Ей приходилось самой отправляться къ хозяйкѣ гостиницы просить подождать уплаты.

Хозяйка,—толстая купеческая вдова, пообтершаяся за границей, и ея управляющій, красивый господинъ съ бородкой à-la Фигнеръ и необыкновенными гастуками,—очень любили ея визиты.

Они заставляли тринадцатилѣтнюю Жанну при гостяхъ пѣть куплеты и танцовать, угощали ее любимой наливкой хозяйки, а управляющій въ темномъ коридорѣ не разъ пагонялъ дѣвочку, звеня брелоками, и обнималъ, и цѣловалъ ее. А она терпѣла все это, и дѣлала веселую улыбку, потому что знала, что все это нужно терпѣть, иначе ихъ будутъ притѣснять. И только ночью она не спала и заглушала рыданія, кусая подушку; но если мать тревожно окликала ее:

— Jeanne, tu ne dors pas? Qu'est-ce que tu as?

Она отвѣчала только:

— Ce n'est rien m'man, j'ai un peu de migraine—щадя мать, становившуюся все слабѣе.

Еще годъ прошелъ. Провинціальная гимназія продолжала относиться къ дѣвочкѣ попрежнему, попрежнему m-me Флерэ и массажистка составляли все ея общество, когда ея матери стало совсѣмъ плохо.

Въ одно утро Жаннѣ показалось, что ей лучше. Она была оживленнѣе и даже попросила:

— Oh, je voudrais tant un bouquet de violettes!—когда Жанна разсказала ей, что на улицахъ уже продаютъ фіалки. Жанна спустилась на площадь, купила и принесла матери букетикъ душистыхъ, темно-лиловыхъ фіалокъ. Та занялась ими; распутала связывавшія ихъ нитки и, поставивъ на столикъ рядомъ съ кроватью, любовалась ими.

Пріѣхала m-me Флерэ и привезла ей конфетъ, тѣхъ pralines, которыхъ ей страшно хотѣлось, по-дѣтски,—она раньше все просила ихъ.

Она обрадовалась и лежала совсѣмъ довольная, улыбающаяся. Велѣла дать себѣ чашку чая. Выпила глотокъ—и больше не могла, сразу устала, примолкла. Потомъ вдругъ приподнялась, широко раскрыла глаза, съ какимъ-то удивленіемъ сказала:

— Oh! Jeannette! Que je suis bien!

Откинулась на подушки—и умерла.

Жанна и m-me Флерэ поняли это только черезъ нѣсколько минутъ. Флерэ бросилась съ рыданіями на колѣни передъ постелью, а Жанна стиснула зубы, сжала руки—и окаменѣла.

Въ гробу Роза лежала тоненькая, прелестная, съ улыбкой счастливаго ребенка... и больше похожа была на 15-лѣтнюю дѣвочку, чѣмъ Жанна, вся потемнѣвшая, суровая и безмолвная.

Телеграфировали Заблоцкому на его послѣдній адресъ. Въ этотъ же день къ вечеру получили телеграмму, раскрыли и прочли:

«№ 1355 адресата въ городѣ не оказалось».

Похороны устроила m-me Флерэ, она же и взяла къ себѣ дѣвочку; рыдая и совсѣмъ не заботясь, что слезы портили румяна, она цѣловала Жанну и повторяла:

— Va, tu n'es pas seule, pleure pas, mon petit chou!

Подъ ея покровительствомъ Жанна и осталась.

Отецъ прислалъ ей очень ласковое письмо и сто рублей и время отъ времени продолжалъ присылать деньги, но впослѣдствіи прекратилъ это совсѣмъ.

M-me Флерэ слышала, что онъ почти потерялъ голосъ и что ему самому туго приходится, а у него двое маленькихъ дѣтей.

Тогда Жанна по собственному рѣшенію отправилась къ городскому головѣ, пріятелю банкира m-me Флерэ, и выхлопотала у него сама, чтобы онъ устроилъ ей освобожденіе отъ взноса и маленькую стипендію.

Она пробыла у него больше двухъ часовъ, вышла пылающая, съ горящими мрачнымъ озлобленіемъ глазами, но стипендію онъ ей назначилъ.

Она блестяще окончила гимназію, и нетерпѣвшая ее начальница вынуждена была скрѣпя сердце выдать ей золотую медаль.

По окончаніи курса она рѣшила пойти въ актрисы.

— Таланта у меня нѣтъ,—сказала она m-me Флерэ,—но у меня есть умъ, энергія и наружность—и, думаю, что я чего-нибудь добьюсь.

— Mais oui, ma bichette!—поддержала ее Флерэ.

Жанна надумала обратиться къ теткѣ своей, знаменитой Инэсъ Легранъ. Та уже бросила сцену, вышла замужъ за какого-то барона и жила въ Парижѣ.

Она написала ей, что никогда не станетъ ей надоѣдать своимъ родствомъ и не претендуетъ на «emploi» бѣдной родственницы, но проситъ отъ тетки только одной услуги: даже не говоря, что она ея племянница,—устроить ее безплатно въ петербургскую театральную школу.

Тетка, какъ и предполагала Жанна, сохранила связь съ театромъ; она откликнулась на ея письмо и устроила Жаннѣ без-

платный пріемъ, но предупредила, чтобы въ дальнѣйшемъ она на ея помощь не разсчитывала.

У Жанны отъ продажи кое-какихъ бездѣлушекъ, подарковъ m-me Флерэ и т. д., накопилось рублей 500, и съ ними она, нѣжно простившись съ Маргаритой, уѣхала въ Петербургъ.

Въ училище ее приняли, но жить ей было не на что. Тогда она разузнала адресъ одного мецената, милліонера и коллекціонера Фирсова, о которомъ ей говорила m-me Флерэ, и спокойно пошла къ нему.

Въ траурѣ, цвѣтущая нѣжной красотой 17 лѣтъ, она тронула его гуманное сердце, и онъ назначилъ ей стипендію, съ тѣмъ, чтобы она ежемѣсячно являлась къ нему за полученіемъ.

Милліонеръ очень не нравился ей, и она сумѣла повести себя съ нимъ такъ, что старикъ видѣлъ въ ней дѣвочку и только. Онъ угощалъ ее завтраками, иногда катался съ ней и, заѣзжая къ Кнопу, дарилъ ей какія-нибудь бездѣлушки или духи. Ее видѣли въ коляскѣ милліонера, съ нимъ въ ложѣ. Ей не для кого было жалѣть своей репутаціи, да она и не знала хорошенько, что это такое... и репутація устанавливалась.

Жанна кончила школу. Таланта у нея не обнаружилось, но его дѣйствительно довольно успѣшно замѣняла красота, изящество, умъ и осмысленность читки. Ее хотѣли принять, какъ прочихъ, на выходныя роли въ императорскій театръ, на 50 руб. жалованья въ мѣсяцъ; но она разсчитала, что лучше, чѣмъ «выносить подносы» и застыть на этомъ,—поиграть сначала на частныхъ сценахъ или въ провинціи, а тамъ посмотрѣть.

Унаслѣдованное отъ матери французское изящество сослужило ей большую службу.

Она выдѣлялась изъ толпы, и ее нельзя было не замѣтить. Волосы ея всегда лежали такъ, какъ будто были убраны лучшимъ куаферомъ, и она не боялась немного эксцентричныхъ причесокъ. Она поднимала шлейфъ по-парижски; ея походка, ея гибкая по змѣиному фигура,—все было красиво и оригинально. Она культивировала свою красоту и холила себя. Еще стараго Фирсова она забавляла тѣмъ, что съ тонкимъ знаніемъ дѣла и выборомъ требовала отъ него разныхъ pâte, ongoline, essence capillaire и т. п. Но также тщательно культивировала она и свой умъ: читала всѣхъ новѣйшихъ писателей, даже философовъ, запаслась Ларуссомъ и выписывала въ записную книжку наиболѣе поражавшія ее цитаты—отъ Ницше до Аннунціо.

Но какъ тѣло холила она съ точки зрѣнія кокетства, а не гигіены, такъ и душу. Она дѣлала это не изъ потребности развитія, само-

образованія—а ясно понявъ, что именно въ ея кругѣ и положеніи умъ и образованіе будутъ выдѣляться такъ ярко, какъ ни въ какомъ другомъ, сознательно готовила изъ себя женщину сильную не только красотою, но и «интеллектомъ».

Съ этими картами она вошла въ жизнь, преждевременно все знающая, все презирающая, судящая о человѣчествѣ по тѣмъ людямъ, что встрѣчались до сихъ поръ на ея пути,—прелестная и совершенно одинокая въ свои 20 лѣтъ.

Въ большихъ городахъ есть совершенно особые кружки лицъ, самыхъ разнообразныхъ, которыхъ связываетъ между собою одно общее: призракъ литературно-артистической профессіи.

Эти люди гдѣ-то пишутъ, гдѣ-то играютъ, гдѣ-то поютъ, и т. д. Но если пишутъ, то не въ лучшихъ журналахъ, и ужъ конечно, не серьезныя статьи. Романисты среди нихъ занимаютъ «подвальные этажы» какихъ-нибудь листковъ мелкой прессы и описываютъ страданія въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, которыхъ отъ роду не видывали. Поэты пишутъ въ отдѣлѣ смѣси иллюстрированныхъ листковъ юмористическіе стихи, сочиняютъ цыганскіе романсы и куплеты для открытыхъ сценъ; драматурги переводятъ оперетки или выкраиваютъ обозрѣнія для лѣтнихъ театровъ.

Артисты служатъ въ фарсахъ, играютъ на клубныхъ сценахъ; пѣвцы поютъ въ опереткахъ; художники рисуютъ въ юмористическихъ изданіяхъ, и т. п.

Много здѣсь похороненныхъ надеждъ, сгинувшихъ мечтаній; попадаются и неудачники съ настоящимъ талантомъ, но рѣдко: чаще всего—большое самомнѣніе, дерзость и беззастѣнчивость.

Общество у этихъ людей самое смѣшанное.

Здѣсь въ большинствѣ случаевъ семьи съ какимъ-нибудь изъяномъ, жены живущія съ чужими мужьями, мужья—съ чужими женами; дѣти въ одной семьѣ—«твои», «мои» и «наши». Барышни—съ таинственнымъ прошлымъ... Самыя невѣроятныя семейныя отношенія; средства, берущіяся невѣдомо откуда; но вмѣстѣ съ тѣмъ—этого нельзя назвать полусвѣтомъ. Всѣхъ ихъ именно спасаетъ профессія, заставляющая соблюдать извѣстный декорумъ.

У всей этой богемы—въ отличіе отъ богемы истинныхъ талантовъ и «аристократіи умовъ»—страстное желаніе не отличаться отъ остальныхъ людей, быть «принятыми», имѣть такую же столовую и гостиную, какъ «у всѣхъ»—но вмѣстѣ съ тѣмъ натура тянетъ ихъ къ безпорядочному веселью.

Въ этомъ обществѣ бываютъ самые неожиданные и разнородные

элементы. То—пріѣхавшая изъ провинціи чья-нибудь сестренка, чистая и невинная дѣвочка, рядомъ съ отцвѣтающей опереточной этуалью; то отставной пѣвецъ, ставшій профессоромъ bel canto—и рядомъ свѣтская дама съ любопытствомъ совершающая эскападу въ неизвѣстный ей мірокъ, выше котораго она себя считаетъ настолько, что даже не боится скомпрометировать себя, какъ не боялась бы въ Парижѣ пойти въ Moulin-Rouge, изъ любознательности. Вотъ прогорѣвшій антрепренеръ, предки котораго числятся въ Готскомъ Альманахѣ, а вотъ комическая старуха, получившая наслѣдство и вышедшая за массажиста. Тутъ молодой офицеръ, покинувшій полкъ изъ-за женитьбы на солисткѣ русскаго хора, и окончившая консерваторію барышня, служащая въ опереточномъ оркестрѣ, и т. д. и т. д.

И этотъ призракъ профессіи объединяетъ ихъ всѣхъ подъ своей защитой и дѣлаетъ изъ нихъ что-то одно.

Такъ иногда въ дождь соберутся подъ воротами самые разнообразные люди укрыться отъ ливня: тутъ и модистка съ картономъ, и барыня въ шляпѣ, и дрожащій нищій въ лохмотьяхъ, и толстый купецъ... и всѣ они въ это время представляютъ изъ себя что-то общее...

Къ такому обществу примкнула Жанна, и сразу оказалась вполнѣ подходящей къ нему.

Одѣвалась она элегантно, какъ большинство женщинъ этого круга. Жила всегда въ хорошей гостиницѣ. Если оставалась долго въ одномъ городѣ, то держала лошадей и съ удовольствіемъ разрѣшала ими пользоваться знакомымъ дамамъ. У нея всегда было можно найти радушный пріемъ, хорошій ужинъ и полную свободу; кто хотѣлъ—могъ играть въ карты, кто—пѣть цыганскіе романсы, кто—развалиться въ качалкѣ и читать газеты.

Хозяйка не только не стѣсняла никого, но даже иногда сама уѣзжала на цѣлый вечеръ и, вернувшись, заставала у себя сервированный ужинъ и массу народа.

У нея бывали охотно: она, кромѣ поклонниковъ—любила и умѣла создавать себѣ «друзей», привлекая ихъ своимъ остроуміемъ, и равнодушнымъ снисхожденіемъ къ ихъ слабостямъ, которое казалось добротою.

Обыкновенно при ней жила какая-нибудь пріятельница—начинающая актриса, консерваторка, что-нибудь въ этомъ родѣ, которой она покровительствовала и услугами которой зато пользовалась: занять гостей, когда она уѣзжала, разлить чай, съѣздить въ магазинъ, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь ее замѣнить. Обыкновенно подруга занимала смежный номеръ, и тамъ Жанна скрывалась, если не хотѣла

кого-нибудь принимать, а вмѣсто нея выходила та и спроваживала нежеланнаго гостя и т. д.

Поклонниковъ у Жанны было много. Но она не стерпѣла бы официальнаго повелителя, а къ тому же жила одна—и въ дальнѣйшее никто не вступался. Съ улыбкой, втихомолку, указывали то на одного, то на другого; но въ сущности у всѣхъ было такъ много подобныхъ провинностей, что допытываться и преслѣдовать за это—никому и въ голову бы не пришло. Пусть живетъ какъ знаетъ! Она красива, изящна, образована, въ глаза своимъ поведеніемъ не бросается—и отлично. Тѣмъ болѣе, что она рѣдко была безъ дѣла, она играла на разныхъ клубныхъ сценахъ, и играла очень мило,—а ея туалеты и внѣшность заставляли обращать на нее вниманіе, и многіе ея рѣдко изящную индивидуальность принимали за талантъ.

Сцены она не любила, хоть и говорила всѣмъ, что живетъ только для искусства. Она, впрочемъ, ничего и никого не любила.

Иногда въ ней просыпалась мучительная, безмолвная, почти безсознательная тоска по чемъ-то чистомъ и прекрасномъ, что должно же существовать на свѣтѣ... но чего она не знала. Обыкновенно это случалось подъ вліяніемъ природы. Природа на нее дѣйствовала, и она была способна просидѣть нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, вглядываясь въ небо, въ море, словно ища въ нихъ отвѣта на свой нѣмой вопросъ. И безпричинныя слезы приходили потомъ, не облегчавшія, медленныя слезы. Но это было очень рѣдко. Чаще всего она интересовалась «вещами», жизнью, какъ она ей представлялась. Она старалась добыть себѣ изъ этой жизни какое-нибудь удовольствіе, какъ истинная эпикурейка, наслаждалась хорошимъ ужиномъ, прогулкой въ коляскѣ по островамъ, легкою музыкой румынскаго оркестра и т. д.

Только проведя полный оживленія, шума и блеска день и очутившись на разсвѣтѣ у себя въ спальной, взявши душъ изъ воды, разбавленной lait d'iris, и улегшись въ широкую кровать, бѣлую и свѣжую—она вдругъ чувствовала, что это-то и есть самый лучшій моментъ дня и что изъ-за него стоило жить.

Наконецъ, она была одна и могла не двигаться! И странно въ такія минуты было выраженіе ея лица. Трудно было бы узнать въ немъ прелестное личико, какихъ-нибудь два часа назадъ оживленное, со сверкающими въ улыбкѣ зубами и яркими глазами. Она вся словно потухала, словно снимала маску—поблѣднѣвшая, утомленная, съ темными кругами подъ глазами, она казалась старше и некрасивѣе. Засыпая, она громко вздыхала, долгими вздохами, а во снѣ лицо ея принимало страдальческое выраженіе; она часто вздрагивала и сто-

нала. Ей снились тяжелые сны, и во снѣ она страдала изъ-за тѣхъ чувствъ, которыхъ на яву у нея не было: или она кого-то мучительно любила и ревновала, или у нея умиралъ обожаемый ребенокъ, или она разставалась къ кѣмъ-то близкимъ и дорогимъ... Такъ мстила ея душа въ безсознательномъ состояніи за отсутствіе настоящихъ чувствъ въ дѣйствительности. А чувствъ у Жанны не было. Ея увлеченія, потому что увлекаться она не теряла способности, тяготили ее. Пока это было только прелюдія, она загоралась, она ждала, что вотъ-вотъ будетъ что-то новое, что этотъ человѣкъ дастъ ей испытать тѣ ощущенія, которыя она напрасно призывала—ощущеніе нѣжности къ нему, заботливости о немъ, глубокой преданности и готовности на самоотверженную любовь... Хотя бы цѣною собственнаго страданія... Но кромѣ тягости, а подчасъ и отвращенія—она не могла испытать ничего, и сознавая, что онъ въ этомъ не виноватъ, а виновата только ея натура—несла послѣдствія своей ошибки съ терпѣніемъ, повторяя себѣ свою любимую фразу:—Ayons de la résignation!...—до перваго случая, когда, не обижая, имѣла возможность удалить этого человѣка.

Это заставляло особенно привязываться къ ней... Организмъ ея, по виду обѣщавшій такой пламенный темпераментъ, не держалъ этихъ обѣщаній...

Въ ней была какая-то врожденная вялость. Можетъ быть, какъ иногда дѣти алкоголиковъ не выносятъ алкоголю, она—дочь человѣка, ежеминутно увлекавшагося, и женщины страстной, какъ южанка—была лишена этого, и когда отъ нея требовалась ласка, то въ ней было полное равнодушіе, если не просыпалась усталость и протестъ.

Въ одинъ изъ такихъ періодовъ она и встрѣтилась съ Максомъ Бруни.

Фирсовъ, когда-то выдававшій стипендію Жаннѣ, и теперь питалъ къ ней полуотеческую слабость; по старой памяти, она у него разъ въ мѣсяцъ завтракала, а иногда и онъ тоже, по старой памяти, выручалъ ее въ денежныхъ затрудненіяхъ.

У него-то, на большомъ вечерѣ, она увидала Макса. Вечеръ, дававшійся въ честь пріѣзжей знаменитости, блестѣлъ красивыми дамами и интересными мужчинами. Тутъ были все имена, извѣстныя «всему Петербургу» и встрѣчающіяся въ газетныхъ хроникахъ. Большой винегретъ «племенъ, нарѣчій, состояній». Посреди веселаго хаоса звуковъ музыки, благоуханія цвѣтовъ, блеска электричества, игравшаго на золотѣ, бронзѣ и хрусталѣ—Максъ не могъ не привлечь вниманія. Онъ стоялъ красивый, блѣдный и мрачный, какъ Демонъ, съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія на лицѣ, но въ безукоризненномъ фракѣ.

Жанна заинтересовалась имъ. Фирсовъ ихъ познакомилъ, и, вмѣсто мрачнаго и загадочнаго героя, она быстро увидѣла передъ собой несчастнаго мальчика, сходящаго съ ума отъ безнадежной любви.

Это было, конечно, не такъ интересно, но зато возбудило въ ней жалость, и она такъ мягко и задушевно сумѣла затронуть въ немъ наболѣвшія струны, что онъ и самъ не замѣтилъ, какъ черезъ часъ все ей разсказалъ. Они вмѣстѣ сѣли ужинать, послѣ ужина онъ просилъ позволенія ее проводить, а тамъ очевидно ему очень еще не хотѣлось отпускать ее; онъ такъ умоляюще предложилъ: «Поѣдемте прокатиться!», что она согласилась.

Онъ былъ счастливъ, что, наконецъ, нашелъ кому излить свое сердечное «trop plein», и что это была женщина не изъ ихъ общества, значитъ онъ не рисковалъ скомпрометировать свою неблагодарную возлюбленную, разсказывая о ней; а онъ такъ давно задыхался отъ горя, отъ тоски и обиды, что жаждалъ все это высказать.

Они летѣли по бѣлымъ и блестящимъ при лунѣ аллеямъ острововъ, въ какой-то фантастической странѣ изъ снѣга, сахара и брильянтовъ.

Часто-часто по этой дорогѣ такъ мчалась она раньше, и чья-нибудь рука смѣло обнимала ея талію, а взволнованный голосъ шепталъ на ухо все такія одинаковыя... всегда одинаковыя слова; и вотъ теперь ей казалось новымъ и пріятнымъ, что сейчасъ это волненіе относится *не къ ней,* что чье-то сердце раскрывается передъ нею, полное горя и отчаянія, *не изъ-за нея*, и что она можетъ утѣшить, не жертвуя собою, что все это горе, отчаяніе, волненіе не касаются обладанія ею, и что отъ нея этому красивому молодому человѣку не надо ничего.

Скоро она знала отъ Бруни всю его исторію.

Бруни, сынъ знаменитой пѣвицы и не менѣе знаменитаго скульптора, по матери принадлежавшій не только къ аристократіи талантовъ, но и къ аристократіи общества, былъ какъ многія дѣти талантливыхъ родителей, очень талантливымъ дилетантомъ.

Онъ недурно лѣпилъ, съ своеобразно-изящной манерой, и сочинялъ небольшіе романсы—больше на французскія слова, и напечаталъ два-три стихотворенія. Имѣлъ хорошее состояніе, часто ѣздилъ за границу, одѣвался у англійскаго портного, и казалось бы, жизнь его была создана для однихъ удовольствій и пріятныхъ ощущеній. Но какой-то странный законъ равновѣсія, не дающій людямъ никогда полнаго удовлетворенія, толкнулъ его на дорогу баронессы Эльсборгъ, красавицы и умницы, съ лицомъ Офеліи, умомъ Меттерниха и жестокостью Фульвіи.

Она принадлежала ему два года. Первая она пріѣхала на его холостую квартиру въ своемъ манто изъ chinchilla и мѣховомъ токѣ съ цвѣтами голубыхъ гортензій, пріѣхала просто и открыто въ своемъ купэ «посмотрѣть его работы» и даже отъ него телефонировала мужу, что она здѣсь, не хочетъ ли онъ заѣхать за ней и вмѣстѣ отправиться къ «Медвѣдю?»...

Съ тѣхъ поръ она дала ему два года счастія, тонкаго общенія съ изящнѣйшей женщиной, ласкъ, достойныхъ Лаисы—и потомъ также спокойно, совершенно не вдаваясь въ объясненія, отдалила его отъ себя.

Съ полгода она еще забавлялась тѣмъ, что утонченно терзала его. То бросала ему при всѣхъ, глядя на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ, какую-нибудь фразу изъ прошлаго, заставлявшую его блѣднѣть и задыхаться и тутъ же передавала черезъ него какое-нибудь порученіе его «замѣстителю». То отправлялась куда-нибудь кататься втроемъ, и вдругъ вспоминала, что она забыла дома захватить какую-нибудь необходимую вещь, и съ ключомъ отъ секретера отсылала Макса къ камеристкѣ, оставаясь съ *тѣмъ* вдвоемъ и т. п.

Когда онъ какъ-то не выдержалъ этой роли и потребовалъ отъ нея объясненій, она холодно на него посмотрѣла и спросила:

— По какому праву?

— По праву человѣка, который васъ любитъ.

— Милый мой, меня очень многіе любятъ, и если бы всѣ вздумали со мной объясняться, мнѣ было бы некогда пообѣдать.

— Бросьте шутить! По праву человѣка, котораго *вы* любили... которому вы дали доказательства своей любви.

Она подошла совсѣмъ близко и, въ упоръ глядя на него, спросила:

— Какія?

Онъ, выведенный изъ себя, крикнулъ ей грубо:

— Вы кажется забыли, что два года были моей любовницей!

— Я... вашей любовницей?—спросила она и разсмѣялась.

Она смѣялась искренно и звонко. Въ это время вошелъ ея мужъ.

— У васъ тутъ весело! Что за причина веселья, подѣлитесь?—спросилъ онъ, цѣлуя руку жены.

— Причина та, мой другъ, что м-сье Бруни рѣшилъ распространить про меня въ обществѣ... ты легко поймешь, почему... что я была его любовницей. Я надѣюсь, ты знаешь, что тебѣ остается дѣлать!—спокойно сказала она и вышла изъ комнаты.

Черезъ два дня состоялась дуэль.

Баронъ выстрѣлилъ на воздухъ, хотя стрѣлялъ вторымъ, и отношенія Бруни были съ нимъ вполнѣ покончены.

Но забыть ее онъ не могъ, и встрѣчая баронессу въ обществѣ, въ театрѣ, на concours hyppique, словомъ вездѣ, гдѣ бывалъ «весь Петербургъ», онъ чуть не плакалъ отъ отчаянія, бѣшенства и больной любви.

Онъ бросился искать развлеченія и отвлеченія въ кутежахъ съ дамами полусвѣта; но всѣ онѣ казались ему такими грубыми животными, что противно было говорить съ ними; а любовь ихъ была ему не нужна, слишкомъ сильно сидѣла въ немъ память о змѣиныхъ ласкахъ баронессы.

Въ это время онъ и познакомился съ Жанной.

Она не принадлежала къ тому обществу, котораго онъ боялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея изящный умъ, ея манеры, все это было такъ не похоже на вульгарныхъ demi-mondaine'окъ, которыя хуже заставляли его страдать объ утраченномъ.

Она отнеслась къ нему такъ сердечно, и съ ней онъ могъ говорить, зная, что она пойметъ его, и онъ найдетъ у нея участіе.

Его несложная натура вся уходила раньше въ одну безумную любовь, и когда баронесса его бросила, то онъ очутился въ положеніи мухи, попавшей въ пустой шаръ, которая не знаетъ, гдѣ верхъ, гдѣ низъ, гдѣ право и лѣво. Вдругъ все стало пусто вокругъ него. Службы или обязательнаго дѣла у него не было; искусства онъ не любилъ настолько глубоко, чтобы оно могло все ему замѣнить; и онъ чувствовалъ только озлобленіе и страшную пустоту. И вдругъ явилась эта дружба, и онъ, какъ голодный на ѣду, накинулся на нее.

Можетъ быть, если голодному предложить на выборъ индѣйку съ трюфелями или кусокъ чернаго хлѣба, то онъ предпочтетъ первое; но если выбора не будетъ, то онъ и на сухой хлѣбъ набросится съ восторгомъ; такимъ насущнымъ хлѣбомъ показалась ему эта дружба.

Кромѣ того, она опять заполнила его время, опять дала ему общеніе съ молодой, прелестной женщиной, недостатокъ котораго такъ сильно чувствовала его мягкая, слегка женственная натура.

Времени ему было некуда дѣвать. А теперь онъ могъ ухаживать за Жанной, не считая этого измѣной памяти своей жестокой любви; а онъ такъ привыкъ жить жизнью, наполненной мелкими и очаровательными заботами о женщинѣ, онъ любилъ эту атмосферу. И вотъ опять ему было кому выбирать перчатки, присылать духи, цвѣты и конфеты, заботиться о ложѣ, провожать къ портнихѣ, въ фотографію, выбирать костюмы, съ кого лѣпить медальоны, кому посвящать романсы, благодаря за дружбу и утѣшеніе.

Ему пріятно было показаться съ ней рядомъ въ ложѣ, или въ

коляскѣ на Стрѣлкѣ, она не стѣснялась этого, но всѣ обращали вниманіе на ея прелестную головку, и это ему нравилось.

Она со своей стороны находила прелесть въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ. Она была счастлива, что онъ ничего отъ нея не требуетъ и не хочетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно по-своему любитъ ее, и любуется ею, и съ нѣкоторой нѣжностью, «немного больше друга, меньше брата», цѣлуетъ ея руки. Но она такъ «устала отъ любви», какъ она сама себѣ иногда говорила (не подозрѣвая, что въ сущности любви-то никогда не испытала, а знала лишь то, что называютъ любовью), что эта дружба была ей пріятна. Не требуя ничего, онъ давалъ ей все, былъ ея «послушнымъ и вѣрнымъ рабомъ», какъ подписывалъ свои записки, и искренно привязался къ ней.

Онъ считалъ ее очень чистой, немножко по мужской привычкѣ судить женщину на основаніи ея отношеній именно къ нему, и умилялся душою, что въ то время, какъ баронесса въ самыя страстныя эпохи ихъ любви посылала ему телеграммы безъ подписи, Жанна смѣло и свободно писала ему милыя записочки, часто такія нѣжныя, что посторонній, прочтя ихъ, могъ бы предположить гораздо болѣе, чѣмъ было. Она не боялась этого, очевидно,—и онъ преклонялся передъ ея смѣлостью.

Онъ называлъ ее «своимъ свѣтлымъ лучомъ» и даже сочинилъ для нея романсъ.

«Мой свѣтлый лучъ».

Она въ глубинѣ души гордилась этой ролью и думала, что дѣлаетъ истинно доброе дѣло, «утѣшая» его.

Она не понимала или, вѣрнѣе, не останавливалась на этой мысли, что въ сущности утѣшеніе это было чисто внѣшнимъ, что она не проникала въ его душу; ей и въ голову не могло бы придти заставить его заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, вытащить его изъ той тины нравственнаго отупѣнія, въ которую онъ погрузился съ самаго начала связи съ баронессой, отнявшей у него мысль о чемъ-либо кромѣ нея. Жаннѣ та жизнь, которую онъ велъ, казалась вполнѣ нормальной; она сама была рада продолжать эту привычную ей жизнь съ нимъ, не платясь ничѣмъ.

И они ѣздили по театрамъ, по ресторанамъ, на всевозможныя «открытія» и «закрытія», «пробовать новую марку» въ загородные кабачки, ознаменовать привозъ устрицъ или появленіе клубники въ январѣ. Пикники, кутежи, возвращеніе на разсвѣтѣ, когда уже звонили къ ранней обѣднѣ и просыпался рабочій городъ. Постоянные наркотики. Весь калейдоскомъ веселящихся во что бы то ни стало

людей. И Жанну не шокировало, не казалось ей дикимъ, что въ отдѣльномъ кабинетѣ какого-нибудь кабака, въ облакахъ дыма, надъ залитымъ шампанскимъ столомъ, посреди жадныхъ, грубыхъ и утомленныхъ физіономій цыганъ, Максъ вдругъ бралъ гитару и нѣжно пѣлъ, глядя ей въ глаза:

«Мой свѣтлый лучъ, въ туманный день ненастья,
Ты мнѣ блеснулъ изъ-за свинцовыхъ тучъ;
Свѣти же мнѣ улыбкою участья,
Мой свѣтлый лучъ!...
Ты не влечешь къ мучительному раю
Земныхъ страстей, твой поцѣлуй не жгучъ;
Но безъ тебя я умеръ бы, я знаю—
Мой свѣтлый лучъ!...»

И она не понимала, какъ его чувства опошляются и становятся не стономъ души, а банальнымъ цыганскимъ романсомъ, который гортанные голоса по привычкѣ подхватываютъ хоромъ, окончательно отнимая у него всю исключительность:

La-la-la-la! La-la-la-la!

Такимъ образомъ, въ сущности, ихъ дружба была основана на недоразумѣніи.

Это не мѣшало обоимъ твердо вѣрить въ нее, и когда всѣ вокругъ подсмѣивались надъ ихъ «флиртомъ» и намекали на него, они только улыбались другъ другу.

Около полутора года прошло такъ. Они успѣли даже за границей побывать вмѣстѣ—Жанна съ пріятельницей и Максъ, но въ остальное время они часто разъѣзжались. Жанна придерживалась больше «гастрольной системы», въ томъ смыслѣ, что нигдѣ не играла подолгу. А возвращаясь, каждый разъ, когда она видѣла Макса послѣ хотя бы недолгой разлуки, она замѣчала въ немъ странное измѣненіе. Максъ становился разсѣяннымъ, легко забывалъ то, что предложилъ ей раньше; обыкновенно очень элегантный, начиналъ быть небрежнымъ въ своемъ костюмѣ. Онъ, всегда такой сдержанный, вдругъ сталъ раздражаться до бѣшенства, вспыхивалъ, и разъ за какіе-то не во-время поданные фрукты чуть не прибилъ лакея, причемъ Жанна даже испугалась за него, такъ исказилось его лицо и налилось кровью. Время отъ времени онъ, гдѣ бы это ни было, въ театрѣ, въ залѣ ресторана, несмотря на шумъ и яркій свѣтъ кругомъ, точно засыпалъ на минуту. Разъ въ ея присутствіи съ нимъ сдѣлался обморокъ безъ всякой причины, но очнувшись онъ даже не помнилъ о немъ. Онъ жаловался ей на общее нездоровье и выглядѣлъ все мрачнѣе. Въ концѣ

второго года онъ совсѣмъ переѣхалъ въ Москву, къ овдовѣвшей матери—она была вторымъ бракомъ за богатымъ московскимъ коммерсантомъ. Тамъ онъ и остался. Сначала онъ часто писалъ Жаннѣ, потомъ рѣже. Его письма начали удивлять ее: появились ошибки, не хватало буквъ, даже цѣлыхъ слоговъ. Она видѣла, что съ нимъ что-то происходитъ, но приписывала это нервамъ, и, по правдѣ сказать, не много надъ этимъ задумывалась, захваченная жизнью и ея обычными развлеченіями, заботами и мелочами, сплетавшими вокругъ нея неразрывную, непросвѣтную сѣть.

Однако, какъ только она проѣздомъ на Кавказъ попала въ Москву, она сейчасъ же дала ему знать. Она остановилась въ Славянскомъ базарѣ и оттуда послала посыльнаго съ запиской къ Максу, а сама, освѣжившись и перемѣнивъ дорожный костюмъ на городской, сошла въ общую залу завтракать, и приказала швейцару, если ее спросятъ, прислать г. Бруни туда же.

Она уже сняла перчатки, велѣла принести себѣ десятокъ устрицъ и разсматривала карточку завтраковъ, когда въ дверяхъ показалась странная фигура, въ которой однако было что-то знакомое ей. Она поднесла лорнетку къ глазамъ, вглядѣлась и вскрикнула:

— Максъ!

Между столиками, какъ-то неустойчиво ступая, пробирался Максъ. Длинный сюртукъ болтаяся на его похудѣвшей фигурѣ, какъ на вѣшалкѣ; широкій и очень пестрый галстукъ сидѣлъ криво, а его черные, вьющіеся волосы—густая шапка, унаслѣдованная имъ отъ отца итальянца, которую такъ любила ласкать и трепать шутя Жанна, были на-коротко острижены, почти выбриты, и лицо, и безъ того похудѣвшее, казалось маленькимъ до неузнаваемости.

Въ рукахъ онъ держалъ розы на длинныхъ стебляхъ, какъ любила Жанна, и подойдя къ ней, онъ поцѣловалъ ей руку, но съ первыхъ его словъ ей стало жутко. Онъ заговорилъ такъ, какъ будто они вчера только видѣлись, не выказалъ ни удивленія, ни радости по поводу ея пріѣзда. Глаза его смотрѣли куда-то мимо. Сначала она подумала, не пьянъ ли онъ? Но потомъ рѣшила, что этого, вѣроятно, нѣтъ. Онъ всегда краснѣлъ отъ вина, а теперь былъ очень блѣденъ.

— Вамъ нездоровится, Максъ?—спросила она его.

Онъ удивленно взглянулъ на нее и возразилъ:

— Я совершенно здоровъ, я никогда еще такъ хорошо себя не чувствовалъ, какъ теперь!

А говорилъ онъ такъ, словно языкъ съ трудомъ повиновался ему.

— Куда же дѣлись ваши волосы? Зачѣмъ вы ихъ остригли?—удивилась она, но онъ равнодушно отвѣтилъ ей:

— Всегда такъ было.

Она запнулась.

Онъ не спросилъ ее, ни куда она ѣдетъ, ни на долго ли, а началъ ей усиленно доказывать, волнуясь и глотая слова, что велосипеды «Clemence Gladiator» никуда не годятся. Онъ говорилъ съ большимъ возбужденіемъ и заикался.

Странное предчувствіе охватило Жанну. Она вглядывалась въ него съ ужасомъ и чувствовала себя чужой и далекой отъ него, какъ отъ умирающаго; ей казалось, что какая-то стѣна встала между ними, и ей было тяжело съ нимъ вдвоемъ. Она даже рада была, когда къ ея столу подошелъ раскланяться какой-то рецензентъ. Она едва была знакома съ нимъ, но тутъ любезно пригласила его подсѣсть къ столику. Она познакомила съ нимъ Макса, и тотъ сію минуту, услыхавъ, что онъ журналистъ, началъ его убѣждать, держа за пуговицу, чтобы онъ написалъ статью и «раскаталъ этихъ ш-шарла-латановъ «Clemence Gladiator».

Рецензентъ посматривалъ на Жанну, дѣлая значительно-сочувствующую мину. Когда они кончили завтракать, Максъ какъ-то машинально попросилъ позволенія проводить Жанну.

— Л... лошадь ждетъ.

Но ей показалось, что она не въ состояніи быть съ нимъ вдвоемъ. Истина не являлась ея воображенію, онъ просто сдѣлался совсѣмъ «ramolli, d'un parfait gâtisme», какъ она про себя опредѣлила его состояніе. И она покривила душой и сказала, что она не можетъ сейчасъ ѣхать съ нимъ, что ее ждетъ подруга и у нихъ масса дѣла, но чтобы онъ ждалъ ее къ обѣду въ Эрмитажѣ, куда она пріѣдетъ къ 6 часамъ.

Они встали изъ-за стола.

Онъ опять поцѣловалъ ей руку, какъ-то по инерціи отвѣтилъ, какъ прежде говорилъ, шутя:

— Слушаю-съ.

И покорно, слегка сгорбившись и пошатываясь, побрелъ одинъ къ выходу.

У нея вдругъ странно сжалось сердце при видѣ этой жалкой фигуры... она чуть не бросилась за нимъ, но остановилась, растерянная, хорошенько не отдавая себѣ отчета, что съ ней дѣлается. Она не имѣла понятія о томъ, что съ нимъ можетъ быть, но что-то точно запретило ей ѣхать въ Эрмитажъ.

Она рѣшила ѣхать съ 5-часовымъ поѣздомъ, а въ Эрмитажъ послала, уѣзжая, записку, извиняясь, что внезапно уѣхала раньше, чѣмъ предполагала. Въ Москвѣ ей было бы тяжело остаться: она оста-

новилась спеціально для него, а онъ... вдругъ точно пересталъ существовать для нея.

Когда она сидѣла уже въ вагонѣ, ей стало совѣстно за свой обманъ и жалко Макса, но она утѣшила себя тѣмъ, что, вѣроятно, Максъ теперь сильно пьетъ, и ей было бы неудобно обѣдать съ нимъ вдвоемъ. Но это она думала словами, а гдѣ-то въ глубинѣ сознанія, какъ укоръ совѣсти, вставала сгорбленная его, понурая фигура, и тоска щемила ея сердце.

Она ждала отъ него какого-нибудь письма, но такъ и не дождалась, а черезъ три мѣсяца пришла къ ней вѣсть, что Максъ посаженъ въ лѣчебницу и безнадеженъ.

Дня три она не спала, ходила мрачная и задумывалась такъ, что не слыхала, когда съ ней заговаривали. Но жизнь брала свое. Она и такъ привыкла къ его отсутствію за послѣднее время и печаль ея была не глубокой, скорѣе «эпической», чѣмъ «лирической». Она продолжала жить—и только когда при ней кто-нибудь вспоминалъ Макса, или ея глаза падали на «Свѣтлый лучъ», лежавшій на піанино, она вздыхала:

Бѣдный Максъ.

Зато теперь, когда она опять, послѣ почти годового промежутка попала въ Москву, она рѣшила навѣстить бывшаго друга. И вотъ она ѣхала къ нему съ искреннимъ сознаніемъ, что дѣлаетъ доброе дѣло, слегка умиленная собою въ глубинѣ души, и думала: «не всякая способна была бы вспомнить о человѣкѣ, который уже конченъ для жизни!...»

Коляска остановилась у глухой бѣлой ограды, изъ-за которой виднѣлась только густая зелень парка и крыша небольшого особняка.

Засѣкинъ помогъ Жаннѣ выйти и нажалъ кнопку электрическаго звонка у воротъ. Имъ немедленно отперъ привратникъ, на иностранный ладъ, въ темно-синей курткѣ съ блестящими пуговицами.

— Передайте доктору мою карточку.

Привратникъ мелькомъ опустилъ глаза на карточку и сказалъ:

— Пожалуйте, васъ ждутъ.

Прямая, какъ стрѣла, обсаженная чудесными липами аллея, привела ихъ къ крыльцу бѣлаго особняка, свѣтлаго и элегантнаго, гдѣ жилъ самъ докторъ съ семьей.

Докторъ, хорошій знакомый Засѣкина и кажется и всей Москвы, ждалъ ихъ и вышелъ къ нимъ навстрѣчу, красивый, румяный, любезно улыбающійся, въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ.

Онъ галантно склонился передъ Жанной.

— Прошу васъ, присядьте... Вы позволите предложить вамъ чашку чаю... и клубники изъ собственнаго огорода!—съ гордостью предложилъ онъ. Имъ уже подавали изящно сервированный чай, серебряную бульотку.—Не взыщите, я на холостомъ положеніи,—шутилъ докторъ.—Жена уже въ Крыму.

Гостиная, гдѣ они сидѣли, съ громаднымъ венеціанскимъ окномъ, была уставлена зеленой лакированной мебелью style moderne. На свѣтлыхъ драпировкахъ по палевому фону были раскиданы темно-розовые ирисы. Всюду валялись воздушныя подушки всевозможныхъ величинъ, съ махровыми, какъ лепестки мака, воланами нѣжныхъ тоновъ. Въ жардиньеркахъ благоухали цвѣты.

Докторъ былъ любезенъ, шутилъ, острилъ и только тогда принималъ слегка соболѣзнующій тонъ, когда Жанна начинала его разспрашивать о больномъ.

— Скажите, докторъ... неужели же Максъ... т.-е. М. Бруни... безнадеженъ?

— Безнадеженъ, сударыня. Не могу этого скрыть отъ васъ! Корковое вещество мозга поражено и идетъ хроническое разложеніе личности,—отчетливо и вкусно выговаривалъ докторъ.—Другими словами, прогрессивный параличъ.

— Боже мой... Но почему... Почему это могло случиться?

— Къ несчастію, сударыня, это очень распространенная болѣзнь, и чаще другихъ поражаетъ людей свободной профессіи. Знаете, интеллектуальная сфера требуетъ нервовъ. Особенно, если принять во вниманіе, что нашъ паціентъ велъ очень... неправильную жизнь. Кутежи... безсонныя ночи... спиртные напитки, убивающіе мозгъ...

Жанна помолчала, подавленная, потомъ спросила:

— А если бы... этихъ условій не было?

— Кто знаетъ? Навѣрное ничего нельзя сказать. Можетъ быть, онъ и избѣгнулъ бы такого печальнаго конца, а можетъ быть, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ толчковъ, всетаки заболѣлъ бы. Во всякомъ случаѣ, конечно, каждая капля алкоголя являлась гибельной для его организма.

— Несчастный, несчастный!—шептала Жанна.

— Да, бѣдный молодой человѣкъ!—сочувственно-равнодушно поддержалъ ее докторъ.—Еще клубники, пожалуйста! И рюмочку этого ликера, мнѣ его привезли изъ Японіи. Сейчасъ я могу вамъ его показать, онъ находится въ сравнительно спокойномъ состояніи.

Жанну больно задѣло, что объ Максѣ уже говорятъ, какъ о вещи.

— Можно было бы подумать, что это свѣтлый промежутокъ,

если бы съ нимъ еще вчера не было маленькаго ударчика! — съ нѣжностью произнесъ докторъ.—Такъ вы желаете пройти къ нему?

— Непремѣнно.

Засѣкинъ поглядѣлъ на ея лицо и сказалъ:

— Смотрите, Жанна Ивановна, выдержите ли вы это?

— Я хочу его видѣть!—нервно отвѣтила она.

Докторъ позвалъ ассистента, изящнаго молодого брюнета, и послалъ его впередъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ комнатѣ больного, а самъ предложилъ руку Жаннѣ.

Засѣкинъ сѣлъ въ качалку, взялъ какую-то книгу и, пахмуренный и недовольный, остался въ гостиной.

Подъ руку съ докторомъ Жанна черезъ стеклянную террасу вышла въ паркъ.

Паркъ былъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ, деревья подстрижены, роскошный газонъ окаймляли пестрые «ковровые» бордюры; цѣлыми клумбами высились великолѣпные красные, бѣлые, розовые шпажники, въ сочной и густой зелени щебетали птицы.

Время отъ времени докторъ показывалъ попрятавшіеся среди деревьевъ небольшіе коттэджи и любезно объяснялъ:

— Водолѣчебница... помѣщеніе для служащихъ... отдѣленіе для алкоголиковъ...

Съ той же улыбкой, съ которой указывалъ дальше:

— Площадка для lawn-tennis'a... гимнастика...—и продолжая «le tour du propriétaire», говорилъ:—Огородъ... я самъ люблю въ немъ возиться... взгляните, какія уже яблоки большія, а это будутъ чудесные персики: têtons de Venus.

По аллеямъ бродили, попадаясь имъ навстрѣчу, одни или въ сопровожденіи надзирателей, блѣдные, желтые, худые люди. Жанна смотрѣла на нихъ пугливо, они казались ей кошмарами, а докторъ, очевидно, привыкъ къ нимъ такъ, что почти не замѣчалъ ихъ.

Благодаря тому, что больные въ лѣчебницѣ носили частные костюмы, ихъ можно было легко спутать со здоровыми.

Мимо Жанны прошли двѣ женщины: молоденькая, худенькая, блѣдная дѣвушка съ грустнымъ личикомъ и нѣжная, румяная женщина въ синихъ очкахъ.

— Чѣмъ больна эта молодая дѣвушка?—спросила Жанна, рѣшивъ, что женщина въ синихъ очкахъ—надзирательница.

— Она вовсе не больна, это она присматриваетъ за больною: та, что въ очкахъ—безнадежная идіотка.

У посѣтителей, приходившихъ навѣщать больныхъ, тоже былъ удрученный и несчастный видъ, такъ что ихъ легко было принять

за нервно-больныхъ. Ясно было здѣсь, что въ сущности каждый тапъ въ себѣ хорошій матеріалъ для нервной болѣзни, и нехватаетъ, можетъ быть, пустяка, чтобы перешагнуть за грань здоровья.

Прилично одѣтый молодой человѣкъ приблизился къ доктору и тихо попросилъ его о чемъ-то. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ вѣжливо наклонилъ голову и удалился.

— Это вашъ ассистентъ?—поинтересовалась Жанна.

— Нѣтъ! Онъ просилъ меня телефонировать императору Англіи, чтобы ему поскорѣе высылали принцессу, которую онъ нанялъ въ горничныя!—спокойно отвѣтилъ докторъ.

Жанна вздрогнула. У нея уже слегка кружилась голова отъ видѣнныхъ ею желтыхъ, гримасничающихъ физіономій, подергиваній и тиковъ и безсмысленныхъ глазъ.

Они подходили къ дверямъ главнаго флигеля, хорошенькаго бѣлаго зданія, къ входной двери котораго вели широкія гранитныя ступени съ мраморной баллюстрадой, наверху образующія нѣчто вродѣ балкона; на него выходили и большія свѣтлыя окна по бокамъ двери. Прямо противъ дверей шла наверхъ лѣстница, съ первой площадки раздѣлявшаяся на двѣ и сворачивающая назадъ ко второму этажу. Изъ лѣвыхъ дверей, ведущихъ въ буйное отдѣленіе, слышался гулъ, точно свистъ вѣтра, и, ясно выдѣляясь, неслись хриплые, жалкіе, злобные звуки:

— Не имѣете права! Не имѣете права!

Жанна прижималась ближе къ доктору, блѣднѣя. Мягкій, скрадывающій шаги коверъ довелъ ихъ до одной изъ дверей коридора. Тамъ докторъ остановился и постучалъ. Этотъ стукъ отозвался у Жанны въ сердцѣ и оно на минуту замерло въ груди.

— Войдите!—послышался беззвучный голосъ. Дверь отворилась.

Передъ Жанной стоялъ Максъ—и не Максъ. Да, это была его характерная, красивая голова, его ротъ, его лобъ. Но какъ будто кто-то вынулъ изъ этого лица все выраженіе и оставилъ только блѣдную маску,—маску, снятую съ мертвеца. На этомъ мертвомъ лицѣ еще жили глаза, они смотрѣли и двигались. Они сохранили свой голубой цвѣтъ, всегда казавшійся такимъ страннымъ, дѣтски-наивнымъ своей яркостью, на смугломъ лицѣ. Но за ними не было ничего. Безъ блеска, безъ свѣтящейся точки, мѣняющей выраженіе, они смотрѣли, словно не видя, и ужасенъ былъ этотъ взглядъ безъ взгляда.

Но, какъ всегда, внѣшнее джентльменство еще держалось въ этомъ призракѣ человѣка. Увидя даму, онъ запахнулъ пиджакъ на груди и забормоталъ:

— Пожалуйста, пр-шу покорно... садиться.

Рѣчь его была сильно затруднена. Онъ спотыкался на *л* и *р* и иногда пропускалъ гласныя.

— Максъ!—съ волненіемъ произнесла Жанна, протягивая ему обѣ руки.—Развѣ вы не узнаете меня?

— Какъ не узнаю? Что съ вами, Жанна?—равнодушно отвѣтилъ онъ, какъ будто они и не думали разставаться. Очевидно, у него еще хватало интеллекта, чтобы вспомнить *фактъ*, но вспомнить *настроеніе* онъ уже не могъ, и чувство радости уже было ему недоступно.

— Садитесь!—продолжалъ онъ, съ трудомъ подвигая ей стулъ.

Она машинально сѣла. Съ ней творилось что-то необычайное.

Несмотря на затрудненную рѣчь, на шаткую походку, на тусклый взглядъ—онъ всетаки казался ей нормальнымъ: онъ понималъ ее, узналъ, отвѣчалъ логично. И она не могла знать, что это была уже безсознательная, инертная работа мозга.

Обращаться съ нимъ, какъ съ больнымъ, представлялось ей невозможнымъ.

Подъ слегка насмѣшливымъ взглядомъ доктора, видѣвшаго и понимавшаго ея состояніе, она волнуясь начала разспрашивать Макса:

— Максъ! Голубчикъ мой! Какъ же вы себя чувствуете?

— Какъ я себя чувствую?—заволновался и Максъ.—Вер..ликлѣпно. Я свер... свершенно здоровъ. А меня здѣсь держатъ... держатъ... не пускаютъ, это интриги! У меня концертъ въ Парижѣ назначенъ, мнѣ ѣхать надо... Уже билеты взяты, а меня не пускаютъ! Все онъ!—съ мелькнувшимъ озлобленіемъ кивнулъ онъ на доктора.

— Вотъ видите! — тихо сказалъ тотъ поблѣднѣвшей Жаннѣ, и спокойно возразилъ Максу: — Вы отлично знаете, что вы еще не совсѣмъ оправились. Какъ вы говорите, напримѣръ? Опять хуже.

— Какъ... какъ я г... варю? Немудрено у васъ здѣсь отъ... отучиться говорить. Я къ обществу привыкъ... а здѣсь, что я? все одинъ. Эти гр... глупости читать, вотъ и все раз... лаз... влеченіе!— весь какъ-то дрожа и озлобленно проговорилъ онъ, швырнувъ на полъ книжку, лежавшую на столѣ.

Жанна опять вся была на его сторонѣ. Лицо ея горѣло. Конечно! Онъ разсуждалъ логично. И среди нормальныхъ людей онъ быстро бы поправился!

Она съ затаеннымъ укоромъ взглянула на доктора. Тотъ выдержалъ ея взглядъ, чуть улыбнувшись, и успокоительно обратился къ Максу:

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, вы знаете, что васъ скоро вы-

пишутъ. Вы лучше сыграйте-ка намъ ту симфонію, что вы намѣрены играть на вашемъ концертѣ!—безмятежно предложилъ онъ.

— О, съ удовольствіемъ! — сказалъ Максъ такъ весело, какъ будто за минуту ничего не происходило. Всѣ ощущенія, проходившія по его душѣ—злоба, радость, отчаяніе—почти не отражались ни на его лицѣ, ни въ глазахъ, словно это были тѣни настроеній, что-то фиктивное и не существующее.

Онъ подошелъ къ піанино,—его комната, благодаря заботамъ матери, была убрана съ извѣстной роскошью,—и поднялъ крышку знакомымъ Жаннѣ жестомъ, вдругъ напомнившимъ ей прошлое.

Она сѣла глубоко въ кресло и, не двигаясь, вся ушла въ слухъ...

Максъ заигралъ.

Странные, жалкіе звуки, съ намеками на мотивы, наполнили комнату ужасомъ. Руки Макса едва касались клавишъ; въ нихъ уже не было ни силы, ни точности, ни бѣглости — все это ушло, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему казалось, что онъ играетъ fortissimo, и онъ, обернувшись къ нимъ, говоритъ:

— Каково? Цѣлый оркестръ... Громъ! Землетрясеніе!...—Слабо, глухо, какъ тѣни звуковъ, послышались нѣсколько страшныхъ аккордовъ похоронnаго марша, еще мрачнѣе, еще зловѣщѣе, чѣмъ обыкновенно, благодаря этому pianissimo... и вдругъ перешелъ въ припѣвъ неаполитанской шансонетки: funiculi-funicula!... А тамъ изъ неяснаго хаоса диссонансовъ ясно прорвалась сладкая фраза Фауста: «laisse moi, laisse moi. Contempler ton visage...» и сейчасъ же была заглушена казачкомъ, а за нимъ изъ отрывковъ какого-то вальса выдѣлилось знакомое «мой свѣтлый лучъ...» и, оборвавъ на полутонѣ, Максъ всталъ.

— Что, хорошо? Неправда ли! Послѣ Чайковскаго парижане еще такой вещи не слыхали!— сказалъ онъ своимъ беззвучнымъ голосомъ.

— Значитъ, хорошо,—отвѣтилъ ему докторъ,—если вы барыню до слезъ довели!

Жанна дѣйствительно сидѣла вся помертвѣвшая; крупныя слезы катились у нея изъ глазъ. Теперь для нея сомнѣнія не было.

То, что было прежнимъ, рыцарски вѣжливымъ, чуткимъ Максомъ—вдругъ заставило несчастнаго, помимо его воли, рефлексомъ—склонить свою жалкую, остриженную голову передъ плачущей женщиной.

Онъ взялъ ея руку въ свои худыя руки и поцѣловалъ ее. Вдругъ она увидѣла слезы въ его ничего не выражающихъ глазахъ; онъ, словно что-то припоминая, произнесъ:

— Мой свѣтлый лучъ!

Что-то безпомощное было въ его голосѣ, когда онъ выговорилъ эту фразу изъ другого міра. Жанна не выдержала, привлекла къ себѣ эту худую голову и, не сдерживая слезъ, цѣловала его лобъ; но когда она отпустила его—онъ уже улыбался, занятый другой мыслью:

— Нѣтъ, какъ вы уснули-то въ ложѣ?—а, докторъ! Въ ложѣ уснула!—смѣясь сказалъ онъ.

Жанна сначала не поняла, но потомъ сообразила, что онъ вспомнилъ случай изъ ихъ заграничной поѣздки. Разъ она не спала всю ночь, скитаясь по разнымъ cabarets artistiques, въ Halles Centrales и т. п.—и до того устала на другой день, что вечеромъ въ театрѣ Мариньи задремала во время балета съ пѣніемъ, и съ полчаса проспала подъ тихую музыку какихъ-то поющихъ цвѣтовъ.

Ей ясно вспомнилось то ощущеніе, какъ она открыла глаза: изящный театръ, переливы музыки, переливы нѣжныхъ тканей, изгибающіяся въ пластическихъ позахъ красивыя женщины, какіе-то фантастическіе цвѣты, мягкія, ласкающія краски—и Максъ рядомъ съ ней въ ложѣ, красивый, здоровый, съ нѣжной насмѣшкой улыбающійся ея изумленному взгляду; точно она тогда не проснулась, а перешла въ еще болѣе сладкій сонъ, такъ было хорошо...

Боже мой!...

Вѣдь сейчасъ передъ ней былъ Максъ, онъ говорилъ, глядѣлъ, отвѣчалъ ей? И это уже былъ не онъ. Онъ не существовалъ! Но онъ жилъ.

Страшная тайна встала передъ ней...

Въ дверь постучали—вошелъ ассистентъ.

— Вашъ спутникъ просилъ напомнить вамъ, что пора.

Жанна очнулась: надо было уходить. Она поднялась съ мѣста.

— Прощайте, Максъ! Я ухожу.

У него вдругъ мелькнуло въ глазахъ что-то похожее на выраженіе затравленнаго звѣря. Онъ какъ ребенокъ уцѣпился за ея платье и зашепталъ:

— Не уходите! возьмите меня съ собой.—Я домой хочу... домой... Возьмите меня!

Жанна едва высвободилась отъ него. Дрожащимъ голосомъ она стала успокаивать его:

— Максъ, милый мой, сейчасъ нельзя васъ взять... Но я скоро вернусь къ вамъ... вернусь, и мы поѣдемъ.

— Вернетесь?—послушно, не пробуя протестовать, сказалъ онъ, выпуская ее.—Вернетесь?

— Вернусь непремѣнно, голубчикъ, скоро вернусь!— и она вышла, почти шатаясь.

Онъ проводилъ ее слабой поступью до дверей. Когда она у лѣстницы обернулась, онъ еще стоялъ въ дверяхъ, улыбался и вѣжливо кланялся ей.

— Хотите валеріанки? — предложилъ ей докторъ, видя ея блѣдность, когда они очутились въ гостиной.

Жанна безъ силъ опустилась въ кресло. Засѣкинъ началъ было шутливо упрекать ее:

— Вы меня совсѣмъ покинули! Я здѣсь съ горя столько прочелъ, сколько во всю жизнь не читалъ: за полгода Revue des Revues и два тома Нивы осилилъ!

Но, увидя ея лицо, бросилъ разговоры.

Она сидѣла, закрывъ лицо руками, и молчала.

— Сильно на барыню подѣйствовало!— произнесъ докторъ, отсчитывая капли.—Это съ непривычки...

— А вы привыкли?—спросилъ Засѣкинъ.

— О, еще бы!

Жанна выпила капли, поправила волосы и беззвучно сказала:

— Ѣдемъ...

Потомъ, прощаясь съ докторомъ, прибавила:

— Можно мнѣ завтра опять пріѣхать?

Засѣкинъ запротестовалъ:

— Жанна Ивановна, вы этакъ себя уходите!

— Нѣтъ. Я ему обѣщала. И не хочу его обмануть.

Докторъ снисходительно улыбнулся:

— Милая барыня, да онъ уже забылъ, что вы у него были! Не дѣлайте себѣ иллюзій!

— Все равно... обмануть его — все равно, что у спящаго украсть!—прошептала Жанна.—Я пріѣду.

— Да сколько угодно, если только вамъ не тяжело! Мнѣ-то очень пріятно васъ видѣть! — пошутилъ докторъ, провожая ее до экипажа и срывая ей розу:

— Вотъ вамъ на память! Чудесный экземпляръ la France!... Самъ растилъ...

Они поѣхали.

Жанна молчала. Засѣкинъ чувствовалъ, что съ ней говорить не стоитъ—все равно не услышитъ.

— Розу на память... На память о чемъ? Какая насмѣшка... и такъ до послѣдняго часа не уйдетъ все это изъ ея памяти!—думала Жанна, судорожно сжимая нѣжный, полный цвѣтокъ.

Въ ушахъ ея звучала все время та безумная «симфонія», которую игралъ ей Максъ.

Она машинально смотрѣла на все, что мелькало передъ ея глазами: кривыя улицы, пыльные пустыри, вывѣски, дома и домишки... Вотъ возводимый какимъ-то милліонеромъ дворецъ, весь мраморный, съ колоннами и балконами, точно чудомъ перенесенный сюда изъ-подъ греческаго, южнаго неба, съ какой-нибудь Мадридской піаццы—сквозной, бѣлый, съ ажурными арками...

А рядомъ возъ, тяжело нагруженный сѣномъ. Везетъ его угрюмая кляча и рядомъ идетъ грязный, оборванный печенѣгъ въ лаптяхъ изъ березовой коры, какъ плели тысячу лѣтъ назадъ его предки.

Вотъ они проѣзжаютъ мимо заведенія, гдѣ когда-то они выбрасывали сотни: turbeau, sôle, filet de cailles, Suprême Alexandre III, Mumm Cordon Rouge.

А вотъ рядомъ полупьяная нищенка съ прозрачнымъ ребенкомъ на рукахъ, и у ребенка старческое, неподвижное лицо

. . . . . .

И жизнь казалась Жаннѣ такой же дикой симфоніей, какую игралъ бѣдный Максъ.

Въ этотъ день Жанна гдѣ-то завтракала, потомъ была на скачкахъ; обѣдала въ Мавританіи, оттуда поѣхали въ театръ.

Встрѣчались какіе-то знакомые, каждый антрактъ въ ложу являлись, что-то ей говорили, подносили цвѣты, цѣловали руки. На сценѣ вертѣлись, пѣли и прыгали фантастическія японки съ громадными хризантемами, легкая, шаловливая музыка звенѣла въ ушахъ...

И изъ-за всего этого неотступно вставала маска блѣднаго лица... того, прежняго... и не того...

Когда стучались въ дверь ложи, ей вдругъ казалось, что дверь отворится—и войдетъ онъ, элегантный, оживленный, съ грандіозной коробкой отъ Флея... и тутъ же воображеніе мгновенно рисовало ей его теперешняго, разслабленнаго, безсмысленнаго... И она встрѣчала вошедшаго широко раскрытымъ взглядомъ, въ которомъ читался ужасъ. Потомъ она спѣшила преодолѣть себя, улыбалась, лихорадочно шутила—но все: экзотическіе вальсы, веселые куплеты, хоръ и оркестръ—все это аккомпанировало одному слову, страшному, неподходящему и повторяющемуся въ ней съ каждымъ ударомъ сердца, съ каждой пульсаціей въ вискахъ: «Онъ погибъ! Погибъ! Погибъ»!

Это слово заглушало музыку, затемняло электрическій свѣтъ. Минутами она вся вздрагивала, холодѣла и, точно теряя сознаніе, судо-

рожно сжимала ручку кресла, чувствуя, что вотъ-вотъ и ей сдѣлается дурно.

Послѣ театра они ужинали тутъ же въ саду, подъ сѣнью чахлыхъ и жалкихъ деревьевъ, освѣщенныхъ пестрыми электрическими лампочками. Жанна машинально говорила, отвѣчала, улыбалась, оставаясь до послѣдней минуты закрытія сада, безсознательно боясь мысли очутиться одной.

Она вернулась домой и уже не могла заснуть. Сквозь опущенныя гардины пробивался разсвѣтъ яркаго лѣтняго утра. Слышался тяжелый скрипъ отпирающихся воротъ, чьи-то голоса, топотъ лошадей по асфальту.

Было жарко, душно. Жаннѣ казалось, что вокругъ нея нѣтъ воздуха, а какая-то тепловатая, неподвижная масса, въ которой она задохнется. Она лежала, тревожно ворочаясь съ боку на бокъ, голова ея горѣла, сердце усиленно билось. Все время ея воспоминаніе работало. То вдругъ приходили клочки, обрывки ихъ свиданій, ихъ разговоровъ. Вырисовывался уголъ отдѣльнаго кабинета, зеркало, изрѣзанное надписями, цвѣты въ хрустальномъ цилиндрѣ... Откуда-то появлялось глупое, бритое лицо татарина и смѣхъ Макса:

— Мы компрометируемъ себя, Жанночка, въ этихъ заповѣдныхъ мѣстахъ! Хоть для приличія поцѣлуемся!

И бѣглый поцѣлуй, не оскорбляющій ее грубой страстью, но все-таки чуть нѣжнѣе дружескаго...

Потомъ вдругъ—клочокъ идилліи: сосны съ красными стволами, голубое море, голубое небо—и онъ переноситъ ее на рукахъ черезъ ручеекъ... Это они на пикникѣ въ Финляндіи...

А тамъ звонъ гитары и его голосъ:

«Но безъ тебя я умеръ бы, я знаю,
Мой свѣтлый лучъ!...»

И опять—идіотичная маска сегодняшняго Макса.

Свѣтлый лучъ!...

Что же, что она ему озаряла?

И вдругъ съ безпощадной ясностью явился ей и отвѣтъ: то же, что могла бы дать ему всякая продажная женщина. Тѣ же ночные кутежи, загородные рестораны, пикники... Вотъ все, что ея память приводила ей теперь отъ ихъ дружбы.

Она спекулировала словомъ *дружба!* Она себялюбиво эксплуатировала это слово, въ полной увѣренности, что очень хорошо поступаетъ. Да и что же она дѣлала дурного? Отношенія ихъ были вполнѣ чистыми... Она никогда не взяла бы у него ни гроша... Въ минуты тоски его она его утѣшала.

Но безпощадный голосъ словно откуда-то извнѣ продолжалъ ей отвѣчать:

— А попробовала ли она заглянуть въ его душу, пробудить въ немъ интересъ къ жизни, къ какому-нибудь дѣлу?

Нѣтъ, она только помогала ему «веселиться», не спать ночи, одурманивать себя, прожигать жизнь, жечь ее съ двухъ концовъ.

Вотъ оно!...

Слова доктора зазвучали ясно у нея въ ушахъ:

— Конечно, каждая капля алкоголя была для него гибелью!...

И кто знаетъ, можетъ быть онъ и не погибъ бы, если бы не такое безумное существованіе.

Но фактъ, что такъ или иначе—даже по своему желая ему только добра—она все же влила хоть каплю отравы,—да, влила въ его жизнь.

Ну, пускай безсознательно, пускай она легкомысленно не вѣдала, что творила, но все же она была причастна къ этому медленному убійству. И теперь, когда передъ ней вставало это ужасное, полуживое лицо,—о, какой ироніей, какой безжалостной ироніей слышался беззвучный голосъ, бормочущій:

— Мой свѣтлый лучъ!...

Когда Засѣкинъ пришелъ на другой день, онъ прямо испугался.

— Вы какая-то прерафаэлитская живопись сегодня! Что съ вами? Вы больны?

Жанна, смертельно блѣдная, съ небрежно раздѣленными прямымъ проборомъ волосами, въ какой-то блекло-бирюзовой свободной блузѣ, правда, на себя была не похожа.

— Надо вамъ воздуху взять!—заботливо говорилъ Засѣкинъ.— Одѣньтесь и поѣдемъ. День чудный!

— Въ лѣчебницу поѣдемъ!—устало сказала Жанна.

— Ну, нѣтъ!—возмутился Засѣкинъ.— Я васъ туда больше возить не намѣренъ! Этакъ вы и сами тамъ скоро совсѣмъ останетесь!

— Такъ я одна поѣду!—равнодушно отвѣтила Жанна.

Черезъ часъ они уже были въ лѣчебницѣ, и съ этихъ поръ Жанна не пропускала ни одного дня. Объ отъѣздѣ изъ Москвы она и не говорила. По вечерамъ она по обыкновенію проводила время съ Засѣкинымъ, ѣздила въ паркъ, въ театры, на симфоническіе концерты, словомъ, по виду вела обычную жизнь и была съ Засѣкинымъ оживлена, мила и любезна, не давая ему времени выговаривать ей за частыя посѣщенія лѣчебницы и какъ бы стараясь, чтобы онъ не замѣчалъ въ ней никакой перемѣны.

Но каждое утро она ѣздила въ лѣчебницу. Она ѣздила туда одна,

отговариваясь разными дѣлами, когда Засѣкинъ просилъ разрѣшенія придти къ ней утромъ.

Ее влекла къ себѣ лѣчебница, какъ влечетъ убійцу мѣсто преступленія.

Скоро докторъ и ассистенты встрѣчали ее, какъ старую знакомую, и она тамъ знала всѣ углы. Знала она и всѣхъ больныхъ. И несчастную, лежавшую не вставая, женщину, похожую на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку съ ссохшимся, когда-то красивымъ, личикомъ. Она медленно умирала; голосъ ея походилъ на шорохъ листьевъ; этимъ умирающимъ голосомъ она говорила Жаннѣ «здравствуйте» и «прощайте», потомъ повторяла единственное, что оставалось въ ея головѣ:

— Дѣти тамъ... мои дѣти... спрятаны въ коробочкѣ...

Затѣмъ укутывалась съ головою и лежала уже въ небытіи.

Знала Жанна и стараго профессора, когда-то бывшаго любимцемъ студентовъ, который теперь только мычалъ и смѣялся безумнымъ смѣхомъ, послѣ трагической потери двухъ сыновей, и молоденькую, страдавшую неизлѣчимой мелонхоліей, дѣвушку, доведенную до этого жестокостью мачихи, и много другихъ.

Все это были концы существованій, послѣдствія тяжелыхъ и невидныхъ житейскихъ драмъ, страшныхъ болѣзней или проклятія наслѣдственности, которыхъ мы и не видимъ, и не замѣчаемъ, пока медленно, за прикрытіемъ каменныхъ стѣнъ, свѣтскихъ приличій, семейной тайны, идетъ ихъ разрушительный процессъ, и которыя вдругъ становятся ясны во всемъ своемъ ужасѣ только тогда, когда они уже непоправимы.

Всѣ эти ужасныя лица, померкшіе глаза, странные голоса — все это заставляло Жанну проникаться страстною жалостью къ нимъ, сердце ея дрожало при видѣ чужихъ страданій, впервые явившихся ей во всей своей наготѣ.

Но всего ужаснѣе ей было видѣть Макса.

Максу становилось съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ хуже. Болѣзнь достигла полнаго развитія и теперь быстро спѣшила къ концу.

Онъ все нечленораздѣльнѣе говорилъ, съ бо̀льшимъ трудомъ двигался. Жанну онъ узнавалъ, тѣмъ болѣе, что она возила ему все, чего онъ ни просилъ: фрукты, конфеты, сигары. Но обращеніе его дѣлалось все страннѣе. Иной разъ узнаетъ ее—и сейчасъ же, не обращая никакого вниманія, отойдетъ въ сторону и займется чѣмъ-нибудь.

Иной разъ оживится, начнетъ разсказывать:

— А вотъ у насъ вчера былъ вечеръ, очень весело было...

А когда она удивится, что ей ничего не говорили о вечерѣ, ассистентъ объясняетъ ей, что вечеръ, о которомъ говоритъ Максъ, былъ два мѣсяца тому назадъ.

Послѣдніе дни онъ почти не вставалъ съ постели, но когда она приходила, онъ сейчасъ же начиналъ собиратьея:

— Ѣдемъ же въ Парижъ! Мнѣ надо, надо!

— Ѣдемъ, другъ мой, сейчасъ ѣдемъ!- подтверждала она, а онъ уже не въ силахъ былъ сползти съ постели, весь дрожалъ и трясущимися руками хватался за воздухъ, воображая, что одѣвается.

— Что же это, что же это, докторъ! — съ отчаяніемъ спрашивала Жанна доктора, измученная этой медленной агоніей.

— Что? Это конецъ, милая барыня!—серьезнѣе обыкновеннаго отвѣчалъ онъ.—Въ одинъ прекрасный день онъ совершенно незамѣтно покинетъ земную юдоль. Хорошо еще, что по большей части смерть бываетъ въ этихъ случаяхъ отъ паралича сердца и мгновенная.

— Да и не лучше ли смерть? — Развѣ это можно назвать жизнью? — тихо спросила Жанна.

Они спускались съ докторомъ съ лѣстницы, оставивъ Макса полууснувшаго.

Навстрѣчу имъ поднималась стройная, молодая красавица. Еще издали Жанна обратила вниманіе на ея тонкую талію и пышную грудь, облегавшуюся мягкими складками черной шелковой ткани, на маленькую, граціозно поставленную головку съ тяжелыми пепельными волосами.

Только вблизи Жанна разсмотрѣла странный цвѣтъ ея лица, какъ мраморъ, испещренный тоненькими багровыми жилками, и легкую одутловатость, портившую нѣжный овалъ лица. Несмотря на это, хороша она была удивительно.

Красавица опустила свои синіе глаза, поровнявшись съ ними, и какъ-то стыдливо и вмѣстѣ гордо прошла, позванивая длинными золотыми цѣпочками, висѣвшими на ея груди.

— Кто это?—невольно пріостановившись, спросила Жанна.

— Это одна больная.

— Больная? — почти съ ужасомъ повторила Жанна. — Почему же я не видѣла ея?

— Она рѣдко выходитъ и просила никого не пускать къ ней.

— Больная... но что же она...

— А что, хороша?

— Удивительно.

— Это... алкоголичка и, вѣроятно, неизлѣчимая.

— Какой ужасъ! — вырвалось у Жанны. — Но какъ же... Что же...

— Милая барыня, на основаніи многолѣтняго опыта могу вамъ сказать, что если женщины дѣлаются алкоголичками, то въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста надо искать причину этого въ ея сердечныхъ и семейныхъ дѣлахъ. А это... но вамъ все станетъ ясно, когда я скажу, что ея мужъ—знаменитый баритонъ Эннони!

Жанна поблѣднѣла и пошатнулась.

Вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ,—лѣтъ 8 тому назадъ,—она познакомилась съ Эннони, все у того же Фирсова. Она сразу понравилась пѣвцу, онъ ей тоже. И между ними завялся одинъ изъ тѣхъ мимолетныхъ и, какъ обоимъ казалось, красивыхъ романовъ, которые такъ естественно развязываются необходимостью разлуки. Оба уѣхали служить въ разные города и оба сохранили другъ о другѣ пріятное, безпечное воспоминаніе... одно изъ многихъ.

Ихъ таинственныя встрѣчи, легкіе и шаловливые разговоры, ласки, гдѣ не было замѣшано сердце, разлука безъ страданія — все это принесло имъ одно удовольствіе и *никому не мѣшало!*

«Я свободна!—разсуждала Жанна.—И его свободы не стѣсняю».

И вотъ теперь нужно было, чтобы одинъ за другимъ спадали покровы съ ея себялюбивыхъ иллюзій. Это было еще страшнѣе!

Такъ, можетъ быть, въ ту минуту, когда она поджидала Эннони гдѣ-нибудь вечеромъ на набережной, подъ темной вуалью, съ розами на груди—въ это время несчастная женщина терзалась его отсутствіемъ, и каждая минута ихъ поцѣлуевъ отсчитывалась на циферблатѣ ея жизни лишней слезой, ихъ счастливые вздохи искупались рыданіями.

Она страдала, какъ когда-то страдала мать Жанны.

Она шла къ вѣрной гибели и даже не знала, что Жанна была одной изъ ступеней для этого,—одной изъ тѣхъ неизвѣстныхъ соперницъ, которыхъ она даже не знала и которыя убивали ея молодую душу.

И теперь, встрѣтившись съ Жанной на узкомъ пространствѣ лѣстницы, скользнувъ по ней взглядомъ, она даже и не подозрѣвала, что передъ ней стоитъ, безнаказанная, красивая, молодая —та женщина, которая влила и въ ея жизнь свою каплю отравы...

Вернувшись домой, Жанна заперлась. Она не велѣла никого пускать къ ней. Напрасно Засѣкинъ, несмотря на заявленія швейцара, поднялся наверхъ и долго стучалъ у двери, она не откликнулась ему.

Такъ онъ и ушелъ, увѣрившись, что ея нѣтъ дома. Она ходила по комнатѣ и въ отчаяніи ломала руки.

Такъ вотъ въ какомъ видѣ, искаженныя точно въ «адскомъ зеркалѣ», являлись къ ней теперь «красивыя» воспоминанія ея молодости, о которыхъ она не думала прежде иначе, какъ съ мечтательной улыбкой, какъ съ легкимъ умиленіемъ надъ своими «джентльменскими», какъ она любила говорить, чувствами, заставлявшими ее сохранить чистою свою дружбу съ Максомъ или не требовать ничего отъ Эннони, ставъ съ нимъ на равную ногу товарища.

Теперь судьба случайно указала ей *продолженіе* двухъ ея романовъ.

Конечно, она не могла предвидѣть ничего подобнаго. Она не думала ни о чемъ, кромѣ настоящей минуты. Она самовольно захлопнула книгу на любой главѣ и, не дочитавъ послѣдняго акта пьесы, увѣрила себя, что пьеса кончается счастливо. И теперь случайность, судьба жестоко указывала ей, что это не такъ.

Но значитъ, тогда и другіе, можетъ быть, и всѣ другіе ея поступки тоже несутъ искупленіе въ будущемъ?

Такъ ея независимость, ея либеральные взгляды на «свободу чувства», на то, что женщина принадлежитъ себѣ и вольна дѣлать что̀ угодно, что тѣло и душа двѣ вещи различныя—все это такъ же фальшиво, какъ «свѣтлый лучъ» въ устахъ Макса.

Почему же... почему ей суждено, даже не дѣлая зла, всюду вносить только *отраву?*

Или это и было зло, все то, что она дѣлала? Гдѣ же добро? Чѣмъ же жить?...

И Жанна билась головой объ стѣну, въ нѣмомъ отчаяніи, но ясно чувствовала только одно, что такъ дальше жить нельзя, что прежнее существованіе уже немыслимо, разъ ушло это безсознательное легкомысліе, которое заставляло жизнь казаться такой несложной и веселой...

Въ ея сердце забралась и совершала свой процессъ отрава; тотъ ядъ, которому суждено или принести смерть, или, властно вытравивъ все больное, все ненужное, освободить организмъ къ новому здоровью, къ новой жизни.

Т. Щепкина-Куперникъ.

БРАТИШКА *).

Романъ изъ семейной жизни. **Густава Гейерстама.**

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

„Лишь утраченнымъ владѣемъ вѣчно".
Генрикъ Ибсенъ.

I.

Не произошло ничего, чего бы я заранѣе не ожидалъ, чего бы не боялся. Единственное непредвидѣнное заключалось въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ несчастье приближалось, я все меньше вѣрилъ въ него, хотя раньше-то и ждалъ его и былъ увѣренъ, что оно придетъ. Да, всѣ люди знаютъ, что горе придетъ, но никогда не знаютъ, какъ оно придетъ на самомъ дѣлѣ.

Понадобилось нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, пока я успокоился настолько, что могъ сообразить, что же такое собственно произошло. И тогда я съ неописаннымъ ужасомъ почувствовалъ и понялъ, что никогда еще жена моя не говорила со мной такъ откровенно, не раскрывала такъ своей души, какъ въ тотъ разъ, когда, сидя въ моемъ кабинетѣ, высказала, что рождена для горя и что теперь, послѣ смерти малютки Свена, и ей остается только умереть.

Я перебиралъ и разбиралъ въ умѣ ея слова, не переставшія звучать въ моихъ ушахъ, и чѣмъ больше раздумывалъ о нихъ, тѣмъ больше укрѣплялась во мнѣ увѣренность, что теперь въ душѣ Эльзы происходитъ борьба между этимъ внутреннимъ ея влеченіемъ къ смерти и ея любовью ко мнѣ и дѣтямъ, любовью, повелѣвавшею ей жить. Все, что она говорила о своей любви къ намъ троимъ, становилось для меня все яснѣе и яснѣе и подчеркивало ужасный смыслъ ея рѣчей о

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1902 г.

ея влеченіи къ смерти, которое превратилось почти въ твердое рѣшеніе умереть. Я какъ нельзя болѣе ясно представлялъ себѣ ея двойную борьбу—и съ тѣмъ чувствомъ, которое привязывало ее къ намъ троимъ живымъ, и съ таинственнымъ влеченіемъ къ нему, покинувшему насъ. До этого событія мы всѣ четверо составляли для нея одно цѣлое. Теперь оно раскололось, и въ этомъ была причина охватившей ее тоски и тревоги. Она чувствовала, что никогда не примиритъ въ себѣ эти борющіяся силы, споривщія за обладаніе ея душой.

Я видѣлъ все это. И я окончательно убѣдился въ этомъ во время поѣздки, которую предпринялъ съ Эльзой. Я хотѣлъ, чтобы она опять увидѣла море и солнце, новыхъ людей, хотѣлъ, чтобы она набралась новыхъ впечатлѣній. Никогда не забуду я этой поѣздки. Никогда не забуду безнадежнаго чувства, овладѣвавшаго мною все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мнѣ все яснѣе становилось, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія лишь скользили по ней, не задѣвая ея души, что весь внѣшній міръ какъ бы пересталъ существовать для нея. Она многое скрывала отъ меня. Скрывала даже свои слезы. И я понималъ, что она поступала такъ, видя, что я только и живу надеждой вернуть ее къ жизни; ей отъ души хотѣлось, чтобы я подольше сохранялъ въ себѣ эту надежду. Окончательно понялъ я это однажды вечеромъ, когда мы сидѣли съ Эльзой на диванѣ на верандѣ, глядя на разстилавшійся передъ нами норвежскій ландшафтъ съ фіордами и скалами. Эльза долго сидѣла, вперивъ взоръ вдаль, потомъ закрыла глаза, словно прощаясь съ тѣмъ, что такъ любила, и отвернулась.

— Георгъ,—сказала она.—Георгъ! Зачѣмъ даешь ты мнѣ смотрѣть на все это?

Она тихо заплакала, но вслѣдъ за тѣмъ попыталась подавить въ себѣ слезы и заглянула мнѣ въ глаза.

— Зачѣмъ ты такъ много дѣлаешь для меня? Зачѣмъ такъ добръ ко мнѣ? Лучше бы ты предоставилъ мнѣ идти своимъ путемъ.

Я почувствовалъ, что стою лицомъ къ лицу съ горемъ, котораго нельзя было измѣрить или взвѣсить. И я почувствовалъ угрызенія совѣсти, что пытаюсь отвлечь Эльзу отъ этого горя и еще даю ей замѣтить это. Въ ту минуту мнѣ показалось, что съ моей стороны вообще было мелочно, недостойно пытаться отвлекать ее отъ ея горя или подавить его. Я и привлекъ ее къ себѣ, говоря:

— Плачь. Выплачься на моей груди. Или я не горюю такъ же, какъ ты?

Слезы градомъ полились изъ ея глазъ, но лицо ея, обращенное ко мнѣ, сіяло радостью, какъ будто она нашла высшее счастіе въ мірѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ?—спросила она.

Мнѣ такъ больно стало, что жена моя могла думать, будто я уже забылъ или готовъ забыть случившееся; горе мое прорвалось наружу, и я, не видя, не слыша ничего, кромѣ того, что томило и мучило меня, высказалъ ей, какимъ пустымъ, отцвѣтшимъ кажется мнѣ нашъ домъ безъ Свена, какъ страшно мнѣ снова вернуться туда и приняться за обычный трудъ, разъ я знаю, что меня уже не встрѣтитъ тамъ привѣтъ его звонкаго голоса, и онъ самъ не выскочитъ изъ своей засады за дверью, не кинется мнѣ на шею въ бурномъ восторгѣ, какъ бывало. Я высказалъ ей все это и почувствовалъ, что она нашла покой у меня на груди. И я былъ счастливъ, сознавая, что мы еще можемъ сливаться чувствомъ и мыслью. Но я сознавалъ также, что ея боязнь, будто я не раздѣляю ея горя въ такой мѣрѣ, какъ ей хотѣлось бы, проистекала изъ того, что она, хоть я и не говорилъ ей ничего такого, подозрѣвала, что я во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, разговорахъ, думахъ и намѣреніяхъ руковожусь одною цѣлью—привязать ее къ жизни.

Съ того вечера я совершенно сознательно измѣнилъ свои отношенія и все обращеніе свое съ женой. Я покорился и не ожидалъ больше, что мысли ея скоро покинутъ того, кто ушелъ отъ насъ въ иной міръ, и вернутся къ намъ, живущимъ. И она въ свою очередь стала болѣе откровенна, довѣрчива со мной. Къ самой поѣздкѣ, со всѣми ея впечатлѣніями, мы оба теперь относились безразлично, словно все это съ начала до конца было не дѣйствительностью, а лишь фантасмагоріей. Мы встрѣчали друзей, но никакое проявленіе участія не было въ состояніи пробудить въ моей женѣ какого-либо чувства, кромѣ признательности. Люди скользили мимо насъ, какъ будто мы стояли за стѣной, черезъ которую никто не могъ перешагнуть къ намъ, даже при самомъ горячемъ желаніи.

И мы такъ и не обрѣли того успокоенія, котораго жаждали, пока, однажды, вечеромъ не переѣхали въ свое новое жилище въ Стокгольмѣ, на которое мы смѣнили наше лѣтнее, гдѣ пережили столько радостей и горя. Мы давно уже наняли это новое помѣщеніе, задолго еще до того, какъ стали подозрѣвать, куда заведетъ насъ наша судьба. Теперь мы вступили въ него съ чувствомъ настоящаго страха передъ тѣмъ, что могла принести намъ съ собою зима.

И тѣмъ не менѣе здѣсь мы впервые испытали что-то вродѣ успокоенія и облегченія. И мы тысячу разъ раскаивались въ томъ, что уѣзжали и какъ бы выносили свое горе напоказъ чужимъ людямъ.

II.

На кладбищѣ есть небольшая каменная плита съ надписью «Нашъ малютка Свенъ». Она прикрываетъ могильный холмикъ, осѣненный липой, которая уже давно сбросила съ себя свою листву. Подъ деревомъ пріютилась скамейка, а на скамейкѣ сидитъ одинокая, одѣтая въ черное женщина. На ней длинный черный вуаль, какъ на вдовѣ. Она долго сидитъ тутъ и разговариваетъ въ этотъ ясный осенній день съ кѣмъ-то, невидимымъ ни для кого другого, кромѣ нея.

Она велитъ кучеру, ожидающему по близости, ѣхать обратно и остановиться у проѣзжей дороги, потомъ наклоняется, беретъ съ могилки щепоть черной земли и бережно завертываетъ ее въ свой носовой платокъ. Затѣмъ вынимаетъ изъ сумочки иголку съ ниткой, лоскутокъ чернаго шелку, ножницы и шьетъ мѣшочекъ. Когда онъ готовъ, она ссыпаетъ туда землю, взятую съ могилки, и зашиваетъ мѣшочекъ, зашиваетъ тщательно, аккуратно, чтобы не просыпалась ни единая песчинка, пришиваетъ къ уголку мѣшочка крѣпкій шнурокъ, потомъ прячетъ всѣ швейныя принадлежности и долго, долго сидитъ еще, сжимая въ рукахъ свой черный талисманъ. Теперь она чувствуетъ себя какъ бы обрученной съ тѣмъ, кто покоится въ могилѣ.

Наконецъ, она преклоняетъ колѣни подъ обнаженной липой и цѣлуетъ камень, носящій имя ея любимца. Тихо, торжественно, словно священнодѣйствуя въ присутствіи множества народа, обвязываетъ она шнурокъ вокругъ своей шеи, разстегиваетъ воротъ платья и прячетъ священную землю у себя на груди.

Лицо ея серьезно, но просвѣтлено, дышитъ счастіемъ. Прежде чѣмъ встать, она цѣлуетъ землю, на которой стояла, и медлитъ еще съ минуту, окидывая могилку прощальнымъ взглядомъ. Могилку окружаетъ цѣлый лѣсъ благоухающихъ цвѣтовъ въ горшечкахъ, и самый холмикъ весь убранъ свѣжими цвѣтами. На кладбищѣ нѣтъ могилки красивѣе; ни за одной не ухаживаютъ заботливѣе, ни одна такъ богато не убрана цвѣтами въ эту осеннюю пору, когда вѣтеръ теребитъ и общипываетъ деревья.

Вотъ женщина въ черномъ улыбается и снова тихо, задушевно говоритъ съ кѣмъ-то невидимымъ ни для кого другого, а потомъ идетъ къ экипажу, ожидающему ее у воротъ кладбища, и ѣдетъ домой.

Вернувшись домой, она сейчасъ же идетъ ко мнѣ, вынимаетъ черный талисманъ и, объяснивъ мнѣ, что въ немъ, даетъ его мнѣ поцѣловать. Я исполняю ея желаніе, чтобы не испортить ей ея радости, и она со счастливою улыбкою прячетъ талисманъ опять на своей груди, говоря:

— Если бы ты зналъ, какъ я бываю счастлива на могилкѣ Свена, ты не сталъ бы огорчаться, что я такъ часто ѣзжу туда. Я долго послѣ того чувствую себя такой спокойной, какъ побываю у него.

Она уходитъ и оставляетъ меня одного. Часа два спустя, я отрываюсь отъ своей работы, иду искать ее и нахожу у комодика Свена: она перебираетъ и нѣжно ласкаетъ принадлежавшія ему когда-то вещицы.

III.

Такъ ея мысли постоянно вращаются около умершаго, и ничто не въ состояніи помѣшать этому. Она говоритъ, что скоро послѣдуетъ за нимъ, говоритъ объ этомъ такъ спокойно и просто, словно это самая естественная вещь въ мірѣ и для насъ, какъ для нея самой.

Иногда она прибавляетъ:

— Я бы только охотно пожила, пока мальчики настолько подрастутъ, что уже не будутъ такъ нуждаться во мнѣ.

При этомъ лицо ея принимаетъ выраженіе отчаянія, словно она знаетъ, что желаетъ слишкомъ многаго. На лбу между глазъ прорѣзывается глубокая морщина, какъ будто ея мысли причиняютъ ей боль. Она чувствуетъ, что должна выбрать между жизнью и смертью— по крайней мѣрѣ въ желаніяхъ своихъ — и не можетъ. Поэтому она и хочетъ пожить только, чтобы успѣть дать все, что можетъ, тѣмъ, для кого живетъ, а потомъ хочетъ умереть, чтобы соединиться съ тѣмъ, кому—она чувствуетъ—принадлежитъ навѣки. Она силится примирить влеченіе къ смерти и необходимость жить, боится и того, и другого. Обѣ эти силы борются за власть надъ ея душой, и обѣ, каждая по своему, терзаютъ ее безгранично. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предчувствуетъ выходъ изъ этой борьбы и потому высказываетъ это не въ видѣ сообщенія, которое могло бы удивить или испугать меня, но совершенно просто, словно нѣчто само собою разумѣемое, что она уже давно выяснила себѣ самой и въ чемъ никто вообще не можетъ сомнѣваться.

— Помнишь, я разъ сказала, что не вѣрю ни въ какую другую жизнь послѣ этой,—говоритъ она.—Это ты вселилъ въ меня такое убѣжденіе.

Лицо ея омрачается при этихъ словахъ, и въ голосѣ слышится какъ бы укоръ. Мнѣ становится больно. Она замѣчаетъ это, примирительно кладетъ свою руку на мою и продолжаетъ:

— Теперь я вѣрю и знаю, что можно начать жить такой, другой жизнью уже здѣсь на землѣ. Для этого только надо лишиться кого-

нибудь, къ кому ты былъ до такой степени привязанъ, что вслѣдъ за нимъ какъ будто отлетитъ и твоя душа. Почти каждый вечеръ малютка Свенъ приходитъ ко мнѣ. Онъ не приходитъ, когда я хочу или прошу его придти, когда плачу и тоскую, простираю руки и призываю его. Но когда я меньше всего жду этого, я вдругъ вижу его рядомъ, возлѣ себя. И если я тогда чувствую себя вполнѣ спокойной и счастливой, онъ улыбается мнѣ такой счастливой улыбкой. Онъ смотритъ на меня совсѣмъ такъ, какъ бывало, но не успѣю я опомниться, какъ его уже нѣтъ опять. И всетаки я продолжаю чувствовать себя счастливой. Я знаю, что онъ былъ со мной. Онъ часто приходитъ, когда ты заснешь, а я лежу и не сплю. Сколько разъ я хотѣла разбудить тебя, но не смѣла. Я боялась, что онъ исчезнетъ, если ты проснешься, и ты, пожалуй, не повѣришь мнѣ, когда я начну разсказывать, что сейчасъ видѣла его.

Говоря это, она все время боязливо посматриваетъ на меня, словно опасается возраженій. Но я больше не возражаю. Я и самъ не знаю теперь, чему вѣрить, чему не вѣрить. Я самъ пережилъ такія ужасныя душевныя пертурбаціи, что не смѣю уже рѣшать за другихъ—что̀ составляетъ дѣйствительность и что̀ плодъ ихъ воображенія. Я, вѣдь, не знаю этого и по отношенію къ самому себѣ. Развѣ я знаю навѣрное, что дѣйствительно лишь то, что я въ состояніи постичь своимъ разумомъ? Развѣ нельзя представить себѣ такой дѣйствительности, которую мы въ состояніи постигать лишь чувствомъ или даже—почему нѣтъ—воображеніемъ? Мнѣ сдается, что я бы искалѣчилъ себя самого, принизивъ свои чувства и фантазію до степени нѣмыхъ слугъ разума. Мысленно я приравниваю это къ попыткѣ отрицать, руководствуясь одними своими зрительными органами, дѣйствительность физической боли потому лишь, что она невидима, или попыткѣ, руководствуясь слуховыми органами, критически отнестись къ вкусовымъ ощущеніямъ, которыхъ нельзя слышать. И какъ ни хорошо я знаю самъ всѣ доводы, которые можно противопоставить такому ходу мышленія, я не могу всетаки примѣнить ихъ въ данномъ случаѣ. Я ни вѣрю, ни не вѣрю. Я хожу словно въ мучительномъ ожиданіи выясненія того, чего я пока не знаю.

И вотъ, мной овладѣваетъ мысль, которая зародилась во мнѣ еще въ тотъ часъ, когда я узналъ навѣрное, что мой ребенокъ долженъ умереть. Я понимаю, что *это*—фантазія оно или дѣйствительность—всетаки рано или поздно отниметъ у меня жену. Между тѣмъ она такъ вросла въ мою жизнь, что я не могу лишиться ея!... Противъ моего счастія, которое нѣкогда казалось мнѣ столь великимъ, что я съ высоты его смотрѣлъ на всѣхъ другихъ людей свысока, возстаетъ те-

перь сила, управляющая судьбами всего живущаго. Смерть идетъ на меня именно такъ, какъ она изображена на картинкѣ, объясненіе которой Свенъ любилъ слушать, словно сказку. Она звонитъ въ свой колоколъ, и тотъ, кому бы слѣдовало жить, отзывается, а тотъ, кого не зовутъ, остается. Разница лишь та, что я вижу смерть издалека, задолго до ея приближенія. Я понимаю, что она должна прозвонить, и что тотъ, для кого она прозвонитъ, послѣдуетъ за нею съ радостью.

Но я не хочу остаться сидѣть въ одиночествѣ, проклиная власть смерти. Во мнѣ растетъ порывъ, который можетъ увлечь меня дальше, чѣмъ я самъ могу знать. Это тотъ самый порывъ, который вызвалъ у жены моей слова: «онъ не умретъ», когда увѣренность въ приближеніи смерти пригнула ее къ землѣ. «Онъ не умретъ! Я знаю, что онъ не умретъ!» Такимъ же образомъ и я говорю себѣ самому: «Я не хочу! Я не хочу лишиться ея! Она будетъ жить, вопреки всему!» Я самъ не понимаю, что добиваюсь невозможнаго. Критическое отношеніе, которое всегда пробуждалось во мнѣ, когда дѣло шло о ней, засыпаетъ, когда дѣло касается меня. Я буду бороться со смертью, чтобы сохранить себѣ мою жену и мое счастіе, хоть и не такимъ, какимъ оно цвѣло, когда жизнь улыбалась намъ навстрѣчу, но, по крайней мѣрѣ, хоть такимъ, какимъ оно было, когда жизнь уже начала терзать насъ, но мы все же еще сознавали, что иногда она способна и приласкать насъ. Я, какъ Орфей, готовъ опуститься за Эльзой въ обитель смерти. Силою своей любви я заставлю ее вернуться ко мнѣ, и если она послѣдуетъ за мной, я буду смотрѣть лишь впередъ, не буду оборачиваться, коситься на призраки прошлаго.

Я обѣщаю это самому себѣ и не смѣю ожидать, что награда явится такъ скоро. Напротивъ, я готовлюсь къ долгому испытанію, и я знаю, что больше и прежде всего нуждаюсь я въ усвоеніи умѣнья ждать.

Но я чувствую себя такимъ непоколебимымъ въ своей вѣрѣ, что почти улыбаюсь про себя, слыша, какъ она говоритъ о смерти. Я слышу, какъ она говоритъ, что рвется изъ этого міра, но въ то же время я чувствую ея нѣжную ласку, которою она проситъ у меня прощенія за свое стремленіе. И, наслаждаясь ея лаской, я забываю ея слова. Я съ непоколебимой увѣренностью предчувствую, что побѣда окажется на моей сторонѣ, а не на сторонѣ того, кто спитъ въ землѣ. Я даже беру его себѣ въ союзники. Я говорю ей, входя въ ея образъ мыслей, что она должна жить потому, что *онъ* этого хочетъ, что онъ самъ шепнулъ мнѣ это ночью во снѣ. Она слушаетъ, устремивъ на меня удивленные, блестящіе глаза, и, долго спустя послѣ того, такъ долго, что я сразу и припомнить не могу, что такое я самъ говорилъ,

разсказываетъ мнѣ, что малютка Свенъ сидѣлъ у ея постели въ своемъ новомъ костюмчикѣ съ голубымъ шарфомъ и сказалъ ей:

— Ты не плачь такъ много обо мнѣ, мама. У меня голова болитъ, когда ты плачешь.

Я прислушиваюсь къ ея словамъ и сохраняю ихъ въ душѣ своей, какъ доброе пророчество. Съ бо̀льшею надеждою, чѣмъ когда-либо, мечтаю я о будущемъ, когда наше умершее дитя свяжетъ насъ съ нею еще болѣе прочными узами, чѣмъ связывало при своей жизни. И я со слезами припоминаю слова, сказанныя однажды ею самою: «состариться бы вмѣстѣ!»

IV.

Я предпринялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ борьбу со смертью. Время, послѣдовавшее за тѣмъ, было сплошнымъ чередованіемъ мрачнѣйшаго отчаянія съ радостнѣйшими надеждами. Самое ужасное въ такомъ состояніи, разумѣется, та полная бездѣятельность, на которую обрекаешь себя; все только ждешь того, что должно наступить, и предоставляешь все ходу времени, и въ то же время тебѣ кажется, что все совершающееся лишь ускоряетъ наступленіе той ночи скорби, которую надѣялся было удержать вдали. Съ какимъ страхомъ слѣдилъ я въ это время за Эльзой. Какъ заботливо сопровождалъ ее въ ея поѣздкахъ на могилку Свена. И какъ я радовался, видя ее спокойной и радостной въ кругу нашихъ мальчугановъ. Она разговаривала съ ними, читала имъ такъ, какъ лишь одна она умѣла, и я слышалъ, какъ раздавались наперебой ихъ веселые голоса, когда чтеніе подавало поводъ къ тѣмъ веселымъ комментаріямъ, благодаря которымъ чтеніе вслухъ для дѣтей становится настоящимъ праздникомъ. Съ какой тревогой, бывало, высматривалъ я за обѣденнымъ столомъ или вечеромъ при свѣтѣ лампы на лицѣ жены то напряженное выраженіе «отсутствія», которое, какъ облакомъ заволакивало ея лобъ и заставляло замирать слова на нашихъ устахъ.

Въ такія минуты ея душа какъ будто вдругъ уходила отъ насъ и оставляла насъ въ одиночествѣ. Мальчики смотрѣли на меня съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило, что они такъ же хорошо, какъ и я, понимали положеніе и тоже страдали, хотя имъ и легче было отвлечь свои мысли отъ этого. Сванте вставалъ и нѣжно гладилъ мать, и его не обижало, если ему не удавалось этимъ вызвать обычный блескъ въ ея глазахъ. Потомъ онъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ: «Такъ жаль маму».

Для него все и сводилось лишь къ этому, и потому, онъ, пожалуй, былъ лучшимъ утѣшителемъ, нежели я.

Олафъ въ такихъ случаяхъ больше сдерживался и пытался разговаривать со мною, точно все обстояло такъ, какъ слѣдовало. Но глаза его слѣдили за матерью, и если она, замѣчая, что не можетъ больше говорить съ нами, уходила, чтобы побыть одной, онъ прокрадывался къ двери въ ея комнату и прислушивался. Если тишина длилась слишкомъ долго, онъ тихо входилъ къ ней; если же она жестомъ отсылала его прочь, онъ также тихо выходилъ и покорно садился у дверей, словно сознавая, что нельзя требовать всего за разъ.

Видно, онъ чувствовалъ, какъ и я. И ему, видно, легче было бы, знай онъ, что̀ ему слѣдовало сдѣлать.

И сидя вмѣстѣ, втроемъ, въ такіе часы, мы всѣ думали о томъ, что происходитъ тамъ, за этой затворенной дверью, гдѣ жена моя все больше и больше приближалась къ той границѣ, за которой прекращается жизнь, приближалась къ самой смерти.

— Знаете вы, что съ мамой?—спросилъ я разъ мальчиковъ.

Олафъ лишь молча отвернулся въ сторону, но Сванте сказалъ:

— Да.

Мнѣ не надо было спрашивать дальше. Я зналъ, что она подготовила ихъ къ тому, что должно было наступить.

V.

По вечерамъ, когда я бывалъ одинъ, я часто принимался писать что-то вродѣ дневника. Дѣлалъ я это, чтобы заняться чѣмъ-нибудь и разсѣяться. Самый дневникъ я пряталъ на днѣ ящика письменнаго стола, чтобы Эльза нечаянно не увидала его.

Теперь я перечелъ его. Все написанное въ немъ представляется мнѣ написаннымъ давнымъ-давно, и я съ трудомъ могу повѣрить, что съ тѣхъ поръ едва минуло два года. Но по мѣрѣ того, какъ я читаю его, все, что было тогда, снова становится мнѣ близкимъ; я словно переживаю все опять, и меня снова терзаетъ та же мучительная ужасная иллюзія, которая владѣла мною тогда.

Дневникъ.

4 сентября.

Я сижу и думаю о малюткѣ Свенѣ. Кругомъ все тихо, и мнѣ кажется, что я вижу его, какимъ онъ былъ въ послѣднее время, когда онъ еще гулялъ по саду, держась своей милой ручонкой за мою, болтая безъ умолку и поглядывая на меня своими задумчивыми дѣтскими глазками. И, по мѣрѣ того, какъ я углубляюсь въ воспоминанье, мнѣ все горше становится отъ безотрадной мысли, что я никогда, никогда не увижу его больше. Онъ былъ центромъ нашего дома, самъ того

не подозрѣвая. Онъ кидался навстрѣчу намъ четверымъ большимъ, онъ наполнялъ домъ своимъ веселымъ щебетаньемъ, когда мы приходили откуда-нибудь. Вокругъ него мы собирались, чтобы узнать, какъ ему нравится та или иная бездѣлица, которая доставила удовольствіе намъ. Теперь отецъ его ходитъ тутъ и старается ожесточить, закалить свое сердце противъ воспоминаній, чтобы сохранить силу для всего другого, что отъ него требуется. Не смѣетъ даже думать слишкомъ много. Ни даже горевать. Тогда все пропало бы, пошло прахомъ.

Ужель онъ приходилъ къ намъ только затѣмъ, чтобы взять съ собою мать и оставить насъ остальныхъ въ горѣ? Или приходилъ, чтобы уйти такъ тихо, прекрасно и своей смертью научить насъ великому искусству жить?

16 октября.

Я раздумываю обо всемъ, всматриваюсь во все и теперь знаю, о чемъ идетъ борьба. Я вижу и понимаю, что дѣла идутъ хуже день ото дня. И мало радости умѣть понимать. Это страданіе. За это время я выучился подмѣчать малѣйшую подробность; одно слово, одинъ взглядъ можетъ заставить меня затрепетать всѣмъ существомъ, — я понимаю, что̀ это означаетъ. Я замѣчаю, какъ она въ присутствіи меня и мальчиковъ вдругъ начинаетъ бесѣду съ кѣмъ-то невидимымъ. Я принужденъ напрягать въ себѣ каждый нервъ, чтобы вырвать у нея взглядъ, который бы показалъ намъ, что она понимаетъ, что не одна. Я вижу, что она сама подозрѣваетъ и понимаетъ все, вижу, что она сознаетъ опасность, таящуюся въ ея душѣ. Она иногда бросается ко мнѣ въ страхѣ и молитъ не отсылать ее изъ дому, имѣть немножко терпѣнія.

Я ужасно страдаю, слѣдя за ея борьбой, и въ то же время знаю: то, что теперь доставляетъ мнѣ столько муки, страданія, лишь новая сторона тѣхъ же самыхъ свойствъ и особенностей ея богатой, могучей натуры, способной волноваться какъ море, тѣхъ же самыхъ ея свойствъ, которыя принесли мнѣ столько счастія.

30 октября.

Ужасное напряженіе начинаетъ ослабѣвать, положеніе жены улучшается съ каждымъ днемъ. Зимній мракъ когда-нибудь да минетъ и дни станутъ длиннѣе и свѣтлѣе.

8 декабря.

Давно я не притрогивался къ своему дневнику. Причина та, что я работалъ. Я написалъ драматическое произведеніе, какъ это ни странно. Заваленный корректурами и всевозможной работой, угнетаемый болѣзненнымъ состояніемъ жены и собственной нервностью, дер-

жавшей меня въ такомъ состояніи, точно все мое существо было натянуто, какъ тетива лука, я всетаки вставалъ съ зарей и писалъ украдкой, писалъ и по ночамъ часовъ до двухъ. Я прибѣгалъ къ виски, чтобы поддерживать въ себѣ бодрость. Я уходилъ по вечерамъ ужинать гдѣ-нибудь внѣ дома, чтобы послушать шумныхъ разговоровъ, повидать людей, чужія лица, ощутить біеніе пульса жизни вокругъ меня и вновь ощутить ускоренное біеніе собственнаго пульса.

Вещь окончена, и я испытываю сильную усталость, разслабленность. Право, меня не манятъ ни слава, ни авторскія радости. У меня такое ощущеніе, какъ будто во мнѣ живетъ лишь мозгъ и живетъ за счетъ всего остального организма. Да жаль, что въ суткахъ такъ мало часовъ, когда хочешь достигнуть невозможнаго.

17 декабря.

Мнѣ сдается, что все, что я пережилъ и теперь переживаю, чѣмъ я самъ былъ и чѣмъ являюсь, какимъ-то страннымъ образомъ само собой придетъ къ своему завершенію безъ малѣйшаго участія съ моей стороны. Съ внѣшней стороны я живу обыкновенной жизнью и не думаю, чтобы кто-нибудь находилъ во мнѣ перемѣну. Я радуюсь, бываю въ гостяхъ и встрѣчаю людей; я бываю даже оживленъ, остроуменъ,—все это облегчаетъ.

Но у себя я веду свою настоящую жизнь. И тутъ я постоянно ощущаю, какъ надъ нами паритъ что̀-то такое, что я самъ однажды совершенно въ иныхъ обстоятельствахъ опредѣлилъ словами: «это выше счастія или несчастія», что-то такое, чему собственно нѣтъ имени.

Жена, разумѣется, остается центромъ всего. Идетъ ли она навстрѣчу выздоровленію или смерти—я не знаю. Это представляется мнѣ чѣмъ-то такимъ, во что я не могу проникнуть. Порой мнѣ кажется, что я какъ будто стою за дверями, не принимая никакого участія ни въ чемъ этомъ, и не смогу никогда принять. И въ моемъ настроеніи нѣтъ экзальтаціи,—одна тихая тоскливая покорность.

25 января.

Сегодня Эльза въ первый разъ сѣла за фортепіано. Она еще не хочетъ пѣть, но я хоть снова услыхалъ въ своемъ домѣ музыку. И знакомыя мелодіи какъ-то настроили наши души на болѣе свѣтлый ладъ. Въ послѣднее время вообще въ женѣ какъ будто происходитъ что-то новое, болѣе обѣщающее. Она снова проснулась для жизни и принимаетъ участіе въ нашемъ житьѣ-бытьѣ, какъ прежде. Не совсѣмъ еще, пожалуй, какъ прежде. Но я чувствую, что она съ каждымъ днемъ все приближается къ намъ. Иногда я вѣрю ей, когда она объясняетъ это явившеюся у нея увѣренностью, что теперь ужъ ей

недолго ждать смерти; эта увѣренность поддерживаетъ ее, даетъ ей силы жить пока. Но иногда, я вѣрю также, что если это даже и такъ пока, то все же это открываетъ виды на что-то большее, что̀ и она сама предчувствуетъ со страхомъ и трепетомъ, но чему не хочетъ всетаки вѣрить.

Какъ все это собственно согласовать одно съ другимъ, я самъ не знаю. Но я знаю, что теперь я уже не такъ отчаиваюсь, какъ прежде. Я отдался во власть судьбы, которая является моей собственной судьбой, и которая, что бы ни случилось (во всякомъ случаѣ такъ я теперь смотрю на это), не можетъ внести чего-нибудь безобразнаго въ жизнь Эльзы или въ мою. А этого-то я и боялся прежде.

19 февраля.

Я болѣе не выдержу. Я столько времени видѣлъ вокругъ себя все только черное, черное, черное, что прихожу въ ярость, сто̀итъ мнѣ увидать себя самого въ зеркало. Кажется, и жена начинаетъ понемногу испытывать то же самое.

26 марта.

Я только и жду, чтобы зима, наконецъ, совсѣмъ прошла. Мной овладѣла страшная апатія, и порой я прямо боюсь, что эта зима сломила меня. Но, быть можетъ, и лѣто не принесетъ съ собой ничего такого, къ чему бы стоило стремиться. Мы переѣхали въ Стокгольмъ, или вѣрнѣе наняли себѣ тамъ квартиру въ надеждѣ на лучшія времена, которыя хоть и медленно, но должны же были наступить для насъ. Но разъ дѣло идетъ такъ, лучше бы намъ было оставаться въ деревнѣ, въ полномъ уединеніи; оно больше соотвѣтствовало бы нашему настроенію. Здѣсь, по своему еще уединеннѣе, чѣмъ тамъ. Горе пугаетъ людей.

31 мая.

Сегодня день нашей свадьбы. «Im wunderschönen Monat Mai»... Не могу не отмѣтить одного обстоятельства, хоть и самъ вижу, что это, пожалуй, одно ребячество. Сегодня какъ разъ четырнадцать лѣтъ, что мы женаты, и прошлый годъ былъ самымъ тяжелымъ для насъ. Онъ и былъ тринадцатымъ—годомъ несчастья по преимуществу. И вотъ, теперь, мнѣ какъ-то вѣрится, что кто-то или что-то собирается сгладить для насъ путь, или какъ-то чувствую, что рана въ душѣ моей готова закрыться. И все это потому лишь, что я раздумался о цифрѣ, которая въ болѣе нормальныхъ обстоятельствахъ, навѣрно, проскользнула бы незамѣченной мною.

25 іюня.

Дни проходятъ, а я все только хожу и думаю, что пора бы мнѣ опять взяться за работу. Но мотыльки поэзіи порхаютъ надъ моей

душей, какъ надъ выжженой пустыней. Иногда мнѣ кажется, что я могъ бы вспорхнуть за ними, полетѣть самъ на крыльяхъ, но дѣйствительность тотчасъ же возвращаетъ меня на землю, и вокругъ меня разомъ становится темно,—словно свѣчу потушили въ темной комнатѣ.

И хоть бы я всегда могъ сдерживать себя настолько, чтобы жена ничего такого не замѣчала. Если бы я могъ быть всегда ровнымъ, веселымъ въ обхожденіи, или по крайней мѣрѣ казаться такимъ. Но я рѣшительно не могу, хоть и знаю, что она тоскуетъ, болѣетъ, не только собственной душевной болью, но и тою, которую причиняетъ мнѣ. Ужасно, должно быть, чувствовать себя, какъ она, чувствовать себя не въ силахъ ничего предпринять, ничего измѣнить, и только все ниже и ниже склоняться подъ бременемъ горя и тревоги. Ужасно все ходить и думать о смерти, которая должна придти, но все не приходитъ. И трижды ужасно, если ко всему этому еще прибавляется сознаніе, что она наноситъ неизлѣчимыя раны тому, кого любитъ болѣе всего на свѣтѣ, и не имѣетъ возможности смягчить ударовъ, утолить боли.

Иногда она сидитъ и смотритъ на меня, думая, что я этого не замѣчаю, съ выраженіемъ такого отчаянія, что мнѣ въ душу словно ножъ вонзается.

Вчера она подошла и, сѣвъ рядомъ со мной, положила руку на мою.

— Не женился бы ты на мнѣ, ты былъ бы гораздо счастливѣе!— сказала она.

Я знаю, что она всей душой чувствовала то, что говорила, вѣрила въ это, и потому мой отвѣтъ могъ лишь на минуту поколебать ея увѣренность, вызвать въ ея глазахъ искру надежды, но не въ силахъ былъ вселить въ нее твердой вѣры въ то, что она необходима мнѣ и потому должна жить.

VI.

Перечитывая теперь эти листки и видя, какъ я тогда колебался между надеждой и страхомъ, я не понимаю, какъ все, о чемъ говорятъ эти строки, могло быть на самомъ дѣлѣ. И всетаки, должно быть, было такъ. Ибо «Schripta manent»... И какъ ни неполны, ни отрывочны эти замѣтки, онѣ убѣдительно доказываютъ мнѣ, что тогда я надѣялся больше, чѣмъ могу допустить и понять теперь, когда уже все выяснено и рѣшено.

Но столько-то я всетаки понимаю, что для меня въ теченіе той зимы было настоящимъ счастіемъ, если я порой могъ вѣрить, что

вотъ это или то способно было содѣйствовать спасенію моей жены. Большое счастіе для человѣка имѣть возможность выходить изъ роли пассивнаго зрителя и, напротивъ, дѣйствовать, имѣя передъ глазами опредѣленную и,—какъ ему, по крайней мѣрѣ, кажется,—достижимую цѣль. Въ дни молодости, пожалуй, такой источникъ счастія показался бы скуднымъ, бѣднымъ. Но когда годы успѣли тронуть серебромъ виски, довольствуешься меньшимъ, чѣмъ прежде. Тогда можно жить и терпѣть, вѣря въ одну возможность нѣкотораго улучшенія; въ одной увѣренности, что такая возможность существуетъ, находить нѣчто, похожее на счастіе.

Такая помощь явилась мнѣ въ тотъ часъ, когда опасеніе мое, что городская жизнь, пожалуй, вредна моей женѣ, превратилась въ увѣренность, которая заставила меня твердо рѣшиться вырвать Эльзу изъ городской обстановки и снова поселиться съ нею въ деревнѣ. Намъ и не слѣдовало бы покидать ея!

Когда я сообщилъ этотъ планъ женѣ, все ея лицо просвѣтлѣло, словно я обѣщалъ ей блаженство рая, и она отвѣтила только:

— Ты можешь это сдѣлать для меня? Захочешь?

Эти слова воскресили во мнѣ всѣ силы и энергію. Блеснули мнѣ сквозь всю эту тьму сомнѣній, тревогъ, всего того, что я уже описалъ и что угнетало меня, блеснули, какъ звѣзды во мракѣ ночи. Побудили меня сдѣлать послѣднее чрезвычайное усиліе, въ надеждѣ снова вернуть радость въ нашъ домъ. Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ очевиднѣе казалось мнѣ, что я, наконецъ, напалъ на тотъ «Сезамъ», который могъ открыть мнѣ душу Эльзы и помочь вновь вернуть ее къ жизни. Я вложилъ всю свою душу въ этотъ планъ, какъ человѣкъ, вѣрящій, что нашелъ талисманъ, который дастъ ему силу сотворить чудо. Я былъ увѣренъ, что разрѣшилъ задачу, когда мы переѣхали на нашу маленькую виллу. Она была расположена на высотѣ, откуда открывался видъ на заливъ и лѣсъ; въ окна жена моя могла видѣть трепетныя осины и дорожку, по которой я долженъ былъ каждый день возвращаться домой со службы. Какъ ни странно мнѣ это кажется теперь, тогда я чувствовалъ себя такимъ увѣреннымъ въ результатѣ. Я вѣрилъ и былъ несказанно счастливъ своей вѣрой.

И никогда еще не чувствовалъ я въ себѣ такой полной надежды, не ощущалъ такого счастія, какъ съ наступленіемъ зимы, когда началъ перепархивать первый снѣжокъ, и мы снова стали ощущать эту своеобразную прелесть семейнаго очага, обособленнаго ото всѣхъ и отъ всего, прелесть, которая только извѣстна подъ зимнимъ сѣвернымъ небомъ.

Нашъ новый домикъ былъ приготовленъ и убранъ отъ чердака до подвала нами самими. Жена моя попрежнему хлопотала вокругъ насъ, убирала и украшала комнаты всякими бездѣлушками со свойственной лишь женщинѣ чарующей фантазіей.

Сильные голоса мальчиковъ раздавались по всему дому,—никто уже не шикалъ на нихъ; канарейки свободно заливались своими трелями,—никто не прикрывалъ ихъ зеленымъ покрываломъ; пудель съ лаемъ носился по комнатамъ, принимая живѣйшее участіе въ вознѣ мальчиковъ, и фортепіано не стояло больше запертымъ.

Однажды вечеромъ, когда я меньше всего ожидалъ этого, случилось вотъ что: Эльза вошла въ комнату и, не говоря ни слова, сѣла за фортепіано. Но, проходя мимо меня, она посмотрѣла на меня, и я понялъ, какъ она была счастлива, что могла отдаться своему влеченію. Съ самой смерти малютки Свена, когда мы перестали слышать его звонкій голосокъ, сопровождаемый звуками фортепіано, Эльза ни разу не хотѣла спѣть тѣхъ пѣсенъ, которыя такъ часто пѣвала для него одного. И я едва повѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ, увидавъ ее за фортепіано и услыхавъ звуки прелюдіи, за которой полились слова пѣсни:

Лебедь мой бѣлый,
Тихій, безмолвный!...
Слышалъ ли кто
Пѣсню твою?
. . . . . .
Лишь передъ смертью
Громко запѣлъ ты,
Лебедь мой бѣлый,
Тихій, безмолвный!...

Никогда, ни прежде ни послѣ, не слыхалъ я такого пѣнія. Пока она пѣла, тихо вошли одинъ за другимъ мальчики и стали слушать, удивленно поглядывая на меня, словно тоже не вѣря собственнымъ чувствамъ. Я кивнулъ имъ въ отвѣтъ, и глаза мои подернулись слезами. Когда замерли послѣдніе звуки, въ комнатѣ стало тихо, но торжественно, празднично-тихо.

Эльза встала и закрыла фортепіано.

— Не могу больше сегодня,— сказала она, какъ бы извиняясь.

Но она смотрѣла на насъ и видѣла, какую радость доставила намъ. Лицо ея прояснилось, она прошла мимо меня къ мальчикамъ, притянула ихъ къ себѣ и прижала ихъ головы къ своей груди.

— Благодарите братишку,—сказала она.—Это онъ помогъ мнѣ.

Она проговорила это не тѣмъ болѣзненнымъ, почти враждебнымъ

тономъ, который такъ часто звучалъ въ ея словахъ, когда ей казалось, что мы, живые, мѣшаемъ ей всецѣло отдаться умершему. Она проговорила это мягко, тихо, почти счастливымъ тономъ, какъ будто прощаясь съ чѣмъ-то минувшимъ, что никогда ужъ больше не вернется.

VII.

Передъ нашей спальней находилась комнатка, которая съ самаго начала была предназначена для уборной, но которая почему-то такъ и не была приспособлена для этой цѣли. Она была неправильной формы, окошко помѣщалось очень высоко, и освѣщалась она поэтому, въ сравненіи съ другими комнатами, скудно.

Въ этой комнаткѣ поселился малютка Свенъ. Это стала его комнатка, и она стояла запертой. Эльза никому не позволила помогать ей устраивать и прибирать эту комнатку. Она хотѣла все сдѣлать сама. Повѣсила свѣтлыя занавѣски на окошечко, а въ углубленіи передъ нимъ поставила столикъ, сшила на него чехолъ изъ той же матеріи, какъ занавѣски, и размѣстила на немъ игрушки Свена. Тутъ были и лошадка, впряженная въ повозочку, и оловянные солдатики, и палатка, и бѣленькая съ золотымъ ободкомъ кофейная чашечка Свена, и копилка, и игрушечная сабля и шлемъ,—словомъ, почти все маленькое наслѣдство «братишки». Подъ столикомъ помѣстились двѣ большія деревянныя лошадки,—одна безъ гривы; передъ столикомъ низенькій деревянный стулъ, который когда-то подарили Свену и который онъ таскалъ за собой повсюду по комнатамъ, когда бывалъ въ особенно благодушномъ настроеніи и желалъ заставить маму разсказать себѣ сказку.

Между игрушками размѣстились и большія и маленькія фотографическія карточки въ рамкахъ; часть ихъ была развѣшана также по стѣнамъ. Это были портреты папы, мамы, братьевъ, всей семьи «братишки» и его самого. На одной карточкѣ онъ былъ снятъ еще въ длинномъ дѣтскомъ платьицѣ, на другой—стоящимъ на скамеечкѣ и улыбающимся солнышку, ярко свѣтившему на снѣгъ. Всѣ эти портреты были сняты еще въ дни нашей молодости и счастія, когда еще не случалось ничего такого, что могло порвать узы, соединявшія пока насъ всѣхъ. Отдѣльно ото всѣхъ прочихъ картинъ, одиноко на выступѣ стѣны висѣла копія съ картины, изображавшей смерть, надъ которой такъ задумывался малютка Свенъ и которую мать объясняла ему задолго до того, какъ онъ самъ узналъ о смерти больше, нежели кто изъ взрослыхъ когда-либо могъ разсказать ему.

Была тутъ и еще одна вещь. Маленькій комодикъ, покрытый темною политурой, который былъ нѣкогда отданъ въ собственность Свену. Комодикъ имѣлъ свою исторію. Въ старину онъ принадлежалъ отцу и тогда былъ свѣтло-желтаго цвѣта, но съ тѣхъ поръ подвергался многимъ превращеніямъ, а когда перешелъ въ собственность Свена, получилъ эту послѣднюю окраску. Въ трехъ ящикахъ комодика лежали вещи, хранившія память о малюткѣ и потому убранныя отъ взглядовъ постороннихъ. Тутъ хранилась послѣдняя рубашечка, послѣдніе чулочки, которые онъ надѣвалъ, сборники пѣсенокъ, которыя онъ распѣвалъ,—эти сборники уже никогда больше не попадали на общую нотную этажерку. Здѣсь былъ и послѣдній бѣлый костюмъ Свена съ голубымъ шарфомъ, и бѣлая шапочка съ голубымъ помпономъ, и коричневые сапожки, и книжки, принадлежавшія «братишкѣ»—въ томъ числѣ и тотъ экземпляръ книги о старшихъ братьяхъ, который Свенъ вытребовалъ себѣ, когда просилъ отца написать книжку «только Ненни».

Это была комнатка малютки Свена и святилище Эльзы. Каждый вечеръ заходила она сюда передъ сномъ и каждое утро просиживала тутъ по часу, еще не обмѣнявшись словомъ ни съ кѣмъ другимъ въ домѣ. И ничто не могло доставить ей такого удовольствія, какъ если я входилъ съ нею вмѣстѣ въ это святилище и оставался тамъ нѣкоторое время.

Здѣсь жилъ малютка Свенъ, и о чемъ тутъ шли бесѣды, никто не зналъ. Иногда, впрочемъ, Эльза сама разсказывала намъ объ этомъ, но эти разсказы были ничто въ сравненіи со словами, которыми обмѣнивалась она съ обитателемъ невѣдомаго міра. Это она сама разъ высказала въ самомъ началѣ.

— Ты вѣдь не вѣришь ни во что такое?—сказала она мнѣ.—Но я чувствую это.

— Почему ты знаешь, что я не вѣрю?—отвѣтилъ я.

Она взглянула на меня большими удивленными глазами.

— Ты не можешь вѣрить, какъ я,—сказала она.—Потому что ты размышляешь, раздумываешь о томъ, насколько подобное возможно. Но я знаю, что это такъ. И потому больше не удивляюсь.

Въ душѣ моей всплыло воспоминаніе. Воспоминаніе о томъ, какъ она разъ упрекнула меня въ томъ, что я отнялъ у нея вѣру въ сверхъестественное. Я понялъ, что ей нужна была эта вѣра, которую она теперь обрѣла, что она всегда въ ней нуждалась, что вѣра эта была связана съ сокровенной сущностью всей ея натуры такъ крѣпко и глубоко, что, пожалуй, Эльза была бы избавлена отъ многихъ скорбей и горя, если бы эту ея вѣру никогда не расшатывали. Въ то же

время я чувствовалъ въ глубинѣ души, что и я никогда вполнѣ не терялъ вѣры въ другую жизнь послѣ этой. Я критиковалъ, разбиралъ, старался сдѣлать вѣру въ жизнь вѣчную невозможной, нелѣпой въ собственныхъ глазахъ. Но я дѣлалъ все это, пожалуй, больше всего въ надеждѣ, что мои исканія въ концѣ концовъ приведутъ меня къ увѣренности въ противоположномъ. Увѣренность эта не пришла. Но съ годами мысли мои объ этомъ предметѣ вообще измѣнились. Мысль о безсмертіи, правда, все еще стояла передо мной лишь, какъ возможность; но мало-по-малу она принимала характеръ чего-то нѣжнаго и мягкаго, что притягивало меня къ себѣ, я самъ не знаю почему. Мало-по-малу я почувствовалъ, что возможность усвоить себѣ подобную вѣру все увеличивается, растетъ въ моей душѣ, а все, что я пережилъ за послѣдній годъ, привело мои чувства еще ближе къ этой возможности, которую разумъ мой попрежнему не могъ ни принять, ни отвергнуть всецѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представлялось, что я какъ будто оставался одинокимъ въ своихъ поискахъ, и что жена не могла, или не хотѣла видѣть, что творилось у меня на душѣ. И вотъ, когда она сказала мнѣ: «ты размышляешь, разсуждаешь о томъ, какъ это можетъ быть возможнымъ», меня поразило, что она могла такъ не понимать меня или, по крайней мѣрѣ, такъ перетолковывать мое молчаніе. И какъ я могъ молчать обо всемъ этомъ? Какъ могъ упустить изъ виду, что то, что я могъ бы теперь сказать ей, наполнило бы ея душу истиннымъ, высшимъ счастіемъ? И я хотѣлъ немедленно поправить свою предполагаемую оплошность и напомнилъ Эльзѣ тотъ день, когда она сказала, что хочетъ вѣрить, какъ я, думать, какъ я, жить, какъ я.

— Я хочу, чтобы ты узнала когда-нибудь объ этомъ: я никогда не требовалъ отъ тебя ничего такого. Я никогда не хотѣлъ, чтобы ты ради меня измѣнила себѣ. Это любовь твоя внушила тебѣ такія мысли, а не я.

Она устремила взглядъ въ пространство, словно раздумывая о чемъ-то давно прошедшемъ.

— А я думала, ты хотѣлъ, чтобы я была, какъ ты,—сказала она.

— Никогда!—отвѣтилъ я.—Никогда не желалъ я ничего такого. Я хотѣлъ имѣть возможность свободно говорить съ тобой обо всемъ, что думаю и чувствую. Но я хотѣлъ, чтобы и ты дѣлала то же. И мнѣ недоставало твоей откровенности.

Я увидалъ, что коснулся какого-то больного мѣста, мучившаго ее сильнѣе, нежели можно было высказать словами. Но я не подозрѣвалъ, что̀ это было.

— Я всегда думала, что ты хотѣлъ, чтобы я походила на тебя. Я это думала и даже высказывала другимъ. Когда мнѣ казалось, что нельзя говорить съ тобой, я говорила съ другими.

Послѣднее она проговорила такимъ тономъ, словно признавалась въ чемъ-то крайне непріятномъ, чего стыдилась сама.

— И я могла такъ не понимать тебя!—прибавила она.

И кладя руку на мое плечо, она заглянула мнѣ въ глаза и спросила:

— Ты не огорчаешься, когда я ухожу къ Свену?

— Огорчаюсь?

Должно быть, я взглянулъ на нее съ такимъ удивленіемъ, что она не могла не понять меня. И больше не спрашивала. Не говоря ни слова, повернулась она и вошла въ комнатку Свена. Она оставалась тамъ долго и, когда вышла, я замѣтилъ, что она плакала, но не отъ горя.

Пока же я спдѣлъ и ждалъ ее, мнѣ пришло въ голову, что до сихъ поръ она вѣдь никогда не отворяла двери въ свое святилище въ моемъ присутствіи. И я тутъ же почувствовалъ, что никогда еще, съ самой смерти Свена, я не стоялъ къ Эльзѣ ближе, чѣмъ сейчасъ.

VIII.

И почему все не продолжалось такъ, какъ началось было? Зачѣмъ вмѣшалось то, чего я никогда не боялся, разрослось и стало силой, болѣе опасной для меня и моихъ, нежели какой я могъ ожидать и бояться прежде? Можно точно также спросить: почему не все идетъ такъ, какъ хотѣлось бы людямъ? Или почему не во власти человѣческой направлять ходъ жизни такъ, какъ намъ самимъ хотѣлось бы?

Между мной и Эльзой легло что-то въ это время. Какое-то отчужденіе, несмотря на всю взаимную нѣжность и вниманіе. Причина была не въ различіи нашихъ мнѣній или взглядовъ на вещи. И сказывалось это не тѣмъ, чтобы мы сторонились другъ отъ друга, не искали другъ друга постоянно, не радовались каждой возможности побыть вмѣстѣ. Все сводилось попросту къ разницѣ воспріятія каждымъ изъ насъ того, что въ то время происходило съ нами и между нами. Для Эльзы все происходившее было лишь приготовленіемъ къ разлукѣ, къ переходу за ту черту, изъ-за которой никто не возвращается. Тогда какъ я видѣлъ во всемъ залогъ, обѣщаніе, что жизнь начнется для насъ сызнова и что жена вернется ко мнѣ, къ намъ всѣмъ, къ самой жизни.

Теперь, вглядываясь во все происходившее тогда и бывшее для

меня во многихъ отношеніяхъ темнымъ, неяснымъ, я понимаю, что въ этой разницѣ и скрывалось объясненіе всего. Полное объясненіе того, что было и что предстояло. Теперь я понимаю также, что именно то обстоятельство, что я не понималъ тогда всего такъ ясно, какъ теперь, и спасло меня тогда отъ отчаянія. Я требовалъ, чтобы жена оставила свои мысли о смерти и ради меня продолжала свой жизненный путь, несмотря на то, что она была какъ бы разбита смертью малютки Свена. Она съ своей стороны хотѣла, чтобы я понялъ, что она безповоротно сдѣлала первый шагъ туда, куда ушелъ отъ нея ея ангелъ-хранитель, какъ она всегда называла Свена. Она желала, чтобы я понялъ это вполнѣ и проникся бы сознаніемъ, что отнынѣ задача моя заключалась въ томъ, чтобы идти рядомъ съ ней, рука объ руку, какъ другъ, думать, какъ она, чувствовать, какъ она, и вести ее навстрѣчу надвигавшемуся мраку, къ которому она такъ рвалась. Мы такъ сильно любили другъ друга, что ни одинъ изъ насъ не могъ отказаться отъ своей мечты о вѣчной взаимной гармоніи нашихъ мыслей и чувствъ. Поэтому никто изъ насъ и не могъ предоставить другому идти своей дорогой и покорно склониться передъ тѣмъ удѣломъ жизни, который зовется одиночествомъ. Поэтому же ни одинъ изъ насъ не могъ не чувствовать горечи, замѣчая, какъ надежда измѣняетъ ему. Поэтому Эльза чувствовала мое стараніе увлечь ее туда, куда ей не хотѣлось, такъ же сильно и болѣзненно, какъ я ея сопротивленіе. И поэтому-то вся наша жизнь, въ истинномъ смыслѣ слова, была борьбой за любовь, борьбой на жизнь и на смерть.

Я такъ долго жилъ въ тѣни смерти, что не могъ уже представить себѣ возможности какой-нибудь иной жизни. Я примирился съ такимъ состояніемъ, какъ больной съ своей неизлѣчимой болѣзнью.

Тѣнь эту отбрасывалъ на нашу жизнь не только умершій малютка, но и она сама, собиравшаяся покинуть насъ. Это была не только тѣнь прошлаго, пережитого, но и грядущаго, предстоявшаго намъ впереди. Обѣ тѣни сливались и окутывали тотъ пунктъ жизненнаго пути, до котораго мы дошли. Эти тѣни окутывали всю мою жизнь, и вся моя ошибка состояла въ томъ, что я не въ силахъ былъ сорвать солнца съ неба, чтобы разсѣять тѣнь, отбрасываемую грядущимъ.

Въ этомъ была и ошибка моя и поддержка; это поддерживало во мнѣ иллюзію. Потому что я глядѣлъ и не видѣлъ. Слушалъ и не слыхалъ. Я видѣлъ только свои собственныя желанія, слышалъ лишь стукъ собственнаго сердца, охваченнаго жаждой жизни. Между тѣмъ, я зналъ, что лишь въ мірѣ поэтическаго творчества воля человѣка могла призывать мертвыхъ къ жизни. И даже тамъ онъ вступалъ въ

борьбу съ богами, захотѣвъ попытаться стать выше человѣческаго, оглянувшись назадъ на царство тѣней; и вотъ она, ради кого онъ предпринялъ невозможное, вновь была поглощена мракомъ.

IX.

Весна въ этомъ году наступила поздно. Весна, на которую я возлагалъ свѣтлыя надежды, отъ которой ждалъ освобожденія, заставила себя ждать, словно совсѣмъ не хотѣла придти. Поля лежали голыми, застывшими, леденящій вѣтеръ хлесталъ обнаженными вѣтвями въ наши окна. Горы снѣгу лежали до конца апрѣля, солнышко выглядывало рѣдко и не надолго, а затѣмъ опять вѣяло ледянымъ дыханіемъ съ сѣвера, съ Ботническаго залива.

Въ это время простуда и уложила Эльзу въ постель. Пролежала она нѣсколько недѣль, и мы за это время опасались всего самаго худшаго. Въ домѣ у насъ снова воцарилась тишина. Снова начались наши молчаливыя трапезы втроемъ съ мальчиками, безъ нея; ея мѣсто за столомъ оставалось пустымъ. Снова настало время разговоровъ вполголоса, шепотомъ,—эта болѣзнь заглушила въ насъ голосъ надежды.

Но противъ ожиданія, жена стала поправляться. Выздоровленіе шло медленно, и силы плохо прибывали. Мнѣ это новое пробужденіе къ жизни, котораго никто не смѣлъ ожидать, представлялось въ высшей степени страннымъ, необыкновеннымъ, какимъ-то сновидѣніемъ. Но оно было дѣйствительностью. И сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ внизу, когда весь домъ отходилъ ко сну, я опять былъ въ состояніи начать мечтать о лѣтѣ, которое наступало.

И что всего удивительнѣе, я скоро пересталъ быть одинокимъ со своими мечтами. Выздоровленіе Эльзы отъ послѣдней болѣзни какъ будто не ограничилось одной физической стороной ея существованія, но вдохнуло въ насъ обоихъ какое-то удивительное тихое примиреніе со всѣмъ, что мы пережили. Жена начала раздѣлять мои мечты, начала вновь стремиться зажить общею духовною жизнью со мной. Ея душа сама летѣла мнѣ навстрѣчу, какъ не бывало еще съ самаго дня похоронъ малютки Свена. Она была еще слаба и не могла много говорить сама, но могла слушать, что я ей говорилъ. Она знала, что пришла весна и радовалась скромнымъ цвѣтамъ, украшавшимъ ея ночной столикъ.

— Какъ мы были съ тобой счастливы, Георгъ!—сказала она разъ.—Какъ мы были счастливы!

Она проговорила это съ какой-то раздирающей нотой въ голосѣ, закрыла глаза, и слезы покатились изъ-подъ ея опущенныхъ рѣсницъ.

— Мы и еще будемъ такъ же счастливы,—отвѣтилъ я.

Я самъ вѣрилъ тому, что говорилъ, и счелъ ея отвѣтъ подтвержденіемъ.

— Да,—поспѣшно сказала она,—лѣтомъ.

Она слушала, какъ я говорилъ о радостяхъ нашей молодости, о шкерахъ, бывшихъ для насъ всегда лучшимъ убѣжищемъ.

— Мы будемъ опять кататься въ лодкѣ между островами. И на веслахъ и на парусахъ при ночномъ вѣткѣ!—сказала она.

И словно подгоняемая мучительными воспоминаніями, прибавила порывисто:

— Ты забудь и никогда не думай ни о чемъ, что я говорила въ послѣдній годъ. Я была такая странная, сама себя не понимала. Часто, часто, словно кто другой говорилъ моими устами, и я не могла ничего подѣлать. Ты дѣлалъ все возможное, а я только сносила. Но теперь пойдетъ по другому. Только бы я выздоровѣла совсѣмъ.

Я шикнулъ на нее, прося не говорить слишкомъ много. Самъ я былъ черезчуръ счастливъ, чтобы говорить.

— Да, да,—сказала она.—Я молчала съ тобой и говорила съ другими. А кто они эти другіе? Глупые люди, которые ничего не понимали.

Она закрыла глаза и задремала. Я остался сидѣть у ея постели, глядя на нее. Лицо ея стало теперь почти такимъ, какимъ было въ ранней молодости, когда я въ первый разъ проснулся въ своей постели и увидалъ ее спящую рядомъ. Крупныя слезы радости покатились по моимъ щекамъ. Апрѣльскій снѣгъ крутился надъ замерзшей землей, а мое сердце начинало оттаивать.

X.

Жена встала и перешла на положеніе выздоравливающей. Она снова проводила дни съ нами, и только и думала о томъ, какъ бы доставить намъ побольше счастія и радостей, и сама наслаждалась нашей радостью по поводу ея возвращенія къ жизни, къ намъ.

Ахъ, какъ памятна мнѣ эта краткая пора, когда она всецѣло была опять нашей! Какъ памятна! Эти нѣсколько быстро промелькнувшихъ недѣль смогли заставить меня забыть все предшествовавшее. Вся та скорбь и тревога, которыя мы пережили, казалась ничѣмъ передъ этими недѣлями тихаго счастія. Все, что мы переговорили съ Эльзой за это время, я крѣпко сохранилъ въ своей памяти. А то, что не могло найти выраженія въ словѣ, что было выше всего того, что жизнь вообще можетъ дать, это теплится въ глубинѣ моей души и

будетъ вѣчно теплиться, давая основной тонъ всей моей будущей жизни, которой иначе мнѣ и не прожить было бы.

Въ теченіе этихъ недѣль съ души моей спала всякая тяжесть тревогъ, сомнѣній, недовѣрія. Я сомнѣвался въ Эльзѣ, не довѣрялъ ея любви потому, что она не давала увлечь себя отъ смерти къ жизни со мной и для меня. Теперь ея сопротивленіе исчезло. Я чувствовалъ это каждую минуту, когда бывалъ съ нею, ощущалъ въ каждомъ сказанномъ ею мнѣ словѣ.

Болѣзнь, какъ будто перевернула все внутри нея, какъ будто вернула намъ ее очищенной, просвѣтленной, обновленной. Все ея существо какъ бы переродилось, и я часами могъ сидѣть и любоваться ея лицомъ, ставшимъ опять прежнимъ.

— Помнишь, какъ я разъ сказала, что намъ надо разстаться?— спросила она, однажды.

Пришлось мнѣ подумать немного, такъ какъ я не могъ сразу вспомнить, что она когда-нибудь могла сказать подобное. И, когда, наконецъ, вспомнилъ, отвѣтилъ, что забылъ эти ея слова тогда же, какъ забываютъ бредъ больного человѣка.

— А я сказала это въ серьезъ,—продолжала она горячо.—Мнѣ казалось, что ты хочешь принудить меня къ чему-то. И мнѣ даже какъ будто жаль было тебя. Тебѣ приходилось худо тогда, гораздо, гораздо хуже, чѣмъ мнѣ. Но ты не забудь, что я была больна, слишкомъ больна, чтобы быть въ состояніи думать о чемъ-либо, кромѣ себя самой. Ахъ, теперь, я словно проснулась опять!

И она схватилась за голову съ какимъ-то тревожнымъ и въ то же время счастливымъ выраженіемъ и прибавила:

— Но, когда я потомъ умру, ты отвори комодикъ Свена. Въ верхнемъ ящикѣ лежитъ мое письмо. Но раньше ты не долженъ читать его. Я знаю, вѣдь, что я всетаки умру скоро. И умру тою же смертью, какъ и Свенъ.

Сколько разъ я уже слышалъ отъ нея такія слова, и прежде они заставляли меня содрогаться до глубины души. Теперь они какъ-то скользнули мимо, словно и не были сказаны. Я отнесся къ нимъ, какъ къ послѣднимъ бурунамъ, послѣднимъ легкимъ всплескамъ волнъ послѣ шторма. Я улыбался мысленно, полный увѣренности, что теперь я опять обрѣлъ ее, и, повернувъ къ себѣ ея лицо, я поглядѣлъ ей прямо въ глаза и спросилъ:

— Но ты, вѣдь, хочешь теперь жить?

— Да,—отвѣтила она.—Я хочу жить для тебя, и для мальчиковъ, и чтобы хранить память малютки Свена.

Въ этотъ день она ходила объ руку со мной по дорожкѣ передъ

нашимъ домикомъ усталой, нетвердой поступью, тяжело опираясь на мою руку. Но мы оба были веселы, какъ дѣти; она сама смѣялась надъ собой, своей шаткой походкой, надъ тѣмъ, какъ ноги у нея заплетались,—того и гляди, казалось, подломятся,—смѣялась слегка еще болѣзненнымъ, но удивительно искреннимъ смѣхомъ, который радовалъ меня.

— Какъ я счастлива, Георгъ!—сказала она, когда мы вернулись домой.—Да и ты опять будешь счастливъ.

Я помогъ ей взойти на лѣстницу. Прежде, чѣмъ уйти къ себѣ, она захотѣла заглянуть въ комнату мальчиковъ. Тамъ она стояла долго рядомъ со мной, глядя на все вокругъ, словно все это успѣло стать для нея новымъ за время ея болѣзни.

— Они вѣрно тоже немало натерпѣлись,—сказала она.—Что дѣлать! Я не могла иначе. Но теперь пойдетъ лучше.

Сидѣлка помогла ей раздѣться и лечь, а когда мальчики пришли домой съ площадки для игръ, она позвала ихъ къ себѣ слабымъ, тонкимъ голоскомъ, столь не похожимъ на ея прежній глубокій, звучный, и велѣла разсказать обо всемъ, что они тамъ дѣлали, какъ играли. Они принялись исполнять ея желаніе такъ добросовѣстно, что я нѣсколько разъ пытался остановить потокъ ихъ рѣчей. Но она въ свою очередь останавливала меня. Они разсказывали оба наперебой, а она лежала и такъ глядѣла на нихъ и слушала ихъ, словно ей еще нужно было время, чтобы освоиться съ тѣмъ, что все это дѣйствительность, а не фантазія. Потомъ она подозвала ихъ къ себѣ и дала поцѣловать себя на прощанье.

— Теперь я скоро совсѣмъ выздоровлю,—сказала она.—И когда настанетъ лѣто, папа повезетъ насъ опять куда-нибудь въ шкеры. Мнѣ не надо видѣть или знать, куда. Онъ всегда умѣетъ устроить насъ какъ нельзя лучше.

И она со счастливой улыбкой закрыла глаза, готовясь уснуть. Я проводилъ мальчиковъ, потомъ набросилъ на себя пальто и пошелъ бродить по дорожкѣ взадъ и впередъ, гдѣ мы только что передъ тѣмъ гуляли рука объ руку съ Эльзой. Былъ ясный, тихій весенній вечеръ, но къ утру можно было предвидѣть морозецъ.

XI.

Въ эти дни мнѣ все вспоминалась,—самъ не умѣю отдать себѣ отчета почему,—наша поѣздка съ Эльзой къ открытому морю. Воспоминаніе объ этой поѣздкѣ связывалось съ воспоминаніемъ о тайной борьбѣ моей съ Эльзой, которую я хотѣлъ заставить полюбить то,

что любилъ самъ, и воспоминаніе о моей тогдашней удачѣ-неудачѣ вселяло въ меня какую-то тревогу.

Воспоминаніе это овладѣло мной именно въ періодъ выздоровленія Эльзы, когда я сиживалъ съ нею, держа ее за руку, а она сидѣла, склонивъ голову мнѣ на плечо.

— Ахъ, какъ долго я была далеко, далеко отъ тебя!—сказала она мнѣ однажды вечеромъ.—Какъ я могла быть отъ тебя вдали такъ долго? И все это потому, что я думала, что ты хочешь помѣшать мнѣ уйти къ Свену.

— Теперь ты и сама, вѣдь, не хочешь этого?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтила она.—Теперь я хочу остаться съ тобой. Но у меня было столько дурныхъ, глупыхъ мыслей за это время.

Она проговорила это тономъ ребенка, сознающагося въ своей провинности, и я не могъ не улыбнуться, слушая ее.

— Не смѣйся!—продолжала она.—Это правда. Я думала, что ты не понимаешь меня, и даже говорила тебѣ это. Простишь ли ты меня?

Она говорила такъ серьезно, что я былъ тронутъ. Но, чтобы не взволновать ея еще больше, я сказалъ возможно беззаботнымъ тономъ:

— Это единственный грѣхъ у тебя на совѣсти?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она,—но противъ тебя я не знаю за собой другого.

И, придвигаясь ко мнѣ поближе, она продолжала:

— Но хуже этого-то я ужъ и не могла сказать или подумать ничего. Я, вѣдь, знаю, что никто никогда не понималъ меня лучше тебя. Ни одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я говорила тогда, когда чувствовала себя одинокой и несчастной, чувствовала, какъ будто все готово было разбиться во мнѣ.

Тутъ она вся вздрогнула и поднесла руку ко лбу.

— Теперь это прошло. Все снова прояснилось, успокоилось во мнѣ. Но тебѣ надо знать еще одно.

Она выпрямилась и поглядѣла на меня такимъ свѣтлымъ и глубокимъ взглядомъ, словно хотѣла дать мнѣ заглянуть въ самую глубь ея души.

— Надо тебѣ знать самое худшее. Въ то время, когда я ходила и все думала, что должна умереть, послѣдовать за малюткой Свеномъ, и когда мнѣ казалось, что ты поэтому уходишь отъ меня, и все уходитъ, весь міръ становится такимъ пустымъ, пустымъ—мнѣ становилось такъ страшно, такъ ужасно страшно. Я думала, что мнѣ

придется самой наложить на себя руки. Это было всего хуже. Но теперь я знаю, что въ этомъ не будетъ никогда нужды. Господь самъ обѣщалъ мнѣ это.

— Ты всетаки думаешь, что скоро уйдешь отъ меня?—спросилъ я.

Я весь трепеталъ, говоря это, и голосъ готовъ былъ измѣнить мнѣ.

— Не знаю, — отвѣтила она, снова склоняя голову мнѣ на плечо.—Знаю только, что мнѣ не понадобится самой накладывать на себя руки.

Она замолчала, и я не находилъ словъ для отвѣта. Я смотрѣлъ на нее. Она напоминала мнѣ самое себя въ дни нашего юнаго счастія, казалась мнѣ какъ-то воздушнѣе, моложе, и спокойствіе, смѣнившее ея недавнее лихорадочное возбужденіе, наполняло меня смѣшаннымъ чувствомъ счастія и тревоги.

Когда Эльза легла въ постель и я вошелъ проститься съ ней, она поглядѣла на меня тѣмъ же свѣтлымъ, глубокимъ взглядомъ, какъ незадолго передъ тѣмъ.

— Ты не обращай вниманія на тѣ мои слова, что будто ты отнялъ у меня вѣру,—сказала она.—Ты не отнялъ. Это я только вообразила. Ахъ, я столько навоображала себѣ. Право, я слишкомъ жила воображеніемъ.

И горькое выраженіе пробѣжало по ея лицу. Я провелъ рукой по ея лбу, словно желая согнать съ него набѣжавшую тѣнь, и сказалъ:

— Я не отнялъ у тебя вѣры. Это такъ. Но мнѣ слѣдовало бы всегда понимать, что то, во что ты вѣрила, было дорого тебѣ. Такъ дорого, что мнѣ не слѣдовало бы и открывать передъ тобой возможности иного воззрѣнія.

Все лицо Эльзы словно освѣтилось внутреннимъ свѣтомъ, и она съ тихимъ радостнымъ восклицаніемъ обвила руками мою шею и пожелала мнѣ спокойной ночи.

Я потушилъ свѣчу у ея постели и тихо вышелъ. Сердце мое было переполнено признательностью къ ней за все, что она сказала мнѣ сегодня. Она, какъ будто, ввѣрила мнѣ на храненіе неоцѣненное сокровище.

И въ ту же самую минуту, какъ я подумалъ это, меня, какъ молніей, обожгла мысль, что, вѣдь, я точно уже отвожу ей мѣсто въ воспоминаніи! «Значитъ, она уходитъ отъ меня!» подумалъ я вслѣдъ за тѣмъ и, къ удивленію своему, замѣтилъ, что мысль эта уже не вызвала во мнѣ прежней горечи. И это потому лишь, что я сталъ теперь такъ близокъ къ Эльзѣ, какъ никогда раньше. «Она не ум-

ретъ,—подумалъ я черезъ минуту.—Она останется жить». И я не замѣчалъ противорѣчій въ собственномъ ходѣ мыслей.

Я усѣлся у себя въ комнатѣ и пытался читать. Но я былъ слишкомъ взволнованъ и счастливъ тѣмъ рѣдкимъ богатствомъ, которое обрѣлъ. И вдругъ, я увидалъ передъ собою Эльзу такой, какой она была тогда лѣтомъ на западномъ берегу, въ ту минуту, когда повернулась ко мнѣ отъ окна, выходившаго прямо на море, и я почувствовалъ, что мы оба сливаемся душою въ любви къ этой безконечной, безграничной водной равнинѣ. Было какое-то сходство между тѣмъ чувствомъ, которое я тогда испытывалъ, и тѣмъ, которое теперь наполняло меня надеждой и счастіемъ. Одновременно я припомнилъ, какъ меня въ теченіе многихъ лѣтъ все тянуло къ морю.

Какъ видѣніе вынырнуло изъ мрака прошлаго еще одно воспоминаніе, которое давно было забыто. Высоко на скалѣ стоитъ мальчикъ и смотритъ на море. Скала отвѣсна, и внизу подъ нимъ ревутъ волны, брызжутъ пѣной. Мальчикъ разстегнулъ пальто и держитъ его обѣими руками по вѣтру, какъ парусъ. Онъ наслаждается тѣмъ, что не сдается передъ бурей, угрожающей сорвать его со скалы и швырнуть въ воду. Но вотъ, радость его нарушается звукомъ голоса, прорывающагося сквозь шумъ бури и зовущаго его по имени. Затѣмъ двѣ руки, сильнѣе его ручонокъ, хватаютъ его и несутъ прочь съ опаснаго мѣста, которое онъ себѣ выбралъ, прочь отъ моря, поющаго свою дикую пѣснь о мужествѣ и опасностяхъ.

Мальчикъ этотъ—я самъ. И я печально улыбаюсь этому видѣнію, вставшему передо мной въ тишинѣ ночи. Часы бѣгутъ незамѣтно для меня. Я сижу одинъ, вперивъ взоръ въ будущее. Теперь я достигъ того, къ чему рвался ребенкомъ; но буря унесла меня дальше, чѣмъ я самъ хотѣлъ. Теперь я предпочелъ бы, чтобы стихіи или улеглись, или чтобы кто-нибудь болѣе сильный, чѣмъ я, отвелъ меня отъ опасности, которой, я думалъ, никогда не испугаюсь.

Но я знаю, что этого не можетъ случиться. И съ трепетомъ, и стыдомъ думаю о своей женѣ, страдающей еще больше меня.

XII.

Всего нѣсколько дней спустя, я былъ вызванъ домой по телефону: мнѣ сообщили, что у жены сдѣлался серьезный припадокъ, и просили пріѣхать домой возможно скорѣе.

Въ этотъ день я простился съ женой и отправился на службу рано утромъ. Было первое мая, и мы, прощаясь, сговорились съ ней отпраздновать этотъ день, порадовать дѣтей, какъ у насъ вообще

было въ обычаѣ. Теперь, въ первую минуту, я и не могъ даже допустить, что дома могло за это короткое время случиться что-нибудь особенно серьезное.

Поэтому я воспользовался остававшимся еще въ моемъ распоряженіи временемъ, чтобы купить фруктовъ и еще кое-чего для нашего маленькаго праздника. «Разумѣется, это что-нибудь такъ, скоро пройдетъ», говорилъ я себѣ, сидя въ купэ со всѣми своими пакетами. И, чтобы скоротать время, я принялся за газеты. Вначалѣ мнѣ и удалось заняться чтеніемъ, такъ какъ я употреблялъ всѣ усилія, чтобы сохранить самое обыденное расположеніе духа, изъ боязни, что поддавшись тревогѣ, я успѣю обезсилѣть еще дорогой. Но чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ своей станціи, тѣмъ сильнѣе я чувствовалъ, что тревога проглядывала во всемъ, что бы я ни предпринималъ. Мысли не хотѣли слѣдовать за глазами, которые машинально скользили по строкамъ, и скоро я замѣтилъ, что они даже сами собой перескакиваютъ съ одного столбца на другой. Я сложилъ газету, и меня точно насквозь пронизала мысль: «Ты ѣдешь навстрѣчу тому, чего боялся». И я сказалъ себѣ самому: «Ты не смѣешь отрицать, что всегда боялся этого. Ты никогда не вѣрилъ, что она останется жить. Ты лишь хотѣлъ это внушить себѣ. Теперь часъ насталъ, и тебѣ не избѣгнуть того, чего ты боялся».

Сверхъестественное спокойствіе овладѣло мною. Быть можетъ, оно вытекало изъ того, что мнѣ еще предстояло обрѣсти ту послѣднюю увѣренность, послѣ которой, я зналъ, всякая борьба должна была кончиться.

— «Господи, если ей суждено умереть,—шепталъ я,—дай ей умереть безъ страданій, безъ борьбы». Временами я удивлялся, что могу быть такъ спокоенъ. Я оглядѣлся на платформѣ послѣ остановки поѣзда. Я ждалъ, что кто-нибудь встрѣтитъ меня, но никого не оказалось. «Значитъ она еще жива», сообразилъ я все съ тѣмъ же своеобразнымъ, яснымъ спокойствіемъ. Но въ слѣдующую минуту подумалъ: «А, быть можетъ, это именно означаетъ, что все кончено. Подумали, что мнѣ едва ли будетъ по сердцу узнать потрясающую новость въ присутствіи чужихъ людей». Но и эта мысль не вывела меня изъ состоянія безчувственнаго спокойствія. Медленно, тяжелой поступью направился я въ гору по дорогѣ къ дому. Я глядѣлъ на окна дома и, словно воочію, видѣлъ передъ собой Эльзу, какъ въ тотъ день, когда она встала и одѣлась въ первый разъ послѣ своей болѣзни; на черное платье, котораго она не снимала, наброшена была свѣтлая накидка, и окно стояло распахнутымъ настежь; она высунулась изъ него и оживленно кивала мнѣ, досадуя, что мнѣ раньше

не пришло въ голову взглянуть на окно. Она вся дрожала отъ горячаго желанія поскорѣе увидѣть мою радость по поводу того, что она опять на ногахъ и можетъ двигаться безъ посторонней помощи. Воспоминаніе объ этомъ поднялось во мнѣ, и я совершенно машинально поглядывалъ на окна, хоть и зналъ, что сегодня тамъ никто не покажется, не кивнетъ мнѣ привѣтливо навстрѣчу.

И вдругъ мнѣ пришла мысль: «Въ теченіе полутора года слишкомъ ждалъ ты, что она умретъ. И оплакивалъ ее, словно уже умершую; вотъ почему ты и не можешь ничего чувствовать теперь. Скорбь сама пожрала тебя, сгорѣла отъ собственнаго пламени, и остался одинъ пепелъ».

Черезъ нѣсколько минутъ я очутился въ нашей спальнѣ и увидалъ Эльзу, распростертую безъ сознанія на кровати. Я прислушивался къ ея дыханію, бралъ ее за руку, пытался говорить съ нею, но скоро понялъ, что все это было напрасно, и сошелъ внизъ поговорить съ докторомъ по телефону. Не то, чтобы я надѣялся на его помощь, но мнѣ просто казалось нужнымъ поговорить съ нимъ, пригласить его. Онъ обѣщалъ пріѣхать, и я снова тихо поднялся по лѣстницѣ, прислушиваясь къ хриплому дыханію жены—единственнымъ звукамъ, слышнымъ во всемъ онѣмѣвшемъ домѣ.

Вдругъ я увидалъ Олафа; онъ стоялъ на лѣстницѣ и безмолвно прислушивался. Я мимоходомъ коснулся рукой его плеча и хотѣлъ было пройти, но мальчикъ остановилъ меня.

— Почему мама такъ странно храпитъ?—спросилъ онъ и весь покраснѣлъ, какъ будто сказалъ что-то неподходящее; попытался улыбнуться, но улыбки не вышло.

— Такъ бываетъ, когда человѣкъ находится при смерти,—отвѣтилъ я.

Мальчикъ не расплакался, только кивнулъ головой и отвернулся.

«Онъ ожидалъ этого, какъ я»,—подумалъ я. И я въ эту минуту увидалъ, какъ мой мальчикъ успѣлъ возмужать, и въ то же время какимъ еще оставался ребенкомъ.

Тутъ словно что-то порвалось у меня внутри. «Вотъ когда начинается самое худшее,—подумалъ я.—Вотъ о чемъ ты еще не думалъ. Дѣти! Дѣти!» И, оставивъ сидѣлку одну возлѣ больной, я пошелъ съ мальчиками въ столовую пообѣдать и поговорить съ ними о томъ, что надвигалось на насъ.

Какъ мы разговаривали въ этотъ день и въ послѣдующіе! Какъ понижали голоса, словно боясь помѣшать ей, уже переставшей воспринимать всякіе звуки! Мои два мальчика вдругъ стали для меня какъ бы товарищами, все понимавшими и молча помогавшими мнѣ и

другъ другу нести наше горе. Для нихъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что мать уходила вслѣдъ за малюткой Свеномъ. Она сама такъ часто говорила имъ объ этомъ. И ихъ не смущала мысль, что мать умираетъ потому, что не хочетъ жить съ ними. Они не критиковали. Не пытались разбирать того, что было такъ просто и велико. Они знали только, что если мать хотѣла умереть, покинуть ихъ, то лишь потому, что была больна и не въ силахъ была жить. Если бы кто сказалъ имъ, что этимъ мать выдавала, что любитъ ихъ меньше, нежели умершаго, они или разсмѣялись бы, или вознегодовали на говорившаго.

Теперь они сказали мнѣ много такого, чего я никогда не слыхалъ отъ нихъ раньше. И во время этой бесѣды, скорбь начала просыпаться въ глубинѣ моей души; она какъ будто еще была далеко, но начинала подступать все ближе и ближе къ сердцу. Я понималъ, что она, наконецъ, прорвется наружу и что это принесетъ облегченіе. Но пока она еще не могла пересилить того спокойствія, которое овладѣло мной, и которое я сохранилъ и послѣ того, какъ докторъ, покинувъ комнату больной, сообщилъ мнѣ то, что я зналъ уже заранѣе.

Но еще до прихода доктора меня позвали къ больной. Когда я вошелъ, жена лежала въ судорогахъ. Онѣ видимо начались съ лица и, спускаясь все ниже и ниже, охватили, наконецъ, все тѣло. Мы не могли ничего сдѣлать, и ужасные припадки повторялись черезъ извѣстные промежутки. Докторъ пріостановилъ ихъ повторными впрыскиваніями, и она какъ будто успокоилась, но сознаніе такъ и не вернулось къ ней. Еще цѣлыхъ двое сутокъ пролежала она все въ томъ же положеніи. И еще долго спустя послѣ прекращенія судорогъ, мнѣ все чудилось, что я вижу передъ собой ея искаженное, передергивающееся лицо. Оно напоминало мнѣ агонію малютки Свена. Тогда я тоже видѣлъ такое трепетанье и подергиваніе лица, рта, всего тѣла, судорожно сжатыя руки... И я вспомнилъ слова Эльзы: «Я умру тою же смертью, какъ малютка Свенъ». Я улыбнулся тогда про себя, слушая эти слова, принявъ ихъ просто за порывъ экзальтаціи. Теперь же, когда дѣйствительность оправдала ихъ, я не могъ отъ нихъ отдѣлаться. Какъ могла она знать это заранѣе? Или какъ могла говорить объ этомъ съ такой увѣренностью, если не знала? Было ли это совпаденіе лишь случайностью? И можно ли вообще называть случайнымъ все то, отъ объясненія чего стараешься отдѣлаться?

Я часами сидѣлъ у постели жены, оставляя ее лишь, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ или отдохнуть. Я сидѣлъ у ея постели и вмѣстѣ съ мальчиками, и мы шепотомъ обмѣнивались между собою словами, которыя уже никогда не повторятся и которыхъ ни одинъ

изъ насъ не припомнитъ. Спалъ я днемъ одѣтый на постели рядомъ съ постелью Эльзы, моей милой Эльзы, которой уже не суждено было просыпаться. А по ночамъ сидѣлъ и бодрствовалъ возлѣ нея одинъ, чтобы дать сидѣлкѣ отдохнуть и чтобы сохранить память о часахъ, проведенныхъ съ нею наединѣ передъ ея смертью.

Говорятъ, что передъ умирающими въ послѣднія минуты проходитъ вся ихъ жизнь. И весьма возможно, что тогда человѣкъ видитъ все, пережитое имъ, въ новомъ свѣтѣ. Я знаю только, что въ послѣднюю ночь, въ часы медленно наступавшаго разсвѣта, когда мальчики ушли къ себѣ, чуть не падая отъ изнеможенія, передо мной также прошла вся моя жизнь, и все то, что мы пережили съ Эльзой вмѣстѣ, представилось мнѣ въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ никогда не представлялось раньше.

Я понялъ теперь, что изъ всего, что она говорила мнѣ, я лучше всего сохранялъ въ памяти именно то, что мнѣ слѣдовало бы постараться забыть, и забывалъ какъ разъ то, что мнѣ прежде всего слѣдовало бы запечатлѣть у себя въ сердцѣ. Я сохранялъ все то, что согласовалось съ моими собственными желаніями, и забывалъ все, что шло вразрѣзъ съ ними. Думая, что я дѣлаю все для нея, я работалъ лишь для себя самого и собственнаго счастья. И все, пережитое мною, сосредоточилось въ этомъ жгучемъ сознаніи, какъ въ фокусѣ.

Эльза привела меня подъ сѣнь смерти. Теперь я увидѣлъ это при свѣтѣ сѣраго утра, глядѣвшаго въ окно, при розовомъ сіяніи зари, разгоравшейся на горизонтѣ. Самъ собою, по своей волѣ я никогда не искалъ бы туда дороги, всегда старался бы напротивъ уйти отъ нея и даже забыть, что смерть вообще существуетъ. И вотъ, мнѣ начинало казаться, что я и теперь такъ же мало знаю о жизни и свѣтѣ, какъ тогда, когда впервые открылъ глаза на этомъ свѣтѣ, столь полномъ противорѣчій, и направлялъ въ немъ свои первые нетвердые шаги въ великомъ изумленіи отъ всего встрѣчаемаго.

И всегда я жилъ съ какимъ-то удивленіемъ въ глубинѣ души, всегда носилъ въ себѣ такое чувство, какъ будто все, что я видѣлъ, что переживалъ, было дѣйствительно лишь наполовину; всегда порывался отъ настоящаго къ грядущему, неизвѣстному.

Всегда мечталъ я о счастьѣ и никогда не зналъ иного счастья, нежели то, которое вмѣщается семьей. Это счастье я обрѣлъ и въ такой мѣрѣ, какъ выпадаетъ на долю одного изъ тысячи. Но смерть, о которой я никогда не хотѣлъ думать, невидимо шла за мной по пятамъ. Она отняла у меня моего мальчика съ ангельскими глазами и золотыми кудрями. А когда его не стало, она подошла ко мнѣ еще

ближе, распростерла свои черныя крылья надъ моимъ семейнымъ очагомъ и не отстала отъ меня, пока не отняла у меня и моихъ *ея*, бывшей намъ дороже всего въ жизни, потому что она была намъ дороже самой жизни.

Я всталъ, оглядѣлся и сталъ прислушиваться къ дыханію Эльзы, все не въ состояніи освоиться съ мыслью, что это дѣйствительно лежитъ и умираетъ она, моя жена. Я смочилъ ей губы и языкъ водой, всматривался въ ея черты, пока у меня не помутилось въ глазахъ, и я не пересталъ различать что-либо. Но мнѣ казалось, что самъ я былъ попрежнему близокъ ей, и если внутри ея жило еще воспоминаніе, сохранилась память, хотя бы и въ недоступной мнѣ формѣ, внѣ той области, которую мы, смертные, называемъ бытіемъ, то и я жилъ тамъ, жилъ такимъ, какимъ я никогда не увижу себя самъ, какимъ не можетъ увидѣть меня никто, кромѣ нея.

Отдавшись мыслямъ обо всемъ, пережитомъ нами вмѣстѣ, я забылъ о себѣ и видѣлъ лишь ее. Она явилась мнѣ сіяющей юностью и любовью. Но сквозь окружавшее ее сіяніе счастья прорывалась грусть, бывшая тѣмъ сильнѣе, что такъ долго была молчаливой. Рано,—рано казалось мнѣ теперь—все ея существо стало отливаться въ иныя формы, нежели всѣ другія. Она была создана, чтобы испытать счастье и затѣмъ умереть. Этотъ день долженъ былъ настать, и было бы жестоко пытаться заставить ее жить. Она не могла бы попечалиться извѣстный срокъ и потомъ забыть, какъ другіе. Она могла только горевать, горевать и умереть. Уразумѣвъ сущность ея натуры, я долженъ былъ бы забыть все остальное, долженъ былъ бы знать, что она всегда говорила правду и больше всего тогда, когда ея слова казались мнѣ странными, а ея мысли ни съ чѣмъ несообразными. И прежде всего говорила она правду въ тѣ минуты, когда страданія вырывали у нея слова, и она молила меня дать ей умереть.

Отчего не далъ я ей умереть? Зачѣмъ пытался принудить ее жить противъ ея воли и сверхъ силъ? Развѣ я не понималъ, что лишь сверхчеловѣческое напряженіе силъ могло позволить ей прожить съ нами два долгихъ года, хлопотать для насъ, улыбаться намъ, хотѣвшимъ улыбаться, играть съ нами, желавшими играть?

Какъ я могъ быть такъ жестокъ? И какъ можно совершать такія жестокости лишь по слѣпотѣ своей?

Всѣ эти вопросы слились подъ конецъ въ одинъ: какъ она могла любить меня, разъ я такъ мучилъ, терзалъ ее, хоть и помимо своей воли?

Рѣшая этотъ вопросъ, я какъ бы входилъ въ образъ ея мыслей, шелъ тѣмъ же путемъ, какимъ шли ея мысли вплоть до того пункта,

гдѣ онѣ уже разошлись съ моими, и мнѣ представлялось, что я дѣлалъ все подобное помимо моей воли, и что она понимала это, и это-то пониманіе и должно было опредѣлить характеръ ея чувствъ ко мнѣ, хотя я до сихъ поръ и не хотѣлъ вѣрить этому. Но настоящаго отвѣта на этотъ вопросъ я никогда не получу. Никогда больше не проснуться ей отъ этого тяжелаго сна! А я съ отчаяніемъ въ душѣ долженъ буду вернуться къ жизни, которая ждетъ меня безъ нея.

Я пытался и представить себѣ ходъ ея мыслей въ то время, какъ она все глубже и глубже опускалась въ лоно смерти. Я какъ будто склонялся самъ и слагалъ всю свою жизнь къ стопамъ смерти, и какъ будто мы оба, и я и Эльза сводили вмѣстѣ наши счеты съ этимъ міромъ. Все вокругъ меня и во мнѣ стало такимъ ошеломляюще-крупнымъ, высокимъ, и я какъ будто не могъ постичь ничего. Но въ этомъ не было ни малѣйшаго утѣшенія, одно отчаяніе разлуки. Часы медленно ползли, и скоро насталъ тотъ моментъ непреодолимой усталости, когда человѣкъ закрываетъ глаза, складываетъ руки и молитъ лишь объ одномъ, чтобы все скорѣе кончилось.

Вдругъ мѣрное дыханіе Эльзы оборвалось, и я почувствовалъ, что сердце во мнѣ замерло. Я подумалъ, что пришла смерть, и выбѣжалъ разбудить мальчиковъ. Они вошли какъ будто и не спали, серьезные, молчаливые, и сѣли у кровати. Въ эту минуту я вспомнилъ, какъ она однажды сказала:

— Когда я буду умирать, я хочу, чтобы возлѣ меня никого не было, кромѣ тебя и мальчиковъ. Я принадлежу вамъ однимъ.

Вотъ мы и сидѣли около нея, какъ она желала. Удивляясь ея легкому дыханію, мы вдругъ замѣтили, что она какъ будто силится открыть глаза, увидали, что она повернула голову къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ портретъ малютки Свена, и услышали ея шепотъ:

— Ненни!

Слабо, тихо произнесла она это слово, но всетаки мы ясно разслышали его. Мы судорожно схватились за руки и прослезились, не отъ горя, а отъ радости, что опять услыхали ея голосъ.

Съ этого момента она знала, что мы около нея. Съ этого момента она какъ будто прощалась съ нами каждой миной, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ. Заслышавъ наши голоса, она приподымала одно вѣко, совсѣмъ, какъ малютка Свенъ, и мы замѣчали, что она узнаетъ насъ и чувствуетъ наши ласки.

Еще разъ назвала она по имени малютку Свена, словно хотѣла сказать, что видѣла его и идетъ къ нему. Но потомъ опять впала въ забытье, и мы сидѣли, затаивъ дыханіе, жадно ловя хоть какой-

нибудь признакъ того, что она еще не покинула насъ совсѣмъ, не ушла отъ насъ навсегда.

Вдругъ она открыла лѣвый глазъ, какъ нѣкогда малютка Свенъ, и ея взглядъ сталъ искать мой. Я наклонился къ ней и увидалъ, что она хотѣла сказать что-то, но не смогла и съ выраженіемъ неописуемой скорби снова впала въ забытье, предшествующее смерти. Много разъ еще пыталась она заговорить. И каждый разъ ея лицо выражало муки безсилія, и съ каждымъ разомъ выраженіе это все больше раздирало мнѣ сердце. Она какъ будто уже не принадлежала намъ больше, но какъ будто имѣла еще что-то сказать намъ передъ своимъ уходомъ отъ насъ навсегда; что-то такое, что̀ ей во что бы то ни стало надо было сообщить передъ своей смертью намъ, остающимся жить послѣ нея. Ужасно было видѣть ея борьбу, и еще ужаснѣе было лишиться этихъ ея послѣднихъ словъ! Я безпрестанно наклонялся къ ней и съ отчаяніемъ шепталъ ей на ухо свои мольбы.

И вдругъ она опять обратила на меня свой одинокій взоръ, и я увидалъ, что она слышитъ меня. Въ лихорадочномъ возбужденіи, какъ будто вся моя будущая жизнь зависѣла отъ ея словъ, я приникъ ухомъ къ ея губамъ.

И тогда я услыхалъ ея шепотъ. Онъ исходилъ какъ будто издалека; никогда не достигалъ до меня изъ такой дали ничей голосъ. Онъ былъ такъ слабъ, что я едва могъ различать звуки. Говорила она какъ будто не голосомъ, а однимъ дыханіемъ. Но все же я ясно разобралъ слова, которыхъ не могъ слышать никто, кромѣ меня.

— Я... люблю... васъ... такъ крѣпко...

Я не могъ удержаться отъ крика боли и почувствовалъ, какъ меня схватили и поддержали чьи-то руки. И этотъ крикъ, вырвавшійся у меня, достигъ слуха умирающей. У нея вырвался словно вздохъ болѣзненнаго отчаянія, дававшій понять, что она слышитъ меня, но не чувствуетъ себя въ силахъ положить свою безжизненную руку на мою голову, утѣшить, успокоить меня. Этотъ вздохъ до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ.

И, чтобы сказать эти немногія слова, она боролась цѣлые часы. Сказавъ же ихъ, она успокоилась. Черты ея обрѣли выраженіе мира. Она ничего болѣе не желала. Она свела свои счеты съ міромъ, высказавъ въ этотъ смертный часъ, какъ сильно она любила мальчиковъ и меня.

Нѣсколько часовъ спустя она навсегда смежила глаза. Безъ агоніи, тихо, покойно, словно погасла догорѣвшая свѣча.

Она жила своей собственной жизнью и умерла своей особенной смертью.

Она была слишкомъ слаба, чтобы бороться со смертью еще въ послѣднія минуты. Она уже довольно долго боролась съ ней раньше.

Но она была достаточно сильна, чтобы дать намъ завѣтъ жить послѣ нея. Ея любовь была сильнѣе смерти.

Благословенна будь ея память!

XIII.

Я вскрылъ письмо, лежавшее въ верхнемъ ящикѣ моего дѣтскаго комодика, стоявшаго въ святилищѣ малютки Свена. И вотъ, что я прочелъ:

«Я столько разъ говорила, что умру, но когда-нибудь, вѣдь, это и случится. Тотъ, кто первый найдетъ эту бумажку, пусть покажетъ ее тому или тѣмъ, кто возьметъ на себя похоронить меня. О, Боже! Если бы я, когда пишу эти строки, была уже такъ близка къ смерти, какъ мое перо къ этой бумагѣ! Я бы охотно пожила еще ради моихъ дорогихъ, которые доставили мнѣ больше счастія, нежели вообще доставляютъ другъ другу люди, и постараюсь пожить, насколько смогу. Но если это мнѣ не удастся—а я чаще всего чувствую, что это такъ и будетъ—то пусть меня одѣнутъ въ мое бѣлое платье. Въ нижнемъ ящикѣ моего комода лежитъ все бѣлье, которое носилъ мой ангелъ Ненни. Если понадобятся полотенца, они тоже тамъ. Но пусть все это положатъ со мной въ гробъ. Пусть со мной положатъ столько его вещей, сколько умѣстится въ гробу. Даже на его мелкихъ, жесткихъ игрушкахъ мнѣ будетъ лежаться мягко.

Еще одно послѣднее желаніе. Если я умру дома, пусть меня положатъ въ комнаткѣ Ненни.

Благодарю за все, за все. Но я была несчастна и не могла жить, несмотря на всю нѣжность и любовь ко мнѣ.

Ваша Эльза».

Ее одѣли въ ея бѣлое платье, котораго она не надѣвала съ тѣхъ поръ, какъ была еще весела и могла радоваться всѣмъ радостямъ земнымъ. Все было сдѣлано по ея желанію, и ея послѣднее ложе было устроено въ комнаткѣ малютки Свена. Тамъ она и лежала въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ распущенными роскошными, черными волосами, окруженная цвѣтами. У изголовья ея, передъ маленькимъ окошечкомъ, возвышалась пурпурная азалія, а вся постель была усыпана чайными розами.

Она смотрѣла спящей, и лицо ея точно помолодѣло въ смерти.

Она ушла къ малюткѣ Свену, какъ сама говорила, и вотъ поче-

му явилась эта книга о «братишкѣ», ставшемъ ангеломъ-хранителемъ своей матери, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ мы надѣялись. Онъ взялъ ее съ собой, когда ушелъ самъ.

XIV.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это книга о борьбѣ со смертью. Это разсказъ о человѣкѣ, который боролся со смертью и былъ побѣжденъ, но не стыдится своего пораженія.

Съ тѣхъ поръ я много странствовалъ; видѣлъ много людей. Но все на свѣтѣ казалось мнѣ чужимъ и мертвымъ, пока я не написалъ этой книги. Я писалъ ее въ свѣтлые, лѣтніе дни тамъ, гдѣ кончаются шхеры и начинается открытое море. И написалъ ее одинокій человѣкъ, который уже больше не одинокъ.

Недѣлями не спускалъ онъ глазъ съ моря, никогда не бывающаго тихимъ, спокойнымъ, какъ и жизнь человѣческая—такая, какою стоитъ жить. И здѣсь научился онъ видѣть, что среди бурнаго моря блещутъ маяки, а если и они потухаютъ, то горятъ надъ нимъ звѣзды небесныя.

Поэту.

Не надо намъ скорби безплодной!
Во тьмѣ безысходныхъ ночей
Пой только о жизни свободной,
О блескѣ весеннихъ лучей.

Плачь сердцемъ, но силою властной
Скрой муки и слезы отъ всѣхъ,—
Пусть въ пѣснѣ могучей и страстной
Мы слышимъ ликующій смѣхъ.

Подъ эти побѣдные звуки
Пробудятся силы въ груди,—
Пойдемъ мы на новыя муки,
Но вѣря, что свѣтъ впереди!

А. Лукьяновъ.

СПРУТЪ*).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ **Франка Норриса.**

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Однажды утромъ ранней весною Лайманъ Деррикъ сидѣлъ въ своей конторѣ въ Санъ-Франциско за массивной, богатой конторкой краснаго дерева и диктовалъ письма своему секретарю, писавшему на машинѣ. Голосъ его, монотонный и глухой, ровно переходилъ отъ одного предложенія,—правильнаго, точнаго, дѣлового,—къ другому.

Онъ продолжалъ диктовать безъ выраженія, размѣренно, отчетливо, медленно раскачиваясь въ качалкѣ, обитой кожей; руки его покоились на ручкахъ, его живые глаза неопредѣленно смотрѣли на календарь, висѣвшій противъ него на стѣнѣ; когда онъ искалъ слова и умолкалъ, они начинали усиленно мигать.

— Пока все,—сказалъ онъ, наконецъ.

Ничего не отвѣчая, женщина-секретарь встала и ушла, воткнувъ за ухо карандашъ, тихо и осторожно притворивъ за собою дверь.

Когда она вышла, Лайманъ всталъ, потянулся и зѣвнулъ, прикрывъ ротъ тремя пальцами. Чтобы размять свои окоченѣвшіе члены, онъ началъ ходить вдоль комнаты, не безъ удовольствія посматривая на ея красивую меблировку, на мягкій красный коверъ, на темно-оливковый цвѣтъ стѣнъ, на нѣсколько цѣнныхъ гравюръ и великолѣпную цвѣтную литографію большого колорадскаго ханьона, на низкіе стулья, обитые кожей, полку книгъ, украшенную бюстомъ Джемса Лика и глобусомъ, корзину изъ крашенныхъ травъ—работа индѣйцевъ Навайо, на массивную серебряную чернильницу и ряды

*) *Русская Мысль*, 1902 г., кн. V.

оловянныхъ коробокъ, внушительныхъ и строгихъ, съ обозначеніемъ именъ кліентовъ, процессовъ и штатовъ.

Ему было около тридцати пяти лѣтъ. Въ противность Херрану, онъ походилъ на свою мать, но былъ темнѣе Анни Деррикъ, и глаза у него были иные—выпуклые, придававшіе ему странное, неожиданное выраженіе. У него были черные волосы, и онъ носилъ усы тонкіе, съ закрученными кончиками.

Онъ былъ одѣтъ тщательно—съ проглаженной складкой на панталонахъ, съ розой въ петличкѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ, въ пиджакѣ изъ грубаго чернаго шевіота, въ двубортномъ жилетѣ съ пуговицами подъ сѣрый жемчугъ. Узелъ широкаго галстука изъ чернаго шелка придерживался маленькой золотой булавкой съ опаломъ и четырьмя крошечными брилліантами.

На одномъ концѣ комнаты были два большія окна съ зеркальными стеклами. Остановившись у одного изъ нихъ, Лайманъ вынулъ изъ рѣзного серебрянаго портсигара папироску, зажегъ ее и стоялъ, глядя въ окно.

Его контора помѣщалась на десятомъ этажѣ «Биржевого дома», великолѣпнаго зданія изъ бѣлаго камня,—оно стояло на Маркетъ-Стритъ и было наиболѣе внушительнымъ сооруженіемъ города.

Подъ нимъ городъ шумно гомозился, электрическіе вагоны останавливались и трогались съ мѣста съ веселымъ звономъ колокольчиковъ и съ рѣзкимъ дребезжаніемъ трясущихся стеколъ. Ломовыя телѣги и экипажи грохотали по мостовой, и звукъ непрерывнаго топота тысячъ ногъ поднимался отъ тротуаровъ. Около фонтана Лотта корзины цвѣточниковъ, нагруженныя кризантемами, фіалками, розами, сиренью, гіацинтами, бросали веселыя краски въ сѣрое однообразіе улицъ.

Но для Лаймана общее впечатлѣніе этого центра городской жизни выражалось не въ кипучей дѣловой дѣятельности. Онъ зналъ, что тамъ царитъ безпрерывный интересъ къ мелочамъ, что народъ этотъ всегда хочетъ, чтобъ его занимали пустяками, упорно отказывается сосредоточиться на серьезныхъ вещахъ; добродушный, легко поддающійся властности, принимающій жизнь легко, великодушный, общительный, увлекающійся, народъ этотъ жилъ изо дня въ день въ мѣстѣ, гдѣ роскошь жизни могла добываться безъ большого усилія; въ городѣ, соединявшемъ неутомимость Нью-Йорка безъ его серьезности, съ веселіемъ Неаполя безъ его томности, романтизмъ Севильи безъ ея живописности.

Когда Лайманъ отошелъ отъ окна, съ тѣмъ, чтобы снова приняться за работу, въ дверяхъ показался конторскій слуга.

— Человѣкъ изъ литографской компаніи, сэръ,—доложилъ онъ.

— Что ему надо?—спросилъ Лайманъ и сейчасъ же прибавилъ.—Впустите его.

Вошелъ молодой человѣкъ съ большой связкой, которую онъ положилъ на стулъ со вздохомъ облегченія.

— Изъ образцовой литографской К°.

— Что это такое?

— Не знаю,—отвѣчалъ посланный,—кажется, карты.

— Мнѣ не нужно картъ. Кто ихъ посылаетъ? Я думаю, что вы ошиблись.

Лайманъ разорвалъ сверху пакета бумагу, вытащилъ верхній бѣлый листъ, сложенный въ восемь разъ, и вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, да, понимаю! Это карты... Но ихъ надо отнести не ко мнѣ, а въ постоянную контору.—Онъ написалъ другой адресъ на пакетѣ и продолжалъ:—отнесите ихъ по этому адресу. Эту я оставлю себѣ, а остальныя отнесите туда. Если вы увидите м-ра Даррела, скажите ему, что м-ръ Деррикъ—вы запомните это имя?—что м-ръ Деррикъ не можетъ быть сегодня, но что онъ проситъ продолжать работу безъ него.

Молодой человѣкъ ушелъ, а Лайманъ разложилъ карту на столъ и задумчиво началъ разсматривать ее.

То была офиціальная карта, составленная желѣзнодорожной коммиссіей Штата Калифорніи. На ней различными цвѣтами—синимъ, зеленымъ, желтымъ—были обозначены желѣзнодорожныя линіи Штата. Но эти синія, зеленыя и желтыя черты были коротки, изолированы, незначительны. Вся карта была покрыта сложной сѣткой красныхъ линій, обозначенныхъ буквами Т. О. и Ю. З. Всѣ онѣ исходили изъ Санъ-Франциско и оттуда расходились къ сѣверу, востоку, югу, во всѣ уголки Штата. Съ верху до низу, по всей картѣ, шло сплетеніе красныхъ линій, настоящая система кровообращенія, сложная, которая раздѣлялась и соединялась, развѣтвлялась, расщеплялась, расширялась, отбрасывала усики, побѣги, которые отходили отъ главной жилы и бѣжали, извиваясь, въ какое-нибудь отдаленное графство, ухватывая какую-нибудь забытую деревню, городокъ.

Карта была бѣлая и казалось, что вся краска, которая могла бы послужить на оживленіе различныхъ графствъ, мѣстечекъ и городовъ, на нихъ обозначенныхъ, пошла на этотъ громадный раскинувшійся организмъ съ его красными артеріями, соединяющимися въ центральную точку. Казалось, что весь Штатъ былъ высосанъ до бѣла и на этомъ безцвѣтномъ фонѣ выступали красныя артеріи чудовища, напухшія отъ крови жизни, простирающіяся до безконечности, вздутыя

до возможности лопнуть; то былъ гигантскій паразитъ, питавшійся жизненными соками всего народнаго богатства.

На верхнемъ углу карты значились имена новыхъ коммиссаровъ: Джонъ Мекъ-Нишъ—для перваго участка, Лайманъ Деррикъ—для второго и Джемсъ Даррель—для третьяго.

Въ концѣ прошлаго года Лайманъ, поддержанный видными людьми въ Санъ-Франциско, подкупленными политическимъ комитетомъ его отца, былъ выбранъ коммиссаромъ вмѣстѣ съ Даррелемъ и Мекъ-Нишемъ, завѣдомымъ кандидатомъ Тихо-Океанской желѣзной дороги. Предполагалось, что Лайманъ представляетъ собою консервативнаго члена коммиссіи; онъ былъ, конечно, кандидатомъ фермеровъ, вѣрнымъ хранителемъ ихъ интересовъ, но человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ, неспособнымъ на необузданные порывы, какъ его товарищи.

Остерману удалось безвозвратно впутать Магнуса въ новую политику. Знаменитая лига, основанная сгоряча въ ночь Анникстеровскаго бала, окрѣпла въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Ея исполнительный комитетъ, съ Магнусомъ въ качествѣ предсѣдателя, былъ поглощенъ, благодаря маневрамъ Остермана, старымъ комитетомъ, состоявшимъ изъ Бродерсона, Анникстера и его самого. Вскорѣ послѣ того Остерманъ отказался отъ предсѣдательства, оставляя Магнуса во главѣ дѣла. И Магнусъ, какъ Остерманъ и разсчитывалъ, принадлежалъ теперь имъ. Новый комитетъ вслѣдствіе этого имѣлъ двѣ цѣли: противустоять попыткѣ желѣзной дороги захватить земли фермеровъ и привести въ исполненіе ихъ тайный планъ выборомъ такихъ коммиссаровъ желѣзно-дорожной коммиссіи, которые составили бы перевозочный тарифъ на пшеницу, выгодный пшеничникамъ Санъ-Жоакина. Дѣла о земляхъ были начаты въ судахъ, и новая оцѣнка—въ двадцать и тридцать долларовъ за акръ вмѣсто двухъ—упорно и яростно оспаривалась. Но произошли задержки, судебная процедура тянулась безконечно, и тѣмъ временемъ комитетъ сосредоточилъ свою дѣятельность на проведеніи «Фермерской коммиссіи».

Херранъ первый предложилъ, чтобы братъ его Лайманъ былъ выставленъ кандидатомъ ихъ участка. Сразу предложеніе это имѣло большой успѣхъ. Лайманъ, казалось, былъ созданъ для такого положенія. Имѣя кровную связь съ фермерами, онъ никогда не отождествлялся съ ними. Онъ воспитывался въ городѣ, желѣзная дорога не будетъ чрезмѣрно подозрительна къ нему. Онъ былъ хорошій юристъ, дѣловой человѣкъ, живой, умный, дальновидный, имѣлъ уже нѣкоторую опытность и въ политическихъ дѣлахъ. Но болѣе того, онъ

былъ сынъ Магнуса Деррика, на него можно было положиться, можно быть убѣжденнымъ, что онъ останется вѣрнымъ дѣлу фермеровъ.

Избирательная кампанія для выбора желѣзнодорожныхъ коммисаровъ представляла большой интересъ. Съ самаго начала комитетъ Магнуса былъ втянутъ въ политику подкуповъ. На первыхъ, общихъ выборахъ, надо было привлечь избирателей на свою сторону во что бы то ни стало, а когда собралась конвенція, нашли нужнымъ немедленно купить голоса нѣкоторыхъ делегатовъ.

О подкупахъ знали только одни члены комитета. Лига, не имѣя понятія о способахъ дѣйствія, думала, что борьба велась честнымъ путемъ.

Закончивъ эти дѣла, Магнусъ цѣлую недѣлю не выходилъ изъ дому, никого не принималъ, извиняясь болѣзнью, что было почти правда. Онъ чувствовалъ невыразимый стыдъ и отвращеніе къ тому, что̀ сдѣлалъ. Онъ не могъ смотрѣть Херрану въ лицо, началъ систематически обманывать жену. Не разъ онъ рѣшалъ порвать со всѣмъ этимъ дѣломъ, подать въ отставку, предоставить другимъ работать безъ него. Но напрасно—онъ былъ связанъ, присоединился къ лигѣ. Онъ былъ главой лиги, и его отступленіе могло привести къ распаденію ея въ моментъ, когда необходимы были всѣ ея силы, чтобы вести судебныя дѣла. Онъ былъ замѣшанъ не только въ политикѣ, но и въ дѣлахъ о захватѣ земель. Устраняясь отъ одного непроведеннаго дѣла, онъ ослаблялъ другое, которое считалъ справедливымъ, какъ сама правда. Онъ безнадежно запутался въ петлѣ, и зло казалось неразрывно связаннымъ съ правомъ. Онъ былъ ослѣпленъ, ошеломленъ, подхваченъ теченіемъ событій и оно несло его неизвѣстно куда. Онъ смирился.

Въ концѣ концовъ, послѣ крикливой оппозиціи желѣзно-дорожныхъ «пѣтуховъ», кандидатура Лаймана была поставлена, и онъ былъ избранъ. Когда вѣсть объ этомъ пришла къ Магнусу, Остерманъ, Бродерсонъ и Анникстеръ уставились другъ на друга. Самыя безумныя мечты не могли предсказать имъ столь легкую побѣду. Представлялось невѣроятнымъ, что желѣзнодорожники позволятъ такъ легко одурачить себя, кинутся сами въ западню. Какъ это случилось?

Остерманъ подбрасывалъ шляпу въ воздухъ съ дикими возгласами восторга; старый Бродерсонъ позволилъ себѣ слабо крикнуть, даже Магнусъ просіялъ отъ удовольствія. Нѣкоторые члены лиги, присутствовавшіе при этомъ, пожимали другъ другу руки и предлагали по этому случаю откупорить парочку бутылокъ. Одинъ Анникстеръ былъ недоволенъ.

— Очень ужъ легко это досталось!—объявилъ онъ.—Нѣтъ, я

недоволенъ... Гдѣ Шельгримъ? Почему не видно нигдѣ его руки, чтобъ чортъ его взялъ? Тутъ было не чисто, я вамъ говорю... Въ этихъ водахъ гдѣ-нибудь большая рыба плаваетъ. Я не знаю имени, я не понимаю ея игры, но она ходитъ вокругъ и около, хотя ея и не видно... Если вы воображаете, что она попалась вамъ въ сѣти—я не воображаю, и дѣло съ концомъ.

Но на него всѣ накинулись. Коммиссія выбрана. Можетъ онъ это отрицать? Въ ней находятся Даррель и Лайманъ Деррикъ, оба связанные съ фермерами. Ничѣмъ онъ, Господи, не доволенъ! Онъ будетъ упрямиться до послѣдняго выстрѣла. Да что! если онъ когда-нибудь утонетъ въ рѣкѣ, такъ мертвый поплыветъ противъ теченія, изъ одного противорѣчія.

Первые мѣсяцы дѣятельности новой коммиссіи пошли на окончаніе работъ, оставшихся отъ старой коммиссіи, и на пополненіе желѣзнодорожной карты. Теперь, когда все это кончили, приходилось приступать къ пересмотру перевозочнаго тарифа на зерно отъ долины Санъ-Жоакина къ морю. И Лайманъ, и Даррель обязались въ среднемъ уменьшить хлѣбный тарифъ на десять процентовъ во всемъ штатѣ.

Въ контору опять вошла секретарша съ письмами для подписи. Лайманъ отложилъ карту въ сторону и принялся за текущія дѣла, раздумывая о томъ, что̀ станется съ его адвокатурой, пока онъ будетъ членомъ фермерской желѣзнодорожной коммиссіи.

Около полудня, въ то время, когда онъ наливалъ себѣ стаканъ содовой воды изъ сифона, стоявшаго на столѣ, его снова побезпокоили. Раздался громкій стукъ въ дверь, которую потомъ сейчасъ же открыли, и вошелъ Магнусъ Деррикъ съ Херраномъ и Презлеемъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — закричалъ Лайманъ, вскакивая съ мѣста и протягивая руки.—Вотъ такъ сюрпризъ! Я не ждалъ васъ раньше вечера. Хотите стаканъ сельтерской воды, хозяинъ?

Гости объяснили, что они пріѣхали наканунѣ вечеромъ, потому что исполнительному комитету лиги адвокаты послали депешу съ увѣдомленіемъ, что судья Санъ-Франциско можетъ постановить рѣшеніе на другой день по дѣлу съ желѣзной дорогой.

Вскорѣ послѣ объявленія о переоцѣнкѣ земель желѣзная дорога предложила фермерамъ, черезъ Бермана, арендовать ими оспариваемыя земли по номинальной цѣнѣ, но предложеніе это было отвергнуто съ негодованіемъ, и желѣзная дорога объявила земли къ продажѣ въ конторѣ Роггльса въ Бонневилѣ. Несмотря на упомянутую огромную цѣну, покупатели немедленно явились,—подставные покупатели, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣйствовавшіе за счетъ желѣзной дороги или Бер-

мана,—люди до того времени неизвѣстные въ графствѣ, люди не имѣвшіе ни имущества, ни денегъ, авантюристы, «пѣтухи». Между ними обращалъ на себя вниманіе Деланей, покупавшій участки желѣзнодорожныхъ земель, входившіе въ ранхо Анникстера.

Комедію запродажи этимъ фиктивнымъ покупщикамъ торжественно разыграли въ конторѣ Роггльса. Лига отказалась пустить покупщиковъ на земли, а желѣзная дорога, вѣрная своему обязательству передъ подставными покупателями, немедленно начала дѣло въ мѣстномъ судѣ о предписаніи очистить запродажныя имѣнія. То была предварительная схватка, рекогносцировка; сражающіеся, чувствуя силу другъ друга, дѣйствовали осторожно, откладывали настоящій, смертельный бой, желая укрѣпить свои позиціи, организовать силы.

Когда тяжба началась въ мѣстномъ судѣ, въ Визаліи, Бермана постоянно видѣли тамъ. Послѣ долгихъ предварительныхъ проволочекъ процессъ тянулся не долго. Фермеры его проиграли. Дѣла были немедленно перенесены въ окружный судъ Санъ-Франциско. Рѣшеніе этого суда ожидалось въ настоящее время.

— Вотъ это новость!—воскликнулъ Лайманъ въ отвѣтъ на объясненіе Магнуса.—Я не думалъ, что они будутъ дѣйствовать такъ быстро. На прошлой недѣлѣ я былъ въ судѣ, и тамъ, казалось, дѣламъ конца нѣтъ. Я думаю вы очень встревожены?

Магнусъ кивнулъ. Онъ сѣлъ на кресло и положилъ на полъ свою высокую сѣрую шляпу съ широкими полями. Его черный сюртукъ, только что вынутый изъ чемодана, былъ смятъ, панталоны натянуты штрипками подъ высокими сапогами. Откинувшись на спинку кресла, онъ съ тайнымъ восторгомъ смотрѣлъ на своихъ сыновей. Въ его глазахъ они оба были образцами, — умные, красивые, способные. Онъ гордился ими безмѣрно. Никогда онъ не бывалъ такъ счастливъ, такъ почти веселъ, какъ въ обществѣ своихъ двухъ сыновей. Онъ искренно думалъ, что они самые прекрасные молодые люди всей націи.

— Я думаю, что въ этой инстанціи мы выиграемъ, — замѣтилъ Херранъ, глядя на то, какъ лопаются пузырьки у него въ стаканѣ.— Слѣдствіе было произведено гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ во время процесса въ Визаліи. Теперь наше дѣло ясно... Къ тому же оно вызвало слишкомъ много толковъ... Не посмѣетъ судъ постановить приговоръ въ пользу желѣзной дороги.

— Ну, все это мы узнаемъ черезъ нѣсколько часовъ,—замѣтилъ Магнусъ.

— Какъ?— воскликнулъ Лайманъ съ удивленіемъ, — дѣло разбирается сегодня утромъ? Отчего же вы не пошли въ судъ?

— Это было бы недостойно,— отвѣчалъ хозяинъ. — Мы и безъ того скоро все узнаемъ.

— Господи, Боже мой!— вдругъ воскликнулъ Херранъ,—подумать только, что̀ тутъ замѣшано, Лайманъ, — нашъ домъ, усадьба, почти весь Лосъ-Муэртосъ, въ сущности все наше состояніе, и какъ разъ теперь, когда предвидится огромный урожай на пшеницу. И это касается не насъ однихъ: около полмилліона акровъ земли санъ-жоакинской долины замѣшаны въ это дѣло. Относительно нѣкоторыхъ мелкихъ фермеровъ можно сказать, что это конфискація всей ихъ земли. Если процессъ будетъ проигранъ, болѣе ста человѣкъ останутся нищими. У Бродерсона тысячи акровъ не останется. Вѣдь это чудовищно...

— Компанія предлагала аренду этихъ земель, — замѣтилъ Лайманъ.—Кто-нибудь изъ фермеровъ принялъ это предложеніе? Или, можетъ быть, кто-нибудь сразу покупаетъ землю?

— Покупаетъ! По новымъ цѣнамъ!—воскликнулъ Херранъ,— по двадцати и тридцати долларовъ за акръ! Да изъ десяти—одного человѣка не найдется, который можетъ это сдѣлать. А что касается аренды,—аренды земли, которая имъ принадлежитъ,—нѣтъ, слава Богу, это мало кто сдѣлаетъ... Это значило бы признать за дорогою право владѣнія, укрѣпить за ней окончательно это право. Ни одинъ членъ *лиги* этого не сдѣлаетъ, я увѣренъ. Это была бы самая низкая измѣна.

Онъ остановился на минуту, допилъ остатокъ минеральной воды въ стаканѣ и, прерывая Лаймана, изъ приличія заговорившаго съ Презлеемъ, продолжалъ:

— Теперь дѣло подходитъ къ кризису... Или панъ, или пропалъ—вотъ какъ, безъ сомнѣнія, стоятъ дѣла пшеничниковъ въ штатѣ. Земельные процессы и новый перевозочный тарифъ—обѣ вещи подошли къ одному времени. Если мы выиграемъ процессъ, сто̀итъ вамъ выработать новый тарифъ, тогда дѣло въ шляпѣ. Весь Санъ-Жоакинъ съ ума сойдетъ отъ радости, если мы одолѣемъ, а я думаю, что мы одолѣемъ.

— На каждомъ шагу насъ, земледѣльцевъ, эксплуатируютъ, ловятъ и обманываютъ,—грустно замѣтилъ Магнусъ.—Судьи, капиталисты, желѣзныя дороги—всѣ стараются ослѣпить насъ какимъ-нибудь новымъ и удивительнымъ планомъ, и все только для того, чтобы въ концѣ концовъ насъ же обмануть. Ну,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Лайману,—на одно, по крайней мѣрѣ, мы можемъ разсчитывать. Мы сбавимъ перевозочный тарифъ... а, Лайманъ?

Лайманъ скрестилъ ноги и плотнѣе усѣлся въ своемъ конторскомъ креслѣ.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ, сэръ,—сказалъ онъ.—Да, мы сбавимъ тарифъ, въ среднемъ на десять процентовъ во всемъ штатѣ, какъ мы и обязались. Но я долженъ предупредить васъ, хозяинъ,—и тебя, Херранъ,—не ожидать сразу многаго. Человѣкъ, который послѣ двадцатилѣтней опытности въ желѣзнодорожныхъ операціяхъ сумѣетъ составить справедливую и удобную таблицу цѣнъ перевозки между портами и центральнымъ пунктомъ, способенъ уже управлять Соединенными Штатами. Что же касается маленькихъ линій, арендованныхъ линій, передаточныхъ пунктовъ, и законовъ, управляющихъ общей перевозкой, и правилъ торговой коммиссіи внутри штата—все это до такой степени осложнилось, что самому Вандербильду не подъ силу привести это въ порядокъ. Какъ же можно ожидать, чтобы коммиссія, какъ наша, напримѣръ,—скажемъ откровенно,—которая выбрана изъ людей не знающихъ разницы между кладью, перевозимой съ одного пути на другой, и диференціальнымъ тарифомъ, могла въ теченіе шести мѣсяцевъ упорядочить все предпріятіе? Уменьшить тарифъ... да, это всякій дуракъ можетъ сдѣлать; любой дуракъ можетъ написать одинъ долларъ вмѣсто двухъ, но если вы понизите цѣны слишкомъ, хотя бы на одну сотую, желѣзная дорога можетъ добиться предписанія пріостановить введеніе тарифа и доказать, что при вашихъ новыхъ цѣнахъ желѣзная дорога не можетъ быть эксплоатирована съ прибылью. Къ чему это послужитъ?

— Твоя добросовѣстность дѣлаетъ тебѣ честь, Лайманъ,—сказалъ хозяинъ.—Я уважаю тебя за это, сынъ. Я знаю, что ты будешь честно относиться къ интересамъ желѣзной дороги. Это все, что намъ надо: честное отношеніе къ компаніи и честное отношеніе къ фермерамъ. Дѣйствуйте медленно. Мы можемъ ждать.

— А представьте себѣ, что слѣдующая коммиссія будетъ выбрана дорогой и снова измѣнитъ цѣны.

Бывшій золотопромышленникъ, азартный игрокъ въ покеръ, позволилъ себѣ быстро подмигнуть глазомъ.

— Ну, тогда ужъ поздно будетъ... Мы всѣ тогда уже составимъ себѣ состояніе.

Это замѣчаніе безспорно удивило Презлея. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ страннымъ противорѣчіямъ характера Магнуса. По природѣ Магнусъ былъ общественный дѣятель, разсудительный, осторожный, твердый въ принципахъ, но въ рѣдкіе моменты короткія замѣчанія, вродѣ сказаннаго, обнаруживали его вторую натуру, опро-

метчивую, непослѣдовательную, совершенно противоположную его убѣжденіямъ и правиламъ. Въ глубинѣ души Магнусъ оставался сороко-девятникомъ, и духъ авантюриста еще жилъ въ его сердцѣ. «Къ тому времени мы составимъ состояніе!»—въ этомъ онъ сказался. При всѣхъ своихъ общественныхъ стремленіяхъ, въ борьбѣ за справедливость и правду, при уваженіи къ закону, Магнусъ оставался игрокомъ, готовымъ рискнуть состояніемъ, чтобы выиграть милліонъ. Въ немъ сказался калифорнскій духъ, духъ Запада, чуждый деталямъ, не желавшій ждать, терпѣть, достигать цѣлей кропотливымъ трудомъ. Несмотря ни на что, инстинктъ золотоискателя, находившаго состояніе въ одну ночь, бралъ перевѣсъ. Съ этимъ же духомъ Магнусъ и множество другихъ фермеровъ обрабатывали свои ранхо. Земли своей они не любили, не были привязаны къ ней. Они обрабатывали ранхо, какъ четверть столѣтія тому назадъ разрабатывали свои копи; сберегать удивительные рессурсы Санъ-Жоакина они считали скаредностью, мелочностью. Все взять изъ земли, досуха выжать ее, истощить ее, казалось, составляло ихъ цѣль. И когда, наконецъ, истощенная земля перестанетъ давать доходъ—они вложатъ свои деньги въ другое предпріятіе; къ тому времени они составятъ состояніе. Имъ было все равно—«послѣ насъ потопъ».

Лайманъ, видимо, чувствовалъ себя неловко, желалъ перемѣнить разговоръ. Онъ всталъ, выдергивая свои манжетки.

— Кстати,—сказалъ онъ,—я бы хотѣлъ, чтобы вы всѣ трое завтракали со мною сегодня въ моемъ клубѣ. Это тутъ рядомъ. Тамъ вы можете ждать рѣшеніе суда какъ и въ другомъ мѣстѣ, а мнѣ хочется показать вамъ этотъ клубъ. Я только что сдѣлался членомъ.

Въ клубѣ, когда четверо мужчинъ усѣлись за небольшимъ столомъ въ главной комнатѣ, стало очевидно, до какой степени Лайманъ популяренъ. Не было почти ни одного человѣка, который не поклонился бы ему, входя, а многіе подходили, здоровались. Онъ былъ дружелюбенъ со всѣми, привѣтливъ со всѣми, даже съ тѣми, которыхъ не любилъ.

— Посмотрите вонъ на этого субъекта,—сказалъ онъ Магнусу, указывая на человѣка среднихъ лѣтъ, пестро одѣтаго, у котораго были больные глаза, длинные волосы и перхоть на бархатномъ воротникѣ пиджака,—это Хартратъ, артистъ, человѣкъ совершенно неприличный. Не могу себѣ представить, какъ онъ попалъ сюда.

Но когда Хартратъ подошелъ поздороваться съ Лайманомъ, Лайманъ отвѣтилъ на привѣтствіе такъ сердечно, что лучшій другъ его не могъ разсчитывать на большее.

— На кой же чортъ ты съ нимъ дружишь?—спросилъ Херранъ, когда художникъ отошелъ отъ нихъ.

Лайманъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, а сущность дѣла заключалась въ томъ, что старшаго сына Магнуса пожирало честолюбіе. Онъ мечталъ о политической карьерѣ, а для осуществленія этой мечты нужнѣе всего была популярность. Надобно было привлечь на свою сторону всякаго человѣка, имѣвшаго право голоса. Онъ задался цѣлью стать извѣстнымъ во всей общинѣ. Онъ никогда не забывалъ ни одного имени, ни одного лица. Со всѣми онъ былъ ласковымъ человѣкомъ. Его честолюбіе не было заурядnымъ—въ своемъ презрѣніи къ маленькимъ вещамъ онъ походилъ на отца. Муниципальная служба не привлекала его, онъ мѣтилъ выше. Онъ былъ уже атторнеемъ шерифа, помощникомъ окружного атторнея и желѣзно-дорожнымъ коммиссаромъ. Онъ могъ бы сдѣлаться и окружнымъ атторнеемъ и какъ разъ теперь ему представлялся вопросъ, выгодно ли ему занять это мѣсто? Лайманъ хотѣлъ большаго, чѣмъ положеніе окружного атторнея, большаго чѣмъ положеніе сенатора штата и даже члена конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Онъ хотѣлъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть и его отецъ—губернаторомъ штата. И съ этой цѣлью онъ работалъ медленно, съ неуклоннымъ упорствомъ инфузоріи, строющей коралловый рифъ.

Послѣ завтрака Лайманъ велѣлъ подать сигаръ и ликеры и снова вернулся съ своими тремя гостями въ главную залу клуба. Но ихъ прежнее мѣсто было занято. За ихъ столомъ сидѣлъ и курилъ длинную, тонкую сигару человѣкъ среднихъ лѣтъ съ просѣдью, въ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ, своими манерами почему-то напоминавшій морского офицера въ отставкѣ. При видѣ его Презлей оживился и воскликнулъ:

— Да это, кажется, м-ръ Сидерквистъ?

— Сидерквистъ?—переспросилъ Лайманъ.—Я его очень хорошо знаю. Да, это онъ. Хозяинъ, вы должны съ нимъ познакомиться. Вамъ будетъ интересно поговорить съ нимъ. Онъ былъ во главѣ большого дѣла «Литейный заводъ Атласъ». Они его недавно закрыли, вы знаете. Нельзя сказать, что дѣло не удалось, но не давало достаточнаго дохода, и Сидерквистъ закрылъ заводъ. У него есть другія дѣла, онъ очень богатый человѣкъ—крупный капиталистъ.

Лайманъ подвелъ своихъ гостей къ господину, о которомъ шла рѣчь, и представилъ ихъ.

— М-ръ Магнусъ Деррикъ,—сказалъ Сидерквистъ, удерживая руку хозяина.—Я давно знаю васъ по наслышкѣ, сэръ. Для меня большое удовольствіе встрѣтиться съ вами, увѣряю васъ. Потомъ,

обратившись къ Презлею, онъ прибавилъ: — здравствуйте, Пресъ, милый мой. Ну, какъ подвигается ваша большая, самая большая поэма?

— Она совсѣмъ не подвигается, сэръ,—отвѣчалъ Презлей съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.—Я въ сущности почти отказался отъ мысли ее написать. Теперь такъ много интереса возбуждаетъ то, что можно назвать «жизненными исходами» въ Лосъ-Муэртосѣ, что я съ каждымъ днемъ удаляюсь отъ нея.

— Я думаю!—сказалъ фабрикантъ, обращаясь къ Магнусу.—Я слѣжу съ величайшимъ интересомъ за вашей борьбой съ Шельгримомъ, м-ръ Деррикъ. Онъ поднялъ свой стаканъ съ виски и сельтерской водой. Желаю вамъ успѣха.

Когда онъ поставилъ стаканъ, къ нимъ безъ всякаго приглашенія подошелъ Хартратъ, подъ предлогомъ разговора съ Лайманомъ. Онъ считалъ, что Лайманъ имѣетъ силу въ городской думѣ. Въ связи съ проектомъ устроить благотворительный базаръ въ милліонъ долларовъ и праздникъ цвѣтовъ, о чемъ тогда говорилъ цѣлый городъ, предполагалось поставить нѣсколько статуй, и Хартратъ просилъ Лаймана поддержать своимъ вліяніемъ одного пріятеля скульптора, который добивался мѣста художественнаго распорядителя въ этомъ дѣлѣ. Хартратъ относился съ энтузіазмомъ и къ базару, и къ празднику цвѣтовъ. Онъ началъ говорить, жестикулируя и моргая своими воспаленными глазами.

— Милліонъ долларовъ!—воскликнулъ онъ.—А! подумайте-ка объ этомъ. И знаете ли вы, что мы уже теперь имѣемъ около пятисотъ тысячъ? Вотъ и разговаривайте теперь о чувствѣ общественности, господа. Это самый общественный городъ на всемъ континентѣ. И это не брошенныя деньги. Сюда пріѣдутъ гости съ востока тысячами, капиталисты—люди, у которыхъ есть деньги для помѣщенія. Милліонъ, который мы истратимъ на базаръ, останется у насъ въ карманахъ. Ахъ, если бы вы видѣли, какъ дамы принялись за дѣло! Онѣ устраиваютъ въ пользу основнаго фонда всевозможныя развлеченія — школы стариннаго пѣнія, любительскіе спектакли, пряничные fêtes; а дѣловые люди также сыплютъ деньги, какъ воду льютъ! Это удивительно, удивительно... видѣть такое патріотически настроенное общество.

Фабрикантъ Сидерквистъ смотрѣлъ на художника съ меланхолическимъ любопытствомъ.

— А сколько они дадутъ,—сказалъ онъ,—ваши пряничныя дамы и капиталисты, общественно настроенные, на взрывъ развалинъ чугунно-литейнаго завода Атласъ?

— На взрывъ? Не понимаю,—пробормоталъ удивленный художникъ.

— Когда вы заманите сюда восточныхъ капиталистовъ на свой базаръ въ милліонъ долларовъ,—продолжалъ Сидерквистъ, я думаю, вы не предполагаете показать имъ литейню въ милліонъ долларовъ, которая не работаетъ, благодаря равнодушію дѣловыхъ людей Санъ-Франциско? Они, пожалуй, начнутъ разспрашивать, ваши капиталисты, и намъ придется отвѣтить, что наши дѣловые люди предпочитаютъ употреблять свои деньги на скупку всего хлѣба или помѣщаютъ ихъ въ государственныя облигаціи, чѣмъ давать ихъ на поддержаніе полезнаго индустріальнаго предпріятія. Мы не нуждаемся въ базарѣ. Мы нуждаемся въ дѣйствующихъ горнахъ. Мы не нуждаемся ни въ статуяхъ, ни въ фонтанахъ, ни въ расширеніи парковъ, ни въ пряничныхъ fêtes. Намъ нужны дѣловыя предпріятія... Какъ это похоже на насъ! Какъ похоже!—грустно воскликнулъ онъ.—Какое печальное зрѣлище! Санъ-Франциско! Развѣ это городъ?—Это увеселительное мѣсто среди дороги. Калифорнія любитъ, чтобъ ее дурачили. Вы думаете, Шельгримъ могъ бы превратить всю Санъ-Жоакинскую долину въ свой задній дворъ, если бы это было не такъ? Равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ,—полнѣйшее равнодушіе, вотъ чѣмъ мы всѣ отличаемся. Нашъ штатъ—это рай шарлатановъ. Вы и вашъ милліонный базаръ! Онъ обратился къ Хартрату съ спокойной улыбкой: такіе люди, какъ вы, м-ръ Хартратъ, наша погибель. Вы устраиваете приманки изъ мишуры и картона, надѣваете дурацкіе колпаки и погремушки и бьете въ гонги на перекресткахъ, и толпа кричитъ и кидаетъ деньги вамъ въ шляпы. Вотъ пряничный fête... да, я видѣлъ его въ полномъ ходу прошлымъ вечеромъ на землѣ одной изъ вашихъ дамъ на Соттеръ-стритѣ. Я ѣхалъ домой съ послѣдняго засѣданія комитета компаніи «Атласъ». Пряничный fête, Господи Боже мой! а Атласъ прекращаетъ дѣла по недостатку денежной поддержки. Тратить милліонъ долларовъ на привлеченіе восточнаго капиталиста, для того, чтобъ показать ему покинутый прокатный заводъ, на которомъ продаютъ оставшійся матеріалъ и стальной ломъ.

Лайманъ вмѣшался, потому что положеніе становилось щекотливымъ. Онъ старался примирить три враждующіе элемента—фабриканта, артиста и фермера. Но Хартратъ, не желая подвергаться общей враждебности, удалился. Его картина—«Этюдъ холмовъ Контра Коста»—разыгрывалась въ клубѣ въ пользу базара. Онъ самъ завѣдовалъ устройствомъ лоттереи.

Сидерквистъ смотрѣлъ ему вслѣдъ съ задумчивымъ любопыт-

ствомъ; потомъ, обращаясь къ Магнусу, извинился за рѣзкость своихъ выраженій.

— Онъ ничѣмъ не хуже многихъ другихъ,—сказалъ онъ,—а народъ этого штата только немногимъ болѣе взбалмошенъ, чѣмъ остальные американцы.

Это былъ его любимый предметъ разговора. Теперь, увѣренный въ симпатіи слушателей, онъ продолжалъ:

— Если бы меня попросили назвать самое кричащее зло американской жизни, м-ръ Деррикъ, я бы указалъ на равнодушіе лучшихъ людей къ общественнымъ дѣламъ. И то же самое происходитъ во всѣхъ большихъ центрахъ. Слава Богу, мало ли большихъ трёстовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ нашей милой тихо-океанской и югозападной желѣзной дороги. Каждый штатъ имѣетъ свое бѣдствіе. Если не желѣзно-дорожный, то сахарный, масляный, мануфактурный трёстъ эксплуатируетъ народъ, только потому, *что народъ позволяетъ это*. Равнодушіе народа—счастье деспота. Это такъ вѣрно и это такая старая истина, что сдѣлалась ходячей, смѣшной. Теперь ею пренебрегаютъ въ пользу нѣкоторыхъ новыхъ, остроумныхъ и сложныхъ теорій, необыкновенныхъ плановъ реорганизаціи, но тѣмъ не менѣе всетаки остается простой, основной, неизмѣнный фактъ: стоитъ народу сказать «нѣтъ!»—и самая сильная тиранія, политическая, религіозная или экономичекая, когда-либо организовавшаяся, и недѣли не проживетъ.

Собесѣдники слушали внимательно и молча утвердительно качали головами при послѣднихъ словахъ фабриканта.

— Это одна изъ причинъ, м-ръ Деррикъ,—продолжалъ онъ,—по которой мнѣ пріятно было встрѣтиться съ вами. Вы и ваша лига, вы пытаетесь сказать трёсту—«нѣтъ». Я надѣюсь, что вамъ удастся... Если вашъ примѣръ привлечетъ народъ на вашу сторону—вы побѣдите. Иначе...

Онъ покачалъ головой.

— Одна часть борьбы должна быть кончена сегодня,—сказалъ Магнусъ.—Мы съ сыновьями ждемъ сегодня рѣшенія суда по нашему дѣлу.

— Мы съ вами, м-ръ Деррикъ, оба борцы,—сказалъ Сидерквистъ.—Каждый изъ насъ борется съ своимъ врагомъ. Обоихъ насъ, и фермера, и фабриканта, перетираютъ два жернова—общественная летаргія и натискъ трёста, эти два зла современной Америки. Пресъ, милый мой, вотъ вамъ ваша эпическая поэма, совсѣмъ готовая.

Но у Сидерквиста было другое на умѣ. Рѣдко ему представлялся

такой благопріятный случай высказаться, изложить свои теоріи, свои планы. Онъ продолжалъ, обращаясь къ Магнусу:

— По счастію, компанія Атласъ была не единственнымъ моимъ предпріятіемъ. Постройка кораблей — вотъ что было моей мечтой, м-ръ Деррикъ, кораблей для перевозки американской пшеницы. Я много лѣтъ изучалъ вопросъ объ американской пшеницѣ и, наконецъ, выработалъ теорію... Я вамъ сейчасъ это объясню: въ настоящій моментъ вся наша пшеница идетъ въ Ливерпуль и изъ этого порта расходится по всѣму свѣту. Но настанетъ перемѣна, въ этомъ я увѣренъ. Вы, молодые люди, — онъ обратился къ Презлею, Херрану и Лайману, — вы до нее доживете. Наше столѣтіе почти кончилось. Великое слово девятнадцатаго вѣка — производство; великое слово двадцатаго вѣка будетъ, повѣрьте мнѣ, молодые люди,—рынки. Европа, въ качествѣ рынка для нашего гражданства,— возьмемъ лучше конкретный примѣръ—въ качествѣ рынка для нашей *пшеницы*, Европа почти не считается. Въ Европѣ народонаселеніе не довольно быстро увеличивается, чтобы соотвѣтствовать росту нашего производства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—во Франціи, напримѣръ,—населеніе совсѣмъ не увеличивается. Между тѣмъ *мы* продолжаемъ производить пшеницу въ огромномъ количествѣ. Результатомъ этого явилось перепроизводство. Мы поставляемъ больше, чѣмъ Европа можетъ съѣсть, и цѣны понижаются. Помочь этому должно не урѣзываніемъ нашихъ площадей засѣва, а *новыми рынками, большими рынками*. Годами мы посылали нашу пшеницу съ востока на западъ, изъ Калифорніи въ Европу. Но настанетъ время, когда мы станемъ посылать съ запада на востокъ. Мы должны идти съ ходомъ владычества, а не противъ этого хода. Я хочу сказать, что мы должны стремиться въ Китай. Въ Китаѣ рисъ теряетъ свои питательныя свойства, а между тѣмъ азіаты должны питаться, если не рисомъ, то пшеницей. Такъ вотъ, м-ръ Деррикъ, если бы половина населенія Китая съѣдала полунца муки въ день на каждаго человѣка, то всѣхъ нашихъ калифорнскихъ посѣвовъ нехватило бы на это... Ахъ, если бы я только могъ вбить это въ голову каждаго фермера Санъ-Жоакина, да, и каждаго владѣльца Дакоты и Миннезоты!... Посылайте свою пшеницу въ Китай; заправляйте дѣломъ сами; устраните посредниковъ; порвите съ синдикатами чикагскихъ пшеничныхъ складовъ, элеваторовъ. Какъ только, снабжая Китай, вы уменьшите посылки въ Европу, результатъ получится немедленно. Въ Европѣ цѣны повышаются, не вліяя на цѣны въ Китаѣ. Мы держимъ ключъ въ своихъ рукахъ, пшеница у насъ, ея у насъ безконечно больше, чѣмъ мы можемъ съѣсть. И Азія, и Европа должны

обращаться къ Америкѣ за пропитаніемъ. Какое безразсудство продолжать наводнять Европу излишкомъ нашей пищи, когда востокъ дрожитъ на краю голодной смерти!

Сидерквистъ и Магнусъ продолжали разговоръ еще нѣкоторое время. Мысль фабриканта была нова для Магнуса, онъ былъ ею очень заинтересованъ, и, откинувшись на спинку, задумался, потирая переносицу пальцемъ. Сидерквистъ обратился къ Херрану, подробно разспрашивая его о положеніи фермеровъ въ Санъ-Жоакинѣ. Лайманъ продолжалъ держаться въ вѣжливомъ отдаленіи и по временамъ зѣвалъ, прикрывая ротъ тремя пальцами, а Презлей былъ предоставленъ своимъ мыслямъ.

Было время, когда дѣла и печали его знакомыхъ фермеровъ вызывали въ немъ одно отвращеніе. Мысль его была поглощена великой эпической поэмой Запада, и онъ держался въ сторонѣ, презирая то, что ему хотѣлось считать ихъ мелкими ссорами. Но сцена на балу Анникстера задѣла его за живое, создала подъемъ духа, онъ трепеталъ отъ волненія всѣ послѣдующіе мѣсяцы. Онъ отказался отъ мысли писать эпическую поэму и въ теченіе шести мѣсяцевъ не написалъ ни строчки. День за днемъ его волненіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ отношенія между трёстомъ и лигой становились болѣе натянутыми. Онъ видѣлъ это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ—видѣлъ, что это стародавняя борьба между свободой и тираніей, и ненависть къ желѣзной дорогѣ трясла его, какъ сухую былинку, а равнодушіе людей къ этой ссорѣ наполняло его слѣпымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ однажды Веннеми, что долженъ найти исходъ въ выраженіи всего этого, иначе онъ задохнется, и началъ вести дневникъ. Иногда ежедневно, иногда три-четыре раза въ мѣсяцъ онъ записывалъ свои мысли и идеи, по мѣрѣ того, какъ зарождалась потребность высказаться. Онъ забросилъ всѣ свои книги стихотвореній—Мильтона, Теннисона, Браунинга, даже Гомера—и принялся за Милля, Мальтуса, Юнга, Генри Джорджа, Шопенгауэра. Онъ приступилъ къ изученію вопроса соціальныхъ отношеній съ безпредѣльнымъ воодушевленіемъ, скорѣе глоталъ книги, чѣмъ читалъ ихъ, въ головѣ его образовалось смѣшеніе противорѣчивыхъ понятій, и онъ вышелъ изъ всего этого истощеннымъ отъ перенапряженія, полный ярости противъ несправедливости и гнета, но не будучи въ состояніи сформировать никакого здраваго рѣшенія вопроса.

Окурокъ папироски обжегъ ему палецъ, и это вывело его изъ задумчивости. Закуривая другую папироску, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ въ комнатѣ двухъ прекрасно одѣтыхъ молодыхъ женщинъ въ сопровожденіи пожилого человѣка въ длинномъ черномъ сюртукѣ, ко-

торые стояли противъ картины Хартрата и разсматривали ее. Презлей самъ былъ членомъ этого клуба и зналъ, что присутствіе въ немъ женщинъ допускалось только въ исключительныхъ случаяхъ. Онъ хотѣлъ спросить у Лаймана объясненія, но тотъ тоже увидѣлъ женщинъ и воскликнулъ:

— Я совсѣмъ забылъ! Сегодня, должно быть, дамскій день.

— Ну, да,—сказалъ Сидерквистъ, глядя на женщинъ черезъ плечо.—Развѣ вы не знали? Ихъ допускаютъ сюда два раза въ годъ, а сегодня есть еще и другой поводъ: онѣ сегодня разыгрываютъ въ лоттерею картину Хартрата въ пользу пряничной ярмарки. Да вы совсѣмъ отстали, Лайманъ. Это священный и религіозный обрядъ—важное общественное событіе.

— Конечно, конечно...—бормоталъ Лайманъ.

Онъ украдкой посмотрѣлъ на Херрана и Магнуса. Несомнѣнно, ни его отецъ, ни братъ не были одѣты соотвѣтственно предстоящему случаю. Какую онъ сдѣлалъ глупость! Магнусъ всегда обращалъ на себя вниманіе, а теперь тѣмъ болѣе въ своихъ панталонахъ со штрипками и въ измятомъ сюртукѣ... Лайманъ нервнымъ движеніемъ руки вытащилъ наружу манжетки и взглянулъ во второй разъ на розовое лицо брата, его вьющіеся бѣлокурые волосы и платье деревенскаго покроя. Но дѣлать было нечего.

— Это дамскій день,—сказалъ онъ,—я очень радъ, хозяинъ, что вы попали на него. Мы можемъ остаться здѣсь. Мы отлично увидимъ отсюда всю толпу. Это прекрасный случай увидѣть всѣхъ крупныхъ людей города. Вы ожидаете свое семейство, м-ръ Сидерквистъ?

— Моя жена, можетъ быть, будетъ, дочери тоже,—отвѣчалъ фабрикантъ.

— А!...—пробормоталъ Презлей,—тѣмъ лучше. Я хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе посѣтить вашихъ дочерей сегодня, м-ръ Сидерквистъ.

— Вы можете избавиться отъ этого безпокойства, Пресъ, вы ихъ увидите здѣсь.

Приглашенія, вѣроятно, были сдѣланы къ часу дня, потому что между часомъ и двумя гости прибывали непрерывно. Сидя на круглой террасѣ, Магнусъ, его сыновья и Презлей смотрѣли на входившихъ посѣтителей съ большимъ любопытствомъ. Сидерквистъ ушелъ, говоря, что онъ долженъ разыскать своихъ дамъ.

Изъ десяти пріѣзжавшихъ гостей, по крайней мѣрѣ, семь были дамы. Онѣ входили въ комнату—въ это непривычное для нихъ мужское помѣщеніе, гдѣ ихъ мужья, братья и сыновья проводили такъ много времени—съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, нервно, искоса

поглядывая по сторонамъ и поворачивая голову, какъ куры, отважившіяся на чужое гумно. Онѣ входили группами, вводимыя членомъ клуба, который принималъ ихъ съ глубокими поклонами и выраженіями почтенія, показывалъ различные интересные предметы—картины, бюсты, украшавшіе комнату. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Бонневилля, Гвадалаяры и Анникстеровскаго бала, Презлей поражался красотой женщинъ и изяществомъ ихъ туалетовъ. Толпа быстро росла. Поднялся говоръ негромкій, пріятный, смѣшанный съ нѣжнымъ шелестомъ шелка, гренадина, бархата. Въ воздухѣ распространился запахъ Violette de Parme и Peau d'Espagne. Цвѣтныя пятна въ гармоничномъ подборѣ оттѣнковъ то виднѣлись, то исчезали въ медленно двигавшейся толпѣ—пятна бархата перловаго цвѣта, свѣтло-фіолетовый крепъ, желтоватое кружево.

Никого другъ другу не представляли, всѣ были знакомы между собою; не было ни неловкости, ни стѣсненія, и все общество, казалось, испытывало утонченное удовольствіе. Разговоръ завязывался свободно и естественно безъ остановки и перерывовъ, остроумный, пріятный, легкій; у всякаго былъ готовъ отвѣтъ на вопросъ. Въ разговоръ двоихъ любезно вмѣшивался третій, четвертый... Образовывались маленькія группы, которыя раздѣлялись или присоединялись къ другимъ группамъ, или расходились на отдѣльныя пары и исчезали въ заднихъ рядахъ толпы; и все дѣлалось гладко, увѣренно, само собою, декоративно, тактично, благовоспитанно.

Въ отдаленіи и негромко струнный оркестръ издавалъ пріятный гулъ. Лакеи съ мѣдными пуговицами на фракахъ, переходили отъ одной группы къ другой, молчаливые и незамѣтные, разнося напитки и мороженое.

Центральнымъ пунктомъ собранія было маленькое пространство передъ картиною Хартрата. Она называлась «Этюдъ холмовъ Контра-Коста» и была вставлена въ рамку натуральнаго краснаго дерева, на которомъ оставалась кора. Она была очень велика и поставлена на видномъ мѣстѣ, съ правой стороны отъ входа въ главную залу клуба. На переднемъ планѣ слѣва, подъ тѣнью каменнаго дуба, стояла пара рыжеватыхъ коровъ, по колѣни погруженныхъ въ островокъ желтыхъ маковъ, а съ правой стороны, для уравновѣшенности композиціи, помѣщена была дѣвушка въ розовомъ платьѣ, бѣломъ чепцѣ, тѣни котораго обозначались широкими свѣтло-голубыми мазками. Дамы разсматривали картину съ восторженнымъ говоромъ, пускали въ ходъ заученыя фразы, стараясь соблюсти точную мѣру между великодушной похвалой и критической оцѣнкой, и выражали свои мнѣнія языкомъ книгъ по искусству и рисовальныхъ классовъ. Онѣ

говорили объ атмосферныхъ эффектахъ, «chiaro-oscuro», ракурсахъ, разложеніи свѣтовыхъ лучей, о подчиненіи индивидуальности точной передачѣ природы.

Одна высокая молодая дѣвушка съ почти бѣлыми волосами, такъ они были свѣтлы, замѣтила, что широкой манерой картина напоминаетъ ей Коро, на что ея подруга, смотрѣвшая въ золотой лорнетъ, повѣшенный на длинную цѣпочку черезъ шею, отвѣтила:

— Нѣтъ! Millet, можетъ быть, но не Коро.

Этотъ приговоръ имѣлъ огромный успѣхъ и переходилъ отъ одной группы къ другой. Въ немъ заключалось тонкое различіе, которое сразу убѣждало. Сперва рѣшили, что рыжія коровы картины напоминаютъ Дабиньи, а широкая манера писать—Милле, но что общее впечатлѣніе *не вполнѣ* соотвѣтствуетъ Коро.

Презлей, заинтересованный картиной, о которой такъ много говорили, подошелъ ближе и черезъ плечи зрителей старался разглядѣть этотъ клочочекъ рыжихъ коровъ, дѣвушку или голубые холмы. Вдругъ онъ услышалъ надъ ухомъ голосъ Сидерквиста и, повернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ фабрикантомъ, его женою и дочерьми. Начались привѣтствія, Презлей пожималъ всѣмъ руки, выражая свое удовольствіе при видѣ старыхъ друзей. Онъ зналъ всю семью съ дѣтства, потому что м-съ Сидерквистъ приходилась ему теткой. М-съ Сидерквистъ и обѣ ея дочери объявили, что воздухъ Лосъ-Муэртоса принесъ ему страшную пользу. Онъ потолстѣлъ, это не подлежало сомнѣнію, только блѣденъ немножко. Онъ навѣрное утомляется своимъ писаніемъ. Надобно быть осторожнымъ. Здоровье прежде всего. Писалъ ли онъ стихи за это время? Каждый мѣсяцъ онѣ перерывали всѣ журналы, отыскивая въ нихъ его имя.

М-съ Сидерквистъ, свѣтская женщина и предсѣдательница безчисленныхъ клубовъ, находилась въ вѣчной погонѣ за любимцами и безпрестанно появлялась въ обществѣ своихъ знакомыхъ съ новыми и удивительными protégés, которыхъ неизвѣстно гдѣ откапывала гораздо раньше всѣхъ своихъ пріятельницъ.

Это и было шарлатанство «*фейкъ*», о которомъ говорилъ Сидерквистъ, вѣчная ничѣмъ несдерживаемая фальшь. Развязная, ловкая, всюду проникающая, выдрессированная во всѣхъ подробностяхъ обмана безконечная вереница шарлатановъ проходила передъ глазами цѣлаго города подъ предводительствомъ «дамъ-предсѣдательницъ», и эксплуатировала женскіе клубы, литературныя общества, читальни и образовательныя организаціи. Невѣроятно вниманіе, которое обращалось на шарлатановъ, время, которое на нихъ тратилось, и количество денегъ, ими поглощавшееся. Обманщика за обманщикомъ раз-

облачали, клубамъ и обществамъ ясно доказывали, что они были одурачены—это ровно ничего не значило. Чѣмъ болѣе «филистимлянская» пресса обличала и предупреждала, тѣмъ упорнѣе женщины защищали своихъ временныхъ любимцевъ. Для нихъ было настоящимъ наслажденіемъ, когда ихъ любимцевъ преслѣдовали. Онѣ немедленно награждали апостола просвѣщенія ореоломъ мученичества.

Шарлатаны дѣйствовали въ обществѣ, какъ ярморочные фокусники, уѣзжая съ туго набитыми портфелями, они передавали пароль слѣдующему въ вереницѣ, въ полной увѣренности, что рессурсы города не истощены и что на всѣхъ хватитъ.

Городская публика, неспособная думать болѣе чѣмъ объ одной вещи сразу, обыкновенно падала ницъ въ каждый данный моментъ передъ какимъ-нибудь однимъ апостоломъ, но въ періоды, подобные настоящему, когда праздникъ цвѣтовъ и Милліонная ярмарка вызывали всеобщій энтузіазмъ, наступало настоящее торжество для всего шарлатанства.

Отставные профессора, литераторы, артисты, виртуозы стекались въ городъ en masse. Они наполняли своимъ шумомъ воздухъ. На каждомъ шагу слышалось пиликаніе скрипокъ, бряцаніе мандолинъ, томные звуки «разговоровъ объ искусствѣ», декламація,—и все во имя Милліонной ярмарки. Сотни тысячъ долларовъ тратились на это.

М-съ Сидерквистъ была занята съ утра до вечера. Одинъ за другимъ ей представлялись вновь пріѣзжающіе шарлатаны. Къ каждому поэту, къ каждому артисту она обращалась съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ.

— Какъ давно вы почувствовали въ себѣ эту силу?

Она проводила дни въ трепетѣ возбужденія и радости, была «въ движеніи»: общество пробуждалось, готовилось къ «реализаціи красоты», къ пониманію высшихъ потребностей жизни. Вотъ искусство, вотъ литература, культура и образованіе. На западѣ настало возрожденіе.

М-съ Сидерквистъ была низенькая женщина, лѣтъ пятидесяти, полная, краснощекая, всегда слишкомъ роскошно одѣтая, богатая по рожденію, находясь въ родствѣ съ самимъ Шельгримомъ, съ семьей котораго она была на короткой ногѣ. Мужъ ея, не одобряя политики компаніи, не видѣлъ причинъ для ссоры съ Шельгримомъ и даже часто обѣдалъ у него въ домѣ.

Необыкновенно довольная, что она попала на «молодого поэта», м-съ Сидерквистъ непремѣнно хотѣла познакомить Презлея съ Хартратомъ.

— У васъ столько общаго,—объяснила она.

Презлей пожалъ мягкую, дряблую руку художника и пробормоталъ условныя формулы вѣжливости, а м-съ Сидерквистъ продолжала говорить:

— Я увѣрена, что вы знаете стихи м-ра Презлея, м-ръ Хартратъ. Вы должны ихъ прочесть, повѣрьте мнѣ. У васъ много общаго. По-моему вы сходны въ манерѣ выражать природу. Въ сонетѣ Презлея «Лучшая доля» чувствуется та же нота, какъ въ вашей картинѣ, та же искренность тона, та же тонкость кисти, тѣ же nuances.

— Помилуйте, м-съ Сидерквистъ,—отвѣчалъ художникъ, предупреждая нетерпѣливый отвѣтъ Презлея,—я простой кропала. Я увѣренъ, что вы не можете такъ перецѣнивать меня. Я черезчуръ впечатлителенъ—вотъ мой крестъ. Красота,—онъ закрылъ свои золотушные глаза съ выраженіемъ боли,—обезсиливаетъ меня.

Но м-съ Сидерквистъ не слушала, глаза ея были устремлены на роскошные волосы артиста, густую, лоснящуюся гриву, которая почти покрывала воротникъ его сюртука.

— Львиная!—говорила она,—львиная голова! Подобно древнему Самсону.—Потомъ она вдругъ встрепенулась и воскликнула:—Но мнѣ надо бѣжать! Я продаю ваши билеты, м-ръ Хартратъ... Ужасно удачно!... Ужъ двадцать пять продала. М-ръ Презлей, я увѣрена, что вы возьмете два... Ахъ, да, кстати, великолѣпная новость! Вы знаете, что я членъ дамскаго комитета ярмарки, такъ вотъ мы обратились къ м-ру Шельгриму насчетъ пожертвованій. Онъ необыкновенно щедрый покровитель, настоящій Лоренцо ди Медичи. Отъ имени Тихо-океанской и Юго-западной дороги онъ подписалъ, подумайте, пять тысячъ долларовъ. И послѣ этого говорятъ о скупости желѣзной дороги!

— Это ему, вѣроятно, выгодно,—сказалъ Презлей,—ярмарки и празднества привлекаютъ публику въ городъ, которая ѣдетъ по его дорогѣ.

Собесѣдники обратились къ нему съ упрекомъ.

— Вы филистимлянинъ,—объявила м-съ Сидерквистъ.—И это говорите вы, Презлей! Приписывать такія низкія побужденія...

— Если поэты сдѣлаются матеріалистами, м-ръ Презлей,—объявилъ Хартратъ,—то что намъ сказать народу?

— И Шельгримъ поощряетъ ваши милліонныя ярмарки и fêtes,—раздался голосъ рядомъ съ Презлеемъ,—чтобы бросить народу пыль въ глаза.

Всѣ обратились въ сторону говорящаго и увидѣли Сидерквиста, который подошелъ незамѣтно и слышалъ часть разговора. Но онъ говорилъ безъ горечи, въ его глазахъ даже свѣтилось добродушіе.

— Да,—продолжалъ онъ,—нашъ дорогой Шельгримъ покровительствуетъ вашимъ ярмаркамъ не только потому, какъ говоритъ Пресъ, что это приноситъ ему въ карманъ деньги, но и потому, что это развлекаетъ народъ, отвлекаетъ его вниманіе отъ дѣяній его желѣзной дороги. Когда Беатриче была ребенкомъ и у нея дѣлались колики, я звенѣлъ своими ключами у нея подъ носомъ, и это отвлекало ея вниманіе отъ боли желудка... такъ и Шельгримъ.

Всѣ добродушно смѣялись, протестуя тѣмъ не менѣе, а м-съ Сидерквистъ погрозила пальцемъ художнику и воскликнула:

— Филистимляне на тебя, Самсонъ!

— Кстати,—сказалъ Хартратъ, желая перемѣнить разговоръ,—я слышалъ, что вы членъ комитета для пособія голодающимъ. Какъ подвигается ваше дѣло?

— Поразительно, увѣряю васъ,—отвѣчала она.—Мы создали удивительное движеніе... Несчастные!... ихъ фотографіи просто ужасны. На прошлой недѣлѣ члены комитета завтракали у меня, я показывала ихъ... Мы собираемъ деньги по всему штату, а м-ръ Сидерквистъ позаботится о кораблѣ.

Комитетъ для пособія голодающимъ, о которомъ шла рѣчь, былъ однимъ изъ многочисленныхъ комитетовъ, основанныхъ въ Калифорніи и во всемъ союзѣ съ цѣлью доставленія помощи жертвамъ большого голода въ центральной Индіи. Извѣстія о страданіяхъ и смертности въ затронутыхъ голодомъ мѣстностяхъ поразили цѣлый міръ. Нѣкоторыя дамы Санъ-Франциско подъ предсѣдательствомъ м-съ Сидерквистъ организовали съ этой цѣлью нѣсколько комитетовъ, но жена фабриканта превратила засѣданія этихъ комитетовъ въ свѣтское времяпрепровожденіе, приглашала на завтракъ, на чай, и способы помощи голодающимъ азіатамъ обсуждались вокругъ чайнаго стола, уставленнаго печеньями.

Въ толпѣ клубныхъ гостей произошло волненіе—приступали къ розыгрышу лотерейныхъ билетовъ. Хартратъ въ порывѣ волненія извинился и исчезъ. Сидерквистъ взялъ подъ руку Презлея, говоря:

— Уйдемте отъ сюда, Пресъ. Пойдемте въ буфетъ и выпьемъ стаканъ хересу.

Они съ большимъ трудомъ выбрались изъ толпы, внезапно наполнившей главную залу, гдѣ должна была разыгрываться лотерея. Всѣ гости столпились передъ картиной Хартрата у стола, на который лакеи поставили урну съ номерами. Дамы съ билетами въ рукахъ протискивались впередъ.

Лайманъ ушелъ, говоря, что у него есть дѣловое свиданіе, а Магнусъ съ своимъ младшимъ сыномъ отправился въ библіотеку

клуба. Тамъ было почти пусто и они погрузились въ серьезный разговоръ.

— Херранъ,—рѣшительно сказалъ хозяинъ,—много правды въ томъ, что говоритъ Сидерквистъ. Посылать нашу пшеницу въ Китай... а, мальчикъ?

— Объ этомъ, конечно, стоитъ подумать, сэръ.

— Мнѣ это очень нравится, мальчикъ... очень нравится... Это дѣло большое и на немъ можно составить большое состояніе. Большіе шансы даютъ большіе результаты; а я знаю,—твой старый отецъ еще не совсѣмъ отсталъ, Херранъ,—что если у меня и нѣтъ широкихъ взглядовъ нашего друга Сидерквиста, у меня есть способность быстро соображать, въ чемъ есть шансъ на успѣхъ... Востокъ открывается все болѣе и болѣе для Англо-Саксовъ. Пора хлѣбнымъ товарамъ открывать себѣ рынки на востокѣ. И теперь особенно, когда Лайманъ уменьшитъ перевозочные тарифы и мы будемъ подвозить къ морю за дешевую цѣну.

Магнусъ опять замолчалъ и нахмурился. Изъ главной залы клуба визгливый говоръ женщинъ доходилъ до пустой библіотеки.

— Я думаю, что объ этомъ стоитъ подумать, хозяинъ,—снова подтвердилъ Херранъ.

Магнусъ всталъ и, заложивъ руки за спину, раза два прошелся по библіотекѣ. Его воображеніе было возбуждено. Старый игрокъ уже видѣлъ свое *счастіе*, калейдоскопическое стеченіе обстоятельствъ, которыя создаютъ положеніе. Оно молча, неожиданно пришло... Однажды утромъ онъ проснулся и увидѣлъ, что комбинація удалась... И ему рисовалась цѣлая картина. Въ дѣлѣ пшеницы происходитъ цѣлая революція. Новые рынки открываются, и это такъ же важно, какъ открытіе Америки. Отклоненное теченіе пшеницы стремится обратно колоссальной струей, выбрасывая на берегъ посредника, антрепренера, владѣльца элеватора, разоренныхъ, въ отчаянномъ положеніи, потому что имъ больше нечего дѣлать. Онъ представлялъ себѣ, что фермеръ эмансипированъ, наконецъ, пища міра не находится болѣе въ зависимости отъ спекулятора, тысячи тысячъ людей освобождены отъ ига трёста, «ринга» и монополіи, они работаютъ для себя, продаютъ свою пшеницу, сами организуются въ одинъ гигантскій трёстъ и посылаютъ своихъ агентовъ во всѣ порты Китая. И онъ, и Анникстеръ, и Бродерсонъ, и Остерманъ воспользуются этими послѣдствіями. Онъ убѣдитъ ихъ въ великолѣпіи новаго движенія и они сдѣлаются піонерами. Херрана пошлютъ въ Хонгъ-Конгъ представителемъ отъ нихъ четверыхъ. Они наймутъ,—вѣрнѣе купятъ,—корабль, одинъ изъ кораблей Сидерквиста, американской постройки, съ

національнымъ флагомъ на базань-рѣ, и плаваніе этого корабля, нагруженнаго жатвой съ ранховъ Бродерсона, Остермана, Квинъ-Себа и Лосъ-Муэртоса, будетъ подобно плаванію судовъ Аргонавтовъ. То будетъ новая эра, начало новой эпохи.

Съ этой картиной передъ глазами Магнусъ собрался уходить въ сопровожденіи Херрана. Они спустились снова въ нижній этажъ, съ трудомъ пробираясь среди свѣтскихъ франтовъ, столпившихся у входа въ главную залу клуба; лотерея продолжалась. На лѣстницѣ они встрѣтили Презлея и Сидерквиста, выходившихъ изъ буфета. Магнусъ, все еще воодушевленный новой идеей, задавалъ фабриканту рядъ вопросовъ. Ему хотѣлось серьезнѣе поговорить объ этомъ важномъ предметѣ, онъ интересовался подробностями. Но отвѣты Сидерквиста отличались неопредѣленностью; самъ онъ никогда фермеромъ не былъ и едва узнавалъ пшеницу, когда видѣлъ ее, но онъ зналъ направленіе міровой торговли и понималъ, что она неизбѣжно должна стремиться къ востоку. Но эта неопредѣленность Сидерквиста давала новое вдохновеніе Магнусу. Онъ отстранилъ детали и видѣлъ только *le grand coup,* огромные результаты,—побѣжденный востокъ, ходъ цивилизаціи къ западу и, наконецъ, возвращеніе ея къ исходному пункту, отдаленному и таинственному востоку. Онъ видитъ, какъ его пшеница, подобно гребню бѣгущей волны, переплываетъ океанъ и падаетъ въ Азію, наводняя востокъ золотымъ потокомъ... Да, это новая эра. Ему предназначено видѣть смерть стараго и зарожденіе новаго,—сперва пріиски, потомъ ранхо, сперва золото, потомъ пшеница. И снова онъ становился піонеромъ, смѣлымъ, блестящимъ, хватающимся за представляющіеся случаи, расчищающимъ пути, наживающимъ богатства — милліоны въ одинъ день. И въ жизни его воскресла вся широта его натуры. Отъ великолѣпія своей фантазіи онъ почувствовалъ себя снова молодымъ, неукротимымъ, наконецъ, главою, королемъ своихъ товарищей, получающимъ отъ богатства, въ одиннадцатый часъ, передъ старостью, то высокое положеніе, въ которомъ ему такъ долго было отказано. Наконецъ, онъ сможетъ совершить что-либо.

Вдругъ Магнусъ услыхалъ, что кто-то произноситъ его имя. Онъ обернулся и за собою увидѣлъ двухъ незнакомыхъ ему людей, которые отошли отъ толпы въ маленькое углубленіе. Одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ другому отрывокъ изъ вечерней газеты, и Магнусъ, очевидно, слышалъ свое имя въ теченіе этого чтенія. Онъ началъ прислушиваться; Презлей, Херранъ и Сидерквистъ послѣдовали его примѣру. Скоро они поняли, что слушаютъ отчетъ засѣданія суда, рѣшеніе котораго ждалъ Магнусъ—рѣшеніе въ дѣлѣ земельной лиги и

желѣзной дороги. На минуту вѣжливая болтовня около лотереи затихла—приступали къ вынутію выигрышнаго номера, гости затаили дыханіе и въ наступившей тишинѣ Магнусъ ясно разслышалъ:

«... Изъ этого слѣдуетъ, что право на земли принадлежитъ истцу,—тихо-океанской и юго-западной желѣзной дорогѣ,—а отвѣтчики никакихъ правъ не имѣютъ и владѣніе ихъ неправильно. Поэтому рѣшеніе постановляется въ пользу истца».

Магнусъ поблѣднѣлъ, а Херранъ проворчалъ проклятіе, стиснувъ зубы. Ихъ повышенное настроеніе сразу упало, какъ карточный домикъ. Мечта о новомъ движеніи пшеницы, о покореніи всего востока казалась теперь пустой насмѣшкой. Внезапнымъ ударомъ они вернулись къ дѣйствительности. Между ними и ихъ мечтой, между плодородной долиной Санъ-Жоакина и милліонами Азіи, находящимися на краю голодной смерти, лежало чудовище изъ стали и пара, неумолимое, ненасытное, налившееся кровью, высосанной изъ всего народнаго богатства; его алчная пасть была набита жатвой, которая могла бы прокормить весь голодный востокъ...

Вдругъ, пока они еще стояли, молча глядя другъ другу въ лицо, раздались громкія рукоплесканія. Картина Хартрата была розыграна, и, обернувшись, Презлей увидѣлъ, что м-съ Сидерквистъ и ея дочери дѣлаютъ какіе-то знаки фабриканту, не будучи въ состояніи подойти къ нему. Наконецъ, м-съ Сидерквистъ крикнула:

— Я выиграла! Я выиграла!

Никѣмъ не замѣченные и обмѣнявшись двумя словами съ Сидерквистомъ, Магнусъ и Херранъ молча спускались къ выходу на улицу; Херранъ крѣпко держалъ отца за плечо.

Оркестръ грянулъ веселую мелодію, со всѣхъ сторонъ опять поднялся говоръ, а Сидерквистъ, прощаясь съ Презлеемъ, посмотрѣлъ на удаляющіяся фигуры фермеровъ, потомъ на толпу разодѣтыхъ женщинъ и беззаботныхъ мужчинъ и соединяя все это однимъ жестомъ руки, сказалъ, грустно улыбаясь:

— Это не городъ, Презлей, не городъ, а увеселительное мѣсто среди дороги.

А. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ камышахъ.

Тамъ, въ тѣни рѣчного сада,
Въ полумглѣ зеленыхъ водъ
Блѣднолицая наяда
Косу длинную плететъ.

Расплетаетъ, заплетаетъ,
И коварна, и грустна,
Гостя въ омутъ поджидаетъ,
Въ пышный садъ рѣчного дна.

Брезжитъ лунное сіянье
Въ полумглѣ зеленыхъ водъ,
Томной жалобой шуршанье
Въ камышахъ плыветъ, плыветъ...

Зыбь темнѣй. Плеснули травы
И мохнаты, и влажны,
Тихо вздрогнули купавы,
Закачался дискъ луны.

Тише, тише—осторожно...
Въ полумглѣ зеленыхъ водъ
Невозможное возможно
Схороненное живетъ.

В. Мировичъ.

Объ упадкѣ земледѣлія и его нуждахъ *).

II.

Передъ нами статистическій матеріалъ экономическаго положенія населенія Рязанской губерніи, начиная съ 1872 года, когда впервые произведено экономическое обслѣдованіе губерніи при оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія, «Обзоръ и результаты работъ рязанскаго губернскаго земства по оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія», изданіе 1877 года, и кончая изданіемъ того же губернскаго земства 1900 года «Матеріалы по оцѣнкѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель Рязанскаго уѣзда». За этотъ періодъ въ губерніи произведено нѣсколько земскихъ статистическихъ обслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе цѣнными являются четыре сборника извѣстнаго статистика Григорьева, работа, произведенная въ 1882 году по 4-мъ уѣздамъ губерніи и къ крайнему сожалѣнію прерванная постановленіемъ губернскаго земскаго собранія.

Продолженіемъ этихъ работъ являются 12 земскихъ статистическихъ сборниковъ экономическаго положенія крестьянскаго населенія, по 12 уѣздамъ и сводъ данныхъ по всей губерніи, составленные А. Селивановымъ въ періодъ 1881—1887 гг. (изданія 1892 года). Къ позднѣйшимъ крупнымъ земскимъ работамъ по выясненію экономическаго положенія населенія относятся доклады предсѣдателя рязанской губернской земской управы князя Н. С. Волконскаго о продовольственной кампаніи за 1897, 1898 и 1899 года, и его же статистическое обслѣдованіе экономическаго состоянія селеній 5 волостей Михайловскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая 1897—1898 гг. (изданіе 1899 года).

Передъ нами далѣе приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ рязанскаго губернатора за 1872—1900 года и въ высшей степени любопытная брошюра, изданіе рязанскаго статистическаго комитета, «Выводы разработки статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи за 2-ю половину 1891 года». Изъ позднѣйшихъ источниковъ отмѣчу еще два моихъ экономическихъ обслѣдованія крестьянскаго насе-

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1902 г.

ленія Ряжскаго уѣзда: «Отчетъ ряжскаго податного инспектора за 1895 г.» и «Изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія» 1898 года.

Передъ нами, наконецъ, отдѣльныя свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи населенія, почерпнутыя изъ журналовъ земскихъ собраній, изъ официальныхъ данныхъ о поступленіи окладныхъ сборовъ и пр.

Постараемся разобраться во всемъ этомъ обширномъ статистическомъ матеріалѣ, главнымъ образомъ въ земскихъ работахъ, какъ болѣе точныхъ, научно обоснованныхъ и разработанныхъ, чтобы составить себѣ примѣрную картину, въ сжатыхъ контурахъ, роста или упадка экономическаго положенія населенія Рязанской губерніи за вторую половину истекшаго вѣка. Ни размѣры, ни цѣль настоящей нашей статьи не дозволятъ намъ углубиться въ слишкомъ сложныя и мелкія подробности. По возможности будемъ кратки, будемъ отмѣчать лишь наиболѣе яркія и рельефныя явленія народнаго хозяйства.

Вопросъ по опредѣленію размѣра территоріи и количества десятинъ земли въ губерніи является наиболѣе спорнымъ, наиболѣе слабо разработаннымъ во всѣхъ безъ исключенія обслѣдованіяхъ, какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ: по генеральному размежеванію пространство Рязанской губерніи опредѣлилось въ 724 кв. мили или въ 3.690,021 десятина. По исчисленіямъ Швейцера, пространство губерніи показано на 39 квадратныхъ миль *болѣе,* чѣмъ по исчисленіямъ генеральнаго межеванія; военно-топографическое депо въ 1851 году опредѣлило пространство губерніи на 78 квадратныхъ верстъ *менѣе,* чѣмъ генеральное межеваніе. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета общее количество десятинъ земли въ губерніи показано въ 3.742,218; какъ видимъ, опять не совпадаетъ съ данными генеральнаго межеванія.

Земскій учетъ земель находится не въ лучшемъ положеніи. Хотя рязанская губернская земская управа еще въ 1872 году заявила, что «весьма важное для земства и государства дѣло регистраціи поземельной собственности настоящими работами (по оцѣнкѣ) получило довольно прочную основу», но тутъ же признавала, что «безусловно точное исчисленіе земли оказалось невозможнымъ въ дачахъ неразмежеванныхъ, находящихся еще въ чрезполосномъ владѣніи. Въ такихъ дачахъ поземельныя свѣдѣнія хотя и исчислялись на основаніи полюбовныхъ сказокъ, но очень часто случалось, что разсчеты этихъ сказокъ далеко не сходились съ дѣйствительнымъ владѣніемъ. Но вообще говоря, по мнѣнію управы, земли ускользнувшей такимъ путемъ отъ исчисленія—очень ограниченное количество» *). По учету оцѣночныхъ отрядовъ площадь губерніи опредѣлена въ 3.640,814 дес. Можетъ быть, въ сравненіи съ учетомъ уѣздныхъ земскихъ управъ, насчитывавшихъ къ тому же времени всего лишь 3.555,150 десятинъ, новыя данныя губернскаго земства по открытію новыхъ земель, не бывшихъ въ

*) См. „Обзоръ работъ рязанскаго земства“, стр. 34.

обложеніи, и представлялись настолько цѣнными, что дозволяли придти къ такому оптимистическому выводу; тѣмъ не менѣе лично для насъ, довольно близко знакомыхъ съ послѣдующимъ ходомъ работъ и общей постановкой регистраціи земельныхъ владѣній въ губерніи, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что учетъ земель весьма далекъ еще отъ истины и что многія обширныя земельныя площади ускользаютъ отъ обложенія. Производящіяся въ настоящее время работы по переоцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія не замедлятъ, конечно, подтвердить справедливость нашихъ словъ; но не въ томъ теперь дѣло. Позднѣйшихъ послѣ 1872 года работъ по учету земли въ губерніи не производилось; свѣдѣнія же по земской переписи 1887 г. въ этой части, видимо, оказались неточными, ибо самъ составитель свода по губерніи г. Селивановъ предпочитаетъ обращаться и пользоваться въ вопросахъ поземельной регистраціи данными центральнаго статистическаго комитета, а не своими собственными работами.

Какъ бы то ни было, земскими оцѣночными работами въ 1872 году зарегистровано 2.026,568 дес. земель крестьянскихъ обществъ; 1.283,832 десятины земель частныхъ владѣльцевъ разнаго наименованія, 4,527 дес. земель, принадлежащихъ городамъ, 87,058 десятинъ земель казенныхъ и 238,829 десятинъ, по коимъ свѣдѣній не собрано *).

По подворной переписи 1887 года, какъ она выразилась по подсчету переписныхъ бланокъ, надѣльной земли зарегистровано 1.897,070 дес. и внѣнадѣльной общественной 166,368 десятинъ.

Какъ видимъ, сравнительно съ переписью 1872 года площадь общественной крестьянской земли увеличилась на 36,770 десятинъ, что составляетъ 1,7% по отношенію ко всей площади, и это болѣе чѣмъ за десятилѣтній періодъ. За то же время населеніе успѣло возрасти на 15—20%, принимая 1,3 прироста въ годъ.

Немудрено, что 77 тысячъ крестьянскихъ семействъ, составляющихъ почти треть всего крестьянскаго населенія губерніи (257 тыс. домохозяевъ), обратились къ арендованію земли всего 293,816 десятинъ на сумму 2.251,000 руб. **). Только арендой этой внѣнадѣльной земли и могла быть покрыта потребность въ ней прироста населенія, хотя бы и по столь высокой арендной платѣ, въ среднемъ свыше 7,5 руб. за десятину.

Изъ статистическаго сборника Селиванова мы видимъ, что со времени X ревизіи (1858 года), когда крестьянское приписное населеніе состояло изъ 1.202,247 душъ обоего пола, оно увеличилось на 412,688 душъ или на 34%.

По разрядамъ крестьянъ процентъ прироста населенія представляетъ значительныя отклоненія отъ средняго по губерніи. Въ сборникѣ приводится, между прочимъ, весьма любопытная таблица, гдѣ приростъ населе-

*) Тамъ же, стр. 35.

**) „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи“, изданія 1892 года, таблицы, стр. 62 и сл.

нія сопоставленъ съ данными о размѣрахъ земельнаго обезпеченія различныхъ разрядовъ крестьянъ: оказывается, что у государственныхъ крестьянъ при размѣрахъ земельнаго обезпеченія въ 4,1 дес. на окладную душу приростъ населенія выражается въ 40%; тогда какъ:

У государственныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ при	2,8 дес.	36%
» бывшихъ помѣщичьихъ	» 2,8 »	33%
» » удѣльныхъ	» 3 »	25%
» государственныхъ, бывшихъ коммиссіи сооруженія московскаго храма	» 2,8 »	25%
» дарственныхъ	» 0,8 »	20%
» полныхъ собственныхъ	» 4,6 »	12%
» фабричныхъ	» 0,4 »	11%
Итого у бывшихъ владѣльческихъ при	2,6 дес.	32%
У татаръ Касимовскаго уѣзда	» 6,1 »	5%

Въ сборникѣ отмѣчается соотвѣтствіе между размѣрами надѣла и процентомъ прироста. Что касается до полныхъ собственниковъ и татаръ, у которыхъ при сравнительно значительномъ земельномъ надѣлѣ замѣчается ничтожный процентъ прироста населенія, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти разряда крестьянъ выдѣляютъ изъ своей среды весьма значительное количество лицъ, занимающихся отхожимъ промысломъ, что можетъ вліять на уменьшеніе процента рождаемости *).

«Нѣтъ никакого сомнѣнія,—такъ резюмируется этотъ отдѣлъ сборника,—что естественный приростъ населенія, помимо размѣра земельнаго надѣла, зависитъ отъ многихъ другихъ факторовъ, тѣмъ не менѣе изъ приведенныхъ цифръ вліяніе на приростъ населенія размѣра надѣла, обусловливающаго до извѣстной степени матеріальное благосостояніе крестьянскаго населенія, является весьма вѣроятнымъ».

Врядъ ли кто сталъ бы и отрицать первенствующее значеніе этого фактора въ отмѣченномъ явленіи. Конечно, ближайшими причинами того или иного процента прироста населенія могутъ быть и иныя, хотя бы указанный уже отхожій промыселъ. Но съ другой стороны, причиной развитія отхожихъ промысловъ въ свою очередь въ огромномъ большинствѣ случаевъ является опять-таки земельная необезпеченность населенія; такимъ образомъ это послѣднее обстоятельство и является первопричиной пониженія процента прироста населенія.

Конечно, автору можно сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой отвлеченности его вычисленій земельнаго обезпеченія на «окладную душу», что въ сущности мало выясняетъ дѣйствительную степень обезпеченности населенія, гдѣ важны цифры наличныхъ ѣдоковъ, далеко не пропорціональныя цифрамъ «окладного», часто совершенно фиктивнаго населенія, какъ, наприм., при ревизской разверсткѣ земли окладовъ и паевъ. При распредѣленіи земли на наличное населеніе картина нѣсколько измѣняется:

*) См. „Сводъ статистическихъ данныхъ по Рязанской губерніи“ 1892 г., стр. 50.

По переписи 1881—1887 годовъ („Сводъ", стр. 67).	На наличную душу обоего пола.	На домохозяина.	На работника.
	Десятинъ земли.		
У татаръ	2,6	14,9	9,8
» государственныхъ четвертныхъ . .	2	14,2	8,4
» » душево-четверт.	2	13	8,1
» полныхъ собственниковъ	1,9	12,6	8,1
» государственныхъ душевыхъ . . .	1,4	9,2	5,6
» удѣльныхъ	1,2	8,6	4,6
» помѣщичьихъ	1,2	6,8	4,2
» государственныхъ, бывшихъ коммиссіи сооруженія московскаго храма.	1	6,9	4,2
» государственныхъ, бывшихъ помѣщ.	1	6,6	4
» дарственныхъ	0,3	2	1,2
» фабричныхъ	0,1	0,8	0,5
Въ среднемъ по губерніи . .	1,2	7,8	4,8

Составитель свода отмѣчаетъ, что такимъ образомъ «крестьяне, бывшіе помѣщичьи всѣхъ наименованій, составляющіе двѣ трети всего крестьянскаго населенія губерніи, не имѣютъ того количества земли, котораго было бы достаточно для обезпеченія существованія средней семьи... Что размѣръ надѣла въ весьма значительной степени вліяетъ на общій уровень благосостоянія—это совершенно понятно само собой. Цифрами это доказать труднѣе, такъ какъ благосостояніе населенія зависитъ и отъ очень разнообразныхъ причинъ и часто почти невозможно на практикѣ показать силу вліянія того или другого фактора въ общественныхъ явленіяхъ» (стр. 67).

Признаемся, мы не являемся сторонниками такихъ уклончивыхъ выводовъ и такихъ «смягчающихъ обстоятельствъ»; вопросъ необходимо ставить твердо, не боясь прямыхъ выводовъ. Не думаемъ, чтобы цифрами было трудно доказать зависимость благосостоянія *земледѣльческаго* населенія отъ земельной его обезпеченности. Мы уже не говоримъ про ту цифровую вѣдомость, которая приведена на слѣдующей же страницѣ свода, гдѣ ясно до очевидности, безспорно и безусловно устанавливается эта зависимость и гдѣ процентъ безземельныхъ постепенно падаетъ съ 8,7% до 2,6% параллельно съ возрастаніемъ земельной обезпеченности надѣломъ разныхъ группъ крестьянъ, начиная съ 1 десятины и менѣе и до 6 дес. и болѣе на надѣльную душу, гдѣ процентъ безкоровныхъ и безлошадныхъ такимъ же образомъ падаетъ съ 44,4 до 29,2% и съ 41,9 до 27,5%, а процентъ домохозяевъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы — съ 33 до 20%, процентъ бездомовыхъ—съ 13,3 до 8,1% и процентъ семей, живущихъ на сторонѣ—съ 6,3 до 1,7%; процентъ семей, арендующихъ земли, съ 56,7 падаетъ до 16,2% въ послѣдней группѣ крестьянъ, достаточно обезпеченныхъ надѣломъ.

Не станемъ говорить про то, какіе доходы возможно получить домохозяину, обезпеченному 0,3 и даже 0,1 десятины надѣла на наличную душу: эти цифры не требуютъ никакихъ комментарій.

Вдумаемся теперь и примѣнимъ самый элементарнѣйшій разсчетъ доходности того нормальнаго земельнаго обезпеченія, которымъ пользуется, какъ мы знаемъ, около $^2/_3$ крестьянскаго населенія губерніи, причемъ останемся въ области цифръ цитируемыхъ статистическихъ сборниковъ. Изъ свода г. Селиванова (стр. 123) мы знаемъ, что на каждыя 100 десятинъ общаго количества земли приходится 66,7 десятинъ пашни, 8,1 десятины лѣсной площади и 20,3 десятины луговъ, выгонной и усадебной земли; остальное—неудобная земля. Итакъ, при 6,6—6,9 десятинахъ надѣла на домохозяйство, состоящее въ среднемъ изъ 6,3 душъ обоего пола (стр. 57), на пахоть необходимо отчислить 4,6 десятины; при трехпольной системѣ хозяйства, слѣдовательно, подъ посѣвомъ ржи должно оказаться $1^1/_2$ дес.; столько же и подъ посѣвомъ яровыхъ (овса).

Примѣняя нормы урожайности надѣловъ, вычисленныя въ сводѣ по 20-лѣтнимъ даннымъ (1869—1888 гг.) изъ опросныхъ бланокъ,—въ среднемъ рожь сама 4,2 и овесъ самъ 3,5 (цифры, вполнѣ совпадающія съ данными губернской земской управы за этотъ же періодъ времени, гдѣ средніе урожаи ржи показаны самъ 4,6 и для овса самъ 3,8 съ амплитудой колебанія между отдѣльными волостями для ржи 2,1—8,1 и для овса 2—7,8),—получаемъ въ средній годъ для средней крестьянской семьи съ площади посѣва ржи 56,7 пудовъ, овса 42 пуда, или за вычетомъ сѣмянъ 47,7 пудовъ ржи и 30 пудовъ овса—вотъ годовой запасъ зерна для семьи со всего надѣла.

Сборники не даютъ намъ никакого матеріала для вычисленія продовольственныхъ потребностей населенія. Поэтому обратимся къ постороннимъ источникамъ и вспомнимъ, что по вычисленіямъ Маресса среднее потребленіе крестьянами хлѣба выражается цифрою 18,2 пуда въ годъ на душу. Такимъ образомъ для удовлетворенія продовольственныхъ потребностей семьи при обыкновенномъ урожаѣ въ среднемъ по губерніи нехватаетъ 41,3 пудовъ зерна.

А *платежи?*

Намъ могутъ указать, что въ настоящее время пахотная площадь надѣловъ увеличилась за счетъ лѣсныхъ и выгонныхъ пространствъ. Приведемъ современную намъ картину экономическаго положенія надѣльнаго землевладѣнія. Въ 1895 году въ годовомъ своемъ отчетѣ по ряжскому податному участку я указывалъ, что въ Ряжскомъ уѣздѣ на 121,702$^3/_4$ десятины надѣльной земли падаетъ ежегодно сборовъ:

Поземельнаго налога . . .	17,022	руб.	57 коп.
Выкупныхъ платежей . . .	240,745	»	90 »
Земскаго сбора	38,597	»	34 »
Страховыхъ платежей . . .	48,567	»	21 »
Мірскихъ сборовъ	77,568	»	72 »
Итого . .	422,501	руб.	74 коп.

Или по 3 р. 47 к. за каждую десятину земли.

Какую же часть чистаго дохода поглощаютъ эти поземельные налоги? Въ томъ же году на надѣлахъ Ряжскаго уѣзда было засѣяно:

Озимой рожью	34.104 дес.
Яровыми: овсомъ	19,465 »
» просомъ	8,737 »
» картофелемъ . .	5,532 »
Остальными яровыми . .	1,018 »
Итого . . .	68,856 дес.

За вычетомъ сѣмянъ собрано:

Ржи	223,818 четв.
Овса	81,309 »
Проса	22,400 »
Картофеля	146,419 »
Остальныхъ яровыхъ .	6,746 »

Кромѣ того, собрано сѣна до 484,000 пудовъ.

Въ то время въ среднемъ четверть ржи стоила 3 руб., четверть овса 2 руб., четверть проса и другихъ яровыхъ 6 руб., картофеля 1 руб., сѣно 12 коп. пудъ; получаемъ валовой доходъ надѣльной земли за вычетомъ сѣмянъ 1.249,000 руб. Вычитаемъ среднюю стоимость обработки земли по 10 руб. кругъ (т.-е. десятина озимаго и десятина ярового), а всего 344,000 руб., получаемъ чистую прибыль надѣльной земли 905,000 руб. на 121,700 десятинъ всей площади надѣла или 7 руб. 43 коп. съ десятины. Съ этого чистаго дохода уплачивается повинности 3 руб. 47 коп., *или* 46,7% *чистой прибыли.*

Вотъ типичный земледѣльческій уѣздъ съ надѣльной площадью, по преимуществу черноземною, гдѣ лѣсныя пространства давно вырублены и распаханы, гдѣ пашня, какъ видимъ, занимаетъ около 82% всей площади надѣловъ.

Въ статьѣ моей «Земля и фабрика» *) мною вычислялось, что при нормальномъ питаніи (по нормѣ Маресса), для крестьянскаго населенія Ряжскаго уѣзда нехватало бы зерна на уплату повинностей приблизительно на сумму 154 тыс. руб. Этотъ дефицитъ пополняется населеніемъ частью путемъ замѣны чистаго хлѣба суррогатами его, наприм., картофелемъ, частью сокращеніемъ душевого продовольственнаго пайка, частью, наконецъ, путемъ переселенія и развитіемъ отхожихъ промысловъ.

Я указывалъ тогда, что для уплаты повинностей крестьяне Ряжскаго уѣзда необходимо должны продать всѣ запасы овса, кромѣ того до 75,000 пуд. ржи. А затѣмъ на продовольствіе населенія остается по 14,5 пуд. зерна на душу, а за отчисленіемъ 0,8 пудовъ съ души на помолъ и еще того меньше (13,7 пуд.).

*) *Русская Мысль* 1898 г., № 9, стр. 147.

Мы далеки отъ мысли какъ тогда, такъ и теперь отстаивать безусловность приводимыхъ нами цифръ и разсчетовъ; въ данномъ случаѣ они имѣютъ лишь относительное значеніе въ качествѣ показателя соотношенія доходности надѣловъ съ лежащими на нихъ обязательствами къ государству (повинности) и къ семьѣ (продовольствіе). Соотношеніе это и указываетъ большую неравномѣрность, большой минусъ въ приходѣ. Само собой разумѣется, что тѣмъ или инымъ путемъ въ конечномъ результатѣ населеніе балансируетъ свои бюджетныя статьи прикупкой хлѣба на счетъ постороннихъ своихъ источниковъ дохода, никакого отношенія къ надѣламъ не имѣющихъ, наприм., изъ заработной платы, или потребленіемъ суррогатовъ хлѣба или, наконецъ, накопленіемъ недоимокъ.

Ряжскій уѣздъ, цифры котораго мы разсмотрѣли, въ данномъ случаѣ вовсе не является какимъ-нибудь исключеніемъ въ смыслѣ обремененности надѣловъ различнаго рода повинностями. Уѣздъ этотъ является лишь однимъ изъ образцовъ всей нашей системы прямого обложенія надѣльнаго землевладѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, за тотъ же годъ по всей Рязанской губерніи по даннымъ годового отчета г. управляющаго рязанской казенной палатой совокупность всѣхъ упадающихъ на надѣлы платежей составляла:

Выкупныхъ платежей	2.899,347 р.
Поземельнаго налога	207,025 »
Земскаго сбора	604,792 »
Страховыхъ платежей	833,404 »
Мірскихъ сборовъ	1.434,000 »
Сбора въ частный продовольственный капиталъ .	86,672 »
Итого . . .	7.065,240 р.

Или по 3 р. 72 к. съ десятины (1.896,000 дес.).

Въ то же время съ надѣльной земли по всей губерніи снято было:

Ржи	3.046,000 четв.
Овса	2.102,000 »
Гречихи	151,000 »
Проса	266,000 »
Картофеля	2.888,000 »

За покрытіемъ расходовъ зерна по обсѣмененію полей и годовому довольствію наличнаго населенія, получается по разсчетамъ г. управляющаго остатокъ отъ урожая:

Ржи	+914,800 четв.
Овса	+882,400 »
Гречихи	+ 17,900 »

и недостатокъ отъ неурожая:

Картофеля	—1.082,200 четв.
Проса	— 141,200 »

Переводя итоги эти на деньги по существовавшимъ среднимъ цѣнамъ, получается свободный остатокъ отъ урожая + 1.836,000 руб.

Мы приводимъ данныя офиціальныхъ источниковъ во всей неприкосновенности ихъ офиціальныхъ разсчетовъ и съ своей стороны отмѣчаемъ лишь цифровыя соотношенія чистой доходности надѣла къ совокупности падающихъ на него налоговъ. Здѣсь выводъ ясенъ, здѣсь не можетъ быть двухъ мнѣній; утверждать, что вліяніе земельной обезпеченности въ качествѣ фактора, вліяющаго на благосостояніе населенія, трудно доказывается цифрами, — значитъ не желать ближе подойти къ анализу разсматриваемаго соціальнаго явленія и закрывать глаза на существующую дѣйствительность.

Мы не станемъ загромождать нашу статью дальнѣйшимъ цифровымъ матеріаломъ по тому же вопросу изъ статистическаго свода г. Селиванова. Укажемъ лишь, что по вычисленіямъ свода при обычномъ урожаѣ ржи крестьянскому населенію губерніи ежегодно нехватаетъ для продовольствія, считая и *урожаи съ купчей и арендной земель*, до 950,000 четв. *).

Неужели съ этими цифрами въ рукахъ автору свода не ясна зависимость благосостоянія населенія отъ его земельной обезпеченности? Какія же еще требуются доказательства? Намъ скажутъ: «трудъ, работа, вотъ залогъ благосостоянія и экономическаго преуспѣянія народовъ». Старые, истрепанные софизмы. Какъ будто обработка надѣла — не трудъ, какъ будто не въ потѣ лица добывается здѣсь насущный хлѣбъ. Мы говоримъ, что недостатокъ и необезпеченность надѣловъ разрушаетъ земледѣльческій строй государства, разрушаетъ семью, разрушаетъ его экономическія основы, а намъ отвѣчаютъ: направьте лишнія рабочія силы на обработку и на аренду чужихъ полей (по 7 руб. 50 коп. за десятину), въ отхожіе промыслы, на фабрики и заводы, ищите тамъ новыхъ факторовъ экономической мощи населенія». Вотъ радикальное средство поднять земледѣліе!

Вопросъ о необезпеченности крестьянскаго населенія губерніи надѣльною землею мы разсмотрѣли всесторонне, исходя изъ разныхъ источниковъ, съ разными статистическими данными въ рукахъ—и правительственными и земскими. Недостатокъ продовольственныхъ средствъ устанавливается всѣми разсчетами, какіе бы масштабы мы ни примѣняли. Единственный упрекъ, который намъ могутъ сдѣлать и который мы вполнѣ заслужили, это—огульность нашихъ вычисленій. Въ вопросахъ потребленія крайне важно установить размѣры потребленія того или иного продукта не вообще, огульно всей страной, а отдѣльными группами потребителей. Это требованіе не устраняется даже и при выясненіи потребленія населеніемъ такого продукта первѣйшей необходимости, какъ хлѣбъ.

Принимая вполнѣ заслуженный упрекъ, мы тѣмъ не менѣе нимало не сомнѣваемся, что детальное разсмотрѣніе вопроса о потребленіи хлѣба отдѣльными группами крестьянскаго населенія не только не ослабитъ, но

*) См. „Сводъ“, стр. 139—141.

еще болѣе подтвердитъ основное наше положеніе о недостаточности надѣловъ на удовлетвореніе продовольственныхъ потребностей губерніи; оно и понятно, если только вспомнить, что каждый лишній пудъ свободнаго для продажи зерна, вывезенный болѣе зажиточнымъ крестьяниномъ на рынокъ, еще болѣе понижаетъ продовольственную норму потребленія въ группѣ крестьянъ менѣе зажиточныхъ, менѣе обезпеченныхъ, ибо при нашихъ огульныхъ разсчетахъ мы допускаемъ невольную фикцію равномѣрнаго потребленія населеніемъ *всего* хлѣба со всей площади надѣловъ, чего въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ и быть не можетъ.

«По способу эксплоатаціи надѣловъ, — говорится въ статистическомъ сборникѣ Селиванова *), — крестьянскія семьи могутъ быть распредѣлены на три группы, представляющія между собой рѣзкія различія въ хозяйственномъ отношеніи. Группы эти слѣдующія:

1. Обрабатывающія надѣлы собственнымъ инвентаремъ . . . . . 160,126 семей, т.-е. 66,4%
2. Обрабатывающія надѣлъ чужимъ инвентаремъ, съ помощью чужихъ лошадей и орудій . 51,911 » » 21,5%
3. Вовсе не обрабатывающія надѣла (сдающія его) . . . . . 29,137 » » 12,1%

Такимъ образомъ только $^2/_3$ всѣхъ надѣльныхъ семей имѣетъ собственный инвентарь, дающій имъ возможность вести самостоятельное хозяйство; остальная треть за неимѣніемъ собственнаго инвентаря, вынуждена прибѣгать или къ найму или вовсе переходить въ разрядъ безхозяйныхъ семей, сдавая надѣлъ въ аренду и даже забрасывая его окончательно.

Хозяйство крестьянъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ большею частью за неимѣніемъ лошадей, настолько непрочно, зависитъ отъ столькихъ случайностей, что лишь рѣдкіе изъ такихъ домохозяевъ могутъ удержаться, чтобы не впасть въ полное разореніе и такимъ образомъ пополнить собой ряды безземельнаго пролетаріата.

% крестьянъ, сдающихъ свои надѣлы, представляетъ собой *одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ упадка благосостоянія населенія* (курсивъ нашъ).

А безземельные? Переписью 1887 года зарегистровано по губерніи 15,544 семьи (51,000 человѣкъ), совершенно не имѣющихъ надѣльной земли; средній составъ такихъ семей ровно вдвое менѣе надѣльныхъ дворовъ— 3,3 ѣдоковъ на семью. По разрядамъ крестьянъ распредѣленіе безземельныхъ семей, какъ и слѣдовало ожидать, соотвѣтствуетъ размѣрамъ надѣльной обезпеченности:

	%% семей.
Бывшіе фабричные	51,7
Полные собственные	12,3
Дарственные	9,6
Бывшіе коммиссіи сооруж. храма	8,1
Государственные бывш. помѣщ.	7,7

*) 1887 годъ, стр. 142.

Бывшіе помѣщичьи	7,6
Бывшіе удѣльные	6,4
Государственные четвертные	3,8
Государственные душевые	2,4
Татары	3,5
Государственные душево-четвертные	1,2

Переходимъ къ наиболѣе рельефному показателю экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія и къ наиболѣе точному и подробнѣе разработанному отдѣлу земской переписи 1887 г. о *скотоводствѣ*.

Абсолютныя цифры здѣсь мало освѣщаютъ вопросъ, важно относительное ихъ значеніе, важно распредѣленіе скота по отдѣльнымъ группамъ зажиточныхъ и менѣе зажиточныхъ дворовъ. Если мы скажемъ, что переписью 1887 г. зарегистровано въ губерніи 284½ тыс. лошадей, 54½ тыс. жеребятъ и 233½ коровъ, а всего вообще скота въ переводѣ на крупный (5 головъ мелкаго за голову крупнаго) 862½ тыс. головъ на 257 тыс. домохозяйствъ, изъ которыхъ, какъ знаемъ, 15½ тыс. безземельныхъ, то получается иллюзія нѣкоторой зажиточности населенія, обезпеченность его и лошадьми, и рогатымъ, и мелкимъ скотомъ: 1.298,000 овецъ. Болѣе чѣмъ по 5 головъ овецъ на каждый дворъ—чего же лучше?

Но когда мы внесемъ сюда нѣкоторую поправку и укажемъ, что та же перепись отмѣтила по губерніи 99 тыс. хозяйствъ безлошадныхъ, 47½ тыс. безкоровныхъ и 66½ тыс. дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, то миражъ быстро разсѣивается, и передъ нами встаетъ дѣйствительность крайне неприглядnаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, четвертая часть населенія—готовый пролетаріатъ, близкій къ нищенству; почти половина домохозяевъ, лишенныхъ необходимѣйшаго живого инвентаря для обработки надѣла; картина экономическаго благосостоянія населенія пріобрѣтаетъ темные тоны.

По разрядамъ крестьянъ распредѣленіе скота слѣдующее:

	% безлошадныхъ.	% безкоровныхъ.	% безкоровныхъ и безлошадныхъ.	На 10 работниковъ лошадей.	На семью. Лошадей.	Коровъ.	Мелк. скота.
Бывшіе фабричные	89	45	54	1	0,2	0,5	0,9
Полные собственники	54	33	34	5	0,7	1,1	5,3
Дарственные	43	44	33	6,1	1	0,6	7,6
Бывшіе комисс. сооруж. храма	38	26	24	6	0,9	1,1	4,4
Бывшіе помѣщичьи	38	34	26	6,8	1,1	0,9	6,3
Госуд. бывш. помѣщ.	39	35	28	7,1	1,1	0,9	7,1
Государств. душевые	38	34	24	7,2	1,2	0,9	7,2
Татары	41	29	26	7,4	1,1	1,2	5,5
Бывшіе удѣльные	38	38	28	7,9	1,4	1,2	11,1
Госуд. душево-четверт.	29	25	19	9,6	1,5	0,9	9,3
Государств. четвертные	26	26	18	10,8	1,7	1	11,3
Всего	38,5	34	25,8	7	1,1	0,9	6,7

Повторяется обычная знакомая уже намъ картина благосостоянія населенія: бывшіе помѣщичьи крестьяне, въ качествѣ типичныхъ среднихъ по губерніи; бывшіе государственные всевозможныхъ категорій въ группахъ болѣе зажиточныхъ, а дарственные, фабричные и полные собственники, въ группѣ оскудѣвшихъ.

«Значительный процентъ безлошадныхъ дворовъ,—говорится въ текстѣ Свода (стр. 156),—а въ особенности дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, служитъ признакомъ обѣднѣнія населенія и развивающагося пролетаріата. Для выясненія причинъ этого явленія было бы крайне важно сравнить экономическое положеніе населенія въ настоящее время съ тѣмъ, что было въ эпоху освобожденія крестьянъ».

Далѣе въ Сводѣ сопоставляются цифровыя данныя по 630 селеніямъ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи, извлеченныя изъ описанія ихъ кадастровымъ отрядомъ въ 1864 году, съ цифрами переписи 1887 года. Результаты получаются поучительные.

Число дворов. по кадастру 64 г.	58,164	По переписи 87 г.	84,377
» лошадей	103,596	. . . . .	104,695
» коровъ	66,809	. . . . .	78,360
» мелкаго скота и молодого	370,122	. . . . .	581,516
Всего въ переводѣ на крупный скотъ	244,430	. . . . .	299,358
крупнаго скота на дворъ . .	4,2	. . . . .	3,5
безлошадныхъ дворовъ. . . .	7,084 (12,2%)	. . . .	31,574(37,4%)
безземельныхъ дворовъ . . .	0	. . . . .	2,215 (2,6%)

На каждаго домохозяина приходилось:

Лошадей въ 1864 году	1,8	Въ 1887 году	1,2
коровъ	1,1	. . . . .	0,9
головъ крупнаго скота.	4,2	. . . . .	3,5

Безлошадныхъ дворовъ увеличилось на 24,490, или въ четыре съ половиною раза. Безземельныхъ домохозяевъ въ 1864 году въ средѣ государственныхъ крестьянъ не было ни одного, теперь ихъ насчитывается 2,215 дворовъ.

«Таковы перемѣны,—такъ заключаетъ авторъ Свода,—происшедшія въ экономическомъ состояніи государственныхъ крестьянъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ. Что же мудренаго въ томъ, что положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣленныхъ меньшимъ количествомъ земли, представляется въ настоящее время еще болѣе безвыходнымъ и ужаснымъ».

Обѣднѣніе крестьянскаго населенія, по словамъ Свода, косвенно отозвалось и на физической его организаціи... По Рязанской губерніи процентъ лицъ, не принятыхъ въ военную службу по недостатку роста, болѣзненнымъ и тѣлеснымъ недостаткамъ и недовозмужалости, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Такъ, съ 22,5% въ 1874 году онъ возросъ до 39,2 въ 1883 году, т.-е. чуть не въ два раза. Трудно объяснить та-

кое увеличеніе простою случайностью. Очевидно, причина заключается въ общемъ упадкѣ экономическаго благосостоянія, влекущемъ за собой и физическое вырожденіе населенія.

Однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ пополненія крестьянскаго денежнаго приходнаго бюджета являются заработки и промыслы какъ мѣстные, такъ и отхожіе. Въ настоящее время мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о вліяніи, которое вносятъ въ крестьянскую среду отхожіе промыслы,—этотъ ужаснѣйшій бичъ народнаго здоровья, народной нравственности и семейныхъ устоевъ; этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Что вліяніе это несомнѣнно сказывается, мало того, что безъ подобныхъ заработковъ крестьянское населеніе губерніи не могло бы существовать,—это ясно изъ всего ранѣе нами изложеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, если нами установлено, на основаніи данныхъ разсматриваемыхъ статистическихъ сборниковъ, что у населенія, за покрытіемъ его продовольственныхъ потребностей, для уплаты повинностей обнаруживается бо̀льшая или меньшая цифра дефицита въ зависимости отъ лучшаго или худшаго урожая, отъ лучшей или худшей почвы, свойства пашни, то ясно, что населеніе тѣмъ или инымъ путемъ должно покрыть этотъ дефицитъ: и накопленіе недоимокъ, и сокращеніе душевого пайка, все имѣетъ свои предѣлы; волей-неволей рабочее населеніе должно отрываться отъ земледѣльческаго занятія и искать побочнаго, подсобнаго заработка на сторонѣ. Иной вопросъ—насколько вообще желательно это явленіе. Мы лишь отмѣчаемъ его наличность; указываемъ, что въ экономическомъ строѣ крестьянскаго хозяйства Рязанской губерніи оно играетъ весьма немаловажное значеніе.

Мы не хотимъ загромождать нашу статью излишнимъ цифровымъ матеріаломъ, иначе намъ неминуемо было бы обратиться и къ излѣдованіямъ о крестьянскихъ бюджетахъ. Думаемъ, что вопросъ этотъ ясенъ и самъ по себѣ: для каждаго вполнѣ очевидно, что современный намъ бытъ русскаго мужика, хотя бы и въ самомъ центрѣ житницы Россіи, весьма далекъ отъ натуралистическаго хозяйства и что крестьянскій бюджетъ въ настоящемъ своемъ видѣ является въ значительной степени бюджетомъ денежнымъ; крестьянину нужны деньги не только на уплату повинностей, но и на многія и многія потребности своего домашняго хозяйства—и на покупку инвентаря, и на одежду, и на обувь, и на водку, и на соль, и на керосинъ, и проч.

Во всѣхъ предшествующихъ нашихъ разсчетахъ мы исходили изъ основаній чисто-натуралистическаго хозяйства; мы вычисляли чистый сборъ зерна и потребность въ этомъ зернѣ для продовольствія населенія и для уплаты повинностей. Другихъ разсчетовъ намъ и не требовалось, ибо цѣлью нашего изслѣдованія является именно выясненіе причины упадка и нуждъ *земледѣлія*, какъ такового. И вотъ, если мы пришли къ выводу и къ убѣжденію, что наличность зерна не удовлетворяетъ этимъ двумъ элементарнѣйшимъ потребностямъ чисто-натуралистическаго характера, что населеніе вынуждено производить здѣсь *приплату* изъ другихъ, посто-

ронних для земледѣлія источниковъ, то всѣ дальнѣйшіе наши разсчеты остальныхъ денежныхъ потребностей крестьянской семьи являлись бы излишней подробностью, ясной самой по себѣ.

Итакъ, мы вновь повторяемъ и подчеркиваемъ эту нашу мысль, что заработокъ населенія отъ различныхъ его промысловъ представляетъ собой источникъ посторонній, ни малѣйшаго отношенія ни къ земледѣльческому занятію, ни къ эксплоатаціи надѣловъ не имѣющій. И если собственникъ обремененнаго гипотечными долгами имѣнія или арендаторъ, зарвавшійся въ арендной платѣ, въ правѣ домогаться пониженія своихъ платежей, ссылаясь на угнетенное состояніе своего хозяйства, не только не приносящаго никакого чистаго дохода, но даже и не окупающаго издержекъ производства и не обезпечивающаго продовольственныхъ потребностей запасами хлѣба собственнаго производства, если мы соглашаемся съ резонностью и справедливостью ихъ домогательствъ, то почему же земледѣлецъ обязанъ пополнять изъ постороннихъ источниковъ дефицитъ своего скуднаго надѣльнаго или арендnаго хозяйства; почему считается естественнымъ оторвать его отъ семьи и отъ постояннаго привычнаго занятія и отправить его за тридевять земель въ поискахъ заработковъ, обезпечивающихъ исправное поступленіе надѣльныхъ повинностей? Почему то, что считается неразумнымъ и неразсчетливымъ для однихъ, въ то же время представляется естественнымъ и желательнымъ для другихъ? И развѣ здѣсь недопустимъ иной болѣе логичный выводъ согласованія доходовъ надѣловъ съ ихъ расходами путемъ пониженія упадающихъ на нихъ платежей? Если намъ скажутъ, что такому пониженію не угнаться за естественнымъ приростомъ населенія, которое потребуетъ все большаго и большаго количества запасовъ зерна для своего продовольствія, то мы отвѣтимъ, что въ дѣйствительности не только приростъ населенія не достигъ еще столь угрожающихъ размѣровъ, но что и государственный-то нашъ бюджетъ по отдѣлу какъ косвенныхъ, такъ и прямыхъ налоговъ всецѣло почти покоится на плечахъ все тѣхъ же надѣловъ.

Завзятымъ поборникамъ крестьянскихъ промысловъ, какъ основы крестьянскаго благополучія, даже въ надѣльномъ его хозяйствѣ, мы укажемъ, что и эта вожделѣнная панацея не достигаетъ и не можетъ достигнуть возложенныхъ на нее надеждъ, какъ на единственное спасительное средство отъ экономическаго крестьянскаго оскудѣнія уже по одному тому, что число отхожихъ рабочихъ далеко не соотвѣтствуетъ не только наличнымъ рабочимъ силамъ населенія, но даже и числу дворовъ особенно въ южныхъ земледѣльческихъ уѣздахъ. Въ Михайловскомъ уѣздѣ, наприм., зарегистровано 13½ тыс. отхожихъ рабочихъ на 22,993 двора и на 37,970 взрослыхъ рабочихъ мужского пола; въ Ряжскомъ уѣздѣ—4 тыс. отхожихъ рабочихъ на 21,610 дворовъ и на 32,938 всѣхъ рабочихъ; въ Сапожковскомъ у.—2,740 отхожихъ рабочихъ на 23,905 дв. и на 38,356 рабочаго населенія; въ Пронскомъ—8 тыс. отхожихъ рабочихъ на 16 тыс. дворовъ и на 26 тыс. мужскаго рабочаго населенія и т. д. Что значатъ

въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь 3—4 тысячи рабочихъ на 20—30 тысячъ семей и на 30—40 тыс. рабочаго населенія, нуждающагося въ подсобныхъ заработкахъ? Если даже допустить, что нѣкоторые отдѣльные счастливые дворы получатъ по 50—100 руб. дохода съ отхожихъ промысловъ, то вѣдь этихъ счастливцевъ лишь $^1/_7$ часть; положеніе остальныхъ шести дворовъ отъ высокаго заработка ихъ сосѣда нисколько не измѣняется; они все же вынуждены будутъ искать помощи дома отъ щедротъ все того же землевладѣнія и земледѣлія.

Итакъ, вліяніе земельной обезпеченности на приростъ населенія и на его физическую крѣпость; недостатокъ продовольствія для $^2/_3$ всего крестьянскаго населенія губерніи около 950 тыс. пудовъ ржи со всей площади крестьянскихъ полей и надѣльныхъ, и купчихъ, и арендныхъ; $^1/_3$ всего крестьянскаго населенія, не имѣющая инвентаря для обработки надѣла и $15^1/_2$ тыс. семей безземельныхъ, 99 тысячъ (38,5%) хозяйствъ безлошадныхъ и $66^1/_2$ тыс. (25,8%)— не имѣющихъ ни лошади, ни коровы; упадокъ хозяйства даже въ разрядѣ болѣе обезпеченныхъ крестьянъ государственныхъ со времени 1864 по 1887 годъ и, наконецъ, смутныя надежды на благодѣтельную экономическую панацею въ видѣ заработковъ и промысловъ,—вотъ выводы и картина экономическаго положенія крестьянъ Рязанской губерніи по земской переписи 1887 года.

«Разработка данныхъ, добытыхъ путемъ подворнаго статистическаго изслѣдованія въ Рязанской губ.,—значится въ заключительной главѣ сборника,—привела насъ къ заключенію о томъ, что экономическое положеніе крестьянскаго населенія за послѣднее время значительно ухудшилось, что обѣднѣніе обнаруживается цѣлымъ рядомъ экономическихъ признаковъ не только у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, но и у государственныхъ, лучше надѣленныхъ землею и находящихся поэтому сравнительно въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Очевидно, неблагопріятное экономическое положеніе крестьянъ проистекало не отъ однихъ условій земельнаго надѣла, но зависѣло также и отъ другихъ причинъ, болѣе общихъ, хотя несомнѣнно, что земельныя условія имѣли выдающееся значеніе».

Пользуясь отвѣтами и отзывами данными правительству уѣздныхъ земствъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ 1882 году въ виду предстоявшихъ тогда работъ о пониженіи выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сборникъ отмѣчаетъ различныя причины упадка крестьянскаго хозяйства, изъ которыхъ главная: малоземелье, неудобства и недоброкачественность надѣла, упадокъ или отсутствіе мѣстныхъ промысловъ, истощеніе почвы, разложеніе общиннаго начала, низкія цѣны на хлѣбъ и обременительность крестьянскихъ платежей, пожары, падежи скота и неурожаи—все знакомые мотивы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обратимся въ концѣ нашей статьи.

Разсмотрѣнное нами обслѣдованіе было единственнымъ подворнымъ статистическимъ обслѣдованіемъ, произведеннымъ одновременно по одной

программѣ на пространствѣ всей Рязанской губерніи; впослѣдствіи такого сплошного обслѣдованія не повторялось, поэтому мы и остановились на немъ подробнѣе, какъ на основномъ матеріалѣ, изъ котораго мы могли бы исходить во всѣхъ нашихъ сравненіяхъ и выводахъ.

Какъ на этапные пункты послѣдующей эволюціи экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія губерніи, необходимо указать на 1891—1892 гг. и 1897—1898 гг., памятные по исключительному, изъ ряда выходящему неурожаю хлѣбовъ.

По иниціативѣ начальника губерніи послѣдствія перваго неурожая были зарегистрованы офиціальнымъ статистическимъ обслѣдованіемъ, произведеннымъ помощью земскихъ начальниковъ и обработаннымъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ въ извѣстной брошюрѣ «Выводы разработки статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи во вторую половину 1891 года». Мы уже не разъ указывали, что не придаемъ большого значенія выводамъ той офиціальной статистики, которая основывается на данныхъ волостныхъ правленій. Но въ распоряженіи нашемъ не имѣется болѣе точнаго матеріала; къ тому же выводы эти цѣнны и любопытны въ томъ отношеніи, что ихъ нельзя уже упрекнуть въ тенденціозности, въ предвзятости основныхъ положеній. А положенія эти слѣдующія: переписью этой зарегистровано по губерніи 261,412 домохозяйства (по переписи 1887 года было 257,341), приростъ (1,5%); изъ того числа: безземельныхъ и безхозяйныхъ дворовъ 17,571 (было 15,544): приростъ 15%.

Дворовъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы . .	66,928 (25,6%)
» безлошадныхъ	101,046 (38,7%)

Дворовъ съ одной лошадью—33,2%, дворовъ съ 2 лошадьми, но безъ коровъ—1,4%; наконецъ, дворовъ, имѣющихъ скота не менѣе, какъ по 2 лошади и 1 корову—26,7%.

«Отсюда мы видимъ,—значится въ изслѣдованіи,—что только 26,7% всего населенія, или съ небольшимъ четвертая часть, обезпечена рабочимъ скотомъ въ достаточной степени и можетъ считаться правоспособною въ смыслѣ возможности правильно вести хозяйство».

Переписью 1891 г. установлено, что на каждаго домохозяина въ среднемъ по губерніи приходится 6,7 ѣдоковъ. Но по отдѣльнымъ группамъ населенія число ѣдоковъ, приходящихся на домохозяина, различно. Если разбить все населеніе на 5 группъ по указанному распредѣленію скота между дворами, какъ наглядный показатель ихъ благосостоянія, то окажется, что «съ увеличеніемъ степени благосостоянія увеличивается и число душъ, приходящихся на семью: въ 1-й группѣ ѣдоковъ приходится 4,4 на домохозяйство, во 2-й—5,3, въ 3-й—6,5, въ 4-й—7,9, въ остальной болѣе состоятельной части населенія на домохозяйство приходится 9 ѣдоковъ».

Сопоставляя абсолютное число скота по переписи 1891 года съ переписью 1887 года, изслѣдованіе отмѣчаетъ убыль лошадей (—2,652) и осо-

бенно убыль мелкаго скота (—936,688); но зато отмѣчается приростъ коровъ (+16,705 головъ).

Если мы выдѣлимъ 7 южныхъ чисто земледѣльческихъ уѣздовъ, то картина убыли скота станетъ еще рельефнѣе: по этимъ уѣздамъ убыло лошадей 5,920 головъ или 3,3%; коровъ прибыло 4,321 голова или 3,8%; но особенно поразительна убыль мелкаго скота—582,483 головы, что составитъ почти 54%. Народонаселенія въ этотъ періодъ прибыло 15%.

Въ изслѣдованіи высчитано далѣе, что принимая среднимъ числомъ стоимость лошади въ 20 рублей, коровы въ 15 рублей и мелкаго скота въ 2 рубля за голову, убыль скота въ губерніи оцѣнивается *болѣе чѣмъ въ полтора милліона рублей*, причемъ наиболѣе крупныя цифры потерь необходимо отнести на счетъ южныхъ уѣздовъ: Сапожковскаго—316 тыс. рублей, Ряжскаго — 238½ тыс. рублей, Скопинскаго — 205 тыс. рублей, Пронскаго—191 тыс. рублей.

«Хотя абсолютное количество крупнаго скота,—говорится въ изслѣдованіи,—въ среднемъ по губерніи не только не уменьшилось, а даже увеличилось, но это увеличеніе не служитъ доказательствомъ благосостоянія населенія, такъ какъ возвышеніе процента безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ показываетъ, что увеличеніе крупнаго скота произошло въ наиболѣе состоятельномъ меньшинствѣ крестьянскаго населенія въ ущербъ большинству. Замѣчается какъ бы перемѣщеніе въ подворномъ распредѣленіи скота и сосредоточеніе его въ рукахъ состоятельной части населенія».

Изъ дальнѣйшихъ разсчетовъ изслѣдованія остановимся въ нѣсколькихъ словахъ на любопытной презумпціи, какая сумма денегъ необходима населенію, чтобы достигнуть положенія *нормальнаго* крестьянскаго хозяйства, владѣющаго парой лошадей и одной коровой. «Для такого скромнаго благосостоянія потребовалось бы на губернію 6 милліоновъ рублей слишкомъ, или по 500 тысячъ на уѣздъ». Между тѣмъ подобное обезпеченіе крестьянскаго двора скотомъ, какъ выяснило то же изслѣдованіе, немедленно отражается и на размѣрахъ запашки: «въ группѣ домохозяевъ, не имѣющихъ ни лошади, ни коровы, засѣвается лишь 40,7% находящейся въ ихъ пользованіи земли, въ слѣдующей группѣ безлошадныхъ засѣвается 46,4%; въ группѣ однолошадныхъ дворовъ—47,3 и, наконецъ, въ группѣ домохозяевъ съ 2 лошадьми, но безъ коровъ, процентъ засѣваемой земли достигаетъ цифры 61,2. Во всѣхъ четырехъ группахъ обѣднѣвшей части населенія засѣвается 46,4%, тогда какъ въ остальной части населенія съ достаточнымъ количествомъ скота, засѣвается земли 57,7%. Разница болѣе чѣмъ на 10%. Въ 4-хъ группахъ населенія находится въ пользованіи свыше милліона десятинъ земли (1.020,980); 10% означеннаго количества земли, стало быть *болѣе 100,000 десятинъ, остается незасѣваемыми* по неимѣнію скота и пропадаетъ для населенія совершенно непроизводительно».

Самая цѣль изслѣдованія, которое мы цитируемъ, главнѣйшимъ обра-

зомъ клонилась къ выясненію продовольственной потребности населенія, къ опредѣленію размѣра ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ. По подсчетамъ уѣздныхъ земствъ для продовольствія крестьянскаго населенія необходима была сумма, превышающая 6 милліоновъ рублей; по учету губернскаго земства, принимая въ разсчетъ и обсѣмененіе яровыхъ полей, потребовалось бы 6½ милліоновъ рублей. Мѣстная администрація, предпринявъ свое изслѣдованіе, опредѣлила потребность населенія въ 5.849,000 рублей.

«Несмотря на сходство этихъ цифръ съ земскими,— говорится въ изслѣдованіи—онѣ не могутъ считаться точными, ибо являются результатомъ подсчета поволостныхъ итоговъ, касающихся всего населенія безъ различія обѣднѣвшихъ дворовъ отъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ. Дабы устранить эту неточность въ выводахъ при разработкѣ матеріала, все населеніе было распредѣлено по группамъ сообразно его обезпеченности (скотомъ).

Что же оказалось въ окончательномъ подсчетѣ? Оказалось по вычисленіямъ изслѣдованія, что для первой группы дворовъ безъ лошади и коровы необходимо продовольствія на 1,534 тыс. рублей; для 2-й группы (безлошадные)—995 тыс. рублей; для 3-й группы (съ 1 лошадью)—4,408 тыс. рублей и для 4-й группы (съ 2 лошадьми, но безъ коровы)— 289 тыс. рублей. Всего 7 милліоновъ слишкомъ.

Вотъ къ какимъ выводамъ пришло офиціальное административное обслѣдованіе экономическаго положенія крестьянскаго населенія тотчасъ послѣ неурожая 1891 г. Выводы эти не лишены весьма и весьма большой внушительности.

А. Еропкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. В. Гоголь и его письма *).

VI.

Каковы вообще были отношенія Гоголя къ Пушкину и Пушкинскому кружку?

Общепринятый взглядъ рисуетъ такую картину.

Наивный и невѣжественный провинціалъ, творившій безотчетно и безсознательно, очень легко относившійся къ своему колоссальному таланту, по счастливому случаю попадаетъ въ кругъ передовыхъ литераторовъ своего времени. Тамъ его образовали и довоспитали, заставили серьезнѣе отнестись къ своему исключительному дарованію, приняться за болѣе крупные труды, сознать вполнѣ свое призваніе. Благодаря этому его смѣхъ дѣлался все болѣе и болѣе глубокимъ, захватывающимъ, серьезнымъ; въ немъ, наконецъ, зазвучали «невѣдомыя слезы» и проглянули «горячія искры вѣчной, могучей любви». Въ этомъ процессѣ развитія особенно крупную роль сыграла исторія постановки «Ревизора»: вызванная имъ буря показала Гоголю все значеніе смѣха и всю отвѣтственность роли писателя и сатирика...

Нетрудно замѣтить, насколько упрощена и далека отъ всей сложности истиннаго положенія дѣла эта схема.

Мы видѣли, сколько горделиваго сознанія своей исключительности и всего величія своего будущаго призванія было у Гоголя въ юные годы его жизни. Послѣ нѣсколькихъ колебаній (въ сторону чиновничьей, артистической и педагогической карьеры) онъ окончательно останавливается на литературѣ и съ нею связываетъ свои горделивые замыслы, которые, какъ и всегда и во всемъ у него, перебиваются моментами сомнѣнія и самоуничиженія. Еще до болѣе тѣснаго сближенія съ Пушкинскимъ кружкомъ въ его творчествѣ много реализма, въ смѣхѣ (вспомнимъ, наприм., «Сорочинскую ярмарку» и въ особенности ея конецъ) проглядываетъ грусть, въ картинахъ воспроизводимой жизни уже намѣчаются черты «пошлости

*) *Русская Мысль* 1902 г., кн. III.

пошлаго человѣка» (Шпонька, какъ прототипъ Подколесина и какъ ранній типъ малорусскаго провиціальнаго дворянства). Сколько глубокой жизненности въ Ѳомѣ Григорьевичѣ и самомъ Рудомъ Панькѣ, этомъ Гоголевскомъ Бѣлкинѣ, сквозь призму взглядовъ котораго мы невольно пропускаемъ всѣ разсказы «Вечеровъ»!

Пушкину, Губеру и многимъ другимъ современникамъ «Вечера» показались большой литературной новинкой. Около нихъ скоро закипѣла литературная война, въ которой приняли участіе: Пушкинъ, Полевой, Булгаринъ, В. Ушаковъ и др. И «Вечера», и вызванная ими полемика очень скоро выдвигаютъ Гоголя въ первые ряды тогдашней литературы, даютъ ему видное мѣсто въ кругу литературной аристократіи, которая вообще держала себя замкнуто и гордо и которая очень скоро дѣлается ему близкой *).

Какъ наблюдательный и чуткій человѣкъ, Гоголь сразу же долженъ былъ понять все значеніе этого факта: тѣ ряды, на недоступность и замкнутость которыхъ такъ много жаловались въ обществѣ и литературѣ, очень охотно разступились передъ нимъ, давъ высшую санкцію его талантливости. Тонъ Гоголя замѣтно крѣпнетъ въ письмахъ, мѣстами даже проглядываетъ повышенное литературное самолюбіе.

Но онъ вообще былъ всегда настолько скрытенъ, самостоятеленъ и независимъ въ своемъ развитіи и своихъ отношеніяхъ, настолько уже опредѣлился и сложился къ этому времени, что не могъ измѣниться слишкомъ рѣзко подъ чужимъ вліяніемъ: онъ—все тотъ же «таинственный карло», всегда вѣрный себѣ и послѣдовательный...

Конечно, въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ наибольшее вліяніе на него могъ оказать Пушкинъ—насколько вообще можно допустить вліяніе со стороны на Гоголя... Не слѣдуетъ только его преувеличивать.

Вспомнимъ, какіе критическіе, прямо страшные годы переживалъ тогда самъ великій писатель...

Измученный долгами, административными и цензурными преслѣдованіями, всей путаницей своихъ семейныхъ, свѣтскихъ, придворныхъ и литературныхъ отношеній, великій поэтъ, «усталый рабъ» по собственному признанію, приходитъ къ безотрадному жизненному выводу: «на свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля», проповѣдуетъ «угрюмое» отчужденіе отъ толпы, отрекается отъ своихъ прежнихъ увлеченій «народными правами» и освобождаетъ свое творчество отъ злободневныхъ вопросовъ. Отъ опостылѣвшей пошлой и низменной дѣйствительности онъ все болѣе и болѣе уходитъ въ міръ античной, въ особенности эллинской красоты, отзвуковъ старины или фантастическихъ призраковъ. Только вполнѣ опредѣлившееся и окрѣпнувшее реальное чутье, опиравшееся на основныя особенности поэтической организаціи и естественное развитіе таланта, по-

*) См., напр., т. I, стр. 321: „*Наши* почти всѣ разъѣхались: Пушкинъ въ деревню, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери".

мѣшало ему вернуться къ «высокопарнымъ мечтаньямъ» юности, снова окунуться въ нараставшія и набѣгавшія отовсюду волны романтизма, который все глубже и глубже захватывалъ русское общество. Искренній и яркій байронизмъ Лермонтова, трескучій и взвинченный романтизмъ Марлинскаго, Полевого и Кукольника, романтическія томленія «идеалистовъ 30-хъ годовъ» — симптомы одного и того же общественнаго настроенія, которому не поддавался только одинъ Пушкинъ.

Переданные Пушкинымъ Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» подъ его собственнымъ перомъ, конечно, получили бы совершенно иное развитіе, чѣмъ какъ ихъ разработалъ Гоголь: вспомнимъ хотя бы тягостное впечатлѣніе, произведенное на великаго поэта чтеніемъ первыхъ набросковъ «Мертвыхъ Душъ», и его же знаменательное восклицаніе: «Боже! какъ грустна наша Россія!» Многое въ нихъ, конечно, было для него открытіемъ и даже откровеніемъ. Самъ онъ, несомнѣнно, разработалъ бы этотъ сюжетъ въ духѣ своего «Русскаго Пелама», а не въ видѣ энциклопедіи, «Божественной Комедіи» русской жизни, какъ это получилось у Гоголя. Вопросъ шелъ только о формѣ, повѣствовательныхъ рамкахъ, которыя у обоихъ писателей должны были наполниться совершенно различнымъ содержаніемъ.

Пушкинъ настойчиво совѣтовалъ Гоголю взяться за болѣе крупную литературную работу, восполнять пробѣлы своего литературнаго образованія, указалъ ему отличительную особенность его таланта—необыкновенно тонкое пониманіе и изображеніе «пошлости пошлаго человѣка». Все это, конечно, очень важно, но отъ него еще очень далеко до предопредѣленія, такъ сказать, будущаго содержанія произведеній Гоголя, систематическаго воспитательнаго воздѣйствія на него, даже его пересозданія.

Потрясенный всею неожиданностью катастрофы, Гоголь, при первомъ извѣстіи о трагической гибели Пушкина, вполнѣ естественно и искренно преувеличиваетъ значеніе покойника въ своемъ внутреннемъ развитіи.

Плетневу онъ писалъ (т. I, стр. 432): «Что̀ мѣсяцъ, что̀ недѣля, то новая утрата: но никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не *воображалъ* его предъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя Души»), внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска»!... *).

*) Ср. 441: „Я долженъ продолжать мною начатый большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе“.

Еще сильнѣе и выразительнѣе письмо къ Погодину (стр. 434): «Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были ли минуты, въ которыя я творилъ. *Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина.* Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что̀ есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его *) не писалась безъ того, *чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ.* Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, *угадывалъ*, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя»?... **).

Эти признанія особенно характерны тѣмъ, что мало говорятъ о *реальномъ вліяніи самого Пушкина* и выдвигаютъ на первый планъ его *идеализованное значеніе*—такъ сказать, значеніе олицетворенія литературной совѣсти Гоголя. Если принять во вниманіе разъѣзды обоихъ писателей, то ихъ непосредственное общеніе окажется очень непродолжительнымъ. *Гоголь больше считался съ идеальнымъ образомъ Пушкина, выношеннымъ въ своей душѣ, чѣмъ съ самимъ великимъ поэтомъ...*

Для него теперь Пушкинъ—символъ русской поэзіи и печальной судьбы ея лучшихъ представителей; позднѣе, какъ обобщенный и идеализованный образъ (вспомнимъ извѣстное начало седьмой главы «Мертвыхъ Душъ»), онъ же—антитеза творчеству и судьбѣ писателя, «дерзнувшаго вызвать наружу на всенародныя очи всю страшную, потрясающую тину мелочей».

Въ 1837 г., по поводу смерти Пушкина, онъ пишетъ (стр. 434—35): «Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?... Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были проникнуты этою потерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что самъ монархъ (буди за то благословенно имя его!) почиталъ (его) талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, *благородное наше аристократство* ***), серд-

*) Конечно, труда.

**) Ср. стр. 435 (письмо Прокоповичу): „Отъ вашихъ хладныхъ береговъ такія грустныя несутся вѣсти. Великаго не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена“ стр. 454: „смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла ото всего, на что погляжу, *половину* того, что̀ могло бы меня развлекать“.

***) Такое же презрительное и знаменательное для своего времени и для характе

це мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильны причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться», т.-е. на бѣгство за границу...

Его «одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли», что онъ даже «опасается быть несправедливымъ теперь ко всему, что должно утѣшать и восхищать душу: можетъ быть, это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты, которую «понесло русское общество «и въ которой самъ Гоголь» до сихъ поръ не имѣетъ силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто бы оборвала въ его жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе» (стр. 444).

Въ 1839 году онъ писалъ Плетневу (т. II, стр. 12): «Одного я никакъ не могъ предчувствовать—смерти Пушкина, и я разстался съ нимъ, какъ будто бы разлучаясь на два дни. Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ—и Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ теперь Петербургъ? Къ чему вамъ теперь ваши милыя прежнія привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все, и ѣдемъ въ Римъ! О, еслибъ вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты. Какъ наполняются тамъ незамѣстимыя пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу»!...

Вся острота утраты могла смягчаться только мистико-эстетическими вѣяніями римской жизни...

Глубокое сожалѣніе къ трагической жертвѣ всей ненормальности нашего общественнаго строя и преклоненіе передъ геніальнымъ вождемъ новѣйшей русской литературы, принявшимъ такъ привѣтливо и ласково своего молодого товарища-новичка, не слѣдуетъ смѣшивать у Гоголя съ признаніемъ своей большой литературной зависимости отъ Пушкина: во всемъ этомъ слишкомъ сильно перепутались и «ума холодныя наблюденія», и «сердца горестныя замѣты»; склонный вообще къ гиперболизаціи собственныхъ ощущеній, Гоголь имѣлъ для этого въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ достаточныя основанія.

Уже въ концѣ 1837 г. онъ писалъ Жуковскому (стр. 459): «О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой *прекрасный сонъ* удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ; *но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все*»... Все, даже Пушкина!

Идеи «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» назрѣвали и росли постепенно, независимо отъ Пушкина и незамѣтно для самого автора; то, что возни-

---

ристики взглядовъ Гоголя выраженіе, какъ „*офицеръе*“ (т. I, стр. 321) и „ученый дрязгъ нашъ“ (т. I, стр. 320). По поводу историческихъ пьесъ Погодина Гоголь проситъ его „ради Бога“ прибавить боярамъ глупой физіономіи“ (стр. 235—6): „Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А доказательство въ наше время“.

кало подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Пушкина, было оставлено далеко позади послѣдующими *совершенно самостоятельными* переработками, углубленіемъ и расширеніемъ темъ. Самъ Гоголь не безъ удивленія приглядывался къ таинственному и своеобразному прорастанію въ его душѣ сѣмени, заброшеннаго Пушкинымъ,—далеко не во всемъ отдавалъ себѣ отчетъ и иногда очень оригинально понималъ свое собственное творчество...

Однако, трезвый и ясный умъ Пушкина, при всей его обаятельности, долженъ былъ имѣть сдерживающее вліяніе на ростъ болѣзненнаго мистицизма въ душѣ Гоголя, и въ этомъ отношеніи безвременная смерть великаго поэта была наибольшей *личной* потерей для геніальнаго сатирика.

Такой роли пушкинскій кружокъ, послѣ смерти своего главы, конечно, не могъ сыграть въ жизни Гоголя.

Присущіе всѣмъ его выдающимся членамъ высокое, идеалистическое пониманіе искусства и его общественной роли, примиреніе съ современнымъ режимомъ и почти полное отсутствіе критическаго къ нему отношенія, общая слабость политическаго и соціальнаго сознанія, одностороннее пониманіе литературнаго реализма,—все это если и вліяло на Гоголя, то исключительно въ отрицательномъ отношеніи: усиливало внутренній разладъ, не давало никакой точки опоры, не только не помогало, но даже мѣшало разобраться въ пестрыхъ проявленіяхъ современной дѣйствительности.

Жуковскій *), «мечтательный зритель», «безпечный жилецъ земли», «вѣчный дитя», къ тому времени все болѣе и болѣе дѣлался мистикомъ и піэтистомъ, дошелъ даже до проповѣди духовидѣнія. Ему всегда былъ чуждъ реализмъ Гоголевскаго творчества, и, конечно, его симпатіи были на сторонѣ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», «Развязки Ревизора» и «Размышленій о литургіи».

Кн. Вяземскій, бурливший и даже неистовавшій раньше, теперь «поумнѣлъ», со многимъ примирился, еще отъ большаго отступился и вызвалъ такую, наприм., характеристику императора Николая въ его знаменательномъ разговорѣ съ Жуковскимъ (1830 года, см. *Рус. Старину*, 1902 г., т. IV, стр. 79—80): «Ты имѣлъ связь съ Вяземскимъ, который дѣлалъ множество непозволительныхъ поступковъ, лгалъ самъ, подбивалъ лгать и дѣйствовать другихъ, былъ настоящій boute-feu (зажигатель). До вчерашняго дня онъ былъ таковъ. Теперь я и самъ позволю тебѣ его обнять—можно. Я все, все скажу ему самъ, когда увижу его: теперь онъ все сгладилъ своимъ раскаяніемъ! Онъ поступилъ такъ, какъ очень рѣдко поступаютъ,—смирился, писалъ къ великому князю. Если бы онъ за четыре года сдѣлалъ это съ покойнымъ императоромъ, то получилъ бы тоже прощеніе, и тотъ открылъ бы ему объятія; теперь все забыто»...

---

*) Гоголь говоритъ про его пріѣздъ въ Римъ (т. I, стр. 553): „Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику, хотя Римъ ни въ какую минуту горя нельзя назвать темницею". Ср. т. I, стр. 383 и проч.

Слишкомъ мягкій и елейный Плетневъ, съ его «прекрасной душой»,

Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты,

человѣкъ черезчуръ незлобивый и вялый, склонный къ компромиссамъ и примиренію, могъ дать еще меньше трезваго отношенія къ дѣйствительности, вѣрной ея критической оцѣнки, яснаго общественнаго и литературнаго міровоззрѣнія, какъ и Языковъ, Погодинъ, Шевыревъ съ ихъ беззаконною смѣсью славянофильства и идей «офиціальной народности».

Плодотворнѣе могло бы быть сближеніе съ кружкомъ «идеалистовъ 30-хъ годовъ», но они опредѣлились и сложились слишкомъ поздно для Гоголя, когда онъ былъ уже охваченъ весь мистическимъ идеализмомъ, и когда для него не было уже возврата.

При всемъ желаніи даже, онъ не можетъ сойтись съ молодыми Аксаковыми и ихъ ближайшими друзьями, сознательно сторонился отъ Бѣлинскаго и его единомышленниковъ. Отталкивали отъ нихъ Гоголя прежде всего и больше всего отсутствіе у него философской закваски, темное чутье всей безпочвенности и искусственности молодыхъ кружковыхъ увлеченій, которымъ онъ не умѣлъ противопоставить своей болѣе ясной и трезвой программы. Примкни онъ къ нимъ, ему пришлось бы доучиваться и переучиваться въ то время, какъ ему уже настоятельно хотѣлось учить. Какъ зрѣлый человѣкъ и тонкій наблюдатель, онъ прекрасно могъ понимать всѣ шероховатости и взвинченность новыхъ идей и настроеній, но не всегда умѣлъ выдѣлять изъ нихъ здоровыя зерна, давшія потомъ сторицею плодъ.

Подобно Пушкину, онъ прозрѣваетъ силу Бѣлинскаго, также вступаетъ съ нимъ въ тайныя сношенія и не рѣшается пренебречь ожесточенною ненавистью къ нему своихъ литературныхъ друзей-аристократовъ. Онъ отталкиваетъ великаго критика своею скрытностью и неискренностью, платитъ ему за страстное преклоненіе даже неблагодарностью, хотя прислушивается внимательно къ его статьямъ и черпаетъ оттуда общія идеи объ искусствѣ, общественной роли поэзіи, значеніи смѣха, комедіи и сатиры, отплачивая за это широкимъ воспитательнымъ значеніемъ воспроизводимыхъ жизненныхъ картинъ.

Въ своемъ творческомъ развитіи, полномъ всевозможныхъ противорѣчій и колебаній, Гоголь долженъ былъ, такимъ образомъ, опираться только на самого себя.

VII.

Нами была уже намѣчена выше борьба въ душѣ юнаго Гоголя реалистическихъ и идеалистическихъ, практическихъ и ультра-романтическихъ элементовъ, сложная смѣсь простоты, искренности, непосредственности чувства—и скрытности, двойной игры въ его отношеніяхъ даже къ самымъ близкимъ людямъ.

Сближеніе съ Пушкинскимъ кружкомъ нисколько не сгладило этихъ противорѣчій. Въ перепискѣ этого періода (1831—1836 гг.) они даже сказываются иногда рѣзче прежняго. Прежде всего бросаются въ глаза яркіе реалистическіе проблески на общемъ романтическомъ фонѣ. Въ шуточномъ, положимъ, письмѣ къ Данилевскому (т. I, стр. 200) онъ подчеркиваетъ, что «если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ *слишкомъ воздушны, неопредѣленно-общи и потому безхарактерны*»: пріуроченіе къ «чертамъ красавицы» того, что лежало въ основѣ всего Гоголевскаго творчества.

Кукольника, за его трескучій, ложно-величавый пафосъ онъ называетъ «возвышеннымъ» и даетъ о немъ такіе, наприм., полные глубокаго сарказма и тонкаго литературнаго чутья отзывы (стр. 211): «Возвышенный все тотъ же, трагедіи его все тѣ же. «Тассо» его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всѣ необыкновенно благородны, полны самоотверженія, и, вдобавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ поэтъ и влюбленный въ Тассо по уши. А сравненіями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія «*губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*» или «*тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ во мракѣ цѣпи*—ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина все попрежнему не любитъ; «Борисъ Годуновъ» ему не нравится *).

Напряженный и вымученный восторгъ ему такъ же противенъ, какъ сухой педантизмъ; отъ описаній онъ требуетъ прежде всего, чтобы они «не пахли каѳедрой» (т. 1, стр. 258).

Въ сужденіяхъ его о литературныхъ, семейныхъ и общественныхъ дѣлахъ много трезвости, ясности сознанія, здоровой сметки.

Относительно воспитанія сестеръ онъ даетъ рядъ очень практическихъ и продуманныхъ совѣтовъ, прекрасно намѣчаетъ отрицательное вліяніе на подрастающія поколѣнія дѣвичьей, мелкой провинціальной среды (т. I, стр. 259—261, 265—6, 508, 584—586, т. II, стр. 14, 19),—требуетъ искренности и простоты отъ сестеръ (т. I, стр. 532), хотя въ то же время по поводу неаккуратности ихъ въ перепискѣ пускается въ довольно сомнительныя умствованія (т. I, стр. 624): «Я могу, и не писавши къ вамъ, любить васъ, а вамъ никакъ нельзя доказать, что вы любите меня, не писавши».

Въ отношеніяхъ къ матери часто слышится теперь не только наставительный, но даже и властный тонъ. Гоголя прямо пугаютъ нараставшія у нея мечтательность, наивное прожектерство и полное неумѣніе вести дѣла, довѣріе къ самымъ невѣроятнымъ слухамъ и неумѣренность материнской любви и гордости **). Ея затѣи разоряютъ и безъ того запущенное имѣ-

*) Срв. т. I, стр. 258: „Кукольникъ навалялъ дюжину дюжинныхъ трагедій", стр. 503—504 и проч.

**) См., наприм., т. II, стр. 21—22: „Маменька моя глядитъ и не видитъ, что она дѣлаетъ то, чего никакъ не воображаетъ дѣлать и, думая объ ихъ (сестеръ Го-

ніе и ухудшаютъ незавидное давно уже матеріальное положеніе дѣлъ семьи *). Въ началѣ онъ еще извиняется, что «позабывшись», «читаетъ ей наставленія» (т. I, стр. 297), но потомъ доходитъ даже до откровенныхъ выговоровъ и распеканій: «О, Бога ради, маменька, не заводите никакихъ новыхъ предпріятій и фабрикъ! Для того, чтобы заводить ихъ, нужно слишкомъ быть свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ» (т. I, стр. 315). «Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ... Если бы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, я вѣрно бы не упустилъ этимъ воспользоваться: *я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ*. Но мои обстоятельства и мое положеніе таково... Но мнѣ нельзя этого растолковать вамъ. Мы можемъ не понять другъ друга и будемъ только переводить напрасно бумагу. Оставимъ чины» (т. I, стр. 326).

Не понимая всей скрытой иронiи своихъ словъ, Гоголь, этотъ неисправимый мечтатель, предлагаетъ своей мечтательницѣ - матери себя въ качествѣ постояннаго «совѣтника, который бы практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь»: «Я очень постигаю васъ. Я знаю, что ваша вся жизнь была въ заботахъ, что вы вѣчно должны были бороться съ критическими обстоятельствами. *Отъ этого не мудрено, что душа ваша ищетъ успокоенія въ мечтѣ*, и что вы любите предаваться ей, какъ вѣрному своему другу, и не мудрено, что она завлекаетъ васъ иногда. Вамъ нуженъ совѣтникъ, который бы практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь. *Этотъ совѣтникъ вамъ буду я*. Почитайте меня за друга, съ которымъ вы должны дѣлить свои мысли и не сердиться, если этотъ другъ будетъ подавать вамъ совѣты. Если же вы совѣты станете почитать за *строгія наставленія и умничанья*, вашъ другъ тогда замолчитъ, и вы ничего отъ него не услышите» (стр. 342).

Но «строгое наставленіе» слышится сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, и по очень характерному поводу: у матери Гоголя была привычка носиться съ его письмами и сочиненіями, очень фантастическими иногда слухами о немъ,—неумѣренно расхваливать его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, поднимать изъ-за него не всегда умѣстные споры, которые волновали и мучили Гоголя, крайне щепетильнаго, болѣзненно-самолюбиваго, боявшагося какъ огня, показаться смѣшнымъ (см., наприм., т. I, стр. 380).

Съ поразительною силой, весь охваченный стыдомъ передъ неумѣренными родственными похвалами, онъ пытается умѣрить материнскіе наивные восторги (т. I, стр. 342—4). «Вы слишкомъ предаетесь вашимъ мечтаніямъ. Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простого человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, на-

---

голя) счастіи, сдѣлаетъ ихъ несчастными и потомъ *всю вину сложитъ на Бога, говоря, что такъ Богу было угодно поступить*".

*) См. т. 2, стр. 23, 15.

зывать геніемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и (не) протолпиться. Итакъ, я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ.

Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня будетъ лучшая похвала. Я знаю очень много умныхъ людей, которые вовсе не обращаютъ вниманія на литературу, и тѣмъ не менѣе я ихъ уважаю. Литература вовсе не есть слѣдствіе ума (?), а слѣдствіе чувства,—такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись. У меня, напр., нѣтъ уха къ музыкѣ, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презираетъ. Я не знаю ни въ зубъ математики, и надо мной никто не смѣется. Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мной будетъ всякій смѣяться. Если бы вы знали, какъ непріятно, какъ отвратительно слушать *), когда родители говорятъ безпрестанно о своихъ дѣтяхъ и хвалятъ ихъ! Я вамъ говорю, что я никогда не чувствовалъ уваженія къ такимъ родителямъ; я ихъ считалъ всегда такими хвастунами, и сколько мнѣ приходилось слышать отъ другихъ, то и имъ казались отвратительными похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маменька, о литературѣ. Вы въ большомъ заблужденіи. Вы воображаете, что умный человѣкъ непремѣнно долженъ судить о литературѣ и понимать ее—ничуть не бывало! Знаете ли вы, въ какой можно попасть просакъ. Вотъ вы, напрм., приписали мнѣ сочиненія такого автора, которымъ гнушается истинный вкусъ автора, который ничего рѣшительно не имѣетъ общаго со мною, которымъ только на хуторахъ восхищаются и который пользуется презрѣніемъ даже отъ не совсѣмъ постигающихъ читателей **), а вы его приписали мнѣ, и когда я увѣрялъ васъ, въ моемъ

---

*) Гоголь, повидимому, это не разъ чувствовалъ, страдалъ отъ безтактности другихъ и за безтактность другихъ, и въ данномъ случаѣ съ особенною силою примѣнилъ это къ себѣ и къ своей матери.

**) Характерная черта повышеннаго литературнаго самолюбія у Гоголя, которое у него часто проглядывало по разнымъ поводамъ. Въ 1833 г. онъ пишетъ матери (т. I, стр. 255): „Сдѣлайте милость, не приписывайте мнѣ всякаго вздору“, въ слѣдующемъ году Погодину (стр. 274): „Почтенные редакторы („Библіотеки для Чтенія“) зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ и на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь“; когда мать начала разсказывать, что баронъ Брамбеусъ—псевдонимъ ея сына, Гоголь опять повторяетъ свою просьбу (стр. 293) „не приписывать ему чужихъ сочиненій“ и прибавляетъ при этомъ: „Я сдѣлалъ это замѣчаніе потому только, что авторъ баронъ Брамбеусъ не на слишкомъ хорошемъ счету. Его грязныя сочиненія нравятся только низшему классу“. (Срв. т. I, стр. 312). Обѣщая свое сотрудничество Погодину, онъ прибавляетъ (стр. 324): „Теперь мое имя не слишкомъ видно; но послѣ напечатанія моихъ небольшихъ мараканій всетаки лучше“. Спрашивая Прокоповича о „Литературныхъ прибавленіяхъ“ Краевскаго, Гоголь жалуется своему задушевному другу: „Отчего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено валяться, какъ векселю несостоявшагося (?) банкрота,

письмѣ клялся, — вы упрямо стояли на своемъ. Когда я прочиталъ этотъ кусокъ изъ вашего письма одному человѣку, имѣвшему вкусъ (*я, однакожъ, ни слова ни сказалъ, что это письмо ваше* *), онъ захохоталъ. Мнѣ самому было смѣшно, когда я читалъ его, но вмѣстѣ досадно, когда я видѣлъ, какъ *умная, прекрасная дама*, исполненная истиннаго благородства души **), можетъ себя компрометировать и унизить, не видѣть то, какъ много нужно тонкости и особеннаго чутья въ литературѣ, которое и литераторамъ дается немногимъ, чтобы судить вѣрно. Васъ обмануло то, что вамъ точно дано чувство и вкусъ вообще, и что вамъ показались понятными и хорошими нѣкоторыя мѣста, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго твореніе. Но знаете ли вы, что именно тѣ мѣста, которыя вамъ незамѣтны, тѣ-то и есть, можетъ быть, истинно достойныя, и что, можетъ быть, вы видѣли только сотую долю того, что̀ другой видитъ или долженъ бы видѣть все... Очень трудно это искуство! Знаете ли, что въ Петербургѣ, *во всемъ Петербургѣ, можетъ быть, только человѣкъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаютъ искусство;* и между тѣмъ въ Петербургѣ есть множество истинно прекрасныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей. Я самъ, преданный и погрязшій въ этомъ ремеслѣ, я самъ никогда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведеніе. Нѣтъ, можетъ быть, я только десятую долю понимаю. Итакъ, не говорите объ этомъ. Если васъ спросятъ, отвѣчайте, но *отвѣчайте односложно* и перемѣняйте тотчасъ разговоръ на другое. Помните, что это говоритъ вамъ другъ вашъ, который желалъ бы, чтобы весь свѣтъ почиталъ васъ такъ, какъ вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами».

Онъ очень недоволенъ ея спорами относительно его сочиненій съ знакомыми и сосѣдями, совѣтуетъ на «замѣчанія и толки» отвѣчать: «я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня этого довольно». Онъ даже рекомендуетъ ей перечитать отрицательные отзывы Булгарина и Сенковскаго объ его сочиненіяхъ: «вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и *почти всегда эти замѣчанія справедливы*» (стр. 552).

Что эта замѣчательная *литературная скромность* ***) въ данномъ случаѣ вполнѣ искренна, можно видѣть изъ отрицательнаго, часто даже пре-

---

отъ котораго хотя не ждутъ никакой пользы, но не раздираютъ его потому только, что когда-то онъ стоилъ денегъ. Впрочемъ, мнѣ это непріятно, и только въ нашемъ литературномъ мірѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы, чтобы мое имя упоминалось въ печати“ и проч.

*) Оговорка, характерная какъ для самого Гоголя, такъ и для его матери: и желаніе запугать ее чужимъ, якобы компетентнымъ мнѣніемъ (можетъ быть, даже вымышленнымъ), и стремленіе возможно больше пощадить ея щекотливое самолюбіе, при всей рѣзкой откровенности сужденій.

**) Вѣрно, умѣло и своевременно разсчитанная лесть.

***) Срв. стр. 549: „Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ!“

небрежительнаго отношенія Гоголя къ его прежнимъ произведеніямъ—при всемъ ихъ успѣхѣ.

Въ 1833 г. онъ пишетъ Погодину (стр. 237): «Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ»... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» онъ «стыдится назвать своею», считаетъ «неуклюжей» (стр. 262), все свое творчество до «Мертвыхъ душъ» называетъ ученическими попытками—«изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго» (стр. 384). Даже въ 1838 г. онъ только еще собирается въ будущемъ «много сдѣлать» (стр. 511). Ему даже «страшно вспомнить обо всѣхъ своихъ мараньяхъ» (стр. 495): «Они вродѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа! И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова — я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой—увы!—не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки... «Я на «Ревизора»—плевать».

Безтактныя похвалы матери только усиливали это отрицательное отношеніе къ своимъ сочиненіямъ — въ силу естественной реакціи, придавали ему болѣе рѣзкій характеръ.

Въ ея общемъ настроеніи Гоголю чувствуется много больного и зловѣщаго. Ему приходится даже бороться противъ вѣры въ сны, предзнаменованія и примѣты у матери (т. I, стр. 354—355), напоминать ей настойчиво о томъ, что «истинный и добрый христіанинъ никогда не бываетъ суевѣренъ и не вѣритъ пустякамъ», ссылаясь между тѣмъ на свои собственныя «предчувствія» (стр. 358).

Веденіе хозяйства матерью онъ сравнивалъ съ Тришкинымъ кафтаномъ (стр. 366), довольно сердито выговариваетъ ей за «секретничанье», «потому что это дѣлается только съ маленькими дѣтьми» (стр. 379), настойчиво предупреждаетъ ее отъ всего, что могло бы быть «смѣшно» (стр. 380).

Отмѣчая всѣ ея промахи и ошибки, онъ не забываетъ при этомъ сослаться на *смягчающія вину обстоятельства* (стр. 575): «виноваты несчастія, которыя подавили васъ, которыя навалили на васъ кучи заботъ, требовавшихъ силъ твердаго мужа, а не доброй, чувствительной женщины. Виноваты эти заботы, которыя лишили насъ прежняго милаго, веселаго характера нѣжно любимой нами маменьки и навели на него мрачное облако задумчивости, разсѣянности, вѣчно тревожныхъ мыслей, *отлучавшихъ и отвлекавшихъ ее невольно отъ дѣйствительности и происходившаго передъ глазами теченія дѣлъ и обстоятельствъ,* которыя, чтобы вести хо-

рошо, нужно было имѣть слишкомъ твердый характеръ, какой имѣетъ мужчина, нужно быть слишкомъ спокойну и не поражену несчастіемъ».

Объ этой перемѣнѣ въ характерѣ матери онъ считаетъ нужнымъ предупредить своихъ сестеръ-институтокъ.

Данилевскому (стр. 572—3) онъ пишетъ еще откровеннѣе *): «маменька, кажется, дохозяйничалась, наконецъ, до того, что теперь рѣшительно, кажется, не знаетъ, что̀ дѣлать. Дѣла наши по деревнѣ, кажется, такъ разстроены, какъ только возможно, и я никакихъ не имѣю средствъ помочь. Какъ нарочно къ этому времени приближается и срокъ или выпускъ моимъ сестрамъ!»...

Во всемъ этомъ проглядываетъ *ясное реальное сознаніе*, какъ и въ настойчивой проповѣди веселья, чтобы спастись отъ слишкомъ печальныхъ жизненныхъ взглядовъ (т. I, стр. 308, 340, 352), въ глубокомъ и быстромъ пониманіи своихъ ошибокъ (стр. 327), всей отвѣтственности и всей тяжести положенія писателя на Руси (стр. 441—2), всего трагизма такъ быстро улетающей юности и столь опустошительной для души старости (стр. 486, 562, 611; 562) **).

Отдаваясь идеалистическимъ мечтаніямъ, мучительно работая надъ вопросомъ объ отношеніяхъ между идеаломъ и дѣйствительностью, о роли искусства въ жизни, онъ не забываетъ дать очень практическій и своевременный совѣтъ, какъ удешевить почтовую посылку (стр. 265), какъ контролировать завѣдывающаго фабрикой (стр. 282—4, 296—297), какъ пустить кстати «скромныя похвалы» и разные экивоки (стр. 290, 313), даже рекламу (стр. 341), не «предаваться безплоднымъ мечтаніямъ» и не «сидѣть сложа руки, надѣясь во всемъ на милосердіе Божіе», а «трудиться съ благоразуміемъ» и «съ осмотрительностью приниматься за дѣло» (стр. 311),— какъ дешевизною новаго журнала «оттянуть привалъ черни къ глупой «Библіотекѣ» (стр. 324, 328), поразить ее «количествомъ и массой», «разнообразіемъ» и «оглавленіемъ статей подлиннѣе», «книжками потолще» и «пестротой», «шпигованіемъ» листковъ *смѣхомъ*, — «постоянствомъ, трудомъ, ловкостью и мудростью» (стр. 335).

Онъ настаиваетъ на внимательномъ отношеніи къ политикѣ свѣтскихъ отношеній (стр. 474), говоритъ о *разумномъ* бракѣ (стр. 474—475), постепенномъ пріученіи молодежи къ «наукѣ жизни» и правильнымъ общественнымъ отношеніямъ (стр. 541, 614).

---

*) Разореніе матери онъ ставитъ въ связь въ письмѣ къ Дмитріеву (стр. 219) съ общимъ экономическимъ разстройствомъ Малороссіи. „Народъ бѣденъ, имѣнія разорены и недоимки неоплатныя... Всему виною недостатокъ сообщенія: онъ усыпилъ и облѣнивалъ жителей. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ пельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль кремлетъ, наконецъ, умираетъ, а они рыскаютъ за зайцами". Какое ясное и глубокое пониманіе положенія дѣлъ!

**) Ср. еще т. II, стт. 17, 18, 22 и пр.

Рядомъ съ этимъ мелькаютъ черты повышенной и даже болѣзненной религіозности (стр. 260—261, 281, 297, 304, 516, 524, 551, т. II, стр. 15, 18), глубокая вѣра не только въ то, что Провидѣніе руководитъ его творчествомъ (стр. 255), но даже и удачнымъ выборомъ квартиры (стр. 415). Во многомъ онъ видитъ «предопредѣленіе» (стр. 364, 412), испытываетъ чувства, «которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли» (стр. 383—384) *): «мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ». «Хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея» (стр. 385).

Онъ самъ подмѣчалъ въ себѣ эту двойственность и поражался ею (стр. 543): «трудно, трудно удержать середину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда онѣ существуютъ въ головѣ нашей; но *труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ—жизнь вдругъ въ томъ и другомъ мірѣ*». Именно это и пробовалъ всю жизнь дѣлать Гоголь...

Ему глубоко претитъ пошлая прозаичность современной жизни **): «все рынокъ, да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли, да ничтожество! Доселѣ все жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичомъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возлетитъ святая молитва» (стр. 481). Въ его тонѣ слышатся все болѣе и болѣе нарастающія властныя, иногда прямо мессіоническія нотки. Въ 1833 г. онъ пишетъ матери (стр. 261): «я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. *Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца*, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, а между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ». Въ 1837 г. «своимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ нимъ двойную силу и власть», онъ «заклинаетъ» Прокоповича «стряхнуть лѣнь» (стр. 425).

Онъ настойчиво проповѣдуетъ спасительность несчастій (стр. 397) и необходимость испытаній (стр. 384): «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія!»

---

*) Ср. т. II, стр. 12: „предчувствія мои вѣрны, и я не знаю, отчего во мнѣ поселился теперь даръ пророчества“.

**) Ср. стр. 310: „Смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ, у котораго онъ подъ ногами—и употребляется на обтирку ногъ его“.

Несомнѣнная болѣзненность, вслѣдствіе мнительности, часто преувеличивается; о своихъ болѣзняхъ *) Гоголь часто даетъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія (напр., стр. 385, 387, 390, 392)—и искренно, и изъ своеобразнаго политиканства, которое вообще очень сильно въ его перепискѣ. Онъ часто приспособляется къ тону своего корреспондента, грубовато практиченъ съ Погодинымъ и поэтично романтиченъ съ Максимовичемъ, въ письмахъ часто пользуется словомъ для того, чтобы скрыть свои настоящія мысли и свое дѣйствительное положеніе. Онъ можетъ, если это нужно для чего-нибудь, проставить ложную дату, невѣрно обозначить мѣстопребываніе, систематически мистифицировать человѣка, выдавая свои русскія письма за заграничныя **): все это только «фокусы въ письмахъ» (стр. 482). Горделивые намеки на значительность и содержательность институтскихъ лекцій смѣняются боязнью, что они могутъ попасть въ руки корреспондента, и совсѣмъ невѣроятными розсказнями о томъ, что сами институтки попортили ихъ произвольными вставками изъ постороннихъ источниковъ; нѣсколько хвастливыя даже упоминанія о близкихъ къ завершенію многотомныхъ научныхъ трудахъ—робкими ссылками на неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія появленіе отрывковъ изъ нихъ въ свѣтъ. Ему хочется, повидимому, воспользоваться для своихъ курсовъ лекціями Погодина, и, требуя ихъ, онъ приводитъ для этого всѣ основанія, кромѣ дѣйствительныхъ. Въ отзывахъ о человѣкѣ и личныхъ обращеніяхъ къ нему часто сказывается очень значительная разница; иногда слышится откровенная лесть, хитреца и тонкая изворотливость ***), при жаждѣ искренности и простоты, у себя и у другихъ,—при какомъ-то болѣзненномъ, жгучемъ любопытствѣ къ чужому мнѣнію.

Въ 1838 г. Гоголь признавался Балабиной въ этой чертѣ своего характера, не совсѣмъ справедливо пріурочивая ее только къ школѣ (стр. 544): «когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ... мнѣ хотѣлось смертельно знать, что̀ обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что̀ мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что̀ во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавши все о себѣ». Но развѣ не засыпалъ позднѣе Гоголь своихъ друзей настойчивыми требованіями сообщать всѣ общественные толки о немъ, рискуя получить, наприм., то, что когда-то написалъ ему наивный Шевыревъ («Отчетъ публичной библіотеки» 1893 г., стр. 31): «говорятъ иные, что ты съ ума сошелъ, меня встрѣчали даже добрые знакомые твои та-

*) На нихъ онъ вообще постоянно жалуется (т. I, стр. 454, 465, 486, 511, 514, 519, 520, 549, 555, т. II, стр. 23 и т. д.).

**) См., наприм., т. II, стр. 7—11 и пр.

***) Т. I, стр. 236, 244, 262, 300, 301, 362, 267, 319, 326, 332, 336 (341), 402 373, 374, 377, 383, 597, 600—601.

кими вопросами: «скажите, пожалуйста, правда ли это, что Гоголь съ ума сошелъ? Скажите, сдѣлайте милость, точно ли это правда, что Гоголь съ ума сошелъ?»

Несомнѣнно добрый, гуманный и вдумчивый человѣкъ, съ такою яркостью и силою раскрывавшій всю призрачность и мертвенность русской жизни, слагавшейся на болотѣ крѣпостныхъ отношеній, весь ужасъ ея разложенія, онъ могъ писать про своихъ крѣпостныхъ: «точно ли... вы увѣрены, что люди дѣйствительно добры? Вѣдь имъ самимъ вѣрить нельзя. Этотъ народъ лукавъ: это ничего не значитъ, что они многіе помнятъ васъ съ-измалу. Они, пожалуй, будутъ падать въ ноги, и при этомъ будутъ самыя бестіи» (стр. 266). Своего крѣпостного лакея Якима за пьянство онъ «больно высѣкъ» (стр. 226); за то, что мужики не помѣшали кн. Кочубею вымѣрять землю Гоголей, онъ бы «хорошенько высѣкъ ихъ», если бы былъ дома (стр. 251) *).

Онъ совѣтуетъ матери «обращать наиболѣе вниманія на то, чтобы работниковъ какъ можно болѣе было изъ своихъ людей, нежели изъ нанятыхъ, чтобы исподволь пріучать и занимать всѣхъ мальчишекъ, даже дѣвочекъ, и все, что ни есть изъ мелкаго народа. Работа и сбытъ будутъ... Я нарочно сдѣлалъ для этого сношенія и знакомства со многими нужными людьми» (стр. 281) **).

Сѣвера и сѣверной природы, въ частности Петербурга, онъ попрежнему не любитъ (стр. 254, 268, 274, 275, 543, 544, 582, 606, 609—610, т. II, стр. 20, 21), называетъ его климатъ «проклятымъ», мечтаетъ отсюда «навострить лыжи», считаетъ его «холоднымъ для тѣла и для души», «бездушнымъ»; отъ Москвы, «кромѣ щей и м..... ничего не услышишь» (стр. 281, ср. 582). Въ то же время въ 1834 г. онъ могъ писать Погодину (стр. 303, ср. 400): «оставляя Петербургъ, знаешь ли, что я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что дорого, что было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши все это, нужно стараться всѣми силами затушить сердечную тоску; нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее».

Всѣ эти противорѣчія нельзя объяснять только разницею во времени, разновременными колебаніями слишкомъ эмоціональной натуры подъ вліяніемъ всей пестроты жизненныхъ впечатлѣній: очень часто они сталкиваются одновременно или послѣдовательно, по мѣрѣ того какъ выступаютъ тѣ или другія стороны слишкомъ сложной и противорѣчивой душевной организаціи, то мирно уживавшіяся рядомъ, то вступавшія другъ съ другомъ въ ярост[illegible]ную борьбу...

Сантиментальный лиризмъ сердца попрежнему направленъ на идеализо-

---

*) Ср. т. I, стр. 571—*Поэзія крѣпостного человѣка*, неизвѣстная Западу.

**) Матеріальное положеніе своихъ крестьянъ Гоголь считаетъ очень хорошимъ (т. II, стр. 23).

ванную Малороссію, о которой Гоголь не можетъ вспомнить безъ восторга и приподнятаго патріотизма.

Максимовичу онъ совѣтуетъ бросить «кацапію» и ѣхать «въ гетманщину»: «я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда (изъ Петербурга). Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ?» (стр. 253). «Теперь я принялся за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 263). Онъ глубоко сожалѣетъ объ ея «прошедшей жизни» и «прошедшихъ людяхъ» (стр. 264), мечтаетъ перебраться «въ древній, въ прекрасный Кіевъ»: «онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей» (стр. 268), онъ проситъ затѣмъ Максимовича «ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ» «не сидѣть надъ книгами» (стр. 306—307); его «душа сильно тоскуетъ за Украйной» (стр. 319).

Какъ романтикъ, онъ большой поклонникъ народныхъ пѣсенъ вообще (стр. 596 и пр.), но съ особеннымъ увлеченіемъ относится къ украинской народной поэзіи. Онъ хочетъ обосновать на ней исторію, черпаетъ изъ нея цѣлыми пригоршнями для своихъ художественныхъ произведеній, поетъ въ ея честь страстные гимны.

Онъ хотѣлъ бы съ Максимовичемъ пересмотрѣть собраніе Ходаковскаго «съ жадностью жида, считающаго червонцы» (стр. 253—254). При этомъ онъ восклицаетъ: «Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ *черствыя лѣтописи*, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ *этими звонкими, живыми лѣтописями*... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ *помогаютъ въ исторіи* пѣсни. Даже не историческія, даже п.....: онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе—увы!—прошедшую жизнь и—увы!—прошедшихъ людей»...

Въ такомъ взглядѣ на исторію много романтическаго: для Гоголя важнѣе всего—*вжиться* въ старину, воскресить ея поэтическую цѣльность и непосредственность, дать идеализованную картину, а не научный анализъ процесса. Вспомнимъ, что это какъ разъ пора «Арабесокъ», съ культомъ среднихъ вѣковъ, патетическими восхваленіями арабской культуры, готики, рыцарскаго идеализма, съ идеалистическимъ восторгомъ передъ міровою ролью искусства, и что многія черты этой эпохи наложили свою печать на «Тараса Бульбу».

Задумывая грандіознѣйшую исторію Малороссіи, онъ пишетъ Срезневскому (стр. 279): «еслибъ нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ, или исторія моя была бы совершенно не то, что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти-то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого бы то ни было

вздору». Даже въ 1839 г. онъ, читая малорусскія пѣсни, «запасается и тщится сколько возможно надышаться стариной» (стр. 621) *).

Въ тѣсной связи съ этими историческими занятіями находится трагикомическій эпизодъ его профессуры, чрезвычайно характерный для этого періода, съ перебоями чисто романтической мечтательности и трезваго сознанія, самоувѣренности и самоуничиженія, искренности и политиканства. Онъ возникъ на почвѣ историческихъ увлеченій Гоголя.

Послѣ грандіозныхъ и неудачныхъ плановъ переработать свои институтскіе курсы въ многотомные ученые труды, въ 1833 г. онъ принимается «за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны».

«Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаются литься тише и спокойнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили», пишетъ онъ Максимовичу (стр. 263). Въ то же самое время: «чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію» (стр. 303). Выхлопатывая себѣ черезъ Пушкина каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ, онъ пишетъ великому поэту (стр. 271—272): «во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать планъ мой, то *въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты*. Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ... Тамъ кончу я исторію Украйны и Юга Россіи и напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ... Какъ занимательными можно сдѣлать университетскія записки, сколько можно помѣстить подробностей совершенно новыхъ о самомъ краѣ!»...

Черезъ двѣ недѣли онъ извѣщаетъ Погодина (стр. 274—275): «я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ... Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что *сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи*. Малороссійская исторія моя чрезвычайно *бѣшена*, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» Какъ будто бы это дилемма!

Стилемъ и подъемомъ таланта Гоголь надѣялся прикрыть скудость положительныхъ свѣдѣній, поэтическимъ прозрѣніемъ и проникновеніемъ замѣнить точный научный анализъ, для котораго у него не хватало ни методическаго чутья, ни навыка и терпѣнія. Давали себя знать то мечты, то отраженія дѣйствительности; то романтическое настроеніе, то реальное, трезвое и ясное сознаніе,—и въ результатѣ рядъ колебаній, скачковъ,

*) Срв. еще I, 269, 272, 277, 279, 280, 281, 282, 286, 287, 290, 298, 299, 301, 302, 309, 312, 313, 331, 333, 352, 475, 522 и т. д.

противорѣчій: хвастовство своими трудами и боязнь за нихъ, широковѣщательные намеки, даже публикаціи, эффектныя вступительныя лекціи—и отлыниваніе отъ правильныхъ университетскихъ занятій, убитый видъ, неловкое молчаніе и фиктивная зубная боль во время экзаменованія студентовъ...

Максимовичу онъ рекомендуетъ при случаѣ «вскользь» пустить кіевскому попечителю рядъ такихъ «скромныхъ похвалъ»: «вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя»,—заявить, что онъ «не знаетъ никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія» (стр. 289—290). Въ письмахъ къ нему хлопоты о профессурѣ объясняются стремленіемъ попасть въ «нашъ Кіевъ» и заняться изученіемъ малорусскаго прошлаго. Для Погодина выставляется другой мотивъ (стр. 305): «я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства, которое, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе». Толки о профессурѣ идутъ объ руку съ настойчивыми совѣтами «не сидѣть надъ книгами» (стр. 307).

«Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ тому только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои такой глупый народъ будетъ, особливо сначала, что, право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться. Но, впрочемъ, лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ образомъ поступаетъ и Плетневъ, который нашелъ,—и *весьма справедливо*,—что *всѣ теоріи—совершенный вздоръ* и ни къ чему не ведутъ. Онъ теперь бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ *морду* на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ, съ своей стороны, тебѣ работать *прямо съ плеча, что придется*».

За этими словами чувствуется полное непониманіе университетскаго дѣла, болѣе чѣмъ странный взглядъ на науку, студентовъ и университетское преподаваніе, который только и могъ привести къ полному и безславному краху профессуры Гоголя...

Насколько, подчасъ, онъ былъ далекъ отъ пониманія истиннаго положенія вещей, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ словъ о каѳедрѣ въ Петербургѣ (стр. 319): «отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту».

Лекціи для него—«казенная работа» (стр. 321). Онъ «самъ замышляетъ дернуть исторію среднихъ вѣковъ», причемъ «пять и шесть мыслей новыхъ уже для него искупаютъ все» (стр. 325). Когда Погодинъ сдѣлалъ

нѣсколько возраженій по поводу его мыслей и печатныхъ статей по исторіи, Гоголь разразился такой тирадой (стр. 326—327): «если ты думаешь, что я отвлекаю народы отъ человѣчества, то ты не правъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно (?) написаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ... Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ нужно разсказать, что̀ оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. *Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе.* Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего *) же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? *Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ?* Знаешь ли ты, что̀ значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? *Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ.* Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ, ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его *яркая истина.* И оттого я рѣшительно *бросаю теперь всякую художественную отдѣлку,* и тѣмъ болѣе—*желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками* и только смотрю въ даль и вижу его (?) въ той системѣ, въ какой оно (?) явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ»...

Вспомнимъ, что среди этихъ «безцвѣтныхъ студенческихъ существъ» сидѣли—Тургеневъ и его друзья, что понимать въ лекціяхъ Гоголя, собственно, было нечего, такъ какъ за двумя-тремя феерическими, «слишкомъ горячими» и «бѣшеными» лекціями послѣдовали сконфуженное бормотаніе, съ убитымъ видомъ, чего-то нескладнаго и невнятнаго себѣ подъ носъ, постоянныя манкировки, полное отсутствіе плана въ курсѣ и послѣдовательности въ идеяхъ... Это не мѣшало Гоголю объявлять urbi et orbi (стр. 331): «я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9» и намекать на необыкновенную содержательность и оригинальность своихъ лекцій.

Прошло очень немного времени, и ему пришлось извѣщать Погодина (стр. 357): «я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — *годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся*—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не *ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня*... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ

*) Конечно, отъ незрѣлости самыхъ мыслей, замѣны научнаго изслѣдованія поэтическимъ экстазомъ, пророчествомъ и интуиціей...

никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія,—когда вы исторгнетесь съ бо́льшею силою, *и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзостъ ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь*, всегда соглашающаяся публика и пр., и пр.... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ» *)...

Такъ кончилась эта наивная и странная затѣя, очень характерная для взглядовъ на профессуру не только самого Гоголя, но и его ближайшихъ друзей. «Годы безславія» прошли, но послѣ нихъ остался горькій осадокъ, къ которому скоро присоединился новый «милліонъ терзаній»—вѣчный удѣлъ романтически настроенныхъ идеалистовъ...

VIII.

Если вообще слѣдуетъ говорить о переломѣ въ настроеніи Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни, то его можно пріурочить только къ 1836—1837 годамъ.

Колебанія въ настроеніи дѣлаются съ этого времени рѣзче, капризнѣе и прихотливѣе, замѣтно усиливаются; lucida intervalla сокращаются; неустойчивое вообще душевное равновѣсіе нарушается окончательно; романтическіе элементы получаютъ несомнѣнный перевѣсъ; возникаетъ «Римъ»; въ новыя редакціи «Портрета» и «Тараса Бульбы» вносится много мистико-идеалистическихъ черточекъ, которыя замѣтно пробиваются въ лирическихъ мѣстахъ «Мертвыхъ Душъ» и составляютъ основу «Развязки Ревизора», «Выбранныхъ мѣстъ» и пр. Внутренній разладъ осложняется и неуклонно ведетъ къ катастрофѣ.

Искусство, по мнѣнію Гоголя, если оно искренно, чисто и высоко, должно приводить къ примиренію и просвѣтленію. Между тѣмъ его творчество приводило къ борьбѣ и взрывамъ ненависти. Все глубже въ его душу закрадывается вопросъ, не дурно ли оно въ своей основѣ и не составляетъ ли зла само по себѣ. Только на время находитъ онъ успокоеніе въ своей теоріи «свѣтлаго» и «добраго смѣха», чтобы потомъ отречься отъ него, приняться за тщетныя и болѣзненныя попытки насилій надъ своимъ талантомъ,—перейти къ литературному самоотреченію мистика и аскета.

Вмѣстѣ съ древне-русскимъ книжникомъ онъ готовъ повторять теперь: «смѣхъ не создаетъ, не хранитъ, но погубляетъ и созиданія разрушаетъ, смѣхъ Духа Святого печалитъ, не пользуетъ и тѣло растлѣваетъ, смѣхъ добродѣтели прогонитъ, потому что не помнитъ о смерти и вѣчныхъ мукахъ. Отыми, Господи, отъ меня смѣхъ и даруй плачъ и рыданіе»...

Между тѣмъ его спасеніе и опредѣленіе своей «общественной стоимости» было въ томъ взглядѣ, который такъ ярко и сильно формулировалъ

*) Срв. еще I, 277—9, 299—300, 315, 317, 320, 324—5, 327, 332, 340.

Герценъ: «смѣхъ—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило и еще держится—Богъ знаетъ, на чемъ, важной развалиной, мѣшая расти свѣжей жизни и пугая слабыхъ. Смѣхъ вовсе дѣло не шуточное, и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ, слушая Аристофана и его комедіи,—хохотали до самаго Лукіана. Съ IV столѣтія человѣчество перестало смѣяться—оно все плакало, и тяжелыя цѣпи пали на умы середъ стенаній и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства стала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха было бы чрезвычайно интересно. Во фрунтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частнымъ приставомъ, передъ нѣмцемъ управляющимъ никто не смѣется. Крѣпостные слуги лишены права улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собою. Если низшимъ позволить смѣяться при высшихъ, или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чинопочитаніе! Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ значитъ разстричь его изъ священнаго сана въ простые быки. Снимите мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста, и они не будутъ страшны ни для малыхъ, ни для большихъ. Смѣхъ нивеллируетъ, а этого-то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ» *)...

Глухая внутренняя борьба у Гоголя все время шла обокъ съ тяжелыми внѣшними столкновеніями. Первымъ сильнымъ ударомъ для него была неудачная постановка «Ревизора».

Еще въ началѣ 1833 году онъ увлекся замысломъ широкой общественной комедіи, который пришлось оставить — въ виду его сложности и изъ боязни цензуры. Погодину онъ писалъ (стр. 245): «я не знаю, отчего теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего... *Я помѣшался на комедіи.* Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на-дняхъ началъ составлять, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и *сколько злости, смѣха и соли*!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается о такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? *Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться.* Но что комедія *безъ правды и злости!* Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ апплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей»...

---

*) *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1901 г., ст. Батуринскаго.

Но сейчасъ же Гоголя захватилъ сюжетъ далеко не невинный, подсказанный Пушкинымъ *) и отчасти пьесою Квитки, взятый, какъ интересный анекдотъ, но очень быстро разросшійся и легшій въ основу широкой и глубокой общественной комедіи. Обидѣлся не только квартальный, а «всѣ», и «дающіе», и «берущіе», такъ что пьеса могла пойти только благодаря личному распоряженію государя.

Гоголь переживалъ въ то время свѣтлую радость творчества. Все темное и ирраціональное его души ушло глубоко, подъ спудъ, и реализмъ, на этотъ разъ чистый и безпримѣсный, торжествовалъ свою блистательную, предпослѣднюю побѣду.

Въ письмѣ къ Погодину онъ восклицаетъ (стр. 357): «смѣяться, смѣяться давайте теперь побольше! Да здравствуетъ комедія!»

Скоро началась расплата за минуты радости, все болѣе и болѣе тяжелое разочарованіе. Хлопоты объ ея постановкѣ и впечатлѣнія самой постановки были очень тягостными для Гоголя. Щепкину онъ жалуется на то, что «получилъ отвращеніе къ театру» (стр. 368), и такъ изображаетъ свое настроеніе (стр. 368—9): «Дѣлайте, что хотите съ моей пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ, полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу, на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. *Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ.* Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ только человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая *мнѣ больше и лучше теперь знакома, чѣмъ провинціальная.* Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью».

Въ Москвѣ могли встрѣтить его сочувственныя манифестаціи, но и ихъ онъ, щепетильный, щекотливый, то горделивый и высокомѣрный, то скромный и склонный къ самоуниженію, боится, какъ огня. По всей вѣроятности, именно поэтому онъ не ѣдетъ ставить свою пьесу въ Москву, а бѣжитъ за границу, полный тревожной работы надъ собою, тяжелыхъ со-

*) Очень характерна просьба Гоголя къ Пушкину (т. I, стр. 354): „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но *русскій чисто анекдотъ*. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте же милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и, клянусь, куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ“.

мнѣній и въ себѣ, и въ своемъ творчествѣ, желая отдохнуть и хорошенько взвѣсить свое положеніе. Многія обвиненія, повидимому, сильно задѣли его, и онъ не находитъ въ себѣ возраженій противъ нихъ. Позднѣе, разобравшись въ самомъ себѣ, прислушавшись къ толкамъ своихъ немногочисленныхъ доброжелателей (въ особенности Бѣлинскаго), онъ отвѣтилъ «Театральнымъ разъѣздомъ», идеи котораго были для него только временнымъ успокоеніемъ.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ онъ писалъ Погодину (стр. 370—371): «чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, и я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту *тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники*. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. *Частное принимать за общее, случай за правило* *). Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «мы не плуты». Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, *обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ*» **). «*Большее* размышленіе» не указываетъ на прежнюю безсознательность, кажется.

Оно же, но съ сильною мистическою окраскою, привело его къ особому пониманію этого перелома въ своей жизни. Первое письмо изъ-за границы къ Жуковскому (стр. 384—385) говоритъ: «о, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи были на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. *Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни*. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ, и бѣдность,

*) Признакъ узкаго пониманія „Ревизора“ самимъ авторомъ.

**) Охлажденіе къ „Ревизору“, преувеличенное сознаніе его недостатковъ и даже отвращеніе къ нему не скоро проходитъ у Гоголя. Значительно позднѣе онъ принимается за его передѣлку (стр. 375, 380, 424—425, 549—550 и пр.).

но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ».

Дѣйствительно, Гоголя ждали—и болѣзни, и бѣдность, и тягостная необходимость прибѣгать къ помощи высокопоставленныхъ лицъ *), и тяжелые удары судьбы вродѣ смерти Пушкина, и ослабленіе связи съ родною почвою, полная потеря реальнаго чутья, распаденіе таланта.

Еще въ юности онъ бредилъ «заграницею» и мысленно переживалъ психологію своего Ганца. Позднѣе, какъ мы уже видѣли, растерявшись отъ первыхъ впечатлѣній петербургской жизни, онъ бѣжитъ въ Любекъ. Только теперь было вполнѣ удовлетворено его чисто романтическое стремленіе къ скитальчеству и «прекрасному далеку».

Французы ему не по душѣ своей манерной вѣжливостью, жеманной воспитанностью, ему не нравится парижская жизнь—«жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренно-художнической» (стр. 421, 407—408). Германія ему кажется «подлой» (стр. 516), и онъ сомнѣвается, «та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ», т.-е. въ романтически идеальномъ освѣщеніи. «Не кажется ли она намъ такою только въ сказкѣ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко» (стр. 542—3) Она для него—«гадкая, запачканная и закопченная табачищемъ» (стр. 607), «самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива» (стр. 508). «Всякій нѣмецъ есть Шиллеръ»—повѣсти «Невскій проспектъ». Отзывы объ англичанахъ всегда полны иронiи, не всегда, впрочемъ, умѣстной и въ общемъ довольно низкопробной. «Англичанинъ есть человѣкъ довольно высокаго роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною къ дамѣ и положивши одну ногу на другую» (стр. 389). «Англиши съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки» (стр. 409). «Пиза теперь, говорятъ, потоплена и запружена нечетнымъ множествомъ разныхъ миссъ, Джонъ-пудинговъ, бульдоговъ и прочихъ аглицкихъ джентльменовъ, въ разныхъ переплетахъ и сюртукахъ». «Боюсь,—пишетъ онъ кн. Репниной,—чтобы это шипѣніе и визгъ заржавленныхъ желѣзныхъ побрякушекъ, которое въ простонародіи называется аглицкимъ языкомъ, не произвело какого-нибудь непріятнаго вліянія на ваши нервы» (стр. 559).

*) Т. I, стр. 385, 441, 446, 456, 461, 488; т. II, стр. 3. Соч. Жуковскаго, т. VI, стр. 400, 412. Спб., 1885 г. Гоголь благодаритъ Жуковскаго за хлопоты „доставить отъ императрицы на дорогу“, „прибѣгаетъ“ при его посредствѣ (Жуковскій даже писалъ государю о „нищетѣ“ Гоголя), къ государю“,—справляется у Плетнева, „получилъ ли онъ отъ Жуковскаго что-нибудь, что̀ ему слѣдовало отъ государыни за поднесеніе экземпляра комедіи“ и пр.

Во всѣхъ подобныхъ отзывахъ чисто внѣшнее, поверхностное отношеніе къ строю западно-европейской жизни, полное отсутствіе интересовъ политическихъ и соціальныхъ, замѣна вдумчивости и пытливой наблюдательности острословіемъ и балагурствомъ.

«Прекрасное далеко» онъ нашелъ для себя въ Италіи, въ особенности въ Римѣ, куда еще съ юности стремилась его душа.

Онъ влюбляется въ Римъ, находитъ въ немъ свою вторую родину. Тоскуя и томясь когда-то въ Петербургѣ, онъ создалъ въ мечтѣ идеальный образъ Малороссіи, при «бенгальскомъ освѣщеніи», безъ семейныхъ затрудненій и непріятностей, безъ соотечественниковъ, которые его «терпѣть не могутъ» (т. I, стр. 556), съ сіяющею красотою и бойкимъ задоромъ народной жизни. Все, что его привлекало въ ней, онъ нашелъ теперь въ Римѣ, съ полнымъ удовлетвореніемъ лирически настроеннаго идеализма, безъ сознанія отвѣтственности и нравственной связи, съ полной свободой наслажденія и художественнаго созерцанія, съ удаленіемъ отъ ужаса и «гадостей» жизни въ міръ вѣчной красоты и высокихъ образовъ тысячелѣтнихъ героическихъ воспоминаній прошлаго. Со дна души опять всплываютъ—и пристрастіе къ яркимъ краскамъ, и гиперболизація, и повышенный лиризмъ, и поэтическій мистицизмъ.

Прислушайтесь только, чѣмъ сдѣлались для Гоголя Италія и Римъ!

«Вся земля пахнетъ и дышитъ художниками и картинами» (стр. 433). «Небо чудно. Пью его воздухъ и забываю весь міръ» (стр. 435). «Что сказать тебѣ вообще объ Италіи? Мнѣ кажется, какъ будто бы я заѣхалъ къ стариннымъ малороссійскимъ помѣщикамъ. Влюбляешься въ Римъ очень медленно, понемногу—и ужъ на всю жизнь. Словомъ, вся Европа для того, чтобы смотрѣть, а Италія для того, чтобы жить» (стр. 438—9). Жизнь въ Италіи «*художническо-монастырская*» (стр. 440). «Кто былъ въ Италіи, тотъ скажи «прощай» другимъ землямъ. Кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю... Европа въ сравненіи съ Италіей все равно, что̀ день пасмурный въ сравненіи съ солнечнымъ». Онъ совѣтуетъ жить возможно дольше въ Италіи и «пробѣжать всю Европу вдругъ, какъ можно скорѣе, не останавливаясь нигдѣ» (стр. 451). «Съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ. Какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Провидѣнія бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы *я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все.* Гляжу, какъ изступленный, на все и не нагляжусь до сихъ поръ» (стр. 459). Въ Италіи престолъ красавицы-природы: «въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ только воскрыліе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи своими пронзительными очами» (стр. 460). «Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ

Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ божеству» (стр. 461). «Не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ (въ Италіи), гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ» (стр. 493). Молитва въ Римѣ «на своемъ мѣстѣ, т.-е. въ храмѣ. Молитва же въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ все равно, что молитва на рынкѣ» (стр. 500—501). Онъ даже ревнуетъ Италію къ форестьерамъ, особенно къ англичанамъ и русскимъ (стр. 494, 507, 547) *).

Здѣсь, въ этой полной высокаго романтизма обстановкѣ, среди поэтическихъ восторговъ передъ природой и остатками сѣдой старины, споровъ объ искусствѣ, среди сутолоки южной жизни, ему, изъ «прекраснаго далека», легче любится, легче пишется **); его сильно увлекаетъ поэзія католицизма (т. I, 430, 454, 491, 502 и пр.). И въ это время пишется величайшее созданіе нашего гуманитарнаго реализма—«Мертвыя Души»!

Въ 1835 г. онъ извѣщалъ Пушкина о своей поэмѣ (стр. 353): «сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ». Въ концѣ 1835 г., уже изъ-за границы, онъ пишетъ Жуковскому (стр. 414—416): «если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь,—вещь, которая вынесетъ мое имя». «Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня *новыя сословія* и много разныхъ господъ. Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ перомъ. *Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливье меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни*» ***).

Росли трудъ и его идея, все болѣе крѣпло *мессіаническое* и ультраидеалистическое настроеніе, которое кое-гдѣ проглянуло въ «лирическихъ мѣстахъ», вспугнуло болѣе наблюдательныхъ друзей въ письмахъ и хлынуло широкимъ потокомъ позднѣе въ цѣломъ рядѣ произведеній, которыя поразили многихъ недальновидныхъ читателей и даже такого тонкаго и чуткаго человѣка, какъ Бѣлинскій, своею неожиданностью и парадоксальностью. За послѣднимъ подъемомъ реализма наступили долгіе годы умиранія смѣха, перехода къ прямому идеализму творчества, безсильныхъ попытокъ взяться не за свое дѣло и пойти противъ самого себя,—послѣдній бой противоположныхъ стихій Гоголевской психіи и окончательное пораженіе лучшей изъ нихъ...

---

*) Ср. стр. 588: „если есть гдѣ на свѣтѣ мѣсто, гдѣ страданія, горе, утраты и собственное безсиліе можетъ позабыться, то это развѣ въ одномъ только Римѣ. Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души“; т. I, стр. 445, 461, 468, 479, 497, 498, 513, 541, 563, 622; т. II, стр. 5, 6, 12, 23 и пр. Въ сопоставленіи красотъ Рима—и вѣчно бродящихъ по его улицамъ свиней (стр. 543) чувствуется характерная романтическая иронія.

**) Ср. т. I, стр. 619—620 (о вліяніи окружающей суеты и дороги на творчество Гоголя).

***) Ср. т. I, стр. 514, 519, 520 и пр.

IX.

Какъ и все въ душѣ и въ жизни Гоголя, отношенія его къ родинѣ въ это время сильно колеблются.

Еще недавно, на одномъ изъ торжественныхъ юбилейныхъ засѣданій общества любителей россійской словесности Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ остроумной рѣчи «Гоголь и Русь изъ прекраснаго далека», отмѣтилъ это явленіе и сдѣлалъ попытку объяснить его отсутствіемъ у Гоголя въ этотъ періодъ сознанія и осуществленія (мнимаго или дѣйствительнаго) своей «общественной стоимости».

Кажется, эта формула далеко не покрываетъ всей сложности факта.

Дѣствительное и мнимое сознаніе своей осуществленной «общественной стоимости» колебалось у Гоголя всю жизнь; приступы любви и ненависти къ родинѣ перемежались у него все время и очень часто. Они вообще типичны не для одного его, а для всей нашей передовой интеллигенціи 20—40-хъ гг., далеко не исчезли и до сихъ поръ. Ихъ можно указать у Грибоѣдова и его Чацкаго, у Пушкина, Лермонтова съ его «странною любовью» къ отчизнѣ, Тургенева, Бѣлинскаго. До извѣстной степени ихъ переживаетъ и теперь каждый вдумчивый русскій человѣкъ. Жизнь слишкомъ сложна, въ особенности наша, и соприкасаться приходится съ разными ея сторонами, различнымъ образомъ реагировать на нихъ. Къ родинѣ могутъ быть и стихійное влеченіе, и принципіальная ненависть. Въ частности и въ Россіи, и въ вѣстяхъ изъ нея Гоголю многое могло наносить «неотразимыя обиды», бередить старыя раны; чистофизіологическая тоска по родинѣ могла смѣняться тяжелымъ раздумьемъ о ней, вспышками гнѣва противъ ея «гадостей», острымъ сожалѣніемъ къ ея бѣдности и невѣжеству,—тяжелыми воспоминаніями о прошломъ.

Отрицательные отзывы о Россіи и выраженіе любви къ ней можно найти у Гоголя и тогда, когда онъ возомнилъ себя учителемъ-пророкомъ, и въ этомъ увидѣлъ, хотя бы и не надолго, осуществленіе своей «общественной стоимости», вѣрнѣе—его иллюзію.

Зависятъ они часто у нашихъ интеллигентовъ и отъ сознанія своей безпочвенности, неприспособленности къ жизни, нежизнеспособности, своего «скитальчества»,—безцѣльности и неисправимой пошлости жизни, которое прерывается взрывами минутной энергіи, оптимистической бодрости, надежды и вѣры...

Намеки на все это можно найти и у самого Гоголя.

«О, Русь! старая, рыжая борода! Когда ты поумнѣешь?» пишетъ онъ въ 1832 г. (стр. 230). Въ письмѣ къ Погодину (стр. 396): «На Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не втерпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; *но въ сердцѣ моемъ Русь*,—одна только прекрасная Русь: мы да нѣсколько другихъ близкихъ, да небольшое число заключившихъ въ себѣ прекрасную

душу и вѣрный вкусъ». Прокоповичу онъ пишетъ (стр. 401): «Что тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды, такіе, что мнѣ уже отъ нихъ, наконецъ, становится тошно, и если бы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ».

На совѣты Погодина вернуться въ Россію онъ отвѣчаетъ (стр. 435): «Или ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строчки не могъ посвятить я чуждому, непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей—никогда!... Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы,—сложить мнѣ голову свою на родинѣ!» *). «Не житье на Руси людямъ прекраснымъ; однѣ только свиньи тамъ живутъ!» (стр. 598).

Такихъ сопоставленій можно было бы сдѣлать гораздо больше, но и приведенное достаточно разъясняетъ нашу мысль, что подобныя противорѣчія не укладываются въ рамки одного опредѣленія своей «общественной стоимости», колебаній въ ея осуществленіи.

На этомъ мы можемъ разстаться съ перепиской Гоголя—не потому, чтобы она была нами исчерпана, а потому, что все существенное и характерное въ ней уже указано выше. Послѣдующая жизнь Гоголя почти не прибавила новыхъ чертъ, а усилила и углубила прежнія, уже извѣстныя намъ.

Почти на 10 лѣтъ затянулось медленное и страшное умираніе, нравственное разложеніе за-живо, необыкновенно характерный конецъ трагедіи, единственной въ своемъ родѣ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ, представляющей глубокій психологическій и историко-литературный интересъ...

Вл. Каллашъ.

---

*) Срв., т. I, стр. 510, 544, 606, 609, 612, 616 и пр.

Несчастіе Кавказа *).

II.

Неурожаи послѣдняго десятилѣтія на Кавказѣ, указавъ на крайне неудовлетворительную постановку продовольственнаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ, возбудили вопросъ о мѣрахъ для предупрежденія неурожаевъ устраненіемъ ихъ основныхъ причинъ.

Мѣстная администрація принимала мѣры для продовольственной помощи пострадавшимъ отъ неурожая, но, къ сожалѣнію, отчеты о борьбѣ съ голодовками не были опубликованы. Въ *Кавказѣ* появлялись только отрывочныя извѣстія о предполагавшихся пособіяхъ. Такъ, напримѣръ, о пособіяхъ пострадавшимъ отъ неурожая въ 1899 г. въ этой газетѣ [1]) было напечатано: «имѣется въ виду ассигновать 74,677 руб., изъ коихъ для 10 селеній Джеватскаго уѣзда, Бакинской губерніи, предположена ссуда въ 9,482 руб., для 7 нагорныхъ селеній Эчміадзинскаго уѣзда, Эриванской губерніи—19,868 руб. и для Дагестанской области—45,327 р.». Затѣмъ газета сообщала, что командировка въ пострадавшія отъ неурожая мѣстности чиновника особыхъ порученій князя Куракина выяснила, что размѣры нужды отъ неурожая незначительны; между тѣмъ, раньше въ названной газетѣ былъ напечатанъ рядъ корреспонденцій о значительныхъ размѣрахъ неурожая.

Убытки, причиненные населенію Закавказья недородомъ истекшаго 1899 года,—говоритъ г. Южный [2]),—смѣло могутъ быть исчислены въ нѣсколько милліоновъ рублей, ибо сотнями тысячъ исчисляются только потери отъ градобитій».

Разрушительное дѣйствіе этого неурожая усиливалось еще тѣмъ, что онъ былъ послѣ четырехъ неурожаевъ послѣдняго десятилѣтія (1892, 1893, 1894 и 1897 гг.), причинившихъ такое значительное разстройство крестьянскому хозяйству, отъ котораго оно не могло оправиться въ одинъ урожайный 1898 годъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1902 г.

1) *Кавказъ*, 1899 г., № 284.

2) *Русское Богатство*, 1900 г., № 2, „Изъ писемъ о голодѣ“.

По цифрамъ предположеннаго пособія, приведеннымъ выше, можно заключить, что размѣръ продовольственной помощи не соотвѣтствовалъ нуждѣ, но за неимѣніемъ печатныхъ отчетовъ о продовольственной операціи, невозможно опредѣлить, хотя бы съ приблизительной точностью, это несоотвѣтствіе. Есть, однако, подробныя свѣдѣнія по этому предмету за прежніе неурожайные годы—1892 и 1893.

Это книга г. Заварова [1]), изданная Кавказскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Въ ней сгруппированы статистическія данныя и офиціальные документы о продовольственной помощи населенію въ указанные неурожайные годы.

Свѣдѣнія названной книги по этому предмету интересны не для одного Кавказа: они представляютъ наглядный отвѣтъ на сомнѣніе, выразившееся уже законодательнымъ актомъ, въ правильности того положенія, признаннаго въ шестидесятые годы самимъ правительствомъ, что земское народное продовольствіе лучше, цѣлесообразнѣе административнаго. Въ дополненіе къ прежнимъ опытамъ произведена будетъ провѣрка этой, можно сказать, аксіомы новыми опытами административнаго продовольствія. Но пока обнаружатся результаты этихъ опытовъ, современная практика этого дѣла на Кавказѣ дастъ достаточныя основанія для предсказанія, что результаты новыхъ опытовъ будутъ такіе же отрицательные для административнаго хозяйства, какими они были и въ дореформенное время.

Мѣропріятія кавказской администраціи для продовольствія населенія въ неурожайные годы еще разъ подтвердили ту истину, что административные органы, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, не могутъ успѣшно вести земское хозяйство по присущимъ имъ невѣдѣнію мѣстныхъ условій, непрактичности въ хозяйственныхъ операціяхъ, медлительности, формализму и привычкѣ исходить въ проектированіи различныхъ мѣръ не столько изъ требованій жизни и существа дѣла, сколько изъ кабинетнаго усмотрѣнія.

Неправильное отношеніе къ продовольственному дѣлу въ указанные неурожайные годы на Кавказѣ началось съ установленія факта неурожая и опредѣленія его размѣровъ.

По свойственной низшимъ административнымъ агентамъ привычкѣ не безпокоить начальство рапортами о неблагополучіи, кавказская губернская администрація не получаетъ своевременно свѣдѣній о предстоящемъ неурожаѣ. Первыя извѣстія о немъ появляются въ мѣстныхъ газетахъ и вслѣдствіе некультурнаго отношенія къ печатному слову встрѣчаются съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ, также какъ это прежде бывало и въ остальной Россіи. Газеты обвиняются въ выдумываніи голода, но тѣмъ не менѣе ихъ сообщенія вызываютъ запросы, дѣйствительно ли случился неурожай и каковы его размѣры. Эти запросы—по тону ли своему, который, какъ извѣстно, дѣлаетъ музыку, или въ силу привычки уѣздныхъ чинов-

[1]) „Опытъ изслѣдованія сельскаго хозяйства хлѣбороднаго района Эриванской губерніи и Карсской области“.

никовъ считать существомъ своей службы рапортованіе о всеобщемъ благополучіи,—понимаются въ смыслѣ желанія губернскаго начальства имѣть доказательство злонамѣренности корреспондентовъ, выдумывающихъ голодъ. И вотъ, въ отвѣтъ на запросы получаются рапорты о томъ, что или неурожая совсѣмъ нѣтъ, или онъ очень незначительный и что если и потребуется продовольственная помощь, то очень небольшая.

Приведу примѣры изъ названной книги г. Заварова.

Въ 1892 году пристава 3 и 4 участковъ Новобаязетскаго уѣзда на запросъ губернской администраціи о неурожаѣ отвѣтили «полнымъ отрицаніемъ» его, между тѣмъ какъ въ названныхъ участкахъ населеніе сильно пострадало отъ неурожая.

Новобаязетскій уѣздный начальникъ, имѣя донесенія приставовъ 1 и 2 участковъ о томъ, что убытки отъ неурожая простираются до 200,000 р., отвѣтилъ отрицательно на запросъ губернатора — не слѣдуетъ ли уменьшить оклады деревень, пострадавшихъ отъ неурожая.

Въ отчетѣ начальника Александровскаго уѣзда за 1893 годъ сказано: «никакихъ льготъ и пособій въ истекшемъ году оказано не было, хотя бѣдствіе выдающагося по размѣрамъ неурожая того года, въ связи съ недородами предшествовавшихъ лѣтъ, вызвало со стороны жителей многія ходатайства о ссудѣ и объ отсрочкѣ платежей... но ходатайства эти мною были отсрочены по нѣкоторымъ особо доложеннымъ г. губернатору соображеніямъ» [1]).

Такія донесенія, несмотря на общеизвѣстность привычки чиновниковъ скрывать отъ начальства всякое неблагополучіе, принимаются за достовѣрныя, и на основаніи ихъ дѣлается заключеніе о томъ, что дѣйствительно неурожай есть выдумка газетчиковъ и «армянская интрига», а человѣконенавистническая печать въ Петербургѣ повторяетъ этотъ вздоръ [2]).

Иногда, впрочемъ, донесенія низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ особенности когда въ столичной печати появились извѣстія о неурожаѣ на Кавказѣ, признаются недостаточными, и для заключенія о размѣрѣ неурожая командируется чиновникъ въ пострадавшій районъ, чтобы онъ воочію увидѣлъ истину, но при этомъ упускается изъ вида чиновническая близорукость при наблюденіи фактовъ невѣдомой ему народной жизни и привычка къ формализму. Притомъ у чиновника-изслѣдователя такое же желаніе, какъ и у мѣстной полиціи, порадовать начальство донесеніемъ, если не о полномъ благополучіи, то хоть о ничтожности размѣровъ неблагополучія. Онъ вовсе не имѣетъ въ виду обмануть начальство, но онъ хочетъ самообмана и съ невольной тенденціей исполняетъ данное ему порученіе, и желанный самообманъ не заставляетъ себя долго ждать.

---

[1]) „Опытъ изслѣдованія сельск. хоз. хлѣбор. района Эрив. губ. и Карск. обл.“ стр. 377.

[2]) Въ № 8141 *Новаго Времени* въ корреспонденціи изъ Тифлиса о неурожаѣ говорится: „прошлою весною попытались было изобрѣсти голодъ“...

Приведу примѣръ изъ исторіи продовольственной помощи по случаю неурожая 1899 года.

Выше было упомянуто, что въ неурожайныя мѣстности былъ командированъ въ указанномъ году чиновникъ Куракинъ. Производя изслѣдованіе въ Дагестанской области, онъ встрѣтился съ такимъ фактомъ: крестьяне многихъ пострадавшихъ отъ неурожая селеній отказались отъ предложенной имъ продовольственной ссуды.

Мѣстный обыватель понялъ бы, что̀ означаетъ этотъ странный, повидимому, отказъ отъ помощи; тифлисскій же чиновникъ увидѣлъ въ этомъ фактѣ несомнѣнное доказательство отсутствія нужды, и *Кавказъ* указалъ на него тоже, какъ на очевидное подтвержденіе того, что голодъ преувеличиваютъ «армянскія газеты, печатающіяся русскими буквами».

Между тѣмъ, такое толкованіе отказа крестьянъ отъ ссуды доказываетъ только незнакомство съ постановкой продовольственнаго дѣла на Кавказѣ. Условія этихъ ссудъ до такой степени невыгодны, что крестьяне нерѣдко отказываются отъ нихъ. Этотъ фактъ, удивившій чиновника особыхъ порученій, вовсе не новый. Администрація имѣла случаи и раньше встрѣчаться съ такими отказами отъ продовольственной помощи.

Такъ, въ 1894 году «часть населенія Александропольскаго уѣзда, несмотря на сильную нужду, отказалась отъ ссуды... Тяжелыя условія возврата (ссуды) и связанныя съ долгомъ непріятности повели къ тому, что духоборы Кирилловки вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдями вовсе отказались отъ помощи».

Г. Заваровъ, изъ книги котораго я привожу эти факты (стр. 362 и 273) поясняетъ ихъ слѣдующими соображеніями: «какое имѣетъ значеніе помощь продовольствіемъ, когда розданная сумма, иной разъ зерномъ, взыскивается съ населенія черезъ годъ, два и то съ процентами. Хуже того, каково его значеніе, когда черезъ нѣсколько же дней послѣ раздачи продовольственной ссуды съ населенія взыскивается такая же, а то и бо́льшая сумма, въ видѣ разныхъ другихъ налоговъ или недоимокъ за старые годы. Развѣ для крестьянина имѣетъ значеніе полученная имъ сумма въ одинъ рубль, когда для внесенія налоговъ и удовлетворенія другихъ неотложныхъ нуждъ онъ долженъ продать послѣднюю корову, заложить лучшій участокъ земли» [1]).

Невыгодность продовольственныхъ ссудъ на Кавказѣ увеличивается еще и неумѣньемъ административныхъ агентовъ купить хлѣбъ по возможности дешевле.

Такъ, въ 1893 году «розданный въ ссуду хлѣбъ обошелся у насъ такъ дорого, что нѣкоторыя селенія отказывались его получать, несмотря на сильную нужду [2]). Затѣмъ въ книгѣ г. Заварова приведены цѣны, по

---

[1]) „Опытъ изслѣдованія сельск. хоз. хлѣбор. района Эрив. губ. и Карсск. обл.“ стр. 365.

[2]) Тамъ же, стр. 375.

которымъ былъ купленъ хлѣбъ карсской администраціей, взятыя изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1894 годъ, сравнительно съ цѣнами за хлѣбъ, пріобрѣтенный для той же цѣли александропольскимъ и карсскимъ отдѣленіями армянскаго благотворительнаго общества, причемъ оказывается, что «какъ въ Александрополѣ, такъ и Карсѣ мѣстные органы благотворительности покупали хлѣбъ на 20% дешевле, чѣмъ мѣстная администрація».

Покупка хлѣба въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, также обошлась «на нѣсколько процентовъ» дешевле благотворительному обществу, чѣмъ администраціи.

Невыгодны продовольственныя ссуды еще и потому, что, будучи малы сами по себѣ, онѣ еще подвергаются умаленію, пока дойдутъ до нуждающихся. По существующему на Кавказѣ обычаю суммы, переходящія отъ казны къ крестьянамъ черезъ полицію, подвергаются нѣкоторой «утечкѣ».

«Каждому хорошо извѣстно,—говоритъ г. Заваровъ,—что благодаря разнаго рода неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, при поступленіи 100, скажемъ, рублей въ государственное казначейство, съ крестьянъ берется болѣе этихъ 100, цѣлыхъ 110—120... И обратно: 100 рублей, отпущенные изъ казначейства для передачи крестьянину, доходятъ до послѣдняго только въ размѣрѣ 90, 80 и менѣе рублей» [1]).

Наконецъ, и еще важный недостатокъ административной продовольственной помощи: ссуды выдавались несвоевременно. «Почти всегда помощь приходила за разъ къ концу посѣвовъ, часто не поспѣвая ко времени послѣдняго [2]).

Кромѣ того и самая раздача ссудъ производилась неправильно, чисто-формально. «Даваемый въ ссуду хлѣбъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распредѣлялся только бѣднымъ; въ большинствѣ же случаевъ—поровну между всѣми односельчанами, хотя между получающими было много такихъ, которые сами продавали хлѣбъ сотнями и даже тысячами пудовъ [3]).

Авторъ цитируемой книги правильно объясняетъ всѣ эти нецѣлесообразности отсутствіемъ у администраціи «профессіональнаго интереса» въ продовольственномъ дѣлѣ.

«Въ силу ли прямыхъ указаній закона,—говоритъ онъ,—предписывающаго администраціи «наблюденіе» за правильнымъ и безнедоимочнымъ поступленіемъ налоговъ, или благодаря лишь существованію спеціальнаго органа, слѣдящаго за поступленіемъ необходимыхъ суммъ въ государственное казначейство и, съ другой стороны, благодаря отсутствію вѣдомства, имѣющаго прямой своей задачей поднятіе и поддержаніе благосостоянія населенія—фактически установилось такое положеніе, что администрація занята наблюденіемъ и даже взысканіемъ налоговъ, значительно меньше думая о поддержаніи и поднятіи экономическихъ силъ крестьянства» [4]).

---

1) Тамъ же, стр. 379.
2) Тамъ же, стр. 273.
3) Тамъ же, стр. 273.
4) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эриванской губ. и Карсской обл.“, стр. 377.

Слѣдуетъ замѣтить, что и учрежденіе «вѣдомства», отсутствіе котораго отмѣчаетъ авторъ книги, не можетъ измѣнить существа отношеній администраціи всѣхъ вѣдомствъ къ земскому хозяйству. Чиновники любого вѣдомства не имѣютъ живой связи съ интересами деревни, не знаютъ или не хотятъ знать ея потребностей и признаютъ ихъ подлежащими удовлетворенію или не подлежащими—по усмотрѣнію. Не учрежденіе новаго «вѣдомства», а введеніе земскихъ учрежденій на Кавказѣ можетъ измѣнить характеръ земскаго хозяйства въ этомъ краѣ и въ частности положить начало цѣлесообразной помощи населенію въ неурожайные годы.

Посмотримъ теперь, въ какой степени административная продовольственная помощь соотвѣтствовала нуждѣ населенія.

При указанномъ скрываніи неурожая уѣздной полиціей размѣръ пособія не могъ быть достаточнымъ, но размѣры несоотвѣствія его съ нуждой въ ссудахъ оказались поразительными.

Сдѣлавъ подробный разсчетъ продовольственной нужды въ Эриванской губерніи и Карсской области въ 1893 и 1894 годахъ и приведя цифры оказанной помощи, г. Заваровъ [1]) дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Такимъ образомъ за два сильно неурожайные года для района съ населеніемъ болѣе полумилліона изъ имперскихъ суммъ ассигновано было 66,000 рублей (по 12 к. на душу), изъ мѣстныхъ же продовольственныхъ капиталовъ—215,000 р. (по 40 коп. на душу), всего же 281,000 р., что за два года дастъ на душу 52,2 к. (въ 1893 г. 147,000 р. или по 27,2 к. или по 11 фунт. пшеницы, въ 1894 г.—135,000 р. или по 25 коп. или 7 фунт. пшеницы). Это составитъ 3,8 и 6,2% всего потребнаго въ 1893 и 1894 гг. для населенія хлѣба. Помощь эта столь ничтожна, что не могла имѣть никакого вліянія на пополненіе того недостатка въ продовольствіи населенія, который обусловили неурожаи двухъ и даже трехъ (для нѣкоторыхъ мѣстъ) годовъ подъ-рядъ».

Кромѣ администраціи, нуждавшимся была оказана помощь эчміадзинскимъ монастыремъ и отдѣленіями армянскаго благотворительнаго общества. Присоединяя и эту помощь, г. Заваровъ говоритъ: «Въ итогѣ мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если допустимъ, что помощью со стороны правительства и благотворительности (организованной) удовлетворено не болѣе $^1/_{10}$ того количества, какое необходимо было населенію для продовольствія».

Остальные крестьяне должны были достать другими средствами: они распродали предметы домашней обстановки, скотъ, отдали землю въ аренду, ушли изъ деревень въ города на заработки, увеличили свою задолженность ростовщикамъ, уменьшивъ въ то же время питаніе, что выразилось убылью населенія отъ усиленной смертности.

Итакъ, администрація сдѣлала громадную ошибку въ опредѣленіи суммы необходимаго пособія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 272.

Могутъ замѣтить, что точный подсчетъ нужды отъ неурожая—дѣло не легкое и что ошибки въ этой работѣ неизбѣжны. Но дѣло въ томъ, что привычка рапортовать о благополучіи предрѣшаетъ характеръ ошибокъ администраціи въ данномъ случаѣ; въ нихъ проявляется постоянная тенденція уменьшить нужду. Если даже ученый, производя научное изслѣдованіе, невольно старается найти подтвержденіе гипотезы, которая представляется ему истиной, то кавказская администрація, разрѣшающая вопросъ о голодѣ при желаніи убѣдиться въ его отсутствіи, волей-неволей будетъ уменьшать размѣры бѣдствія, вслѣдствіе чего голодъ превратится въ «недородъ», а милліоны необходимаго пособія въ сотни тысячъ.

Земскія учрежденія, исходя изъ дѣйствительной нужды, не имѣютъ побужденій скрывать неурожай. Ихъ упрекали въ преувеличеніи необходимаго пособія, но дѣйствительность показала, что это были неосновательные упреки. Притомъ преувеличеніе въ данномъ случаѣ, если бы оно оказалось, никакого вреда народному хозяйству причинить не можетъ, а уменьшеніе разоряетъ его и отзывается на государственномъ бюджетѣ сильнымъ ростомъ недоимокъ, которыя въ концѣ-концовъ приходится сложить за невозможностью взысканія.

Назначеніемъ ссуды по даннымъ уѣздныхъ начальниковъ, указаннымъ въ ихъ рапортахъ, кампанія противъ неурожаевъ на Кавказѣ считается законченной, и врагъ деревни признается побѣжденнымъ. А между тѣмъ онъ производитъ разрушеніе народнаго хозяйства съ военной жестокостью и создаетъ факты, могущіе заставить содрогнуться даже бюрократическое сердце при всемъ его равнодушіи къ страданію людей, о благополучіи которыхъ пишутся тысячи предписаній и отношеній. Голодъ, хотя бы и подъ маской «недорода», всетаки—голодъ и дѣйствуетъ такъ же, какъ и безъ маски.

Такъ было на Кавказѣ въ 1892 и 1893 годахъ. Неурожай былъ признанъ незначительнымъ, а между тѣмъ, какъ видно изъ книги г. Завaрова—это былъ формальный голодъ, официально засвидѣтельствованный полицейскими и врачебными протоколами.

Приставъ дарачичагскаго участка Новобаязетскаго уѣзда доносилъ между прочимъ [1]): «Одна треть населенія участка, не имѣя ни хлѣба, ни средствъ для покупки его по высокимъ цѣнамъ (пудъ муки 1 р. 40 к.—1 р. 60 к.), голодаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Каждый день меня осаждаютъ сотни людей голодныхъ и холодныхъ, прося у меня помощи. До сихъ поръ я поддерживалъ существованіе многихъ силой убѣжденія, отнимая у болѣе или менѣе состоятельныхъ лицъ часть хлѣба, который былъ запасенъ на зиму, и давая голодающимъ; но теперь и у состоятельныхъ нѣтъ достаточнаго для ихъ семей запаса хлѣба. Отхожій промыселъ, поддерживавшій существованіе многихъ ежегодно со второй половины февраля, теперь въ полномъ застоѣ; закрыты дороги, а слѣдовательно, о заработкѣ черезъ извозъ и не думай.

---

[1]) Рапортъ уѣздному начальнику отъ 17 марта 1893 г. за № 632.

Словомъ, голодная смерть у порога лачужекъ многихъ жителей. Намъ нужно подумать серьезно о средствахъ къ поддержанію существованія голодающихъ, съ которыхъ, напротивъ, мы взыскиваемъ разныя недоимки за время съ 1885 года, чтобы начальство сказало намъ «спасибо», забывая, что это же самое начальство будетъ карать безпощадно при первомъ случаѣ смерти отъ голода—и это будетъ весьма справедливо. Недоимки поступятъ въ казну если не сегодня, то завтра, а умершіе отъ голода не воскреснутъ. Необходима, крайне необходима скорая и щедрая милость высшаго въ краѣ и губерніи начальства. Хлѣба давайте, хлѣба на прокормленіе голодающихъ жителей и на обсѣмененіе ихъ полей въ возможной скорости, иначе гибель массы народа неминуема».

Этотъ краснорѣчивый рапортъ дальше уѣзднаго начальника не пошелъ, судя по тому, что вмѣсто «скорой и щедрой» помощи было выдано на 7,508 душъ только 11,200 пуд. хлѣба и въ результатѣ «въ 20 селеніяхъ Дарачичагскаго участка 767 дымовъ засѣяли свои поля только наполовину, а 1,174 дыма не сѣяли вовсе и по увѣренію коммиссіи (губернаторомъ назначенной) 8 мая терпѣли сильную нужду въ продовольствіи» [1]).

Вотъ выписка изъ протоколовъ старшаго помощника новобаязетскаго уѣзднаго начальника отъ 31 января и 1 февраля 1894 года.

«Въ послѣднее время въ с. Ахтѣ умирали дѣти, какъ надо полагать отъ голода, такъ какъ въ домахъ умершихъ давно уже нѣтъ хлѣба. Всѣ жители заявили мнѣ, что вообще въ селеніи чувствуется крайній недостатокъ въ хлѣбѣ, причемъ указали на 20 семействъ, которыя скрылись для сбора подаяній, и на 60 семей, не имѣющихъ въ настоящее время куска хлѣба... Въ дер. Алапарсъ меня остановила толпа жителей, изъ коихъ нѣкоторые заявили, что отъ недостатка хлѣба почти все населеніе голодаетъ, что въ настоящее время до 40 семействъ сбѣжали изъ селенія для отысканія пропитанія, болѣе чѣмъ у 100 семействъ нѣтъ куска хлѣба и въ нѣкоторыхъ домахъ есть больные».

Въ протоколѣ уѣзднаго врача Новобаязетскаго уѣзда о больныхъ въ сел. Кишлагѣ сказано: «принимая во вниманіе сообщеніе г. пристава, а также заявленіе самихъ больныхъ, надо полагать, что вышеупомянутыя болѣзни поддерживаются недостаткомъ питательнаго матеріала. Жировая клѣтка больныхъ атрофировалась; единственно питаются картофелемъ и капустой». По вскрытіи одной изъ умершихъ въ названномъ селеніи «уѣздный врачъ констатировалъ, что смерть Асоевой послѣдовала отъ голода».

Дознаніемъ установлено, что «отъ голода умерли и похоронены: 2 февраля Егнаръ Хуршудовъ, 6-го—Восканъ Артемовъ, 12-го—Соломонъ Маконянъ и 14-го—Анна Фагратова».

«Затрудняясь точно указать число умершихъ отъ голода во всемъ районѣ,— говоритъ г. Заваровъ,— я ограничусь лишь отмѣткой, что въ

---

[1]) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эриванской губ. и Карсской обл.“, стр. 293.

деревняхъ, находящихся подъ новымъ Баязетомъ, центромъ уѣздной администраціи, по удостовѣренію мѣстнаго населенія, умерло отъ голода: въ Норадузѣ—12, въ Кяримкендѣ—2, въ Кясаммадѣ—8, въ Кишлагѣ болѣе 10, и т. д. Общее число умершихъ отъ голода въ Новобаязетскомъ уѣздѣ и нагорной части Эриванскаго и Эчміадзинскаго уѣздовъ врядъ ли можетъ быть менѣе нѣсколькихъ сотъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что умирали по преимуществу дѣти и лица пожилыхъ лѣтъ. Въ деревняхъ, съ татарскимъ населеніемъ, изъ боязни вскрытій труповъ, объ умершихъ скрывали» [1]).

Губительное дѣйствіе неурожаевъ не ограничилось числомъ умершихъ отъ голода; недостатокъ питанія увеличилъ заболѣванія разными болѣзнями и смертность отъ нихъ, вслѣдствіе чего явилась убыль населенія. Приведя изъ губернаторскаго отчета цифры родившихся и умершихъ за неурожайные годы сравнительно съ предыдущими, г. Заваровъ говоритъ, что «во всемъ районѣ за неурожайные 1892, 1893 и отчасти 1894 годы противъ нормальнаго 1891 года мы имѣемъ положительную убыль населенія... Голодъ сократилъ приростъ населенія вдвое и даже прекратилъ его вовсе, напримѣръ, въ г. Александрополѣ, гдѣ за 1893 годъ число умершихъ превысило число родившихся на цѣлыхъ 343 человѣка или 1,3%».

Провѣривъ цифры губернаторскихъ отчетовъ по метрическимъ записямъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что дѣйствительная убыль населенія отъ неурожаевъ больше той, которую показываютъ цифры упомянутыхъ отчетовъ и что «весь нашъ районъ потерялъ $2^1/_2$% противъ нормы, т.-е. болѣе 13,000 народа» [2]).

Лѣтомъ 1894 года деревни, пострадавшія отъ неурожая, осмотрѣнныя авторомъ названной книги, представляли выразительную картину полной нужды. Разрушеніе крестьянскаго хозяйства можно было видѣть, не входя въ хаты. «Сняты бревна съ хатъ»; въ деревнѣ, гдѣ болѣе 100 домовъ, «невозможно было разыскать цыпленка и курицу»; «распродано все возможное, заложено все закладываемое». «Цвѣтъ лица у всего населенія, несмотря на лѣтнюю теплоту, былъ какой-то желтовато-болѣзненный, глаза у массы неясные, блуждающіе... истощившіеся за зиму крестьяне буквально не могли правильно работать и пошатываясь отходили отъ плуга, чтобы передохнуть черезъ каждые $1^1/_2$—2 часа». Женщины и дѣвушки отъ нужды забыли свою обычную стыдливость; онѣ были «безъ рукавовъ, безъ прикрытыхъ грудей, съ полуобнаженнымъ тѣломъ, покрытымъ какими-то лохмотьями...» Число скота уменьшилось, рабочаго на 25—30%, продуктивнаго около 20—25%, мелкаго 65—70%, лошадей 15—20%. Многія семьи остались совсѣмъ безъ скота. Къ 1894 г. число такихъ семей достигало: въ Карсской области и Александропольскомъ уѣздѣ 16—17%; въ Новобаязетскомъ—29%, въ нагорной части Эриванскаго и Эчміадзин-

---

[1]) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эриванской губ. и Карсской обл.“, стр. 300.

[2]) Тамъ же, стр. 302.

скаго—37—42%. «Къ 1894 году значительная часть крестьянъ (болѣе 1/3) не сѣяла ничего, въ каждой почти деревнѣ были богатыя семьи, которыя воспользовались общимъ несчастіемъ и увеличили свои посѣвы вдвое-втрое. Отъ 10 до 50% въ разныхъ селеніяхъ ушли на заработки... «въ числѣ ушедшихъ на заработки въ Тифлисъ было до 20—25% женщинъ...» Дѣти, за неимѣніемъ для нихъ хлѣба, выгонялись на пастбища, какъ овцы, и питались дикими растеніями.

«Я никогда не забуду картины,— говоритъ г. Заваровъ,— виданной мною въ срединѣ іюля въ Кяримкендѣ, всего въ 5—6 верстахъ отъ города Новаго Баязета. Возвращаясь съ вершины Агмагана въ городъ, еще издали я замѣтилъ какое-то стадо, переходящее изъ одной нивы въ другую. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ нему, видъ его все болѣе удивлялъ меня. На обращенный вопросъ моему спутнику послѣдній объяснилъ, что это толпа дѣтей Кяримкенда, которая вышла на прокормъ въ поле». Дѣти питались незрѣлыми еще сѣменами одной изъ разновидностей виковыхъ, которыя дѣйствительно на значительномъ протяженіи были лишены стручковъ—ихъ уничтожали мальчики и дѣвочки 4—10 лѣтъ. Послѣ я узналъ, что многія изъ дѣтей болѣли, умирали, многія, питаясь листьями persikaria, теряли память, даже сознаніе...» [1])

Таковы факты, вопіющіе о томъ, во что̀ обходится населенію тенденціозное уменьшеніе размѣра нужды отъ неурожаевъ.

Познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ организаціей продовольственнаго фонда на случай неурожаевъ въ Карсской области и Эриванской губерніи.

Въ Карсской области по присоединеніи ея къ Россіи были оставлены такъ называемыя «манаафи-сандухи» или эхтіабныя кассы, капиталъ которыхъ составлялся обязательными взносами 2% валового дохода съ земледѣлія. Но въ 1886 году послѣ переложенія натуральныхъ налоговъ въ денежные, упомянутый сборъ въ кассы прекратился, и онѣ увеличивались только процентами за ссуды. Въ 1895 году всего въ эхтіабныхъ кассахъ было 229,400 рублей. Какъ на недостатокъ этихъ кассъ, г. Заваровъ указываетъ на то, что ими завѣдуетъ администрація. «Все сосредоточено въ рукахъ администраціи,—говоритъ онъ,—послѣдняя и собираетъ суммы и контролируетъ себя, опредѣляетъ, кому сколько выдать, словомъ—вѣдаетъ все дѣло. Будь дѣло это въ рукахъ выборныхъ отъ населенія, подъ наблюденіемъ и контролемъ администраціи, роль манаафи-сандухи была бы значительно болѣе плодотворной» [2]).

Въ Эриванской губерніи въ 1880 году было предписано учредить продовольственные хлѣбные запасные магазины, въ которыхъ давно находится по 33 пуда 3 фунта пшеницы на каждый дымъ. Это количество

---

[1]) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эриванской губ. и Карсской обл.“, стр. 297, 298, 278, 281 и 284.

[2]) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эриванской губ. и Карсской обл.“, стр. 364.

хлѣба предписано было собрать съ податного населенія въ 16 лѣтъ по 18 гарнцевъ въ годъ съ каждаго дыма. Къ 1893 году по числу 79,064 дымовъ въ запасныхъ магазинахъ должно было быть 1.960,785 пудовъ 9 фунтовъ, «но къ сожалѣнію,—говоритъ эриванскій губернаторъ [1])—хлѣба этого не собрано, несмотря на всѣ настоянія губернскаго начальства и принимавшіяся имъ мѣры, ни одного пуда. Хотя въ отчетахъ своихъ уѣздные начальники и показывали, что хлѣбные магазины вездѣ учреждены и хлѣбъ взносится жителями, но въ дѣйствительности все это было на бумагѣ; магазиновъ почти нигдѣ не было и хлѣба или вовсе не взносилось, или если и взносилось, то таковой постоянно показывался въ отчетахъ уѣздныхъ начальниковъ розданнымъ въ ссуду жителямъ и числящимся за ними въ недоимкѣ...»

Съ 1886 года взносы въ магазины хлѣбомъ замѣнены денежными, но результаты получились почти столь же неутѣшительные. Къ 1 января 1893 г. продовольственный капиталъ долженъ былъ составлять 1.307,190 рублей, а въ дѣйствительности онъ равнялся только 179,909 руб. 28 коп. Предписано было взыскать недостающую сумму въ 6 лѣтъ, начиная съ 1893 года, причемъ приходилось на дымъ ежегоднаго взноса отъ 1 руб. 85 коп. (Эриванскій уѣздъ), до 2 р. 75 к. (Новобаязетскій), а въ среднемъ по 2 р. 39 к. Можно было предвидѣть, что если сборъ по 51 коп. съ дыма былъ сопряженъ съ большими затрудненіями, то новый сборъ дастъ еще бо̀льшую недоимку, несмотря на предписаніе «имѣть строгое наблюденіе за исправнымъ и безнедоимочнымъ платежомъ». Это и оказалось съ перваго же года: въ 1893 году было взыскано вмѣсто 192,796 рублей только 140,623 руб.

Но и въ этомъ случаѣ, если бы бѣдность населенія не помѣшала исполненію указаннаго предписанія, продовольственный капиталъ, обезпечивающій 17 руб. на дымъ или 2 р. 12½ к. на душу, могъ бы удовлетворить только незначительную часть нужды въ случаѣ неурожая.

Такъ, по разсчету г. Заварова, въ неурожайные 1892—93 годы нужда въ продовольствіи въ нагорной части Эриванской губерніи составляла на душу 18 руб. 96 коп., т.-е. превосходила почти въ 9 разъ обезпеченіе, которое было бы въ продовольственномъ капиталѣ, если бы строгія предписанія имѣли свойство заставлять исполнять неисполнимое.

Кромѣ того выдача ссудъ изъ продовольственнаго капитала въ указанные неурожайные годы показываетъ, что нѣтъ никакой надобности при административномъ хозяйствѣ доводить этотъ капиталъ до предположенной нормы: получивъ даже незначительную часть этого капитала, администрація «хранила» его въ то время, когда онъ долженъ бы быть пущенъ въ оборотъ; усчитывая нужду отъ неурожая по гомеопатической ариѳметикѣ, она давала нуждающимся гривенникъ вмѣсто рубля, превративъ такимъ образомъ живое продовольственное дѣло въ охраненіе мертваго капитала.

[1]) Въ циркулярѣ уѣздн. начальникамъ отъ 25 марта за № 1122, приведенномъ въ книгѣ г. Заварова.

Вотъ цифры, доказывающія сказанное.

«Въ голодный 1893 годъ,—говоритъ г. Заваровъ,—когда земледѣльческому населенію до нормы нужно было купить хлѣба на 2.977,000 руб., въ ссуду дается всего 33,400 руб. или около 10,5% существовавшаго капитала, причемъ удовлетворяется 1,13% нужды. Въ столь же неблагопріятномъ 1894 году изъ 486,700 продовольственнаго капитала выдано всего 8,591 или 1,8% капитала, причемъ 4,043 руб. были возвращены обратно въ томъ же году; помощь эта удовлетворила 0,51% нужды» [1]).

Въ виду такого характера продовольственной помощи на Кавказѣ, г. Заваровъ справедливо замѣчаетъ: «я немного колеблюсь въ признаніи полезности нынѣшней продовольственной организаціи Эриванской губерніи. Въ результатѣ оказывается лишь, что нѣсколько сотъ тысячъ рублей губерніи (къ 1894 году 280,400 р., къ 1895 г. 486,700 р.) за 4% лежатъ въ ссудныхъ кассахъ, въ то время, какъ за эту сумму населеніе, считая по 20—25 и даже 30%, платитъ десятки и сотни тысячъ рублей ежегодно (60—80 тысячъ 1893 и 1897 г.—122 тысячи въ 1894 г.). Вѣдь и теперь въ самомъ лучшемъ случаѣ $^{9}/_{10}$ нужды удовлетворяется продажей скота, домашней утвари, закладомъ земель,—словомъ, тѣми источниками, уменьшеніемъ коихъ черезъ введеніе продовольственнаго налога наносится сильный ущербъ вообще экономическому благосостоянію населенія [2]).

Заслонившись отъ жизни бумажными ширмами, кавказскіе устроители народнаго благополучія не замѣчаютъ, что мѣры, которыми они предполагаютъ уничтожить какое-либо общественное зло, на дѣлѣ иногда способствуютъ его развитію. Примѣромъ можетъ служить соприкасающаяся съ продовольственнымъ дѣломъ мѣра противъ кавказскихъ ростовщиковъ.

Процентъ, платимый имъ крестьянами очень великъ. 20 процентовъ за послѣднія 10—20 лѣтъ считались нормальными, но ссудами за такіе проценты пользовались только болѣе состоятельные крестьяне, съ бѣдняковъ же брали гораздо больше. «Кулаки,—говоритъ г. Заваровъ,—бравшіе съ ничего неимущаго сельскаго пролетарія 30 копеекъ на рубль, въ глазахъ всѣхъ — и дающаго, и бравшаго деньги — слыли за совѣстливыхъ людей».

Неурожаи послѣднихъ лѣтъ подняли проценты до невѣроятной высоты. Вотъ примѣры, приводимые въ книгѣ г. Заварова.

Ктиторъ церкви въ с. Башкендѣ Эриванскаго уѣзда далъ крестьянину въ 1880 году 5 руб., а черезъ 14 лѣтъ этотъ долгъ возросъ до 375 руб. 60 рублей, при уплатѣ 143 рублей процентовъ, черезъ 7 лѣтъ превратились въ 220 рублей [3]).

Не имѣя возможности уплатить занятую сумму, крестьяне мало-по-малу совершенно закабаляются кулаками. «Послѣ того,—говоритъ г. Заваровъ,—

---

[1]) „Опытъ изслѣдованія сел.-хоз. хлѣбород. района Эриванской губ. и Карсской обл., стр. 362.

[2]) Тамъ же, стр. 362.

[3]) „Опытъ изслѣд. сел.-хоз. хлѣбор. района Эрив. г. и Кар. обл.“, стр. 287 и 288.

какъ долги крестьянина достигаютъ большихъ размѣровъ, или добровольно, или черезъ судебнаго пристава кредитору передается крестьянскій скотъ, котлы и т. п. хозяйственный инвентарь. Богачъ накладываетъ свое клеймо на бедра животныхъ и передаетъ тому же крестьянину, считая за нимъ стоимость животныхъ или же получая у тѣхъ же крестьянъ опредѣленное количество масла (по $^1/_2$ пуда съ коровы) и приплодъ. Въ случаѣ новой нужды кредиторъ ссужаетъ «своего» крестьянина всѣмъ насущно необходимымъ—ситцемъ, зерномъ, фотогеномъ, все это перекладывая на деньги за признанные проценты. Такъ какъ долгъ вмѣстѣ съ процентами на капиталъ никогда не можетъ быть заплаченъ, расходы закабалившихся крестьянъ сильно сокращаются, доходя до насущно-необходимаго. Этимъ способомъ, съ одной стороны, сохраняется формально крестьянскій домъ, съ другой же — кредитору гарантируется постоянный доходъ. Этотъ родъ пригорло задолжавшихъ, работающихъ всецѣло на кредиторовъ крестьянъ носитъ названіе *мараба*. Состояніе это близко подходитъ къ состоянію крѣпостного, и его, какъ чего-то ужаснаго, боятся всѣ. Многіе изъ *марабъ* отъ стыда скрываютъ передъ сосѣдями свое положеніе» [1]).

Такъ вотъ противъ этого страшнаго зла кавказской деревни администрація рѣшила энергично бороться. Не нужно было углубляться въ изученіе даннаго вопроса, чтобы увидать правильное его рѣшеніе въ организаціи дешеваго кредита для крестьянъ, который естественно оставилъ бы ростовщиковъ безъ кліентовъ. Но, къ сожалѣнію, панацеей отъ всѣхъ общественныхъ золъ на Кавказѣ считаются старинныя средства: репрессія и регламентація. Онѣ были примѣнены и къ данному случаю. Ростовщиковъ стали высылать изъ Закавказья административнымъ порядкомъ, а крестьянамъ предписали не продавать садовъ, не заключать долговыхъ условій по 40%, сѣять хлѣба непремѣнно столько, чтобы приходилось по 3 пуда на душу. Предполагалось, что, съ одной стороны, ростовщики, устрашенные участью своихъ товарищей, будутъ брать законные проценты, а съ другой—что крестьяне, исполнивъ клонящіяся къ ихъ благу предписанія, будутъ меньше нуждаться въ ссудахъ, и въ результатѣ—дешевый кредитъ для деревни. Получились противоположные результаты: кредитъ для крестьянъ сдѣлался еще болѣе затруднительнымъ, а размѣръ процентовъ за ссуды увеличился.

«Ростовщики стали осторожнѣе,—говоритъ г. Заваровъ,—неустоекъ не пишутъ болѣе, процента въ векселѣ не обозначаютъ, даже обходятся безъ векселей, ссужая деньгами только тѣхъ «порядочныхъ» крестьянъ, въ которыхъ они вполнѣ увѣрены, что не измѣнятъ своему слову. Разультатомъ репрессій администраціи было... даже нѣкоторое фактическое возвышеніе процентовъ... Удивляться этому нечего. Разъ не возросъ въ краѣ свободный капиталъ, разъ степень нужды населенія въ капиталѣ осталась прежняя, естественно, что высота процента не могла измѣниться, если бы

---

1) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эрив. губ. и Кар. обл.“, стр. 289.

даже вмѣсто трехъ въ Тамбовскую губернію выслали 30 человѣкъ. Лучше разъ навсегда оставить разнаго рода регламентаціи и вмѣшательства въ крестьянскій обиходъ, и если думать о помощи, то дѣлать это въ смыслѣ улучшенія условій, которыя создаютъ его неказистую жизнь. Вмѣсто ссылки ростовщиковъ (притомъ административнымъ порядкомъ, безъ суда и слѣдствія), вмѣсто запрещенія продавать сады и закладывать надѣлы, лучше намъ подумать, какъ уменьшить нужду крестьянина, какъ обезпечить ему дешевый кредитъ, поставить на должную ногу продовольственный вопросъ» [1]).

Въ числѣ другихъ факторовъ, вызывающихъ неурожаи на Кавказѣ, видное мѣсто занимаетъ саранча, появляющаяся иногда въ такихъ массахъ, что затрудняетъ движеніе по желѣзной дорогѣ и совершенно уничтожаетъ посѣвы. Такъ, «въ 1890 году саранча мѣстами совершенно уничтожила посѣвы въ уѣздахъ Шушинскомъ, Джебраильскомъ и Джеванширскомъ Елизаветпольской губерніи. Точно также она неоднократно вызывала голодъ въ южной части Бакинской губерніи» [2]).

Но и борьба съ саранчей, какъ оказывается по изслѣдованіямъ этого вопроса, ведется неудовлетворительно, потому что этимъ дѣломъ завѣдуетъ администрація. «Въ восточномъ Закавказьѣ, — говоритъ г. Тимофеевъ въ названной въ примѣчаніи статьѣ, — противъ саранчи примѣняются почти всѣ мѣры, выработанныя наукой и практикой, но организація ихъ отличается многими недостатками вслѣдствіе того, что во главѣ этого дѣла стоитъ и безъ того занятая и спеціально неподготовленная полиція».

Мнѣ остается еще указать въ своей главѣ характерную черту административной борьбы съ неурожаями на Кавказѣ — это желаніе дѣйствовать безъ союзниковъ, сторониться отъ общественнаго содѣйствія.

Недостаточность правительственной помощи естественно вызывала необходимость общественныхъ денежныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. И были сдѣланы попытки оказать денежную помощь голодающимъ, но, какъ это ни странно, онѣ были истолкованы въ смыслѣ желанія вмѣшиваться не въ свое дѣло и прекратились въ самомъ началѣ. Такъ, въ 1899 году газета *Казбекъ* открыла подписку въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая на Кавказѣ, а чрезъ 2—3 дня объявила, что пожертвованія не принимаются. Весной 1898 года тифлисскія газеты (кромѣ *Кавказа*, конечно) рѣшили устроить оперный спектакль въ пользу нуждавшихся отъ неурожая предыдущаго года, но получили разрѣшеніе съ такими условіями, которыя вызывали сомнѣнія въ своевременности и правильности раздачи денегъ, и пришлось отказаться отъ этой затѣи, и деньги были собраны другимъ путемъ. Но самымъ интереснымъ эпизодомъ въ исторіи устраненія общественнаго содѣйствія въ помощи по случаю не-

---

[1]) „Опытъ изслѣд. хлѣбор. района Эрив. губ. и Кар. обл", ст. 370.

[2]) „Къ вопросу о распредѣленіи саранчи въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ и объ организаціи борьбы съ нею, въ *Сборникѣ кавк. общества сел. хоз.* 1894 г., стр. 597 и 609.

урожаевъ была попытка кавказскаго общества сельскаго хозяйства принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1899 году названное общество, желая придти на помощь голодавшему населенію, приступило къ обсужденію этого вопроса; предполагали организовать общественную подписку и предпринять рядъ ходатайствъ съ цѣлью помочь населенію пережить тяжелый годъ и хоть нѣсколько ослабить разореніе крестьянскаго хозяйства, но неожиданно въ этихъ намѣреніяхъ общества произошла перемѣна курса. Два члена общества гг. Крымъ-Гирей и Кольчевскій высказали мнѣніе, что общество не имѣетъ права оказывать помощь пострадавшимъ отъ неурожая, что это не его дѣло. Несмотря на то, что § 1 устава названнаго общества прямо опровергаетъ такое заявленіе, оно произвело сенсацію, предсѣдатель прекратилъ пренія по вопросу о неурожаѣ и обсужденіе его оттянули съ октября на апрѣль вслѣдствіе чего проектированныя мѣры сдѣлались несвоевременными. А предполагалось сдѣлать слѣдующее: ходатайствовать о пониженіи тарифа на хлѣбъ и кормъ для скота на закавказскихъ желѣзныхъ дорогахъ и объ облегченіяхъ въ пастьбѣ скота въ лѣсахъ, а также о сложеніи штрафныхъ денегъ за порубки и платежей за пастьбу скота въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ; командировать члена общества въ Карабахскій, Ленкоранскій и Джеватскій уѣзды для выясненія степени недорода и вліянія его на различныя отрасли сельскаго хозяйства, ходатайствовать о преобразованіи продовольственнаго дѣла, о спеціальномъ кредитѣ для оросительныхъ работъ на Кавказѣ; разрѣшить важнѣйшіе вопросы основной и текущей статистики сельскаго хозяйства Кавказскаго края. Общество постановило напечатать докладъ по этому предмету и представить президенту общества, главночальствующему на Кавказѣ, и министрамъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, но само не высказалось, отложивъ обсужденіе проектированныхъ мѣръ въ долгій ящикъ.

Чтобы понять это попятное движеніе въ кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства въ дѣлѣ помощи пострадавшимъ отъ неурожая, надо знать составъ названнаго учрежденія. Большинство его членовъ не сельскіе хозяева, а чиновники различныхъ вѣдомствъ, чуткіе ко всякимъ вѣяніямъ, исходящимъ изъ канцелярскихъ кабинетовъ; достаточно, чтобы правитель какой-нибудь канцеляріи намекнулъ, что ему не понравится то или другое постановленіе общества, чтобы они тотчасъ же прониклись соотвѣтственнымъ настроеніемъ и начали дѣйствовать согласно сдѣланному имъ намеку, хотя бы первый шагъ по этому пути былъ нарушеніемъ закона.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Общество заразилось страхомъ мнимаго нарушенія устава, внушеннымъ названными членами, и отказалось отъ обязанности, возложенной на него этимъ уставомъ. Оно испугалось, потому что мнимое нарушеніе устава могло повлечь за собой маленькія непріятности, а дѣйствительное нарушеніе его предупредитъ ихъ. Правда, что въ печати могли появиться (и появлялись) осужденія такого перемѣны фронта, но на чиновниковъ сельско-хозяйственнаго общества голосъ обще-

ственнаго мнѣнія не производитъ сильнаго впечатлѣнія, а одобрительная улыбка начальника канцеляріи съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за осужденіе въ печати.

По поводу неудавшагося благого намѣренія названнаго общества умѣстно привести выписку изъ рѣчи елисаветпольскаго губернатора, произнесенной имъ въ публичномъ засѣданіи елисаветпольскаго отдѣла кавказскаго общества сельскаго хозяйства 26 ноября 1897 года.

Губернаторъ сказалъ слѣдующее: «Отзывчивость елисаветпольскаго общества представляется для меня важною въ томъ отношеніи, что, какъ вамъ, милостивые государи, извѣстно, правительство въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей весьма часто обращается къ содѣйствію общества, и ни для кого изъ насъ не тайна, что сочувствіе и поддержка со стороны общества является весьма важнымъ залогомъ успѣшности дѣйствій органовъ власти, которыя безъ такой поддержки часто бываютъ безсильными въ самыхъ благихъ своихъ начинаніяхъ».

Изъ приведенныхъ фактовъ вытекаетъ слѣдующее заключеніе.

На Кавказѣ не существуетъ достаточнаго продовольственнаго обезпеченія на случай неурожая. Привычка замалчивать неурожаи, оставленная уже въ остальной Россіи, здѣсь еще не признается вредной для народнаго хозяйства. Продовольственная помощь населенію оказывается въ размѣрѣ, далеко не соотвѣтствующемъ нуждѣ, а общественныя попытки пополнить сколько-нибудь этотъ дефицитъ признаются нежелательными. Помощь приходитъ несвоевременно. Условія продовольственныхъ ссудъ такъ невыгодны, что многихъ заставляютъ отказываться отъ ссуды. Борьба противъ основныхъ причинъ неурожаевъ не ведется. Всѣ эти капитальные недостатки продовольственнаго дѣла коренятся не въ какихъ-либо частныхъ недостаткахъ организаторовъ и исполнителей, а въ органической неспособности чиновниковъ вести земское хозяйство.

III.

Сорокъ лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ образованная Россія и ея правительство признали доказаннымъ, что устраненіе недостатковъ народнаго хозяйства канцелярскимъ порядкомъ невозможно и что причина этой невозможности заключается не въ томъ или другомъ составѣ канцелярій, а въ органическихъ свойствахъ бюрократизма.

Въ послѣдніе годы развитіе на Кавказѣ разбойничества заставило мѣстную администрацію обратить особенное вниманіе на мѣры противъ этого зла. Результатомъ продолжительной канцелярской работы явился проектъ новой земской стражи со смѣтой въ 2.361,460 рублей въ годъ. Въ началѣ 1900 года этотъ проектъ былъ утвержденъ, а съ 1 августа того же года введенъ въ дѣйствіе. Большія надежды возлагались на новую земскую стражу, но неосновательность ихъ не трудно было замѣтить раньше, чѣмъ это стало обнаруживаться на практикѣ.

Я остановлюсь на этомъ мѣропріятіи, потому что оно представляется типичнымъ, и потому, что его типичныя черты выражены очень рельефно.

Передъ составителями проекта былъ тотъ историческій фактъ, что всѣ мѣры, принимавшіяся въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ противъ разбойничества, оказались безуспѣшными. Очевидно, что составленію проекта новой мѣры должно было предшествовать изслѣдованіе вопроса о причинѣ этой безуспѣшности.

Въ литературѣ о кавказскомъ разбойничествѣ этотъ вопросъ былъ изслѣдованъ, и какъ разъ въ то время, когда происходилъ процессъ сочиненія проекта новой земской стражи, г. Френкель читалъ лекціи «О борьбѣ русской власти съ разбоемъ на Кавказѣ», которыя, будучи слабыми въ критической части, дали однако фактическій матеріалъ, ясно указывавшій на то, что всѣ мѣры противъ разбойничества были безуспѣшны, потому что направлялись не на корень зла, а на его симптомы, и притомъ отличались наивнымъ старовѣрчествомъ въ благотворность репрессивныхъ мѣръ.

Безуспѣшно принимались для уничтоженія разбойничества слѣдующія 18 средствъ:

1. Административная высылка подозрѣваемыхъ въ разбоѣ и укрывательствѣ разбойниковъ.
2. Ссылка въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ.
3. Запрещеніе проживать въ городахъ сельчанамъ, подозрѣваемымъ въ преступленіяхъ противъ собственности.
4. Преданіе разбойниковъ военному суду, который прежде приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ и шпицрутенамъ отъ 6,000 до 12,000, причемъ многіе умирали отъ этого наказанія, а теперь съ 1882 года—къ повѣшенію.
5. Арестъ семействъ бѣглыхъ преступниковъ.
6. Арестъ почетныхъ жителей селенія, въ которомъ появились разбойники, но не выданы жителями.
7. Экзекуціи.
8. Взаимное поручительство въ уплатѣ стоимости похищеннаго не разысканными разбойниками.
9. Лишеніе права всего сельскаго общества выбирать своихъ старшинъ и назначеніе ихъ правительствомъ.
10. Лишеніе права всего сельскаго общества носить оружіе.
11. Примѣненіе къ данной мѣстности 27-й статьи положенія объ управленіи кавказскимъ краемъ, предоставляющей главноначальствующему право принимать для возстановленія общественнаго спокойствія и безопасности всякія мѣры, хотя бы внѣ установленнаго порядка, подъ личною его отвѣтственностью.
12. Усиленіе состава полиціи.
13. Поимка разбойниковъ при посредствѣ земской стражи.
14. Наряды изъ населенія для поимки разбойниковъ.
15. Указаніе, чрезъ выборныхъ дворянъ, лицъ, подозрѣваемыхъ въ разбоѣ

18. Преслѣдованіе разбойниковъ при посредствѣ войскъ и казаковъ.
17. Командировки чиновниковъ и офицеровъ.
18. Наставленія духовенства.

Если бы составители проекта новой мѣры противъ разбойничества заинтересовались его причинами и выяснили себѣ, почему перечисленныя мѣры не имѣли успѣха, то, конечно, замѣтили бы, что для борьбы съ разбойничествомъ нужны двоякія мѣры: противъ разбойниковъ и противъ разбойничества.

Искоренить разбойничество можно только культурными мѣрами: развитіемъ въ населеніи чувства законности, для чего первымъ шагомъ должно быть введеніе суда присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей, а также отвѣтственность административныхъ агентовъ за нарушенія закона на общемъ основаніи; широкимъ развитіемъ образованія въ народной массѣ, поднятіемъ ея экономическаго положенія и развитіемъ въ ней самодѣятельности помощію введенія земскихъ учрежденій.

Для преслѣдованія же и поимки разбойниковъ не было надобности придумывать новое средство, такъ какъ въ числѣ старыхъ есть наилучшее для данной цѣли. Если разбойничество принимаетъ на Кавказѣ характеръ партизанской войны и разбойники берутъ въ плѣнъ на проѣзжихъ дорогахъ десятки людей, то для поимки ихъ въ распоряженіи администраціи есть казаки, которые въ мирное время сидятъ безъ дѣла. Никакіе урядники и всадники земской стражи не могутъ сравниться съ казаками въ искусствѣ веденія партизанской войны, въ разыскиваніи и преслѣдованіи. Лучше казаковъ трудно что-нибудь и придумать для данной цѣли. Въ Россіи въ старину, когда на проѣзжихъ дорогахъ грабили, устраивались казачьи пикеты. Нужно, конечно, правильно, съ знаніемъ мѣстныхъ условій, организовать казачью службу на проѣзжихъ дорогахъ Кавказа, чтобы ограбленіе десятковъ людей сдѣлалось невозможнымъ.

Но, къ сожалѣнію, новая мѣра противъ разбойничества явилась не результатомъ критическаго изслѣдованія вопроса о причинахъ неудачи старыхъ мѣръ, а плодомъ вдохновенія въ тишинѣ канцелярскаго кабинета.

Существующая земская стража не уничтожила разбойничества, нужно ее реформировать. Таково было основное положеніе новаго проекта. Ошибка отъ такой постановки вопроса, оставившей въ сторонѣ корни разбойничества, могла бы быть обнаружена во-время и исправлена, если бы мѣстная печать имѣла возможность узнать и обсудить проектъ новой мѣры, но она не имѣла этой возможности,—кабинетная работа была окружена тайной, и только теперь, когда проектъ уже осуществленъ, обнаруживаются въ немъ недостатки, свидѣтельствующіе о томъ, что составители его не считали нужнымъ считаться съ мѣстными условіями.

Сущность преобразованія земской стражи заключается въ ея обрусеніи; прежде въ ней служили туземцы, теперь только русскіе. Казалось бы послѣ такого предположенія реформировать земскую стражу, долженъ былъ явиться вопросъ: можетъ ли русскій стражникъ, не знающій мѣстныхъ обы-

чаевъ, языка и топографіи, успѣшно преслѣдовать разбойниковъ и разыскивать награбленное? Но такого вопроса не явилось. Русскій стражникъ представлялся всемогущимъ искоренителемъ разбойничества, потому что онъ русскій; предполагалось, что всѣ препятствія будутъ побѣждены русскимъ духомъ. Нецѣлесообразность преобразованія, построеннаго на такомъ фантастическомъ основаніи, уже начала обнаруживаться.

Мнѣ случилось бесѣдовать съ однимъ уѣзднымъ начальникомъ черезъ мѣсяцъ послѣ введенія въ дѣйствіе положенія о новой земской стражѣ. Я интересовался результатами этого нововведенія.

— Въ моемъ уѣздѣ,—отвѣтилъ онъ,—послѣ введенія новой земской стражи грабежи увеличились, грабителямъ легче стало скрываться отъ преслѣдованія. Вотъ вчера мнѣ донесли о грабежѣ—угнали скотъ; я предложилъ офицеру земской стражи преслѣдовать грабителей, а онъ вполнѣ резонно отвѣтилъ: какъ я могу преслѣдовать, не зная дорогъ и туземнаго языка.

Новая земская стража не устранила и массовыхъ грабежей на проѣзжихъ дорогахъ. Такъ, 5 мая 1900 года 5 разбойниковъ взяли въ плѣнъ и, ограбивъ, выпустили нѣсколько десятковъ проѣзжихъ на дорогѣ отъ с. Ахсу въ Геокчайскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ города Шемахи.

Тифлисскій Листокъ [1]), въ сообщеніи объ этомъ фактѣ показалъ число ограбленныхъ въ 150 человѣкъ. *Кавказъ* [2]) на это замѣтилъ, что ограблено «всего 50—60 человѣкъ» и что *Тифлисскій Листокъ* желаетъ «увѣрить читателей въ томъ, что общественная безопасность въ краѣ не обезпечена». Но какая же надобность увѣрять въ томъ, что̀ доказывается фактами: вѣдь и сообщеніе *Кавказа* объ ограбленіи «всего 50—60 человѣкъ» доказываетъ съ очевидностью, что общественная безопасность на путяхъ сообщенія на Кавказѣ дѣйствительно не обезпечена, несмотря на преобразованіе земской стражи.

19 августа 1900 года, по сообщенію мѣстныхъ газетъ [3]), между селеніями Погорѣловской и Славянкой, Елизаветпольскаго уѣзда, три пѣшихъ разбойника имѣли стычку съ конвоемъ и свитой губернатора, состоявшими изъ уѣзднаго начальника, двухъ чиновниковъ, урядника и трехъ стражниковъ. Преслѣдованіемъ распоряжался губернаторъ. Пѣшіе разбойники скрылись отъ конной земской стражи, одинъ изъ нихъ убитъ во время перестрѣлки, продолжавшейся не менѣе 5 минутъ. «Къ задержанію остальныхъ приняты мѣры».

По разслѣдованію, а затѣмъ и на судебномъ слѣдствіи, однако, оказалось, что это происшествіе было не столкновеніе съ разбойниками, а qui pro quo. Земская стража приняла за разбойниковъ мирныхъ пастуховъ, а послѣдніе защищались, принявъ земскихъ стражниковъ за разбойниковъ.

---

1) 1900 г., № 130.

2) 1900 г., № 169.

3) Перепечатка изъ *Кавказа* въ № 5452 *Новаго Обозрѣнія*.

Въ послѣднемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ прежняя земская стража имѣла репутацію разбойнической [1]).

И вотъ, только теперь, когда недостатки проекта новой земской стражи, которые не трудно было бы замѣтить заблаговременно, начинаютъ проявляться на практикѣ, оказывается возможность сужденій въ печати по поводу его непрактичности. Такъ, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* [2]) было напечатано, что «новая полицейская стража, на усиленіе штатовъ которой были увеличены налоги въ краѣ, не оправдала возлагавшихся на нее администраціей надеждъ: разбои не только не прекратились, но даже за послѣднее время усилились. Это главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что новые полицейскіе стражники набраны большею частью изъ лицъ, не знакомыхъ ни съ мѣстными условіями, ни съ языкомъ туземнаго населенія, ни съ его нравами и вѣрованіями».

Кавказъ признаетъ необходимымъ считаться съ такими указаніями, но, возражая ex officio, приводитъ не опровергающія ихъ соображенія.

«Возраженія противъ новой стражи,—говоритъ *Кавказъ* [3]),—сводящіяся къ тому, что набираемые въ стражу отставные и запасные нижніе чины, попавъ въ незнакомую мѣстность и чуждую имъ по языку и нравамъ среду, не будутъ въ состояніи ориентироваться и дѣйствовать успѣшно, опровергаются обязательствомъ чиновъ стражи прослужить не менѣе двухъ лѣтъ, въ продолженіе какого времени они успѣютъ прекрасно изучить мѣстность, нравы и даже языкъ жителей, тѣмъ болѣе, что предполагается возложить на нихъ обязанность выучиться мѣстному языку, что̀ не такъ трудно для людей, окруженныхъ населеніемъ, говорящимъ на извѣстномъ языкѣ, и постоянно соприкасающихся съ этимъ населеніемъ».

Итакъ, за 2.361,460 рублей, согласно этому объясненію *Кавказа*, организована не земская стража, а школа стражниковъ, но какъ справедливо замѣтилъ попечитель кавказскаго учебнаго округа, было бы цѣлесообразнѣе для уничтоженія разбойничества, устроить на эти деньги народныя школы [4]).

Но если мѣры для преслѣдованія и поимки разбойниковъ оказываются и по новому проекту нецѣлесообразными, то мѣръ для борьбы съ причинами, создающими разбойничество, не принято никакихъ.

Эта существенная сторона вопроса, пренебреженіе которой въ прежнее время сдѣлало недѣйствительною борьбу съ разбойничествомъ, осталась безъ разсмотрѣнія и при составленіи проекта новыхъ мѣропріятій.

Ивановичъ (Ив. Свѣдѣнцовъ).

---

[1]) Многіе изъ стражниковъ заподозрѣваются въ сношеніи съ разбойниками, въ покровительствѣ имъ и вообще въ предосудительномъ образѣ дѣйствій. Были даже случаи, подтвержденные судебными дѣлами, когда земскіе стражники сами участвовали въ набѣгахъ вмѣстѣ съ разбойниками. „Рефератъ Френкеля“, стр. 53.

[2]) 1900 г. № 183.

[3]) №№ 6 7 іюля 1900 года.

[4]) См. I гл. этой статьи.

Замѣтки о венгерской литературѣ *).

По своему географическому положенію нынѣшняя Венгрія являлась передовымъ оплотомъ Западной Европы противъ наплыва варварскихъ ордъ.

Со временъ Траяна до Карла Великаго готы, авары, гунны, гепиды, остготы наполняли дунайскія равнины и возвышенности Трансильваніи. Въ IX в. являются изъ-за Урала мадьяры, которые на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ объединяютъ непокойное населеніе. Христіанская религія доканчиваетъ это объединеніе, удаляя орды, не подчиняющіяся ея вліянію, и способствуя сліянію тѣхъ, которыя до тѣхъ поръ не признавали главенства мадьяръ.

Теперь уже намѣчается роль Венгріи среди христіанскихъ государствъ: она должна отражать первый натискъ варваровъ, вторгающихся съ востока, останавливать ихъ напоръ и дать возможность западу мирно выполнять свое прогрессивное развитіе.

Венгры стоятъ изолированно въ великой семьѣ европейскихъ народовъ. Переселенческій потокъ увлекъ ихъ съ сѣвера Азіи въ среду славянъ, германцевъ и латинянъ. Оторванные отъ родной почвы, говорящіе на непонятномъ языкѣ, они какъ бы затерялись среди обширныхъ пространствъ Европы. Всякое пораженіе въ борьбѣ влекло за собой занятіе ихъ новаго отечества и грозило разсѣяніемъ народа на всѣ четыре стороны. Поэтому они упорно бьются за свою землю. Состояніе духа, вызванное вѣками этой борьбы, внушаетъ трогательныя страницы и отражается всюду: въ политической исторіи, въ религіозной полемикѣ, въ памятникахъ древней литературы и поэзіи. Любовь къ родинѣ выливается въ горячихъ строфахъ и увлекательной прозѣ, волнующихъ душу венгра, который находитъ въ нихъ выраженіе своихъ сокровенныхъ думъ. Во время самыхъ бурныхъ періодовъ исторіи эта главенствующая идея свято оберегается писателями: народные пѣсенники и музыканты—Regès-Lantos—съ ихъ героическими пѣснями, теологи, эпическіе поэты, историки, моралисты,—всѣ говорятъ и пишутъ, всегда памятуя о родинѣ.

---

*) *Melchior de Polignac*: „Notes sur la littérature hongroise“.

Такое преобладаніе одной идеи было результатомъ политическихъ условій Венгріи. Проникновеніе чужеземныхъ вліяній сопровождалось симптомами упадка, поэтому заимствованными идеями и формами венгры стремились обогатить свою литературу, не измѣняя ея. Вслѣдствіе такой исключительности, мадьярская литература оставалась неизвѣстной до недавняго времени.

Но иноземныя вліянія проникали въ Венгрію вмѣстѣ съ великими движеніями человѣческаго духа, а такъ какъ ея языкъ, чуждый европейскимъ языкамъ, былъ плохимъ проводникомъ мысли, то въ литературѣ употреблялся латинскій, а въ торговыхъ сношеніяхъ германскій и славянскій языкъ.

Ученыя изслѣдованія о трансформаціи и законахъ языковъ алтайской группы измѣнили это положеніе вещей. Обогатившійся мадьярскій языкъ породилъ богатую народную литературу, которая, несмотря на свое запоздалое появленіе, не затерялась среди развитыхъ уже литературъ другихъ народовъ. Этимъ она обязана согрѣвающему ее національному чувству, которое направляло ея первые шаги и упрочило ея развитіе.

Заимствованія съ Запада носятъ характеръ орнаментовъ, прилѣпленныхъ къ старымъ зданіямъ. Примѣромъ можетъ служить натурализмъ, явившійся во Франціи логическимъ послѣдствіемъ романтической литературы. Въ Венгріи онъ не отмѣтилъ собой новаго этапа на пути литературной эволюціи: публика продолжала восхищаться Іокаемъ и находила полное удовлетвореніе своего патріотическаго и сантиментальнаго идеала у Верешмарти, Петёфи, Арани, Томпа и ихъ послѣдователей.

Нынѣшнее состояніе венгерской литературы не соотвѣтствуетъ прошедшему. На немъ отразилась слишкомъ долгая задержка въ работѣ мысли. Она колеблется, идетъ ощупью среди иноземныхъ вліяній, но отъ соприкосновенія съ ними пріобрѣла уже вкусъ и навыкъ.

Страна, теперь независимая, обнаруживаетъ всѣ признаки молодости и силы. Двадцать пять лѣтъ назадъ ея писатели, солдаты и политики, были по преимуществу людьми дѣла. Теперь отечество внѣ опасности, и защищавшее его литературное орудіе обратилось къ новой цѣли. Прежніе герои стали ремесленниками, искусными популяризаторами міровой идеи.

Венгерская нація принадлежитъ къ урало-алтайской группѣ народовъ, вѣтвь которыхъ, ойгуры (oïgours), бродила нѣкогда по склонамъ Урала. Въ первыя столѣтія нашей эры она спустилась въ Россію и дошла до Балтійскаго моря. Немногія скудныя свѣдѣнія о ней находятся въ преданіяхъ и средневѣковыхъ записяхъ. Ее подраздѣляютъ на 4 группы:

1. Венгры, вогулы и остяки.
2. Мордва.
3. Лопари и вотяки или воты.
4. Финскія и ливонскія народности.

Слѣды венгерскихъ легендъ и примитивныхъ миѳовъ находятся въ рукописяхъ Anonymus'a, писца короля Бэлы. У венгровъ былъ свой особый

«богъ мадьяръ», которому они поклонялись какъ высшему существу, оставаясь въ то же время идолопоклонниками. Жрецы занимали выдающееся положеніе. Венгры признавали единобрачіе, и женщина «Félség» (половина) была равноправной съ мужчиной.

Когда отдѣльныя племена ойгуровъ разселились на большія разстоянія и связь между ними порвалась, изъ внутреннихъ частей Азіи пришли новые варвары, тюрки, и поселились на берегахъ Волги, въ сосѣдствѣ съ венграми. Частыя сношенія съ тюрками повели за собой глубокое вліяніе послѣднихъ на нравы и языкъ приволжскихъ мадьяръ и заставили ихъ принять участіе въ набѣгахъ на западную Европу, гдѣ каждая нація, вовлеченная въ эти набѣги, осѣдала на завоеванной землѣ. Тогда-то венгры и заложили свои первыя поселенія въ Панноніи и основались здѣсь, управляясь сначала визирями, потомъ королями.

Первый герцогъ Венгріи, Гейза (972—997 г.) принялъ христіанство и сдѣлалъ такимъ образомъ первый шагъ по пути западной цивилизаціи. Его преемникъ Стефанъ (997—1038 г.) обратилъ въ христіанство всю націю. Этому великому правителю обязана Венгрія своей вѣрой, государственнымъ устройствомъ и короной *).

Коломанъ «ученый» (1095—1114 г.) округляетъ границы Венгріи завоеваніемъ Кроаціи и Далмаціи. Самая мрачная эпоха исторіи Венгріи относится къ царствованію Бэлы IV (1235—1270 г.): въ 1241 г. татары вторгаются въ страну и опустошаютъ ее въ продолженіе двухъ лѣтъ. Города сожжены, войско разбито, машина правленія разстроена. Венгрія нѣсколько оправляется только со вступленіемъ на престолъ Анжуйскаго дома.

Начала венгерскаго возрожденія относятся къ правленію сына Яна Гуніада, Матвѣя Корвина (1458—1490 г.), прославившагося въ борьбѣ съ турками. Но послѣ его смерти страна снова приходитъ въ упадокъ и разоряется, турки вновь проникаютъ вглубь государства, доходятъ до Буды, и только войска Людовика XIV помогаютъ несчастной странѣ вернуть городъ обратно.

Открытіе перваго парламента, въ концѣ царствованія Франца I, начинаетъ собой національное возрожденіе.

Въ продолженіе первой четверти столѣтія графъ Стефанъ Сеченьи и пылкій Кошутъ возбуждаютъ и поддерживаютъ національную энергію. Оба желаютъ реформъ, но разными путями. Кошутъ предлагаетъ парламенту въ 1848 г. свои главные пункты: уничтоженіе феодальнаго устройства и національное представительство. Объявляется отдѣленіе Венгріи отъ Австріи, но императоръ съ помощью русскихъ войскъ наноситъ пораженіе венграмъ, и парламентъ распускается. Только опасныя для династіи войны съ Италіей и Пруссіей побуждаютъ его признать за Венгріей права, установленныя на началахъ 1848 г.: военныя и иностранныя дѣла обсужда-

*) *E. Horn:* „Saint Etienne, roi apostolique".

ются сообща съ Австріей, а внутреннее управленіе вѣдается каждымъ государствомъ отдѣльно.

Литературная исторія Венгріи тѣсно связана съ ея политической эволюціей. Судьбы отечества глубоко захватываютъ ее и вызываютъ богатое творчество, когда дѣло идетъ о защитѣ родной земли и прославленіи національнаго духа. Еще во времена кочевого быта венгры собирались вмѣстѣ на разныя празднества, гдѣ проводили время главнымъ образомъ въ пѣсняхъ и пляскѣ. Эта потребность воспѣвать страданія и радости, побѣды и пораженія только въ X вѣкѣ облекается въ поэтическую форму, когда осѣдлая жизнь вызываетъ соотвѣтственныя измѣненія въ нравахъ. Изъ своихъ набѣговъ въ Италію, Византію и Галлію венгры вынесли плодотворныя впечатлѣнія. Наступившее мирное время превращаетъ военачальника въ организатора, правителя, который, вводя христіанство, поощряетъ стремленія къ болѣе цивилизованной жизни. По смерти короля Стефана никто бы не узналъ въ этомъ христіанскомъ государствѣ, солидно устроенномъ, прежнихъ варваровъ, спутниковъ Арпада. Оно выдержало даже плохія времена, наступившія съ турецкимъ нашествіемъ.

Въ это время ученый трудъ скрывается въ стѣнахъ монастырей. Народная фантазія занята подвигами венгерскаго рыцарства; но литературный языкъ носитъ еще слѣды молодости и наивности. Его обогащаютъ идеи, занесенныя съ Запада; но одновременно съ ними заносится и латынь, языкъ христіанства, который выходитъ изъ употребленія только въ XV вѣкѣ, когда дѣлается достаточно богатымъ свой родной.

Нельзя требовать отъ молодой страны хладнокровія старыхъ націй. Она горячо увлекается новыми идеями и стремится догнать сосѣдніе народы, спокойно развивавшіеся въ теченіе столѣтій. Въ области идей Франція находила здѣсь самыхъ пылкихъ послѣдователей.

По утвержденію венгерскихъ ученыхъ, венгры явились въ Паннонію съ довольно развитымъ языкомъ. Встрѣчающіяся въ немъ иностранныя слова заимствованы изъ пяти источниковъ: тюркскаго, славянскаго, германскаго, латинскаго и итальянскаго.

Политическія и религіозныя реформы святого Стефана пріобщили Венгрію къ цивилизованнымъ націямъ Европы. Она проникается христіанскимъ духомъ и распространяетъ христіанство среди своихъ сосѣдей на западѣ и югѣ.

Между 1000 и 1300 годовъ начинаетъ проникать въ страну вліяніе иностранныхъ литературъ. Въ это время въ Европѣ средневѣковая цивилизація достигаетъ своего апогея. Духъ христіанства и его антитезы, мистицизмъ и раціонализмъ, романтическія возбужденія и античныя идеи, рыцарство и медленное пробужденіе самосознанія у буржуазіи вызываютъ богатое развитіе національныхъ литературъ.

Венгрія остается внѣ этого общаго движенія. Она вся еще въ рукахъ монаховъ и священниковъ, проповѣдующихъ на латинскомъ языкѣ

правила христіанской религіи. Это одна изъ блестящихъ страницъ исторіи Венгріи. Но развитіе родного языка задерживается; національное творчество ограничивается народной пѣсней и легендой, о существованіи которыхъ мы узнаемъ опять-таки изъ латинскихъ источниковъ. Сюжеты легендъ заимствованы изъ эпохи правленія преемниковъ св. Стефана. Самой симпатичной фигурой этого романтическаго міра является св. Ладиславъ, мадьярскій Роланъ, идеалъ средневѣковаго рыцаря. Всѣ эти легенды изложены прозой. Онѣ передавались пѣвцами, министрелями и жонглерами, которыхъ было много въ правленіе св. Стефана и которые нерѣдко сопровождали войско въ крестовые походы.

Венгерское названіе этихъ пѣвцовъ «igric».

Значительный толчокъ дѣлу цивилизаціи дали короли династіи Арпадовъ, которые съ помощью самоотверженныхъ и просвѣщенныхъ священниковъ основывали епископства, церкви, монастыри и школы и, въ то же время, заботились о развитіи земледѣлія, промышленности и торговли. Система народнаго просвѣщенія была очень разумна и проводилась разнообразными путями. Книгопечатаніе еще не существовало, но рукописи распространялись даже въ деревняхъ; кромѣ того, было основано семь очень важныхъ училищъ, гдѣ преподавалась грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Въ двухъ высшихъ училищахъ изучались богословскія и естественныя науки. Наконецъ въ XII в. Бэла III основалъ университетъ въ Vespeп, процвѣтаніе котораго кончилось вмѣстѣ съ династіей Арпадовъ. Короли этой династіи заботились также о введеніи въ Венгрію изящныхъ искусствъ; но дѣло ограничивалось однѣми попытками вплоть до вступленія на престолъ Анжуйскаго дома; короли этой династіи первые пріобщили эту страну къ художественному движенію, изъ котораго вышло возрожденіе.

Священники уже набираются въ самомъ королевствѣ, и этотъ фактъ имѣетъ большое вліяніе на развитіе языка и вызываетъ литературное движеніе, которое пошло двумя параллельными путями: національная поэзія къ своимъ обычнымъ сюжетамъ прибавила прославленіе дѣятельности королей; появилась особаго рода христіанская литература, начавшая съ замѣны христіанскими рыцарями языческихъ героевъ древнихъ національныхъ пѣсенъ. Самые тексты законовъ облекаются въ поэтическую форму и воспроизводятся въ пѣсняхъ настолько точно, что къ нимъ обращаются при собираніи законовъ обычнаго права.

Венгерское письмо исчезаетъ со времени прибытія первыхъ миссіонеровъ, венеціанцевъ по преимуществу. Христіанская литература пользовалась латинской азбукой, и это сблизило Венгрію съ западными націями и открыло доступъ многочисленнымъ иноземнымъ вліяніямъ.

Такимъ образомъ, миссіонеры были первыми наставниками венгерскаго народа. Монахи устраивали въ церквахъ представленія страстей и мистерій, и этотъ обычай просуществовалъ нѣсколько столѣтій, постепенно те-

ряя свой религіозный характеръ. Исторія литературы собрала остатки молитвъ, пѣсенъ, легендъ отъ этихъ далекихъ временъ.

Самымъ древнимъ памятникомъ венгерскаго языка является надгробное слово, найденное въ кодексѣ XIII вѣка, который находится въ національномъ музеѣ Будапешта. Онъ относится къ 1171—1210 гг.: но предполагаютъ, что это копія съ болѣе древняго богослужебника.

Другой памятникъ той же эпохи—«Кенигсбергскій Фрагментъ».

Такимъ образомъ, венгерская литература находилась до новѣйшихъ временъ подъ латинскимъ вліяніемъ. Трудно отличить ея собственное содержаніе отъ занесеннаго иноземными писцами. Послѣ Арпадовъ Венгрія становится ареной внутреннихъ смутъ и жестокихъ войнъ.

Нѣкоторые изъ иноземныхъ принцевъ, носившихъ корону св. Стефана, соединяли съ ней и другія короны, вслѣдствіе чего учащались сношенія съ сосѣдними народами; зато національный элементъ при дворѣ все ослаблялся. Смерть Андрея, послѣдняго короля венгерской крови, отмѣчаетъ собой задержку въ развитіи литературы. Тронъ иноземнаго принца окруженъ чужеземцами, не знавшими венгерскаго языка и литературы, которая не представляла для нихъ интереса рядомъ съ развитыми литературами сосѣднихъ государствъ.

Но и въ это время Венгрія дважды занимаетъ высокое мѣсто среди европейскихъ народовъ: при Людовикѣ Великомъ и при Матвѣѣ Корвинѣ.

Принцы Анжуйскаго дома значительно способствовали развитію искусствъ и распространенію образованія. Поддерживая частыя сношенія съ Неаполитанскимъ королевствомъ и Италіей и хорошо зная ея поэтовъ и художниковъ, они стремились привить къ своему государству благодѣянія итальянской цивилизаціи.

При Сигизмундѣ сношенія съ Италіей учащаются, и въ Венгрію начинаетъ проникать классическое вліяніе. Умножаются библіотеки, основывается университетъ въ Будѣ. Но правленіе Сигизмунда омрачено первымъ вторженіемъ турокъ, наносящихъ венграмъ тяжелыя пораженія, и, особенно, возстаніемъ гусситовъ послѣ констанцскаго собора. Сожженіе Іоанна Гусса вызываетъ сильное умственное движеніе и многочисленныя пререканія между сторонниками писанія и преданія. Церковь вводитъ венгерскій языкъ въ католическое богослуженіе и впервые предписываетъ перевести Библію на народный языкъ.

Ужасы войны, колебаніе умовъ, разстройство идей угрожаютъ будущему націи. Но побѣды Яна Гуніада, военная и литературная слава Матвѣя Корвина возстанавливаютъ равновѣсіе, и національный духъ возрождается.

Матвѣй Корвинъ, хорошо знакомый съ латинской литературой, стремился привить плоды итальянскаго возрожденія въ своей странѣ. Въ этомъ ему помогала его жена, Беатриса Арагонская, которая своимъ тонкимъ вкусомъ и развитымъ умомъ умѣла привлекать къ своему двору знаменитѣйшихъ поэтовъ и ученыхъ своего времени.

Въ XV вѣкѣ Матвѣй основываетъ библіотеку «Корвину», которая была открыта для всѣхъ. Ученые находили при его дворѣ широкое гостепріимство.

Цивилизаторскій трудъ Корвина облегчался изобрѣтеніемъ книгопечатанія. При Матвѣѣ существовали уже библіофилы, самымъ знаменитымъ изъ которыхъ былъ Янъ Витецъ (Vitez). По словамъ одного книгопродавца, онъ отыскивалъ и книги во всѣхъ государствахъ и поручалъ списывать тѣ, которыхъ не могъ достать.

Этотъ выдающійся гуманистъ былъ воспитателемъ Корвина, унаслѣдовавшаго отъ своего наставника любовь къ книгамъ.

Турки опустошили «Корвину», и ея книги, разсѣянныя по всей Европѣ, обогатили многія библіотеки. Но въ расхищеніи этого великолѣпнаго книгохранилища виноваты не одни варвары: преемники Матвѣя расточали богатые тома, а придворные сановники даже торговали книгами.

Ученые иностранцы основали въ честь гостепріимнаго короля первое ученое общество въ Венгріи; но работы его, написанныя по-латыни, не имѣли большого значенія для національной цивилизаціи. Важнѣйшимъ актомъ Корвина было введеніе книгопечатанія въ 1472 году. Извѣстны два первыя напечатанныя произведенія: «Magni Basilii Leonardi, Aretini in opusculo de legendis poeticis», «Chronicon Budense».

Послѣднее, болѣе важное, разсказываетъ исторію Венгріи до коронаціи М. Корвина.

До половины XVI вѣка книгопечатаніе плохо прививалось. Только реформація вернула ему прежнюю жизненность. Центромъ движенія сталъ университетъ въ Кчакко. Въ библіотекѣ Будапешта хранится первая книга, вышедшая оттуда; это переводъ посланій Св. Павла, принадлежащій перу Bénédeck'a Komjati.

Корвинъ былъ душой литературнаго оживленія, которое такъ ярко рисуетъ его эпоху; съ его смертью наступаетъ реакція. Ягеллоны не имѣютъ никакой связи съ народомъ, и вторженіе чуждаго элемента наноситъ роковой ударъ дѣлу національной цивилизаціи.

Изъ дошедшихъ до насъ произведеній религіозной литературы этого періода, гораздо болѣе богатой, чѣмъ свѣтская, первое мѣсто занимаетъ переводъ Библіи, сдѣланный въ XV вѣкѣ двумя францисканцами, Tamas и Balint. Затѣмъ, масса переводовъ, проповѣдей, молитвъ, духовныхъ пѣсенъ и легендъ. Въ монастырскихъ архивахъ найдена легенда о «Варламѣ и Іосафѣ» и сборникъ индусскихъ параболъ. Оба произведенія написаны живымъ, цвѣтистымъ слогомъ и представляютъ удачный переходъ сухой религіозной прозы къ свѣтской литературѣ. Но и отъ эпохи Ягеллоновъ осталось нѣсколько образцовъ религіозной поэзіи. Не оставались бездѣятельными и труверы; содержаніе ихъ поэзіи касается знаменательныхъ событій и ихъ героевъ. Самая извѣстная изъ историческихъ пѣсенъ—національная эпопея Тольди. Но церковь не любила труверовъ за вольность шутокъ и критики и за благосклонный пріемъ, который они находили у народа, и

запрещала помогать ихъ корпораціи. Вообще же средневѣковая литература не отличается обиліемъ своихъ произведеній.

XVI вѣкъ представляетъ самую мрачную эпоху въ исторіи Венгріи. Турецкія нашествія и почти вѣковая внутренняя борьба партій привели къ полному ниспроверженію политическаго и соціальнаго порядка. Но среди всѣхъ этихъ бѣдствій зародилась и расцвѣла національная литература. Могучимъ толчкомъ, вызвавшимъ этомъ расцвѣтъ, была реформація, которая подняла упавшее мужество венгровъ и вызвала къ жизни церкви и школы. Народъ обязанъ ей сохраненіемъ своего стариннаго государственнаго устройства, разстроеннаго правленіемъ принцевъ иноземнаго происхожденія. Онъ обязанъ реформаціи свободой мысли и сбереженіемъ своихъ духовныхъ богатствъ.

Въ эти печальныя времена венгерское дворянство не жалѣло своихъ силъ и средствъ, чтобы не только снаряжать новыя войска на защиту отечества, но и возстановлять типографіи, распространять научныя и религіозныя книги. Великое религіозное, литературное и политическое движеніе началось съ границъ, гдѣ вернувшіеся изъ Германіи студенты и коммерсанты заговорили о Лютерѣ. Ихъ восторженные разсказы подтверждались сочиненіями самого реформатора и его знаменитыхъ учениковъ. Это движеніе пугаетъ церковь, пытающуюся его задержать закономъ 1525 г. «Lutherania autem comburantur». Но репрессія побуждаетъ къ осторожности, и реформація распространяется въ тиши до 1526 г. Пораженіе при Mohacs уноситъ ея опасныхъ враговъ, церковь обезсиливается, государи прекращаютъ преслѣдованія, даже турки покровительствуютъ движенію, видя въ немъ опасное орудіе противъ габсбурговъ.

Поразительный успѣхъ реформаціи объясняется моральными и психологическими причинами: она только тогда захватываетъ венгровъ, когда облекается въ національную форму, усвоиваетъ національную окраску и приноситъ простое, строгое вѣрованіе, безъ всякаго мистицизма, столь чуждаго венгерскому народу. Онъ относится равнодушно ко всякимъ эволюціямъ этого движенія, разъ писатели, миссіонеры и полемисты рисуютъ ихъ, какъ неизбѣжное средство спасти гибнущее отечество и стряхнуть турецкое иго.

Реформаторы не довольствуются проповѣдью, но стараются и другими путями запечатлѣть въ умахъ предписанія новой религіи; они основываютъ школы, коллегіи, типографіи. Тѣмъ же путемъ идутъ диссидентскія секты, поведшія къ ослабленію реформированной религіи и къ католической реакціи, но своими состязаніями и обширной полемикой вызвавшія развитіе литературы.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ произведеній, всѣ остальныя въ XVI столѣтіи носятъ религіозный характеръ и касаются борьбы между кальвинистами и лютеранами, тринитаріями и соціанами. Въ поэзіи, эпопеѣ, драматическихъ поэмахъ,—всюду господствуетъ религіозный духъ.

Такъ такъ для дѣла реформаціи требовалась Библія на національномъ

языкѣ, появляется масса частичныхъ или полныхъ переводовъ ея. Борьба родитъ полемистовъ и нервный стиль. Въ богослуженіе вводится національный языкъ, поэты переводятъ псалмы и гимны, сочиняютъ духовныя пѣсни. Обнаруживаются недостатки и пробѣлы венгерскаго языка, чувствуется потребность въ толковой грамматикѣ, въ хорошемъ словарѣ. Являются первыя изученія мадьярскаго языка.

Возрожденіе исторіографіи на венгерскомъ языкѣ относится тоже къ XVI столѣтію. Протестантское вліяніе вызываетъ къ жизни цѣлую армію историковъ, жаждущихъ передать потомству разсказъ о пережитыхъ событіяхъ. Оригинальность этой исторической литературы заключается въ разнообразіи концепцій, точекъ зрѣнія и выполненія. Первая всеобщая исторія на національномъ языкѣ появляется въ 1559 году. Авторъ ея скромный кальвинистскій пасторъ, Стефанъ Чекели (Székely). Онъ располагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ событія и при всякомъ удобномъ случаѣ пускается въ яростныя діатрибы противъ папства и его пороковъ. Онъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ венгерскихъ хроникъ и пополняетъ ихъ устными народными преданіями. Лучшимъ венгерскимъ исторіографомъ считается Gaspar Heltai. Всѣ эти писатели относятся къ первому періоду процвѣтанія венгерскаго гуманизма. Далѣе идутъ Миклосъ Олахъ и Францъ Форгахъ. Послѣдній представляетъ историка-пессимиста въ духѣ Тацита.

Стефанъ Вербоци (Werbocczi) собираетъ писаные законы и обычное право разныхъ частей страны и издаетъ сборникъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Opus tripartitum juris consuetudinarii regni hungariae», переведенный на венгерскій Balazs'омъ Weres, творцомъ юридическаго языка. Эти сочиненія устанавливаютъ незыблемыя основанія венгерскаго права.

Несмотря на ригоризмъ реформаціонной эпохи, отъ этого времени остались и произведенія свѣтской поэзіи. Самыми древними считаются «свадебныя», «любовныя», «военныя» пѣсни. Знаменитымъ свѣтскимъ поэтомъ этого періода былъ Валентинъ Баласса. Вліяніе его произведеній на венгерскую поэзію и стихосложеніе продолжалось около двухъ столѣтій. Его существованіе было рядомъ бѣдствій и кончилось на полѣ битвѣ. Онъ родился въ 1551 г. въ аристократической семьѣ и получилъ военное воспитаніе, но въ немъ билось сердце трувера. Немногіе часы досуга онъ посвящалъ поэзіи и литературѣ. Онъ первый перестаетъ воспѣвать королей и вельможъ и оплакиваетъ бѣдствія отечества. Его религіозныя пѣсни были въ большой славѣ, хотя это было только подражаніе. Оригинальнымъ онъ становится только тогда, когда его поэтическая душа обращается къ красотамъ природы. Венгерскій народъ пѣлъ всегда, но только Баласса позволялъ понять его истинную поэзію, несмотря на соединенныя усилія католическихъ запрещеній и протестантской нетерпимости принудить его къ молчанію. Его заслуга въ борьбѣ противъ этой нетерпимости. Его пѣсни были всѣмъ извѣстны, но онъ не смѣлъ ихъ печатать. Рукописи найдены въ 1881 г. Изученіе ихъ показываетъ, что Баласса вдохновляется народной поэзіей и заимствуетъ оттуда не только идеи, но и сравненія и вы-

раженія. Въ то же время онъ пользуется и другими источниками, такъ какъ говорилъ на нѣмецкомъ, румынскомъ, польскомъ и турецкомъ языкахъ и зналъ литературу Возрожденія. Альбертъ Кардосъ (Kardos) такъ резюмируетъ литературную и поэтическую физіономію Баласса: «Онъ былъ странствующей скалой, скатившейся съ высотъ возрожденія въ скудную и банальную равнину религіозной литературы XVI вѣка».

XVII вѣкъ омраченъ кровавыми войнами Венгріи съ мусульманами, борьбой съ трансильванскими принцами, Béthlen и Телеки, поднимавшими не одинъ разъ оружіе противъ императора, наконецъ, возмущеніемъ противъ антинаціональной политики габсбурговъ. Какъ и всегда, борьба и смуты возбуждаютъ энергію мадьяръ.

На зарѣ XVII вѣка наступаетъ католическая реакція. Церковь удваиваетъ усилія, чтобъ завоевать почву, занятую протестантизмомъ, основываетъ университетъ и нѣсколько академій, руководство которыми ввѣряетъ іезуитамъ. Только одна Трансильванія остается вѣрна протестантизму, пока вмѣстѣ съ уничтоженіемъ автономіи не прекращается и ея сопротивленіе, и католицизмъ свободно развиваетъ свое вліяніе. Онъ не пренебрегаетъ никакими способами, и цивилизація прогрессируетъ среди политической и религіозной борьбы. Иноземные ученые приглашаются для преподаванія, какъ, напримѣръ, знаменитый педагогъ Коменскій; молодежь отправляется искать знаній за границу, быстро растутъ библіотеки и типографіи, и на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы появляется поэтическое и религіозное творчество.

Но въ XVII вѣкѣ мысль обращается преимущественно къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, которые, будучи тѣсно связаны съ общественными дѣлами, занимаютъ первое мѣсто въ жизни страны; воспитаніе носитъ религіозный характеръ; богослужебныя дѣла являются важнѣйшимъ изъ государственныхъ отправленій.

Въ присутствіи высокопоставленной аудиторіи устраиваются состязанія между католиками и протестантами, и каждая сторона доказываетъ превосходство своей религіи. Вслѣдъ за изложеніемъ догматовъ начинаются нервныя возраженія, которыя изощренный языкъ облекаетъ въ мѣткія формы и выраженія, переходящія потомъ и на бумагу, когда послѣ рѣчей берутся за перо.

Въ этомъ турнирѣ принималъ участіе кардиналъ-епископъ, Петръ Пацмани (Paszmany), который за свою сжатую діалектику и увлекательное краснорѣчіе получилъ прозвище венгерскаго Цицерона. Его произведенія представляютъ комментарій къ полемикѣ и проповѣдямъ. Они замѣчательны чистотой языка, ясностью и точностью. Это опасный противникъ протестантовъ. Его энергія, высокія національныя качества и пылкая вѣра могли нанести тяжелый ударъ реформированной религіи. Послѣ его смерти развивается цѣлая полемическая литература, которая проложила еще болѣе глубокую борозду для національнаго творчества.

Одно изъ первыхъ мѣстъ среди знаменитостей XVII-го вѣка занимаетъ

Альбертъ Ченчи-Молнаръ (Szencsi Molnar), составившій венгерскую грамматику и полный словарь и давшій переводъ псалмовъ, не уступающій прозѣ Пацмани, сборникъ духовныхъ пѣсенъ, полныхъ религіознаго и патріотическаго увлеченія, которыя трогали народную душу глубже теологическихъ тонкостей.

Напряженная умственная дѣятельность, вызванная пропагандой и защитой культовъ, обусловила развитіе исторической литературы. Необходимость изученія оригинальнаго текста библіи для переводовъ и комментарій положила начало сравнительной лингвистикѣ. Наконецъ, религіозная борьба, гдѣ каждая партія признавала истину на своей сторонѣ, породила философію.

До средины XVII вѣка философія была схоластической «ancilla theologiae» (служанкой богословія), несмотря на расширеніе умственнаго горизонта ученыхъ, благодаря Альберту Великому и его ученику, св. Ѳомѣ.

Между тѣмъ отецъ философіи, Бэконъ, нашелъ горячихъ адептовъ въ лицѣ венгерскихъ юношей, посѣщавшихъ заграничные университеты. Безплодныя гипотезы, изощренная аргументація отжили свой вѣкъ, и Декартъ, направляя на настоящій путь физику и метафизику, освобождаетъ философію отъ старинныхъ путъ.

Первымъ самостоятельнымъ философомъ Венгріи былъ Янъ Апасай Чери (Araçai Cseri, род. 1525 г.), получившій образованіе въ Утрехтѣ, гдѣ изучалъ еврейскій, сирійскій и арабскій языки. Свои знанія онъ посвятилъ на служеніе родинѣ. Это горячій ученикъ Декарта. Права разума, теорія врожденныхъ идей, мыслящая субстанція души, отдѣльная отъ тѣла и протяженная,—такова суть его философіи. Въ политикѣ онъ стоитъ за суверенитетъ народа и краснорѣчиво осуждаетъ вѣчное рабство. Его пуританскія мнѣнія въ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ безпокоятъ Ракоци II (Racocsi), который, подозрѣвая въ немъ одного изъ республиканцевъ, возведшихъ на эшафотъ Карла I англійскаго, побуждаетъ его высказаться передъ цѣлымъ собраніемъ. Его обвиняютъ въ индепенденствѣ; онъ не оправдывается. Его хотятъ арестовать, но онъ убѣгаетъ и умираетъ въ 1660 г.

Лирическая поэзія этой эпохи теряетъ свой народный характеръ.

Самая знаменитая эпопея этого времени на венгерскомъ языкѣ принадлежитъ гр. Николаю Црини, ученику кардинала Пацмани. Онъ представляетъ типичную фигуру тѣхъ венгерскихъ вельможъ, которые оставляли шпагу, чтобы взяться за перо, и владѣли той и другимъ съ одинаковой ловкостью. Его произведеніе извѣстно подъ именемъ «Цриніады» и посвящено эпизодическимъ описаніямъ битвы при Шичетѣ. Оно все проникнуто мыслью, что пораженная нація можетъ подняться только самопожертвованіемъ и силой самыхъ высокихъ добродѣтелей. Національная и христіанская идея соединяются въ немъ съ утѣшительнымъ обѣщаніемъ всегда возможнаго искупленія.

Црини не нашелъ въ свое время должной оцѣнки.

Большей популярностью пользовался поэтъ Гіонгіоссисъ (Gyongyösi). События, волнующія страну, служатъ сюжетомъ народныхъ пѣсенъ, которыя сохранились въ преданіяхъ и нѣсколькихъ рукописяхъ. Авторы ихъ неизвѣстны.

Послѣ бурныхъ кризисовъ XVII вѣка, нація нуждается въ отдыхѣ. Усталые люди легко мирятся съ обѣщаніями спокойствія и безопасности, которыя имъ сулитъ императорское правительство. Но такое состояніе умовъ наноситъ тяжелый ударъ литературѣ. Національный вопросъ какъ бы забытъ. Латынь становится языкомъ парламентовъ, провинціальныхъ совѣтовъ, администраціи, законовъ и даже преподаванія. Манія космополитизма охватываетъ вельможъ; они посѣщаютъ Вѣну, центръ французской цивилизаціи, куда ихъ влечетъ дворъ Маріи-Терезіи. Напротивъ, буржуазія, коммерсанты, художники, говорятъ по-нѣмецки. Національные чувства и языкъ удаляются въ хижину. Но знанія, завезенныя изъ-за границы, расширяютъ научный горизонтъ; ученые пишутъ по-латыни многочисленные трактаты. Сама народная поэзія увлекается въ общемъ движеніи. Она смѣется надъ пристрастіемъ ко всему иноземному, но чаще оплакиваетъ собственныя бѣдствія.

Венгерскаго театра не существуетъ. Публика идетъ на нѣмецкія и латинскія пьесы. Національное чувство какъ бы ослабѣло. Но вотъ обнародывается указъ Іосифа II о признаніи нѣмецкаго языка офиціальнымъ и пробуждаетъ народъ отъ сна. Венгры рѣшаются спасти свой родной языкъ, изгоняютъ латинскій, который открывалъ доступъ въ государство другимъ языкамъ, и снова становятся венгерскими обычаи, люди, разговорная рѣчь.

Въ 1790 г., при Леопольдѣ II, парламентъ требуетъ возстановленія своихъ правъ и добивается преподаванія на венгерскомъ языкѣ и признанія послѣдняго обязательнымъ для правительственныхъ чиновниковъ. Основывается первый журналъ; періодическія изданія стараются пробудить національное чувство; но цензура безжалостно гонитъ всякую свободную теорію, занесенную изъ Франціи, и закрываетъ типографіи.

Венгерская молодежь, познакомившаяся при дворѣ Маріи-Терезіи съ французскимъ языкомъ и литературой, увлекалась тонкимъ остроуміемъ и дерзостью Вольтера и матеріализмомъ Дидро. Но въ литературномъ отношеніи она не пошла за энциклопедистами.

Поэзія венгерскаго возрожденія была скорѣе классической, основанной на греческихъ и латинскихъ правилахъ. Она строго соблюдала три единства Аристотеля, тонкость выраженія, корректность формы и патетичность.

Сообразно различнымъ направленіямъ писателей возникли три школы: французская, классическая и національная.

Главой французской школы былъ Георгъ Бесинѣйсъ (1747—1840 г.). Изъ своего путешествія въ Италію онъ вынесъ сознаніе своего невѣжества и несчастнаго состоянія своего народа, которому были чужды произведенія наукъ и искусствъ, такъ восхищавшія его въ Италіи. По возвра-

щеніи въ Вѣну онъ занялся изученіемъ языковъ, усвоилъ французскія идеи и до конца жизни былъ ихъ горячимъ истолкователемъ. Но своей славой онъ обязанъ главнымъ образомъ тому, что стряхнулъ оцѣпенѣніе съ своихъ согражданъ и направилъ ихъ рѣшительно на путь прогресса. Въ его прозаическихъ сочиненіяхъ пробиваются философскія тенденціи; но выводы неясны и обнаруживаютъ пробѣлы образованія. Онъ оставилъ нѣсколькихъ послѣдователей, тоже горячихъ поклонниковъ французской литературы. Вліяніе послѣдней сообщило легкость и изящество венгерскому языку.

Писатели латинской школы пробовали вводить античныя формы, къ которымъ отлично прилаживался венгерскій языкъ, и пользовались большой славой, пока въ Венгріи господствовали латинскіе языкъ и цивилизація. Эта школа достигаетъ расцвѣта въ лицѣ Берчени, въ концѣ XVIII вѣка. Ни та, ни другая школа не проникали до большой публики, предпочитавшей древнюю романтическую поэзію. Писатели, усвоившіе этотъ жанръ, пріобрѣтали быстро популярность.

Самыми знаменитыми поэтами этой эпохи были: Іосифъ Карманъ (Karmàn), Михаилъ Чоконой Витецъ (Csocsonoi Vitez) и Александръ Кишфалуди. Первый изъ нихъ, Карманъ (1769—1795 г.), положилъ начало художественной прозѣ и основалъ литературный кружокъ «Ураніа» и журналъ того же имени. Изъ его произведеній извѣстенъ романъ «Завѣщаніе Фанни», въ которомъ чувствуется вліяніе Вертера, и мемуаръ «Способъ сдѣлать націю лучшею». Карманъ перечисляетъ здѣсь способы ускорить прогрессивное развитіе Венгріи.

«Довольно переводовъ; наступило время творчества, созиданія оригинальныхъ произведеній. Лучше имѣть немного хорошихъ, чѣмъ множество плохихъ».

Въ 1794 г. литературное движеніе замедляется; неоклассики умолкаютъ. Будучи пылкими послѣдователями Вольтера и Революціи, они пустили неосторожно въ оборотъ «благородную свободу мысли».

Въ это время появляется одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ талантовъ молодой литературы, Михаилъ Чоконай Витецъ. Блестяще образованный, онъ рано обнаруживаетъ любовь къ древнимъ и новымъ литературамъ. Его жанръ—лирика и драма; его чувства возвышенны и воображеніе здорово; стиль образный, хотя нѣсколько грубоватый. Его героико-комическая эпопея «Доротея или побѣда дамъ на карнавалѣ», признается венграми первостепеннымъ произведеніемъ.

Александръ Кишфалуди (1773—1844 г.), представитель національнаго романтизма, пишетъ стихи съ ранней юности. Въ 1795 г. онъ поступаетъ въ регулярную армію и отправляется въ Италію, гдѣ попадаетъ въ плѣнъ. Отечество трубадуровъ и «веселой науки» дѣйствуетъ благотворно на его воображеніе. По возвращеніи на родину онъ выступаетъ съ цикломъ пѣсенъ «Любовь Гимфи», встрѣтившимъ восторженный пріемъ въ Венгріи и на-

писаннымъ въ новой формѣ, которая съ тѣхъ поръ носитъ названіе «Строфа Гимфи».

Между тѣмъ венгерскій языкъ не удовлетворяетъ уже научнымъ и литературнымъ требованіямъ. Сильный языкъ XVII вѣка, на которомъ писали Пацмани и Црини, обезцвѣтился въ періодъ національной инертности, и недостатокъ выраженій пополнялся иностранными словами; скудность языка ощущалась особенно въ философіи. Требовалось реформировать его и прежде всего изгнать латынь. Еще не существовало никакой этимологической работы, но уже принимались сближенія между финляндскими и венгерскими нарѣчіями, когда появился Миклосъ Ревай (Revai, 1750—1807 г.), основатель исторической науки венгерскаго языка. Въ своей «Elaboratio gramatica hungarica» онъ изучаетъ жизнь языка, его эволюцію, связь съ сосѣдними нарѣчіями. Древность языка говоритъ въ пользу законности его существованія.

Эта теорія вызвала много обсужденій, которыя нисколько не уясняли дѣла; между тѣмъ Францъ Кацинчи (1759—1831 г.) проводилъ реформу на практикѣ и съ ревностью апостола поощрялъ писать образованную молодежь. Его письма къ послѣдней, полныя разумныхъ совѣтовъ, его многочисленные переводы ставятъ его во главѣ движенія. Попавшись вмѣстѣ съ другими проповѣдниками «свободы мысли» въ заговорѣ Мартиновича, онъ осужденъ на смерть; но этотъ приговоръ замѣняется тюрьмой, выйдя изъ которой, онъ основываетъ тѣсный кружокъ писателей, считающій его главой литературы своего времени. Кацинчи обогатилъ языкъ и не мало поработалъ надъ дѣломъ національнаго развитія. Послѣдователи Кацинчи слѣдуютъ завѣтамъ учителя: первой заботой ихъ является чистота и гармоничность языка, второй—возбужденіе спокойныхъ эмоцій.

Самымъ знаменитымъ представителемъ латинской школы былъ Даніилъ Берчени (1777—1826 г.), воспитавшійся на чтеніи латинскихъ поэтовъ и историковъ. Сюжетами его произведеній служатъ отечество, религія, военное мужество, любовь.

Въ литературномъ движеніи, отвлекавшемъ вниманіе молодой Венгріи за предѣлы родины, народная поэзія играетъ незначительную роль.

Но лингвистика привлекаютъ вниманіе ученыхъ и литераторовъ къ этому непочатому сокровищу венгерскаго языка. Они открываютъ существованіе древнихъ пѣсенъ и стиховъ, составляютъ изъ нихъ сборники и пускаютъ въ ходъ пѣсни о разбойникахъ, занимавшихъ видное мѣсто въ народномъ преданіи.

Быстро развиваются литературы научная, историческая, богословская и философская. Литературный языкъ сформировался.

Таковы историческіе труды, подготовившіе расцвѣтъ національной литературы въ XIX столѣтіи.

Міровая исторія даетъ мало примѣровъ столь быстраго возрожденія и столь глубокой эволюціи. Патріотизмъ развилъ литературныя силы; обо-

гатившіе ихъ принципы свободы и прогресса укрѣпили съ своей стороны патріотизмъ и сообщили эволюціи національныя основы.

Закрытіе венгерскаго парламента и ограниченіе общественной свободы, особенно же система правленія Меттерниха, переполняютъ чашу терпѣнія, и нація поднимается.

Поэты, Карлъ Кишфалуди, Чучоръ и особенно Верешмарти призываютъ къ борьбѣ за отечество, ссылаясь на великіе примѣры прошлаго.

Въ 1825 г. король Францъ зсываетъ парламентъ. Послѣдній требуетъ возстановленія конституціи и окончательнаго признанія своихъ правъ.

Францъ Дакъ, Кошутъ добиваются новыхъ вольностей: уничтоженія рабства, доступа разночинцевъ къ общественнымъ должностямъ и т. д. Писатели оказываютъ имъ дружную поддержку.

Никогда патріотическая поэзія не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи. Она горитъ священнымъ огнемъ; но упоеніе первымъ успѣхомъ не мѣшаетъ ей тревожиться за будущее. Петръ Вайда (Vajda), баронъ Этвешъ (Eötvös) рисуютъ печальную картину жизни рабовъ и призываютъ къ нимъ общее сочувствіе.

Поэты обращаются къ націи и объясняютъ ей ея обязанности.

Съ 1840 г. такую же роль беретъ на себя пресса. Всѣ эти соединенныя усилія одолѣваютъ сопротивленіе вѣнскаго правительства, и въ 1847 г. Фердинандъ V открываетъ парламентъ рѣчью на мадьярскомъ языкѣ. Теперь остается только добиться послѣдняго шага—независимости.

Революція 1848 г. увлекаетъ въ общемъ движеніи и Венгрію; но соединенныя русскія и австрійскія войска наносятъ ей пораженіе.

Однако, Венгрія не падаетъ духомъ, и ея литература черпаетъ новыя силы въ несчастіи. Писатели, повидимому, умолкаютъ, но въ дѣйствительности продолжаютъ говорить аллегоріями и символами, понятными для всякаго венгра.

Глухая борьба тянется 18 лѣтъ, пока политическая необходимость не заставляетъ, наконецъ, Франца-Іосифа признать за націей независимость.

Успѣхъ пьянитъ воображеніе и вызываетъ появленіе крайняго романтизма. Фантазія обращается къ прошлому и возвеличиваетъ его героевъ. Вниманіе привлекаетъ народъ, сохранившій въ чистотѣ свои преданія и давшій величайшихъ поэтовъ Венгріи, Арани и Петёфи, которые прежде всего старались облечь поэзію въ національную форму.

Первымъ романтическимъ поэтомъ былъ Карлъ Кишфалуди, братъ автора «Любовь Гимфи». Впервые въ его комедіяхъ описывается соціальная жизнь венгровъ. Онъ плодовитъ во всѣхъ родахъ литературы: въ драмѣ, лирикѣ, комедіи. Какъ и всѣ его предшественники, онъ человѣкъ дѣла и первый живетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ литературнымъ трудомъ. Первый литературный успѣхъ рѣшаетъ его карьеру. Онъ становится во главѣ молодыхъ писателей и основываетъ литературный альманахъ «Аврору». Онъ умираетъ въ 1842 г., въ то самое время, когда друзья возвѣщаютъ ему объ избраніи его первымъ членомъ Пештской академіи.

Его драмы дышатъ патріотизмомъ. Сюжеты заимствованы изъ эпохи Гуніадовъ. Наиболѣе извѣстна драма «Ирена».

Его комедіи цѣнятся больше драмъ. Онъ рисуетъ въ нихъ съ большимъ остроуміемъ нравы, обычаи и странности венгерскаго общества. Публика принимала ихъ съ восторгомъ.

Его излюбленные типы: деревенскій франтъ съ нѣжнымъ сердцемъ и грубой рѣчью, старая дѣва, гоняющаяся за женихами, и городской щеголь съ его глупымъ тщеславіемъ.

Въ то время, какъ Кишфалуди одерживалъ свои первые успѣхи, Іосифъ Катона (1792—1830 г.) заканчивалъ трагедію «Банусъ Банкъ», которая была понята только послѣ его смерти, въ дни тяжкихъ испытаній. При жизни автора она не имѣла читателей и не была оцѣнена театральной публикой, не обладавшей драматическимъ образованіемъ. Катона написалъ еще нѣсколько пьесъ, но главнымъ своимъ произведеніемъ считалъ «Банусъ Банкъ». Послѣ первыхъ неудачъ онъ оставилъ драматическое поприще и сдѣлался защитникомъ бѣдныхъ на судѣ. Катона умеръ въ неизвѣстности. Его главная драма проникнута неподдѣльнымъ трагизмомъ. Она хорошо построена, заговоръ и личныя несчастія Банка рисуютъ нравы двора и правленіе Гертруды, жены венгерскаго короля Андрея II. Второстепенные персонажи хорошо очерчены.

Совершенно особое мѣсто среди современниковъ занимаетъ Михаилъ Верешмарти (1800—1855 г.). Въ немъ олицетворяется національное возрожденіе и забота о будущемъ отечества, занимавшая всю націю. Своимъ наибольшимъ успѣхомъ онъ обязанъ эпопеѣ, которая, благодаря ему, имѣла важное политическое значеніе и доставила торжество романтизму.

Сюжетомъ его первой эпопеи «Бѣгство Цалана» было пораженіе при Alpàs, нанесенное Арпадомъ своему опасному врагу, Цалану.

Онъ охотно смѣшиваетъ исторію съ миѳологіей и легендами. Его гекзаметры граціозны, но мысль обыкновенно заволакивается грустью. Интересъ его романтическихъ эпопей заключается въ формѣ, торжественномъ стилѣ, блестящихъ метафорахъ. Его многочисленныя драмы не прибавили ничего къ его славѣ; онѣ написаны подъ вліяніемъ нѣмецкой литературы и французскаго романтизма. Всего выше стоятъ его лирическія стихотворенія.

Послѣдняя поэма Верешмари «Старый цыганъ» написана подъ впечатлѣніемъ страданій родины, въ 1855 году. Въ каждомъ стихѣ ея бьется сердце отчизны.

Его считаютъ величайшимъ поэтомъ того времени. Онъ жилъ въ Будапештѣ на литературный заработокъ и помогъ Петефи напечатать свои произведенія. Верешмари умеръ въ бѣдности; но Венгрія щедро обезпечила существованіе семьи.

Баронъ Іозика (1794—1865 г.) сдѣлался писателемъ только къ 40-мъ годамъ; но зато на протяженіи 30 лѣтъ написалъ 115 романовъ. Благо-

даря такой плодовитости онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди воспитателей націи.

Первый его романъ появился въ 1836 г. Въ 1848 г. онъ смѣнилъ перо на шпагу, а послѣ пораженія бѣжалъ въ Брюссель, откуда позднѣе переселился въ Дрезденъ. Живя на чужбинѣ, онъ стремится пробудить интересъ и сочувствіе къ несчастной судьбѣ родины.

Наиболѣе удачнымъ считается его первый романъ «Абафи», гдѣ онъ разсказываетъ объ обращеніи молодого, легкомысленнаго трансильванца.

Іозика пишетъ подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта. Онъ излагаетъ легко, не заботясь о формѣ, но умѣетъ придать событіямъ правдивую окраску. Своё вдохновеніе онъ черпаетъ въ библіотекахъ Трансильваніи, богатыхъ мемуарами, въ старыхъ жилищахъ со старинной мебелью.

Отъ Вальтеръ-Скотта и англичанъ онъ переходитъ къ французскому романтизму, пріемы котораго болѣе соотвѣтствовали его любви къ фантастикѣ и необыкновенному.

Іозика достигалъ апогея своей карьеры, когда выступилъ Этвешъ (1813—1871 г.). Молодой писатель сразу вывелъ романъ на новый путь и ввелъ въ него философію, которая значительно расширила его содержаніе.

Поэтъ и философъ Этвешъ понималъ, чувствовалъ и умѣлъ выражать человѣческія страданія, бѣдствія, борьбу и нужды своего народа. Вліяніе его наставника, апостола новыхъ французскихъ идей, рѣшило его политическія склонности, а венгерскій писатель, Ладиславъ Чалай, привлекъ его къ литературѣ. Онъ выступилъ съ нѣсколькими поэмами, обратившими на себя вниманіе. Въ 26 лѣтъ онъ пишетъ «Картезіанецъ», гдѣ можно найти выраженіе его сомнѣній и колебаній. Здѣсь впервые въ Венгріи анализировалась человѣческая душа и изображалась борьба между идеями и страстями.

Мрачныя картины, которыми переполненъ романъ, не помѣшали его успѣху, тѣмъ болѣе, что онъ проникнутъ христіанскимъ духомъ. Другой его романъ, «Деревенскій нотаріусъ», бичуетъ всевозможныя притѣсненія. Мѣстомъ дѣйствія онъ выбираетъ департаментъ, гдѣ фигурируютъ папы, чиновники, рабы и арестаны. Здѣсь изображена старая Венгрія съ ея кастовыми привилегіями и автономіей департаментовъ. Но сквозь мрачную картину проглядываютъ свѣтлыя мысли: равенство и свобода, непоколебимымъ защитникомъ которыхъ Этвешъ оставался до самой смерти. Всѣ его произведенія имѣютъ въ виду одну цѣль—интересы отечества.

Венгры охотно сравниваютъ съ нимъ Тургенева; но точка зрѣнія Тургенева общечеловѣческая, а его—венгерская.

Этвешъ былъ не только глубокимъ писателемъ, но и блестящимъ ораторомъ. Его рѣчи ясны, возвышенны; онъ говоритъ главнымъ образомъ объ общихъ идеяхъ, захватывающихъ вниманіе слушателей и трогающихъ ихъ души.

Этвешъ стоитъ впереди своей эпохи, ратуя за эмансипацію евреевъ и

смягченіе участи арестантовъ,—реформы, отвергнутыя тогда массой и принятыя только позднѣе. Ему апплодируютъ какъ оратору, но его проекты не осуществляются. Чтобы убѣдить публику, онъ излагаетъ ихъ въ толстомъ журналѣ *Pesti-Hirlap*; но только спустя два года его дѣло выиграно. Послѣ 1848 г. онъ удваиваетъ усилія, въ 1851 г. пишетъ «Идеи, управляющія государствомъ въ XIX вѣкѣ»; здѣсь онъ объясняетъ главныя идеи его времени: равенство, свободу, «національнзмъ».

Баронъ Сигизмундъ Кемени (1815—75 г.) выступаетъ на литературную арену около 1840 г. Это человѣкъ выдающагося ума. Будучи психологомъ, онъ изслѣдуетъ тончайшіе изгибы души, ищетъ причины, не теряется въ частностяхъ и всегда остается на уровнѣ общихъ идей. Его сужденіе правильно, и онъ не боится идти до конца въ своихъ выводахъ. Это мыслитель и ученый; но будучи прежде всего патріотомъ, онъ становится журналистомъ, и его яркій талантъ одинаково сказывается въ политикѣ и литературѣ. Ежедневная борьба возбуждаетъ его дарованія, умъ крѣпнетъ среди смуты, энергія напрягается, и онъ больше всего работаетъ для родины. Его главный романъ «Павелъ Гьюлай» появился въ 1846 г. Онъ вполнѣ раскрываетъ характеръ Кемени. Это картина борьбы, происходящая въ душѣ одного человѣка между общественнымъ дѣятелемъ и частнымъ лицомъ.

Въ романѣ «Ужасныя времена» (эпизодъ изъ царствованія Изабеллы) авторъ даетъ волю своему драматическому темпераменту. Онъ разсказываетъ исторію утраты г. Буды и выводитъ на сцену власть имѣющихъ со всѣми ихъ слабостями. Кемени пытается доказать, что причиной катастрофъ бываютъ легкіе грѣшки, ложные шаги, слабости. Форма его романовъ тяжела, но каждая страница имѣетъ свой интересъ и достоинство. Чтеніе его произведеній болѣе поучаетъ, чѣмъ развлекаетъ.

Вокругъ этихъ крупныхъ величинъ группируется молодежь, идущая по ихъ слѣдамъ и упрочившая въ литературѣ преобладаніе національнаго чувства. Остается только облечь это чувство въ соотвѣтственную форму.

До сихъ поръ типы, взятые изъ исторіи или изъ окружающей среды, носятъ космополитическій характеръ. Для того чтобы придать имъ національную окраску, литература должна обратиться къ народу, который научаетъ и простотѣ, и естественности. Это моментъ, когда всѣ взоры обращаются къ народу; а чтобъ освободить его отъ рабства, писатели разсказываютъ о его бѣдствіяхъ и добрыхъ нравахъ и знакомятъ съ его глубоко-поэтическимъ творчествомъ, которымъ онъ утѣшается въ своемъ несчастіи. Постепенно они сами проникаются его духомъ и даютъ національныя произведенія. Народная венгерская литература по богатству можетъ сравниться только съ кельтской, съ той, однако, разницей, что венгры не живутъ подъ вѣчной угрозой моря, какъ кельты, но вдохновляются мирными картинами природы, запахомъ полей, цвѣтовъ, земли, которые дѣлаютъ ихъ жизнерадостными. Въ этомъ здоровомъ источникѣ почерпнула литература новыя силы. Она собрала народныя пѣсни и замѣнила чуждыя

формы своей національной. Она нашла здѣсь законы языка, поэтическіе обороты, національную логику. Въ этихъ пѣсняхъ раскрывается трогательная привязанность къ своей землѣ, деревнѣ, семейному очагу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ право сильныхъ и богатыхъ, благородная покорность бѣдняка. Содержаніемъ балладъ служатъ простыя столкновенія и недоразумѣнія, благополучно разрѣшающіяся силой всемогущей любви. Ихъ концепціи отличаются свѣжестью, несложностью, драматизмомъ.

Истолкователями народной души явились блестящіе венгерскіе поэты: Томпа, Петёфи и Арани.

Михаилъ Томпа (1817—1868 гг.) любитъ спокойствіе и живетъ въ общеніи съ природой. Первыми своими успѣхами онъ обязанъ разсказамъ въ стихахъ, почерпнутымъ изъ народныхъ преданій. Онъ преимущественно пейзажистъ и отличается простодушіемъ и веселостью безъ ироніи. Онъ написалъ циклъ легендъ, героями которыхъ являются цвѣты, одаренные человѣческими страстями. Но ему легче дается лирическая поэзія. Разочарованія, постигшія его мечты, не охладили сердца; онъ глубоко любитъ Бога и людей, а больше всего отечество. Венгрія нашла въ немъ наиболѣе яркаго истолкователя своей печали и своихъ надеждъ.

Александръ Петёфи (1823—1849 гг.) первый изобразилъ народную душу со всѣми ея достоинствами и недостатками. Онъ родился въ центрѣ Венгріи, гдѣ его не коснулось никакое чуждое вліяніе. Онъ рано покинулъ школьную скамью и поступилъ въ армію; но разстроенное здоровье помѣшало ему быть солдатомъ, и онъ присоединился къ странствующимъ комедіантамъ. Здѣсь въ часы досуга онъ изучалъ иностранные языки и писалъ. Его уже знали, какъ лирическаго поэта, и каждое новое произведеніе увеличивало его славу. Онъ оставляетъ театръ и вмѣстѣ съ Араки и Верешмарти берется за переводъ Шекспира, когда политическія событія увлекаютъ его въ своемъ теченіи. Его стихотвореніе «Возстань, Венгрія!»— призывный звукъ къ борьбѣ 1848 г.

Петёфи представляетъ поэтическое выраженіе характера венгра и удивительно легко передаетъ его чувства. О немъ можно сказать то же, что о цѣлой расѣ. Онъ обладаетъ наивной впечатлительностью, безумной горячностью, пренебрегающей препятствіями, такъ какъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ ними. Онъ готовъ умереть за свой идеалъ, въ данный моментъ—за независимость отечества. Его идеалъ расширяется, онъ борется за всеобщую свободу и, со шпагой въ рукѣ, призываетъ вселенную раздѣлить сначала его надежды, потомъ побѣду. Онъ видитъ только одинъ путь къ достиженію цѣли,—путь славы, и поетъ, когда затронута его душа.

Свѣточъ его генія придаетъ волшебное освѣщеніе самымъ обыкновеннымъ событіямъ его жизни, такъ какъ онъ самъ является центромъ всѣхъ поэмъ. Его чувства, радости и печали, иныя, чѣмъ у другихъ смертныхъ,— онъ ихъ пережилъ, и народъ находитъ въ немъ свои самыя глубокія чувства, такъ какъ его сфера—народная пѣсня. Въ ней онъ рисуетъ простыя и чистыя радости, жгучія страданія.

Но его психологія не всегда на высотѣ его фантазіи. Пылкость лишаетъ его спокойствія и чувства мѣры. Ему не по душѣ образы прошлаго,— онъ весь живетъ будущимъ. Самая горячая его поэма «Апостолъ» рисуетъ жизнь мучениковъ за свободу народа.

Языкъ Петёфи силенъ и простъ, какъ рѣчь его народа, и всегда поэтиченъ. Онъ въ совершенствѣ изображаетъ всѣ оттѣнки чувства и легко справляется съ самыми сложными формами стихосложенія.

Разсказы Яна Арани (1817—1882 гг.)«Погибшее государственное устройство» и «Тольди» увѣнчаны преміями. Въ этихъ произведеніяхъ геній народа проявляется во всей своей силѣ и гармоніи. Арани свойственно спокойствіе, котораго недоставало его знаменитому предшественнику. Онъ также, подобно Петёфи, оставляетъ школьную скамью для карьеры актера, но скоро покидаетъ ее и возвращается въ свою деревню. Успѣхъ его эпопей привлекаетъ къ нему вниманіе общества, и ему предлагаютъ мѣсто учителя латинскаго и венгерскаго языка въ одномъ провинціальномъ колледжѣ. Въ это время онъ пишетъ поэтическія произведенія, доставляющія ему мѣсто въ академіи.

Эпопея «Тольди» прочно устанавливаетъ его славу. Въ ней все національно: сюжетъ, наивная концепція, самый стиль. Онъ всегда руководится правиломъ, которое формулируетъ такимъ образомъ: «Чтобъ быть популярнымъ, поэтъ долженъ избѣгать пошлости и грубости и излагать просто самыя возвышенныя beautés (красоты), чтобъ онѣ были доступны пониманію народа».

Трилогія «Тольди» считается образцовымъ произведеніемъ венгерской литературы.

Въ «Погибшемъ государственномъ устройствѣ» Арани бичуетъ злоупотребленія, встрѣчающіяся въ общественной жизни, и даетъ сатиру провинціальной жизни своего времени. Лучше всего ему удается баллада. Его занимаетъ больше всего національная идея, и онъ въ трогательныхъ чертахъ рисуетъ томленіе родины.

Въ частной жизни Арани былъ образцомъ добродѣтели: великодушіе, простота и скромность—главныя черты его характера.

Въ то время, какъ венгерская литература процвѣтала, драматическое искусство было въ зачаточномъ состояніи. Театральный репертуаръ поставлялся Франціей. Причины такой скудости драматическаго искусства кроются въ политическихъ условіяхъ страны. Постоянныя смуты и религіозныя распри наносили ему только вредъ, да и церковь метала противъ него свои громы. Впослѣдствіи, когда литературное образованіе уничтожило всѣ преграды, публика обратилась къ иноземнымъ драматургамъ за тѣмъ, чего не находила у себя дома. Такое положеніе вещей было унизительно для народной гордости, и патріоты устроили національную сцену, на которой молодые люди лучшихъ фамилій играли венгерскія пьесы. Но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Патріотическія тирады Кишфалуди и Ве-

решмарти отжили свое время и не удовлетворяли публику. Подражаніе французскому романтизму вело къ преувеличеніямъ и крайностямъ.

Единственное исключеніе изъ драматурговъ того времени составлялъ Владиславъ Телеки. Въ своей трагедіи «Фаворитъ» (1841 г.) онъ далъ трогательную картину нравовъ; но пьеса страдаетъ многочисленными недостатками конструкціи.

Однимъ изъ лучшихъ писателей венгерскаго театра былъ Евгеній Ракози (Rakosi), большой патріотъ и талантливый журналистъ. Нѣсколько недурныхъ народныхъ пьесъ дали Эде Тотъ (Edé Toth) и Францъ Чепреги.

Въ періодъ національной борьбы послѣ 1818 г. только одна поэзія отстаивала національную идею и привлекала къ ней все вниманіе страны. Произведенія литературной молодежи, выступившей въ это время, не отличались той пылкостью и мужественной силой, которыя такъ характеризовали Арани и Томпу.

Одни были неудачными подражателями Петефи, другіе—явились истинными подражателями народной поэзіи. Таковы Гьюлай и Часъ (Szass). Первый былъ также однимъ изъ лучшихъ критиковъ своего времени. Главнымъ содержаніемъ его поэмъ является отечество, любовь, радости семейной жизни.

Карлъ Часъ извѣстенъ преимущественно какъ переводчикъ Шекспира, Гёте, Теннисона, Байрона, Данте, Ламартина и Гюго.

Янъ Вайда (Vajda) замыкаетъ собой списокъ лучшихъ патріотическихъ поэтовъ. Поэзія другихъ писателей—космополитическаго характера.

Этого нельзя сказать про самаго знаменитаго драматурга той эпохи, Эмерика Мадаха (Emerich Madack 1829—1864 гг.), автора «Трагедія человѣка», идею котораго ему внушили собственныя несчастія. Эта драма представляетъ нѣчто вродѣ «Фауста» и разбираетъ жизнь человѣка на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Въ ея заключеніи изложена въ краткихъ чертахъ философія Мадаха. Ему удалось изобразить универсальную человѣческую природу въ ея постоянныхъ измѣненіяхъ у отдѣльныхъ индивидовъ.

Его вдохновляли также бѣдствія родины. Послѣ этого произведенія онъ написалъ нѣсколько сатирическихъ комедій и оставилъ цѣлый томъ лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ изливаетъ свои патріотическія страданія, домашнія огорченія и т. д.

Іокай, старѣйшій представитель современной литературы, является связующимъ звеномъ между трепещущей и подавленной Венгріей 1848 г. и мирной, богатой страной нашихъ дней. Прежде его перо служило на защиту отечества, теперь оно служитъ для другой цѣли.

Современная жизнь съ ея сложнымъ механизмомъ отнимаетъ у людей характерныя черты, отличавшія ихъ въ историческомъ прошломъ (dans l'histoire). Но національное чувство попрежнему вдохновляетъ даже не крупныхъ писателей. Раса, отстаивавшая вѣками свое существованіе, борется еще за него съ перомъ въ рукѣ. Политическая, экономическая, соціальная исторія трактуются съ національной точки зрѣнія.

Іокай *) также прежде всего національный писатель. Всѣ его произведенія проникнуты сильнымъ патріотизмомъ.

Въ 17 лѣтъ, когда онъ выступилъ съ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ, его призваніе еще не опредѣлилось. Онъ хотѣлъ быть художникомъ, и въ этомъ его поощрялъ Петефи, портретъ котораго онъ писалъ, но вышло иначе, и Іокай сдѣлался любимымъ писателемъ, слава котораго распространилась за предѣлы Венгріи.

Послѣ революціи 1848 г., когда разбитая Венгрія, казалось, умирала, Іокай своими разсказами поддерживалъ священный огонь. Онъ прославляетъ героевъ, сражавшихся за отечество, и заставляетъ дрожать патріотическую струну въ сердцѣ всего народа. Его «Военныя картины» считаются образцовымъ произведеніемъ и полны драматическаго интереса. Его романы рисуютъ чисто-венгерскіе типы; разсказъ полонъ остроумныхъ замѣчаній, картины быстро мѣняются. Его плодовитость неистощима, она является у него какъ бы потребностью.

Богатая фантазія и волшебное перо Іокая переносятъ читателя въ міръ чудеснаго, не переходя въ чудачество. Его крупнымъ произведеніямъ недостаетъ иногда цѣльности концепціи, и обрисовка характеровъ носитъ слѣды спѣшной работы; но это зависитъ оттого, что ихъ творцу приходилось отдавать много времени политической дѣятельности.

Почти всѣ романы Іокая переведены на нѣмецкій языкъ, нѣкоторые—на англійскій, русскій и итальянскій, немногіе на французскій; но послѣдніе переводы сдѣланы съ нѣмецкихъ и не даютъ вѣрнаго представленія объ оригиналѣ.

По словамъ Беёти (Bëothy), современная венгерская литература пріобрѣтаетъ все болѣе реалистическую окраску.

Писатели, которымъ не дается интересная концепція сюжетовъ и яркое описаніе характеровъ Кемени и богатая фантазія Іокая, занимаются описаніемъ мелкихъ событій повседневной жизни. Современные писатели находятся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Диккенса, Теккерея и французскаго натурализма. Они не выдумываютъ романтическихъ басенъ, а воспроизводятъ наиболѣе распространенные типы во всѣхъ слояхъ общества и отыскиваютъ поэтическій элементъ въ самой обыкновенной средѣ. Ихъ концепціи и стиль проще, психологическія проблемы у́же, и они пытаются ихъ рѣшать, группируя характерныя черты.

Ихъ лиризмъ окрашенъ меланхоліей, и они относятся участливо къ слабостямъ и страданіямъ человѣчества.

М. П.

---

*) *Iocai:* E. Horn.

Передовая страна.

Страна эта находится на «той сторонѣ свѣта»—въ западномъ полушаріи, по ту сторону экватора; это Новая Зеландія, англійская колонія, расположенная на островахъ, лежащихъ въ Великомъ океанѣ между Австраліей и Южной Америкой, въ разстояніи 200—300 миль отъ первой и 1,200 миль отъ второй. Подобно другимъ англо-австралійскимъ колоніямъ, Новая Зеландія приняла по наслѣдству культуру отъ своей метрополіи, но сумѣла съ теченіемъ времени переработать ее такъ, что она болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ уголкѣ земного шара, обезпечиваетъ благо каждаго гражданина въ отдѣльности и большинства въ общей сложности.

Англо-австралійскія колоніи—демократическія общины, но старые демократическіе идеалы словно обрѣли новыя жизненныя силы по пересадкѣ ихъ на новую почву. Тутъ ростъ и расцвѣтъ ихъ не тормозился традиціями, предразсудками и сомнѣніями, присущими старымъ общественнымъ порядкамъ; тутъ на стражѣ этихъ идеаловъ становились мужественные, энергичные люди, покинувшіе старую родину, именно вслѣдствіе невозможности или нежеланія подчиняться господствовавшимъ тамъ старымъ порядкамъ, смѣлые люди, сказавшіе «прости» рутинѣ и ринувшіеся навстрѣчу новой жизни, которую они, разумѣется, имѣли въ виду устроить на новыхъ же, болѣе разумныхъ и благихъ началахъ, какъ для себя, такъ и для другихъ. И метрополія, надо сознаться, сумѣла занять по отношенію къ этимъ колоніямъ весьма разумное положеніе. Памятуя исторію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, англійское правительство предоставило австралійскимъ колоніямъ самую обширную автономію, отказалось отъ обложенія ихъ налогами въ свою пользу и ограничилось назначеніемъ имъ губернатора, который и является живымъ символомъ внутренней связи колоній съ метрополіей, обозначающимъ, что колоніи эти принадлежатъ къ той сферѣ вліянія, куда не должны вмѣшиваться другія державы. Такимъ образомъ, австралійскія колоніи могли зажить самостоятельной внутренней жизнью, свободно производить всевозможные соціальные опыты и совершенствовать общественное устройство.

Въ послѣднемъ отношеніи особенную энергію проявила Новая Зеландія,

шагнувшая—особенно въ послѣднее десятилѣтіе—по пути соціальныхъ реформъ такъ далеко, что смѣло можетъ во многомъ служить примѣромъ даже для странъ съ куда болѣе старой культурой. Столь быстрый прогрессъ общественнаго строя молодой страны Новаго свѣта не замедлилъ обратить на себя вниманіе въ Старомъ свѣтѣ, и возникла уже цѣлая литература, посвященная Новой Зеландіи. Особый интересъ представляютъ такіе труды, какъ *Demarest Lloyd:* «A country without strikes» (страна безъ стачекъ) и «Newest England», а также офиціальные ежегодники, издаваемые правительствомъ Новой Зеландіи («New Zeland's Official Yearbooks»). Изъ этихъ-то трудовъ и почерпнулъ свои данныя датскій публицистъ Гальсшетъ, статьей котораго въ данномъ случаѣ пользуемся мы.

Къ началу 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія все народонаселеніе Новой Зеландіи равнялось 280,000 чел., включая въ это число 50,000 маори, уцѣлѣвшихъ отъ туземнаго полуцивилизованнаго населенія, большая часть котораго получила права англійскаго гражданства при присоединеніи острововъ Англіей въ 1840 г. и затѣмъ при введеніи конституціи въ 1853 г. Въ первое время, впрочемъ, эти граждане продолжали нерѣдко поѣдать своихъ согражданъ и цивилизовались лишь мало-по-малу. Теперь юное поколѣніе маори усердно посѣщаетъ англійскія школы, а старшее имѣетъ своихъ собственныхъ представителей въ парламентѣ страны. Говоря о поразительномъ соціальномъ и экономическомъ прогрессѣ Новой Зеландіи, мы, конечно, имѣемъ въ виду бѣлое пришлое населеніе, а не туземное, которое, какъ и всюду почти въ колоніяхъ, занимаетъ болѣе или менѣе подчиненное положеніе и вымираетъ. Въ настоящее время маори осталось въ Новой Зеландіи уже едва 35,000. Итакъ, бѣлое населеніе Новой Зеландіи равнялось въ 1870 г. приблизительно 230,000 чел. и было довольно равномѣрно распредѣлено по странѣ; большая часть жила въ прибрежныхъ городахъ и по близости отъ нихъ, занимаясь земледѣліемъ, остальные—въ глубинѣ страны, занимаясь скотоводствомъ, а также добываніемъ золота въ горахъ и рѣкахъ на западномъ берегу. Средоточіями политической и общественной жизни являлись болѣе крупные города: Окленд̀ъ и Веллингтонъ (прежняя и нынѣшняя столица) на Сѣверномъ островѣ, и Крайстчёрчъ и Дёндинъ, служащіе главными пунктами ввоза шерсти изъ крупныхъ внутреннихъ владѣній, на Южномъ островѣ.

Какъ уже упомянуто выше, колоніи еще въ 1853 г. была дарована собственная конституція, организованная по образцу англійской, съ верхней и нижней палатами и отвѣтственными министрами. Представителемъ же короны являлся губернаторъ. Вся страна, равняющаяся величиною Италіи и уступающая Соединенному Великобританскому королевству, была подраздѣлена на отдѣльныя провинціи, которыя, благодаря предоставленной имъ широкой свободѣ внутренняго самоуправленія, являлись скорѣе штатами федеративнаго государства. Неудобства такой системы, однако, сказывались довольно чувствительно, отзываясь на общемъ благосостояніи страны, не говоря уже о нѣкоторомъ комизмѣ всѣхъ этихъ крохотныхъ провинціальныхъ

парламентовъ съ ихъ верхней и нижней палатами и пр. Особенно же давало себя знать при такой системѣ управленія неравенство экономическихъ условій отдѣльныхъ провинцій. Въ провинціяхъ, находящихся на Южномъ островѣ, было много свободныхъ земельныхъ участковъ, которые и продавались эмигрантамъ по высшей цѣнѣ—2 фунт. стерл. за акръ; изъ этой суммы въ казну поступали лишь два съ половиной шиллинга, а остальное шло на собственныя нужды данныхъ провинцій, тогда какъ въ провинціяхъ Сѣвернаго острова, гдѣ находились отведенные туземцамъ маори участки, свободной земли для продажи было мало, и сѣверные провинціальные совѣты или парламенты то и дѣло принуждены были прибѣгать къ субсидіямъ отъ казны. Такія неравныя экономическія условія не могли не подавать повода къ зависти и разногласіямъ между представителями провинцій въ общемъ центральномъ парламентѣ, что отзывалось уже на интересахъ всей колоніи вообще.

Въ силу такого положенія вещей образовалась партія, стоявшая за обузданіе автономныхъ стремленій провинцій, за расширеніе дѣятельности и усиленіе вліянія центральнаго парламента,—словомъ, за централизацію власти. Въ 1870 году министръ финансовъ Юлій Фогель внесъ въ парламентъ предложеніе объ открытіи въ Лондонѣ государственнаго займа въ 10 милл. фунт. стерл., съ цѣлью употребить эти деньги на правильную колонизацію страны, на проложеніе колесныхъ и желѣзнодорожныхъ путей, въ которыхъ ощущался большой недостатокъ (желѣзнодорожная сѣть занимала въ общемъ всего-на-всего 47 англ. миль) и на выкупъ лучшихъ земель у маори въ собственность государства. Затраченныя деньги предполагалось съ лихвой вернуть выгодною продажею или отдачею въ аренду новымъ колонистамъ земель, расположенныхъ по вновь проложеннымъ путямъ, и полученная прибыль должна была идти на постоянное расширеніе государственной земельной собственности. Планъ Фогеля встрѣтилъ лишь частичное сочувствіе: провинціальные парламенты ничего не имѣли противъ того, чтобы государство открыло заемъ и проложило въ ихъ чертѣ всякіе проѣзжіе и колесные и желѣзнодорожные пути, но прибыль отъ продажи земельныхъ участковъ, прилегающихъ къ этимъ путямъ, вовсе не желали отдавать въ общую государственную казну. Вслѣдствіе этого планъ осуществился лишь на половину. Заемъ былъ открытъ, и въ теченіе полугода изъ Англіи прибыло 50,000 эмигрантовъ, которыхъ заняли работами по прокладкѣ путей. На покупку земель у эмигрантовъ, однако, средствъ оказалось мало, а сдавать земли въ аренду провинціальные парламенты не желали, и черезъ нѣсколько лѣтъ большая часть новыхъ колонистовъ опустилась до положенія простыхъ рабочихъ, живущихъ случайнымъ заработкомъ. Такимъ образомъ, дѣло колонизаціи страны мало выиграло, равно какъ и благосостояніе послѣдней; лишь увеличился элементъ пролетаріата.

Авторъ искалѣченнаго проекта, Фогель, ставъ въ 1873 году первымъ министромъ Новой Зеландіи, рѣшилъ отомстить провинціальнымъ совѣтамъ за ихъ неразумное противодѣйствіе его плану правильной колонизаціи

страны. Обезпечивъ за собой большинство въ центральномъ парламентѣ и заручившись согласіемъ англійскаго правительства, онъ внесъ 1 ноября 1876 г. въ общій парламентъ билль объ упраздненіи провинціальныхъ парламентовъ. Привести дѣло къ желанному концу удалось, однако, лишь преемнику его Гарри Аткинсону, такъ какъ самъ Фогель, разойдясь со своей партіей по другимъ вопросамъ, удалился съ поста перваго министра за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Тѣмъ не менѣе честь проведенія билля, положившаго начало централизаціи власти и новой системѣ управленія, выдвинувшей на первый планъ интересы общегосударственные въ противоположность провинціальнымъ и коммунальнымъ, остается за Фогелемъ. Итакъ, партіей, заставившей страну вступить на путь политическихъ и соціальныхъ реформъ, была партія правительственная, но затѣмъ она, въ силу обстоятельствъ, стала изъ либеральной партіи консервативною, охраняющею старые порядки. Дѣло въ томъ, что «провинціалисты», оказавшись сбитыми съ позиціи, выработали себѣ новую программу дѣятельности и составили демократически-радикальную партію, которая, подъ предводительствомъ сэра Джоржа Грея, продолжала упорную борьбу съ правительственной.

Сэръ Джоржъ Грей, извѣстный своей административной дѣятельностью въ Южной Африкѣ и Австраліи и затѣмъ проживавшій частнымъ человѣкомъ въ своемъ имѣніи близъ Оклэнда, оказалъ не разъ, въ бытность свою австралійскимъ губернаторомъ, весьма существенныя услуги Новой Зеландіи, участвовалъ въ составленіи конституціи для новой колоніи и пользовался, благодаря всему этому, большой популярностью въ странѣ, чему не мало способствовало также его пламенное краснорѣчіе. Онъ-то собственно и выработалъ новую программу для своей партіи. Главными пунктами этой программы являлись:

1. Всеобщее право голоса (до этого правомъ голоса или избирательнымъ правомъ пользовались только лица, обладавшія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ).

2. Замѣна простого имущественнаго налога прогрессивнымъ налогомъ на капитальное имущество и прогрессивнымъ подоходнымъ.

3. Проведеніе новой государственной колонизаціонной системы, основанной на отдачѣ въ аренду (а не на продажѣ) государственныхъ земель.

4. Ограниченіе величины частныхъ земельныхъ владѣній.

Намѣченныя реформы шли вразрѣзъ съ интересами крупныхъ земельныхъ собственниковъ, составлявшихъ оплотъ правительственной партіи, которая въ силу этого и стала на защиту ихъ интересовъ, превратившись изъ партіи прогрессивной въ строго-консервативную, отстаивавшую: 1) ограниченіе избирательнаго права; 2) прежнюю систему налоговъ, при которой вся тяжесть ихъ ложилась на классъ мелкихъ собственниковъ и земледѣльцевъ; 3) сохраненіе баланса финансовъ путемъ отказа отъ всякихъ новыхъ государственныхъ займовъ для колонизаціонныхъ опытовъ; 4) свободное земельное владѣніе, т.-е. продажу земель въ частныя руки, и 5) покровительственныя пошлины и т. п.

Аткинсонъ, вожакъ правительственной консервативной партіи, въ противоположность своему противнику Грею, отличался несловоохотливостью, являясь по преимуществу политикомъ-практикомъ, смотрѣвшимъ на парламентъ не какъ на мѣсто для проявленія ораторскихъ способностей, а какъ на мѣсто политическихъ сдѣлокъ. Демократъ по рожденію и убѣжденіямъ, онъ силою вещей и положенія своего, какъ перваго министра, постъ котораго ему, вѣроятно, во что̀ бы то ни стало хотѣлось сохранить, былъ вынужденъ стоять за интересы консерваторовъ-аристократовъ. Нѣкоторое время борьба велась между партіями съ перемѣннымъ счастіемъ, но вотъ Аткинсонъ, ради сведенія государственнаго баланса, прибѣгъ къ уменьшенію на 10% жалованья чиновникамъ и депутатамъ парламента, а также къ сильному увеличенію таможенныхъ пошлинъ и возбудилъ этимъ сильнѣйшее неудовольствіе даже среди своей партіи.

Экономическое положеніе страны было вообще тяжелое, и рабочіе элементы, наиболѣе страдавшіе отъ этого, стали, во-первыхъ, соединяться въ цеховые союзы по англійскому образцу, а во-вторыхъ, не предвидя возможности самостоятельно провести какія-либо изъ своихъ требованій въ парламентѣ, гдѣ и не имѣли своихъ собственныхъ представителей, запаслись сторонниками въ либеральной партіи. Аткинсонъ, видя, что почва подъ нимъ колеблется, понадѣялся переманить рабочихъ на свою сторону проведеніемъ одной изъ намѣченныхъ противной партіей реформъ, а именно, распространеніемъ избирательнаго права на всѣхъ гражданъ. Но послѣдствія этой реформы оказались совершенно неожиданными. Рабочіе, терпѣвшіе во время большой стачки въ 1890 г. страшную нужду, причемъ правительство не оказало имъ никакой помощи и даже не сдѣлало шага для улаженія дѣла, всѣ стали во время выборовъ депутатовъ въ нижнюю палату въ декабрѣ 1890 г. на сторону либераловъ, и кандидаты правительственной партіи массами терпѣли пораженіе. Аткинсонъ попытался поднять фонды своей партіи расширеніемъ власти губернатора, чѣмъ еще больше вооружилъ противъ себя населеніе, и въ результатѣ, на другой же день по открытіи парламентской сессіи въ январѣ 1891 г. министерство оказалось въ такомъ меньшинствѣ, что немедленно подало въ отставку. Это было окончательное пораженіе консервативной партіи, и, годъ спустя, Аткинсонъ умеръ надломленнымъ, разбитымъ человѣкомъ. Число же приверженцевъ и сила либеральной партіи съ теченіемъ времени все возростали, и въ настоящее время число либераловъ относится къ числу консерваторовъ какъ 56 къ 18.

Условія, при которыхъ либералы приняли власть въ странѣ, были очень затруднительны. Власть, почетъ и богатство были сосредоточены въ рукахъ незначительнаго числа людей, между тѣмъ какъ масса, народъ велъ самую тяжелую, изнурительную борьбу за существованіе. Наблюдалось такое анормальное явленіе, что молодые, работоспособные люди обоего пола эмигрировали изъ страны массами, не видя возможности просуществовать, тогда какъ страна, въ силу количества земли и производительныхъ

силъ природы, могла бы прокормить въ 50 разъ большее число людей противъ имѣвшагося на лицо населенія. Все — земля, деньги, власть было, за время долгаго стоянія у кормила консерваторовъ, монополизировано кучкой людей. Земля находилась большею частью въ рукахъ «скваттеровъ» — крупныхъ земельныхъ собственниковъ, занимающихся скотоводствомъ, а не земледѣліемъ. Изъ 12½ милл. акровъ земли, находившейся въ частномъ владѣніи, 7 милл. акровъ принадлежали 584 «скваттерамъ» и англійскимъ акціонернымъ компаніямъ, причемъ утилизировались какъ пастбища для скота, а людямъ не было мѣста (имѣніе «Шевіотъ», обнимавшее 84,000 акровъ и пріобрѣтенное казной въ 1893 году, давало, напримѣръ, пріютъ и кормъ 60,000 головамъ овецъ и всего 43 человѣкамъ!). Между тѣмъ 100,000 мелкихъ земельныхъ собственниковъ не обладали въ общей сложности и 300,000 акровъ земли.

Какъ неравномѣрно была распредѣлена земля, такъ неравномѣрно былъ распредѣленъ и капиталъ. Мелкіе землевладѣльцы и промышленники были въ долгахъ и едва-едва перебивались, даромъ что собственно несли весь трудъ по поднятію культуры и экономическаго благосостоянія страны; богачи же почти не ударяли палецъ о палецъ и большею частью проживали свои выжатые изъ страны доходы за границею (въ Англіи); англійскія акціонерныя компаніи тоже уплачивали 20%—30% дивиденда гдѣ-то въ Лондонѣ, а на пользу самой страны изъ огромныхъ прибылей почти что не очищалось ничего; банкъ, принадлежавшій англійскимъ капиталистамъ, поддерживалъ трёсты, которые монополизировали пароходное сообщеніе, добычу каменнаго угля и прочихъ минераловъ и душили всякую попытку конкуренціи, а эксплоатацію правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ вѣдали полновластные коммисары, которые держали сторону банка и трёстовъ, не обращая вниманія на нужды населенія и не заботясь о прогрессѣ самаго дѣла.

Но особеннымъ тормозомъ упорядоченію и развитію благосостоянія страны являлась налоговая система, всей тяжестью обрушивавшаяся на мелкихъ земледѣльцевъ и предпринимателей, стремившихся къ расширенію и улучшенію хозяйства и промышленныхъ предпріятій. Налогъ взимался со всего имущества, и мелкій землевладѣлецъ, улучшающій свое хозяйство прикупкой разныхъ орудій, машинъ и живого инвентаря, платилъ съ каждымъ годомъ все больше и больше налога, независимо отъ того, поднимались его доходы или нѣтъ, между тѣмъ какъ крупные землевладѣльцы, не думавшіе заводить какого-либо сельскаго хозяйства, а изъ году въ годъ оставлявшіе свои земли подъ пастбища для овецъ, платили все одинъ и тотъ же сравнительно незначительный налогъ, даже если цѣны на шерсть подымались настолько, что доходы ихъ удваивались или утраивались. Заводчики платили налогъ, согласно оцѣнкѣ завода со всѣмъ его инвентаремъ, а работалъ ли заводъ при благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условіяхъ, въ прибыль или въ убытокъ владѣльцу—это въ разсчетъ не принималось. Платили налоги и купцы, согласно оцѣнкѣ всего находившагося у нихъ въ

складахъ или магазинахъ товара, оборотъ же во вниманіе не принимался. Между тѣмъ чиновники, управляющіе, агенты, коммиссіонеры и рантьеры были совсѣмъ свободны отъ налоговъ, сколько бы ни получали жалованья или дохода. Итакъ, ставшей у власти либеральной партіи было къ чему приложить свои силы и энергію. И надо отдать справедливость предводителямъ ея, они явились достойными представителями интересовъ своей партіи, составившейся изъ прежней демократически-радикальной и новыхъ избирателей—рабочихъ.

Первымъ министромъ сталъ Джонъ Балэнсъ, уже занимавшій этотъ постъ во время непродолжительнаго торжества либеральной партіи въ 1884 — 1887 гг.; ирландецъ родомъ, онъ еще на старой родинѣ имѣлъ возможность узнать и оцѣнить прелести господства богачей и крупныхъ земельныхъ собственниковъ и, поставивъ девизомъ своей дѣятельности: «въ Зеландіи не должно быть ни милліонеровъ, ни нищихъ», первою реформой изъ начертанныхъ въ программѣ партіи избралъ измѣненіе системы налоговъ. Ближайшимъ и энергичнѣйшимъ сотрудникомъ Балэнса явился министръ общественныхъ работъ Ричардъ Седдонъ, сынъ простого англійскаго ремесленника, избранный членомъ нижней палаты еще въ 1879 г. и тогда же начавшій играть видную роль въ парламентѣ; это былъ настоящій гигантъ и душой и тѣломъ, всегда шедшій впереди своего времени. За нимъ слѣдовалъ министръ государственныхъ имуществъ, земледѣлія и колонизаціи Джонъ Маккэнзи, родомъ изъ Шотландіи, гдѣ еще въ дѣтствѣ былъ свидѣтелемъ, какъ помѣщики сгоняли со двора арендаторовъ, превращая свои земли въ охотничьи угодья, подобно тому, какъ въ Новой Зеландіи крупные земельные собственники отводили свои земли подъ пастбища для овецъ. И, наконецъ, третьимъ сподвижникомъ Балэнса былъ министръ юстиціи Вильгельмъ Пемберъ Ривесъ, природный ново-зеландецъ, юристъ и публицистъ, рано окунувшійся въ водоворотъ политической дѣятельности. Новое министерство имѣло такимъ образомъ въ своей средѣ представителей всѣхъ трехъ народностей, составляющихъ Англію, и такъ какъ ирландцы, шотландцы и англичане куда легче сходятся и сливаются въ одно цѣлое въ далекой колоніи, нежели въ самой Англіи, то всѣ эти четверо людей дружно сомкнулись для предстоявшей имъ работы по проведенію намѣченныхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ.

Когда Балэнсъ внесъ билль объ отмѣнѣ простого поимущественнаго налога и о введеніи налоговъ съ капитальнаго имущества и съ дохода—обоихъ въ прогрессирующей степени—консервативная партія ожидала, что билль этотъ вызоветъ бурю по всей странѣ и возстановитъ противъ перваго министра всѣ партіи. Но Балэнсъ былъ слишкомъ уменъ, зналъ, что дѣлалъ, и такъ разработалъ этотъ законопроектъ, что никакой бури не вызвалъ.

Прежній поимущественный налогъ взимался въ размѣрѣ 1 пенни въ годъ съ каждаго фунта стерлинга по оцѣнкѣ всего имущества, причемъ ежегодно производилась переоцѣнка послѣдняго. Новый доходъ съ капи-

тальнаго имущества также исчислялся въ 1 пенни въ годъ съ каждаго фунта стерл., но оцѣнка земли или строеній устанавливалась разъ навсегда, а не повышалась изъ-за предпринятыхъ улучшеній; возрастаніе налога на $^1/_8$ пенни съ 1 ф. ст. начиналось съ оцѣночной цѣны капитальнаго имущества въ 5,000 фунт. стерл. и достигало 2 пенни съ 1 ф. ст. при капитальномъ имуществѣ въ 210,000 фунт. стерл.; такимъ образомъ владѣлецъ подобнаго или болѣе значительнаго капитальнаго имущества уплачивалъ уже по 3 пенни съ каждаго фунта стерл. или $1^1/_4\%$ оцѣнки всего имущества. Затѣмъ подоходный налогъ исчислялся лишь съ доходовъ, превышавшихъ 300 фунт. стерл. въ годъ, равняясь 6 пенни въ годъ съ каждаго фунта стерл. при доходѣ отъ 300 до 1,300 фунт. стерл. и 1 шил. съ 1 фунта стерл. при доходахъ, превышающихъ 1,300 фунт. стерл. въ годъ. Акціонерныя компаніи же облагались налогомъ въ 1 шил. съ 1 ф. ст., каковы бы ни были ихъ доходы. Владѣльцы первыхъ закладныхъ, прежде ускользавшіе отъ налоговъ, облагались по новому законопроекту налогомъ съ капитальнаго имущества, согласно оцѣнкѣ имущества (земли или строеній), на которое у нихъ имѣлись закладныя и, наконецъ, отсутствующіе изъ страны владѣльцы капитальныхъ имуществъ облагались еще особымъ добавочнымъ налогомъ.

Оба вводимыхъ новыхъ налога должны были давать странѣ столько же, сколько прежній поимущественный; но тяжесть налоговъ переносилась на крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣльцевъ крупныхъ недвижимостей и лицъ, обладающихъ крупными доходами. Масса избирателей быстро сообразила, что новый законъ о налогахъ можетъ бить по карману лишь немногихъ, именно, съ болѣе тугимъ карманомъ, и нижняя палата приняла билль въ первомъ же чтеніи. Верхняя палата заартачилась было, но энергичный Балэнсъ не отступился и добился-таки своего въ 1891 г. Одержавъ эту побѣду надъ верхней палатой, онъ рѣшилъ ослабить ея вліяніе вообще и выступилъ съ законопроектомъ, по которому члены верхней палаты, бывшіе до тѣхъ поръ пожизненными, избирались бы впредь лишь на 7 лѣтъ. Проведя же этотъ законъ, онъ сталъ добиваться, чтобы губернатору дана была власть назначать въ верхнюю палату 12 членовъ по собственному выбору, т.-е. еще большаго, нежели добивался въ свое время предводитель консерваторовъ Аткинсонъ, который, когда власть готова была ускользнуть изъ его рукъ, пытался обезпечить правительству большинство предоставленіемъ губернатору права назначать 7 членовъ верхней палаты, и тѣмъ лишь ускорилъ свое паденіе. Балэнсъ оказался счастливѣе: и времена вообще перемѣнились, и вдобавокъ его поддержало англійское министерство колоній. Такимъ образомъ и въ верхней палатѣ правительство обезпечило за собой значительную партію и могло смѣло идти дальше по пути реформъ.

Слѣдующую побѣду либеральное министерство одержало въ борьбѣ съ монополизаціей земельной собственности.

«Полвѣка господствовалъ у насъ принципъ свободнаго земельнаго владѣнія,—высказалъ Маккэнзи,—и въ результатѣ у насъ создались обшир-

ныя частныя владѣнія, почти вся земля сосредоточилась въ рукахъ немногихъ, что является несчастіемъ и гибелью для страны. Это пріостановило развитіе земледѣлія и затормозило правильную колонизацію. Пора остановить дальнѣйшее забираніе земли капиталистами». И вотъ, Маккэнзи внесъ въ парламентъ въ 1892 г. законопроектъ, построенный на томъ принципѣ, что земля вообще должна составлять государственную, а не частную собственность. Согласно этому проекту, государству и надлежало стараться пріобрѣтать свободныя земли и выкупать землю у частныхъ владѣльцевъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда того требовали интересы колонизаціи, дѣйствуя даже принудительно), а затѣмъ отдавать гражданамъ земельные участки въ вѣчную аренду (на 999 лѣтъ) за годовую плату, равняющуюся 4% стоимости земли по оцѣнкѣ ея разъ на всегда при отдачѣ въ аренду. Подчиняясь нѣкоторымъ ограничительнымъ постановленіямъ, обязывавшимъ, напримѣръ, арендаторовъ жить на своемъ участкѣ, производить въ извѣстные сроки времени такія-то и такія-то улучшенія, съ затратой извѣстныхъ суммъ, въ остальномъ арендаторы могли являться полными хозяевами своихъ участковъ, получая право и закладывать ихъ, и завѣщать наслѣдникамъ, и даже перепродавать свое право аренды, но съ разрѣшенія земельнаго департамента.

Въ такую вѣчную аренду отдѣльному лицу не могло быть отдаваемо больше 640 акр. перворазрядной (пахотной) земли, или 2,000 акр. второразрядной (подъ пастбища), такъ какъ цѣлью новаго закона было увеличеніе числа среднихъ и мелкихъ хозяйствъ и поддержка небогатыхъ, но трудолюбивыхъ и свѣдущихъ людей. Болѣе значительные участки, до 11,000 акровъ, могли быть отдаваемы въ вѣчную аренду общинамъ колонистовъ, состоящихъ не менѣе какъ изъ 12 членовъ.

Введеніе новаго закона о налогахъ стоило либеральному министерству не малой борьбы, но проведеніе новаго закона о земельномъ владѣніи стоило настоящей и продолжительной кампаніи. Крупные земельные собственники называли новый законъ разбойнической попыткой открытаго грабежа и грозили, въ случаѣ его принятія, покинуть страну. «Уѣзжайте себѣ!»—отвѣчалъ въ парламентѣ Маккэнзи,—«этимъ вы повредите лишь себѣ, а не странѣ». Законъ былъ нѣсколько разъ принятъ нижней палатой и отвергнутъ верхней. Лишь послѣ новыхъ выборовъ въ 1893 году, основанныхъ главнымъ образомъ на сочувствіи или несочувствіи депутатовъ новому закону, на сторонѣ правительства оказалось такое подавляющее большинство, что и верхняя палата сдалась. Выселенія богачей, однако, не произошло. Напротивъ, въ слѣдующіе затѣмъ годы казнѣ было сдѣлано предложеній о выкупѣ крупныхъ частныхъ владѣній на сумму, въ 10 разъ превышавшую сумму, ассигнованную правительствомъ на эту статью (въ среднемъ около 250,000 ф. ст. въ годъ). И всего два раза правительству пришлось прибѣгнуть къ принудительному выкупу. По 31 марта 1900 г. казной было пріобрѣтено такимъ образомъ 324,167 акровъ земли на сумму въ $1^1/_2$ милліона ф. ст., которая и сдана была въ аренду

1,630 лицамъ, такъ что теперь на земляхъ, гдѣ прежде могла проживать какая-нибудь сотня людей, живутъ и кормятся десятки тысячъ.

Пріобрѣтеніе земли въ аренду общинами колонистовъ какъ-то мало привилось въ Новой Зеландіи; зато большой успѣхъ имѣли основанныя самимъ правительствомъ «сельскія колоніи». Начало имъ положилъ тотъ же неутомимый Балэнсъ еще въ 1886 г. во время перваго недолгаго пребыванія своего у кормила власти. Имѣя въ виду избавить страну отъ разрастанія безработнаго пролетаріата, онъ рѣшилъ отвлекать избытокъ рабочихъ силъ изъ городовъ въ такіе пункты страны, которые, напротивъ, страдали отъ недостатка людей и рабочей силы. Съ этою цѣлью въ такихъ мѣстностяхъ были отведены значительные участки казенныхъ земель, разбиты на мелкіе участки, отъ 20 до 50 акровъ, и предоставлены желающимъ безработнымъ и неимущимъ семейнымъ людямъ въ вѣчное арендное владѣніе за годовую плату, равнявшуюся 5% оцѣнки земли, причемъ послѣдняя оцѣнена была весьма низко—по 1 ф. ст. за акръ. Кромѣ того, такимъ арендаторамъ былъ открытъ дешевый кредитъ для пріобрѣтенія нужнаго для сельскаго хозяйства инвентаря и постройки жилого домика. Такимъ путемъ правительство пристроило не малое число безработныхъ, но готовыхъ трудиться людей.

Консерваторы, однако, какъ только одолѣли либераловъ, объявили такую мѣру расхищеніемъ государственной казны, и дальнѣйшее развитіе дѣла было пріостановлено, а остававшіеся еще въ распоряженіи правительства участки земли проданы или розданы въ аренду людямъ состоятельнымъ. Когда же либералы въ 1891 г. окончательно побѣдили и взяли власть въ свои руки, Маккэнзи принялся основывать новыя сельскія колоніи на прежнихъ началахъ. Въ 1898 году эти колоніи занимали уже 35,000 акровъ хорошо воздѣланной земли, на которой безбѣдно существовали 5,000 человѣкъ. Изъ взятыхъ ими въ ссуду изъ казны 27,000 фунт. стерл. оставалось въ 1898 г. невыплаченными еще 24,000 ф. ст., но казна получила за это время процентами и выплатой аренды столько же, а стоимость самыхъ земель и имущества колоній увеличилась больше чѣмъ на 100,000 ф. ст., такъ что нельзя сказать, чтобы государство теряло отъ этой операціи, все продолжающей поэтому развиваться.

Чтобы имѣть возможность оказывать дальнѣйшую помощь мелкимъ сельскимъ хозяйствамъ, Маккэнзи добился ассигновки еще трехъ милліоновъ ф. ст. (для чего понадобился новый государственный заемъ) для основанія кредитнаго учрежденія, которое оказывало бы населенію дешевый кредитъ въ цѣляхъ погашенія болѣе дорогихъ первыхъ закладныхъ и расширенія хозяйствъ.

Государственная колонизація страны, благодаря перечисленнымъ полезнымъ мѣрамъ, стала развиваться довольно быстро, но всетаки не скоро еще предвидится, чтобы вся земля стала собственностью государства и арендная система могла быть проведена полностью. Въ 1898 г. изъ 34 милліоновъ акровъ земли 21 милл. акровъ еще оставались въ рукахъ

крупныхъ собственниковъ, разбитыми на участки по 5,000 акр.; 7% населенія являлось собственниками земельныхъ участковъ и лишь 2% государственными арендаторами.

Во всякомъ случаѣ самый принципъ вѣчной аренды чѣмъ дальше, тѣмъ больше находитъ сторонниковъ, и всякій разъ, какъ открывается новый свободный участокъ земли для колонизаціи, число желающихъ получить аренду во много разъ превышаетъ число нарѣзанныхъ участковъ. Поэтому просители подвергаются тщательному разбору по ихъ соціальному положенію и нравственнымъ качествамъ, и лишь наиболѣе достойные допускаются къ участію въ публичномъ розыгрышѣ участковъ. Но, разумѣется, есть и недовольные такимъ порядкомъ вещей и стоящіе за принципъ свободнаго землевладѣнія. Консервативная партія старается эксплоатировать это неудовольствіе въ свою пользу и ставитъ на видъ, что какъ только ей удастся вновь стать у кормила правленія, она измѣнитъ законъ о землевладѣніи. Седдонъ, ставшій преемникомъ Балэнса, умершаго въ 1893 году, однако, безъ сомнѣнія правъ, говоря въ своей рѣчи къ избирателямъ въ 1899 г.: «Знаете, къ чему это приведетъ? Къ тому, что владѣльцы первыхъ закладныхъ въ концѣ концовъ возьмутъ себѣ всѣ годныя земли, оставивъ вамъ, арендаторамъ, однѣ дороги. Будьте увѣрены, что государство въ качествѣ собственника куда гуманнѣе и либеральнѣе людей, дающихъ деньги подъ закладъ. Нѣтъ, намъ надо стремиться къ пріобрѣтенію, хотя бы цѣною новыхъ милліонныхъ займовъ, какъ можно большихъ пространствъ земли, чтобы всякій изъ гражданъ, кто только пожелаетъ, могъ взять себѣ у государства участокъ въ аренду».

Вообще, программа либеральной партіи не измѣнилась со смертью Балэнса, и Седдонъ, слѣдуя по стопамъ своего предшественника, успѣлъ провести не мало благихъ реформъ на пользу государства. 1893 годъ въ Австраліи былъ отмѣченъ крупными банковыми крахами; на дѣлахъ Ново-Зеландскаго банка, большую часть акціонеровъ котораго составляли англійскіе капиталисты, эти крахи сначала, повидимому, не отразились; но, годъ спустя, правленіе банка заявило правительству, что дѣла плохи и, если банку не выдана будетъ правительственная ссуда въ 2 милліона фунт. стерл., послѣдуетъ крахъ. Правительство не рѣшилось допустить такого краха, который могъ имѣть пагубныя послѣдствія для дѣловой жизни всей страны, назначило коммиссію для разслѣдованія положенія дѣла и затѣмъ настоятельно рекомендовало парламенту разрѣшить выдать банку просимую ссуду, что̀ и было сдѣлано. Не прошло, однако, и года, какъ дирекція банка обратилась къ правительству съ новой просьбой; теперь необходимо было уже 4 милліона фунт. стерл., иначе-де все погибло. Но на этотъ разъ правительство не дало себя провести. Вновь назначенная для разслѣдованія положенія дѣлъ коммиссія пришла къ тому заключенію, что банкъ,—одна изъ главныхъ опоръ консервативной партіи,—несостоятеленъ въ сущности уже нѣсколько лѣтъ, несмотря на то, что продолжалъ выдавать большіе дивиденды акціонерамъ. Основной капиталъ и одна треть

запасного оказывались растраченными, активъ по большей части состоялъ изъ ничего не стоящихъ участковъ земли, между тѣмъ какъ всѣ цѣнные участки давно были обращены въ деньги; вообще, оказывалось, операціи банка велись крайне легкомысленно, чтобы не сказать больше. Въ силу всего этого правительство и предложило, а парламентъ согласился, чтобы правительство, заручившись соотвѣтствующими гарантіями, взяло на себя упорядоченіе дѣлъ банка и опеку надъ нимъ вплоть до 1904 г. Благодаря такому рѣшенію дѣла, государственный долгъ еще увеличился, но зато кредитъ государства былъ спасенъ, и самый банкъ, если не номинально, то фактически сталъ государственнымъ: срокъ государственной опеки, правда, оканчивается по договору въ 1904 г., но, такъ какъ банкъ къ тому времени далеко не въ состояніи будетъ погасить своихъ денежныхъ обязательствъ государству, то все и останется попрежнему. Всѣ другія австралійскія колоніи серьезно потерпѣли отъ всеобщаго финансоваго краха 1893 г., Новая Зеландія же, заботами либеральнаго министерства, не только вышла изъ кризиса безъ всякаго ущерба, но еще избавилась отъ нежелательнаго давленія, какое оказывалъ на дѣловую жизнь страны банкъ въ лицѣ своихъ заправилъ, всегда солидарныхъ съ крупнѣйшими представителями капитала.

Заботы о земельномъ и денежномъ богатствѣ страны не мѣшали либеральному министерству заниматься и выработкой чисто политическихъ реформъ. Знаменитый законъ о предоставленіи голоса каждому гражданину всетаки порождалъ злоупотребленія, и Балэнсъ выработалъ поправку къ закону, согласно которой ни одинъ человѣкъ не могъ въ качествѣ политическаго избирателя имѣть больше одного голоса, хотя бы обладалъ земельнымъ или недвижимымъ имуществомъ и коммунальными правами въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ. Затѣмъ избирательное право, какъ коммунальное, такъ и политическое, было распространено и на женщинъ въ равной мѣрѣ съ мужчинами. Послѣдній законъ, принятый нижней палатой, два раза отвергался верхней; но вотъ одному изъ вожаковъ консервативной партіи пришло въ голову, что вѣдь, женщины, по самой природѣ своей, скорѣе консервативны, и, слѣдовательно, консервативная партія можетъ надѣяться найти въ нихъ сторонницъ, которыя усилятъ ея вліяніе на ходъ дѣлъ. Основываясь на этомъ соображеніи, консерваторы стали агитировать въ верхней палатѣ въ пользу принятія закона, и послѣдній, внесенный въ третій разъ въ 1893 г., благополучно прошелъ. Однако, и женщины такъ же обманули ожиданія консерваторовъ, какъ въ свое время рабочіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по введеніи новаго закона, состоялись выборы въ нижнюю палату, и женщины, слѣдуя по стопамъ своихъ мужей, лишь еще усилили либеральное большинство въ парламентѣ. То же повторялось и при слѣдующихъ выборахъ.

Участіе женщинъ въ политическихъ выборахъ наблюдается даже болѣе живое, чѣмъ со стороны мужчинъ (изъ женщинъ подаютъ голосъ 80—90%), что объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что одновременно съ политическимъ голосованіемъ происходитъ подача голосовъ по «алкогольному» вопросу.

Продажа спирта въ Новой Зеландіи поставлена (законоположеніями 1893 и 1896 гг.) такъ, что каждый изъ 74 избирательныхъ округовъ страны разъ въ три года, одновременно съ политическими выборами, вотируетъ вопросъ: сохранить ли существующій въ данномъ округѣ порядокъ продажи спиртныхъ напитковъ, ограничить эту продажу или вовсе воспретить. Въ послѣднемъ случаѣ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Алкогольный вопросъ всегда приводитъ страну въ сильнѣйшее возбужденіе; агитація въ пользу запрещенія или ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ ведется весьма страстно—главнымъ образомъ женщинами, но окончательное запрещеніе удалось имъ провести пока въ одномъ лишь округѣ. Въ общемъ, женщины, несмотря на живое участіе въ выборахъ, особенно замѣтной роли въ политической жизни страны не играютъ, но все же ихъ вліянію надо приписать проведеніе нѣкоторыхъ гуманныхъ законоположеній о фабричной работѣ (1894—1896 г.), мелочной торговлѣ въ разносъ (1895 г.), обезпеченіи старости (1898 г.), защитѣ дѣтей, о порученіи женщинамъ высшаго надзора за фабриками, пріютами и больницами, о допущеніи ихъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, проведеніе строгаго закона о домахъ терпимости и пр. Требованія быть не только избирательницами, но и избираемыми въ нижнюю палату женщины еще не заявляли, но, вѣроятно, это лишь вопросъ времени.

Не мало также сдѣлало либеральное правительство для улаженія труднаго рабочаго вопроса и упорядоченія отношеній между работодателями и рабочими. Новая Зеландія насчитываетъ въ сводѣ своихъ законовъ свыше 20-ти пунктовъ, касающихся этого вопроса, и большинство изъ нихъ установлено послѣ 1891 г., т.-е. по вступленіи во власть либеральнаго министерства, когда Пемберъ Ривесъ сталъ министромъ общественныхъ работъ. Законы о рабочихъ заключаютъ много и ограничительныхъ, и принудительныхъ постановленій, какъ это ни можетъ казаться страннымъ для свободной страны. Объясняется это тѣмъ, что ново-зеландцы руководятся принципомъ, что постановленія, имѣющія въ виду общіе интересы, должны быть обязательны для всѣхъ; безъ этого, немногіе всегда могутъ принудить многихъ творить волю свою, а по логикѣ ново-зеландцевъ для страны полезнѣе, чтобы многіе принуждали немногихъ.

Болѣе общія законоположенія о фабрикахъ, мелкой торговлѣ въ разносъ, о мореходствѣ, о прислугѣ, о страхованіи рабочихъ и т. п. найдутся въ законахъ многихъ государствъ, но въ примѣненіи ихъ Ново-Зеландія часто идетъ впереди другихъ. Такъ, напримѣръ, законъ о фабрикахъ примѣняется къ каждой мастерской, гдѣ работаютъ хотя бы два наемныхъ человѣка; такія мастерскія уже заносятся въ списки и подлежатъ надзору фабричной инспекціи, строго слѣдящей за выполненіемъ всѣхъ постановленій относительно содержанія рабочаго помѣщенія, продолжительности работы, и всякое отступленіе влечетъ за собою крупный штрафъ.

Восьмичасовой рабочій день закономъ не установленъ, но установленъ обычаемъ. Зато закономъ установлено, что всякаго рода работы должны

прекращаться въ субботу въ часъ пополудни, безъ вычета изъ установленной поденной платы. Сверхурочная работа допускается только въ количествѣ 280 часовъ въ годъ и должна быть оплачена добавочной (не въ счетъ общей) платой по 6 пенни за часъ. Къ работѣ на фабрикахъ или въ мастерскихъ допускаются только лица не моложе 14 лѣтъ, обладающія степенью познаній, требуемыхъ отъ выпускныхъ учениковъ низшихъ государственныхъ школъ, а также имѣющія свидѣтельство отъ врача, что данная работа имъ по силамъ. Женщины и несовершеннолѣтніе мужчины не могутъ работать болѣе 48 часовъ въ недѣлю; женщины, разрѣшившіяся отъ бремени, не допускаются на работу раньше мѣсяца со дня родовъ. Для служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ установлено рабочее время 54 часа въ недѣлю, причемъ заведеніе должно закрываться въ часъ дня въ какой-нибудь день на недѣлѣ (обыкновенно въ среду или четвергъ), чтобы имѣть возможность торговать въ субботу, когда освобождается остальной рабочій людъ. Банки и конторы обязаны закрываться въ 5 час. дня въ $^2/_3$ рабочихъ дней мѣсяца. Работодатели не имѣютъ права производить изъ заработной платы какихъ-либо вычетовъ на страховку рабочихъ, для чего существуютъ особыя государственныя страховыя кассы, куда и вносятъ извѣстныя преміи сами работодатели; наприм., владѣльцы угольныхъ копей обязаны взносомъ въ полпенни съ каждой тонны добываемаго угля въ вспомогательный фондъ для семей убитыхъ или изувѣченныхъ рабочихъ; запрещено также работодателямъ расплачиваться съ рабочими натурой.

Существуетъ не мало постановленій, направленныхъ и къ облегченію положенія «малыхъ сихъ» въ средѣ моряковъ. Такъ, значительно ограничено право суда и наказанія, присвоенное старшими въ командѣ надъ младшими; помѣщенія для матросовъ и рабочихъ подвергнуты контролю, число матросовъ на парусныхъ судахъ опредѣлено согласно таккелажу, а машинистовъ и кочегаровъ на пароходахъ—согласно количеству лошадиныхъ силъ машины, причемъ всѣ эти постановленія обязательны не только для своихъ, но и для иностранныхъ судовъ, совершающихъ постоянные рейсы около береговъ Новой Зеландіи.

Нельзя не упомянуть въ числѣ законоположеній, направленныхъ ко благу рабочихъ классовъ, еще о законоположеніи 1899 г., о пріобрѣтеніи государствомъ участковъ до 100 акровъ въ городахъ съ населеніемъ отъ 15,000 жителей или въ окрестностяхъ такихъ городовъ на разстояніи до 15 англ. миль и возведеніи на этихъ участкахъ домовъ съ дешевыми и гигіеничными квартирами для рабочихъ, а также объ устройствѣ путей скораго и дешеваго сообщенія для обслуживанія такихъ рабочихъ кварталовъ.

Самый же замѣчательный изъ всѣхъ новыхъ законовъ страны—законъ о принудительномъ посредничествѣ, направленный къ урегулированію отношеній работодателей и рабочихъ и одинаково служащій на пользу тѣмъ и другимъ. Новая Зеландія является пока единственной страной, смѣло вступившей на путь, ведущій къ основанію новаго типа государства,—типа, предносившагося соціалистамъ-идеалистамъ. Согласно упомянутому закону, государ-

ство беретъ на себя роль посредника въ конфликтахъ, возникающихъ между представителями капитала и представителями труда, и рѣшенія этого посредника являются уже обязательными для обѣихъ сторонъ. Какую пользу приноситъ странѣ новый законъ, видно изъ того, что въ теченіе 6 лѣтъ его дѣйствія въ Новой Зеландіи не было ни единаго случая стачки или локоута. Столкновенія интересовъ и несогласія возникали не разъ, и очень серьезныя, но ни разу дѣло не дошло до прекращенія работъ, а затѣмъ и самыя несогласія были улажены.

Честь выработки и введенія закона принадлежитъ тому же Пемберу Ривесу; натолкнула же его на мысль о такомъ законѣ грандіозная стачка, бывшая въ Австраліи въ 1890 г. и имѣвшая самые плачевные результаты для страны. Убѣдившись изъ опыта другихъ странъ, что попытки примѣнять въ такихъ случаяхъ посредничество на принципѣ добровольнаго соглашенія не ведутъ ни къ чему, Ривесъ естественно пришелъ къ мысли о необходимости принудительныхъ мѣръ. Но кому же можетъ быть присвоена власть принуждать противниковъ придти къ такому или иному соглашенію между собою? Разумѣется, лишь обществу, государству, которое наиболѣе заинтересовано въ томъ, чтобы государственный механизмъ работалъ гладко, исправно, безъ всякихъ перерывовъ и поломокъ. Разъ возникаетъ серьезный конфликтъ между капиталомъ и трудомъ, власть, поддерживающая порядокъ въ странѣ, т.-е. правительство, должно явиться безпристрастнымъ судьей, рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, и заставить виновнаго уважать такое рѣшеніе. Правительственною властью не допускается публичныхъ свалокъ между гражданами, нарушенія общественной тишины и пр., и тѣмъ меньше можетъ быть допускаемо нарушеніе общественнаго порядка и мира взаимной распрей двухъ классовъ гражданъ, распрей, куда сильнѣе нарушающей общіе интересы населенія, нежели какой-нибудь уличный скандалъ. Личное же право, свобода личности гражданина остаются ненарушимыми и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вмѣшательства правительственной власти. А твердое сознаніе того, что эта власть не допуститъ нарушенія общественнаго мира и порядка, удивительно помогаетъ сохраненію этого мира и порядка. По крайней мѣрѣ, въ Новой Зеландіи, по введеніи закона о принудительномъ посредничествѣ (въ 1894 г.) значительная часть конфликтовъ между работодателями и рабочими благополучно разрѣшалась прежде, чѣмъ дѣло доходило до вмѣшательства правительственной инстанціи, рѣшающей дѣло безапелляціонно и грозящей ослушнику принудительными мѣрами.

Само собой, законъ о принудительномъ посредничествѣ былъ, какъ и всѣ другіе законы, вносимые въ парламентъ либеральнымъ министерствомъ, нѣсколько разъ отвергнутъ верхней палатой. Главной причиной такого отношенія верхней палаты служило то, что этимъ закономъ официально санкціонировалось существованіе союзовъ рабочихъ, какъ законныхъ корпорацій, обладающихъ извѣстными юридическими правами и несущихъ извѣстныя обязательства.

По новому закону союзы рабочихъ могли и возбуждать иски, и быть привлекаемыми другими истцами въ качествѣ отвѣтчиковъ, и пріобрѣтать собственность, и быть присуждаемыми къ возвращенію убытковъ, къ штрафамъ и т. п. Вся страна дѣлилась на шесть «рабочихъ округовъ», и для каждаго назначался особый посредническій совѣтъ—«палата согласія», состоявшій изъ 6-ти членовъ, избираемыхъ на 3 года, причемъ 3 члена избирались работодателями изъ своей среды и 3—рабочими изъ своей, предсѣдатель же избирался самими членами совѣта изъ лицъ нейтральныхъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой партіи. При возникновеніи конфликта между работодателями и рабочими, каждая изъ сторонъ вольна обратиться за посредничествомъ къ мѣстному «посредническому совѣту». Послѣдній разслѣдуетъ дѣло, вызываетъ свидѣтелей, экспертовъ и, наконецъ, высказываетъ свое рѣшеніе представителямъ враждующихъ сторонъ. Рѣшеніе это, однако, еще не обязательно для сторонъ, и сторона, выигравшая дѣло, должна поэтому, въ случаѣ несогласія проигравшей подчиниться данному рѣшенію, обратиться въ «центральный третейскій судъ». Такъ же поступаютъ стороны и въ случаѣ обоюднаго недовольства рѣшеніемъ «посредническаго совѣта». «Центральный третейскій судъ» состоитъ изъ 3 членовъ: прокурора, какъ представителя правительства, одного представителя интересовъ работодателей и одного представителя интересовъ рабочихъ; всѣ 3 члена назначаются губернаторомъ, но послѣдніе два по преимуществу изъ списка кандидатовъ, выставляемыхъ заинтересованными сторонами—работодателями и рабочими. Третейскій судъ не обязанъ ни руководствоваться прежними своими рѣшеніями въ однородныхъ случаяхъ, ни считаться съ рѣшеніемъ посредническаго совѣта, но каждый разъ ведетъ дѣло совершенно самостоятельно, какъ бы никакихъ прецедентовъ и не было, и рѣшенія его уже безапелляціонны и обязательны для обѣихъ сторонъ подъ страхомъ строгихъ взысканій до заключенія въ тюрьму включительно. Разбирательство дѣла и пренія ведутся въ «посредническомъ совѣтѣ» при закрытыхъ дверяхъ, въ третейскомъ же судѣ происходятъ публично. Судъ вправѣ призывать себѣ на помощь двухъ постороннихъ засѣдателей, получающихъ право голоса наравнѣ съ членами.

Ни «посредническій совѣтъ», ни «третейскій судъ», однако, не вмѣшиваются въ дѣло по собственной иниціативѣ, а только, когда одна изъ столкнувшихся сторонъ прибѣгнетъ къ его посредничеству, такъ что слова «принудительное посредничество» надо понимать лишь въ томъ смыслѣ, что и другая сторона принуждена принимать это посредничество, разъ одна пожелаетъ прибѣгнуть къ нему; да, кромѣ того, до рѣшенія дѣла третейскимъ судомъ, обѣ стороны принуждены сохранять status quo: рабочіе не имѣютъ права прерывать работъ, устраивать стачекъ, а работодатели локоутовъ, или увольнять рабочихъ.

Въ теченіе шести лѣтъ со дня вступленія даннаго закона въ силу, было улажено свыше полусотни конфликтовъ, въ томъ числѣ нѣсколько грозившихъ разрастись до весьма крупныхъ размѣровъ; двѣ трети ихъ всетаки

дошли до третейскаго суда, но лишь въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ пришлось примѣнить уложеніе о наказаніяхъ за нарушеніе постановленій даннаго закона. Главными причинами возникновенія конфликтовъ являлись: чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня, недостаточная заработная плата, эксплоатація учениковъ, воспрещеніе представителямъ рабочихъ союзовъ свободнаго доступа на фабрики, заводы и пр. мѣста работы, отказъ рабочихъ, принадлежащихъ къ союзамъ, отъ совмѣстной работы съ рабочими, не принадлежащими ни къ одному рабочему союзу, и т. п.

Рабочіе союзы для пріобрѣтенія правъ юридическаго лица должны быть зачислены въ особые списки; но самое зачисленіе не представляетъ особыхъ трудностей, такъ какъ для образованія союза достаточно 7-ми членовъ. До 1900 года право основывать такіе союзы предоставлялось лишь цеховымъ рабочимъ, т.-е. изучившимъ какое-нибудь спеціальное ремесло, а также работающимъ на фабрикахъ, заводахъ и т. п. Теперь же это право распространено на весь рабочій людъ, и на служащихъ въ конкахъ, въ конторахъ, и на прислугу, и проч. и проч.

Сами работодатели, возстававшіе сначала противъ введенія новаго закона, признававшаго право рабочихъ соединяться въ правильно организованные союзы, такъ какъ опасались, что, благодаря сплоченности, рабочіе станутъ силой, съ которой придется очень и очень считаться капиталу, съ теченіемъ времени не только примирились съ этимъ закономъ, но и признали его настоящимъ благомъ для дѣловой жизни страны. Опасенія нѣкоторыхъ противниковъ третейскаго суда, что онъ будетъ тормозить развитіе промышленности въ странѣ, также не оправдались; напротивъ, число фабричныхъ рабочихъ за послѣднее пятилѣтіе увеличилось на 50%, что само собой говоритъ за развитіе промышленности.

Довольны закономъ и сами рабочіе,—положеніе ихъ, благодаря дѣйствію этого закона, улучшается безъ всякихъ рѣзкихъ потрясеній дѣловой и экономической жизни страны. Этому много содѣйствуетъ также разумное распредѣленіе правительствомъ имѣющейся налицо свободной рабочей силы. Въ вѣдѣніи «департамента труда» находится масса «конторъ труда», разбросанныхъ по всей странѣ и назначенныхъ для доставленія работы по возможности всѣмъ нуждающимся въ ней. Девизъ начальника «департамента труда» Трегира: «съ работой все, безъ работы ничего», и онъ находитъ, что гораздо цѣлесообразнѣе доставлять работу безработнымъ, нежели устраивать для нихъ даровыя столовыя и ночлежные дома. «Конторы труда» записываютъ безработныхъ и доставляютъ имъ затѣмъ работу на мѣстѣ или перевозятъ ихъ по удешевленному тарифу въ мѣстности, гдѣ есть спросъ на трудъ, снабжаютъ ихъ средствами для пропитанія въ пути и, если работа оказывается продолжительной, пересылаютъ вслѣдъ имъ семейства ихъ. Издержки возвращаются впослѣдствіи конторѣ или самими рабочими, или работодателями, по заказу которыхъ высланы были рабочія руки. «Конторы труда» также берутъ на себя удешевленную и упрощенную пересылку денегъ отъ рабочихъ ихъ семьямъ.

Въ случаяхъ особенно острой и крупной безработицы, правительство организуетъ общественныя работы, вродѣ проложенія путей, очистки лѣсныхъ участковъ и т. п. Такого рода работы всегда стоятъ на очереди въ странѣ съ столь молодой еще культурой. Разумѣется, нельзя сказать, чтобы всѣ эти мѣры окончательно уничтожили въ Новой Зеландіи безработицу и пролетаріатъ, но во всякомъ случаѣ достиженію этого положено доброе начало.

Находящаяся въ связи съ этимъ оригинальная попытка новаго упорядоченія труда на артельныхъ началахъ была предпринята по иниціативѣ Ричарда Седдона, когда онъ только что сталъ министромъ общественныхъ работъ. Онъ самъ вышелъ изъ простой рабочей среды и, хорошо зная эту среду, вполнѣ полагался на дѣловитость и добропорядочность своихъ прежнихъ сотоварищей. Увѣрился онъ въ этихъ ихъ качествахъ еще въ бытность свою вожакомъ и совѣтникомъ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ западнаго берега, когда рабочіе терпѣли всякія притѣсненія отъ предпринимателей, и не переставалъ вѣрить и тогда, когда изъ Digger Dikk'a превратился въ Honorable Richard Seddon.

Вскорѣ послѣ смѣны консервативнаго правительства либеральнымъ въ 1891 г., подрядчики-строители одного желѣзно-дорожнаго пути вдругъ прекратили дѣло въ самомъ разгарѣ подготовительныхъ земляныхъ работъ, бросивъ на произволъ судьбы и рабочихъ и поставщиковъ. Сдѣлано это было, вѣроятно, съ цѣлью добиться отъ новаго правительства болѣе льготныхъ условій. Седдонъ самъ отправился на мѣсто, чтобы разслѣдовать положеніе дѣла, переговорилъ съ рабочими и предложилъ имъ продолжать земляныя работы на артельныхъ началахъ. Рабочіе раздѣлились на артели по 50 человѣкъ въ каждой, каждая избрала старостъ, и послѣднія заключили съ правительствомъ отъ имени артелей условія относительно выполненія работъ по такой-то цѣнѣ и въ такой-то срокъ подъ наблюденіемъ раньше руководившаго дѣломъ инженера. Въ теченіе нѣсколькихъ дней работы были возобновлены по всей линіи, и дѣло пошло отлично. Личный заработокъ рабочихъ значительно увеличился, и это послужило прекраснымъ ободряющимъ стимуломъ,—работы пошли и быстрѣе и лучше, правительству же обходились не дороже прежняго.

«Въ скоромъ времени правительство окончательно приметъ артельную систему труда и будетъ примѣнять ее ко всѣмъ общественнымъ работамъ»,—сказалъ Седдонъ въ парламентѣ въ томъ же 1891 г., и такъ оно и было.

Отъ простыхъ земляныхъ работъ, не требовавшихъ отъ рабочихъ спеціальныхъ познаній, онъ перешелъ, примѣняя ту же артельную систему труда, къ несложнымъ каменнымъ и бетоннымъ сооруженіямъ и затѣмъ къ укладкѣ шпалъ и рельсовъ, а въ слѣдующемъ году на тѣхъ же началахъ было выстроено и первое станціонное зданіе на новой линіи. Въ 1895 г. тѣмъ же порядкомъ выстроилось монументальное зданіе государственной типографіи въ столицѣ Велингтонѣ, и на торжественномъ освя-

щеніи типографіи Седдонъ съ гордостью заявилъ, что «каждый камень этого зданія положенъ кооперативно».

Организуя различныя общественныя работы на артельныхъ началахъ для безработныхъ, правительство соблюдаетъ весьма разумную мѣру—прекращаетъ нѣкоторыя работы (пріостановка которыхъ не влечетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій для самаго хода работъ) на лѣто и осень, когда рабочія руки легко могутъ найти примѣненіе у частныхъ предпринимателей, и возобновляетъ ихъ опять по минованіи такой горячей рабочей поры, когда число безработныхъ вновь прибываетъ. Кромѣ того, рабочимъ предлагается брать во временную аренду спеціально отведенные для этой цѣли по близости работъ участки земли для обработки, причемъ на собственную работу имъ удѣляется два дня въ недѣлю изъ 6-ти.

Въ послѣдніе годы практика показала бо̀льшую цѣлесообразность организованія мелкихъ артелей, человѣкъ въ 6—10 одинаковой трудоспособности, и самыя работы распредѣляются согласно такому дробленію рабочихъ силъ. Въ большихъ артеляхъ болѣе умѣлые и бойкіе рабочіе часто возставали противъ распредѣленія заработной платы между всѣми сочленами поровну, находя это несправедливымъ.

Въ 1896 г. былъ построенъ на артельныхъ началахъ большой желѣзный желѣзно-дорожный мостъ на каменныхъ быкахъ. Сначала сооруженіе это предполагалось сдать подрядчикамъ съ торговъ, но оказалось, что заявленныя подрядчиками цѣны на нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ превышали смѣту правительственнаго инженера, и рѣшено было повести постройку хозяйственнымъ способомъ, примѣняя опять-таки артельный трудъ. И эта смѣлая попытка удалась. Вообще съ 1891 г. по 1896 годъ проложено на артельныхъ началахъ около 50 миль желѣзно-дорожныхъ путей и около 300 миль колесныхъ дорогъ, и выстроена масса мелкихъ и много крупныхъ общественныхъ зданій. Отвѣчая въ 1899 г. въ парламентѣ на нападки оппозиціонной партіи, утверждавшей, что хозяйственная система выполненія общественныхъ работъ на артельныхъ началахъ обходится гораздо дороже обыкновенной подрядной, что расходы образуютъ «колоссальный фондъ подкуповъ во имя политическихъ цѣлей»,—Седдонъ, ставшій первымъ министромъ, и его преемникъ на посту министра общественныхъ работъ, Галь-Джонъ, заявили, что «пока они останутся у власти, они будутъ продолжать примѣнять эту систему, какъ наиболѣе выгодную для государства, и для казны, и для рабочихъ».

Седдонъ лелѣетъ и еще болѣе широкіе планы. Въ борьбѣ съ беззастѣнчивымъ хозяйничаньемъ капитала въ промышленной и экономической областяхъ, онъ между прочимъ грозитъ «Соединенной компаніи австралійскаго пароходства», если она не понизитъ таксы, организовать правительственное пароходство, а въ прошломъ году уничтожилъ монополизацію разработки угля, предоставивъ артелямъ углекоповъ разработку одной изъ государственныхъ угольныхъ копей подъ контролемъ правительства. Эта

повая попытка по всей вѣроятности положитъ начало государственной эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны.

Въ Новой Зеландіи такимъ образомъ реформа государственнаго строя происходитъ не подъ давленіемъ воинствующаго пролетаріата или соціалистически настроенной рабочей массы, а путемъ демократизаціи среднихъ слоевъ, состоящихъ изъ образованныхъ, энергичныхъ и дѣльныхъ людей, эмигрировавшихъ изъ Стараго Свѣта потому, что имъ жилось дурно въ старыхъ рутинныхъ условіяхъ. Этотъ-то классъ людей и старается выработать новыя условія жизни, при которыхъ блага жизни были бы распредѣлены болѣе равномѣрно между людьми, облагая прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ капиталистовъ и предоставляя землю и работу неимущимъ, чтобы и они могли стать имущими и быть обложенными налогами въ пользу государства. Ново-зеландцы оказываются демократами-практиками, которые проводятъ реформы, основываясь не на соціалистическихъ доктринахъ. И для такихъ демократовъ-практиковъ нисколько не страшно дать столь обширную власть въ руки правительству,—они поистинѣ вѣдь могутъ сказать словами Людовика XIV: «Государство (или правительство) это—я». Поэтому-то и нѣтъ ничего естественнѣе того, что заботы новозеландскаго правительства обнимаютъ такія области, въ которыя никогда не вмѣшивается государство автократическое.

Въ Новой Зеландіи государство—лучшій другъ и опекунъ каждаго гражданина. Оно оберегаетъ и поддерживаетъ его отъ рожденія до смерти. Предоставляетъ ему свободное отъ всякихъ посягательствъ на религіозную свободу обученіе въ школахъ, удовлетворяющее потребностямъ $^{9}/_{10}\%$ населенія, даетъ ему въ вѣчную аренду землю на самыхъ льготныхъ условіяхъ, дешевый кредитъ на обзаведеніе и устройство хозяйства, доставляетъ ему работу во время безработицы, обезпечиваетъ его старость, когда онъ становится неспособнымъ болѣе къ труду, устраиваетъ для него дешевыя страховыя кассы (страхованіе жизни и отъ несчастныхъ случаевъ), понижаетъ тарифы желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, вводитъ образцовыя фермы, поощрительныя преміи сельскимъ хозяевамъ, покупаетъ патенты у изобрѣтателей и предоставляетъ изобрѣтенія во всеобщее пользованіе и пр. и пр. На очереди стоитъ еще не мало новыхъ благодѣтельныхъ мѣропріятій, въ томъ числѣ и организація даровой или дешевой юридической помощи, существующей уже въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, наприм., въ Даніи *).

Ярче всего царящій въ Новой Зеландіи духъ государственной заботливости выразился, пожалуй, въ учрежденіи оригинальнаго «общественнаго попечительства» («The public trustee»). Открылось оно еще въ 1872 г., но сначала дѣятельность его сводилась къ заботамъ о имуществахъ «безъ хозяина» и отыскиванію законныхъ наслѣдниковъ; лишь съ 1891 года кругъ его дѣятельности значительно расширился, и «попечительство»

*) См. „Студенческій союзъ въ Даніи“, *Вѣстникъ Европы*, 1891 г., апр.

стало помощникомъ и союзникомъ всѣхъ и каждаго, кто прибѣгаетъ къ нему. Каждый гражданинъ можетъ назначить «попечительство» своимъ душеприказчикомъ, управляющимъ своего имѣнія или дома въ случаѣ болѣзни или отсутствія. «Попечительство» является естественнымъ опекуномъ вдовъ и сиротъ, душевно-больныхъ, а также маори, землями которыхъ оно управляетъ. Въ 1899 г. въ завѣдываніи попечительства находилось имущества на 2 мил. фунт. стерл. Власть, предоставляемая «попечительству» въ качествѣ душеприказчика, очень обширна; оно можетъ даже отступать отъ постановленій завѣщателя въ тѣхъ случаяхъ, когда убѣждено, что и самъ завѣщатель поступилъ бы такъ же. Точно также «попечительству» предоставлена власть вмѣшиваться въ распоряженія частныхъ душеприказчиковъ—по приглашенію заинтересованныхъ лицъ, находящихъ дѣйствія такого душеприказчика неправильными. «Попечительству» же ввѣренъ контроль надъ дѣятельностью всѣхъ благотворительныхъ обществъ въ странѣ.

Отдѣленія «попечительства» находятся во всѣхъ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ, и завѣдующій «попечительствомъ» является однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и почтенныхъ чиновниковъ государства, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ народа: онъ всегда на мѣстѣ, всегда готовъ прійти на помощь словомъ и дѣломъ и столь же надеженъ, сколько само государство, представителемъ котораго онъ служитъ.

Учрежденіе это не обязано своимъ происхожденіемъ какой-либо теоріи, но выросло изъ естественныхъ потребностей практической жизни, какъ и почти всѣ государственныя и общественныя учрежденія Новой Зеландіи, возникшія за послѣднее десятилѣтіе. Главная задача руководящихъ круговъ ея—избавить молодую страну отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя въ Старомъ, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ (Америкѣ, Австраліи) порождаютъ рѣзкіе соціальные контрасты и ростятъ великое соціальное зло. И если судить по тѣмъ успѣхамъ, какихъ уже успѣли достигнуть передовые люди Новой Зеландіи за какія-нибудь 10 лѣтъ, то имѣется полное основаніе надѣяться, что знаменитыя слова Джона Балэнса: «Въ Новой Зеландіи не должно быть ни милліонеровъ, ни нищихъ»—останутся истиннымъ девизомъ страны навсегда.

П. Ганзенъ.

Со стороны.

Возвращаюсь къ метафизическому идеализму, о которомъ говорилъ въ прошлый разъ. Новообращенный дилеттантъ этого направленія, г. Булгаковъ, напечаталъ еще одну «идеалистическую» статью, въ недавно вышедшемъ и въ общемъ интересно составленномъ сборникѣ *Литературное Дѣло*. На сей разъ онъ выступаетъ съ «параллелью»: *Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Толстой*. Ими характеризуется нашъ національный духъ. Литературный обозрѣватель *Русскихъ Вѣдомостей* указалъ на полную научную неосновательность такого пріема. Въ самомъ дѣлѣ, отчего *параллели* г. Булгакова не противопоставить другую: Рѣпинъ, Пушкинъ, Герценъ, Тургеневъ? Почему духъ французскаго народа надо характеризовать Боссюэтомъ, а не Вольтеромъ? Изъ статьи г. Котляревскаго, напечатанной въ майской книжкѣ *Русской Мысли*, читатели знаютъ, съ какою вдумчивою осторожностью относятся къ психологіи народа серьезные ученые, какъ Бутми. Интереснымъ опытомъ въ этомъ отношеніи являются и книги Фуллье *Психологія французскаго народа* и *Франція съ нравственной точки зрѣнія*.

У г. Булгакова ускоренный способъ метафизическаго разсужденія. Онъ, какъ *сынъ своего народа*, считаетъ себя обязаннымъ отыскать и установить черты русской народности. «Васнецовъ, Вл. Соловьевъ, Достоевскій, Толстой,—вотъ зеркало, въ которое приглашаемъ мы смотрѣться русское общество и въ нихъ узнать и признать себя», возвѣщаетъ г. Булгаковъ. Благодаримъ за приглашеніе, но мы желаемъ кромѣ того посмотрѣть въ Пушкина, Гоголя, Островскаго, Салтыкова и во многихъ другихъ.

Всякаго интересующагося нравственно-философскими вопросами поразитъ, конечно, странное подведеніе подъ одну скобку Толстого и Соловьева. Г. Булгаковъ собирается *благочестиво исполнить*, въ мѣру своихъ силъ, христіанскій идеалъ свободной теократіи, развивавшійся Соловьевымъ. Но причемъ же тутъ Толстой? Отсутствіе существеннаго сходства между этими мыслителями установить было тѣмъ легче, что самъ Соловьевъ рѣшительно высказывался противъ нѣкоторыхъ изъ основныхъ идей графа Толстого, котораго онъ и не признавалъ философомъ. Нѣтъ надобности

на этомъ останавливаться. Разумѣется, Толстой удивится, когда ему скажутъ о мнимой однородности его, напримѣръ, ученія о непротивленіи злу насиліемъ и безусловнаго осужденія войны съ ея принципіальнымъ оправданіемъ у Соловьева. И при этомъ г. Булгаковъ заявляетъ забавное притязаніе участвовать въ созданіи *самостоятельной научной мысли въ Россіи!*

Что касается художественнаго вкуса г. Булгакова, то онъ достаточно характеризуется признаніемъ *Братьевъ Карамазовыхъ* однимъ изъ величайшихъ, *если не прямо величайшимъ художественнымъ созданіемъ всего XIX вѣка.* Тутъ остается только привести знаменитое изреченіе одной русской классически настроенной особы: *De gustibus aut bene, aut nihil,* а г. Булгакова *прямо* признать величайшимъ художественнымъ критикомъ двадцатаго столѣтія, что бы ни произошло въ остальныя 98 лѣтъ этого вѣка.

На этотъ разъ г. Булгаковъ еще по одному пункту договорился до г. Мережковскаго: «Всякія попытки,—пишетъ онъ,—выразить *словами* тѣ чувства, которыя потрясаютъ васъ при созерцаніи картинъ Васнецова, безсильны, какъ вообще безсильно бываетъ слово для выраженія самыхъ высокихъ и сильныхъ чувствъ». Это почти *нуменальная бездна* г. Мережковскаго, настоящая философія безъ словъ. Любопытно было бы знать, неужели въ величайшемъ художественномъ произведеніи прошлаго столѣтія, въ *Братьяхъ Карамазовыхъ,* не изображены *самыя высокія и сильныя чувства* и не словами ли это сдѣлано, если отвѣтъ получится утвердительный?

Г. Булгаковъ обязательно сообщаетъ намъ, что имъ сочинена новая статья *Основныя проблемы теоріи прогресса,* въ скоромъ времени *имѣющая появиться* въ печати. Поищу,—авторъ не говоритъ, гдѣ именно она *имѣетъ появиться,*—и по обязанности прочту.

Гораздо серьезнѣе другая статья того же метафизическаго пошиба, напечатанная въ майской книжкѣ *Міра Божія:* «Идеализмъ и марксизмъ» г. Маркелова. Авторъ, какъ и многіе его единомышленники, старается подвести подъ марксизмъ метафизически-идеалистическое основаніе и соорудить на немъ таковую же крышу, но дѣлаетъ это гораздо осмотрительнѣе и съ большимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ г. Булгаковъ. Невѣдомо, впрочемъ, почему авторъ противополагаетъ метафизическому идеализму матеріализмъ,—тоже метафизическую систему,—отождествляя его съ дѣйствительно антиметафизическою положительною философіею, въ широкомъ смыслѣ слова. Мы находимъ также въ статьѣ смѣшеніе жизненнаго, практическаго идеализма съ метафизическимъ спиритуализмомъ или идеализмомъ. Все, что было хорошаго, высокаго, вѣчнаго въ жизни,—говоритъ г. Маркеловъ,—все это продукты идеализма. Но развѣ не идеалистична научная дѣятельность Лапласа или Ламарка, Мейера или Гельмгольца? Развѣ она не дала человѣчеству хорошаго, высокаго, вѣчнаго? А вѣдь эти великіе люди совсѣмъ не метафизики. Стремленіе къ отысканію и созданію незыблемыхъ идеаловъ отнюдь нельзя замкнуть въ область метафизическихъ построеній. Развѣ къ нимъ не стремились лучшіе люди шестидесятыхъ годовъ?

Г. Маркеловъ говоритъ, что главная ошибка русскихъ субъективистовъ заключалась въ томъ, что ихъ идеалъ не обладалъ элементами объективности, общеобязательности, что онъ былъ слишкомъ субъективенъ. «Теперь,—пишетъ авторъ,—послѣ того, какъ это направленіе уже умерло, хотя нѣкоторые представители его еще живы, послѣ того, какъ вся слабость и неосновательность философскихъ предпосылокъ этой концепціи разобрана въ интересной книгѣ Н. Бердяева, говорить (?) и критиковать *русскій субъективизмъ* излишне». Нисколько не заступаясь за этотъ субъективизмъ, замѣчу однако, что сужденіе г. Маркелова немного поспѣшно *). Самъ авторъ говоритъ, что удовлетворяющимъ идеаломъ является тотъ, который совмѣщаетъ въ себѣ объективно-необходимое основаніе съ лучшими субъективными стремленіями человѣка. Но эти основанія даетъ наука, а для субъективныхъ стремленій (какія изъ нихъ лучшія?) метафизика не нужна.

Воля, утверждаетъ г. Маркеловъ, не можетъ жить знаніемъ,—оно принадлежность разсудка. Я думаю, наоборотъ, что *познай самого себя*—необходимое требованіе нравственности, что воля просвѣтляется, укрѣпляется и нерѣдко руководится знаніемъ.

Г. Маркеловъ говоритъ, что «пониманіе соціальной жизни по принципамъ міровой механики невольно приводитъ человѣческое сознаніе къ пессимизму». Это — произвольное утвержденіе. Лестеръ Іордъ, напримѣръ, основательно доказываетъ, что именно признаніе соціальной механики дѣлаетъ *меліористомъ*, даетъ возможность, пользуясь дознанными законами общественныхъ явленій, улучшать общественную среду и людей.

Но и г. Маркеловъ не прочь говорить противорѣчивыя вещи. На одной и той же страницѣ онъ пишетъ, во-первыхъ: «Разсудокъ есть вассалъ, а воля всегда сюзеренъ. Цѣль ставится не разсудкомъ, а волей»; во-вторыхъ, мышленіе и воля «настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что нѣтъ никакой возможности раздѣлить ихъ».

Бѣдный сюзеренъ, онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ вассала! И не ясно ли, что разумъ прежде всего долженъ поставить цѣли, чтобы *разсуждающая воля* могла одну изъ нихъ себѣ поставить? У самого г. Маркелова воля раздваивается: «Воля, направленная на эмпирическіе объекты и условія, опредѣляется ими въ этомъ смыслѣ, и можно говорить объ ея детерминизмѣ,—другая разновидность чистая, *разумная* воля опредѣляется сама собою». Такъ какъ послѣднее утвержденіе къ жизни въ человѣческомъ обществѣ не относится, то о *чистой* волѣ можно и не спорить.

Г. Маркеловъ стоитъ за то, чтобы явленія общественной жизни не только изучались научно, но и оцѣнивались съ точки зрѣнія справедливости. Вполнѣ соглашаюсь съ этимъ, но, съ моей точки зрѣнія, «вовсе не надо быть метафизикомъ, чтобы воскликнуть вмѣстѣ съ Кантомъ:

---

*) Между нравственнымъ міропорядкомъ г. Бердяева и отождествленіемъ у Михайловскаго правды-истины съ правдою-справедливостью я вижу большое сходство.

Когда погибнетъ справедливость, то не зачнутъ людямъ и жить на землѣ» (изъ моей статьи, напечатанной десять лѣтъ тому назадъ). Хорошія страницы о творческой роли науки и объ ея рѣшающемъ значеніи въ смыслѣ контроля нравственныхъ цѣлей есть у Бертло (въ *Science et philosophie*, статья *Science idéale et science positive*). Опираться на абсолютное,—говоритъ Бертло,—значитъ ни на что не опираться (*Наука и нравственность*, стр. 40).

Не мѣшало бы нашимъ самобытнымъ «идеалистамъ» познакомиться съ книгою Фуилье, вышедшею шесть лѣтъ тому назадъ, *Идеалистическое движеніе и реакція противъ положительной науки* *): они нашли бы тамъ многія изъ «своихъ» идей, только, разумѣется, неизмѣримо лучше обоснованныя.

Переживъ,—говоритъ Фуилье,—по выраженію Конта, время, когда разумъ былъ въ возстаніи противъ сердца, мы вступаемъ въ другое, когда сердце возстаетъ противъ разума (*intelligence*; покойный Страховъ переводилъ это слово двумя: умъ и познаніе). Онъ отмѣчаетъ, что у многихъ современныхъ философовъ *идеализмъ* значитъ собственно *психизмъ*. Фуилье, мысль котораго часто двоится, не раздѣляетъ морали отъ метафизики. Объективный синтезъ, къ которому стремится позитивизмъ, долженъ, по его мнѣнію, соединиться съ субъективнымъ синтезомъ,—задачею идеализма. Фуилье возстаетъ и противъ механическаго пониманія общественныхъ явленій, и противъ той первенствующей роли, которую Бертло отводитъ наукѣ. Но онъ же утверждаетъ, что тѣ чувства, которыя соотвѣтственны съ научными идеями, всего скорѣе могутъ слиться въ коллективное чувство, что область мира для умовъ увеличивается съ завоеваніями науки, что наука является однимъ изъ элементовъ общественной совѣсти. Наука, дѣлая шагъ въ области объективнаго синтеза, дѣлаетъ тѣмъ самымъ шагъ и въ области субъективнаго, *человѣческаго* синтеза, она содѣйствуетъ образованію общей души (*l'âme commune*). Фуилье вполнѣ согласенъ съ Огюстомъ Контомъ, что умъ (l'esprit) долженъ быть слугою сердца, но никакъ ни его рабомъ.

Мнѣ не разъ, вѣроятно, придется возвращаться къ этимъ вопросамъ, потому что метафизическій идеализмъ, успокоительно дѣйствующій на людей, идеалы которыхъ нерѣдко далеко впереди дѣйствительности, будетъ, кажется, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ играть довольно замѣтную роль среди нашихъ общественно-философскихъ теченій.

Недавно въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилась интересная статья *Родной языкъ въ начальной школѣ* **). Авторъ начинаетъ съ ссылки на Ушинскаго: «Отечественный языкъ, по выраженію Ушинскаго,

---

*) *Alfred Fouillée*: *Le mouvement idéaliste et la réaction contre la science positive*, 1896.

**) *Правительственный Вѣстникъ*, 14 (27) мая. Статья не подписана.

есть «жизнь, дыханіе и радость школы». Въ такомъ значеніи онъ по необходимости долженъ занимать первое мѣсто въ курсѣ обученія, особенно начальнаго; на него должно быть обращено главное вниманіе и учрежденій, вѣдающихъ народное образованіе, и педагоговъ, изыскивающихъ пути и пріемы къ наилучшей постановкѣ этого важнѣйшаго между другими предметами».

Ушинскій,—читаемъ мы далѣе,—составилъ свою программу преподаванія русскаго языка въ начальной школѣ «на основѣ педагогическихъ началъ, выработанныхъ въ Западной Европѣ». Ушинскій поставилъ цѣлью преподаванія сознательную грамотность, т.-е. умѣнье толково читать доступныя по возрасту статьи «и самостоятельно составить, съ соблюденіемъ новѣйшихъ правилъ правописанія, хотя бы небольшое письмо» (?). Главнѣйшую заслугу Ушинскаго авторъ видитъ въ томъ, что «онъ осмыслилъ начальное обученіе родному языку, механическое преподаваніе замѣнилъ сознательнымъ. Его методика проста, будитъ мысль учащихся, ибо они въ продолженіе всего курса, въ послѣдовательномъ порядкѣ, исполняютъ посильныя самостоятельныя работы, устныя и письменныя. Диктовка, списываніе и др. пассивныя упражненія, если и допускались, то съ крайней осмотрительностью и притомъ, какъ побочныя, вспомогательныя».

Но *Родное Слово* четверть вѣка было изгнано изъ школы. Руководствами, его замѣнившими, авторъ очень недоволенъ. Съ нѣкоторыми изъ его замѣчаній нельзя не согласиться, хотя они давно уже дѣлались въ нашей педагогической литературѣ. Недостатки и злоупотребленія *объяснительнымъ чтеніемъ* общеизвѣстны.

Авторъ приводитъ, напримѣръ, курьезныя *объясненія* изъ *Добрыхъ сѣмянъ* г. Баранова. Въ объясненіяхъ этого сѣятеля «каждое слово, такъ сказать, переведено на упрощенный, будто бы, языкъ: «береза—дерево, дровни—крестьянскія сани безъ короба (?), извозчикъ—занимающійся извозомъ, гусь—крупная птица, кровля—крыша, ласточка—птица, овчина—баранья шкура, рукавица—перчатка съ особымъ мѣстомъ для большого пальца» («Добрыя сѣм.», ч. II, стр. 225—237). «Собака свернулась у ногъ, собака легла такъ, что голова пришлась къ заднимъ ногамъ (ч. I, стр. 20), утки крякали—издавали звуки: кря, кря (стр. 54); сытъ по горло—такъ сытъ, что пищѣ больше некуда дѣваться, свинья наѣлась до отвала—такъ наѣлась, что не могла больше ѣсть, лисицу сыръ плѣнилъ—привлекъ лисицу, какъ бы взялъ въ плѣнъ (ч. II, стр. 184); ракъ пятится—двигается назадъ, впряглись—впрягли себя, плетется (лошадка) рысью какъ-нибудь—бѣжитъ неровно, какъ ей вздумается: рысь—такой бѣгъ лошади, при которомъ она поднимаетъ ноги попарно наискось, т.-е. вмѣстѣ съ лѣвой передней, поднимаетъ правую заднюю, а вмѣстѣ съ правой передней — лѣвую заднюю ногу» (Барановъ: «Добрыя сѣмена», стр. 187, ч. II)».

Нелѣпость такихъ *объясненій* очевидна, и можно лишь пожалѣть, что

такія *руководства*, какъ г. Баранова (если не ошибаюсь, бывшаго директора народныхъ училищъ, теперь члена совѣта министра народнаго просвѣщенія), обязательно заполонили нашу школу и даже премировались, какъ сообщаетъ авторъ статьи въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Но есть и *но*. Восхваляя Ушинскаго, неизвѣстный его почитатель суживаетъ почти до неузнаваемости поставленную знаменитымъ педагогомъ цѣль обученія въ народной школѣ. По Ушинскому, родной языкъ—*жизнь, дыханіе и радость школы*; какимъ же образомъ эта жизнь и эта радость можетъ сводиться къ составленію *хотя бы небольшого письма?* Педагоги, которые стремятся *къ всестороннему развитію учащихся*, именно и осуществляютъ завѣты Ушинскаго. Весьма вѣроятно, что тутъ встрѣчаются частныя ошибки, но духъ системы Ушинскаго состоитъ въ требованіи *всесторонняго развитія* ученика путемъ разумнаго преподаванія родного языка. Неизвѣстный авторъ говоритъ въ заключеніе: «Ученикамъ нужна осмысленная грамотность, привычка къ самостоятельной работѣ мысли, въ предѣлахъ дѣтскихъ способностей, пониманіе окружающей дѣйствительности, дѣловитость, *а не всестороннее развитіе*. Что касается обученія русскому языку, цѣль обученія будетъ достигнута, если изъ школы будутъ выходить дѣти, умѣющія толково прочитать, пересказать прочитанное, грамотно составить письмо, а не говоруны и резонеры, не умники, вродѣ пресловутаго «метафизика», карлики съ раздутой головой великана. Такая уродливость возможна при существующихъ методахъ преподаванія въ начальной школѣ».

Удивительная нелюбовь къ всестороннему развитію и странное пристрастіе къ *дѣловитости* въ дѣтяхъ! Вѣдь съ этой точки зрѣнія изъ начальной школы придется изгнать и Пушкина, и Гоголя, и Жуковскаго: какой дѣловитости могутъ они научить? Не безъ основанія упрекали въ чрезмѣрномъ утилитаризмѣ извѣстныя, въ общемъ очень хорошія книжки барона Корфа, а съ этою пресловутою дѣловитостью отъ школы совсѣмъ отлетитъ ея *жизнь, дыханіе, радость* *).

Ветались.

---

*) Въ статьѣ сказано, что съ Петра Великаго до Ушинскаго въ народной школѣ не было сколько-нибудь важныхъ измѣненій. Это большая неточность.

Къ вопросу объ участковыхъ санитарныхъ попечительствахъ.

„Уже въ исходѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій многіе публицисты указывали, что спеціалисты-медики вовсе неспособны къ охраненію народнаго здравія отъ разныхъ случайныхъ и частныхъ явленій, дѣйствующихъ губительно на народъ, и что, съ другой стороны, никакія законоположенія не могутъ предусмотрѣть всѣхъ этихъ мелочныхъ, обыденныхъ случаевъ и предотвратить ихъ губительныя дѣйствія, если сами мѣстные жители не содѣйствуютъ распоряженіямъ правительства своею общественною самодѣятельностью".
(„О самоуправленіи". *Кн. А. Васильчикова*).

При настоящихъ бытовыхъ и экономическихъ условіяхъ нашего сельскаго населенія земство не можетъ прочно, надлежащимъ образомъ помочь многимъ больнымъ и подѣйствовать замѣтно на улучшеніе болѣзненности и смертности населенія, при вполнѣ даже заполненной сѣти лѣчебницъ, образцовомъ ихъ устройствѣ и обиліи санитарнаго и врачебнаго персонала. Всякому земскому врачу въ его практической дѣятельности извѣстно, что въ громадной массѣ проходящихъ чрезъ его руки амбулаторныхъ, госпитальныхъ, эпидемическихъ больныхъ большому числу изъ нихъ приходится временно «замазать» или успокоить боль; другихъ при временномъ излѣченіи часто видѣть съ рецидивами и осложненіями, совершенно необязательными при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ больного: таково, напр., большинство больныхъ съ острыми сочленовными ревматизмами, нефритами, съ болѣзнью сердца и хроническими желудочно-кишечными страданіями. Изоляція эпидемическихъ заболѣваній, особенно дѣтскихъ, въ лѣчебницахъ распространяется на довольно рѣдкіе случаи и если бываетъ, то непродолжительно и поэтому часто сводится къ нулю. Изоляція сифилитика въ лѣчебницѣ, единственнаго работника въ семьѣ, ложится тяжелымъ бременемъ на всю его семью.

Безсиленъ врачъ въ борьбѣ съ дѣтскими лѣтними поносами, имѣющій въ распоряженіи только медикаменты и наставленія діэтическаго питанія и здравыхъ понятій. Устройство же ясель въ деревняхъ, какъ одна

изъ мѣръ противъ мора дѣтей потребовало бы колоссальныхъ, совсѣмъ непосильныхъ земству расходовъ. Борьба съ заразными болѣзнями въ селеніяхъ сводится на регистрацію больныхъ и умершихъ, если у врача нѣтъ средствъ устранить причины и распространеніе болѣзни: загрязненія питьевыхъ водъ, ненормальное питаніе и проч. бытовыя условія.

При отсутствіи у земства мѣстныхъ организацій—живыхъ самостоятельныхъ мелкихъ инстанцій—останется мертвой буквой выполненіе обязательныхъ санитарныхъ постановленій и нельзя ждать желаемыхъ результатовъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ: продовольственной, агрономической страховой, школьной и т. д. Сколь много бы ни было у земства своихъ агентовъ и денежныхъ средствъ, безъ яснаго сознанія дѣла у самого населенія, безъ личнаго участія и интереса, не можетъ быть вполнѣ выяснена нужда и организована прочно борьба съ нею, а благотворительность у инертнаго населенія надъ безличными объектами еще болѣе способна парализовать самодѣятельность населенія и развить косность, тунеядство и попрошайничество.

Земство, кромѣ непосредственныхъ спеціальныхъ своихъ агентовъ: врачей, ветеринаровъ, агрономовъ и т. д., имѣетъ слѣдующіе пути и возможные способы для приближенія населенія къ себѣ и для проведенія въ жизнь своихъ мѣропріятій: 1) волость съ крестьянской общиной; 2) право избранія особыхъ по ст. 105 нов. пол. изъ гласныхъ или владѣльцевъ, имѣющихъ право непосредственнаго голоса въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и управленія въ помощь земскимъ управамъ; 3) право губернскихъ земскихъ собраній составлять обязательныя постановленія для мѣстныхъ жителей какъ цѣлой губерніи, такъ и отдѣльныхъ ея мѣстностей не состоящихъ въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія; 4) земскихъ начальниковъ и полиціи; 5) выработанныя и основанныя земствомъ или по частной иниціативѣ и на частныя средства разнаго рода санитарныя, благотворительныя и экономическія попечительства, общества трезвости, школьныя и т. д.

Волость, собственно, учрежденіе сословное, содержащееся на спеціальныя средства; но по неизбѣжнымъ требованіямъ жизни она обратилась вопреки закону въ общую исполнительную инстанцію для всѣхъ вѣдомствъ за неимѣніемъ никакого другого мѣстнаго органа у земства.

Земство и ея агенты, не имѣя съ волостью органической связи, какъ съ послѣдней инстанціей уѣзднаго земства, на практикѣ считаютъ ее таковою и обращаются къ ней по собиранію свѣдѣній, надзору, выполненію порученій уѣздной или губернской земскихъ управъ непосредственно или при посредствѣ полиціи и земскихъ начальниковъ. Формальное содѣйствіе ихъ земству въ принятіи мѣръ часто обратно пропорціонально успѣху дѣла по существу. При желаніи же, при своей огромной власти, они могутъ поставить значительное препятствіе дѣлу земскихъ мѣропріятій въ селеніяхъ.

Про особыхъ лицъ, выбранныхъ по ст. 105, весьма рѣдко гдѣ примѣняемой, можно сказать, что они врядъ ли больше, чѣмъ другіе земскіе агенты имѣютъ возможность и средства привлечь населеніе къ самодѣятельности: сами они непосредственно не заинтересованы, чужды всѣхъ мелочныхъ нуждъ мѣстнаго населенія, и роль ихъ въ качествѣ руководителей какъ бы благотворительная, случайная и безправная.

Отсутствіе прочной мелкой организаціи въ уѣздахъ часто оставляетъ только благими пожеланіями или обращаетъ въ простую формальность обязательныя санитарныя постановленія, право издавать которыя дано губернскому земству въ 1890 г. Нов. пол., ст. 108.

По отношенію къ выполненію обязательныхъ постановленій на фабрикахъ и заводахъ земскій санитарный надзоръ встрѣчается съ дуализмомъ и формальностями фабричной инспекціи, уѣздныхъ врачей и съ интересами полиціи.

До изданія закона 1890 г. земство по отношенію къ праву издавать обязательныя санитарныя постановленія оставалось въ совершенно ложномъ неопредѣленномъ положеніи, и участковыя санитарныя попечительства и совѣты отъ всѣхъ недомолвокъ, обходовъ, смѣшеній дѣйствующихъ инстанцій въ законоположеніяхъ по санитарной части были построены на пескѣ и оставались въ тѣснотѣ и обидѣ.

Всѣ ходатайства земствъ объ изданіи санитарныхъ постановленій до 1879 г. оставались безъ удовлетворенія; только губернскому земству предоставлены были права издавать обязательныя санитарныя постановленія для сельскаго населенія по пожарной и строительной части. Въ 1879 г. въ виду появившейся чумы на югѣ Россіи временными правилами, утвержденными 9 марта, предоставлено было издавать обязательныя постановленія по прекращенію и предупрежденію повальныхъ болѣзней уѣзднымъ земскимъ собраніямъ по соглашенію съ исправникомъ, а губернское земство не имѣло права санитарн. регламентаціи, хотя, какъ это было разъяснено въ 1885 г. мин. внутр. дѣлъ, губернское земство можетъ предписывать уѣзднымъ земствамъ издавать санитарныя постановленія для населенія (ст. 66). Какую роль земскіе участковые и санитарные врачи должны исполнить въ санитарномъ надзорѣ совсѣмъ не упомянуто въ законѣ 1879 г.; неизвѣстно, имѣютъ ли они права хотя бы санитарныхъ попечителей и уѣзднаго врача.

Позднѣйшія временныя правила, изданныя въ законодательномъ порядкѣ въ виду угрожавшихъ Россіи эпидемій холеры и чумы, рѣзко отличаются отъ основного нашего санитарнаго законодательства тѣмъ, что органамъ самоуправленія уже отводится болѣе активная роль·

Волею судебъ обветшалыя формы нашего санитарнаго законодательства, признанныя таковыми самимъ правительствомъ, продолжаютъ съ постояннымъ ремонтомъ и заплатами существовать, и о коренномъ пересмотрѣ его 30 лѣтъ подъ рядъ вопіютъ губернскіе съѣзды врачей, Пироговскіе съѣзды (VI и VIII), доклады Боткинской коммиссіи по оздоровленію Россіи въ 1886 г. Е. А. Осипова и Ѳ. Ѳ. Эрисмана и др.

Послѣдній, описывая «всю путаницу подходовъ и обходовъ въ нашихъ руководящихъ законодательствахъ по санитарной части и препятствій, встрѣчаемыхъ земствомъ въ такихъ самыхъ благихъ и несомнѣнно трудныхъ по существу его начинаніяхъ, какъ санитарныя», говоритъ: «Кто же можетъ рѣшиться строго судить наше земство, если оно до сихъ поръ должно было дѣйствовать со связанными ногами и руками, если оно не могло сдѣлать ни одного свободнаго движенія и нельзя не поражаться, что мѣстная дѣятельность какимъ-то чудомъ можетъ еще такъ или иначе копошиться».

Остановимъ теперь наше вниманіе на томъ, какіе сама жизнь выработала коррективы для удовлетворенія насущныхъ потребностей мѣстнаго населенія въ санитарномъ благоустройствѣ, экономіи и другихъ отрасляхъ, какія формы коллегіальной дѣятельности возникали для той или другой нужды, насколько они имѣли успѣхъ и были жизнедѣльными.

Начнемъ съ санитарныхъ участковыхъ попечительствъ и совѣтовъ.

Еще въ 67 г. въ Богучарскомъ уѣздѣ врачъ Якубовскій рекомендовалъ «образовать въ каждомъ селеніи изъ числа гласныхъ лицъ духовнаго званія и крестьянъ, пользующихся уваженіемъ въ средѣ своихъ односельчанъ, сельскіе комитеты народнаго здравія» съ наименованіемъ ихъ членами-попечителями, которые должны были бы слѣдить за исполненіемъ населеніемъ совѣтовъ медицинскаго персонала.

На случай холеры 71 г. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной и восточной Россіи изданы были обязательныя постановленія и выработаны инструкціи для санитарныхъ попечителей. Въ 79 г. то же было сдѣлано въ губерніяхъ южной и центральной Россіи по случаю дифтерита. Напримѣръ, въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ были избраны санитарные попечители изъ землевладѣльцевъ и помощники имъ изъ крестьянъ. По отзывамъ врачей этотъ персоналъ первые два года до нѣкоторой степени удовлетворялъ своему назначенію, преимущественно со стороны своевременнаго извѣщенія о первыхъ заболѣваніяхъ, но потомъ съ ослабленіемъ дифтерита учрежденіе это исчезло безъ всякихъ слѣдовъ... Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ образованы были санитарныя коммиссіи въ каждомъ медицинскомъ участкѣ изъ участковаго врача, представителя полиціи, волости и гласнаго отъ земства, затѣмъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ былъ санитарный попечитель. Въ Симбирскомъ уѣздѣ 79 г. во время ветлянской чумы были изданы санитарныя постановленія и учреждены комитеты народнаго здравія. Слѣдить за выполненіемъ ихъ при содѣйствіи полиціи были приглашены въ качествѣ санитарныхъ попечителей мѣстные землевладѣльцы, священники и другія интеллигентныя лица въ уѣздѣ. Дѣятельность этихъ лицъ, «состоявшая, главнымъ образомъ, въ надзорѣ за очисткой селеній отъ навоза при содѣйствіи вновь учрежденныхъ тогда урядниковъ была довольно энергична». Правила, изданныя комитетомъ, были временныя. Затѣмъ въ 84—85 гг. по случаю холеры во многихъ мѣстахъ восточной и центральной Россіи были сдѣланы попытки къ организаціи санитарныхъ попечительствъ, изданы были инструк-

ціи для нихъ и обязательныя постановленія для жителей и торгово-промышленныхъ заведеній какъ на случай холеры, такъ и постоянныя, но попытки эти были болѣе теоретическаго характера. Напримѣръ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ въ 85 году въ каждомъ селеніи выбраны изъ мѣстныхъ жителей санитарные попечители, но «особой дѣятельности они не проявили, только нѣкоторые доставляли управѣ свѣдѣнія о появленіи эпидеміи. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ въ 84 г. волостные санитарные попечители первые два года послѣ избранія дѣйствовали довольно энергично, особенно по наблюденію и сообщенію о появившихся эпидеміяхъ, затѣмъ дѣятельность ихъ постепенно ослабѣвала и теперь ничѣмъ не обнаруживается... Въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, въ 85 году въ ожиданіи холеры управа избрала санитарныхъ попечителей 1—2 въ каждомъ селѣ, разослала имъ печатныя наставленія, выработанныя съѣздомъ; въ 89 г. управа избрала по одному санитарному попечителю на каждую волость съ выдачей имъ билетовъ на безплатное взиманіе обывательскихъ лошадей при разъѣздахъ по волости. Въ Московской губерніи изданныя губернскимъ земскимъ собраніемъ инструкціи и обязательныя санитарныя постановленія въ 84 г. не имѣли практическаго примѣненія до появленія холеры въ 92 году.

Часть проекта, касающагося веденія уѣздныхъ земствъ, передана была на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Уѣздныя земскія собранія, согласно предположеніямъ уѣздныхъ санитарныхъ совѣтовъ, сдѣлали нѣкоторыя видоизмѣненія и дополненія къ проекту и въ общемъ одобрили его. VIII съѣзду врачей Московской губерніи были представлены эти данныя и въ нѣкоторыхъ делегатскихъ докладахъ были представлены соображенія по поводу практическаго его примѣненія. По Московскому уѣзду отмѣчается, что врачебный совѣтъ постановилъ, чтобы врачи озаботились приглашеніемъ санитарныхъ попечителей, каждый по своему участку. При этомъ делегатъ замѣчаетъ, что врачи, находя въ принципѣ учрежденіе участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ желательнымъ, предполагаютъ встрѣтить много неудобствъ при практическомъ ихъ устройствѣ. Они затрудняются какъ въ выборѣ лицъ для занятія званія попечителей, такъ и въ опредѣленіи мѣста засѣданій санитарнаго совѣта. Со стороны попечителей необходимо знакомство съ гигіеническими знаніями, между тѣмъ любой изъ сельскихъ жителей самъ ведетъ жизнь противную требованіямъ гигіены. Затѣмъ попечитель долженъ быть очень заинтересованъ въ успѣхѣ санитарнаго дѣла, чтобы безъ всякаго вознагражденія за свои труды проявлять энергію какъ въ проведеніи гигіеническихъ знаній въ жизнь населенія, такъ и въ преслѣдованіи нарушителей обязательныхъ постановленій. Право попечителей составлять акты въ случаѣ нарушенія обязательныхъ постановленій заставляетъ отнестись къ выбору ихъ крайне осторожно, такъ какъ при неудачномъ выборѣ могутъ послѣдовать злоупотребленія этимъ правомъ. Затѣмъ при установленіи предсѣдательства въ участковомъ совѣтѣ, сдѣлалось необходимымъ присутствіе въ его засѣ-

даніяхъ кромѣ врача не менѣе двухъ попечителей. Выбрать для всѣхъ троихъ удобный для каждаго день засѣданія представляется весьма затруднительнымъ, особенно при отсутствіи земской почты. Избраніе мѣста для засѣданія также представляетъ затрудненія. Устраивать засѣданія въ квартирѣ врача не всегда удобно не только для него, но и для попечителей; у врача могутъ быть экстренныя отлучки, а безъ него совѣтъ не можетъ состояться, и попечители должны будутъ вернуться домой, безъ толку прокатившись изъ мѣста своего жительства. Можетъ случиться также, что въ назначенный день пріѣдетъ только одинъ попечитель, а другого задержатъ неотложныя дѣла; и тогда также не можетъ состояться совѣтъ. А вѣдь обязанности попечителей даровыя, а потому безплодныя ихъ поѣздки могутъ имъ показаться не только непріятными, но и обидными. Тѣмъ не менѣе врачи, однако, надѣются, что имъ исподволь удастся практически осуществить учрежденіе участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ, такъ какъ они видятъ въ нихъ значительное подспорье въ задачѣ проведенія въ жизнь уваженія къ требованіямъ санитарной науки. Участковому санитарному совѣту желательно дать характеръ простого совѣщанія и избѣжать въ немъ по возможности канцелярской переписки; всѣ уѣзды Московской губерніи теоретически согласились съ введеніемъ этихъ институтовъ въ уѣздахъ.

По даннымъ земско-медицинскаго сборника мы можемъ ознакомиться какъ съ нѣкоторыми типичными инструкціями для санитарныхъ попечителей, такъ и съ организаціей санитарныхъ попечительствъ: съ составомъ ихъ, ихъ работой, причинами малаго успѣха этихъ институтовъ и т. п.

Инструкціи санитарнымъ попечителямъ. По инструкціи петербургскаго уѣзднаго земства санитарныя попечители выбираются на три года земскимъ собраніемъ изъ числа мѣстныхъ обывателей, пользующихся особымъ довѣріемъ; санитарные попечители обязаны наблюдать за исполненіемъ обязательныхъ постановленій и привлекать виновныхъ въ нарушеніи оныхъ къ суду, изучать вредныя для здоровья условія общественной жизни и быта, слѣдить за возникновеніемъ и распространеніемъ эпидемій. Общее собраніе санитарныхъ попечителей медицинскаго участка составляетъ санитарное попечительство, долженствующее собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ подъ предсѣдательствомъ участковаго или санитарнаго врача и давать одинъ разъ въ году въ земскую управу къ 1 марту общій отчетъ о санитарномъ состояніи участка и о принятыхъ въ истекшемъ году санитарныхъ мѣрахъ.

По проекту московской инструкціи участковый санитарный совѣтъ по § 2 слѣдитъ за разнаго рода вредными вліяніями для здоровья населенія своего участка и выясняетъ мѣры къ ихъ устраненію; проводитъ въ жизнь населенія всѣ мѣропріятія, рекомендованныя уѣздными и губернскими санитарными совѣтами, и является прямымъ пособникомъ при дѣйствіяхъ земскаго медицинскаго персонала въ борьбѣ съ эпидемическими и другими болѣзнями. Санитарные попечители, три и болѣе на медицинскій участокъ,

по предварительному съ ними соглашенію приглашаются изъ мѣстныхъ жителей уѣздной земской управой при участіи участковаго врача, какъ непремѣннаго члена участковаго санитарнаго совѣта.

Въ своемъ районѣ санитарный попечитель слѣдитъ за состояніемъ здоровья населенія, за выполненіемъ обязательныхъ постановленій (въ крайнемъ случаѣ составляетъ акты), за угрожающими населенію изъ сосѣднихъ мѣстностей эпидемическими болѣзнями и за появленіемъ ихъ. Онъ разъясняетъ населенію сущность и значеніе предпринимаемыхъ земствомъ санитарныхъ мѣръ и въ своемъ районѣ оказываетъ непосредственное содѣйствіе земскому медицинскому персоналу. По указанію врача имѣетъ и располагаетъ нѣкоторыми дезинфекціонными средствами.

Саратовскій уѣздъ. Въ каждомъ врачебномъ участкѣ образуется участковый санитарный совѣтъ, который: 1) слѣдитъ за разнаго рода вредными вліяніями для здоровья населенія своего участка и выясняетъ мѣры къ ихъ устраненію; 2) проводитъ въ жизнь населенія всѣ мѣропріятія, рекомендованныя уѣзднымъ санитарнымъ совѣтомъ и является прямымъ пособникомъ при дѣйствіяхъ земскаго медицинскаго персонала въ борьбѣ съ эпидемическими и другими болѣзнями. Санитарные попечители назначаются изъ мѣстныхъ жителей по предварительному соглашенію съ ними участковаго санитарнаго совѣта.

Большинство инструкцій составлены по этимъ тремъ типамъ. Въ Корсунскомъ уѣздѣ районъ дѣятельности и права попечителей иные и много шире; попечительство въ своемъ медицинскомъ участкѣ пользуется такими же правами, какъ вообще участковый санитарный совѣтъ: въ обязанности, присущія общему собранію попечительства, входятъ заботы объ улучшеніи участковой земской лѣчебницы, опредѣленіе жалованья и условій службы медицинскаго персонала, причемъ фельдшера и акушерки опредѣляются и увольняются попечительствомъ, а врачи управой, по представленію попечительства. Предсѣдатель попечительства назначается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа гласныхъ или лицъ, имѣющихъ право быть гласными. Медицинскій персоналъ врачебнаго участка подраздѣляется на штатный и сверхштатный. Содержаніе перваго для попечительства обязательно, содержаніе же второго зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія. Члены попечительства подраздѣляются на: а) непремѣнныхъ; б) почетныхъ и в) соревнователей.

Непремѣнными членами попечительства могутъ быть, если того пожелаютъ: а) гласные земскаго собранія, проживающіе въ участкѣ; б) волостные старшины волостей, входящихъ въ составъ участка и исходатайствовавшіе на то разрѣшеніе своего начальства; в) два лица, назначенныя отъ собранія; г) участковый врачъ; д) мѣстные священники съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Непремѣнные члены никакими денежными взносами не обязываются. Членами почетными и соревнователями могутъ быть всѣ совершеннолѣтнія лица обоего пола, имѣющія въ уѣздѣ недвижимую собственность или принадлежащія къ семейству лица, владѣ-

ющаго таковой, причемъ почетные члены обязаны ежегодно вносить въ кассу попечительства не менѣе 25 руб., а соревнователи не менѣе 5 р.

Подробностей о практической дѣятельности подобной организаціи мы не имѣемъ, но извѣстно, что много лѣтъ были пререканія между попечительствами и управой; собраніе 1877 г. устранило изданныя для попечительствъ правила, обязало управу требовать отъ нихъ только денежную отчетность. Былъ выработанъ коммиссіей, дѣйствующей и въ настоящее время, новый уставъ, по которому ближайшее завѣдываніе участками ведется попечительствами; въ тѣхъ же участкахъ, гдѣ не сформировались попечительства, врачебное дѣло всецѣло вѣдаетъ управа.

Подобныя же полномочія у санитарныхъ попечительствъ были съ 74—89 гг. въ Смоленскомъ уѣздѣ, которыя должны были вмѣстѣ съ отчетомъ врача ежегодно представлять земскому собранію свои соображенія относительно дѣятельности медицинскаго персонала и о тѣхъ улучшеніяхъ, какія они найдутъ нужнымъ ввести въ ввѣренномъ ему участкѣ; въ 1889 г. попечительства были упразднены.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ санитарный комитетъ состоитъ изъ главнаго комитета и его отдѣловъ въ уѣздѣ; главный комитетъ и отдѣлы состоятъ изъ предсѣдателя, его товарища, членовъ въ неограниченномъ количествѣ, мужского и женскаго пола, секретаря и писца (послѣдніе 2 за особое вознагражденіе отъ земства). Предсѣдатели комитетовъ и отдѣловъ могутъ быть не врачи, выбираются они членами изъ своей среды на 3 года закрытой баллотировкой. Проѣздъ предсѣдателя на счетъ земства, а членамъ выдаетъ предсѣдатель имѣющіяся у него бланки для безплатнаго взиманія лошадей съ земскихъ станцій.

Подводя итоги положенію и дѣятельности санитарныхъ попечительствъ въ 371 уѣздахъ земскихъ губерній до 1889 г., можно констатировать, что въ томъ или другомъ видѣ болѣе или менѣе продолжительное время были почти въ половинѣ уѣздовъ, преимущественно въ тѣхъ 165 земствахъ, имѣвшихъ уѣздныя коллегіальныя учрежденія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ участковыя санитарныя попечительства можно считать какъ дальнѣйшее развѣтвленіе этихъ уѣздныхъ врачебныхъ органовъ.

Преимущественно участковыми санитарными попечителями были мѣстные землевладѣльцы, волостные старшины, священники, большею частью на волость 1—2 лица, объ учителяхъ мало упоминается, какъ санитарныхъ попечителяхъ, кромѣ Московской губ., гдѣ они были самый дѣятельный элементъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ санитарные попечители состояли исключительно изъ гласныхъ, отъ 4 до 14 на уѣздъ; на время холеры число санитарныхъ попечителей увеличилось и доходило часто до 1—2 на каждое селеніе; предсѣдателемъ участковаго санитарнаго совѣта въ большинствѣ случаевъ бывалъ участковый врачъ, но часто также по назначенію уѣздной управы или земскаго собранія, въ исключительныхъ случаяхъ санитарные попечители сами избирали между собою предсѣдателя. Санитарные попечи-

тели назначались или уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, или управой по предложенію предсѣдателя участковаго попечительства.

Обычныя функціи участковыхъ санитарныхъ попечителей было выслѣживаніе и увѣдомленіе объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ врача или управы, помощь врачу при дезинфекціи и другихъ мѣропріятіяхъ при эпидеміяхъ; въ исключительныхъ случаяхъ надзоръ за рѣзкимъ отклоненіемъ отъ исполненія санитарныхъ постановленій. Что касается проявленія какой-нибудь дѣйствительной работы санитарныхъ попечителей и участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ, то въ $^1/_5$ (35 земствахъ) отмѣчаются далеко не утѣшительные результаты и даже отсутствіе всякой жизнедѣятельности ихъ, за исключеніемъ холернаго времени; въ $^4/_5$ совершенно умалчивается о какомъ-либо фактѣ ихъ дѣятельности, такъ какъ, повидимому, нечего было отмѣтить по этому пункту.

Вотъ варіанты отвѣтовъ изъ 35 уѣздовъ по вопросу о санитарныхъ попечителяхъ: «санитарные попечители не проявили никакой дѣятельности и многіе изъ нихъ теперь отказались; никакихъ результатовъ обязательныхъ постановленій не обнаружилось; наблюденіе чисто-фиктивное, остается мертвой буквой, фактически невозможно; ни одинъ параграфъ изъ этихъ постановленій не проводился въ жизнь; никто не слѣдитъ; ни разу попечители не собирались; весь надзоръ лежитъ на врачахъ».

Кромѣ основныхъ причинъ, указанныхъ нами въ началѣ, т.-е. неопредѣленности и препятствій въ руководящихъ санитарныхъ законоположеніяхъ и отсутствіи органической мѣстной земской мелкой инстанціи, отмѣчаются слѣдующія причины столь неплодотворныхъ результатовъ институтовъ санитарныхъ попечительствъ:

1. Врачи не имѣютъ времени слѣдить за выполненіемъ санитарныхъ постановленій и всецѣло своими силами поддерживать это дѣло, такъ какъ «окончательно завалены работой».

2. Въ уѣздахъ мало или нѣтъ лицъ, готовыхъ и способныхъ принять серьезное участіе въ санитарной работѣ.

3. Трудность исполненія должности санитарнаго попечителя: «по обременительности примѣненія правилъ, отчасти вслѣдствіе непониманія ихъ пользы».

4. Потеря времени, дальность разстоянія для разъѣздовъ на участковые санитарные совѣты и для многихъ весьма существенный расходъ на поѣздки, никѣмъ не оплачиваемый.

Примѣчаніе. Устраненіе послѣдней причины въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ проѣздъ на совѣтъ и проч. безплатный, не существенно помогало проявленію дѣятельности санитарныхъ попечителей.

5. Отсутствіе интереса и побуждающаго стимула въ обычное время вслѣдствіе односторонней дѣятельности.

6. Отсутствіе благотворительнаго фонда, такъ какъ благотворительная и санитарная дѣятельность имѣютъ близкое соотношеніе между собой.

7. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣчается недостатокъ правъ у попечи-

телей: наприм., отправлять прямо протоколъ нарушенія санитарныхъ постановленій къ мировому судьѣ.

Изъ положительныхъ результатовъ во время эпидеміи холеры и дифтерита, кромѣ извѣщеній объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ, отмѣчается въ немногихъ уѣздахъ Пермской, Московской, Симбирской, Харьковской, Саратовской и Курской губ. вліяніе санитарныхъ попечителей на приведеніе въ болѣе чистый видъ базаровъ, торгово-промышленныхъ заведеній и болѣе тщательная очистка ретирадъ, улучшеніе питьевыхъ водъ и т. п.

О дальнѣйшемъ развитіи и дѣятельности участковыхъ санитарныхъ попечительствъ можно свѣдѣнія получить изъ губернскихъ съѣздовъ земскихъ врачей съ 1889—99 г. по докладамъ на всѣхъ этихъ съѣздахъ по уѣздамъ, и нигдѣ не упоминается о существованіи ихъ, кромѣ дѣятельности за 1892 г. во время холеры, довольно энергичной особенно въ Московской и Херсонской губерніяхъ и въ 1891 г. въ нѣкоторыхъ губерніяхъ во время голода, иногда обособленно, иногда совмѣстно съ «Краснымъ Крестомъ».

Въ 1892 г. въ Московской губ. во время холеры во многихъ мѣстахъ была густая сѣть попечительствъ, привлекшихъ дѣятельныхъ работниковъ; она дала весьма осязательные результаты въ смыслѣ быстрыхъ развѣдокъ о подозрительныхъ заболѣваніяхъ и немедленнаго увѣдомленія ближайшаго врача о нихъ; устроены были при посредствѣ попечителей дешевыя и безплатныя столовыя и чайныя; выяснялись наиболѣе рельефные недостатки мѣстнаго санитарнаго положенія: загрязненія рѣкъ, колодцевъ, свалокъ, складовъ, тряпья, фабрикъ, торгово-промышленныхъ заведеній, базаровъ и проч. Общее число санитарныхъ попечителей въ Московскомъ уѣздѣ достигло 200, Клинскомъ—116, Коломенскомъ—43, Звенигородскомъ—19, Верейскомъ—56, Бронницкомъ—1, Серпуховскомъ—87. Въ Волоколамскомъ, Рузскомъ, Можайскомъ санитарныя попечительства не нашли себѣ примѣненія и желающихъ исполнять обязанности попечителей не нашлось. Попечители состояли изъ людей всѣхъ сословій, преимущественно изъ священниковъ, учителей, помѣщиковъ, рѣже изъ крестьянъ, менѣе всего изъ торговаго класса. За время 1892—93 г. каждый участковый санитарный совѣтъ собирался 1—7 разъ при участіи 3—50 человѣкъ.

Послѣ холеры съ 1892—99 г.—полная безжизненность учрежденій санитарныхъ попечительствъ во всей Россіи, судя, по крайней мѣрѣ, по губернскимъ съѣздамъ врачей; о другихъ же аналогичныхъ институтахъ извѣстно по отчетамъ земскихъ собраній, земскимъ сборникамъ, случайнымъ журнальнымъ и газетнымъ извѣстіямъ, отчетамъ благотворительныхъ обществъ и т. д.

Такое же явленіе и еще въ большей степени въ городахъ, $^3/_4$ которыхъ всецѣло пользуются врачебной помощью со стороны земства и своей не имѣютъ никакой врачебно-санитарной организаціи; только 10% городовъ имѣютъ постоянную санитарную организацію, въ составъ которой, кромѣ коллегіальныхъ учрежденій и участковыхъ попечителей, входятъ также и санитарные врачи. (А. А. Чертовъ).

Объяснить такую отрицательную дѣятельность санитарныхъ попечительствъ въ городахъ тѣмъ болѣе трудно, что здѣсь не должно бы быть мѣста многимъ тормозящимъ причинамъ развитія участковыхъ санитарныхъ попечительствъ въ селеніяхъ: дальности разстоянія, расходовъ на разъѣзды, отсутствія развитыхъ людей.

Одно изъ немногихъ исключеній составляетъ Одесса, гдѣ учрежденныя въ 1897 г. санитарныя попечительства дали пышный расцвѣтъ и цѣлесообразное устройство.

Бюро попечительства состоитъ изъ предсѣдателя, утвержденнаго думой, участковаго врача для бѣдныхъ и санитарнаго врача; бюро избираетъ членовъ попечительства изъ мѣстныхъ жителей отъ 5—30 лицъ, руководясь требованіями исполнительной коммиссіи, само вырабатываетъ детальныя формы и способы дѣятельности; вообще засѣданія бюро происходятъ не менѣе 1 раза въ недѣлю, общія собранія попечительства не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ; при нѣкоторыхъ былъ благотворительный отдѣлъ; другія при посредствѣ общества трезвости открывали столовыя и чайныя и т. д.

Прежде всего члены попечительства ознакомились съ своими участками; осмотрѣны были всѣ находящіеся въ районѣ ихъ вѣдѣнія дома, дворы, столовыя, харчевни, обжорки, трактиры, хлѣбопекарни, хлѣбныя и квасныя лавки и друг. торгово-промышленныя заведенія, а также всѣ ночлежные пріюты, бани, спуски дождевыхъ и кухонныхъ водъ и т. д. Обращено вниманіе на улучшеніе питанія рабочихъ, возбужденъ вопросъ о дешевой столовой, устроены водоразборные краны по иниціативѣ попечительства, слѣдили за появленіемъ случаевъ заразныхъ заболѣваній.

При выполненіи своихъ обязанностей члены попечительства (по возможности) не прибѣгали ни къ какимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Они старались въ большинствѣ случаевъ устранять санитарныя нарушенія путемъ непосредственнаго вліянія на жителей. Члены попечительства не только слѣдили за точнымъ выполненіемъ жителями обязательныхъ постановленій, но, сознавая ихъ недостаточность, весьма часто возбуждали по собственной иниціативѣ различные вопросы, не предусмотрѣнные обязательными постановленіями. Благодаря такой широкой иниціативѣ членовъ попечительства, обязательныя постановленія пополнялись часто спеціальными разъясненіями городской исполнительной санитарной коммиссіи.

По отношенію выработки минимума обязанностей для членовъ попечительствъ пришли къ заключенію: 1) что установленіе его нежелательно, такъ какъ обязанности членовъ попечительства суть обязательства нравственнаго свойства и установленіе ихъ минимума не увеличиваетъ обязательной силы этихъ обязанностей даже по отношенію минимума; 2) установленіе сказаннаго минимума и обязательной отчетности дважды въ мѣсяцъ съ письменнымъ извѣщеніемъ всякій разъ, при невозможности выполнить установленный минимумъ, повлечетъ отпаденіе многихъ членовъ,

весьма полезныхъ и желательныхъ, но не имѣющихъ почему-либо возможности выполнить «минимумъ»; 3) регистрація случаевъ осмотра желательна для каждаго члена, но сдѣлать ее обязательной невозможно, ибо не всѣ члены, ищущіе живого дѣла, согласятся регистрировать всѣ случаи осмотровъ; тѣмъ не менѣе желательно, чтобы всѣ члены хоть разъ въ годъ давали отчетъ о дѣятельности; 4) нежелательна болѣе подробная инструкція членамъ въ виду невозможности заранѣе регламентировать дѣятельность членовъ; бюро всегда можетъ дать нужныя общія начала; 5) изданіе сборника по санитаріи и гигіенѣ желательно, но какъ вполнѣ научная работа, для чего городское общественное управленіе могло бы назначить конкурсъ; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно образовать при санитарной коммиссіи библіотеку по санитаріи и гигіенѣ; 6) регистрація обнаруживаемыхъ членами нарушеній, дошедшихъ до свѣдѣнія бюро, будетъ достигаться заведеніемъ производства по устраненію этихъ нарушеній.

Другое попечительство г. Одессы, портовое, находитъ, что проектъ инструкціи страдаетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что членамъ попечительства, не исключая и самого предсѣдателя, предоставляются, согласно этой инструкціи, чрезвычайно ограниченныя полномочія. Бюро этого попечительства находитъ поэтому цѣлесообразнымъ и весьма важнымъ въ интересахъ попечительства расширить его полномочія, предоставивъ ему право самостоятельно направлять къ мировому судьѣ всѣ составленные имъ протоколы, сообщая при этомъ копіи съ этихъ протоколовъ въ санитарную коммиссію.

Несмотря на такую повальную неудачу въ участковыхъ санитарныхъ совѣтахъ и попечительствахъ, необходимость ихъ ясно сознается, и стремленіе осуществить ихъ въ томъ и другомъ видѣ не ослабѣваетъ у врачей. XIII и XIV съѣздъ врачей Московской губ. высказываютъ глубокое убѣжденіе въ жизненной будущности этихъ учрежденій въ смыслѣ конечнаго развѣтвленія существующей врачебно-санитарной организаціи Московской губ. и выражаютъ пожеланіе, чтобы участковые санитарные совѣты, въ виду указанной опытомъ чрезвычайно высокой роли ихъ въ пробужденіи мѣстныхъ силъ на пользу населенія, нашло себѣ наивозможно широкое распространеніе по губерніи. XIV съѣздъ, переходя на практическую почву, полагаетъ необходимымъ обезпеченіе этихъ организацій, хотя бы небольшими матеріальными средствами.

Констатируется затруднительность для лицъ, не имѣющихъ средствъ, совершать поѣздки на засѣданія участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ, особенно учительскому персоналу, самому активному элементу будущей организаціи.

На VI съѣздѣ врачей Курской губ. В. И. Долженковъ, докладывая объ основахъ общественнаго санитарнаго строя и условіяхъ его осуществленія, говоритъ, что «для широкой могущественной организаціи санитарнаго и даже лѣчебнаго дѣла необходимо дѣятельное участіе въ немъ общества и народа. Несомнѣнно, развѣтвленія этой организаціи въ будущемъ дойдутъ до послѣдней общественной ячейки—отдѣльнаго поселенія».

Въ особенности желательно участіе въ участковомъ санитарномъ совѣтѣ со стороны священниковъ и народныхъ учителей, всего ближе и полнѣе соприкасающихся съ населеніемъ и ближе знающихъ его нужды. Желательно было бы дойти до собранія и совѣтовъ отдѣльныхъ попечительствъ, группирующихся около предсѣдателей. Въ собраніяхъ попечительствъ участіе участковаго врача, хотя изрѣдка, необходимо для объединенія ихъ дѣятельности. Въ участковомъ совѣтѣ желательно участіе одного члена попечительства по выбору, кромѣ предсѣдателя. Въ распоряженіе попечительствъ необходимо предоставить хотя бы небольшія средства—200—300 р. для улучшенія пищи больныхъ и выздоравливающихъ, въ особенности во время эпидемій для устройства ясель и т. п.

Нижегородское губернское земское собраніе 1900 г. сочло желательнымъ для практическаго осуществленія задачъ санитарнаго бюро, развитіе въ уѣздахъ мѣстныхъ органовъ въ видѣ санитарныхъ попечительствъ.

Д. Н. Жбанковъ въ докладѣ своемъ VII пироговскому съѣзду врачей приходитъ къ убѣжденію, что только въ учрежденіи всесословной волости могутъ осуществиться надежды, возлагаемыя на участковые санитарные совѣты въ смыслѣ сближенія съ народомъ и привлеченія его къ дѣятельной борьбѣ съ санитарнымъ неустройствомъ крестьянской жизни.

На VIII пироговскомъ съѣздѣ соображенія о необходимости санитарныхъ попечительствъ высказываются въ докладахъ по борьбѣ съ эпидеміями, выполненію обязательныхъ санитарныхъ постановленій къ мелкимъ промышленнымъ заведеніямъ, организаціи патронажа психическихъ больныхъ и проч.

Надо упомянуть еще объ учрежденіяхъ, схожихъ по цѣлямъ съ участковыми санитарными попечительствами, а именно о благотворительныхъ обществахъ при земскихъ лѣчебницахъ; правда, ихъ немного и размѣръ ихъ дѣятельности пока ничтоженъ, но появленіе ихъ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ насущнымъ потребностямъ больныхъ и благотворительнымъ санитарнымъ нуждамъ врачебнаго участка и можетъ служить къ развитію въ этомъ направленіи самодѣятельности населенія.

Въ настоящее время такихъ благотворительныхъ обществъ въ Московской губ. 5; при солнышевской лѣчебницѣ съ 1894 г., при воскресенской—съ 1895 г., при мытищенской—съ 1896 г., при перхушевской—съ 1899 г.

Задача этихъ обществъ—оказывать помощь нуждающимся больнымъ и ихъ семействамъ и имѣть заботу о санитарномъ состояніи своего врачебнаго участка.

Уставы вышеупомянутыхъ благотворительныхъ обществъ представлены были чрезъ свои земскія управы губернатору на предметъ утвержденія мин. внутр. дѣлъ.

По § 1 мытищенское благотворительное общество имѣетъ цѣлью заботу о благосостояніи мытищенскаго врачебнаго участка, какъ въ видахъ улучшенія его санитарнаго положенія, такъ и въ видѣ помощи нуждающимся больнымъ и ихъ семействамъ.

Воскресенское благотворительное общество имѣетъ цѣлью оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ больнымъ и роженицамъ въ районѣ воскресенской земской лѣчебницы, а равно и ихъ семействамъ, причемъ въ слѣдующемъ перечисленіи занятій общества въ § 2 ж) значится: содѣйствіе къ устраненію въ мѣстныхъ селеніяхъ разнаго рода вредныхъ для здоровья условій.

Уставъ солнышевскаго благотворительнаго общества съ болѣе суженной программой, и по участковой дѣятельности лишь говорится о содѣйствіи въ продовольствіи населенію по случаю большихъ эпидемій.

Эти общества состоятъ изъ 26—156 дѣйствительныхъ членовъ, вносящихъ по мытищенскому уставу отъ 5 р., солнышевскому отъ 10 р., воскресенское и перхушевское отъ 3 р. Кромѣ того, принимаются спеціальныя пожертвованія, напримѣръ, на пріютъ-ясли, на школьный приварокъ и такъ далѣе, и вещами.

Постоянный фондъ имѣется лишь у воскресенскаго благотворительнаго общества въ размѣрѣ 14,622 р. опредѣленныхъ на пособіе хроникамъ и кромѣ того около 1,000 р. основного и запаснаго капиталовъ, въ мытищенскомъ и солнышев. имѣются по 2,000 руб. основного, запаснаго и друг. фондовъ.

Дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ состояла за эти годы: 1) въ снабженіи выздоравливающихъ необходимою одеждою, обувью, оказаніемъ денежнаго пособія, отправкою на родину и проч., на что въ годъ расходовалось 25—60 р. по каждому обществу.

Кромѣ того, дѣятельность была болѣе или менѣе различна у обществъ какъ по расходамъ, такъ и по формѣ благотворительности.

Мытищенское благотворительное общество за 2 года съ 1896—98 г. произвело расходовъ на 297 р. 66 к. на помощь погорѣльцамъ, на чайную при ночлежной сборной избѣ для прохожихъ богомольцевъ, на школьный приварокъ въ 1 школѣ; предполагается основать убѣжище-ясли при больницѣ для дѣтей, матери которыхъ лежатъ на койкахъ, и ясли для дѣтей на время страдной поры.

Воскресенское благотворительное общество ежегодно расходуетъ 1,000—1,200 руб., на школьный приварокъ въ 20 школахъ, на пособіе 12—15 хроникамъ въ деревняхъ, каждому отъ 1 до 3 руб. въ мѣсяцъ, на убѣжище-ясли при больницѣ на 4 дѣтей какъ сиротъ, такъ и для дѣтей, матери которыхъ лежатъ на койкахъ въ воскресенской лѣчебницѣ.

Солнышевское благотворительное общество израсходовало за 1897 г. 267 р. 42 к., главнымъ образомъ на убѣжище-ясли, затѣмъ на чайную при амбулаторіи, всенощныя при больницѣ и проч.

Были сдѣланы попытки къ привлеченію активнаго участія членовъ въ дѣлахъ благотворительности при работѣ въ чайной, въ амбулаторіи при солнышевской лѣчебницѣ и при ночлежной мытищенскаго благотворительнаго общества съ цѣлью облегчить занятый во время пріема медицинскій персоналъ, но, къ сожалѣнію, это почти не осуществилось.

При организаціи школьнаго приварка въ воскресенскомъ медицинскомъ участкѣ дѣятельное участіе принимали 20 завѣдующихъ земскими и церковно-приходскими школами учителей и священниковъ, собиравшіеся 3 раза въ году у участковаго врача, а также они сами вѣдали съ отчетностью все это дѣло у себя на мѣстахъ.

При пособіи хроникамъ многіе члены взяли на себя трудъ по раздачѣ и наблюденіи за цѣлесообразностью расходованія пособій.

Совѣты благотворительнаго общества собирались 3—5 разъ въ годъ для обсужденія текущихъ дѣлъ и выясненія способовъ выполненія порученій общаго собранія.

Общія собранія благотворительныхъ обществъ бывали 1 разъ въ году въ числѣ 20—25 членовъ (общее собраніе считается состоявшимся при присутствіи въ немъ не менѣе $^1/_4$ членовъ общества).

Въ воскресенскомъ благотворительномъ обществѣ были сдѣланы попытки, съ цѣлью развитія самодѣятельности со стороны сельскаго населенія и упроченія дѣла школьнаго приварка, побудить его помогать доставленіемъ нѣкоторыхъ продуктовъ (картофеля и капусты) въ школу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось достигнуть въ этомъ направленіи незначительныхъ результатовъ.

Вторая попытка въ такихъ же мотивахъ была сдѣлана въ воскресенскомъ медицинскомъ участкѣ по отношенію участія въ помощи хроническимъ больнымъ со стороны сельскихъ обществъ и волостного правленія въ размѣрѣ 25% съ правомъ представлять своихъ кандидатовъ на пособіе отъ воскресенскаго благотворительнаго общества. Предложеніе это, сдѣланное волостному правленію черезъ земскаго начальника, мало имѣло успѣха.

Въ какое отношеніе могли бы стать благотворительныя общества къ участковымъ санитарнымъ совѣтамъ и попечительствамъ, опытъ въ этомъ направленіи весьма малъ. Наприм., мытищенскій училищный санитарный совѣтъ тѣсно связанъ съ дѣятельностью мытищенскаго благотворительнаго общества, для котораго постановленія училищнаго санитарнаго совѣта имѣютъ иногда опредѣляющее и рѣшающее значеніе.

Въ воскресенскомъ благотворительномъ обществѣ подымался вопросъ о введеніи института попечительствъ; но рѣшено было избѣгнуть въ этомъ отношеніи пока какой-либо опредѣленной формы и регламентаціи. Правленіе воскресенскаго благотворительнаго общества не задавалось цѣлью скоро осуществить устройство попечительствъ, весьма трудное по бытовымъ условіямъ и недостатку лицъ, могущихъ взять на себя исполненіе этой миссіи; воскресенское благотворительное общество пошло къ этому подготовительнымъ путемъ, обратившись къ священникамъ, учителямъ и другимъ мѣстнымъ жителямъ съ просьбой собирать свѣдѣнія о хроническихъ больныхъ, нуждающихся въ помощи, и привлекали ихъ въ сотрудники по устройству приварка, надѣясь такимъ путемъ найти дѣятельныхъ и полезныхъ сотрудниковъ, а впослѣдствіи можетъ быть и попечителей во всѣхъ мѣстностяхъ воскресенскаго медицинскаго участка.

Препятствіемъ къ широкой дѣятельности благотворительныхъ обществъ при земскихъ лѣчебницахъ служатъ случайность средствъ отъ добровольныхъ взносовъ и отсюда происходящая невозможность прочно организовать и проводить какую-либо мѣру; далѣе обособленность благотворительныхъ обществъ отъ существующихъ другихъ организацій въ уѣздѣ; уѣздной управы, санитарнаго совѣта и разныхъ попечительствъ. Если даже и существуетъ связь съ земствомъ у благотворительнаго общества, то большое затрудненіе встрѣчается при отсутствіи самодѣятельности населенія въ проведеніи и широкомъ развитіи такихъ мѣръ, какъ устройство ясель, содержаніе хрониковъ, школьнаго приварка и проч.

Исполненіе же такой широкой программы равномѣрно и во всѣхъ частяхъ, какъ намѣчено въ уставѣ солнечногорскаго благотворительнаго общества, немыслимо безъ мелкой земской единицы самоуправляющейся и самооблагающей или, по крайней мѣрѣ, при прочной и широкой постановкѣ земствомъ института участковыхъ попечительствъ. За отсутствіемъ же такихъ болѣе совершенныхъ организацій всетаки нельзя не пожелать болѣе широкаго распространенія благотворительныхъ обществъ при земскихъ лѣчебницахъ, какъ подготовительныхъ школъ для самодѣятельности населенія съ пособіемъ отъ земства въ извѣстномъ %, соотвѣтствующемъ расходамъ общества на разныя цѣли.

По организаціи общественной благотворительности имѣются свѣдѣнія въ сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній министерства внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, и въ матеріалахъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота, учрежденной въ 1892 г. съ соизволенія Императора Александра III для пересмотра дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи. Часть полученнаго матеріала разработана, и матеріалъ сданъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Вопросы, предложенные губернскимъ совѣщаніямъ объ организаціи общественнаго призрѣнія у крестьянъ, были слѣдующіе:

1. Какъ выполняются сельскими обществами лежащія на нихъ обязанности общественнаго призрѣнія и какъ распредѣляются онѣ между сельскими и волостными обществами?

2. Бываютъ ли случаи перенесенія обязанности на всю волость по отношенію къ членамъ обществъ?

3. Не существуетъ ли опредѣленной организаціи (сельской и волостной) въ отношеніи сиротъ, больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ членовъ, и если существуетъ, то въ чемъ она выражается?

4. Какія измѣненія и дополненія желательно внести въ дѣйствующія постановленія объ общественномъ призрѣніи? Возможно ли предложить какія-либо обязательныя въ этомъ отношеніи мѣры организаціи общественнаго призрѣнія.

Большинство совѣщаній указываетъ, что дѣло призрѣнія плохо или вовсе не выполняется: 1) вслѣдствіе неопредѣленностей и неполноты за-

кона и 2) вслѣдствіе бѣдности и что никакого распредѣленія обязанностей по призрѣнію между сельскими и волостными обществами не существуетъ; помощь же въ крестьянскомъ обществѣ къ бѣднымъ, неспособнымъ къ работѣ односельчанамъ выражается: 1) большею частью поочереднымъ кормленіемъ; 2) рѣже отдачей призрѣваемаго на полное содержаніе одного изъ членовъ либо за извѣстную плату отъ общества, либо съ освобожденіемъ призрѣвающаго отъ уплаты мірскихъ повинностей, а иногда и отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, а также за отводъ части мірской земли или за надѣлъ неимущихъ; 3) выдачей пособій хлѣбомъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ; 3) денежнымъ пособіемъ отъ 50 к. до 5 р. въ мѣс., чаще отъ 1 до $1^1/_2$ р. въ мѣс.; 5) подачей милостыни.

Пріюты, богадѣльни у крестьянъ въ крайне ограниченномъ количествѣ; крестьянамъ антипатичны эти учрежденія; они неохотно идутъ въ богадѣльни; иногда существуетъ богадѣльня номинально, %% съ богадѣльнаго капитала идутъ въ пособіе и за уплату за постой.

По вопросу о мѣрахъ къ лучшей постановкѣ дѣла призрѣнія получился почти единодушный отвѣтъ, что желательны измѣненія и дополненія дѣйствующаго законодательства для содѣйствія удовлетворительной постановки дѣла: «необходима систематическая организація», установленіе единообразной, правильно организованной системы призрѣнія, обезпеченной отъ всякихъ случайностей. Отъ неравномѣрности отбываніе повинностей сельскимъ обществамъ непосильно. Необходимо возложить общественное призрѣніе на волость или нѣсколько волостей, или на уѣздъ подъ наблюденіемъ попечительнаго совѣта.

Значительное число совѣщаній говорятъ и о необходимости образовать особые органы призрѣнія. Такими органами, по мнѣнію большинства совѣщаній, должны быть или волостныя попечительства, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины, или, по мнѣнію другихъ, земскаго начальника; на эти попечительства должны быть возложены всѣ заботы по призрѣнію нуждающихся въ немъ.

Многія совѣщанія (23 изъ 44) признаютъ возможнымъ установить особые обязательные сборы на нужды призрѣнія, такъ сказать спеціальный налогъ въ пользу бѣдныхъ. Сборъ долженъ быть незначительный. Въ качествѣ источниковъ рекомендуется или 2% съ доходности земли, или 2 коп. съ ревиз. души, штрафы, налагаемые земскими начальниками и волостными судами, извѣстная часть съ доходовъ, поступающая отъ разрѣшенія на открытіе питейной торговли, обложенія % паспортнаго сбора, отчисленіе % съ мірскихъ капиталовъ и проч. Нѣкоторыя (Казан., Самар., Смолен.) находятъ тягостнымъ обремененіе новыми налогами.

Другія цѣнныя данныя могли бы быть собраны у городскихъ и земскихъ учрежденій коммиссіей статсъ-секретаря К. К. Грота 1892 г., но они, къ сожалѣнію, далеко не всѣ разработаны и использованы и данныя простираются до 1891 г., послѣ котораго, какъ извѣстно, обще-

ственная благотворительность сдѣлала большой шагъ впередъ; напр., стоитъ указать на попечительства въ Москвѣ, Одессѣ, проявившія довольно энергичную и широкую дѣятельность, общества трезвости, частныя и мин. финанс. учрежденія деревен. яслей въ Воронежской губ., Елизавет. общ. въ Москвѣ, благ. общ. при земскихъ лѣчебницахъ, широкую дѣятельность попечительствъ во время голода 1891 г. и холеры 1892 г. и т. д.

Коммиссія К. К. Грота (умершаго въ 1897 г.) учреждена была для пересмотра дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи, которое не представляетъ въ Россіи никакой системы. Учрежденія Импер. Маріи, Импер. человѣколюбиваго общества, мин. внутр. дѣлъ, мин. фин., святѣйш. синодъ, воен. мин. и др. дѣйствуютъ безъ всякой связи.

Коммиссія ст.-секр. К. К. Грота собрала матеріалъ отъ земскихъ и городскихъ учрежденій по слѣдующимъ вопросамъ: 1) составъ лицъ, нуждающихся въ помощи; 2) способы и виды оказанія имъ помощи; 3) составъ лицъ и общ. группъ (начиная съ семьи и кончая государствомъ), на которыхъ должно лечь бремя призрѣнія; 4) органы, которые будутъ завѣдывать призрѣніемъ; 5) объемъ правъ и обязанностей и отвѣтственность ихъ.

Кромѣ того, коммиссія проситъ сообщить мнѣнія земскихъ и городскихъ управъ объ установленіи желательныхъ отношеній между государственнымъ и общественнымъ призрѣніемъ, съ одной стороны, и частной благотворительностью съ другой; также о томъ, не существовало ли мѣстныхъ попытокъ организовать призрѣніе на болѣе правильныхъ началахъ и не требуется ли еще какихъ измѣненій и дополненій въ дѣйствующихъ законахъ о призрѣніи бѣдныхъ, кромѣ тѣхъ, которыя намѣчаются вышеуказанными вопросами.

По даннымъ этой коммиссіи, частью разработаннымъ Е. Максимовымъ, во всѣхъ 34 земскихъ губерніяхъ за 1890 г. на общественное призрѣніе, не считая собственно медицинскую часть, израсходовано 2.786,982 руб., что составитъ 9,7% всего необязательнаго бюджета; за 20 лѣтъ отъ 1871 г. до 1890 г. расходъ на общественныя призрѣнія въ земскихъ губерніяхъ возросъ въ $5^1/_2$ разъ, по % отношенію къ необязательнымъ расходамъ въ 1,7 раза.

Помощь оказывается въ земскихъ губерніяхъ въ $9^1/_2$ разъ большему числу нуждающихся, чѣмъ въ неземскихъ; въ среднемъ на 1 земскую губернію 39 установленій, помогающихъ 38,291 нуждающимся, въ 1 неземской губерніи 54,5 установленій помогаетъ только 4,034 лицамъ.

Не только церковныя попечительства, но также частныя общества и сословныя учрежденія въ неземскихъ губерніяхъ проявляютъ меньшую самодѣятельность, чѣмъ въ земскихъ; то же явленіе и въ городскихъ обществахъ; въ земскихъ губерніяхъ городскія и сословныя общества имѣютъ 17,7 установленій на губернію и 11,235 призрѣваемыхъ съ 634 въ среднемъ на 1 установленіе; въ неземскихъ же губерніяхъ такія же общества содержатъ въ среднемъ лишь 6,83 учрежденій съ 93 лицами.

«Это явленіе,—по заключенію Е. Максимова,—можетъ быть объяснено исключительно только тѣмъ общимъ повышеніемъ во всемъ населеніи общества самодѣятельности, которая непосредственно вытекаетъ изъ самаго факта существованія земскаго самоуправленія».

Но къ сожалѣнію органы земства являются не достроенными въ своихъ конечныхъ развѣтвленіяхъ; периферія остается внѣ его благотворнаго вліянія; между тѣмъ жизнь показала, что въ борьбѣ съ постоянными и временными народными бѣдствіями надлежащимъ образомъ осуществить помощь безъ болѣе близко стоящихъ къ населенію мелкихъ органовъ, чѣмъ уѣздное земство, или невозможно, или непроизводительно, приходится тратить силы на временную организацію и цѣнному опыту пропадать напрасно, или компенсировать недостатокъ въ мелкой земской единицѣ сельскими, волостными, приходскими, участковыми попечительствами и только попечителями.

Какъ на примѣръ таковыхъ укажемъ на попечительства въ Псковской и Полтавской губерніяхъ.

Псковское уѣздное земское собраніе 1888 г. учредило уѣздное попечительство по дѣламъ призрѣнія, съ цѣлью объединить это дѣло въ волостяхъ Псковскаго уѣзда, оказывать содѣйствіе волостнымъ попечительствамъ при устройствѣ и содержаніи богадѣленъ, а главное—въ видахъ постояннаго контроля надъ дѣятельностью волостныхъ органовъ общественнаго призрѣнія.

Составъ уѣзднаго попечительства опредѣлился слѣдующими лицами: предсѣдатель и члены управы, 3 лица, избираемыя земскимъ собраніемъ и 6 лицъ по приглашенію самого попечительства.

Псковское уѣздное земство, образуя волостные дома призрѣнія, установило, чтобы каждый такой домъ находился въ завѣдываніи попечительства, состоящаго изъ 6 дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, и почетныхъ членовъ изъ крестьянскихъ и другихъ сословій, жертвующихъ въ теченіе года не менѣе 25 руб. Всѣ члены попечительства избираютъ изъ своей среды предсѣдателя, который обязывается вникать во всѣ нужды дома призрѣнія, привлекать къ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, созывать попечителей на засѣданія, приводить въ исполненіе постановленія попечительства.

Каждый членъ попечительства въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ должны принимать всевозможныя мѣры къ обезпеченію содержанія дома призрѣнія. О своей дѣятельности попечительство даетъ отчетъ волостному сходу.

Другая попытка организаціи мелкихъ органовъ общественнаго призрѣнія принадлежитъ полтавскому уѣздному земству, которое устроило «попечительные совѣты» для непосредственнаго завѣдыванія на мѣстахъ дѣломъ призрѣнія и пріютами для престарѣлыхъ и калѣкъ, не имѣющихъ возможности снискивать себѣ пропитаніе. Члены этого совѣта въ числѣ 6—12 избираются на 3 года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ среды приходскихъ священниковъ и тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые могутъ

своей заботливостью оказывать содѣйствіе къ поддержанію и развитію учрежденій призрѣнія. Отчетъ долженъ попечительнымъ совѣтомъ представляться въ уѣздное земское собраніе.

Для проведенія въ жизнь экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій уѣздныя земства устраивали уѣздные экономическіе совѣты и, какъ дальнѣйшее развѣтвленіе этого учрежденія, проектировали, а весьма часто приводили и въ исполненіе, участковыя экономическія и сельско-хозяйственныя попечительства въ уѣздѣ, какъ посредниковъ и выразителей нуждъ между населеніемъ и уѣзднымъ экономическимъ совѣтомъ; экономическія попечительства оказываютъ уѣздному экономическому совѣту постоянное содѣйствіе при осуществленіи тѣхъ или другихъ мѣропріятій; выясняютъ мѣстныя нужды и вопросы экономическаго быта своего района, даютъ совѣты и указанія населенію по разнымъ отраслямъ хозяйства, знакомятъ населеніе съ постановленіями уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, открываютъ отдѣленія склада орудій и сѣмянъ и пр. Такія экономическія попечительства проектированы и осуществлены во многихъ уѣздахъ Московской, Псковской, Тульской, Рязанской губ. и сельско-хозяйственныя общества мелкаго района въ Уфимской, Пермской, Саратовской губ.

Послѣдній агрономическій съѣздъ въ Москвѣ призналъ, что для того, чтобы земство могло вполнѣ удовлетворительно выполнить лежащія на немъ задачи въ области экономическихъ и въ частности сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія, является безусловно необходимымъ образованіе новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы. Мелкая единица эта должна обладать слѣдующими основными чертами дѣйствующихъ земскихъ учрежденій: 1) Она должна носить характеръ обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, на которую распространялось бы ея дѣйствіе; 3) она должна пользоваться правомъ самообложенія; 5) подобно тому, какъ между нынѣ существующими земскими учрежденіями,—губернскими, съ одной стороны, и уѣздными, съ другой,—существуетъ нѣкоторая опредѣляемая закономъ связь, такъ должна быть и установлена связь новой мелкой земской единицы съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями даннаго уѣзда и губерніи; 6) мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы; 7) она не должна обладать функціями полицейскими и судебными.

Также и по вопросу объ учрежденіи крестьянскихъ товариществъ съѣздъ пришелъ къ резолюціи, что наиболѣе плодотворная дѣятельность земскихъ учрежденій по организаціи мелкаго кредита возможна лишь при условіи существованія мелкой земской самоуправляющейся и самооблагающейся единицы.

По отношенію къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ мелкаго района агрономическій съѣздъ призналъ, что они могутъ быть полезны для повышенія какъ общаго, такъ и сельско-хозяйственнаго культурнаго уровня на-

селенія, но, являясь добровольнымъ союзомъ, не могутъ представлять и защищать интересы всѣхъ слоевъ сельскаго населенія и поэтому неспособны замѣнить мелкія земскія единицы, хотя и могутъ быть полезными союзниками земства въ смыслѣ приближенія агрономической помощи къ населенію.

Особенное вниманіе удѣлили секціи обсужденію той роли, которая должна принадлежать сельско-хозяйственнымъ обществамъ въ неземскихъ губерніяхъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ мѣстной организаціи общественнаго призрѣнія и часть этого проекта, касающагося общественнаго призрѣнія въ городахъ, уже разослало губернаторамъ для предложенія городскимъ управленіямъ ввести у себя въ дѣйствіе. Въ Москвѣ уже введены институты попечительствъ съ солидной поддержкой отъ городского управленія. Въ виду близкаго соотношенія г. Москвы съ земскими учрежденіями Московской губерніи, въ составъ которыхъ входитъ и Москва, Московское губернское земское собраніе 98 г., «признавая выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ положенія объ общественномъ призрѣніи отвѣчающимъ интересамъ московскаго губернскаго земства и назрѣвшей въ земствѣ потребности въ точной регламентаціи его правъ и обязанностей по отношенію къ общественному призрѣнію, постановило ходатайствовать о скорѣйшемъ законодательномъ утвержденіи этого законопроекта». Тогда же возбужденъ былъ вопросъ московской губернской управой о необходимости низшихъ экономическихъ органовъ въ уѣздахъ. Управа высказалась за соединеніе обѣихъ задачъ въ одномъ и томъ же органѣ, т.-е. за возложеніе на предусмотрѣнныя въ министерскомъ проектѣ участковаго попечительства обязанности служить органамъ уѣздныхъ управъ и по хозяйственнымъ вопросамъ, такъ какъ трудно было бы, даже невозможно, устроить въ уѣздахъ двѣ параллельныя организаціи—по экономическимъ дѣламъ и по общественному призрѣнію и найти достаточное число дѣятелей для обоихъ, и по самому существу дѣла хозяйственная помощь и общественное призрѣніе во многихъ случаяхъ неразрывно связаны между собою и незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Московское губернское земское собраніе постановило: «въ случаѣ разрѣшенія его ходатайства объ учрежденіи въ уѣздахъ мѣстныхъ органовъ для удовлетворенія экономическихъ нуждъ населенія губерніи, желательно, чтобы завѣдываніе этими нуждами и заботы объ общественномъ призрѣніи были возложены на одни и тѣ же органы.

Черниговское губернское земское собраніе въ 1900 году утвердило проектъ нормальнаго устава мѣстныхъ благотворительныхъ попечительствъ.

Цѣль проектированныхъ попечительствъ—оказаніе матеріальной и нравственной поддержки сиротамъ, оказаніе неимущимъ медицинской помощи, устройство больницъ, богадѣленъ, открытіе общественныхъ столовыхъ, чайныхъ, дешевыхъ квартиръ, ночлежныхъ домовъ и домовъ трудолюбія и т. п. Членами попечительствъ могутъ быть лица совершеннолѣтнія обое-

го пола, безъ различія званій, состояній и вѣроисповѣданія. Попечительство открывается членами-учредителями въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ одного прихода, села, мѣстечка или города. Лица, желающія вступить въ члены попечительства, избираются въ собраніи членовъ по большинству голосовъ. Утверждаются попечительства властью губернатора по представленію уѣздныхъ земскихъ управъ. Средства попечительства слагаются изъ добровольныхъ пожертвованій деньгами и вещами, изъ доходовъ отъ концертовъ, лекцій, литературныхъ чтеній и т. п. Кромѣ того, попечительства могутъ пользоваться средствами губернскаго земства, ассигнуемыми въ распоряженіе уѣздныхъ земствъ въ размѣрѣ не свыше ассигновокъ на тотъ же предметъ уѣздныхъ земствъ. При закрытіи попечительства всѣ наличныя средства поступаютъ въ распоряженіе уѣзднаго земства на дѣло общественнаго призрѣнія. Собраніе членовъ происходитъ по мѣрѣ надобности. Дѣлами попечительства управляетъ правленіе. Коммиссія, вырабатывавшая этотъ проектъ устава благотворительныхъ мѣстныхъ попечительствъ съ изданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 97 году примѣрнымъ уставомъ обществъ пособія бѣднымъ, находитъ, что по министерскому уставу: 1) вводится въ дѣло излишняя регламентація; 2) общественная благотворительность будетъ опираться не на все населеніе, а лишь на нѣсколькихъ лицъ (земскаго начальника и т. п.); 3) не менѣе чѣмъ трехрублевый членскій взносъ будетъ тормозомъ въ дѣлѣ развитія подобныхъ благотворительныхъ учрежденій.

Къ будущему 1901 г. губернскому земскому собранію поручено коммиссіи подготовить вопросъ о болѣе дѣятельномъ участіи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія.

При обзорѣ формъ общественной самодѣятельности нельзя пройти молчаніемъ потребительныя общества. Послѣднія, несмотря на свою практичность и выгоды, представляемыя членамъ, въ селеніяхъ мало распространены. Возникшія большею частью, благодаря почину и матеріальной поддержкѣ частныхъ лицъ, въ Пермской, Новгородской, Бессарабской и друг. губерніяхъ работаютъ часто съ успѣхомъ и кромѣ удешевленія пріобрѣтенія необходимыхъ продуктовъ, открывали на чистую прибыль разныя свои учрежденія, наприм., крестьянское общество Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губерніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на средства потребительнаго общества открыло вѣтряную мельницу, ссудо-сберегательную кассу съ капиталомъ 2,000 руб., училище, что входитъ въ § 1 нормальнаго устава. Примѣчаніе: при обществѣ могутъ быть, съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ дѣйствующихъ постановленій, организуемы учрежденія, имѣющія цѣлью различными средствами и способами улучшать матеріальныя и нравственныя условія жизни членовъ общества.

Во время экстренныхъ нуждъ и народныхъ бѣдствій «Красный Крестъ» оказывалъ помощь въ широкихъ размѣрахъ при временной организаціи попечительствъ и, подобно другимъ летучимъ отрядамъ и помощи, при отсутствіи постоянной мѣстной мелкой организаціи въ неизвѣст-

ныхъ условіяхъ долженъ тратить много лишнихъ средствъ и силъ, не достигать желаемаго результата, терять на будущее время дорогой опытъ и часто дѣйствовать не согласно съ земскими начинаніями на томъ же поприщѣ.

Въ 1880 году въ Полтавской губерніи на борьбу съ дифтеритомъ соединенныхъ суммъ земства затрачено было 351,919 руб. Устройство отрядовъ, организація сношенія ихъ, обезпеченіе персонала помѣщеніемъ и разъѣздами совершались въ различныхъ мѣстахъ различно.

Въ первое полугодіе персоналъ отрядовъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе обособлено отъ земскаго персонала, а во второмъ—совершенно слился съ земскимъ. Въ 1881 г. окончилась борьба съ дифтеритомъ, который основалъ постоянное пребываніе въ губерніи. Причины неудачнаго исхода борьбы были указаны Н. И. Пироговымъ на обращеніе къ нему распорядительнаго комитета: борьба съ эпидеміей на пространствѣ цѣлой губерніи съ тѣми относительно ничтожными силами, съ какими она велась, «не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ иллюзіей и самообольщеніемъ», что при средствахъ, которыми располагала зараженная дифтеритомъ губернія, и «ничего нельзя было иного сдѣлать, какъ что-нибудь».

Во время неурожая 92 г. особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича въ помощь «мѣстному управленію образовалъ уѣздныя попечительства» и возложилъ на нихъ распоряженіе по открытію въ уѣздахъ дальнѣйшей сѣти мелкихъ попечительствъ и по своевременному направленію помощи въ ту или другую мѣстность, захваченную бѣдствіемъ неурожая.

Несмотря на то, что всѣ образованныя такимъ путемъ попечительства выполнили свою задачу съ успѣхомъ, всетаки, по мнѣнію руководителей благотворительною помощью отъ «Краснаго Креста», необходимо желать образованія постоянныхъ учрежденій, готовыхъ во всякое время развернуть свою дѣятельность для борьбы съ тѣмъ или другимъ народнымъ бѣдствіемъ и уменьшить тягость его послѣдствій своевременной подачей населенію посильной помощи, которая не можетъ не оказаться нѣсколько запоздавшей при необходимости въ моментъ наступленія нужды формировать временныя благотворительныя учрежденія. Такими вспомогательными мѣстному управленію учрежденіями по § 22 устава «Краснаго Креста» могли бы быть уѣздные комитеты, допускаемые по ходатайству мѣстнаго губернскаго управленія «Краснаго Креста» съ согласія губернатора, даже въ томъ случаѣ, если пять лицъ вступятъ въ число дѣйствительныхъ членовъ «Краснаго Креста».

Намъ кажется гораздо проще организовать изъ мѣстнаго управленія подобную помощь при дальнѣйшемъ развитіи и развѣтвленіи уѣзднаго земства въ видѣ постоянныхъ попечительствъ или въ видѣ мелкой земской единицы, чѣмъ съ добавочной организаціей «Краснаго Креста» и т. д. Обособленные органы земства отъ земской управы министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно даже не разрѣшало. Напримѣръ, полтавскому уѣздно-

му земству, желавшему учредить «попечительные совѣты» для непосредственнаго завѣдыванія на мѣстахъ дѣломъ призрѣнія, было высказано, что осуществленіе предположенія объ учрежденіи новыхъ органовъ для непосредственнаго завѣдыванія на мѣстахъ общественнымъ призрѣніемъ выходитъ изъ предѣловъ существующихъ узаконеній по этому предмету и не оправдывается дѣйствительною въ томъ потребностью, такъ какъ ст. 59 пол. о з. уч. земствамъ предоставляется избирать для завѣдыванія подвѣдомственныхъ ему благотворительными заведеніями уполномоченныхъ изъ числа земскихъ гласныхъ и полтавскому уѣздному земству разрѣшено было привлечь нѣкоторыхъ другихъ лицъ, лишь къ ближайшему завѣдыванію благотворительныхъ заведеній, а не всѣмъ дѣломъ призрѣнія.

Въ 90 г. хорольскому земству опротестовано было постановленіе учредить сельско-хозяйственную коммиссію съ составомъ не только гласныхъ, а также сельскихъ хозяевъ, управляющихъ и свѣдующихъ людей по приглашенію управы. Хотя земство не лишено права приглашать къ занятіямъ постороннихъ лицъ, но участіе ихъ по ст. 75 вр. пр. допускается лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Кромѣ того, означенная коммиссія по характеру дѣятельности не можетъ быть названа ни ревизіонной, ни редакціонной, потому является новымъ органомъ, который собраніе не имѣло права учреждать безъ разрѣшенія правительства.

Представленный Сарапульскимъ уѣзднымъ земствомъ проектъ комитета съ цѣлью изученія сельскаго хозяйства и его недостатковъ, устраненія ихъ и поднятія земледѣльческой промышленности, гдѣ въ программу входило учрежденіе артелей и товариществъ и пр., мин. вн. дѣлъ не утверждено и губернаторъ предложилъ немедленно закрыть комитетъ.

Съ 1895 г. получили большое распространеніе попечительства о народной трезвости мин. финансовъ. Борьба съ пьянствомъ, этимъ застарѣлымъ нашимъ зломъ, не легка, — говоритъ циркуляръ мин. финансовъ чинамъ акцизнаго вѣдомства 1894 г. 22 дек. — Она требуетъ не только соотвѣтственныхъ измѣненій въ условіяхъ питейной торговли, но должна быть для желательнаго успѣха вспомоществуема совокупными усиліями всѣхъ лучшихъ людей общества.

Поэтому одновременно съ положеніями о казенной продажѣ питей вводится дѣйствіе устава попечительствъ о народной трезвости, Высочайшее утвержденіе коего послѣдовало 20 дек. 1894 г. Хотя уставъ не устраняетъ участія въ занятіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ общественныхъ силъ: (туда входятъ 4 представителя изъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, члены почетные и соревнователи обоего пола всѣхъ званій), но преимущественно комитетъ состоитъ изъ лицъ на государственной службѣ, причемъ составъ городскихъ и уѣздныхъ комитетовъ комплектуется мин. финансовъ по соглашенію съ мин. вн. дѣлъ.

По уставу, попечительства получаютъ пособіе отъ казны и субсидируются частныя учрежденія, преслѣдующія однородныя съ попечительствомъ задачи, хотя бы и съ иными цѣлями, но прибѣгающія къ мѣропріятіямъ,

могущимъ входить и въ программу дѣятельности попечительствъ. Размѣръ пособій опредѣленъ на губернію въ 50,000 руб.

Въ докладѣ А. А. Шумахера о дѣятельности попечительствъ о народной трезвости мин. финансовъ въ южной и восточной Россіи коммиссія по изученію алкоголизма въ Петербургѣ приходитъ къ заключенію, что общая совокупность имѣющихся данныхъ объ этихъ попечительствахъ, какъ-то: учащеніе засѣданій комитетовъ, возрастаніе числа членовъ, числа лицъ, которыя принимаютъ участіе въ этихъ засѣданіяхъ, прогрессивный ростъ числа устраиваемыхъ попечительствомъ чайныхъ, чайно-столовыхъ, библіотекъ, читаленъ и народныхъ чтеній, быстрое пониженіе суммъ, остающихся неизрасходованными комитетами попечительства въ концѣ каждаго года и, наконецъ, возрастаніе числа собственныхъ помѣщеній, устроенныхъ попечительствами для своихъ учрежденій,—все это, въ связи съ имѣющимися данными о сочувственномъ къ попечительствамъ со стороны общества отношеніи, не оставляетъ сомнѣнія въ жизненности этихъ учрежденій и гарантируетъ прогрессивное развитіе ихъ, въ особенности, если будутъ осуществлены преобразованія въ составѣ попечительствъ (участіе въ комитетѣ членовъ-соревнователей и другихъ лицъ на мѣстной общественной и государственной службѣ) и упростится порядокъ разрѣшеній народныхъ чтеній и библіотекъ-читаленъ.

Необходимость у насъ участія общественныхъ элементовъ особенно сказывается въ организаціи и веденіи дѣла общественныхъ работъ.

Въ циркулярѣ мин. вн. дѣлъ отъ 17 авг. 1901 г. говорится: «весьма естественно, что въ послѣднее время каждый разъ, когда въ сколько-нибудь значительномъ районѣ обнаруживается недородъ,—въ связи съ ожиданіемъ этого бѣдствія возникаетъ мысль о необходимости организаціи общественныхъ работъ въ постигнутыхъ имъ мѣстностяхъ».

«Къ тому же въ 1899 г. въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Симбирской попечительствомъ о домахъ трудолюбія былъ произведенъ вполнѣ удачный опытъ ихъ, дающій весьма цѣнныя указанія для наиболѣе цѣлесообразнаго устройства общественныхъ работъ.

Чисто-бюрократическая организація въ 1891—92 г. общественныхъ работъ г. Анненковымъ имѣла весьма печальные результаты. Официальные отчеты констатируютъ, что организація и порядокъ были прямо невѣроятные; несмотря на многомилліонныя затраченныя суммы, помощь голодающимъ была ничтожная. 40% отпущенной суммы пошло только на рабочую плату, остальное на матеріалы и администрацію. Работы запаздывались, рабочіе непроизводительно тратили массу времени на переѣзды, ожиданія.

Заработки въ Саратовской губерніи были на человѣка въ среднемъ 4, на Новороссійскомъ шоссе 15 руб. 14 коп. За этимъ скуднымъ заработкомъ они прибыли за тысячи верстъ и ничего не могли принести своимъ семьямъ.

Встрѣчались случаи мѣсячной оплаты нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, работавшихъ въ дѣйствительности только четыре дня.

Въ 1893 г. особая коммиссія, осматривавшая работы на Новороссійскомъ шоссе, нашла, что около 1 милл. руб. израсходовано было безъ всякой пользы.

По словамъ г. Глазова, ознакомившагося съ отчетомъ контроля, «все это кажется какимъ-то анекдотомъ; между тѣмъ все это было констатировано офиціальнымъ путемъ, причемъ и особое совѣщаніе, и особая коммиссія (для осмотра работъ и ликвидаціонная), и государственный контроль чуть ли не на каждомъ шагу разводили только руками, не будучи въ состояніи не только объяснить, но и понять многаго» *).

Аналогичныя благотворительныя общества при лѣчебницахъ, патронаты при тюрьмахъ въ Россіи также имѣютъ весьма слабое развитіе, несмотря на то, что недостатка въ интеллигентныхъ лицахъ и заинтересованныхъ въ послѣднемъ дѣлѣ, кажется, не должно бы быть, особенно въ губернскихъ городахъ съ окружными судами.

По докладу С. К. Гогеля на съѣздѣ русскихъ криминалистовъ въ 1901 г. въ Москвѣ, въ Англіи число обществъ патроната въ общемъ соотвѣтствуетъ числу тюремъ; Германія и Бельгія покрыта сѣтью многочисленныхъ обществъ патроната (напр., 60 въ Баденскомъ и 144 въ Баварскомъ королевствѣ), а въ Россіи съ ея 100,000 средне-суточнымъ тюремнымъ населеніемъ и 870 мѣстами заключеній всего только 6 патронатовъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что патронатъ въ Россіи началъ возникать не позже, чѣмъ на Западѣ (въ Англіи съ 1816 г., во Франціи съ 1819 г., въ Германіи съ 1826 г., въ Россіи съ 1819 г.).

Препятствіемъ къ развитію у насъ учрежденій патроната служилъ бюрократическій уставъ 1851 г., изгнавшій изъ попечительнаго о тюрьмахъ общества всякое активное участіе свободныхъ общественныхъ силъ. Для развитія патроната въ Россіи надо облегчить проявленіе частной иниціативы и оказывать ей содѣйствіе. По мнѣнію докладчика, это дѣло главнымъ образомъ частной иниціативы.

На съѣздѣ криминалистовъ высказывались разнообразныя мнѣнія объ иниціативѣ у русскихъ людей: одни говорили, что въ нашемъ обществѣ много потенціальной, скрытой иниціативы, много людей, которые поймутъ необходимость полезныхъ учрежденій, но мало знанія, какъ взяться за дѣло, нужно только дѣло поставить въ правильныя условія; другіе утверждали, что у русскихъ людей еще мало иниціативы и что трудно разсчитывать на учрежденіе общества патроната, если не будетъ помощи и вліянія со стороны. Въ заключеніе съѣздъ постановилъ образовать при комитетѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ постоянное бюро для содѣйствія развитію и открытію мѣстныхъ обществъ патроната, и признано крайне желательнымъ участіе въ дѣлѣ патроната органовъ общественнаго самоуправленія.

---

*) Заимствовано изъ статьи Е. Максимова; „Изъ опыта общественныхъ работъ послѣдняго времени“. *Русск. Вѣд.*, 283 и 300.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ о конечномъ развитіи земской санитарной организаціи и о имѣющихъ съ нею тѣсную связь благотворительныхъ, экономическихъ и другихъ аналогичныхъ институтахъ. Цѣль доклада—поставить на видъ необходимость всесторонняго, объективнаго изслѣдованія этой общественной ячейки, отъ жизнедѣятельности которой находится въ большой зависимости успѣхъ земской медицины.

Важный практическій интересъ могутъ представить данныя по организаціи благотворительныхъ, санитарныхъ, экономическихъ учрежденій въ Россіи, размѣръ ихъ дѣятельности, степень активнаго участія населенія, причина успѣха и неудачъ, дальнѣйшія задачи въ работахъ этихъ обществъ и попечительствъ. Теперь, когда такъ живо во многихъ земствахъ поднятъ вопросъ о мелкой земской единицѣ и почти всѣми признается дефектъ въ мелкой земской организаціи, освѣщеніе этой стороны дѣла весьма интересно.

Имѣющіяся офиціальныя данныя объ общественномъ призрѣніи и благотворительности, хотя въ количественномъ отношеніи и богаты, но часто далеко неполны въ деталяхъ и крайне запоздалы въ настоящее время. Матеріалы коммиссіи ст.-секр. К. К. Грота относятся къ 1890 г., сборникъ свѣдѣній о благотворительности даетъ только цифровыя таблицы о благотворительныхъ учрежденіяхъ Россіи и числѣ призрѣваемыхъ лицъ; вовсе не освѣщены нѣкоторыя интересныя стороны, исторія возникновенія, организація, участіе общественныхъ элементовъ въ этихъ учрежденіяхъ.

Пироговское общество русскихъ врачей, выполнившее съ успѣхомъ задачу по собиранію свѣдѣній о земской медицинѣ въ Россіи за 25 л., а затѣмъ о врачебно-санитарной организаціи въ городахъ, такъ же хорошо сумѣетъ выполнить дѣло по собиранію свѣдѣній по общественному призрѣнію, о благотворительныхъ и санитарныхъ попечительствахъ и обществахъ и т. п. организаціяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ врачебно-санитарнымъ дѣломъ въ Россіи.

Ближайшіе губернскіе съѣзды врачей, которые поставили бы въ программу занятій вопросъ о положеніи дѣла подобныхъ организацій по уѣздамъ своей губерніи, въ значительной степени облегчили бы общую работу по Россіи, провентилировавъ у себя этотъ вопросъ.

М. С. Толмачевъ.

P.S. VIII пироговскій съѣздъ въ Москвѣ 8 января 1902 г. сдѣлалъ постановленіе собрать при посредствѣ своего правленія свѣдѣнія о санитарныхъ, благотворительныхъ и другихъ мѣстныхъ органахъ, имѣющихъ съ ними тѣсную связь.

Положенія доклада д-ра М. С. Толмачева *).

1. Земская медицина, въ ея настоящемъ развитіи, оставляетъ многія врачебно-санитарныя нужды населенія безъ достаточнаго удовлетворенія.

*) Докладъ, прочитанный на VIII Пироговскомъ съѣздѣ.

Къ числу такихъ нуждъ относятся: снабженіе больныхъ, пользующихся въ лѣчебницахъ, различнаго рода механическими приспособленіями, какъ-то: бандажами, искусственными конечностями, очками и проч., обезпеченіе дѣтей надлежащимъ уходомъ во время пребыванія ихъ матерей въ лѣчебницахъ, улучшеніе питанія для нѣкоторыхъ больныхъ, пользующихся амбуляторно, или оставившихъ лѣчебницы, помощь хроническимъ и неизлѣчимо-больнымъ, руководство и ближайшее наблюденіе за поддержаніемъ въ селеніяхъ чистоты, за состояніемъ водоснабженія, за мѣрами предосторожности при появленіи эпидемическихъ заболѣваній и т. д. и т. д.

2. Болѣе и менѣе широкое и полное удовлетвореніе указанныхъ и многихъ другихъ врачебно-санитарныхъ нуждъ населенія возможно и посильно только путемъ организаціи мѣстныхъ участковыхъ санитарныхъ совѣтовъ, попечительствъ или благотворительныхъ обществъ при ближайшемъ и активномъ участіи населенія участка въ лицѣ наиболѣе состоятельныхъ и просвѣщенныхъ его представителей и при содѣйствіи земства и его врачебно-санитарныхъ органовъ.

3. Существующіе въ настоящее время, въ незначительномъ числѣ разнаго рода участковые санитарные совѣты, попечительства, благотворительныя общества, проявляютъ свою дѣятельность въ зависимости отъ случайныхъ причинъ и средствъ, чаще всего благодаря дѣятельному участію и поддержкѣ отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ тому или другому начинанію, ведутъ свои работы односторонне, нерѣдко безъ опредѣленной системы, и не въ состояніи систематически и въ достаточной мѣрѣ удовлетворять многія насущныя врачебно-санитарныя нужды мѣстнаго населенія.

4. Необходимымъ условіемъ для развитія и прочнаго положенія мѣстныхъ врачебно-санитарныхъ организацій является установленіе мелкой земской единицы, такъ какъ только на ея почвѣ могла бы развиться дѣйствительная самодѣятельность и самопомощь населенія и такъ какъ только при ея посредствѣ уѣздныя и губернское земства получили бы возможность, удобно и справедливо, оказывать населенію свое содѣйствіе въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ и частныхъ нуждъ и проводить въ населеніе, увѣренно и систематически, тѣ или иныя мѣропріятія, клонящіяся къ улучшенію санитарнаго состоянія населенія.

5. Не дожидаясь установленія мелкой земской единицы, земства и земская медицина должны теперь же всячески стремиться къ конечному развитію своихъ органовъ—къ устройству мѣстныхъ санитарныхъ совѣтовъ, попечительствъ, благотворительныхъ обществъ, въ цѣляхъ выясненія и посильнаго удовлетворенія тѣхъ врачебно-санитарныхъ нуждъ населенія, которыя въ настоящее время не могутъ быть выполнены существующей организаціей.

6. Ближайшими задачами такихъ организацій въ санитарномъ отношеніи должны быть: помощь населенія участка въ удовлетвореніи больныхъ различнаго рода необходимыми механическими аппаратами, доставленіе надлежащаго ухода дѣтямъ, матери которыхъ лѣчатся въ больницѣ, по-

собія больнымъ на улучшеніе питанія; руководство и помощь при устройствѣ школьнаго приварка для учениковъ, при организаціи яслей для дѣтей на лѣтнее время, участіе и ближайшее наблюденіе за мѣрами предосторожности при появленіи эпидемическихъ заболѣваній, руководство и наблюденіе за поддержаніемъ въ селеніяхъ чистоты, за состояніемъ водоснабженія и т. д. и т. д.

7. Каковъ бы ни былъ уставъ для дѣятельности такихъ совѣтовъ, попечительствъ, благотворительныхъ обществъ, организація ихъ должна быть по возможности не сложна, причемъ:

8. Въ составъ такихъ учрежденій должны входить всѣ мѣстные жители, по ихъ желанію, но съ обязательной, хотя бы самой минимальной платой, въ виду тѣсной связи врачебно-санитарныхъ нуждъ съ нуждами сельско-хозяйственными и экономическими и въ виду недостатка въ селеніяхъ интеллигентныхъ силъ и средствъ; при организаціи санитарныхъ совѣтовъ, попечительствъ, слѣдуетъ сосредоточивать въ нихъ, кромѣ врачебныхъ, другія мѣстныя нужды, каковы сельско-хозяйственныя, образовательныя, экономическія.

9. Въ цѣляхъ накопленія практическихъ указаній и обмѣна мнѣній для лучшей постановки такихъ мѣстныхъ органовъ желательно собрать свѣдѣнія о существующихъ этого рода учрежденіяхъ при посредствѣ пироговскаго правленія, тѣмъ путемъ, какой будетъ признанъ правленіемъ наиболѣе удобнымъ, для ознакомленія съ ихъ дѣятельностью и для уясненія наилучшихъ формъ ихъ.

Къ вопросу о сельско-хозяйственной взаимопомощи.

Вопросъ о взаимопомощи въ сельскомъ хозяйствѣ снова выдвинулся на очередь. Появилось нѣсколько новыхъ изслѣдованій противниковъ повышенія пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты, рекомендующія кооперацію всѣмъ занимающимся сельскимъ хозяйствомъ. Д-ръ Нимицкій издалъ брошюру: «Die Ueberwindung der Getreidebrot Krisis durch ländliche Bäckerei-Genossenschaften». Д-ръ Пудоръ написалъ книжку: «Die Selbsthilfe der Landwirtschaft». (Ein Beitrag zur Zolltarifvorlage), которой мы главнымъ образомъ и воспользуемся. Даже такія педагогическія книжки, какъ только что появившееся сочиненіе Э. Пти: «L'école de demain», посвящаютъ нѣсколько страницъ сельско-хозяйственной кооперації.

Въ этой статьѣ мы займемся той отраслью сельско-хозяйственной кооперації, которая является теперь наиболѣе распространенной и развитой: это кооперація въ молочномъ дѣлѣ. Но прежде чѣмъ начать сухой обзоръ этого дѣла въ различныхъ странахъ, мы предпошлемъ ему разсказъ Э. Пти объ одномъ деревенскомъ кооператорѣ, чтобы показать, какую роль играетъ личность въ сельской кооперації.

«Я знаю одного человѣка,—разсказываетъ Пти,—который, будучи самъ бѣднякомъ, старается улучшить положеніе бѣдныхъ; который, благодаря своей изобрѣтательности, увлекательности, своему бодрящему настроенію, удерживаетъ, дѣлаетъ счастливыми крестьянъ дома, въ то время, когда многіе оставляютъ фермы для фабрикъ, поля для городскихъ агломерацій, дѣлаетъ счастливыми тѣхъ, кто еще вчера отдавался печали и отчаянью, думая покинуть деревню.

«Я знаю человѣка, который втолковалъ сельскимъ рабочимъ, арендаторамъ, какая сила кроется въ ассоціаціи, какое богатство въ единеніи бѣдноты, какое матеріальное и моральное наслажденіе въ братствѣ.

«Вотъ какъ этотъ человѣкъ взялся за дѣло:

«Онъ жилъ въ департаментѣ Нижней Шаранты; родился въ одной коммунѣ, внезапно обѣднѣвшей отъ гибели виноградниковъ. Ему приходилось существовать среди населенія, почувствовавшаго нужду и отчаивающагося. Онъ сталъ обдумывать средства выручить его изъ этого положенія, вер-

нуть ему благоденствіе. Въ августѣ 1897 г., въ меріи, онъ собралъ обитателей деревни и изложилъ имъ свой планъ, идею, «которая пришла ему въ голову» при видѣ немногочисленныхъ коровъ, блуждающихъ по коммунальнымъ лугамъ. Онъ сталъ убѣждать крестьянъ основать кооперативную молочную для совмѣстнаго приготовленія сливочнаго масла. Крестьяне поняли и одобрили его предложеніе, образовавъ кооперацію мѣсяцъ спустя.

«Въ настоящее время эта кооперація въ цвѣтущемъ состояніи. Она, благодаря своимъ анализамъ, сдѣлала сниманіе сливокъ и разбавленіе водой невозможнымъ. Она хорошо перерабатываетъ молоко, благодаря пріобрѣтенію образцоваго сепаратора. Кооперація свела къ минимуму издержки производства. Она выгодно продаетъ свое масло. Она предоставляетъ сыворотку для кормленія телятъ и свиней. Она оплачиваетъ молоко, приносимое каждымъ членомъ 12 сантимами за литръ, т.-е. на 5 сантимовъ дороже того, что они получали прежде, когда были разъединены. Деньги въ количествѣ 3,000 франковъ, необходимыя, чтобы обставить помѣщеніе молочной, кооперація заняла у трехъ своихъ членовъ. Вычета по одному сантиму съ литра молока въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ было достаточно для погашенія долга и образованія средствъ для текущихъ издержекъ.

«Какіе же результаты дала кооперація для деревни?

«15 августа 1897 г. коммуна насчитывала 15 коровъ, а въ настоящее время въ ней 230 коровъ. Число же свиней удвоилось.

«Это еще не все. Человѣкъ, о дѣлахъ котораго я разсказываю, ободренный успѣхомъ, основалъ сельско-хозяйственный синдикатъ, снабжающій собственниковъ удобреніями на выгодныхъ условіяхъ. Онъ устроилъ питомникъ, чтобы возобновить виноградники. Онъ учредилъ безвозмездное страхованіе коровъ для членовъ кооперации. Онъ основалъ кассу сельскохозяйственнаго кредита, безъ всякихъ формальностей ссужающую до 500 франковъ по 3% всѣхъ трудящихся. Герой моего разсказа—простой учитель, о чемъ вы, вѣроятно, уже догадались».

Обратимся сначала къ Даніи, какъ къ странѣ, гдѣ кооперація особенно проявила свое благодѣтельное вліяніе на молочное дѣло. Исторію датскаго молочнаго хозяйства обыкновенно дѣлятъ на четыре періода. Первый періодъ до 1860 г. характеризуется примитивностью пользованія молокомъ. Съ 1860 г. начинается примѣненіе научныхъ анализовъ къ молочному дѣлу. Третій періодъ начинается съ введеніемъ въ 1878 г. сепаратора сливокъ, революціонизировавшаго молочное хозяйство Даніи. Наконецъ, четвертый періодъ начинается съ 1882 г., когда одинъ ученый ввелъ въ употребленіе пастеризацію и аппараты для опредѣленія количества жировъ въ молокѣ.

Кооперативный принципъ сталъ фигурировать въ исторіи молочнаго хозяйства Даніи съ 1882 г. Онъ идетъ рука объ руку съ техническимъ прогрессомъ. Первую кооперативную молочную основалъ С. Андерсенъ въ западной Ютландіи. Въ 1886 и 1887 гг. кооперативныя молочныя уже распространились по всей странѣ, а въ 1893 году число ихъ равнялось

1,013 съ 125,000 членовъ. На каждую кооперацію приходится въ среднемъ 120 членовъ, число же коровъ колеблется между 200—400 въ западной Ютландіи и между 1,000—1,400 въ восточной Ютландіи и на островахъ. Каждая корова даетъ въ годъ въ среднемъ 3,500—4,000 килограммъ молока. Члены кооперацій должны брать обратно остатки послѣ выдѣлки масла, брать пропорціонально количеству доставленнаго молока. Причемъ законъ отъ 26 марта 1898 г. обязуетъ кипятить молоко до 68 градусовъ по R. для уничтоженія туберкулеза. Опредѣленіе количества жировъ въ молокѣ дѣлается при помощи аппаратовъ д-ра Гербера и доцента Фьорда, которому Данія сверхъ этого обязана организаціей сельскохозяйственнаго преподаванія. Кооперація оплачиваетъ молоко, доставляемое членами по процентному содержанію жировъ, пользуясь таблицами, составленными Фьордомъ. Существуютъ, впрочемъ, молочныя, оплачивающія молоко по вѣсу. Разсчетъ производится по мѣсяцамъ. Управленіе кооперацією обходится очень дешево, такъ какъ платныхъ должностей нѣтъ и членъ, выбранный въ правленіе, не имѣетъ права отказываться. Для сооруженія зданія молочной или, вѣрнѣе, завода обыкновенно прибѣгаютъ къ займу, погашеніе котораго гарантируется всѣми членами пропорціонально числу ихъ коровъ. Долгъ въ большинствѣ случаевъ уплачивается въ теченіе десяти лѣтъ, такъ что большая часть кооперативныхъ молоченъ теперь свободна отъ него. Въ Ютландіи и на островѣ Фьенѣ кооперативныя молочныя образовали спеціальные союзы, устраивающіе выставки масла, изслѣдующіе послѣднее, занимающіеся статистикой масла, сравнивающіе отчеты отдѣльныхъ молоченъ и покупающіе молочную посуду и другую утварь. Эти союзы принимаютъ въ члены также некооперативныя молочныя фермы. Ютландскіе спеціальные союзы отдѣльныхъ округовъ объединились въ 1895 г. въ одинъ общій союзъ, охватывающій 10 отдѣльныхъ союзовъ. Въ качествѣ членскаго взноса $^1/_2$ ёре (1 ёре=$^1/_2$ коп.) съ каждыхъ 100 фунтовъ масла. Кромѣ покупки орудій и утвари союзъ стремится ввести единство въ счетоводство и согласовать качество масла съ цѣнами. Изъ ютландскаго союза по всей вѣроятности возникнетъ огромный союзъ, охватывающій все государство. Пока же рука объ руку съ ютландскимъ союзомъ работаетъ датскій союзъ служащихъ въ молочныхъ, основанный въ 1887 г. и охватывающій большинство служащихъ. Этотъ союзъ служитъ объединенію послѣднихъ. Число его членовъ равнялось въ 1897 г. 1,300 и распредѣлялось между 21 округомъ. Союзъ очень много содѣйствуетъ развитію торговли масломъ.

На восточныхъ островахъ, Сьеландѣ, Лолландѣ, Фальстерѣ и Горнгольмѣ кооперативная организація шла инымъ путемъ. При помощи датской крестьянской кассы кооперативныя молочныя образовали большое товарищество для экспорта, насчитывавшее въ 1897 г. 120 молочныхъ, между тѣмъ какъ оборотъ его равнялся 13$^1/_2$ милл. кронъ. Экспортное товарищество занимается также закупкой кормовъ. Экспортъ масла совершается товариществомъ по большей части безъ посредничества крупныхъ

копенгагенскихъ коммерсантовъ. Платежъ производится или наличными, или переводами. Въ иныхъ случаяхъ допускается продажа масла внутри страны.

Интересно также другое товарищество, основанное въ 1895 г. и называющееся датской кооперацiей для упаковки масла, центръ которой находится въ Эсбьергѣ на западномъ берегу Ютландiи. Ея членами состояли въ 1897 г. 20 молочныхъ. Помимо экспорта въ Англiю ей удалось завязать правильныя торговыя сношенiя съ Парижемъ, гдѣ несоленое масло (кооперацiя производитъ только такое) потребляется охотнѣе и оплачивается выше всего. Между тѣмъ какъ французское масло держится только 2—3 дня и должно сохраняться искусственно, масло этой датской кооперацiи не портится въ теченiе недѣли. Обычный въ Данiи контроль и тутъ повысилъ качество масла. Описываемая кооперацiя получаетъ отъ каждой изъ 20 молочныхъ около 3,000 фунтовъ масла еженедѣльно. Впрочемъ, эта кооперацiя занимается не одной торговлей. У нея имѣется особое помѣщенiе, гдѣ полученное масло улучшается путемъ согрѣванiя и замораживанiя.

Въ тѣсной связи съ перечисленными кооперацiями находятся контрольныя общества, сдѣлавшiя очень много для сохраненiя и развитiя кооперативной дисциплины и представляющiя изъ себя важный органъ демократическато децентрализующаго принципа самопомощи.

Задача датскихъ контрольныхъ обществъ заключается въ повышенiи доходности молочнаго хозяйства путемъ строгаго наблюденiя за кормленiемъ скота и его доенiемъ у каждаго изъ членовъ. Для контроля каждое общество имѣетъ аппаратъ, съ помощью котораго очень точно, быстро и дешево узнается насколько молоко богато жировыми веществами. Контролеры обществъ посѣщаютъ хозяйства членовъ, смотрятъ за доенiемъ коровъ, вѣшаютъ молоко, берутъ пробы его и опредѣляютъ качество молока каждой коровы. Наконецъ, они осматриваютъ кормъ и кормленiе, сравниваютъ, какое молоко получается при томъ или другомъ кормѣ. Для опредѣленiя жирового содержанiя молока употребляется аппаратъ д-ра Гербера или колобрибетирометръ. Большое значенiе имѣетъ то обстоятельство, что контролеры вполнѣ знакомы съ дѣломъ, что они, съ одной стороны, добросовѣстны, а съ другой—вѣжливы и что они одинаково сильны въ теорiи, какъ на практикѣ. Сверхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣнiй, полученныхъ въ высшемъ учебномъ заведенiи, они знакомы съ бухгалтерiей.

Контроль производится два раза въ мѣсяцъ; это составляетъ около 20 осмотровъ на корову въ годъ. Контролеръ посѣщаетъ въ мѣсяцъ обыкновенно 14 молочныхъ.

Сельское хозяйство Данiи обязано своимъ необычайнымъ развитiемъ не только одной кооперацiи, но и превосходно обставленной высшей ветеринарной и сельско-хозяйственной школѣ въ Копенгагенѣ. Она была основана еще въ 1773 г. Лекцiи этой высшей школы доступны для всѣхъ

желающихъ безъ всякаго предварительнаго экзамена. Предварительно экзаменуются только тѣ, которые намѣрены сдавать государственный экзаменъ. При школѣ находится обширная площадь земли для практическихъ экспериментовъ. Она, между прочимъ, устраиваетъ постоянно выставки масла, въ которой участвуютъ 800 молочныхъ. Изъ 2,153 пробъ масла, фигурировавшихъ на выставкѣ 1900 г., 2,110 пробъ содержали всего отъ 10 до 16% воды (это является нормальнымъ для датскаго масла), остальныя же пробы содержали отъ 16 до 20% воды.

Датское масло является наилучшимъ въ Европѣ и потому неудивительно, что его экспортъ быстро растетъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Годы.	1896/97	1897/98	1898/99	1899/1900
Англія . .	124.050,068	139.557,161	140.894,253	144.611,129
Германія. .	2.877,679	2.778,517	2.811,887	3.860,510
Швеція. . .	692,191	355,366	295,198	393,720
Норвегія . .	44,154	40,853	18,779	19,080
Голландія .	94,591	91,746	28,938	2,481
Бельгія . .	33,806	43,109	68,760	50,528
Испанія . .	67,658	—	—	31,640
Франція . .	18,048	10,188	3,553	2,873
Америка . .	4,387	24,129	2,470	24,338
Вост. Азія .	—	64,310	147,046	133,016
Друг. страны	198,270	92,639	98,050	158,489
	128.080,861 ф.*)	143.058,018 ф.	144.368,934 ф.	149.292,724

Что касается цѣнъ на датское масло, то онѣ въ среднемъ были одинаковы въ 1900 и 1899 гг., равняясь 50 копейкамъ за фунтъ.

Обратимся теперь къ странамъ, взявшимъ примѣръ съ Даніи въ дѣлѣ молочной кооперації. Такими странами являются Финляндія и Ирландія.

Финляндія съ большимъ успѣхомъ скопировала кооперативныя молочныя Даніи. Даже въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ зима продолжается 8 мѣсяцевъ, гдѣ растительность бѣдна и требуется борьба съ суровой природой, встрѣчаются технически образцовыя молочныя. Несмотря на неблагопріятный климатъ, вывозъ молочныхъ продуктовъ изъ Финляндіи быстро растетъ и масло конкурируетъ на лондонскомъ рынкѣ съ датскимъ, не говоря уже о томъ, что довольно значительное количество его попадаетъ сперва въ Данію, откуда вывозится въ Англію въ качествѣ датскаго.

Для иллюстрації возникновенія финляндскихъ кооперативныхъ молоченъ приведемъ исторію одной изъ нихъ, находящейся въ Сиденмеэ. Эта кооперація охватываетъ всю деревню. Одинъ крестьянинъ построилъ на свой счетъ помѣщеніе для молочной и пріобрѣлъ машины. Первое время онъ обрабатывалъ молоко только отъ своихъ коровъ. Впослѣдствіи онъ

*) Фунты вездѣ иностранные.

сталъ покупать молоко у сосѣдей. Чтобы побудить послѣднихъ къ регулярной доставкѣ молока, онъ заключилъ съ ними условіе, по которому предоставлялъ имъ половину прибыли. Другая же половина прибыли шла въ размѣрѣ 80% на уплату за помѣщеніе и машины, такъ что молочная вскорѣ превратилась въ коллективную собственность крестьянъ пропорціонально количеству молока, доставляемаго каждымъ. Впрочемъ, на приведенное условіе согласились не всѣ сразу, а только трое. Но когда по окончаніи перваго года дивидендъ былъ выплаченъ крестьяниномъ-иниціаторомъ, къ нему тотчасъ примкнули многіе другіе. Въ настоящее время кооперація свободна отъ долга. Она имѣетъ уставъ, насчитываетъ 35 участниковъ, изъ которыхъ самый богатый доставляетъ молоко отъ 18 коровъ, а самый бѣдный—одной коровы, пользуясь тѣми же выгодами. Отвѣтственность простирается на всѣхъ членовъ и никто не имѣетъ права больше одного голоса.

Самая большая кооперативная молочная находится въ Гангэ. Она обрабатываетъ молоко 6,000 коровъ. Каждый крестьянинъ, состоящій членомъ кооперації, въ продолженіе недѣли копитъ молоко отъ своихъ коровъ, охлаждая его тотчасъ послѣ доенія. Затѣмъ онъ везетъ свое молоко въ кооперативную молочную, гдѣ густой, замерзшій слой сливокъ снимается и превращается въ превосходное масло. Такимъ образомъ, крестьянинъ освобождается отъ ежедневной перевозки молока и только разъ въ недѣлю принужденъ доставлять на желѣзнодорожную станцію небольшое количество сливокъ. Да и въ этомъ случаѣ крестьяне одной и той же деревни чередуются между собой.

Кооперативнымъ молочнымъ, равно какъ и другимъ финляндскимъ кооперацiямъ, большое содѣйствіе оказываетъ общество «Пеллерво» въ Гельсингфорсѣ. Оно содержитъ для кооперацій справочное бюро и посылаетъ въ разныя части страны людей, насаждающихъ кооперацiи.

Въ Финляндіи, точно такъ, какъ въ Даніи, правительство содѣйствуетъ развитію кооперативныхъ молочныхъ. Его содѣйствіе выражается, главнымъ образомъ, въ облегченіи и удешевленіи морского фрахта.

Въ концѣ 1900 г. въ Финляндіи было всего 237 крестьянскихъ кооперацій съ 12,669 членами и съ оборотомъ въ 225,700 рублей. Изъ нихъ огромное большинство составляютъ молочныя.

Въ противоположность Финляндіи Ирландія, «зеленый островъ», по своей природѣ является земледѣльческой страной. Было время, когда Ирландія снабжала хлѣбомъ всю Англію. Въ настоящее время она является центромъ примѣненія кооперацiи къ скотоводству и земледѣлію въ противоположность Англіи, изобилующей городскими потребительными обществами.

Несмотря на плодородіе земли, Ирландія никогда не была богатой страной. Главной причиной этого въ послѣднее время являлось отсутствіе организацiи и взаимопомощи въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ то время, какъ ирландскіе крестьяне боролись съ страшной нуждой (это было десять лѣтъ

тому назадъ), датское масло начало овладѣвать лондонскимъ рынкомъ. Кооперація, сдѣлавшая датское масло превосходнымъ, въ Ирландіи только что началась. Ирландцы принуждены были продавать хорошіе сорта, называя ихъ «датскими». Посредственное масло стало фигурировать на лондонскомъ рынкѣ подъ именемъ «ирландскаго». Однимъ словомъ, ирландское сельское хозяйство было близко къ окончательному банкротству. Но тутъ произошелъ переворотъ. Послышались голоса, призывающіе къ взаимопомощи. Первая кооперація была основана въ 1889 г. Въ 1894 г. образовалось большое «Ирландское общество для организаціи земледѣлія». Во главѣ этого движенія сталъ Г. Плункеттъ.

Съ этихъ поръ развитіе сельскаго хозяйства Ирландіи дѣлается безпримѣрнымъ по быстротѣ своего темпо. Въ 1889 году существовала всего одна сельская кооперація, въ 1891 году ихъ было уже 17, а въ 1892 году—25. Однихъ кооперативныхъ молочныхъ Ирландія насчитывала въ концѣ 1900 года — 236 съ 26,577 членами *). Оборотъ молочныхъ за 1898/99 годъ равняется 401,314 фунтамъ стерлинговъ. Всего сельскохозяйственная кооперація сплотила въ концѣ 1900 года около 45,000 ирландцевъ.

Организація кооперативныхъ молочныхъ въ Ирландіи въ общемъ скопирована съ датской. Свои стремленія онѣ формулируютъ слѣдующимъ образомъ: производство масла новѣйшимъ способомъ, совмѣстная покупка всего нужнаго для хозяйства и совмѣстная продажа продукта, улучшеніе породъ скота, устройство опытныхъ станцій подъ присмотромъ экспертовъ.

Остановимся немного на Канадѣ, которая является наиболѣе передовой англійской колоніей въ дѣлѣ кооперативной организаціи сельскаго хозяйства. Канадскія молочныя образуютъ союзъ съ центромъ въ Квебекѣ. Каждая кооперативная молочная ежегодно вноситъ въ кассу союза по крайней мѣрѣ 1 долларъ. Кромѣ того, союзъ субсидируется правительствомъ. Цѣль союза заключается въ «содѣйствіи производству масла и сыра». Въ 1898 году онъ охватывалъ 1,003 молочныхъ. Кромѣ этого обширнаго союза въ Канадѣ имѣется много маленькихъ, примыкающихъ къ нему же.

Благодаря организаціи такого рода производство молочныхъ продуктовъ и ихъ экспортъ въ Англію растетъ съ каждымъ годомъ. Этому нѣсколько содѣйствуетъ то обстоятельство, что фабрикація и ввозъ маргарина запрещены въ Канадѣ еще строже, чѣмъ въ Финляндіи.

Перейдемъ теперь къ государствамъ, которыя не играютъ роли на всемірномъ масляномъ рынкѣ, но всетаки отличаются своими кооперативными молочными.

Италія является страной, гдѣ будущее сулитъ сельской кооперациі блестящую роль. Что же касается до теперешняго состоянія молочныхъ, то ихъ организація особенно заслуживаетъ вниманія въ сѣверной Италіи.

---

*) Wochenbericht deutscher Consumvereine. Hamburg, December 1901.

Молочныя сѣверной Италіи нужно раздѣлить на такія, которыя ввели крупное производство и построены на полукооперативномъ и полукапиталистическомъ основаніи,—поставщики молока не обязаны въ этомъ случаѣ быть пайщиками,—и на мелкія производства бѣдныхъ крестьянъ на кооперативной основѣ. Самая большая и извѣстная молочная перваго типа находится въ Солиньо въ южной Ломбардіи. Молочныя другого типа распространены среди альпійскихъ крестьянъ и весьма наглядно показываютъ свое благотворное вліяніе на самыя маленькія (какъ въ Финляндіи) производства. Эти молочныя интересны еще тѣмъ, что ихъ возникновеніе часто относится къ прошлымъ столѣтіямъ. Наиболѣе выдающаяся кооперативная молочная второго типа находится въ деревнѣ Агордо, принадлежащей въ венеціанскому округу. Руководителемъ ея первое время былъ одинъ бѣдный патеръ, а учреждена она была въ 1872 г. двѣнадцатью крестьянами. Число членовъ кооперативной молочной превосходитъ теперь 100. Этотъ примѣръ нашелъ много подражателей. Въ 1895 г. только венеціанскій округъ насчитывалъ 250 кооперативныхъ молочныхъ. Молочныя, находящіяся въ окрестностяхъ Агордо образовали союзъ, насчитывавшій въ 1894 г. 35 молочныхъ съ 1,527 членами и 2,520 коровами. Онъ производитъ въ годъ до 60,000 кило масла стоимостью болѣе 1 милліона лиръ. Работа въ маслобойняхъ производится поочередно самими членами безвозмездно и пропорціонально количеству коровъ каждаго. Послѣднее обстоятельство, конечно, сильно, сокращаетъ издержки производства. Союзъ учредилъ запасный фондъ, приходящій на помощь членамъ въ холодныя зимы. Вначалѣ онъ не зналъ, куда сбывать масло и сдавалъ его членамъ, потреблявшимъ масло у себя. Но затѣмъ союзъ сталъ посылать масло за свои предѣлы для выгоднаго сбыта.

Посмотримъ теперь, какъ развились кооперативныя молочныя во Франціи.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ нужда заставила обитателей Юры соединиться для совмѣстнаго превращенія молока въ сыръ. Впослѣдствіи филоксера, погубившая виноградники, заставила крестьянъ департаментовъ Шаранты, двухъ Севровъ и Вандеи соединиться для производства масла.

Въ 1887 году былъ основанъ въ Сюржерѣ сельско-хозяйственный синдикатъ, а въ слѣдующемъ году первая кооперативная молочная въ Шелье. Число членовъ молочной въ первый годъ (1888) достигло только 88 и она выработала 31,000 килограммъ масла. Въ 1889 г. въ Шарантѣ и Пуатонѣ насчитывалось 97 кооперативныхъ молочныхъ съ 47,000 членовъ, владѣвшими 113,000 коровъ. Послѣднія давали 156 милліоновъ литровъ молока, изъ котораго получалось 7.500,000 килограммъ масла. Это масло имѣло на парижскомъ рынкѣ такой успѣхъ, что всѣ стали его предпочитать маслу Нормандіи, Бретани и Фландріи.

Кооперативныя молочныя сначала особенно развились въ нижней Шарантѣ, но затѣмъ распространились и въ сосѣднихъ департаментахъ. Въ концѣ 1899 года въ нижней Шарантѣ насчитывалось 41, въ двухъ Сев-

рахъ—35, въ Вандеѣ—18, въ Вьеннѣ одна кооперативная молочная. Въ двухъ Севрахъ кооперативныя молочныя получаютъ изъ 100 литровъ молока 5 кило масла.

Когда преимущества кооперативной организаціи стали ясны крестьянамъ, основался союзъ кооперативныхъ молочныхъ. Этотъ союзъ охватываетъ 87 молочныхъ и много улучшилъ методы производства. Онъ устроилъ лабораторію, служитъ посредникомъ транспорта и продажи масла, закупаетъ орудія производства. Сверхъ всего этого союзъ выстроилъ нѣсколько вагоновъ-ледниковъ, перевозящихъ масло въ Парижъ, гдѣ оно очень цѣнится, какъ самое свѣжее и доброкачественное.

Голландія является одной изъ тѣхъ странъ, гдѣ сельско-хозяйственная кооперація имѣетъ обширную площадь примѣненія и развивается очень быстро. Число кооперативныхъ молочныхъ равнялось въ концѣ 1898 года 485. Онѣ насчитывали до 25,000 членовъ и за упомянутый годъ превратили въ масло и сыръ 386 милліоновъ килограммъ молока.

Изъ другихъ странъ нѣкоторую роль на внѣшнихъ рынкахъ играютъ Швейцарія съ ея сыромъ, отчасти приготовляющимся въ кооперативныхъ молочныхъ, Швеція и Норвегія, Австралія, а также Сибирь съ ихъ масломъ.

Въ Бельгіи же хотя и имѣется довольно значительное количество кооперативныхъ молочныхъ (онѣ насчитывали въ 1898 году 24,800 членовъ), но онѣ удовлетворяютъ потребности внутренняго рынка.

Изъ всего вышеизложеннаго смѣло можно вывести заключеніе, что кооперація произвела переворотъ въ молочномъ дѣлѣ, поставивъ его на неожиданную высоту. Благодаря кооперації не только улучшилось качество и увеличилось количество молока и масла, но и сельско-хозяйственное населеніе нѣкоторыхъ странъ уже достигло необычайнаго благоденствія. Духъ взаимопомощи внѣдрился и окрѣпъ въ крестьянствѣ, индивидуализмъ послѣдняго уступаетъ мѣсто кооперації, т.-е. взаимодѣйствію, взаимопомощи всѣхъ и каждаго. Благородный девизъ: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ» начинаетъ становиться роднымъ и для сельскаго населенія.

В. Тотоміанцъ.

Современные французскіе дѣятели *).

II. Вальдекъ-Руссо.

VII.

Министерства, смѣнившіяся во Франціи за восьмилѣтній періодъ 1885—1893 года, принадлежали къ такъ называемой «республиканской концентраціи», т.-е. къ союзу умѣренныхъ республиканцевъ съ радикалами. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одна изъ упомянутыхъ фракцій не располагала парламентскимъ большинствомъ, достаточнымъ для существованія министерства. Такъ, напримѣръ, въ камерѣ, выбранной въ 1885 году, монархистовъ было 202, умѣренныхъ республиканцевъ—200 и радикаловъ—180; въ камерѣ—1889 г.—монархисты располагали 172 голосами, буланжисты — 38, а обѣ республиканскія фракціи вмѣстѣ — 366. При такомъ составѣ камеры возможны были только одни смѣшанные республиканскіе кабинеты. Исключеніе изъ этого правила дѣлало министерство Рувье, бывшее во власти въ 1887 году и состоявшее исключительно изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Какъ ему удалось обойтись безъ поддержки радикаловъ? Дѣло объясняется очень просто: министерство Рувье первое прибѣгло къ открытому союзу съ правой. Какъ извѣстно, позже, въ 90-хъ годахъ, при Казимірѣ Перье, Дюпюи, а въ особенности при Мелинѣ, союзъ съ правой былъ обыкновеннымъ пріемомъ правленія, но Рувье первый его ввелъ.

Конечно, ни умѣренные республиканцы, ни монархисты не думали отказываться отъ своихъ убѣжденій, но они находили, что между ними есть общій принципъ, во имя котораго они могли бы войти въ компромиссъ, а именно охраненіе интересовъ среднихъ и зажиточныхъ слоевъ французскаго населенія. При первомъ своемъ появленіи въ палатѣ, Рувье отъ имени правительства объявилъ, что его политика не будетъ «ни анти-религіозной, ни анти-соціальной», другими словами, онъ отказывается отъ борьбы съ клерикализмомъ и отъ соціальныхъ реформъ, угрожающихъ интересамъ буржуазіи.

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1902 г.

Кромѣ того съ монархической партіей произошла важная перемѣна, требующая отъ нея политики болѣе сдержанной и практической. Мы имѣемъ въ виду большое численное увеличеніе монархистовъ въ палатѣ депутатовъ, которые съ 90 возросли послѣ выборовъ 1885 года до 200. Монархистская партія теперь не могла уже довольствоваться безплодной оппозиціей республиканскому правительству, а должна была, для сохраненія своего вліянія среди избирателей, добиться непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Одинъ изъ нихъ и заключался именно въ прекращеніи анти-религіозной политики, т.-е. въ терпимости къ недозволеннымъ духовнымъ орденамъ, которыхъ министерство Ферри пробовало выслать изъ Франціи. Другой непосредственной гарантіей, которую ожидали избиратели монархистовъ, было предупрежденіе подоходнаго прогрессивнаго налога и усиленіе покровительственныхъ пошлинъ на иностранные земледѣльческіе продукты. Тѣ же требованія входили въ программу умѣренныхъ республиканцевъ. Вальдекъ-Руссо, раздѣлявшій распространенное среди его товарищей недовѣріе къ крайней демократіи, вполнѣ одобрялъ политику министерства Рувье.

Для французскаго премьера было ясно, что французская республика будетъ демократической или ея совсѣмъ не будетъ, но тогда онъ еще вѣрилъ въ пророчество Тьера, сказавшаго: республика будетъ въ такомъ случаѣ консервативной или ея совсѣмъ не будетъ. Вальдекъ-Руссо впадалъ въ печальное заблужденіе умѣренныхъ республиканцевъ, что на сторону республики можно привлечь отсталые элементы французскаго населенія, если снизойти до ихъ понятій и требованій, не замѣчая, что такой поворотъ назадъ оттолкнулъ бы отъ республики ея самыхъ преданныхъ защитниковъ—городскую демократію.

Свой взглядъ на компромиссъ Рувье съ монархистами Вальдекъ-Руссо высказалъ въ рѣчи, произнесенной на съѣздѣ земледѣльцевъ въ Сессонѣ, подлѣ Ренна, 19 сентября 1887 года. Онъ объяснялъ парламентскую эволюцію монархистовъ, т.-е. ихъ сближеніе съ умѣренными республиканцами, избирательными соображеніями. «Голоса консервативныхъ избирателей,— говорилъ Вальдекъ-Руссо, — были проникнуты заботами о матеріальныхъ интересахъ, тогда какъ ихъ представители въ парламентѣ (т.-е. монархисты) заботились только о своихъ партійныхъ интересахъ. При этихъ условіяхъ послѣдніе рискнули бы потерять поддержку своихъ избирателей, и поэтому тѣ, которые ищутъ объясненіе парламентской эволюціи, совершившейся на нашихъ глазахъ, другими причинами, придаютъ мало значенія, какъ мнѣ кажется, такому важному фактору, какъ воля страны».

Какъ во время министерства Ферри, такъ и теперь Вальдекъ-Руссо совѣтуетъ прислушиваться къ волѣ страны, но не городскихъ массъ, а консервативныхъ и крестьянскихъ.

«Нужно видѣть и дальше, и выше парламента, нужно сосредоточить все свое вниманіе на самой странѣ. Нужно всѣми силами способствовать приближенію къ республикѣ избирателямъ, не симпатизирующимъ ей, дока-

завъ имъ, что нѣтъ такой выгодной для нихъ гарантіи, которую республика не была бы въ состояніи имъ обезпечить въ самой широкой степени. Для этой цѣли мы должны пользоваться съ осторожностью нашей побѣдой, оставляя времени заботу окончить свое дѣло, способствовать развитію и оплодотворенію тѣхъ началъ эмансипаціи, которыя заложены въ нашихъ основныхъ законахъ, и показать, что наши республиканскіе законы, возвращая государству права, составляющія неотъемлемую часть его достоянія, не подвергаютъ опасности ни одно частное право гражданъ. Намъ удалось завоевать республику, постараемся же теперь сдѣлать все возможное, чтобы ее полюбили. Достигнувъ этого, мы создадимъ между нею и страною долговѣчный и неразрывный союзъ» *).

Печальныя послѣдствія политики Рувье не замедлили обнаружиться. Она не только не обезоружила монархистовъ, но, наоборотъ, доказавъ ихъ вліяніе и силу, упрочила ихъ положеніе среди избирателей, которыхъ Вальдекъ-Руссо думалъ привлечь на сторону республики. Съ другой стороны, въ республиканскую демократію консервативная политика правительства вносила смуту, деморализацію и недовѣріе къ республикѣ, носившей только имя республики, а продолжавшей традиціи монархіи. Само республиканское правительство теряло свой авторитетъ, ибо пока оно приговорило себя къ бездѣйствію, оставляя, «времени доканчивать свое дѣло», активныя меньшинства монархистовъ и радикаловъ переходили въ выгодное имъ наступательное положеніе. Перефразируя слова Клемансо, знакомыя уже читателю изъ нашего перваго очерка, мы можемъ сказать: дѣятельность есть законъ всякаго правительства, пассивность—смерть.

Разочарованная городская масса бросилась въ буланжизмъ; его начали эксплуатировать и монархисты, усилившіеся съ помощью самого республиканскаго правительства. Спустя годъ послѣ Сессонской рѣчи, на банкетѣ ліонскаго республиканскаго кружка, Вальдекъ-Руссо призналъ опасность, которая грозитъ республикѣ отъ буланжистскаго движенія. «Рѣдко мы находились въ такой неизвѣстности и неувѣренности, какъ теперь. Всѣ мы предчувствуемъ предстоящее намъ испытаніе. Какое-то головокруженіе, заставляющее преклоняться герою безъ легенды (Буланже), какъ разъ тѣхъ, которые больше всѣхъ считались алчущими свободы, зародыши диктатуры, перемѣшанные съ зародышами революціи, союзъ всѣхъ неудовольствій со всѣми аппетитами, упоеніе рабствомъ, смѣнившее презрѣніе къ властямъ—вотъ признаки, бросающіеся каждому въ глаза, симптомы кризиса, который стремится къ разрѣшенію и долженъ его найти. Страна встревожилась, проникнувъ смыслъ этихъ предзнаменованій; ея инстинктъ подсказываетъ ей, что республикѣ грозитъ опасность» **).

Кто же виноватъ въ этомъ положеніи дѣлъ? Кто смотрѣлъ съ такимъ оптимизмомъ на парламентскую эволюцію монархистовъ? Вальдекъ-Руссо

---

*) Рѣчь въ Сессонѣ 19 сентября 1887 г. (Discours parl., p. 555).

**) Рѣчь въ Ліонѣ 10 ноября 1898 г. Disc. parl. etc., pp. 570—571.

стоялъ слишкомъ близко къ событіямъ и людямъ, руководившимъ политикою Франціи съ 80-хъ годовъ, чтобы считать ихъ отвѣтственными. Таковыми онъ считалъ, главнымъ образомъ, представителей радикальной оппозиціи, подстрекающихъ массу къ неуваженію республиканской власти. «А, господа, въ исторіи бываютъ странныя превратности,—говорилъ онъ своимъ ліонскимъ слушателямъ.—Ея правосудіе часто наступаетъ очень быстро! Подозрѣнія и недовѣріе, посѣянныя съ такимъ неутомимымъ искусствомъ, ненависть и зависть, возбужденныя противъ человѣка (Гамбетта), который сдѣлалъ республику такою великою,—всѣ эти чувства возвращаются теперь длиннымъ окольнымъ путемъ, такъ же какъ и раньше, только болѣе жадными, чующими новыя жертвы, и не подчиняющимися уже голосу людей ихъ вызвавшихъ. Многіе изъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, содрогаются теперь передъ своимъ собственнымъ дѣломъ, увидѣвъ, что больше не внимаютъ ни ихъ приказаніямъ, ни ихъ совѣтамъ» *).

Но если друзья Вальдека-Руссо были отвѣтственными, то, хотя и въ меньшей степени, виноваты и радикалы. Между паденіемъ Ферри и появленіемъ у власти Рувье смѣнились три министерства, во главѣ которыхъ находились вожаки радикальной партіи, а именно министерства Бриссона, Фрейсине и Гобле. Ихъ дѣятельность рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ дѣятельности умѣренныхъ министерствъ. Радикалы не превосходили среднихъ, обыкновенныхъ политиковъ, извиняющихъ свое бездѣйствіе исключительностью обстоятельствъ. Несомнѣнно, они были правы, говоря, что поставленные въ необходимость искать поддержки умѣренныхъ республиканцевъ, они должны были исключить изъ своей программы всѣ тѣ реформы, которыя не принимались послѣдними. Между тѣмъ послѣ неудачной попытки министерства Ферри, республиканское большинство находилось въ такомъ настроеніи, что оно пошло бы за энергичнымъ реформаторскимъ министерствомъ, но именно этой энергіи недоставало радикальнымъ вождямъ. Поэтому Вальдекъ-Руссо вполнѣ основательно могъ сдѣлать по ихъ адресу, среди всеобщаго смѣха своихъ слушателей, слѣдующее ироническое замѣчаніе: «Радикальная партія никогда такъ мало не торопилась осуществить свою программу, какъ съ того дня, когда очутилась во главѣ власти. Всякій согласится со мною, что она не требуетъ отъ своихъ представителей слишкомъ большой плодовитости, а въ особенности, мнѣ кажется, что они относятся къ соціальнымъ реформамъ съ той же «осторожностью и съ тѣмъ же медленіемъ», а, можетъ быть, они думаютъ, что бюджетъ 1889 года кажется лишеннымъ реформъ только «нерѣшительнымъ» людямъ. Когда завтра пойдетъ рѣчь о посольствѣ при Ватиканѣ, будьте увѣрены, что кромѣ осторожныхъ предостереженій ничего другого не услышимъ и никакая гроза не пронесется на Авентинскомъ холмѣ, гдѣ засѣдаютъ «безукоризненные» республиканцы, когда начнется голосованіе статьи секретныхъ фондовъ» (всеобщій смѣхъ) **).

*) Ibidem, p. 575.

**) Рѣчь въ Ліонѣ. Discours parl. etc., p. 574. Среди требованій радикаловъ,

Но слабость какъ радикаловъ, такъ и умѣренныхъ республиканцевъ заключалась не только въ томъ, что они медлили исполнить свои избирательныя обѣщанія. Нѣтъ, она лежала глубже—въ недостаточной полнотѣ ихъ программы. Самыя крайнія требованія радикаловъ не могли удовлетворить того стремленія къ экономической справедливости, которое уже обнаруживалось среди французской демократіи.

VIII.

Послѣ 1889 года Вальдекъ-Руссо пересталъ принимать участіе въ политической жизни, отдавъ себя исключительно адвокатской профессіи. Мы уже замѣтили, что будучи еще въ провинціи, онъ создалъ себѣ имя очень хорошаго адвоката и, переѣхавъ въ Парижъ, занялъ скоро очень видное мѣсто среди тамошнихъ адвокатовъ. Онъ сдѣлался повѣреннымъ многихъ крупныхъ торговыхъ и финансовыхъ фирмъ, какъ фирмъ братьевъ Дрейфусъ, однофамильца извѣстнаго капитана, что ввело въ заблужденіе націоналистскаго депутата Лази, извѣстныхъ крупныхъ промышленниковъ: Менье, Рессегье и др. Имя Вальдека-Руссо связано со многими процессами, надѣлавшими большой шумъ, какъ процессы Эйфеля и Макса Лебоди.

Максъ Лебоди «маленькій сахароваръ» (le petit sucrier), какъ его еще называли, сынъ одного изъ богатѣйшихъ сахароваровъ во Франціи, оставившій послѣ своей смерти больше двухсотъ милліоновъ франковъ. Максъ былъ одинъ изъ пяти наслѣдниковъ, но, въ виду его распутной жизни, мать его хотѣла учредить надъ нимъ опекунскій совѣтъ, хотя онъ уже былъ совершеннолѣтнимъ, и не давать ему вполнѣ пользоваться наслѣдствомъ. Онъ же черезъ своего повѣреннаго Вальдека-Руссо требовалъ передъ судомъ возстановленія своихъ правъ, чего и добился.

Четыре года до процесса Макса Лебоди происходилъ знаменитый процессъ Панамскаго общества. Вальдекъ-Руссо защищалъ Эйфеля, геніальнаго инженера, строителя знаменитой башни на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ, обвинявшагося въ соучастничествѣ въ продѣлкахъ вышеупомянутаго общества. Защитникъ старался доказать, что его кліентъ, хотя и получилъ большую сумму изъ Панамскаго общества, но взамѣнъ этого выработалъ вполнѣ осуществимый планъ для окончанія канала, и только преждевременное разстройство общества не позволило ему довести свое дѣло до конца. Судъ уважилъ нѣкоторые доводы Вальдека-Руссо и приговорилъ Эйфеля къ карѣ болѣе легкой, чѣмъ Лессепсовъ, стоявшихъ во главѣ предпріятія. Изъ большой рѣчи, длившейся въ теченіе двухъ засѣданій, мы приведемъ только заключеніе, которымъ не разъ пользовались его противники: «Тѣ, которые задумаются позже надъ этими длинными спорами, должны будутъ съ глубокимъ изумленіемъ замѣтить ту чудовищ-

---

какъ извѣстно, входили—уничтоженіе посольства при папѣ и упраздненіе бюджетной статьи о секретныхъ фондахъ.

ную непредусмотрительность, то убійственное остервенѣніе, съ которымъ, какъ видно, теперь жертвуютъ всѣмъ тѣмъ, что инстинктъ національнаго самосохраненія подсказываетъ беречь. Наше столѣтіе, господа, кончается очень печально. Оглянувшись назадъ, человѣкъ подумаетъ, что законы перспективы перемѣшались: такими великими кажутся намъ тѣ, которые исчезаютъ въ дали, въ началѣ и такъ малы тѣ, которые думаютъ ихъ замѣстить. Между тѣмъ, нашлось нѣсколько людей, заставившихъ Европу, весь міръ, я не скажу, сочувствовать, а удивляться намъ. Такихъ въ особенности было двое, поднявшихся выше всѣхъ: Де-Лессепсъ и Эйфель, и они оба находятся сегодня передъ вами, на скамьѣ суда исправительной полиціи... Но исторія, къ которой уже принадлежатъ имена ихъ, ждетъ отмѣнить ваше рѣшеніе, какъ актъ возмездія и правосудія, а судъ долженъ сохранить свою неумолимую суровость для тѣхъ, которые не могутъ имъ простить, что они преподнесли униженной въ 1870 г. великой Франціи въ видѣ милостыни немного славы» *).

Послѣ пятилѣтняго добровольнаго удаленія, Вальдекъ-Руссо снова выступилъ на политическую арену въ концѣ 1894 года и былъ выбранъ сенаторомъ Лаурскаго департамента.

Несомнѣнно, предпринять этотъ шагъ его заставилъ новый политическій фазисъ, въ который выступила умѣренная республиканская партія, послѣ выборовъ 1893 года.

Какъ мы уже замѣтили, до этихъ выборовъ всѣ министерства принадлежали къ республиканской концентраціи. При такихъ условіяхъ Вальдекъ Руссо, приверженецъ только однородныхъ министерствъ, каковымъ было министерство Ферри, не могъ играть большой роли, тѣмъ болѣе, что онъ былъ непопуляренъ среди радикаловъ, въ глазахъ которыхъ олицетворялъ ультра-умѣренную республиканскую политику бывшаго министерства Ферри.

Выборы 1893 года вызвали большія перемѣны въ составѣ палаты депутатовъ. Число умѣренныхъ республиканцевъ увеличилось, благодаря переходу къ нимъ части монархистовъ, назвавшихъ себя «присоединенными» (ralliés). Съ другой стороны въ палатѣ появилась маленькая, но очень активная группа человѣкъ изъ 30 или 40 соціалистовъ-коллективистовъ, борьба противъ которыхъ объединила вмѣстѣ для охраненія общественныхъ устоевъ всѣхъ умѣренныхъ, начиная съ умѣренныхъ радикаловъ группы Изамбера и кончая монархистами и клерикалами. Это и сдѣлало возможнымъ существованіе однородныхъ, проникнутыхъ самымъ глубокимъ соціальнымъ консерватизмомъ министерства Дюпюи, Казиміра-Перье, которые воскресили политику министерства Ферри. Послѣ смерти Ферри въ 1893 году, Вальдекъ-Руссо, прозванный Рошфоромъ въ шутку «Веніаминомъ оппортюнизма», такъ какъ онъ былъ самымъ молодымъ среди видныхъ вожаковъ умѣренныхъ республиканцевъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, являлся его естественнымъ преемникомъ. Умѣренные респу-

*) „Affaire Panama", *Gazette des Tribunaux*, 3 Février, 1893, стр. 121, столб. 4.

бликанцы привѣтствовали съ радостью его вступленіе въ политическую жизнь. Какой популярностью онъ пользовался средя нихъ, показываютъ президентскіе выборы послѣ отставки Казиміра-Перье въ январѣ 1895 г., когда, несмотря на направленную противъ него усиленную агитацію радикаловъ и соціалистовъ, Вальдекъ-Руссо получилъ 184 голоса.

Въ сенатѣ, гдѣ умѣренная политика встрѣчала еще большую поддержку, чѣмъ въ камерѣ, Вальдекъ-Руссо занялъ сразу очень видное мѣсто.

Но въ этотъ періодъ своей жизни, охватывающій пятилѣтіе отъ его вступленія въ сенатъ до составленія министерства, Вальдекъ-Руссо сталъ обращать на себя вниманіе общества своей внѣпарламентской дѣятельностью.

Однимъ изъ большихъ пробѣловъ во французской политической жизни, давно обращавшимъ вниманіе общественныхъ дѣятелей, является отсутствіе настоящихъ политическихъ организацій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ фракцій, всѣ остальныя политическія партіи, въ противоположность тому, что мы видимъ въ Англіи, Германіи, Австріи, Бельгіи и другихъ парламентскихъ странахъ, лишены всякой серьезной, постоянной связи. Правда, въ камерѣ депутатовъ и въ сенатѣ существуютъ группы республиканцевъ—прогрессистовъ, радикаловъ, радикаловъ-соціалистовъ,—группы центра, лѣваго центра, демократической лѣвой и т. д. Но, во-первыхъ, между двумя сосѣдними группами трудно провести рѣзкую границу, такъ какъ часто депутаты и сенаторы одновременно входятъ въ двѣ группы, а, во-вторыхъ, значеніе и дѣятельность этихъ группъ не простираются на самую страну. Здѣсь депутатъ являлся вполнѣ одинокимъ. Онъ долженъ разсчитывать исключительно на свои силы и дѣйствовать на свой страхъ и отвѣтственность. Отсюда, отсутствіе единства и постоянства какъ въ дѣятельности самихъ депутатовъ, такъ и, въ болѣе широкой степени, въ дѣятельности правительства. Хотя послѣднее теоретически принадлежитъ къ той или другой партіи, но такъ какъ между нимъ и послѣдней нѣтъ постояннаго общенія и обмѣна мыслей, оно является оторваннымъ и часто безпомощнымъ. На этотъ крупный пробѣлъ обратилъ вниманіе Вальдекъ-Руссо и поставилъ себѣ задачей его устранить, способствуя сплоченію и организаціи умѣренно-республиканской партіи. Началомъ осуществленія этого плана было основаніе журнала *Revue politique et parlementaire* съ особымъ секретаріатомъ и архивомъ, гдѣ умѣренные республиканцы, депутаты и сенаторы могли находить всѣ интересующія ихъ свѣдѣнія и указанія. 18 января 1897 года, на банкетѣ годовщины основанія упомянутаго журнала, Вальдекъ-Руссо произнесъ рѣчь, въ которой излагалъ свои взгляды на организацію умѣренно-республиканской партіи. «Ходъ парламентскаго правительства, его разумная и прогрессивная дѣятельность,—говорилъ онъ,—немыслимы дальше извѣстныхъ границъ, если оно будетъ исключительно зависѣть отъ частной иниціативы...

«Общественные дѣятели изъ нашей партіи должны все больше и больше разсчитывать только на себя. Цѣною большихъ усилій и неуто-

мимой дѣятельности они должны были завоевать себѣ преобладающее значеніе въ своихъ округахъ, создать свой собственный кругъ знакомыхъ и личныхъ связей, по неизбѣжности, очень непрочныхъ, которымъ угрожаетъ опасность быть каждую минуту прерванными. Такимъ образомъ, изъ трехсотъ депутатовъ, представляющихся на выборахъ, воодушевляемыхъ тѣми же принципами, врядъ ли найдутся двое, предлагавшихъ своимъ избирателямъ тождественную программу» *).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ банкета *Revue politique et parlementaire* Вальдекъ-Руссо произноситъ рѣчь въ Реймсѣ, гдѣ повторяетъ ту же самую мысль.

«Правительства не могутъ у насъ долго просуществовать, потому что они не находятъ энергичной поддержки со стороны своихъ партизановъ. Такъ, напримѣръ, я вспоминаю, что во время министерства Ферри всѣ парламентскія сраженія происходили между оппозиціей и правительствомъ. Борьба принимала характеръ діалога между ораторами оппозиціи и какимъ-нибудь министромъ. Это такое испытаніе, которому—если оно повторяется—не можетъ противостоять ни одно правительство» **).

Вторымъ шагомъ къ организаціи умѣренныхъ республиканцевъ явилось созданіе такъ называемаго центральнаго республиканскаго кружка, (Grand cercle républicain), учредительное собраніе котораго состоялось 15 февраля 1898 г. Единодушно всѣми 600 присутствовавшими Вальдекъ-Руссо былъ выбранъ предсѣдателемъ.

Центральный республиканскій кружокъ, съ своими развѣтвленіями въ провинціи, долженъ былъ служить опорой избирательной пропагандѣ умѣренныхъ, главною цѣлью которыхъ являлась борьба съ соціалистами и радикалами. Самъ Вальдекъ-Руссо съ жаромъ бросился въ борьбу, произнеся множество рѣчей до и послѣ организаціи кружка въ Парижѣ, Реймсѣ, Руанѣ, Сенъ-Этьенѣ, Нантѣ, Рубэ и другихъ французскихъ городахъ. Эти рѣчи перепечатывали и распространяли умѣренныя газеты, смотрѣвшія на Вальдека-Руссо, какъ на самаго авторитетнаго вожака ихъ партіи. Чтобы читатель могъ себѣ составить понятіе о духѣ, господствующемъ въ этихъ рѣчахъ, мы ограничимся отрывками изъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ въ Нантѣ и Рубэ. Въ первой рѣчи Вальдекъ-Руссо обращался къ консерваторамъ и умѣреннымъ республиканцамъ, совѣтуя имъ соединиться вмѣстѣ при баллотировкѣ, во время законодательныхъ выборовъ 1898 г., противъ радикаловъ и соціалистовъ. «Пожертвуйте изъ патріотизма, если это нужно, одни и другіе, частью вашихъ симпатій, чтобы обезпечить вашими соединенными усиліями и голосами пораженіе организаторовъ и прислужниковъ соціальной революціи ***). Считаясь только съ вашей совѣстью,

---

*) *Revue politique et parlementaire*, 1 février, 1898.

**) Рѣчь въ Реймсѣ 24 окт. 1897 г. (Ibidem, p. 15).

***) Организаторы—это соціалисты, а прислужники—радикалы. Х. Г. И.

вы должны голосовать, какъ свободные люди, въ пользу порядка и свободы, осуществляемымъ республикой, противъ анархіи и рабства соціализма» *).

Съ подобной просьбой обращался Вальдекъ-Руссо и къ избирателямъ города Рубэ. Здѣсь онъ защищалъ кандидатуру крупнаго фабриканта Мотта, противъ депутата соціалистовъ Жюль Геда,—перваго теоретика французскихъ коллективистовъ. «Революціонный соціализмъ,—говорилъ Вальдекъ-Руссо, обращаясь къ слушателямъ,—ведетъ дорогой, гдѣ бушуютъ ненависть и гнѣвъ, къ разоренію и рабству» **).

Выборы 1898 г. кончились пораженіемъ двухъ вожаковъ соціализма: Геда и Жореса, но въ общемъ соціалистическая партія была въ большомъ выигрышѣ. Ея голоса, какъ и голоса радикаловъ-соціалистовъ, почти удвоились; наоборотъ, умѣренные республиканцы или потеряли, или сохраняли свои прежнія положенія. Перевѣсъ на сторонѣ лѣвой былъ настолько чувствителенъ, что президентъ республики пригласилъ Бриссона составить министерство.

Вальдекъ-Руссо продолжалъ свою борьбу противъ соціалистовъ и радикаловъ. Лично министерству Бриссона онъ посвятилъ рѣчь 6 іюля 1898 года, произнесенную на засѣданіи центральнаго республиканскаго кружка. Указавъ на непослѣдовательность радикаловъ, онъ воскликнулъ, гнѣвно обращаясь къ своимъ слушателямъ: «Нужно вернуться къ традиціямъ нашей партіи! Было бы унизительнымъ постоянно слѣдовать радикальной и соціалистической политикѣ въ колеѣ, гдѣ ей угодно держаться, и противопоставлять ея ложнымъ обѣщаніямъ исполненныя нами обязательства» ***).

Однако, ровно годъ послѣ этой рѣчи, самъ Вальдекъ-Руссо долженъ былъ войти «въ колею» радикальной и соціалистической политики. Таково было одно изъ неожиданныхъ послѣдствій событій, связанныхъ съ извѣстнымъ дѣломъ Дрейфуса.

IX.

Считая судебную сторону дѣла Дрейфуса знакомой читателямъ, мы ея не будемъ касаться, а остановимся лишь на его политическомъ значеніи.

Какъ мы видѣли, многіе умѣренные республиканцы, въ томъ числѣ и Вальдекъ-Руссо, мечтали привлечь на сторону республики монархистовъ, для составленія могучей республиканской консервативной партіи. Часть монархистовъ, дѣйствительно, продѣлала маленькую «парламентскую эволюцію», приблизившись къ умѣреннымъ республиканцамъ; въ глубинѣ же души они сохранили всѣ свои старыя монархистскія симпатіи. Они понимали, что республика со своими учрежденіями, со всеобщей подачей голосовъ, съ полной свободой слова, печати и собраній, съ широкимъ просто-

*) Цитировано въ рѣчи депутата Грандмезона Annales parlementaires 1899, Session extraordinaire de 1899, Tome unique, стр. 9, столб. 3.

**) Цитировано въ рѣчи депутата Мотта (Ibidem, стр. 37, столб. 2).

***) Рѣчь 6 іюля 1898 г. (Revue p. et parlementaire. Avril 1900, p. 345).

ромъ для личной инициативы, является строемъ демократическимъ и по существу несовмѣстимымъ съ консервативной политикой. Поэтому и ихъ присоединеніе къ республикѣ было чисто-избирательнаго характера, за которымъ скрывалась ненависть къ самымъ республиканскимъ учрежденіямъ. Это и обнаружилось во время дѣла Дрейфуса.

Монархисты, имперіалисты, клерикалы, антисемиты,—всѣ партіи прошлаго постарались эксплуатировать національностическія чувства массы, въ видахъ монархистской реставраціи. Это былъ новый буланжизмъ, болѣе опасный для республики, потому что теперь на его сторонѣ оказалось французское офицерство, стоявшее прежде вдалекѣ отъ политической борьбы.

Послѣ пораженія 1870—1871 г., всѣ республиканскія партіи, и умѣренные, и радикалы, за исключеніемъ незначительной соціалистической партіи, поддались всеобщей національностической реакціи, цѣлью которой было «отмщеніе» Германіи. Осязательнымъ воплощеніемъ этого идеала былъ милитаризмъ. Республиканцы не только забыли обѣщанное Гамбеттой въ 1869 года превращеніе постоянныхъ войскъ въ народную милицію, а отказались даже отъ всякаго контроля надъ дѣйствіями военнаго министерства. Армія сдѣлалась «la grande muette», какъ ее называли въ официальныхъ и неофиціальныхъ документахъ, которая ничего не говорила, и о которой было запрещено говорить что бы то ни было... кромѣ хорошаго. Подъ покровомъ этого всеобщаго молчанія совершалась та эволюція, которая превратила французское офицерство въ орудіе антиреспубликанской реакціи. Клерикальная аристократія, презиравшая гражданскія республиканскія учрежденія, отдавала своихъ дѣтей въ офицеры, въ армію, считавшуюся національной и нейтральной. Послѣ тридцати лѣтъ существованія республики, республиканцы съ ужасомъ увидѣли, что высшее офицерство состоитъ изъ монархистовъ, антисемитовъ и клерикаловъ, готовыхъ попирать законы республики и правосудія, для своихъ профессіональныхъ сословныхъ интересовъ. Всѣмъ памятны слова военнаго слѣдователя майора Равари, сказавшаго во время процесса Эстергази въ 1897 году, когда его упрекнули, что въ своемъ слѣдствіи онъ не соблюдалъ формъ закона «Наше правосудіе—не то, что ваше!»

Антиреспубликанскій духъ высшаго французскаго офицерства былъ извѣстенъ и раньше, но пока опасность не принимаетъ осязательныхъ внѣшнихъ формъ, ее легко отрицать. Отрицали ее и всѣ республиканскія министерства, не желая создавать себѣ лишнихъ враговъ и лишнихъ хлопотъ, оговариваясь ссылкой на *лойяльность* офицерства. Но когда разоблаченія, вызванныя дѣломъ Дрейфуса, показали и доказали, что ближайшимъ совѣтникомъ генерала Буадеффра, начальника генеральнаго штаба, является глава іезуитовъ отецъ дю-Лакъ, что агентами для завязыванія интригъ и для печатанія фальшивыхъ документовъ генеральнаго штаба являются антисемитскія и клерикальныя газеты: *La Libre Parole, La Croix, L'Eclair*, когда все это и многое другое обнаружилось, лойяль-

ность офицерства не могла служить гарантіей, что оно не подниметъ оружія на республику и на народъ. Вѣра въ начальниковъ французской арміи была подорвана; наоборотъ, страхъ и недовѣріе къ крайней демократіи, которые красною нитью проходятъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ умѣренныхъ республиканцевъ до дѣла Дрейфуса, уступили мѣсто другому, болѣе справедливому чувству. Въ тѣ времена, когда республика переживала большую опасность и республиканцы ложились спать въ страхѣ, не очутятся ли они завтра подъ управленіемъ какого-нибудь диктатора, самой горячей защитницей республики явилась крайняя демократія. Средній слой французскаго населенія, смотрѣвшій на республику, какъ на страховое общество противъ стачекъ и рабочаго движенія, тотъ средній слой, который съ такимъ усердіемъ и съ такими уступками республиканцы старались привлечь на свою сторону, относился сочувственно или равнодушно къ націоналистскимъ мятежникамъ. Рабочія же массы заступались за республику. Она имъ была дорога. Они ее завоевали цѣною десятковъ тысячъ жертвъ и теперь готовы были начать славную героическую борьбу, потому что видѣли въ ней могучее средство для осуществленія общечеловѣческихъ идеаловъ.

Эти два рода фактовъ—измѣна вчерашнихъ союзниковъ-консерваторовъ и энергичное вмѣшательство демократіи для защиты закона и свободы вызвали коренныя перемѣны во взглядахъ не только Вальдека-Руссо, но и многихъ другихъ умѣренныхъ республиканцевъ. Вихрь событій смѣшалъ политическія партіи: вольтерьянецъ Рошфоръ, издѣвавшійся надъ папой въ каждомъ номерѣ *L'Intransigeant*, очутился возлѣ іезуита отца дю-Лака; Жеро Ришаръ, даровитый памфлетистъ и редакторъ соціалистическаго органа *La Petite République*, любезно вправлялъ на манифестаціяхъ красную фіалку въ петлицу бывшаго министра, умѣреннаго республиканца, Рувье.

Характернымъ для психологіи умѣренныхъ республиканцевъ той эпохи является письмо-исповѣдь депутата Жоннара, отъ 20 сентября 1899 г., адресованное Корнели, тогдашнему редактору газеты *Figaro*. Чтобы понять все значеніе этого документа, нужно прибавить, что Жоннаръ,—зять извѣстнаго крупнаго ліонскаго банкира и депутата Энара,—числится среди видныхъ представителей центра. Онъ былъ министромъ путей сообщенія, во время одного изъ самыхъ консервативныхъ республиканскихъ министерствъ Казиміра Перье, когда борьба съ соціализмомъ, въ которой и Жоннаръ не разъ лично принималъ участіе, находилась въ разгарѣ. Онъ также раздѣлялъ общее стремленіе его круга объединить всѣ консервативные элементы на почвѣ либеральной и толерантной къ католической церкви партіи, для защиты общихъ соціальныхъ интересовъ. Но поведеніе консерваторовъ въ дѣлѣ Дрейфуса заставило его, не безъ горечи, разстаться со своими иллюзіями.

«Когда мое убѣжденіе (въ невинности Дрейфуса) послѣ ознакомленія съ фактами сдѣлалось твердымъ, непоколебимымъ, я почувствовалъ, что

у меня что-то разбилось и какое-то злое дыханіе унесло идеалъ моей юности. Я республиканецъ и всегда былъ такимъ, ибо я вѣрилъ въ республику, т.-е. въ свободу и въ справедливость. Изъ-за нихъ я боролся, занимая скромное мѣсто въ республиканской арміи, съ страстной искренностью и энтузіазмомъ, незнакомымъ молодымъ людямъ нашего времени— я боролся, поддерживаемый непобѣдимой надеждой на лучшее человѣческое будущее. Увы! не заставляетъ ли сомнѣваться въ прогрессѣ человѣческаго разума то, что вотъ уже три года происходитъ въ нашей странѣ? Для меня это было крушеніемъ нѣкоторыхъ иллюзій, оставшихся живучими среди всѣхъ превратностей моей общественной дѣятельности. Варвары, руководившіе свирѣпой войной, заключеніемъ которой явился приговоръ Реннскаго суда, могутъ теперь радоваться, но ихъ радость не будетъ продолжительна».

И въ самомъ дѣлѣ, она не могла быть продолжительной, такъ какъ ихъ борьба привела къ двумъ печальнымъ, съ точки зрѣнія консервативныхъ интересовъ, результатамъ: сильному возрастанію анти-клерикальнаго движенія и офиціальному вступленію соціалистовъ въ республиканское правительство.

«Другими послѣдствіями этой печальной исторіи,—пишетъ Жоннаръ,— является вступленіе въ республиканскую армію соціалистической партіи, считавшейся до сихъ поръ внѣ ея. Даже самъ г. Буржуа *) не рѣшался перемѣстить границы партіи. Сегодня это уже совершившійся фактъ. Вы знаете лучше, чѣмъ всякій другой **), что и предубѣжденія падаютъ и прочныя симпатіи устанавливаются между людьми, когда они рука объ руку вели ту же самую борьбу.

Республиканская партія не забудетъ, она не можетъ забыть, что въ пережитой нами бурѣ рабочіе большихъ промышленныхъ центровъ засвидѣтельствовали непобѣдимую привязанность къ республиканскимъ учрежденіямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что республиканцы какъ теперь, такъ и впредь не будутъ принимать деморализующихъ соціалистическихъ доктринъ... Но, что удивительнаго въ томъ, если они теперь относятся, при изученіи соціальной проблемы, съ большей благосклонностью и вниманіемъ, чѣмъ когда-либо, къ униженнымъ и трудящимся, которые, поставленные въ необходимость выбирать между цезаристской анархіей и республикой, не выказали ни малѣйшаго колебанія... Консерваторы, которые съ такимъ легкимъ сердцемъ отвергли основную и существенную идею правосудія, отвергаютъ свое собственное дѣло и наносятъ обществу болѣе смертельный ударъ, чѣмъ всѣ проповѣди революціонеровъ. Правъ былъ, сто разъ правъ, нашъ извѣстный другъ Барту, написавъ недавно слѣдующія слова: «Какъ не стыдиться и не чувствовать разочарованія, когда видишь, что полезность

*) Одинъ изъ вождей радикальной партіи, заявлявшій нѣсколько разъ, что его политика одинаково далека отъ соціалистовъ и отъ клерикаловъ (Х. И.).

**) Корнели былъ однимъ изъ очень ярыхъ клерикаловъ, перешедшихъ на сторону защитниковъ Дрейфуса.

самыхъ очевидныхъ и поучительныхъ уроковъ разносится вѣтромъ, какъ щепотка пепла».

Съ Вальдекомъ-Руссо произошелъ точно такой же внутренній переломъ. Онъ еще въ 1894 г., при первомъ процессѣ Дрейфуса, благодаря своимъ связямъ, какъ адвокатъ, могъ знать, на какихъ зыбкихъ основаніяхъ воздвигалось дѣло генеральнаго штаба. Извѣстно, между прочимъ, что Вальдекъ-Руссо, по просьбѣ Деманжа, защитника Дрейфуса, ходатайствовалъ передъ своимъ личнымъ другомъ, президентомъ республики Казиміромъ Перье, чтобы засѣданія суда происходили публично *). Это считалось необходимымъ условіемъ для предупрежденія судебной ошибки. Вмѣшательство Вальдека-Руссо не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но оно доказываетъ, что тогда еще онъ раздѣлялъ сомнѣнія нѣкоторыхъ лицъ въ непогрѣшимости военнаго суда.

На почвѣ этого сознанія, которое послѣдующія событія могли только утвердить, совершился переходъ къ его теперешней политикѣ.

Но чтобы охватить все значеніе послѣдней, мы должны изложить тѣ событія, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ которыхъ было составлено министерство Вальдека-Руссо.

X.

Самоубійство полковника Анри раздѣляетъ политическую исторію дѣла Дрейфуса на два рѣзко отличающіеся періода.

Въ первомъ—вся тяжесть борьбы ложится на частную иниціативу. Во главѣ движенія за пересмотръ процесса находятся литераторы, публицисты и ученые, а правительство и парламентъ не только не поддерживаютъ это движеніе, но, наоборотъ, противодѣйствуютъ ему всѣми силами. Доказательствомъ враждебнаго настроенія парламента является единодушное рѣшеніе камеры расклеить рѣчь Кавеньяка, военнаго министра въ кабинетѣ Бриссона. Эта рѣчь, произнесенная въ іюлѣ 1898 года, была названа «вторымъ приговоромъ» надъ Дрейфусомъ, ибо въ ней на основаніи самыхъ подлинныхъ документовъ вышеупомянутый министръ объявилъ измѣну Дрейфуса доказанной и увлекъ за собою всю камеру. Казалось, что все дѣло было похоронено. Но вотъ, во время парламентскихъ вакацій, было совсѣмъ случайно открыто, что самый главный документъ, на которомъ зиждется убѣжденіе Кавеньяка, оказался поддѣльнымъ; авторъ поддѣлки не только сознался, но и казнилъ себя, перерѣзавъ себѣ сонную артерію бритвой въ казематѣ Монъ-Валеріанъ, куда онъ былъ посаженъ по распоряженію военнаго министра.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было потрясающее. Съ него и начинается второй періодъ дѣла Дрейфуса. Военный министръ

---

*) *Joseph Reinach:* „Histoire de l'affaire Dreyfus". (Le procès de 1894 г.). Paris, 1901 г., p. 367.

Кавеньякъ долженъ былъ выйти въ отставку, а съ нимъ вмѣстѣ начальникъ и подначальникъ генеральнаго штаба, генералы Буадефръ и Гонзъ. Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ было—послѣдовавшая со стороны министра Бриссона инициатива о внесеніи въ высшій кассаціонный судъ, какъ это требуется закономъ, предложенія о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. Такимъ образомъ, теперь само правительство взяло на себя ту роль, которая раньше принадлежала исключительно частной иниціативѣ.

Противники пересмотра, ошеломленные извѣстіемъ о самоубійствѣ полковника Анри, скоро очнулись и бросились въ борьбу съ еще большимъ остервенѣніемъ, не останавливаясь ни передъ какой крайностью. Съ этого момента начинается рядъ заговоровъ, цѣлью которыхъ было низвергнуть самую республику. Моментъ былъ чрезвычайно критическій, такъ какъ офицерство публично примкнуло къ заговорщикамъ. Объединяющій крикъ ихъ: «Да здравствуетъ армія» сдѣлался синонимомъ крика: «Долой республика». Измѣна пробиралась повсюду, сплошь до министерскихъ рядовъ. Замѣнившій Кавеньяка военный министръ, генералъ Шамуанъ, еще на первомъ засѣданіи палаты, въ ноябрѣ 1898 г., послѣ рѣчи Деруледа, демонстративно, съ высоты трибуны, заявляетъ, что выходитъ въ отставку, не предупредивъ, какъ этого требуетъ парламентскій обычай, своихъ коллегъ. Когда Шамуанъ, за спиной Бриссона, подготовлялъ свою недостойную продѣлку, очевидно съ согласія націоналистовъ, вождь послѣднихъ, Деруледъ, устраивалъ нападенія на самое зданіе камеры. Ведущая къ ней площадь Согласія была полна членами лиги патріотовъ (официально возстановленной 23 сентября 1898 г.), явившимися туда по заранѣе уговоренному плану, и ожидавшими знака Деруледа, чтобы вторгнуться въ камеру *).

На этотъ разъ Деруледъ удовольствовался сенсаціонной отставкой Шамуана, которая должна была повести за собою паденіе министерства Бриссона.

Во главѣ новаго кабинета очутился Шарль Дюпюи, самый лукавый изъ всѣхъ государственныхъ людей третьей республики; въ то же самое время онъ считался человѣкомъ властнымъ и энергичнымъ, и на эти его качества разсчитывали для умиротворенія страны. Дѣйствительно, Дюпюи, въ своей министерской декларації, обѣщалъ, что въ противоположность своей прежней политикѣ, когда онъ прибѣгалъ къ поддержкѣ монархистовъ, онъ теперь «перекладываетъ ружье съ одного плеча на другое», какъ онъ самъ выражался, и постарается управлять только съ помощью республиканцевъ, для охраненія гражданскихъ законовъ республики. Однако его двуличность не замедлила обнаружиться. Онъ сталъ заигрывать и съ націоналистами,

---

*) Это признаетъ самъ Деруледъ. Какъ этотъ фактъ, такъ и всѣ другія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ націоналистовъ, мы заимствуемъ изъ націоналистическаго источника, а именно изъ очерка парижскаго муниципальнаго совѣтника Белли, напечатаннаго въ націоналистскомъ журналѣ *Revue Hebdomadaire* за 1900 г. подъ характернымъ заглавіемъ: „Paul Déroulède raconté par lui-même“ (Поль Деруледъ по его собственному разсказу).

результатомъ чего явились законъ, лишающій уголовную палату права пересмотра процессовъ, и передача ихъ общему собранію всѣхъ трехъ палатъ, составляющихъ кассаціонный судъ.

Когда націоналистамъ стало извѣстно, что уголовная палата кассаціоннаго суда относится вполнѣ сочувственно къ пересмотру дѣла Дрейфуса, они начали ее обвинять въ пристрастіи. Обвинителемъ явился даже одинъ изъ членовъ гражданской палаты того же суда Кенэ де-Борепэръ. Назначенное слѣдствіе доказало, что все это было чистѣйшая клевета, и Борепэръ долженъ былъ выйти въ отставку. Націоналисты тѣмъ не менѣе продолжали свою агитацію противъ уголовной палаты, и правительство, чтобы угодить имъ, внесло вышеупомянутое предложеніе, измѣняющее существующее судопроизводство. Камера, боясь вызвать министерскій кризисъ, согласилась съ правительствомъ. То же самое сдѣлалъ и сенатъ. Здѣсь, среди противниковъ правительственнаго проекта былъ и Вальдекъ-Руссо, произнесшій по этому поводу одну изъ блестящихъ своихъ рѣчей въ защиту правосудія.

Одинъ изъ доводовъ правительства былъ тотъ, что уголовная палата является при пересмотрѣ процессовъ одновременно и судебнымъ слѣдователемъ и судьей—двѣ функціи, которыя должны быть раздѣлены. Прежде всего, Вальдекъ-Руссо отвергъ этотъ «софизмъ», показавъ принципіальную разницу между слѣдственной функціей кассаціонной палаты и судебнымъ слѣдователемъ. Постановленія послѣдняго предполагаютъ установившееся у него убѣжденіе. Когда судебный слѣдователь предаетъ суду того или другого обвиняемаго, онъ считаетъ, что противъ него есть достаточно уликъ, тогда какъ кассаціонная палата совсѣмъ не предрѣшаетъ этого вопроса, а ограничивается только разсмотрѣніемъ того, сохранены ли формы закона.

«Что касается меня, — продолжалъ Вальдекъ-Руссо, — я отказываюсь взять на себя какую бы то ни было отвѣтственность за голосованіе, которое только увеличитъ опасность.

«Развѣ теперь время, господа, жертвовать какой бы то ни было гарантіей личности? Никогда намъ такъ не угрожали. Я хотѣлъ бы быть оптимистомъ, но не могу, потому что въ нашей странѣ есть одна постоянно возрастающая власть—власть угрозы и клеветы. Эта своего рода тайная инквизиція проникаетъ повсюду. Нѣтъ такого высокаго положенія, нѣтъ такого скромнаго существа, которое могло бы избѣгнуть ея ударовъ. Она копается въ родословной людей, нарушаетъ семейныя тайны и чернитъ тѣхъ, которыхъ не можетъ уничтожить *). Время ли теперь умалять авторитетъ правосудія?

«Съ своей стороны я отказываюсь отъ этого, потому что его нельзя безнаказанно касаться, и умножать формальности судопроизводства значитъ вызвать новыя требованія и приготовляться къ новымъ уступкамъ.

*) Извѣстно, что націоналистская газета *Le Petit Journal* старалась очернить Золя, предавая гласности данный ей изъ секретнаго архива военный или послужной списокъ его отца.

«Мы ихъ уже много сдѣлали, мы уже достаточно уступали, достаточно унижались, пора подняться!

«Вчера здѣсь говорили о французскомъ патріотизмѣ, любящемъ вспоминать о своемъ прошломъ, о своемъ величіи. Но меня безпокоитъ не столько война противъ нашихъ учрежденій, а та угроза, которая виситъ надъ нашей репутаціей. Мы всегда были народомъ, соединяющимъ въ себѣ стремленіе къ идеалу съ уваженіемъ къ закону; мы всегда жаждали равенства, а теперь неистовые проповѣдники расовой ненависти откапываютъ воспоминанія, составляющія постыдную страницу нашей исторіи, чтобы возбудить одну часть націи противъ другой. Мы всегда жаждали правосудія, а теперь находятся люди, которые могутъ, при безмолвіи народа, говорить, что правами личности нужно жертвовать высшимъ государственнымъ соображеніямъ,—люди, называющіе исправленіе сдѣланной ошибки измѣной родинѣ!...

«Здѣсь говорилось объ общественномъ мнѣніи... Я отвѣчаю: будемъ говорить о правосудіи. Я говорю, что общественнаго мнѣнія нѣтъ, когда рѣчь идетъ о правосудіи; я говорю еще, что не нужно принимать за общественное мнѣніе ропотъ нѣсколькихъ риторовъ.

«Къ этому я долженъ еще прибавить: общественные дѣятели не должны только думать о настоящей минутѣ, они должны предвидѣть будущее. Да, общественное мнѣніе очень измѣнчиво. Да, съ нимъ бываютъ внезапные и неудержимые перевороты... и то, что оно меньше всего прощаетъ, это сдѣланныя имъ ошибки, потому что его руководители позволили ему ихъ сдѣлать.

«Я знаю только одно средство, чтобы не обманывать ни себя, ни его: это прислушиваться прежде всего къ голосу своей совѣсти, а затѣмъ подчиняться ему *)».

Какъ мы уже замѣтили, эта рѣчь не помѣшала сенату принять законъ, но она примирила бывшаго сотрудника Ферри съ крайними демократами и открыла ему дорогу къ власти.

Между тѣмъ, событія въ странѣ развертывались съ необычайной быстротой. Націоналисты старались увлечь за собою парижскую рабочую массу, но созванныя Деруледомъ собранія 5 и 10 декабря 1898 г. кончились полнымъ пораженіемъ. Парижскіе рабочіе наполняли залы собранія и съ криками: «Да здравствуетъ республика!» разгоняли націоналистовъ. Тогда Деруледъ и его товарищи, чтобы предупредить пересмотръ процесса, стали прибѣгать къ любимымъ ими интригамъ и заговорамъ. Такъ, по словамъ Деруледа, онъ предлагалъ Феликсу Фору совершить государственный переворотъ; тотъ будто бы согласился, что ненормальное положеніе дѣлъ требуетъ исключительныхъ мѣропріятій, но замѣтилъ, что конституція связываетъ ему руки **).

---

*) Рѣчь въ сенатѣ 28 февраля 1899 г. Annales du Senat. Session ordinaire de 1899 г., p. 259.

**) *Revue Hebdomadaire*, etc. p. 533—534.

Вдругъ, 16 февраля 1899 года, пронесся слухъ о смерти президента Фора. Это событіе застало республиканскую партію совсѣмъ неподготовленной. Часть умѣренныхъ предложила ему въ преемники Мелина, націоналисты, съ Деруледомъ во главѣ, хотѣли выбрать Дюпюи *). Имя Лубе было предложено въ газетѣ *Aurore* Клемансо, закончившимъ свою знаменитую статью словами: «я подаю свой голосъ за Лубе». Какъ при выборѣ Карно, кандидатуру котораго тоже первымъ выставилъ Клемансо, послѣдній доказалъ и теперь свой большой политическій тактъ. Лубе принадлежалъ къ республиканской партіи, умѣренной, но отличающейся своими демократическими тенденціями, и его кандидатура соединила голоса всѣхъ фракцій республиканской лѣвой и часть голосовъ умѣренныхъ республиканцевъ. Лубе былъ выбранъ, и его выборъ явился побѣдой крайней лѣвой и вообще приверженцевъ пересмотра дѣла Дрейфуса.

Націоналисты рѣшили тогда испытать послѣднее средство—насильственный переворотъ. Во время похоронъ Феликса Фора, 23 февраля, Деруледъ взялъ за узду лошадь генерала Роже, когда тотъ возвращался въ казармы и пригласилъ его отправиться вмѣстѣ со своими солдатами въ Елисейскій дворецъ. Это былъ не случайный фактъ, а одинъ изъ пунктовъ заранѣе обдуманной программы. Извѣстно, что потомъ Деруледъ объяснялъ свою неудачу отказомъ роялистовъ помочь ему. По его увѣреніямъ, послѣдніе присылали къ нему нѣсколько разъ эмиссаровъ. Когда одинъ изъ нихъ спросилъ Деруледа, что онъ сдѣлаетъ, если орлеанскій герцогъ явится въ Парижъ, тотъ отвѣтилъ: «я его арестую». Деруледъ хотѣлъ совершить государственный переворотъ, но отнюдь не въ пользу орлеанскаго герцога. Послѣ этого отвѣта роялисты будто бы распорядились, чтобы сочувствующіе имъ генералы не послѣдовали за Деруледомъ. Такъ или иначе, но фактъ существованія обширнаго заговора, и даже нѣсколькихъ, можно считать, послѣ того какъ въ немъ признались заговорщики, исторической истиной.

Четвертаго іюля на скачкахъ въ Отейлѣ толпа аристократовъ-націоналистовъ, въ цилиндрахъ и рединготахъ, съ бѣлыми фіалками въ петлицахъ, кружившаяся подъ благосклонными взорами полиціи вокругъ президентской трибуны, устроила демонстрацію противъ Лубе. Одинъ изъ нихъ, нѣкій баронъ Христіани, замахнулся даже на него палкой. Это событіе вызвало взрывъ негодованія среди республиканцевъ и не только противъ націоналистовъ, но и противъ министра Дюпюи, не принявшаго нужныхъ мѣръ для предупрежденія демонстраціи, о которой онъ былъ извѣщенъ. Соціалисты, радикалы и умѣренные республиканцы изъ палаты депутатовъ и сената подписали общій сочувственный адресъ президенту Лубе. То же самое сдѣлалъ и парижскій муниципальный совѣтъ. Кромѣ того, различныя группы лѣвой въ сенатѣ и въ камерѣ, не довѣряя лойяльности Дюпюи, организовали комитетъ общественнаго спасенія, обязанность котораго была слѣдить за дѣйствіями націоналистовъ и самого правительства.

---

*) Ibid., p. 537.

Послѣднее, почувствовавъ противъ себя всю республиканскую партію, хотѣло нѣсколькими энергичными мѣрами снова пріобрѣсти ея симпатіи. Оно начало слѣдствіе противъ генерала Пелье и майора Эстергази, отрѣшило отъ должности прокурора Ломбара и подвергло дисциплинарному наказанію предсѣдателя суда Тардифа, двусмысленное поведеніе которыхъ не мало способствовало оправданію Деруледа за его февральскую попытку. Наконецъ, Дюпюи внесъ въ палату предложеніе о преданіи верховному суду бывшаго военнаго министра, генерала Мерсье.

Президентъ республики Лубе, противъ котораго были направлены націоналистическія демонстраціи, выказалъ большое самоотверженіе: «Я не принялъ власть не по своей волѣ, — говорилъ онъ послѣ покушенія въ Отейлѣ,—но я не уйду, не исполнивъ своего долга до конца». При этомъ, несмотря на угрозы націоналистовъ, онъ рѣшилъ явиться въ слѣдующее воскресенье на скачки большого приза въ Лоншанъ.

Какъ только стало извѣстнымъ намѣреніе президента, всѣ рабочія и республиканскія организаціи рѣшили устроить въ честь его грандіозную манифестацію. Толпы десятковъ тысячъ манифестантовъ съ фіалками въ петлицахъ, съ пѣснями и съ криками: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Лубе!» отправились въ Лоншанъ. Видя всеобщее одушевленіе парижской демократіи, націоналисты предпочли совсѣмъ не показываться. Дюпюи, оставившій безъ всякой охраны президента въ прошлое воскресенье, теперь, когда самъ народъ заступился за Лубе, сталъ проявлять необычайное охранительное рвеніе. По его приказанію была отправлена цѣлая бригада пѣхоты, 20 эскадроновъ кавалеріи и 6,000 городовыхъ, которые, за отсутствіемъ націоналистическихъ манифестантовъ, бросились на самихъ республиканцевъ. И въ этомъ опять видна была двусмысленная политика лукаваго премьера. Но изъ-за нея онъ поплатился своимъ министерскимъ портфелемъ.

Засѣданіе палаты, въ понедѣльникъ, 12 іюня, открылось интерпелляціей соціалистическаго депутата Вальяна о полицейскихъ расправахъ наканунѣ. Его разсказы были подтверждены другими очевидцами-депутатами. Противъ этихъ достовѣрныхъ фактовъ не помогли слова Дюпюи, хвалившаго парижскій народъ и свою полицію. Его рѣчь была встрѣчена всеобщимъ ропотомъ. «Я говорю откровенно г. президенту министровъ, что республиканцы ему больше не довѣряютъ»,—кричалъ парижскій депутатъ, Шарль Босъ. «Намъ надоѣла ваша двуличная политика»,—говорилъ шерскій депутатъ Бретонъ *). Недовѣріе къ Дюпюи было раздѣлено республиканскимъ большинствомъ, принявшимъ 321 голосами противъ 123 слѣдующую резолюцію.

«Камера, выражая свое твердое намѣреніе поддерживать только такое правительство, которое будетъ энергично защищать республиканскія учрежде-

*) Annales de la Chambre des députés. Session ordinaire de, 1899 t. II, p. 468.

нія и охранять общественный порядокъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Въ этотъ же день министерство Дюпюи подало въ отставку.

XI.

Составленіе новаго кабинета было долго и затруднительно; министерскій кризисъ длился цѣлыхъ десять дней. При тогдашнихъ условіяхъ, при заговорахъ и измѣнахъ, при безъизвѣстности относительно исхода борьбы республики съ націонализмомъ и генеральнымъ штабомъ, министерскій портфель не представлялъ ничего привлекательнаго. «Столь оживленныя во время министерскихъ кризисовъ аллеи, ведущія къ власти, теперь были пусты»,—говорилъ позже и вполнѣ вѣрно Вальдекъ-Руссо *). Затрудненія еще осложнялись необходимостью поставить во главѣ министерства не какого-нибудь неизвѣстнаго человѣка, а государственнаго дѣятеля, пользующагося авторитетомъ и популярностью. Въ короткое время дѣло Дрейфуса погубило три министерства: Мелина, Бриссона и Дюпюи и ни къ кому изъ нихъ, ни къ ихъ товарищамъ нельзя было больше обращаться.

Послѣ обычнаго совѣщанія съ предсѣдателемъ камеры и сената, президентъ республики поручилъ бывшему министру Пуанкаре, принадлежавшему къ молодымъ депутатамъ центра и извѣстному своимъ сочувствіемъ пересмотру дѣла Дрейфуса, составить новый кабинетъ. Однако, онъ долженъ былъ скоро отказаться отъ этого, потому что радикалы и соціалисты не желали поддерживать министерство, въ которомъ Пуанкаре хотѣлъ отдать портфель внутреннихъ дѣлъ своему пріятелю Барту, не пользовавшемуся ихъ симпатіями. Послѣ неудачи этой первой комбинаціи миссія составить кабинетъ была возложена на Вальдека-Руссо, но и тотъ послѣ нѣкоторыхъ попытокъ долженъ былъ отказаться, ибо среди самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ не нашелъ нужной поддержки, благодаря интригамъ Мелина **). Тогда былъ вызванъ телеграммой изъ Гааги Леонъ Буржуа, бывшій премьеръ радикальнаго кабинета 1896 года и засѣдавшій въ это время, какъ делегатъ Франціи, въ извѣстной конференціи мира. Онъ тоже счелъ задачу составленія министерства выше своихъ силъ, но Буржуа далъ совѣтъ президенту Лубе попросить еще разъ Вальдека-Руссо и попробовать комбинацію съ соціалистами, которые изъявили готовность «взять свою часть отвѣтственности въ управленіи страною».

Результатомъ новыхъ переговоровъ было министерство Вальдека-Руссо. На-ряду съ премьеромъ явились двое другихъ министровъ, придавшихъ новому кабинету особую физіономію: это были генералъ Галифе и Мильеранъ. Появленіе во главѣ французскаго правительства извѣстнаго вождя соціалистовъ, принимавшаго три основные пункта соціалистической про-

---

*) Рѣчь на банкетѣ производительныхъ ассоціацій 4 февраля 1900 г. (Questions sociales etc. p. 374).

**) E. d. Tallichet. La France et le procès Dreyfus. (Bibliothèque Universelle de Lausanne. Oct.-Décembre 1899, p. 145).

граммы — соціализацію частной капиталистической собственности, международную солидарность рабочихъ и борьбу классовъ,—было событіе неслыханное, вызвавшее смущеніе въ рядахъ самихъ соціалистовъ, а еще больше среди умѣренныхъ республиканцевъ. Многіе изъ послѣднихъ обвиняли Вальдека-Руссо въ измѣнѣ своему консервативному прошлому. Въ измѣнѣ обвиняли и соціалисты своего товарища Мильерана за то, что онъ согласился войти въ буржуазное министерство, да еще въ такое, гдѣ военнымъ министромъ былъ генералъ Галифе, свирѣпый усмиритель коммунальнаго движенія 1871 года. Новымъ министерствомъ были недовольны и нѣкоторые радикалы, какъ Камилъ Пельтанъ, обозвавшій его въ l'Eclair «жалкой и нелѣпой выдумкой».

Если оставить въ сторонѣ различные партійные взгляды и посмотрѣть на комбинацію Вальдека-Руссо, какъ на историческое событіе, то нельзя будетъ не признать, что оно займетъ и уже заняло одно изъ первыхъ мѣстъ среди политическихъ и общественныхъ событій истекшаго столѣтія.

Новое министерство предстало передъ камерой 26 іюня. Появленіе Галифе было встрѣчено со стороны части соціалистовъ криками: «Да здравствуетъ коммуна! Долой Галлифе!» Ропотъ поднялся и на другихъ скамьяхъ. «Вы забыли пригласить еще Дейблера»*),—кричалъ націоналистъ Бонту. «Вы дрожите!»—кричалъ какой-то монархистъ Вальдеку-Руссо, когда тотъ читалъ министерскую декларацію. «Съ высоты этихъ скамей на васъ смотрятъ двадцать лѣтъ растлѣнія!»—прибавилъ съ своей стороны, дѣлая театральный жестъ, націоналистъ Марсель Габеръ **).

Среди этого адскаго шума Вальдекъ-Руссо со своимъ обычнымъ спокойствіемъ прочелъ министерскую декларацію: «Наша задача, — говорилъ онъ, — сохранить цѣльность общаго достоянія и положить конецъ агитаціямъ, направленнымъ противъ освященнаго всеобщимъ голосованіемъ республиканскаго строя». Часть республиканцевъ апплодировала, другіе протестовали. «Съ возмущеніемъ и гнѣвомъ я отвергаю это министерство»,—говорилъ радикальный депутатъ Мирманъ—«которое народъ уже окрестилъ достойнымъ именемъ—министерство Галлифе». Въ томъ же духѣ говорилъ и Вальянъ отъ имени части соціалистовъ и заявилъ полную готовность поддерживать всякое другое республиканское министерство, кромѣ министерства, въ которое входитъ Галлифе.

Монархисты, увидавъ, что министерство встрѣчаетъ со стороны самихъ республиканцевъ сильную оппозицію, сочли болѣе благоразумнымъ не вмѣшиваться, ибо ихъ появленіе на трибуну могло только способствовать объединенію республиканцевъ. «По настоянію друзей я отказываюсь отъ слова,—заявлялъ бонапартистъ де-Кассаньякъ,—не желая, чтобы намъ могли приписать сплоченіе республиканцевъ около министерства». «Я отка-

---

*) Дейблеръ—офиціальный палачъ республики.

**) Annales de la Chambre. Session ordinaire de 1899, t. II, p. 498.

зываюсь отъ слова,—кричалъ другой реакціонеръ Маньадье,—не желая топтать трупъ» *).

Министерство пока еще не было «трупомъ», за него заступались многіе республиканцы; самое рѣшающее значеніе имѣло вмѣшательство Бриссона. Извѣстный націоналистъ и поэтъ Франсуа Коппе разсказывалъ потомъ въ *Revue Hebdomadaire*, что Бриссонъ сдѣлалъ съ трибуны извѣстный масонскій знакъ о крайней опасности, и будто бы «всѣ 169 масоновъ» палаты депутатовъ подчинились приказанію своего вождя. Но, несомнѣнно, больше чѣмъ тайные знаки подѣйствовали на республиканцевъ простыя и искреннія слова Бриссона, встрѣчаемыя криками: «Да здравствуетъ республика!» «Что касается меня, господа, я не могу колебаться. Правительство обѣщаетъ защитить республику, я ему даю свой голосъ и приглашаю всѣхъ, на которыхъ я могу моей прошлой карьерой имѣть какое-нибудь вліяніе, голосовать, я не скажу за правительство, а за республику».

Резолюція о довѣріи правительству была принята 262 голосами противъ 237. Тѣ соціалисты, которые не хотѣли голосовать за правительство, не желая съ другой стороны и пристать къ арміи націоналистовъ, монархистовъ и умѣреннаго кружка Мелина, воздержались баллотировать. Такъ же поступили и нѣкоторые радикалы крайней лѣвой, какъ Мирманъ, Пельтанъ Мезюрьеръ и др. Благодаря этимъ уклоненіямъ отъ баллотировки, правительство могло получить большинство въ 25 голосовъ.

Палата была распущена на лѣтнія вакаціи. Теперь наступило время для дѣйствія министерства.

Самое важное соображеніе, заставившее Вальдека-Руссо обратиться къ сотрудничеству генерала Галлифе, была его вѣра въ лойяльность послѣдняго. «Онъ всегда преклонялся передъ конституціей»,—говорилъ Вальдекъ-Руссо,—въ вышеописанномъ засѣданіи палаты. Съ другой стороны, Галлифе пользовался репутаціей очень храбраго и строгаго воина. На эту строгость разсчитывалъ и Вальдекъ-Руссо, чтобы водворить законъ и дисциплину среди офицеровъ. Дѣйствительно, мѣры, принятыя новымъ военнымъ министромъ, во время парламентскихъ вакацій, были такого рода, что онѣ пріобрѣли ему даже симпатіи тѣхъ радикаловъ и соціалистовъ, которые 26 іюня не хотѣли голосовать за министерство. Для возстановленія порядка въ арміи, Галлифе налагалъ дисциплинарныя наказанія или отрѣшалъ отъ должности тѣхъ офицеровъ, которые публично заявляли свои симпатіи націоналистамъ. Самой сенсаціонной изъ этихъ мѣръ, было исключеніе изъ рядовъ арміи извѣстнаго военнаго инспектора генерала Негріе за произнесенную имъ антиконституціонную рѣчь.

Другія мѣры генерала Галлифе касались реформы военныхъ учрежденій; самой важной изъ нихъ было уничтоженіе, такъ называемой, коммиссіи чинопроизводства. До него производство офицеровъ находилось въ

*) Ibidem, p. 506.

вѣдомствѣ особаго военнаго комитета, дѣйствовавшаго независимо отъ военнаго министра и составлявшаго своего рода правительство въ правительствѣ. Такъ какъ высшіе офицеры, входившіе въ эту коммиссію, были проникнуты клерикальными убѣжденіями, то они и поддерживали только тѣхъ офицеровъ, которые имъ сочувствовали, и старательно отстраняли офицеровъ-республиканцевъ. На важное значеніе этой реформы указывалъ совсѣмъ недавно и военный министръ генералъ Андре. «Вмѣсто отвѣтственной коммиссіи мы, генералъ Галлифе и я, поставили отвѣтственнаго министра. Такимъ образомъ, производство офицерства находится теперь подъ непосредственнымъ контролемъ парламента» *).

Другіе министры тоже не бездѣйствовали. Главная иниціатива всякихъ мѣръ, имѣющая цѣлью охраненіе республики, принадлежала министру внутреннихъ дѣлъ Вальдеку-Руссо. По его распоряженію было начато слѣдствіе противъ Деруледа и его друзей, приведшее къ ихъ аресту 12 августа и преданію верховному суду сената, юрисдикціи котораго принадлежатъ проступки, имѣющіе цѣлью низверженіе республики.

Кромѣ поддержки парламента, министерство нуждалось еще въ прочномъ сочувствіи страны. Съ этою цѣлью, члены кабинета предприняли поѣздку по различнымъ городамъ Франціи. Особую гласность получило въ печати и потомъ въ парламентѣ посѣщеніе министромъ торговли Мильераномъ города Лилля, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ рабочими, во главѣ съ членами соціалистическаго муниципалитета.

Здѣсь, на банкетѣ, Мильеранъ заявилъ, что онъ не только остается вѣренъ своимъ идеямъ прошлаго, но надѣется, что наступило время для ихъ постепеннаго осуществленія. При этомъ онъ прибавилъ, что теперешняя задача правительства—подавить, съ помощью союза всѣхъ республиканцевъ, грозящую со стороны націоналистовъ опасность.

Въ это время процессъ Дрейфуса приближался уже къ своей извѣстной развязкѣ на рэннскомъ судѣ. По поводу приговора послѣдняго, органы крайней лѣвой упрекали правительство въ слабости, такъ какъ оно допустило, чтобы генералы, явившіеся туда въ качествѣ свидѣтелей, превратились въ обвинителей. Оно не сумѣло внушить даже своему военному прокурору держаться въ рамкахъ закона. Впрочемъ, самъ генералъ Галлифе долженъ былъ позже признаться въ слабости. Онъ ее извинялъ только желаніемъ не оказывать вліянія на рѣшеніе судей.

Но самые недовольные правительствомъ были, конечно, націоналисты. Они его называли «министерствомъ малаго террора» и «министерствомъ Дрейфуса». Послѣдняго одна изъ націоналистскихъ газетъ предлагала въ адъютанты Лубэ **).

Такъ какъ оппозиція націоналистовъ въ странѣ была подавлена какъ

---

*) *Le Temps*, 19 Janvier 1902 г., стр. 1, столб. 3.

**) Ст. клерикальнаго журнала *Le Correspondant* 10 sept. 1899, p. 1066. Въ томъ же журналѣ *Ch Descoutay*: „Le billon de l'affaire“, 25 sept. 1999.

мѣрами правительства, такъ и контръ-манифестаціями рабочихъ организацій, то она возложила теперь всѣ свои надежды для борьбы съ правительствомъ на камеру. Во время лѣтнихъ вакацій въ націоналистскихъ газетахъ была поднята агитація для поспѣшнаго созыва парламента. Мелинъ съ своей стороны, занявшій враждебное положеніе противъ Вальдека-Руссо, разослалъ циркуляры ко всѣмъ своимъ предполагаемымъ депутатамъ-единомышленникамъ, чтобы они сообща потребовали созыва парламента. Но многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и такіе несомнѣнные умѣренные депутаты, какъ Барту, Шарль Дюпюи, отказались его поддержать.

Палата начала свои засѣданія, по обыкновенію, въ ноябрѣ. Правительство было завалено интерпелляціями всякаго рода, касающимися его общей политики. Атаку открылъ націоналистъ Дени Кошенъ. Безпрестанно повторявшійся аргументъ какъ въ его рѣчи, такъ и въ рѣчи умѣренныхъ республиканцевъ Мелина и Мотта, выбраннаго въ Рубэ въ 1898 г., отчасти благодаря содѣйствію Вальдека-Руссо, заключался въ обвиненіи премьера, что онъ измѣнилъ своему прошлому, что онъ сдѣлался прислужникомъ коллективистовъ и позволяетъ своему коллегѣ Мильерану произносить рѣчи, въ которыхъ говорится, что «коллективизмъ не химера».

«Вы предали общественную крѣпость соціалистамъ,—говорилъ Кошенъ, обращаясь къ Вальдеку-Руссо.—Власть, которою они теперь пользуются, отдана имъ вами. И между ними и вами я вижу только ту разницу, которую нужно дѣлать между врагами открытыми и измѣнниками, отдающими свои позиціи» *).

Моттъ съ своей стороны съ паѳосомъ напоминалъ Вальдеку-Руссо то время, когда они вмѣстѣ боролись противъ коллективизма.

Второй причиной неудовольствія къ правительству являлись мѣры военнаго министра. На него именно и нападали націоналисты Грандмэзонъ и Лази. Первый, послѣ длинной критики мѣръ военнаго министра, хотѣлъ разыграть съ Галлифе ту сцену обольщенія, которая ровно годъ тому назадъ такъ хорошо удалась Деруледу по отношенію къ тогдашнему военному министру генералу Шамуану: «Бросьте вашихъ однодневныхъ друзей, вернитесь къ патріотамъ, которые васъ примутъ съ тѣмъ большею радостью, чѣмъ больше они страдали отъ вашихъ дѣйствій» **).

Неистовый же Лази не могъ удержаться отъ подстрекательствъ. «Это правительство—позоръ».

Предсѣдатель звонитъ и предлагаетъ ему взять свои слова обратно. «Ничего не возьму обратно,—отвѣчаетъ онъ,—и я прибавлю еще, что, когда оскорбляютъ армію, какъ это дѣлаютъ теперь, то непокорность является ея правомъ, а возстаніе—ея долгомъ» ***).

Ни обольщенія, ни угрозы не смущали Галлифе. Разъяснивъ, что всѣ

---

*) Annales etc. Session extraordinaire de 1899. Tome unique p. 14.

**) Ibidem., стр. 10, столб. 1.

***) Ibidem., стр. 17, столб. 2.

наложенныя взысканія вполнѣ заслужены, онъ кончилъ съ рѣзкой солдатской простотой. «Можетъ быть, я глупъ, но поступаю такъ, какъ говоритъ мнѣ совѣсть... Я не чувствую никакихъ угрызеній, никакого сожалѣнія о совершонныхъ мною поступкахъ, съ тѣхъ поръ какъ я появился на свѣтъ... Меня упрекаютъ за мой приказъ къ войскамъ, а я говорю, что если это будетъ нужно, я сдѣлаю то же самое еще разъ» *).

Рѣчь самого Вальдека-Руссо ожидалась съ нетерпѣніемъ. Въ пользу его уже говорили сами факты. «Я утверждаю, что мы нашли заговоръ повсюду. Онъ дѣйствовалъ и вербовалъ своихъ приверженцевъ подъ открытымъ небомъ».

Съ принципіальной точки зрѣнія, самой характерной частью его рѣчи является отвѣтъ Кошену и Мотту, упрекавшимъ его въ измѣнѣ своему прошлому.

«Послѣ выбора Мотта, которому я добровольно оказалъ не мало содѣйствія, произошли событія, заставившія меня думать, что республика теперь насчитываетъ достаточно самыхъ разнообразныхъ враговъ, чтобы республиканцы не искали своихъ противниковъ дальше, чѣмъ среди тѣхъ, которые боролись за нее.

Г. Кошенъ же, сдѣлавъ открытіе, что нашъ почтенный коллега Мильеранъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, заключилъ, что мы, должно быть, отказались отъ нашихъ. Не думаю, чтобы я далъ кому-нибудь поводъ предполагать, что у меня меньше привязанности къ моимъ убѣжденіямъ, чѣмъ у того или другого изъ моихъ товарищей по министерству. Я прибавляю, что въ дѣйствительности я боролся съ жаромъ и съ убѣжденіемъ противъ извѣстныхъ теорій, ибо по изученіи ихъ (чего, можетъ быть, не всѣ ихъ противники дѣлали) онѣ не показались достаточно убѣдительными для моего разума, и за большой надеждой, которую онѣ вызываютъ, я увидѣлъ безграничныя разочарованія.

При этомъ я прибавлю, что ни въ одной изъ моихъ рѣчей, которыя цитируются, я ни разу не выставлялъ того, что называютъ соціальною опасностью, какъ опасность неминуемую для нашего общества, которое я восхвалялъ за проникающій его духъ индивидуализма, бережливости и уваженія къ собственности. Но есть и другая опасность, которую я замѣчалъ давно, которую я видѣлъ гораздо ближе, опасность менѣе теоретическая и менѣе отдаленная, чѣмъ первая. Эта болѣе непосредственная угроза является угрозой контръ-революціонной. И чтобы покончить съ моимъ взглядомъ на соціальный вопросъ, позвольте мнѣ высказать мое твердое убѣжденіе, что если соціальная опасность сдѣлается когда-нибудь близкой, непосредственной и неминуемой, то это будетъ только на слѣдующій день послѣ контръ-революціи» **).

Въ заключеніе своей рѣчи Вальдекъ-Руссо сообщилъ о внесенныхъ

---

*) Ibidem, стр. 18, столб. 1.

**) Ibidem, pp. 39—40.

правительствомъ пяти законопроектахъ: объ ассоціаціяхъ, о расширеніи правъ рабочихъ синдикатовъ, о школьномъ стажѣ, о реформѣ военнаго суда и о чино-производствѣ офицеровъ. «Эти проекты намъ кажутся достаточными, чтобы объединить всѣхъ республиканцевъ въ одномъ общемъ союзѣ, проникнутомъ чувствомъ взаимнаго довѣрія. Если намъ удастся заставить республику сдѣлать этотъ шагъ впередъ, мы окажемся достойными ея и исполнимъ одно изъ обѣщаній революціи» *).

Самое заглавіе вышеупомянутыхъ проектовъ указываетъ на ихъ характеръ. Въ объясненіи нуждается только законопроектъ о школьномъ стажѣ. Какъ извѣстно, во Франціи для полученія гимназическаго или университетскаго диплома нужно держать экзаменъ передъ государственной коммиссіей, но каждый свободенъ приготовляться въ частной школѣ; при этомъ подобныя школы можетъ открывать всякій, кто захочетъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась католическая церковь, и въ результатѣ вышло, что большая часть французской молодежи получаетъ свое среднее образованіе въ школахъ духовныхъ орденовъ. Здѣсь именно будущіе офицеры и чиновники воспитываются въ духѣ ненависти противъ республики и ея учрежденій. Чтобы прекратить это зло, правительство и составило вышеупомянутый законопроектъ, допускающій на государственную службу только тѣхъ, которые провели три года въ государственныхъ общеобразовательныхъ учрежденіяхъ.

Изъ пяти законопроектовъ, предложенныхъ правительствомъ, только одинъ принятъ, но самый важный: законъ объ ассоціаціяхъ. Въ виду его капитальнаго значенія мы вернемся къ нему въ особой главѣ.

Въ заключеніе громаднымъ большинствомъ, 317 голосами противъ 211, камера выразила свое полное одобреніе правительству. Въ этотъ разъ за правительство голосовали всѣ радикалы и соціалисты безъ исключенія.

Министерство получило нужную поддержку «не только для того, чтобы существовать, но главное для того, чтобы дѣйствовать».

Х. Г. Инсаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Ibidem, стр. 42, столб. 2.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Круговая порука и общинное землевладѣніе. — Продовольственная кампанія. — Временные педагогическіе курсы.—Изъ жизни провинціи.

Въ газетахъ появилось извѣстіе о предстоящемъ внесеніи въ государственный совѣтъ проекта объ отмѣнѣ круговой поруки. Собственно говоря, въ виду учрежденія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности слѣдовало бы ожидать, что проектъ этотъ, какъ одна изъ составныхъ частей общаго крестьянскаго вопроса, станетъ предметомъ обсужденія въ этомъ совѣщаніи; однако, слухи утверждаютъ, что онъ будетъ непосредственно представленъ въ государственный совѣтъ министерствомъ финансовъ.

Въ связи съ этими слухами находятся и другіе, которые приписываютъ тому же министерству желаніе уничтожить и самое общинное землевладѣніе. Такъ, корреспондентъ *Temps,* г. Пьеръ Милль, пріѣзжавшій на послѣднія франко-русскія торжества, передаетъ на столбцахъ этой газеты бесѣду, которую онъ имѣлъ съ министромъ финансовъ по вопросу объ общинѣ. Министръ не скрывалъ, что считаетъ постепенное упраздненіе общиннаго владѣнія желательнымъ. Такимъ образомъ представляется вѣроятнымъ, что отмѣна круговой поруки будетъ лишь первымъ шагомъ къ другимъ болѣе важнымъ мѣрамъ въ области хозяйственнаго устройства крестьянъ.

По вопросу объ общинномъ землевладѣніи у насъ накопилась обширная литература. Еще при самомъ освобожденіи крестьянъ вопросъ этотъ возбудилъ горячую полемику и затѣмъ многократно и всесторонне обсуждался въ печати, особенно въ 60-е и 70-е годы. Преобладающимъ было всегда мнѣніе благопріятное общинѣ. Послѣдній разъ противъ общины предприняли походъ такъ называемые марксисты. Послушать ихъ, такъ община являлась главнымъ тормозомъ прогресса у насъ. Она служитъ препятствіемъ для развитія крупной промышленности, представляющей необходимую «переходную стадію» къ высшимъ формамъ общественной и экономической жизни, она является главнымъ источникомъ нашей бѣдности и отсталости, ею вызывается косность и «идіотизмъ» деревни.

Къ этому походу противъ общины охотно присоединились представители частнаго землевладѣнія и крупные промышленники. Первые мечтали найти въ обезземеленныхъ крестьянахъ дешевыхъ работниковъ для своихъ хозяйствъ, вторымъ улыбалась мысль о «фабричномъ котлѣ», въ которомъ долженъ вывариться русскій мужикъ. Само собою разумѣется, что марксисты, съ одной стороны, и представители частнаго землевладѣнія и промышленности—съ другой, исходили изъ разныхъ точекъ зрѣнія. Первые являлись лишь идеологами новыхъ общественныхъ формъ, а вторые, не заботясь ни о какой идеологіи, руководились однимъ практическимъ разсчетомъ; но какъ это нерѣдко бываетъ, идеологія сыграла въ руку практическимъ вожделѣніямъ.

Теперь идеологія отступила. Марксисты, въ лицѣ своихъ вождей, гг. Струве и Булгакова, убѣдились въ невозможности выварить всего русскаго мужика безъ остатка въ фабричномъ котлѣ и даже перестали находить пріятной эту перспективу. Наоборотъ, развитіе земледѣлія стало представляться имъ желательнымъ и возможнымъ. Усердіе, съ которымъ марксисты отреклись отъ недавнихъ своихъ вѣрованій, дошло, какъ извѣстно, до того, что сами враги ихъ принуждены были отстаивать противъ нихъ многое изъ того, что они побросали въ поспѣшномъ отступленіи.

Но если идеологія отступила, зато не отступили цѣплявшіяся за нее практическія вожделѣнія. И это очень естественно. Идеологія отступила изъ тѣхъ же идейныхъ соображеній, изъ которыхъ она начала походъ, практическимъ же вожделѣніямъ никакого резона не было отступать, и вотъ съ ними-то и приходится теперь считаться.

Въ сущности говоря, кромѣ общихъ соображеній, будто общинное землевладѣніе несовмѣстимо съ сельско-хозяйственными улучшеніями, мѣшаетъ развитію личности и вызываетъ косность и отсталость населенія, ничего противъ общины не выдвигалось. Но эти общія соображенія множество разъ фактически опровергались указаніями на улучшенія, предпринимавшіяся при общинномъ землевладѣніи.

Да и вообще не смѣшно ли объяснять бѣдность и отсталость крестьянства общиннымъ землевладѣніемъ, когда населеніе угнетено неурожаями и отягощено. Дайте народу образованіе, облегчите бремя податей, лежащее на немъ, уравняйте его въ правахъ съ остальными классами населенія, не стѣсняйте его въ проявленіи личной и общественной иниціативы, и если онъ и тогда будетъ тотъ же косный и отсталый народъ, что и теперь, то обвиняйте во всемъ общину. Пока же этого нѣтъ, странно видѣть въ общинѣ причину всѣхъ золъ крестьянской жизни и въ уничтоженіи ея единственную панацею для процвѣтанія народа. Наоборотъ, есть всѣ основанія предполагать, что уничтоженіе общины, при сохраненіи всѣхъ существующихъ условій народной жизни, поведетъ лишь къ обогащенію болѣе сильныхъ хозяйствъ на счетъ слабыхъ и къ образованію огромнаго количества сельскаго пролетаріата, который не найдетъ себѣ примѣненія въ обрабатывающей промышленности.

Поэтому намъ кажется, что ничего кромѣ вреда уничтоженіе общины, по крайней мѣрѣ при данныхъ условіяхъ, не принесло бы. Если рѣчь идетъ о поднятіи уровня крестьянскаго благосостоянія, то совсѣмъ не съ этого конца слѣдуетъ начинать. Общину же надо сохранять какъ драгоцѣнный оплотъ противъ образованія огромныхъ кадровъ сельскаго пролетаріата. Исторія, какъ старая бабушка любитъ своихъ внучатъ,—замѣтилъ однажды Чернышевскій по тому же поводу въ своей статьѣ «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія». Она даетъ возможность молодымъ народамъ, позднѣе вступившимъ на историческое поприще, быстрѣе пройти различныя «переходныя стадіи», стоившія десятилѣтія страданій ихъ предшественникамъ, она обогащаетъ ихъ опытомъ ихъ старшихъ собратьевъ. Учрежденія, давно уничтоженныя исторіей у старыхъ народовъ и уцѣлѣвшія у молодыхъ, иногда являются, если не по содержанію, то по формѣ именно тѣми, къ которымъ приходитъ поздній историческій опытъ послѣ долгихъ блужданій за лучшими формами жизни. Можетъ быть, поэтому и община, существовавшая когда-то и у другихъ европейскихъ народовъ, а нынѣ уцѣлѣвшая только у насъ, окажется той именно формой землевладѣнія, которая наиболѣе будетъ соотвѣтствовать новымъ условіямъ жизни. Разумѣется, эта форма будетъ требовать новаго содержанія, болѣе богатаго и разнообразнаго, чѣмъ нынѣ, но всетаки важно, что форма уцѣлѣетъ.

Что же касается круговой поруки, то объ отмѣнѣ ея при нынѣшнихъ условіяхъ ея существованія едва ли приходится жалѣть. Справедливо говоритъ по этому поводу *Новое Дѣло* (№ 20), что теперь, «когда автономія крестьянскаго общества весьма изувѣчена, круговая порука есть дѣйствительно большое стѣсненіе и, пожалуй, даже несправедливость. Государство входитъ въ непосредственное отношеніе съ каждымъ домохозяиномъ въ отдѣльности и—кромѣ раскладокъ подати—не признаетъ между собою и крестьяниномъ сельскаго общества, какъ промежуточнаго звена, а въ то же время всю отвѣтственность возлагаетъ на это общество. Другое дѣло, если бы на практикѣ осуществилась мысль, лежащая въ основѣ круговой поруки. Сельское общество не только распредѣляло бы подати, но и являлось бы вообще минимальной единицей въ отношеніи къ государству. Дальнѣйшія отношенія всецѣло выходили бы изъ круга вѣдѣнія государства, и его продолженіемъ явилась бы администрація сельско-общественная. При такомъ порядкѣ, составляющемъ внутреннее содержаніе закона о круговой порукѣ, круговая порука является не только вполнѣ справедливой, но и какъ нельзя болѣе естественной и желанной. Государство имѣетъ дѣло съ коллективнымъ помѣщикомъ, юридическимъ лицомъ, сельскимъ обществомъ, и предоставляетъ ему самому его внутреннее управленіе. Что сказали бы какой-нибудь банкъ или страховое общество, или акціонерное товарищество, если бы имъ не было позволено самимъ вести свои дѣла, имѣть собственное правленіе, собственныя постановленія и исполнительные органы, нести отвѣтственность своимъ коллективнымъ имуществомъ и своей цѣльной организаціей,

но каждому акціонеру въ отдѣльности пришлось имѣть дѣло непосредственно съ государствомъ. Каждый крестьянинъ платитъ косвенные налоги, разумѣется, единолично; но поскольку онъ является участникомъ коллективнаго землевладѣнія своего общества, онъ и отвѣтственность несетъ не лично, но черезъ свое общество. Но, разумѣется, такой порядокъ требуетъ строгаго согласованія со всѣмъ строемъ сельской административной системы. Система же эта давно потеряла всякую стройность и внутреннюю согласованность частей и давно представляетъ собою странную постройку изъ нескладицы и противорѣчій».

Корреспонденціи изъ неурожайныхъ мѣстностей сообщаютъ о недостаточности продовольственной помощи въ разныхъ мѣстахъ и о развивающихся на почвѣ голода эпидемическихъ болѣзняхъ. Такъ, казанскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ, что цынга свирѣпствуетъ въ настоящее время почти въ 450 селеніяхъ. Это установлено какъ врачами, состоящими въ вѣдѣніи Краснаго Креста, такъ и органами земства. Опасаясь еще бо́льшаго распространенія цынги, губернская земская управа потребовала отъ экстреннаго земскаго ассигнованія 25 тыс. руб. на борьбу съ болѣзнью. Въ докладѣ своемъ по этому поводу управа говоритъ, что ею было устроено особое совѣщаніе съ участіемъ профессоровъ-медиковъ казанскаго университета, которые высказались въ томъ смыслѣ, что цынга распространяется въ такихъ широкихъ размѣрахъ вслѣдствіе *неполнаго голоданія* и что для прекращенія эпидеміи необходимо улучшить дѣло продовольственной помощи во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ происходитъ это «неполное голоданіе». Хотя такимъ образомъ требующіяся для прекращенія цынги мѣры не входятъ въ сферу компетенціи земства, такъ какъ дѣло продовольственной помощи изъято изъ вѣдѣнія земства, тѣмъ не менѣе губернская земская управа, имѣя въ виду, что въ данномъ случаѣ улучшеніе продовольствованія населенія будетъ носить характеръ врачебной помощи, рѣшила не оставаться въ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ смыслѣ высказывались и уѣздныя земства, обращавшіяся къ управѣ съ просьбами объ ассигнованіи въ ихъ распоряженіе суммъ, нужныхъ на борьбу съ цынгою, и начальникъ губерніи, требовавшій на основаніи заключенія губернскаго врачебнаго инспектора доктора Губкина, командировки въ пораженныя цынгою мѣстности врачей, устройства временныхъ больницъ, дезинфекціи крестьянскихъ жилищъ, составленія краткаго наставленія по предупрежденію цынги и уходу за цынготными для распространенія этого наставленія между населеніемъ пострадавшихъ уѣздовъ и др. Въ заключеніи своего доклада губернская земская управа объясняла собранію, что испрашиваемая ею сумма на борьбу съ цынгой будетъ употреблена на устройство главнымъ образомъ безплатныхъ столовыхъ въ селеніяхъ, пораженныхъ цынгою, какъ то рекомендовано профессорами-медиками, а также и на устройство сѣти больничекъ для лѣченія трудно-больныхъ цынгою. Признавая желательнымъ открытіе безплатныхъ столовыхъ и въ другихъ селеніяхъ, въ видѣ преду-

предпительной мѣры, что также было рекомендовано профессорами-медиками на упомянутомъ совѣщаніи, губернская земская управа находитъ, однако, что осуществленіе этой мѣры представляется, къ сожалѣнію, невозможнымъ въ настоящее время для земства за изъятіемъ изъ его вѣдѣнія тѣхъ капиталовъ и кредитовъ, которые служатъ къ удовлетворенію продовольственныхъ потребностей населенія въ неурожайные годы. Обсужденіе этого доклада вызвало въ собраніи оживленныя пренія, изъ которыхъ выяснилось, что сильное распространеніе цынги обусловлено недостаточною продовольственною помощью. Нѣкоторыми изъ гласныхъ дѣлались указанія на то, что даже заготовка продовольственнаго хлѣба и подвозъ его въ селенія, которымъ предназначался онъ, производились неправильно. Указывалось еще и на то, что даже въ 1890, 1891 и 1898 годахъ, когда неурожайное бѣдствіе было значительно сильнѣе, чѣмъ нынѣшнее, но когда дѣло продовольственной помощи находилось въ вѣдѣніи земства, цынга не имѣла такого распространенія, какъ теперь. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, одержимо цынгою болѣе 5 тыс. человѣкъ въ четырехъ уѣздахъ, да уже перенесли ее и излѣчились столько же. Въ концѣ-концовъ собраніе постановило удовлетворить требованіе управы объ ассигнованіи 25 тыс. руб. на устройство безплатныхъ столовыхъ и больничекъ для лѣченія трудно-больныхъ цынгою, рѣшивъ позаимствовать эту сумму изъ страховаго капитала, имѣющагося въ распоряженіи земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе постановило довести до свѣдѣнія начальника губерніи, что, по заключенію профессоровъ-медиковъ казанскаго университета, появленіе цынги обусловлено недостаточнымъ питаніемъ населенія, и возбудить предъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы въ случаѣ новаго неурожая, когда вновь потребуется продовольственная помощь населенію, расходы по принятію мѣръ противъ цынги производились изъ суммъ обще-имперскаго продовольственнаго капитала.

Изъ другихъ мѣстностей чрезвычайное развитіе получили эпидемическія болѣзни въ Воронежской губ. Здѣсь съ ноября появилось повышенное заболѣваніе брюшнымъ тифомъ, начиная съ февраля, быстро стали развиваться куриная слѣпота и цынга. Хотя куриная слѣпота является здѣсь обычною болѣзнью, особенно Великимъ постомъ, но въ нынѣшнемъ году она получила небывалое развитіе. По свѣдѣніямъ санитарнаго отдѣленія губернской управы, заболѣванія куриною слѣпотой за послѣднія пять лѣтъ не превышали 2—3 тыс. случаевъ въ годъ. Въ нынѣшнемъ же году этихъ заболѣваній было значительно больше: въ январѣ было зарегистровано 500 случаевъ, въ февралѣ — 1,500, въ первой половинѣ марта — около 2,000, а во второй половинѣ того же мѣсяца — уже около 10,000; въ апрѣлѣ эпидемія продолжалась не ослабѣвая. При этомъ въ нынѣшнемъ году куриная слѣпота въ значительномъ числѣ случаевъ оканчивается полною потерей зрѣнія. Замѣчается также большое повышеніе смертности. Цынготныя заболѣванія, которыхъ въ Воронежской губерніи не было съ голоднаго 1892 года, теперь получили также эпидемическій характеръ. Въ

январѣ было зарегистровано 21 цынготное заболѣваніе, въ февралѣ—46, въ мартѣ—479 и въ первой половинѣ апрѣля—539. Въ общемъ по губерніи въ мартѣ было захвачено цынгою 176 селеній, причемъ въ южныхъ уѣздахъ пораженныя селенія составляютъ цѣлые сплошные районы, откуда отдѣльныя заболѣванія распространились буквально на всю губернію.

О заболѣваніяхъ цынгою, тифомъ и другими болѣзнями сообщаютъ также изъ Уфимской губерніи, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, Балашовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, Саратовской, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи и т. д.

Казалось бы, чрезвычайное распространеніе цынги въ Воронежской губерніи должно было вызвать энергичныя мѣры противъ эпидеміи. И дѣйствительно, экстренное земское собраніе еще въ октябрѣ, какъ сообщаютъ *Новости*, постановило возбудить цѣлый рядъ ходатайствъ передъ главнымъ управленіемъ «Краснаго Креста» и передъ попечительствомъ о домахъ трудолюбія о субсидіяхъ на открытіе временныхъ медицинскихъ участковъ и вообще на борьбу съ эпидеміями, возникающими на почвѣ голодовки, объ организаціи яслей-пріютовъ и горячихъ завтраковъ въ школахъ, о командировкѣ сестеръ милосердія и проч.; кромѣ того, собраніе ассигновало на выдачу авансовъ врачамъ, на расходы по изоляціи заразныхъ больныхъ и на снабженіе ихъ молокомъ, чаемъ, виномъ и проч., и поручило управѣ пріобрѣсти 232 пуда рыбьяго жира для лѣченія куриной слѣпоты. Изъ всѣхъ этихъ постановленій осуществились только тѣ, на исполненіе которыхъ были ассигнованы средства самимъ земствомъ. Ходатайства же земства оказались безрезультатными. Главное управленіе «Краснаго Креста» не дало никакого отвѣта; попечительство о домахъ трудолюбія признало возможнымъ придти на помощь земству въ дѣлѣ устройства пріютовъ-яслей, но до сихъ поръ ведется еще только переписка по этому предмету между земствомъ и комитетомъ попечительства при посредствѣ мѣстнаго губернатора. И только мѣстное управленіе общества «Краснаго Креста» оказало земству нѣкоторую поддержку: оно ассигновало 871 руб. на 13 бочекъ рыбьяго жира, командировало въ мѣстности, пораженныя цынгою, четырехъ врачей, семь сестеръ милосердія, одного фельдшера и одну фельдшерицу и пять фельдшерскихъ учениковъ, да выдало около $4^1/_2$ тысячъ рублей на питаніе больныхъ.

Невеселыя вѣсти доносятся и изъ Сибири. Такъ, въ Омскомъ уѣздѣ киргизы переживаютъ настоящій голодъ: мѣстами люди пухнутъ, заболѣваютъ цынгой, суставы у нихъ разбухаютъ, зубы шатаются... Помощь, оказывавшаяся имъ до сихъ поръ, была недостаточна: въ мартѣ киргизы получали по 1 руб. 30 коп., съ начала апрѣля—по 1 р. 50 к. на душу; цѣна же пуда муки 3—5 руб. Хозяйственное разореніе киргизовъ огромное: отъ безкормицы скотъ за зиму падалъ массами; крупные богачи въ уѣздѣ не досчитываютъ 75% скота, а бѣдные лишились его совершенно.

Въ Акмолинской области, сообщаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*, скотъ гиб-

нетъ тысячами. Населеніе съ марта кормится казеннымъ хлѣбомъ; выдаютъ по пуду на взрослаго человѣка.

Таковы извѣстія, относящіяся къ марту и апрѣлю мѣсяцамъ.

Въ послѣднее время въ разныхъ земствахъ произошелъ рядъ недоразумѣній по поводу устройства временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей. Какъ извѣстно, устройство этихъ курсовъ регламентируется правилами 4 августа 1875 г. Правила эти давно устарѣли, и потому мѣстная администрація нерѣдко допускала тѣ или иныя отступленія отъ нихъ, какъ въ составленіи программъ, такъ и въ самомъ порядкѣ устройства курсовъ. Разумѣется, отступленія эти были самаго невиннаго характера, и учебная администрація иногда не только ихъ допускала, но и сама разрѣшала. При такомъ порядкѣ вещей стѣснительность правилъ 1875 г. не особенно чувствовалась. Въ настоящее время, однако, министерство стало требовать точнаго соблюденія правилъ и тѣмъ создаетъ значительныя затрудненія при устройствѣ курсовъ.

Такъ, саратовское земство вовсе лишилось возможности устроить курсы нынѣшнимъ лѣтомъ. Какъ передаетъ мѣстный корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*, управа предложила въ минувшую сессію на обсужденіе собранія докладъ о курсахъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «представляется крайне желательнымъ, чтобы начатая губернскимъ земствомъ дѣятельность по расширенію образованія учащихъ земскихъ школъ не прекращалась, а продолжала развиваться въ направленіи, принятомъ за послѣдніе два года, т.-е. съ возможно широкой программой по общеобразовательнымъ предметамъ (по исторіи, естествовѣдѣнію, психологіи и исторіи литературы)...» Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говорится далѣе въ докладѣ,—пятилѣтній опытъ веденія курсовъ даетъ возможность губернской управѣ предложить внести въ организацію ихъ нѣкоторыя улучшенія, согласно выяснившимся требованіямъ жизни. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе различной подготовки учащихъ и требованія къ курсамъ у нихъ нѣсколько различны. Въ то время, какъ учащіе съ низшимъ образованіемъ и малоопытные въ дѣлѣ преподаванія, а также ни разу еще не бывавшіе на курсахъ, нуждаются въ знакомствѣ со спеціальными предметами (русскій языкъ, ариѳметика и Законъ Божій) и образцовыхъ урокахъ,—для учителей съ среднимъ и спеціально-педагогическимъ образованіемъ эти предметы и уроки не представляются столь существенными. Для нихъ важнѣе прослушать предметы общеобразовательные. Интересуясь болѣе всего ими, они, однако, должны теперь жить въ Саратовѣ и посѣщать курсы все время, такъ какъ занятія на нихъ по всѣмъ предметамъ чередуются въ теченіе пяти недѣль. Благодаря этому, они должны нести не мало излишнихъ расходовъ, не получая при этомъ ни отъ кого никакой помощи, такъ какъ являются на курсы въ качествѣ вольнослушателей. Уѣздныя же земства командируютъ обыкновенно на курсы учащихъ съ наименьшею подготовкой. Ясно, насколько подобная система для пер-

вой категоріи слушателей, всегда составляющей большинство на курсахъ, является невыгодною. Цѣлый мѣсяцъ и даже болѣе они должны жить въ Саратовѣ изъ-за того, что̀ можно съ удобствомъ прослушать въ 2—3 недѣли. Въ виду этого губернская управа признаетъ чрезвычайно полезнымъ раздѣленіе курсовыхъ занятій на двѣ части: первыя недѣли посвятить исключительно обязательнымъ предметамъ, а остальное время—предметамъ общеобразовательнымъ. Такое раздѣленіе занятій не будетъ противорѣчить существующимъ правиламъ о курсахъ, а въ практическомъ отношеніи представитъ громадное преимущество противъ практиковавшагося до сихъ поръ порядка. Уѣздныя земскія собранія къ предложенію управы объ устройствѣ курсовъ съ такимъ раздѣленіемъ занятій отнеслись вполнѣ сочувственно. Далѣе, «изъ отвѣтовъ учащихъ о постановкѣ педагогическихъ курсовъ и личныхъ заявленій ихъ по этому вопросу выяснилось, что практическія занятія курсистовъ, отнимая массу времени и силъ, не имѣютъ, однако, существеннаго значенія въ дѣлѣ улучшенія преподаванія. По мнѣнію ихъ, будетъ гораздо полезнѣе уроки курсистовъ замѣнить бесѣдами руководителей...» Собраніе почти единогласно приняло всѣ предложенія управы, которая очень скоро возбудила соотвѣтствующія ходатайства и приступила къ организаціи курсовъ. Были приглашены лучшіе и опытные лекторы и педагоги; однако отвѣта отъ попечителя округа управа не получала... наконецъ, видя, что время уходитъ, управа послала попечителю телеграмму, и только на-дняхъ отъ него получился отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Педагогическіе курсы для учителей начальныхъ училищъ организуются на основаніи «правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ», утвержденныхъ 5 августа 1875 г. Педагогическіе курсы имѣютъ цѣлью—ознакомленіе мало подготовленныхъ учителей и учительницъ съ лучшими способами обученія, а также обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще усовершенствованіе ихъ въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія. Занятія на курсахъ раздѣляются на практическія,—въ начальной школѣ при курсахъ, и теоретическія; теоретическія занятія состоятъ въ сообщеніи свѣдѣній по предметамъ, изучаемымъ въ начальныхъ училищахъ, въ сообщеніи общихъ педагогическихъ правилъ относительно устройства, порядка и распредѣленія занятій въ начальныхъ училищахъ» и т. д. «Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что главная задача педагогическихъ курсовъ заключается въ поднятіи не столько уровня знаній учителей начальныхъ училищъ по основнымъ предметамъ начальной школы, сколько въ педагогической подготовкѣ ихъ путемъ практическихъ и теоретическихъ занятій съ ними на курсахъ. Разсматривая примѣнительно къ изложенному ходатайство саратовской губернской земской управы, г. попечитель находитъ, что съ устраненіемъ обязательности для руководителей занятій въ теченіе всѣхъ курсовъ по Закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ, основнымъ предметамъ начальной школы, и съ устраненіемъ обязательности устройства временной школы при курсахъ и такъ называемыхъ образцовыхъ уроковъ, безъ че-

го немыслимы практическія занятія, проектируемые губернской управой педагогическіе курсы теряютъ характеръ «педагогическихъ» и превращаются въ общеобразовательные, что совершенно противорѣчитъ основнымъ задачамъ курсовъ, указаннымъ выше; предположеніе губернской управы, что такое измѣненіе не противорѣчитъ существующимъ правиламъ 1875 г., совершенно ошибочно... Указываемая губернской управой непроизводительность даваемыхъ на курсахъ практическихъ уроковъ свидѣтельствуетъ только о неправильной организаціи курсовыхъ занятій.

«Вслѣдствіе сего согласиться на проектируемое губернской земской управой измѣненіе въ организаціи предполагаемыхъ къ открытію лѣтомъ текущаго года въ г. Саратовѣ педагогическихъ курсовъ, какъ совершенно противорѣчащее утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правиламъ 1875 года, я не имѣю права, а входить по сему вопросу съ представленіемъ въ министерство, въ виду неоднократныхъ циркулярныхъ его распоряженій о необходимости точнаго соблюденія организаціи педагогическихъ курсовъ правилъ 1875 года, я не нахожу для себя возможнымъ.»

По сообщенію корреспондента, совѣтъ по народному образованію при губернской управѣ, выслушавъ такой отвѣтъ попечителя округа, постановилъ отказаться отъ мысли устроить въ нынѣшнемъ году педагогическіе курсы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ поручить управѣ внести въ ближайшее губернское земское собраніе докладъ о возбужденіи передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства объ измѣненіи правилъ 1875 года въ соотвѣтствующемъ смыслѣ.

Приблизительно такая же исторія произошла и въ Псковѣ. Какъ сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, псковское губернское земство еще въ 1899 г. рѣшило устроить педагогическіе курсы. По желанію земства созывъ учителей на курсы былъ раздѣленъ на два года: въ 1900 г. было рѣшено созвать три уѣзда и въ 1901 г. остальные пять уѣздовъ, на что и послѣдовало согласіе попечителя учебнаго округа.

Насколько эти курсы были удачны, видно изъ отчета главнаго наблюдателя, директора народныхъ училищъ,—отчета, въ которомъ говорится между прочимъ: «Гг. руководители курсовъ сообщили своимъ слушателямъ всѣ методическія знанія, необходимыя для каждаго учителя, и возбудили въ немъ интересъ къ дальнѣйшему педагогическому самообразованію, практически сообщили учителямъ новые лучшіе способы и пріемы обученія и облегчили черезъ это дальнѣйшій учительскій трудъ въ начальной школѣ... Курсы эти напомнили учителямъ и учительницамъ о высотѣ и святости учительскаго призванія, о высокой просвѣтительной задачѣ начальной школы» и т. д. Отчетъ г. наблюдателя заканчивается такъ: «Дай Богъ, чтобы такіе педагогическіе курсы почаще повторялись въ нашей губерніи, которая такъ нуждается въ духовной и просвѣтительной пищѣ.» Казалось бы, послѣ этого не должны были уже имѣть мѣста никакія препятствія къ продолженію такъ удачно начатаго дѣла, и управа начала

было готовиться въ 1901 г. къ устройству курсовъ совершенно на тѣхъ же началахъ и для остальныхъ пяти уѣздовъ, но не тутъ-то было. Бывшій попечитель учебнаго округа нашелъ, что въ устройствѣ курсовъ для первыхъ трехъ уѣздовъ не были въ точности соблюдены нѣкоторыя формальности. Напримѣръ, на четырехъ руководителей было допущено 144 слушателя, тогда какъ на каждые 40 человѣкъ по правиламъ 5 августа 1875 г. полагается приглашать не менѣе двухъ руководителей; затѣмъ земство созвало на курсы *всѣхъ* учителей, а не тѣхъ, кого нашелъ бы нужнымъ назначить инспекторъ народныхъ училищъ и т. д. Въ виду того, что соблюденіе сказанныхъ формальностей стѣсняло земство,—въ прошломъ году курсы не состоялись, о чемъ со всѣми подробностями и было доложено земскому собранію. Вмѣстѣ съ этимъ передъ земскимъ собраніемъ директоръ народныхъ училищъ сообщилъ губернской управѣ, что попечитель петербургскаго учебнаго округа въ личной бесѣдѣ по вопросу объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ начальныхъ школъ выразилъ желаніе, чтобы на будущее время устраивались не краткосрочные педагогическіе курсы по правиламъ 1875 г., а общеобразовательнаго характера, какіе ведутся уже второе лѣто въ г. Павловскѣ для учащихъ народныхъ школъ Петербургской губерніи по разнымъ отраслямъ знанія. Такіе курсы попечитель находитъ болѣе полезными и цѣлесообразными какъ для учителей, такъ и для школьнаго дѣла, и предложилъ представить соображенія объ устройствѣ въ гор. Псковѣ курсовъ общеобразовательнаго характера. Въ виду предстоящаго очередного губернскаго земскаго собранія директоръ просилъ управу доложить собранію, не найдетъ ли оно возможнымъ вмѣсто педагогическихъ курсовъ по правиламъ 1875 г., какіе уже были въ Псковѣ въ 1900 году, устроить на будущее лѣто 1902 г. курсы общеобразовательные по такимъ предметамъ, какіе будутъ признаны болѣе необходимыми для учителей и учительницъ Псковской губерніи. Сочувствуя въ принципѣ общеобразовательнымъ курсамъ, собраніе, однако, осталось пока при рѣшеніи довести начатое дѣло до конца, и въ началѣ нынѣшняго года губернская управа снова просила разрѣшить устройство временныхъ педагогическихъ курсовъ для остальныхъ пяти уѣздовъ совершенно тѣмъ же порядкомъ, какой былъ соблюденъ при устройствѣ курсовъ для первыхъ трехъ уѣздовъ въ 1900 г.

Недавно на это ходатайство попечитель округа отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, снова предложивъ пригласить на курсы только тѣхъ учителей, коихъ найдетъ нужнымъ командировать инспекторъ, и съ непремѣннымъ выполненіемъ требованія, чтобы на каждыхъ 100 слушателей было приглашено не менѣе четырехъ руководителей. Въ виду того, что въ настоящее время рѣчь идетъ объ уѣздахъ, гдѣ главный контингентъ учительскаго персонала состоитъ изъ окончившихъ женскую прогимназію, крайне нуждающихся въ методическихъ указаніяхъ, управа въ концѣ-концовъ должна была отвѣтить согласіемъ на предложенныя попечителемъ требованія и озабочена теперь подысканіемъ необходимаго числа руководителей.

По поводу тѣхъ же педагогическихъ курсовъ произошло недоразумѣніе съ извѣстнымъ педагогомъ Н. Ф. Бунаковымъ. Въ отзывѣ, данномъ особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о курсахъ, происходившихъ въ 1900 г. въ Одессѣ подъ руководствомъ г. Бунакова, былъ сдѣланъ упрекъ, что курсы были организованы и ведены не по правиламъ 1875 г. Въ отвѣтъ на это г. Бунаковъ въ *Одесскихъ Новостяхъ* пишетъ: «Не я виноватъ, что жизнь не стоитъ 25 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, что за четверть вѣка наша русская народная школа съ ея учительствомъ много выросла и предъявляетъ требованія, которыя уже не удовлетворяются отжившими свое время (да и вообще неудачными) правилами. Всякому овощу свое время».

Г. Бунакова упрекали также за «слишкомъ большое увлеченіе въ сторону вопросовъ о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на учениковъ».

«Хотя это высказано въ видѣ упрека по моему адресу,—отвѣчаетъ онъ на это,—но я по совѣсти принимаю такой упрекъ за лестную и, можетъ быть, преувеличенную похвалу. Дѣло въ томъ, что никакое увлеченіе въ сказанную сторону у насъ не можетъ быть названо «слишкомъ большимъ»: едва ли можно сомнѣваться, что главною задачей хорошо поставленной народной школы должно быть именно «воспитательно-образовательное» воздѣйствіе на учащихся, которое у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ долго упускалось изъ вида, а ужъ никакъ не простая выучка грамотѣ и счету. Но и упражненія въ учительской техникѣ вовсе не отсутствовали на одесскихъ курсахъ: во временной школѣ была проработана съ дѣтьми довольно полная и законченная программа и дано было 68 уроковъ (изъ нихъ 30 мною), которые обстоятельно обсуждались и разбирались. Все это подробно изложено въ моемъ напечатанномъ отчетѣ, изданномъ херсонской губернской земской управой, но, къ сожалѣнію, упреки по моему адресу опираются не на мой, а на какой-то другой отчетъ. Такъ велось дѣло и на херсонскихъ курсахъ 1899 года, да и на всѣхъ, какими мнѣ приходилось руководить».

Приведенные нами случаи наглядно доказываютъ необходимость измѣненія правилъ 1875 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указываютъ и въ какомъ направленіи должны быть произведены измѣненія. Въ программу курсовъ должны входить не только вопросы педагогической практики въ узкомъ смыслѣ слова, но и предметы общеобразовательные и вопросы воспитательно-образовательнаго характера. Кромѣ того устройство курсовъ должно быть освобождено отъ мелочной регламентаціи вродѣ правилъ о назначеніи двухъ руководителей на каждые 40 человѣкъ и друг., а также отъ излишняго подчиненія усмотрѣнію мѣстной учебной администраціи. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что учебная администрація неоднократно не утверждала въ качествѣ руководителей курсовъ наиболѣе опытныхъ и компетентныхъ педагоговъ.

Всѣ измѣненія въ этомъ направленіи настолько скромны и настолько

вызываются требованіями самой жизни, что при отсутствіи излишняго недовѣрія едва ли могутъ встрѣтиться препятствія къ ихъ осуществленію.

Съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги и отмѣной ссылки принято говорить, что Сибирь вступила на путь правильнаго гражданскаго развитія. Едва ли, однако, это такъ. Нисколько не отрицая важнаго значенія этихъ двухъ мѣропріятій, мы всетаки думаемъ, что далеко еще Сибири до правильнаго гражданскаго развитія. Рѣдко попадаютъ въ печать свѣдѣнія объ этой интересной странѣ, но тѣ, что попадаютъ, рисуютъ картину такихъ административныхъ порядковъ и такого бытового уклада, которые возможны въ какомъ угодно обществѣ, но только не въ обществѣ, хотя бы лишь вступившемъ на путь правильнаго гражданскаго развитія.

Недавно, наприм., произошло въ ирбейской волости, Канскаго уѣзда, избіеніе татаръ-конокрадовъ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ. Возникло, разумѣется, дѣло, и вотъ какіе порядки оно обнаружило.

Многочисленныя свидѣтельскія показанія, — говоритъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* (свидѣтелей вызвано по дѣлу до 300),—рисуютъ безпомощное положеніе и невѣжество крестьянскаго населенія, съ одной стороны, и полную инертность мѣстной высшей полицейской власти, съ другой—(за бездѣйствіе во время безпорядковъ преданы суду только сельскія должностныя лица). Прежде всего рядъ свидѣтелей рисуетъ безпомощность переселенцевъ въ борьбѣ съ конокрадствомъ,—этимъ повсемѣстнымъ бичомъ крестьянскаго населенія. Въ Канскомъ уѣздѣ ирбейская волость служитъ мѣстомъ поселенія ссыльныхъ татаръ; послѣдніе селились промежъ русскихъ переселенцевъ-крестьянъ и составляли $^1/_6$ часть всего населенія. Большинство татаръ уже занимались конокрадствомъ въ Россіи и были высланы сюда административнымъ путемъ. Въ Сибири татары занялись тѣмъ же промысломъ, который особенно большой вредъ наносилъ новоселамъ, недавно переѣхавшимъ переселенцамъ. Канскимъ исправникомъ зарегистровано 330 уведенныхъ лошадей за два года; всѣ свидѣтели указываютъ, что число кражъ значительно превосходитъ указанную цифру—около 700. Татары занимались кражами и въ другихъ отрасляхъ домашняго крестьянскаго хозяйства, причемъ кражи особенно усилились за послѣдніе годы. Татары разорили насъ,—говорятъ свидѣтели и приводятъ такой характерный примѣръ. Жители дер. Юдино до распространенія кражъ засѣвали ежегодно 600 дес. одной пшеницы, а теперь засѣваютъ съ трудомъ 200. Въ прежніе годы кражи были значительно рѣже, потому что татарское населеніе имѣло болѣе или менѣе опредѣленное занятіе,—оно уходило на пріиски и работало при постройкѣ сибирской желѣзно-дорожной линіи. Съ окончаніемъ постройки и съ упадкомъ за послѣднее время золотопромышленности въ окрестной тайгѣ татары сами попали въ критическое положеніе. Среди нихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ не было, почему они для пропитанія занялись конокрадствомъ. Татары первона-

чально уводили изъ волости краденыхъ лошадей и продавали ихъ на сторону. Крестьяне прослѣдили это; тогда татары занялись болѣе простой операціей: они открыли въ предѣлахъ волости двѣ конторы, которыя за извѣстное вознагражденіе возвращали потерпѣвшимъ украденыхъ лошадей, спрятанныхъ по укромнымъ угламъ тутъ же гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, или же конторы давали указанія потерпѣвшимъ, гдѣ найти имъ украденыхъ лошадей. Дѣло, въ коммерческомъ смыслѣ, велось честно, татары не обманывали своихъ кліентовъ, хотя брали съ нихъ большіе выкупы: у одного крестьянина пропали четыре лошади,—для выкупа пришлось продать трехъ коровъ. Всѣ свидѣтели констатируютъ, что властями и, въ частности крестьянскимъ начальникомъ, никакихъ мѣръ противъ конокрадства не принималось, хотя оно и знало о существованіи этихъ мошеническихъ конторъ, такъ какъ населеніе неоднократно жаловалось и просило помощи. Начальство даже при жалобахъ не оказывало никакого содѣйствія крестьянамъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ свидѣтелей говорятъ, что на бумагѣ «въ тайнѣ» что-то было сдѣлано. Большинство же утверждаетъ, что крестьянскій начальникъ «никакой помощи не давалъ... выгонялъ». Одинъ изъ свидѣтелей отмѣчаетъ такой фактъ: крестьянинъ, чтобы выкупить трехъ лошадей, принужденъ былъ продать послѣдній скотъ. Когда онъ пожаловался крестьянскому начальнику, тотъ отвѣтилъ: «Ты лошадей выкупилъ, ну и ладно». Доступъ къ начальнику крестьянамъ затрудняло главнымъ образомъ то обстоятельство, что у крестьянскаго начальника была татарская прислуга, которая пользовалась среди населенія очень плохой репутаціей; эти служащіе предупреждали своихъ соотечественниковъ о жалобахъ, приносимыхъ крестьянами; всѣ жалобы были ранѣе извѣстны татарамъ, чѣмъ крестьянскому начальнику, вслѣдствіе чего тѣ могли предпринимать предохранительныя мѣры. Крестьяне жаловались, составляли акты, приводили конокрадовъ въ волостное правленіе, но акты оставались, какъ показывали свидѣтели, безъ движенія, а конокрады выпускались, хотя нерѣдко противъ нихъ были опредѣленныя улики. Даже обыска не было произведено ни разу. Всѣ мѣры, которыя принимали сами крестьяне противъ конокрадства, не приводили къ положительнымъ результатамъ. Одного крестьянина заподозрѣли въ сношеніяхъ съ татарами-конокрадами; былъ составленъ приговоръ о выселеніи его, но приговоръ этотъ не былъ утвержденъ,—тѣмъ дѣло и кончилось. Причина бездѣйствія волостныхъ и сельскихъ властей объясняется боязнью слишкомъ строго выступать противъ «всесильныхъ» конокрадовъ, такъ какъ у нихъ былъ уже поучительный прецедентъ. Бывшій прежде волостной старшина серьезно боролся съ конокрадами: составлялъ акты, дѣлалъ на конокрадовъ облавы, представлялъ по начальству, и чѣмъ же кончилось? Когда онъ отбылъ срокъ своего служенія, конокрады совершенно разорили его, и теперь онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, какъ одинъ изъ участниковъ погрома. Вслѣдствіе такой полной безнаказанности, которою пользовались конокрады, населеніе было совершенно беззащитно. Между тѣмъ татары, по свидѣтельству

ихъ же соотечественниковъ, безпощадно брали чуть ли не ежедневно взятки. Населеніе находилось въ паникѣ и боялось преслѣдовать конокрадовъ, чтобы потомъ «хуже не было». Татары, въ отвѣтъ на жалобы, открыто грозили населенію поджогами и новыми кражами, и населеніе боялось, что они приведутъ свою месть въ исполненіе. Былъ такой случай. Одинъ крестьянинъ занумеровалъ деньги, выданныя въ видѣ выкупа за краденыхъ лошадей, и потомъ доказалъ на татаръ. Ихъ взяли подъ стражу, но вскорѣ же они были выпущены. Въ отместку татары зарѣзали у доносчика трехъ коровъ. Боясь мести конокрадовъ, волостное правленіе перестало даже принимать на нихъ жалобы отъ потерпѣвшихъ.

Кражи производить татарамъ тѣмъ болѣе было удобно, что многіе изъ нихъ проживали безъ билетовъ. Татары богатѣли, на судѣ главные заправилы фигурировали съ золотыми перстнями и другими украшеніями; выходило, слѣдовательно, что $^5/_6$ населенія работало, чтобы прокормить остальную $^1/_6$ часть. Естественно, что при такихъ условіяхъ ненависть росла, и, по словамъ свидѣтелей, въ волости давно уже говорили: «быть грозѣ», чувствовалось, что достаточно малѣйшаго повода, чтобы гроза разразилась. Нѣкоторые изъ свидѣтелей говорятъ, что развязка наступила неожиданно, что заранѣе уговора никакого не было. Нашелся въ дер. Козелѣ одинъ смѣльчакъ, который, наконецъ, рѣшился предложить сходу удалить пастуха-татарина, который давно уже былъ замѣченъ въ сообщничествѣ съ конокрадами, но котораго не гнали изъ-за страха. Этотъ пастухъ кралъ лошадей въ сосѣднихъ деревняхъ и держалъ ихъ въ козельскомъ стадѣ; крестьяне другихъ деревень негодовали за это на козельцевъ и обѣщали сжечь ихъ деревню. Характерна откровенность, съ которой пастухъ обдѣлывалъ свои дѣла. По словамъ одного изъ свидѣтелей «онъ даже по зубамъ билъ тѣхъ, которые приходили къ нему выкупать лошадей», и не скрывалъ того, что держитъ краденыхъ лошадей въ чужомъ стадѣ. Наконецъ, сходъ удалилъ конокрада-пастуха. Тогда татары хотѣли убить иниціатора этого предложенія, напали на него и стали душить, но убить его имъ не удалось. Послѣдній фактъ вызвалъ сильное раздраженіе въ деревнѣ, страсти разыгрались и произошелъ погромъ. Послѣ избіенія конокрадовъ, по показанію многочисленныхъ свидѣтелей, всякія кражи совершенно прекратились. Любопытно, что «честныхъ» татаръ во время погрома мѣстные обыватели изъ крестьянъ скрывали у себя на дому, объясняя тѣмъ, что желали только проучить конокрадовъ.

Не лучше татаръ ведутъ себя и культуртрегеры изъ русскихъ, особенно на далекихъ окраинахъ. Вотъ, наприм., что пишутъ изъ Харбина въ *Восточное Обозрѣніе*.

«Золотая лихорадка» эпидемически охватила весь устремившійся сюда людъ; то же сколачиваніе на живую нитку шалашей, называемыхъ домами, тѣ же необузданныя страсти къ наживѣ, та же явная проституція, въ благовидной формѣ, и та же присущая культуртрегеру безалаберность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Лица, появившіяся сюда года два-три тому

назадъ безъ гроша за душой, теперь уже владѣютъ цѣлыми домами и десятками тысячъ капитала, вытянутаго изъ кармановъ обывателя, каковымъ является по преимуществу контингентъ служилаго люда.

Особенное и крупное зло представляетъ собою каста «кулаковъ» изъ такъ называемыхъ «сахалинскихъ гражданъ». Примѣру сихъ послѣднихъ послѣдовалъ не только русскій купецъ, но даже, къ сожалѣнію, и нѣкоторыя лица, носившія званія желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Такъ, напримѣръ, бывшій правитель канцеляріи управленія дороги въ 1899 году, заполучивъ на полосѣ отчужденія приличный званію участочекъ землицы, выстроилъ пивной заводъ и, примѣняясь къ задачамъ насажденія культуры на Дальнемъ Востокѣ, выпустилъ первый заторъ пива подъ названіемъ «Шанго!» (по-китайски значитъ «очень хорошо»), причемъ, для вящей убѣдительности желтой расы на этикетѣ изобразилъ сжатый кулакъ правой руки, съ поднятымъ вверхъ большимъ пальцемъ! Въ теченіе года этотъ «сжатый кулакъ» явилъ собою такіе результаты, что изобрѣтатель онаго нашелъ нужнымъ уволиться отъ службы, съ полученіемъ достодолжнаго пособія отъ матушки-казны.

Такой удачный опытъ со «сжатымъ кулакомъ» повелъ къ тому, что авторъ его задумалъ уже вполнѣ насадить культуру, и посему, возвратясь изъ Питера, приступилъ къ устройству другого учрежденія для производства «русскаго добра» въ видахъ привитія патріотизма китайцамъ. Процвѣтаетъ «русское добро» въ формѣ производства водки».

При такихъ удивительныхъ нравахъ нѣтъ ужъ ничего удивительнаго въ томъ, что взятка, считающаяся всюду зломъ, въ Сибири, наоборотъ, считается благодѣяніемъ и даже своего рода Habeas corpus actомъ для населенія. Благодѣтельность взятки картинно доказываетъ въ *Восточномъ Обозрѣніи* нѣкій старожилъ, негодующій на газетныя обличенія взятокъ.

Засѣдатель Ханкинъ,—говоритъ онъ,—мнѣ лично прекрасно извѣстенъ. Человѣкъ чрезвычайно удобнаго направленія. Поразспросили бы вы самихъ аршановцевъ, какъ они къ нему относятся... «При немъ, говорятъ, только и жить можно». Взятки беретъ! Скажите пожалуйста! Беретъ, зато другимъ жить даетъ. А вотъ до него былъ: идеальнѣйшая и честнѣйшая личность, отъ предначертанія начальства ни на шагъ. И что же вы думаете? Вся волость волкомъ взвыла. А нынѣшній, взяточникъ, безъ преувеличеній можно сказать, отъ голодной смерти крестьянъ избавилъ. Помните, какой голодъ въ 1899 г. свирѣпствовалъ? Засуха все сожгла, а что по лѣснымъ расчисткамъ сохранилось, кобылка пожрала. Ни хлѣба, ни травы, ни живности: палъ такой пошелъ по тайгѣ, что всего звѣря, всю бѣлку разогналъ. Аршановцы къ засѣдателю, умоляютъ Христомъ-Богомъ доложить, кому слѣдуетъ, насчетъ ссуды.

— Не могу, говоритъ: вижу вашу нужду, а не могу.

— Какъ, что, почему? Сами, молъ, знаете, заболонь ѣдимъ, дѣти съ голоду пухнутъ.

— Знаю, говоритъ, все знаю. Только, что же я подѣлаю, ежели голодать не полагается?

Прочиталъ имъ предписаніе исправника: дѣйствительно «предлагаетъ» не безпокоить начальство тревожными донесеніями. При прежнемъ засѣдателѣ и разговоровъ тутъ больше никакихъ. Начальство «предлагаетъ», значитъ—ложись и помирай. А съ Ханкинымъ сошлись. Сердце-то у него теоріями не засушено, пожалѣлъ людей, рискнулъ пойти противъ предначертаній и выхлопоталъ-таки ссуду. И всего-то за рискъ взялъ съ души по десяти бѣлокъ. Крестьяне обязались внести мѣстному покрутчику изъ перваго удачнаго промысла, а покрутчикъ уплатилъ засѣдателю кредитками. Посмотрѣли бы вы, какъ ликовали аршановцы... Хоть самимъ-то мало довелось ѣсть,—больше скотину подкармливали,—все же какъ никакъ, а зиму перебились.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что за донесеніе о голодѣ засѣдатель рисковалъ потерять должность и послѣ этого нѣсколько лѣтъ состоялъ на плохомъ счету.

Другой примѣръ, приводимый старожиломъ, такой:

Въ Саханской области евреямъ торговать возбранено. Законъ не новый, но такъ какъ по мѣрѣ удаленія отъ центровъ духъ законности ослабѣваетъ, то и въ области не произошло отъ сего никакихъ благодѣтельныхъ перемѣнъ. Вдругъ какъ-то, неизвѣстно по какой причинѣ, циркуляръ: блюсти законъ во всей строгости и никакихъ послабленій, подъ страхомъ отвѣтственности, не допускать. А торговые паузки были уже въ пути: плывутъ себѣ потихоньку, безъ страха и сомнѣнья. Въ Саханскѣ только что перекинули на берегъ сходни, является «этнографическая экспедиція». Предписано отъ академіи наукъ выяснить національности судовладѣльцевъ. Два паузка съ керосиномъ оказались еврейскаго происхожденія. Немедленно велятъ отчаливать, а въ случаѣ ослушанія грозятъ перерубить причалы и спустить посуды въ океанъ. Случись же такъ, что въ городѣ ни фунта керосину, и на православныхъ паузкахъ его нѣтъ: по дорогѣ весь распродали на пріиски. Представьте же себѣ послѣдствія, если бы начальникъ экспедиціи, во исполненіе циркуляра, срубилъ причалы. И судовладѣльцамъ раззоръ, и городъ на всю зиму останется безъ освѣщенія... Къ счастью, обѣ стороны вывела изъ бѣды взятка. Евреямъ данъ какой-то срокъ для оптоваго сбыта товара. Мѣстные купцы нашей родной національности здорово нагрѣли тогда руки. Второпяхъ евреямъ пришлось продать керосинъ въ чистый убытокъ. Ну, да кто себѣ врагъ? Довольно того, что хоть городъ зиму въ темнотѣ не сидѣлъ.

Наконецъ, третій примѣръ.

— Искалъ я какъ-то,—продолжаетъ старожилъ,—2,000 р. съ амурскаго товарищества за поставку крѣпей по подряду. Счета оказались запутанными. Сами знаете, какая у насъ конторская бухгалтерія. Обращаюсь къ горному исправнику: приказалъ канцеляріи провѣрить счета обѣихъ сторонъ. Провѣрка, какъ и слѣдовало ожидать, дала результатъ не въ

мою пользу. По молодости лѣтъ, я имѣлъ неосторожность настаивать на своей правотѣ. Исправникъ—собственно изъ администраторовъ покладистыхъ, но вспыльчивъ чертовски: взрываетъ, какъ динамитъ отъ неизвѣстной причины. «А, такъ ты—кричитъ—считаешь мой приговоръ несправедливымъ! Въ казачью! Всыпать ему двадцать пять! Письмоводитель, составьте протоколъ». Разъ его высокоблагородіе вскипѣлъ, пиши—пропало: никакія разсужденія и соглашенія съ нимъ невозможны. Тотчасъ два архаровца меня подъ руки—и вонъ на улицу. Попробуйте-ка вникнуть въ мое состояніе въ этотъ моментъ. Я—подрядчикъ, ворочаю дѣлами тысячъ на сто, принятъ въ интеллигентномъ пріисковомъ кругу—и вдругъ быть выпоротымъ, какъ самый, что ни на есть заурядный шпанецъ! И обратите вниманіе: все по закону. Я состоялъ тогда въ ссыльно-поселенческомъ сословіи, значитъ, имѣлъ полное право на 25 ударовъ съ составленіемъ по сему случаю протокола. Выбѣгаетъ изъ канцеляріи письмоводитель: въ большомъ смущеніи, какъ ему быть. «Не мнѣ васъ учить,—говорю я,—нащупывая въ карманѣ «катеринку». Приходите лучше въ собраніе—пообѣдаемъ». Архаровцы стоятъ, улыбаются и тоже держатъ ладони на-готовѣ. Пришлось и имъ по пятиткѣ сунуть. Представьте же себѣ, что вмѣсто этой доброй души письмоводителемъ состоитъ фанатикъ задней части. Вѣдь его и десятокъ «катеринъ» не соблазнитъ измѣнить предмету своей страсти. И быть бы мнѣ опозореннымъ, разореннымъ, погибшимъ въ конецъ. Такъ какъ что-жъ бы мнѣ послѣ этого оставалось? или пулю въ лобъ, или на большую дорогу, и больше никакихъ...

Поняли вы теперь, что такое въ сибирской жизни взятка?—заканчиваетъ свой разсказъ старожилъ. И не въ правѣ ли я возмущаться противъ господъ корреспондентовъ, подкапывающихся подъ этотъ нашъ Habeas Corpus».

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести еще нѣсколько фактовъ изъ сибирской жизни, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, но и приведенныхъ достаточно, чтобъ видѣть, какъ далека еще Сибирь отъ «правильнаго гражданскаго развитія». А между тѣмъ всѣ эти факты случайные—въ томъ смыслѣ, что они случайно появились въ газетахъ за истекшій мѣсяцъ.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Англичане заключили, наконецъ, миръ съ бурами. Трансвааль и Оранжевая республика потеряли независимость, но въ общемъ Англія пошла на большія уступки. Въ скоромъ времени обѣщано введеніе широкаго самоуправленія; возставшимъ бурамъ Капской колоніи не грозятъ тяжкія наказанія,—по всей вѣроятности, въ день коронованія Эдуарда VII имъ будетъ дана полная амнистія. Долги обѣихъ республикъ Англія принимаетъ на себя, разрушенныя фермы будутъ возстановлены за счетъ великобританскаго правительства, плѣнные буры возвращаются на родину. Такъ кончилась злополучная и несправедливая война въ Южной Африкѣ. Но во всякой войнѣ одна сторона несправедлива, если не обѣ. Франко-германская, напримѣръ, ознаменовалась насильственнымъ отторженіемъ Эльзаса и части Лотарингіи. Трудно предположить, чтобы какое-либо европейское правительство послѣ тяжкой борьбы въ теченіе почти трехъ лѣтъ, послѣ столькихъ жертвъ людьми и деньгами, оставило побѣжденнымъ политическую и военную независимость. Здравый государственный смыслъ англійскаго народа и присущая ему вольнолюбивая справедливость продиктовали условія мира, возможно благопріятныя для маленькаго мужественнаго народа, котораго не поддержала въ неравной борьбѣ ни Европа, ни Америка.

Наше отношеніе къ прекратившейся войнѣ извѣстно читателямъ. Въ этомъ отношеніи вся русская печать была единодушна. Но мы расходимся со многими въ окончательной оцѣнкѣ значенія побѣдъ Англіи въ Южной Африкѣ. Здѣсь ея положеніе чрезвычайно окрѣпло. Англичане доказали свою государственную мощь, не допустивъ и мысли о вмѣшательствѣ какой-либо державы. Конечно, это очень далеко отъ постановленій гаагской мирной конференціи; но постоянные представители Европы въ этой конференціи отказались отъ просьбы буровъ разсмотрѣть ихъ дѣло. Европейскія государства не желали или не могли въ него вмѣшиваться. Условія, на которыхъ заключенъ миръ, показываютъ, что добрыя преданія британскаго народа восторжествовали надъ хищническими стремленіями Чемберлена и его единомышленниковъ. Это—великое благо для цивилизаціи и справедливости.

Не отрицая темныхъ сторонъ въ англійскомъ національномъ характерѣ (у какого народа ихъ нѣтъ?), мы считаемъ преувеличенными и лицемѣрными многія изъ нападеній, которымъ подвергалась Великобританія въ послѣдніе годы. Очень своевременно появилась въ *La Revue* статья нашего соотечественника, г. Новикова, пытающагося серьезно рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли превосходство англо-саксонской расы надъ остальными *).

Трансваальская война, полагаетъ г. Новиковъ, будетъ имѣть крайне важныя послѣдствія. Она освободитъ Европу отъ англо-саксонской гипнотизаціи, которую авторъ считаетъ пагубною. Признавалось, что расы физіологически и психологически не равны, не могутъ всѣ подняться на одинаковый уровень цивилизаціи. Естественнымъ выводомъ изъ этого было стремленіе «высшихъ» расъ властвовать надъ остальными. Отсюда только шагъ до деспотизма и до международной анархіи.

До тѣхъ поръ, пока Англія одна представляла принципы справедливости и свободы, она была звѣздою первой величины, націею внѣ сравненія, къ которой обращались глаза всѣхъ порабощенныхъ. Но Англія, выставившая впередъ насиліе, отрекшаяся въ южно-африканской войнѣ отъ политической справедливости, пошедшая по стопамъ Бисмарка, лишилась этого превосходства. Признаніе этого превосходства опиралось на англійскую свободу и на громадность британскихъ владѣній. Въ интеллектуальномъ отношеніи Англія не выше Германіи, Франціи и Италіи.

Англійская свобода, громадное пространство великобританской территоріи, баснословный экономическій ростъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ объясняются ли однако физіологическимъ и психологическимъ превосходствомъ англо-саксонской расы? Не было ли для этого другихъ благопріятныхъ условій?

Г. Новиковъ даетъ на второй вопросъ утвердительный отвѣтъ. Островное положеніе Англіи предохраняло ее отъ иностраннаго нашествія. Отсюда слабость военной (королевской) власти и свобода народа. Важна и та точность, съ которою островное положеніе опредѣляло границы государства. Землевладѣльцы здѣсь чувствовали себя солидарными, тогда какъ во Франціи и Германіи властители опирались на одну часть страны противъ другой. Перечисляя другія условія, благопріятствовавшія развитію англійской свободы, г. Новиковъ указываетъ на то, что Георгъ I не зналъ англійскаго языка и поэтому принужденъ былъ отказаться отъ предсѣдательства въ совѣтѣ министровъ, что̀ подняло значеніе послѣдняго и укрѣпило однородность, солидарность кабинета. Затѣмъ королева Викторія сочла себя вынужденной вручить управленіе страною исключительно министрамъ, за которыми стояло парламентское большинство (прежде это не было для короля обязательнымъ). До царствованія Викторіи англійскій народъ,—говоритъ авторъ,—былъ полусвободенъ, какъ теперь германскій: онъ могъ не согласиться на требованія короля, но не могъ подчинить его своей волѣ.

---

*) *J. Novicow*: „Les Anglo-Saxons et leur prétendue supériorité“. (*La Revue*, Juin).

Экономическій расцвѣтъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ г. Новиковъ также объясняетъ счастливыми условіями,—и прежде всего составомъ первоначальныхъ колонистовъ. Тогда какъ въ испанскую Америку отправлялись авантюристы и всякій сбродъ, территорія будущихъ Соединенныхъ Штатовъ заселялась избранными людьми, гордыми и вольнолюбивыми, которые покидали отечество, чтобы сохранить свободу своей совѣсти, своей вѣры. Пуританскія колоніи Новой Англіи, состоявшія изъ однихъ бѣлыхъ, не знали побѣдителей и побѣжденныхъ и потому могли создать демократическія учрежденія, основанныя на справедливости и равенствѣ. Обширность материка, его естественныя богатства, разнообразіе его климатическихъ и географическихъ условій дали въ руки американцамъ могучія средства для развитія народнаго благоденствія. Индѣйцевъ считалось на пространствѣ десяти милліоновъ квадратныхъ километровъ только два бродячихъ милліона. Это было ничтожнымъ препятствіемъ сравнительно, напримѣръ, съ тѣмъ, которое русскіе встрѣтили на Кавказѣ. Притокъ переселенцевъ изъ Европы довелъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ до 76 милліоновъ. Притекали, конечно, и европейскіе капиталы. Англо-саксы преобладаютъ въ Штатахъ, но въ нихъ живетъ много германцевъ, ирландцевъ, французовъ, славянъ, итальянцевъ. У себя на родинѣ они не находили такихъ благопріятныхъ условій, какія нашли въ Сѣверной Америкѣ. Въ Канадѣ природныя условія менѣе благопріятны, и населеніе этой британской колоніи поднялось въ столѣтіе только до 5.338,000 (съ 230 тысячъ, въ Соединенныхъ Штатахъ съ 5.300,000 до 76.400,000 ч.). Въ Капской землѣ черезъ столѣтіе владычества голландцы составляютъ—61% бѣлаго населенія. Въ Австраліи процвѣтаютъ тѣ колоніи, которыя опять-таки обладаютъ выгоднымъ положеніемъ и естественными богатствами.

Въ Индіи Англія совершила чудеса, она превзошла имперіи Александра и Траяна. Управлять громадною страною, въ которой 295.000,000 жителей, съ тремя тысячами лицъ администраціи и съ арміей въ 74,000 ч.,—это не имѣетъ въ мірѣ подобнаго. Но задача англичанъ была облегчена разнородностью населенія, враждебнаго и въ религіозномъ, и въ племенномъ отношеніи, пассивностью, въ большинствѣ случаевъ, этого населенія. Съ Афганистаномъ англичанамъ приходится считаться и не скупиться на субсидіи эмиру.

Итакъ, вѣрно ли, что англо-саксонская раса превосходитъ всѣ другія?

Прежде всего оговорка: Бетховенъ былъ великій музыкантъ и въ этомъ отношеніи, разумѣется, «превосходилъ» Лапласа; но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ принадлежалъ къ расѣ, высшей, чѣмъ Лапласъ. Это относится и къ народностямъ. Американцы обнаружили удивительную геніальность въ механическихъ изобрѣтеніяхъ и въ организаціи промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій; французы и германцы обнаружили не меньшую геніальность въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Еслибъ даже было доказано превосходство англо-саксовъ въ управленіи народами

(а примѣры Ирландіи и Капской области не подтверждаютъ этого), то другія націи окажутся превосходящими англичанъ въ другихъ отношеніяхъ.

Но не представляется ли законнымъ установить іерархію способностей въ зависимости отъ возрастающаго въ нихъ участія высшихъ нервныхъ центровъ? Высшими наслажденіями будутъ наслажденія мысли (наука и философія) и чувства (любовь, религія, искусство). Экономическая дѣятельность есть дѣятельность подготовительная. Она—пьедесталъ, интеллектуальное развитіе—статуя. Въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты далеко отстали (покуда) отъ Европы, Англія не превосходитъ въ наукѣ и философіи Германію и Францію, а въ области искусства сильно отстаетъ отъ нихъ *).

Г. Новиковъ говоритъ, что и въ международной политикѣ Англія нисколько не выше государствъ, образованныхъ другими европейскими племенами. Ея военная слабость, обнаруженная въ южно-африканскую войну, есть огромное благодѣяніе для цивилизованнаго міра. Теперь русскіе не остановились бы передъ стѣнами Константинополя, заняли бы его, чтобы освободить всѣхъ христіанъ Балканскаго полуострова, а французы не отступили бы изъ Фашоды.

На этихъ предположеніяхъ г. Новикова мы останавливаться не будемъ. Замѣтимъ, что островное положеніе Англіи повело къ большему числу важныхъ послѣдствій, чѣмъ это указываетъ авторъ названной статьи. Военныя силы англичанъ естественно устремились на созданіе флота. Это дало возможность захватить лучшія гавани, лучшія береговыя полосы во всѣхъ частяхъ свѣта и развить колоссальную торговлю. Покуда британскій флотъ первенствуетъ на моряхъ, французскія колоніи нельзя считать находящимися въ безопасности: въ случаѣ войны онѣ будутъ предоставлены самимъ себѣ, потому что англійскіе корабли не допустятъ подкрѣпленій изъ Франціи, и т. д. Въ этой политикѣ захватовъ и колонизаціи англичане (а теперь и сѣверо-американцы) обнаружили удивительное умѣніе и энергію. Но въ послѣднее время колоніальные успѣхи Франціи и Германіи начинаютъ тревожить англійское общественное мнѣніе. Британское правительство создаетъ теперь для Франціи затрудненія въ «сіамскомъ вопросѣ» **): оно подстрекаетъ Сіамъ требовать обратной уступки занятыхъ французами областей (Сіамреанъ и Баттанбангъ). Для себя Англія желаетъ получить владѣнія на Малаккѣ. Подъ ея господствомъ и теперь уже являются Пелакъ, Селангоръ, Негри Сембиланъ и Пачангъ. Это фактическое подчиненіе произошло съ 1872 по 1888 г. Собственныя колоніи англичанъ, съ Сингапуромъ во главѣ, занимаютъ небольшое пространство. Длинная сѣть желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ англичанами на западной

*) Точно также, прибавимъ, и отъ итальянцевъ, русскихъ, поляковъ и чеховъ, отъ испанцевъ и голландцевъ.

**) Ср. *Pierre Dassier:* „Les difficultés Anglo-Siamoises au Malacca". (*Questions Dipl. et Colon.*, 1-er Juin 1902).

сторонѣ Малаккскаго полуострова, и рядъ другихъ мѣръ, принятыхъ для экономическаго развитія этихъ богатыхъ отъ природы областей, дали уже блестящіе результаты. Теперь Англія стремится занять такое же положеніе въ области, которая находится подъ протекторатомъ Сіама. Протекторатъ этотъ, однако, до сихъ поръ ни въ чемъ не проявлялся. Но англійскія притязанія вызываютъ противодѣйствіе со стороны банчкокскаго двора. Антагонизмъ между Сіамомъ и Англіей на руку Франціи.

Прусскій ландтагъ принялъ правительственное предложеніе назначить 250 милліоновъ марокъ на борьбу съ полонизмомъ въ восточныхъ провинціяхъ, т.-е. на покупку польскихъ земель и ихъ передачу нѣмецкимъ землевладѣльцамъ и колонистамъ.

Это представляетъ для поляковъ несомнѣнную и грозную опасность. Хотя у мѣстныхъ поляковъ,—говоритъ г. Багницкій,—имѣется кредитное учрежденіе, «сдѣлавшее уже кое-что для распродажи крупныхъ помѣстій крестьянамъ-полякамъ; хотя послѣдніе держатся земли очень цѣпко; хотя въ послѣдніе годы замѣчалось уменьшеніе числа продажъ поляками-дворянами своихъ имѣній колонизаціонной коммиссіи; хотя были уже случаи покупки поляками земли у нѣмцевъ,—мнѣ думается все же, что разсчитывать на побѣду полонизма надъ германизмомъ въ этой борьбѣ изъ-за земли было бы иллюзіей, которая полякамъ ничего, кромѣ горькихъ разочарованій, не принесетъ. А, кажется, ихъ имѣется довольно въ нашемъ какъ отдаленномъ, такъ и близкомъ прошломъ» *).

«Съ польской стороны,—продолжаетъ г. Багницкій,—было бы дѣйствительно *Uebermuth*'омъ думать, что полякъ-землевладѣлецъ въ Пруссіи какъ крупный, такъ и мелкій, выйдетъ, переживетъ этотъ кризисъ не только безъ поддержки правительства, но при дѣйствіи цѣлой правительственной системы, придуманной и проводимой исключительно для обезземеливанія его—прусскаго поляка. Если же принять во вниманіе, что провозглашеніе графомъ Бюловымъ «raison d'état» верховнымъ руководящимъ началомъ, передъ которымъ должны стушевываться всѣ требованія гражданской правомѣрности, было встрѣчено рукоплесканіями парламентскаго большинства въ Берлинѣ, если вспомнить, что по одобренному тѣмъ же большинствомъ заявленію того же графа Бюлова замѣна польскаго землевладѣнія нѣмецкимъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи представляетъ собою настоятельнѣйшее требованіе именно этого «raison d'état», то и отчужденіе земель такимъ же путемъ, какъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, обратится въ мѣру, для внесенія которой въ прусскій ландтагъ найдется министръ, а для обращенія ея въ законъ явится патріотическое большинство. Средствъ же для усиленія германизма въ ущербъ полонизму «всегда найдется въ Пруссіи вдоволь»,—говорилъ покойный министръ финансовъ фонъ-Микель,—

---

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 146.

во время преній о предоставленіи колонизаціонной коммиссіи второй сотни милліоновъ».

Въ Познани уже теперь нѣмецкимъ крупнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ 52% всѣхъ имѣній. Въ городахъ преобладаетъ крупное нѣмецкое домовладѣніе. Въ западной Пруссіи двѣ трети населенія—нѣмцы, а Rittergutsbesitz'овъ, принадлежащихъ нѣмецкимъ землевладѣльцамъ, настолько больше польскихъ, что эти послѣднія уже и совсѣмъ почти не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ.

Демократическая *Frankfurter Zeitung* возстаетъ противъ проведенной прусскимъ правительствомъ мѣры. Она находитъ операціи, которыя будутъ производиться съ покупкою и продажею польскихъ земель, прежде всего дорого стоящими, а для народнаго благосостоянія въ Пруссіи требуется разрѣшеніе многочисленныхъ другихъ задачъ.

Правительство совершаетъ тяжелую ошибку, подобную двумъ ранѣе сдѣланнымъ: борьбы съ католицизмомъ *(Kulturkampf)* и закона противъ соціалистовъ. Какъ извѣстно, оба эти опыта кончились пораженіемъ правительства, усиленіемъ партіи центра и соціалъ-демократической партіи. Преслѣдованія и притѣсненія должны научить поляковъ иначе думать, какъ предполагалось это сдѣлать и съ католиками и соціалистами. Попытка купить польскія земли принесетъ въ польскія руки большіе капиталы и такимъ образомъ увеличитъ экономическую силу полонизма. Усилится среднее сословіе, польская интеллигенція, составляющая главный оплотъ національныхъ стремленій, потому что польскіе землевладѣльцы-аристократы нерѣдко притягиваются блескомъ и милостями двора. Но и *Frankfurter Zeitung* стоитъ за *внутреннюю колонизацію,* только планомѣрную, хозяйственную и лишенную политической подкладки. Трудно сказать, насколько это искренне сказано, потому что всякая планомѣрная нѣмецкая колонизація въ польскихъ областяхъ имѣетъ тенденцію уменьшать въ нихъ и экономическое, и политическое значеніе польскаго элемента. *Frankfurter Zeitung* прибавляетъ, что нѣмецкій крестьянинъ остороженъ и переселенческая коммиссія привлекаетъ мало колонистовъ. Газета рѣшительно возстаетъ противъ ставшаго закономъ проекта, потому что преслѣдованіе никогда не воспитываетъ хорошихъ гражданъ.

Старо-чешская *Politik* говоритъ о новой мѣрѣ прусскаго правительства, что она будетъ сопровождаться такимъ же неуспѣхомъ, какъ и прежнія насильственныя мѣры противъ полонизма. Какъ можно еще усилить, обострить образъ дѣйствія противъ поляковъ, спрашиваетъ пражская газета, когда польскій языкъ изгоняютъ изъ школы, изъ общественной жизни, когда *за полонизмъ* жестоко наказываютъ даже польскихъ дѣтей?

Въ 1886 году князь Бисмаркъ, нисколько не стѣсняясь, говорилъ, что польскіе аристократы должны быть довольны: ихъ земли будутъ куплены за хорошую цѣну, на эти деньги они могутъ купить помѣстья или переселиться въ Парижъ, въ Монако... Такимъ образомъ тягостныя отношенія

между нѣмцами и поляками разрѣшатся *законнымъ и миролюбивымъ путемъ*...

Князь Бисмаркъ ошибся: сто милліоновъ марокъ не увеличили нѣмецкаго землевладѣнія. Понадобилось еще сто милліоновъ. И въ настоящее время, въ докладѣ объ ассигнованіи 250 милліоновъ, офиціально сообщается, что въ послѣднія пять лѣтъ нѣмецкое землевладѣніе въ Познани и западной Пруссіи *потеряло* 31,000 гектаровъ, т.-е. пять съ половиною квадратныхъ миль.

Первый государственный мужъ современнаго германскаго правительства отличился въ разговорѣ съ сотрудникомъ парижскаго *Figaro*. Графъ Бюловъ сказалъ, что съ поляками необходимо бороться, потому что они размножаются, какъ кролики, а нѣмцы только какъ зайцы... нелестное для нѣмцевъ сравненіе: зайцы и—«мы нѣмцы, никого не боимся, кромѣ Бога?»

Императоръ Вильгельмъ II, на торжествѣ возстановленія замка въ Маріенбургѣ, въ свою очередь произнесъ рѣчь, которая на поляковъ и чеховъ произвела тягостное впечатлѣніе. Германскій императоръ въ горячихъ выраженіяхъ призывалъ нѣмцевъ къ борьбѣ съ полонизмомъ, противъ *польской надменности*. Въ вѣнскомъ рейхсратѣ эта рѣчь вызвала страстныя и рѣзкія пренія. Чехъ Клофачъ,—одинъ изъ малочисленной радикальной партіи, независимой отъ младо-чешскаго клуба, съ негодованіемъ спрашивалъ, неужели австрійское правительство, которое имѣетъ такую опору въ полякахъ, оставитъ безъ отвѣта маріенбургскую рѣчь германскаго императора. Раздавались крики: пфуй, Гогенцоллернъ! и засѣданіе парламента пришлось закрыть.

Поляки были до сихъ поръ защитниками тройственнаго союза. Мѣропріятія прусскаго правительства и слишкомъ опредѣленная рѣчь императора Вильгельма II могутъ заставить ихъ призадуматься *).

Въ общегерманскій парламентъ правительство внесло проектъ отмѣны диктатуры Эльзасъ-Лотарингіи. Этотъ проектъ былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ. Имперскій канцлеръ сказалъ, что не считаетъ диктатуру явленіемъ нормальнымъ, «но ея тридцатилѣтнее существованіе находило оправданіе въ исключительныхъ условіяхъ, въ необходимости не вы-

---

*) Петербургскія *Новости*, со словъ *Hamburg. Nachrichten*, сообщаютъ о новыхъ столкновеніяхъ, которыя произошли между учениками народной школы въ Костени и учителемъ. „Ученики отказались отвѣчать на нѣмецкомъ языкѣ во время урока закона Божія, потому что родители запрещали имъ это. Одному ученику школы подарена учителемъ книга, Ветхій Завѣтъ, на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ родители ученика отказались купить ему этотъ учебникъ. Но учитель на другой же день получилъ назадъ эту книгу съ замѣчаніемъ, что мальчикъ не нуждается въ нѣмецкой исторіи Ветхаго Завѣта, такъ какъ у него есть польская.

„Бѣжавшей со своими дѣтьми въ Лембергъ Пясецкой былъ оказанъ на австрійской границѣ самый радушный пріемъ. Въ Лембергѣ ее помѣстили въ отелѣ и въ лицѣ ея привѣтствуютъ настоящую героиню изъ тѣхъ, которыя увлекаютъ тысячи людей своимъ примѣромъ и побуждаютъ къ отчаянному сопротивленію и борьбѣ“.

пускать изъ рукъ полномочій, которыя могли бы пригодиться противъ попытокъ измѣнить фактъ завоеванія. Фактически,—увѣряетъ канцлеръ,—правительство съ большою умѣренностью пользовалось исключительными полномочіями; несмотря на это, оно признаетъ, что населеніе имѣло право смотрѣть на диктатуру какъ на угрозу и признакъ недовѣрія. Такихъ мѣръ благоразумная власть *не консервируетъ*: разъ наступило успокоеніе умовъ и народъ примирился съ новымъ отечествомъ, пора было показать, что законный порядокъ и съ точки зрѣнія правительства лучше, чѣмъ дискреціонная власть. Нынѣшнее предложеніе отнюдь не продуктъ благожелательной минуты,—оно было предварительно съ тщательностью взвѣшено, и Вильгельмъ II пришелъ къ заключенію, что его совѣтники правы, утверждая, что на довѣріе народа нужно отвѣтить довѣріемъ къ народу». (*«Браво! Очень хорошо!»*) *).

Вождь соціалъ-демократовъ, Бебель, говоритъ, что онъ раздѣляетъ удовольствіе эльзасцевъ по поводу устраненія бюрократическаго произвола. «Бебель не считаетъ однако возможнымъ такъ радоваться, чтобы забыть, что и теперь еще въ завоеванныхъ провинціяхъ сохранились нѣкоторые архаизмы, съ которыми тоже пора покончить: эльзасъ-лотарингскій сеймъ, напримѣръ, по своему избирательному праву,—скорѣе представительство нотаблей, чѣмъ народное собраніе; права союзовъ болѣе ограничены, чѣмъ въ остальной Германіи, на газеты не распространенъ обще-германскій законъ о печати 1874 г., и хотя теперь администрація не пользуется больше дискреціонной властью, но и о законномъ порядкѣ еще не можетъ быть рѣчи».

На-ряду съ стремленіемъ онѣмечить славянскія области въ Германіи развивается и пангерманизмъ. Онъ является практически гораздо болѣе грозною силою, чѣмъ панславизмъ или панлатинизмъ. И интересныя подробности въ этомъ отношеніи сообщаетъ пражскій корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*.

Главными проводниками пангерманской идеи являются: пангерманскій союзъ въ Берлинѣ (Alldeutscher Verband), пангерманское школьное общество (Alldeutscher Schulverein) и младо-нѣмецкій союзъ (Jungdeutscher Verband), всѣ въ Германіи... Въ самой Австріи борются за ту же идею все-нѣмцы (Alldeutsche), которые дѣйствуютъ уже открыто, ничѣмъ не стѣсняясь. Что пангерманскіе Vereiп'ы и Verband'ы дѣйствительно преслѣдуютъ опасныя для цѣлости австрійской имперіи цѣли, это видно изъ годовыхъ отчетовъ о ихъ дѣятельности.

«Недавно происходило годичное собраніе все-нѣмецкаго Schulvereiп'а въ Штуттгартѣ. Это общество вмѣшивается въ дѣла нѣмцевъ по всей Австріи, оно поддерживаетъ нѣмцевъ въ Трансильваніи, посылаетъ нѣмецкихъ учи-

---

*) Берлинская корреспонденція *Русскихъ Вѣдомостей*, № 151.

телей и открываетъ нѣмецкія школы въ Польшѣ и въ Буковинѣ, старается онѣмечить словинцевъ, чтобъ имѣть открытымъ *нѣмецкій* путь къ Адріатическому морю, но главная его дѣятельность обращена на «военное поле» въ Богеміи и Моравіи; оно радуется, что, благодаря его дѣятельности, процентъ нѣмцевъ въ «Ostmark'ѣ» по переписи 1900 г. возвысился съ $5^1/_2$ проц. на 9 проц. Общество имѣетъ 33,000 членовъ и доходъ его въ отчетномъ году простирался до 180,000 марокъ. На агитацію оно употребило 27,000 марокъ, на вспомоществованіе разнымъ нѣмецкимъ школамъ и обществамъ (внѣ германской имперіи)—86,000 марокъ. Наибольшая часть пособій (33,000 марокъ) послана была въ Богемію и Моравію, такъ какъ главное стараніе общества заключается въ томъ, чтобы подготовить присоединеніе этихъ «провинцій» въ германской имперіи. Обращая вниманіе на дѣла нѣмцевъ въ Австріи, Schulvereiп не забываетъ также своихъ собратьевъ въ Россіи и даже въ Америкѣ. Несмотря однако на довольно высокую цифру своего годового дохода, Schulvereiп недоволенъ денежными взносами и жалуется на скупость имперскихъ нѣмцевъ. Приглашая своихъ соотечественниковъ къ болѣе дѣятельному участію въ пожертвованіяхъ, онъ говоритъ, что на это патріотическое дѣло долженъ жертвовать всякій, кто считаетъ себя нѣмцемъ. «Если же кто не даетъ ничего изъ опасенія, какъ бы Schulvereiп, вмѣшиваясь въ дѣла всѣхъ государствъ, не причинялъ затрудненій министру иностранныхъ дѣлъ, то пусть онъ знаетъ, что въ минувшемъ году не менѣе 8 владѣтельныхъ германскихъ принцевъ большими суммами выразили свое сочувствіе къ дѣятельности Schulvereiп'а».

Общегерманскій союзъ (Verband) имѣетъ 23,000 членовъ. На его годичномъ собраніи въ Эйзенахѣ говорилъ профессоръ Самасса (изъ Берлина). Онъ называетъ себя представителемъ *народа господъ* (Herrenvolk). «Нѣмцы должны покуда защищаться отъ натиска славянскихъ племенъ, охранять каждую пядь завоеванной (подразумѣвается у славянъ) земли, но скоро наступитъ время, когда имъ самимъ придется нападать... Нѣмцы въ Австріи всѣми силами должны стараться забрать власть въ свои руки, дабы они могли государственныя средства употреблять на защиту своихъ нѣмецкихъ интересовъ... объ онѣмеченіи славянскихъ племенъ въ Австріи теперь уже думать нельзя въ виду того культурнаго значенія, котораго достигли нѣкоторыя племена, но... надо стремиться къ ихъ уничтоженію. (Точно такъ же, какъ думаетъ поступить прусское правительство съ поляками!). Для достиженія этой «благородной» цѣли нѣмецкій профессоръ предлагаетъ скупать у славянскихъ крестьянъ землю и заселять ее нѣмецкими колонистами. «Если бы въ Австріи,—продолжаетъ «почтенный» ораторъ,—былъ абсолютизмъ, то средства для этой цѣли было бы легче найти. Но такъ какъ на государственныя деньги въ Австріи теперь разсчитывать нельзя, то о средствахъ должны заботиться разные Vereiп'ы и Verband'ы. Надо-де учреждать банки для народа, которые и будутъ затѣмъ доставлять необходимый капиталъ». Дѣйствительно, такіе банки уже учре-

ждаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной части Богеміи, — причемъ ни для кого не тайна, что основной капиталъ этимъ банкамъ доставляется изъ извѣстнаго фонда вельфовъ...»

Богемская *Deutsche Zeitung* поддерживаетъ эту мысль: газета подсчитываетъ, сколько въ Богеміи нѣмцевъ-милліонеровъ и менѣе богатыхъ, сколько каждый изъ нихъ можетъ пожертвовать на *благое дѣло*.

Младо-нѣмецкій союзъ недавно собирался въ Гамбургѣ. Присутствовали делегаты отъ австрійскихъ нѣмцевъ. Союзъ открыто высказался за присоединеніе Цислейтаніи къ германской имперіи. Осторожныя германскія газеты стараются убѣдить «практиковъ» выражаться болѣе дипломатическимъ языкомъ.

Сознаніе общей опасности должно крѣпко сблизить поляковъ и чеховъ съ другими славянскими племенами.

В. Г

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь 1902 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, библіографія.—Статистика.—Географія, этнографія, археологія.—Искусство.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Изданія для народа. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го мая по 1-е іюня 1902 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Антоновичъ. Настроенія.—*А. Соколинскій.* 15 разсказовъ.—*А. И. Свирскій.* Преступникъ.—*К. Хрѣновъ.* Поэты изъ народа.

Ипп. Антоновичъ. Настроенія. Очерки и разсказы. М., 1902 г. Ц. 1 р. Эпиграфомъ къ этой книжкѣ авторъ избралъ слѣдующія слова: „мы говоримъ не о тѣхъ настроеніяхъ, которыя, охватывая иногда одаренныхъ людей, на мгновеніе даютъ имъ почувствовать величественную тишину небытія, безконечность, сущность красоты и счастія,—а о той непрекращающейся, перемѣнчивой, безсознательной работѣ ощущеній и влеченій, которая окрашиваетъ всю жизнь обыкновенныхъ людей и руководитъ ихъ поступками, независимо отъ разума и часто вопреки ему“. Въ интересахъ г. Антоновича было бы лучше, если бы этотъ эпиграфъ отсутствовалъ и заглавіе книжки было иное. Когда авторъ самъ говоритъ, что его очерки даютъ настроеніе, и тщательно указываетъ на это, то онъ служитъ дурную службу и себѣ, и читателю. Только послѣдній можетъ и долженъ отвѣчать на замыселъ автора *невольно* рождающимся настроеніемъ; онъ не долженъ и подозрѣвать, что въ немъ намѣренно хотѣли возбудить извѣстныя чувства, — иначе рушится непосредственность впечатлѣнія. Съ другой стороны, авторъ, если онъ творитъ искренне, психологически не можетъ опредѣленно замѣчать своихъ собственныхъ настроеній, не можетъ разсчитанно вызывать ихъ и въ своемъ читателѣ. Во всякомъ случаѣ, гораздо выше и цѣннѣе такой преднамѣренности непроизвольное и стихійное дѣйствіе, какое художникъ вдохновенно оказываетъ на другихъ. Лирикъ, который говоритъ: посмотрите, какой у меня лиризмъ, какія настроенія, какъ я печаленъ, — очень рискуетъ впасть въ смѣшное, и мы въ правѣ ему отвѣтить: предоставьте намъ самимъ проникнуть въ ваше настроеніе, заразиться вашей печалью, не предваряйте нашихъ впечатлѣній. Г. Антоновичъ самой обложкой своей книги, ея заглавіемъ, принуждаетъ насъ искать въ его вещицахъ настроеній,— мы предпочли бы найти ихъ помимо его указанія. И если подойти къ его произведеніямъ самостоятельно, безъ расхолаживающаго проводника авторской предупредительности и безъ непомѣрныхъ ожиданій, то они выступятъ передъ нами въ гораздо лучшемъ свѣтѣ. Мы найдемъ здѣсь очень

трогательный и хорошій разсказъ „Въ подвалѣ“, гдѣ ослѣпшаго мужа прачки вдругъ осѣняетъ сознаніе, что онъ можетъ и не быть безполезной обузой для изнемогающей жены —и начинаетъ онъ, держась за нее, разносить по давальцамъ тяжелыя корзины съ бѣльемъ; мы найдемъ здѣсь теплый и задушевный очеркъ „бѣдныхъ дѣтей“, которыя страдаютъ отъ семейнаго разлада; эскизъ дѣвушки, которая изнываетъ подъ скучной кровлей разоряющагося дворянскаго дома, наединѣ съ картежникомъ-отцомъ; образъ другой несчастной дѣвушки, которая съ горя выходитъ замужъ за мертваго духомъ старика (*Суета мірская*). И всѣ эти наброски, дѣйствительно, порождаютъ настроенія,— но не столько ирраціональной, „безсознательной работой ощущеній“, сколько, наоборотъ, вполнѣ опредѣленной безотрадностью жизни и проблесками доброты и человѣчности, которые у автора изображаются ясно, хотя и въ акварельныхъ тонахъ. Есть у г. Антоновича и слабые разсказы (*Отравленный, Птичка*); они во всякомъ случаѣ болѣе интересны по своей фабулѣ, чѣмъ по своему настроенію. Лучшій изъ разсказовъ—это уже упомянутая нами *Суета мірская;* быть можетъ, фигура мужа навѣяна Чеховымъ; первыя страницы этой вещи написаны прекраснымъ языкомъ, который вообще у автора проникнутъ чувствомъ и мягкой силой. У г. Антоновича, при безспорной чуткости къ постороннимъ вліяніямъ, есть нѣчто и *свое*,—свой, по извѣстному выраженію, „маленькій стаканъ“.

А. Соколинскій. 15 разсказовъ. М., 1902 г. Ц. 80 к. То же самое надо замѣтить и объ авторѣ этихъ разсказовъ. Есть среди нихъ посредственные, незначительные по фабулѣ (*Трефовый король, Миловидовъ и его сожитель*) и въ цѣломъ слабые по исполненію (*Юра*); но есть между ними и такіе, которые отмѣчены несомнѣнной печатью авторской личности и художественнаго таланта. Если присмотрѣться къ литературной физіономіи г. Соколинскаго и задать себѣ вопросъ, что̀ именно изъ пестраго разнообразія дѣйствительности выбираетъ онъ темой для своихъ произведеній, то мы увидимъ, что его, подобно Мопассану, главнымъ образомъ интересуетъ либо отраженіе въ человѣкѣ роковыхъ случайностей жизни, капризовъ и шутокъ судьбы, либо оскорбительная слабость человѣческой воли, которая смѣется надъ всѣми зароками и толкаетъ на путь жестокости и безумія. Трагикомическое—вотъ сфера, въ которой г. Соколинскій наиболѣе силенъ. У кухарки Аграфены умеръ пятилѣтній сынъ; и лежитъ онъ мертвый, но она не можетъ отдаться своему горю, потому что готовитъ званый обѣдъ и еще не управилась. Для устройства похоронъ зоветъ она мужа, дровокола Степана, съ которымъ вообще живетъ врозь, и даетъ ему десять рублей на покупку голубого, непремѣнно голубого гробика и коленкору. Всегда равнодушный къ сыну, горемыка Степанъ на этотъ разъ, гордый женинымъ довѣріемъ и порученіемъ, счастливо ощущая въ рукахъ значительную сумму, старается быть на высотѣ родительскаго званія, величественно держится въ гробовой лавкѣ, долго выбираетъ товаръ, про одинъ гробъ замѣчаетъ, что „въ немъ повернуться нельзя“, и отважно борется съ искушеніемъ купить водки. Всю сдачу до копейки вернулъ онъ женѣ, которая (обѣдъ уже былъ изготовленъ) могла теперь плакать вволю. „Она безпрестанно вскакивала то поправить нагоравшую свѣчку, то одернуть рубашечку и кстати поцѣловать маленькія холодныя ручки, и все смотрѣла на дорогое дѣтище и рыдала... И чего-чего не припомнила она въ эту ночь! И какъ онъ, бывало, захлебывался, когда его смѣшили, какъ пошелъ ходить и какъ барыня подарила ему шерстяную мышь; какъ онъ боялся татаръ съ мѣшками...“ Выстоялъ Степанъ обѣдню, отпѣли младенца, мать и крестная съ гробикомъ на рукахъ сѣли на

извозчика, а Степанъ пошелъ впереди. Торжественно двигается маленькая процессія. Но одежда дровокола плоха, лютый морозъ даетъ себя знать на медленномъ ходу, Степанъ коченѣетъ,—хорошо бы теперь добѣжать до ближайшаго заведенія и выпить; но денегъ нѣтъ, и „какъ-то неловко“ просить у жены, да все равно не пустила бы. Вдругъ извозчикъ съ женщинами запертъ между тремя возами съ кладью, на которые надвигается конный вагонъ. Степанъ постигъ важность минуты. „Кладбище было недалеко, когда обѣ женщины хватились Степана. Впереди его не было. Посмотрѣли по сторонамъ, назадъ, и обѣ онѣмѣли отъ изумленія и негодованія. Съ развивающимися концами тряпки на головѣ и выпученными отъ натуги глазами, „родитель“, какъ угорѣлый, метался по улицѣ, подбѣгая къ прохожимъ и догоняя ѣдущихъ. Въ рукахъ онъ держалъ шапку, въ которую ему бросали денегъ.—Батюшки, на водку деньги собираетъ!—не своимъ голосомъ завопила Аграфена Ивановна... Степанъ такъ увлекся своимъ дѣломъ, что бѣгалъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ женщинъ и уже не обращалъ на нихъ вниманія. Господа честные, на могилку, на могилку ангельской душѣ пожертвуйте!—выкрикивалъ онъ, бросаясь во всѣ стороны“ (*Родитель*). Немало подобныхъ сценъ и страницъ можно было бы выписать изъ книги г. Соколинскаго. Авторъ вообще умѣетъ подмѣчать трогательные эпизоды жизни, какъ они являются въ неразрывномъ сочетаніи печальнаго и смѣшного. Печально ли то, что неунывающаго бѣдняка Митрича со слѣпымъ ребенкомъ квартирная хозяйка выселяетъ изъ угла за неплатежъ денегъ и дворникъ съ полицейскимъ выносятъ на дворъ его „имущество“, а затѣмъ передъ взорами любопытной толпы появляется самъ Митричъ со слѣпымъ на рукахъ, и ребенокъ, въ свою очередь, держитъ подсвѣчникъ и помадную банку? Смѣшно ли, что Митричъ устроилъ себѣ посреди двора необычайное фантастическое сооруженіе—шалашъ: „четыре шеста, поставленные по угламъ кровати, поддерживали цвѣтное ситцевое одѣяло, прикрѣпленное къ верхушкамъ шестовъ“? Правъ или нѣтъ владѣлецъ дома, который, пріѣхавъ ,заявилъ, что у него здѣсь не степь монгольская и приказалъ дворнику повалить шатеръ, а самого Митрича вывести за ворота? (*Митричъ*). Грустное и комическое, торжественное и мелкое, доброе и злое тѣсно сплетается между собою. Умираетъ бабушка Прасковья. Ей 83 года, и если воскресить похороненныхъ на погостѣ села Вѣрнаго, то многіе разсказали бы, „какъ одного изъ нихъ эта бабушка Прасковья крестила, другого за ногу изъ-подъ лошади спасла невредимымъ, третьяго обряжала въ солдаты и со всѣми вообще прощалась, когда они лежали въ гробу—холодные, молчаливые и вдосталь поработавшіе, поболѣвшіе на своемъ вѣку“. Теперь она сама умираетъ и проситъ сноху и внучку, чтобы ее похоронили въ холсту, который она собственными руками наткала зимою. Медленно умираетъ старуха, и громко выражаетъ свое нетерпѣніе сердитая внучка и несмотря на просьбы старухи: „исть хотца, дайте, родименькія“, даетъ ей очень мало ѣсть, потому что „вставать съ постели для извѣстной потребности“ бабушка сама не могла, а „поднимать ее и водить безпрестанно на дворъ было трудно, да и времени не хватало“. Но въ страстную пятницу старуха сама не хотѣла ничего въ ротъ брать. Разъ она попросила баранокъ и чаю „всладкую“. „Выпивъ чашку, больная заплакала,—до того у нея вдругъ стало хорошо на душѣ отъ этого лакомства: она отъ роду не пила сладкаго чаю“. Наконецъ, она умерла, и горячее весеннее солнце „скользило по лицу покойницы, не оскорбляя его, а напротивъ смягчая своимъ кроткимъ свѣтомъ суровую складку между бровей,

которая, казалось, еще говорила: „въ великую пятницу-матушку кроху грѣшно въ ротъ класть, говорить дюже большой грѣхъ!“ А со двора слышался голосъ внучки: „Ну, съ Богомъ, милая!...“ (*Двѣ смерти*). Прекрасны по своему настроенію и сюжету разсказы *Медвѣдь*, *Онъ растетъ*, *Похороны Снѣжкова* (тонкая психологическая тема), *Въ свѣтлую ночь* (послѣдній, впрочемъ, разработанъ не глубоко); вообще, небольшая книжка г. Соколинскаго оставляетъ въ читателѣ сильное и хорошее впечатлѣніе.

А. И. Свирскій. Преступникъ (Записки арестанта) и разсказы: Шатуны. Подаяніе. Адвокатъ. За нимъ. Степанъ. Прозрѣлъ. Спб., 1902 г. Цѣна 1 рубль. Со страницъ этой книги смотритъ на читателя преступленіе и несчастіе. Авторъ умѣетъ хорошо и наглядно изображать тотъ внѣшній процессъ жизни и тотъ внутренній процессъ духа, вслѣдствіе котораго обыкновенный человѣкъ дѣлается преступникомъ. Иногда какая-нибудь роковая случайность и неожиданная встрѣча толкаетъ обездоленнаго юношу на кровавый путь, и съ этого пути уже нѣтъ ему возврата, потому что общественное возмездіе лишаетъ преступника человѣческаго достоинства и устраиваетъ ему такое существованіе, которое окончательно глушитъ въ немъ всѣ добрыя сѣмена. Глубокое несоотвѣтствіе преступленія и наказанія—вотъ основная мысль, которая проходитъ черезъ большинство разсказовъ г. Свирскаго и которая нашла себѣ особенно яркое выраженіе въ самомъ большомъ изъ нихъ—„Преступникъ“. Нечаянному юному убійцѣ говоритъ его другъ, еврей Лейзерке: „А передъ кѣмъ ты виноватъ? Ты передъ самимъ собою виноватъ, а не передъ судьями. Ты самъ себя долженъ судить, а не люди. Я знаю, какъ ты любилъ Казиміра и какъ онъ былъ тебѣ дорогъ... Я знаю, что ты не хотѣлъ его убить... А если ты его убилъ, то кто мучается?... Ты же!... Кто же тебя можетъ судить?... Хорошій и добрый человѣкъ сдѣлалъ *не хорошее* и *не доброе дѣло*. Сдѣлалъ онъ это ненарочно... Понимаешь?... Но судья, который живетъ у него въ сердцѣ, сейчасъ же сталъ его спрашивать: зачѣмъ ты сдѣлалъ? И вотъ человѣкъ сталъ самого себя судить и осудилъ себя на вѣчное раскаяніе. Вотъ и ты такой же. Ты можешь самого себя судить, потому что ты добрый. И когда тебя судьи оправдаютъ, ты всетаки себя не оправдаешь и будешь вѣчно помнить о Казимірѣ, будешь мучиться и будешь дѣлать добро въ знакъ памяти о немъ... Ну, теперь скажи, развѣ такой судъ не самый лучшій?... Зачѣмъ тебя будутъ судить люди? Они не знали Казиміра, они его не любили... А ты готовъ жизнь свою отдать, чтобы онъ живой сдѣлался... Понимаешь?... Вотъ почему тебя должны оправдать. А если тебя не оправдаютъ, тогда тотъ судья, который живетъ въ твоемъ сердцѣ, замолчитъ и ты сдѣлаешься нехорошимъ человѣкомъ... Объ этомъ, Гриша, я думалъ два дня и двѣ ночи... И вотъ, я тебѣ говорю, что оправдаютъ...“ (стр. 149). Но Лейзерке оказался не правъ: Гришу осудили на каторгу. Зато сбылось другое пророчество умнаго еврея: ожесточенный и униженный, испытавшій на себѣ кулаки тюремнаго начальства, съ обритой головой и кандалами, Гриша преобразился,—временное и случайное стало у него стихійнымъ и прочнымъ, и онъ началъ убивать людей, убивать жестоко и безкорыстно. И другіе разсказы г. Свирскаго рисуютъ тѣ условія, при которыхъ, въ силу какой-то страшной generatio aequivoca, зарождается преступленіе; рисуютъ они и мрачные нравственные результаты неволи и наказанія. Въ этой тьмѣ жестокости и цинизма порою вспыхиваютъ свѣтлыя человѣчныя искорки, и тогда въ иномъ свѣтѣ является передъ нами

преступникъ... Безпощадно избитый базарными собственниками, умираетъ въ тюремной камерѣ мальчикъ-воръ; а кругомъ арестанты равнодушно играютъ въ карты, и когда мальчикъ умеръ, самый злой изъ нихъ, Вороной, не даетъ позвать надзирателя, не хочетъ прерывать запрещенной игры; и лежитъ мертвый мальчикъ, и шепчетъ надъ нимъ заупокойныя молитвы добрый бродяга Митька: „злобою душе злобнаго міра озлобленную и къ Тебѣ, Зиждителю, пришедшую душу“, а вокругъ идетъ карточная игра, и раздаются свирѣпые возгласы: „во-банкъ! правая!... лѣвая!... твоя! на, давись!...“; а подъ окнами, скрипя по снѣгу, мѣрно расхаживаетъ часовой. (*Подаяніе*). Зато Колька-Глухой, который на чей-то вопросъ, сколько людей онъ убилъ, правдиво отвѣтилъ: „а кто ихъ знаетъ: считать не считалъ, а записывать не записывалъ, потому—неграмотный я...“, Колька-Глухой нравственно прозрѣлъ въ тюрьмѣ; на его глазахъ ударами желѣзныхъ кулаковъ арестанты убили предателя-товарища, и Колька, который никогда не заглядывалъ въ лица своихъ жертвъ, теперь увидѣлъ, какъ медленно и безпощадно отнимали жизнь у человѣка, какъ смерть покрывала его черты; и Колька въ ужасъ пришелъ и забился въ истерикѣ: „убили человѣка,—дрожа тѣломъ, кричалъ онъ на всю камеру.—Жизнь сгубили... У, подлые... И Колька въ бѣшенствѣ затопалъ ногами и сталъ рвать на себѣ одежду“ (*Прозрѣлъ*). Вѣра въ человѣка характерна для нашего автора,—даже въ такого человѣка, который, повидимому, безвозвратно ушелъ въ глубину порочности. На одномъ и томъ же уголкѣ жизни г. Свирскій умѣетъ подмѣчать и жестокое, и нѣжное (*За нимъ*), и доброе, и безсердечное (*Адвокатъ, Шатуны*); синтезъ этихъ разнородныхъ моментовъ дѣлаетъ уже самъ читатель. Въ общемъ, несмотря на то, что рисунокъ произведеній г. Свирскаго не отличается особенной тонкостью, а изобразительныя средства его не обильны; несмотря на то, что психологическое обоснованіе поступковъ у него иногда очень слабо (напримѣръ, сочинены и мелодраматичны слова Левкоева, что къ нему вдругъ явилась тѣнь родного сына и заставила возненавидѣть прежде любимаго пріемыша, стр. 155),—несмотря на эти недочеты, разсказы г. Свирскаго, колоритные, живые и драматическіе, вполнѣ заслуживаютъ вниманія и сочувствія. Мы хотѣли бы отмѣтить еще и слѣдующую черту: разсказъ „Преступникъ“ имѣетъ форму воспоминаній, и онъ, дѣйствительно, написанъ такъ, что создаетъ иллюзію чего-то прошлаго, ушедшаго, какой-то глубины, изъ которой извлекаются давнишнія событія и впечатлѣнія.

Поэты изъ народа. Избранныя стихотворенія русскихъ народныхъ поэтовъ, съ приложеніемъ свѣдѣній о жизни ихъ и 7-ю портретами. Составилъ К. Хрѣновъ. М., 1901 г. Цѣна 60 к. Прежде всего составитель этого сборника имѣетъ довольно смутное представленіе о терминѣ „поэтъ народный“. Народными поэтами у него являются и профессоръ Московскаго университета Мерзляковъ, и Цыгановъ, и даже Ивановъ-Классикъ. Уже Бѣлинскій въ 1844 году прекрасно объяснилъ, что „смѣшно было бы говорить объ эпитетѣ *народный* въ примѣненіи къ Пушкину или къ какому бы то ни было поэту русскому“. Едва ли также стихотворенія поэтовъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, фигурирующихъ въ книжкѣ г. Хрѣнова, имѣютъ какую-нибудь связь съ старыми пѣснями чисто-народнаго творчества, какъ говоритъ составитель въ предисловіи (стр. I). Краткія біографіи поэтовъ составлены очень неудовлетворительно, мало интересно; онѣ или представляютъ собой выборку изъ ординарнаго паспорта „безъ особыхъ примѣтъ“, или же сухо и безтолково передаютъ такія общеизвѣстныя біографіи,

какъ Кольцова, Никитина, Сурикова, Дрожжина и другихъ. Не лучше вышли и портреты. Вмѣсто того, чтобы дать портреты поэтовъ малоизвѣстныхъ, г. Хрѣновъ воспользовался старыми сбитыми клише, знакомыми любому школьнику по любой учебной книгѣ для чтенія. Но хуже всего оказался подборъ самыхъ стихотвореній. За исключеніемъ немногихъ, это или сильно заѣзженныя, или же далеко не художественныя произведенія деревенской „природной“ музы. Изъ многихъ поэтовъ, напримѣръ: Дерунова, Тарусина, Иванова (Савихина), Родіонова, Смѣнушкина и др. г. Хрѣновъ удостоилъ выбрать лишь по одному стихотворенію, и далеко не характерному, въ то время какъ бездарный поэтъ А. К. Львовъ (повидимому, псевдонимъ никогда не выступавшаго въ печати стихотворца) представленъ цѣлыми четырьмя стихотвореніями. Наконецъ, трудно думать, чтобы писатели, вышедшіе изъ крестьянской и мѣщанской среды, такъ мало касались мотивовъ гражданскихъ. Если даже допустить, что составитель руководствовался при выборѣ поэтовъ и ихъ стихотвореній цѣлями исключительно художественными, то мы могли бы указать ему цѣлый рядъ не менѣе талантливыхъ, чѣмъ избранники г. Хрѣнова, поэтовъ крестьянъ и мѣщанъ, напримѣръ: Лебедева, Травина, Зайцева, Савина, Варлыгина, Шкулева, Леонова, Ивина, Виноградова, Новикова, Монина, Сморева, Мотова и еще многихъ. Однимъ словомъ, несмотря на благую цѣль г. Хрѣнова—собрать лучшія стихотворенія наиболѣе типичныхъ поэтовъ изъ народа,—книжка составлена неумѣло и обнаруживаетъ редакторскую неопытность составителя.

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Александръ Введенскій. Философскіе очерки.—*В. Лекки.* Планъ жизни.—*С. Старосивильскій.* Изъ исторіи русской педагогіи.—*Д. Галанинъ.* Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ.—Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества.—*И. Ѳ. Фесенко.* Школьныя сберегательныя кассы.

Александръ Введенскій, проф. С.-Петерб. университ. Философскіе очерки. Выпускъ I. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. Въ этой книгѣ собрано пять не новыхъ статей, которымъ авторъ, несмотря на ихъ внѣшнюю независимость между собою, придаетъ значеніе внутренняго единства: онъ видитъ въ нихъ „общедоступное изложеніе всѣхъ наиболѣе интересныхъ для большинства читателей пунктовъ критической философіи въ связи съ историческимъ обзоромъ распространенія критицизма въ Россіи и услугъ, оказанныхъ подъ его вліяніемъ русской философской мыслью философіи западной“ (стр. IV, V). Нельзя не замѣтить, что тѣ quasi-органическія связи, которыя проф. Введенскій пытается въ своемъ предисловіи установить между своими отдѣльными статьями, имѣютъ очень сомнительный и искусственный характеръ. Такъ, напримѣръ, если вѣрить автору, онъ, разсматривая въ одной изъ своихъ рѣчей прошлыя судьбы русской философіи и указывая, что Лобачевскій, „навѣрное, подъ вліяніемъ критической теоріи познанія“, создалъ метагеометрію и что русская мысль и впредь будетъ оказывать такія же услуги мысли общечеловѣческой,—если вѣрить автору, онъ всѣмъ этимъ „довольно ясно намекнулъ на важность привлечь русскія силы къ работамъ по теоріи познанія въ духѣ основаннаго Кантомъ критицизма“. Надо признаться, намекъ—чрезвычайно тонкій, и если бы самъ г. Введенскій его теперь не раскрылъ, то никто бы о немъ и не догадался... Къ тому же, одно изъ главныхъ достоинствъ проф. Введенскаго, какъ философскаго писателя,

въ томъ и заключается, что онъ никогда не намекаетъ, а всегда говоритъ прямо и ясно. Его языкъ не очень изященъ, но зато весьма точенъ. Авторъ—врагъ всякихъ недоразумѣній; онъ любитъ иногда ставить даже излишнія точки надъ і, постоянно даетъ опредѣленія тѣхъ понятій, съ которыми оперируетъ, и доводитъ свою мысль до ея логическаго конца. Проф. Введенскій—извѣстный кантіанецъ, убѣжденный послѣдователь критицизма, и это обстоятельство ввело его въ добросовѣстную иллюзію, будто между его статьями „оказалась“ внутренняя связь, въ видѣ изложенія критической философіи. Но составляетъ ли книжка г. Введенскаго организмъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, она интересна и поучительна. Есть много спорнаго во взглядахъ автора, но аргументація его, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Самая объективная статья его посвящена „Судьбамъ философіи въ Россіи“; въ ней авторъ сообщаетъ не мало характерныхъ фактовъ изъ исторіи русской общественности и образованія; хороши его слова: „если бы наши обскуранты знали философію, то они не могли бы быть обскурантами“ (стр. 23). *Русская Мысль* уже отмѣтила этотъ историческій очеркъ проф. Введенскаго, когда онъ появился въ *Вопросахъ философіи и психологіи*.

Вильямъ Лекки. Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. Перев. съ англійскаго Л. Лакіера. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. Лекки, авторъ извѣстной „Исторіи нравственнаго развитія Европы“, въ настоящей книгѣ своей, во многихъ отношеніяхъ приноровленной спеціально къ англійскому читателю, предлагаетъ рядъ соображеній и совѣтовъ по вопросамъ прикладной этики. Не мало есть у него остроумнаго и вѣрнаго, не мало продуманныхъ указаній житейскаго опыта собралъ онъ на страницахъ своего труда; въ общемъ, однако, *Планъ* его нельзя признать цѣннымъ. Строй жизни и моральнаго поведенія каждый вырабатываетъ себѣ самъ въ глубинѣ души и помысловъ, и только эта личная внутренняя работа, не идущая во слѣдъ чужому „пошлому опыту“, имѣетъ серьезное значеніе; какъ бы Лекки мудро ни разсуждалъ о счастіи, о бракѣ, о деньгахъ и успѣхѣ,—все это для другого, ищущаго духа окажется холодной и блѣдной проповѣдью, которая, какъ и всякій исключительно-внѣшній авторитетъ, лишена воспитательной силы. Но кромѣ того, разсужденія автора проникнуты идеей нравственнаго компромисса, и въ этомъ—главный порокъ его нравоучительной книги. И безъ того компромиссъ, въ большей или меньшей степени, тяготѣетъ надъ всякимъ человѣкомъ; но многіе и находятъ себѣ кару за это въ приговорѣ собственной совѣсти. Когда же нравственныя сдѣлки встрѣчаютъ себѣ еще и теоретическое оправданіе и берутся подъ защиту авторомъ-философомъ, то эта печальная роскошь можетъ имѣть успокоительное вліяніе на нашего „докучнаго собесѣдника“ и ободрить насъ въ нашей уступчивости. Особенно шатки и странны мысли Лекки о компромиссахъ въ общественной сферѣ. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что „изъ всѣхъ родовъ престижа, престижъ нравственный имѣетъ самую высокую цѣнность“ (стр. 190), что „нѣтъ ничего пагубнѣе отдѣленія политики отъ морали“; съ другой стороны, онъ проповѣдуетъ, что соціальная и личная этика никогда вполнѣ не совпадаютъ (стр. 194), что въ смутные періоды общественной жизни неумѣстны „вниманіе къ формальностямъ закона“ и „высокая моральная требовательность“ къ государственнымъ дѣятелямъ (стр. 191). Насилія и преступленія такихъ дѣятелей своей родной страны онъ деликатно называетъ „ошибками“ (стр. 185, 190). На стр. 157 самъ переводчикъ уличаетъ Лекки, при многихъ его достоинствахъ, въ „узкой буржуазности“ взглядовъ, кото-

рая обнаруживается въ разныхъ мѣстахъ книги. Но достоинства эти не велики, а буржуазность эта весьма значительна, и такъ какъ недостатка въ послѣдней не замѣчается и въ оригинальной русской литературѣ и жизни, то едва ли необходимо было переводить сочиненіе Лекки.

С. Старосивильскій. Изъ исторіи русской педагогіи. Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій, его жизнь, общественная дѣятельность и педагогическія задачи. Варшава, 1902 г. Въ серьезномъ тонѣ, спокойно и обстоятельно разсказываетъ авторъ о жизни и міровоззрѣніи знаменитаго педагога. Г. Старосивильскій сумѣлъ выбрать изъ сочиненій Ушинскаго самое главное и выразительное, свелъ эти выдержки въ цѣльную систему и такимъ образомъ далъ читателямъ законченную характеристику одного изъ славныхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія. Напрасно только г. Старосивильскій, передавая біографію Ушинскаго, старается какъ можно мягче и снисходительнѣе указать на то обстоятельство, что будущій учитель не выдержалъ выпускного гимназическаго экзамена и не получилъ аттестата зрѣлости: объ этомъ надо было сообщить прямо, безъ обиняковъ, какъ это дѣлаетъ въ своемъ очеркѣ М. Л. Песковскій, а не туманно, какъ это дѣлаетъ на стр. 9 нашъ авторъ.

Дм. Галанинъ. Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ. М., 1902 г. Цѣна 20 коп. Авторъ настоящей брошюры, заключающей въ себѣ четыре статьи о различныхъ сторонахъ классической системы, — педагогъ, близко стоящій къ средней школѣ и глубоко убѣжденный въ необходимости ея коренной реформы. Въ первой статьѣ авторъ останавливается, вслѣдъ за г. Н. Сперанскимъ („Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи"), на главныхъ фактахъ исторіи классицизма въ Германіи, гдѣ послѣдній былъ введенъ въ началѣ прошлаго столѣтія съ цѣлью „искорененія либеральныхъ идей" и послужилъ затѣмъ прототипомъ нашей гимназіи. Вторая статья, читавшаяся г. Галанинымъ въ видѣ доклада въ коммиссіи московскаго педагогическаго общества о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы, носитъ заголовокъ „О знаніяхъ, непосильныхъ учащимся по возрасту" и заключаетъ въ себѣ детальное разсмотрѣніе программъ четырехъ первыхъ классовъ классической гимназіи. Анализъ содержанія этихъ программъ и времени, необходимаго для ихъ усвоенія, приводитъ автора къ заключенію, что основнымъ недостаткомъ современной школы является неправильное распредѣленіе учебнаго матеріала, „при которомъ мы должны затрогивать вопросы, не только не возникшіе въ умѣ ребенка, но и чуждые ему въ томъ періодѣ роста, когда ихъ положено проходить", а „схоластическая система изученія всѣхъ предметовъ въ той же школѣ загромоздила курсъ маленькихъ классовъ знаніями, непосильными для учениковъ по возрасту". Еще болѣе подробно разбирается тотъ же вопросъ по существу въ двухъ остальныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ брошюру: „Объ измѣненіи курса математики въ III классѣ" (докладъ, читанный въ отдѣленіи преподавателей математики) и „О практическихъ занятіяхъ учениковъ по физикѣ" (докладъ на съѣздѣ преподавателей физико-химическихъ наукъ 1899 г.). Въ послѣдней авторъ основательно настаиваетъ на организаціи практическихъ (опытныхъ) занятій учениковъ при прохожденіи физики въ гимназіи. Какъ голосъ спеціалиста, всѣ эти статьи, несомнѣнно, принесутъ свою пользу при рѣшеніи вопроса о реформѣ средней школы.

Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ за 1900—1901 г. (Существованія общества годъ третій). М., 1902 г. Московское педагогическое общество среди другихъ обществъ занимаетъ безусловно одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по необычайной быстротѣ своего развитія, такъ и по чрезвычайной важности, жизненности и плодотворности своихъ задачъ. Зарожденіе общества совпало съ эпохой замѣчательнаго оживленія среди русскихъ образованныхъ слоевъ интереса къ вопросамъ образованія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Возникшее въ такое время, по иниціативѣ профессора П. Г. Виноградова, московское педагогическое общество по счастливо задуманному плану его организаціи дало у себя пріютъ и просторъ для научной работы педагогамъ рѣшительно всѣхъ спеціальностей, какъ по родамъ школъ, такъ и по отдѣльнымъ „предметамъ“ преподаванія. И это имѣло тѣмъ болѣе важное значеніе, что всѣ названные спеціалисты до того времени почти не имѣли фактической возможности (за нѣкоторыми лишь исключеніями) посвящать свои силы совмѣстной работѣ по вопросамъ ихъ спеціальности. Вышедшій на-дняхъ отчетъ общества, подводящій итоги всего лишь за третій годъ его жизни, развертываетъ предъ читателемъ богатую картину дѣятельности общества. Его 931 человѣкъ дѣйствительныхъ членовъ и 227 членовъ-сотрудниковъ (т.-е. всего 1,156 чел.) распредѣлялись по 9 отдѣленіямъ (преподавателей: русскаго языка, исторіи, физико-химическихъ наукъ, естественныхъ наукъ, математики, новыхъ языковъ; по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія, по начальнымъ училищамъ, по вопросамъ семейнаго воспитанія), по тремъ коммиссіямъ (по организаціи образовательныхъ экскурсій, по устройству чтеній для учащихся, по снабженію учебными пособіями и книгами лицъ, занимающихся педагогическою дѣятельностью) и по двумъ временнымъ коммиссіямъ (по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы и по организаціи педагогическаго музея). Уже изъ приведеннаго перечня всѣхъ этихъ группъ, на которыя разбилось общество, видно, какой широкій кругъ интересовъ образованія и воспитанія охватываетъ собою дѣятельность многочисленныхъ членовъ его, работающихъ въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета, при дѣятельномъ участіи многихъ его профессоровъ. Не ограничиваясь теоретической разработкой общихъ и спеціальныхъ вопросовъ образованія, педагогическое общество не чуждается и практической дѣятельности въ видѣ устройства періодическихъ чтеній для учащихся, экскурсій для дѣтей и самихъ педагоговъ, дѣтскихъ собраній, дѣтской и педагогической библіотеки, педагогическаго музея, снабженія книгами педагоговъ и т. д. Кромѣ того, общество живо откликается на текущіе запросы жизни, образуя временныя коммиссіи и подкоммиссіи, наприм., для выясненія вопроса о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы въ отчетномъ году—женской, о реформѣ городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, объ упрощеніи русской орѳографіи (въ текущемъ году) и т. д. Первая изъ названныхъ временныхъ коммиссій, работавшая подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя общества С. Г. Смирнова, дала въ результатѣ цѣнный трудъ въ видѣ обстоятельно мотивированныхъ трехъ докладовъ (напечатанныхъ въ „Трудахъ“ общества) и препровожденныхъ на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Далѣе общество являлось иниціаторомъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по начальному образованію въ память А. С. Пушкина (оставшагося не разрѣшеннымъ); оно же организовало съѣздъ преподавателей естественной исторіи московскаго учебнаго округа (съ 28 декабря по

2 января отчетнаго года), на которомъ было заслушано 26 докладовъ. Трудно, конечно, выразить въ опредѣленной формѣ всю ту сумму пользы, которую приноситъ московское педагогическое общество своею широкою дѣятельностью; но вполнѣ возможно утверждать, что эта дѣятельность имѣетъ всероссійское значеніе, такъ какъ она касается вопросовъ, общихъ и близкихъ для всякой школы, гдѣ бы послѣдняя ни существовала. Необходимо только, чтобы всѣ педагоги, особенно же провинціальные, съ большимъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью этого общества и чтобы издаваемые обществомъ „Труды“ и его отчеты находили себѣ широкій спросъ и доступъ въ огромную среду русскихъ педагоговъ.

И. Ѳ. Фесенко. Школьныя сберегательныя кассы. Пособіе и руководство къ веденію школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Изд. управленія государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Спб., 1901 г. Цѣна 25 коп. Введеніе съ 1 января текущаго года въ нашъ школьный обиходъ дѣйствія сберегательныхъ операцій, поручаемыхъ стоящимъ во главѣ школъ педагогамъ, какъ „посредникамъ“, явилось большой и неожиданной новостью, встрѣченной, какъ извѣстно, довольно неблагопріятно. Какъ со стороны общей педагогической печати, такъ и со стороны различныхъ корпорацій и обществъ, обсуждавшихъ это мѣропріятіе нашего финансоваго вѣдомства, большинство опасалось главнымъ образомъ вреднаго воздѣйствія этой мѣры на нравственность учащихся, возрасту которыхъ вообще несвойственны заботы о „сколачиваніи копейки“; отмѣчалась и та тяжесть и обремененіе, которыя взваливаются на плечи учащихъ, обязанныхъ принимать взносы учениковъ, вести имъ счетъ, вносить „вклады“ въ ближайшую кассу, получать ихъ обратно и проч., и проч. Авторъ названной выше брошюры офиціальнаго изданія является съ своей стороны убѣжденнымъ сторонникомъ дѣтскихъ „сбереженій“ при помощи школьныхъ кассъ и многорѣчиво и обстоятельно доказываетъ благотворность этого начинанія, пользуясь многочисленными источниками на четырехъ иностранныхъ языкахъ (авторъ свидѣтельствуетъ, что на русскомъ языкѣ изслѣдованій по этому вопросу не существуетъ). Къ существу дѣла (т.-е. къ самымъ школьнымъ кассамъ) г. Фесенко подходитъ издалека, касаясь его лишь въ послѣднихъ главахъ своей книги. Въ первыхъ же главахъ онъ подробно трактуетъ: о значеніи и роли денежныхъ сбереженій въ дѣлѣ экономическаго благосостоянія народа; о значеніи и роли сбереженій въ области нравственнаго преуспѣянія народа; о насажденіи и развитіи привычки къ сбереженію. Затѣмъ уже идетъ рѣчь о школьныхъ кассахъ, какъ одномъ изъ средствъ развитія въ дѣтяхъ бережливости, глава „объ отношеніи учителей и воспитателей къ денежнымъ сбереженіямъ дѣтей-учениковъ“ и, наконецъ, въ послѣдней главѣ дается ближайшее знакомство съ „Государственными сберегательными кассами и сберегательными марками“. Малая поучительность для нашей страны организаціи дѣтскихъ сберегательныхъ кассъ, существующей въ иностранныхъ школахъ, была уже отмѣчена во „Внутреннемъ обозрѣніи“ нашего журнала (февраль, 1902 г.), гдѣ указывалось, что за границей эти сбереженія употребляются на всѣмъ очевидныя общеполезныя цѣли (школьныя постройки и проч.), что несомнѣнно должно вести съ малыхъ лѣтъ ребенка къ сознанію личной его связи съ обществомъ; у насъ же средства кассъ, какъ извѣстно, получаютъ совсѣмъ иное назначеніе (реализація государственныхъ бумагъ), и слѣдовательно лишены указаннаго полезнаго качества. Переходя къ частностямъ многосложной аргументаціи г. Фесенка, въ пользу школьныхъ сберегательныхъ кассъ, отмѣтимъ для иллюстраціи пріемовъ

автора нѣкоторыя бросающіяся въ глаза несообразности. Говоря, напримѣръ, о пользѣ пріученія дѣтей къ сбереженію всякаго рода предметовъ и школьныхъ принадлежностей вообще, авторъ рекомендуетъ, между прочимъ, пріучать дѣтей даже къ сбереженію *игрушекъ* (стр. 53, 55), забывая, что дѣти ломаютъ игрушки по свойственной имъ пытливости и любопытству и затѣмъ, повинуясь заложенной въ нихъ способности къ живому воображенію, гораздо охотнѣе играютъ обломками игрушекъ: можно поэтому искренно пожалѣть ребенка, который тщательно *бережетъ* свои игрушки. По увѣренію автора (стр. 61), однимъ изъ главныхъ условій образованія привычки къ сбереженіямъ должно быть признано стремленіе и желаніе каждаго человѣка обладать *предметами* на правахъ полной собственности, и этому условію, по его мнѣнію, съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ удовлетворять сбереженіе (накопленіе) денегъ, какъ извѣстной цѣнности, дающей возможность реальнаго осуществленія желаній располагать и владѣть предметами собственности. Слабость приведеннаго аргумента, кажется, не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ: одно дѣло обладаніе понравившеюся ребенку реальной *вещью* и другое дѣло—накопленіе денегъ для пріобрѣтенія *возможности* обладанія предметами (вдобавокъ неизвѣстно какими именно). Послѣдній случай представляется по существу процессомъ довольно сложнымъ и недоступнымъ для дѣтскаго возраста. На стр. 67 г. Фесенко дѣлаетъ даже такое открытіе, что дѣтская копилка (пользу и необходимость которой онъ доказываетъ) можетъ оказаться серьезнымъ *пособіемъ при примѣненіи къ дѣтямъ наказаній за неосторожные или дурные поступки*, въ формѣ израсходованія ихъ сбереженій на возстановленіе всего того, что было ребенкомъ „случайно“ (?) или сознательно уничтожено, попорчено. Напримѣръ, *пусть* ребенокъ лично призоветъ стекольщика, лично уговорится съ нимъ въ цѣнѣ и лично заплатитъ необходимую сумму за вставку разбитаго стекла. Хорошо здѣсь это „пусть“, очевидно, равное приказанію родителей. Ну, а понятіе о собственности, какъ же быть съ нимъ? Какая же это собственность, если мнѣ могутъ *приказать* часть ея отчудить, да еще въ наказаніе за случайную неосторожность? Переходя въ слѣдующей главѣ къ школьнымъ кассамъ и касаясь ихъ исторіи въ иностранныхъ государствахъ, г. Фесенко самъ же отмѣчаетъ, что несмотря на значительное развитіе кассъ въ различныхъ государствахъ Европы, среди ученыхъ, какъ и среди практическихъ дѣятелей, находится не малое число лицъ, которыя признаютъ ихъ вредными въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Противъ кассъ крайне рѣзко и крайне рѣшительно высказались нижне-австрійскій и вѣнскій союзы народныхъ учителей, указавшихъ, что дѣти ничего не имѣютъ и не зарабатываютъ, а являются лишь „посланцами“ своихъ родителей, обязывающихъ ихъ вносить въ школьную кассу передаваемые ими же крейцеры“. Тѣмъ не менѣе авторъ находитъ, что школьное начальство (нашихъ школъ, разумѣется) въ настоящее время не имѣетъ ровно никакого контроля за расходованіемъ учениками принадлежащихъ имъ денегъ, и этотъ недостатокъ устранится при помощи школьныхъ кассъ. Книга г. Фесенка вообще интересна тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ цѣлую массу доводовъ въ пользу школьныхъ сберегательныхъ кассъ, но всѣ эти доводы говорятъ скорѣе *противъ* кассъ и очень мало убѣдительны сами по себѣ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Судебникъ 1589 г.—*М. Клочковъ.* Указатель словъ и выраженій встрѣч. въ судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг.—*И. С. Бѣляевъ.* Крестьянинъ-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошковъ.—Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Кн. 9.—*В. В. Кирьяковъ.* Очерки по исторіи переселенч. движенія въ Сибирь.—*А. Берггеръ.* Культурныя задачи реформаціи.—*Ш. Сеньобосъ.* Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ.—Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской акад. наукъ. Т. 70.—*Ю. Битовтъ.* Руководство къ библіографическому описанію книгъ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Судебникъ 1589 года. Его значеніе и источники. К., 1902 г.—Указатель словъ и выраженій, встрѣчающихся въ судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Составилъ М. Клочковъ подъ редакціей проф. М. Дьяконова. Юрьевъ, 1902 г. Все, что касается „Судебника“ царя Ѳедора Іоанновича, представляетъ въ настоящее время для русской исторической науки живой интересъ. Объ этомъ „Судебникѣ“ впервые появились свѣдѣнія только въ 1899 г. и изданъ онъ лишь два года назадъ. Для русской исторической науки открытіе новаго свода законовъ конца XVI столѣтія представляетъ безспорный интересъ. Но уже первые издатели „Судебника“, какъ извѣстно, разошлись въ мнѣніи относительно того, что представляетъ собою найденный памятникъ: проектъ, представленный на усмотрѣніе царской думы, заслушанный ею, но не введенный въ дѣйствіе, или же проектъ, написанный вслѣдствіе приговора думы, но не разсмотрѣнный ею; во всякомъ случаѣ „Судебникъ“ 1589 года не представлялъ собою дѣйствующаго права. Это обстоятельство, конечно, не лишаетъ самый проектъ крупнаго историческаго значенія. Въ настоящее время профессоръ Владимірскій-Будановъ выступилъ съ новымъ изслѣдованіемъ объ этомъ „Судебникѣ“. Точка зрѣнія почтеннаго автора весьма оригинальна. Въ вопросѣ объ авторѣ проекта и цѣляхъ его составленія изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что „Судебникъ“ царя Ѳедора Іоанновича есть памятникъ литературный, не имѣвшій никакого офиціальнаго значенія; памятникъ составленъ частнымъ лицомъ, не имѣвшимъ для этой работы правительственнаго порученія; мало того, по мнѣнію проф. Буданова, авторъ „Судебника“ — крестьянинъ сѣверной полосы Россіи, притомъ весьма мало свѣдущій въ юриспруденціи XVI вѣка. Нельзя не признать, что нѣкоторыя приводимыя авторомъ доказательства могутъ считаться безспорными, подтверждающими отдѣльныя частности выставленной имъ теоріи. Авторъ опирается на двоякую систему доказательства: во-первыхъ, на критику текста „Судебника“, во-вторыхъ, на разборъ содержащихся въ немъ законодательныхъ постановленій. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что авторъ „Судебника“ не воспользовался всѣмъ законодательнымъ матеріаломъ, который былъ изданъ правительствомъ на пространствѣ 1550—1589 гг. Особенно цѣннымъ надо признать рядъ замѣчаній, которыя дѣлаетъ авторъ о нормахъ обычнаго права, введенныхъ въ проектъ. Но первая часть доказательствъ, именно критика текста „Судебника“, представляется мало убѣдительною и исполненной натяжекъ. Авторъ, напримѣръ, хочетъ доказать, что обороты разговорной рѣчи являются диссонансомъ въ законодательномъ памятникѣ XVI вѣка потому, что такихъ оборотовъ нѣтъ въ предшествующихъ „Судебникахъ“. Но вѣдь такіе обороты встрѣчаются, напримѣръ, въ правыхъ грамотахъ и даже въ Уложеніи царя Але-

ксѣя. На томъ же основаніи авторъ не допускаетъ возможности внесенія въ законодательный памятникъ нѣкоторыхъ нелитературныхъ выраженій; наконецъ, указываетъ на неясности нѣкоторыхъ статей. И эти замѣчанія не могутъ быть приняты цѣликомъ. Прежде всего мы имѣемъ весьма плохой списокъ „Судебника“; порча текста свойственна и предшествующимъ ему законодательнымъ памятникамъ. Нелитературность оборотовъ и простонародныя слова не доказываютъ еще того, что авторъ проекта не имѣлъ офиціальнаго порученія: вѣдь надо принять во вниманіе значительную демократизацію правительственнаго слоя послѣ погрома, произведеннаго Грознымъ; надо взвѣсить и то, что проектъ составлялся въ годы вліянія Бориса Годунова. Поэтому не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы авторъ проекта оказался изъ мелкихъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ; такому автору были бы близки и нормы обычнаго права, и крестьянская среда. Что же касается того, что авторъ проекта дѣйствительно не воспользовался законодательнымъ правомъ предшествовавшаго періода, то здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, насколько полонъ и законченъ изданный списокъ „Судебника“. Сохранившаяся копія имѣетъ заключительную фразу („аминь“), но мы не знаемъ подлинника; между тѣмъ въ спискѣ есть пропущенныя статьи (сравнительно съ оглавленіемъ), есть недописанныя. Но допуская даже компактность проекта, нельзя отрицать того, что авторъ его надѣется на государево утвержденіе. Намъ извѣстны литературные памятники XVI в., предлагавшіе законодательные проекты; но ихъ форма совсѣмъ иная. Слѣдовательно, возможно еще и предположеніе, что „Судебникъ“ 1589 г.—проектъ, предложенный частнымъ лицомъ или группою лицъ на утвержденіе законодательной власти, хотя бы предлагающіе и не имѣли офиціальнаго порученія составить сводъ. Это предположеніе заслуживало бы обсужденія. Итакъ, новое изслѣдованіе проф. Буданова не рѣшаетъ, какъ намъ кажется, окончательно вопроса о „Судебникѣ“ 1589 г., но отличается оригинальностью основной мысли и цѣнностью разъясненій по поводу новыхъ (сравнительно съ „Судебникомъ“ 1550 г.) статей въ „Судебникѣ“ 1589 г.

Брошюра г. Клочкова, заглавіе которой мы выписали, болѣе интересна по замыслу, чѣмъ по выполненію. Использовать, съ точки зрѣнія историко-правовой, юридическую терминологію всѣхъ трехъ „Судебниковъ“,—мысль, заслуживающая большого вниманія. Но эту работу надо исполнить иначе, чѣмъ сдѣлалъ г. Клочковъ: мало пользы приноситъ указатель слова съ простыми ссылками на статьи памятниковъ; слѣдовало бы слова выбрать съ контекстомъ, а еще было бы лучше—и съ контекстомъ другихъ законодательныхъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ.

Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. М., 1902 г. Ц. 40 к. Брошюра г. Бѣляева представляетъ собою пересказъ общеизвѣстныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѣ-современникѣ петровскихъ реформъ. Но Посошковъ интересенъ, пожалуй, не столько самъ по себѣ со всѣми изобрѣтенными имъ „рогатками съ огненнымъ боемъ“, „особыми чуланцами“ для допроса въ судахъ, новыми рисунками игральныхъ картъ,—онъ интересенъ болѣе какъ типъ этой эпохи, какъ человѣкъ, выросшій въ традиціяхъ XVII вѣка, и въ то же время усвоившій новыя вѣянія, внесенныя въ нашу жизнь реформой. На Посошковѣ можно наблюдать переломъ въ психологіи русскаго общества, можно прослѣдить, какъ просачивалась струя новшествъ въ міросозерцаніе людей,

достигшихъ зрѣлаго возраста еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и какъ происходила въ ихъ сознаніи борьба между старымъ и новымъ. Посошкова интересно, поэтому, изучать въ связи съ современной ему средой въ качествѣ типичнаго представителя этой среды. Но г. Бѣляевъ понялъ свою задачу очень своеобразно. Составленная имъ біографія—сплошной панегирикъ Посошкову, написанный витіеватымъ, не особенно гладкимъ, а мѣстами даже неудобопонятнымъ языкомъ. Приподнятый тонъ брошюры, не дѣлая изложенія особенно изобразительнымъ, совсѣмъ не захватываетъ читателя. Авторъ безмѣрно восхищается всѣмъ, что онъ нашелъ въ Посошковѣ: г. Бѣляева плѣняетъ даже умѣніе Посошкова устраивать какіе-то „фонтаны“ (стр. 29). Сравнительно лучше составленъ конецъ брошюры, содержащій пересказъ извѣстной книги Посошкова „О скудости и богатствѣ“. „Обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III“, не отличающимся, впрочемъ, особой разборчивостью въ выборѣ печатаемаго матеріала, брошюра г. Бѣляева издана, пожалуй, даже слишкомъ хорошо.

Архивъ князя Θ. А. Куракина. Книга девятая, изданная почетнымъ членомъ археологическаго института кн. Θ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова. 1902 г. Ц. 4 руб. Девятый томъ „Архива“, какъ и всѣ предыдущіе, раздѣленъ на двѣ половины. Первая содержитъ продолженіе бумагъ дипломата петровскихъ временъ князя Б. И. Куракина (за 1713 г.), во второй напечатаны бумаги его правнука, служившаго при Екатеринѣ и Александрѣ, князя А. Б. Куракина (за 1777 г.). Въ этой перепискѣ много любопытныхъ, иногда характерныхъ вещей: она содержитъ высочайшіе указы, дѣловыя бумаги, большею частью дипломатическаго содержанія, частныя письма и записки по всевозможнымъ поводамъ личнаго или семейнаго свойства; въ ней есть даже счетъ парижскаго портного. Въ IX т. напечатано, между прочимъ, одно адресованное Б. И. Куракину письмо Петра Великаго. Къ документамъ присоединены примѣчанія, поясняющія нѣкоторыя темныя мѣста. Въ этихъ примѣчаніяхъ намъ попалась одна небольшая неточность: „адеранты“ въ письмѣ князя Б. И. взято съ французскаго adhérents, а никакъ не adorateurs, какъ истолковано въ примѣчаніи на стр. 470.

В. В. Кирьяковъ. Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь, въ связи съ исторіей заселенія Сибири. М., 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к. Принудительное и добровольное переселеніе въ непріютные края холодной Сибири—явленіе очень старое, и по этому вопросу существуетъ уже довольно обширная литература. Еще задолго до приведенія въ исполненіе грандіознѣйшаго предпріятія—великаго рельсоваго пути на дальній востокъ, колонизаціонныя волны переселенцевъ каждую весну, въ поискахъ за вольной землей, переходили чрезъ уральскій хребетъ, разливались по широкимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ Акмолинской, Тобольской и Томской областей, достигали Забайкалья и Амурскаго края, гдѣ навстрѣчу имъ, морскимъ путемъ, двигались другія волны такихъ же переселенцевъ. Г. Кирьякову вполнѣ удалось выяснить историческія судьбы этого экономическаго и отчасти политическаго движенія населенія на востокъ, начиная съ колонизаціонныхъ попытокъ новгородской вольницы и кончая массовыми переселеніями въ наше время. Въ первыхъ трехъ обширныхъ очеркахъ и излагается ходъ этого явленія; особенно интересна третья глава—исторія переселенія въ пореформенный періодъ вплоть до 1900 года. Послѣдній отдѣлъ посвященъ хозяйственному быту сибирскихъ переселенцевъ, культурнымъ и

экономическимъ условіямъ жизни населенія. Кромѣ массы сырого матеріала въ видѣ докладовъ спеціальныхъ коммиссій и отчетовъ экспедицій по переселенческому дѣлу, авторъ широко пользуется здѣсь и беллетристическими произведеніями, какъ, напримѣръ, „Сахалиномъ“ Чехова и др. Въ общемъ книга написана толково, хорошимъ языкомъ, и обнаруживаетъ добросовѣстное изученіе авторомъ наличнаго матеріала. Значительно слабѣе разработаны вопросы землепользованія, разныхъ системъ хозяйства, сѣвооборота и др. (стр. 255 и слѣд.). Это отчасти и понятно, такъ какъ г. Кирьяковъ по преимуществу беллетристъ, спеціально изучаетъ дѣло низшаго народнаго образованія, а чисто-экономическіе вопросы онъ не имѣлъ въ виду при составленіи книги. Такъ, почти ничего не находимъ мы о тѣхъ неблагопріятныхъ климатическихъ явленіяхъ, съ которыми приходися съ первыхъ же шаговъ сталкиваться новому засельщику, а именно, о безснѣжныхъ зимахъ Приморской и Амурской областей; какъ извѣстно, эти условія не допускаютъ правильнаго трехполья и совершенно устраняютъ культуру озимыхъ хлѣбовъ. Затѣмъ слѣдовало бы обратить вниманіе на гибельныя условія дождливаго періода, совпадающаго съ временемъ уборки хлѣбовъ, на безусловную необходимость примѣненія китайской системы земледѣлія. Наконецъ, очень мало говоритъ авторъ о той роли, которую должно взять на себя правительство, а именно, о необходимости открыть доступъ къ нарѣзаннымъ участкамъ, потому что пути сообщенія часто отрѣзываютъ новыхъ владѣльцевъ отъ ихъ же собственныхъ земель, и т. д. Впрочемъ, все это вопросы еще мало разработанные даже въ законодательномъ порядкѣ, и отсутствіе ихъ въ книгѣ г. Кирьякова не умаляетъ ея несомнѣнныхъ достоинствъ.

Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи. Пер. съ нѣмецкаго. Подъ ред. проф. Г. В. Форстена. Спб., 1901 г. Ц. въ переплетѣ 2 руб. Книга А. Бергера представляетъ собою введеніе къ культурно-историческому очерку жизни Лютера, написанному тѣмъ же боннскимъ ученымъ для серіи біографій, издаваемыхъ подъ общимъ заглавіемъ „Духовные герои“ или „Руководящіе умы“. Великіе дѣятели исторіи, по мнѣнію автора, суть посредники между поколѣніями. Въ борьбѣ враждующихъ міропониманій, какъ въ фокусѣ сосредоточивая въ себѣ духовную энергію своего времени и мучительно переживая тяжесть историческаго конфликта, они раскрываютъ грядущему человѣчеству тайну исторіи и, научая находить новые пути, указываютъ новыя цѣли. Прогрессъ немыслимъ безъ воздѣйствія генія; цѣлыя столѣтія направляются его вліяніемъ,—и въ неистребимой жизненности духовнаго наслѣдія Лютера можно видѣть доказательство того, что самая индивидуальность героевъ исторіи существуетъ вѣка, не растворяясь въ новой средѣ и не сливаясь съ нею безслѣдно до полной неразличимости. Историческою заслугою Лютера Бергеръ признаетъ освобожденіе нѣмецкой личности отъ оковъ средневѣковаго міросозерцанія. Универсальные идеалы католицизма среднихъ вѣковъ были, въ сущности своей, завѣтомъ римскаго міра,—и на чуждой имъ германской почвѣ ими надолго задержано было естественное развитіе національной жизни и поселенъ въ сознаніи средневѣковаго человѣка непримиримый внутренній разладъ. Впрочемъ, тягость этого культурнаго насилія почувствовалась не сразу. Германцы-варвары легко подчинялись преобладанію высшей духовности; съ другой стороны, и церковь снисходила къ слабостямъ непросвѣщенныхъ неофитовъ. Но съ теченіемъ времени миръ былъ нарушенъ,—и тираннія чуждыхъ началъ низвергнута была силами, которыя созрѣли въ молчаніи временнаго рабства. Этими силами явились: во-первыхъ, на-

ціональная консолидація; во-вторыхъ, самобытная свѣтская культура и, наконецъ, научное и художественное самоопредѣленіе личности. Развитіе этихъ силъ совершалось подъ сложнымъ воздѣйствіемъ разнородныхъ историческихъ факторовъ. Такъ, политическая и національная разрозненность Германіи побѣждена была мало-по-малу хозяйственнымъ ея объединеніемъ. Евангеліе индивидуализма, провозглашенное свѣтской культурой, вышло изъ нѣдръ денежно-хозяйственнаго „вѣка". Средневѣковая мистика явилась на помощь демократическимъ стремленіямъ времени и открыла просторъ нетерпѣливымъ порываніямъ личности, расправлявшей свои крылья. И самый гуманизмъ—на родинѣ своей, въ Италіи, враждебный христіанству—въ Германіи смирился передъ жаждою вѣры и подготовилъ почву для религіознаго возрожденія націи въ великомъ переворотѣ Лютера. Здѣсь рухнуло дуалистическое міропониманіе среднихъ вѣковъ: церковь примирилась съ дѣйствительностью.

Почти треть своей книги Бергеръ посвящаетъ обозрѣнію тѣхъ „главныхъ этаповъ", которые прошла религіозная жизнь средневѣковья до Лютера. Церковь и монашество—основныя силы этого процесса. Но и та, и другая опираются болѣе всего на греко-римскую традицію. Церковь, какъ воинствующая организація съ наклонностью къ синкретизму; монашество—какъ порожденіе экономической нужды, императорскаго деспотизма, соціальныхъ бѣдствій имперіи. Августинизмъ—третій факторъ ранняго средневѣковья. Но и онъ „нигдѣ не потрясъ традиціи, а лишь вдохнулъ въ нее свою жизнь". И, несмотря на цивилизаторско-миссіонерскую роль церкви въ средніе вѣка, несмотря на ея политико-соціальное воздѣйствіе въ жизни католическаго міра, она должна была пасть, когда въ религіозномъ броженіи массъ конца средневѣковья вскрылась неудовлетворенность „варваровъ" римской вѣрой, и въ лицѣ Лютера нѣмецкое крестьянство—древнѣйшее хранилище самобытной германской культуры, поднялось, чтобы свести счеты съ навязаннымъ ему римскимъ наслѣдіемъ.

Книга Бергера не является самостоятельнымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Фактическій матеріалъ работы авторъ почерпнулъ изъ вторыхъ рукъ, и въ самомъ освѣщеніи важнѣйшихъ вопросовъ средневѣковой исторіи онъ руководится взглядами, принятыми у ея авторитетовъ. Это не всегда благопріятно сказывается на собственномъ его изложеніи. Такъ, напримѣръ, идеалы средневѣковой церкви онъ называетъ „теократическими". Но теократія не знаетъ различія между мірскимъ и духовнымъ: она все поглощаетъ въ единомъ боговластіи, гдѣ царь и священникъ—одинаково органы высшей воли (ср. израильскую теократію до плѣна Вавилонскаго). Между тѣмъ, дуализмъ—характерная черта средневѣковаго аскетическаго міропониманія. Не правильнѣе ли поэтому признать властолюбивыя притязанія церкви римской—*іерократическими?* Первоначальное христіанство, по мнѣнію Бергера, чуждо было аскетическихъ тенденцій, но утверждать это—значитъ отрицать связь христіанства съ юдаизмомъ, мораль котораго всегда была аскетической (ср. назореевъ, рехавитовъ, ессеевъ). Менѣе всего самостоятеленъ Бергеръ въ сужденіяхъ своихъ объ Августинѣ: здѣсь онъ просто амальгамируетъ Гарнака съ Эйкеномъ, Эберта съ Лораномъ. Августинъ для него „не борецъ". Но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ явился онъ родоначальникомъ воинствующаго католицизма? Онъ—„антидогматическая натура"; однако же въ *вѣрѣ* нашелъ онъ свое спасеніе и *силою* желалъ привести къ нему другихъ? Развѣ это не догматизмъ сомнѣвавшагося и извѣдавшаго ужасъ колебаній? Едва ли книга Бергера будетъ особенно

полезна для тѣхъ, кто не занимался спеціальнымъ изученіемъ средневѣковья. Въ ней слишкомъ много обобщеній—конкретный матеріалъ служитъ автору лишь для намековъ и бѣглыхъ указаній. Языкъ оригинала образенъ и наряденъ—и, тѣмъ не менѣе, изложеніе кажется сухимъ вслѣдствіе крайней отвлеченности мысли. Переводъ выполненъ прекрасно—мѣстами чувствуется даже литературное увлеченіе мастера. Но встрѣчаются тѣмъ болѣе досадные промахи. Таковы: „абстрагировать“ (вм. отвлекать, стр. 9), „матеріальная *трактовка* интересовъ (стр. 101), „оріентироваться по ту сторону бытія“ (стр. 127). Непереведенными почему-то остались motto къ отдѣльнымъ главамъ. Внѣшность изданія изящна.

Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Перев. съ франц., подъ ред. П. С. Когана. М., 1902 г. Цѣна 1 руб. Книга, появляющаяся нынѣ въ русскомъ переводѣ, составилась изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Парижскомъ Collège libre des sciences sociales. Она принадлежитъ перу французскаго ученаго, извѣстнаго и у насъ своею „Политической исторіей современной Европы“; эта „Исторія“ сдѣлалась настольной книгой для нашего историческаго самообразованія. Судьба новой работы того же автора будетъ нѣсколько иная. Она посвящена разработкѣ спеціальнаго методологическаго вопроса, и лишь попутно затрогиваетъ такія ходячія и боевыя темы, какъ марксизмъ. Глава, посвященная критикѣ марксизма, прочтется съ интересомъ и большой публикой. Авторъ проявляетъ здѣсь много остроумія, чтобы доказать, что экономическое толкованіе исторіи не слишкомъ много, а слишкомъ мало считается съ условіями матеріальной жизни. „Принимая даже за основной принципъ то, что объясненіе всякаго соціальнаго учрежденія надо искать въ матеріальной жизни, „матеріалистическое“ толкованіе было бы далеко не полнымъ. Оно систематически забываетъ о наибольшей части матеріальныхъ условій, а тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ исключительный предметъ его интереса, оно произвольно искажаетъ“. Въ вину марксистамъ авторъ ставитъ здѣсь игнорированіе данныхъ такихъ „матеріальныхъ“ наукъ, какъ географія, антропологія, демографія, а искаженіе экономическихъ условій усматриваетъ въ томъ, что вся экономическая жизнь сводится единственно къ организаціи труда. Надо сказать впрочемъ, что самъ авторъ стоитъ не на почвѣ матеріализма, и громадное значеніе придаетъ субъективнымъ, психологическимъ факторамъ. Въ этомъ онъ заходитъ такъ далеко, что не только всѣ экономическія и другія общественныя явленія переводитъ на психологическій языкъ, всюду находя элементъ субъективный, но и отводитъ слишкомъ большую роль дѣйствіямъ и событіямъ единичнымъ, индивидуальнымъ; повидимому, онъ склоненъ объяснять законодательство, реформы и революціи вліяніемъ личностей, вродѣ Петра Великаго; онъ даже утверждаетъ, что „факты индивидуальной дѣятельности составляютъ предметъ изученія всеобщей исторіи“; едва ли съ этимъ согласятся сами историки. Въ спеціальной литературѣ, вѣроятно, не останутся безъ возраженія такія положенія автора, что „интеллигентная жизнь людей, нравы ихъ частной жизни, ихъ политическая организація опредѣляются не формой ихъ производительной дѣятельности; напротивъ того, именно форма ихъ интеллектуальной, частной и политической жизни приводитъ ихъ къ той или другой формѣ экономической жизни“,—и что вообще демографическія и экономическія явленія стоятъ въ соціальной исторіи на самомъ заднемъ планѣ. Но главный интересъ книги для спеціалистовъ будетъ сосредоточенъ въ основномъ вопросѣ—о методѣ. Цѣль книги—доказать, что методомъ соціальныхъ наукъ

(демографія, экономія, экономическія доктрины) можетъ быть не математическій, біологическій или логическій, но единственно историческій. Особенность историческаго метода заключается въ томъ, что онъ не допускаетъ ни опыта, ни наблюденія, и ограничивается только работой надъ документами; документы же по самому своему происхожденію не могутъ идти въ сравненіе съ протокольной записью научнаго наблюденія: „запись составлена по извѣстному методу, вполнѣ установленному и строгому; документъ составляется безъ метода, его можно отнести къ тому же разряду, какъ и разсказъ служителя лабораторіи“. Между фактами и изслѣдователемъ стоитъ документъ вмѣстѣ со своимъ авторомъ; отсюда необходимость опроса этихъ посредниковъ,—необходимость исторической критики документа и психологическаго толкованія роли автора. Соціальныя науки создаются также по документамъ, и потому историческій методъ для нихъ обязателенъ. Исходя отсюда, авторъ рисуетъ цѣлую картину ученой работы историка и соціолога, указывая на каждомъ шагу встрѣчающіяся трудности, давая для обхода ихъ массу методологическихъ указаній, и обставляя весь путь, какъ вѣхами, различными оговорками. Многія изъ этихъ указаній и оговорокъ цѣнны. Таково, напримѣръ, напоминаніе, что „человѣческая группа не есть понятіе естественное, но понятіе до извѣстной степени условное“; таково предостереженіе противъ миѳологическаго олицетворенія такихъ абстракцій, какъ рынокъ, прядильное производство, примѣненіе машинъ. Большую важность имѣетъ также анализъ понятія соціальной эволюціи, въ отличіе отъ эволюціи біологической, съ указаніемъ всѣхъ метафоръ, невольно затемняющихъ истинный смыслъ этого слова. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе книги. Въ ней, какъ видитъ читатель, много цѣннаго для спеціалистовъ и интереснаго для большой публики, но и очень много парадоксальнаго, спорнаго, болѣе остроумнаго, чѣмъ основательнаго. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ 70-й. Спб., 1902 г. Послѣдній томъ академическаго сборника очень богатъ содержаніемъ. Значительная часть его удѣлена матеріаламъ для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда (г. Чернышева), кашинскому словарю (г. Смирнова) и письму академика Ѳ. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Изъ историко-литературныхъ матеріаловъ особенное значеніе имѣетъ сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей подъ редакціей академика И. В. Ягича „А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ“ (вышло и отдѣльнымъ оттискомъ). Мысль объ этомъ сборникѣ возникла еще въ 1899 г., въ связи съ юбилеемъ, но, въ виду сложности и новизны дѣла, исполненіе ся затянулось на 3 года. Г. Ягичъ задумалъ составить полный сводъ данныхъ о вліяніи Пушкина на славянскія литературы и въ частности о переводахъ его сочиненій на славянскіе языки. Для этой задачи раньше почти ничего не было сдѣлано, такъ что всю работу собиранія матеріала пришлось произвести заново. Редакторъ привлекъ къ работѣ такихъ извѣстныхъ славистовъ, какъ проф. Шишмановъ, Шрепель, И. Пріятель, самъ вложилъ много труда и энергіи, и въ результатѣ получился сборникъ въ 400 слишкомъ страницъ. Въ него вошли: статья Шишманова „Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ“, Шрепеля—„Пушкинъ въ хорватской литературѣ“, Ягича—„Пушкинъ въ сербско-хорватской литературѣ“, Пріятеля—„Пушкинъ въ словѣнской литературѣ“, и нѣсколько этюдовъ Ягича о переводахъ отдѣльныхъ произведеній великаго поэта на сербско-хорватскій

языкъ. Этотъ сборникъ—прекрасный вкладъ въ небогатую вообще Пушкинскую библіографію. Очень интересны затѣмъ „Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни“ г. Срезневскаго, прекрасно характеризующія своеобразную личность знаменитаго филолога. Подъ 1799 г. онъ заноситъ, наприм., въ свой дневникъ (стр. 15): „Читаемъ Вольтера. Негодуемъ на Павла I“, подъ 1801 г. (стр. 18): „рано по утру проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость—присяга“. Подъ 1804 г. (стр. 20): „хожу къ Новосильцову на поклонъ“, 1808 г. (стр. 26): „дописалъ литеру *n* этимологическаго росписанія. Къ вечеру ощенилась моська“. 1810 г. (стр. 33—34): „ходилъ къ Ив. Ив. Дмитріеву на поклонъ“ и проч. „Замѣтки“ даютъ вообще много біографическихъ фактовъ и полную библіографію всѣхъ литературныхъ произведеній Востокова, сыгравшаго крупную роль не только въ исторіи русской науки, но и въ исторіи нашей поэзіи начала XIX в.

Ю. Битовтъ. Руководство къ библіографическому описанію книгъ. М., 1902 г. „Руководство“ г. Битовта должно служить пособіемъ для библіотекарей, владѣльцевъ библіотекъ и библіофиловъ и вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли. Оно перечисляетъ и характеризуетъ сначала литературу предмета, затѣмъ даетъ подробныя свѣдѣнія объ установившихся въ лучшихъ библіографическихъ изданіяхъ пріемахъ раціональнаго описанія книгъ. Указанія вездѣ иллюстрируются удачно подобранными примѣрами. Особенно много вниманія удѣлено очень запутанному въ библіографіи вопросу о форматѣ. Въ приложеніи къ своей книгѣ г. Битовтъ даетъ примѣрную таблицу форматовъ, которая можетъ внести единообразіе въ ихъ опредѣленіе, до сихъ поръ очень сбивчивое и противорѣчивое. По пути разъяснено много техническихъ терминовъ, относящихся къ книжному дѣлу. Въ концѣ дано нѣсколько образцовъ шрифта. Книга издана недурно, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, почему и цѣна назначена довольно высокая—2 р.

СТАТИСТИКА.

В. Э. Дэнъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи.—Статистическій сборникъ по Ярославской губ.

В. Э. Дэнъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка. Т. I и 2-я ч. II т. М., 1902 г. Ц. 4 р. 50 к. Обѣ вышедшія книги труда г. Дэна представляютъ собою приблизительно половину всего предпринятаго имъ изслѣдованія. Основная цѣль этого изслѣдованія—изучить ростъ населенія Европейской Россіи за весь XIX вѣкъ путемъ сравненія данныхъ пятой ревизіи, происходившей въ концѣ прошлаго столѣтія, съ результатами первой всероссійской переписи 28 января 1897 года. Но къ рѣшенію этой основной задачи авторъ лишь собирается приступить въ дальнѣйшемъ продолженіи своего изслѣдованія, и два большихъ напечатанныхъ тома являются пока однимъ введеніемъ. По плану автора (стр. 17—18) вся работа должна состоять изъ пяти частей. Первая часть посвящена изученію порядка производства ревизіи, вторая—изученію перемѣнъ въ административномъ раздѣленіи Россіи, происшедшихъ за время 1775—1897 гг.; третья часть—изученію правительственной группировки населенія въ податныхъ цѣляхъ и порядку перечисленія изъ одного мѣста и изъ одной группы въ другую. Только въ четвертой части своего труда авторъ собирается установить цифру муж-

ского населенія по пятой ревизіи, а въ пятой и послѣдней части намѣренъ сравнить ее съ результатами переписи 1897 года. Въ вышедшихъ томахъ содержится: въ первомъ—двѣ первыя части, во второмъ (собственно во 2-й половинѣ его, появившейся ранѣе 1-й)—описаніе трехъ группъ населенія, не положеннаго въ подушный отдѣлъ: 1) отставныхъ солдатъ, 2) солдатскихъ женъ и дѣтей, 3) военнаго населенія и инородцевъ Оренбургскаго края. Для того чтобы воспользоваться матеріаломъ пятой ревизіи, г. Дэну пришлось посвятить весь первый томъ двумъ не относящимся прямо къ его главной темѣ вопросамъ, пришлось изучить нашу податную организацію XVIII вѣка, а также исторію перемѣнъ въ поуѣздномъ раздѣленіи Россіи, такъ какъ губерніи передѣлялись и число уѣздовъ колебалось.

Выводы, полученные авторомъ въ первомъ случаѣ, не особенно опредѣленны. Обратившись къ пятой ревизіи послѣ тщательнаго изслѣдованія хода четырехъ предыдущихъ ревизій, г. Дэнъ пришелъ къ тому заключенію, что хотя данныя этой пятой ревизіи по своей точности и ниже данныхъ современныхъ переписей, тѣмъ не менѣе рядъ условій, которыми было обставлено производство ревизіи (юридическое значеніе для населенія точности данныхъ, провѣрка ихъ сенаторскими ревизіями) даютъ ему возможность признать голословнымъ недовѣріе, неоднократно высказывавшееся къ даннымъ этой ревизіи. Цифрамъ пятой ревизіи вѣрить можно,—такой главный выводъ этой первой части изслѣдованія. Разсмотрѣвъ измѣненія, произошедшія въ административномъ раздѣленіи Россіи за періодъ 1775—1897 гг., г. Дэнъ пришелъ затѣмъ и къ тому заключенію, что „*поуѣздное* сравненіе населенія Россіи то пятой ревизіи и по переписи 1897 г. также возможно“ (стр. 228). Таковы два главныхъ вывода перваго тома изслѣдованія, заключающаго въ себѣ двѣ первыхъ части труда г. Дэна. Что касается до 2-й половины второго тома, то она очень бѣдна сколько-нибудь прочными статистическими данными. Относительно однѣхъ группъ населенія данныхъ этихъ „нѣтъ совсѣмъ“, о другихъ эти свѣдѣнія „отрывочны и неполны“, о третьихъ—„весьма неполны“. Прямого отношенія къ статистической задачѣ автора эта половина его труда имѣетъ мало: она представляетъ собою скорѣе рядъ бытовыхъ картинъ, чѣмъ какой-либо прочный фундаментъ для сравненія численности населенія XVIII вѣка съ теперешнею его численностью по переписи. Составлена эта часть преимущественно на основаніи П. С. З. и нѣсколькихъ пособій изъ скудной литературы по этому предмету, напримѣръ, Витевскаго, очень часто цитируемаго г. Дэномъ, Өирсова, Рычкова и др.

Широта хронологическихъ рамокъ, поставленныхъ себѣ авторомъ, едва ли окажется особенно полезной для его изслѣдованія. Изученіе роста населенія любопытно, конечно, главнымъ образомъ въ связи съ изученіемъ тѣхъ причинъ, отъ которыхъ этотъ процессъ зависѣлъ. Многія причины убыли или прибыли населенія носятъ характеръ временный и мѣстный: сравнивая два момента, отстоящіе одинъ отъ другого на цѣлое столѣтіе, изслѣдователь рискуетъ потерять легко стирающійся слѣдъ отдѣльныхъ факторовъ, замедлявшихъ или ускорявшихъ этотъ ростъ. Кромѣ такихъ причинъ замедленія, какъ войны и неурожаи, большое, несомнѣнно, вліяніе на ростъ и особенно на размѣщеніе населенія имѣло крѣпостное право, отмѣна котораго падаетъ почти на середину разсматриваемаго періода. Къ выводамъ, можетъ быть, болѣе интереснымъ,—вслѣдствіе бо́льшей возможности отыскать эти движущіе факторы, повело бы сравненіе пятой ревизіи хотя бы съ послѣдней ревизіей, гдѣ былъ бы взятъ мень-

шій промежутокъ; на немъ, вѣроятно, было бы легче прослѣдить вліяніе отдѣльныхъ ускорявшихъ или задерживавшихъ ростъ населенія причинъ. Переходя съ конца XVIII в. на конецъ XIX в., мы встрѣтимъ цифры, конечно, болѣе выпуклыя, но рискуемъ получить только голые итоги, не услѣдивъ всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ движенія этого роста.

Стремясь къ полнотѣ, г. Дэнъ собралъ массу ненужнаго матеріала, не лишеннаго, разумѣется, историческаго интереса, но имѣющаго довольно отдаленное отношеніе къ поставленному имъ главному вопросу. Этимъ излишнимъ нагроможденіемъ фактовъ отодвинута вдаль окончательная цѣль труда, и уже полученные авторомъ довольно простые и несложные выводы затемнены чрезмѣрнымъ количествомъ пристроекъ, очень мало помогающихъ рѣшенію главной задачи книги. Такой недостатокъ техники много вредитъ ясности и сжатости выводовъ, сообщая книгѣ тяжеловѣсный характеръ. Не говоримъ уже о томъ, что подобная громоздкость дѣлаетъ ее не только малоинтересной, но почти недоступной для читателя-неспеціалиста. Тѣмъ не менѣе, авторомъ этого изслѣдованія выполнена такая громадная масса сухого, скучнаго, часто механическаго труда, выполнена она съ такимъ терпѣніемъ и добросовѣстностью, что тому, кто не побоялся за нее взяться, можно быть только благодарнымъ. Будемъ ждать продолженія, гдѣ всѣ служебные выводы вышедшихъ томовъ получатъ, наконецъ, свое приложеніе, и гдѣ г. Дэнъ познакомитъ насъ съ конечнымъ результатомъ своей работы.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Вып. X. Ярославль, 1901 г. Въ этомъ сборникѣ помѣщена очень интересная статья К. Воробьева: „Община и черезполосица и ярославская полевая сотня“. Какъ извѣстно, крестьяне въ своемъ стремленіи уравнительно распредѣлять землю между членами общинъ дробятъ послѣднюю на отдѣльныя категоріи въ зависимости отъ близости къ селенію, отъ качества почвы и т. д., и затѣмъ каждый членъ общины получаетъ по полосѣ или по нѣсколько изъ каждаго такого подраздѣленія, что ведетъ къ тому, что одно и то же лицо иногда имѣетъ по 20, 30 и даже 90 полосъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ; такъ, въ Угличскомъ уѣздѣ въ среднемъ приходится на домохозяина по 36 полосъ, а есть общины, гдѣ это число доходитъ до 120, въ Тверскомъ уѣздѣ на каждаго домохозяина приходится 42 полосы и т. д. Такая дробность селенія сопровождается крупными неблагопріятными послѣдствіями: ширина полосъ очень незначительна, наприм., въ Среднемъ въ Угличскомъ уѣздѣ—2,6 саж., а есть полосы въ 0,5 саж. и менѣе. Вслѣдствіе разбросанности полосъ въ разныхъ мѣстахъ и ихъ крайне ничтожной ширины приходится при обработкѣ терять много времени; затѣмъ теряется много удобной земли на межахъ; это же отражается неблагопріятно на урожаѣ, такъ какъ изъ боязни утечки удобренія на сосѣднюю полосу много удобренія кладется посрединѣ и мало по краямъ, отчего „добрый хлѣбъ родится на хребтикѣ загона, на срединѣ полосы, а по ея краямъ — мелкій и низкорослый“. Много пропадаетъ на сѣменахъ, такъ какъ много ихъ теряется въ бороздахъ и межахъ; кромѣ того, сѣмена попадаютъ на сосѣднюю полосу и мѣшаютъ одинъ хлѣбъ съ другимъ, оттого нерѣдко говорятъ крестьяне: „сѣялъ пшеницу безъ гороха, а уродилась съ нимъ“. Эта боязнь засоренія своихъ полосъ сосѣдними удерживаетъ многихъ хозяевъ отъ введенія новыхъ улучшенныхъ сортовъ посѣвныхъ сѣмянъ: „все равно сосѣдъ испортитъ, набросаетъ на полосу своихъ сѣмянъ“, говорятъ они. Кромѣ того, эта черезполосица ведетъ къ принудительности обработки въ опредѣленный срокъ, и наше запаздываніе съ работами

вызываетъ затаптываніе полосъ съ хлѣбомъ ранѣе управившимися сосѣдями, а иногда и потравы скотомъ.

Данныя о значеніи черезполосицы для сельскаго хозяйства были собраны отчасти путемъ сплошного пообщиннаго земскаго статистическаго описанія Ярославской и Тверской губ., а съ другой стороны путемъ сообщенія добровольныхъ корреспондентовъ ярославскаго статистическаго бюро. Къ статьѣ приложено нѣсколько интересныхъ таблицъ.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, АРХЕОЛОГІЯ.

В. Г. Бокъ. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. — Древности. Труды Императорскаго московск. археолог. общества. — *В. Миллеръ.* Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія. — Африка. Иллюстрированный географич. сборникъ. — *Гр. А. А. Бобринскій.* Секта Исмаилья.

В. Г. Бокъ. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Посмертное изданіе. Текстъ и таблицы. Спб., 1901 г. Въ маѣ 1899 г. скончался хранитель средневѣковыхъ древностей Эрмитажа, молодой оріентологъ Владиміръ Бокъ, хорошо извѣстный въ археологіи своими трудами по исторіи малоразработаннаго коптскаго искусства. Въ посмертное изданіе вошли результаты поѣздки г. Бока съ научной цѣлью въ долину Нила и къ Большому оазису, гдѣ сохранилось нѣсколько важныхъ памятниковъ христіанской эпохи, относящихся приблизительно къ IV—V вв. нашей эры и до сихъ поръ не изслѣдованныхъ никѣмъ изъ западныхъ археологовъ. Это или остатки крѣпостей, охранявшихъ одинъ изъ главныхъ путей изъ оазиса въ долину Нила, какъ, наприм., развалины Эль-Дэйръ у горы Уммъ-Эль-Гханаимъ; или обширные некрополи съ цѣлой системой надгробныхъ часовенъ, сохранившихъ оригинальную стѣнную живопись на библейскіе и аллегорическіе сюжеты; или же, наконецъ, развалины древнихъ монастырей „Бѣлаго“, „Краснаго“ и другихъ, архитектура которыхъ напоминаетъ, съ одной стороны, древнее египетское зодчество, съ другой— носитъ характерные слѣды вліянія на нее основныхъ чертъ позднихъ классическихъ стилей. Въ особенности замѣтно греческое, или вѣрнѣе александрійское, вліяніе на фресковую живопись; интересны также скульптурные памятники, главнымъ образомъ орнаменты. Всѣ эти новыя данныя даютъ чрезвычайно важный матеріалъ для опредѣленія также мѣстной культуры въ средневѣковомъ арабскомъ искусствѣ. Какъ извѣстно, первый, кто указалъ связь коптскаго искусства съ византійскимъ, былъ неутомимый изслѣдователь Востока и талантливый популяризаторъ древнѣйшей его исторіи Масперо. Но въ то время, когда работалъ и писалъ французскій ученый, въ распоряженіи науки было слишкомъ мало матеріаловъ. Такимъ образомъ, новый трудъ покойнаго Бока представляетъ цѣнный вкладъ въ науку: это цѣлый рядъ прекрасно изданныхъ греческихъ и абиссинскихъ надписей, масса прекрасно исполненныхъ фотографій съ архитектурныхъ и скульптурныхъ сокровищъ и точное описаніе сохранившихся памятниковъ, которые послужатъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей въ области искусства „черныхъ христіанъ“.

Древности. Труды Императорскаго московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Т. XIX. (Выпуски 1—3). М., 1901—1902 гг. XIX-й томъ, только что законченный появленіемъ третьяго выпуска, начинаетъ собою новую серію *Трудовъ* московскаго археологическаго общества. Отнынѣ *Древности* издаются по новой программѣ, приближающейся, съ одной стороны, къ

той, по которой выходили первые тома этого изданія подъ редакціей основателя общества, графа А. С. Уварова, а съ другой—къ программѣ прекратившихся (съ 1900 г.) *Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ*. Такимъ образомъ, сравнительно съ предыдущими томами, мы находимъ вновь введенные отдѣлы археологической хроники и библіографіи. Оставляя въ сторонѣ офиціальную лѣтопись общества (годовые отчеты, протоколы засѣданій какъ самаго общества, такъ и состоящей при немъ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ),—остановимся лишь на отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ во всѣхъ трехъ выпускахъ настоящаго тома. Прежде всего мы должны отмѣтить капитальный трудъ (къ сожалѣнію, оставшійся, за смертью автора, незаконченнымъ) А. А. Потапова—*Очеркъ древней русской гражданской архитектуры*. Этотъ трудъ, который, какъ сказано въ предисловіи отъ редакціи, „долженъ явиться цѣннѣйшимъ вкладомъ въ исторію русскаго зодчества", сопровождается многочисленными рисунками и чертежами памятниковъ древне-русской гражданской архитектуры и представляетъ систематическое, крайне детальное ихъ изученіе; во всѣхъ трехъ выпускахъ помѣщены лишь первыя 28 главъ этого обстоятельнаго труда. Далѣе, отмѣтимъ статьи С. К. Богоявленскаго, Ю. В. Готье и кн. В. П. Урусова, въ которыхъ авторы знакомятъ насъ съ произведенными ими археологическими развѣдками (раскопки „Елизаровскаго могильника" въ Волоколамскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ с. Каменки, Изюмскаго уѣзда, раскопки кургановъ Красноярскаго уѣзда). По исторіи церковной живописи помѣщено нѣсколько статей г. Успенскимъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ напечаталъ работу—*О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ „Шестоднева" Іоанна, экзарха болгарскаго* (съ 16 рисунками въ текстѣ). Въ области эпиграфики заслуживаютъ вниманія статьи краковскаго профессора Леціевскаго и В. Н. Щепкина. Статья г. Леціевскаго (помѣщенная въ польскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ г. Щепкина) представляетъ первую попытку чтенія загадочныхъ *Руническихъ надписей на Алекановскихъ урнахъ;* статья г. Щепкина—*Новгородскія надписи graffiti* (съ 9 прекрасно исполненными фототипическими таблицами) представляетъ палеографическій и лингвистическій разборъ нѣкоторыхъ надписей (XI—XII вв.), обнаруженныхъ при реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора. Въ заключеніе отмѣтимъ интересный отчетъ по XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ, принадлежащій графинѣ П. С. Уваровой.

В. Миллеръ. Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія. (Трудъ по востоковѣдѣнію, издан. Лазаревскимъ институтомъ). М., 1901 г. Нынѣ предлагаемый „Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія" основанъ, главнымъ образомъ, на разработкѣ еврейско-татскихъ текстовъ, записанныхъ профессоромъ Миллеромъ въ 1886 году на Кавказѣ и изданныхъ имъ въ „Матеріалахъ для изученія еврейско-татскаго языка" (С.-Петербургъ, 1892 г.). Кромѣ этого матеріала, онъ пользовался также грамматическими замѣтками, сдѣланными имъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ Москвѣ со словъ горскаго еврея Ильи Шербетовича Анисимова, бывшаго въ то время студентомъ Императорскаго техническаго училища. Съ тѣхъ поръ онъ не имѣлъ случая встрѣчаться съ горскими евреями и дополнить свои наблюденія надъ ихъ нарѣчіемъ. Изъ матеріала, которымъ онъ располагалъ, онъ извлекъ все, что могъ, для очерка морфологіи этого языка. Несомнѣнно, что дальнѣйшее изученіе, основанное на записи новыхъ матеріаловъ, могло бы впослѣдствіи пополнить этотъ очеркъ; но, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ имѣть новые матеріалы и необходимый досугъ для ихъ разработки, авторъ

рѣшается выпустить свой трудъ въ настоящемъ его видѣ, — первый опытъ грамматическаго изученія нарѣчія, которое до появленія его „Матеріаловъ“ не было извѣстно иранистамъ.

Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. М., 1902 г. Цѣна 2 руб. Составленная по одинаковой программѣ, одними и тѣми же лицами и приблизительно по тѣмъ же источникамъ, что и прежніе выпуски „Азія“, „Америка“ и „Европа“, географическая хрестоматія „Африка“ отличается тѣми же достоинствами: тѣ же безукоризненно исполненные рисунки, та же умѣлая редакція отрывковъ изъ болѣе обширныхъ статей, тотъ же интересный и богатый выборъ матеріала для чтенія и т. дал. При выборѣ авторовъ составители, очевидно, отдавали преимущество русскимъ путешественникамъ: читатель найдетъ въ разсматриваемомъ сборникѣ лучшія статьи изъ Гончарова, Мечникова, Елисѣева, Маркова, Немировича-Данченка, Краснова, Азбелова, Дѣдлова, Коропчевскаго и др. Почти весь сѣверъ Африки представленъ статьями русскихъ авторовъ, и только для иллюстраціи центральной и южной частей материка пришлось воспользоваться отрывками изъ Стэнли, Юнкера, Брэма, Циммермана, Мейера, Штрекера, Келлера и другихъ извѣстныхъ западныхъ ученыхъ. Впрочемъ, намъ казалось бы, что для описанія южно-африканскихъ республикъ и сосѣднихъ съ ними странъ незачѣмъ было прибѣгать къ переводнымъ статьямъ, потому что за послѣдніе три года въ журналахъ и отдѣльными изданіями вышло не мало русскихъ работъ по тому же вопросу, и послѣднія съ успѣхомъ могли бы замѣнить отрывки изъ книгъ Вормзера и Штрекера. Но это не столь важно. Гораздо существеннѣе, на нашъ взглядъ, слѣдующій вопросъ: примѣняются ли составители географическихъ хрестоматій къ преподаванію географіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ по новой программѣ, согласно которой преподаватели должны выбираться изъ окончившихъ не историко-филологическій факультетъ, а *естественный?* Возьмемъ для примѣра одну изъ первыхъ по мѣсту статей. Называется она „Очаровательницы змѣй“ (стр. 31—36) и принадлежитъ перу Вас. Немировича-Данченка. Правда, разсказъ читается съ захватывающимъ интересомъ, блещетъ яркими красками типичной восточной сказки, по занимательности не уступаетъ любому приключенію изъ Жюль Верна, но едва ли удовлетворитъ преподавателя-естественника, и во всякомъ случаѣ оставитъ въ недоумѣніи ученика, такъ какъ въ ней ни однимъ словомъ не разъяснено, въ чемъ именно заключается секретъ и фокусъ заклинателя. Беремъ наудачу другую статью, Г. Сенкевича „Поѣздка ночью къ пирамидамъ“ (стр. 142—147). Это необыкновенно рельефная и художественная картинка, которая оставляетъ сильное впечатлѣніе; но опять-таки авторъ здѣсь исключительно романтикъ, а не естествоиспытатель. Такъ же мало читатель узнаетъ о природѣ и населеніи острова изъ статьи Доливо-Добровольскаго „На островѣ св. Елены“ (стр. 435—443), несмотря на живое изложеніе и искреннее желаніе автора заинтересовать читателя легкимъ разсказомъ. Намъ кажется, что составителямъ слѣдовало бы обратить вниманіе также и на эту именно сторону при выборѣ статей, и кромѣ того, отмѣчать въ одномъ изъ указателей или даже въ оглавленіи названіе тѣхъ произведеній, изъ которыхъ они берутъ отрывки. Такія ссылки сдѣланы только относительно рисунковъ.

Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географическое распространеніе и организація. М., 1902 г. Въ этой небольшой, прекрасно изданной работѣ, гр. Бобринскій знакомитъ насъ съ внѣшней организаціей секты Исмаилья, къ которой принадлежатъ нѣкоторыя таджикскія общества средне-азіатскихъ владѣній, а именно въ мѣстности верхняго Пянджа, между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памира. Раньше предполагали, что эти общества принадлежатъ къ шіитскому толку. Секта Исмаилья (возникновеніе ея относится къ VIII вѣку), философская сторона которой имѣетъ много общихъ чертъ съ радикальными вѣтвями суфизма (о послѣднемъ см. прекрасную работу проф. А. Крымскаго въ *Древностяхъ Восточныхъ*, т. II), представляетъ собою одну изъ наиболѣе радикальныхъ сектъ шіитскаго толка. Къ сожалѣнію, нашему автору, въ виду присущей вообще сектантамъ срытности, удалось получить лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся географическаго распространенія и внутренней организаціи секты Исмаилья. Свѣдѣнія эти изложены въ формѣ отдѣльныхъ бесѣдъ съ тремя главарями секты; портретъ одного изъ этихъ главарей (называемыхъ „пирами“, т.-е. старцами) мы находимъ въ началѣ работы. О самихъ сектантахъ гр. Бобринскій отзывается, какъ о людяхъ покойнаго, мягкаго характера, строгой нравственности, относящихся къ христіанамъ безъ фанатизма и привязанныхъ къ своему родному очагу. Было бы весьма желательно, если бы эти первоначальныя свѣдѣнія, которыми мы обязаны г. Бобринскому, были пополнены свѣдѣніями относительно самаго ученія этихъ сектантовъ.

ИСКУССТВО.

К. Боринскій. Театръ.— *А. А. Павловскій.* И. Е. Рѣпинъ.— *Н. П. Кондаковъ.* Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ.— *Н. Покровскій.* Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства.

Карлъ Боринскій. Театръ. Лекціи. Переводъ съ нѣмецкаго съ тремя дополнительными статьями и примѣчаніями приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета, Б. В. Варнеке. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Эти лекціи, не страдающія избыткомъ содержательности, представляютъ собою рядъ очерковъ, въ которыхъ выясняются отдѣльные моменты изъ исторіи театра и его общественное значеніе. Нѣкоторыя особенности изложенія и тона, шутки и остроты слишкомъ ясно указываютъ на то, что книга Боринскаго составлена изъ публичныхъ бесѣдъ, разсчитанныхъ на очень обширную аудиторію. Авторъ-соціологъ умѣетъ цѣнить воспитательную роль театра и въ *Натанѣ Мудромъ* и *Фаустѣ* видитъ яркое подтвержденіе того, что „нѣкоторыя мысли человѣчества, и притомъ самыя чистыя и самыя высокія,—мысли о человѣкѣ, о его высшей задачѣ, могутъ быть высказаны только съ высоты сцены, только драматическимъ писателемъ“ (стр. 113). Но отдѣльные взгляды Боринскаго поражаютъ иногда своею странностью и буржуазнымъ характеромъ. Такъ, изъ вѣрнаго положенія, что правду легче всего сказать въ смѣхѣ, онъ дѣлаетъ сомнительные выводы и упрекаетъ Ибсена, что тотъ не придалъ своей пьесѣ „Докторъ Штокманъ“ комической формы и освѣщенія; „а теперь, — говоритъ онъ, — пьесу портитъ ея горькая серьезность и мы пожимаемъ плечами при видѣ человѣка, который изъ-за лужицы морской воды требуетъ переустройства всего существующаго“

(стр. 98). Мы думаемъ, что скорѣе пожметъ плечами читатель этихъ строкъ... А переводчикъ, г. Варнеке, съ своей стороны дѣлаетъ къ этому мѣсту еще такое примѣчаніе „нѣсколько еретическаго свойства“ (стр. 141): „тягота провинціальной жизнью гораздо лучше передана въ незамысловатомъ фарсѣ Кадельбурга „Столичный воздухъ“, чѣмъ въ пресловутыхъ „Трехъ сестрахъ“ А. П. Чехова“. Что же, ереси, какъ и вкусы, бываютъ разныя... Вообще г. Варнеке своими дополнительными статьями не много способствуетъ украшенію книги Боринскаго. Въ первой изъ этихъ статей онъ, по собственному выраженію, даетъ „апологію балета“, которую „можно было бы еще долго продолжать, если бы въ этомъ чувствовалась настоятельная потребность“ (стр. 124). Но если такой потребности нѣтъ, зачѣмъ же было и начинать апологію? Кромѣ того, г. Варнеке дурно защищаетъ балетъ. „На мой взглядъ, историкъ театра только тогда возвысится надъ жалкой массой тѣхъ моралистовъ, которыхъ пугаютъ короткія юбки балеринъ, когда будетъ одинаково внимателенъ, какъ къ драмѣ, такъ и къ оперѣ и балету“. Почему же эту „одинаковую“ внимательность не распространить еще и на оперетку, и на многое другое, присосѣдившееся къ истинно-театральной сценѣ? Кромѣ презрѣнія къ пугливымъ моралистамъ, г. Варнеке выставляетъ за балетъ, между прочимъ, еще и то соображеніе, что онъ „является самымъ надежнымъ проводникомъ въ міръ грезъ и поэтическихъ мечтаній, подчасъ самой высокой, чистой красоты“, что Шекспиръ на-ряду съ *Гамлетомъ* и *Отелло* написалъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, а нашъ Островскій кромѣ „купчихъ, приказныхъ и юродивыхъ“ создалъ „дивную, полную поэтической свѣжести весеннюю сказку про Снѣгурочку“. Неужели, однако, размѣренныя движенія балеринъ и окрыленный полетъ изящной фантазіи, бездушная пантомима и очаровательная греза поэта—явленія одного порядка? Неужели „изъ сѣренькой обстановки реальной дѣйствительности“ можно уноситься только въ балетъ, и только балетъ удовлетворяетъ не „чисто-разсудочныя“, не „трезво-житейскія“ требованія къ искусству? Какъ широко понимаетъ г. Варнеке балетъ, какъ узко понимаетъ онъ искусство!... Во второй статьѣ нашъ авторъ возстаетъ противъ того распространеннаго взгляда, что движущимъ началомъ древне-греческой драмы, въ противоположность шекспировской, были не столько душевныя силы героевъ, сколько предопредѣленіе судьбы. Г. Варнеке на примѣрѣ эврипидовской Медеи доказываетъ, что и герои античной трагедіи дѣйствовали подъ вліяніемъ психологической мотивацiи. Но вѣдь этого никто и не отрицаетъ, никто не сомнѣвается, что у персонажей Эсхила и Софокла была душа; рѣчь идетъ лишь о томъ несомнѣнномъ явленіи, что идея рока зловѣщей тѣнью нависала надъ эллинской драмой, что она господствовала въ сознаніи зрителей пьесы и въ хорѣ, что она тѣснила и ограничивала свободную игру и борьбу душевныхъ побужденій. Только то, что оставалось въ человѣкѣ свободнаго отъ покорности слѣпому фатуму,—только это могло служить темой психологическаго дѣйствія; между тѣмъ новая драма отдала произволу и власти психическихъ силъ *всего* человѣка, сдѣлала его властелиномъ самого себя. Третья статья г. Варнеке содержитъ въ себѣ вѣрныя замѣчанія о нынѣшней русской драмѣ, и правъ онъ, къ сожалѣнію, когда говоритъ, что „русская драматическая литература, повторяя съ настойчивостью ремесленника давнымъ давно пройденные зады, недостаточно охватила тотъ матеріалъ, который представляется современной дѣйствительностью“ (стр. 137). Но автору слѣдовало бы разъяснить свою мысль, что „очищеніе русскаго репертуара

должно быть начато съ возможно широкаго ознакомленія публики съ Эврипидомъ" (стр. 138). Наоборотъ, ему не слѣдовало бы считать „Бориса Годунова" непригоднымъ для сцены, на томъ внѣшнемъ и чисто-механическомъ основаніи, что вслѣдствіе обилія коротенькихъ сценъ „докучливые антракты всегда будутъ ослаблять вниманіе зрителя и лишать пьесу того воздѣйствія, которое она производитъ въ чтеніи" (стр. 137). Антракты, болѣе или менѣе докучливые, прерываютъ теченіе всякой пьесы, и искусство актеровъ должно стремиться къ тому, чтобы сила внутренняго впечатлѣнія и яркость душевнаго слѣда, сохраняющагося у зрителей отъ отдѣльныхъ моментовъ представленія, заполняли и дѣлали незамѣтными внѣшніе промежутки времени.

А. А. Павловскій. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб., 1901 г. Несмотря на то, что литература о творчествѣ Рѣпина довольно обширна, у насъ не было до сихъ поръ сколько-нибудь удовлетворительной отдѣльной работы объ этомъ замѣчательномъ художникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно сложная натура психолога-живописца, впечатлительнаго и отзывчиваго на явленія общественной жизни художника, безсмѣннаго властелина и законодателя художественныхъ вкусовъ въ теченіе трехъ лучшихъ десятилѣтій въ исторіи самобытнаго русскаго искусства и руководителя цѣлой школы молодыхъ силъ, едва ли можетъ быть очерчена въ обычной „юбилейной" статьѣ. Поэтому большая работа профес. А. Павловскаго, появившаяся въ журналѣ *Искусство и художественная промышленность*, въ значительной степени восполняетъ этотъ пробѣлъ. Очень удачно, напримѣръ, сужденіе автора о портретахъ кисти Рѣпина. „Портреты его работы передаютъ не только внѣшнее сходство, но что въ нихъ особенно цѣнно—рельефно представляютъ намъ сущность характера изображаемаго имъ лица, въ большинствѣ случаевъ богатаго, интереснаго своимъ внутреннимъ содержаніемъ, любопытнаго, выдающагося по своей дѣятельности. Въ такихъ портретахъ художникъ не только обогащается психологическими наблюденіями и знаніями, но и другихъ знакомитъ въ нихъ не съ одними вѣрно переданными чертами лица, но и съ ихъ характеромъ, ихъ психическимъ міромъ, и въ этомъ, можетъ быть, выдающаяся заслуга И. Е. Рѣпина предъ исторіей культуры Россіи" (стр. 336). Характеризуя затѣмъ Рѣпина, какъ художника-мыслителя, авторъ статьи проводитъ совершенно вѣрную, хотя и не новую параллель между нимъ и художникомъ-реалистомъ Л. Толстымъ. Не менѣе удачна у г. Павловскаго формулировка тенденціознаго элемента въ художественномъ произведеніи вообще (стр. 338), краткая характеристика движенія русской общественной мысли въ шестидесятые годы (стр. 328) и много другихъ отрывковъ. Встрѣчаются, впрочемъ, недосмотры. Едва ли справедливо замѣчаніе г. Павловскаго, будто „большинство русскихъ людей считаетъ упорный трудъ удѣломъ безталанныхъ" (стр. 333). Мимоходомъ авторъ разсказываетъ характерные случаи изъ своего личнаго знакомства съ Рѣпинымъ. Вообще вся статья г. Павловскаго производитъ впечатлѣніе работы продуманной и цѣльной.

Н. П. Кондаковъ. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Изд. Императорской академіи наукъ, съ 49-ю фототипіями и 103 рисунками въ текстѣ. Спб., 1902 г. Ц. 7 р. Археологическія, иконографическія и рукописныя сокровища Аѳона, этой оригинальной монашеской республики, пріютившей и культивировавшей позднее византійское искусство, уже съ давнихъ временъ привлекали вниманіе русскихъ и западныхъ византологовъ. Еще въ началѣ XVIII вѣка русскій безхитростный паломникъ-анахоретъ Барсовъ старательно описалъ тѣ памятники

архитектуры, живописи и орнаментики, которые поразили нашего любознательнаго путешественника петровскихъ временъ. Нельзя сказать, чтобы съ тѣхъ поръ исторіей христіанскаго Аѳона и его искусствомъ занимались немногіе ученые. Достаточно упомянуть такія извѣстныя имена какъ: Порфирія Успенскаго, Севастьянова, Покровскаго, Стрыговскаго, архим. Антонина, затѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ археологовъ: Didron, Papety, Müller, Langlois, Neyrat, Voguë, Bayet, Brokhaus, Duschesne и другихъ. Но честь перваго систематическаго изданія и описанія аѳонскихъ древностей безспорно принадлежитъ ученой экспедиціи, предпринятой нашей академіей наукъ въ 1898 году. Результаты экспедиціи оказались чрезвычайно удачными, и въ настоящее время тѣмъ же ученымъ учрежденіемъ изданъ великолѣпный томъ, знакомящій насъ съ драгоцѣннымъ матеріаломъ по исторіи средневѣкового и поздняго византійскаго искусства. Особенно интересны снимки архитектурныхъ деталей, фресокъ, мозаики, окладовъ съ рукописей, иконъ разныхъ живописныхъ школъ, мелкихъ предметовъ христіанскаго церковнаго культа, наконецъ, удивительныхъ по техникѣ сканныхъ и эмалевыхъ подѣлокъ, шитья и лицевыхъ рукописей. Насколько важенъ подобный матеріалъ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что о происхожденіи знаменитаго Мономахова вѣнца, къ которому пріурочено нѣсколько тенденціозныхъ литературныхъ произведеній времени московской централизаціи и вызванныхъ ею политическихъ фикцій,—до аѳонской экспедиціи высказывались самыя смѣлыя гипотезы, и только академику Кондакову удалось установить его несомнѣнную эпоху и родственныя по техникѣ древности. Главный недостатокъ разсматриваемаго труда заключается въ игнорированіи почтеннымъ академикомъ ученыхъ работъ югославянскихъ и румынскихъ археологовъ. Ему остались, напримѣръ, неизвѣстными слѣдующія статьи еписк. Димитрія, „Икона Іована Матеје Басараба“, *Споменик Српск. Крал. Акад.* XXXIII; Dr Athanasie Mironescu. Craioveanu, „O calatoriè in orient“, Bucuresci, 1896; Melchisekec episc. Romanului, „Despre icoanele miraculose de la Athon de provenintâ românâ, *Analele Academiei Române*, vol. VII; его же „O visita la câte-va manastiri si biserici antice din Bucovina“; Teodor I. Burada, „O calatorie la muntele Athos“ in *Revista pentru istorie, archeologie si filologie*, an. I, vol. I и мн. др. Многія славянскія надписи молдавскаго и валашскаго происхожденія прочтены невѣрно, а о нѣкоторыхъ памятникахъ и совсѣмъ не упомянуто.

Н. Покровскій. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства. 2-е дополненное изданіе. Съ 234 рисунками. С.-Петерб. Первое изданіе „Очерковъ памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“, принадлежащихъ перу извѣстнаго археолога профессора С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскаго, вышло въ 1894 г. Оно было встрѣчено благосклонно въ русской и иностранной литературѣ и очень быстро разошлось. Новое изданіе „Очерковъ“ вполнѣ отвѣчаетъ неотложнымъ потребностямъ христіанской археологіи. Цѣль ихъ заключается въ сжатомъ изложеніи результатовъ, достигнутыхъ христіанской археологіей въ области памятниковъ искусствъ и иконографіи, особенно византійскихъ и русскихъ. Въ введеніи почтенный авторъ выясняетъ взглядъ на значеніе христіанской археологіи въ сферѣ изученія быта народовъ. „Христіанство несомнѣнно налагаетъ свой отпечатокъ на жизнь народа и, слѣдовательно, изученіе христіанскихъ памятниковъ помогаетъ въ значительной мѣрѣ уясненію народныхъ идеаловъ. Извѣстно, что вся научная и художественная дѣятельность не только древней Византіи и Руси, но и Грузіи и Арменіи отмѣчена характеромъ

религіозности. Въ области книжной на первомъ мѣстѣ стоятъ церковныя книги, исторія святыхъ, сборники поучительнаго характера, златоструи, пчелы; обученіе ведется по церковнымъ книгамъ; письменностью завѣдуютъ монахи, священники, вообще лица духовныя". Архитектура и живопись имѣютъ религіозную основу,—религія служитъ стимуломъ для искусства. Русская иконографія (какъ и грузинская, скажемъ отъ себя), зодчество и церковная музыка представляли болѣе или менѣе точное повтореніе формъ византійскихъ. Въ свою очередь искусство византійское, представляя собою въ періодѣ расцвѣта амальгаму искусствъ Запада и Востока, приведенную къ художественному единству геніемъ византійцевъ, имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ искусство древне-христіанское, такъ что для уясненія его характера необходимо обращаться къ искусству катакомбъ. А это послѣднее восходитъ своими корнями къ искусству греко-римскому. Ни Самъ І. Христосъ, ни апостолы не установили никакихъ требованій относительно церковнаго примѣненія искусства: оно предоставлено было распоряженію церкви. И когда стала проявляться нужда въ этомъ примѣненіи, то христіане легко могли воспользоваться формами, выработанными въ мірѣ классическомъ. (Дворецъ Нерона, термы Каракаллы, дома Помпеи и пр.). Христіане въ обычной жизни приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ язычниками. Они изучали языческую юриспруденцію, философію, риторику, примѣняя добытыя въ школахъ знанія къ христіанской наукѣ. Нужно, впрочемъ, помнить, что изъ до-христіанской науки и искусства переносилось въ христіанство лишь невинная и притомъ видоизмѣненная форма, въ которую влагалось христіанское содержаніе. Въ виду этой тѣсной связи между памятниками разныхъ эпохъ, авторъ разбиваетъ свой трудъ на три главныхъ отдѣла: въ первомъ онъ разсматриваетъ памятники древне-христіанскаго періода искусства, во второмъ—византійскіе памятники и въ третьемъ—русскіе. Г. Покровскій пользуется предметами нѣкоторыхъ мѣстностей Закавказья (Гелати и пр.). Въ общемъ это трудъ капитальный и полезный для всякаго, интересующагося археологіей. Пользованіе имъ дополняется указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о памятникахъ искусства и иконографіи древне-христіанскихъ, византійскихъ и русскихъ на разныхъ языкахъ.

МЕДИЦИНА.

Р. А. Кацъ. Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей.— *Уетти* (д-ръ). Врачи и паціенты.—*Б. П. Воротынскій.* Истерія въ наукѣ и въ жизни.

Р. А. Кацъ (д-ръ медицины). Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб., 1901 г. Ц. 30 коп. Помимо заболѣваній, свойственныхъ и другимъ возрастамъ, у дѣтей мы встрѣчаемся еще со страданіями глазъ, зависящими отъ чрезмѣрнаго ихъ напряженія, съ которымъ нерѣдко бываетъ сопряжено первоначальное обученіе чтенію и письму. Ясно, поэтому, что глаза дѣтей требуютъ особенно тщательнаго ухода. Первая часть работы д-ра Кацъ—о наблюденіи за внѣшними частями глаза—изглагаетъ довольно обстоятельно признаки наиболѣе частыхъ заболѣваній внѣшнихъ частей глаза, способы лѣченія этихъ заболѣваній и тѣ ихъ симптомы, которые требуютъ немедленнаго вмѣшательства врача. Вторая часть—объ изслѣдованіи зрѣнія—должна быть разработана нѣсколько обстоятельнѣе, такъ какъ многіе изъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ, которые автору, какъ

врачу, кажутся слишкомъ простыми, для человѣка, не получившаго медицинскаго образованія, будутъ далеко не просты. Третья часть—надзоръ за обстановкой занятій—читается легче предыдущихъ. Въ общемъ книжка д-ра Каца, написанная простымъ и понятнымъ языкомъ, разрѣшаетъ довольно удовлетворительно намѣченные ею вопросы.

Угетти (д-ръ). Врачи и паціенты. Переводъ съ итальянскаго, подъ редакціей А. П. Колтоновскаго. Спб., 1901 г. Ц. 75 коп. Книга д-ра Угетти касается въ большинствѣ случаевъ тѣхъ же вопросовъ, что и книга д-ра Вересаева—„Записки врача“, но отношенія авторовъ къ этимъ вопросамъ и способы ихъ обработки у того и у другого совершенно различны. Д-ръ Вересаевъ занимаетъ насъ, главнымъ образомъ, какъ художникъ, а не какъ врачъ; насъ интересуютъ не его медицинскіе взгляды, а тѣ мысли и чувства, которые возникали въ немъ подъ вліяніемъ впечатлѣній окружающей жизни, то, какъ реагировалъ онъ на эти впечатлѣнія, какъ горячо отзывался на вопросы, которые для многихъ врачей, повидимому, вовсе и не существуютъ. Правда, въ книгѣ д-ра Вересаева нѣтъ стройности плана, единства мысли, встрѣчаются противорѣчія; но зато мы находимъ здѣсь столько искренней любви къ людямъ, столько жажды правды, такую силу чувства, что все это невольно захватываетъ душу читателя и не позволяетъ ему оставаться покойнымъ. Совершенной противоположностью книги доктора Вересаева является книга д-ра Угетти. Этотъ авторъ по своимъ чувствамъ, по своимъ взглядамъ средній заурядный человѣкъ—покойный, уравновѣшенный. Д-ръ Угетти многое видѣлъ, многое слышалъ, много читалъ—у него накопился запасъ фактовъ, которые могутъ заинтересовать читателя сами по себѣ, независимо отъ того или иного отношенія къ нимъ самого автора. Книга д-ра Угетти написана стройно, систематично, безъ недомолвокъ, безъ противорѣчій. Она можетъ быть прочитана съ интересомъ, но никогда не вызоветъ къ себѣ того страстнаго отношенія, какое возбудила книга д-ра Вересаева. Эту книгу не будутъ очень хвалить, но не будутъ и очень порицать. Непріятно поражаетъ подробное оглавленіе книги, составленное въ духѣ бульварныхъ романовъ и очевидно разсчитанное на то, чтобы привлечь вниманіе публики.

Б. И. Воротынскій. Истерія въ наукѣ и въ жизни. Публичная лекція. Казань, 1901 г. Ц. 35 коп. Лекція д-ра Воротынскаго представляетъ собою популярное изложеніе вопроса объ истерическомъ темпераментѣ, или истерическомъ характерѣ и о той роли, которую играютъ истеричные субъекты въ жизни. Статья написана простымъ хорошимъ языкомъ и по формѣ изложенія должна быть весьма интересной и вполнѣ доступной для очень широкаго круга читателей. Какъ извѣстно, въ послѣднія десятилѣтія въ изученіи нервныхъ и психическихъ заболѣваній были сдѣланы настолько большіе успѣхи, что въ настоящее время безъ знакомства съ пріобрѣтеніями въ этихъ областяхъ знанія стало уже невозможнымъ ни изученіе криминологіи, ни пониманіе тѣхъ или другихъ сторонъ индивидуальной или общественной психологіи. Поэтому всякая попытка познакомить широкій кругъ читателей съ пріобрѣтеніями невропатологіи и психіатріи въ настоящее время должна считаться вполнѣ своевременной и умѣстной, особенно если она выражена въ такой удачной формѣ, какъ разсматриваемая нами работа д-ра Воротынскаго.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Герои.—*Ш. Кониве.* Дитя моря. — *Л. Лиданова.* Мимолетныя тучки.—*С. И. Лаврентьева.* Въ мірѣ искусства.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Герои. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками К. Н. Чичагова. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1902 г. Ц. 50 коп. Среди мало талантливой дѣтской беллетристики разсказы Н. А. Соловьева-Несмѣлова выгодно выдѣляются теплотою и сердечностью, съ которою они написаны. „Героями“ въ произведеніяхъ названнаго сборника являются дѣти различныхъ возрастовъ и сословій. Фономъ этихъ маленькихъ разсказовъ, или даже скорѣе картинокъ, служитъ изображеніе русской деревни, причемъ авторъ съ такою любовью описываетъ сельскую природу и сельскія удовольствія, что юный читатель невольно проникается тѣмъ же чувствомъ. Авторъ удачно справляется также съ слѣдующей задачей: онъ соединяетъ въ разсказахъ правильность изображенія дѣтской психологіи съ умѣньемъ заинтересовать читателя-ребенка. Эти замѣчанія касаются вообще всѣхъ разсказовъ сборника, но въ особенности ихъ можно отнести къ послѣднему, наиболѣе длинному, носящему заглавіе: „Волчонокъ“. Дружба нѣжной дѣвочки изъ барскаго дома съ удалымъ крестьянскимъ подросткомъ рисуется Соловьевымъ-Несмѣловымъ въ такихъ симпатичныхъ краскахъ, что въ читателѣ пробуждается глубокое сочувствіе къ героямъ разсказа. Разсказы написаны вполнѣ доступно для дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ литературнымъ языкомъ. Изданъ сборникъ изящно.

Шарль Кониве. Дитя моря. Романъ для юношества. Со многими рисунками. Изд. т-ва Сытина. Москва, 1902 года. Цѣна въ папкѣ 50 коп. Сюжетъ романа во вкусѣ Жюля-Верна или Майнъ-Рида, нѣсколько болѣе вѣроятный, менѣе замысловатый, но зато и менѣе интересный. Во время сильной бури пароходъ „Квинстуанъ“ погибаетъ; вмѣстѣ съ нимъ погибаютъ и всѣ пассажиры, за исключеніемъ малютки-мальчика. Спасенный рыбакомъ, онъ вырастаетъ въ его семьѣ; вслѣдствіе безпричинной ненависти къ нему старшихъ сыновей рыбака, „дитя моря“, чуть сдѣлавшись подросткомъ, уходитъ служить на баркѣ моряка. Далѣе описывается рядъ его удачъ и неудачъ. Мальчикъ уноситъ со собою въ море любовь къ старшей дочери рыбака, Розетѣ. Судьба, занимающая столь видное мѣсто въ подобныхъ повѣствованіяхъ, устраиваетъ такъ, что рыбакъ, спасшій мальчика, и его старшіе сыновья тонутъ. Узнавъ объ этомъ, герой романа возвращается и становится защитникомъ осиротѣвшей семьи. Обстоятельства даютъ возможность юношѣ получить хорошій заработокъ, онъ женится на Розетѣ и для нихъ начинается счастливая жизнь. Слишкомъ наивное изображеніе такихъ высокихъ качествъ человѣка, какъ, напримѣръ, любовь, благодарность, храбрость и т. п., не можетъ оставить въ душѣ читателя глубокаго впечатлѣнія.

Л. Лиданова. Мимолетныя тучки. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1902 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к. Этотъ сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, очень недурно изданный, съ хорошими картинками, по своему содержанію не можетъ сдѣлаться любимой книгою дѣтей. Блѣдное изложеніе, растянутая фабула оставляютъ читателя холоднымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ старается его растрогать. Примѣромъ растянутости можетъ служить въ особенности разсказъ: „Мурзилка“, — на 70 страницахъ описывается, какъ пропала и какъ отыскалась кошечка, любимица двухъ

мальчиковъ; думается, что самымъ рьянымъ любителямъ животныхъ разсказъ покажется слишкомъ длиннымъ. „Елочка“ относится къ числу разсказовъ, бьющихъ на чувствительность; въ немъ дѣти найдутъ новыя варіаціи на давно уже избитую тему о рождественской елкѣ, которую срубили близъ одинокой, старой сосны и о томъ, какъ эта елочка стала невольной причиной внезапнаго счастія одного бѣднаго мальчика. Удивительно, какъ дѣтскіе писатели облюбовали этотъ сюжетъ! Между тѣмъ, послѣ поэтической обработки его Андерсеномъ никто не написалъ лучшаго. Сравнительно недурнымъ разсказомъ намъ показался „Колька“. Въ немъ изображенъ типъ пытливаго мальчугана, въ которомъ проснулась потребность учиться.

С. И. Лаврентьева. „Въ мірѣ искусства“ и другіе очерки. Со многими рисунками и портретами въ текстѣ. Изд. И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. В. Тулупова. М., 1901 г. Цѣна 60 коп. Въ нашей дѣтской литературѣ, за исключеніемъ, пожалуй, нѣсколькихъ журнальныхъ статей, нельзя указать почти ни одного популярнаго очерка по исторіи древняго и новаго искусства; и этотъ пробѣлъ прекрасно восполняется небольшой книжкой С. И. Лаврентьевой. Очеркъ написанъ вполнѣ литературно, разсказъ ведется занимательно и доступно для дѣтскаго пониманія. Въ основѣ его лежитъ не потерявшій и до сихъ поръ значенія почти классическій трудъ Ф. Куглера „Руководство къ исторіи искусства“, давно извѣстный также и въ русскомъ переводѣ, изданномъ покойнымъ К. Т. Солдатенковымъ. Свой очеркъ по исторіи архитектуры авторъ начинаетъ съ первыхъ попытокъ человѣческихъ построекъ на сушѣ, затѣмъ знакомитъ читателя съ архитектурой древнихъ народовъ Востока, классической эпохи, съ памятниками древне-христіанскаго и византійскаго строительнаго искусства и заканчиваетъ эпохой Возрожденія, которой, впрочемъ, дано нѣсколько неточное заглавіе: „Новое искусство“ (стр. 46). Къ сожалѣнію, старинное русское зодчество представлено довольно слабо, въ самыхъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ (глава X). Изъ другихъ статей, вошедшихъ въ эту же книгу, обращаетъ на себя вниманіе интересная повѣсть изъ эпохи Возрожденія „Ночь“, гдѣ дѣйствующими лицами являются лучшіе представители итальянской поэзіи, живописи и скульптуры временъ Возрожденія. Книга обильно иллюстрирована, издана опрятно, и цѣна ей назначена крайне дешевая.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія В. Спиридонова. А. В. Кругловъ. Серія разсказовъ: „Господа крестьяне“. 1) Бабай. Ц. 10 к. 2) Шалыганъ. Ц. 15 к. 3) Пріятный мужикъ. Ц. 15 к. 4) На господскую ногу. Ц. 25 к. 5) Степанъ Бѣлыхъ. Ц. 15 к. 6). Генеральскій Прохоръ. Ц. 20 к. 7) Пчела. Ц. 20 к. 8) Умственный мужикъ. Ц. 15 к. 9) Деревенскія модницы. Ц. 15 к. 10) Варулъ и Онуфрій Ц. 15 к. (Тѣ же разсказы въ одномъ томѣ). Изд. 2-е. М., 1902 г. Ц. 1 руб. 50 к. Г. Кругловъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ хорошихъ книжекъ для дѣтскаго чтенія. Книжки эти охотно читаются дѣтьми и выдержали по нѣскольку изданій. Пробовалъ г. Кругловъ свои силы и въ народной литературѣ, хотя и не такъ удачно. Пять лѣтъ тому назадъ имъ изданъ небольшой томикъ очерковъ и разсказовъ изъ деревенской жизни, незамысловатыхъ по содержанію и по замыслу, но написанныхъ хорошимъ языкомъ. Почти всѣ разсказы, вошедшіе въ книжку г. Кру-

глова, вышли въ 1899 и 1902 гг. отдѣльными изданіями и допущены ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. во всѣ библіотеки, читальни и школы; значитъ, они получатъ болѣе или менѣе широкое распространеніе. Имя автора и фактъ допущенія книгъ въ библіотеки заставляетъ насъ остановиться на этихъ книжкахъ нѣсколько дольше и по возможности выяснить по нимъ, такъ сказать, общественно-литературную физіономію автора.

Въ своихъ книжкахъ г. Кругловъ рисуетъ типы крестьянъ, какъ положительные (съ его точки зрѣнія), такъ и отрицательные. У автора есть запасъ наблюденій, которыя придаютъ очеркамъ г. Круглова нѣкоторую жизненность. Таковъ, наприм., *Варулъ и Онуфрій* (книжка № 10). Такіе типы извѣстны всѣмъ. Онуфрій—„цѣльная поэтическая натура, ничѣмъ не отравленная, ничѣмъ не испорченная“; онъ живетъ и дышитъ природой, постоянно носится въ мірѣ грёзъ и пѣсенъ, это мечтатель-идеалистъ, и такъ какъ онъ неграмотенъ, то устная словесность замѣняетъ ему письменную. Варулъ, напротивъ,—„матеріалистъ, разобщенный съ природою, но тоже одаренный поэтическимъ складомъ натуры“. Варулъ—читатель, но сказывается на немъ „вліяніе уличной прессы и фальсифицированной поэзіи“. Также умный типъ, взятый прямо изъ жизни, герой разсказа *Шалыганъ*,—пустой, хвастливый и суетливый мужиченко, который все знаетъ и можетъ на словахъ, а самъ ни съ мѣста. Тоже взятъ прямо изъ жизни герой разсказа *Пріятный мужикъ*. Это типъ деревенскаго дипломата-подлизы, который подлаживается къ господамъ, „дѣлаетъ умильное лицо передъ ними, точно ему чинъ дали, а въ душѣ клянетъ ихъ“. Онъ честолюбивъ, а по своему даже самолюбивъ. Ему лестно, что господа не гнушаются имъ и „ведутъ съ нимъ компанію“, которая ему не столько пріятна, сколько выгодна. Дышитъ жизнью и разсказъ *На господскомъ положеніи*, гдѣ авторъ выводитъ деревенскаго богатѣя, который гонится всѣми способами за внѣшностью „господской“ культуры: онъ читаетъ книжки, выписываетъ газеты, обучаетъ дочь свою французскому языку и игрѣ на фортепіано, но въ то же время бьетъ жену, старика-отца держитъ на задворкахъ, а своимъ братомъ-мужикомъ гнушается. Въ разсказѣ *Деревенскія модницы*, авторъ обличаетъ погоню деревенскихъ бабъ и дѣвокъ за нарядами, но дѣлаетъ это не безъ утрировки; наприм., онъ выводитъ старуху-мать, которая проситъ милостыню, чтобы купить дочери дорогую шляпку и т. п. Всѣ эти разсказы въ общемъ недурны, хотя написаны блѣдновато и растянуто, а главное, иногда авторъ впадаетъ въ какой-то особенный поучительный тонъ и вкладываетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ длинныя поученія, наводящія на читателя скуку. Поучаетъ авторъ весьма дипломатично; онъ не высказываетъ эти поученія отъ своего имени; онъ, авторъ, лишь подаетъ реплики другимъ персонажамъ, которые и поучаютъ читателя, а самъ авторъ только намекаетъ читателю, что онъ съ поучительными рѣчами не вполнѣ согласенъ. Но такъ какъ читатель не слышитъ самыхъ возраженій отъ автора, то реплики его пропускаются мимо ушей, а поучительныя рѣчи, размазанныя на цѣлыхъ страницахъ, „втемяшиваются“ поневолѣ. Такого рода дипломатическій пріемъ автора, несомнѣнно, долженъ быть поставленъ ему въ вину. Давно бы пора господамъ авторамъ перестать стряпать поучительныя книжки для народа, а такого сорта двойственныя поученія и тѣмъ болѣе. Этотъ недостатокъ еще замѣтнѣе въ тѣхъ книжкахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ и которыя даютъ довольно ясное представленіе объ общественно-культурныхъ взглядахъ автора.

Прежде всего читателю бросается въ глаза нѣсколько странное и довольно-таки ироническое названіе серіи: *Господа-крестьяне*. Почему г. Кругловъ называетъ крестьянъ господами? Всякій, кто мало-мальски присматривался къ крестьянской жизни за послѣднія 10 лѣтъ, хотя бы со временъ извѣстной голодовки 1891—1892 гг. и кто хоть немножко знакомъ съ юридическими новеллами, созданными спеціально для крестьянъ (наприм., новелла 1899 г., законъ о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы и т. п.), тотъ невольно спроситъ себя: какіе же господа—наши крестьяне? Такъ называть ихъ можно лишь въ насмѣшку, и, думается намъ, по нынѣшнимъ временамъ врядъ ли умѣстную. Правда, со страницъ *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей* нерѣдко раздаются до сего времени голоса, объявляющіе крестьянъ „господами господъ“, а господъ—рабами крестьянъ, но съ этими голосами г. Кругловъ, насколько намъ извѣстно изъ его предыдущей литературной дѣятельности, ничего общаго не имѣетъ и въ крѣпостническихъ тенденціяхъ заподозривать его было бы, повидимому, ошибкой. Или г. Кругловъ выводитъ въ своей серіи лишь *отрицательные* типы крестьянъ, надъ которыми не мѣшаетъ посмѣяться? Знакомясь съ серіей, читатель видитъ, что это не такъ. Г. Кругловымъ выведенъ цѣлый рядъ типовъ, которыхъ онъ считаетъ положительными. Или г. Кругловъ просто-на-просто недостаточно обдумалъ названіе серіи и прельстился его хлесткостью? Если это такъ, то онъ поступилъ по меньшей мѣрѣ опрометчиво, такъ какъ подъ хлесткимъ и ироническимъ названіемъ всѣ его очерки пріобрѣтаютъ особенную окраску и читатель начинаетъ смотрѣть на нихъ подъ извѣстнымъ угломъ. Но не только названіе серіи производитъ странное впечатлѣніе. Изъ цѣлаго ряда книжекъ читатель выноситъ не менѣе странное впечатлѣніе о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ автора. Возьмемъ, наприм., разсказъ *Бабай*. Бабай (онъ же Тихонъ Бабаевъ)—типъ трудолюбиваго, зажиточнаго крестьянина, желающаго жить своимъ умомъ, стоять на своихъ ногахъ и быть свободнымъ и независимымъ. О себѣ Бабай говоритъ такъ: „Ничего что мужикъ, а я самъ себѣ баринъ“ (стр. 8). „Баръ, говоришь, я не люблю? А чего мнѣ ихъ не любить? А только не охочь я юлить передъ ними. Чего мнѣ ихъ обхаживать, да въ глаза имъ смотрѣть? Было время, да прошло, когда волей-неволей медвѣдемъ ученымъ плясали по ихъ дудкѣ... Полно! Теперь мужикъ—мужикомъ, а баринъ—бариномъ. Оба сами себѣ баре. Что мнѣ помѣщикъ? Я его и знать-то не хочу! На что онъ мнѣ? Я окромя самого себя никому не слуга. Наймите—сработаю опять-таки для себя, и все же не крѣпостной, а вольный человѣкъ“ (стр. 12—13). Въ этихъ словахъ типъ Бабая опредѣляется достаточно. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, какъ Бабай охраняетъ свое человѣческое достоинство, охраняетъ упорно, настойчиво, по своему разумѣнію, „своими средствами“, не подкупаясь матеріальными выгодами, связанными съ потерей человѣческаго достоинства. Бабай какъ-то обругалъ управляющаго-нѣмца, который, по словамъ помѣщика, „хозяйство зналъ прескверно“. Мировой предлагаетъ Бабаю примириться и извиниться. Бабай не считаетъ нужнымъ извиняться и отсиживаетъ, что̀ слѣдуетъ, въ кутузкѣ. Этотъ поступокъ Бабая, человѣка не настолько зажиточнаго, чтобы не дорожить потерянным днемъ, авторъ объясняетъ не чѣмъ инымъ, какъ „самолюбіемъ“ (стр. 3). Поступокъ этотъ не внушаетъ автору симпатіи къ Бабаю. Это очень характерная черточка. Изъ очерка не видно, почему Бабай обругалъ нѣмца-управляющаго: потому ли, что это управляющій, или потому, что это нѣмецъ. Судя по послѣдующему изложенію, можно думать первое (Бабай при каждомъ

удобномъ и неудобномъ случаѣ старается не сбивать цѣну за свой трудъ). Есть въ Бабаѣ еще черточка, свойственная за послѣднее время очень многимъ Бабаямъ и совершенно правильно отмѣченная г. Кругловымъ; она видна изъ слѣдующихъ словъ Бабая: „Никакой гордости во мнѣ нѣтъ, а только, значитъ, я человѣкъ свободный. Эхъ, да пустое все мы съ тобой (бариномъ) толкуемъ! Ты пріятель Петра Петровича (помѣщика), и *сословія съ нимъ одного*, тебѣ это и не по нраву. Оно вѣстимо *вамъ* бы удобнѣе было, чтобы мужикъ попрежнему въ крѣпости пребывалъ,—да нѣтъ, что прошло, то миновало“... Вопросъ поставленъ ясно и открыто. Но авторъ не понимаетъ своего героя, и непониманіе идетъ такъ далеко, что на стр. 15 онъ аттестуетъ Бабая „переходнымъ типомъ“, который „пока (sic) *очень не симпатиченъ*“. Хорошо это „пока“. Очевидно, авторъ думаетъ, что съ такими типами все еще „надо погодить“. Почему же типъ Бабая очень несимпатичный? Г. Кругловъ вдругъ раскрываетъ передъ читателемъ, что онъ—„баринъ въ шляпѣ“ и пренаивно объясняетъ, что съ Бабаями „очень трудно имѣть дѣло“. И вотъ почему: „Бабай грубъ, дерзокъ“; „у Бабая все перепуталось—и хорошее, и дурное, и послѣднее въ жизни даетъ себя чувствовать сильнѣе“. Такъ разсуждаетъ г. Кругловъ. Напрасно онъ не вложитъ этихъ словъ въ уста какому-нибудь помѣщику: тамъ эти слова звучали бы логичнѣе. Но не надѣясь, что читатель уразумѣетъ, что такое это „худое“ въ Бабаѣ, авторъ даетъ цѣлый рядъ иллюстрацій, почему съ Бабаемъ трудно имѣть дѣло: „вы ѣдете, напримѣръ, по сельской дорогѣ, узкой, малоудобной, ѣдете въ *рессорномъ* экипажѣ; на встрѣчу вамъ ѣдетъ Бабай—*не ожидайте, что онъ вамъ дастъ дорогу* (но вѣдь вы, г. Кругловъ, не земскій же начальникъ!) Или вы ѣдете въ вагонѣ—не ждите, никакой уступки (sic) отъ Бабая ни себѣ, ни вашей ни женѣ, ни дочери“. Далѣе слѣдуютъ такіе же убѣдительные примѣры, не менѣе курьезно иллюстрирующіе „несимпатичность“ Бабая. Г. Круглову очень не нравится, что свою мысль, свое настроеніе Бабай выражаетъ „грубо и аляповато“: но гдѣ же ему научиться изяществу и деликатному обращенію съ дамами? Правда, г. Кругловъ выражаетъ надежду, что Бабаи „такіе будутъ не всегда“ и что они „со временемъ сдѣлаются лучшими крестьянами“, но обусловливаетъ наступленіе этого времени очень страннымъ образомъ: время это наступитъ, по его словамъ, тогда, когда Бабаи „будутъ думать иначе“. Да вѣдь думая „иначе“, Бабаи перестанутъ быть Бабаями... Изъ предыдущаго видно, что очерки г. Круглова весьма интересны для характеристики не только Бабаевъ, но и самого автора. Желателенъ ли этотъ очеркъ для народныхъ библіотекъ? Безусловно желателенъ. Прочтя его, читатель изъ народа вынесетъ изъ чтенія совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать авторъ. Люди мало-мальски знающіе читателя изъ народа, безъ труда поймутъ, что этотъ читатель не станетъ считать Бабая очень „несимпатичнымъ“, а надъ разсужденіями автора о рессорныхъ экипажахъ искренне посмѣется и скажетъ: „Ишь чего захотѣлъ!“ Именно зная то впечатлѣніе, какое производитъ эта книжка на читателя, мы даже усиленно рекомендуемъ ее. Быть можетъ, отношеніе автора къ Бабаю объясняетъ, почему серія разсказовъ получила ироническое названіе „Господа-крестьяне“ (въ книжкѣ очеркъ „Бабай“ стоитъ на первомъ мѣстѣ). Г. Кругловъ смотритъ на Бабаевъ сверху внизъ, совершенно какъ бы забывая, что у Бабаевъ могли бы кой-чему поучиться не только герои другихъ очерковъ, но даже очень многіе представители „чистой публики“, которая, какъ извѣстно, охраняетъ свое

человѣческое достоинство куда похуже Бабая и изъ-за благъ экономическихъ больно ужъ легко жертвуетъ всякими другими.

Для характеристики взглядовъ автора интересенъ очеркъ „Генеральскій Прохоръ“. Этотъ очеркъ написанъ на чрезвычайно избитую тему о мужицкой неблагодарности. Такова не только основная идея разсказа, но въ книжку введенъ и цѣлый рядъ добавочныхъ эпизодовъ, аттестующихъ мужицкую благодарность съ самой дурной стороны (стр. 8, 9, 15). Въ разсказѣ „Генеральскій Прохоръ“ два героя: „неисправимый идеалистъ“ генералъ Беклемишевъ и мужикъ Прохоръ „такой жохъ, что поди“, какъ выражается о немъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа. Генералъ живетъ у Прохора на дачѣ и платитъ ему за дрянную дачу, по добротѣ сердечной, сто рублей вмѣсто сорока. Прохоръ, разумѣется, всячески эксплоатируетъ идеалиста; генералъ даетъ Прохору тысячу рублей на перестройку дачи, въ разсрочку на десять лѣтъ. На этотъ разъ „идеалистъ“ не прочь попользоваться чѣмъ-нибудь отъ „жоха“; генералъ увѣренъ, что за хорошую дачу, стоящую 200 р., онъ будетъ платить попрежнему тѣ же сто. Но Прохоръ разсуждаетъ не такъ: ему уже даетъ за новую дачу какой-то „дилехторъ банка“ цѣлыхъ 200 р. Возникаетъ и юридическій, и этическій вопросъ, кто правъ? Симпатіи г. Круглова всецѣло на сторонѣ генерала, хотя онъ и замѣчаетъ мелькомъ къ концѣ разсказа, что поступокъ Прохора „объяснимъ“. Но вѣдь вопросъ идетъ въ данномъ случаѣ не о „необъяснимости“ (нѣтъ въ мірѣ дѣйствія безъ причинъ), а объ оцѣнкѣ мужика, какъ существа неблагодарнаго. Чтобъ еще болѣе подчеркнуть эту его сторону, авторъ вкладываетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ ноты, напоминающія публицистику извѣстнаго сорта: „Мужикъ нашъ совсѣмъ не есть то, что выходитъ изъ статей иныхъ современныхъ господъ сочинителей... не есть онъ сосудъ добродѣтели“ (стр. 7). Этимъ сосудомъ оказывается въ разсказѣ генералъ Беклемишевъ, а отчасти о. Іона, да и самъ авторъ. Пишущій эти строки давалъ читать этотъ разсказъ г. Круглова крестьянамъ, и предложилъ имъ въ заключеніе вопросъ: „Кто правъ— Прохоръ или генералъ?“—„Что генералъ! отвѣчали читатели. Ему хоть деньги и легко дались, а все же съ Прохора хотѣлъ свою выгоду получить“. А на счетъ „благодарности“ читатели выразились еще опредѣленнѣе: „Они-то больно къ намъ благодарны“. Разсказъ вызвалъ очень интересный обмѣнъ мыслей и разговоры, въ которыхъ выяснилось, что книжка г. Круглова вызываетъ въ читателяхъ эффекты, не имѣющіе ничего общаго съ тенденціями автора, и поэтому ее необходимо считать безусловно желательной гостьей въ народной библіотекѣ.

Переходимъ къ такимъ типамъ „господъ-крестьянъ“, къ которымъ г. Кругловъ относится какъ къ положительнымъ. Такихъ типовъ по меньшей мѣрѣ два: „Пчела“ и „Умственный мужичокъ“. Типъ „пчелы“, т.-е. трудолюбиваго и старательнаго мужичка, вырисовывается въ слѣдующихъ словахъ одного добраго батюшки (у г. Круглова всѣ батюшки всегда добродушные): онъ „какъ пчела трудится, ну и улей устроенъ, и медокъ ѣсть“. Чтобы иллюстрировать общественное значеніе этого типа, батюшка прибавляетъ: „Вотъ все пишутъ въ газетахъ, что бѣднота да бѣднота въ деревнѣ. Это такъ, а только побольше бы пчелъ да поменьше трутней, *не то бы было*. „Кто *силъ не жалѣетъ*, и себя соблюдаетъ, тотъ и живетъ исправно“. „Кто пчела, тому *всетаки* жить можно“, подтверждаетъ слова священника другое дѣйствующее лицо разсказа. Это „всетаки“ очень характерно. Мы внимательно прочли всѣ книжки серіи г. Круглова, но не увидѣли изъ нихъ, что̀ слѣдовало бы

сдѣлать, чтобы въ деревнѣ не однимъ трутнямъ жилось хорошо. Г. Кругловъ твердо вѣруетъ въ солидныя добродѣтели личности, твердо исповѣдуетъ теорію „надо погодить“, а такъ какъ она не всегда утѣшаетъ его, то въ подмогу къ этой теоріи выдвигается другая, въ силу которой каждый человѣкъ долженъ быть „малымъ доволенъ“. Пчела трудится выше силъ, оборачивается—и ладно. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ г. Круглова такъ говоритъ: „Конечно, мужика жизнь не Аркадія, а *все же* пчела вродѣ Ермолая оборачивается“ (стр. 38). Значитъ, довольно съ нихъ. Баринъ очень доволенъ „пчелой“, а пчела блюдетъ интересы барина и энергично бранитъ нерадивыхъ слугъ: „аспиды! Нешто такъ служатъ? Жалованье получаете, а о хозяйскомъ добрѣ не радѣете! Все это Пстька мутитъ...“ (стр. 20). Въ томъ же разсказѣ у г. Круглова фигурируютъ двое юношей, читавшихъ ученыя книжки; они отваживаются даже обсуждать законы, которые, какъ выражается г. Кругловъ, „непригодны, по ихъ мнѣнію, для народа“, (стр. 11). Дядюшка помѣщикъ набрасывается на юношей и начинаетъ доказывать, что „вамъ за *охота* разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ вы не имѣете никакого представленія? На все будетъ время!...“ „Жизнь не то, что книжка. А вашъ братъ начитается книжекъ, да и разводитъ философію“ (стр. 15). Разумѣется, самъ дядюшка тоже разводитъ философію, но только свою собственную, не книжную. Въ концѣ книжки одинъ изъ юношей, самъ авторъ, г. Кругловъ, съ сокрушеніемъ сердца сознается (стр. 26), что дядюшка былъ правъ, что выше книгъ—жизнь, которая дала ему *хорошій урокъ* и что умъ автора „осудилъ далекихъ лѣтъ наивныя мечтанья“ и, надо полагать, рѣшилъ, что „пчелы“ куда удобнѣе и симпатичнѣе, чѣмъ какіе-то тамъ Бабаи.

Другой положительный типъ у г. Круглова—умственный мужичокъ, старый деревенскій лавочникъ Пахомъ. Объ этомъ типѣ авторъ прямо говоритъ, что онъ ему „симпатичнѣе многихъ“ (стр. 31). Лавочникъ Пахомъ—любитель чтенія и распространитель книгъ. Имъ даже недоволенъ земскій начальникъ: „Мужикъ, торгашъ, говоритъ онъ про Пахома, а лѣзетъ въ какіе-то Меѳодіи... просвѣщаетъ мужичье газетами, книгами“. Но авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ земскаго начальника, на томъ основаніи, что „какой бы ни былъ свѣтъ, лишь только былъ бы свѣтъ“. Врядъ ли съ такимъ шаблоннымъ возраженіемъ можно согласиться, но, во-первыхъ, авторъ „доволенъ малымъ“, а, во-вторыхъ, Пахомъ и вправду распространяетъ *Свѣтъ*, т.-е. газету *Свѣтъ* (стр. 19), а также *Петербургскій Листокъ*, житье Скобелева, Суворова и т. п. и при этомъ наставляетъ читателей: „книга—не забава! Книга—великое дѣло! Читай—и лучше дѣлайся! Вотъ оно что!“ А когда Пахома спрашиваютъ, зачѣмъ онъ даетъ читать фельетоны *Свѣта*, о „пьяныхъ цыганкахъ и мазурикахъ“, Пахомъ, ничто же сумняшеся, отвѣчаетъ: „Пущай читаютъ, все же лучше, чѣмъ винище лопать“. Но между прочимъ, Пахомъ даетъ читать, болѣе или менѣе случайно, и хорошія книги (томики Тургенева, Некрасова и Кольцова). Очень характерна для иллюстраціи Пахома такая черточка: ему пришелся очень по душѣ разсказъ Л. Толстого „Свѣчка“. Пахомъ даже не согласенъ съ батюшкой, который осуждаетъ огульно всѣ сочиненія „раскольника“ и „антихриста“ (стр. 18). Почему же нравится Пахому эта книжка? Потому что чрезъ нее проведена яркой линіей идея смиренія.

Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ и разсказъ „Степанъ Бѣлыхъ“. Герой этого разсказа—старикъ, воспитавшійся при крѣпостномъ правѣ; онъ хотя отрицаетъ его въ принципѣ, но крѣпко стоитъ „за страхъ, за узду“. Тенденціи Бабаева ему не нравятся. „Съ волей

жить надо умѣючи", говоритъ онъ и, во имя страха и узды, даже защищаетъ розгу. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ не только объясняетъ типъ Степана, но даже оправдываетъ его, впрочемъ, довольно страннымъ способомъ: „Развѣ мы, напримѣръ, говоритъ нѣкій интеллигентъ (sic), можемъ жить безъ палки? Она, братъ, всякому нужна, эта палка или узда, иначе сказать. У каждаго своя. У кого она прямо палка, у кого въ видѣ принципа, закона высшаго" и т. д. (стр. 14). Изъ этой цитаты видно, что не только въ головѣ интеллигента, но и въ головѣ автора—большая каша.

Авторъ нѣсколько разъ говоритъ о себѣ въ своихъ книжкахъ, какъ о наблюдателѣ и изслѣдователѣ русской жизни. Мы не желаемъ умалять его заслугъ въ этомъ отношеніи; мы даже согласны, что то, что онъ описываетъ, онъ видѣлъ своими глазами; но тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ думать, что многаго и многаго въ русской жизни г. Кругловъ не только не видѣлъ, не видитъ, но даже и не способенъ видѣть. Бабаевъ становится все больше и больше, они занимаютъ опредѣленное положеніе въ деревнѣ и даже начинаютъ заявлять свои требованія ко всему деревенскому укладу. Г. Кругловъ этого не замѣчаетъ, а если бы и замѣтилъ, то отнесся бы къ этому знаменательному явленію русской жизни отрицательно, исходя изъ своей теоріи, что съ Бабаями надо погодить". Русская жизнь выдвигаетъ изъ народной среды не только читателей, но и начетчиковъ, и мыслителей, своихъ собственныхъ интеллигентовъ, думающихъ упорно и настойчиво „свою собственную думу". Г. Кругловъ стоитъ да стоитъ у лавочки Пахома и умильно называетъ его „однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ". Русская жизнь отрицаетъ палку Степана Бѣлыхъ во имя принципа, а г. Кругловъ вставляетъ въ свои книжки длинную рацею о нѣкоторомъ сходствѣ принципа и палки. Народная мысль, анализирующая, творческая, „взыскующая града"—для г. Круглова словно не существуетъ, а его теорія „лучше нѣчто, чѣмъ ничто", по нашему глубокому убѣжденію, вноситъ въ души читателей лишь большую путаницу понятій и располагаетъ къ самымъ некрасивымъ компромиссамъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы не можемъ не отнестись къ твореніямъ г. Круглова иначе, какъ отрицательно и во всякомъ случаѣ рекомендуемъ обращаться съ ними съ осторожностью.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1902 г.

Акинфіевъ, И. Я. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Изд. 3-е испр. и доп. Екатеринославъ, 1902 г. Ц. 40 к.

Антоновичъ, Ип. Настроенія. Очерки и разсказы. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, М. Задачи современной критики. Изд. „Посредника“. М., 1902 г. Ц. 15 к.

Барона Мюнхгаузена разсказы объ его удивительныхъ приключеніяхъ и походахъ въ Россіи и др. странахъ. Пер. и введеніе З. А. Венгеровой. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

Битнеръ, В. На рубежѣ столѣтій. Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и культурныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. Изд. П. Сойкина. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. 4 т. Главн. теченія въ литературѣ XIX в. Пер. съ датск. подъ ред. М. В. Лучицкой. Подп. ц. за 12 т. 5 р. Кіевъ, 1902 г.

Брокгаузъ и Ефронъ. Малый энциклопедическій словарь. Вып. XII. Спб., 1902 г.

Бродовскій, И. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса, 1902 г. Ц. 30 к.

Будринъ, П. Частное землевладѣніе. Ч. I, вып. I. Варшава, 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.

Бѣлый. А. Симфонія. Изд. книгоизд. „Скорпіонъ“. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Весновскій, В. А. Спутникъ туриста по Уралу. Екатеринбургъ, 1902 г. П. 60 к.

Вопросы воспитанія и обученія. Изданіе Д. И. Тихомирова. М., 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вундтъ, В. Система философіи. Пер. съ нѣм. А. М. Водене. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Галанинъ, Дм. Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ. М., 1902 г. Ц. 20 к.

Гергуни, Роб. Врачи и больные. Практ. совѣты тѣмъ и другимъ. Пер. съ нѣм. Д. Михайловскаго, подъ ред. К. Скурховича. М., 1902 г. Ц. 60 к.

Гиппіусъ, З. Третья книга разсказовъ. Изд. А. Е. Колпинскаго. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.

Горбуновъ - Посадовъ, И., и Лукьянская, В. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія „Другъ животныхъ“. Ч. I. М., 1902 г. Ц. 85 к.

Гнѣдичъ, П. Антиподъ и друг. разсказы. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грековъ, Ѳ. В. О первоначальномъ воспитаніи и обученіи дѣтей и о гигіенѣ юношества. М., 1902 г. Ц. 35 к.

Гречинскій, д-ръ. Фотографія. Элементарный самоучитель фотографіи для любителей. Съ 105 рис. Каменецъ - Подольскъ, 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюго, В. „Несчастные“. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Де-Норвенъ, А. Американскіе милліардеры. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д'Эйхталь, Е. Алексисъ Токвиль и либерал. демократ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Денъ, В. Э. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Т. I и II, ч. 2-я. М., 1902 г. Ц. 4 р. 50 к.

Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Ворон. губ. лѣтомъ 1901 г. Изд. воронежскаго губ. земства. Воронежъ, 1902 г. Ц. 60 к.

„Дерев. хоз. и дерев. жизнь“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова: 1) Объ уходѣ за копытами лошади. Ц. 2 к. 2) Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамскаго у. Ц. 2 к. 3) Какъ построить крестьянскую кирпичную избу. Ц. 6 к. 4) Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Ц. 6 к. 5) О молочномъ дѣлѣ въ крестьянск. хозяйствѣ. Ц. 3 к. М., 1902 г.

Дживелеговъ, А. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Длусскій, К. М. Въ благопріятной средѣ. Спб., 1902 г.

Доде, Коппэ, Виггинъ, Уйда. Разсказы „Майскій цвѣтокъ". М., 1902 г. Ц. 55 к.

Друммондъ, В. Дитя, его природа и воспитаніе. Пер. съ англ. А. Г. Каррикъ и С. Л. Федоровичъ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Дѣдловъ, В. Л. Школьныя воспоминанія. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Ґэджонъ, А. Искусство долго жить. Перев. съ англ. д-ра А. Нѣманскаго. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Елпатьевскій, С. Савелій. Разсказъ. М., 1901 г. Ц. 3 к.

Живая старина. Період. изд. отдѣленія этнографіи Импер. русск. геогр. об-ва. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. В. III—IV. Спб., 1901 г. Ц. 3 р.

Жуковскій, В. Сочиненія. Въ 2-хъ т. Подъ ред. А. Д. Алферова.

Загоровскій, А. Курсъ семейнаго права. Одесса, 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зангвилль, И. Трагедіи Гетто. Пер. съ англ. Изд. ред. „Восхода". Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ, Г. И. Начальный курсъ географіи. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.

К. О. Н. (Феликсъ Конъ). Сказки изъ сибирской дѣйствительности. Изд. книжн. маг. П. И. Макушина. Томскъ, 1902 г. Ц. 40 к.

Каменскій, И. В. Панславизмъ, панgermанизмъ и панроманизмъ въ XX в. Одесса, 1902 г.

Карабчевскій, Н. Рѣчи. Изд. 2-е дополн. 1882—1902 гг. Спб., 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Качіони, С. Въ дебряхъ Крыма. Изд. Л. Шарбера. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Кислинскій, Н. Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Т. I и II. Спб., 1902 г.

Клейнъ, К. Подъ громомъ пушекъ. Разсказы - воспоминанія изъ франко-прусской войны 1870 г. Пер. съ нѣм. С. А. Порѣцкаго. Съ рис. М., 1902 г. Ц. 80 к.

Кобельтъ, В. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодн. и умѣр. поясахъ сѣвернаго полушарія. Вып. 1-й. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1902 г. Подп. цѣна за 5 вып. 8 р. 50 к.

Кольцовъ, А. В. Избранныя стихотворенія (1809—1892). Кн. 1 и 2. Изд. 2-е И. Ѳ. Жиркова. М., 1902 г. Цѣна по 5 к.

Коссовичъ, П. С. Отчетъ с.-хоз. химической лаботаторіи мин. земл. и госуд. имущ. въ С.-Петерб. Вып. III. Спб., 1901 г.

Краткій очеркъ дѣятельности вятскаго земства по народному образованію за 1896—1900 гг. Вятка, 1901 г.

Крепелинъ, К. Природа въ саду. Бесѣды о животномъ и растит. мірѣ сада. Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Съ 28 рис. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

Крживицкій, Л. Психическія расы. Опытъ психолог. народ. Съ 16 иллюстр. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кроуфордъ, М. Донъ-Жуанъ. Пер. съ англ. подъ редакц. съ введеніемъ и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Изд. картограф. заведенія А. Ильина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Кн. 1, 2, 3. Изд. 2-е И. Ѳ. Жиркова. М., 1902 г. Цѣна по 5 к.

Лендеръ, Н. Н. Разсказы Путника. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Лернеръ, О. Одесская старина. Историческіе очерки. Одесса, 1902 г.

Линдеманъ, К. Общія основы энтомологіи. Съ 1080 фигурами на 323 рис. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1902 г. Ц. 4 р. 25 к.

Липскій. Цѣны на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на с.-хоз. работы. Изд. А. Новикова. Спб., 1902 г. Ц. 80 к.

Лозанскій, М., и Протопоповъ, Д. Справочная книга о законахъ для крестьянина. 2-е изданіе. М., 1902 г. Ц. 15 к.

Лукьянская, В. Разсказы изъ исторіи Греціи. Изданіе „Посредника". М., 1901 г. Ц. 40 к.

Любичъ, Е. Изъ жизни. Разсказы и наброски. Изд. Г. Н. Каранта. Одесса, 1902 г. Ц. 50 к.

Майковъ, В. Н. Сочиненія. Въ 2-хъ т. Кіевъ, 1902 г. Ц. 2 р.

Марлинскій, А. 1) Замокъ Нейгаузенъ. 2) Кровь за кровь. А. С. Суворина. Спб. Ц. 15 к.

Матеріалы для исторіи экономич., юридич. и общ. быта старой Малороссіи, издаваемые подъ редакц. Н. П. Василенка. Вып. I. Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Нѣжинск. полка 1729—1730 гг. Черниговъ, 1901 г. Ц. 1 р.

Матеріалы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Вяземскій уѣздъ. Ч. I. Смоленскъ, 1902 г.

Меркель, Ад. Юридическая энциклопедія. Перев. Ф. К. Зейделя, подъ ред. В. М. Грибовскаго. Изданіе юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Метерлинкъ, М. Жизнь пчелъ. Спб., 1902 г. Ц. 80 к.

Мижуевъ, П. Передовая демократія современнаго міра. Англ. колонія. „Новая Зеландія". Изд. Ц. Крайзъ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Молоствовъ, Н. Борецъ за идеализмъ (слово правды о А. Л. Волынскомъ). Рига, 1902 г. Ц. 1 р.

Мочульскій, В. Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. Одесса, 1902 г.

Мякотинъ, В. Изъ исторіи русскаго общества. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1902 г. Ц. 2 р.

„Народный университетъ". Происхожденіе и значеніе денегъ. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

„Народный университетъ". Чудеса электричества. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. 4 т. Кіевъ, 1902 г. Подп. ц. за 12 т. 5 руб.

Обзоръ коммерч. дѣятельн. Юго-Запад. жел. дорогъ за 1900 г. Кіевъ, 1902 г.

Обзоръ сельск. хозяйства Полтавской губерніи за 1899 и 1900 гг. Полтава, 1901 г.

Общее обозрѣніе Якутской области 1892—1902 гг. Якутскъ, 1902 г.

Ожешко, Элизы. Собраніе сочиненій. 3 т. Кіевъ, 1902 г. Подп. цѣна за 12 т. 5 р.

— Собраніе сочиненій. Т. IV. Перев. съ польск. подъ ред. С. С. Зелинскаго. Изданіе Б. И. Фукса. Кіевъ, 1902 г. Цѣна за 12 т. 4 р.

Орловичъ, Павле. Скопальско Владичанско питалье. 1897—1902 гг. Београд, 1902 г. Ц. О. 50 дин.

Отчетъ коммиссіи по устройству публичныхъ лекцій при русск. литерат. кружкѣ въ г. Ригѣ за 1900—1901 г. (1-й годъ существованія). Рига, 1901 г.

Отчетъ 1-й безпл. виленской читальни-библіотеки увѣзднаго комитета попечительства о народн. трезвости въ память А. С. Пушкина.—Отчетъ мужской воскресной школы въ г. Вильнѣ. Вильна, 1902 г.

Отчетъ по выкупной операціи за 1900 г. Спб., 1902 г.

Отчетъ библіотеки об-ва вз. всп. приказчиковъ-евреевъ г. Одессы имени учредителя ея С. Л. Бернфельда за 26-й г. ея существованія. Одесса, 1902 г.

Отчетъ об-ва для доставленія средствъ высш. женск. курсамъ за 1900—1901 г. XXIII годъ. Спб., 1902 г.

Отчетъ за 1901 г. об-ва попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ. М., 1902 г.

Отчетъ пензенской общ. библіотеки имени М. Ю. Лермонтова съ 1 октября 1900 г. по 1 октября 1901 г. Пенза, 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности библіотекъ служащихъ въ управленіи дорогъ, на станціяхъ и библіотекъ-вагоновъ за 1899—1900 гг. Кіевъ, 1902 г.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1900 г. Спб., 1902 г.

Отчетъ херсонской обществ. библіотеки и двухъ ея отдѣленій за 1901 г. Херсонъ, 1902 г.

П—маевъ, Д. Маргарита (св. Пелагія). Изъ поэмы „Жаждущіе Бога". М., 1902 г. Ц. 20 к.

Пахомовъ. Анатомія и физіологія. Оренбургъ, 1902 г.

Погледъ върху дѣятельность на българската екзархия 1877—1902 г. Лейпцигг, 1902 г.

Попечительства о народной трезвости въ 1899 г.—Статистика по казенной продажѣ питей за 1899 г. Спб., 1902 г.

Порчинскій, І. Зерновая моль. Съ 8 рис. Спб., 1902 г. Ц. 3 к.

Порѣцкій, С. А. Друзья растеній. Съ 53 рис. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Пясецкій, К. Медицина по библіи и и Талмуду. Вып. 1-й.

Разумовскій, В. Медицина и хирургія въ XIX столѣтіи. М., 1902 г.

Ренанъ, Эрнестъ. Собраніе сочиненій. Т. 1 и 2. Подъ ред. В. Н. Михайлова. Кіевъ, 1902 г. Подп. цѣна за 12 т. 5 р.

Риманъ, В. Музыкальный словарь. Пер. подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. V. М., 1902 г. Подп. цѣна 6 р.

Россиковъ, К. О мѣрахъ борьбы съ хрущами. Спб., 1901 г. Ц. 3 к.

Рубиновскій, А. Объ „условномъ осужденіи". Каменецъ-Подольскъ, 1902 г. Ц. 25 к.

Румынскія сказки. Пер. А. И. Яцимирскаго. Съ рис. и фотогр. переводчика. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М, 1902 г. Ц. 80 к.

С—кій, К. Стихотворенія. Томскъ, 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сажинъ, И. Вліяніе алкоголя на развивающійся организмъ. Спб., 1902 г.

Сборникъ Импер. русск. истор. об-ва. Тт. 109, 110, 111, 113 (2 кн.). Спб., 1902 г.

Соболевъ, М. Очерки изъ исторіи всемірной торговли съ связи съ развитіемъ экономической жизни. Изд. 2-е. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1902 г. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Н. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разск. изъ жизни. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Статистическій ежегодникъ полт. губ. земства. Годъ 5-й. Полтава, 1901 г.

Стрижовъ, И. Геологическ. изслѣдованія и соображенія о нефтеносности сѣверо-восточной части Дагестана. Баку, 1902 г.

Струве, П. На разныя темы. Сборникъ статей (1893—1901 гг.). Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Тарановскій, Ѳ. Феодализмъ въ Россіи. Варшава, 1902 г. Ц. 40 к.

Тардъ, Г. Общественное мнѣніе и толпа. Пер. съ фр. подъ ред. П. С. Когана. М., 1902 г. Ц. 1 р.

Текущая с.-хоз. статистика Олонецкой губ. Вып. IV. Петрозаводскъ, 1902 г. Ц. 75 к.

Тепловъ, Н. В. Что такое культура и что такое геніальность съ точки зрѣнія развитія культуры. М., 1902 г. Ц. 40 к.

Тотоміанцъ, В. Муниципализація промышленныхъ предпріятій. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

Троицкій, А. Д. Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа В. А. Жуковскаго. Кіевъ, 1902 г. Ц. 20 к.

Ученіе гр. Толстого о жизни. Изд. „Посредника". М., 1902 г. Ц. 15 к.

Фаресовъ, А. И. Земледѣльческія и ремесленныя кооперації въ Россіи. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Фильдингъ. Душа одного народа. Пер. съ англ. Изд. „Посредника". М., 1902 г. Ц. 1 р.

Чайковскій, М. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III, вып. XVII. Изд. П. Юргенсона. М., 1902 г. Ц. 40 к.

Шереметевъ, П., гр. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. М., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шрейнеръ, Я. Кротъ и важнѣйшіе способы борьбы съ нимъ. Съ 8 рис. Спб., 1902 г. Ц. 5 к.

Шостьинъ, А. Зачѣмъ блуждать? Размышленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы. Свято-Троицкая Сергіева лавра, 1902 г. Ц. 25 к.

Энсвортъ, Уильямъ. Уатъ Тайлеръ. Пер. съ англ. И. П. Русановой подъ ред. и съ примѣч. проф. А. Трачевскаго. Изд. картографич. заведенія А. Ильина. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмерсонъ, Р. Высшая душа. М., 1902 г. Ц. 20 к.

Эрастовъ, І. Открытое письмо Максиму Горькому. Спб., 1902 г. Ц. 15 к.

Ѳеоктистовъ, А. Отчетъ о дѣят. с.-хоз. бактеріол. лабораторіи минист. землед. за 1900 г. Спб., 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *И. Антоновичъ.* Настроенія.—*А. Соколинскій.* 15 разсказовъ.—*А. И. Свирскій.* Преступникъ.—*К. Хрѣновъ.* Поэты изъ народа . . 171

Философія, педагогика: *Александръ Введенскій.* Философскіе очерки.—*В. Лекки.* Планъ жизни.—*С. Старосивильскій.* Изъ исторіи русской педагогіи.—*Д. Галанинъ.* Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ.—Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества.—*И. Ѳ. Фесенко.* Школьныя сберегательныя кассы 176

Исторія, исторія литературы, библіографія: *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Судебникъ 1589 г.—Указатель словъ и выраженій встрѣчаем. въ судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Сост. *М. Клочковъ.*—*И. С. Бѣляевъ.* Крестьянинъ-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошковъ.—Архивъ *кн. Ѳ. А. Куракина.* Кн. 9.—*В. В. Кирѣяковъ.* Очерки по исторіи переселенч. движенія въ Сибирь.—*А. Берегъ.* Культурныя задачи реформаціи.—*Ш. Сеньобосъ.* Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ.—Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской акад. наукъ. Т. 70.—*Ю. Битовтъ.* Руководство къ библіографическому описанію книгъ 182

Статистика: *В. Э. Дэнъ.* Населеніе Россіи по пятой ревизіи.—Статистическій сборникъ по Ярославской губ. 189

Географія, этнографія, археологія: *В. Г. Бокъ.* Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта.—Древности. Труды Императорскаго московскаго археолог. общества.—*В. Миллеръ.* Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія.—Африка. Иллюстрированный географич. сборникъ.—*Гр. А. А. Бобринскій.* Секта Исмаилья. 192

Искусство: *К. Боринскій.* Театръ.—*А. А. Павловскій.* И. Е. Рѣпинъ.—*Н. П. Кондаковъ.* Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ.—*Н. Покровскій.* Очерки памятниковъ христіанской иконографіи. . . . . .

Медицина: *Р. А. Кацъ.* Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей.—*Уетти* д-ръ). Врачи и паціенты.—*В. П. Воротынскій.* Истерія въ наукѣ и въ жизни. 195

Книги для дѣтей: *Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.* Герои.—*Ш. Конивс.* Дитя моря.—*Л. Лиданова.* Мимолетныя тучки.—*С. И. Лаврентьева.* Въ мірѣ искусства. 199

Изданія для народа 201

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1902 г.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . . }	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 68-й полутомъ (**Углеродъ—Усиліе**).

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 10 вып. Цѣна каждаго **1** р. **50** к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной).

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

находящіяся при конторѣ журнала
(*Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., домъ Аплаксиной*).

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 коп.

II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.

III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 руб.

IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Допущена въ народныя библіотеки и читальни.

VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. Ив.** Драма за сценой. Ц. 1 р.

VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

IX. **Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.

XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.

XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.

XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.

XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(*Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева*).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Дружинина). Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. А. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя би-

бліотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безпл. народн. библіот. и читальни.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*) 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Мин. Нар. Пр.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Крупна). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историч. ром. **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 р. 50 к.

И. А. Данилинъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Шутка.—Въ мастерской.—Передъ праздникомъ.—Зуда.—Мечтатели.—Выборы.—Искра любви.—Изъ записокъ чернорабочаго. **Ц. 1 р.**

Н. Анненкова-Бернардъ (Н. П. Дружинина).

РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ.

Петля.—Юбилей актрисы.—Кàра.—Незабвенная.—Она.—Сны.—Горемычная.—Крестныя.—Не хотѣлъ. **Ц. 1 р. 50 к.**

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

ГОДЪ VII-й. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1902 г. ГОДЪ VII-й.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ и ГЕОГРАФІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня — іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. В. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ѳ. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, М. М. Сіязовъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и нѣкоторые другіе.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг.

Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Контора редакціи: Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго института, кв. 2.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на ежедневную газету

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

На годъ 7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р.; 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 руб. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., ½ мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяцъ, до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—„въ разсрочку“, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50—25%, 60 разъ—30%, 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ уступка 50%. За адресы въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ 150 разъ, 6 р.—за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1,000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ. Въ конторѣ *Орловскаго Вѣстника*, Зиновьевская ул., д. № 2 и въ отдѣленіи ея—Московская улица, аптекарскій магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

ВЪ ЕЛЬЦѢ—на Соборной ул., д. Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ, рядомъ съ Преображенской церковью; В. Д. Лукашовъ. ВЪ БРЯНСКѢ—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Ѳедоровъ.

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

Въ Москвѣ—Петров. лин., книжн. торг. Анисимова; въ **Ельцѣ**—у газетчика М. И. Давыдова; въ **Брянскѣ**—въ библіот. гг. М. И. Юдина и Ѳедорова; въ **Карачевѣ**—въ магазинѣ А. Н. Хализева; въ **Ливнахъ**—библіотека г. Крафтъ; въ **Болховѣ** — Ново-Московская аптека Р. Г. Вольперта; въ **Рославлѣ**—писче-бумажный маг. Д. В. Рафаилова; въ **Липецкѣ**—книжный магазинъ А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель **А. И. Аристовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г.

НА

„АМУРСКУЮ ГАЗЕТУ".

Политическій, общественный и литературный органъ

СЪ ИЛЛЮСТРИР. ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ,

выходящую въ г. **Благовѣщенскѣ.**

VIII годъ изданія.

„Амурская Газета" съ 1-го января 1902 года будетъ выходить по прежней программѣ и въ прежнемъ форматѣ три раза въ недѣлю, а въ остальные дни подписчики будутъ получать телеграфные бюллетени.

„Амурская Газета" съ 1-го января 1902 года будетъ давать при воскресныхъ номерахъ особое **иллюстрированное приложеніе** съ беллетристическимъ и научнымъ содержаніемъ. Иллюстраціи имѣютъ цѣлью наглядное ознакомленіе читателей съ странами Дальняго Востока, Приамурскаго края и жизнью ихъ обитателей, а также и съ главнѣйшими текущими событіями на Дальнемъ Востокѣ. Помимо этого будутъ помѣщаться портреты важныхъ дѣятелей всего цивилизованнаго міра и событій, имѣющихъ общерусскій или общеевропейскій интересъ...

„Амурская Газета" ставитъ на первый планъ разработку мѣстныхъ вопросовъ, но въ виду особой зависимости развитія мѣстной жизни отъ положенія дѣлъ въ сопредѣленныхъ странахъ Дальняго Востока и отъ общаго состоянія международной политики, „Амурская Газета" будетъ съ должнымъ вниманіемъ слѣдить за иностранной жизнью и вопросами международной политики.

„Амурская Газета" для любителей легкаго чтенія будетъ помѣщать фельетоны, разсказы, стихотворенія и каррикатуры, по возможности изъ мѣстной жизни и жизни странъ Дальняго Востока.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой телеграммъ на домъ за годъ—**11** руб., за полгода—**6** руб., за 1 мѣсяцъ—**1** руб. **Для иногородныхъ подписчиковъ:** съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи за годъ—**9** руб. **50** коп., за полгода—**5** руб., за 1 мѣсяцъ—**1** руб., за границу въ годъ—**11** руб.

Объявленія: впереди текста—20 к., позади текста—10 к. за строчку петита по занимаемому мѣсту. При повтореніи тѣхъ же объявленій безъ измѣненія дѣлается уступка по соглашенію и въ зависимости отъ числа повтореній.

Подписка принимается. Въ г. Благовѣщенскѣ: въ конторѣ редакціи. Въ магазинахъ: Григорія Прокопьевича Косицына, Отто-Тимъ, Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ и К°. На Зеѣ-Пристани: магазинъ Чуринъ и К°.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Благовѣщенскъ, Амурская Газета.**

Редакторъ-издатель **А. В. Кирхнеръ.**

Вышла и разсылается подписчикамъ 4-я книжка историческаго журнала

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

(за апрѣль).

Содержаніе: 1) *Василенко*—Къ библіографіи Котляревскаго; 2) Письма Кулиша къ Кистяковскому (оконч.); 3) *Гринченко, Б.*—Пидъ тыхымы вербамы, повисть (оконч.); 4) *Милорадовичъ*—Житье-бытье; 5) *Тумасовъ*—Исторія Кіевской 2-й гимназіи (прод.); 6) *Нейманъ*—Разграбленіе кургана; 7) Документы, извѣстія и замѣтки; 8) Библіографія; 9) Текущія извѣстія; 10) Археологическая лѣтопись Южной Россіи.

Подписка на 1902 годъ продолжается; подписная цѣна на годъ съ пересылкой **10** руб.; подписка принимается въ г. Кіевѣ, въ редакціи журнала *Кіевская Старина* (Маріинско-Благовѣщенская, 60) и въ книжной торговлѣ *Кіевская Старина* (Безаковская, 14).

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ГАЗЕТУ

КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ,

издающуюся десятый годъ въ гор. Ялтѣ.

Газета теперь выходитъ ежедневно и даетъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія, имѣя въ виду интересы не только мѣстныхъ обывателей, но и пріѣзжей курортной публики.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы. Между прочимъ, въ газетѣ помѣщаются повѣсти, разсказы, стихотворенія, фельетоны изъ мѣстной и русской общественной жизни на вопросы дня. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ мѣстныхъ корреспонденцій изъ крыма.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 руб., полгода—4 руб., 3 мѣсяца—2 р. 50 к., 1 мѣсяцъ—1 руб. За пересылку за границу доплачивается къ установленной платѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Редакторъ-издательница **Н. Р. Лупандина.**

Подписка адресуется: Гор. Ялта, въ редакцію газеты „Крымскій Курьеръ".

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета

выходящая въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.

За пять лѣтъ существованія *Южное Обозрѣніе* вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признаавли, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № *Южнаго Обозрѣнія* помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ), русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе":

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 80 к., на 1 м.—60 к. На города (съ перес.) на годъ 8 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р., на 1 м.—1 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты *Южное Обозрѣніе*, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная улица, собств. домъ.

Редакторъ Н. П. Цакни. Издатель **Г. М. Бейленсонъ.**

11-й годъ изданія.

Принимается подписка на 1902 годъ

НА ГАЗЕТУ

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

Въ газетѣ „Дальній Востокъ“ имѣются слѣдующіе отдѣлы:
1) Общія распоряженія правительства, касающіяся Сибири, мѣропріятія областной (Приамурской) администраціи, 2) телеграммы, 3) статьи по мѣстнымъ вопросамъ; 4) хроника областной жизни; 5) судебная хроника; 6) театръ и музыка; 7) корреспонденціи; 8) внутренняя и заграничная хроника, 9) литература азіатскаго востока (Китай, Корея и Японія); 10) фельетонъ; 11) смѣсь; 12) справочный отдѣлъ; 13) объявленія.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На годъ.	На ½ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Во Владивостокѣ	9 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. 25 к.
Для иногородныхъ	10 „	6 „	3 „ 50 „	1 „ 50 „

Форматъ газеты отъ ½ до 1 печатнаго листа.

При газетѣ собственная типографія.

Редакторъ-издательница **Е. А. Панова.**
Редакторъ **В. А. Пановъ.**

Гор. Владивостокъ, Приморской области.

Открыта подписка на общественную и литературную газету

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

1902 г. (ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Восточный Вѣстникъ“ выходитъ въ г. Владивостокѣ въ форматѣ большихъ газетъ по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Передовыя статьи.—4) Хроника.—5) Письма и корреспонденціи.—6) Статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся интересовъ русской восточной окраины и жизни сосѣднихъ странъ: Китая, Японіи и Кореи.—7) Обзоръ заграничной жизни: Китай, Японія и Корея. 8) Обзоръ внутренней жизни. Сибирская хроника. Русская жизнь.— 9) Литературное и научное обозрѣніе. — 10) Критика и библіографія. — 11) Фельетонъ.— 12) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. — 13) Промышленность и торговля.— 14) Справочный отдѣлъ.—15) Объявленія.

Газета выходитъ четыре раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ—№№; по вторникамъ и пятницамъ—отдѣльныя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ, съ доставкою: за годъ **8** р., за полгода **4** р., за 3 мѣсяца **3** р., за **1** мѣсяцъ **1** р. **Для иногородныхъ**, съ пересылкою: за годъ **9** р., за полгода **4** р. **50** к., за 3 мѣсяца **3** р. **50** к., за 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к.

За перемѣну адреса 30 коп. ‖ Розничная продажа—10 к. №.

Адресъ: г. Владивостокъ, редакція газеты „Восточный Вѣстникъ“

Редакторъ-Издатель **В. Сущинскій.**

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИЛОЖЕНІЕ"

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

издаваемую по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по общественнымъ вопросамъ. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Хроника. 5) Городская жизнь. 6) Судебная хроника. 7) Заграничныя извѣстія. 8) Научныя извѣстія. 9) Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода—3 р., на 2 мѣсяца—1 р., на 1 мѣсяцъ—50 к.

Для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ и для учрежденій попечительства о народной трезвости цѣна газеты съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ.

По соглашенію губернскаго начальства съ епархіальнымъ начальствомъ и попечителемъ казанскаго учебнаго округа „Приложеніе къ Вят. Губ. Вѣд." допущено къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ Вятской губ. (Циркуляръ г. вятскаго губернатора отъ 17 февраля 1901 г., за № 825).

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПУБЛИКАЦІИ:

на послѣдней страницѣ за строку газетнаго шрифта 1 разъ—8 к., 2 раза—15 коп., 3 раза—18 к. и за каждую строку болѣе 3 разъ—5 к.; при заказѣ на сумму свыше 10 р.—скидка 25%, на первой страницѣ—плата удваивается, а скидка при заказѣ на сумму свыше 10 р. дѣлается также въ размѣрѣ 25%.

Подписка принимается въ Вяткѣ, въ редакціи *Приложенія* (зд. Губернскаго правленія), въ земскомъ книжномъ складѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Златоустѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, Нолинскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Яранскѣ и Орловѣ.

Редакторъ **Н. Озеровъ.**

45–46 ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1902 г. на

ИРКУТСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ 1-го іюля 1900 г. газета издается по особой программѣ, съ расширенною неофиціальною частью, и выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная плата:

	на годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 м.
Съ доставкой въ г. Иркутскѣ . .	6 руб.	5 руб.	3 р. 60 к.	2 р. — к.	70 к.
„ пересылк. въ уѣзд города . .	7 „	6 „	4 „ 10 „	2 „ 65 „	1 р.

За печатаніе частныхъ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—15 к., позади текста—8 к. При повтореніи объявленій дѣлается скидка, по соглашенію, до 50%.

Подписка принимается въ редакціи и книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, въ Иркутскѣ.

Редакторъ А. И. Виноградовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія журнала „Русская Мысль“.

ДЬЯВОЛЪ ВЪ ПОЭЗІИ.

Игнація Матушевскаго.

Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы.

Переводъ со 2-го изданія **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 рубль.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи.

Профессора М. С. Корелина.

Выпускъ I.

ЕГИПЕТСКІЕ БОГИ,

ИХЪ ХРАМЫ И ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Съ 28 рисунками въ текстѣ.

2-е изданіе.

Печатано безъ перемѣнъ съ изданія, одобреннаго для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Цѣна 30 коп.

Контора журнала «Русская Мысль» *(Москва, Воздвиженка, Вагиньковскій пер., д. Аплаксиной)* **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Стр.

XVIII. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. II. Вальдекъ Руссо и дѣло Дрейфуса.—Х. Г. Инсарова. *Продолженіе*. . 155

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Круговая порука и общинное землевладѣніе. — Продовольственная кампанія. — Временные педагогическіе курсы.—Изъ жизни провинціи 180

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 197

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Философія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, библіографія.—Статистика.—Географія, этнографія, археологія.—Искусство.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Изданія для народа.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1902 г. 171

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта въ теченіе лѣта только по средамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

Редакція журнала „Русская Мысль“ предприняла изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ

Генрика Сенкевича

въ переводѣ **В. М. Лаврова.**

Въ настоящее время открыта подписка на первую серію, заключающуюся въ 6 томахъ романовъ:

I) Камо грядеши? (Quo vadis?)
II) Безъ Догмата.
III) Огнемъ и мечомъ.
IV и V) Потопъ.
VI) Панъ Володіёвскій.

Цѣна за всѣ 6 томовъ (около 180 печатныхъ листовъ) 5 руб.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Вагаиьковскій пер., д. Аплаксиной, кв. № 9.

Можно подписываться и на отдѣльные тома.

Цѣна I, II и VI тома по **1** р., III-го — **1** р. **25** к., IV и V-го — **1** руб. **75** коп.

I и II томъ вышли; III выйдетъ — въ августѣ, IV и V — въ сентябрѣ и VI въ октябрѣ. Послѣ выхода послѣдняго тома цѣна будетъ повышена.

Пересылка по разстоянію.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045775795